

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

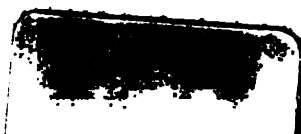
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

319v 3443.11

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

1-2
ОПИСАНІЕ ЗЕМЛИ ВОЙСКА
„ ДОНСКАГО „

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗЕМЛИ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

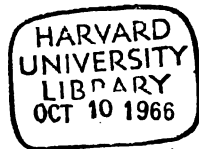
Изданіе Войскового Статистическаго Комитета.

ИЗЪ ПЕЧАТНИЦЫ
В. Г. ДРАЧЕНКО

НОВОЧЕРКАСКЪ.
1869.

Slav 3445. 71 (1-2)

✓

Heller fd

ВСТУПЛЕНІЕ.

Пространство земли, занимаемое нынѣ Войскомъ Донскимъ, принадлежало къ странѣ называемой въ древности нѣкоторыми Греческими писателями иногда *Гипербореемъ*, т. е. за сѣверомъ, а иногда *Скиіею*.

Издревле обитали здѣсь народы, по погруженные въ невѣжество и покрытые мракомъ временъ баснословныхъ⁽¹⁾. Токмо среднихъ временъ Греческіе историки даютъ гораздо достовѣрнѣйшее и яснѣйшее понятіе о народахъ, въ то время здѣсь обитавшихъ. Ибо тогда только начали они имѣть сообщеніе съ ними, прежде же писали почти единственно по слухамъ и неосновательнымъ разсказамъ выходцевъ⁽²⁾.

По ихъ преданіямъ знаемъ мы, что Скиѣны или Сколотты, обитатели восточныхъ окрестностей Каспійскаго моря, вытесненные оттуда Массагетами, перешли Волгу и утвердились между Дунаемъ и Дономъ. Многѣ было ордъ ихъ, но часть земли Войска Донскаго, правую сторону Дона и окрестности Азовскаго моря, занимала главная или царственная орда. За Дономъ, къ степямъ астраханскимъ, жили Сарматы или Савроматы. Они наступили на Скиѣовъ, побѣдили ихъ, соединили къ своему народу и съ того времени исчезло особенное бытіе Скиѣовъ. Въ первомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія явились Алаве, они скитались по степямъ Азіи, до самой Индіи, грабили по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей и вытѣснили Сарматовъ. Къ нимъ принадлежали, вѣроятно, Аорсы и Сираки, жившіе между Кавказомъ и Дономъ. На сихъ Аланъ, въ концѣ IV вѣка, напали Гунны,

⁽¹⁾ Истор. Госуд. Рос. т. I, стр. 3 и 4. Описаніе Воронежск. губ. стр. 2.

⁽²⁾ Опис. Ворон. губери. стр. 3. Ист. Госуд. Рос. т. I, стр. 5.

народъ свирѣпый и ужасный видомъ. Они отъ полуночныхъ китайскихъ областей перешли чрезъ Донъ, предавая все огню и мечу; но ихъ могущество упало съ смертію грознаго Атиллы, въ половинѣ V вѣка; только слѣды ихъ шествія означались самымъ гибильнымъ разрушеніемъ, между прочимъ и часть земли, занимаемая нынѣ Войскомъ Донскимъ, представляла въ то время пустыню, гдѣ весьма изрѣдка скитались иногда бѣдные остатки народовъ. Греческіе писатели, полагая *Танаисъ* въ числѣ знатнѣйшихъ рѣкъ, считали его предѣломъ между Европейскою и Азіатскою Скіеією. Другіе же, назначая предѣломъ Азіи Волгу, раздѣляли Танаисомъ Азіатскую Сарматію отъ Европейской.

Уже Геродотъ, имѣвшій связи съ знатнѣйшими Скіеами, зналъ, что рѣка сія вытекаетъ изъ какого-то озера. Байеръ говоритъ, что Донъ у Арабскихъ народовъ и до нынѣ называется *Танъ* и *Тана*. Турки называютъ его—*Тенъ-Дуга* или рѣкою *Тенъ*, какъ и Дунай. Татары называютъ его *Тенъ* и *Тинъ* Славянскіе же народы всѣ вообще называютъ его *Дономъ*.

Въ Россійской Исторіи, мѣста нынѣшней Донской области и нѣкоторыя другія украинскія издревле именовались *Полями* ⁽³⁾, попричинѣ ихъ ненаселенности. Тутъ обитали попеременно: *Козары* *Печенегъ* и *Половцы*.

Козары, народъ могущественный и сильный, имѣвшій уже гражданскіе обычаи, распространили въ VII вѣкѣ владѣнія свои отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго и господствовали тутъ до X столѣтія. Прельщенные выгодами торговли, они держали во власти своей Донъ болѣе трехъ вѣковъ, и на берегу его искусными греческими художниками построили крѣпость Саркель⁽⁴⁾ для защиты жилищъ сво-

⁽³⁾ Нест. лѣт. Описан. Воронежск. губ. стр. 5.

⁽⁴⁾ Знаменитый Россійской Исторіографъ Карамзинъ первый утвердительно опредѣляетъ мѣсто Саркеля, основываясь на путешествіи митрополита Памена, плывшаго Дономъ къ Азовскому морю въ 1389 году. Сей митрополитъ миновавъ въ воскресенье устье Медвѣдицы, во вторникъ достигъ до городища *Саркелъ*, ко-

ихъ отъ нападеніи Печенеговъ. Въ землѣ Донскихъ казаковъ(*) было еще нѣсколько городовъ Козарскихъ: лѣтописцы упоминаютъ объ Оснѣвѣ, Сугровѣ(5) и другихъ.—Хотя большая часть Козаръ жили домами, но имѣли и кочевья; строенія ихъ были кирпичныя и мазанки(6). Племена славянскія горное Карамзинъ призываетъ за Саркель и полагаетъ, его около Качалинской станицы, гдѣ Волга сближается съ Дономъ и гдѣ Козары должны были наиболѣе опасаться Печенеговъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи мѣстъ, въ окрестности Качалинской станицы вереть на сто, не примѣтно однаковъ и слѣдовъ, какого либо древняго укрѣпленія; да и въ памяти у жителей тамошнихъ не сохранилось о томъ никакаго преданія. Близъ же Цымлянской станицы, по лѣвую сторону Дона, видны и по нынѣ развалины какого-то древняго, великолѣннаго и укрѣпленнаго жилища. Надъ самымъ Дономъ, гдѣ нѣкогда протекалъ онъ, было самое укрѣпленіе, какъ видно, обведенное кирпичными стѣнами и окруженное водою, съ одной стороны самымъ Дономъ, а съ другой—широкимъ и глубокимъ каналомъ. Строенія въ немъ всѣ были кирпичныя. Жители станицы брали и берутъ еще нынѣ отсюда множество кирпича, прежде на поверхности, а теперь отрываютъ въ землѣ иногда цѣлыя стѣны. Кирпичъ квадратный, болѣе четверти въ каждую сторону, но есть и точно такого вида, какъ нынѣ дѣлаютъ. Болѣе нежели за 20 лѣтъ до сего, нашли въ здѣшнихъ развалинахъ три обломка мраморныхъ колоннъ, кои въ поперечникѣ болѣе двухъ четвертей; въ прошедшемъ же году найденъ тутъ(**) небольшой янтарный крестъ, безъ всякой надписи; также находили и находятъ иногда на семъ мѣстѣ монеты и много разныхъ другихъ мелочныхъ вещей. Противу городища сего надъ Дономъ, съ правой стороны, на самой возвышенной горѣ, находятся развалины какого-то храма, или замка, величественнаго, который, вѣроятно, былъ весь изъ бѣлаго камня. На полугорѣ, по теченію рѣки Дона выше сего зданія, выходятъ изъ земли огромный камень, на коемъ высеченъ крестъ. Судоходцы утверждаютъ, что при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ и при быстротѣ вѣшной воды, отъ Медвѣдицы до Цымлянской станицы, можно стать на третью сутки, если въ пути нигдѣ неостанавливаться.

(*) Здѣсь пишется *казакъ*, а не *козакъ*, какъ въ нѣкоторыхъ Исторіяхъ, ибо во всѣхъ Россійскихъ Лѣтописяхъ слово сіе удерживается въ нерномъ слогѣ букву *а*.

(5) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

(6) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

(**) Въ рукописи позднѣйшаго времени вмѣсто: „за 20 лѣтъ,“ какъ здѣсь, говорится: „за 30 лѣтъ,“ а вмѣсто слова: „въ прошедшемъ,“ говорится: „въ 1825 году.“ Слѣдовательно, печатающаея нынѣ рукопись относится къ 1824 году.

не могли противустоять силѣ оружія сего могущественнаго народа, платили имъ дань, пока наконецъ въ 965 г. мужественный и храбрый Святославъ побѣдиль ихъ, взявъ городъ Бѣлую Вежу или Саркель, и уничтожилъ власть ихъ. Но конечное паденіе Козаровъ совершилось въ первой половинѣ XI вѣка (въ 1021 году). Съ одной стороны Россіяне, а съ другой—Узы, Печенеги, Команы, Ясы, говорить Карамзинъ, ослабили и сокрушили сіе, нѣкогда знаменитое царство, которое отъ устья Волги простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки.

Въ 1117 году, какъ лѣтописецъ упоминаетъ, Бѣловежцы, пришедъ въ Русь, охотно приняты Владиміромъ Мономахомъ и тутъ даны имъ земли для поселенія.

Печенеги, въ землѣ Войска Донскаго, кажется, не имѣли своихъ жилищъ,—они только проходили здѣсь временно.

Болтинъ⁽⁷⁾ утверждая, что они жили по Дону, Донцу и Днѣпру, вѣроятно разумѣетъ верховья Дона и Донца. Тѣснимые сосѣдами своими Узами, они въ первый разъ въ 915 году, проходили мѣстами сими изъ степей саратовскихъ къ Дунаю⁽⁸⁾. Послѣ многихъ гибельныхъ для Россіи набѣговъ ихъ, въ 1036 году, побѣжденные Половцами, они ворвались въ Южную Россію, но прогнанные Ярославомъ, многіе ушли къ товарищамъ своимъ на Дунай, а нѣкоторые остались еще между Волгою и Днѣпромъ, гдѣ жили уже Половцы⁽⁹⁾. Еще въ 1114 году, въ лѣтописяхъ нашихъ упоминается о сраженіи Половцевъ съ Торками и Печенегами, двое сутокъ продолжавшемся; оно было у рѣки Дона. Послѣ сего Печенеги пришли къ великому князю Владиміру и поселены въ Руси, по разнымъ городамъ⁽¹⁰⁾. За симъ нигдѣ уже неупоминаются Печенеги, какъ особый народъ.

Половцы, или *Команы*, народъ дикой и жестокой полагав-

(7) Примѣч. на Исторію Леклерка т. I, стр. 38.

(8) Истор. Госуд. Рос. т. I стр. 145.

(9) Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 321 и 374.

(10) Татищ. Истор. т. II, стр. 218. Описаніе Воронежск. губ. стр. 7.

шія забаву въ грабежахъ и кровопролитіи, питавшіеся нерѣдко сырымъ мясомъ и кровью животныхъ, единонлеменный съ Печенегами и, какъ полагають, съ нынѣшними Киргизами, вышелъ изъ окрестностей Каспійскаго моря, выгналъ Казаръ, Печенеговъ, Узовъ и занялъ мѣста отъ Дона до Молдавіи. Въ половинѣ XI вѣка⁽¹¹⁾ завладѣвъ устроенными городами вазарскими, онъ основалъ въ нихъ жилище свои и привыкъ къ домамъ. Такимъ образомъ города, воздвигнутые на берегахъ Дона Козарами, стали принадлежать Половцамъ и, можетъ быть, отъ нихъ уже названы тѣми именами, подъ которыми извѣстны въ лѣтописяхъ⁽¹²⁾. Въ земляхъ Донскихъ казаковъ были города ихъ: *Балинъ*, *Чешлюевъ*, *Остневъ*, *Сугровъ*⁽¹³⁾ и другіе, — всѣ на берегахъ Дона; также многіе вежи и кочевья. Ихъ же жилища простирались по рѣкѣ Салу, и словомъ вся теперешняя земля Донскихъ казаковъ ими (Половцами) была занята. Новыя варвары сіи ища добычъ, безпрестанно разоряли Россію; опустѣли многіе города и селы отъ грабежей ихъ. Россіиане, чувствуя всю тягость сосѣдства сего, тронутые страданіемъ отечества, въ 1101 году соединились, пошли въ землю половецкую и одержали надъ многочисленнымъ, гордымъ непрітелемъ знаменитую побѣду. Черезъ десять лѣтъ, соединенная Русская рать снова явилась въ земляхъ сихъ злыхъ враговъ и прошла гораздо далѣе къ Дону. Городъ Оснѣвъ встрѣтилъ ихъ съ хлѣбомъ и дарами и потому пощажень; Сугровъ обращень въ пепель. Войска русскія прошли къ Салу и тамъ имѣлъ самую отчаянную и кровопролитную битву, увѣнчавшую ихъ новою славою. Въ 1116 году, какъ пишется у Нестора, третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, ходилъ на половецкую землю къ Дону и взялъ три города ихъ Балинъ Чешлюевъ и Сугровъ (вѣроятно возобновленный).

Въ 1120 году «онъ же ходилъ на Половцевъ за Дону и необрете ихъ возвратился». Въ 1127 году войско Мстисла-

⁽¹¹⁾ Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 67 и 68. Описаніе Воронеж. губ.

⁽¹²⁾ Истор. Госуд. Рос. т. II, стр. 135.

⁽¹³⁾ Описаніе Воронежск. губ. стр. 7.

ново загнало Половцевъ нетоже за Донъ, но и за Волгу. Такимъ образомъ власть ихъ въ теперешней землѣ Донскихъ казакозъ мало-помалу исчезала; но они все еще скитались тутъ до появленія татаръ, ибо еще въ 1198 году великій князь владимірскій (что на Клязьмѣ) *Всеволодъ*, какъ пишетъ лѣтописецъ⁽¹⁴⁾, «ходи на Половцы съ сыномъ своимъ Константиномъ, Половцы же слыша походы его, бѣжали и съ вежами прочь; князь же великій ходивъ по становищамъ ихъ, иде прочь возлѣ Дона». Въ сіе время русскими разорены и сожжены зимовья ихъ. Нашествіе Татаръ совершенно искоренило Половцевъ. «Ими до основанія разорены твердыни, грады и селенія половецкія»,—какъ говоритъ Лызовъ⁽¹⁵⁾. Многіе Половцы, пришедши въ Русь, крестились и расселились по городамъ⁽¹⁶⁾.

Въ 1224 году явился въ предѣлахъ Россіи новый, дотогдѣ совсѣмъ неизвѣстный намъ народъ *Татары*, или Монголы, народъ страшный наружностію, свирѣпый и искусный на войнѣ; они въ сіе время прошли тою часть земли, занимаемую теперь Войскомъ Донскимъ и исчезли. А въ 1237 году подъ предводительствомъ Батюга вновь явились, покорили подъ власть свою Россію и съ того времени страна, теперь Войскомъ Донскимъ занимаемая, сдѣлалась, между многими другими, мѣстомъ кочевья ихъ; наиболѣе же умножились въ оной жилища татарскія въ 1348 году, когда необыкновенный моръ, свирѣпствовавшій въ волжскихъ городахъ, принудилъ Татаръ бѣжать въ степи⁽¹⁷⁾.

Такимъ образомъ распространились жилища ихъ въ теперешней землѣ Войска Донскаго по всему Дону, Донцу,

⁽¹⁴⁾ Нест. лѣт. стр. 293. Описаніе Воронежск. губ. стр. 8.

⁽¹⁵⁾ Скиеск. его Истор. стр. 23.

⁽¹⁶⁾ Истор. Татищ. ч. III, стр. 441. Описаніе Воронежск. губ. стр. 8. Истор. о Тавріи Сестренцев. Багуш. т. II, стр. 145 и 153. Записк. Кас. Р. И. т. I, стр. 43 и 389 и ч. III т. III стр. 380 и 389.

⁽¹⁷⁾ Скиеск. Истор. Лызова стр. 49. Истор. о Тавріи Сестренц. Богуша т. II, стр. 228.

Медвѣдицѣ и частію по Хопру; свидѣтельствуютъ то оставшіеся и до нынѣ слѣды ихъ пребыванія—развалины кирпичныхъ зданій и прочее.

На берегахъ Дона ихъ было менѣе, а большею частію они углублялись въ степи; потому-то можетъ быть и митрополитъ Пименъ, плавшій Дономъ въ 1389 г. невидаль, какъ пишеть, и слѣда человѣческаго, начиная отъ устья Хопра и до городища *Серклии* (до Качалинской станицы, какъ полагаетъ Карамзинъ); ниже же по Дону встрѣчалъ вездѣ множество Татаръ—*«яко же мистъ и яко же песокъ»*.

Но что дѣйствительно жили они и въ сей верхней части Дона, въ томъ удостовѣряютъ оставшіеся отъ нихъ памятники. На стенахъ медвѣдицкихъ видны еще и теперь въ четырехъ или пяти мѣстахъ, развалины ихъ мечетей кирпичныхъ. Тутъ также близъ Глазуновской станицы было какое-то зданіе, коего внутреннія стены состоятъ изъ полаванныхъ разноцвѣтныхъ кахлей, сохранившихъ и донынѣ яркой цвѣтъ свой⁽¹⁸⁾. Противу сихъ степей медвѣдицкихъ, съ правой стороны Дона къ рѣчкамъ Чирю, Сускану, Куртлаку и Царицѣ вездѣ видны слѣды жилищъ татарскихъ, нажется и три первыя рѣчки отъ нихъ получили названіе⁽¹⁹⁾. Далѣе по Иловлѣ, по Шеряю и по Салу занимали они почти всѣ мѣста⁽²⁰⁾. Съ другой стороны, когда усилилась

⁽¹⁸⁾ Зданіе сіе, сколько изъ развалинъ заключить можно, имѣетъ въ длину 90 саж., а въ ширину 30, и стены, изъ цвѣтныхъ кахлей состоящія, углубляются въ землю аршина на три.

⁽¹⁹⁾ По сямъ рѣчкамъ, во многихъ мѣстахъ видны небольшія ямы, съ рыхлою землею, въ такихъ пространствахъ, какъ аудомъ большіиъ или меньшииъ занять можно, въ ямахъ на поверхности множество черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, кои гораздо толще нашихъ. Утверждаютъ, что рѣчка Сусканъ получила названіе отъ татарскаго владѣльца Сусъ, который кочевалъ тутъ съ улусомъ своимъ, равно какъ и Чиръ отъ другаго владѣльца Чира.

⁽²⁰⁾ По Иловлѣ и по Шеряю есть мечети татарскія, кои совершенно разрушены и только на мѣстахъ ихъ изъ земли вырываютъ еще множество кирпича. Тутъ въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ есть также остатки отъ тѣхъ зданій, коихъ внутренніи

Крымская орда, то кочевья ея распространились почти по всему нынѣшнему Миускому округу и частию по Донцу⁽²¹⁾.

стены украшены были разноцвѣтными кахлями.

(21) Съ правой стороны Донца, выше Каменской станицы, верстахъ въ трехъ, при балкѣ *Рышной*, явственно видны слѣды бывшаго вала и рва со всѣми ихъ поворотами. Валъ сей имѣеть въ окружности двѣ съ половиною версты и простирается по лѣвой сторонѣ Рышной, начинаясь отъ устья ея, гдѣ она впадаетъ въ Донецъ, разстояніемъ на полторы версты; онъ обоеими флангами примыкаетъ къ балкѣ сей, которая въ прежнее время всегда была съ водою и очень глубока, такъ, что еще лѣтъ за 30 предъ симъ, не было на ней нигдѣ бродовъ, нынѣ же течеть самымъ тонкимъ ручейкомъ.

Съ южной стороны примыкаетъ къ главному валу еще небольшая крѣпостца, которая оканчивается скалою, почти совершенно неурступною. Все пространство, внутри главнаго вала заключающееся, представляетъ слѣды бывшихъ жилищъ постоянныхъ: бугры, ямы, совершенно съ рыхлою землею и въ нѣкоторомъ порядкѣ разбросанные, различной величины и вида. На каждомъ изъ нихъ множество черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ—горшковъ, кубшиновъ и другихъ, кои однакожь необыкновенной толстоты, и какъ изъ частей заключать можно, были весьма велики и искусно сдѣланы. За валомъ также предполагать должно жилища; входъ ихъ со стороны западной. За нѣсколько предъ симъ лѣтъ выпаханъ изъ земли лемешъ, (недалеко отъ онаго мѣста), который отличенъ отъ нашего тѣмъ, что до половины остръ съ обѣихъ сторонъ. Около сихъ же мѣстъ находили мѣдныя оконечники стрѣлъ, весьма красиво и искусно сдѣланные; сіе ведетъ къ догадкамъ, что здѣсь упражнялись даже въ хлѣбопашествіи и знали ремесла.

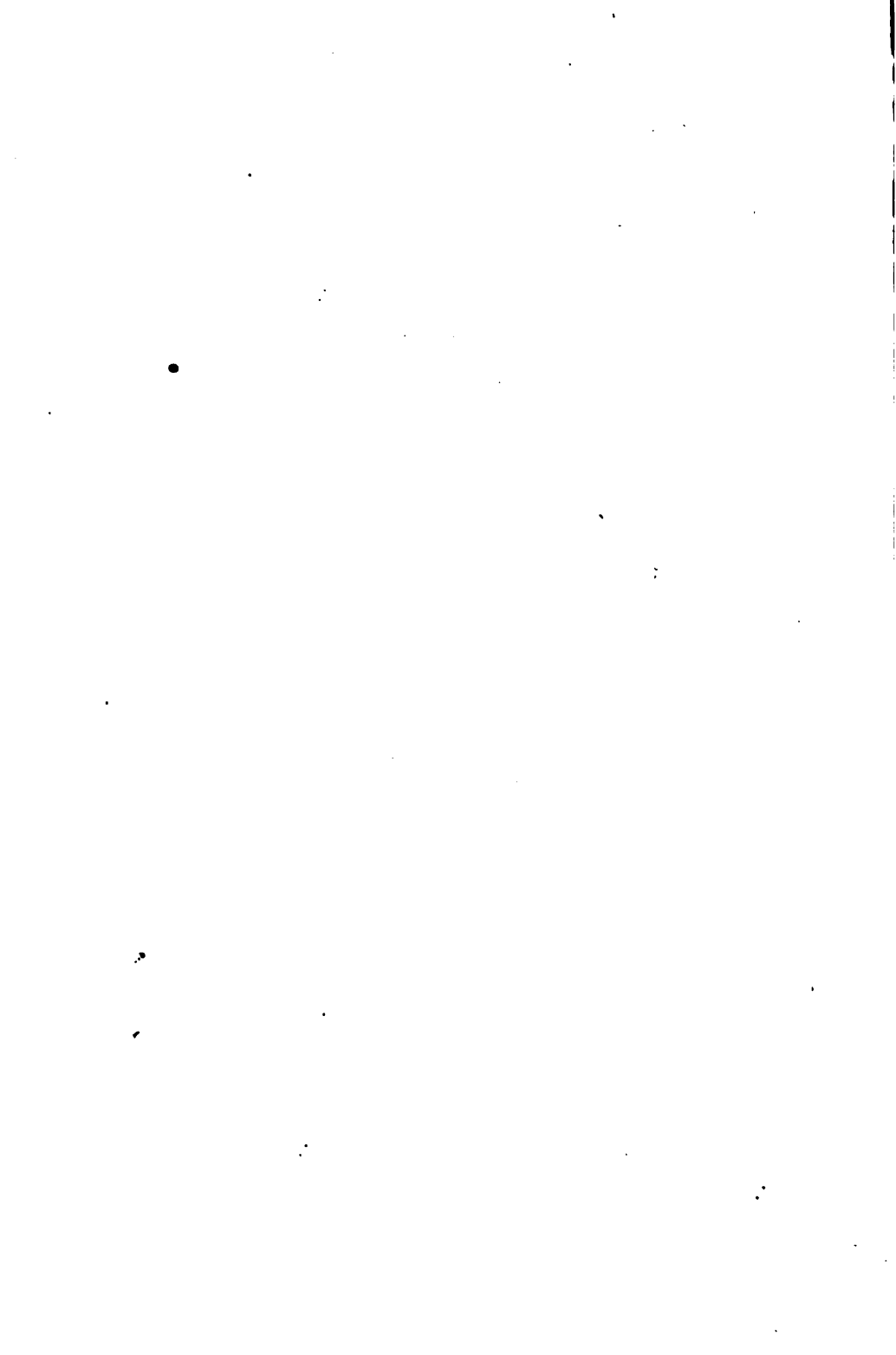
Въ юрту Каменской же станицы съ лѣвой стороны Донца, въ разныхъ мѣстахъ, около берега, находятся остатки отъ подобныхъ жилищъ, но только несравненно въ меньшихъ пространствахъ, безъ укрѣпленій, и даже можетъ быть кочевья; между ними то сходство, что такіе же точно черепки вездѣ и тутъ разсыпаны и находятъ здѣсь такіе-жъ оконечники стрѣлъ. Въ одномъ изъ сихъ мѣстъ, разстояніемъ отъ станицы верстахъ въ пяти, вверхъ по Донцу, недавно нашли болѣе пятнадцати скелетовъ костей чело-вѣческихъ, лежащихъ въ порядкѣ, (вѣроятно кладбище). Всѣ они обращены головами къ югу и у праваго плеча каждого стоялъ горшокъ. На одной ручной кости нашли мѣдную наручню. (Въ землѣ Донскихъ казаковъ онѣ называются бѣззиками и прежде женщины всегда ихъ носили).

Подобныя небольшіе слѣды жилищъ находятся и въ другихъ

Гибельное нашествіе Тамерлана, внутренніе раздоры и въ особенности постепенное могущество Россіянь, мало по малу разрушили владычество Татаръ. Они стали бояться жить близко въ русскимъ владѣніямъ и подавались далѣе въ донскія степи и въ Волгѣ, оставляя теперешнюю часть земли занимаемую Войскомъ Донскимъ, пока наконецъ сильная рука Іоанна нанесла рѣшительный ударъ магометанской гордости и поставила грань владѣній своихъ за предѣлами царствъ *Казанскаго* и *Астраханскаго*.

Сіи-то народы были прежніе обитатели страны, теперь Войскомъ Донскимъ занимаемой; два первые исчезли прежде, нежели имя Войска Донскаго было извѣстно; послѣдніе-жь, въ особенности татары Крымскіе, долго были Войску Донскому сосѣдями и перѣдко испытывали силу оружія онаго, какъ впоследствии увидимъ.

мѣстахъ по Донцу, только такого большаго и укрѣпленнаго мѣста, какъ первое, нигдѣ нѣтъ: его безъ сомнѣнія почеть должно городомъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона до воцаренія въ Россіи Михаила Ѣнодоровича, въ теченіи 70 лѣтъ.

Г Л А В А I .

Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія. —Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ Подемъ.—Жалобы двора Московскаго царю Крымскому и Турецкому султану на разбои, производимые на Подемъ.—Знаменованіе слова казакъ. Разныя наименованія казаковъ. Первые упоминанія о Донскихъ казакахъ, явившихся на Дону.

Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія. Угнетенное и обезсиленное Монголами царство Русское получило новую жизнь въ періодъ царствованія Великихъ Князей Василя Іоанновича и Іоанна Грознаго. Сверженіе ига варваровъ, коимъ Россія болѣе двухъ столѣтій платила дань и коихъ повелители возводили на престолъ московскій Царей-потомковъ Рюриковыхъ и вновь низводили по своей волѣ—было то великое событіе, которое воскресило въ сердцѣ каждаго россиянина духъ мужества и самоотверженія. Но крымскіе и ногайскіе Татары все еще не переставали, время отъ времени, опустошать южные предѣлы Россіи и даже вторгаться во внутреннія ея провинціи, гдѣ они грабили города, сожигали селенія, уводили много людей въ плѣнъ, и самое сердце Россіи—Москва, не рѣдко содрагалось, видя опустошенія и пожары окрестностей своихъ, производимые этими варварами.

Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ Подемъ. Болѣе другихъ мѣстъ подвергались неистовству ихъ предѣлы Княженія Рязанскаго и Сѣверія (1). Эти области рус-

(1) Есть много достовѣрности, что русскія Княженія Сѣверское и Рязанское принимали къ землямъ Тмутаракани, когда область сія состояла подъ владѣтельствомъ русскихъ князей (988—1094 г.); доказательствъ на сіе представлено, хотя и мимоходомъ, въ статьѣ Будкова въ слову о полку Игоревѣ, напечат. въ № № 21 и 22 „Вѣстн. Европы“ 1821 года.

скія отдѣлялись отъ обиталища Татаръ пустою, пространною степью, которая шла отъ южныхъ береговъ Волги чрезъ Донъ, почти до Днѣпра и которая тогда извѣстна была въ лѣтописяхъ подѣ названіемъ Поля. Произведя внезапный набѣгъ, Татары вслѣдъ разъ легко могли укрываться въ глухой пустынѣ, гдѣ преслѣдованіе было гибельнѣе самихъ набѣговъ ихъ. Эта пустыня скоро сдѣлалась пріютомъ разбойниковъ: постоянныя торговныя дороги, здѣсь пролежавшія, и извѣстные перевозки на рѣкахъ, манили сюда отважныхъ храбрецовъ искать добычъ и опасностей.

Жалобы двора нашего царю Крымскому и Турецкому султану на разбой, производимые на Полѣ. Еще въ послѣдней половинѣ XV столѣтія начали обнаруживаться на Полѣ грабежи и убійства, производимые разными самовольными толпами: въ 1489 году на Донцѣ, на устьѣ Оскола, крымскіе Татары напали на нашихъ гостей, изъ Крыма возвращавшихся, перебили ихъ и пограбили. Услышавъ объ этомъ, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ поручилъ Грибцу Клементьеву, отправлявшемуся въ Крымъ съ грамотою, просить крымскаго царя о розысканіи грабителей, о наказаніи ихъ и о возвращеніи россиянамъ взятыхъ у нихъ вещей (2).

Въ началѣ XVI столѣтія буйныя толпы на Полѣ до того умножились, что изъ Украинныхъ російскихъ мѣстъ посылаемы были партіи для развѣдыванія, дабы предотвращать внезапныя нападенія. Чаше всего производили набѣги Азовскіе казаки; почему Великій Князь Василій Іоанновичъ, въ 1523 году, чрезъ посла своего, дворянина Ивана Морозова, жаловался на нихъ Турецкому Султану, просилъ его под-

(2) Посольскихъ дѣлъ двора Крымскаго книга №1 стр. 190. Въ памяти вѣвому Грибцу Клементьеву, отправленному отъ Великаго Князя Іоанна III Васильевича къ крымскому царю Менгли-Гирею съ грамотою, между прочимъ сказано: „Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: гости наши „шли изъ твоей орды: Степанъ, Васильевъ сынъ, съ товарищи, — и пришедъ „на нихъ Татарове на Донцѣ Усть-Оскола, да ихъ перебили и перегра- „били, а слухъ намъ таковъ, что—де и тѣхъ нашихъ гостей и твоихъ „люди грабили, а ты бы того обыскалъ, да взятое велѣлъ бы еси отдати, „а лихихъ бы еси велѣлъ казнити:“

твердить Азовскимъ градоначальникамъ о прекращеніи таковыхъ злодѣйствъ. Послу приказано говорить такъ: наши украинные люди ходятъ по Украинѣ, иные по своей волѣ, иныхъ намѣстники посылаютъ на Полѣ для согляданія злыхъ людей. И твои Азовскіе казаки емлютъ нашихъ людей на Полѣ, отводятъ въ Азовъ и продаютъ; окупы же берутъ съ нихъ великіе и вообще твои казаки Азовскіе людямъ нашимъ много зла причиняютъ“ (3).

На Полѣ годъ отъ году умножались разноплеменные толпы, и грабежъ такъ сдѣлался силенъ, что въ 1528 году почти не было уже возможности послать проходить безопасно чрезъ Поле. Въ дѣлахъ сего года и въ предшествовавшихъ годахъ весьма не рѣдко говорится, что на Полѣ люди многіе и пробѣжать нельзя (4). Такъ происходило на Полѣ со стороны крымской.

Но въ тоже самое время подобныя толпы вольницы считались по Полю и съ ногайской стороны, — Татары и Русскіе. Въ 1538 году на жалобу Ногайскаго Мирзы Келмагмеда о раззореніяхъ, нанесенныхъ подданнымъ его Городецкими казаками, Царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣтствовалъ: „И вамъ гораздо вѣдомо ликихъ гдѣ нѣтъ? на Полѣ ходятъ казаки многіе: Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни казаки;

(3) Дѣла Турецкія, книга № 1, листъ 233. Въ Наказѣ дворянину Ивану Морозову, посланному въ Константинополь къ Турецкому Султану сказано: „Государь нашъ велѣлъ тебѣ (Султану) говорить: которыхъ наши украинные люди ходятъ по Украинѣ свои ухоман, а иныхъ нашихъ людей украинные наши намѣстники посылаютъ отвѣдывать людей на Полѣ, нѣчто которые люди наши недруга, похотятъ прийти на наши украинныя мѣста и лихо хотятъ учинити, и ониѣ безвѣстно не пришли, и твои казаки Азовскіе нашихъ людей имають на Полѣ, да водятъ въ Азовъ, да ихъ продаютъ; а емлютъ съ нихъ окупы великіе и лихо нашимъ людямъ отъ твоихъ казаковъ Азовскихъ много чинится!“...

(4) Истор. Р. Г. Карамзина стр. 290 примѣч. 236.—Дѣла Крымскія книга № 6 листъ 198 на оборотѣ и 199. Наказъ Борису Блудову, отправленному въ Путивль съ посломъ Крымскимъ Дивлетъ—Киддеемъ, изъ Москвы возвращавшимся.... „Князю Ивану Шемякѣ, да и ко Князю въ Микитѣ ему тогда о томъ послати, чтобы послалъ на Поле сына боярскаго, учиня голову, да съ тѣмъ же Северьяковъ Путивльцовъ, а велѣти про тѣхъ людей доведатися, въ которыхъ мѣстахъ тѣ люди и многіе ли люди: да скажутъ имъ тѣ люди пробѣжавъ, что на Полѣ люди многіе и пробѣжати имъ нельзя. И Борису тогда поговоривъ съ Дивлетъ—Киддеемъ отпустати къ Царю въ Крымъ Великаго Князя Татарина Сабаку съ товарищи съ грамотою!“..

а и нашихъ Украинъ казаки съ ними смѣшавшись ходятъ и тѣ люди, какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники (5). Черезъ восемь лѣтъ послѣ сего начали уже стекаться на Полѣ казаковать; изъ всѣхъ украинъ, многочисленныя толпы вольницы и распространяли страхъ во всѣхъ украинскихъ городахъ и селеніяхъ. Князь Михайло Троекуровъ, бывший воеводою въ Путивлѣ, въ 1546 году, извѣщая Великаго Князя о происшествіяхъ того края, писалъ: „Нынѣ, Государь, казакъ на Полѣ много и Черкасцовъ и Кіянъ и твоихъ Государевыхъ; вышли, Государь, на Поле изъ всѣхъ Украинъ (6):“

Около сего времени и еще гораздо прежде, по лѣтописямъ и другимъ историческимъ актамъ, встрѣчаются разные казаки, а именно: въ Крымской ордѣ съ 1474 (7), въ Волжской съ 1492 и царствѣ Казанскомъ съ 1491 (8), въ царствѣ Астраханскомъ съ 1502 (9), въ Азовѣ съ 1499 (10), въ Аккерманѣ и Бѣлгородѣ 1515 г. (11), впоследствии времени были казаки въ Очаковѣ, у Чувашъ, Черемисъ и Мордвы (12).

Знаменованіе слова: *казакъ*. Слово *казакъ* извѣстно было въ Россіи гораздо прежде этого времени: оно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на языкѣ Монгольскомъ означало пограничнаго стража и вообще военнаго человѣка (13); но разсматривая лѣтописи наши тогдашняго времени, видно, что казаками назывались и такіе люди, кои не только вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украину, (каковы были Донскіе казаки въ первой половинѣ XVI вѣка). По смыслу словъ, въ лѣтописяхъ и современныхъ актахъ встрѣчающихся: „на Полѣ ходятъ *баловни казаки*“ или такой-то „*казакуетъ*“, нельзя полагать, чтобы имя *казакъ* значило пограничнаго стража. Присоединя къ сему выраженія, встрѣчающіяся въ актахъ XVI и XVII вѣка „*живутъ своимъ каза-*

(5) Дѣла Ногайскія книга № 2 листъ 230.

(6) Дѣла Крымскія книга № 9.

(7) Истор. Р. Г. Карамзина т. VI примѣч. 124.

(8) Дѣла Крымскія книга № 1 стр. 216.

(9) Тамъ же „ „ 885.

(10) Тамъ же „ „ 679—680.

(11) Дѣла Турецкія книг. № 1 листъ 63.

(12) Исторія Р. Г. т. VIII прим. 232.

(13) „Вѣстникъ Европы“ 1822 г. № 23,

чьимъ *обычаемъ*“ (кочевнымъ) и т. п., нельзя не согласиться, что имя казака, въ отношеніи къ зависимости людей, онымъ называвшихся, принималось однозначительно разбойнику, но въ отношеніи ремесла, оно не было столько поноснымъ и преступнымъ, какъ разбойникъ; ибо этотъ родъ жизни и поведенія были въ духъ тогдашняго времени. Такимъ образомъ думать надобно, что слово *казакъ* означало отважнаго наѣздника, живущаго набѣгами и войною, непривязаннаго къ землѣ и домовности.

Разныя наименованія казаковъ. Надлежитъ вѣрить Татищеву и Болтину, что имя казака стало извѣстно въ Россіи отъ Монгольскихъ Баскаковъ, кои, начальствуя въ нѣкоторыхъ руссійскихъ городахъ, имѣли при себѣ казаковъ для охраненія своего и для другихъ надобностей. Первое упоминаніе о нашихъ казакахъ находимъ 1444 года въ Рязани, когда еще страна сія составляла особое Княженіе (14), а 1468 г. были казаки и въ Москвѣ (15). Въ древнемъ Княженіи Сѣверскомъ обрѣтались свои казаки, которыхъ называли *Сѣверскими*, *Украинскими* и *Северюками* (16). Они поселены были въ городахъ: Черниговѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ, Стародубѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ и другихъ. Сія же казаки упоминаются въ руссійскихъ ополченіяхъ 1531 года вмѣстѣ съ прочими казаками Русскими и Мещерскими (17).

Казаки, находившіеся въ Украинскихъ Россійскихъ городахъ, по Волгѣ стоявшихъ, назывались *Волжскими*, особливо тѣ, кои отъ начатія Казанскихъ походовъ, съ 1547 года, располагались по Волгѣ, дабы не допускать въ Казани Крымцовъ и Ногаевъ и кои, по присоединеніи въ Россію Казани и Астрахани, стояли на Волгѣ, охраняя переправы, большею частію у *переволоки* и дѣлая развѣзды по степямъ (кавказскимъ), для развѣдыванія о предпріятіяхъ Крым-

(14) Царственная лѣтопись стр. 261.— Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. V. 192 и Истор. Р. Г. Татищева Т. IV, 552.

(15) Царств. лѣтоп. стр. 385 и Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. VI.

(16) Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку Т. VIII стр. 176 и 215 Истор. Р. Г. Щерб. Т. VIII стр. 23 и 75.

(17) Истор. Р. Г. Карамз. Т. VII примѣч. 301.

скихъ (18).

Въ тѣ времена было въ общаѣ учреждать казаковъ, по роду ихъ службы, для сторожи, при всѣхъ пограничныхъ и даже при внутреннихъ Русскихъ городахъ, вмѣстѣ со стрѣльцами, воротниками, затиньщинами, пушкарами и другихъ званій служивыми людьми (19). Сихъ казаковъ называли *городовыми* и *помѣстными*; они имѣли своихъ головъ и атамановъ (20). Головы стрѣлцкіе изъ городовъ и головы казачьи призываемы были въ одинаковой степени (21). Казачій Приказъ управлялъ атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, т. е. *кормовымъ* и *бѣлопомѣстнымъ*, (владѣвшимъ землями безъ платежа податей), служившимъ въ Москвѣ и въ городахъ. Объ этомъ Приказѣ упоминается отъ 1628 до 1646 г. (22). Въ казаки Украинскихъ городовъ Сѣвска и Курска помѣщаются были, по судебнымъ приговорамъ, ябедники и преступники (23).

Мещерскіе казаки суть породю Монголы; ибо въ Мещеру, страну, принадлежащую частію Московскимъ, частію Рязанскимъ Князьямъ, принимаемы были на поселеніе выходцы ордынскіе, гораздо ранѣе 1364 г. и употреблялись на службу Россіи (24). Главное селеніе въ Мещерѣ называлось Касимовъ и просто Городовъ, основанный около 1446 г., по тому Монгольскимъ обитателямъ Мещеры присвоили имена Мещеровихъ и Городецкихъ казаковъ (25).

Въ первый разъ встрѣчается здѣсь (въ Мещерѣ) слово *казаки* 1493 г. Въ это время Мещерскіе казаки приходили

(18) Доказательства на сіе въ Никоновской лѣтоп. и въ прод. древней Россійской Визлїюенки VIII въ описаніи Правл. Цар. Ив. Васильевича и сверхъ того въ Русск. лѣтописи по Никоновскому списку т. VII, 65.

(19) Русск. лѣтоп. по Никоновскому списку VIII 167, 170, 176, 215. Указъ 29 Мая 1624 г. въ указателѣ Рос. зак.

(20) Указъ 8 Марта 1627 г., 26 Октября 1652 и 29 Сентября 1681.

(21) Указъ 8 Марта 1627 тамъ-же.

(22) Указатель Россійск. зак. ст. XXIV.

(23) Судеб. стат. 161 и 162 подъ 1582 годомъ. Въ Указателѣ Россійск. зак. 1, 105, 106;—улож. глав. 10 и 24.

(24) Договоры. грам. В. К. Дмитрія Ивановича см. собр. госуд. грамотъ и договоровъ 1,—235.

(25) Продолж. древн. Рос. Визлїюенки VII, 247, 257, 340; см. собр. государств. грам. и договоровъ 11—32.

въ Азову для взятія языковъ (26). 1551 г., выступило изъ Мещеры къ Казани въ російскомъ ополченіи казаковъ 5/т. конныхъ и пѣшихъ (27).

Днѣпровскіе казаки, по происхожденію своему, безъ всякаго сомнѣнія, суть древнѣйшіе изъ всѣхъ; начало ихъ отнести можно къ Берендеямъ—Черкасамъ, кои въ сообществѣ съ Торками и Печенѣгами называемы были съ 1146 года Черными Клобуками, или по Татарски Кара—Калпаками (28).

Торки, Печенѣги и Берендеи еще въ 1103 г. являются на правой сторонѣ Днѣпра въ предѣлахъ Кіевскаго княженія (29).

Народъ этотъ, внослѣдствіи времени составилъ изъ себя для Польши легкое полевое пограничное ополченіе, каковое, Черные Клобуки составляли для Кіевскаго княженія еще до нашествія Монголовъ. Король Польскій, давши этимъ людямъ преимущества, поставилъ надъ ними гетманомъ поляка Ландцкоронскаго.

Около 1515 г., полякъ Евстафій Дашковичъ былъ поставленъ отъ короля Сигизмунда гетманомъ или атаманомъ того же ополченія, и получивъ во власть свою города Каневъ и Черкасы, образовалъ оное и ввелъ въ употребленіе слово *казаки*, которое съ 1515 г. стало быть тамъ извѣстно (30). Городъ Черкасы и народъ, его основавшій, дали поводъ къ наименованію Черкасами казаковъ Малороссійскихъ, Запорожскихъ, Слободскихъ-Украинскихъ и вообще всѣхъ Малороссійскихъ (31). Еще въ XVI вѣкѣ Ногаи называли короля Польскаго царемъ Черкасскимъ, потому, что Малороссія состояла тогда въ зависимости отъ Поляковъ (32).

(26) Посольскія дѣла Двора Крымск. № 1 стр. 368.

(27) Ист. Рос. Гос. Карамз. Т. VIII примѣч. 228.

(28) Ист. Росс. Госуд. Карамз. Т. II листъ 195 примѣч. 347 Рос. лѣт. съ Воскр. счис. 11,21.

(29) Тамъ же, Т. II. прим. 201.

(30) Истор. Р. Г. Кар. Т. V стр. 386 примѣч. 411, VII стр. 70, 71, 106, VIII стр. 27, —Братк. истор. Рос. стр. 32. Ежемѣсячникъ 1760 года.

(31) Дворц. запис. ч. 2. стр. 119, —грамот. царя Алекс. Михайл. 1668 г., напечатанная въ топографическомъ описаніи Харьковск. Намѣстничества.—Въ рукописяхъ: грамоты Петра Великаго Слободскому Острогжскому полку 1700, 1709 и 1710 годовъ.

(32) Продолж. Р. Внвлюенки VIII стр. 44, 48 и 63.

Первыя упоминанія о Донскихъ казакахъ явившихся на Дону. Собственно о Донскихъ казакахъ упоминается въ первый разъ въ 1549 г. Мы видѣли уже, что рѣка Донъ еще никѣмъ не была постоянно обитаема, что по обширному пространству, лежащему между Волгою и предѣлами бывшаго царства Крымскаго, скитались толпы разныхъ народовъ для разбоевъ, не исключая и Россіянъ. Но какимъ образомъ и въ какое время, эти бродившіе на Полѣ люди соединились въ одно общество и избрали постоянныя мѣста для пребыванія своего, мы не знаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ началномъ ихъ соединеніи вовсе не было намѣренія составить отдѣльный народъ или основать гражданское общество; но сходились они для того, чтобы сдѣлать какой нибудь набѣгъ совокуными силами, разорить улусъ или селеніе и получить добычу.

Впослѣдствіи же времени, видя, что дѣйствіе сходбищемъ удачнѣе и прибыльнѣе, нежели разбои по одиночкѣ, они продолжали соединяться, и мало по малу привыкли къ обществу.

Столь же мало достовѣрнаго извѣстно намъ, какимъ образомъ и когда составившіе общество казаки вошли подъ вліяніе Россіи. Еще въ 1520 годахъ вся рѣка Донъ отъ устья ея до Воронежа оставалась пустою, и царь дѣлалъ соглашенія съ турецкимъ правительствомъ объ учрежденіи становъ для препровожденія посланниковъ ⁽³³⁾. Въ 1530 годахъ

⁽³³⁾ Дѣла турецкія книга № 1 листъ 159—161 см. Наказъ Третьяку Губину, посланному въ 1521 г. къ Турецкому Султану.

„А учнуть говорити (въ Царьградѣ) посламъ и гостемъ ходити по обѣ стороны межъ насъ, и на Дону многіе люди Астораханцы ино посламъ и гостемъ ходити нельзе; ино какъ того беречи?”

„И Третьяку говорити: коли межъ государей учнуть послы ходити, и Государь нашъ устроить своихъ людей въ судехъ, а везитъ имъ на Дону быти; а салтанъ бы также устроилъ людей въ судехъ, кольеихъ пригоже, на Дону же; да учинять мѣсто на Дону, гдѣ тѣмъ людямъ сходитесь; поидеть посолъ отъ салтана къ государю нашему; а салтановы люди проведать его посла до государя нашего людей; а государя нашего люди его возьмъ, да проведать его до государя нашего, украини, а поидеть государя нашего посолъ къ салтану, ино его проведать до салтановыхъ людей государя нашего люди, гдѣ приговорите урочище салтановымъ людямъ быти, и оттолъ возьмъ посла салтановы люди, да проведать его до Азова. Да кто съ Третьякомъ о томъ учнетъ говорити и Третьяку о

все еще продолжают жалобы Турокъ, Ногайцевъ и Крымцевъ на людей бродящихъ въ Полѣ; въ 1538 г. Царь Іоаннь Васильевичъ, на жалобу Ногайскаго владѣльца Кельмагмеда, будто казаки Городецкіе причиняютъ разореніе подданнымъ его, отвѣчалъ какъ видѣли мы выше: на Полѣ ходятъ казаки многіе—Казанцы, Азовцы, Крымцы и иные баловни казаки“ и проч. (84). Слѣдовательно, ни въ какой сторонѣ еще не указывали на особенное общество казаковъ. Объ укрощеніи ихъ давали общанія и даже вклятыи и великій князь Московскій и царь Крымскій и князя Ногайскіе (85), что учи-

томъ приговаривати, какъ тѣмъ людямъ быти—салтановымъ и въ которомъ имъ мѣстѣ—встрѣчатися, и колымъ людямъ салтановымъ быти и въ которомъ мѣстѣ и гдѣ на Дону—урочищу быти, о томъ бы салтанъ приказалъ съ своимъ посломъ и съ Третьякомъ и о всемъ А здѣсь казаки великаго князя сказывали, что Дономъ именована отъ Азова до украини великаго князя переволока, ино на переволокѣ, прибой людямъ Астороханскимъ, и тутъ сходитесь людямъ велизѣ, ино бы быти съзѣду на Медвѣдицѣ, а на Медвѣдицѣ ближе къ велику князя украинѣ, а крѣпко мѣсто добръ Хоперъ, а ближе Медвѣдицы къ великому князю украини.—Да говорити, чтобы съзѣду быти на Хопрѣ и нѣчто отговорятъ Хоперъ, что онъ отъ Азова далече, ино бы съзѣду быти на Медвѣдицѣ Да какъ мочно, такъ приговаривати, чтобы съзѣду быти на Хопрѣ или на Медвѣдицѣ, а больше приговаривати—чтобы на Хопрѣ съзѣду быти; а о всемъ говорити по великаго князя Наказу Да не приговорятся, что судномъ проводежъ отбыти нѣльзе ино о томъ говорити, чтобы посла салтанова и великаго князя посла, которые пойдутъ отъ салтанаа къ великому князю, или отъ великаго князя къ салтану пойдутъ салтановъ носоло и великаго князя, ино бы ихъ провожали изъ Азова коньми до великаго князя украини салтановы люди; а великаго князя бы людямъ провожати коньми до Азова.“

(84) Дѣла Ногайскія книга № 2 листъ 230 и на оборотѣ.

(85) Дѣла Ногайскія № 3 листъ 54 и на оборотѣ.

Для примѣра тогдашняго дипломатическаго слога здѣсь представляется выписка изъ шертной записи или шертной грамоты, по которой послы: Шихмамаевъ—Сары-Млрза, Юсуфовъ—Ельбулдуи, Касаевъ—Девлетвоая и иныхъ мурзъ послы дади вел. князю присягу, что „Которыхъ пословъ царь и вел. князь пошлетъ къ которому государю и гостей съ ними Дономъ, или отъ котораго государя пойдутъ послы и гости съ ними къ царю и вел. князю, Дономъ, и государя нашего Шихмамаевымъ людямъ и инымъ мурзъ людямъ, тѣхъ пословъ и гостей на Дону не стеречь, и немѣти тѣхъ пословъ и гостей и неграбити и лиха никакого нечинити. А которые Государя моего Шихмамаевы люди и братья ихъ люди, иныхъ мурзъ люди, безъ ихъ вѣдома доспѣютъ какова лиха царя и вел. князя украинамъ или которыхъ царя и вел. князя людей и пословъ и гостей на Полѣ и на Волгѣ и на Дону пограбятъ, и головы поемлютъ; и государю моему Шихмамаю князю и ихъ братьемъ и инымъ мурзамъ тѣхъ своихъ людей донскаются. Да которыхъ Царь Вел. Князь поемлютъ, и имъ головы сыскавъ безъ окупу, а грабежъ весь сыскавъ велѣти отдати, а ихъ велѣти показити: чтобы впредь отъ нихъ Царя и

нили въ 1549 г. Ногайскіе послы: Сары-Мирза, Ельбулдуи и Дивлеткозя.

Выше сказано, что въ началѣ 1549 г. въ первый разъ упоминается о Донскихъ казакахъ; но и здѣсь еще именемъ этимъ названы тѣ казаки, кои служили въ городахъ по верховьямъ Дона и по рѣкамъ, которыя въ Донъ текутъ. Вотъ случай, въ которомъ казаки, именуемые Городецкими, названы Донскими: великій князь Іоаннъ Васильевичъ, желая склонить въ то время Ногайскихъ князей къ войнѣ противъ Крымцевъ, велѣлъ послу своему Ивану Боршовичу наединѣ сказать Юсуфу князю: „Дошелъ до насъ слухъ, что Крымскій царь не доброжелательствуетъ вамъ..... Астраханскому царю пушки и людей прислалъ на помощь. Я же, по дружбѣ вашей ко мнѣ, повелѣлъ моимъ Путивльскимъ и Донскимъ казакамъ крымскіе улусы воевать.“⁽³⁶⁾ Явная была бы ошибка, если бы принять сихъ послѣднихъ казаковъ за Донскихъ собственно, о коихъ вскорѣ за симъ становится извѣстно по современнымъ актамъ. Къ числу Украинскихъ городовъ, въ коихъ поселенные казаки именовались въ то время Городецкими и Донскими, слѣдуетъ причислить: Пронскъ, Рязскъ, Козловъ, Лебедянъ, Елифанъ, Сапожковъ, Михайловъ, Воронежъ, Елецъ, Ливны, Чернявскъ, Донковъ, Чернь, Новосиль; ибо изъ нихъ выплывали на судахъ въ Донъ⁽³⁷⁾.

Вскорѣ, по отправленіи посла сего, и именно въ іюнѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Москву отъ Юсуфа князя гонецъ къ великому князю съ жалобою на казаковъ, которые стоятъ на Дону, называя ихъ Севрюками. Въ первой грамотѣ изясняется такъ: „въ нынѣшнемъ году наши люди въ Москву шли для торгу, а осенью, какъ шли они назадъ, ваши ва-

вел. князя украинамъ и царя и вел. князя людемъ на Полѣ и на Волгѣ, и на Дону лиха никакого не было, а нѣчто коли Государь мой Шихмамай князь и иные мирзы и ихъ братья, и ихъ дѣти привочуютъ близко Царя и Вел. князя украинѣ и отъ государя моего Шихмамай князя и отъ ихъ братья, и отъ ихъ дѣтей и ихъ всѣхъ мирзъ Ногайскихъ, и отъ ихъ людей царя и вел. князя украиннымъ людемъ лиху никакъ не быти.“

(36) Дѣла Ногайск. книга № 3 лист. 86, 87.

(37) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ III 227, 233.

заки Северюки, которые на Дону стоятъ, пришли на нихъ..... и буны ихъ взяли“ (38). Во второй грамотѣ, Юсуфъ, повторив свои жалобы, писалъ: „при нашемъ времени съ тобою слово наше то было, чтобъ намъ съ тобою въ дружбѣ и въ братствѣ быти и ссуда межъ себя чинити, и ссылатися людьми, такъ были есмь говорили..... И нынѣ дороги не походило на то; и нынѣ только похочемъ братства и братству знамя то, которые разбойники живутъ на Дону и только ихъ въ намъ пришлешъ, и ты намъ братъ будешъ“ (39).

Нѣтъ сомнѣнiя, что эти жалобы Ногайцевъ относятся уже на тѣхъ Донскихъ казаковъ, кои вскорѣ послѣ этого являются столь страшными врагамъ Россiи. Мнѣнiе это подтверждается наиболѣе тѣмъ, что великiй князь на жалобы Юсуфовы отвѣчалъ такъ: „тѣ разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, а отъ насъ бѣгаютъ“ (40).

Наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, Юсуфъ опять прислалъ въ Москву гонца своего съ грамотою, которая ясно обнаруживаетъ, что эти Донскiе казаки, неизмѣнiе доселѣ постоянныхъ жилищъ, утвердились на Дону и въ трехъ или четырехъ мѣстахъ построили городы; ибо Юсуфъ писалъ къ великому князю слѣдующее: „холопи твои, нѣкто Сары-Азманъ слово, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ города подѣлали..... Да нашихъ пословъ..... и людей стерегутъ, да разбиваютъ“ (41). И всѣ грамоты князей Ногайскихъ въ этомъ году наполнены подобными жалобами на Сары-Аз-

Дѣла Крымскiя въ столбц. 1645 г. № 15.

Дѣла Донскiя 1646 г. Наказъ Ждану Кондреву.

Исторiя Р. Г. Карамз. Т. IV, примѣч. 268, 253.

Разряды въ древней Вивлюонгѣ XIV. 298, 306, 366.

(38) Дѣла Ногайск. книга № 3 листъ 113.

Въ 1549 году Юсуфъ князь Ногайскiй прислалъ царю Ивану Васильевичу грамоту, въ которой между прочимъ жалуюсь на обиды причиняемыя подданнымъ его (Донскимъ казаками) писалъ:

„Осей жо годъ наши люди ходили къ Москвѣ съ торгомъ, да осенью, какъ шли назадъ, тѣ ваши казаки Северюки, которые на Дону стоятъ, пришли на тѣхъ нашихъ людей, да иныхъ побили и буны ихъ взяли, а иныхъ де и къ тебѣ повели“.....

(39) Тамъ же листъ 114 и на оборотѣ.

(40) Тамъ же листъ 118—119.

(41) Тамъ же листъ 135 и на оборотѣ 137 и 144.

kind
1-2

„ ОПИСАНІЕ ЗЕМЛИ ВОЙСКА
ДОНСКАГО „

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ЗЕМЛИ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

—
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

—
Изданіе Войсковаго Статистическаго Комитета.

ИЗЪ ПЕЧАТНИЦЫ
В. Г. ДРАЖИНА

НОВОЧЕРКАСКЪ.
1869.

Крымскій и князь Ногайскій непрерывно жаловались на казаковъ великому князю Московскому; но онъ отрицаясь отъ нихъ, отвѣчалъ: „на Дону живутъ разбойники безъ „нашего вѣдома . . . мы и прежде сего посылавали истре- „бить ихъ, но люди наши достать ихъ не могутъ“ (44).

Таковыя жалобы на Донскихъ казаковъ и отрицательство отъ нихъ двора Россійскаго продолжались почти до 1550 г. Ясное доказательство, что они еще не были въ зависимости отъ Россіи и еще менѣе отъ непріязненныхъ ей Турокъ и Татаръ.

Но чрезъ два года Донскіе казаки уже служатъ царю Русскому, ибо Султанъ Турецкій въ 1551 году убѣждалъ Исмаиль-Мурзу Ногайскаго князя къ войнѣ противъ Россіи дѣйствовать съ нимъ за одно, писалъ: „Русскаго царя Ивана ѣта пришли, рука его надъ бусурманы висока, ужъ и мнѣ отъ него обида великая, поле все, да и рѣки у меня поотыскалъ, да и Донъ у меня отнялъ, да и Азовъ городъ упусти у меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ, казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить не дадутъ“ . . . „Да ты же бы Исмаиль Мирза пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ“ (45).

(44) Дѣла Ногайскія книга № 3 лист. 118, 119.

(45) Дѣла Ногайскія книга № 4 листъ 39—41.

Петръ Тургенева, бывшій въ 1551 году посланникомъ у Ногайскихъ князей отъ Россійскаго двора, доносилъ о дѣйствіяхъ своихъ, между прочимъ писалъ, что султанъ Турецкій прислалъ къ Ногайскому князю Исмаилу посла своего, чрезъ коего увѣдомляя его о худомъ состояніи поклонниковъ Магометовыхъ, просилъ отъ него помощи Азову противъ казаковъ.

Вотъ слова Тургенева:

„ . . . Да прислалъ, государь, Турецкой царь къ Смаилъ Мирзѣ посла своего, Чевушемъ зовутъ, сее весны, а сказываютъ, государь, съ тѣмъ прислалъ: въ нашихъ де бусурманскихъ книггахъ пишется, что тѣ ѣта пришли, что Русскаго царя Ивана ѣта пришли, рука его надъ бусурманы висока, ужъ де и мнѣ отъ него обида великая: поле де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отъ меня отнялъ, да и Азовъ городъ упусти мена доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ, казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить не дадутъ. А Крымскому де царю потому же обиды чинять великія; кажу де соромоту казаки его Крымскому царю учинили, пришедъ Перемонъ воевали; да ево же де казаки Астраханъ взяли, и кажу грубость учинили; да царя же де Ивана казаки у васъ Волге оба берега отняли, и волю у васъ отняли, и ваши улусы воюють. Да у васъ же де пришедъ Городецкіе казаки въ улус ваши воевали, да и Дервиша царя Астороханскаго полонили, и

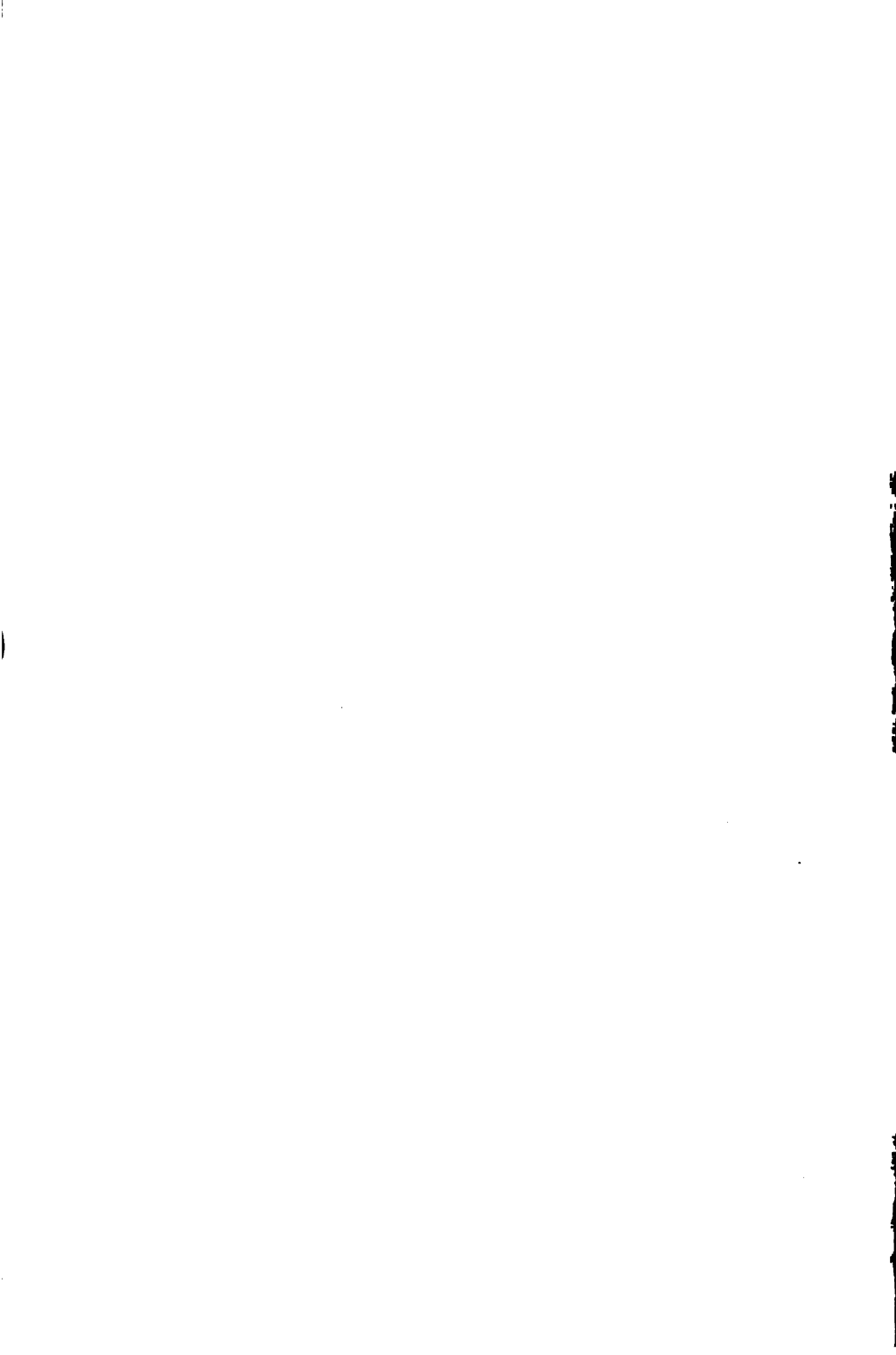
Политика Россіи въ отношеніи Донскихъ казаковъ. Самы ли казаки нарѣклись слугами Россіи, или получили къ тому призваніе, заподлинно неизвѣстно. Впрочемъ, послѣднее кажется вѣроятнѣе. Россія, бывъ тогда въ непрерывной борьбѣ съ Ногайцами и Крымцами, защищаясь отъ набѣговъ ихъ пограничными острогами, конечно не безъ удовольствія смотрѣла какъ бѣглецы ея люди сами собою сдѣлались страшными для враговъ ея, поставивъ грудью своею и крѣпостцами стѣну у самыхъ улусовъ ихъ. Можно думать, что Дворъ нашъ чрезъ нарочитыхъ посланниковъ своихъ объявилъ имъ прощеніе, покровительство, предложилъ деньги и свободу жить въ избранныхъ мѣстахъ, съ условіемъ вредить непріятелю, удерживать его отъ набѣговъ и подавать вѣсти. Такимъ точно образомъ Россія склоняла на службу себѣ какихъ-то Запорожцевъ, кочевавшихъ за Днѣпромъ, чрезъ посланника своего, отправленнаго въ Крымъ, которому даны были и подарки для Запорожцевъ ⁽⁴⁶⁾.

то де вамъ несаромоту-ли учинили? какъ де зато стать неумѣете? А Казань де какъ нынѣ воюють? Авѣдъ де наша вѣра бусурманская и станемъ отъ него борониться за одплъ. Вѣдъ де вѣдаете, что нынѣ на Крымѣ мой посаженъ царь, какъ ему велю такъ дѣлаетъ. Изъ Асторохани прислали же ко мнѣ царя просить, и азъ того часа посыллаю на Асторохань; которые люди полонены были въ Крымъ изъ Асторохани, и азъ тѣхъ людей въ Асторохань поотпускалъ, а нинѣ часа того отпускаю. Да и казаки (вѣроятно изъ Казани, а и казаки написано въ подлинникѣ ошибочно) ко мнѣ прислали же царя просить, и азъ изъ Крыма однолично царя посыллаю; и тыбъ Смаилъ Мирза дружбу мнѣ свою учинилъ великую, чтобы еси поберегъ Казани: людей своихъ послалъ на помощь Казани, да куды азъ царя пришлю; да ты же бы Смаилъ Мирза пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ, и станешь пособлять и азъ де тебя на Азовѣ царемъ учиню; а мнѣ своему городу Азову пособить немочно—стоитъ отъ меня далече“.

⁽⁴⁶⁾ Дѣла Крымскія книга № 17 листъ 239—243.

Выписка изъ наказа гонцу Петру Зиновьеву, отправленному въ Крымъ въ 1589 году.

..... И какъ Петръ пойдетъ съ Ливенъ, а вѣсть будетъ Петру учинится, что пришли на Доедъ съ Днѣпра Черкасы, Матвѣй Ѳедоровъ съ товарищи, которые изъ Запорожья пришли, а стоять будетъ, и государевымъ людямъ ставичникамъ и Севрюкамъ отъ нихъ зацѣпки нѣтъ некоторые и Петру послати предъ собою станцу къ Запорожскимъ Черкасамъ и съ провожатымъ къ отоману къ Матвѣю Ѳедорову съ товарищи, а велѣтъ про себя сказати, что есть съ нимъ отъ государя къ нимъ ко всемъ грамота и рѣчь, и Матвѣй бы Ѳедоровъ съ товарищи съ нимъ видѣлся..... Да какъ съ ними атаманы и молодцы запорожскіе сойдутца, и Петру отъ государя и царя и великаго князя поклонъ имъ исправити и грамоту отъ государя подати; и говорити имъ отъ государя

вредъ и нерѣдко истребляли оныя.

Быстрое умноженіе числа казаковъ и распространеніе жилищъ ихъ по Дону и Волгѣ. Молва о сихъ удалыхъ подвигахъ, мужествѣ и единодушій и о привольной жизни распространилась по всей Россіи, въ жилищахъ казаковъ Запорожскихъ и въ Польшѣ; многіе удалцы, алкавшіе войны и корысти, искали убѣжища и братства среди общества Донцовъ: сюда приходили не только изъ украинскихъ, но и изъ внутреннихъ россійскихъ городовъ, изъ Запороговъ, Цольши, изъ крымскихъ и ногайскихъ улусовъ. Такими случаями число Донскихъ казаковъ въ продолженіи немногихъ лѣтъ быстро умножилось; изъ четырехъ городковъ, построенныхъ Сары-Азманомъ, они уже распространили жилища свои далѣе по Дону и по Волгѣ.

Участіе ихъ въ покореніи царства Астраханскаго. Когда Іоаннъ, пользуясь ослабленіемъ племенъ татарскихъ, рѣшился покорить царство Астраханское, Донскіе казаки, свѣдавъ объ этомъ и пламенѣя доказать усердіе свое къ государю, приговорили въ кругу своемъ вспомоществовать ему. Почему знатная ихъ часть, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ Павлова и Ляпуна, пошли въ Переволокъ и дождавшись тутъ царскихъ войскъ, присоединились къ онымъ. Отсюда въ отрядѣ князя Вяземскаго они посланы были впередъ, и близъ Чернаго острова, встрѣтившись съ толпою астраханскихъ Татаръ, высланныхъ для развѣдыванія,—сразились съ ними, разбили и обратили въ бѣгство. Сіе пораженіе было столь важно, что устрашенный Ямгурчей, царь астраханскій, бросилъ городъ и расположился станомъ въ 5 верстахъ ниже онаго, а вскорѣ потомъ бѣжалъ, спѣша укрыться отъ пораженія. Князь Вяземскій, безпрепятственно овладѣвъ городомъ, послалъ въ своихъ отрядахъ казаковъ сухимъ путемъ и водою, для преслѣдованія бѣгущихъ Татаръ. Атаманъ Павловъ настигъ въ Базцыжъ-Мачагѣ женъ и дочерей царскихъ, забралъ ихъ въ плѣнъ, бывшихъ съ ними людей всѣхъ побилъ, самъ Ямгурчей едва

ускавалъ въ Азовъ съ 20 человекѣми воиновъ ⁽⁴⁷⁾.

Въ Астраханѣ возведенъ на царство Дербышъ-Алей и для охраненія его оставленъ дворянинъ Тургеневъ съ казаками. Одновременно недолго Астрахань оставалась въ покоѣ: изгнанный Ямгурчей, вспомоществуемый крымскими и ногайскими Татарами въ 1555 году, снова явился въ ея улусахъ, и снова былъ разбитъ и прогнанъ казаками, бывшими при Дербышъ-Алей; но въ то же время сей неблагодарный царь самъ замыслилъ измѣну.

Весною слѣдующаго года двинулось Россійское войско усмирить мятежника; но прежде нежели достигло оно Астрахани, явился подъ стѣнами ея Донской атаманъ Ляпунъ съ храбрыми своими товарищами. Измѣнники устрашились, бросили городъ и спѣшили укрыться въ улусахъ. Казаки всюду преслѣдовали бѣгущихъ, погромили бунтовавшіе улусы, взяли множество Татаръ въ плѣнъ и открыли русскому войску путь къ истребленію мятежниковъ ⁽⁴⁸⁾.

Понски ихъ надъ Крымцами. Между тѣмъ какъ часть Донскихъ казаковъ подвизалась подъ Астраханью, другіе товарищи ихъ бдительно наблюдали за движеніями и намѣреніями Крымцевъ. Ханъ крымскій Девлетъ-Гирей, два или три раза пытался подходить къ предѣламъ Россіи; но казаки всякій разъ предваряли о томъ Іоанна, и мусульманинъ, всякій разъ, встрѣчая войско, готовое отразить его, терять лучшихъ людей своихъ и обозы, пылалъ злобою и выдумывалъ мщеніе ⁽⁴⁹⁾. Въ 1556 г. Ханъ снова ополчился на Россію; но Іоаннъ, благовременно предувѣдомленный о замыслахъ его, собиралъ на Овѣ рать, а между тѣмъ дьяка Ржевскаго съ Донскими казаками поставилъ между Днѣпромъ и Дономъ, наблюдать движеніе Крымцевъ. Едва Ханъ выступилъ въ походъ, какъ Ржевскій съ отважною своею дружиною явился въ самой Тавридѣ, напалъ на Исламъ-Кермень и Ачаковъ, разогналъ жителей и захватилъ табуны

⁽⁴⁷⁾ Исторія Р. Г. Т. VIII примѣчан. 408.

⁽⁴⁸⁾ Тамъ же, примѣч. 412.

⁽⁴⁹⁾ Тамъ же, стр. 239—243.

ихъ. Паши Ачаговскій и Тянинскій, собрали Татаръ сколько могли и преслѣдовали Ржевскаго; но воевода хитро навелъ ихъ на засаду и разбить наголову. Ханскій Калга, узнавъ о вторженіи русскихъ войскъ, вооружилъ весь Крымъ, спѣшилъ на помощь Исламъ-Керменю, встрѣтилъ храбраго Ржевскаго съ казаками, сразился съ ними, и, по шестидневной упорной битвѣ, потерявъ надежду побѣдить, умолялъ хана спасти Тавриду, который, получа о семъ вѣсть на Мисусъ, не могъ уже и думать о походѣ на Россію, а поспѣшилъ назадъ для защищенія собственной своей земли ⁽⁵⁰⁾.

Зимомъ 1558 года, Девлетъ-Гирей опять поднялъ оружіе на Россію, но едва выступилъ въ полѣ съ 100/т. своихъ и Ногайскихъ Татаръ, какъ Донскіе казаки не выпускавшіе изъ виду нималѣйшихъ его движеній, сами ворвались въ Тавриду, напали близъ Перекопа на улусы Ногаевъ, ушедшихъ туда отъ своего князя Ислама, разграбили оныя и отогнали 15/т. коней. Ханъ, услыша объ этомъ и узнавъ сверхъ того, что и впереди Русское войско ждетъ его на предѣлахъ своихъ, бѣжалъ въ великомъ страхѣ, бросая на пути воиновъ своихъ и обозы ⁽⁵¹⁾. Но и въ собственной землѣ не нашелъ покая: съ одной стороны извѣстный мужествомъ смѣлый Адашевъ съ 8/т. Россіянъ поплылъ Днѣпромъ, взялъ на морѣ два непріятельскихъ корабля, присталъ къ Тавридѣ и болѣе двухъ недѣль свободно громилъ западную часть полуострова и наполнявъ ладьи добычею, съ торжествомъ поплылъ обратно ⁽⁵²⁾; а съ другой стороны витязъ Вишневецкій, посланный великимъ княземъ, явился на Дону и угрожая Тавридѣ нападеніемъ со стороны Азова, совокупно съ Донскими казаками разбилъ партію Крымцевъ, посланную для освѣдомленія о состояніи Казани ⁽⁵³⁾. Вскорѣ Вишневецкій и Адашевъ отозваны были въ Москву, но положеніе Девлетъ-Гирея нисколько не облегчилось, ибо путь въ Тавриду былъ

⁽⁵⁰⁾ Истор. Р. Г. Т. VIII прим. 467, 468 и 469.

⁽⁵¹⁾ Тамъ же, стр. 294.

⁽⁵²⁾ Тамъ же, стр. 295 и прим. 561.

⁽⁵³⁾ Тамъ же, примѣч. 559.

уже извѣстенъ Донскимъ казакамъ и союзнымъ съ Россією Ногайцамъ и Черкасамъ. Князья и мурзы ногайскіе (бывшіе въ дружбѣ съ великимъ княземъ), желая нанести чувствительный ударъ хану, просили помощи у Россіи, и Донскимъ казакамъ велѣно было соединиться съ ними. Весною совокупныя ихъ силы двинулись къ Крыму; они шли до самаго Перекопа, не встрѣтивъ ни одного улуса татарскаго, (ибо послѣднія побѣды Русскихъ заставили ихъ укрываться за Днѣпромъ къ сторонѣ Литвы). Устрашенные жители Перекопа затворились, а казаки и Ногайцы, не останавливаясь, продолжали путь свой далѣе, во внутренность владѣній крымскаго хана. На пути около Буга и Ингула нашли они нѣкоторые улусы, разорили ихъ, побили толпы Татаръ, множество взяли въ плѣнъ, а особливо женъ и дѣтей; потомъ подходили подъ Бѣлгородъ и Ачаковъ, встрѣчая вездѣ не храбрыхъ защитниковъ, но робкихъ и трепещущихъ бѣглецовъ, и отягченные знатнымъ плѣномъ и добычею, съ торжествомъ прошли назадъ мимо Перекопа, въ виду устрашенныхъ непріятелей, которые не смѣли имъ показаться, просидѣвъ всю зиму въ этомъ городѣ, какъ осажденные. Такимъ образомъ Донскіе казаки, малые числомъ, но страшные своею дѣятельностію, показали и крымскимъ Татарамъ сколь опасно водвореніе ихъ на Дону. Ногайцы послали отъ себя мурзъ, а Донскіе казаки избранныхъ атамановъ въ Москву съ извѣстіемъ о успѣхахъ своего оружія и съ плѣномъ. Царь одарилъ щедро и ногайскихъ мурзъ и атамана съ товарищи и отпустивъ ихъ, повелѣлъ совокупными силами дѣйствовать противъ общихъ непріятелей. Сверхъ того казакамъ прислалъ жалованье и дозволялъ свободную торговлю во всѣхъ російскихъ городахъ, а Ногайцамъ, согласно съ ихъ просьбою, далъ позволеніе кочевать между Дономъ и Волгою (54).

Между тѣмъ главныя силы казаковъ при каждомъ новомъ удобномъ случаѣ являли новыя опыты истинной своей вѣрности къ Россіи. Умножаясь время отъ времени новыми

(54) Ист. Р. Г. Т. VIII [примѣч. 5564. Сливск. ист. Лылова ч. II стр. 60

пришельцами, они старались еще болѣе утвердиться на Дону и устроили новые городки, какъ по этой рѣкѣ, такъ и по Волгѣ (55).

Выше упомянуто, что Азовъ платилъ уже дань казакамъ; но это было недолго. Казаки добровольно-ли по договору какому, или по необходимости утративъ власть надъ этимъ городомъ никогда не оставляли Азовцевъ въ покоѣ, безпрестанно ихъ тѣснили, или давали перемирія только изъ снисхожденія, если видѣли въ этомъ свою пользу, словомъ, содержали Азовъ во всегдашнемъ страхѣ и старались привести его въ такое состояніе, чтобы въ случаѣ нужды безъ затрудненія онъ могъ быть покоренъ, и открылъ-бы имъ путь въ Тавриду. Ханъ крымскій хотя увѣрялъ великаго князя въ готовности своей быть въ миру съ Россією, но все еще оставался для ней опасенъ, ибо изъ хищности, онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать. Иоаннъ не полагался на его увѣренія, но писалъ Донскимъ казакамъ, дабы они непрерывно разъѣзжали по степямъ донскимъ и наблюдали бы за всѣми движеніями Крымцевъ. Таковая осторожность была ненапрасна; ханъ будучи поддупленъ литовскимъ золотомъ, въ 1556 г. собиралъ войско на Россію, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ перешелъ Донецъ. Казаки тайно извѣстивъ о томъ царя, дали ему время и возможность въ украинскихъ городахъ и на Овѣ устроить войско такъ, что ханъ, послѣ бесполезныхъ приступовъ къ Болхову, находя вездѣ сильное сопротивленіе, бѣжалъ ночью октябрю 19 (56).

Бѣгство Донскихъ казаковъ съ береговъ Дона въ степи. Доселѣ видѣли мы Донскихъ казаковъ всегда отважными и неустрашимыми, но ниже описанный случай, непонятно заставилъ ихъ предаться трусости и въ бѣгствѣ отъ своихъ жилищъ искать мнимаго спасенія.

Съ давняго времени Турки завистливо смотрѣли на возрастающее могущество Россіи. Султанъ Селимъ, желая по-

(55) Истор. Р. Г. Карамз. Т. IX. прим. 245.

(56) Тамъ же, примѣч. 212.

казать себя дѣятельнѣе своихъ предшественниковъ, вознамѣрился привести въ исполненіе замыслы отца своего: соединить Донъ съ Волгою, на берегахъ обѣихъ этихъ рѣкъ устроить крѣпости, завоевать Астрахань и чрезъ то стѣснить Россію. Для исполненія таковаго предпріятія, въ 1569 году, послалъ онъ до 70/т. Турокъ и Татаръ сухимъ путемъ, и изъ Азова рѣкою Дономъ до ста судовъ, съ тяжелыми снарядами и богатою казною, приказавъ войскамъ своимъ соединиться у Переволоки, въ нынѣшней Качалинской станицѣ. На Дону пронесся слухъ, что Турки идутъ для конечнаго истребленія казаковъ. И эти, всегда отважные ратоборцы, испугались одной молвы, разбѣжались по отдаленнымъ стѣпямъ тогда, какъ турецкія суда, имѣя для своей защиты только 500 воиновъ и 2,500 гребцовъ, большою частію христіанскихъ плѣнниковъ, шли трепеща на каждомъ шагу, встрѣчали мѣли, на коихъ принуждены были останавливаться и перегружать тяжести, ждали всякій часъ гибели *и отчаянныи жизньъ свой*, какъ говоритъ очевидецъ, — російскій царскій сановникъ Мальцовъ, бывшій на тѣхъ судахъ въ числѣ плѣнниковъ. Нужно было только показаться Русскимъ, чтобы завладѣть всѣми судами, снарядами и казною; но никто не являлся и сами Турки не могли довольно надивиться этой странности, а особливо тому, что казаки, постоянные обитатели страны этой, нигдѣ имъ не встрѣчались. Такимъ образомъ суда дошли до назначеннаго мѣста благополучно. Сего мало: тяжелые снаряды турецкіе нашлись неудобными для переноса къ Астрахани и будучи отправлены обратно тѣмъ же путемъ до Азова, плыли Дономъ безъ всякаго препятствія. Но слѣпое счастье не столько благопріятствовало сухопутному войску султана: оно послѣ тщетныхъ приступовъ къ Астрахани погибло въ безводныхъ задонскихъ степяхъ, коими велъ оное ханъ ⁽⁵⁷⁾.

Коль скоро миновалась мнимая опасность, Донскіе казаки собрались снова въ прежнія свои жилища, снова начали

⁽⁵⁷⁾ Дѣла Крымскія № 13, лист. 287—300.

разъѣзды, отъ стороны Крымцевъ и Ногаевъ и къ величайшему удовольствію своему пашли, что Азовская крѣпость взорвана на воздухъ со всѣми пороховыми запасами и орудіями, городская стѣна и большая часть дворовъ, также суда, въ пристани находившіяся, и множество людей погибли: поджоги сей сдѣланъ былъ, какъ думали, русскими (58).

Набѣги казаковъ на Тавриду и вторичное покореніе Азова. Іоаннъ искалъ у султана мира, но гордый Селимъ, не смотря на неудачный походъ его войскъ и на несчастіе, Азову приключившееся, замышлялъ новую войну съ Россією, и возбудилъ Крымскаго хана къ нападенію на предѣлы оной съ многочисленною ратью. Казаки усугубили разъѣзды свои по степямъ крымскимъ, и свѣдавъ о намѣреніи хана идти съ огнемъ и мечемъ на Россію, извѣстили объ этомъ Іоанна и воеводъ его, но не могли спасти Москвы, которая весною 1571 г. обращена хищнымъ Дивлетъ-Гиреемъ въ пепель, будучи оставлена царемъ почти безъ всякой защиты (59). Черезъ два или три года послѣ того Іоаннъ послалъ въ Азовъ казачьяго атамана Никиту Мамина съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ и извѣщая о томъ донскихъ казаковъ (августа 17 1571 г.) писалъ: „когда Маминъ пріѣдетъ на Донъ и объявитъ вамъ (казакамъ) *дѣло наше*, то соединитесь съ нимъ, *и омышляйте* единодушно о пользахъ нашихъ и будьте увѣрены въ нашей къ вамъ милости и жалованья“ (60). Настоящая цѣль сего посольства и въ

(58) Дѣла крымскія № 13 листъ 258. Въ 20 день сентября 1569 г. Мангупской Ага Магмутъ послаемъ російскимъ, находившимся въ то время въ Крыму, говорилъ: изъ де пріѣхалъ изъ Кафы и пришла де въ Кафу вѣсть, зажгли де и въ Азовѣ въ ночи зелье и отъ того де у города стѣну вырвало, а дворы де въ городѣ и люди многіе погорѣли, и нарядъ и запасъ и суды погорѣли и говорятъ де, что зажгли ваши русскіе люди. Истор. Р. Г. Карамз. Томъ IX примѣч. 252.

(59) Истор. Р. Г. Т. IX стр. 180—183.

(60) Вѣрющая грамота государя царя Іоанна Васильевича, отпращенная на Донъ донскимъ атаманамъ и казакамъ съ казачьимъ атаманомъ Никитою Маминимъ и Молчаномъ Яковлевымъ. Писана 1571 г. августа 17. „Отъ царя и великаго князя всея Русіи на Донъ къ донскимъ атаманамъ и казакамъ послали есмя для своего дѣла, подъ Азовъ казачьяго атамана Никиту Мамина да Молчана Яковлева съ товарищи и какъ они

чемъ состояло порученіе неизвѣстно; впрочемъ съ вѣроятностію заключать можно, что Іоаннъ, опасаясь еще сильнѣйшаго удара отъ двухъ могущественныхъ властителей магометанскихъ, поручалъ казакамъ предпринять какія-либо мѣры для удержанія непріятельскихъ набѣговъ, или для изысканія способовъ къ защищенію и Россіи; ибо донскіе казаки, съ сего времени, не ограничивались уже одними разбѣздами на степяхъ между Крымомъ Россією; но безпрестанно вторгались во внутренность самой Тавриды, опустошали улусы ея, брали плѣнныхъ, исчезали, появлялись снова въ другихъ мѣстахъ, и тѣмъ содержали хана во всегдашнемъ безпокойствѣ и тревогѣ, а наконецъ, въ 1576 г., приступили къ Азову, взяли оный, и таковою смѣлостію, изумивъ султана, заставили его писать о семъ къ хану Крымскому, вѣроятно для того, чтобы тотъ унялъ дерзость казаковъ ⁽⁶¹⁾.

Жалобы на казаковъ Крымскаго хана. Ханъ жаловался Іоанну, что казаки разоряютъ его области и Азовъ взяли. Государь отвѣтствовалъ: „казаки живутъ на Дону не по моей волѣ; бывають въ войнѣ и въ мирѣ съ Азовомъ безъ моего вѣдома; они бѣглецы изъ моего государства и собравшись для разбоевъ неоднократно грабили и мою казну на Дону и на Волгѣ, за что многіе казнены были. Моихъ же людей я нетовко не посылалъ къ Азову, но даже свѣдавъ о нынѣш-

на Донъ пріѣдутъ и о которыхъ нашихъ дѣлѣхъ Микита Маминъ вамъучнетъ говорить, и выѣтъ съ нимъ о нашихъ дѣлѣхъ промышляли за одиѣтъ, а какъ намъ послужите и съ Микитой нашими дѣлы учнете промышляти, и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ.“ Писана въ Москвѣ 7079 г. августа въ 17 день. См. грам. сію въ собр. госуд. грамотъ и договоровъ и у Карамз. Т. IX примѣч. 348.

⁽⁶¹⁾ Дѣла крымскія книга № 14 листь 236 и на оборотѣ. См. отписку находившагося въ Крыму посланника нашего Ивана Мясоедова, привезенную въ Москву служилымъ татаринномъ Кадышемъ Будиновымъ:.... „Да говорилъ государь царь про казаки про Донскіе, про что де казаки Донскіе воюють Азовъ, Мы де и съ братомъ своимъ въ братствѣ и любви будемъ; а казаки де воюють Азовъ. И мнѣ де и Турскаго царя отстать какъ? Да царь же, государь, молилъ; да то де есмь слышалъ же, что братъ нашъ, которые казаки воровали безъ его вѣдома, и онъ де велѣлъ ихъ перенимати, да въ тюрьму посажати; а царь государь говорилъ про Азовъ потому, что писалъ къ нему Турской царь, про что де ты казнилъ Мишкина сына Черкашевича; и мнѣ де и у меня казаки Азовъ взяли“..... О семъ повторяется также въ той же книгѣ на листахъ 269, 305 и 311.“

немъ набѣгѣ казаковъ на оный, приказалъ по всѣмъ украиннымъ городамъ казнить всякаго казака, бывшаго подъ Азовомъ, коль скоро который изъ нихъ лвится туда (63).

Такимъ образомъ, жалобы крымскаго хана и султана турецкаго оставались безъ всякихъ послѣдствій и не мало не могли ограничить донскихъ казаковъ. въ смѣлыхъ ихъ предпріятіяхъ. Великій князь, называя казаковъ бѣглецами и разбойниками, хотѣлъ только оправдать себя предъ ханомъ, въ самомъ же дѣлѣ разумѣлъ людей сихъ, какъ полезныхъ воиновъ (исключая Волжскихъ хищниковъ, ибо между этими послѣдними отчасти находились и донскіе казаки), ибо самъ поощрялъ ихъ въ новымъ подвигамъ и награждалъ жалованіемъ. Однакожъ казаки, вѣроятно видя, что не въ силахъ были долго держаться въ Азовѣ, оставили его произвольно во власть Турокъ, дабы имѣть свободу заниматься по обычаю своему наблюденіемъ за движеніями Крымцевъ и снова драться съ Азовцами. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ сіе время казаками изъ Азова, находились: шуринъ Турецкаго султана и 20 человекъ лучшихъ Азовцевъ (64).

Служба казаковъ въ составѣ Россійскихъ войскъ. Казаки, кромѣ собственныхъ дѣйствій противъ хищныхъ Россіи сосѣдовъ Азовцевъ, Крымцевъ и Татаръ Ногайскихъ, входили иногда и въ составъ русскихъ войскъ:

(63) Дѣла крымскія книги № 14 лист. 338—340.

..... „А что де еси братъ намъ писалъ, что казаки Донскіе приходили на Азовъ, и Азову много лиха починили и казаки Донскіе потому же не по нашему велѣнью на Дону живутъ, бѣгая изъ нашего государства, а не по нашему наказу и много лѣтъ живутъ подъ Азовомъ, много на Дону живеть того иногда въ миру, а иногда не въ миру; да только всякія такія дѣла у нихъ межъ ихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома, а Донскіе казаки на Дону и на Волгѣ и наши казны граблывали; и мы смыкавъ за то ихъ казнили. А про то намъ слышать дучилось и сталоь Азовскимъ людямъ съ Донскими казаки межъ ихъ рознь и война и Донскіе казаки собрався приходили къ Азову, да только всякія дѣла межъ Азовскихъ людей и Донскихъ казаковъ дѣлаются, и мирныя и бранныя, безъ нашего вѣдома.“

Сверхъ того см. истор. Р. Г. Карамз. Т. IX примѣч. 407.

(64) Дѣла Крымскія ин. № 14 лис. 269 вѣстовой списокъ бывшаго въ Крыму посланникомъ Ивана Мясоѣдова.... „Нынѣче де у меня казаки Донскіе... Азовъ... взяли, и лучшихъ людей у меня изъ Азова взяли двадцать человекъ, да и шуринъ моего. Сеина, oprичъ черныхъ людей.“

такъ отчасти вспомошествовали они взятію Исламъ—Кермента и покоренію царства Астраханскаго и участвовали въ извѣстной *судовой рати*. Іоаннъ, готовясь начать войну съ Баторіемъ, старался обезопасить юговосточные и западные предѣлы государства своего; для этого, умноживъ въ крѣпостяхъ войска, онъ учредилъ на Волгѣ особую *судовую рать*, въ которой, по его повелѣнію, были и донскіе казаки въ двухъ полкахъ въ большомъ и передовомъ; прочимъ же донскимъ казакамъ приказано было дѣйствовать противъ самой Тавриды, требуя въ нужныхъ случаяхъ пособій отъ *судовой рати* (64). Но Іоаннъ, желая болѣе успокоить себя со стороны Крыма, искалъ мира съ Ханомъ и, не получивъ отъ Дивлетъ-Гирея, умершаго въ 1577 году, настоятельно домогался у сына и преемника его Магметъ-Гирея, который былъ къ тому еще непреклоннѣе отца, ибо за дружбу свою требовалъ не только Астрахани, но чтобы еще государь свелъ казаковъ съ Днѣпра и съ Дона (65).

Ханъ Магметъ-Гирей требуетъ свести казаковъ съ Дону. Таковое требованіе (которое и сама Порта вскорѣ послѣ этого стала постоянно включать въ число главныхъ условій, при переговорахъ своихъ съ дворомъ Россійскимъ) подъ благовидными предлогами было отклонено. Ханскому послу, бывшему въ Москвѣ въ 1578 году, отвѣчали, что ни днѣпровскіе, ни донскіе казаки независятъ

(64) Истор. Р. Г. Барамчина Т. IX стр. 250 примѣч. 452 „Въ *судовой рати* (въ 1576 г.), въ больш. полку, въ плавной, Къ Н. Тюфякинъ, да голова В. Нарышкинъ... а съ ними Пермичи, Двиняне, Кпнешемцы, Балахонцы, Гороховчане, Юрьевчане, да Михайлова города головы, да *Донскіе* атаманы и казаки... Галичане, Каряновцы... въ перед. полку Метюжане, Толмичи, да *Донскіе* атаманы... Въ стороженомъ Бѣлозерци...

(65) Тамъ же, стр. 280 и дѣла крымск. № 15, лист. 166, 215, 247, 368, 418 и 419. Грамоты привезенныя въ Москву крымскими послами Арасланъ-Мурзою съ товарищи: „да только-жь ты братъ нашъ съ нами, съ другомъ своимъ, хочешь въ любви и въ мирѣ быти и между дву юртовъ добра хотѣти, и которые казаки у тебя на Дону, и ты бы тѣхъ казаковъ велѣлъ свести, чтобы брата нашего Хандыкерева величества городу Азову отъ нихъ докуки не было, потому что Хандыкерева земля наша, а наша земля Хандыкерева, и что его городу Азову твои казаки докуку чинятъ, такъ бы еси вѣдалъ, ежегодъ твои казаки Дономъ приходи, Азову шкodu чинятъ, и сего лѣта казаки твои двояды пришедъ модъАзовъ и шкodu учинивъ пошли!“ лист: 368—369.

отъ великаго князя: первые состоятъ отъ Баторія, а послѣдніе суть бѣглецы изъ Литвы и Россіи, и что государь Россійскій не признаетъ ихъ за своихъ подданныхъ, но велитъ казнить, если они явятся въ его предѣлахъ; касательно же Астрахани объявили, что оружіе и вѣра на вѣки утвердили этотъ городъ за Россією. Магметъ-Гирей, не получивъ отъ Россіи удоменованія въ столь неумѣренныхъ требованіяхъ своихъ, склонился къ Баторію, который охотно закупилъ его дружество, нанимая вездѣ войска противъ Россіи.

Участіе казаковъ въ войнѣ Ливанскоѣй. Число донскихъ казаковъ въ это время было уже довольно значительно и кругъ военныхъ дѣйствій ихъ сталъ гораздо обширнѣе; ибо тогда какъ одна часть ихъ оставлена была на Дону дѣйствовать противъ Крыма, другая на Волгѣ въ *судовой рати*,—третья участвовала въ войнѣ Ливонской.

Въ первый разъ въ 1577 году донскіе атаманы и казаки пришли подъ знамена воеводо Русскихъ въ Псковъ, гдѣ соединялись тогда военныя силы, дабы рѣшить судьбу Ливоніи (66). Въ сей войнѣ невидно подвиговъ казаковъ въ особенности, но вѣроятно они дѣйствовали совокупно въ составѣ всего войска. Когда же въ 1579 г. возгорѣлась новая неудачная война съ Баторіемъ, Іоаннъ подвинулъ всѣ полки къ западу, тогда донскіе казаки снова явились въ станѣ русскомъ, и какъ бы для того, чтобъ присутствіе свое запечатлѣть постыднымъ своевольствомъ и нарушеніемъ порядка воинской подчиненности. Баторій осадилъ Полоцкъ, который защищала дружина, малая числомъ, но сильная мужествомъ и вѣрностію къ своему государю, болѣе 3-хъ недѣль; воинство полоцкое храбро отражало непріятельскія нападенія, но примѣтно изнемогло. Іоаннъ, узнавъ объ опасности сего города, послалъ боярина Шейна съ тремя другими воеводами и донскими казаками на помощь къ оному. Шейнъ былъ недалеко отъ польскаго стана, видѣлъ пожаръ, битву и слышалъ кликъ осажденныхъ, просившихъ помощи у своихъ собратій; но

(66) Исторія Р. Г. Т. IX стр. 253.

боясь вступить въ сраженіе, занялъ крѣпость. Соколы и не оказали пособія. Непріятель, видя робость воеводъ русскихъ, въ тотъ же день сдѣлалъ рѣшительный приступъ къ городу, вломился въ горящія стѣны, поражалъ и ниспровергалъ все и, по упорномъ сопротивленіи, взялъ городъ. Когда Шенкль стоялъ въ *Соколахъ*, не подавая помощи погибающему Полоцку, въ то время донскіе казаки, или насвучивъ бездѣятвiемъ, или оставаяишсь недовольны воеводами, забыли честь и отечество, бросили станъ и, по словамъ хѣтописца, пошли на *Донъ безъ отпуску* (67).

Г Л А В А III.

Разбой казаковъ по Волгѣ.— Жалобы Ногайцевъ.— Древняя исторія Сибирскаго царства.— Извѣстія о Сибири между Русскими.— Начальная зависимость Сибирскаго царства отъ Россіи.— Преимущества, данныя Строгоновымъ.— Призваніе казаковъ къ Строгоновымъ.— Походъ въ Сибирь.— Набѣгъ Пелымскаго князя.— Первая битва Ермака.— Сраженіе съ Маметкуломъ.— Разореніе улуса Карачи и взятіе города Атикъ Мурзы.— Кругъ казаковъ для со- вѣта.— Рѣшительная побѣда.— Занятіе столицы Сибирскаго царства.— Влагоразумныя распоряженія Ермака.— Посольство въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Сибирскаго царства.— Голодъ въ Искерѣ.— Убіеніе Ивана Кольца съ отрядомъ казаковъ.— Бунтъ въ улусахъ Сибиряковъ.— Смерть Ермака.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Выше упомянули мы, что донскіе казаки, отдѣляясь разновременно большими и малыми толпами на Волгу и присоединя къ себѣ удалцовъ изъ пограничныхъ руссiйскихъ казаковъ, составили многія шайки, которыя, кочуя при переправахъ рѣки, служили государю, наводили страхъ на улусы Ногаевъ, громили ихъ, а всего чаще грабили рыболововъ, проѣзжихъ купцовъ и посланниковъ татарскихъ. Союзника Іоанна, князя Юсуфъ и

(67) Тамъ же—стр. 298 и примѣч. 525.

Въ Розрядн. кн. „въ тѣ поры Донскіе казаки измѣнили, пошли изъ Сокола безъ отпуску на Довъ!“

Измаиль—Мирза, многократно приносили царю жалобы, въ удовлетвореніе коихъ поймавъ нѣсколько казаковъ, Іоаннъ велѣлъ повѣсить ихъ въ присутствіи Ногайскихъ пословъ, и въ князьямъ, въ 1553 году, отписалъ, что изъ дружбы къ нимъ Волгу отъ разбойниковъ казаковъ очистилъ, а другимъ далъ *крѣпкую заповѣдь* жить смирно. (68).

Но поведеніе казаковъ не перемѣнилось, и по новымъ жалобамъ мирзь и князей ногайскихъ Іоаннъ послалъ въ слѣдующемъ году боярскаго сына Григорія Жолобова съ ратію для наказанія на Волгѣ беспокойныхъ людей (69); въ то же время чрезъ посла своего старался увѣригъ татарскихъ владѣтелей, что всѣ злые казаки казнены, а на мѣсто ихъ поставлены казаки добрые, въ которыхъ воровства нѣтъ (70).

Но спустя два или три года, эти добрые казаки ограбили и побили русскихъ людей, шедшихъ въ Астрахань. Для усмиренія ихъ царь велѣлъ весною 1557 г. выслать изъ Казани небольшой отрядъ войска и поставить на Волгѣ въ судахъ подъ начальствомъ боярскихъ дѣтей: Степана Кобелева (противъ Самарскаго устья) и Ляпуна Филимонова (на Переволокѣ). Цѣлое лѣто оберегали они всѣхъ проѣзжавшихъ и давали имъ

(68) Дѣла Ногайскія книга № 4 стр. 209 на оборотѣ.

Въ наказѣ послу Николаю Бровцину, между прочимъ написано: „А которые казаки на Волгѣ гостей нашихъ грабили и били и мы тѣхъ казаковъ предъ вашими послы велѣли казнити, а которые впередъ учинуть на Волгѣ стояти и посламъ и гостемъ лихо дѣлати, и мы тѣхъ также велимъ казнити; а которые казаки нынѣ отъ насъ бѣгають и хороняются на Волгѣ, и какъ ледъ пройдетъ и мы на тѣхъ посылаемъ многихъ своихъ людей и велимъ ихъ тамъ позбити, чтобъ ликихъ людей межъ нашихъ земель не было.“

(69) Дѣла Ногайскія кн. № 4 см. наказъ послу Тимофею Загряжскому, стр. 269 и на оборотѣ:

„А которые наши изъ нашей земли выбѣжали и стоять на Волгѣ, а у насъ лошадей крадутъ и гостей побивають, и нашихъ рыболововъ грабятъ и побивають же, и мы на тѣхъ послали своего сына боярскаго Григорія Жолобова.“

(70) Тамъ же, см. наказъ Андрею Третьякову, лис. 325 на оборотѣ:

.... И Андрей говорити государь нашъ господине, заповѣдъ великую казакамъ учинилъ, чтобы улусамъ нашимъ лиха никакъ не дѣлали. А которые казаки воровали, пословъ и гостей грабили, и лошади у насъ крали и людей били, и государь нашъ тѣхъ казаковъ всѣхъ казнилъ, а нынѣ поставилъ на Волгу казаковъ добрыхъ вамъ на бережье, въ которыхъ воровства нѣтъ.“

проводниковъ (71).

Эти осторожности не много приносили пользы для Ногаевъ; ибо число казачьихъ партій на Волгѣ, Самарѣ и Яикѣ, въ 1570 годахъ, до того умножилось, что Ногаи пришли въ ужасъ, не знали гдѣ дѣваться, боялись потерять женъ и дѣтей своихъ, ожидая неминуемой гибели (72).

Жалобы на это Ногайцевъ. Урмаметъ мурза прислалъ къ государю жалобу за жалобю; но Ногаи въ то время сами жили не смирно и напали на наши украинны, почему холодно и сухо отвѣтствовано было татарскому владѣтелю, что виновныхъ казаковъ государь велитъ согнать съ Волги, а невиновныхъ не тронетъ; дерзость же самыхъ Ногайцевъ жестоко бы наказалъ онъ, но оставилъ это единственно изъ дружбы къ покойному отцу его Исмаилу, доброму своему пріятелю и союзнику (73). Казаки сами отомстили за

(71) Дѣла Ногайскія книга № 5 см. наказъ нѣкоему Мокеру Лачинову, лис. 7 и на оборотѣ:

... „А вынѣ, госиодине, гурударь сею весною въ судѣхъ послалъ на Волгу своихъ дѣтей боярскихъ Степана Кобелева, да Ляпуна Филимонова со многими людьми, а велѣлъ съ Волги казаковъ всѣхъ сослать:“

(72) Тамъ же, № 9, распросныя рѣчи возвратившихся изъ ногайскихъ улусовъ дѣтей боярскихъ Петра дѣвочкина, Третьяка Аристова и Григорья Исленьева:

... „Урусъ де князь негораздо чинить отъ государя отставаетъ и хочетъ съ государемъ завоеватися и пословъ государскихъ переграбилъ, а только государь велитъ де казакамъ у насъ Волгу и Самару и Яикъ отнати, и намъ де на семь отъ казаковъ пропасти, улусы наши и жонъ и дѣтей поемлютъ и намъ де гдѣ ся дѣти:“ лис. 157 и на оборотѣ.

(73) Дѣла ногайскія кн. № 9, см. лис. 167 на оборотѣ:

... „И только меня собе братомъ назовешъ, а тыбъ съ Волги велѣлъ свестъ казаковъ всѣхъ, то братству и знамя, и только казаковъ съ Волги ненелихъснестъ и то братства и дружба не будетъ:“

Тамъ же, лис. 173 и на оборотѣ.

... „Государь сыскавъ виноватыхъ съ Волги казаковъ сбить велитъ и жить имъ впредь не велитъ на Волгѣ, а которые невиноватые и тѣхъ съ Волги за што сводить. А ихъ (Ногайскихъ мурзъ) люди перевозившися за Волгу, да вмѣстѣ съ крымскими людьми ежегодъ приходять на государеву украину войною да и сего лѣта ихъ Ногайскіе люди вмѣстѣ съ крымскими людьми и съ Дивеевыми дѣтьми и неедино приходили на государевы украинны войною и многіе убытки подѣлали, и онибъ впредь людей своихъ уймали:“ ...

Тамъ же, № 10 лис. 22 и на оборотѣ, см. грамоту великаго князя:

... „А то намъ вѣдомо украинны: Кадомскія, и Темниковскія, и Шацкія, и Алаторскія, и Арзemasкія, и Курмыринскія, и Свияжскія, и Тютюжскія все горнія стороны и Казанскія люди, и донскіе и волжскіе и астороханскіе казаки, за свои досады намъ безпрестанно быють челомъ, чтобъ намъ ослободить ваши улусы, противъ востать, что имъ

отечество: напали на столицу Ногаевъ—Сарайчикъ, выжгли его до основанія и разрыли даже гробы мусульманъ (74).

Почти въ то же время удачные атаманы сихъ шаекъ: Иванъ Кольцовъ, Богданъ Борбоша, Мизита Панъ и другіе ограбили нашего посла Василя Пелепелицына, ѣхавшаго вмѣстѣ съ Ногайскими послами, на перевозѣ близъ Сосноваго осгрова. Огорченный государь приказалъ переловить разбойниковъ, казнить ихъ, и послалъ объ этомъ грамоты въ Казань, въ Астрахань и во всѣ украинные города (75). Но судьба готовила этихъ буйныхъ людей на дѣла славныя въ обширномъ и богатомъ царствѣ Сибирскомъ.

Древняя исторія Сибирскаго царства. Основаніе Татарскаго царства на берегахъ Иртыша, которое русскіе называли Сибирскимъ, относится ко временамъ Монголо-Татарскаго владычества въ средней Азіи и восточной Европѣ. Когда огромная имперія Монголовъ раздѣлилась на многія независимыя владѣнія, тогда произошло это отдѣльное на сѣверѣ царство. Но когда именно совершилось его

отъ вашихъ ногайскихъ людей и многіе тѣсноты и убытки составляютъ, и мы своихъ досадъ такихъ отъ вашихъ ногайскихъ людей попомнимъ, а помня къ себѣ крѣпкую любовь и дружбу отца нашего Исмаила князя, тѣмъ всѣмъ людямъ заказъ свой царской жрѣбкой учинили и на ваши улусы приходити не велѣли:

(74) Дѣла Ногайскія книга № 10, листъ 140 на оборотѣ. Распросныя рѣчи прѣхавшаго изъ ногайскихъ улусовъ татарина Байкеша.

.... „Да урусь же князь говорилъ, приходили де государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли, не только что людей живыхъ сѣкли, и мертвыхъ изъ земли вырывали и гробы ихъ разорали; и намъ то стало за великую досаду; а то Урусь князь не сказывалъ, откуда на Сарайчикъ казаки приходили и многіе-ли люди и о кую пору:

(75) Дѣла Ногайскія книга № 10, наказъ послу Петру Фёдорову, бывшему въ то время въ ногайскихъ улусахъ, лис. 258—261.

.... „Приходили де на алаторскія мѣста съ азовскими людьми вмѣстѣ и воевать пошли въ Ногай назадъ, и на Волгѣ волжскіе атаманы Иванъ Кольцо, да Борбоша съ товарищи, на Волгѣ своровали твоихъ урусовыхъ пословъ и нинихъ муръ пословъ и нашихъ дѣтей боярскихъ Василя Пелепелицына съ товарищи, перебили и переграбили, да пинихъ казаковъ съскали Митю Бритоусова съ товарищи, которые на Волгѣ были и нашихъ дѣтей боярскихъ и нашихъ пословъ перебили, и мы на тѣхъ казаковъ опалу свою положили, казнить ихъ велѣли смертию предъ твоимъ челоукомъ Урмагметомъ!....

.... „А для атамана Ивана Кольца, да Борбоша, съ товарищи, и для нашихъ казаковъ послалъ государь въ Казань и въ Асторохань и во всѣ украинскіе города, и велѣлъ тѣхъ волжскихъ атамановъ и казаковъ имая, казнить смертию:

основаніе—намъ неизвѣстно по совершенному недостатку источниковъ; ибо собственныхъ историковъ царство Сибирское не имѣло, чужеземцы о немъ не знали, и русскіе стали любопытствовать о древнихъ происшествіяхъ онаго, уже по совершенномъ покореніи его, не прежде XVII вѣка, и, изъ оставшихся тогда темныхъ изустныхъ преданій, составили многія повѣсти, весьма смѣшанныя, одна другой противорѣчащія. Въ этихъ повѣстяхъ даже линію хановъ сибирскихъ почти каждый слагатай изъяснялъ по своему—сбивчиво, ложно. Немногія достовѣрныя свѣдѣнія о именахъ хановъ сихъ сохранились въ одномъ, дошедшемъ до насъ, весьма важномъ дипломатическомъ актѣ, именно, въ грамотѣ царя Ѳедора Ивановича къ Сибирскому хану Кучуму, 1587 г. писанной ⁽⁷⁶⁾.

Изъ ней видно, что въ царствѣ Сибирскомъ были двѣ различныя династіи хановъ: а) Тайбучина и б) предковъ Кучума. Престолъ Сибири замѣщался то тѣмъ, то другимъ поколѣніемъ, безъ сомнѣнія при сильныхъ переворотахъ, о которыхъ, впрочемъ, исторія не сохранила никакихъ свѣдѣній. Изъ рода Тайбугина извѣстенъ только родоначальникъ этого племени, и знатные потомки его: Магметъ Куль, Казый и Едигеръ. О родѣ Кучума, татарскій историкъ Абулказій, въ своей родословной исторіи даетъ гораздо яснѣйшія понятія, производя оный по прямой линіи отъ Чучи, сына грознаго завоевателя Чангисъ-Хана; онъ высчитываетъ со всею подробностію его потомковъ, полагая въ одиннадцатомъ колѣнѣ двухъ братьевъ Ибана и Ма-амбуна, изъ коихъ о первомъ говорится и въ упомянутой грамотѣ царя Ѳедора: и онъ былъ двоюродный дѣдъ Кучума; слѣдственно, этотъ послѣдній занималъ 13-ю степень въ цѣпи потомковъ Чингисова сына Чучи.

Извѣстія между Русскими о Сибири. Начало извѣстій въ Россіи вообще о Сибири, или о странахъ за-

⁽⁷⁶⁾ Сія грамота напечатана во 2 части государственныхъ грамотъ и договоровъ.

уральскихъ, относится къ временамъ довольно отдаленнымъ. Страна, за Каменнымъ поясомъ лежащая, } до половины XIII столѣтія отдѣлялась отъ російскихъ княженій обширными землями волжскихъ и камскихъ Болгаръ, а послѣ татарскими жилищами. Далѣе въ сѣверовостоку были жилища народовъ Финскаго поколѣнія: Пермяковъ, Зырянъ, Угровъ и другихъ, подъ общимъ названіемъ Пермій и Угріи. Новгородцы первые въ XI или поврайней мѣрѣ въ концѣ XII вѣка ходилъ войною въ Угру, а въ 1365 г. доходили даже до рѣки Оби; но впрочемъ они знали одну только сѣверную и самую бѣднѣйшую часть Сибири, населенную Уграми, Самоѣдью и Вогулами; а собственно сибирское царство, татарами основанное, было имъ или вовсе неизвѣстно или они знали его въ превратномъ видѣ; дѣйствительное же открытіе онаго принадлежитъ къ послѣдующимъ столѣтіямъ.

Едва блеснулъ лучъ надежды къ освобожденію Россіи отъ ужаснаго ига татаръ, какъ великіе князья наши обратились къ новымъ завоеваніямъ: предпринятый въ 1459 г. походъ въ Вятку ⁽⁷⁷⁾, неважный успѣхами, былъ приступомъ къ ужасному въ послѣдствіи распространенію предѣловъ Россіи къ сторонѣ восточнаго сѣвера.—При великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1472 г. приведена въ подданство Россіи вся Пермія; а въ 1483 г. покорены Вогулы и Остяки, и русскіе впервые проникли тогда до рѣки Оби ⁽⁷⁸⁾. Таковое разширеніе предѣловъ Россійской монархіи отъ границъ Вятки до хребта горъ Уральскихъ, познакомило русскихъ съ сибирскимъ царствомъ и наконецъ было поводомъ къ приведенію онаго въ зависимость отъ Россіи.

Начальная зависимость Сибирскаго царства отъ Россіи. Сибирскіе татары, видя блистательный успѣхъ російскаго оружія, даже по ту сторону хребта Уральскаго, и чувствуя собственную слабость, не замедлили признать надъ собою власть Россійскихъ вѣнценосцевъ и сдѣ-

⁽⁷⁷⁾ Никоновск. лѣтопись Т. V стр. 285.

⁽⁷⁸⁾ Исторія князя Щербатова Т. IV часть II.

латься ихъ данниками. Точнаго времени этой эпохи мы не знаемъ; но вѣрно то, что сіе совершилось въ первыхъ годахъ XVI столѣтія. Сибирскій Ханъ Ибанъ, современникъ великаго князя Василья Іоанновича, первый билъ ему челомъ о подданствѣ и принесъ дань; преемники его: Магметъ Куль, Казый и Едигеръ продолжали платить эту дань, прерывая оную иногда по своевольству и другимъ причинамъ ⁽⁷⁹⁾. Послы наши и сборщики податей ходили въ Сибирь и обратно и хорошо знали путь на берега Иртыша.

Ханъ Кучумъ, припявъ престолъ сибирскій, при самомъ началѣ сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, непріязненнымъ Россіи, причиняя набѣгами своими пограничнымъ областямъ нашимъ немалое разореніе; но вскорѣ склонился на поведеніе мирное и вошелъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ переговоры съ царемъ Іоанномъ Грознымъ. Въ мартѣ 1569 г. царь отправилъ къ нему грамоту, побуждая къ заплатѣ подати ⁽⁸⁰⁾. Кучумъ, упрямый характеромъ и счастливыи въ войнѣ съ Киргизь-Кайсацкимъ царемъ, котораго онъ тогда взялъ въ плѣнъ, отвѣчалъ Іоанну (въ 1570 г.), что собираетъ для него дань и пришлетъ ее когда окончитъ войну съ Киргизами, что гостовъ сохранить къ Русскому царю доброе расположеніе, но не отвергаетъ и войны, если царь расположенъ вести ее ⁽⁸¹⁾. Но въ 1572 г. Кучумъ прислалъ въ Москву посольство, прося Іоанна принять его *подъ свою руку и свое обереганье* ⁽⁸²⁾. Царь согласился, положилъ на Хана ежегодную дань, послалъ къ нему грамоту и получилъ шертную записъ. Безпокойный ханъ вскорѣ измѣнилъ своему слову: пересталъ платить дань, воевалъ пермскія владѣнія наши и подстрекалъ всѣхъ обрестныхъ улусниковъ къ набѣгамъ на русскія области. Но едва прошло одно десятилѣтіе отъ послѣдняго подписанія Кучумомъ шертной записи на подданство, какъ царство его рушилось и, потерявъ само-

⁽⁷⁹⁾ Грамота царя Федора Іоанновича 1587 года.

⁽⁸⁰⁾ Титул. № 3 лис. 8 на оборотѣ.

⁽⁸¹⁾ Дѣла Сибирск. столб. 2 и 3.

⁽⁸²⁾ Титулъ № 3 лис. 8 на оборотѣ.

бытность свою, содѣлались російскою провинціею.

Преимущества, данныя Строгоновымъ. Выше упомянули мы, что настоящія русскія владѣнія на сѣверо-востокѣ оканчивались великою Перміею. Страна эта, богатая всѣми привольями, разнообразіемъ природы, и выгодная прибытною торговлею съ полудикими сосѣдями, привлекала въ себѣ многихъ поселенцевъ, въ числѣ которыхъ была фамилія купцовъ Строгоновыхъ. Нѣкто Аника Строгоновъ, заведя на Вычегдѣ соляныя варницы, дѣятельностію своею нажилъ огромное богатство и оставилъ оное двумъ сынамъ своимъ Якову и Григорію. Ведя обширную торговлю съ сосѣдами и обладая дальновиднымъ предпріимчивымъ умомъ, братья Строгоновы знали хорошо положеніе окрестныхъ народовъ по обѣ стороны Каменнаго пояса и извѣстны были въ семь отношеніи въ Москвѣ.

Юаннъ, видя, что сибирскіе народы всегда могутъ нарушить спокойствіе пограничныхъ областей нашихъ, и особеннѣе, при самомъ вступленіи на сибирскій престолъ Кучума, замѣтивъ въ немъ поступки дерзкіе, искалъ вѣрнѣйшихъ средствъ оградить восточныя предѣлы своего государства и для того велѣлъ *поставить предъ себя* Якова и Григорія Строгоновыхъ; бесѣдовалъ съ ними долго о положеніи дѣлъ сибирскихъ и пермскихъ. Замѣтя твердый умъ и предпріимчивый духъ этихъ русскихъ купцовъ, царь поручилъ имъ защиту Перміи, предоставляя преимущества великія и важныя, каковыми дотолѣ едва ли кто нибудь изъ частныхъ людей могъ пользоваться (83). Вслѣдствіе сего даны имъ были три жалованныя грамоты: первая 1558 г. апрѣля 4, кою Государь пожаловалъ Григорію Строгонову во владѣніе земли по рѣкѣ Камѣ съ лѣвой стороны отъ устья рѣки Лысвы, а съ правой отъ Пыскорской Курьи до рѣки Чусовой. Въ сихъ пустыняхъ

(83) Все предлагаемое здѣсь повѣствованіе заимствовано изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Рукопись, имѣющая названіе: О взятіи сибирской земли.

б) Другая рукописная лѣтопись подъ названіемъ: описаніе о сибирской землѣ. Обѣ сіи рукописи заслуживаютъ особенное вниманіе, будучи согласны съ дипломатическими актами.

предоставлено ему заводить селенія, наполнять их людьми *охочими, вольными не тѣлыми* (неплатящими податей), строить въ приличныхъ мѣстахъ крѣпости, содержать въ нихъ собственное войско: пушкарей, затынцовъ, пищальниковъ, воротниковъ, имѣть огнестрѣльный снарядъ и всякое оружіе. Пользуясь сими преимуществами, Григорій въ то же время построилъ въ пьскорскомъ мысу городокъ Канкорь. Вторая Грамота 1564 г. генваря 2 распространила еще на нѣсколько верстъ владѣнія Григорія, съ тѣми же преимуществами, и вслѣдствіе того въ 20 верстахъ отъ Канбора построены были имъ городокъ Орловъ на Орловскомъ воловѣ. Третья Грамота 1568 г. марта 25 предоставляла Якову Строгонову во владѣніе всѣ земли по рѣкѣ Чусовой отъ устья ея и до вершинъ, со всѣми привилегіями, какія даны брату его. Яковъ на сибирскомъ пути по рѣкамъ Сылвѣ и Яйвѣ поставилъ нѣсколько остроговъ, наполнилъ ихъ войскомъ и оружіемъ.

Такимъ образомъ двое дѣятельныхъ купцовъ, съ правами князей владѣтельныхъ, укрѣпили границы Пермія и устроили собственное войско. Въ такомъ положеніи вещей произошелъ случай, впоследствии времени, подавшій поводъ къ великому перевороту въ Сибири.

Царевичъ Маметкулъ племянникъ извѣстнаго Кучума, собравъ довольноую силу, въ іюль 1573 г. явился на Чусовой съ огнемъ и мечемъ безъ малѣйшаго повода со стороны русскихъ, раззорилъ нѣсколько подвластныхъ намъ остяцкихъ селеній, убилъ царскаго посланника Третьяка Чубонова, ѣхавшаго въ Кыргыз—Кайсаки; но убоясь собраннаго Строгоновыми новаго войска, поспѣшно бѣжалъ назадъ. Умные Строгоновы, желая оградить себя отъ подобныхъ набѣговъ на будущее время, донесли объ этомъ происшествіи государю и просили у него дозволенія построить еще нѣсколько городковъ, гораздо ближе къ границамъ сибирскимъ и дѣлать поиски надъ самыми врагами. Они получили желаемое: 30-го мая 1574 г. дана имъ грамота, коею дозволялось имъ строить крѣпости даже за Каменнымъ поясомъ на Тоболѣ, Иртышѣ,

Объ для *береженія и охочимъ людямъ на опочивъ* (сказано въ грамотѣ), проводить въ повиновеніе и подданство всѣхъ *безпокойныхъ данниковъ нашихъ*, мстить съ оружіемъ въ рукахъ *неповорнымъ и буйнымъ сосѣдамъ и проч.* Получивъ права эти, Яковъ и Григорій Строгоновы ждали удобнаго случая, къ новымъ *предпріятіямъ*, и померли, оставя окончаніе *важнѣйшихъ подвиговъ* меньшему брату своему Семену и племянникамъ Никитѣ Григорьеву и Максиму Яковлеву.

Призваніе казаковъ къ Строгоновымъ. Эти наслѣдники богатства и предпримчивости славныхъ купцовъ нашихъ, искали только *войновъ*, чтобы привести въ исполненіе обширный планъ *повойныхъ*. У нихъ въ острогахъ были уже нѣкоторые *вольные казаки*, которые составляли, какъ видно, лучшее ихъ ополченіе: слыша, что по Волгѣ кочуютъ многіе *шайки Донскихъ и Волжскихъ казаковъ*, славныхъ *по буйству и храбрости*, какъ сказано въ лѣтописи, Строгоновы обратились къ нимъ 5 апрѣля 1579 г.; они послали къ нимъ нарочныхъ *пословъ съ грамотою и съ дарами многими*, звали *удалыхъ наѣздниковъ* въ свои Чусовскіе городки на *помоганіе* противъ *невѣрныхъ супостатовъ*, на *подвиги доблести и славы*. Посланные, нашедъ *главныхъ атамановъ казацкихъ*: Ермака Тимофеева, Ивана Кольца, Якова Михайлова, Никиту Пана, Матвѣя Мещерява, вручили имъ *описаніе и дары Строгоновыхъ*, *обѣщали милость и покровительство* этихъ *сильныхъ при Дворѣ купцовъ—вельможъ*, *плѣняли воображенія ихъ обширнымъ полемъ дѣятельности славной богатствомъ странъ зауральскихъ*. Атаманы *возрадовались видя, по словамъ лѣтописи, пришествіе пословъ съ такою честію отъ мужей славныхъ*. На *крутомъ берегу при устьѣ Самары* собрался *кругъ (всѣ атаманы съ предоблею дружиною) думать думу важную съ цѣла ума*, по *выраженію современниковъ*; атаманъ Ермакъ, первый *храбрець между удалцами*, первый *умникъ между атаманами*, говорилъ въ *кругу сильно и много о безславіи и опасности не достойнаго ремесла ихъ*: „Слыва *ворами*, мы скоро не найдемъ *убѣжища въ землѣ нашей и отринутые*

Богомъ, не узримъ царства небеснаго; смоемъ пято паше или службою честною, или смертію славною; послѣдуемъ призыванію честныхъ мужей Строгоновыхъ.“ Иванъ Кольцо первый возгласилъ: „пойдемъ на помощь въ Строгоновымъ.“ Весь кругъ прогремѣлъ: „пойдемъ“,—и атаманы, поднявъ знамя, 29 іюня явились въ Чусовыхъ городкахъ числомъ съ дружиною 540 человекъ. Они пришли на радость. Строгоновы приняли ихъ съ отличною честію, *усладими брашномъ и питіемъ изобильно*, одарили всѣхъ щедро и ввѣрили имъ защиту городковъ своихъ.

Два года оставались они въ этихъ городкахъ, обороняя владѣнія Строгоновыхъ отъ всѣхъ нападений, какъ вдругъ неожиданный случай подалъ поводъ къ предпріятію важнѣйшему: вогульскій князь Бегбелій 22-го іюля 1581 года съ большими силами, сдѣлавъ внезапное нападеніе на Чусовскія мѣста и произвелъ въ нихъ сграшное опустошеніе; но тутъ же былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Строгоновы, желая наказать вѣроломцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на всегда унять другихъ сосѣдей отъ подобныхъ нечаянныхъ набѣговъ, рѣшились перенести оружіе свое за Уральскій хребетъ и утвердить тамъ грань своихъ владѣній.

Походъ въ Сибирь. Въ одинъ мѣсяць снарядили они призванную дружину казаковъ: устроили имъ легкія ладьи, дали всякаго оружія съ избыткомъ, пушекъ, пицалей семнадцатыхъ, всѣхъ припасовъ огнестрѣльныхъ, снабдили изобильно провизіею всякаго рода, теплою одеждою, *удовольствовали мздою*; присоединили къ нимъ 300 охотниковъ изъ стараго своего войска: литовскихъ, нѣмецкихъ и татарскихъ выходцевъ—*буйственныхъ, храбрыхъ, предобрыхъ воиновъ*, по выраженію лѣтописи, вождей знающихъ сибирскій путь, переводчиковъ бусурманскаго языка, священниковъ; угостили всѣхъ въ послѣдній разъ, и атаманы 1 сентября въ день Семеона Столпника, отпѣвъ соборно-молебное пѣніе и отдавъ послѣднее прощаніе Строгоновымъ, пустились въ путь съ миромъ и радостію. Ермакъ принялъ главное начальство

надъ войскомъ, состоявшимъ изъ 840 человекъ, подъ нимъ былъ Иванъ Кольцо, учредили есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, устроили порядокъ твердый, строгій по общему согласію.

Плывъ по Чусовой вверхъ до устья рѣки Серебрянки четыре дня, и два дня этою рѣкою, они 6 сентября достигли такъ называемаго сибирскаго пути. Здѣсь, желая на всякій случай оградить себя, построили наскоро *Кокунъ городокъ* и перевезлись чрезъ волокъ, изъ 25 поприщъ состоящей, на рѣку Журавлю, плыли этою рѣкою внизъ до Тагила, пстомъ сею послѣднею вошли въ Туру и здѣсь вступили уже собственно въ Сибирское царство, еще не обнаживъ меча.

Набѣгъ Пелымскаго князя. Но только что атаманы отплыли отъ селеній Строгоновыхъ, Пелымскій князь (имя его неизвѣстно) подговорилъ съ собою мурзь и улановъ сибирскихъ съ полчищами ихъ, также Остяковъ, Вогуловъ, Вотяковъ и Башкирцевъ, пришелъ съ большимъ воинствомъ на Пермскую землю, пожегъ множество селеній по Камѣ близъ Чердыня и Усоляя, въ быстромъ и сильномъ приступѣ едва не взялъ самаго Чердыня, опустошивъ огнемъ и мечемъ всѣ деревни и посады около крѣпостей Коннора, Кергедени и по Чусовой, побилъ и плѣнилъ множество христіанъ и вообще причинилъ Пермю разорѣнію ужаснѣйшимъ.—Казаковъ не было на пораженіи враговъ, а оставшіеся въ городкахъ и острожкахъ войны столько были утѣснены, что по словамъ лѣтописи, *едва избыли смерти, и то не своею силою, но помощію Божіею*. Но враги свѣдавъ, что казаки пошли громить собствennыя ихъ владѣнія, поспѣшно бѣжали во свояси. Чердыньскій воевода Василій Пелепелицынъ, желая ли оправдать себя, или изъ ненависти къ Строгоновымъ, въ донесеніи своемъ въ Іоанну, сложилъ на нихъ всю вину этого несчастія, жалуясь, что они не только не содѣйствовали ему къ отраженію непріятелей, но напротивъ услали бывшихъ у нихъ казаковъ для воинскихъ предпріятій въ Сибирь. Разгнѣванный царь въ грамотѣ своей отъ 16-го ноября объявилъ

Строгоновымъ жестокой выговоръ: „Пермя опостушена вашему *измѣною*—писалъ онъ—вы сами задирая Пелымцевъ и другихъ сосѣдей раздражили ихъ и *отвели отъ нашего жалованья, безъ нашего указу*, призвали къ себѣ Волжскихъ разбойниковъ, опальныхъ воиновъ, которые буйствомъ своимъ ссорили насъ съ Ногайскою ордою, погромили нашу казну, убили посла, и незная чѣмъ покрыть вину свою, пришли къ вамъ для подобныхъ разбоевъ. Измѣна ваша очевидна: ибо въ тотъ самый день какъ Ермакъ отплылъ отъ васъ въ Сибирь, Пелымцы какъ будто по условію напали на Пермь и Чердынъ.“ Далѣе государь предписываетъ воротить всѣхъ казаковъ изъ Сибири и отослать ихъ въ пермскія пограничныя мѣста для защиты оныхъ отъ могущихъ произойти набѣговъ, а у себя оставить неболѣе 100 человекъ съ которымъ нибудь атаманомъ. „А если вы“—писалъ Іоаннъ въ концѣ грамоты—„вопреки воли моей удержите у себя казаковъ, *положу на васъ великій гнѣвъ и опалу большую*, а атамановъ и казаковъ, которые васъ послушаютъ, перевѣшаю.“—Но когда Строгоновы получили эту грамоту, казаки уже покорили царство Сибирское, какъ увидимъ.

Первая битва Ермака. Ермакъ, вступившій въ предѣлы Сибирскаго царства на рѣкѣ Турѣ, встрѣтилъ первое сопротивленіе: здѣсь властвовалъ Татарскій князь Епанча, который собравъ сколько могъ людей своихъ, думалъ остановить Ермаково воинство и смѣло пускалъ тучи стрѣлъ въ ладьи казачьи, но испугавшись пушечныхъ выстрѣловъ бѣжалъ, оставивъ на произволь непріятеля беззащитные улусы свои. Ермакъ раззорилъ Епанчинъ городокъ, многіе улусы и селенія по Турѣ, плылъ безпрепятственно и на устьѣ Тавды рѣки поймалъ татарина Таузана, изъ двора Кучумова. Онъ сообщилъ Ермаку все, что ему нужно было знать о царѣ и царствѣ Сибирскомъ. Казаки же высказавъ предъ нимъ всѣ ужасы своего оружія, отпустили малодушнаго къ Кучуму, да повѣдаетъ владыкѣ своему о пришествіи смертоносныхъ русскихъ воиновъ и объ ихъ *мочь и силу* Желаніе казаковъ сбылось

Таузанъ съ трепетомъ рассказывалъ, что когда страшные прищельцы стрѣляютъ изъ *луковъ* своихъ, то пышетъ изъ нихъ пламя, исходитъ дымъ и раздается ужасный громъ, а стрѣлы вылетающія изъ сихъ оружій бываютъ невидимы, но убиваютъ въ смерть и отъ нихъ не спасаютъ ни панцири, ни кольчуги. Кучумъ, твердый духомъ, но испуганный внезапнымъ пришествіемъ страшныхъ силъ, терялся въ недоумѣніи: непріятель шелъ къ его столицѣ, войскъ въ собраніи не было; изъ подданныхъ же его узнавшіе о приходѣ чуждыхъ воиновъ были уже въ страхѣ, а незнавшихъ ожидалъ подобный ужасъ. Время для Кучума было дорого: онъ немедленно приказывалъ во всѣхъ городахъ и улусахъ своихъ собрать ополченіе изъ всѣхъ жителей на защиту отечества и домовъ ихъ, — вся земля повиновалась: въ короткое время многіе князья, мурзы, уланы съ подвластными имъ народами собрались подъ знамена царя своего. Кучумъ отрядилъ племянника своего Маметкула въ поле противъ русскихъ воиновъ, а самъ съ остальнымъ ополченіемъ, сдѣлавъ засѣку на берегу Иртыша подъ Чувашевымъ, ожидалъ дальнѣйшихъ слѣдствій и думалъ отнять у казаковъ путь къ столицѣ своей.

Сраженіе съ Маметкуломъ. Ермакъ ожидая непріятелей, сдѣлалъ окопы при устьѣ Тобола, у нѣкагого урочища именуемаго *Басанъ*. Маметкулъ не замедлилъ явиться: ободривъ воиновъ своихъ, онъ съ многочисленною конницею несся во всю прыть затоптать лошадьми малую дружину Ермака; но нѣсколько залповъ изъ пушекъ и пищалей остановили стремленіе непріятеля, который послѣ кратковременной битвы обратился въ бѣгство, потерявъ множество людей убитыми. Этою побѣдою Ермакъ открылъ себѣ путь въ рѣку Тоболъ; непріятель занялъ крутой берегъ сей рѣки; но Донской вождь, не желая тратить времени въ маловажныхъ сшибкахъ, приказалъ грести внизъ рѣки не смотря на тучи стрѣлъ, которыми татары съ берега осыпали его; онъ плылъ спойно даже не отстрѣливался и былъ проважаемъ стрѣлами непріятельскими до улуса Карачи, находившагося въ 16 верстахъ

отъ Иртыша, гдѣ казаки остановились, для повои побѣды.

Раззореніе улуса Карачи и взятіе городка Атинъ—Мурзы. Карача, думный вельможа Кучумова двора, болѣе хитрый и лукавый, нежели мужественный и великодушный, выступивъ противу казаковъ, бѣжалъ постыдно, едвали не отъ первыхъ выстрѣловъ, остави на разграбленіе улусъ свой, въ которомъ витязи наши получили знатную добычу и поплыли далѣе. Но едва достигли Иртыша, какъ новыя полчища Татаръ пѣшихъ и конныхъ преградили имъ путь; Ермакъ съ дружиною своею вышелъ на берегъ и встрѣтилъ неробкихъ враговъ, но бодрыхъ упорныхъ воиновъ, которые отважно вступили съ нимъ въ бой; съча была кровопролитная: непрітели, защищаясь съ удивительною твердостью, падали кучами, казаковъ много изранено, было нѣсколько и убитыхъ, наконецъ, при наступленіи вечера, сибиряки уступили побѣду нашимъ. Но Кучумъ, чтобы преградить дальнѣйшій путь казакамъ, вышелъ изъ засѣвки, расположился на Чувашей горѣ, а воинство Маметкула, утруженное прежними битвами, заняло засѣку. Ермакъ въ сей же вечеръ, поднявшись немного вверхъ по рѣкѣ, занялъ городокъ Атинъ—Мурзы и провелъ въ немъ ночь, въ виду непріятельскаго стана, не смыкая глазъ. Это было 22 октября.

Кругъ казаковъ для совѣта. Многочисленное воинство непріятеля (ибо Кучумъ имѣлъ болѣе мѣсяца времени усилить себя людьми), грозно стоявшее предъ глазами казаковъ, заставляло ихъ думать о будущихъ опасностяхъ и колебаться въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Толки, переходя изъ устъ въ уста, обратили вниманіе всѣхъ на одно дѣло, и въ безмолвіи сей достопамятной ночи казаки совокупно съ достойными своими сподвижниками составили кругъ, для общаго совѣта. Многіе товарищи ихъ были побиты, еще болѣе нашлось раненыхъ и изнеможенныхъ отъ непрерывныхъ воинскихъ трудовъ; а непріятель безпрестанно увѣплялся новыми силами. Поэтому нѣкоторые изъ дружины Ермаковой предложили идти назадъ: „невозможно, — говорили они —

одному биться съ десятью, двадцатью и болѣе, да не сами себи убійцы будемъ.“ Но атаманы возгласили: куда бѣжать намъ, храбрые товарищи? Скоро замерзнутъ рѣки и намъ не будетъ пути,—хотите-ли положимъ на себя стыдъ и поношеніе? Хотите-ли быть поруганіемъ невѣрныхъ, посмѣшищемъ своихъ собратій? Нѣтъ! Станемъ надѣяться на Бога, побѣда въ Его руцѣхъ, Онъ отмститъ невѣрнымъ за кровь христіанскую, а мы не измѣнимъ обѣту нашему, данному предъ Богомъ мужамъ Строгоновымъ, не посраимъ себя побѣгомъ, помремъ всѣ, но врагамъ не уступимъ; если же побѣдимъ, память наша въ странахъ сихъ и слава въ мірѣ будутъ вѣчны.“ Закипѣли сердца мужествомъ и храбростію: „не измѣнимъ обѣту нашему,—крячали всѣ—станемъ единодушно на семь словъ“—и разошлись ждуть утра для новой славы.

Рѣшительная побѣда. Рзсвѣтъ слѣдующаго дня (23 октября) явилъ дружину Ермакову бодрствующею; заботливый вождь обтекъ всѣхъ воиновъ, укрѣпилъ души ихъ надеждою на Бога и вмѣстѣ съ восходящимъ солнцемъ вывелъ изъ города. Восклицая: „съ нами Богъ!“ вся дружина Ермакова стройными рядами пошла на приступъ къ засѣку, весело, бодро, мужественно; Маметкулъ ожидалъ съ безстрашнымъ спокойствіемъ, встрѣтилъ тучею стрѣлъ, и прежде испытывъ невыгоду перестрѣлки, разломалъ въ трехъ мѣстахъ засѣку, чтобы напасть на самыхъ противниковъ; Татары сѣпнулись съ казаками, закипѣлъ рукопашный бой. Маметкуловы полчища дрались съ яростію, остервенѣніемъ, падали кучами и смѣнялись новыми толпами, которыя шли на смерть, съ тѣмъ же великодушіемъ, съ тою же неустрашимостію за отечество и боговъ своихъ; падали также и казаки раненные, мертвые; упорная сѣча продолжалась далѣе полудня; непріятель сталъ ослабѣвать, но все еще не уступалъ ни шагу нашимъ, какъ вдругъ Татары увидѣли Маметкула тяжело раненаго и оставшисъ безъ предводителя, потеряли и бодрость и мужество и бѣжали съ поля; казаки преслѣдовали

ихъ и побивая въ великомъ множествѣ, наконецъ водрузили знамена свои на самой засѣкѣ. Сраженіе это было столь гибельно для несчастныхъ сибиряковъ, что— по словамъ лѣтописи — окрестныя поля очервенелись ихъ кровію, устлались трупами мертвыхъ и во многихъ мѣстахъ стояла кровь блатами. Слѣпый Кучумъ во все время стоялъ на занятыхъ имъ высотахъ и съ муллами своими тщетно молилъ боговъ о побѣдѣ; между тѣмъ бывшіе съ нимъ Остяцкіе князья, видя разбитіе Маметкула, бросили царя своего и пошли въ свои улусы; Кучумъ, пораженный ужаснымъ несчастіемъ, воскликнулъ: „все погибло; сильныя изнемогли, храбрые избѣенны, я теперь изгнанникъ въ моемъ царствѣ; уйду сокрыть срамъ свой.“ И взявъ въ Искерѣ—престольномъ городѣ своемъ—*ничто отъ сокровищъ* своихъ, бѣжалъ въ Ишимскіе улусы. Славная побѣда сія, стоившая Ермаку 107 его сподвижниковъ, рѣшила навсегда участь царства сибирскаго: оно покорено оружіемъ славнаго атамана и никогда уже не возвращало своей самобытности.

Занятіе столицы Сибирскаго царства. Отдохнувъ ночь съ крѣпкою стражею, дружина Ермака на утро отпѣла молебень и двинулась къ Искеру; тамъ царствовала глубокая тишина, не было слышно, какъ говорить лѣтопись, ни гласа ни послушанія. Осторожный Ермакъ старался развѣдать не скрываетъ-ли непріятель какой-нибудь хитрости, но удостовѣрившись совершенно, что городъ пустъ, 26 октября, въ день великомученика Димитрія, вошелъ въ столицу сибирскаго царства съ радостію и торжествомъ, принесъ благодареніе Богу и нашедъ несмѣтныя сокровища Кучума, раздѣлилъ ихъ между воинами своими.

Благоразумныя распоряженія Ермака. На четвертый день послѣ занятія Искера, Остяцкій князь Боаръ, съ подвластными ему народами, принесъ Ермаку дары и билъ челомъ о принятіи подъ свою руку. Благоразумный вождь обласкалъ новаго данника и отпустилъ съ честію, да живетъ покойно съ своими улусами во всемъ по прежнему. Посту-

покъ сей ободрилъ боязливыхъ Татаръ, они толпами шли въ Искеръ съ своими семействами, заняли дома свои и скоро городъ наполнился жителями, которые въ Ермакъ нашли правителя мудраго, кроткаго, справедливаго. Атаманъ занялся земскими учрежденіями; но едва минулъ мѣсяцъ, какъ онъ долженъ былъ испытать горькую непріятность: враги его Маметкуль и Кучумъ бодрствовали въ полѣ.

Не имѣя объ нихъ никакого слуха, русскіе войны безпечно ходили въ окрестностяхъ города, занимались охотою, рыбными ловлями. Однажды, 5 декабря, ловя рыбу у нѣко-его урочища именуемаго Ябалакъ, уснули они числомъ 20 человекъ, безъ всякой стражи; царевичъ Маметкуль, скитавшійся подлѣ, внезапно напалъ на станъ ихъ и перерѣзалъ всѣхъ сонныхъ. Ермакъ скорбя сердцемъ и дыша гнѣвомъ, приказалъ воинамъ своимъ перепоясать мечи и не теряя времени, полетѣлъ мстить врагу своему, настигъ его на станѣ близъ Ябалака, напалъ мужественно, побилъ толпы Татаръ, прочихъ разсѣялъ и взялъ тѣла убіенныхъ сподвижниковъ своихъ; съ честію предалъ ихъ погребенію, возвратясь въ Искеръ.

Плѣненіе Маметкула. Остальную часть зимы Ермакъ провелъ въ покоѣ, распространивъ владѣнія свои добровольною покорностію многихъ улусовъ; эти мирные жители: Татары, Остяки, Вогулы пришли *подъ высокую царскую руку*, присягнули быть вѣрными Россіи *до вѣка, покамѣсть изволитъ Богъ вселенной стоять*, на русскихъ никакого зла не мыслить, быть друзьями нашимъ друзьямъ, и недругами врагамъ нашимъ. Ермакъ положилъ на нихъ легкую дань, справедливостію во всѣмъ и строгостію въ своимъ, вселилъ онъ довѣріе въ себѣ во всѣхъ жителяхъ и наслаждался мирно плодами трудовъ своихъ, какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ явился въ Искеръ татаринъ Секбахта и объявилъ, что Маметкуль стоитъ на Вагаѣ во 100 верстахъ отъ Искера съ малочисленною ратію. Закипѣло сердце Атамана: выбравъ 60 молодцовъ *юныхъ, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ*, онъ послалъ

ихъ со всею тайностію и поспѣшеніемъ на дерзкаго врага; воины наши напали на станъ Маметкула ночью, неожиданно, когда почти всѣ татары покоились въ глубокомъ снѣ, окружили шатры непріятельскіе, многихъ побили, другихъ разсѣли, а самаго Маметкула взяли въ плѣнъ и представили Ермаку, къ величайшей радости всѣхъ русскихъ: ибо они избавлялись тѣмъ отъ самаго дѣятельнаго врага. Умный атаманъ уважилъ въ немъ санъ и мужество: принялъ и держалъ его съ отличною честію. Но несчастный Кучумъ сраженъ былъ участію племянника—единственнаго пособника его въ горькомъ положеніи—скорбѣлъ, плакалъ и долженъ былъ испытать еще новыя бѣдствія. Сейдикъ, сынъ князя Бекбулата, собравъ въ Бухаріи толпы воиновъ, шель истребить Кучума; а первый думный царедворецъ его, первый любимецъ, извѣстный Карача, видя изнеможеніе царя своего, былъ столько неблагодаренъ, что собравши всѣхъ своихъ Татаръ и Вагуловъ, бросилъ своего государя и благодѣтеля и удалился въ Пелымскую землю, къ рѣкѣ Турѣ—для новыхъ безчестныхъ дѣлъ. Великодушный Кучумъ въ слезахъ воскликнулъ: „кому не помогаютъ боги, тотъ не полагайся на любимцевъ,—они первые ввергнутъ его въ бездну!“

Новыя завоеванія. Ермакъ, пользуясь безсиліемъ и стѣсненнымъ положеніемъ врага своего, обнажилъ мечъ на новыя завоеванія. Оставивъ въ Искерѣ нужное число дружины, онъ съ остальными воинами обратился къ сѣверу по Иртышу, повоевалъ и привелъ къ шерти многіе улусы и городки, находившіеся по этой рѣкѣ. Милуя и лаская покорныхъ, грома и истребляя противящихся, онъ достигъ великой рѣки Оби, завоевалъ тамъ главный остоядкій городъ Назымъ, и многія иныя крѣпостцы, плѣнилъ ихъ князя, но на приступѣ потерялъ самъ храбраго атамана Нигиту Пана. Оплакавъ кончину достойнаго сподвижника своего, Ермакъ не хотѣлъ идти далѣе: „ибо видѣлъ, говоритъ Карамзинъ—передъ собою однѣ хладныя пустыни, гдѣ месистая кора болѣть и лѣтомъ едва теплѣеть отъ жаркихъ лучей солнца ,и

гдѣ среди мерзлыхъ тундръ, усѣянныхъ мамонтовыми костями, представляется глазу образъ ужаснаго кладбища природы.“ Утвердивъ такимъ образомъ власть свою отъ предѣловъ Березовскихъ до Тобола, онъ возвратился въ Искеръ съ новою славою.

Посольство въ Москву съ извѣстіемъ о покореніи Сибирь каго царства. Ермакъ, удостовѣренный уже, что побѣды его совершенно упрочили власть русскихъ въ Сибири, извѣстилъ Строгоновыхъ о своихъ успѣхахъ и послалъ въ Москву перваго сподвижника своего, Ивана Кольца, съ новинною и съ донесеніемъ, что счастіемъ государя Господь помогъ имъ одолѣть Кучума, плѣнить его племянника, покорить все царство его. Строгоновы возрадовались о великомъ неожиданномъ событіи, благодарили Бога, славили казаковъ и честили посланныхъ ихъ. Немедленно отправили они въ Москву извѣстить о всемъ государя, куда прибылъ и Иваша Кольцо съ своими товарищами; эти послы храброй дружины, били челомъ Іоанну новымъ царствомъ, просили его принять отъ нихъ покоренную державу и съ ними поступить какъ ему угодно: „Давно—пишетъ нашъ Исторіографъ—по словамъ лѣтописи не бывало такого веселія въ Москвѣ ушлой.“ Государь и народъ восприимли духомъ. Слова: „новое царство послалъ Богъ Россіи!“—съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній царствъ Казанскаго и Астраханскаго.... Кажется, что Сибирь упала тогда съ неба для Россіи; забыли ея давнишнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Строгоновымъ государь пожаловалъ: „за ихъ службу и радѣніе.“ Семену два города на Волгѣ—Большую и Малую соль, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городахъ безпошлинно. Атамана Ивана Кольца и пословъ сибирскихъ приняли въ Москвѣ съ отличною честью, хвалили подвиги ихъ и славу; государь, забывъ прежній гнѣвъ свой, допустилъ ихъ къ рукѣ,

жаловаль деньгами, суннами, камками и отпустилъ въ Сибирь къ ихъ товарищамъ съ большимъ жалованьемъ, съ милостивымъ словомъ, а Ермаку особо послалъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча своего царскаго. Приказалъ немедленно отправить въ Сибирь воеводу князя Семена Болховскаго и чиновника Ивана Глухова съ ратными людьми на помощь Ермаку и предписалъ атаманамъ царевича Маметеула прислать въ Москву.

Иванъ Кольцо и воевода Болховскій прибыли въ Сибирь уже предъ наступленіемъ зимы. Нельзя описать радости Ермака и дружины его, когда отважные витязи эти услышали милость къ себѣ государя: принявъ дары царскіе и грамоту, они честили новыхъ гостей своихъ, дарили воеводу и воиновъ его лисицами, соболями, бобрами и всѣмъ, чѣмъ только могли; всѣ были полны радости и веселія, но не на долго.

Голодъ въ Искерѣ. Воины князя Болховскаго, не привыкшіе къ суровому климату, скоро заразились цынготною болѣзнью, которая перешла отъ нихъ къ казакамъ, а вслѣдъ затѣмъ открылся и голодъ, ибо казаки, не зная о приходѣ изъ Москвы войска, запаслись провіантомъ только на себя, а подводовъ нельзя было имѣть никакихъ, по причинѣ глубокнхъ снѣговъ. Сдѣлалось въ городѣ столь великое *оскуднѣніе въ ѣстныхъ запасахъ*, что почти половина людей погибла голодною смертію; самъ воевода Болховскій былъ жертвою этого несчастія. Наконецъ весна принесла отраду нашимъ воинамъ; открылось рыболовство, налетѣло множество птицъ; сосѣдніе Татары, Остяи и Вогуличи начали привозить съѣстные припасы по прежнему изобильно. Успокоенный Ермакъ, исполняя волю царя, послалъ въ Москву Маметеула съ его людьми, и доносилъ государю, что несчастія миновались.

Убіеніе Ивана Кольцо съ отрядомъ казаковъ. Но судьба готовила Ермаку новый ударъ: извѣстный царевичъ Карача, измѣнникъ своему государю, замышляя овладѣть Сибирью, искалъ средства губить казаковъ; онъ ласкался

у Ермака, присягнувъ въ подданство Россіи и притворясь утѣшеннымъ отъ Ногаевъ, прислалъ къ атаману дары и пословъ съ просьбою дать ему помощь противу враговъ. Обольщенный Ермакъ послалъ къ нему 40 добрыхъ воиновъ съ первымъ товарищемъ и достойнымъ витяземъ своимъ Иваномъ Кольцомъ. Эта горсть людей отважныхъ въ станѣ мнимыхъ друзей своихъ нашла лютыхъ враговъ: по повелѣнію Карачи всѣ они были измѣнически перебиты. Ермакъ, горько оплакивая легковѣріе свое, жаждалъ мести и испыталъ новый ударъ потерей добраго атамана Якова Михайлова, который посланъ былъ въ развѣздъ для узнанія о положеніи Карачи и былъ убитъ его шайками.

Бунтъ въ улусахъ Сибиряковъ. Карача, пользуясь успѣхомъ своего коварства, старался чрезъ лазутчиковъ внушить всѣмъ жителямъ, что грозные пришельцы въ землю ихъ равно смертны и побѣдимы и равно гибнуть отъ руки храбрыхъ: нужно единодушіе и мужество. Хитрецъ успѣлъ: всѣ мирные улусы возмутились и шли толпами подъ его знамена. Собравъ многочисленныя полчища, онъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, окружилъ Искеръ длинными рядами обозовъ, расположивъ главный станъ свой въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ что выстрѣлы не могли никому вредить: не надѣясь побѣдить казаковъ силою, онъ былъ увѣренъ, что погубить ихъ голодомъ. Дѣйствительно, Ермакъ вдругъ увидѣлъ себя заключеннымъ въ стѣнахъ города, не имѣя уже ни царства, ни подданныхъ и почти не видя средствъ къ побѣдѣ: ибо сколько они не стрѣляли со стѣнъ города, неприятель оставался въ покоѣ, а успѣхъ всякой вылазки былъ совершенно сомнительнъ, когда одному приходилось сражаться съ сотнями. Прошло болѣе 3-хъ мѣсяцевъ и осада продолжалась съ одинаковымъ упорствомъ. Казаки, видя неминуемую гибель, рѣшились надѣло отважное: 12 іюня, ночью, съ храбрымъ атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ, они вышли изъ города, оставивъ Ермака, для защиты онаго; тихо прокравшись къ самымъ шатрамъ Карачи, они внезапно напали на спящихъ, произ-

вели тамъ ужасъ и гибель: умертвили множество враговъ и двухъ сыновей Карачиновыхъ, гнали бѣгущихъ во все стороны; Татары въ темнотѣ ночной рубили другъ друга. Самъ же князь съ малымъ числомъ людей едва спасся уже на другомъ берегу озера. Наступившее утро ободрило непріятелей: увидя малочисленность казаковъ, они стеклися изъ другихъ становъ, удержали бѣгущихъ и храбро напали на нашихъ; но казаки, засѣвъ въ обозѣ княжескомъ, отстрѣливались мужественно; сраженіе продолжалось до полудня; отъ cadaго выстрѣла падали толпы враговъ, которые, наконецъ, потерявъ всю храбрость, съ страхомъ обратились въ бѣгство и Карача со стыдомъ ушелъ въ свои улусы.

Смерть Ермака. Послѣ несчастій завоевателю Сибири суждено было умереть отъ своей оплошности, „взясяемой —говорить Карамзинъ— единственно неодолимымъ дѣйстви-емъ рока.“ Ермакъ, въ два года обладанія Сибирью, завелъ обширную торговлю съ азіатцами и дѣятельно поощрялъ ее. 5 августа (1584 г.) явились въ нему коварные вѣстники отъ бухарскихъ купцовъ съ жалобой, что толпы Кучума, шатающіяся по Вагаю, не пропускаютъ ихъ каравановъ въ Искеръ. Ермакъ, взявъ не большую дружину казаковъ (50 человекъ), отправился самъ на помощь къ нимъ; онъ ходилъ по Иртышу до Вагая и далѣе цѣлый день, но не встрѣтивъ нигдѣ ни каравановъ бухарскихъ, ни Кучумовыхъ воиновъ, даже и слуху объ нихъ не имѣя, воротился назадъ и остановился у нѣкоего урочища, называемаго Перекопъ, на Иртышѣ, при устьѣ Вагая, гдѣ застигла его ночь темная, бурная, съ проливнымъ дождемъ. Утруженный дневнымъ походомъ, Ермакъ, забывъ осторожность, уснулъ со всеми воинами своими крѣпкимъ сномъ безъ всякой стражи;—и эта была послѣдняя ночь его въ покоренномъ имъ царствѣ. Хитрые враги шли по его слѣдамъ; сынъ Кучума, Алей, пользуясь темнотою ночи послалъ подсмотрщиковъ въ станъ Ермаковъ; эти лазутчики, съ удивленіемъ ходили даже между шатрами казачьими, видя всѣхъ въ непробудномъ снѣ и подробно донесли о всемъ

Кучуму. Воспрянуль отъ радости непримиримый врагъ Ермака, обнажилъ мечъ, полетѣлъ съ толпами своими на спящихъ и погубилъ ихъ, перерѣзавъ сонныхъ. Отъ звука мечей и стога умирающихъ воиновъ Ермакъ пробудился, но спасенія не было; онъ побѣжалъ отъ шатра, достигъ берега, прыгнуль въ лодку; но имѣя на себѣ тяжелую броню—даръ царя, сдѣлалъ роковой прыжокъ этотъ столь не удачно, что ступилъ ногой только на край лодки, лодка покачнулася и герой нашъ поглощенъ бурными волнами штыша. Изъ всей дружины его спасся только одинъ воинъ, для того, чтобы принести въ Искеръ страшную вѣсть о смерти товарищей своихъ и начальника, наставника, вождя храбраго и велеумнаго, къ ужасу живыхъ, ибо съ смертію Ермака кончилось и ихъ счастье: всѣ они плавали горько, неутѣшно, отдали забвеннымъ послѣдній долгъ поминъвспіемъ съ подобающею честію и предвидя грозу въ будущемъ, собрали кругъ для совѣта. Изъ всѣхъ храбрыхъ атамановъ, пришедшихъ въ Сибирь, остался одинъ Мещерякъ; воиновъ также было самое малое число, по и тѣ, потерявъ съ вождемъ своимъ бодрость духа, не могли уже быть столь страшны врагамъ ихъ. Въ кругу положено было, оставя Сибирь, возвратится въ Россію, донести о всемъ царю и отдать покоренное царство его могучей волѣ. Такъ они и исполнили: поплыли вверхъ Тоболомъ, не бывъ тревожимы Татарами, которые все еще страшились непобѣдимыхъ воиновъ; но дошедъ до рѣки Туры, встрѣтили царскаго воеводу Ивана Мансурова, съ многими воинскими людьми, посланнаго на помощь нашимъ въ Сибирь. Мещерякъ и его дружина не помнили себя отъ радости, забыли о минувшихъ опасностяхъ, забыли о Россіи и пошли съ воеводою назадъ въ тѣ мѣста, гдѣ они оставили кости своихъ сподвижниковъ.

Остальными событія въ Сибири не принадлежать къ нашей исторіи; ономчимъ повѣсть о Ермакѣ словами нашего безсмертнаго историографа: „сей герой — ибо отечество благодарное давно взглядило нми разбойника предъ Ермаковимъ,

— сей герой погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучумъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ казаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго царства у великой державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести его завоеванія; великая доблесть его не только въ лѣтописяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ ия сего зитязя живетъ и въ названіи мѣстъ и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *атамана князя*. Онъ былъ видомъ благородецъ, савовитъ, росту средняго, вѣрпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ лицо плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза сѣблые, быстрые, — зеркало души пылкой, сильной, ума проникательнаго.

Г Л А В А І V.

Изъ Волжскихъ разбойниковъ и изъ остатковъ Ермаковской дружины образуются новыя воинскія общества на берегахъ Урала и Терека, подъ наименованіемъ Уральскихъ и Терскихъ казаковъ. Переговоры Россійскаго двора съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и князьями ногайскими о Донскихъ казакахъ; всѣ они настоятъ о непремѣнномъ удаленіи людей сихъ съ Дону. — Посольство Благова въ Константинополь. — Грамота къ Донскимъ казакамъ, посланная съ Борисомъ Благимъ. — Требования султана о усмиреніи и о сводѣ казаковъ съ Дону и обѣщаніе за то совершеннаго спокойствія русскимъ украинамъ отъ крымцевъ и погайцевъ. — Переговоры турецкаго посланника Ибрагима въ Москвѣ съ Россійскимъ дворомъ. — Продолженіе военныхъ дѣйствій Донскихъ казаковъ противъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Азовцевъ. — Союзъ Донскихъ казаковъ съ Запорожцами, изъ коихъ многіе, избѣгая притѣсненій, удались на Донъ. — Отправленіе въ Константинополь посланника Нащекина. — Непріятности встрѣченныя на Дону Нащекинимъ. — Новая война казаковъ съ Азовцами. — Переговоры Нащекина съ турецкими савовниками. — Возвращеніе его въ Россію съ турецкимъ посломъ. — Переговоры двора нашего съ турецкимъ посломъ. — Отправленіе въ Константинополь посланника Исленьева. — Поиски казаковъ надъ Крымцами и Азовцами. — Переговоры Россійскаго двора съ ханомъ крымскимъ о казакахъ.

Изъ Волжскихъ разбойниковъ и изъ остатковъ Ермаковой дружины образуются новыя

воинскія общества на берегахъ Урала и Терека, подъ наименованіемъ Уральскихъ и Терскихъ казаковъ. Громкая слава о подвигахъ Ермака съ дружиною его въ Сибири, о завоеваніи имъ сего обширнаго царства, о богатствѣ сей дотолѣ неизвѣстной земли, пронеслась по всему пространству обширнаго царства русскаго, и многіе изъ волжскихъ казаковъ разбойниковъ, ожидавшихъ ежечасно за грабежи свои отъ гнѣвнаго царя казни постыдной, оставивъ гнусное ремесло, въ числѣ 6 или 7 сотъ человекъ пошли къ р. Уралу и недалеко отъ устьевъ онаго, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли, около 1584 года построили городъ и содержали Ногайцевъ во всегдашнемъ страхѣ, напали на улусы, разорили и уведили плѣнныхъ. Князь ногайскій Урусъ, жалуюсь великому князю на обиды приписанныя ницыми казаками, писалъ: „на Яикъ пришли казаки, числомъ отъ 6 до 7 сотъ человекъ, построили городъ большой и намъ много зла причинили (84):“ Но Дворъ нашъ, какъ и отъ Донскихъ казаковъ, отсекся отъ нихъ; Урусу отвѣчали: „казаки—воры бѣгле, тѣ кои жили на Волгѣ и людей нашихъ на судахъ грабили и убивали, за что мы велѣли ихъ ловить и казнить смертію, но они отъ войскъ нашихъ ушли на Яикъ.... вамъ издавна извѣстно, что казаки дѣлаютъ сіе безъ вѣдома нашего, грабятъ и убиваютъ до смерти какъ вашихъ, такъ и нашихъ людей (85):“

Россія еще въ концѣ предшествовавшаго столѣтія имѣла на Терекѣ свой городокъ, но въ 1570 году, въ угодность

(84) Дѣла Ногайскія связка 1-я 1586 г. іюня 29, тетрадь № 8, грамота князя Уруса къ великому князю Феодору Иоанновичу.

.... „Въ тѣ поры пришедъ на Яикъ казаковъ съ 6 сотъ и съ 7 сотъ, поставили городъ большой и съ того города намъ много лиха починили, и Иванъ Хлоповъ то видѣлъ.“

(85) Дѣла Ногайскія связка № 1, 1586 г. сентября 20. Тетрадь № 10, грамота великаго князя къ Араслаивъ Мирзѣ, Урусову сыну, въ коей великій князь выговаривая за удержаніе нашихъ пословъ, писалъ: „А слухъ намъ дошелъ, будто за то ихъ не отпустили, что бѣгле казаки воры, которые ушли на Волгу и нашихъ людей судовыхъ били и грабили, и мы ихъ велѣли перенять и переказнить, и они сбѣжавъ отъ нашей рати на Яикъ, да Урусовы улусы погромили и людей побили, и то вамъ издавна и всѣмъ вѣдомо, что казаки воры такъ чинятъ безъ нашего вѣдома, какъ вашихъ грабятъ, такъ и нашихъ судовыхъ людей бьютъ и до смерти убиваютъ.“

султану турецкому, крѣпостца эта нѣсколько времени служила пристанищемъ для однихъ вольныхъ казаковъ, большею частію Русскихъ.—Когда царь Грузинъ Александръ въ 1586 г. прислалъ въ Москву посла своего, просилъ покровительства Россіи и называлъ себя *холопомъ царя Московскаго*, въ то время городокъ Терскій немедленно исправленъ и занятъ дружинами стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Андрея Хворостина ⁽⁸⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что стрѣльцы находились тутъ временно; но дабы утвердить власть Россіи надъ Черкесами и Кабардинцами, прислужниками ея со временъ Іоанновыхъ, надлежало имѣть въ ономъ постоянную стражу; для сего должно было дозволить селиться здѣсь всякому свободно и съ сего-то времени надлежитъ полагать начало Терскихъ казаковъ. Султанъ снова требовалъ уничтожить этотъ новый городокъ и казаковъ оттуда свести, и наконецъ въ 1593 г. вознамѣрился было идти сперва на Россійскую Украину и потомъ на Терекъ ⁽⁸⁷⁾.

Такимъ образомъ Донскіе казаки годъ отъ году быстро умножались въ числѣ, въ три десятилѣтія историческаго существованія своего содѣлали славнымъ и страшнымъ имя свое отъ береговъ Понта Евксинскаго до хребтовъ горъ Рифейскихъ и отъ предѣловъ Ливоніи до древней Иберіи.— „Замѣтимъ—говоритъ Карамзинъ—что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи донскихъ и волжскихъ казаковъ—витязей. Отъ Азова до Искера гремѣла слава ихъ удалства, раздражая султана, грозя хану, смиряя Ногаевъ, утверждая власть Московскихъ вѣнценосцевъ надъ сѣверомъ Азіи ⁽⁸⁸⁾. Они готовились на новые важнѣйшіе подвиги.

⁽⁸⁶⁾ Истор. Р. Г. Карамзина Т. X стр. 65.

⁽⁸⁷⁾ Дѣла Крымскія книга № 20, л. 9 и 10, статейный списокъ Россійскаго посланника Семена Безобразова, бывшаго въ Крыму въ 1593г.

.... „Да чтобы ты государь унѣлъ Терскихъ казаковъ, что они чинятъ дара Турскаго людямъ обиду великую, приходили де къ городу Темрюку и посады пожгли; и буде ты государь казаковъ Терскихъ неумиешь и несведешъ и миру до вѣка нельзя остаться:“.... и далѣе: „да Ямгурчей же, государь, сказывалъ, что единоковечно на зиму Турской, хочеть идти къ Теркѣ и снарядъ весь готовъ въ Кафѣ, а идти, государь, сказываетъ ему на Ливны, и съ Ливны поворотить къ Асторохани и къ Теркѣ!“

⁽⁸⁸⁾ Ист. Р. Г. Карамзина Т. X стр. 71.

Взглянемъ на отношеніи, какія возродили тогда казаки между Россією и сосѣдными ей народами.

Переговоры Россійскаго двора съ Турецкимъ султаномъ, Крымскимъ ханомъ и князьями Ногайскими о Донскихъ казакахъ; всѣ они настоятъ о непремѣнномъ удаденіи людей сихъ съ Дону. Переговоры двора нашего съ князьями ногайскими о Донскихъ казакахъ, о ихъ своевольствахъ, грабежахъ и разореніяхъ, наносимыхъ Ногайцамъ не только въ степяхъ между Волгою и Дономъ, но иногда и въ ихъ улусахъ начались вскорѣ по появленіи казаковъ на Дону, подъ собственнымъ названіемъ Донскихъ. Еще въ исходѣ 1549 г. ногайскій князь Юсуфъ писалъ въ великому князю: „нѣкто Сарыазманъ, холопъ твой, на Дону въ трехъ или четырехъ мѣстахъ города построилъ и нашихъ пословъ, которые къ тебѣ ходятъ и отъ тебя возвращаются, стережетъ и убиваетъ. Если желаешь съ нами быть въ братскомъ согласіи и дружбѣ, то сведи ихъ оттуда (89):“ Дворъ нашъ отвѣчалъ князю Юсуфу: „люди, которыхъ ты называешь нашими холопами, и въ нашемъ государствѣ много зла причинили, за что мы велѣли надъ ними промышляти и ихъ казнити.... а вы пошлите для того звонкъ людей и ихъ, перелова, пришлите къ намъ, а мы ихъ будемъ казнити смертію (90).“

(89) Дѣла Ногайскія кн. № 3, лис. 135, грамота Юсуфа къ царю Ивану Васильевичу.

.... „Холопи твои, нѣкто Сарыазманъ словеть, на Дону въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ города подѣзали, да нашихъ пословъ и людей нашихъ, которые къ тебѣ ходятъ и назадъ коли они идутъ къ намъ, и тѣхъ людей стерегутъ да разбиваютъ, а иныхъ де до смерти убиваютъ.“

.... „И похочий съ нами дружбы и братства, и ты тѣхъ своихъ холоповъ оттоле сведи!“....

(90) Дѣла Ногайскія книга № 3, лис. 171.—Грамота царя и в. к. Ивана Васильевича къ Юсуфу князю... „А къ вамъ хотимъ дружбу свою крѣпкую держати!“... а что еси писалъ къ намъ, что наши холопи Сарыазманъ вашихъ гостей побилъ, и тѣ наши холопи въ нашей землѣ много лихо учинили, и мы ихъ про то велѣ . . . „убѣжали на Поле, да . . . на Поле, а вашихъ людей и . . . вали никого, и мы нынѣ посылаемъ . . . добывать, а выѣ отъ себя велѣли ихъ добыватижъ, и нѣчто которыхъ тѣхъ холопей добудете, и выѣ ихъ къ намъ прислали, и мы ихъ про тѣ дѣла велѣмъ казнити. А мы нѣчто ихъ добудемъ, и мы ихъ велѣмъ казнитижъ, а нынѣ есмя по твоему прошенію послали къ тебѣ шубу!“

Подобныя жалобы погайскихъ владѣтелей на Донскихъ казаковъ продолжались почти ежегодно; ибо казаки покровительствуемые Россією, не только не унимались, но еще съ большею дѣятельностію набѣгами своими старались вредить слабымъ остаткамъ нѣбогда страшныхъ Монголовъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ, отправляя въ Ногай посланника своего Еліазара Мальцова съ извѣстіемъ о войнѣ начатой имъ съ ханомъ крымскимъ и съ порученіемъ склонять князей погайскихъ къ совокупному дѣйствию противъ Крымцевъ, зналъ, что его будутъ упрекать своевольствами Донскихъ казаковъ¹⁾ и для того въ наставленіи Мальцову, между прочимъ, приказано было на эти упреки отвѣтствовать такъ: „Государь нашъ тѣхъ казаковъ, кои воровали, гостей вашихъ грабили и убивали, казнилъ многихъ, а иные, боясь опалы его, бѣжали съ Дону въ Азовъ и Крымъ (91)“. Впрочемъ изъ актовъ сего времени не видно: дѣйствительно ли великій князь посылалъ на Донъ рать свою для наказанія и унятія казаковъ отъ своевольства и грабежей, или такимъ отвѣтомъ хотѣлъ только показать, что казаки дѣлаютъ обиды Ногайцамъ безъ его вѣдома и повелѣнія.

Но что Донскіе казаки были тогда въ зависимости отъ Россіи и покорялись велѣніямъ ея государей, это доказывается грамотою великаго князя къ Урусу, въ коей жалуясь на обиды причиняемыя Русскимъ Ногайцами, ясно обнаруживаетъ опъ власть свою надъ казаками. „Извѣстноль вамъ—пишетъ Іоаннъ въ сей грамотѣ—что наши люди украинные Кадомцы, Темнивовцы, Донскіе, Волжскіе и Астраханскіе казаки бьютъ намъ челомъ, дозволить имъ воевать противъ улусовъ вашихъ за то, что терпятъ отъ вашихъ людей притѣсненія и убытки..... но мы памятуя доброе согласіе и дружбу къ намъ отца вашего Исмаила, запретили имъ на-

(91) Дѣла Ногайск. книга № 5, см. наказъ Еліазару Мальцову, посланному въ 1558 г. къ Исмаилу князю, лис. 65 на оборотѣ.

... „А которые казаки воровали пословъ и гостей грабили, и лошадей у васъ крали, и людей били, и государь нашъ тѣхъ казаковъ многихъ казнилъ, а иные отъ государя нашего опалы, збѣжали въ Азовъ и Крымъ.“—То же и на оборотѣ л. 144 той же книги.

падать на улусы ваши (92).“ Когда же часть Донскихъ казаковъ, отдѣляясь отъ собратій своихъ, присоединилась къ волжскимъ разбойникамъ и усугубила страхъ въ князьяхъ ногайскихъ: въ то время и жалобы этихъ владѣльцевъ на Донцовъ умножились. Царь Іоаннъ Васильевичъ приказывалъ отвѣчать на оныя, что Донскіе казаки на Волгѣ дѣлаютъ грабежи и убійства не однимъ Ногайскимъ людямъ, но равно и Россіянамъ, и что такихъ своевольныхъ велѣно ловить и казнить. (93).

Наконецъ въ 1587 г., когда Царь Федоръ Іоанновичъ убѣждалъ князей ногайскихъ, соединясь съ російскимъ войскомъ на Дону у Донецкихъ Раздоръ, единодушно дѣйствовать противъ Крымцевъ, тогда одинъ изъ ногайскихъ владѣльцевъ Ханъ Мирза, давши клятву во всемъ доброжелатель-

(92) Дѣла Ногайск. кн. № 10, грамота царя Ивана Васильевича, отправленная къ Урусу князю съ посланникомъ Иваномъ Милославскимъ. См. л. 22 и на оборотѣ.

... „А что вамъ вѣдомоль, что наши люди украинне Кадомскія и Темниковскія и Шацкія и Алаторскія и Арзамаскія и Курмышскія и Свияжскія и Тетюшскія всее горніе стороны и Казанскія люди и Донскіе и Волскіе и Астороханскіе казаки за свои досады намъ безпрестанно бьютъ челомъ, чтобъ намъ ослободить наши улусы противъ воевать, что имъ отъ вашихъ ногайскихъ людей и многія тѣсноты и убытки ставаются, и мы своихъ досады такихъ отъ вашихъ отъ Ногайскихъ людей непамятуя, а помня къ себѣ крѣпкую любовь и дружбу отца вашего Исманла князя, тѣмъ всѣмъ людямъ заказъ свой царской крѣпкой учинили и на ваши улусы приходити не велѣли.“ . . . Далѣе лис. 23 . . . „а неучнете уймаити людей своихъ и намъ впередъ противъ своихъ украинныхъ людей и волжскихъ и донскихъ и астороханскихъ казаковъ потому же унять нельзя.“

(93) Дѣла Ногайскія книга № 10, шертная запись Уруса князя 1582 г. см. л. 206 на оборотѣ и 207.

. . . . „А что казаки Волскіе и Донскіе на Волгѣ воруютъ, нашихъ людей и пословъ и государевыхъ пословъ громать и грабятъ и побиваютъ, государю царю и в. к. велѣти тѣхъ воровъ Волжскихъ и Донскихъ казаковъ сыскная казнить, а намъ потомужъ съ государскими людьми вмѣстѣ надъ тѣми ворами надъ Волжскими и надъ Донскими казаками промыслиати за одинъ.“

То же повторяется и въ шертныхъ записяхъ, данныхъ Урмаметъ-Мирзю и Сендѣ-Ахметомъ-Мирвою л. 219, 220 и 236, л. 247 (на оборотѣ, Наказъ князю Василію Бахтеяроу Ростовскому съ товарищи — (въ Астрахань).

. . . . „А будетъ отишеть къ вамъ Урусъ, что наши казаки у него Сарайчикъ сожгли, и на Волгѣ пословъ его побили, и онъ былъ посланъ къ намъ, и выбѣ отишася, что наши казаки на Сарайчикъ нехаживали, а воровали будетъ бѣгле казаки, которые бѣгая отъ насъ, живуть на Теркѣ . и на морѣ, на Янкѣ и на Волгѣ казаки Донскіе пришедь съ Дону своровали и нашихъ дѣтей боярскихъ и ихъ пословъ перебили и переграбили и мы тѣхъ воровъ сыскивать велѣли, а сыскавъ ихъ велѣли казнить.“

ствовать великому князю, присовокупилъ, чтобы и царь Ѳеодоръ Иоанновичъ передъ его послами далъ клятву свести казаковъ съ Волги, Яика и съ Доуу (94).

Въ то же самое время, когда Ногайцы изъявляли неудольствие свое на соседство Донскихъ казаковъ и на обиды отъ нихъ притерпѣваемыя, ханъ крымскій и султанъ турецкій несравненно съ большимъ жаромъ и настойчивостію писали и безпрестанно говорили послѣмъ нашимъ о разореніяхъ дѣлаемыхъ казаками подданнымъ ихъ, а всего боѣе Азовцамъ.—Такъ въ 1576 г. посолье російскій Мисоѣдовъ, находясь въ Крыму, писалъ въ Иоанну, что крымскій царь выговаривалъ ему: „Мы съ братомъ Иоанномъ въ добромъ согласіи, а Донскіе казаки Азовъ воюють (95)“ Поводомъ къ симъ упрекамъ—продолжасть Мисоѣдовъ—было то, что султанъ турецкій въ 1574 г. посылалъ въ хану Чеуша своего съ выговоромъ, что имъ казнень былъ нѣкто *Данилка* (Мишкинъ сынъ) Черкашенинъ и что за это Донскіе казаки Азовъ взяли, захватили въ немъ 20 челов. лучшихъ, кромѣ черныхъ людей и султанскаго шурина Сеина: „Ныиѣ—писалъ султанъ хану—ты межъ казаковъ великую вражду учинилъ; впередъ отъ нихъ нельзя устоять мосму Азову; а вѣдь Азовъ казаками и жилъ, а казаки Азовомъ жили, отъ чего и было между ними мирно. А мнѣ твоей крымскій юртъ не судить одного Азовскаго человѣка (96)“ Потомъ ханъ въ томъ же

(94) Дѣла Ногайскія въ столбцѣ связка 1-я 1587 г. іюля мѣсяца.

(95) Дѣла Крымскія книга № 14 отписка Россійскаго посланника Ивана Мисоѣдова, находившагося въ Крыму въ 1576 г., см. л. 236.

... „Да говорилъ, государь, царь про казаки про Донскіе, про что де казаки Донскіе воюють Азовъ? Мы де съ братомъ спонимъ и. к. въ братствѣ и въ любви будемъ, а казаки де воюють Азовъ, и мнѣ де и турецкаго царя отстать какъ? Да царь же, государь, молвилъ: да то де есмь слышалъ же, что братъ нашъ, которые казаки воровами безъ его вѣдома, и онъ де велѣлъ ихъ перенмати, да въ тюрьму посажати, а царь, государь, говорилъ про Азовъ потому, что писалъ къ нему турецкой царь про что де ты казнилъ Мишкина сына Черкашенина и ныиѣ де у меня казаки Азовъ взяли“....

(96) Тамъ же другая, отписка того же посланника см. л. 269.

... „Іюня въ 29 д. (1574 г.) прислалъ турецкой царь Чеуша къ крымскому царю; а писалъ къ нему о Данилкѣ Мишкинѣ сынѣ, про што де и ты Мишкина сына Черкашенина казнилъ. Ныиѣче де и у меня казаки Донскіе за Мишкина сына Азовъ съ отцомъ взяли, и лучшихъ людей у меня

году писалъ къ великому князю: „ты приказалъ султанскаго величества городъ Азовъ воевать и жечь, и ты поступилъ неосторожно, простирая руку свою на землю султанову; трудно тебѣ стоять противъ султана (97)“. Иоаннъ на эти упреки, чрезъ посланника своего Елизарія Ржевскаго, отвѣтствовалъ: „казаки Донскіе живутъ на Дону не по указу нашему, но самовольно. Нѣсколько уже лѣтъ попеременно бываетъ у нихъ съ Азовцами миръ и война, и сверхъ того они неоднократно грабили нашу казну и на Дону и на Волгѣ.—На Азовъ мы никого невосызали, а свѣдавъ о войнѣ казаковъ съ Азовцами и убыткахъ причиненныхъ ими Азову, еще гораздо прежде полученія твоей грамоты, дали позелѣніе всѣмъ воеводамъ украинныхъ городовъ, брать казаковъ подъ стражу и казнить, если который изъ нихъ гдѣ появится (98).

изали изъ Азова 20 чел., да шуринна моего Сенна, oprичъ черныхъ людей; и нынѣче де казаки къ Азову тѣхъ 20 человекъ, и шуринна моего приволили, а просили Мишкина сына, а ихъ всѣхъ хотѣли отдати, а нынѣче де и ты межъ казаковъ и Азова великую кровь учинилъ, вперѣдъ де нельзя Азову моему и пробыти отъ нихъ, а вѣдь де и Азовъ казакъ и жилъ, а казаки де и Азовомъ жили, о чемъ де и у нихъ по ея мѣсто все было мирно, а меня и твой крымской юртъ не судить одного Азовскаго человека.“

(97) Дѣла Крымскія книга № 14 грамота крымскаго хана къ вел. кн. см. л. 306 на оборотѣ.

.... „А Хандыкерова величества славнаго города Азова велѣлъ еси воевать и жечь и ты то негораздо сдѣлалъ, что руку свою протанулъ на Хандыкереву землю, и ты то учинилъ на себя, и Божіею милостью, которые и по рѣкѣ и по сухѣ живутъ, и тѣхъ всѣхъ недруговъ взялъ онъ подъ свои руки; по ея мѣста ты не умѣешь стоять противъ меня, а противъ его какъ тебѣ стоять?“

(98) Дѣла Крымскія кн. № 14, отвѣгналъ грамота в. к. къ крымскому царю, л. 338—340.

.... „А что де еси брать намъ писалъ, что казаки Донскіе приходили на Азовъ и Азову много лиха починили, и казаки донскіе потому же не по нашему велѣнію на Дону живутъ, бѣгая изъ нашего государства, а не по нашему наказу. И много лѣтъ живутъ подъ Азовомъ, и много на Дону живеть того: иногда въ миру, а иногда не въ миру, да только всякія такія дѣла у нихъ межъ ихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома; а донскіе казаки, на Дону и на Волгѣ и наши казны грабивали, и мы сыскавъ за то ихъ казнили. А про то намъ слышеть лучиное сталося людямъ съ донскими казаки межъ ихъ розни и война, и казаки донскіе собрався приходили къ Азову; да только всякія дѣла межъ азовскихъ людей и донскихъ казаковъ дѣлаются и мирныя и бранныя безъ нашего вѣдома, а мы къ Азову николи людей своихъ не посылавали и впередъ послати не хотимъ, и мы свѣдавъ про то тогдажь и безъ твоей, брата нашего, прпсылки, которые казаки воровали къ Азову приходили, по всѣмъ своимъ украинамъ заказали, которой казакъ донской шпридетъ

Набѣги казаковъ на Азовъ съ сего времени продолжались ежегодно⁽⁹⁹⁾. Слѣдовательно и жалобы крымскаго хана и султана турецкаго не только не прекращались, но дотого распространились, что въ 1578 г. они настаивали уже дабы казаковъ съ Дону свести⁽¹⁰⁰⁾. Дворъ нашъ избѣгая явнаго разрыва съ ханомъ крымскимъ и султаномъ турецкимъ, оправдывалъ себя, говоря, что на Дону живутъ бѣглые люди разныхъ государствъ и царь далъ обѣщаніе стараться ихъ унимать и за своевольства ихъ казнить смертію⁽¹⁰¹⁾. Казаки однакожъ не переставали громить Азовъ, избирая для того удобное время и тѣмъ заставляли Азовцевъ, немогшихъ побѣждать ихъ, приносить на нихъ частыя жалобы Амуратъ султанау, котораго негодованіе на Россію еще болѣе усилили казаки Уральскіе и Терскіе: послѣдніе особливо не переставали нападать на владѣнія его по Тереву и много вредили турецкой арміи, воевавшей тогда съ Персіею.

на украинной городъ нашъ, которые *натопраковъ* (такъ въ подлинникѣ), велики тѣхъ имаа казнити, и которые пришли на которую украину и мы ихъ имали и казнили, и впредъ хотимъ такихъ воровъ унимати:....

Тоже повторяется и въ другой грамотѣ, которую писалъ в. к. съ посломъ Елизаромъ Ржевскимъ къ калгѣ Магметъ Гирею царевичу. См. тамъ же. л. 350.

⁽⁹⁹⁾ Дѣла Крымскія книга № 15 л. 382 на оборотѣ см. грамоту калги Адылъ Гирея къ в. к.

.... „Хандыкерева величества земля наша, а наша земля Хандыкерева величества земля. Что его городу Азову твои казаки убытки чинять, кабы надъ нами они чинять, чтобъ еси такъ вѣдалъ, ежегодно твои казаки по Дону приходя, Азову шкоды чинять и нынѣшняго году казаки твои двожды приходили, никому учинивъ отошли.

⁽¹⁰⁰⁾ Тамъ же, л. 368 на оборотѣ и 369, грамота царя крымскаго къ в. к. въ коей, между прочимъ, писалъ.

.... „И которые казаки у тебя на Дону, и тыбъ тѣхъ казаковъ велѣлъ свести, чтобъ брата нашего Хандыкерева величества городу Азову отъ нихъ докуки не было:“

⁽¹⁰¹⁾ Дѣла Крымск. книга № 15 л. 418 на оборотѣ, см. наказъ посланнику Василію Зузину и дьякамъ Андрею и Василію Шеркаловымъ.

.... „А что братъ нашъ Магметъ Кирей царь писалъ къ намъ въ своей грамотѣ, чтобъ намъ съ Дону казаковъ свести, чтобъ Азову убытки нечинили, и нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ, и не посылаемъ никого, а живутъ на Дону всякихъ земель бѣглые люди нашего государства и литовскіе земли; а на нашихъ украиняхъ, воеводамъ именной нашъ приказъ, что не велѣно никого на Дону пропускать и съ Дону казака никакова пуцать не велѣно на украини. А кого изымутъ на украинѣ и тѣхъ казнять смертію:“

То же повторяется и въ грамотахъ в. к. къ царю крымскому л. 146 на оборотѣ и 147 и къ Калгѣ царевичу Адылъ Гирею л. 462 и 470.

Посольство Благова въ Константинополь. Грамота къ Донскимъ казакамъ, посланная съ Борисомъ Благимъ. Дабы уничтожить всё неудовольствіи султана и упрочить миръ между Россією и Оттоманскою портою, царь Феодоръ Иоанновичъ въ 1584 г. отправилъ въ Константинополь посланника своего *Благова*. Послу этому велѣно было ѣхать до Азова Дономъ и поручено вручить казакамъ государеву извѣстительную о его посольствѣ грамоту, въ которой повелѣвалось имъ прекратить всё ссоры съ Азовцами: „живите—писаль къ нимъ царь—съ Азовцами *смирно* и не давайте никакого повода къ раздорамъ, дабы не попрепятствовать добрымъ нашимъ намѣреніямъ; дозвольте имъ *ходить на Донъ для рыбныхъ ловель, для дровъ и для иныхъ запасовъ безпрепятственно*.“ Сверхъ этого Благому поручено было употребить посредство свое въ примиреніи казаковъ съ Азовцами, склонить пашу азовскаго къ выгоднымъ условіямъ; а казакамъ въ той же грамотѣ присовокуплено: „и коль скоро Борисъ (изъ Азова) извѣститъ васъ о семъ; то пошлите въ Азовъ для договоровъ своихъ атамановъ и увѣрте пашу, что все сіе дѣлаете вы по моему приказанію, что я запретилъ вамъ тревожить и азовскія и крымскія области.“ Наконецъ государь повелѣвалъ казакамъ, дождавшись на Дону (разумѣется въ нижней части Дона) обратнаго возвращенія посланника изъ Константинополя проводить какъ его, такъ и посла турецкаго до Рязанской области: „будьте на Дону до тѣхъ поръ, пока Борисъ Благой возвратится изъ Константинополя въ Азовъ; . . . а какіе именно низовые атаманы останутся *отъ Азова до Раздоръ* дожидать нашего посланника, о тѣхъ пришлите къ намъ списокъ, и мы наградимъ ихъ нашимъ жалованьемъ (*) Если же султанъ съ посланникомъ нашимъ пошлетъ и своего посла, то проводите обоихъ ихъ съ подобающею честію.“ Въ началѣ грамоты сей

(*) Примѣчаніе. Обстоятельство сіе подаетъ поводъ думать, что въ сіе время ниже Раздоровъ на Дону до самаго Азова не было еще казачьихъ городковъ.

написано: къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ *старымъ и новымъ*: смыслъ этихъ словъ показываетъ, что въ то время были на Дону какіе-то новые пришельцы, и вѣроятно запорожскіе Черкасы, бѣжавшіе на Донъ отъ притѣсненій вельможъ литовскихъ. Дѣйствительно, за пѣсколько предъ симъ лѣтъ малороссійскіе казаки, угнетенные Польшею, желая сохранить свою независимость, оставили жилища днѣпровскія, пришли на Донъ и бывъ ласково *приняты Донцами*, пезахотѣли уже возвратиться назадъ. Можетъ быть этотъ самый случай былъ поводомъ двору нашему неоднократно слагать на сихъ казаковъ вину Донскихъ. Но эти новые пришельцы, оставшись на Дону, безъ сомнѣнія признали надъ собою власть Россіи и вступили во всѣ обязанности, лежавшія на Донскихъ казакахъ; слѣдовательно повелѣнія государей о сохраненіи мира съ Азовцами, равномѣрно относились къ тѣмъ и къ другимъ казакамъ.

Хотя царь и обнадеживалъ казаковъ въ своей милости, требовалъ службы вѣрной; но въ наставленіи данномъ Благому, велѣлъ сказать султану, въ случаѣ его жалобъ на Донскихъ казаковъ: „что люди сіи суть опальные бѣглецы изъ Россіи и иныхъ государствъ, изъ коихъ нѣкоторые и составились на Дону; живутъ близъ Азова самовольно, а не по государеву велѣнію и ссора у нихъ съ Азовцами и Крымцами происходитъ болѣе за то, что Азовцы, Крымцы Казыева улуса и Дивеевыхъ дѣтей люди ходятъ войною на украинны государевы, берутъ въ плѣнъ жителей и въ Азовъ отводятъ, и что казаки немоги терпѣть сего, нападаютъ на Азовцевъ и Крымцевъ, хотя государь и подтверждаетъ имъ, чтобы они съ Азовцами жили смирно и на крымскіе улусы не приходили (102).

(102) Дѣла Турецкія кн. № 2 л.288—291. см. наказъ посланнику Россійскому Борису Благому, отправленному въ Царьградъ въ 1584 г.

... „Да память Борису: будетъ ему учнетъ въ Азовѣ Мустуфа князговорниъ о казакахъ, что живутъ близко Азова и многіе убытки азовскымъ людямъ дѣлають и на улусы крымскіе приходятъ, и Борису говорить, что на Дону и близко Азова живутъ казаки всѣ бѣглецы люди, иные казаки тутъ и постарѣлцы живучи, а межъ ихъ ссора ставител

Требованія султана о усмиреніи и сводѣ казаковъ съ Дону и обѣщанія за то совершеннаго спойства Русскимъ украинамъ отъ Крымцевъ и Ногайцевъ. Посланникъ приплывъ до Азова Дономъ, охраняемый Донскими казаками, водворилъ между сими послѣдними и Азовцами доброе соглашеніе и достигъ потомъ Константинополи благополучно. Еще въ Кафѣ замѣчали ему, что Порта весьма не довольна поведеніемъ Уральскихъ, Терскихъ, а наиболѣе Донскихъ казаковъ, за ихъ частыя набѣги на области турецкія; въ Константинополѣ ему твердили то же; даже самъ султанъ, изъясняя Ѳеодору Іоанновичу благодарность за желанія быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Портою, требовалъ между прочимъ, чтобы царь немедленно унялъ Донскаго атамана Кишкина, который незадолго предъ этимъ, ставши подъ самымъ Азовомъ, нанесъ великія разоренія жителямъ онаго (103), присовокупляя къ тому, что если государь московскій съ Терева и съ Дону отъ Азова казаковъ сведетъ, то и султанъ даетъ обѣщаніе унять отъ нападенія на російскія украинны Азовцевъ, Крымцевъ, Ногайцевъ, Бѣлгородцевъ и Казыевъ улусъ (104). Но Благой, по данному ему наставленію, оправдывалъ и государя и казаковъ.

Между тѣмъ, когда посланникъ этотъ отправлялся изъ Москвы на Донъ, въ то время атаманъ волжскихъ разбой-

оттого, что азовскіе люди и Казыева улуса и Дпневскихъ дѣтей съ крымскими и ногайскими людьми ходятъ на государевы украинны войною и многихъ русскихъ людей емлютъ въ полонъ и возятъ въ Азовъ, и казаки того негома терпѣти на нихъ приходять; а государевъ заказъ къ тѣмъ казакамъ есть, чтобы они подъ Азовъ не приходили и азовскимъ людямъ убытковъ никакихъ нечпнили, а жили съ азовскими людьми смирно и на крымскіе бы улусы не приходили:....

(103) Дѣла Турецкія, кн. № 2, л. 481. См. грамоту турецкаго султана.

..... „Да казаки ваши Кишкинъ съ товарищи живутъ подъ нашимъ городомъ Азовомъ, и подъ азовскимъ урочищамъ людей нашихъ тѣснятъ, и многіе убытки чинятъ, и ихъ грабятъ и побиваютъ,—я то дѣлается не по прежнему обычаю, и вамъ бы тѣхъ людей надо де унимати:“

(104) Тамъ же, л. 326, см. донесеніе Благона.

... „Да тебѣ же бы, государю, велѣти съ Терки и съ Дону отъ Азова, казаковъ всѣхъ свести, а турецкой противъ того хочеть унять крымскаго царя и Казыевъ улусъ и азовскихъ и бѣлгородскихъ людей всѣхъ, чтобы не ходили на твои государевы украинны войною ни одинъ человекъ;“

никовъ нѣкто Юшко Несвитаевъ (разграбившій на Волгѣ Армянь и гостей англійскихъ), свѣдавъ о томъ, оставилъ Волгу и съ единомышленниками своими Донскими казаками перешелъ на Донъ въ намѣреніи разграбить посольство. Въ Москвѣ узнали о намѣреніи сего атамана и въ то же время писали на Донъ атаману Ивану Кишкину; но грамота сія вѣроятно не получена въ войскѣ; ибо Юшко Несвитаевъ дождавшись посольства, напалъ на оное, захватилъ суда, всѣ запасы отнял, и самага посланника безчестилъ. Посему поручено было Василю Биркину, отправленному изъ Москвы на Донъ, для встрѣчи возвращавшагося Благово, совокупно съ атаманомъ Иваномъ Кишкинымъ, вѣрнымъ царю, развѣдавъ о семь и перелова виновныхъ трехъ или четырехъ чело- вѣкъ, привести съ собою въ Москву, другихъ виновнѣйшихъ пять или шесть чело- вѣкъ, бить вкнутомъ на Дону; а пограб- ленное все доставить къ государю; если же атаманъ Юшко Несвитаевъ будетъ на Дону и принесетъ государю повинную, то дѣло сіе оставить ⁽¹⁰⁵⁾. Но чѣмъ это кончено и какъ без- честіе сдѣлано посланнику сими разбойниками, въ актахъ того времени неупоминается.

На возвратномъ пути въ, Кафѣ, юни въ 22 день на зарѣ собрались къ посланнику на дворъ съ великимъ шумомъ черкаскія князья и Черкасы и упрекали его, что Донскіе казаки въ турецкихъ владѣніяхъ, между Керчи и Бакчиса-

⁽¹⁰⁵⁾ Дѣла Тур., кн. № 2, л. 321. См. наказъ Василю Биркину, посланному на Донъ для встрѣчи возвращавшагося изъ Константинополя Благово.

... „Да память Василю Биркину: какъ шолъ отъ государя къ тур- скому султану посланникъ Борисъ Благой, и на Дону на него приходили Донскіе казаки и Бориса безчестили, и суды у Бориса отымали, и занасъ поймали многою силой, и Василю пріѣхавъ на Донъ, вмѣстѣ съ ата- маномъ съ Иваномъ Кишкинымъ и съ иными атаманы и казаки, кото- рые государю служатъ, да тѣхъ бы казаконъ, которые воровали, и Бориса безчестили, и запасъ имали, сыскали и перенимали, а перениманъ, лучшихъ трехъ, четырехъ привести къ государю съ собою вмѣстѣ; а иныхъ пу- щихъ выбравъ пяти, шти, за воровство бити вкнутемъ на Дону..... А что писано напередъ сего отъ государя къ Ивану, что перешелъ съ Волги атаманъ Юшко Несвитаевъ, съ товарищи, на Донъ, и хотятъ воровати, приходитъ на Бориса Благово, и Ивану Кишкину съ тотарищи велѣно того Юшка съ товарищи перенимати и привести ихъ къ Москвѣ, и будетъ Юшко Несвитаевъ съ товарищи нынѣ на Дону и предъ государемъ ис- правится, и учнетъ служить и принять во всемъ, и Василю и Ивану Кишкину надъ нимъ ничего не дѣлати и его не имати“.....

рая на морѣ переловили множество Черкасъ, рыболовъ и нѣсколькихъ челоувѣвъ умертвили. Буйные хотѣли убить посла. Благой едва убѣдилъ ихъ отвѣсть его къ пашѣ; но и тутъ слышалъ тѣ же упреки: „прежде никогда не бывало—говорилъ паша—чтобы Донскіе казаки приходили для грабежей въ столь отдаленныя отъ Дона мѣста, а нынѣ изъ турецкихъ городовъ людей въ плѣнъ берутъ и убиваютъ“.... Князья совѣтовали пашѣ увѣдомить о томъ султана, а по сланика задержать; но Благой отозывался невѣденіемъ Донскіе-ли или литовскіе то были казаки.

Прибывъ въ Азовъ, Благой извѣстился, что Донскіе атаманы Гаврила Глумовъ съ товарищи 500 челов. на Дону его дожидаютъ и хотятъ громить; слухъ сей дошелъ и до азовскаго князя. Посоль турецкій, боялся съ Благимъ идти далѣе и сей принужденъ былъ послать къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ, Донскаго же атамана, бывшаго тогда въ Азовѣ въ плѣну и поручить ему сказать казакамъ, чтобы они его Благова и посла турецкаго проводили до государевыхъ украинныхъ городовъ цѣлостно по государеву указу (106).

О этихъ приключеніяхъ Благой донесъ государю, и въ слѣдствіе того посланъ былъ еще на встрѣчу ему воевода Юрій Булгаковъ, а къ казакамъ отпралена грамота (отъ 30

(106) Дѣла Турецкія, кн. № 2, л. 329 донесеніе Благово.

.... „Да приближалъ, государь, съ Дону отъ казаковъ изъ Иванова юрта Ртищева бусурманъ, Магметомъ зовуть, а бывалъ Донской же казакъ, и сказывалъ, государь, талмачу Байгальдею Исеневу, что на Дону вѣсть учинилася про меня, холопа твоего, что я їду назадъ къ тебѣ къ государю, а со мною идуть Арменья, и отобралисъ де, государь, на Дону Донскіе атаманы Гаврило Глумовъ, да Лука Царевъ казакъ, а съ ними 600 челов. казаконъ дожидаются, государь, меня холопа твоего, а хотятъ громить. Да и азовскому князю тотъ бусурманъ сказывалъ же, и Чаушъ, государь, по тѣмъ рѣчемъ, со мною холопомъ твоимъ, изъ Азова идти блудется и живеть въ Азовѣ, а меня, холопа твоего, изъ Азова не пустятъ же.... а велить, государь, азовской князь и Чаушъ съ казаки смѣлатца, чтобы Донскіе казаки, всѣ дали мнѣ холопу твоему правду передъ нами, что жь насъ пропустить и проводити къ тебѣ, государю, безъ всякія заѣпки.... и я, холопъ твой, носылалъ на Дону, къ Донскимъ атаманамъ, Донскаго атамана, которой былъ взятъ въ плѣнъ Михайла Елвина, да Ивана Пологовскаго, и велѣлъ имъ говорить, чтобы они однолично по твоей государевой грамотѣ, которая къ нимъ прислана со мною, меня холопа твоего и турецкаго посланника до тебя до государя проводили со всѣмъ здорово“....

сентября 1585 г.), которую обѣщали имъ дать помѣстья если въ точности исполнять волю царя ⁽¹⁰⁷⁾. Наконецъ послы въ сопровожденіи Донскихъ казаковъ, 24 ноября прибыли благополучно въ Москву. (*)

Переговоры турецкаго посла Ибрагима въ Москвѣ съ Россійскимъ дворомъ. Взаимное это посольство открыло намъ, что система Константинопольскаго двора въ отношеніи въ Россіи не измѣнилась, что султанъ не думалъ о заключеніи дружественнаго съ нею договора, желая единственно свободной торговли между обѣими державами и въ октябрѣ 1586 г. Ибрагимъ Чаушъ изъ Москвы отпущенъ съ такимъ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе казаки литовскіе, что Донской атаманъ Кишкинъ съ товарищи отозванъ въ Москву, что оставшимся на Дону его товарищамъ запрещено тревожить Азовцевъ, и что изъ Россійскихъ украинныхъ городовъ никому на Донъ ходить невелѣно; если же Донскіе казаки и за симъ станутъ воевать съ Азовцами, то ихъ приказано казнить смертію ⁽¹⁰⁸⁾.

Продолженіе военныхъ дѣйствій Донскихъ казаковъ про́тивъ Крымцевъ, Ногайцевъ и Азовцевъ. Вскорѣ и крымскія области снова почувствовали силу воинственныхъ сосѣдей своихъ Донскихъ казаковъ. Междоусобная война хана крымскаго Исламъ Гирея съ племянниками его Магметовыми сыновьями, кажется была поводомъ къ тому. Ханъ вспомошествоемый Турками, разбилъ царевичей и принудилъ ихъ искать убѣжища у завожскихъ ногайскихъ Татаръ. Россія, видѣвшая въ этомъ случаѣ надежное средство къ обузданію хана, приняла бѣглецовъ подъ свое покровительство. Еще въ 1585 г. одинъ изъ нихъ

⁽¹⁰⁷⁾ Дѣла Тур. кн. № 2. л. 344 и 345 грамота, на Донъ 30 сентября 1585 г.

(*) Примѣч. было-ли сдѣлано какое распоряженіе о дачѣ казакамъ въ 1585 г. помѣстій и были-ли оныя кому раздаваемы, изъ актовъ ничего не видно.

⁽¹⁰⁸⁾ Дѣла Турецк., кн. № 2, л. 495, см. грамоту царя къ султану октябрѣ 1586 г.

Саидъ-Гирей, склонилъ Донскихъ казаковъ воевать Тавриду; вслѣдствіе сего, но вѣроятно безъ соизволенія и даже безъ вѣдома государева, собрались они на берегахъ Дона въ значительномъ числѣ, вступили съ Саидъ-Гиреемъ въ Крымъ и, разоривъ нѣсколько улусовъ, возвратились назадъ безъ дальнихъ успѣховъ.

Ногайцы, неблагопріятствовавшіе изгнанникамъ притерпѣвали отъ Донскихъ казаковъ за это болѣшія еще разоренія, нежели Крымцы: около 1587 г. вторгнулись они въ улусы князей Екшисата и Кайбулы, — которые избѣгая обидъ отъ Черкасъ пятигорскихъ прикочевали въ сіе время къ Дону — разорили оныя, взяли въ плѣнъ Екшисатову замужнюю дочь съ дѣтьми и заставили сихъ князей умолять Исламъ-Гирей о помощи. Но ханъ находясь и самъ въ ненадежномъ положеніи, боялся послать войска свои въ пустыя степи, гдѣ казаки легко могли разбѣять и истребить оныя, а совѣтовалъ Екшисату и брату его перейти съ своими улусами въ области крымскія, обѣщая дать имъ земли ⁽¹⁰⁹⁾.

Неменѣе того Донскіе казаки нападали на окрестности Азова и содержали этотъ городъ во всегдашнемъ страхѣ ⁽¹¹⁰⁾.

Союзъ Донскихъ казаковъ съ Запорожцами, изъ коихъ многіе избѣгая притѣсненій польскихъ вельмомъ удалились на Донъ. Еще

⁽¹⁰⁹⁾ Дѣла Крымскія, кн. № 17, см. вѣстовой списокъ возвратившагося изъ Крыма Ивана Судакова — Мяснова, л. 37 и на оборотѣ.

.... „Юля въ 27 день сказывалъ Ивану Севчюра Байкешедъ, а сказывалъ ему въ разговорѣ Имейшихъ: пріѣхалъ къ царю Кайбула мурза ногайской, Екшисатовъ братъ, прислалъ его Екшисать ко царю бити челомъ, чтобы царь пожаловалъ, посылатъ царевича съ людьми беречь его отъ Черкасъ пятигорскихъ и отъ Ногай отъ Заволжскихъ и отъ казаконъ Донскихъ; тѣснота Екшисату со всѣхъ сторонъ: Черкасы пятигорскіе отогнали у нихъ лошади сего лѣта и Екшисать подкочевалъ къ Дону, и казаки Донскіе его громилы и поймали у него улусы многіе и взяли у Екшисата дочеръ замужнюю съ дѣтьми, и казаки Донскіе шкоты добре починили много:....

⁽¹¹⁰⁾ Дѣла Крымскія, № 18, грамота крымскаго царя Казы - Гирея къ боярину Борису Фёдоровичу Годунову, л. 105.

„Да казаки ваши Донскіе Азову городу досаду чиняты, и вамъ-бы для турковъ тѣхъ казаковъ уняти, да ваши жъ казаки съ Дону и Самары къ Овечьимъ водамъ прихода украдомъ къ нашимъ ко многимъ улусамъ, воруютъ, животь емлютъ.“

И донесеніе посла Бибинова, тѣхъ же дѣлъ № 19, л. 150.

А отъ Донскихъ казаковъ Азову тѣснота чинится, а Терскіе казаки ходили къ Темрюку городу.

за нѣсколько лѣтъ Запорожцы, или такъ называемыя Запорожскіе Черкасы, по склонности-ли и по любви къ вольной и независимой жизни и грабежамъ, или прельщаемыя славой Донцовъ, или наконецъ, избѣгая притѣсненій и обидъ, притерпѣваемыхъ ими отъ польскихъ вельможъ, сперва небольшими партіями человекъ по 20 и по 30, уходили на Донъ, припимаемы были здѣсь братски и наравнѣ съ Донцами дѣлили опасности и добычи. Но около 1588 г. Запорожцы отдѣляясь отъ собратій своихъ въ знатномъ числѣ, подъ начальствомъ атамана своего Матвѣя Ѳедорова, поплы съ береговъ Днѣпра къ Дону, вѣроятно для соединенія и сожительства съ Донскими казаками и недошедши къ нимъ, остановились у Сѣвернаго Донца на дорогѣ Ливенской, по коей проѣзжали послы въ Крымъ и въ Москву изъ Крыма; здѣсь они разбивали и грабили всѣхъ проѣзжающихъ и до того распространили страхъ по всей здѣшней украинѣ, что гонцу нашему Петру Зиновьеву, отправленному въ Крымъ въ 1589 г., съ крымскими гонцами, въ Москвѣ находившимся, дано было для охраненія 150 человекъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, а въ наказъ его между прочимъ предписано было: идти съ большою осторожностію, и если Запорожцы дѣйствительно стоятъ на Донцѣ, то послать къ нимъ сперва отъ себя станицу и сказать, что есть государева грамота къ нимъ и слово и просить, чтобы атаманъ Ѳедоровъ видѣлся съ нимъ Зиновьевымъ, а при свиданіи сказать всѣмъ атаманамъ и молодцамъ повлонъ отъ государя, уговорить, чтобы его и крымскихъ гонцовъ пропустили безъ всякаго вреда и проводили-бы ихъ честно; сверхъ того склонять ихъ служить усердно гоеударю и за вѣрную службу обнадѣжить ихъ государевою милостію и жалованьемъ ⁽¹¹¹⁾.

Отсюда вѣроятно эти Черкасы поплы прямо на Донъ и, соединившись съ Донскими казаками, весной 1589 г. поплы на Азовъ, разграбили посадъ сего города и взяли въ плѣнъ

(111) Дѣла Крымскія, кн. № 17, л. 239—243, см. примѣч. 46.

300 человекъ (112).

Невзирая на это дворъ московскій дружескими сношеніями и подарками, посылаемыми хану и его ближнимъ людямъ, всячески старался удерживать Крымцевъ отъ набѣговъ на Россію. Они ласкали пословъ нашихъ только для подарковъ, и всегда искали удобнаго случая нанести вредъ Россіянамъ; думали, что каждый добрый ханъ обязанъ (въ исполненіе древняго обычая) хотя единожды видѣть берега Оки, для снисканія славы воинской. Полагаясь на увѣреніе недоброжелателей Россіи, что войско наше занято войною съ королемъ шведскимъ, ханъ крымскій Казы—Гирей сбросилъ личную дружества: весною 1591 г. собралъ многочисленную рать и соединивъ съ толнами Крымцевъ доли погайскіе, Казнева улуса, султанскіе, Азовскихъ и Бѣлогородскихъ Татаръ всего 150/т. челов. съ огнестрѣльнымъ снарядомъ, двинулся на Россію по дорогѣ изъ Туль, обходя всѣ крѣпости, нигдѣ немедля и неразсыпаясь для грабежа, въ намѣреніи неожиданно явиться предъ Москвою и предать все огню и мечу. Но казаки на степеняхъ—далеко отъ предѣловъ русскіихъ—взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ Татаръ изъ ханской рати и свѣдавъ отъ нихъ, что ханъ съ сильною ратію и съ надменнымъ хвастовствомъ, по повелѣнію султанскому, идетъ въ Россію, извѣстили о томъ заблаговременно царя и воеводу его (113). По симъ свѣдѣніямъ приняты были предосторожности; съ удивительною скоростію укрѣпили Москву, обратили монастыри въ крѣпости и собравъ сильное войско на лугахъ московскихъ, ждали непріятеля. Ханъ шель осторожно и приближившись къ русскому войску ударилъ на оное; сражался упорно и долго, много потерялъ убитыми, ранеными и плѣнными; но увидѣвъ, что Россія, невзирая на

(112) Тамъ же, л. 320, см. вѣстовой списокъ Петра Зинovieва.

... „А съ литовскимиъ королемъ турецкой султанъ воюетца: литовскіе люди кругъ Бѣлогорода всѣ посади пожгли. Да Черкасы же литовскіе воевали, сее весны, въ Азовѣ посадъ, мѣсяца мая въ 8 день, а взяли де въ Азовѣ на посадѣ Черкасы всякихъ людей человекъ съ 300.“

(113) Грамота царя Федора Ивановича къ польскому королю. Сигизмунд 1591 г.

войну съ Швеціею, довольно имѣеть войскъ для своей защиты, бѣжалъ со стыдомъ и страхомъ преслѣдуемый царскими воеводами. ⁽¹¹⁴⁾.

Отправленіе въ Константинополь посланника Нащокина. Султанъ оказывалъ явное негодованіе противу Россіи, но царь желалъ мира, и потому признано было необходимымъ возобновить съ Турціею, хотя наружно, дружественныя сношенія, для чего въ 1592 г. Григорій Афонасьевичъ Нащокинъ назначенъ былъ посломъ въ Константинополь ⁽¹¹⁵⁾.

Государь, увѣряя султана въ своемъ дружествѣ, жаловался на азовскихъ, крымскихъ и бѣлогородскихъ Татаръ, просилъ удержать ихъ отъ набѣговъ на російскія украины; а о казакахъ писалъ такъ: „на Донъ приходили литовскіе Черкасы и соединясь съ измѣнниками нашими Донскими казаками, людьми бѣглыми, жили тамъ и препатствовали проѣхать посланнику нашему..... Но если ты уймешь Азовцевъ, Бѣлогородцевъ и Крымцевъ, то и я пошлю нарочитую рать мою на Донъ и казаковъ велю казнить ⁽¹¹⁶⁾.“ Давая обѣщанія сіи, великій князь едвали когда располагалъ исполнить оныя, ибо зналъ вредъ, могущій отъ сего произойти государству; но вручивъ Нащокину грамоту къ султану и давъ нужныя наставленія, 6 апрѣля отправилъ его изъ Москвы. Въ этихъ обстоятельствахъ необходимо было склонить казаковъ жить мирно съ Азовомъ и со всѣми областями турецкими и крымскими, покрайней мѣрѣ въ продолженіи того времени, какъ происходятъ будутъ переговоры съ Портою и

⁽¹¹⁴⁾ Истор. Р. Г. Карамзина, Т. X, стр. 144—153.

⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁽¹¹⁶⁾ Дѣла Турецк., кн. № 3, грамота вел. кн. къ турецк. султану. л. 5.
.... „А по Дону были литовскіе Черкасы многіе и сложася съ нашими измѣнниками съ Донскими казаками, которые отъ насъ бѣгаютъ, жили на Дону и потому нашему посланнику и Дону проѣхати было нельзе. Л. 8. А которые воры Донскіе казаки впередъ будучи на Дону, Азову и Томани и Темрюку убытки почнуть чинити, и мы на Донъ пошлемъ впередъ рать свою, и тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ переимати и казнити велимъ, а вамъ бы, брату нашему, Муратъ султану, заказъ учинити, чтобъ впередъ азовскіе и бѣлогородскіе и крымскіе люди на наши украинны войною не приходили.“

пока посолъ возвратится въ Россію. По сей причинѣ Нащокину поручено было доставить къ Донскимъ казакамъ грамоту, въ которой государь повелѣвалъ имъ проводить посла до Азова, дожидаться тамъ его возвращенія и до того времени заключить миръ съ Азовцами; прекратить набѣги на турецкія области и отдать Нащокину всѣхъ находившихся у нихъ турецкихъ плѣнныхъ, за коихъ самъ государь обѣщался заплатить имъ. Въ случаѣ же ослушанія, царь угрожалъ казакамъ опалю, отправленіемъ на нихъ сильной рати и построеніемъ на Дону (на Раздорахъ) города ⁽¹¹⁷⁾. Съ симъ же послан-

(117) Дѣла Турецкія, кн. № 3, л. 79—81, грамота на Донъ марта 21

7160

1592 г.

„Отъ царя и великаго князя Федора Ивановича всеа Руссіи, на Донъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, которые нынѣ на Дону вверху и которые на низу близко Азова. Послали есмь во Царь-городъ къ Турскому Муратъ Салтану въ посланникѣхъ Григорья Афонасьевича Нащокина, а идти велѣли есмь Григорью на Азовъ, да на Кафу, и какъ Григорій пойдетъ Дономъ къ Азову, и выбѣ однолично съ азовскими людьми жили смирно и задору ни котораго азовскимъ людямъ не чинили, и чтобъ въ томъ нашему дѣлу поруки не было и нашему посланнику задержанья не было у турецкаго салтана, а которые будутъ азовскіе люди учнуть ходити на Донъ по прежнему, какъ съ Азовомъ въ миру живете, а мы Григорью съ азовскимъ санчакомъ велѣли о томъ договоритись, чтобъ азовскіе люди съ вами жили въ миру и задорубъ межъ васъ ни въ чемъ не было, покаместъ Григорей сходитъ, а которые у васъ въ рукахъ полоненники турецкаго Черьасы, которыхъ вы поймали, и выбѣ тѣхъ достальныхъ однолично съ Григорьемъ въ Азовъ отпустили безъ окупы, а мы васъ за то пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ, и тотъ окупъ за нихъ заплатити велѣмъ, а какъ Григорій Нащокинъ пойдетъ въ Азовъ, и выбѣ его ирвожали; а послѣ Григорья, какъ Азовъ пройдетъ Григорій, и выбѣ были съ нашимъ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Хрущовымъ на Дону въ Раздорехъ, въ которыхъ мѣстѣхъ пригоже и нашимъ дѣломъ промышляли съ Петромъ Хрущовымъ; а того бы есте берегли накрѣпко: будетъ воинскіе люди крымскіе и Казымева улуса Ногаи пойдутъ войною на наши украинны, или которые воинскіе люди пойдутъ съ половомъ съ нашихъ украинъ, и выбѣ въ тѣ поры, съ Петромъ Хрущовымъ, на тѣхъ людей на перевозѣхъ по Дону приходили и надъ ними промышляли, чтобъ надъ ними пощекъ учинити и намъ бы свою службу показали, а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ, и нынѣ есмь къ вамъ свое жалованье послали съ Григорьемъ Нащокинымъ, салтану и свинецъ, а впередъ васъ своимъ жалованьемъ великимъ хотимъ жаловати, и были бы есте на Дону до тѣхъ мѣстъ, какъ придетъ чь Царя-города Григорій назадъ въ Азовъ, а какъ Григорей придетъ назадъ въ Азовъ, и выбѣ его отъ Азова проводили до Разскаго города, межъ себя городъ отъ города. А которые останутся низовные атаманъ отъ Азова до Раздоровъ, и выбѣ ихъ имена, кто именовъ атаманъ, и сколько съ которымъ атаманомъ казаконъ оставятъ тобы естя именовъ переписавъ, дали письмо посланнику нашему Григорью Нащокину, а мы велѣли тѣхъ имена прислати въ намъ въ Москвѣ, и мы къ нимъ впередъ свое жалованье пришлемъ, которые

никомъ отправлено къ нимъ въ жалованьѣ пѣсколько кусковъ суковъ, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, атаманы и казаки почнуть дожидатися нашего посланника Григорья на Дону, одноличноб еста Григорья дожидались и того провѣдовали какъ Григорей въ Азовъ придетъ, а какъ придетъ, и выѣ его проводили, чтобм ему отъ Казнева улуса и отъ крымскихъ людей пройти здорово и безстрашно. А будетъ салтанъ турской пошлетъ къ намъ съ нашимъ посланникомъ съ Григорьемъ Нащоижнымъ своего посланника, и выѣ его посланника потомужъ провожали честно, выѣстѣ съ Григорьемъ. Писана на Москвѣ дѣта 7100 марта въ 21 день.“

Л. 134—136, грамота на Дошъ апрѣля 20 ⁷¹⁰¹/₁₅₉₉ года.

„Отъ царя и великаго князя Фѣдора Ивановича всеа Руссін, на Дошъ Донскимъ, атаманомъ верховнымъ и низовымъ, Степану Ершову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ верховымъ и низовымъ. Послали есма на Дошъ для нашего дѣла и въ встрѣчу турскаго Чеуша, воеводу нашего князя Григорья Константиновича Волконскаго, и какъ князь Григорей къ вамъ на Дошъ прїдетъ, и выѣ съ нимъ выѣстѣ дожидались и съ азовскимъ есте княземъ и съ азовскими людьми съ Азовомъ однолично выѣ помирились вскорѣ, покажѣста еще посланникъ нашъ Григорій и турской Чеушъ въ Азовъ не придутъ, и выѣ съ нимъ однолично, до ихъ приходу были въ миру и на море подъ города не ходили и ихъ однолично выѣ не задирали, хотя вамъ и досада отъ Азова была, и выѣ имъ задору нивакого ни дѣлали, и съ турскимъ салтаномъ насъ не ссорили; а не помиритесь вы выѣстѣ съ азовскимъ княземъ до турскаго посланника и со всѣми азовскими людьми не почнете миру держати по сему нашему указу, и насъ не послушаете и взочнете какой задоръ, а межъ насъ выѣстѣ съ турскимъ учините тѣмъ не дружбу а ссору и нашему доброму дѣлу съ турскимъ поруху учините, и вамъ отъ насъ быти въ опалѣ и въ казни и въ предѣ вамъ и пошлемъ на васъ Дономъ большую свою рать и поставитъ велимъ городъ на Раздорѣхъ, и выѣ однолично съ азовскими людьми помирились и передъ нами службу свою совершенную показали и отъ насъ опалы на себя не наводили. А какъ турсковъ Чеушъ и посланникъ нашъ Григорей въ Азовъ придутъ, и выѣ ихъ встрѣтили урядно по прежнему обычаю и приняли ихъ честно и турскома Чеуша и нашего посланника однолично проводили со всякою честью, перебравса человекѣтъ до двусотъ или до трехсотъ выѣстѣ съ княземъ Григорьемъ проводили, чтобъ отъ воровъ казаконъ и отъ Черкасъ нашему посланнику и салтанову Турскову Чеуши притти здорово, а мы свое жалованье со княземъ Григорьемъ Волконскимъ послали есма къ вамъ: къ лутчимъ сувна и зелье и свинцу и запасу не отъ велика. А будетъ князь Григорій Волконскій прїдетъ къ вамъ на Дошъ, а про турскома Чеуша и про нашего посланника въ Азовъ о приходѣ ихъ вести не будетъ, а царь будетъ и царевичи и азовскіе люди пойдутъ на наши украини, и выѣ конные подъ нихъ шли на перевозы и на шляхи, на Донецъ на Сѣверской, и надъ ними нашимъ дѣломъ промышляли, а гдѣ сойдетесь на Донцѣ съ нашими людьми съ путявскимъ и запорожскимъ Чаркасы, которые изъ Днѣпра придутъ по нашему указу, подъ царя на Донецъ,—а велѣно Черкасамъ запорожскимъ Гетману Хриштову Кониискому и всѣмъ атаманомъ и черкасомъ быти на Дону на шляхѣхъ и за царемъ итти, и нашимъ украинамъ помогати,—и выѣ съ ними состався съ нашимъ сыномъ боярскимъ, которой съ нами будетъ, и промышляти съ ними сонца за одинъ, да велѣли есма на Казневъ улусъ по Азовъ и за Дошъ итти на Калміусъ на Арасланавы улусы Дивѣена когайскимъ заволожскимъ мурзамъ со многими людьми, и дѣти боярскіе

30 четвертей толокна, 25 пудовъ селитры, сѣры и свинцу, по указу (118).

Но между тѣмъ Донскіе казаки при всей злобѣ противу нихъ Турокъ и Татаръ, продолжали обыкновенныя свои набѣги на ихъ селенія, за что подвергали иногда разорѣвію и собственные свои городки.

Такимъ образомъ зимою 1592 г. еще до отправленія Нащовина изъ Москвы, Азовцы, соединясь съ Черкасами приходили на казачьи городки произвели, опустошенія и взяли въ плѣнъ болѣе 100 человекъ (119). Казаки въ отмщеніе за сіе пошли подъ Азовъ: тамъ болѣе 130 человекъ убили, взяли нѣсколько въ плѣнъ и на страхъ варварамъ подъ самымъ Азовомъ, на одномъ изъ Донскихъ устьевъ, поставили крѣпостцу (120). Потомъ весною того же года, въ то самое время,

наши съ ними Леонтей Пановъ, да Никита Вашинъ съ ними придуть съ Волги, и какъ они къ вамъ къ Дону придуть и выбъ съ ними сонча промышляли и на крымскіе и ногайскіе улусы на Арасланаевы и на Казимевъ улусъ съ ними шли и за Донъ ихъ перевозили и убытка имъ ни котораго не чинили, и нашимъ дѣломъ съ ними съ нашими дѣтми бодрскими промышляли сонча за одинъ, и намъ службу свою показали, а почнете нашего указа слушать воеводу нашего князя Волконскаго и головъ почнете слушати и нашимъ дѣломъ промышлять почнете сонча, и вамъ отъ насъ будетъ великое жалованье. Писана на Москвѣ лѣта 7101 апрѣля въ 20 день:

(118) Дѣла Турскія кн. № 3, л. 82.

(119) Дѣла Турецкія кн., № 3, л. 89—98, см. прим. 128.

(120) Тамъ же - - - - - грам. Спнанъ наши къ

великому князю, л. 277—279.

„А се переводъ съ Сиванъ пашинны грамоты ко государю царю и в. к. Ѳеодору Ивановичу всеа Руссін.

„Въ великихъ величайшему Мессискаго закона правителю, и крестьянскую вѣру прославляющему, и крестьянскихъ странъ обладателю, и многіе войска направляя, и государства мужественно исправляющему, Московскому царю и в. к. въ добромъ прибыванье быти во вѣки и молитвы и моленія къ дружбѣ подобны возсмадо, и потомъ отъ любовнаго отца вѣдомое се: присылали есте къ счастливаго и величайшаго государя нашего къ высочайшимъ дверемъ посла Григорья, чтобъ грамоты ходили безъ урыва, какъ отца вашего нестало, и по благословенью отца своего сѣли есте на королевствѣ, и вы присылали къ счастливаго и честнѣйшаго государя нашего къ счастливымъ дверемъ, посла своего о дружбѣ, чтобъ на обѣ стороны ходили безъ задержанія и съ нимъ приклепавъ посылали отъ высочайшихъ дверей изъ Чеушъ Ибрагимъ

когда посланникъ находился уже на пути къ Азову, значительная ихъ партія, предводительствуемая походнымъ атаманомъ Василиемъ Жигулинымъ, на малыхъ лодкахъ пустилась въ моръ Азовское, для пораженія невѣрныхъ.

Чеуша, и его тогда позадержали затѣмъ, что литовскіе люди до роги не дали, и ходили есте на Литву и нѣсколко городовъ понимали, и послѣ того прислалъ шахъ Аббасъ челоуѣка своего Гадибека, и вы ему отказали, и вскорѣ опять прислали Бутакбека просячи того, что ему дали стрѣльцовъ пѣшихъ, и съ снарядомъ огненною бою, и для того, что изъ начала будучи счастливымъ государемъ нашимъ въ дружбѣ и впередъ похота быти и его непочтивъ наряду не давъ вскорѣ съ отказною грамотою отворотили, а на Теркѣ и въ Астрахани воеводамъ своимъ заказали ести, которая мусульманская рать живетъ въ Дербенѣ и въ Шемахѣ и въ Бакѣ, чтобъ съ ними не вдружилися. До великаго мѣста достигшаго, — отъ крымскаго отъ Казы Гирея царя посланъ былъ посломъ Усеинъ мурза, и его взяли Волскіе казаки и тѣмъ прежнюю дружбу порушили; да прежь сево какъ положили еси опалу на царевича Муратъ Гирея, и онъ отѣхалъ въ вашу сторону, и какъ его просили, и онъ въ то время не прилучился отѣзжалъ въ Шевкалы, и какъ приѣдетъ и его хотѣли ести прислати и его нестало, и та дружба вѣдома, а которые казаки живутъ и они Азову и инымъ мѣстомъ только учнутъ тѣсноту чинить, а на нихъ приплюютъ рать и ихъ велеть побить, крымскому царю и азовскимъ и бѣлгородскимъ князьямъ велеть на нихъ иди, что отъ нихъ украиннымъ людямъ тѣснота чинится; и они приходя извѣщаютъ, и о томъ грамота государя нашего счастливаго и высочайшаго . . . послана. А что писали ести въ грамотѣ, — что желательною мыслю въ дружбѣ быти хотите, и отъ вашіе страны только дружба утвѣрдится, и здѣшніе люди въ покоѣ пребывающіе, только потому жъ въ покоѣ учнутъ пребывать и отъ нашеи страны потому жъ дружба и соединеніе будетъ. Да въ прежніе лѣта, какъ Асманъ паша шель съ Дербена, а въ то время на бою взяли въ полонъ отъ дворянскаго причету Асаномъ зовутъ и нынѣ онъ въ Астрахани въ крѣпости да ѣхали въ до роги два кашпечя добрыхъ, одного зовутъ Мустафою, и ихъ взяли жъ казаки, и отъ вашіе страны опричь полоненья нѣтъ добра. Да казаки жъ ваши пришедъ подъ Азовъ, воевали, и взяли больше 130 челоуѣ. побили, а иныхъ въ полонъ помчали, и оную многую тѣсноту починили, а подъ счастливымъ государствомъ подъ Азовомъ, и на устьѣ Дону подъ посадомъ, се где словеть; да въ вѣдомомъ мѣстѣ на рѣчѣ Черкасской князь живетъ да на Маночи, да подъ посадомъ подъ Бузукомъ, да на Терекѣ, да на Суньшѣ рѣкѣ островъ подѣвали, да близко Дербени на Канзумскомъ морѣ города

Нащокинъ плыль Донуомъ до (шижн.) Раздоровъ спокойио и съ приличными званію его почестями; тутъ собралось тогда множество казаковъ, для встѣчи товарищей своихъ, отправлявшихся съ атаманомъ *Жигулинымъ на поиски* по Азовскому морю.— Не дошедъ до Раздоровъ за три версты, посоль оставилъся на Гостинюмъ (Гостинѣ) островѣ и на другой день, т. е. мая въ 31 день, послалъ въ Войско атамана верховыхъ казаковъ Вишату Васильева съ товарищи звать атамановъ и казаковъ для выслушанія государевой грамоты. Три дни они упорствовали, не хотѣли ѣхать и намѣревались посадить Вишату въ воду; но на четвертый день прибыло въ станъ послапниковъ до 300 казаковъ съ атаманомъ *Семеномъ Воейковымъ*.

Непріятности встрѣченія на Дону Нащокинымъ. Выслушавъ государеву грамоту и рѣчь Нащокина, говоренную по наказу, они въ войсковомъ кругу по общему приговору отвѣтствовали: „безчестно для насъ исвать самимъ мира у Азовцевъ. Мы только по просьбѣ враговъ

подѣлали, да на усть рѣки Сунши, гдѣ впаде Сунша въ Терку, тутъ остроги подѣлали, и подѣ счастливыми государствы подѣ Дербеню иѣскольво временъ казаки ваши стоять и въ Дербень и въ иные мѣста тое страны, которые ходить туды и сюды, и тѣмъ людемъ шкоту чиняютъ и побиваютъ, то подлинно вѣдомо: и вно государя нашего величества гумаюновѣ грамоте тѣхъ дворянъ и капычевъ и которне мусульмане у казаковъ въ рукахъ, ссыкали, а насилующихъ казаковъ извели, и со всѣхъ свѣдомыхъ мѣсть остроги и города поспали и были въ дружбѣ; а отъ здѣшніе страны опричь добра ни котораго лиха не будетъ, и государство ваше и земля отъ мусульманской рати, въ покоѣ здравы учнутъ пребывать. И какъ уже дасть Богъ впередъ, которой большой вамъ посоль будетъ, и въ томъ мы, что у насъ всякіе дѣла подѣлавъ къ вамъ поѣдетъ, такъ подлинно, а только тѣхъ поиманныхъ въ дружелюбное время не приходите, и дорогѣ и тѣхъ городовъ и остроговъ, дороги не отврите нашимъ людемъ, и отъ насъ дружбы не будетъ и царю Крымскому ходитъ на ваши земли, и съ гамаюновыми грамотами, посланными отъ высочайшихъ дверей Реззанъ Чеушъ и отъ старыхъ гостей Магмутъ, и какъ они у васъ будутъ и вамъ бы ихъ въ той странѣ не задержавъ вскорѣ со всѣмъ къ счастливымъ дверемъ отпустити порадѣти. Писана грамота въ мѣсяцѣ Шабанѣ.

нашихъ даемъ имъ пощаду, но сами оной никогда не просимъ; и если измѣнимъ теперь сему постоянному нашему правилу, то дадимъ поводъ почитать насъ слабыми, безсильными; тогда непріатели сдѣлаются дерзновеннѣе и самихъ насъ не оставятъ въ покоѣ; при томъ же безъ совѣта товарищей нашихъ, находящихся на морѣ, мы не смѣемъ начинать никакихъ переговоровъ. Не можемъ отдать и плѣнниковъ; мы купили ихъ своею кровію: не мы на нихъ нападали, а они сами искали головъ нашихъ и припедъ съ оружіемъ, хотѣли разорить наши городки, но за свою дерзость наказаны постыднымъ плѣномъ; желаемъ отмстить врагамъ нашимъ Азовцамъ, которые обратій нашихъ попадающихся имъ въ плѣнъ, всѣхъ мучительно убиваютъ, *имъ сажаютъ на каторги*, а намъ не только даромъ, но даже и на выкупъ не отдають ихъ.“

Посланникъ былъ огорченъ своевольствомъ казаковъ и рѣшительными требованіями своими еще болѣе усилилъ ихъ упорство; онъ удержалъ (знатную) часть присланныхъ къ нему отъ государя даровъ и тѣмъ возбудилъ недовѣрчивость до того, что заставилъ ихъ отважиться на самый дерзкій и предосудительный поступокъ.— Въ сіе время приближись моря ожидаемые товарищи ихъ; сдѣлали совѣтъ и въ общемъ собраніи положили требовать отъ посланника царскіе дары и тутъ же приговорили посадить въ воду Вишату Васильева, который казался имъ подозрительнымъ; но сей спасся бѣгствомъ въ станъ посланника. Послѣ сего казаки вооруженные пошли всею толпою къ Нащокину, требовали прочесть данный ему царскій наказъ и сдѣлать выдачу даровъ, отъ государя имъ присланныхъ; но посланникъ отвѣтствовалъ, что наказъ есть тайна государственная, а дары онъ раздѣлитъ самъ между верховными и низовыми атаманами и казаками: „мы всѣ равны, всѣ одинаково служимъ“—кричали разгоряченныя головы и, бросившись въ станъ посольскій, силою отняли всѣ дары, а Вишату, поймавъ, били предъ шатромъ Нащокина и посадили въ воду. Буйные своевольцы эти

скоро опомнились и старались преклонить на милость посла государева, сглашались на миръ съ Азовцами, просили его о посредствѣ, и 15 іюня съ честію проводили въ Азовъ ⁽¹²¹⁾.

Въ сіе время Донскіе казаки стояли подъ Азовомъ въ большомъ собраніи; Нащокинъ взялъ съ собою въ Азовъ двухъ Донскихъ атамановъ Семена Воейкова и Ѳедора Смирнаго для переговоровъ о мирѣ; сіи дозѣренные утвердили всѣ условія мира съ Азовцами и цѣловали крестъ за все войско.—Посланникъ, довольный примиреніемъ казаковъ съ Азовцами, готовился уже къ отплытію въ Кафу и привезалъ

(121.) Дѣла Турецк. кн. № 3-й л. 89,—98, Отписка посланника Григорія Нащокина къ великому князю, полученная въ Москвѣ іюня 22.

„ Государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу холопи твои Гришка Нащокинъ, да Андрюшка Ивановъ челомъ бьютъ. Писали есмя къ тебѣ къ государю напередъ сего съ Дону про крымскаго и про ногайскія вѣсти мая въ 16 д., что свазывали Донскіе казаки, которые ѣхали съ нпзу по полоненничи выходцы изъ Азова про крымскихъ же царевичей походъ на твои государевы укрийны и про Ногаи Казыева улуса и про азовскихъ людей и воронежскихъ казаковъ всѣхъ отпустили есмя вверхъ къ Воронежу съ Усть-Цымырѣви; а далѣ, государь, того воронежскихъ казаковъ имати съ собою не смѣли по твоей государевой грамотѣ, а станничники, государь, Михайло Любавской съ товарищи ѣхали отъ Воронежа по Ногайской сторонѣ до усть-Елани, а съ Усть-Елани велѣли есмя имъ ѣхати по кромской сторонѣ прямо къ Раздорымъ, для того, что бы на насъ Черкасы или Татаровя безвѣстно не пришли. И мая въ 29 д. на Каменномъ перевозѣ ниже Переволоки пять днищъ приходили, государь, на насъ на походѣ въ крымскую сторону литовскіе черкасы берегомъ конные, а иные въ судѣхъ и взяли было у насъ заднею ладью съ рухлядью служилыхъ Татаръ и съ кречетниковою рухлядью и привезли къ берегу, почали рухлядь выметывать, и мы, государь, пристали къ берегу къ ихъ сторонѣ и вышедъ изъ судовъ съ ними билися и Божію милостію и твоимъ государевымъ счастьемъ многихъ людей у нихъ побили и переранили и лодки ихъ отбили, а рухляди и лодки нечего имъ не дали и ихъ многую рухлядь отшибли, и Черкасы, государь, бьются съ нами, пошли въ степь и отшедъ отъ насъ съ полверсты стали въ терну у боярака, и мы, государь, ихъ изъ терну выбили и тутъ въ бояракѣ отполонили у нихъ станничниковъ Михайла Любавскаго съ товарищи 9 челов., которые были посланы отъ насъ степью къ Раздорамъ, да дву челов. Донскихъ казаковъ; а въ

грузить корабль. — Между тѣмъ князя Али и Али Азовскіе, для большей твердости мира послали изъ Азова въ войско греческаго попа (вѣроятно для того, чтобы привести къ крестному цѣлованію и всѣхъ казакомъ); но атаманы и казаки, всѣхъ условій этого мира, кои приняты товарищами ихъ, утвердить не согласились. Онимъ полагалось между прочимъ, чтобы Азовцы немедленно заплатили опредѣленный выкупъ за плѣнныхъ. Они за одного турецкаго Чеуша и за 6 горскихъ князей, бывшихъ у нихъ въ плѣну, требовали выкупу 17/т. золотыхъ. Азовцы не хотѣли дать такой платы и медали. Раздраженные казаки, почитая сіе нарушеніемъ договора, отрубили руку одному плѣнному князю, и съ симъ знакомъ безчестья послали его въ Азовъ, угрожал, что ежели

распросъ, государь, станичники сказали, что громил ихъ и взялъ Черкасы у верхнихъ Раздоровъ и взявъ де, государь, ихъ спрашивали про твоихъ государевыхъ людей сколько съ ними въ провожанье людей и нѣтъ ли конныя рати берегомъ, и дождовся, что конныя рати нѣтъ, потому на насъ и приходили и на томъ дѣлѣ дѣти боярскіе и сотники и казаки и Донскіе атаманы, которые посланы съ нами, тебѣ государю служили: да въ тоже, государь, время, какъ у насъ было дѣло съ Черкасы, шли съ низу Донскіе атаманы и казаки верховые, Афонасій Кузнецъ съ товарищи 30 челов. и на томъ дѣлѣ съ нами былижъ, и тебѣ государю служили и провожали насъ до низу. А въ нижніе государь юрты, гдѣ стоять въ сборѣ Донскіе атаманы и казаки, пришли есмь мая въ 30 день, и стали на Гостнаѣ острову, недошедъ войска версты съ три. И на завтре, государь, мая въ 31 день, послали есмь въ войско къ атаманомъ и казакамъ, чтобъ къ намъ пріѣхали для твоего государева дѣла и изъ войска, государь, атаманы и казаки не ѣхали къ намъ три дни, и отъ насъ къ себѣ дѣтемъ боярскимъ и атаманомъ и казакомъ ѣздить не велѣли, а своимъ казакомъ въ наши станы ѣздить заказали. А которые, государь, атаманы посланы съ ними три человекъ Вишата Васильевъ, Оноха Долган Пола, Ѳеодоръ Хорошей, и Ѳеодоръ, государь, Хорошей съ послѣднито стану поѣхалъ отъ насъ тайно къ нимъ въ войско и почаль стоять съ ними вмѣстѣ; а Вишата, государь, Васильевъ ѣздилъ въ войско для твоего государева дѣла и въ войску атаманы и казаки хотѣли его въ воду посадить, и онъ у нихъ ушелъ, а говорили де государь ему, что онъ тебѣ государю служить, а имъ недоброхотаеъ и будто онъ извызался у нихъ полоняниковъ взявъ, намъ отдать, а полоняниковъ де, государь, у нихъ турецкаго Чеушъ, да

пазначепный выкупъ не будетъ присланъ въ скорости, то они казнятъ всѣхъ плѣнниковъ. Снова возникла вражда, и злоба мусульманъ обратилась на невиннаго посланника; но

черкасскихъ князей Кабанъ съ товарищи 6 человекъ. И юня въ 4 день были, государь, у насъ на стану Донскіе атаманы Семень Воейковъ съ товарищи, а съ ними казаковъ человекъ съ 300, и азъ холопъ твой Гриша, по твоему, государеву, наказу говорилъ атаманомъ, чтобъ они съ азовскими людьми жили въ миру и задору ни котораго не чинили, а которые у нихъ полоняники, турской Чеушъ и червасы на окупъ не отданы, и онибъ тѣхъ отдали, а ты, государь, ихъ за то пожалуешь своимъ великимъ жалованьемъ и тотъ окупъ, что было имъ взяти, заплатитъ велишъ, и насъ бы до Азова проводили, а проводябъ насъ, были съ Петромъ съ Хрущовымъ въ Раздорехъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и твоимъ государевымъ дѣломъ промышляли надъ крымскими и ногайскими надъ воинскими людьми, а ты, государь, ихъ пожаловалъ, для тое службы прислалъ къ нимъ свое, государево, жалованье, запасъ и селитру и свинець, и грамоты твои, государевы, имъ далъ: и они, государь, грамоты твои взявъ говорили, что меня холопа твоего провожать и тебѣ, государю, служить готовы, а полоняниковъ де и намъ отдать немочно, взяли де ихъ своею кровью, а ходили тѣ черкасы за нами сами и нашихъ головъ искали, а не мы на нихъ ходили, а которыхъ де и нашу братью атамановъ и казаковъ емлютъ азовскіе люди, и тѣхъ мечутъ на уды и на каторги сажаютъ, а ветокмо отдать даромъ и на окупъ не даютъ, а засадили де въ миру казаковъ 24 челов. и на каторги посажали, а сее зныи больше 100 челов. по городкамъ азовскіе люди съ Черкасы поимали и на каторги распродавали, и то де къ намъ государево не жалованье, что которыхъ мы полоняниковъ взяли своею кровью, а государь тѣхъ хочеть у насъ взяти. И отшедши, государь, отъ насъ въ кругъ, члп твои государевы грамоты всѣмъ атаманомъ и казакомъ въ слухъ; и вычетчи грамоты, всѣ атаманы и казаки говорили межъ себя шумно, что имъ полоняниковъ не отдавать; а къ намъ, государь, пришедъ немногіе, говорили: прежде сего государь насъ жаловалъ и посылавалъ къ намъ грамоты низовымъ атаманомъ лучшимъ имяни и всѣмъ атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, а нынѣ писано на передъ атаманомъ и казакомъ де верховымъ, да опослѣ намъ низовымъ, и то не имянно, а верховые жъ казаки государевы службы и не знаютъ. И мы, государь, имъ говорили, что писаны грамоты по прежнему, а напередъ писаны верховые для того, чтобъ насъ провожали съ верху до низу; да говорилъ, государь, имъ о полоняникехъ, чтобъ они тѣмъ тебѣ государю службу свою показали, турскихъ полоняниковъ, которые у нихъ есть, отдали намъ, а ты, государь, ихъ пожалуешь и окупъ

Нащокинъ опять успѣлъ убѣдить азовскаго князя Али возобновить переговоры съ казаками о мирѣ. Послали для того изъ Азова въ войско Татарь; казаки согласились утвер-

— за нихъ заплатить велишгъ. И атаманы, государь, и казаки говорили, что полоняниковъ у нихъ турскаго Чеушъ, да черкасскихъ 6 князей Кабанъ съ товарищи, оцѣнились сами дати имъ за себя Чеушу 6/т. золотыхъ, а Кабану 3 т. зол., а достальные пять князей цѣнились по 4/т. золотыхъ, да на нихъ же поручныхъ окуповъ, которыхъ безъ денегъ отпускали, а въ окупу они ручались 3/т. золотыхъ и всего на нихъ окупу 32/т. золотыхъ; и будетъ де, государь, нынѣ съ вами тотъ окупъ прислалъ и мы ихъ отдадимъ, а безъ окупу отдавати намъ ихъ немочно, что де намъ за тѣхъ полоняниковъ взяти окупу и тѣ пая у насъ давно въ расходѣ; надѣясь на тѣ окупы займали и стали въ великихъ долгахъ; а только де намъ нынѣ отдать ихъ безъ окупу, и намъ тѣхъ окуповъ невдаты и въ 10 лѣтъ, а къ Москвѣ намъ по тѣ окупы не ѣзживати. И говорили есмь, государь, о томъ много и развода атамановъ порознь, всякими обычаями имъ разсуждали, чтобы они тебя тѣмъ, государя, непрогнѣвали и службу свою прямую показали, тѣхъ полоняниковъ намъ отдали и кабалы на себя имъ давали, да уговорить, государь, ихъ отнюдь не могли, а отказали, что имъ не безъ одное деньги тѣхъ и олоняниковъ не отдавати; а будетъ де вамъ велѣлъ, государь, тѣхъ полоняниковъ взяти у насъ сильно, и вы де у насъ возьмите изъ крови, а мы де ихъ пересѣвши, пойдемъ куды очи несутъ, ужъ то де у насъ готово пропало. И мы, государь, имъ говорили: государь у васъ тѣхъ полоняниковъ силою отымать не велѣлъ, а писалъ къ вамъ въ своей, государевѣ, грамотѣ свое жалованное слово, чтобы вы ихъ отдали для нынѣшняго дѣла, а отъѣздомъ вамъ государю грозить не пригоже, холопы вы государевы и живете на государевой вотчинѣ. И они, государь, отказали: коли де къ намъ государево не жалованье, и намъ впередъ какъ на Дону жить, что ужъ впередъ у насъ полоняниковъ окупать нестануть: кого не возьмемъ, а турской учнетъ писати къ государю, а государь у насъ учнетъ даромъ имать и къ турецкому отсылать, и намъ на Дону чѣмъ жить? И повѣхали, государь, къ себѣ въ войско всѣ, а которые было остались, и тѣхъ ясаулы выбили, и изъ войска къ намъ и отъ насъ къ себѣ никому ѣздить не велѣли; и не были, государь, у насъ три дни. Юня въ 3 день были у насъ Донскіе атаманы Семень Воейковъ съ товарищи, а съ ними казаковъ человекъ со сто, и мы, государь, имъ говорили по твоему, государеву, наказу о полоняникехъ же и о миру съ Азовомъ и о твоей государевѣ службѣ, и атаманы, государь, о полоняникехъ отказали, что ни одного во- лоса безъ окупу не отдавати, а о миру съ Азовомъ говорили:

дить миръ, но требовали, чтобы за знатныхъ плѣнниковъ заплатили имъ назначенный выкупъ. Когда же посланные объявили имъ, что окупу прислано за одного только Чауша

прежде сего, о миру напередъ присылывали изъ Азова къ намъ, и намъ нынѣ чрезъ прежніе обычаи самимъ о миру задержать не пригоже, а се де наши товарищи на морѣ Василей Жегулинъ съ товарищи триста человекъ, и намъ де тѣхъ не выждавъ какъ миритися? Да и вамъ де вскорѣ въ Азовъ ходитъ не пригоже, и мы, государь, имъ говорили: коли вы съ Азовомъ миритися не хотите, то вы не слушаете государева указа; а мы идемъ въ Азовъ по государеву наказу и безъ вашего миру, и они, государь, рѣклись о томъ поговорить въ войску какъ имъ о миру съ Азовомъ сослаться. Да говорили намъ, государь, атаманы и казаки, чтобъ мы имъ дали твой государевъ наказъ, что съ нами прислано къ нимъ твоего государева жалованья суконъ и селитры и свинцу и запасовъ, да и то де намъ скажите, по которымъ мѣста намъ, государеву жалованью селитры и свинецъ прислано. И мы, государь, имъ отказали, что наказъ твой государевъ даиъ намъ и въ томъ наказѣ многіе твои государевы дѣла, и имъ наказу у насъ просити не пригоже, а что съ нами прислано твоего, государева, жалованья, и мы то имъ и отдадемъ. И сказали, государь, имъ, что прислано твоего государева жалованья поставъ сукна настрафилю, да 5 половинокъ еренку, да 21 половинка рославскаго; а велѣно дать лутчимъ атаманомъ по сукну по доброму, а инымъ по сукну по среднему, а достальнымъ всѣмъ въ раздѣлъ сукна рославскіе; да къ нимъ же прислано 20 пудъ селитры, да 20 пудъ свинцу, а велѣно ту селитру и свинецъ дати атаманомъ и казакомъ всѣмъ въ раздѣлъ низовымъ и верховымъ. И они, государь, говорили: прежде сего присылывана къ намъ селитра по верхніе Раздоры, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоровъ, съ нами не мѣшявали. И мы, государь, имъ даи на одни низовые атаманы и казаки по верхніе Раздоры 15 пудъ селитры, да 15 п. свинцу и сѣри по указу, а 5 пудъ, государь, селитры, да 5 пудъ свинцу оставили на верховныхъ атамановъ и казаковъ, для того, что многіе атаманы и казаки верховые пришли къ намъ, а хотѣли итти на твою государеву службу съ Петромъ Хрущовымъ, а иные насъ, государь, провожали отъ верхнихъ Раздоровъ до низу и тѣмъ, государь, мы хотѣли дати твоего государева жалованья 5 пудъ селитры, да 5 пудъ свинцу; а 5 пудъ селитры, да 5 пудъ свинцу по твоему, государеву, наказу оставили у Петра въ запасъ. А сукны, государь, хотѣли есми раздать по твоему государеву наказу, разверставъ, лутчимъ добрые, а рядовымъ середніе, а инымъ рославскіе, и они, государь, говорили, что у нихъ большіхъ нѣтъ никого, всѣ равны, и раздѣлять сами на все войско почему достанетца. И

3/т. золотыхъ, то казаки, въ присутствіи ихъ, Чауша и плѣнныхъ князей били плѣтми и писали къ азовскому князю,

мы, государь, имъ сукна дали всѣмъ вмѣстѣ не въ раздѣлъ, поставъ настрафидю, да 5 половинокъ шебендинскаго, да 21 половинку рославскаго, а у Петра, государь, оставили по твоему государеву наказу, половнику середняго сукна, да три половинки рославскихъ, а что въ твоемъ государевѣ наказѣ написано давать сукна за полоняниковъ въ окупъ и они, государь, отъ полоняниковъ отказывались, что ни безъ деньги не отдавать, а окупу 32/т. золотыхъ. И мы, государь, потому въ тотъ окупъ тѣхъ суконъ.... и дали ихъ по твоему жъ государеву наказу.... атаманомъ и казакомъ и неодиожды, чтобъ они провора насъ были съ Петромъ Хрущовымъ въ Раздорехъ илжнехъ и тебѣ послужили на Дону, и по Дону надъ воинскими людьми промышляли. И они, государь, отказали: прежде сево мы служили государю, а головъ у насъ не бывало, служивали своими головами, и нынѣ де ради государю служить своими жъ головами, а не съ Петромъ. А іюня въ 9 день послали есмя, государь, въ Азовъ къ азовскимъ князю съ грамотою сына боярскаго Андрея Невзорова да толмача Исеня Уразова про себя обвѣстити, а сами хотѣли ѣдти къ Азову назавтре; и приѣзжали, государь, къ намъ атаманы и казаки, а говорили, чтобъ намъ въ Азовъ ходити не спѣшити, покамѣста они о миру сослабся, договоръ учинятъ, и своихъ товарищевъ съ моря сождутъ, а шибдете де, и намъ васъ не пропуститъ. И іюня въ 11 день съ моря атаманы и казаки, Василей Жегулинъ съ товарищи, въ войско пришли, и тогожъ днѣ были, государь, у насъ на стану атаманъ Василей Жегулинъ, Иванъ Носъ, Иванъ Ѳедоровъ—Трубецкихъ, Василей Кабанъ, Провофей Трубчанинъ, а съ ними многіе атаманы и казаки, человекъ съ шестисотъ, и пришли, государь, наряднымъ дѣломъ, съ саблями и съ ручницами, и поставили всѣхъ людей у моего Гришкина стану, а къ намъ къ шатрышку пришло атамановъ и казаковъ человекъ съ 30 и говорили намъ, чтобъ мы имъ показали твой государевъ наказъ, что къ намъ прислано твоего государева жалованья, сукно и селитры и свинцу и запасу, и намъ де вѣдомо есть, что государева жалованья пришло не столько, сколько вы намъ дали. И мы, государь, имъ отказали, что наказъ твой государевъ дагъ намъ о многихъ твоихъ государевыхъ дѣлахъ, и имъ наказу просити не пригоже, а что къ намъ прислано твоего государева жалованья, то имъ и отдано, а запасъ присланъ съ Петромъ съ Хрущовымъ и наказъ государевъ у Петра, какъ его давати? И они, государь, почали говорить съ великимъ шумомъ: только де не дадите намъ государева наказу, и намъ съ вами дѣлать все по волосу, а что де вамъ прислано, то возмемъ и не въ жалованье; а то де мы вѣдаемъ, что прислано селитры

что они согласны взять выкупу 17/т. золотыхъ. Благоразумный Нащокинъ снова умѣлъ успокоить обѣ стороны, 5 іюля возобновилъ миръ и скоро отправился въ Кафу (122).

полтретьяцать пудъ, а свищу тожь, а намъ дано только пятнадцать селитры, а сукна де дамы не всё же. И мы, государь, имъ говорили, будетъ вы пришли грабить государевы казны, и въ томъ государь воленъ, а мы готовы помереть за государеву казну, а селитры послано съ нами полтретьяцать пудъ и велѣно дать 20 пудъ всѣмъ атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, а у Петра велѣно оставить 5 пудъ на запасъ, и мы вамъ дали 15 пудъ, съ вашими жъ товарищи, говоря, на однихъ низовыхъ, а на верховыхъ оставилъ 5 пудъ, а верховыхъ здѣсь, которые съ вами въ войску, человекъ съ 200, а иные пришли съ нами на Воронежъ и съ Черкасы за государеву казну и тѣмъ какъ же дать селитры? И они, государь, отходя отъ насъ шумѣли много и пришедь, государь, достальную селитру всю и свинецъ и запасъ твой, государь, взяли сильно, да у насъ же, государь, въ стану взяли донскаго атамана Вишату Васильева, которой посланъ съ нами съ Москвы и бивъ его олсоны передъ нашимъ шатришкомъ, посадили въ воду, а говорятъ, что онъ всему войску измѣнникъ, а вса, государь, смута стала отъ атамана Федора Хорошаго, которой посланъ изъ Донкова, а мы холопи твои пошлѣ къ Азову іюня въ 12 день, а атаманы и казаки хотять насъ провожать до Азова, а какъ насъ проводить, и мы къ тебѣ, государю, изъ Азова отпишемъ.“

(122) Тамъ же, л. 112—116, донесеніе посланника Григорія Нащокина, привезенное въ Москву 7 августа.

..... „Писали есмь, на передъ сего какъ мы пришли въ Азовъ, въ войско, гдѣ стоятъ въ сборѣ донскіе атаманы и казаки, а отъ Донскихъ, государь, атамановъ и казаковъ прѣзжали въ Азовъ для миру два атамана Семень Воейковъ. да Смирной Федоровъ, и по твоему государеву указу о миру договоръ učinили и крестъ цѣловали за всѣхъ атамановъ и казаковъ, и послѣ, государь, того азовской Али князь и Аги посылали къ атаманомъ и казакомъ азовскихъ людей, да греческаго попа, того миру закрѣплатъ по прежнему обычаю, и атаманъ, государь, и казаки того миру, что učinили атаманы Семень Воейковъ, да Смирной Федоровъ, не закрѣпили, и съ азовскими людьми мирница не хотѣли, да атаманы жъ, государь, и казаки казнили у себя въ войску одного черкаскаго князя, изъ тѣхъ, которые у нихъ, въ полону, отсѣвши руку и прислали его въ Азовъ, а приказывали, государь, къ азовскому князю о окупу, чтобъ за полопянцевовъ, которые у нихъ въ полону, за Чеуша царева и за черкасскихъ князей за Кабана съ товарищи прислали окупу вскорѣ, а не при-

Новая война казаковъ съ азовцами. Едва только посланникъ отъѣхалъ, Турки отмщая казакамъ за обиды свои, заперли въ Азовѣ 130 человекъ, провожавшихъ посланника, одного ихъ *толмача* (переводчика) казнили, другаго посадили на каторгу, а многихъ порѣзали, заключили въ темницы и тоже посадили на каторги. Видя коварство азовцевъ и гибель товарищей своихъ, казаки закинули яростию: храбрые атаманы, созвавъ дружину, нанесли опустошеніе и смерть въ стѣнахъ Азова, заплатили кровію за кровь; освободили своихъ плѣнныхъ, взяли непріятельскихъ 130 челов. и съ торжествомъ возвратились на Донъ и немедленно окупу вскорѣ, и имъ всѣхъ казнили..... и азовской, государь, князь и Аги помираясь съ казаки, насъ не отпустили, а обсылались съ атаманы и съ казаки трожды, о которыхъ дѣлехъ у нихъ споръ былъ, а мы, государь, къ атаманомъ и къ казакомъ отъ себя писали и неодиожды и толмача служлага татарина къ нимъ посылали, чтобъ однолично по твоему государеву указу съ азовскими людьми помирились, и едва, государь, ихъ на то привели, што съ азовскими людьми миръ укрѣпили, іюля въ 5 день, а насъ, государь, въ Азовѣ затѣмъ и держали, што казаки съ ними не помирились, и корму, государь, намъ не давали пять день, а отказывали: пришли де вы не съ добрымъ дѣломъ съ войною и корму вамъ давать не за што, а инше, государь, казаки миръ учинили, а впередъ чаемъ и несдержатъ по ихъ воровству. А азовской, государь, князь добръ крѣпить и къ нимъ приезываетъ, чтобъ казаки тотъ миръ держали крѣпко ничѣмъ не порушили. А которой, государь, Чеушъ и черкаскіе князи въ полону у казаковъ, и за Чеуша, государь, прислано въ Азовъ окупу 3/4 золотыхъ дали, а больше де того за него окупу собрать немочно; а атаманы де, государь, и казаки передъ азовскими татарами, которые ѣздили въ войско, Чеуша и черкасскихъ князей, изъ окупу.... били плѣтми, розны ставъ, да прислали ко князю о окупу ихъ память, а князь тожъ память къ намъ прислалъ, а писали, государь, казаки къ князю, что взяти было окупу за Чеуша шесть тысячъ золотыхъ и они нияѣ збавили съ него тысячу, а взяти имъ за него пять тысячъ золотыхъ, за черкасаго князя Кабана взяти было три тысячи золотыхъ и они збавили тысячу, а взяти нияѣ двѣ тысячи золотыхъ; за черкасскихъ же князей за Алея да за Оергата взяти было четыре тысячи золотыхъ, и они збавили съ нихъ тысячу, а взяти три тысячи золотыхъ, за черкасскихъ же князей за дву братовъ, а третьему изъ нихъ руку отсѣбли, взяти четыре тысячи золотыхъ, а меньше де того окупу не будетъ:.....

по послали къ государю атамана *Степана Ванюкова* въ легкой станицѣ, съ донесеніемъ о всемъ случившемся ⁽¹²³⁾. Азовскій паша, желая скрыть вѣроломный поступокъ Турковъ, немедленно донесъ султану о семъ происшествіи, слагая всю вину на казаковъ, что они безъ всякой причины нарушили миръ, напали на Азовъ, ограбили оный, многихъ побили и 130 человекъ Турокъ взяли въ плѣнъ ⁽¹²⁴⁾. Въ Константинополѣ говорили Нащовину, что Россійскій дворъ самъ побуждаетъ Донцовъ къ таковымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, потому что съ посланникомъ присланы къ нимъ военные запасы пороохъ и свинець, также дары и жалованье царское.

Переговоры Нащоккина съ турецкими сановниками. Между тѣмъ Россійскій посланникъ склонилъ султана къ заключенію дружественнаго съ царемъ Россіи союза и на весну назначенъ уже былъ съ нимъ въ Москву особый турецкій посолъ, какъ вдругъ извѣстіе паши азовскаго о враждѣ казаковъ съ азовцами разрушило столь благопріятное начало. Посланнику стали оказывать холодность и тре-

⁽¹²³⁾ Дѣла Тур., кн. № 3, л. 121—125. См. грамоту в. к. на Донъ 1593 г. марта 20 дня.

..... „И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что вы какъ проводя нашего посланника Григорья, съ азовскимъ княземъ и со всѣми азовскими людьми розмирье учинили, а вы къ намъ писали какъ есмя проводили посланника нашего Григорья до Азова, и у васъ де азовцы заперли у себя въ Азовѣ, отпуста посланника Григорья, товарищей вашихъ, атамановъ и казаковъ сто тридцать человекъ, да дву толмачей, одного казнили, а другою посадили на каторгу, да нинхъ многихъ казаковъ казнили и на каторги посажали; а къ намъ нынѣ посланникъ нашъ Григорей писалъ изъ Царьгорода, что Григорью въ томъ великое было истязанье въ вашемъ розмирьи“.....

⁽¹²⁴⁾ Тамъ же, л. 120. Отписка посланника Григорья Нащоккина и подъячаго Андрея Иванова отъ 20 февраля 1593 г. отъ Константинополя.

..... „Пріѣхали во Царьгородъ азовскіе люди, а сказываютъ Донскіе казаки миръ порушили, взяли азовскихъ людей сто тридцать челов. и азовскіе люди бьютъ челою пашамъ на нихъ, что казаки при нихъ помирились, и они вѣра имъ, отъ казаковъ не береглись, и впередъ де отъ нихъ чають воровства“.....

бовали отвѣта. Нащокинъ отвѣчался съ твердостью: „миѣ неизвѣстно отъ чего произошла ссора между азовцами и казаками и за своевольство послѣднихъ я отвѣтствовать не могу; что же касается до государя Россійскаго, то онъ не посылалъ къ нимъ ни пороху, ни свинцу, а они силою отняли у проводника моего, взятый на случай опасности въ пути, равно и царскаго жалованья я къ нимъ не привозилъ (125). Сверхъ сего послу говорили, что крымскій ханъ, жалуюсь на Донскихъ казаковъ султану, писалъ къ нему, что государь Россійскій построилъ четыре новыхъ города близъ Азова на Манычи, въ Черкасской и въ Раздорехъ (126). Но благоуміе Нащовина остановило гнѣвъ султана; онъ увѣрялъ, что на Дону живутъ люди бѣгле, безъ вѣдома государева и что близъ Азова новыхъ городовъ нѣтъ, и султанъ опять согласился отпустить своего посланника въ Россію; Нащовинъ же извѣщая обо всемъ государя, просилъ его заставить казаковъ жить смирно, по крайней мѣрѣ до приѣзда его въ Азовъ съ турецкимъ посломъ.

(125) Тамъ же, см. статейный списокъ Нащовина, поданный имъ по возвращеніи изъ Царьграда въ Москву.

Л. 220, „Да говорилъ наша о Донскихъ казакахъ: съ государя съ вашего вѣдома живутъ на Дону и на Дибрѣ казаки и государя нашего украиннимъ людямъ убытки чинять, и Григорей и Андрюша говорили: на Дону живутъ воры бѣгле люди, безъ государя нашего вѣдома“.....

Л. 230.... „А что говорившъ о казакахъ, будто мы къ нимъ привезли государево жалованье, селитру и свинець и сукна, и мы къ нимъ ничего не приваживали, а которой сынъ боярскаго провожалъ насъ Дономъ, и съ тѣмъ была селитра и запасъ, на тѣхъ людей, которые съ нимъ были въ провожанье, чѣмъ бы имъ дойти до украины, и тое селитру и запасъ Донскіе казаки взяли у него сильно.“

(126) Тамъ же, л. 239.

.... „Приставъ Сулейманъ Чеушъ говорилъ: въ грамотѣ къ государю нашему крымской царь писалъ, что ему тѣснота великая отъ государя вашего казаковъ, многіе убытки ему починили, а поставилъ де государь вашъ новыхъ четыре города близко Азова, на Манычи да въ Черкасской и въ Раздорехъ, и изъ тѣхъ городовъ казанъ приходи, Азову тѣсноту чинять.“

Оеодоръ Іоанновичъ, имѣя уже въ сіе время донесеніе отъ Долскихъ атамановъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1593 года отправилъ обратно ихъ станицу съ атаманомъ Ванюковымъ, послалъ казакамъ жалованье и писалъ къ нимъ грамоту ласковую и вмѣстѣ грозную: „Ссоры ваши съ Азовцами препятствуютъ старанію нашему имѣть союзъ съ Турками и нашъ посланникъ претерпѣлъ чрезъ то въ Константинополѣ многія неприятности; по благоразуміемъ своимъ успѣлъ склонить султана отправить къ намъ посла своего. Покажите теперь вѣрную службу вашу, заключите союзъ съ Азовцами и лучше терпѣливо споспите отъ нихъ обиды, но ихъ не трогайте, по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока пріѣдетъ къ намъ турецкій посланникъ. Если не послушаетесь, паложу на васъ мою опалу; не дозволю бывать въ Москвѣ и поплю па низъ *Донюмъ къ Раздорамъ* большую мою рать, на Раздорехъ велю поставить мой городъ и васъ сгоню съ Дону.“ Сею же грамотою государь приказывалъ казакамъ встрѣтивъ въ Азовѣ обонхъ послапниковъ (Нащокпна и съ нимъ посла турецкаго), проводить ихъ до украины лучшимъ людьми отъ 200 до 300 челов. и собственно для сего обѣщаль въ слѣдъ затѣмъ прислать дворянина Ивана Измайлова и съ нимъ жалованье (127).

Возвращеніе Нащокпина въ Россію съ турецкимъ посломъ. Уже Нащокпнъ вмѣстѣ съ турецкимъ посломъ возвращался изъ Константинополя и для встрѣчи ихъ посланъ былъ князь Григорій Волконскій. Въ наказѣ Волконскому повелѣвалось говорить казакамъ, чтобы они содѣйствовали Черкасскому (запорожскому) гетману Косицкому и Ногаямъ волжскимъ въ поискахъ надъ Крымцами и пословъ проводили бы съ честію (128). Но Донскіе казаки, извѣстясь отъ пѣвкоого *Нехорошика Бартаваго* (бѣжавшаго на Донъ изъ Серпухова), что товарищи ихъ въ Москвѣ терпятъ великую ну-

(127) Дѣла Турецк. грамота Оеодора Іоанновича 1593 г. марта 20, см. примѣч 131.

(128) Тамъ же, гдѣ наказъ князю Григорію Волконскому, см. листъ 131-й, грамота царя Оеодора Іоанновича на Донъ отъ 20 апрѣля 1593 г. см. л. 134—136, см. также примѣч. 117-е.

жду, что имъ не дадутъ жалованья, а иныхъ въ холопи берутъ, —отказались было провожать Волконскаго и запретили тогда же охотникамъ (129). Впрочемъ казаки исполняя велѣнія царя, терпѣли миръ съ Азовцами, дожидались посланниковъ и проводили ихъ съ честію до предѣловъ Рязанскихъ.

Переговоры Двора нашего съ турецкимъ посломъ. Весьма очевидно было, что Оттоманская порта никакъ не желала отвергать дружественнаго союза съ Россіею. Правда, Россія сдѣлала Портѣ самыя лестныя обѣщанія: дать свободу на Терекѣ, не мѣшаться въ дѣла грузинскія и черкесскія и свести казаковъ съ Дону, но едва ли и помышляла что нибудь исполнить изъ обѣщаній сихъ. Турція понимала сіе, но надѣялась и страхомъ своего могущества, и дружественнымъ расположеніемъ побудить Россійскій дворъ къ согласію на свои требованія. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ употребляли одни хитрые извороты. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1593 г. турецкій посолъ представилъ царю Феодору Іоанновичу грамоту, въ которой гордый султанъ изчислялъ всѣ обиды притерпѣвныя областями его отъ Россіянъ, жаловался на Донскихъ казаковъ и требовалъ, чтобы государь непремѣнно свелъ ихъ съ Дону, какъ обѣщано было въ грамотѣ и между прочимъ, писалъ: „Если сдержишь слово свое, то будешь мнѣ искренній другъ; и любовь моя къ тебѣ со дня на день возрастать будетъ; если же станешь дѣйствовать въ противность сему, то я буду тебѣ недругъ и ханъ крым-

(129) Тамъ же, листъ 167, отписка князя Волконскаго, привезенная 19 августа 1593 г.

... „А Донскіе государь атаманы и казаки о провожаньѣ намъ отказали, что имъ въ неволѣ послать провожать никакъ немочно, а которые охотники хотятъ ѣхать и они тѣмъ запрещаютъ. А охотниковъ, государь, съ нами идетъ донскихъ атамановъ и казаковъ только человекъ съ 30; а хотѣли, государь, съ нами идти въ провожанье атаманы и казаки многіе, да какъ пріѣхалъ съ украины назадъ въ войско казакъ Нехорошко Картавой, которой сбѣжалъ съ твоей государевой службы изъ Серпухова и сказывалъ де атаманомъ и казакомъ, что на Москвѣ ихъ товарищемъ нужда великая: твоего государева жалованья имъ не дають, а на Донъ не пускають, а служить на своихъ конехъ и кормимъ не дають, а иныхъ въ холопи отдають, и атаманы и казаки слыша то, многіе ѣхать размышляли; а которые государь охотники съ нами ѣдутъ и мы и тѣмъ не вѣримъ.

скій имѣть уже повелѣніе воевать твои земли ⁽¹³⁰⁾.

Отправленіе въ Константинополь посланника Исленьева. Россія не могла удовлетворить желаніямъ султана, по только льстила его гордости паружнымъ видомъ искренности и уваженія. Посланникъ его принимаемъ былъ въ Москвѣ со всѣми возможными почестями, съ намѣреніемъ удержанъ 9-ть мѣсяцевъ и уже въ концѣ іюля 1594 года отправленъ обратно вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ Данилою Исленьевымъ. Государь въ отвѣтной грамотѣ своей и чрезъ посланника своего словесно увѣрялъ султана, что Россія всегда готова оказывать Портѣ всѣ знаки дружелюбія и что многіе изъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, кои воевали турецкія области, пойманы и казнены, почему требовалъ и съ его стороны дружества и запрещенія Крымцамъ нападать на російскія области ⁽¹³¹⁾. Донскимъ же казакамъ послано съ Исленьевымъ царское жалованье по прежнему и грамота, кою царь подтверждалъ, чтобы они жили смирно до возвращенія посланника изъ Константинополя и приказывалъ провожать обоихъ нословъ туда и обратно съ честію ⁽¹³²⁾.

Поиски казаковъ надъ Крымцами и Азовцами. Выше сего видѣли мы, что казаки, исполняя волю царскую, содержали миръ съ Азовцами; но въ то же самое время служили недремлемою стражею и наблюдали всѣ ихъ непріязненныя для Россіи намѣренія и движенія и извѣщали обо всемъ государя, нападали на Казыевы и крымскіе улусы, брали языковъ, а весною 1594 г. извѣстясь, что Азовцы пошли на російскую украину, встрѣтили ихъ на возвратномъ пути, разбили, отняли болѣе 600 русскихъ плѣнныхъ ⁽¹³³⁾.

Переговоры Россійскаго двора съ ханомъ крымскимъ о казакахъ. Ханъ крымскій, въ переговорахъ своихъ съ Россійскими посланниками, укорялъ дворъ

⁽¹³⁰⁾ Дѣла турецкія, книга № 3-й, л. 272—275, грамота султана Сулеймана.

⁽¹³¹⁾ Дѣла турецк. наказъ данный Исленьеву № 302, 303 и 318.

⁽¹³²⁾ Дѣла грамоты на Донъ 1594 г. іюля 31-го.

⁽¹³³⁾ Тамъ же.

нашъ потворствомъ, дѣлаемымъ казакамъ и непрерывно твердилъ и въ грамогахъ и чрезъ пословъ своихъ о дерзости ихъ и обидахъ, причиняемыхъ ими крымцамъ и азовцамъ и требовалъ казаковъ съ Дону свести. На сіи нелѣпныя требованія отвѣчали по прежнему, что на Дону живутъ люди вольные, російскіе бѣглецы, на коихъ лежитъ опала государева (134).

Съ сего времени до отправления съ Дону пословъ къ Лжедмитрію въ Польшу, о дѣйствіяхъ Донскихъ казаковъ ничего неизвѣстно.

Г Л А В А V.

Милостивое расположеніе царей Іоанна Васильевича Грознаго и Феодора Іоанновича къ Донскому войску.— Перемены расположенія Россійскаго двора къ Донскимъ казакамъ при царѣ Борисѣ Феодоровичѣ Годуновѣ.— Появленіе Лжедмитрія въ Польшѣ.— Гонецъ отъ него на Дону.— Отправление въ Польшу казачьихъ пословъ, для развѣданія о Лжедмитрѣ.— Послы сіи, а потомъ и все войско Донское принимаютъ сторону сего самозванца.— Безполезное посольство Годунова на Дону.— Походъ ихъ съ Дону на службу самозванцу.— Военныя дѣйствія казаковъ при Лжедмитрѣ и поведеніе ихъ.— Они принимаютъ новаго самозванца, явившагося у Терскихъ казаковъ.— Предаются третьему самозванцу, названному въ лѣтописяхъ Тушинскимъ.— Примѣръ неограниченнаго ихъ усердія къ вѣрѣ.— Последнія буйства.— Оращеніе на службу отечественную.— 1598—1612.

По смерти кроткаго царя Феодора Іоанновича, вскорѣ настало время ужасныхъ бѣдствій для Россіи, время, въ которое слава Донскихъ казаковъ омрачилась дѣлами мятежными. Несчастное ли легковѣріе, или злая измѣна вовлекла ихъ въ бездну крамоль и заставила быть сообщниками Лжедмитрія,—ни изъ современныхъ актовъ, ни изъ лѣтописей, достовѣрно неизвѣстно; но тѣмъ неменѣе горестно воспоминаніе о сихъ событіяхъ.

Милостивое расположеніе царей Іоанна Васильевича Грознаго и Феодора Іоанновича къ Донскому войску. Повелителя Россіи часто бывали недовольны невинновеніемъ и разбоями Донскихъ казаковъ;

(134) Дѣла Турецк., кн. № 20, л. 189—193, 317—319.

но всегда уважали мужество ихъ. Грозныйъ Иоаннъ различалъ преступленія и заслуги, наказывалъ виновныхъ, но награждалъ храбрыхъ воиновъ. Царь Θεодоръ Иоанновичъ часто посылалъ казакамъ дары и ежегодно жалованье, принимая милостиво посланцовъ ихъ въ Москвѣ, видѣлъ въ послѣдніе годы своего царствованія отъ Донцовъ болѣе послушанія и болѣе зависимости ихъ отъ Россіи.

Перемена расположенія Россійскаго двора къ Донскимъ казакамъ при царѣ Борисѣ Θεодоровичѣ Годуновѣ. Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ рѣшился принять совѣтъ иную систему: содѣлавшись царемъ Россіи, онъ думалъ твердою строгостію укротить между казаками своеволие; но это не совершилось. Въ началѣ царствованія его казаки по прежнему обыкновенію желали приносить пользу государю сторожевыми разъѣздами своими въ стѣняхъ крымскихъ: въ 1598 году имѣли они сшибку съ татарами, взяли плѣнъ и узнавъ о намѣреніи хана идти на Россію съ своими войсками и съ 7/8 султанскихъ воиновъ, извѣстили о томъ немедленно ближайшаго воеводу въ Новомъ Осколѣ (135). Но Годуновъ начиналъ уже оказывать къ казакамъ свою немилость. Въ томъ же году, построивъ на Донцѣ городъ Царевъ—Борисовъ, онъ отвѣтствовалъ крымскому хану, негодовавшему на столь близкое къ областямъ его поселеніе, что Царевъ—Борисовъ воздвигнутъ собственно для обузданія Донскихъ казаковъ. Такъ дѣйствовалъ Борисъ Годуновъ и такъ говорилъ для оправданія себя предъ Крымцами. Скоро послѣ сего онъ запретилъ казакамъ пріѣзжать въ Москву; безъ сомнѣнія тогда же прекратилъ имъ жалованье, опредѣленное прежними государями Россіи и дары, которыми они всегда награждали сихъ воиновъ за службы; затѣмъ казакамъ строжайше воспрещенъ былъ вѣздъ во всея россійскіе города.

Появленіе Лжедмитрія въ Польшѣ. Въ такомъ положеніи находились Донскіе казаки когда явился въ Польшѣ самозванецъ, подъ именемъ царевича Дмитрія и

(135) Ист. Г. Р. Карамз., Т. XI стр. 12.

объявилъ притязаніе свое на престолъ Россійскій. Попына по ненависти и видамъ честолюбія, принявшая сторону самозванца, коварнымъ образомъ честила злодѣя и пособствовала его видамъ. Собирались подъ знамена его толпы бродягъ польскихъ, въ надеждѣ знатной добычи на стогнахъ опустошенныхъ городовъ руссійскихъ. Но для замысловъ Лжедмитрія нужно было войско гораздо лучшее; онъ искалъ его въ умѣ своемъ, и зная о строгости принятой Годуновымъ надъ Донскими казаками, рѣшился испытать въ нихъ своего счастья.

Гонецъ отъ него на Дону. Въ семь памѣреніи Лжедмитрій послалъ на Донъ гонца своего Литвина Свирскаго съ грамотою ⁽¹⁸⁶⁾, въ которой писалъ, что онъ истинный омиъ перваго царя блага, коему сіи вольные христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности, что у него измѣною и злодѣйствомъ Годунова похищенъ престолъ; звалъ ихъ свергнуть сего недостойнаго раба съ отеческаго трона: "Радость и изумленіе потрясли сердца воиновъ Донскихъ. Измѣняя Годунову, они спѣшили предложить вѣроподданническую помощь тому, кто называлъ себя законнымъ наследникомъ престола. Но опасаясь быть орудіемъ обманщика въ столь важномъ дѣлѣ, хотѣли на мѣстѣ развѣдать обо всемъ и съ сою цѣлю нарядили къ мнимому спасенному царевичу послами самаго войсковаго атамана Андрея Кореллу и старѣйшину Михайлу Нѣжакова, которые (въ 1603 г.) и отиравились въ Польшу. Прибывъ въ Краковъ, гдѣ воевода Сендомирскій представлялъ самозванца Сейму, Корелла прежде всего старался развѣдать не ложно ли кто нибудь называетъ себя царевичемъ ⁽¹⁸⁷⁾; но видя отъ всѣхъ польскихъ вельможъ и отъ самаго короля Сигизмунда отличный пріемъ и царскіе почести, оказываемыя Лжедмитрію, и самъ призналъ его истиннымъ сыномъ царя Русскаго, не желалъ искать другихъ удостовѣреній и въ гибельномъ заблужденіи своемъ, именемъ всѣхъ собратовъ билъ ему челомъ, какъ законному

⁽¹⁸⁶⁾ Тамъ же, стр. 141, прим. 222.

⁽¹⁸⁷⁾ Тамъ же, стр. 141, прим. 223.

государю, обнадеживалъ въ вѣрности и преданности всѣхъ казаковъ ⁽¹³⁸⁾. Самозванецъ восхищенный столь успѣшнымъ началомъ злаго своего намѣренія, наилучшимъ образомъ честилъ сихъ пословъ, а отлучая на Донъ, поручилъ всѣмъ казакамъ ласковое слово свое и обѣщалъ щедрія царскія милости.

Едва послы казачьи объявили собратамъ своимъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими въ Польшѣ, какъ нѣкоторые толпы ихъ, скитавшіяся на берегахъ Волги, напали на посланнаго отъ государя въ Астрахань окольникяго Семена Годунова, ограбили его и захвативъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: „объявите гонителю нашему Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ царевичемъ Димитріемъ ⁽¹³⁹⁾“

Безполезное посольство Годунова на Донъ. Вѣсть сія потрясла душу Бориса Годунова; и безъ того страшившійся самозванца, онъ видѣлъ всю бездну своего положенія, но неменѣе старался казаться твердымъ; отправилъ къ казакамъ на Донъ дворянина Петра Хруцова, знавшаго подлинно о смерти царевича Димитрія, для удостовѣренія ихъ въ злодѣйскомъ обманѣ самозванца; вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣждая казаковъ оставить пагубное заблужденіе свое, онъ склонилъ ихъ на службу себѣ и отечеству.— Но можно ли было вывести изъ заблужденія людей убѣдившихся въ несчастномъ мнѣніи очевиднымъ свидѣтельствомъ своихъ собратьевъ, возвратившихся изъ Польши. Признательные къ милостямъ мнимаго царевича, искренно ему усердствующіе казаки, заключили Хруцова въ оковы и съ новыми послами отправили къ Лжедимитрію. Самозванецъ былъ уже на пути въ Россію, и казацкіе посланцы, встрѣтивъ его въ Сокольникахъ 3 сентября (по новому стилю 1604 г.), представили своего плѣнника, подтверждая о готовности всего войска къ походу ⁽¹⁴⁰⁾.

⁽¹³⁸⁾ Тамъ же, стр. 141.

⁽¹³⁹⁾ Тамъ же, стр., 142.

⁽¹⁴⁰⁾ Тамъ же, стр. 144, прим. 234; собр. госуд. грамотъ, II, стр. 173.

Походъ ихъ съ Дону на службу самозванцу. Въ то время дѣйствительно войсковою атаманъ Корелла съ 6,000 казаковъ выступилъ къ украиннымъ городамъ на встрѣчу самозванцу. Хрущовъ будучи приведенъ къ Лжедмитрію, палъ на колѣна и безъ сомнѣнія изъ трусости для спасенія жизни своей возопилъ, что видитъ въ немъ истинное подобіе даря Іоанна. Сей низкій поступокъ чиновнаго измѣнника, довершилъ заблужденіе казаковъ. Соединясь съ толпами самозванца, стали они грудью за мнимую отрасль древіяго царскаго рода, и составляли лучшее ополченіе его, на которое онъ во всемъ полагался столько же несомнѣнно, какъ и на войска иностранныхъ.

Военныя дѣйствія казаковъ при Лжедмитріѣ и поведеніе ихъ. Уже Лжедмитрій съ войскомъ своимъ вступилъ въ предѣлы нашего отечества, прошелъ съ мечемъ и манифестомъ о чудесномъ своемъ спасеніи до Новгорода Сѣверскаго, будучи встрѣчаемъ на пути радостными восклицаніями народа. Здѣсь нашелъ онъ первое неожиданное и непреклонное сопротивленіе въ витязѣ Басмановѣ; но другія области отъ Камарницкой волости до Ельца, Воронежа и Ливновъ поддалися самозванцу и вся южная Россія возмутилась. Въ декабрѣ мѣсяцѣ была первая битва самозванцова полчища съ войсками русскими, которая хотя кончилась удачею на его сторону, но доказала, что въ станѣ вѣрныхъ войновъ еще сильна была преданность царю. 21 генваря была вторая битва въ Добрыничяхъ, окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ самозванца: казаки, составлявшіе въ сіе время вторую линію войскъ Лжедмитрія, обманутые мпимою удачею первой линіи, неслись довершить побѣду, какъ вдругъ сія послѣдняя линія, будучи опрокинута, въ отчаянномъ бѣгствѣ своемъ смяла казаковъ; на пространствѣ осьми верствъ російскія войска разили бѣгущихъ и устлали трупами ихъ поле битвы. Самозванецъ укрылся въ Рильскѣ съ преданными ему Доуцами и отвергъ Запорожцевъ, какъ

гусовъ или предателей; отсюда перешелъ онъ въ Путивль, городъ болѣе укрѣпленный и наполненный измѣнниками отечества. Сюда Донскіе казаки пришли къ самозванцу еще въ числѣ 4,000 человекъ ⁽¹⁴¹⁾. Между тѣмъ другіе, разбѣянные поражениемъ въ Добрыничахъ, засѣли въ городахъ и вѣлились защищать ихъ до послѣдняго издыханія. Россійскія войска осадили Путивль; но Лжедмитрій выслать противъ нихъ 500 Донскихъ казаковъ и 1000 Россіянъ; они разбили сторожевое Московское войско, убили 3000 человекъ, взяли много плѣнныхъ и заставили воеводъ русскихъ отступить въ Комарницкую волость ⁽¹⁴²⁾. Московское войско обратилось къ Кромамъ, гдѣ кромѣ жителей сидѣло 600 мужественныхъ Донцовъ съ храбрымъ атаманомъ Кореллою ⁽¹⁴³⁾. Какъ изъяснить невѣроятное событіе сіе? Болѣе 80 т. ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, не могли одолѣть деревяннаго городка не имѣвшаго въ защитѣ свою и тысячи воиновъ! Они даже сожгли ночью городъ, запыли пепелище и валъ, но никакъ не могли взять острога, до котораго казаки не допускали ихъ мѣткою своею стрѣльбою. Войска отступили, и думая взять крѣпость голодомъ, стрѣляли изъ пушекъ; но нимало не вредили осажденнымъ, которые безопасно укрывались за валомъ въ выкопанныхъ землянкахъ и даже иногда дѣлали вылазки, всегда гибельныя для осаждающихъ. Въ войскѣ московскомъ открылись еще повальныя болѣзни, и до того умножили нерадивость осады, что среди дня 100 возовъ хлѣба и 500 казаковъ изъ Путивля прошли въ осажденныя Кромы ⁽¹⁴⁴⁾.

Отрепьевъ съ каждымъ днемъ усиливался болѣе и болѣе: народъ сначала сомнѣвался, послѣ начиналъ вѣрить чудесному спасенію царевича Дмитрія; въ войскѣ умножалось бездѣйствіе, въ воеводахъ нерадивость и наконецъ явилась и самая измѣна. Но совершенный успѣхъ Лжедмитрія рѣшился

⁽¹⁴¹⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁽¹⁴²⁾ Тамъ же, стр. 293.

⁽¹⁴³⁾ Лѣтоп. Никоновск. о мятеж., также Петрей, см. примѣч. къ Исторіи Г. Р. Карамз., 296.

⁽¹⁴⁴⁾ Бера.— См. Истор. Г. Р. Т. XI стр. 176.

внезапная кончина Годунова. Юный преемникъ его, Феодоръ, хотя твердый душою и исполненный ума, не могъ отнять смѣлости у предателей. Первые воеводы, начальствовавшіе войскомъ подъ Кромами, сдѣлали заговоръ и тайно извиняя измѣпу свою разными предлогами, громогласно объявили въ войскѣ Дмитрія царемъ московскимъ, хотя совершенно увѣрены были, что отдають скипетръ бродягѣ. Никто изъ воиновъ не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знатнѣйшіе воеводы признали въ немъ сына Іоаннова.

Войско присягнуло мнимому Дмитрію и дало знать атаману Корелѣ, что они служатъ одному государю. Война кончилась, казаки торжественно явились на валу крѣпости и братски обнимались съ бывшими непріятелями. (145).

Счастливымъ обманщикъ, съ удивительнымъ притворствомъ принявъ поздравленіе и исполнивъ другія обязанности по новому высокому сану, выѣхалъ осмотрѣть Кромы, прославленные мужествомъ Допцовъ, изъявлялъ свое удивленіе, благодарилъ небо и храбрыхъ защитниковъ и распорядилъ походъ въ Москвѣ, куда и самъ пошелъ тихо, сопровождаемый Допцами, которые съ сей поры составляли его охранное войско, и остановился въ Тулѣ, гдѣ довершалось безпримѣрное его счастье.

Доселѣ въ Москвѣ царствовала тишина; но обольщенный народъ волновался, свелъ добродѣтельнаго Феодора съ престола въ могилу и отдалъ тронъ гнусному злодѣю.

Знаменитые московскіе бояре явились къ нему въ Тулу бить челомъ отъ имени Москвы; въ то же время прибылъ и съ Допу походный атаманъ Смага Черненскій съ нѣкоторою частію казаковъ. Довольный вѣрностію сихъ послѣднихъ, самозванецъ оказывалъ имъ всѣ возможныя ласки, отдавалъ преимущество предъ московскими воеводами, допустилъ прежде къ рукѣ и съ веселостію выхвалялъ ихъ службы; для большей противоположности, призывавъ московскихъ бояръ, обошелся съ ними грубо и презрительно, упрекая за долгое

(145) Ист. Г. Р. Варимз. Т. XI стр. 187—195.

упорство, и какъ говорятъ лѣтописцы, отдавъ на поруганіе своимъ любимцамъ казакамъ, которые одного изъ нихъ, князя Телятевскаго, въ буйствѣ своемъ едва не умертвили⁽¹⁴⁶⁾.

Столь низкими ласкательствами самозванецъ утверждалъ къ себѣ привязанность Донскихъ казаковъ, которые вездѣ жертвуютъ за него жизнь, даже и тогда, какъ злодѣй обогранный еще дымящею кровію цари, вельможъ и вѣрнаго народа Русскаго, сѣлъ на Московскій престолъ, паравишь съ Нѣмцами и Ляхами, составляли твердѣйшую его ограду, хотя большая часть ихъ и возвратилась на Донъ; они раздражали москвитянъ: величались предъ ними своею услугою, оказывали имъ явное презрѣніе и называли, въ ругательство, *жидами*. Но счастье недолго пособствовало самозванцу: не прошло года, какъ Москва удостовѣрилась въ пагубномъ заблужденіи своемъ и разсыпала прахъ злодѣя.

Они принимаютъ новаго самозванца, явившагося у терскихъ казаковъ. Еще при жизни Лжедмитрія нѣкоторые толпы Волжскихъ и Терскихъ казаковъ, разбойничавшія въ окрестностяхъ Каспійскаго моря, выставили новаго самозванца, одного изъ товарищей своихъ, нѣкоего казака Илейку, котораго называли сномъ государи Θεодора Юаповича, Петромъ, объявляя, что Годуновъ подмѣнилъ его у царицы Ирины дѣвочкою въ самый день рожденія его. Ихъ собралось уже 4000 на берегахъ Волги, грабили всѣхъ путешественниковъ и купцовъ, свазывал, что идутъ съ законнымъ царемъ къ Москвѣ. Лжедмитрій, вѣротно съ намѣреніемъ низвести сего смѣльчака, не мѣшалъ злодѣйствовать ему и писалъ къ мнимому Петру ласково, что если онъ дѣйствительно сынъ царя Θεодора, то посиѣлжалъ бы въ Москву, гдѣ принять будетъ съ подобающею честію. Пишутъ, что Илейка дѣйствительно располагалъ идти къ Москвѣ, но извѣстася въ Свияжскѣ о смерти ложнаго дяди своего, обратился съ частію толпы своей зимовать на Дону.

⁽¹⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 209; то же отвѣтъ Сигизмунд. пословъ, см. лѣтоп. Цикон. т. 68.

По смерти Лжедмитрія, по волѣ и проискамъ вельможъ, возведенъ на царство Василій Ивановичъ Шуйскій; царствованіе его есть цѣль несчастій для него и Россіи. Видя новаго царя, нѣкоторая часть казаковъ обласканная его милостями, осталась на Дону спокойною, но большая ихъ часть, бывшая собственно въ верхнихъ городкахъ и въ полчищахъ Разстриги, буйствовать не переставала.

Приведеннаго ихъ единокордцами Терскими казаками ложнаго царевича приняли въ верхнихъ городкахъ Дона ласково и въ слѣдующемъ году явись съ нимъ въ украинныхъ городкахъ, скоро усилили себя вездѣ готовыми послѣдователями, прошли до Тулы, обагрили себя кровію соотечественниковъ, кровію многихъ знатныхъ воеводъ и постоянно держали сторону новаго самозванца, пока онъ, побѣжденный царемъ Васи́ліемъ, погибъ на вислицѣ ⁽¹⁴⁷⁾.

Предаются третьему самозванцу, названому въ лѣтописяхъ Тушинскимъ. Показался третій злодѣй, названный въ лѣтописяхъ Тушинскимъ, и принявъ имя убіеннаго Лжедмитрія, свирѣйствовалъ на сѣверѣ, какъ въ то же время явился въ Донскихъ городкахъ и четвертый, подъ именемъ сына царя Θεодора Іоанновича, Іоанна. Казаки, схвативъ скитавшагося у нихъ самозванца, представили въ Тушинскую въ Брянскъ и принявъ его сторону, съ тою же преступною приверженностію какъи перваго самозванца, ополчились противу вѣрныхъ Россіянъ ⁽¹⁴⁸⁾. Не одни казаки Донскіе, но и большая часть Россіи, волнуемая духомъ измѣны и заблужденій, присягнула сему второму Лжедмитрію, который два года лилъ невинную кровь несчастнаго народа.

Примѣръ неограниченнаго ихъ усердія къ вѣрѣ. Среди сихъ всеобщихъ ужасовъ и лютаго ожесточенія, одна только святая вѣра утѣшала ослѣпленныхъ и направляла разгоряченные умы на путь истины и добродѣтели. — Донскіе казаки при всемъ буйствѣ, всегда благоговѣли къ

⁽¹⁴⁷⁾ Лѣтопись о мятежахъ.

⁽¹⁴⁸⁾ Тамъ же.

православной вѣрѣ своихъ праотцевъ и въ самыхъ мятежахъ явили сему блистательный примѣръ. Самозванецъ, по совѣту Поляковъ, послалъ 30-ти тысячную рать осаждать Троицкій монастырь—святилище, прославленное именемъ чудотворца Сергія; въ сей толпѣ святотатцевъ находились и Донскіе казаки. Обитель непоколебимо противостояла порывамъ безбожнаго скопища, многія разительныя видѣнія и сны представлялись изступленнымъ измѣнникамъ. Тронутый однимъ изъ таковыхъ сновидѣній, Донской атаманъ Степанъ Епифановъ предсталъ предъ военачальниковъ и говорилъ имъ: „Вразумитесь! Богъ ищетъ нашего раскаянія, или бойтесь праведнаго гнѣва Его,—гибель наша неизбѣжна!“ Поляки и нѣкоторые изъ русскихъ изувѣровъ, приписывая измѣнѣ этотъ поступокъ атамана, въ ожесточеніи своемъ хотѣли убить его съ 500 казаками, но Епифановъ искренно раскаяваясь и соболѣзнуя о прежнихъ заблужденіяхъ, ночью, со всѣми своими товарищами, бросилъ станъ злодѣевъ ⁽¹⁴⁹⁾.

Последнія буйства. Не стало и второго Лжедмитрія, а и змѣна и буйство не прекращались, но только дѣйствовали уже безъ опредѣленной цѣли. По словамъ современниковъ, Московское царство волновалось тогда подобно бурному морю, кровь лилась какъ вода, опустѣли села, города и святыя обители; до того ожесточились сердца народа, что никто не видѣлъ, что дѣлалось предъ глазами, не слышалъ, что грѣмѣло въ ушахъ; всѣ объаты были какимъ-то гибельнымъ очарованіемъ ⁽¹⁵⁰⁾. И казаки не отставали полчищами помогать смятеніямъ. Наконецъ одушевилъ Богъ Русскихъ на защиту вѣры и отечества: полчища, преданныя дотолѣ самозванцамъ, стали за Москву; отовсюду стекались повны войска къ престольному граду, занятому Литовцами.

Обращеніе на службу отечественную. Въ сіе время и Донскіе казаки явили себѣ столько же усердными и поборствующими сынами Россіи, какъ прежде того возму-

⁽¹⁴⁹⁾ Сказаніе Паллицина.

⁽¹⁵⁰⁾ Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ.

тителями; они находились въ станѣ освободителей порабощеннаго отечества, которые, призывая землю русскую къ единодущію, обратились и къ Донскимъ воинамъ, обѣщая имъ почести и жалованье ⁽¹⁵¹⁾.

Во всѣхъ почти битвахъ съ Поляками и Литовцами казаки явили отважную храбрость, неодолимое мужество и искреннее усердіе къ вѣрѣ.

Г Л А В А VI.

Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ. — Жилища ихъ. — Юрты. — Правленіе. — Военное устройство. — Правственность казаковъ. —

Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ. Донскіе казаки, почти отъ самаго начала водворенія ихъ на Дону, какъ изъ актовъ видно, раздѣлились на *Верховыхъ и Низовыхъ*: первые жили въ верхней части рѣки Дона, послѣдніе—въ нижней, начиная отъ Цымлянскаго городка. — Казаки низовые были отважнѣе, нежели верховые, всегда считали себя старшими предъ ними, до того, что когда одинъ разъ царь Феодоръ Іоанновичъ въ грамотѣ своей (1592 г. марта 21) наименовалъ напередъ верховыхъ, то они съ прискорбіемъ говорили объ этомъ посланнику Нащовину. Въ Нижнихъ юртахъ находилось и главное управленіе Донскихъ казаковъ. Впрочемъ, въ образѣ жизни какъ тѣ, такъ и другіе казаки были сходны между собою.

Ж и л и щ а и х ъ . Въ концѣ XVI вѣка по берегамъ Дона, отъ устья рѣки Хопра внизъ до р. Аксая, на протяженіи 800 верстъ, разсѣяны были казачьи городки и зимовища въ различномъ между собою разстояніи. Нѣсколько подобныхъ поселеній находилось еще и по р. Донцу. Прочее же пространство, лежащее между этими двумя рѣками, оставалось пустынь.

Городки и зимовища имѣли различіе между собою: первые были жилища постоянныя, а послѣдніи составляли временный и преимущественно зимній пріютъ, гдѣ бездомовные казаки

⁽¹⁵¹⁾ Летош. о выгнѣжяхъ.

проводили зиму въ шалахахъ или землянкахъ, а съ наступленіемъ весны уходили на военные поиски, или на добычи. Городки были обведены кругомъ стѣною изъ двойного плетня, или двойнаго полисадника, внутри набитаго землею. Осторожность противу набѣговъ непріятельскихъ требовала такихъ укрѣпленій. При городкахъ жили общества казаковъ въ избахъ или землянкахъ.

Сколько было въѣхъ зимовицъ, даже сколько было самыхъ городковъ казачьихъ въ XVI столѣтіи, опредѣлить невозможно; еще менѣе можно знать число казаковъ каждаго городка: ибо оное число измѣнялось и присоединеніемъ новыхъ людей и непрерывными переходами самыхъ казаковъ изъ одного городка въ другой.

Раздоры былъ самый вѣднѣй городокъ на Дону въ XVI вѣкѣ, и находился близъ нынѣшней Раздорской станицы, на островѣ, образуемомъ рукавомъ Донца и рѣкою Дономъ; онъ былъ тогда главнымъ мѣстомъ въ казачьихъ владѣніяхъ, и въ немъ имѣлъ пребываніе войсковой атаманъ.

Городки казачьи всегда были малолюдны, потому что казаки, любя военная тревоги, скучали жить дома и непрерывно уходили искать опасностей и добычи въ землѣ непріятельской. Верховые большею частію бродили по Волгѣ и въ улусахъ ногайскихъ; а низовые собирались всегда въ Раздоры, и отсюда партіями и въ совокупности, отправлялись воевать Азовъ и разъѣзжали по морямъ Азовскому и Черному. Раздоры были главнымъ сборнымъ мѣстомъ казаковъ и тутъ всегда можно было найти многолюдство.

Юрты. Въ значеніи поселеній еще встрѣчается въ актахъ XVI вѣка слово: *юрты*. Подъ нимъ разумѣлись тогда въ буквальномъ смыслѣ самыя жилища, т. е. избы, землянки, шалаши, слѣдственно это названіе могли употреблять говоря и о городкахъ и о зимовникахъ: *юрты нижніе*, *юрты чернаскіе*.

Правленіе Казаки, соединясь въ одно общество изъ разноплеменной вольницы, не могли иначе распорядить общественные предметы и дѣла, какъ только общимъ совѣтомъ.

Предметы таковыхъ совѣщаній были просты и почти всегда одинаковы: идти на войну или поимъ, раздѣлить добычу, или наказать измѣнника. По всегдашней возможности соби- раться въ одно мѣсто и по тѣмъ случайностямъ, которыя сопро- вождали воинственную жизнь казаковъ, скоро утвердилось въ обществѣ ихъ народное правленіе: въ послѣднихъ десяти- лѣтіяхъ XVI вѣка оно получило нѣкоторое опредѣлительное образованіе, было въ полномъ смыслѣ общественное и самое простое. Особенныхъ властей распоряжающихъ, равно какъ и старшинства лицъ у нихъ вовсе не было; къ властямъ части исполнительной принадлежали *Войсковой Атаманъ* и *Войсковые Есаулы*. Письменные дѣла отправлялъ *Войсковой Дьякъ*.

Главное народное собраніе, которому принадлежала вся власть управленія и суда, называлось *Войсковымъ Кругомъ*. Названіе это было дано, безъ сомнѣнія, по наружному виду, каковой имѣли эти общественныя сходбища, происходившія обыкновенно на открытой площади, гдѣ казаки дѣйстви- тельно составляли изъ себя кругъ, стоя на ногахъ и безъ шапокъ, въ знакъ почтенія къ мѣсту и случаю. Всякій казакъ имѣлъ здѣсь свободный голосъ. Дѣла на судъ народа пред- лагалъ побольшей части Войсковой Атаманъ, который для того съ своими есаулами выходилъ на средину Круга; также еслибы и другой кто имѣлъ что либо предложить народу, то былъ обязанъ выступить на средину. Оканчивалось все боль- шинствомъ голосовъ.

Дѣла обыкновенныя могли рѣшаться одними тѣми каза- ками, кои были въ сборѣ въ юртахъ Раздорскихъ; но въ важнѣйшихъ случаяхъ всегда дожидали товарищей изъ похода и звали всѣхъ изъ городковъ. Всякій изъ казаковъ счи- талъ себя участникомъ дѣла общаго, и Войсковые Круги были очень шумны, а нерѣдко происходили въ нихъ и буйныя ссоры. Въ Кругахъ рѣшалось все безотчетно: набѣги, пре- сѣченіе военныхъ поимокъ, смертная казнь и проч.

Войсковой атаманъ лично не имѣлъ особенной власти. Онъ былъ только блюститель порядка и исполнитель при-

говоромъ народа. Въ Войсковомъ кругу, голосъ его былъ равенъ голосу всякаго казака и все преимущество его въ этомъ случаѣ состояло, кажется, въ томъ, что представленіе и доводы атамана народъ принималъ иногда съ большимъ уваженіемъ. Атаманъ вопреки этого ограниченія не могъ ничего предпринять по собственному произволу, иначе съ безчестіемъ могъ лишиться своего достоинства, а иногда и съ опасностію за самую жизнь. Избирались атаманы погодно, большинствомъ голосовъ въ Войсковыхъ Кругахъ. Сложившій это достоинство по окончаніи срока, поступалъ въ общій составъ казаковъ и уже не имѣлъ никакого отличія между ними.

Къ войсковому атаману, также общими голосами, назначали двухъ *войсковыхъ есауловъ*, кои были его помощники и исполнители его и народныхъ приказаній. Особенныхъ вліяній ихъ на дѣла общественныя никакихъ не было.

Войсковой *дякъ* составлялъ у казаковъ лице весьма важное: кромѣ его никто не писывалъ бумагъ отъ войска, но впрочемъ, онъ не имѣлъ никакой власти.

Подобно этому общему войсковому управленію, начали въ концѣ XVI вѣка образовываться и частныя управленія въ городкахъ. Всякое общество казаковъ, въ городкахъ или зимовищахъ жившее, равно и посланное куда либо, именуясь станицею, имѣло своего атамана. Такимъ образомъ въ каждомъ городкѣ и зимовищѣ были частныя атаманы. Они избирались своими обществами изъ людей храбрѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ; имѣли значеніе предводителей и сѣвѣтниковъ, но власти никакой имъ не принадлежало. Въ каждомъ городкѣ была общая, такъ называемая, становая изба; въ нее сходились казаки на досугъ вести рассказы о дѣлахъ бранныхъ, совѣщаться о исполненіи повелѣній войскаго круга и разбирать дѣла частныя, кои, по отдаленности главнаго городка, предлагались иногда на судъ своего общества.

Военное устройство. Походы казаковъ были *сухотутные и судовые*, послѣдніе важнѣе, особенно въ поискахъ

по морямъ Азовскому и Черному.

Всякій отрядъ сухопутный или судовой имѣлъ своего *походнаго атамана*, представлявшаго лице главнаго начальника.— Большія рати обыкновенно дѣлились *на сотни и полусотни*, ввѣряемая командованію есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Чины эти, какъ и походный атаманъ, избирались самымъ отрядомъ предъ выступленіемъ въ походъ, а по возвращеніи слагали свои званія.— Оружіе казаковъ состояло изъ малыхъ пушекъ, ружницъ или пищалей, копій и сабель; они приобрѣтали оное или покупкою, или добычею отъ непріятели. Порохъ и свинецъ получали въ жалованье отъ Россійскаго Двора.

Внезапность и быстрота въ нападеніяхъ были главными причинами ихъ счастливыхъ успѣховъ. Быстротѣ сухопутныхъ походовъ много способствовали казачьи степныя лошади татарской породы, кои не знали усталости и прошедъ большое пространство, послѣ корму скоро снова укрѣплялись. Каждый казакъ въ походѣ имѣлъ двухъ лошадей, чтобы въ случаѣ большихъ переходовъ перемѣнять ихъ. Направленіе къ предположенному мѣсту старались избирать самое прямое; вообще въ пути отличались замѣчательною смѣтливостію. Самыя широкія рѣки легко переплывали и казаки и ихъ лошади. Для сокрытія дохода своего отъ непріятели, употребляли всѣ строгія осторожности. Нападенія на жилища вражескія производили большею частію въ ночное время. Но если удалось непріятелю напасть на казаковъ въ распахъ и на открытомъ мѣстѣ, тогда обыкновенно становились они пѣшіе въ карѣ и отстрѣливались, прикрываясь своими лошадьми; но этотъ способъ употребляли только въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, когда не было другихъ средствъ къ спасенію; въ противномъ случаѣ они разсыпались врознь.

Въ морскихъ походахъ казаки употребляли суда *малыя*, помѣщавшія отъ 30 до 50 человекъ каждое; на нихъ пускались они въ моря Азовское, Черное и Каспійское, разбѣжали близъ береговъ, нападали на корабли и громили области

приморскія. Казаки, такъ подробно знали упомянутыя моря, что ночью, безъ компаса, переплывали безошибочно тѣ мѣста, гдѣ было нужно, и даже перѣдко, носимые бурей по открытому морю, не теряли своего пути.

Нравственность казаковъ. Нравственность казаковъ представляла смѣсь добродѣтелей и пороковъ, свойственныхъ людямъ, которые жили войскою.

Жадные къ добычамъ, свирѣпые въ набѣгахъ на земли непріятельскія, казаки въ обществѣ своемъ были привязаны другъ къ другу какъ братья, гнушались воровствомъ между собою; но грабежъ на сторонѣ и особливо у непріятелей, былъ для нихъ вещь обыкновенною. Религію чтили свято. Трусовъ не терпѣли и вообще поставляли первѣйшими добродѣтелями: цѣломудріе и храбрость.

Въ наказаніяхъ за преступленія были жестоки. *Въ кулъ да съ воду*, была главная казнь за измѣну, трусость, убійство и воровство,—это было утопленіе въ рѣкѣ человѣка, завязаннаго въ мѣши. Приговоръ и наказаніе совершались почти въ одно время: это могло довольно успѣшно дѣйствовать на своевольство казаковъ; ибо каждый осуждая своего товарища, зналъ, что никакія происки судопроизводства не избавятъ его отъ заслуженнаго наказанія.

Казаки вели торговлю съ азовцами: рыбою, дровами и разною мелкою рухлядью; русскимъ людямъ продавали лошадей, турецкія и персидскія издѣлія отпята въ наѣздахъ; отъ нихъ покупали хлѣбъ, оружіе, суда; землешествомъ занимались вовсе. Въ домашней жизни любили рядиться въ богатые турецкіе и персидскіе кафтаны, кои доставались имъ въ добычу отъ непріятелей.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Отъ вступленія на Россійскій престолъ Михаила Феодоровича до совершеннаго подданства казаковъ Россіи, или до возвращенія Туркамъ Азова.

ГЛАВА VII.

Провидѣніе, испытавъ Россію долговременными бѣдствіями отъ мятежей кровопролитныхъ, вручило, наконецъ, скипетръ самодержавія юному Михаилу Феодоровичу Романову, избранному единодушіемъ бояръ и народа.

Съ сего счастливаго для Россіи времени и дѣянія Донскимъ казаковъ получаютъ болѣе характерности и благородства.

Извѣдавъ на дѣлѣ сколь вредно буйство казаковъ, Московскій дворъ, при самомъ вступленіи на престолъ Михаила, обратилъ на нихъ вниманіе и старался привлечь къ вѣрной службѣ: въ нимъ посылали грамоты, исполненныя ласковыхъ похвалъ, обѣщали содержать въ царской милости *на вѣки*, а отъ нихъ взаимно требовали службы полезной отечеству, какъ было при прежнихъ государяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ и Феодорѣ Іоанновичѣ. Надежды царя скоро исполнились: казаки на самомъ дѣлѣ явили примѣръ своего усердія Россіи. Атаманъ Смага Чершенскій, первый оставившій сторону самозванцевъ еще въ то время когда русскіе за нихъ сражались, утвердившись въ юртахъ своихъ, избранъ войсковымъ атаманомъ. Скоро и другія партіи Донцовъ, по изгнаніи изъ Москвы Поляковъ отошли на Дснъ. Только 200 или немного болѣе соединясь съ Уральскими или Терскими казаками, оставались преданными Заруцкому и Марипѣ Мнишекъ, разбой-

ничая въ окрестностях Астрахани, гдѣ были приняты сіи мятежники.

Заруцкій былъ подстрекаемъ Сигизмундомъ, который, готовясь съ большими силами напасть на Россію, заставлялъ его распространять бунты и обѣщаль за то въ удѣлъ Новгородъ, Псковъ или Смоленскъ, когда самъ получитъ московскую корону. Отъ него также были послы на Дону и въ улусахъ ногайскаго князя Иштерека, въ концѣ 1612 года, съ извѣщеніями о вступленіи его на Россійской престолъ и съ требованіемъ вѣрности какъ законному государю; но это не имѣло успѣха (152).

Духъ вѣрности къ царю законному былъ общій и постоянный во всѣхъ нижнихъ городкахъ казачьихъ до Пятизбянскаго; а выше онаго по Дону, также по Хопру и Медвѣдицѣ, казаки опять поколебались и болѣе вѣрили самозванцамъ. Отъ Заруцкаго бродили здѣсь агенты, прельщая легковѣрныхъ обѣщаніемъ жалованья и разныхъ милостей, и своевольные казаки малыми партіями уходили къ Астрахани (153).

Россійскій дворъ, видя успѣшное начало своего вліянія на казаковъ, старался поддержать оное: въ Москвѣ атамана

(152) Дѣла Ногайск., въ столбцѣ 1613 г., сентября, связка 2, № 5-й, распросныя рѣчи прибывшаго въ Москву (27 сентября) отъ ногайскаго князя Иштерека посла его Келмаметъ--мурзы.

...., А литовской король прислалъ лѣтомъ на Донъ къ атаманомъ Смагѣ Чершенскому съ товарищи и къ нимъ пословъ своихъ съ тѣмъ, что онъ король на Московскомъ государствѣ учинился государемъ и они бѣ Иштерекъ князь и всѣ ногайскіе люди и атаманы служили ему также, какъ и прежнимъ Московскимъ государемъ, и Смага де тѣхъ пословъ къ Иштереку прислалъ и Иштерекъ князь имъ отказалъ, что имъ до короли дѣла нѣтъ, и стало то Иштереку князю и всѣмъ ногайскимъ людямъ за великую досаду, что король назывался Московскимъ государемъ, и послалъ де Иштерекъ князь провѣдывать татарина да полоненника поволь король Московскимъ государствомъ владѣть.

(153). Дѣла ногайскія, въ столбцѣ 1613 г., сентября, связка 2-я, №5,-й распросныя рѣчи хоперскаго юртоваго казака Григорья Чернаго.

Стародуба, явившагося по старому обычаю съ легкою санцею, бить челомъ государю отъ всего войска, приняли съ честію, и на прїѣздѣ и на отпускѣ щедро одарили какъ атамана, такъ и всю его станицу. Съ ними государь отправилъ на Донъ жалованье, хотя весьма малое по недостатку тогда государственной казны, но принятое казаками съ восторгомъ, ибо при семъ случаѣ великій князь писалъ въ нимъ грамоту превсполненную ласковости и похвалъ. Митрополиты и весь соборъ духовенства, съ своей стороны, послали на Донъ благословеніе въ краснорѣчивой грамотѣ. Никогда казаки не видѣли себя въ подобной милости у Россійскаго двора: святители, изобразяя рѣзкими чертами бѣдственное состояніе Россіи и замыслы противъ нее польскаго короля, именемъ Бога убѣждали казаковъ стать за царя, предрѣкали за сіе милость Божію, жалованье царское, честь, славу и похвалу отъ Русской земли и окрестныхъ государствъ; и за тѣ ваши службы — писали духовные отцы — буди на всѣхъ на васъ Божія милость и нашъ и Вселенскаго собора миръ и благословеніе, и умножи Господь лѣта ваши и подай вамъ Господи вся благая по прошенію вашему и устрой вамъ вся полезная, якоже вѣсть святая Его воля; а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ, и челомъ бьемъ.“ Къ таковымъ ласкамъ поводомъ было еще и то, что въ сіе время отправлялось въ Константинополь посольство съ извѣщеніемъ о возшествіи на престолъ новаго, законнаго царя, и съ намѣреніемъ склонить Порту помогать Россіи противъ Польши. Для сего нужно было, чтобы казаки замрились съ Азовцами и не воевали турецкихъ областей. Самому посланику Соловому Борисьевичу Протасьеву вручены упомянутыя грамоты на доставленіе казакамъ и жалованье, назначенное съ Стародубовымъ. Онъ прибылъ въ нижніе юрты октября 26. Все войско, бывшее здѣсь въ собраніи, встрѣтило царскаго сановника съ отличною почестію; читая въ вругу грамату казаки въ восторгѣ и умиленіи сердца плакали, какъ пишетъ самовидѣцъ Протасьевъ, пѣли молебны о здравіи царя; стрѣ-

ляли изъ пушекъ, пищалей и ружей и единодушно повѣлялись служить неотступно Россіи; немедленно послали новыхъ гонцовъ въ верховые городки и на Волгу для убѣжденія бунтовщиковъ, изъявили сами готовность идти на нихъ всѣмъ войскомъ ежели государь укажетъ; безпрекословно заключили миръ съ азовцами, дабы не попрепятствовать его дѣламъ съ Туркою; проводили посланика въ Азовъ со всѣми обрядами и рѣшительно обѣщали не трогать турецкихъ областей доколѣ посланникъ возвратится назадъ; словомъ казаки, казалось, переродились и всѣ дѣйствія ихъ такъ были соотвѣтственны видамъ Двора, что Протасьевъ въ донесеніи своемъ государю, свидѣльствовалъ объ оныхъ съ чувствомъ живой радости (154).

(154) а) Грамата на Донъ отъ Духовнаго Московскаго собора, 1613 года.

(Начала нѣтъ), Князя Федора Ивановича всея Россіи самодержца, — послалъ нынѣ в. г. нашъ царь и в. к. Михайло Федоровичъ, всея Россіи самодержецъ, къ брату своему къ в. г. къ Турскому Ахметъ султану государство свое обѣстити по прежнему обычаю и про неправды и про разореніе Московскаго государства отъ польскаго и отъ литовскаго Жигимонта короля извѣстити посланника своего Соловова Борисовича Протасьева да Дьяка Михайлу Данилова; а къ вамъ атаманомъ и казакомъ послалъ в. г. царь и в. к. Михайло Федоровичъ всея Россіи своего государева жалованья съ Соловымъ Борисовичемъ Протасьевымъ, да съ дьякомъ съ Михайломъ Даниловымъ, да съ атаманомъ съ Гавриломъ Стародубовымъ съ товарищи, за ваши къ нему в. г. нашему царю и в. к. Михайлу Федоровичу всея Россіи и ко всему великому Россійскому государству многія службы и радѣнье сузна и селитры и сѣру и свинець, что у великаго государя нашего царя и великаго князя Михайла Федоровича, всея Россіи самодержца, въ нынѣшнее въ настоящее время лучилось; а то вамъ атаманомъ и казакомъ и самимъ чаю вѣдомо, что ихъ многая царская казна, собраніе прежнихъ в. г. царей Россійскихъ, отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей въ разграбленіи безъ остатку бысть, а изъ городовъ ни изъ которыхъ къ в. г. нашему еще никакія казны не бывало. А нынѣ выходы и язки въ распросѣ бояромъ сказываютъ, что польской и литовской Жигимонтъ король на Московское государство всякое зло умышляетъ, и польскіе и литовскіе люди въ порубежныхъ во многихъ мѣстахъ собираются и хотять идти на Москву, а Путивль литовскіе-жъ

Примѣръ нижнихъ городковъ подѣйствоваль на волжскихъ мятежниковъ: сначала Донскіе бѣглецы, а постѣ Терскіе и Уральскіе казаки, бросивъ Заруцкаго, клялись въ вѣр-

люди и черкасы, пришедъ безвѣстно, украдомъ взяли, а иные порубежные сѣверскіе города воюють; да польской же Жигимонтъ король послалъ къ Ивашку Заруцкому гонца, своего ближняго челоуѣка ротмистра Яна Четского, съ грамоты, а писалъ къ Заруцкому и рѣчью приказаль, чтобъ онъ Ивашко къ вел. государя нашего царя и в. к. Михаила Ѳедоровича всеа Россіи въ Московскомъ государствѣ былъ и смуту всякими злыми бѣсовскими прелестми дѣлалъ и людей къ себѣ на смуту приводилъ до тѣхъ мѣстъ, покажется онъ съ турскимъ царемъ помирится и польскимъ и литовскимъ людямъ, которые были въ Московскомъ государствѣ, заслуженное онъ заплатитъ; а нынѣ де у него съ турскимъ царемъ война велика; а какъ де онъ Ивашко, по его велѣнью, въ Московскомъ государствѣ смуту учинитъ дѣлать до тѣхъ мѣстъ, покажется онъ съ турскимъ помирится, и онъ де помирится съ турскимъ, пойдетъ Московскаго государства доступать, а ему де Ивашку дасть король въ отчину Новгородъ великій или Псковъ съ пригороды, или Смоленскъ, и учинитъ его великимъ у себя бояриномъ и владѣтелемъ. И юня въ 9 день, по милости Божіей, а счастьемъ и доброопаснымъ осмотрительствомъ в. г. нашего царя и в. к. Михаила Ѳедоровича всеа Россіи самодержца, тотъ литвинъ со всеми королевскими грамоты прѣхалъ... вел. государи нашего ими, ему вел. государю служити и злой умыселъ польскаго короля подлинно сказати, и царскаго величества бояре и дворяне и дѣти боярскіе, и атаманы и казаки и стрѣльцы и всякіе служилые люди, которые нынѣ на Москвѣ и по городомъ, слыша тѣ вѣсти, проси у Бога милости, обѣщаются единодушно, а хотятъ за нашу истинную православную крестьянскую вѣру Греческаго закона, за святые Божіи церкви и за образъ Содѣтеля нашего и Творца Господа Иисуса Христа и родниа его Пречистыя Богородицы, нашия христіанскія надежды и заступничи и всѣхъ его угодниковъ и за в. государя нашего царя и в. князя Михаила Ѳедоровича, всеа Россіи самодержца и за всѣхъ православныхъ крестьянъ и до сущихъ младенцовъ и за свое отечество противъ непріятелей и враговъ вѣры нашия польскаго Жигимонта короля и его польскихъ и литовскихъ людей стоять крѣпко и неподвижно и битися съ ними нещади головъ своихъ безъ всякаго страху. И нынѣ мы царскаго величества и ваши богомольцы, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты и игумены и весь священный соборъ, по данной намъ благодати отъ свитого духа, васъ атамановъ и казаконъ благословляемъ и напоминаемъ, чтобы вы помня Бога и души свои и къ себѣ прежнихъ вел. государей

ности Михаилу, и такимъ образомъ на всемъ Дону водворилось единодушiе.

Погибли черкашенинъ Заруцкiй и Мчрипа Миншекъ,

Россiйскихъ, блаженныя памяти вел. государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россiи и сына его блаженныя памяти вел. государя нашего царя и велик. князя Федора Ивановича, всеа Россiи самодержца жалованье, а свою къ нимъ вел. государемъ примую службу, и нынѣ великому государю нашему и вел. князю Михаилу Федоровичу всеа Россiи и всему ихъ великому Московскому государству потому жъ служили и прямили, и посланника его царскаго величества Солоняго Борисовича Протасьева и дьяка Михаила Данилова отпустили отъ себя съ Дону не задержавъ и проводили ихъ до Азона, и какъ Соловаго до Азова проводите и выбѣ атаманы и казаки, помни Бога и нашу православную крестьянскую вѣру и свое отечество и природу крестьянскую и видя польскаго жигимонта короля надъ великимъ Московскимъ государствомъ злое умышленiе и для обороны истинныя нашiя православныя крестьянскiя вѣры и святыхъ Божiихъ церквей и великаго Московскаго государства отъ враговъ нашихъ, отъ польскаго короля шли бы есте атаманы и казаки со всемъ своимъ войскомъ на польскихъ людей и на черкасы къ Путнвилю и въ ныне сѣверскiе города, въ которыхъ воюютъ литовскiе люди и черкасы, и спешдися съ государевыми бояры и воеводы и съ ратными людьми, проси у Бога милости, надъ польскими и литовскими людьми и надъ черкасы промышляя, сколько вамъ милосердный Богъ помощи по дастъ, и сѣверскую землю отъ нихъ злодѣевъ очищая, чтобы вашею службою и радѣньемъ Московское государство по прежнему распространилося, и держки Божiи по прежнему въ лѣпоту облеклися, а идти бы вамъ атаманомъ и казакомъ въ тѣ города немѣшка и тѣмъ начальная службы своя и радѣнье къ великому государю нашему показать и за православную крестьянскую вѣру и за святыхъ Божiихъ церквей и за чудотворной образъ Пречистыя Богородицы и за великаго государя нашего царя и велик. князя Михаила Федоровича всеа Россiи и за всехъ свою братью православныхъ крестьянъ и за свое отечество и природу противъ враговъ вѣрцъ нашихъ, польскаго Жигимонта короля и польскихъ и литовскихъ людей стати крѣпко и мужественно, чтобъ и литовскiе люди и черкасы своимъ злымъ умышленьемъ до вашего приходу сѣверскимъ городомъ и достоль конечнаго разоренья не училили; а Ивануку Заруцкаго и его совѣтниковъ ни въ чемъ вамъ, атаманомъ и казакомъ не слушати, и злой его смуть и прелести ни въ чемъ не вѣрити, чтобы и достоль отъ него вора Московскому государству и нашей истинной православной христианской вѣры и святыхъ Божiихъ церквамъ конечнаго разоренья небыло и тѣмъ

да прочтутъ всѣ властолюбцы въ ихъ судьбѣ поучительный урокъ.

Въ ноябрѣ казаки отравили въ Москву атамана Бедри-

крестьянскія души, которыя къ его воровству приставаютъ, здѣ тѣломъ, а въ ономъ будущемъ въ страшномъ вѣдѣ совсѣмъ не погибли, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ однолично служба своя и радѣнье къ великому государю нашему и ко всему великому Московскому государству показати, для избавы всѣхъ православныхъ крестьянъ отъ разоренья польскаго короля и отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и для избавленія отъ обруганія нашихъ истинныхъ православныхъ крестьянскихъ вѣры и святыхъ иконъ и Божіихъ церквей, итти на польскихъ и на литовскихъ людей въ сѣверскіе города немѣшкай, и своею службою и вспоможеніемъ московскаго государства сѣверскихъ городовъ и достать въ разоренье и православныхъ нашихъ крестьянскія вѣры въ поруганіе злодѣямъ невидать. А за ту свою нынѣшнюю и пречную многую службу вы исъ нынѣ и впредь отъ Всемогущаго Бога милости, а отъ велик. государя нашего царя и велик. князя Михайла Ѳеодоровича всеа Россіи великое жалованье, а ото всякихъ людей Московскаго государства и отъ окрестныхъ государствъ честь и славу и похвалу, и отъ насъ, его царскаго величества и своихъ богомольцовъ благословѣніе во вѣки себѣ получите, и та ваша служба и истинное радѣнье къ велик. государю и ко всему Московскому государству достойна похвалѣ и удивленію будетъ на вѣки. А какъ вы сынове нашего смиренія помня Бога и души свои и крестное цѣлованіе и для нашихъ истинныхъ православныхъ крестьянскія вѣры греческаго закона и святыхъ Божіихъ церквей и честныхъ иконъ, къ великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Россіи самодержцу и ко всей землѣ службу свою и раденье покажите, царское повѣленіе сотворите на его государеву службу противъ враговъ и разорителей нашихъ православныхъ крестьянскія вѣры въ сѣверскіе города пойдете, безъ всякаго ослушанія и прекословія, и тѣмъ Московскому государству и всѣмъ православнымъ крестіаномъ способствуете и на всѣхъ буди Божія милость и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ, просіавшихъ въ российскомъ царствіи, молитвы, а нашего и всего великаго собора миръ и благословенье отъ нынѣ и до вѣка, и умножи Господь дѣтъ живота вашего и подай вамъ Господи вся полезная, яко же вѣсть святая Его воля. А будетъ изъ васъ кому за православную крестьянскую вѣру и за святыхъ Божіихъ церквей и за праведнаго Богомъ избраннаго царя и великаго князя Михайла Ѳеодоровича всеа Россіи самодержца и за ваше крестное цѣлованіе отъ иновѣрныхъ мучителей христіанскихъ и смерть велитъ Богъ

печа съ донесеніемъ объ отъѣздѣ посланника и съ челобитной о жалованьи. Въ сильныхъ выраженіяхъ изъясляли

воспріяти, и тотъ посвоей праведной палинной кровц, отъ Всемогущаго Бога мученической ивнѣцъ воспріемлетъ и царствіе Божіе наслѣдитъ со всѣми пострадавшими за православную крестьянскую вѣру; а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ и челомъ бьемъ.— Писана вел. государя нашего царя и вел. князя Михайла Ѳеодоровича всеа Россіи самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7121, іюня въ 18 день.

б.) Тамже отписка къ государю посланника Протасьева, привезенная въ Москву декабря 22 дня.

„ Государю царю и в. князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Россіи холопи твои Соловко Протасьевъ и Михалко Данилозъ челомъ бьютъ. Погребли, государь, мы холопи твои съ Воронежа Дономъ на низъ сентлября въ 22 д., а передъ собою, мы, холопи твои, въ верхніе и въ нижніе юрты послали атамана Григорья Долгово, да есаула Івасилья Панка про твое государево жалованье сказать атаманомъ и казакомъ и про себѣ обѣстить; и Григорій Долгой и есаулъ Василей воротилися назадъ, и сказали намъ, что они встрѣтили Воронежскаго казака Бориско зовуть, недоѣзжая Хопра, и тотъ Бориско сказалъ имъ, что на Хопрѣ казаки воруютъ пріять Маринкѣ и сыну ея, а про вора сказываютъ, что онъ будто въ Казилбашахъ и Заруцкаго и Маринку съ сыномъ пустили въ Астрахань и крестъ ей цѣловали, и послали де изъ Астрахани въ Казилбаши пущикъ воровъ, заводити вора, и многіе де казаки на Волгѣ въ сборѣ и про насъ де имъ вѣдомо. И мы холопи твои, шли на спѣхъ, и Хоперь и Медвѣдицу прогребли съ великимъ береженьемъ, а отъ Хопра, государь, мы, холопи твои, въ нижніе юрты.... октября въ 20 д., и атаманы, государь, и казаки всѣхъ нижнихъ юртов, насъ холопей твоихъ встрѣтили, и для твоего царскаго величества стрѣляли изъ наряду и изво всего мелкаго ружья, и мы холопи твои, твою царскую грамоту, что съ нами послана отъ тебя государя атаманомъ и казакомъ Смагѣ Степанову съ товарищи и всему войску члн и твое государево жалованье, сукна и селитру и сѣру и свинець по росписи отдали все сполна; да имъ же, государь, дали твое государево жалованье, что взяди въ городехъ, на Коломнѣ и въ Переславлѣ Рязанскомъ и на Воронежѣ запасу 80 ведръ вина, да сухарей и крупъ и толовна 180 четвертей, и атаманы, государь, и казаки и все войско видя къ себѣ твою царскою неизреченную милость, съ сердечными слезами возрадовался и общалися тебѣ государю царю и в. князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Россіи служити и пріимити во всемъ какъ прежнимъ великимъ государемъ, а изъ Астрахани, государь, отъ Маринки и отъ Заруцкаго въ нижніе юрты къ нимъ атаманомъ и

повторили увѣренія въ непрекословномъ повиновеніи и они свою благодарность государю за милосердіе къ нимъ и къ казакомъ и ко всему войску пріѣзжали съ воровскими грамотами Астраханскіе жильцы Кара да Гришка Стародубецъ, чтобы атаманы и казаки отъ Астрахани и отъ Ивашки и отъ Маринки и отъ воровъ отъ Волжскихъ казаковъ не оставили, и атаманы, государь, и казаки и все Донское войско въ Астрахань къ Маринѣ и къ Заруцкому и ко всѣмъ людямъ и на Волгу къ ворахъ къ атаманомъ и казакомъ писали, что они всѣ единодушно общались служить тебѣ государю царю и велик. князю Михаилу Федоровичу всеа Россіи и воровскимъ грамотамъ ихъ не вѣрвати и къ воровству не приставати, и того Кару да Гришку позорили и съ Маринкою, и мало непобили ихъ до смерти. Да вѣдучи, государь, Дономъ отъ Пяти-избъ до Нижней Курманъ-яръ, казаки Семейка Ебалда говорилъ атаману Гаврилу Стародубу, что будто Каллужской жпвѣ, и атаманъ Гаврило Стародубъ про то сказалъ мнѣ, холопу твоему, Соловку и я холопъ твой послалъ по атамановъ и по казаковъ и того Семейку распрашивалъ, и тотъ, государь, Семейка, мнѣ холопу твоему сказалъ, что де однолично воръ жпвѣ, и я, государь, велѣлъ атаману Андрею Трухинскому, того Семейку дати на поруку, что ему стати на низу въ большомъ войску, и какъ, государь, и мы про то Семейкино воровство сказали атаманомъ и казакомъ и всему войску, и атаманы, государь, и казаки и все войско тотчасъ Семейку про то спрашивали и сыскавъ его воровство, приговорили посадить въ воду: и какъ его поволокли къ водѣ, и прислали ко мнѣ, холопу твоему, Соловку, атаманы, чтобы для твоего царскаго здоровья того Семейку у войска отъ воды отнять и за его воровство бити батоги, и тотъ государь воръ бить, батоги нещадно. Да по твоему, государеву, указу говорилъ мы атаманомъ и казакомъ и всему войску, чтобы они, исполняя свою службу къ тебѣ государю и радѣнне до тѣхъ мѣстъ, покажѣста мы сходимъ изъ Царьгорода, съ азовскими людьми..... нечинили, а воевалибъ въ тѣ поры Казневъ улусъ и Ногаи и крымскихъ людей, чтобы намъ въ Царьгородѣ задержанья небыло. И атаманы, государь, и казаки намъ холопомъ твоимъ сказали, что они единодушно безо всякія хитрости хотять тебѣ государю служить до кончины живота своего и во всемъ въ твоемъ царскомъ повѣленѣ бытъ; а съ азовскими людьми ради бытъ въ миру до тѣхъ мѣстъ, пока мѣста мы сходимъ изъ Царьгорода. Да атаманы жъ, государь, и казаки и все войско, служа тебѣ государю и радѣя, посылають отъ себя въ Астрахань и на Волгу къ казакомъ, что бы они отъ воровства отстали; а будетъ они отъ воровства неотстануть, и они всѣ хотять на нихъ итти своимъ головами Донскимъ войскомъ. Да атаманы жъ, государь, и казаки намъ холопомъ твоимъ говорили: только де государь пошлетъ къ Астрахани бояръ и воеводъ и

въ готовности жертвовать за него жизнию ⁽¹⁵⁵⁾. Государь ратныхъ людей, и мы де всё пойдемъ подъ Астрахань; и правда, государь, и радѣные атамановъ и казаковъ и всего войска къ тебѣ государю единодушно, отнюдъ безо всякаго суетнаго позабыванья: ⁽¹⁵⁵⁾ Дѣла турецкія столб. 1614 г., отписка Донскихъ атамановъ и казаковъ 1613 г. ноября.

„Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всеа Россіи холопи твои царскіе Донскіе низовые атаманы, Смашка Степановъ, да Финька Роднловъ, да Митька Кабановъ, да Семенецъ Уволово, да Дементейка Ерофѣевъ, да Михалко Трубоченинъ, да Иванко Насъ, и всё атаманы и казаки и все войско отъ низу и до верху, о милости Божіей и о твоємъ царскомъ великомъ жалованье челомя бьютъ. Послалъ ты, великій государь, царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Россіи, второй исраиль, своего государева посла къ турецкому царю, Соловаго Борисовича Протасьева, да Дьяка Михайла Данилова и съ ними прислалъ на Донъ къ намъ холопемъ твоимъ, свою царскую и милосердную и жалованную грамоту, а въ ней пишетьца къ намъ и твое царское жалованье слово, и сукна и селитра и свинець и сѣра и запасъ сухари и крупа и толокно и вино, и мы холопи твои грамоту вычеть и рѣчь по наказу выслушавъ отъ тебя государя, что ты государь съ Соловымъ Протасьевымъ наказалъ, и мы о Бозѣ радуемъся и били есмя челомя на твоей милости до лица земли и приняли твое жалованье съ великою радостію, и злони звонили и молебны пѣли, и милости у Бога просили о твоємъ государевѣ многолѣтнемъ здравіи, изъ наряду и изъ мелкаго ружья стрѣляли и служили тебѣ великому государю ради вседушно, какъ есмя служили прежнимъ царемъ и государемъ польскую службу съ травы да съ воды и кровь свою проливаемъ; а милости твоей царской дошло до насъ холопей съ твоимъ государевымъ посломъ съ Соловымъ Протасьевымъ да съ дьякомъ Михайломъ Даниловымъ: 22 пуда селитры, 22 пуда свинцу, да 4 пуда сѣры, да полшестедесяти ведръ вина, да 180 четв. всякаго запасу сухарей и крупъ и толокна, да 11 поставовъ сукна и настрафилю и англинскаго и анбурскаго, и намъ холопемъ твоимъ, твоей милости, запасу позерну, да по пультѣ свинцу, да по вершку сукна. А Донковскій, государь, воевода Борисъ Есиповъ и педалъ ни зерна никакого запасу твоему государеву послу Соловому Протасьеву, и тотъ насъ запасъ недохаживалъ, и онъ намъ извѣщалъ, въ томъ ты государь воленъ. Да ты же государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Россіи пишешъ въ своей царской грамотѣ, чтобы мы тебѣ государю служили польскую службу на крымской и на ногайской сторонѣ по шляхомъ разѣзжали и по перевозомъ лежали да и съ азовскими людьми тюшманитися намъ невелѣлъ, и велѣлъ марнымъ быти для своего царскаго и земскаго строенья, чтобы

вручилъ атаману похвальную грамоту къ войску Донскому

твоему государеву дѣлу спѣхъ былъ, а послѣ твоему въ Царьградѣ замѣшканія несочинилось. И мы холопи твои государевы вседушно ради Божью волю и твою царскую творити во всемъ до исхода души своей и осыли есмы по юртишкамъ для тебѣ самодержавнаго государя, ни подъ Азовъ, ни на море уже не бывати, ни на перевозки, ни въ походы не ходити. Православный царь государь, пожалуй насъ холопей своихъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ, и суки и селитрою и свинцомъ и запасомъ, чѣмъ мы нужны, чтобы мы холопи твои служба съ травы да съ воды, наги и босы и голодни не были; а насъ холопей твоихъ, таперь на Дону тысяча восемьсотъ и восемьдесятъ и восемь человекъ. Да ты же государь намъ холопомъ твоимъ велѣлъ идти на свою службу въ сѣверскіе горы, а велѣлъ ты намъ искати дѣло надъ польскими и надъ литовскими людьми, колько Богъ помочи подасть, и мы холопи твои, нынѣшнее лѣто иѣши и безъ конны, а се государь зима предлежитъ, и медляки за твоимъ царскимъ посломъ для твоего государева дѣла и земскаго, отпростили его подъ Азовъ и отдали его честно турскаго царя людямъ, по чину и по подобію посольскому, какъ бывало прежде сего у прежнихъ государей царей, такъ и нынѣ мы, холопи твои припроженные, служимъ и примимъ. А взяли, государь, у насъ съ рукъ Соловаго Протасьева да дьяка твоего государя Михаила Давылова ноября въ 26 д. и мы холопи твои государевы, къ тебѣ писали въ сей отпискѣ; а мы холопи твои царскіе, сѣли уже на всю зиму и на лѣто по своимъ юртамъ, а у насъ холопей твоихъ то и лучей зипунъ былъ, по вся дни подъ Азовъ да на морѣ ходити, а нынѣ, государь, и перевозки не наши, коли со Азовомъ мирнымъ быти, то государь въ томъ воленъ, а чтобы земское дѣло и твое Россійское царство строилось, а покой и тишину Богъ далъ и твое царское имя возвеличалось по всемъ царствамъ и государствамъ, а мы холопи твои припроженные много лѣтъ ожидали будущихъ благъ, а на кроволитіе съмы нигдѣ не дерзнули, а на Волгу, государь, многожда пишеть и привязываемъ ко атаманомъ и казакомъ волжскимъ и терскимъ и яцкиимъ, чтобы они убоялися Бога и держалися правды и бездѣля Маринкина и сына ея не слушали, и не воронали на Волгѣ, а отъ твоей царской милости съ нами неотступны быти. Да писалъ ты государь царь милосердное слово ко атаманомъ и молодцомъ о князѣ же Михаилѣ Гагаринѣ, и тотъ, государь, князь Михайло Гагаринъ ушелъ за море, проданъ во Царьгородъ; грамота твоя царская насъ не застала и мы холопи твои, взвѣстали твоему государеву послѣ Соловому Протасеву кто его продалъ и кому проданъ и о томъ къ тебѣ государю писали. А послали мы, холопи твои, къ тебѣ милостивому и милосердому царю и государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Россіи, бити

и знамя ⁽¹⁵⁶⁾; которое было первое, сколько известно по челомъ о своей нуждѣ, ото всего войска Донскаго, любя и вѣрчяи, Донскаго атамана Игната Давыдова сына Бедрищева, да съ нимъ казака Назара Могилева; а отпущенъ съ Дону ноября 5-го дня:

⁽¹⁵⁶⁾ Распросныя рѣчи посланнаго на Донъ дворянина Опухтина въ 1614 году. См. дѣла турецкія въ столбцахъ:

....., А Иванъ Опухтинъ на Москвѣ сказалъ: пріѣхалъ де онъ на Донъ къ атаманомъ и къ казакомъ съ государевымъ жалованьемъ въ іюнѣ въ 15-д., въ Смагинъ юртъ Чершипскаго, и атаманы де и казаки всѣ его изъ юртовъ встрѣли и сошлись въ кругъ, и онъ де Иванъ по государеву наказу спросилъ ихъ отъ государя о здоровьѣ, и атаманы де и казаки всѣ на государево жалованье били челомъ, пали всѣ на землю и говорили: дай господи чтобы государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Россіи здоровъ былъ и счастенъ и многолѣтенъ на своихъ великихъ государстввахъ, а они слышачи къ себѣ его царскаго величества не изрѣченную милость, чего отъ прежнихъ государей имъ небывало, о его многолѣтномъ здоровьи Бога молятъ и милосердому Господу хвалу воздаютъ

И какъ государевы грамоты вычли, такъ по всѣмъ часовнямъ велѣли попомъ пѣть молебны о царскомъ здоровьѣ и велѣли стрѣлять изъ большаго наряду, изъ пушекъ и изъ пищалей и стрѣляли всѣ изъ мелкаго ружья, и государево жалованье, что къ нимъ прислано, взяли съ великою радостію. И вынесли де государево знамя, что къ нимъ прислано съ атаманомъ съ Игнатиемъ Бедрищевымъ, и учинили около знамени кругъ, а подъ знаменемъ де лежить человекъ осуженъ на смерть, а слышеть онъ Иванъ, что два ихъ казака пьяны промолылись, что атаманы и казаки за носмѣхъ вертятся, а отъ Ивашки имъ Заруцкаго не избыти, быть уодъ его рукою, и одного напередъ повѣсили, а другова было сбиты, который подъ знаменемъ при Иванѣ. И многіе де казаки му Ивану били челомъ, что бы де Иванъ того молодца для царскаго величества имени у нихъ отпросилъ; а онъ де виноватъ безъ хитрости, не умышленемъ со пьяна.

И онъ де Иванъ слышалъ то, что и Соловой у нихъ Протасевъ виноватаго, для царскаго имени отпросилъ, а се тутъ были многіе казаки съ Волги и съ Яика, и ихъ бы государскою милостію обнадежить, и онъ де Иванъ имъ говорилъ: не учинили они ничего надъ нимъ до него Ивана, а онъ Иванъ къ нимъ пріѣхалъ съ царскимъ жалованнымъ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ, и всѣ онъ царскому жалованью сбрадовались, у всѣхъ у нихъ теперъ радость, а государь милосердый, праведной, всѣхъ насъ виновныхъ пожаловалъ на чьихъ вины не помянулъ, покрылъ все своею царскою природною милостію, и оный того виноватаго

тописамъ и современнымъ актамъ, полученное Донскими казаками отъ Россійскихъ самодержцевъ. Даръ сей, лаская чести казаковъ, утвердилъ усердіе ихъ къ Россіи. Весною же (1614 года) отправлено къ нимъ царское жалованье съ дворяниномъ Иваномъ Лувьяновичемъ Опухтинымъ. Такія ласковыя грамоты посланы при семъ случаѣ отъ великаго князя, отъ собора духовныхъ и отъ земскаго собора съ новымъ титуломъ великому войску Донскому (157). Встрѣченный съ обыкновенными почестями царскій сановникъ именемъ государя въ войсковомъ кругу спрашивалъ казаковъ о здоровьѣ и говорилъ рѣчь по наказу: все собраніе изъявляло благодарность за царскія милости съ чувствомъ глубокаго умиленія. По прочтеніи грамотъ пѣли во всѣхъ часовняхъ молебны о здравіи государя, при пушечной и ружейной стрѣльбѣ. Для полнаго же торжества вынесли въ кругъ жалованное знамя, ввели преступника осужденнаго на смерть и изрѣкли ему прощеніе дн царскаго имени (158); раскинули на площади длинныя столы, шировали и угощали русскаго дворянина со всѣми его людьми.

Донцы въ сіе время на самомъ дѣлѣ исполняли свое обѣщаніе усердствовать Россіи: азовцы въ соединеніи съ крымскими и ногайскими разбойниками въ семь году неоднократно нападали воровски на ихъ юрты, отогнали ихъ табуны до 1000 лошадей и взяли въ плѣнь 30 казаковъ; но казаки

дн царскаго величества имени пощадилъ, и царскаго величества Богъ въ сохраненье держитъ, никто ему государю, ничего, всѣ враги его, зла учинить немогутъ. И атаманы де и казаки всѣ завоинили: дай господи, чтобы государь царь и в. к. Михайло Федоровичъ всеа Россіи самодержецъ, здоровъ былъ на многія лѣта. И сами они вѣдаютъ, что царское величество государь милосердой, праведной, царь правдѣ и милости, Богомъ избранъ и никто ему царскому величеству зла учинить и противитися не можетъ, и будетъ такъ и во вѣки, и того де казака не казнили

(157) Дѣла Турецкія въ столбцахъ 1614 года, грамота войску Донскому отъ 26 октября 1614 г.

(158) См. выше расиросныя рѣчи дворянина Опухтина, при мѣчаніе 156.

съ своей стороны не нарушили мира, дабы посланникъ зъ Константинополь невстрѣтилъ чрезъ то препятствія въ дѣлахъ государственныхъ и терпѣливо сносили всѣ наглости (169). Протасевъ окончилъ посольство свое и отпущенъ съ

(169) Дѣла турецк. въ столбц., отписка Донскихъ казаковъ 1614 года іюля 26, привезенная въ Москву сентября 28 дворяниномъ Опухтинимъ.

Государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Руссін холопи твои царскіе, Донскіе Низовые атаманы Смашка Стефановъ, да Епишка Родилловъ и всѣ атаманы и казаки и все войско отъ низу до верху, на милости твоей царской челомъ бьютъ. Пожаловаль ты милосердый и праведный самодержавный государь царь, второй израиль, насъ холопей своихъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ 1000 рублевъ, и сукна и порохъ, и свинець, и селитры, и сѣра, и запасъ, и вино, насъ холопей твоихъ дошло все сполна іюня въ 15 д., и мы холопи твои государевы съ великою радостью приняли у твоего государева дворянина у Ивана Лукьяновича Опухтина и всѣ о Божѣ радовались, о твоемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи Бога молили и молебны пѣли, изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья стрѣляли, и которой государь, недочетъ былъ въ деньгахъ въ 1000 рубляхъ, и мы на Иванѣ Опухтинѣ взяли 4 рубли и 20 алтынъ съ копѣйкою, въ чемъ его подъячіе обвѣсили, а слитки, государь, и усѣчки ему дали для справки, въ томъ ты государь воленъ. Да тыжъ государь пишишь къ намъ холопомъ своимъ на Донъ, чтобъ мы холопи твои, тебѣ государю служили и по шляхомъ разбѣзжали и по перевозомъ лежали, и мы холопи твои по шляхомъ ѣздимъ, а перевозки, государь, унасъ на Дону и на Мертвомъ Донцѣ извѣку замиренны, для твоего государева дѣла и для земскаго строенья по твоему государеву велѣнью, а изьянъ, государь, намъ сталъ отъ нихъ великой, нынѣшняго года лошадей у насъ взяли съ тысячу и казаковъ съ тридцать, и коровъ со сто, а обидять насъ за одно съ крымцы и съ ногайцы, а мы холопи твои, государевы, несмѣемъ своего изьяну отомстити для тебя великаго государя. Да во твоихъ же царскихъ грамотахъ писано къ намъ холопомъ твоимъ, чтобы мы холопи твои, провѣдали про твоего государева посланника про Соловаго Протасьева, и у насъ холопей твоихъ ежедневны вѣсти изъ заморья въ Азовъ, а изъ Азова къ намъ на Донъ, что Божию, государь, милостию и твоимъ царскимъ щастіемъ далъ Богъ здоровъ Соловой Протасевъ въ Цареградѣ и царь де его вельми любить и жалуетъ паче всѣхъ пословъ иныхъ государствъ; и отпуску де ему чаютъ позо подъ зиму съ послѣднимъ караваномъ, которые суди зимуютъ въ Азовѣ, и турецкій де чеушь съ намъ будетъ, а намъ, государь, сказываютъ тѣ люди, которые у насъ прикормлены для твоего государева дѣла и для всякихъ вѣстей“ . . .

честью въ Россію. Съ нимъ Ахметъ Султанъ отправилъ своего посла Алея съ предложеніемъ московскому двору дружбы и любви. Они прибыли въ Азовъ въ позднюю осень, и потому должны были зимовать въ казачьихъ юртахъ по невозможности зимнимъ путемъ пройти въ Россію. Живя въ черкасскомъ городѣ (гдѣ нынѣ Старочеркасскъ), они были совершенно довольны почестями и угоженіемъ казаковъ (160). Пользуясь расположеніемъ двора, казаки захотѣли при-

А отпущенъ Иванъ Опухтинъ съ Дону, да Гринка Долгошея іюня въ 26 день.

(160) Дѣла Турецк. въ столбц. 1614 г., грамота отъ 8 октября 1614 года.

„Отъ царя и в. к. Михаила Федоровича всеа Руссиі на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ Смагъ Степанову и Епихъ Родилову и всѣмъ атаманамъ и казакомъ и всему великому войску. Нынѣшняго 123 года сентября въ 19 д. писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Карпомъ Ивановымъ, что вы наше жалованье, деньги и сукна, и зелье, и свинець у дворянина у нашего у Ивана Опухтина съ радостію приняли сполна и нашему царскому жалованью обрадовались, и за наше царское здоровье молебны пѣли, и служите намъ великому государю во всемъ ради, и Ивана есте Опухтина съ Дону къ намъ отпустили іюня въ 26 д., а про посланниковъ нашихъ про Соловаго Протасьева писала есте къ намъ какъ имъ отъ турецкаго царя отпускъ будетъ и вы къ намъ о томъ отпишите и ихъ встрѣтите; а слухъ у васъ про нихъ былъ, что имъ отъ турецкаго царя отпускъ къ намъ будетъ вскорѣ, на послѣднемъ караванѣ. А послѣ того, октября въ 1 д. писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Вострою Иглою да съ казакомъ съ Ларей Чернышевымъ, что посланниковъ нашихъ Соловаго Протасьева да дьяка Михаила Данилова турецкой Ахматъ салтанъ изъ Царя-города отпустилъ съ великою честью, и къ намъ великому государю своего посла отпустилъ Чеуша Алея и нынѣ де они съ большимъ караваномъ въ Кафѣ и вы тѣ вѣсти писали въ наши украинные города къ воеводамъ, чтобы у нихъ про посланниковъ нашихъ и про Чеуша суды были готовы, а какъ посланники наши и турецкой Чеушъ въ Азовъ придуть, и вы ихъ встрѣчать, и намъ велик. государю служите ради, какъ и прежнимъ государемъ. И мы васъ атамановъ и казаковъ и все ваше войско въ томъ похваляемъ, что вы нашему царскому жалованью обрадовались и намъ велик. государю служите и ваше царское повелѣніе совершаете, о нашихъ и о земскихъ дѣлѣхъ радѣете, и выбъ намъ

обрѣсти прочное право на свободную и безошлинную торговлю во всѣхъ украинскихъ городахъ. Въ челобитной своей они просили, чтобы таковой торгъ дозволено было производить служили и примили, какъ начали потомубъ есте службу свою и радѣнье къ намъ в. государю совершали; а на встрѣчу посланниковъ нашихъ и турецкаго чеуша послали есмь дворнина нашего Ивана Григорьевича Одогурова и велѣли ему турецкаго чеуша встрѣтити съ вами на Дону; а подлинныя вѣсти про турецкаго чеуша, какъ придетъ въ Азовъ, велѣно ему дожидатися отъ васъ на Воронежѣ и о своемъ прїѣздѣ какъ онъ прїѣдетъ на Воронежъ, велѣно ему къ вамъ отписать. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и посланники наши Соловой Протасевъ да дьякъ Михайло Даниловъ и турецкой чеушъ только въ Азовъ пришли досея нашихъ грамоты, и вы бѣ тотчасъ послали вѣсть на Воронежъ къ Ивану Одогурову и къ нему отписали, чтобы онъ тотчасъ шель съ Воронежа для встрѣчи турецкаго чеуша къ вамъ на Донъ на спѣхъ, да какъ Иванисъ Одогуровъ къ вамъ на Донъ придетъ и выбѣ съ нимъ турецкаго Чеуша встрѣтили честно, по прежчему посольскому обычаю, и почестъ ему во всемъ воздали по нашему укъзу, какъ къ вамъ отъ насъ писано съ Иванисомъ Одогуровымъ. А только посланники наши Соловой Протасевъ и турецкой чеушъ до сее нашея грамоты въ Азовъ небывали, и выбѣ послали отъ себя въ Азовъ провѣдати: пошлывъ они изъ Кафы, и сколь давно и какъ приходу въ Азовъ чаятъ, и какъ они придуть въ Азовъ и изъ Азова вскорѣль пойдуть или учнутъ за какими мѣрами въ Азовѣ зимовать, а провѣдавъ про то про все, подлинно отписали бѣ ести про то про все къ Иванису, чтобы про все ему было вѣдомо. А будетъ посланники наши Соловой Протасевъ и Дьякъ Михайло Даниловъ придутъ въ Азовъ и изъ Азова пойдуть къ вамъ въ юрты до Иванисова прїѣзду Одогурова, и вы бѣ ихъ, для нашего царскаго имени приняли честно и во всемъ къ чеушу честъ и береженье держали, чтобы ему ни въ чемъ безчестья и нужды никоторыя небыло; и къ Иванису бѣ есте о томъ отписали немѣшкамъ ничасу, чтобы онъ шель къ вамъ на спѣхъ, а какъ Иванисъ придетъ и выбѣ съ нимъ вмѣстѣ турецкаго чеуша и посланниковъ нашихъ проводи: изъ своихъ юртовъ къ нашимъ городомъ потомужъ съ великимъ береженьемъ честно. А мы васъ за вашу службу и радѣтье учнемъ держати бѣ нашемъ царскомъ жалованье на вѣки. неодождю. А атамановъ нашихъ Петра Вострую Иглу да казака Лѣрю Чернышева, которыхъ прислали къ намъ отъ себя съ отпискою, пожаловавъ нашимъ жалованьемъ, отпустили къ вамъ на Донъ съ сею нашею грамотою и велѣли имъ ѣхати къ вамъ напередъ Иваниса, а Карпу Иванову велѣли ѣхати съ Иванисомъ съ Одогуровымъ вмѣстѣ. Писана на Москвѣ лѣта 7123 Октября въ 8 день.

водить всѣми товарами, приобрѣтаемыми въ добычу отъ неприятелей: государь далъ на сіе жалованную грамоту за царскою красною печатью, когорая также была первая въ такомъ видѣ и содержаніи, полученная казаками отъ Россійскихъ государей. Въ грамотѣ добавлено, что нетокмо съ товарами, но и просто для свиданія съ *родимцами* казаки могутъ ѣздить свободно по всѣмъ украиннымъ городамъ (161).

(161) Дѣла турецкія въ столбцахъ 1615 г., № 2-й, грамота на Донъ
7124
1615 года сентября

Отъ царя и в. к. Михаила Ѳеодоровича всеа Руссїи, на Донѣ, въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Смагъ Степанову, да Ѳеодору Татарѣ, да Еникѣ Родилову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ. Прислалъи есте къ намъ, великому государю, бити челомъ ото всего войска, товарищечъ своихъ атамановъ и казаковъ Исаи Мартемьянова, да Василія Чернова, да Семена Смурьянна съ товарища, что вы намъ великому государю служите, по шляхомъ разѣзжаете и по перевозамъ лежите и ясырей отграмливаете и въ наши украинные города проводите душъ по сту и по двѣсти, и струги и гребцовъ наймете и кормъ про нихъ покупаете, и нашихъ пословъ и посланниковъ встрѣчаете и провожаете въ Царь-городъ и въ Ногаи большіе и въ малые; и намъ бы васъ за тѣ ваши службы пожаловати, велѣти вамъ выходитьи въ наши украинные города со всякими товарами, которые вы доставаете своєю службою, повольно, и чтобъ вамъ по городамъ отъ воеводъ нашихъ и отъ всякихъ приказныхъ людей налогу и насильства не было и продажъ бы вамъ не чинили ни въ чемъ, и пожаловати бѣ намъ васъ, велѣти вамъ дати нашу царскую жалованную грамоту. И мы васъ атамановъ и казаковъ, за ваши многія къ намъ службы, пожаловали, вамъ велѣли въ наши украинные города со всякими вашими товарами и безъ товаровъ, къ родимцомъ вашимъ, ѣздить, и съ ними видитесь повольно и торговати всякими товарами; и по городамъ къ воеводамъ нашимъ и въ всякихъ приказныхъ людехъ о томъ отъ насъ писано, чтобъ они вамъ и товарищемъ вашимъ въ города съ товары и безъ товаровъ ѣздити велѣли повольно, и насильства бѣ никому нечинили, и сильно ни у кого ни чего неимали; а кто что возметъ товаровъ, и у тѣхъ съ товаровъ пошлинъ имать есмь за вашу службу не велѣли. И вы бѣ атаманъ и казаки, по сей нашей царской жалованной грамотѣ, въ наши украинные города ѣздили съ товары и безъ товаровъ, и съ родимцы своими видѣлись повольно; и намъ великому государю служили и прижили и впредъ во всемъ на наше царское жалованье были надежны. А сю пану царскую жа-

Въ сіе же время государь озаботился прочнымъ устройствомъ сношеній съ Дономъ: при прежнихъ государяхъ, переписка съ Донскими казаками производилась большею частью по *Разряду*. Въ сентябрѣ 1614 года царь указалъ завѣдывать дѣлами сими *Посольскому приказу*, который управлялъ сношеніемъ со всѣми иностранными народами.

Связи Донскихъ казаковъ съ Запорожцами болѣе и болѣе утверждались, къ чему способствовало ихъ совокупное дѣйствіе во время російскихъ мятежей и общіе поиски по Черному морю противъ Турокъ и Крымцевъ. Еще въ концѣ предъидущаго столѣтія упомянуто о походахъ Запорожскихъ Черкасъ на Донъ для подобныхъ поисковъ: многіе изъ нихъ тогда осгались жить съ казаками и устроили постоянные юрты въ нижней части Дона, между рѣчекъ Манычю и Аксаемъ. Служба Запорожцевъ подъ знаменами польскаго короля не препятствовала упоминаемому союзу: Черкасы, не бывъ безусловно подчинены Польшѣ, свободно располагали своими услугами, и сколько Сигизмундъ ни старался теперь вооружить ихъ противу Россіи, но всегда находились партіи, доброхотствовавшія нашему отечеству.

Впрочемъ, между Запорожцами, какъ и между Донскими казаками, были своевольцы, искавшіе только случаевъ къ грабежамъ. Партія таковыхъ Черкасъ, бывшихъ въ сіе время на Дону, услышавъ о возвращеніи Протасьева и полагая при немъ большія сокровища, бѣжала въ Запороги, въ намереніи соединиться тамъ съ подобными бродягами и напасть на посланника, когда онъ пойдетъ съ Дону въ Россію (162). Донскіе казаки приняли осторожность и отвратили сей разбой. Но спустя нѣсколько времени по какому-то случаю родилось у нихъ подозрѣніе, что Запорожцы хотятъ напасть на ихъ городки, и по сей причинѣ они отправили дованную грамоту велѣли есмь вамъ дать за нашею царскою красною печатью. Писана на Москвѣ лѣта 7124 сентября въ „ день.

(162) Дѣла Турецкія въ столбц. 1614 г., отписка Ивана Ододурова, привезенная въ Москву 6 генваря 1615 г.

въ Сѣчу своихъ посланцовъ казаковъ Трубникова и Слѣпова. Черкасы отвѣтствовали, что они не нарушатъ союза съ Донцами (163).

Вскорѣ послѣ того Запорожцы отказали литовскому королю въ его требованіи воевать русскую землю и звали съ Дону къ себѣ лучшихъ старшинъ для совѣщанія о принятіи посредничества въ примиреніи короля съ Россією, съ тѣмъ, что если онъ не оставитъ Смоленскъ и не выведетъ своихъ войскъ изъ русскихъ областей, тогда всѣ они соединенно возстанутъ противъ него(164). Можетъ быть главнѣйшимъ по-

(163) Выписка изъ распросныхъ рѣчей казака Елистрата Савина, представленнаго государю 20 мая 1616 г., см. дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3.

. „Донскіе атаманы Смага Степановъ и Епиха Родиловъ и казаки съ азовскими людьми воюютъ съ тѣхъ мѣстъ, какъ валия Соловово Протасьева, а по его отъѣздѣ съ азовцы помирились.... А про Петра Мансурова и про дьяка Семейку Самсонова на Дону атаманы и казаки вѣдаютъ, что они отъ государя идутъ въ Царь-городъ, а кой часъ Петръ и Семейка на Донъ придутъ и они ихъ тотчасъ къ Азову проводятъ: то онъ слышалъ у атамановъ и казаковъ въ разговорѣ. А съ азовцы у атамановъ и казаковъ миру не чаютъ, потому что азовцы на атамановъ и на казаковъ приходятъ войною зимою и въ осень, а сее зимы азовцы ночью приходили къ городку ихъ лучшему и съ казаки дрались, да и часто азовцы на казаковъ приходятъ, а осенью приходили азовцы къ тремъ городкамъ и къ нимъ приступали, не много у казаковъ городковъ не понимали.“ „Да послали де съ Дону атаманы и казаки на Днѣпръ къ Черкасомъ казаковъ Дружинку Трубникова да Иванка Слѣпова, о томъ, чтобъ они Черкасы на нихъ не приходили, а былибъ съ ними въ миру. И Черкасы писали къ атаманомъ, что они съ ними будутъ въ миру, а отъ нихъ бы отъ казаковъ также задору не было, а говорятъ де Черкасы, что имъ однолично сее весны приходити къ Азову имѣти Азова. Да и на Дону де атаманы и казаки отъ Черкасъ боится ихъ приходу, пойдутъ ли Черкасы подъ Азовъ или не пойдутъ.“

(164) Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, отписка Воронежскаго воеводы Никиты Борятинскаго.

....., Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Россіи, холопъ твой Никита Борятинской челомъ бьетъ. Октября, государь, въ 29 день пріѣхали съ Дону Донскіе атаманы Григорей Долгошея да Артемей Плохой, а въ распросѣ, государь, мнѣ холопу твоему сказали, что прислали къ нимъ къ атаманомъ

водомъ къ сему было неудовольствіе запорожцевъ противу Польши за притѣсненіе въ вѣроисповѣданіи, отъ чего даже возгорѣлась между ними въ 1617 году явная война.

Но тогда какъ союзъ Донцовъ съ Запорожцами становился постояннѣе, азовцы не переставали задирать казаковъ. Еще въ то время, когда Протасьевъ съ турецкимъ чеушемъ зимовали въ Черкасскомъ городкѣ, они безпрестанно дѣлали на ихъ юрты воровскіе набѣги. Великій князь въ грамотѣ своей повелѣвалъ казакамъ не начинать войны съ Азовомъ дотолѣ, пока турецкій посланникъ выѣдетъ обратно изъ Россіи⁽¹⁶⁵⁾, но они не вытерпѣли, и козь скоро отпустили Протасьева изъ юртовъ своихъ, тотчасъ начали войну съ азовцами. Разоривъ предмѣстія Азова, казаки напали на рыболововъ и промышленниковъ, отгоняли стада, громили на морѣ суда турецкія. Азовцы взаимно воровали и грабили сколько удавалось имъ и въ таковыхъ упражненіяхъ прошло лѣто 1615 года. Даже осенью и зимою, азовцы подбѣгали подъ казачьи городки, но были отбиваемы. Набѣги и грабежи производились съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ⁽¹⁶⁶⁾.

и къ казакомъ и ко всему войску запорожскіе черкасы, чтобы имъ прислать къ нимъ, въ Запороги атамана или казака добраго и говорить бы имъ о добромъ дѣлѣ; а какъ, государь, они казаки приплотъ къ нимъ черкасомъ въ Запороги атамана или казака добраго, и черкасы посовѣтовавъ съ ними, хотятъ писать къ Литовскому королю, чтобы ему съ тобою государемъ быти въ миру по прежнему и Смоленскъ де покинуть, пошелъ прочь, а будетъ, государь, король не будетъ съ тобою государемъ по прежнему въ миру и Смоленска непокинетъ, и мы де черкасы всѣми людьми запорожскіе черкасы въ томъ приходитъ

⁽¹⁶⁵⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1614 г., грамота государева на Донъ 1614 г. сентибря, посланная съ атаманомъ Денисомъ Ивановымъ.

.....И покаместа нашъ посланникъ будетъ въ Азовъ и покаместа турскаго посланникъ побудетъ въ нашемъ государствѣ и назадъ отъ насъ поѣдитъ, и выбѣ однолично покаместа съ Азовскими людьми жили въ миру, задоровъ и обидъ никакихъ нечпнили, тѣмъ бы есте нашему и земскому дѣлу поруки неучпнили.

⁽¹⁶⁶⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, смотри выше примѣчаніе 163.

Въ такомъ положеніи были на Дону дѣла, когда московскій дворъ нарядилъ въ Турцію новое посольство. Цѣлю онаго было то, чтобы склонить Порту помогать Россіи противъ короля польскаго, ибо при переговорахъ съ Протасевымъ, султанъ уклонился одними обѣщаніями вѣчной дружбы; между тѣмъ какъ король усиливался и приводилъ Россію въ положеніе затруднительное. Дворянинъ Мансуровъ и дьякъ Самсоновъ назначены послами; вмѣстѣ съ ними отправлены обратно послы турецкіе. Государь чрезъ нарочныхъ гонцовъ повелѣвалъ казакамъ примириться для сего случая съ азовцами.

Посланникамъ даны особыя грамоты о томъ же и жалованье казакамъ⁽¹⁶⁷⁾, но Донцы не мирялись съ Азовцами. Мансуровъ и Самсоновъ, принужденные по позднему времени зимовать на Воронежѣ, посылали къ казакамъ новыя убѣжденія, представляя, что успѣхъ дѣла государственнаго много зависитъ отъ ихъ замиренія и что они (посланники)

⁽¹⁶⁷⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 2, см. царскую грамоту на Донъ.

.....И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и посланники наши Петръ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ и атаманъ Исая Мартемьяновъ съ товарищи прѣдутъ, и выбъ у нихъ наше царское жалованье, что съ ними къ вамъ атаманомъ и казакомъ послано, взяли и къ намъ великому государю и ко всему нашему государству службу свою и радѣнье совершали и нынѣ намъ великому государю потомужъ служили и примили, посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова отпустили отъ себя съ Дону незадержавъ, честно проводили ихъ до Азова, чтобъ имъ поспѣти до зимняго пути въ Царьгородъ а ко..... въ Кафу, и съ Азовомъ бы есте, для нынѣшняго нашего великаго дѣла, помирились и задору ни котораго азовскимъ людемъ нечинили ни которыми дѣлы, чтобъ въ томъ нашему и турецкому дѣлу порухи не было и посланнику-бъ нашему у турецкаго царя въ томъ задержанья не было; а которые будутъ азовскіе люди учнутъ ходити на Донъ по прежнему, для рыбныхъ ловель и для дровъ, и выбъ тѣмъ людемъ потомужъ задору ни котораго нечинили, жилибъ есте съ ними по прежнему, какъ съ ними жили на предъ сего въ миру; и мы Петру Мансурову и дьяку Семейкѣ съ азовскимъ санчакомъ велѣли потомужъ накрѣпо говорити, чтобъ азовскіе люди жили съ вами въ миру и задоровъ бы межъ

какъ скоро ледъ вскрыется поплывутъ въ ихъ юрты⁽¹⁶⁸⁾. Какъ вась ни въ чемъ не было покамѣста Петръ и Семейка по нашему наказу пѣз Царягорода сходятъ:“

(¹⁶⁸) Дѣла Турецкія въ столбц. 1615 г. № 3, отписва посланниковъ Мансурова и Самсонова.

„Господамъ Смагѣ Степанову, Елифану Ивановичу и всему великому войску, Петръ Мансуровъ и Семейка Самсоновъ челомъ бьютъ. Государь царь и великій князь, Михайлъ Ѳедоровичъ всеа Русіи отпустилъ насъ, а съ нами турскаго чеуша людей къ турскому къ Ахмать-султану для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ; да съ нами же, господа, послана къ вамъ къ атаманомъ и казакомъ и ко всему войску государево цареву и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи великое жалованье за вашу многую службу. А велѣно намъ, да съ нами Донскимъ атаманомъ Исаю Мартемянову, Семену Уколову, Василью Черному, Андрею Репчукову, Назару Иванову съ товарищи итти на Донъ къ вамъ до нижнихъ юртовъ, и чтобъ послѣшати въ нижніе юрты воданнымъ путемъ. И мы, господа, съ государевою казною и съ турскимъ чеушемъ и Алѣя чеуша съ людьми и съ Донскими атаманы и казаки пришли на Воронежъ ноябрю въ 1 д., а въ нижніе юрты дойти было невозможно сее осени что зима стала рано, и Донъ рѣка стала октября въ 26 д. и стоимъ нынѣ на Воронежѣ; а какъ дастъ Богъ на Дону ледъ вскрыется, и мы тотчасъ поидемъ къ вамъ въ нижніе юрты. А про вась, господа, слышимъ отъ казаковъ и отъ асарей, которые отъ вась съ Дону выходятъ на Воронежъ, и они намъ сказываютъ, что вы съ азовцы посямѣста не въ миру, а азовцы де къ вамъ присылали, чтобъ вамъ съ ними помириться, и вы де съ ними не миритесь. И вамъ, господа, къ государю царю и велик. князю Михайлу Ѳедоровичу всеа Россіи службы своя и радѣнья совершити покамѣста мы къ вамъ придемъ, и вамъ бы до тѣхъ мѣстъ съ азовцы сослався, одно конечно помириться и жити бы съ ними въ миру и задоровъ бы никакихъ азовскимъ людямъ нечинити. А отъ государя царя и велик. князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи, о томъ къ вамъ писано подлинно съ атаманомъ съ Донскимъ съ Семейкою Смурыгою съ товарищи; и вамъ бы, господа, по государеву указу, о такомъ о государственномъ и оземскомъ дѣлѣ одноконечно порадѣть и къ государю своя служба оказать, до нашего пріѣзду одноконечно съ азовцы помириться, чтобы намъ, пришедъ, у вась долгаго молчанья небыло. Да и прото бѣ вамъ, господа, азовскому князю и азовскимъ людямъ вѣдомо учинить вскорѣ, что великаго государя царя и великаго князя Михайла Ѳедоровича всеа Россіи самодержца посланники, мы, Петръ Мансуровъ и Семейка Самсоновъ и съ нами велий чеушъ и Алея чеуша люди отъ царскаго величества къ брату его къ великому государю къ царю турскому

заки отвѣтствовали, что азовцы сами задираютъ ихъ⁽¹⁶⁹⁾.

Въ первыхъ числахъ мая (1616 года) Мансуровъ и Самсоновъ встрѣчены въ нижнихъ юртахъ съ честію. Казаки, принявъ отъ нихъ царскія грамоты и жалованье, начали ссылаться съ азовцами о мирѣ. По введенному обычаю, всякій разъ при заключеніи мира Азовъ давалъ на войско котлы, сѣти и соль; но казаки теперь требовали еще сверхъ того трехъ товарищей своихъ, бывшихъ въ плѣну⁽¹⁷⁰⁾. Азов-

Ахмать салтану отпущены, и нынѣ въ дорогѣ стоимъ на Воронежѣ; а непоспѣшили къ намъ въ Азовъ дойти что зима стала рано, а прося у Бога милости будемъ къ намъ въ Азовъ на веснѣ, и у нихъ бы въ Азовѣ къ нашему приходу былъ корабль готовъ, на чемъ было изъ Азова въ Кафу и въ Царьгородъ итти немѣшка съ первымъ кораблемъ вмѣстѣ. А съ сею, господа, грамотою послали мы къ вамъ станицу Воронежанъ четырехъ человекъ, сынъ боярской Яковъ Киприяновъ да бѣломѣстные атаманы Дружинка да Тимоха Бобровы, Федька Бронниковъ. А что, господа, у васъ объявится про крымскихъ или Казиева улуса и про азовскихъ людей или про черкасъ про ихъ походъ на государеву украйну, и иныхъ какихъ вѣстей, и на чемъ съ азовскими людьми и до которыхъ мѣсть миръ по договору межъ васъ будетъ, и вамъ, господа, о томъ о всемъ отписать къ государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Россіи подлинно, съ тѣми-жъ съ нашими станичники вмѣстѣ, а отпустя бы ихъ къ намъ не задержавъ, да и о томъ бы, господа, вамъ къ намъ отписать, котораго мѣсяца и числа станичники наши къ намъ придуть, да и послѣ, господа, вашего къ намъ отпуску что у васъ какихъ будетъ вѣстей про татарскіе или про крымскіе приходы на государевы украйны, и вамъ бы, господа, о томъ къ государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Россіи служба своя показуючи, къ нему государю писать подлинно. А отпущена, господа, къ вамъ станица декабря въ 17 день:

(¹⁶⁹) Распросныя рѣчи казака Елистрата Савина, си. примѣчаніе 163.

(¹⁷⁰) Дѣла турецк. въ столбц. 1615 г. № 4, выписка изъ статеинаго списка посланниковъ Мансурова и Самсонова.

.....И Азовской князь Али Бей посланникомъ Петру и Семейкѣ говорилъ: прежде сего дня перемирья азовцы давали донскимъ казакамъ на войско котлы, да сѣти да соль, и нынѣ де азовцы за то не постоятъ же, а что де казаки просятъ на перемирье трехъ человекъ казаковъ, а то вчинають ново мимо прежней обычай, да и статся тому немочно.“

цы отказали и миръ не состоялся. Послы поспѣвая къ назначенію своему, переѣхали въ Азовъ; но князь азовскій Али Бей, не отпускалъ ихъ въ Царьградъ, дѣлалъ разныя прицѣпки и выговоры за казаковъ, требуя, чтобъ послы принудили ихъ къ миру. Тщетно Мансуровъ и Самсоновъ представляли виновность самыхъ азовцевъ и непрерывныя ихъ набѣги на донскіе городки и російскую украйну. Али Бей твердилъ одно, и не выпускалъ пословъ, а азовцы между тѣмъ продолжали заирать и грабить. 9 іюня, они схватили на Мертвомъ Донѣ 27 казаковъ и ужасными пытками (вырѣзывали спинной ремень) извлекли признаніе о привезенномъ на Донъ жалованьѣ: большую часть сихъ плѣнниковъ продали, другихъ послали къ султану, для уликъ російскаго цари въ покровительствѣ казакамъ, а старшаго атамана Лисишника повѣсили на мачтѣ того корабля, который былъ приготовленъ для посланниковъ. Мансуровъ вмѣнилъ сей поступокъ въ безчестіе и на томъ кораблѣ ѣхать не согласился; Али Бей извинялся, что атамана повѣсили безъ его вѣдома⁽¹⁷¹⁾.

Наконецъ, по убѣжденію посланниковъ, обѣ стороны согласились на перемиріе, которое и заключено срокомъ до возвращенія посольства изъ Константинополя ⁽¹⁷²⁾. Послан-

⁽¹⁷¹⁾ Тамъ же.

„Іюня въ 9 д. 1616 г. Азовскіе люди привезли съ Донца съ Мертваго Донскаго атамана Матвѣя Лисишника да 26 ч. казаковъ, и Матюшку съ товарищи спрашивали и пытали, и ремень изъ хребта у Матюшки рѣзали, и пытавъ повѣсили на кораблѣ на мачтѣ, на которомъ было ѣхати Петру и Семейкѣ; а съ пытки Матюшка и казаки сказывали, что прислано къ нимъ государево жалованье съ Петромъ и съ Семейкою, деньги и сукна и хлѣбныя запасы и зелья и свинцу и сѣры и селитры, и азовскій князь пытавъ казаковъ, отпустилъ въ Царь-городъ въ языцехъ лучшахъ людей на томъ же кораблѣ, которой далъ Петру и Семейкѣ, а иныхъ молодыхъ казаковъ распродали:“ Далѣе изъ того же статейнаго списка видно, что Мансуровъ поступокъ сей вмѣнилъ въ безчестіе и на томъ кораблѣ ѣхать не согласился. Азовскій начальникъ далъ ему другой, говоря, что казаковъ повѣсили безъ его вѣдома.

⁽¹⁷²⁾ Тамъ же.

ники 23 іюля прибыли въ Константинополь.

Казалось согласіе между казаками и Азовцами утвердилось прочно, но едва Мансуровъ отплылъ отъ Азова какъ безпокойные жители сего города снова стали нападать на донскіе юрты: въ воровскомъ набѣгѣ разорили передовой острожекъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько казаковъ и послѣ на площади казнили 50 челов. Загорѣлась война сильнѣе прежняго; оскорбленные казаки пустились на разорѣнія: одни опустошали посады азовскіе, другіе громили корабли и каторги на мѣрскомъ заливѣ. Осенью большая партія казаковъ отиравалась на морскіе поиски, и разоривъ по берегамъ Чернаго моря многіи селенія, приступала къ Трапезунту, истребила тамъ посады, и съ добычею возвратились на Донъ⁽¹⁷³⁾. Въ сіе время и Запорожцы, частію вмѣстѣ

Іюня въ 14 д. по государеву цареву и в. к. Миханла Ѳедоровича всеа Россіи указу и по прошенью и присылкѣ азовцовъ, Донскіе атаманы и казаки Смага Чершенской съ товарищи прислали въ Азовъ для примиренія атамана Василья Чернаго, да Гаврила Стародуба, да Василья Боддыря, и царскаго величества по повѣленью съ азовцы помирились и аманаты размѣнились; казаки привели къ шерти Азовцевъ лучшихъ людей, а азовцы привели къ крестному цѣлованью атамана Василья Чернаго, съ товарищи, во всѣхъ Донскихъ казаковъ мѣсто на томъ, что имъ съ Азовцы, а Азовцамъ съ ними жити смирно, и задоровъ ни въ которую сторону нечинити, покажѣсть царскаго величества посланники Петръ и Семейка изъ Царь-города въ Азовъ придуть. А покажѣсть азовцы съ казаки перемирья неучинили, и азовской князь держалъ Петра и Семейку за перемирьемъ пять недѣль и непомирився съ казаки, никакими мѣрами во Царь-городъ не отпустилъ.“

⁽¹⁷³⁾ Тамъ же, въ томъ же статейномъ спискѣ и распросныя рѣчи атамана Андрея Репчукова съ товарищи, пріѣхавшаго въ Москву въ челобитчикахъ, августа 1-го 1617 г., см. дѣла турецк. въ столбц. 1616 г. № 1-й.

Статейный списокъ „Визирь говорилъ: сказываете вы, что великій государь вашъ хочетъ съ великимъ государемъ нашимъ быти въ братской въ крѣпкой дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей, и прислалъ васъ къ в. г. къ нашему къ Ахметъ салтану для братской крѣпкой дружбы и любви, а Донскихъ казаковъ сказывали вы на пріѣздѣ, что съ азовцы помирились, а нынѣ Донскіе казаки на

съ Донскими казаками, а частію отдѣльными партіями плавали по морю для войны и грабежей. Въ таксвыхъ набѣгахъ казаки равномѣрно нападали и на крымскія области⁽¹⁷⁴⁾.

Князь Али Бей, по своему обыкновенію, тотчасъ принесъ Портѣ жалобу, наполненную ложными обвиненіями казакѣвъ въ нарушеніи перемирія. Онъ даже писалъ, что азовцы, вскорѣ послѣ отъѣзда посланниковъ, вторично предложили казакамъ миръ и заплатили имъ за оный 1000 золотыхъ; но казаки взявъ деньги мхра не сдержали. Въ это время султанъ уже освѣдомился о государевомъ жалованьѣ присланномъ на Донъ. Все сіе переѣшло въ распоряженіе Оттоманскаго двора къ Россіи.

Посланниковъ задержали въ Константинополѣ; на ихъ предложеніе о помощи противъ Польши отвѣтствовали упреками за казачьи набѣги и требовали, чтобы великій князь свелъ казакѣвъ съ Дону. Мансуровъ и Самсоновъ отговаривались по заведенному порядку тѣмъ, что на Дону живутъ бродяги, которые повелѣній государя не слушаютъ; взаимно дѣлали упреки о непрерывныхъ разореніяхъ наносимыхъ русскійскимъ украинамъ крымцами, азовцами и ногаями Кавказа улуса, настаивали чтобы султанъ унялъ ихъ; и подъ таковымъ условіемъ давали обѣщанія, что тогда и русскій царь сведетъ казакѣвъ съ Дону. При переговорахъ съ визи-

Черномъ морѣ государя нашего взяли два города Сивопъ да Требозанъ и города выжгли и людей многихъ побили, а иные поморскіе города и волости повоевали и запустили; и вы приходите къ великому государю нашему съ смлаго, а не съ прямою правдою, и нынѣ мнѣ про то казачье воровство слыша, в. государю своему и сказати невѣдомо какъ.“

(174) Дѣла крымскія въ столбц. 1615 г., № 2. Распросныя рѣчи служилаго татарина Кулупа Кашаева и вожа Ивашка Шабанова.

„Калга да царевичъ нынѣ стоитъ, вышедъ изъ Перекопа на поле, а съ нимъ ратныхъ людей тысячъ съ пять, а оберегается отъ Запорожскихъ черкасъ. А сказывали де ему дзыхи у Запорожскихъ Черкасъ взятія, что въ сборѣ Черкасъ 4/т. человекъ; а хотятъ итти на Донъ къ Донскимъ казакѣмъ, а пришедъ на Донъ итти подъ Азовъ, и ссыла де унихъ о томъ съ Донскими казакѣми была.“

ремь Ахметъ Пашою, когда онъ въ своихъ выговорахъ посланникамъ называлъ ложнымъ ихъ начальное увѣреніе о замиреніи казаковъ съ азовцами, посланники отвѣтствовали, что перемиріе утверждено обоюдными влятвами при нихъ самихъ, и они никакъ не вѣрятъ рассказамъ о нарушеніи онаго и о набѣгахъ казачьихъ. Визирь убѣждалъ нашихъ сановниковъ поручиться за казаковъ: «тогда—говорилъ онъ—Порта исполнитъ всё ваши предложенія, утвердится дружба между нашими государями и султанъ дастъ вамъ помощь на Поляковъ; въ противномъ случаѣ онъ самъ пошлетъ на Донъ большую рать разорить юрты и истребить всѣхъ казаковъ». «Если казаки нарушили крестное дѣлованіе о мирѣ—отвѣчали послы—то побѣйте ихъ всѣхъ до одного, и государь нашъ доволенъ будетъ». Но посланникамъ тотчасъ представили доказательства о покровительствѣ казаковъ московскаго двора, и о присланномъ съ ними же жалованьѣ на Донъ. Мансуровъ отговаривался, что жалованье дано имъ единственно за то, что они нашего посла Протасьева вмѣстѣ съ турецкимъ чеушемъ кормили дѣлую зиму. Наконецъ турки хотѣли заставить посланниковъ написать къ казакамъ о замиреніи съ азовцами; но они не согласились на то и утверждали, что всѣ извѣстія о размирѣ съ азовцами должны быть ложны. Вообще Мансуровъ и Самсоновъ старались расположить Оттоманскій дворъ въ свою пользу, но имъ не вѣрили⁽¹⁷⁵⁾.

⁽¹⁷⁵⁾ Дѣла турецкія въ столбц. 1615 г. № 14, см. стат. списокъ посольства Мансурова и Самсонова.

.....И визирь же Петру и Семейкѣ говорилъ: добро бы вамъ Донскихъ казаковъ себѣ на души взять и только бъ вы Донскихъ казаковъ себѣ на души взяли, и великаго государя вашего всё дѣла по грамотѣ и по вашему Петрову и Семейкину изустному слову, что вы отъ государя своего съ нами говорили и по его приказу сдѣлались и васъ великій государь нашъ Ахметъ Салтанъ велитъ къ великому государю вашему со всѣмъ съ добрымъ дѣломъ отпустить вскорѣ, а будетъ вы казаковъ себѣ на души ни возмете, и вамъ будетъ отъ великаго государя нашего какого добра начаться и отпуску небудетъ, а межъ обоихъ великихъ государей дружбы и любви небудетъ же, и отъ великаго государя нашего государю вашему на Польскаго короля вспоможенье нечего для

Великій князь свѣдавъ о происшествіяхъ сихъ, послалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Константинополь гонцовъ съ грамотою къ султану и съ дополнительнымъ наказомъ посланникамъ. Перваго увѣрялъ онъ, что морскіе набѣги дѣлаютъ по большей части Запорожцы, по наущенію недруга нашего польскаго короля, который, желая попрепятствовать союзу Россіи; а на Донскихъ казаковъ великій государь нашъ Ахметъ салтанъ хочетъ послать воеводъ со многими ратными людьми и великаго государя нашего по повелѣнію тѣ ратные люди всѣхъ казаковъ перебьютъ и юрты ихъ разорать.“

„И Петръ и Семейка Ахметъ пашѣ говорили: будетъ Донскіе казаки крестное цѣлованье порушили, и великій государь вашъ Ахметъ салтанъ пошлетъ на нихъ рать свою, и какой поискъ надъ Донскими казаки государю вашему учинится, или хотя до одного человѣка Донскихъ казаковъ турскіе люди побьютъ, и великій государь нашъ царское величество за то Ахметъ салтанову величеству вепостоять и недружбы некоторой втомъ съ братомъ своимъ, съ государемъ вашимъ неучинить.“

„И Алей паша Петру и Семейкѣ говорилъ:—сказываете вы, что великій государь вашъ, съ великимъ государемъ нашимъ хочетъ быти въ братской въ крѣпкой дружбѣ и любви, на вѣки неподвижно, а Донскихъ казаковъ называете ворами и разбойниками; за что жъ велик. государь вашъ къ донскимъ казакамъ съ вами прислалъ зелья и свинцу и денегъ, и хлѣбные запасы многіе, то ли ваши неавна передъ государемъ нашимъ неправда?.....

„И Петръ и Семейка Алею пашѣ говорили: мы и прѣжъ сего тебѣ визирю Ахметъ пашѣ говорили, да и нынѣ вамъ говоримъ, великій государь нашъ царь и великій князь Михайлъ Ѳедоровичъ всеа Россіи самодержецъ, прислалъ къ Донскимъ казакамъ своего государева жалованья зелья и свинцу немного, для того, какъ великаго государя нашего на украину ногайскіе и Казьева улуса люди войною ходать и назадъ съ полономъ изъ Руси приходать, и тѣ Донскіе атаманы и казаки великому государю нашему служить по рѣкѣ по Дону и по запольному рѣкамъ и по перевозамъ надъ ногайскими и Казьева улуса надъ людьми поискъ чинять и полонъ у нихъ русской отбиваютъ и великаго государя нашего назадъ въ украинные города отсылають, да и для того какъ великаго государя нашего царскаго величества посланники Соловой Протасень да Михайло Даниловъ были у великаго государя вашего и пошли къ великому государю нашему государя вашего посланникъ Алей чеушь съ своими кушечными людьми, и пришедъ на Донъ зимовали у казаковъ въ Черкаскомъ городѣ и Донскіе атаманы съ казаки великаго государя нашего посланниковъ Соловаго и Михайла и великаго государя вашего

си съ Портою, склонилъ Запорожцевъ вовлечь въ сію войну и Донскихъ казаковъ, что сіи послѣдніе теперь совершенно не слушаютъ его приказаній, и что опъ, коль скоро управится съ поляками, непременно велить согнать съ Дону казаковъ. Посланникамъ велѣно говорить тоже самое, и они передавая сіе визирю, ссылались на своихъ гонцовъ, которые проѣздомъ отъ самага кафинскаго наши слышали о всѣхъ набѣгахъ Запорожцевъ и были сами очевидцами ихъ похода⁽¹⁷⁶⁾. Въ сіе время великій князь неоднократно пи-

посланника жъ Адея чеуша съ товарищи встрѣчали всѣми людьми съ великою честью, и зиму ихъ всю кормили, и съ Дону весною до великаго государя нашего до украиннаго города до Воронежа проводили, отъ Ногайскихъ татаръ и отъ черкасъ многими людьми съ великою честью“.....

„И визирь Магметъ наша Петру и Семейѣвъ говорилъ: прежь сего великаго государя нашего по указу азовскіе люди Донскимъ казакамъ, для перемирья, даывали 1000 золотыхъ, да сѣти, и котлы и соль; и нынѣшняго лѣта, послѣ вась Азовцы Донскимъ казакамъ для перемирья 1000 золотыхъ да сѣти, и котлы и соль по договору далижъ и съ казаки было на томъ помирились и крестнымъ цѣлованьемъ укрѣпились, чтобъ было имъ съ азовцы жити въ миру и никакихъ задоровъ и шкоты нечинити, и на море для воровства и добычи не ходити, и Донскіе казаки, выманивъ у азовцевъ золотые, и сѣти, и котлы и соль и преступя крестное цѣлованіе, немного спуста, съ азовцы розмирились и подъ Азовомъ и на Міусѣ государя нашего людемъ многіе убытки починили, и корабли погромили и людей посѣкли, и вамъ бы казакамъ отъ себя отписать, чтобъ они съ азовцы помирились.“

На сіе посланникъ п дьякъ отвѣчали: что имъ писать къ Донскимъ казакамъ неприлично и при томъ отказывались, что всѣ извѣстія о ихъ размирьѣ съ азовцами и морскихъ набѣгахъ должны быть ложны.

(¹⁷⁶) Дѣла турецкія въ столбц. 1616 г., № 1-й и царская грамота къ султану, посланная въ іюль мѣсяцѣ 1617 г.

Послѣ титула:

..... „Вѣдомо намъ великому государю учинилось, что говорили нашего царскаго величества посланникомъ Петру Мансурову да дьяку Семейкѣ Самсонову ваши великаго государя ближніе люди о Донскихъ о казакѣхъ, что будто вашему украинному городу Азову тесноту чинять и на морѣ подъ Азовомъ корабли громять и инымъ поморскимъ городомъ также чинять тѣсноту и на морѣ подъ Азовомъ вашихъ торговыхъ людей грабать и разбиваютъ; а мы, будто.

салъ и къ Донскимъ казакамъ о примиреніи съ азовцами, а наконецъ, для убѣжденія ихъ въ томъ, нарочно послалъ своего дворянина Кисленскаго. Казаки всякій разъ объявля-

великій государь, къ нимъ съ нашимъ жалованьемъ присылаемъ, и въ томъ де ны, великій государь, братъ нашъ и доброй пріятель, на насъ мнѣніе держите и, для будто тѣхъ воровъ Донскихъ казачковъ воровства, посланникамъ нашимъ Петру Мансурову да дьяку Семейкѣ Самсонову у васъ, великаго государя, брата нашего и доброго пріятеля, задержанье учинилось. И мы великій государь вамъ великому государю Ахметъ салтанову величеству, про тѣхъ воровъ про Донскихъ казачковъ объявляемъ, что тутъ на Дону живутъ изъ нашихъ російскихъ государствъ воры бѣглецы люди и казаки вольные, которые бѣгають изъ нашихъ государствъ заворовавъ, отъ татбы и отъ разбою и ото всякихъ смертныхъ винъ, боясь отъ насъ смертныя казни, и тутъ на Дону живучи, воруять, сложася, ссылаяся съ запорожскими черкасы, по повелѣнью недруга нашего польскаго короля, въ смутное время съ польскими и съ литовскими людьми и съ запорожскими черкасы наши великія російскія государства воевали и многіе мѣста запустошили и единоплеменную крестьянскую кровь многую разлили многую смуту, тѣ воры, въ нашихъ російскихъ государствахъ, называячи воровъ свою братью казачковъ государскими дѣтьми, учинили; а наше жалованье къ нимъ посылали есмья съ нашими посланники немного, запасъ и сукна, для того, что тѣ воры Донскіе казаки посланниковъ нашихъ къ вамъ великому государю не пропускали; а только было къ нимъ нашего жалованья не послати, и они бѣ и нашихъ посланниковъ къ вамъ великому государю не пропустили и ихъ перерабивъ побили, про то вашимъ людямъ вѣдомо. И пославъ мы великій государь нашихъ посланниковъ къ вамъ великому государю къ Ахметъ-салтанову величеству, къ тѣмъ ворахъ на Довъ многихъ нашихъ дворянъ съ тѣмъ посылали, чтобы они съ вашимъ городомъ съ Азовомъ помирился, и тѣсноты ему никакія нечинили и на морѣ вашихъ людей негромпили, про то чаемъ и вашимъ азовскимъ людямъ вѣдомо подлинно: и тѣ Донскіе казаки воры нашего указу ни въ чемъ неслушаютъ и сложася вмѣстѣ съ запорожскими черкасы, на наши украинны войною и нынѣ ходять, и въ нынѣшнемъ году тѣ Донскіе воры казаки, съ дѣпровскими казаки вмѣстѣ, по повелѣнью недруга нашего польскаго короля, нашъ украинный городъ Осколъ взяли и многихъ людей нашихъ побили, и ни въ чемъ нашего царскаго повелѣнья тѣ воры неслушаютъ, и нашихъ служилыхъ татаръ Зянгильдея Исенева съ товарищи для того есмья и послали къ вамъ брату нашему, черезъ Крымъ, что тѣ казаки на Азовъ непустили. И вамъ бы, брату нашему, о томъ вразсудити и на насъ въ томъ мнѣнья нѣкотораго и досады не

ли совершенную готовность исполнить волю царскую, уверяя, что азовцы сами на миръ непреклонны и непрестанно ихъ задирають⁽¹⁷⁷⁾.

держати, и посланиковъ нашихъ и служилыхъ татаръ, прежнихъ и нынѣшнихъ къ намъ великому государю отпустить незадержавъ, и своего посланика съ нашими послы вмѣстѣ къ намъ великому государю о дружбѣ и о любви прислати; а какъ же дастъ Богъ, съ недругомъ нашимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королевемъ мы великій государь твоею помощью управимся и съ тое стороны намъ недруга не будетъ, и мы великій государь на тѣхъ воровъ пошлемъ рать свою и съ Дону ихъ велимъ сбити, а которые достанутся живы, и тѣхъ велимъ казнить смертию, по ихъ винамъ кто чего достоинъ. Мы великій государь всегда того хотимъ и о томъ радѣемъ, чтобы намъ съ вами великимъ государемъ быти въ дружбѣ много всѣхъ великихъ государей, во всемъ безъ нарушенія и такихъ бы сорщикомъ воровъ впередъ межъ насъ небыло. Писана государствя нашего... дворянъ, лѣта отъ созданія міра 7125, іюля мѣсяца.

⁽¹⁷⁷⁾ Дѣла Турецкія въ стобц. 1625 г., №-1-й, царская грамота на Донъ къ Донскимъ казакамъ отъ 29 іюля 1617 года.

„ Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ Епихѣ Родилу да Исаю Мартемьянову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Во прошломъ 124 году посланы отъ насъ великого государя въ Царь-городъ къ брату нашему къ Ахметъ салтану въ посланникѣхъ Петръ Ивановъ сынъ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ, межъ насъ великаго государя и Ахметъ салтана царя о братственной дружбѣ и о любви и о иныхъ нашихъ государственныхъ и о земскихъ великихъ дѣлѣхъ; а на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему великому войску послано съ ними наше жалованье, деньги, сукна и запасъ, и вино, и о томъ отъ насъ къ вамъ съ нашими жъ посланники и послѣ посланниковъ нашихъ писано многожды; а послѣднее писано отъ насъ къ вамъ въ нынѣшнемъ во 125 году съ дворяниномъ нашимъ съ Еремѣемъ Кясленскимъ, чтобы вы атаман и казаки намъ великому государю служили и принимали, и для нашего и земскаго великаго дѣла съ Азовомъ помирились и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ и на морѣ на турецкихъ людей войною не ходили и задору никотораго турецкимъ людямъ нечинили до тѣхъ мѣстъ, покамѣста посланники наши у турецкаго царя будутъ и назадъ отъ него къ намъ придуть, чтобы въ томъ нашему и земскому дѣлу поруки и посланникомъ нашимъ у турецкаго царя задержанья небыло. И вы атаман и казаки пишите къ намъ во всѣхъ своихъ отпискахъ, что вы намъ великому государю служите и въ нашеиъ царскомъ повелѣннѣ быти готовы и съ

Сими произшествіями кончился 1616 годъ.

Взаимные набѣги казаковъ и азовцевъ продолжались:

азовцы, для нашего и земскаго дѣла, задору чпнити неучнете; а нынѣшняго жъ 125 году іюля въ 16 день писали къ намъ изъ Крыму посланники наши Ѳедоръ Челюстинъ да дьякъ Петръ Даниловъ, которые посланы отъ насъ для нашего и земскаго дѣла въ Крымъ къ Джанбекъ Гирею царю, и прислали отписку изъ Царя-города отъ посланниковъ нашихъ отъ Петра Мансурова да отъ дьяка отъ Семена отъ Самсонова, какову они прислали къ нимъ въ Крымъ съ полоненникомъ апрѣля въ 16-й день, и въ отпискѣ изъ Царьгорода посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Семейки Самсонова написано, что они пришли въ Царь-городъ и письмо и поминки отъ насъ Ахметъ-салтану отдали іюля въ 23 день 124 году и о всѣхъ дѣлѣхъ говорили, и послѣ того, какъ старой визирь Халиль и съ нимъ они о всѣхъ нашихъ дѣлѣхъ говорили жъ, и они съказали, что все наше дѣло у государя ихъ исполнится, только бъ намъ великому государю васъ Донскихъ казаковъ уняти, чтобъ вы на морѣ не ходили и торговыхъ ихъ людей не громляли. Да визирь жъ де имъ вычитали, что прислано отъ насъ къ вамъ на Донъ наше жалованье, деньги, и сукна, и хлѣбные запасы, и зелье, и свинецъ и селитра, а вы де безирестана съ Дону съ запорожскими черкасы вмѣстѣ къ городомъ ихъ войной ходите и торговыхъ ихъ людей на морѣ громляли и посамѣста де имъ въ Царьгородѣ многое задержанье и впередъ чають себѣ задержанье въ вашемъ, Донскихъ атамановъ и казаковъ, задорѣ, что вы съ Азовомъ немирны и съ запорожскими черкасы вмѣстѣ къ турецкого городомъ ходите и на морѣ торговыхъ ихъ людей громлите и впередъ де себѣ вскорѣ отпуску загѣмъ нечаются. Да нынѣшняго жъ 125 году іюля въ 20 день писалъ къ намъ съ Донкова воевода Олексѣй Чубаровъ и прислалъ къ намъ донковского полковаго казака Першика Дудедадова, а въ расиросѣ тотъ Першикъ сказалъ: посланъ де онъ съ Воронежа отъ Юрѣя Богданова на низъ въ станицѣ съ Ельчаниномъ сыномъ боирскимъ съ Меркуломъ Полосинимъ до, вашихъ казачьихъ до нижнихъ юрговъ проѣздивать про нашихъ посланниковъ, и онъ де Першикъ не доѣзжал большаго нашего войска, рознемогся въ юрту у Курмана яру, и слышелъ де онъ отъ казаковъ, которые пріѣзжаютъ отъ васъ атамановъ и казаковъ изъ большаго войска, что пришли къ вамъ на Донъ съ Запорогъ черкасы двѣ тысячи человекъ, а были тѣ черкасы въ походѣ на море и пмали многіе турецкіе города и въ нихъ пмали себѣ добычу многую; да и ваши де казаки пошли на морѣ въ войну жъ еще до велика дня, 700 ихъ человекъ, подѣ турецкаго жъ царя города, и нынѣ де тѣ черкасы,

послѣднимъ въ началѣ сего года удалось прокрасться къ казачьимъ зимовищамъ и обратитъ ихъ въ пепель, другія

которые пришли съ моря, стоятъ у васъ въ войску и дожидаются съ моря вашихъ атамановъ и казаковъ, которые пошли на морѣ, а дождавси де съ моря тѣхъ казаковъ, хотять съ вами вмѣстѣ птти подъ Азовъ, и азовскіе де люди о томъ писали къ турецкому государю, чтобъ онъ затѣмъ нашихъ посланниковъ къ намъ не отпускалъ и своихъ посланниковъ къ намъ не посылалъ. И мы великій государь тому дивимся, какими обычай вы атаманы и казаки такъ безъ нашего указу чините, на турецкаго царя города ходите войною, сложася недруга нашего съ людьми съ запорожскими черкасы и города его жжете и воюете и всякихъ людей со всѣми животы ихъ въ полонъ емлете, мимо нашъ указъ, и тѣмъ есте межъ насъ великого государя и турецкаго Ахметъ салтана царя нынѣшней нашей ссылкѣ учинили помѣшку и нашего недруга и разорителя великаго нашего Россійскаго государства на польскаго Жигимонта короля, и на его землю турецкаго царя Ахметъ салтановымъ людямъ походъ тѣмъ помѣшали, а про польскаго Жигимонта короля и про его польскихъ и литовскихъ людей самимъ вамъ подлинно вѣдомо, какой польской Жигимонтъ король и польскіе и литовскіе люди грубителя намъ великому государю и нашимъ великимъ государствамъ, чего ихъ грубостей и злыхъ зловозненныхъ дѣлъ и списать невозможно; а вы вѣдая прежнее его королевское, къ намъ великому государю и къ нашимъ великимъ россійскимъ государствамъ, такую многую грубость и невинное отъ него единокровной вашей братья крестьянское кроворазлитье и впередъ на наши къ великія россійскія государства о разоренье и на невинное крестьянское кроворазлитье злой умыслъ, втожъ время, какъ вы насъ слушаетесь, какъ нашъ посланникъ для нашего и земскаго дѣла у турецкаго царя, а вы въ тѣжъ поры вмѣстѣ съ запорожскими черкасы сами одни подъ турецкаго города ходите войною и на морѣ торговыхъ его людей громите и тѣмъ нашему и земскому дѣлу великую помѣшку и великимъ нашимъ государствамъ многой убытокъ учинили, чего есмь отъ васъ и николи того нечаялся. И нынѣ мы великій государь послали есмь въ Царьгородъ къ Ахметъ салтану въ гонцехъ служилыхъ татаръ станичную голову Девлеткеи Девлетъ Бозина да Санчукея Бемаева, чтобы Ахметъ салтанъ посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да дьяка Сежейку Самсонова и служилыхъ татаръ, которые къ нему жъ посланы отъ насъ напередъ сего и нынѣ, къ намъ великому государю слалъ; а къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему вашему войску послали есмь съ нашею грамотою дворянина нашего Микиту Сомова. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а гонцы наши, которые посланы

партія азовцевъ пошли разорять наши украинные горо-
въ Царьгородъ, и дворянинъ которой посланъ отъ насъ съ нашею
грамотою, къ вамъ на Донъ прїѣдутъ, и выбъ атаманъ и казаки
и все наше великое войско низовое и верховое, помня Бога и
нашу истинную православную вѣру греческаго закона и помня
къ намъ великому государю свою прежнюю службу и свое объ-
щанье и крестное цѣлованье, какъ есте обѣщалися намъ великому
государю служить, такъ бы есте и совершали, нынѣ однолично
для нашего и земскаго дѣла съ Азовомъ помирились и гонцовъ
нашихъ и служилыхъ татаръ Дивлеткея и Санчукея отъ себя въ
Азовъ отпустили незадержавъ и ихъ до Азова проводили по през-
нему, какъ есте посланниковъ нашихъ и гонцовъ до Азова про-
вожали напередъ сего; и впередъ бы есте чрезъ наше государ-
ское повелѣнье на турскаго царя города и ваего людей на морѣ
и подъ Азовъ войною не ходили, городовъ его не жгли и не воевали
и людей его не побивали и въ полонъ не пмали, и съ Азовомъ
бы есте помирились, чтобы затѣмъ выгѣшней нашей ссылкѣ съ
турскимъ царемъ помѣшки небыло и чтобы отъ тѣхъ вашихъ
задоровъ турской Ахметъ салтанъ съ нами великимъ государемъ
братственныя дружбы и любви не нарушилъ, и съ польскимъ Жи-
гимонтомъ королемъ, по его ссылкѣ, мирнаго постано-
вленья не учинилъ и походъ своихъ ратныхъ людей на его землю
не оставилъ, и надъ посланника бѣ нашими какого дурна, за ваши
задоры, не учинилъ и задержать не желѣлъ, а надъ вашими бѣ
государствы отъ польскаго Жигимонта короля какое разоренье
и крестыльское кроворазлитие не учинилось, однолично въ
атаманомъ и казакомъ тѣмъ намъ великому государю служба своя
и радѣнье показати для нашего и земскаго дѣла, съ азовцы о
мирѣ сослатися и помиритися, и служилыхъ нашихъ татаръ
Девлекея и Санчукея въ Азовъ отпустить и до Азова ихъ про-
водити по презнему, какъ есте на передъ сего посланниковъ
нашихъ и гонцовъ провожали, впередъ бы вамъ на турскаго
царя людей войною не ходити и задоровъ никакихъ съ азовцы
и съ турскими людьми нечинити до тѣхъ мѣстъ, покамѣста тур-
ской Ахметъ салтанъ посланниковъ нашихъ Петра Мансурова да
дыка Семейку Самсонова и служилыхъ нашихъ татаръ къ намъ
великому государю отпустить; а будетъ турской съ посланники
нашими своего посла или посланника къ намъ великому государю
пришлетъ, и выбъ атаманъ и казаки и все великое войско тур-
скаго царя посла или посланника встрѣтили и принявъ его чество
по посольскому обычаю, примѣняясь къ презнему, съ приставомъ
съ Юрьемъ Богдановымъ вмѣстѣ, и кормъ ему дали, что у васъ
лучилось, будетъ тѣхъ кормовъ неостанетъ, что про него послано
съ Юрьемъ, и во всемъ его почитали и того берегли накрѣпко,
чтобы ему у васъ на Дону ни отъ кого никакого безчестья неу-

да⁽¹⁷⁸⁾. Донцы въ отмщеніе нападали на посады Азова. А равно весною 700 удальцовъ пустились на Черное море. На пути нападали они на рыболововъ, производили набѣги на селенія по берегамъ Азовскаго моря, но на Черномъ соединились съ Запорожцами, истребили нѣсколько каторгъ турецкихъ съ людьми и грузомъ. Кромѣ сего, здѣсь же разбѣжала еще одна партія Запорожцевъ до 3,000 чел. Султанъ, опасаясь послѣдствій отъ набѣговъ сихъ партій, послалъ на нихъ два сильныя и хорошо вооруженныя отряда на каторгахъ и мелкихъ судахъ. Отрядъ, напавшій на Запорожцевъ, былъ несравненно многочисленнѣе, и потому сіи послѣдніе уступили ему верхъ, потерявъ убитыми до 700 человекъ. Турки радуясь побѣдѣ, поспѣшали въ днѣпровскому устью, чтобы заслонивъ оное, не пропустить и остальныхъ Запорожцевъ въ Сѣчу; но сіи послѣдніе отошли на Донъ, какъ увидимъ впослѣдствіи ⁽¹⁷⁹⁾. Другой же отрядъ, встрѣтившійся съ Донскими казаками, былъ менѣе счастливъ: Донцы разбили его наголову, оладѣвши всѣми пушками; пред-

чинилось, и отъ себя-бъ есте съ Дону къ намъ великому государю его отпустили честно и до нашихъ украинскихъ городовъ ихъ проводили, съ приставомъ ихъ съ Юрьемъ Богдановымъ и съ тѣми ратными людьми вмѣстѣ, которымъ вѣлно быти на встрѣчу съ Юрьемъ, чтобы ихъ въ дорогѣ черкасы и крымскіе и ногайскіе таторова не разгромили и дурна нивотораго не учинили. А мы великій государь, за тое вашу къ намъ службу, наше къ вамъ жалованье деньги, и сукна, и селитры, и запасъ съ дворяниномъ нашимъ съ Юрьемъ Богдановымъ послали, и впередъ учнемъ васъ жаловать нашимъ царскимъ жалованьемъ и свѣше прежняго; а дворянина-бъ есте нашего, кто къ вамъ съ сею грамотою придетъ, отпустили къ намъ безадержавъ, и противъ сее нашей грамоты и что у васъ какихъ вѣстей про турецкихъ и про крымскихъ и про ногайскихъ людей и про польскаго короля и про черкасъ будетъ, о семъ къ намъ съ ними же отписали подлинно, чтобы намъ про все было вѣдомо. Писана на Москвѣ лѣта 7125 года іюля въ 29 день.

⁽¹⁷⁸⁾ Дѣла Турецкія, въ столбц. 1616 г., № 1, см. отписку казакѣвъ привезенную въ Москву августа 1.

⁽¹⁷⁹⁾ Тамъ же, выписка изъ распросныхъ рѣчей донскаго атамана Андрея Раичукова съ товарищи.

водительствовавшихъ пашей одного убили на мѣстѣ сраженія, другаго взяли въ плѣнъ и торжественно привезли въ юрты свои ⁽¹⁸⁰⁾.

Между тѣмъ Московскій дворъ старался о усиѣхѣ посольства своего въ Турціи. Еще въ мартѣ, по полученнымъ извѣстіямъ объ отпускѣ посольства въ Россію вмѣстѣ съ турецкими послами, былъ отправленъ на Донъ, для встрѣчи, дворянинъ Юрій Богдановъ съ жалованьемъ казакамъ, какъ всегда бывало, и съ ласковою грамотою о замиреніи съ азовцами. Извѣстія открылись невѣрными; ибо 16 іюля въ Москвѣ получено отъ Мансурова увѣдомленіе о всѣхъ неудовольствіяхъ Оттоманскаго двора за казаковъ и о томъ, что по сей причинѣ онъ задержанъ въ Царьградѣ. 30 іюля вторично отправлены гонцы къ султану, котораго политика нашего двора всячески увѣряла въ совершенномъ негодованіи своемъ на казаковъ. Великій князь въ грамотѣ къ султану называлъ ихъ ворами и разбойниками, исчислялъ вредъ причиненный ими въ Россіи во время самозванцевъ и заключалъ тѣмъ, что они совершенно ему не подвластны, и коль скоро окончитъ онъ войну съ Польшею, то немедленно пошлетъ войска своимъ на Донъ и истребитъ всѣхъ казаковъ безъ остатка ⁽¹⁸¹⁾.

⁽¹⁸⁰⁾ Тамъ же, распросниа рѣчи прибывшаго въ Москву изъ Казнева улуса татарскаго толмача Гаврилы Есипова, сентября 1617 года „Да Гаврило-жь сказывалъ, что тѣ донскіе казаки, которые ходили на море 700 чел., съ моря въ свои юрты пришли и погромили 7 каторгъ и людей побили, и про то учинилась вѣсть Ахметъ салтану, и Ахметъ салтанъ послалъ на нихъ двухъ пашей лучшихъ, а съ ними ратныхъ людей на 7 же каторгахъ, съ большимъ нарядомъ, и казаки де и тѣхъ ратныхъ людей побили и нарядъ взяли, а пашу одного убили до смерти, а другаго жива взяли, и нинѣ тотъ паша сидитъ на Дону у казаковъ скованъ и ждетъ по себѣ окупу; а для окупу послали казаки въ Царьгородъ тогожь паши двухъ человекъ, а окупу за него да за двухъ его человекъ сговорили взять 30400 золотыхъ, и паша де о томъ отъ себя къ женѣ своей и ко племени съ людьми своими писалъ, а велѣлъ за себя окупъ привести въ Азовъ съ осени.“

⁽¹⁸¹⁾ Тамъ же, грамота великаго князя къ султану, писанная въ іюль мѣсяцѣ 1617 г., см. примѣч. 176.

Гонцы отправлены чрезъ Азовъ и съ ними посланъ на Донъ дворянинъ Сомовъ, съ милостивымъ словомъ къ казакамъ и съ грамотою, наполненною убѣжденіями о прекращеніи набѣговъ. Царь представлялъ имъ, что отъ того единственно зависить союзъ Россіи съ Портою и успѣхъ нашего оружія надъ Поляками. Казаки попрежнему увѣряли въ готовности служить Россіи и что съ азовцами они не воюють, а только мстятъ имъ за свои оскорбленія (182). Константинопольскій дворъ неперемѣнилъ своего расположенія и дѣла пословъ нашихъ неприняли лучшаго оборота.

Несмотря на все это, Московскій дворъ продолжалъ ласкать казаковъ и съ пользою употреблялъ ихъ для усмиренія Ногаевъ (183). Наконецъ въ августѣ мѣсяцѣ 1617 г. азовцы изъявили согласіе на миръ и начались переговоры; между тѣмъ въ Москву дошли слухи, что сынъ польскаго короля Владиславъ, прислалъ на Донъ возмутительныя письма, и царь употребилъ случай сей для увѣренія Порты, что казаки воюють по смутѣ Поляковъ; ибо въ сентябрѣ мѣсяцѣ, получивъ извѣстіе о содержащемся у казаковъ въ плѣну турецкомъ пашѣ, за котораго они требуютъ окупу 30,400 золотыхъ, и опасаясь, чтобы сіе непроизвело конечнаго разрыва съ Портою, государь отправилъ въ третій разъ гонцовъ къ султану съ рѣшительными увѣреніями, что Сигизмундъ причиною безпокойства казаковъ, которые вовсе неслушаютъ Россійскаго правительства. Въмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ на Донъ дворянинъ Несмѣянъ Ивановичъ Чаплинъ, которому

(182) Тамъ же, царская грамота къ казакамъ и отписка сихъ послѣднихъ къ государю въ 1617 г., см. примѣч. 177.

(183) Тамъ же, царская грамота на Донъ, 2 августа 1617 г.

.....„Да вы же намъ были челомъ и прислали съ атаманомъ съ Ондреемъ Репчуковымъ челобитную о Никольскомъ монастырѣ, что у того монастыря земли монастырскія отняты, и намъ бы васъ пожаловать, велѣтъ тѣ земли отдать назадъ къ Никольскому монастырю; и мы, великій государь, васъ атамановъ и казаковъ пожаловали, тѣ монастырскія земли назадъ къ монастырю отдать велѣли и жалованную грамоту на ту землю къ вамъ пришлемъ съ атаманомъ вашимъ съ Ондреемъ Репчуковымъ съ товарищи:.....

велѣно непремѣнно уговорить казаковъ примириться съ Азовомъ, и плѣннаго пашу выдать безъ окупу. Сверхъ того Чаплину поручено подъ благовиднымъ предлогомъ имѣть свиданіе съ самымъ пашею и вслѣдствіи стараться внушить ему о сказанныхъ умыслахъ Сигизмунда, изъяснивъ при томъ, что государь крайне сожалеетъ о положеніи его пашы и принимаетъ мѣры къ освобожденію изъ плѣна; велѣно также увѣрить пашу, что самъ Чаплинъ теперь же, по приказанію государя, усмиряя казаковъ, сгонялъ ихъ съ Дону, но они едва его не убили, и за сіе царь Россійскій, по окончаніи войны съ Поляками, непремѣнно оружіемъ очиститъ Донъ. Все сіе подробно прописывалось въ наказѣ данномъ Чаплину, въ заключеніе коего сказано, чтобы Чаплинъ постарался склонить пашу донести точно такъ султану, когда пріѣдетъ въ Царьградъ. Равномѣрно велѣно подобныя разглашенія разсѣять и между азовцами, но съ величайшею тайною отъ казаковъ, дабы они никакъ о томъ неprovѣдали (184). Чап-

(184) Тамъ же, наказъ дворянину Несмѣяну Чаплину, отправленному изъ Москвы на Донъ, 26 сентября 1617 г.

..... „Несмѣяну пріѣхавъ на Донъ, къ атаманомъ и къ казакомъ говорити. Они бѣ атаманы и казаки съ Азовомъ однолично помирились и Азову тѣсноты не чинили, и на иные турецкаго царя города войною не ходили и городовъ его не жгли и не воевали, и людей его не побивали и въ полонъ не имали; а котораго пашу они нынѣ на море взяли и сидятъ у нихъ скованъ, а ждутъ за него окупу, и они бѣ того пашу отпустили въ Царьгородъ безъ окупу, и тѣмъ бы они однолично къ государю службу свою и радѣнье и празду показали, того пашу отдали безъ окупу и впредъ задоровъ никакихъ съ турецкими людьми не чинили, чтобы за тѣмъ нынѣшней государевѣ ссылкѣ съ турецкимъ царемъ помѣшки и посланникомъ государевымъ и гонцомъ, которые нынѣ у Ахметъ салтана, задержаны не было, и чтобы по ссорѣ Запорожскихъ черкасъ, а отъ ихъ задоровъ, турецкой Ахметъ салтанъ съ царскимъ величествомъ братственныя дружбы и любви не нарушилъ и съ польскимъ бы Жигимонтомъ королемъ, по его ссылкѣ, мирнаго постановленья неучинилъ и походу бѣ своихъ ратныхъ людей на его землю не оставилъ, и надъ посланники нашими и надъ гонцы какого дурна неучинилъ и задержатъ ихъ у себя не велѣлъ, и вмѣстѣ съ польскимъ королемъ на государя не учалъ стояти.

линъ совершилъ дѣла сіи съ должнымъ успѣхомъ, и по его донесенію, что „казаки служатъ Россіи прямо и впредъ хо-

.....
..... и что какихъ вѣстей провѣдаетъ, и то ему все записать себѣ ниянно, и провѣдавъ про все подлинно, ѣхать къ государю къ Москвѣ тотчасъ; а пріѣхавъ къ Москвѣ явиться въ посольскомъ приказѣ къ дьякомъ думному Петру Третьякову да Савѣ Романчукову; а одиолчно бѣ ему о томъ атаманомъ и казакомъ говорить накрѣпко и уговаривать ихъ на то всякими мѣрами накрѣпко, чтобъ они съ Азовомъ помирились и на море подъ турецкаго города и на торговые люди ихъ не ходили и ихъ негромил и задоровъ никакихъ съ турецкими людьми не дѣлали

..... какъ придетъ на Донъ къ атаманомъ и казакомъ, а казаки будетъ на море ходили и турецкаго каторги разгромили и людей побли и пашу въ полонъ взяли, и нынѣ будетъ паша у казаковъ на Дону въ полону, и Несмѣяну говорита атаманомъ и казакомъ, чтобъ ему дали видѣться съ пашою; а ему Несмѣяну велѣно пашу распросити по государеву наказу о вѣстахъ, которыя вѣсти надобны царю и великому князу Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи. Да какъ ему атаманы и казаки съ пашею видѣться дадутъ, и Несмѣяну идти къ паше съ толмачемъ, а припедъ говорити паше: вѣдомо государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Россіи учинилося, что польскій Жигимонтъ король хотя великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Россіи, съ великимъ государемъ съ братомъ его, съ Ахметъ салтаномъ, ссорити, прислалъ на Донъ къ атаманомъ и казакомъ своихъ казаковъ запорожскихъ съ Днѣпра, многихъ людей, и велѣлъ ихъ казаковъ наговаривати, чтобы они вмѣстѣ съ ними шли на турецкаго Ахметъ—салтана города и на море на каторги, и турецкому салтану, городамъ его и людѣмъ тѣсноту учинили; а а такъ, и безъ того Донскіе казаки у царскаго величества въ непослушаніи; и тѣ воры Донскіе казаки, по совѣту съ Днѣпровскими съ запорожскими черкасы, по повелѣнью польскаго Жигимонта короля, ходили на море, турецкаго Ахметъ салтанова величества корабли погромил, людей побили, и животы и товаръ разграбили, и его пашу взяли; и царское величество о томъ поскорбѣлъ, что тотъ его царскаго величества недругъ польской король, ища себѣ помощи, царское величество съ братомъ его, съ Ахметъ салтановымъ величествомъ, въ ссору приводитъ и дружбѣ и братству и ссылкѣ помѣшку чинити, и по его злему умыслу и велѣнью Донскіе казаки вмѣстѣ съ запорожскими черкасы такое зло починили, царскаго величества брата, Ахметъ салтанова величества, брата, на море каторги погромили и его пашу взяли въ полонъ, и прислалъ царское величество его дворянина своего Несмѣяна нарочно о томъ на Донъ къ тѣмъ ворахъ, къ атаманомъ

тять служить нещада головъ своихъ“, государь писать ка-
закамъ милостивое обѣщаніе содержать ихъ въ царскомъ
жалованѣ свѣше прежняго. Въ сихъ произшествіяхъ ми-

и къ казакомъ говорить, чтобъ они отъ того воровства отстали,
запорожскихъ черкасъ отъ себя выслали вонъ и впередъ къ себѣ
не пускали, и польскаго Жигимонта короля ни въ чемъ не слу-
шали, и на турскаго салтана города и каторги не приходили и
людемъ салтановымъ никакія обиды и тѣсноты и задоровъ не чи-
нили, и сами бѣ съ Дону шли доловъ, и его пашу отпустили въ его
землю къ салтану безъ окупы, чтобъ ихъ вражьей ссорой межъ
царскаго величества и турскаго салтана ссора и нелюбе не были
и дружбѣ и ссылкѣ государскои помѣшка не учинилась. И онъ
Несмѣянъ о томъ имъ говорилъ съ великимъ запрещеньемъ и съ
вычетомъ, и царское величество ево государеву грамоту о томъ
съ нимъ Несмѣяномъ къ нимъ прислалъ, и тѣ воры казаки цар-
скаго величества грамоты и его Несмѣяновыхъ рѣчей не слуша-
ютъ, на него шумѣли и хотѣли его самаго убить. А на передъ его
Несмѣяна прислалъ царское величество къ тѣмъ воруемъ о томъ
дворянъ трожды: первое Ивана Опухтина, въ другорядѣ Еремѣя
Кисленскаго, въ третѣи Никиту Сомова, чтобъ тѣ воры польскаго
короля не слушали, Запорожскихъ черкасъ къ себѣ не пускали и
Азову тѣсноты нечинили, и на море не ходили, салтановыхъ лю-
дей не громили, тѣмъ межъ царскаго величества и межъ салта-
нова величества ссоры, а дружбѣ и любви и ссылкѣ помѣшки, не
чинили, и они ихъ одва до смерти непобили и отпустили съ вели-
кимъ безчестьемъ, а государева указу не слушали. А то вѣдомо
ему паше, что на Дону живутъ воры, бѣглецы изъ Московскаго
государства, которые бѣгають отъ смертныя казни, и прежде того
они воры Донскіе казаки съ польскимъ королемъ и съ польскими
и съ литовскими людьми вмѣстѣ Московское государство разорали
и кровь христіанскую единовѣрную и единоплеменную собою
проливали, а нынѣ вьнедавнѣ съ тѣмижъ воры съ Запорожскими
черкасы царскаго величества украинный городъ Осколь взяли и
людей побили и высѣкли и городъ сожгли, и нынѣ всякое зло
дѣлають, и онъ Несмѣянъ нечаеть отъ нихъ здорово отѣхать; а
царскому величеству съ ними управитися нельзя, что нынѣ цар-
ское величество съ польскимъ королемъ войну ведетъ, а они отъ
Московскаго государства по—отдалѣли; а какъ оже, дастъ Богъ,
царское величество съ недругомъ своимъ съ польскымъ королемъ
управитися, и царское величество и надъ тѣми воры по ихъ винѣ
велить учинить и на Дону ихъ не будетъ, и какъ оже, дастъ Богъ,
онъ паша будетъ у государя своего, и онъ бы про то про все ве-
ликому государю своему Ахметъ салтанову величеству и пашамъ
разсказалъ. Да только будетъ втѣ поры у казаковъ какія азовскіе

нуль 1617 годъ (185).

Выше упомянуто, что казаки своими морскими наѣздами иногда разоряли и крымскія селенія, нерѣдко также и на степяхъ они громили ихъ улусы. Посольскія сношенія нашего двора съ Тавридою возобновлены тотчасъ по возшествіи на престолъ Михаила Ѳедоровича и продолжались каждый годъ непрерывно. Ханъ, по зависимости его отъ порты, столько же недоволенъ былъ казачими за разореніе турецкихъ областей, какъ и своихъ собственныхъ, а потому, при переговорахъ, крымцы дѣлали всегда упреки и требованія насчетъ казаковъ Онѣ были одинаковы съ тѣми, кои предлагались со стороны Турціи, т. е. чтобы Россія удержала казаковъ отъ набѣговъ и согнала ихъ съ Дону. Начиная съ 1615 г. сіи требованія постоянно каждый разъ включались во всѣ переговоры и письменныя сношенія; а Россія всегда уклонялась тѣми же отвѣтами, какими хотѣла успокоить порту. Ханъ понималъ политику московскаго двора, но, по собственнымъ расчетамъ, въ 1618 г. согласился отправить войска на Поляковъ, и посолъ его, прибывшій въ Москву въ августѣ мѣсяцѣ, извѣщалъ о томъ государя, непроминулъ повторить требованія объ удаленіи казаковъ съ Дону (186).

люди для миру, или въ полону, или для какихъ дѣлъ, а мочно съ ними видитися, и Несмѣяну то всякимъ азовскимъ людямъ рассказывати по сему государеву наказу тайно, чтобъ казакомъ отнюдь про то не увѣдать и не пронеслося бѣ имъ ни отъ кого.“

(185) Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 и 1618 г., грамота на Донъ, отъ 21 юля 1618 года.

....., Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Въ ныѣшнемъ въ 126 году....въ 14 день вѣдомо намъ великому государю учинилось отъ дворянина нашего Несмѣяна Чаплина, что вы намъ великому государю служите прямо и о нашихъ царскихъ дѣлѣхъ всѣмъ сердцемъ и душами радѣете и впередъ намъ великому государю хотите служить, нещади головъ своихъ, и мы великій государь за вашу службу и радѣнье хотимъ васъ содержать въ нашемъ царскомъ жалованѣхъ свѣше прежняго.“

(186) Крымскія посольскія дѣла, въ столбц. съ 1615 по 1619 г.

Напротивъ Мансуровъ и Самсоновъ, никакъ не успѣли склонить Порту къ союзу противъ Польши. Султанъ добивался за свою помощь, кромѣ удаленія казаковъ, еще Казани и Астрахани; но болѣе всего нашему дѣлу вредилъ польскій при Портѣ посланникъ Кохановскій. Послѣдовавшая въ сіе время переменна властителя османскаго (за смертію бывшаго тогда султана Магмеда, вступилъ на тронъ сынъ его), не была выгодна для Русскихъ и въ 1618 г. султанъ, отпустивъ наше посольство въ Россію, не прислалъ въ Москву своихъ пословъ, какъ то обыкновенно бывало.

Порта, желая какимъ-нибудь образомъ воспрепятствовать казакамъ проходить въ море, рѣшилась отнять у нихъ тѣ два рукава Дона, кои были судоходнае другихъ и кои казаки наиболѣе выходили на морскіе поски, т. е. Мертвый Донецъ и Каланчу; для сего положено было Донецъ совершенно засыпать, а при началѣ Каланчи поставить башню и снабдить ее артиллерією и людьми; тогда казакамъ оставался бы только одинъ путь самимъ Дономъ, который протекалъ мимо стѣнъ азовскихъ. Для совершенія дѣла сего отправлены изъ Царьграда 300 янычаръ, кои должны были поступить подъ начальство кафинскаго паша и идти въ Азову. Послы наши, по прибытіи въ Кафу, были задержаны тамъ пашею, подъ предлогомъ казачьихъ набѣговъ и терпѣли много непріятностей; но настоящая причина ихъ задержанія была совсемъ иная: паша хотѣлъ, дождавшись изъ Константинополя янычаръ, взять пословъ съ собою въ Азовъ и чрезъ нихъ заставить казаковъ не мѣшать его войскамъ производить работы на Мертвомъ Донцѣ и Каланчѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ они всѣ вмѣстѣ пришли въ Азову, съ которыми казаки были уже въ миру; посланники уговорили сихъ послѣднихъ дать Туркамъ волю кончить ихъ планъ, и янычары, работая совокупно съ азовцами, осенью засыпали Донецъ и воздвигли башню. Посланниковъ держали въ Азовѣ дотолѣ, пока все совершенно было устроено. По сіи затѣи нимаго неостановили Донскихъ казаковъ отъ любимыхъ морскихъ

поисковъ, какъ увидимъ впоследствии (187).

Между тѣмъ отправленъ былъ отъ государя на Донъ дворянинъ Юрій Захарьевичъ Богдановъ, дабы склонить казаковъ къ посылкѣ въ Москву изъ своего войска тысячъ пять или больше, или сколько можно собрать конныхъ и пѣшихъ людей, на помощь противъ Поляковъ, кои тогда, подъ предводительствомъ Владислава, вторглись въ Россію. Послано съ нимъ и жалованье казакамъ: деньги, сукна, провіантъ, вино, порохъ и свинець. Положеніе Россіи было тогда весьма затруднительное: войска Владиславовы разорили многіе украинные города и уже тянулись къ Москвѣ. Богданову велѣно употребить всевозможное стараніе о семъ дѣлѣ и самому поспѣшно провезать казачье войско до Москвы, при-

(187) Дѣла крымскія, въ столбц. 1618 г., № 3, см. выписку изъ донесенія Россійскаго посланника Лодыженскаго, бывшаго тогда въ Крыму.

Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 1618 г., отписка дворянина Богданова, отправленнаго изъ Москвы на Донъ къ казакамъ съ государскою грамотою и въ то время находившагося въ Воронежѣ.

... „Да августа, государь, въ 6 день, пріѣхалъ на Воронежъ съ Дону изъ нижнихъ юртовъ воронежець сынъ боярскій Богданъ Кренковъ, а сказалъ мнѣ, государь, холопу твоему, что твои государевы посланники Петръ Мансуровъ да дьякъ Семейка Самсоновъ и два турскаго чеуша въ Азовъ пришли и паша де, государь, отъ турскаго царя въ Азовъ пришелъ засыпать Донца Мертваго, и атаманы де, государь, и казаки Епиха Родиловъ и Исай Мартемьяновъ отъ себя на Воронежъ къ воеводамъ писали жъ.“

Тамъ же, распросныя рѣчи пріѣхавшаго изъ Воронежа въ Москву, въ 24 день ноября 1618 г., донскаго казака Федора Резваго.

„А Петръ де Мансуровъ и дьякъ Семейка Самсоновъ нынѣ въ Азовѣ, а турской де чеушъ пришелъ въ Азовъ съ Петромъ виѣстѣ для того, чтобы ему Донецъ засыпать, да на Каланчи башни поставить, чтобы на море атаманомъ и казаконъ проходу не было, а какъ де Донецъ закрѣпятъ и чеуша отпустить назадъ изъ Азова на море, и тогда де и Петра хотѣли изъ Азова отпустить, а къ государю де съ Петромъ чеуша нѣту.“

„И Донецъ де турскіе люди засыпали при нихъ а башню поставили; и они де чаютъ того, что посямѣста и Петръ изъ Азова на Донъ отпущенъ нѣчто не будетъ, змуетъ на Дону.“

сылая государю донесеніе изъ каждаго города о маршахъ. Весьма убѣдительную рѣчь онъ долженъ былъ говорить въ войсковомъ кругу, по наказу: „Поляки замыслили попрасть законъ христіанскій и ввести латинскую ересь во всемъ государствѣ московскомъ. Государь нашъ ополчился всею землею и вы великое войско Донское, помня Бога и обѣтъ вашъ усердствовать Россіи, поревнуйте вашимъ предкамъ, станьте за православную вѣру противу враговъ отечества. Если же попустите злодѣямъ, то по городамъ истребятся церкви и монастыри, гдѣ гробы родителей вашихъ и гдѣ вы сами для душъ своихъ владчики“. Для большаго убѣжденія Богдановъ долженъ былъ представить казакамъ, что если разорены будутъ украинные города, тогда прекратится привозъ изъ оныхъ на Донъ товаровъ. А ежели король одержитъ верхъ надъ Россіею, то безъ сомнѣнія, онъ нестанетъ столько браниться за нихъ съ Турками, какъ Россія, и непременно, въ угожденіе порты, сгонитъ ихъ съ Дона. Почти сими же словами и самъ государь писалъ казакамъ въ грамотѣ своей отъ 21 іюля. Но Богданову велѣно просить казаковъ, чтобы они отнюдь не-сказывали..... (Окончавія главы въ подлинникѣхъ рукописи нѣтъ; примѣчанія же, относящіяся къ этой главѣ, отъ 188 до 196 включительно, помѣщаются ниже).

(188) Дѣла турецкія, въ столбц. 1617 и 1618 годовъ. Наказъ отправленному изъ Москвы на Донъ дворянину Юрію Богданову, чтобы склонить казаковъ послать изъ войска въ Москву *тысячь пять или сколько можно* конныхъ и пѣшихъ людей на помощь противъ Поляковъ „Да какъ атаманы и казаки государеву грамоту вычтуть, и Юрью говорить атаманомъ и казакомъ: великого государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи недругъ и разоритель всего великаго Россійскаго государства польскій Жигимонтъ король умыслилъ московское государство воевати и разорити, и хочетъ нашу православную христіанскую вѣру греческаго закона попрасти и святыя церкви Божіи осквернити и разорити, а свою проклятую

латынскую вѣру во всемъ московскомъ государствѣ утвердити и всѣхъ православныхъ крестьянъ въ свою проклятую латынскую вѣру привести. И нынѣ польскаго Жигимонта короля сынъ Владиславъ съ польскими и съ литовскими людьми пришелъ въ московское государство и великимъ россійскимъ государствамъ утѣсненіе чинить и всякимъ злымъ своимъ умысломъ домышляется какъ бы ему великое Россійское государство ослитъ и разорить, и многія безчисленныя крови на обѣ стороны разливаются; а запорожскихъ черкасъ полковника Саадашнаго со многими людьми прислалъ въ польскіе государевы города и пришедши искрадомъ городъ Ливны взяли и Елецъ взяли, людей высѣли и города и остроги сожгли, и посланника нашего Степана Хрущева да подъячего Семейку Бредихина и казну, что было послано къ царю и къ калѣ поминковъ, взяли; а крымскихъ пословъ и гонцовъ побили, и хотятъ идти подъ всѣ польскіе города, которые стоятъ по Дону и Донцу и по Осколу, подъ Воронежъ и подъ Вадуйку и подъ Осколь и подо всѣ наши польскіе города и хотятъ также до конца всѣ польскіе города разорить. И великій государь нашъ царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи, видя польскаго Жигимонта короля превознесенную гордость и на нашу истинную православную христіанскую вѣру греческаго закона и на святія Божіи церкви похвалу и посягательство, на разореніе государства и на крестьянское кроворазлитіе желанье, прося у милосердаго Бога помощи и вооружаяся силою честнаго и животворящаго креста Господня, противъ польскаго короля со всѣми своими ратьми, за истинную нашу православную христіанскую вѣру и за святія Божіи церкви и за всѣхъ православныхъ христіанъ стать сколько ему, государю, Богъ помочи подасть. И выбѣ атаманы и казаки и все великое войско, вѣдая польскаго Жигимонта короля на великаго государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи и на его великія государства на всѣхъ православныхъ крестьянъ, злой умыслъ и посягательство, помня Бога и истинную нашу православную христіанскую вѣру и царское къ себѣ жалованье и къ нему великому государю свою службу и прежней обѣтъ свой, какъ вы обѣщалися великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи служить и примити, поревновали бѣ есте братье своей прежнимъ атаманомъ и казакомъ, которые за нашу православную христіанскую вѣру стояли и головъ своихъ противъ всѣхъ враговъ нашей христіанской вѣры нещадили, потомужъ вы есте службу свою и радѣнье къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи и ко всему россійскому государству показали, противъ того царскаго величества недруга и на нашу истинную христіанскую вѣру посягателя и разорителя, польскаго короля, и на польскихъ и литовскихъ людей и на запорожскихъ черкасъ стояли со всѣми царскаго величества ратными людьми

за одно, шлибъ есте нынѣ къ государю на помощь противъ польскихихъ и литовскихихъ людей и запорожскихихъ черкасъ всѣ, или пустили бы многихъ ратныхъ людей, тысячъ пять или больше, или сколько мочно войска послати, братью свою, атамановъ и казаковъ, выбравъ добрыхъ конныхъ, скорѣ покажѣста злой умыслъ царскаго недруга не совершилси. А тобъ есте разсудили, только запорожскіе черкасы польскіе города разорить, и вамъ къ государевѣ украинѣ прибѣжища не будетъ, и зашасъ и товары къ вамъ изъ польскихихъ городовъ не пойдуть, и вѣра наша христіанская въ тѣхъ мѣстехъ поправа будетъ и церкви Божіи и монастыри, гдѣ гробы родителей вашихъ и гдѣ вы сами, для душъ своихъ, вкладчики, всѣ разорятся и будетъ безпамятно.
А какъ оже и дасть Богъ, буде у царскаго величества будите и очи царскіе увидите и службу свою покажите и царскому величеству послужите, и царское величество васъ пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ; а нынѣ государь, жалючи васъ, прислалъ къ вамъ своего государева жалованья съ нимъ съ Юрьемъ. Да отдати имъ государево жалованье по росписи
А самому идти со всѣми людьми къ Москвѣ, на которыя мѣста лутче, и ко государю писати по часту изъ всѣхъ городовъ, на которые города съ ними пойдетъ, чтобъ государю ежечасъ про него, гдѣ онъ съ Донскими атаманы и казаки будетъ, было вѣдомо, а съ Дону тотчасъ прислати съ вѣстью полемъ или водою какъ скорѣе, чтобъ было государю вѣдомо.

А о томъ ему атаманомъ и казакомъ, будучи на Дону, говорить, чтобъ атаманы и казаки межъ себя о томъ во всѣ люди заказъ учинили, чтобъ про то изъ нихъ ни кто турскимъ людямъ не рассказывали, что онъ присланъ звать ихъ на Донъ къ государю на помощь противъ польскаго короля, для всякія мѣры, и что съ нимъ государево жалованье прислано, чтобъ то дѣло нигдѣ было не явно, и запорожскіе черкасы, которые у нихъ живутъ на Дону, про то не вѣдали“

Грамота на Донъ отъ 21 іюня 1618 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи, на Донъ въ низкіе и въ верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ и всему великому войску Донскому. Въ нынѣшнемъ во 126 году іюня въ 14 день, вѣдомо намъ великому государю учинилось отъ дворянина нашего Несмѣяна Чаплина, что вы намъ великому государю служите прямо и о нашихъ царскихъ дѣлѣхъ всею сердцемъ и душами радѣете и впередъ намъ великому государю хотите служити нещада головъ своихъ; и мы великій государь за вашу службу и радѣнье, хотимъ васъ держати въ нашемъ царскомъ жалованье свыше прежняго. А нынѣ мы, великій государь, вамъ атаманомъ и казакомъ и всему великому войску объявляемъ: недругъ нашъ и разоритель всего нашего Россійскаго государства польской Жигимонтъ король умыслилъ. . . (далѣ слѣдуютъ точ-

ныя слова наказа даннаго дворянину Богданову).

(¹⁸⁹) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ привезенная въ Москву генваря 6-го 1619 года Донскими атаманами Гавриломъ Стародубовымъ съ товарищи.

На сей отпискѣ помѣта положена такова: „государь указалъ и бояре приговорили атаманомъ и казакомъ давати корму атаманомъ лутчему по два алтына, а другому по два алтына безъ денегъ, рядовымъ по десяти денегъ на день.“

(¹⁹⁰) Тамъ же, царская грамота на Донъ отъ 30 декабря 1618 г.

(¹⁹¹) Тѣхъ же турецкихъ дѣлъ 1618 г., предъидущая грамота и слѣдующая окружная грамота къ воеводамъ украинныхъ городовъ отъ 30 декабря 1618 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Росіи, на Воронежъ, воеводѣ нашему Ортемью Васильевичу Лодыгину. Были намъ челомъ Донскіе атаманы Ондрей Репчуковъ да Мартыянъ Горской съ товарищи отъ всего Донскаго войска, что они намъ великому государю служатъ по шлехомъ разъѣзжаютъ и по перевозамъ лежатъ, и ясырей отграмливаютъ и въ наши украинныя города проводятъ душъ по сту и по двѣсти и струги и гребцовъ наймуютъ, и кормъ про нихъ покупаютъ, и пословъ и посланниковъ нашихъ встрѣчаютъ и провожаютъ въ Царьгородъ и въ Нюганъ въ большіе и въ малые, и за ту де ихъ службу пожалованы они: велѣно имъ выходить въ наши украинныя города со всякими товарами и пошлени съ товаровъ ихъ имать невелѣно, и наша де жалованная грамота за нашею красною печатью къ нимъ прислана, и они де по той нашей жалованной грамотѣ учали въ наши украинныя города пріѣзжать съ товарами и безъ товаровъ. къ родимцомъ своимъ, и для всякихъ дѣлъ своихъ, и по нашимъ де украиннымъ городамъ вы воеводы и дьяки тѣмъ атаманомъ и казакомъ чинить обиды и насильства великія: товары ихъ, лошади, и ковры, и софьяны, и всякіе ихъ товары емлютъ у нихъ безденежно и управы имъ на стороннихъ людей недаютъ. И намъ бы ихъ пожаловать, по нашей жалованной грамотѣ велѣти имъ въ наши украинныя города съ товарами и безъ товаровъ къ родимцомъ своимъ и для своихъ дѣлъ ѣздити позволить и обидѣ имъ и насильствъ никакихъ чинить невелѣти. И мы Донскихъ атамановъ и казаковъ, за ихъ многія службы, пожаловали, по прежней нашей жалованной грамотѣ, въ наши украинныя города ѣздити имъ съ товарами и безъ товаровъ, и къ родимцомъ своимъ и для всякихъ дѣлъ, позволили и всякими ихъ товары торговать велѣли безошлнно, и ото всѣхъ обидъ и насильства велѣли ихъ вамъ воеводамъ оберегати. И какъ къ намъ ся наша грамота придетъ и которые атаманы и казаки учнутъ впередъ пріѣзжать къ вамъ на Воронежъ съ товарами и казаки безъ товаровъ, къ родимцомъ своимъ, и для всякихъ дѣлъ, и выбъ имъ всякими товарами велѣли торговати“.

(192) Дѣла Ногайскія, въ столбц. 1615 г., № 6, грамота Суюнчу Мурзы сына Юсуфова къ великому князю.

(193) Тамъ же, связка 2-я, 1616—1617 г., № 3-й, см. выписку о возмущеніи Ногайскаго князя Иштерека и о покореніи его опять подъ Россійскую Державу (1616 года іюля 16 дня).

(194) Тамъ же, 1617 г., № 4, выписка изъ наказа даннаго Матвѣю Зубону и Прокофію Враскому.

... „А будетъ ногайскіе мурзы учнутъ говорити: они государю шертуютъ и изъ земли идуть вонъ и полонъ, что есть, отпустятъ, а государь бы велѣлъ съ Дону казаковъ свести, чтобъ имъ впередъ Донскіе казаки обидъ и тѣсноты не чинили.

„И Матвѣю и Прокофію говорити: дѣло нестаточное говоритѣ, званто нехотите царскому величеству служить, что казаковъ съ Дону велите сводити, казаки на Дону живутъ за много лѣтъ, самимъ вамъ вѣдомо, только вы предъ царскимъ величествомъ рукою учинитесь, и правду ему государю дадите шерть на куранѣ передо мною учините и полонъ нынѣшней весь отпустите и изъ государевы земли выйдете вонъ тотчасъ, смирно безъ войны, и пословъ своихъ къ царскому величеству пришлете, и великій государь нашъ, его царское величество, пословъ вашихъ пожаловавъ, тотчасъ отпуститъ и своихъ дворянъ съ своимъ царскимъ жалованьемъ пошлетъ, и учнетъ васъ держати въ своемъ царскомъ крѣпкомъ милостивомъ жалованье. а только предъ царскимъ величествомъ вашего исправленья не будетъ, и царское величество велитъ на Донъ атамановъ и казаковъ еще прибавить.“

(195) Тамъ же, въ столбц. 1619 г., № 20, связка 1-я, отписка астраханскихъ воеводъ князей Андрея Хованскаго и Алексѣя Львова и дьяковъ Ивана Тимофеева и Ивана Грязева, въ посольскій приказъ.

..... „Что когда де они ногайцы, по недружбѣ своей, съ обѣихъ сторонъ, другъ на друга собрався со всѣми людьми, къ бою стоять на готовѣ, и только де, государь они хотѣли вмѣсто твоихъ государевыхъ людей послати къ намъ холопемъ твоимъ закладъ Шайтерека Мурзу и улусныхъ людей, и майя, государь, въ 12 день, въ ночи, пришли на нихъ безвѣстно воры волжскіе казаки атаманъ Петрушка, Иванъ, Максимко Лысой съ товарищи, и улусы ихъ погромили, и взяли де у нихъ въ полонъ Каракельяметъ Мурзину мать Улуканымъ, да тетку его Наанза, да сестру его, да дочь дѣвку, да брата ихъ Алей Мурзы Урмаметова жену, да дву сыновъ, да дву дочерей, да лучшихъ улусныхъ людей Наубая да Клеула и иныхъ многихъ людей съ женами и съ дѣтьми сто шестьдесятъ человѣкъ и ихъ де и совсѣмъ разорили, и сборъ ихъ и дѣло на Иштерика князя и на Таймаметевыхъ дѣтей помѣшали и погромя де, государь, ихъ казаки, съ тѣмъ полономъ пошли на Бухвостову отъ Астрахани вверхъ съ полтораста верстъ.-и проч.

(196) Выписка изъ крымскихъ дѣлъ, въ столб. 1620 г., № 3, ста-

тейный списокъ окольничаго князя Волконскаго, бывшаго въ Водуйкѣ на развѣдномъ мѣстѣ.

Г Л А В А VIII.

Разореніе азовцаи казачьяго городка.—Походъ казаковъ на море, приступъ къ г. Ризѣ и поражение ихъ на возвратномъ пути.—Опасеніе казаковъ по случаю заключенія мира между шахомъ Персидскимъ и султаномъ Турецкимъ.—Посольство Запорожскихъ черкасъ на Донъ, для убѣжденія Донскихъ казаковъ соединиться съ ними подъ знаменами Польскаго короля, совокуино военать противъ султана.—Запорожцы небольшими партіями переходятъ на Донъ.—Крымцы даютъ Азову вспомогательное войско.—Вѣроломство азовцевъ и крымцевъ.—Понски казаковъ на сухоиъ пути и на морѣ.—Отправленіе въ Константинополь турецкаго посла Контакузена и бытность съ нимъ на Дону россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова.—Притязанія и притѣсенія посланникамъ за казаконъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ мѣстахъ на пути въ Царьградъ.—Бытность россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова въ Константинополь.—Оскорбленія, причиненныя посланникамъ за казаконъ на возвратномъ пути ихъ изъ Царьграда.—Возвращеніе Кондырева и Бормасова изъ Царьграда на Донъ и миръ у казаковъ съ азовцами.—Азовцы разрываютъ миръ.—Казаки разоряютъ старый Крымъ и улусы близъ Керчи.—Приступъ Донскихъ казаковъ къ г. Трапезонту.—Междоусобіе казаковъ съ черкасами.—Азовцы сожигаютъ пять казачьихъ городковъ.—Новые морскіе поиски казаковъ; взятіе ими городовъ Трапезонта и Синопа.—Они вторгаются въ улусы крымскіе и отгоняютъ крымскихъ лошадей.—Негодованіе крымскаго двора на пословъ нашихъ за разоренія причиняемыя казакими крымцамъ и туркамъ и рѣшительныя требованія объ изгнаніи ихъ съ Дону.—Заключеніе пословъ въ Крыму.—Гнѣвъ за сіе царя; станща казаковъ бывшая въ Москвѣ послана въ заточеніе.—Участіе Донскихъ казаковъ въ разбояхъ по Волгѣ и по Каспійскому морю съ Волжскими казакими.—Наказаніе за сіе.—Крымскій ханъ снова требуетъ унять казаковъ отъ набѣговъ на Крымъ.—Разореніе казакими Карасубазара, Балаклавы и многихъ деревень въ Крыму.—Царь крымскій посланниковъ нашихъ, находившихся въ Крыму, намѣревается казнить смертію.—Понски казаковъ въ 1629 году; взятіе ими и черкасами жидовскихъ деревень близъ Бахчи-сарая, греческаго монастыря Сизобола и битва ихъ въ семь послѣднемъ съ янычарами.—Прибытіе на Донъ 500 человекъ запорожскихъ черкасъ и походъ ихъ совокуино съ Донскими казакими на море.

Разореніе азовцами казачьяго городка. Въ предыдущей главѣ видѣли мы, что вражда между казакими

и азовцами началась снова. Зимой 1620 года, азовцы разорили казачій на Дону городокъ находившійся ниже Маньчи, взяли болѣе ста человекъ казаковъ въ плѣнъ и разные съѣстные принасы⁽¹⁹⁷⁾.

Походъ казаковъ на море, приступъ къ г. Ризѣ и поражение ихъ на возвратномъ пути. Скорбя о собратіяхъ своихъ въ рабствѣ томившихся, казаки горѣли мщеніемъ противъ азовцевъ и созвавши изъ верхнихъ городковъ всѣхъ товарищей своихъ, намѣревались разорить Азовъ; но удерживаемые твердынями азовскими, 1300 человекъ Донскихъ казаковъ подъ начальствомъ атамана Василія Шалигина, соединясь съ 400 человеками Запорожскихъ черкасъ, за три дня до пасхи, поплыли черезъ моря Азовское и Черное къ берегамъ турецкимъ и приставъ къ онымъ вознамѣрились овладѣть городомъ *Ризою*; распорядились и пошли на него приступомъ, но неимѣли желаемого успѣха и съ чувствительною потерею принуждены были оставить это предпріятіе. На возвратномъ пути постигло ихъ новое несчастье: сильная буря разбила нѣсколько струговъ и потопила людей; а гнавшіеся за ними на 27 каторгахъ турки пользуясь попутнымъ вѣтромъ, настигли, многихъ побили, потопили и взяли въ плѣнъ казаковъ и черкасъ запорожскихъ до 800 человекъ⁽¹⁹⁸⁾.

⁽¹⁹⁷⁾ См. ниже примѣч. 198.

⁽¹⁹⁸⁾ Изъ вновь найденнаго турецкаго дѣла, въ столбц. 1621 г., № 3, распросныя рѣчи Семена Опухтина, посланнаго на Донъ съ царскимъ войску жалованьемъ, для встрѣчи турецкаго посла *Омы Контанузена*.

„Да Иваншко жъ въ распросѣ сказалъ, что турецкіе люди изъ Азова взяли у нихъ на Дону городокъ, а казаковъ побили, а иныхъ въ полонъ поймали, и съ Дону де казаки послали по всѣмъ рѣкамъ и по малымъ рѣкамъ къ казакомъ же, а велѣли имъ всѣмъ сходитися на Дону, а съ Дону всѣ идутъ подъ Азовъ и надъ Азовомъ промышлять и Азовъ бы взять и разорить, также какъ азовцы Донскихъ казаковъ городокъ разорили..... Семень же Опухтинъ сказалъ: ходили де съ Дону на море на добычу атаманы и казаки атаманъ Василей Малыгинъ, а съ нимъ 1300 человекъ, да съ ними-жъ запорожскихъ черкасъ 400 человекъ;

Въ этомъ походѣ главными предводителями были черкасы Сулима, Шило и Яцко. Неменѣе сего несчастливъ былъ и другой ихъ походъ подѣ ногайскіе Казыевы улусы, изъ 400 человекъ (конныхъ казаковъ) едва возвратилось въ войско 100 человекъ.

Возвратившіеся съ морскаго похода казаки извѣстили войско, что султанъ турецкій съ персидскимъ шахомъ заключилъ миръ.

Опасеніе казаковъ по случаю заключенія мира между шахомъ персидскимъ и султаномъ турецкимъ. По словамъ нѣкоего Семена Опухтина, съ коимъ послано было на Донъ царское жалованье, казаки не безъ смущенія и страха смотрѣли на союзъ сей, но всего болѣе они страшались, чтобы султанъ турецкій не заключилъ тѣсной дружбы и съ царемъ Московскимъ, и чтобы соединенными силами не сбили ихъ съ Дону⁽¹⁹⁹⁾.

Посольство Запорожскихъ черкасъ на Донъ, для убѣжденія Донскихъ казаковъ соединиться съ ними подѣ знаменами польскаго короля совокушно воевать противъ Султана. Въ сіе время запорожскій гетманъ Бородавка прислалъ на Донъ атамана Соколку съ двумя запорожскими черкасами и съ на-

атаманы были у всѣхъ у черкасъ и у казаковъ большіе черкашани Сулима, да Шило, да Яцко, а пошли до его Семенова приѣзду за долго, еще до велика дни за три дни; а ходили за Черное море и приступали къ городу Ризѣ и къ пашину двору, и тутъ имъ учинилась шкота великая—на приступѣ побили многихъ людей, а какъ пошли отъ города прочь, и на море пришло на нихъ погоды и струги ихъ многіе на море разбило и людей потопило, а за остальными де пошли турецкіе люди 27 ваторгъ и шедчи казаковъ, побили всѣхъ, а убили казаковъ и черкасъ 300 человекъ да въ осьми стругахъ казаковъ человекъ по 40 и 50, а всего только при немъ при Семенѣ пришло на Донъ съ моря казаковъ человекъ съ 300, да съ 30 человекъ черкасъ. А на Донъ де пришедчи, тѣ казаки сказывали, что они за моремъ имали турецкіе языки многіе, а въ распросѣ имъ тѣ языки сказывали, что турецкой царь съ шахомъ помирился на пятнадцать лѣтъ⁽¹⁹⁹⁾.

⁽¹⁹⁹⁾ См. вышеприведенныя распросныя рѣчи Опухтина.

ставленіємъ: склонить Донскихъ казаковъ, соединясь съ ними Запорожцами, идти подъ знамена короля польскаго, противъ общаго врага султана турецкаго. Соколка показалъ и списокъ съ королевской грамоты, коею король убѣждалъ запорожцевъ идти всѣмъ войскомъ, обѣщавъ платить имъ жалованья по 30 рублей на человѣка. Донскіе атаманы и казаки отозвались на сіе тѣмъ, что на Дону ихъ судовыхъ и конныхъ небольте 7/т. человѣкъ; что большое войско ихъ пошло на море, и что по сей причинѣ они на предложеніе гетмана согласиться не могутъ, развѣ тогда, когда товарищи ихъ возвратятся съ моря. Опухтинъ въ то время еще находился на Дону и потому Соколку съ товарищи проводили хотя и съ честію, но безъ дальняго, казалось, успѣха; послѣ отъѣзда же Опухтина съ Дону въ первую ночь 200 человѣкъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и черкасъ запорожскихъ отправились въ Запороги пѣшіе.

Въ семь же году, по сказанію Опухтина, пришли на Донъ въ верхніе казачьи городки изъ разныхъ украинскихъ російскихъ городовъ бѣглецы: ломы и боярскіе люди до 500 человѣкъ и оттуда пошли на Волгу и Яикъ для разбоевъ⁽²⁰⁰⁾.

Запорожцы небольшоими партіями переходятъ на Донъ. Несогласіе въ Польшѣ и утѣсненія начинаемыя поляками запорожскимъ черкасамъ, были поводомъ, что сіи послѣдніе оставляя жилища свои, восною 1622 года ватагами человѣкъ по 15, по 20 и 50 переходили на Донъ для сообщества и добычъ съ Донскими казаками. Сіи пришельцы увѣряли, что вскорѣ за ними будутъ на Донъ 500 человѣкъ однородцевъ ихъ и казаки полка Заруцкаго бывшіе въ Литвѣ^(*). Россійскій дворъ, неизвѣстно по какой причинѣ, но всегда взиралъ на сіе съ неудовольствіемъ и

⁽²⁰⁰⁾ Посольскія дѣла двора турецкаго, книга № 1, 1622 г., описка Валубскихъ воеводъ Бутурлина и Леонтьева. Дѣла крымскія, въ столб. 1622 г., № 2.

^(*) Дѣйствительно ли въ сіе время приходили на Донъ 500 запорожцевъ и казаки полка Заруцкаго, о томъ акты того и послѣдняго времени умалчиваютъ.

потому въ 29 д. апрѣли написана была отъ государя и послана къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ грамота, коею запрещалось принимать Запорожцевъ на Донъ и давать у себя мѣста для ихъ поселенія⁽²⁰¹⁾. Султана же турецкаго и Хаана крымскаго сіе переселеніе ужасало, и для того ханъ съ парочнымъ гонцомъ своимъ Мустафою—мурною писалъ къ великому князю, убѣждая его строго подтвердить казакамъ, дабы Запорожцы на Дону отнюдь принимаемы не были⁽²⁰²⁾.

(²⁰¹.) Дѣла турецкія книга № 1-й грамота царская на Донъ отъ 20 сентября 1622 г.

. . . . „А которые гонцы прїѣзжаютъ къ Москвѣ и въ наши утраинные города съ Дону, и тѣ всѣ сказываютъ, что вы на море товарищей своихъ посылали послѣ нашего государскаго указа и однова, и корабли и каторги, которые шли въ Азовъ, громили; и то есте учинили негораздо мимо нашего царскаго повелѣнья, а нашъ указъ послать къ вамъ и не одинъ да съ вашими жѣ де товарищами ходили вмѣстѣ запорожскіе черкасы, которые къ вамъ пришли изъ Литвы изъ запрогъ и нынѣ у васъ на Дону черкасы многіе, и будучи у васъ на Дону съ турскими и съ крымскими людьми чинятъ задоры многіе, а по нашему указу запорожскихъ черкасы принимать вамъ къ себѣ не велѣно, потому, что они приходятъ къ вамъ по наученью польскаго короля, для того, чѣмъбы межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссору учинити и войну всчать. Да и самимъ вамъ то вѣдомо, что турской салтанъ и крымской царь приходилъ на польшу и на литву зато, турскаго и крымскаго воевали запорожскіе черкасы и неодинова, и города у нихъ имали а нынѣ васъ на тоже наводятъ, чтобъ имъ турскаго и крымскаго съ нами ссорити и войну всчать А учнете дѣлатъ противъ нашего указа, и подъ турскаго и подъ крымскаго города и улусы учнете ходити войною и корабли и каторги грабить, и черкасы запорожскихъ учнете къ себѣ принимать, а что въ томъ учинится межъ насъ и турскаго и крымскаго ссора и война и то все будетъ отъ насъ, и выбѣ въ томъ на себя нашего государскаго гнѣва не наводили и нашия къ себѣ милости не теряли.“

(²⁰².) Дѣла крымскія въ столбц. 1622 г. № 4-й.

„И мы великій государь вамъ брату нашему объявляемъ: въ нашемъ государствѣ, во всѣхъ нашихъ городѣхъ, велѣли есмь заказъ крѣпкой учинити, гдѣ тѣ воры общаго нашего недруга польскаго короля люди Диѣпровскіе казаки объявятся, и мы ихъ въ наше государство принимать невелѣли, а велѣли надъ ними промышляти и велѣли ихъ побивать; а про Донскихъ казаковъ вамъ брату нашему объявляемъ, что на Дону казаки живутъ воры, сбѣ-

Крымцы даютъ Азову вспомогательное войско. Вскорѣ послѣ того послалъ вспомогательное къ Азову войско, въ числѣ 2/т. человекъ подѣ начальствомъ Бей—мурзы.

Вѣроломство азовцевъ и крымцевъ. Отрядъ сей пришелъ въ Азовъ мая въ 27 день. Спустя послѣ того недѣлю, Бей—мурза согласясь съ азовцами, вышелъ со всѣми ратными людьми на Окупной Ярѣ и послалъ въ войско объявить, что азовцы просятъ мира и разглашаютъ оное для заключенія условій. Казаки, не подозрѣвая обмана, чистосердечно повѣривши азовцамъ и выслали изъ войска на Окупной Ярѣ 30 человекъ для переговоровъ о мирѣ и объ окупѣ плѣнныхъ. Варвары, выждавъ приближеніе казаковъ, мгновенно ринулись на безпечныхъ, всѣхъ ихъ побили и вскорѣ послѣ того пошли на украинные города.

Ионскіе казаковъ на сухомъ пути и на морѣ. Варварскій поступокъ азовцевъ и крымцевъ раздражилъ казаковъ: они полетѣли варать вѣроломныхъ; стерегли ихъ и поражали на переправахъ чрезъ рѣки, когда тѣ, обремененные добычею и плѣномъ, возвращались изъ украинъ русскіихъ. Такимъ образомъ войсковой атаманъ Исая Мартемьяновъ съ 600 чел. на Мертвомъ Долицѣ (на верхнемъ перевозѣ) разбилъ партію Татаръ изъ 50 человекъ состоящую: 10 человекъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, 5 человекъ взялъ въ плѣнъ и отгромилъ Русскіихъ плѣнниковъ 105 человекъ (203).

жавъ изъ нашего государства во многихъ винахъ отъ смертной казни, а съ ними вѣстѣ на Дону живутъ воры Дибровскіе казаки, и нашего государскаго повелѣнія неслушаютъ и проч.

(203.) Дѣла турецк. книга № 1-й отписки Донскихъ казаковъ полученная въ Москвѣ іюля 16-го.

„ Мая государь въ 27 д. пришелъ изъ крыму Бей—Мурза крымской а съ нимъ пришли 2/т. человекъ крымскихъ воинскихъ людей, и сговорясь съ азовскими людьми за миромъ пришли подѣ войско на окупной ярѣ съ задними людьми, а сказали что будто пришли съ окупомъ для разбѣны русскіихъ полоняниковъ; и мы холоши твои, повѣри ихъ безвѣрной вѣрѣ и мирному поставленью пришли на окупной ярѣ, и той Бей Мурза съ Азовскими и крымскими людьми казаковъ многихъ побили, и животы поимали, а хочеть идти въ русь съ азовскими людьми на твой государевы

Въ тоже время другіе товарищи ихъ побили татаръ на Казанскомъ перевозѣ (204). Многіе на легкихъ стругахъ плавали по водамъ Азовскаго и Чернаго морей, внезапно нападали на корабли и каторги турецкіе, тѣснили азовцевъ, жгли и опустошали селенія крымскія и турецкія; селенія: Балыклейское, Кафа, Трапезонтъ и другія приморскія мѣста были свидѣтелями отважности и мужества казаковъ (205).

украинные города. И мы холопы твои, задору и обиды азовскихъ людей немогли терпѣти: на перевозѣ мертваго Донца, лежали и дожидались изъ руси азовскихъ людей Вехтемуръ Агусъ съ товарищи, погромили и отбили твоихъ государевыхъ людей, украинскихъ городовъ полоняниковъ 105 человекъ.

(204.) Дѣла турецкія въ столбцѣ 1622 г. № 1-й отписка Кондырева и Бармасова привезенная въ Москву іюля 16-го.

. „Сказывали казаки, атаманъ Ивашка Козыревъ, что шли изъ руси на казанской перевозъ татаровъ, и казаки де государь на томъ перевозѣ ихъ громили, іюни въ 24 д. (1622 г.) и въ изыщехъ взяли татарина одного человекъ а въ распросѣ имъ тотъ татаринъ сказалъ, что они Азовскіе люди, а пошло ихъ въ русь человекъ 500 и больши, анынѣ де ихъ назадъ воротилось человекъ съ 70, а иные де государь съ полономъ идутъ изъ руси за ними а достальныи де татаровъ дожидаются въ руси житвы и сѣнокосу, и казаки де государь, собрався изъ городковъ человекъ со сто и больши, пришли на Казанскій перевозъ и ждали татаръ, которые идутъ изъ руси съ полономъ, ждаты на перевозѣ чтобъ ихъ погромить и полонъ отбить.“

(205.) Дѣла турецкіихъ: распросныя рѣчи въ Москвѣ Царицынскаго стрѣльца Аленки Васильева 1622 г. № 1-й.

Въ распросѣ Царицынской стрѣлецъ Аленка Васильевъ сказалъ: былъ онъ на Дону въ нынѣшнемъ во 130 г. послѣ свѣтлаго воскресенья о Николаинѣ дни, и да его де прїѣзду ходило на море Донскихъ атамановъ и казаковъ съ 1500 человекъ а черкасъ де запорожскихъ ходило съ ними вмѣстѣ на море человекъ съ 300, и они де на морѣ въ томъ походѣ позамѣшкались и къ нимъ де навстрѣчу для обереганья ходили черкасы жъ съ пяти стругахъ а въ стругѣ во всякомъ человекъ по 30.

И крымскихъ дѣлъ въ столбцѣ 1622 г. № 6, 14 и 15 выписка изъ статейнаго списка отправленныхъ въ Крымъ посланниковъ Усова и Уютскаго.

Да іюни въ 20 день прїѣзжалъ отъ царя Ибреймъ паша и говорилъ имъ Андрею и подъячему Степану, велѣлъ де вамъ царь говорити съ великимъ гнѣвомъ, межъ де великаго государя вапного и Джанъ Бекъ Гирея царя правда стара, не въ правду, и

Отправленіе въ Константинополь турецкаго посла Контакузина и бытность съ нимъ на Дону Россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова. Между тѣмъ, какъ морскіе поиски казаковъ еще продолжались, и прибрежные жители полуострова Таврическаго, оставляя жилища свои, укрывались отъ нападений ихъ, въ то время возвращался изъ Москвы въ Царьградъ турецкій посолъ Ома Контакузинъ, сопровождаемый отправленнымъ къ султану російскими посланниками Кондыревымъ и Бормасовымъ, Донскимъ атаманомъ Епифаномъ Родиловымъ, бывшимъ въ Москвѣ съ станицею.

Изъ Воронежа посланники плыли Дономъ и на пути у Клѣцкаго городка узнали о походѣ 1000 Донскихъ казаковъ и 300 человекъ Запорожскихъ черкасъ на море, о взятіи и разореніи Трапезонта и другихъ приморскихъ селеній на Цареградской сторонѣ, о возвращеніи съ моря на Донъ 200 человекъ Черкасъ съ богатою добычею. Въ городахъ Пашпшнѣ и Голубыхъ атаманъ Епифанъ Родиловъ взялъ съ собою въ нижнее войско до 50 человекъ Волжскихъ казаковъ, разбивавшихъ на Волгѣ персидскіе бусы и прогнанныхъ отътуда астраханцами. Это произвело опасеніе въ посланникахъ Кондыревѣ и Бормасовѣ: они, боясь, чтобы волжскіе разбойники не возмутили Донскихъ казаковъ и не причинили бы имъ и турецкому послу какого зла, убѣждали Родилова не только не брать ихъ съ собою, но и запретить имъ жить въ городкахъ казачьихъ; сей отвѣтствовалъ: если войско ихъ не приметъ, *то они пойдутъ въ чужую землю* (206). Такой отвѣтъ Родилова и слухи о пребываніи на Дону Запорожскихъ чер-

шертъ не въ шертъ; ссылается де государь съ царемъ о братской дружбѣ и любви, а донскихъ де казаковъ посылаетъ моремъ крымскихъ улусовъ воевать, тому де два дни, подъ Кафою Донскіе казаки взяли два корабля, а нынѣ де пришли въ Булуклы и многую де крымскимъ де людямъ шкоту подѣляли людей, въ полонъ поимали:

(206.) Дѣла турецк. въ столбц. 1622 г. № 1-й отписка Донскихъ казаковъ, полученная въ Москвѣ 16 іюля и отписка Кондырева и Бормасова привезенная въ Москву августа 23 дня.

касть усугубили опасеніе пословъ; они остерегались продолжать путь въ главное войско. Войсковой атаманъ Исай Мартемьяновъ, извѣстясь о томъ, послалъ къ нимъ нарочнаго, прося ѣхать въ войско безъ опасенія и увѣряя, что на Дону безопасно.

12 іюля посланники прибыли въ Монастырскій городокъ, въ казачьи юрты, и расположились станами: Турецкіе посланники особо, а російскіе также особливо. Въ городкѣ находилось весьма мало казаковъ, всѣ они были съ атаманомъ своимъ въ походъ на морскомъ поискѣ, куда отправился онъ 7 іюля. На другой день по прибытіи посланниковъ, т. е. 13 іюля, пошли на море къ войсковому атаману и остальные казаки (кои были тогда въ городкѣ и кои съ атаманомъ Епихою Родиловымъ прибыли изъ Москвы) въ пяти стругахъ мимо стана Турецкихъ посланниковъ, которые, увидяши сіе, говорили приставамъ съ упрекомъ: „въ проѣздѣ нашъ изъ Азова въ Москву встрѣча намъ отъ казаковъ была великая; нынѣ же въ войскѣ никого нѣтъ и встрѣчи намъ никакой не было; всѣ пошли на море даже и тѣ, которые изъ Москвы пришли съ нами.“ Посланники въ оправданіе казаковъ отвѣчали, что азовцы съ ногайцами улуса Казьева вторглись въ Російскіе украинные города и нанесли многимъ значительное разореніе, возвращаются изъ Россіи съ плѣномъ и что казаки пошли противъ татаръ на перевозки, для отнятія онаго.

Между тѣмъ, того же 13 іюля, Російскіе посланники писали къ войсковому атаману Мартемьянову о прибытіи своемъ въ Монастырскій городокъ съ царскимъ жалованьемъ войску и просили увѣдомить ихъ о мѣстѣ нахожденія войска; кому во время отсутствія онаго должны они сдать государено жалованье и скоро-ли ихъ отпустить въ Азовъ?—Въ слѣдствіе сего атаманъ Исай Мартемьяновъ 19 числа отправилъ въ Монастырскій городокъ Тихона Чулкова, поручивъ ему сказать посланникамъ, что атаманы и казаки стоятъ въ морскомъ устьѣ, ждутъ турецкихъ казаковъ, чтобы

не пропустить оныя въ Азовъ, что въ Монастырской городокъ они возвратятся вскорѣ, чтобы посланники дождались ихъ въ ономъ и царское жалованье никому безъ нихъ не отдавали.

Наконецъ 20 числа пришли съ моря въ Монастырской городокъ войсковой атаманъ Исая Мартемьяновъ съ атаманомъ и казаками до 800 человекъ, оставивъ въ устьѣ Дона небольшой караулъ; въ тотъ же день составили, по обычаю своему, кругъ. Кондыревъ и Бормасовъ вручили имъ царскія грамоты и объявили о томъ, чтобы атаманы и казаки вняли волѣ царской, съ азовцами поспѣшили заключить миръ, прекратили-бы поиски свои по морю, и ихъ, посланниковъ и пословъ турецкихъ, нисколько не удерживал, проводили бы до Азова честно, а присланное къ нимъ царское жалованье приняли-бы безъ малѣйшей огласки и между собою раздѣлили-бы послѣ ихъ отъѣзда, дабы посоль турецкій о томъ не увѣдалъ, и чрезъ то не подвергнулъ-бы ихъ (посланниковъ) какимъ обидамъ и притѣсненіямъ въ турецкой землѣ. Атаманъ Исая Мартемьяновъ со всѣмъ войсковымъ кругомъ, выслушавъ рѣчи посланниковъ и съ благоговѣніемъ въ кругу прочтя грамоты царскія, отвѣчалъ: «миръ съ азовцами у насъ нынѣ разорванъ и къ восстановленію онаго безъ отпущенія врагамъ своимъ приступить намъ невозможно!» Едва только атаманъ окончилъ слова сія, какъ явился гонецъ съ извѣстіемъ, что турецкіе корабли уже показались. Мартемьяновъ съ войскомъ своимъ тотчасъ сѣлъ на струги и отправился на встрѣчу къ врагамъ, а казну поручилъ принять послѣ себя Тихону Чулкову и Василью Чернову, которые, принявъ отъ посланниковъ государево жалованье, состоявшее въ деньгахъ, сукнахъ, хлѣбныхъ и пушечныхъ запасахъ и винѣ, одну часть онаго, какъ-то: деньги, сукна и пушечные снаряды положилъ въ часовнѣ, а запасы и вино на площади.

Между тѣмъ атаманъ Исая Мартемьяновъ, на морѣ встрѣтилъ плывшій въ Азовъ турецкій караванъ, стремительно

ударилъ на него, овладѣлъ однимъ непріятельскимъ кораблемъ съ находившимися на немъ тремя пушками и пушечнымъ снарядомъ и двумя коягами; 26 числа возвратился опять въ войско (Монастырскій городокъ). Хвалился сею побѣдою, они шли изъ струговъ своихъ съ добычею мимо становищъ російскихъ и турецкаго посланниковъ и въ виду ихъ раздѣляли оную между собою.

Со времени прибытія посольства въ Монастырскій городокъ протекло двѣ недѣли, но казаки ни мира съ азовцами не заключили, ни пословъ не отпустили. Кондыревъ и Бормасовъ непрестанно напоминали атаману и казакамъ о заключеніи мира съ азовцами; но они отвѣчали: „мы не можемъ рѣшиться на миръ дотолѣ, пока товарищи наши не возвратятся съ поисковъ морскихъ въ войско; если же хотите заключить миръ съ азовцами, то ведите съ ними переговоры сами (безъ насъ)“ (207).

(207.) Тѣхъ же дѣлъ и таже отписка посланниковъ Кондырева и Бармасова, полученная въ Москвѣ августа 23 дня.

„И юля, государь, въ 12 день, атаманъ Епиха Родиловъ изъ Монастырскаго городка пріѣхалъ къ намъ холопомъ твоимъ на встрѣчу съ ними жъ людьми, что съ ними было послано, да съ ними же, государь, пріѣхали въ другомъ стругу на встрѣчу Донскихъ казаковъ человекъ съ 15, а сказали что у нихъ больша того изъ Монастырскаго городка на встрѣчу никого не собралось; и мы холопы твои, съ тѣми людьми, что съ нами были, пришли въ казачьи юрты, въ Монастырскій городокъ юля въ 12 день, а назавтрее, государь, того и достальные казаки всѣ, которые оставлены были въ городкѣ, и которые пришли съ Москвы съ Епихою Родяловымъ, струговъ съ пять, пошли на море къ Исаю жъ Мартемьянову, мимо становъ турецкихъ посланниковъ, и турскіе, государь, посланники, видя то, что казаки пошли на море, говорили приставомъ съ великимъ шумомъ: какъ де они шли изъ Азова къ тебѣ, государю, къ Москвѣ и казаковъ де въ войску было много и встрѣча имъ была великая, а нынѣ де въ войску казаковъ никого нѣтъ, пошли де всѣ на море и встрѣчи имъ никакія не было, а которые де казаки Донскіе и провожатые пришли съ нами холопы твои, и будто мы холопы тѣхъ достальныхъ казаковъ и провожатыхъ много отпустили на море жъ, и мы холопы твои посылали къ турскимъ посланникамъ говорить толмачей, что съ азовцы собрался въ ноган Кезыева улуса пошли на твои, госу

Наконецъ въ 8 д. Августа пришли на Донъ и ожидаемые съ моря казаки, кои еще весною сего года на 40 стругахъ отправились для поисковъ, опустошивъ многія села и деревни при берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, они распространили смятеніе и страхъ даже и въ самомъ Константи-даревы украинные города и многіе мѣста посвоявали и людей въ полонъ поймали и съ полономъ изъ Руси идутъ назадъ; и атаманъ и казаки изъ войска пошли лежать на перевозы подъ татарь, чтобъ у татарь полонъ отгромить. И того жъ, государь, дни іюля въ 13 день писали мы, холопи твои къ атаманомъ и казакомъ, къ Исая Мартемьянову съ товарищи, что по твоему государеву указу, пришли мы холопи твои въ Монастырскій городокъ, и твое государево жалованье къ нимъ привезли, и они бѣ отписали, гдѣ они нынѣ стоять и долго-ль имъ въ походѣ быть и кому намъ холопемъ твоимъ, безъ нихъ твое государево жалованье, что къ нимъ прислано въ войско, отдать и много-ль государь нашего житья у нихъ будетъ? И іюля, государь, въ 19 день, пріѣхаль къ намъ холопемъ твоимъ отъ атамановъ и отъ казаковъ, отъ Исая Мартемьева съ товарищи Тихонъ Чулковъ, а сказалъ что атаманъ и казаки стоять нынѣ на морскомъ устьѣ и дожидаются турецкихъ каравановъ, чтобъ ихъ въ Азовъ не пропустить; а въ Монастырской де, государь, городокъ будетъ вскорѣ и намъ бы ихъ дожидаться въ Монастырскомъ городкѣ:

..... „И іюля въ 20 день, атаманъ и казаки Исая Мартемьяновъ съ товарищи, человекъ ихъ съ 800 государь дни прислали къ намъ холопемъ твоимъ, чтобы намъ быть у нихъ въ кругу; и мы холопи твои къ атаманомъ и казакомъ въ кругъ ходили, и твои грамоты имъ отдали, и про твое государево жалованье, то что къ нимъ прислано сказали и по наказу имъ говорили, чтобъ они съ азовцы помирились и жили бѣ въ миру, и на море бѣ не ходили и задоровъ бы нѣкакыхъ не чинили, и насъ бы холопей твоихъ, и турскихъ посланниковъ отпустили въ Азовъ не задержавъ, и проводили бѣ до Азова честно, а что къ нимъ прислано съ нами, холопи твоими, твое государево жалованье деньги и сукно и хлѣбные и пушечные запасы, и они бѣ то у насъ взяли тайно и раздѣляли по себѣ послѣ нашего отпуску, а межъ бы себя о томъ несливали, чтобы про то въ Азовѣ непронеслось и турецкому бѣ посланнику про то неслѣдать для того, чтобъ намъ холопемъ твоимъ, въ турецкой землѣ задержанья не было. И атаманъ, государь, и казаки, Исая Мартемьяновъ съ товарищи, твои государевы грамоты въ кругу чли и намъ холопемъ твоимъ сказали, что они твоему государеву жалованью ради; а съ азовцы де мы живемъ не въ миру, и нынѣ де намъ съ азовцы неуправясь помириться нельзя, и васъ въ Азовъ отпустить вскорѣ немощно. А

полѣ, отъ коего въ сіе время находились только за полтора дни изъ паваніи⁽²⁰⁸⁾ Между тѣмъ и сами понесли большой твое государево жалованье, деньги и сукна и хлѣбные и пушечные запасы, и вино и суды, въ которыхъ была твоя государева казна, у насъ взяли

прислано несполна, и были государь атаманы и казаки въ Монастырскомъ городкѣ, пришедъ съ моря, всего одинъ день, а на завтре государь того іюля въ 21 д. атаманы и казаки Исай Мартеньиновъ съ товарищи, да къ тому государь къ нимъ въ прибавку изъ городовъ изъ Вѣла-города, изъ Курска и изъ иныхъ украинныхъ городовъ всякіе пріѣзжіе люди, которые пріѣхали къ нимъ въ войско съ товары, изъ Монастырскаго городка пошлн къ Азову и на морское устье, и были государь въ походѣ пять день и сошлись съ турецкими корованы, которые шли въ Азовъ и съ ними бился, и взяли корабль да двѣ комаги, и пришли государь, съ моря въ Монастырскій городокъ іюля въ 26 д., а съ собою привезли наряду, что взяли на кораблѣ, три пушечки, да огромной рухляди. Сафьяновъ, дороговъ, киндиковъ, бязей, луковъ немало, а шлнхъ государь съ добычею къ себѣ въ куренн мимо становъ турецкихъ посланниковъ, и огромную государь, всякую рухлядь изъ всѣхъ струговъ турецкимъ посланникомъ оказывали и изъ ружья противъ ихъ становъ стрѣляли. А нынѣ государь, Донскихъ казаковъ на море что пошли съ весны, послѣ Николина дни, 1000 человекъ, и тѣ государь казаки на Цареградской сторонѣ многіе мѣста завоевали и съ моря государь, со многою добычею идутъ назадъ; а въ войско государь еще Августа по 15 число небывали; а казаки государь вамъ говорятъ, что у товарищей ихъ срокъ положенъ съ моря быть въ войско послѣ Семени дни, какъ морской ходъ учнетъ миноваться, а вамъ де до тѣхъ мѣстъ въ Азовъ небывать

И мы, холопи твои, атаманомъ и казакомъ говорили: по многіе дни, чтобъ по твоему государеву указу съ азовцы помирились, и жилибъ въ миру, и насъ бы, холопей твоихъ, отпустили въ Азовъ незадержавъ, неспустя нынѣшняго лѣтняго времени, покажста морской ходъ не миновался

⁽²⁰⁸⁾ Дѣла турецкія, въ столб. 1622 г., № 1, см. распросныя рѣчи Воронежскаго атамана Ларіона Чернышева и Михайловскаго казака Казьмы Ильина.

Да они же де Ларя и Куземка слышали у азовца у Мустуфы Картаваго, который пріѣзжалъ въ казачьи юрты изъ Азова мирити казаковъ съ азовцы, что ходило де на море казаковъ подъ Царьгородъ 40 струговъ, а въ нихъ 1150 человекъ и взяли было деревню жидовскую, въ которой жили жиды, а та де деревня отъ Царьгорода всего полдница и на тѣхъ де казаковъ подъ ту

уронъ, такъ что изъ 1500 человѣкъ Донцовъ и Запорожцевъ, подъ чачальствомъ атамана Черкашенина Шло въ семь походъ бывшихъ, возвратилось на Донъ только съ небольшимъ 700 человѣкъ. Турки, извѣстясь о взятіи и разореніи казаками Жидовской деревни, недалеко отъ Царяграда лежащей выслали, а противъ нихъ 16 каторгъ. Тутъ произошло между казаками и Турками жаркая сѣча.... Послѣдніе предложили за плѣнныхъ дорогою выкупъ; неосторожные и алчные къ добычѣ казаки немедленно на то согласались, пристали къ берегу и цѣлые три дня переговаривались съ хитрыми врагами своими о цѣнѣ выкупа; напоследокъ Турки, замѣтивъ ихъ оплошность, собрались съ силами, неожиданно напали на казаковъ и многихъ изъ нихъ побили⁽²⁰⁹⁾.

Какъ оставшіеся отъ сего пораженія Донскіе казаки возвратились въ войско, Кондыревъ и Бормасовъ опять возобновили настоятельства свои о заключеніи между казаками и азовцами мира. Послѣ сего казаки рѣшились заключить миръ;

деревню ходило турецкихъ людей 16 каторгъ, и тое деревню взяли у нихъ назадъ и казаковъ побили съ половиною, а побили де ихъ обманомъ; заслали къ нимъ напередъ отомъ чтобы казаки дали имъ полонъ, что они поймали на окупѣ и будто ихъ хотѣли покупать дорогою цѣною, и манили ихъ окупомъ три дни, и собрався въ тѣ дни, пришедъ на нихъ безвѣстно и ихъ побили и полону свой отгромили, а половиною де казаковъ ушли на море въ стругахъ и полону съ собою увезли не маложъ, а на Дону Донскіе атаманы и казаки говорили про нихъ въ разговорехъ и ясыри многіе оказывали, что де тѣхъ атамановъ и казаковъ побили на морѣ турецкіе люди всѣхъ

⁽²⁰⁹⁾ Дѣла турецкія въ столб. 1622 г., № 2, см. статейный списокъ посольства въ Царьградъ Ивана Кондырева и дьяка Тихона Бормасова.

. . . А августа въ 8 д. пришли на Донъ съ моря Донскихъ атамановъ и казаковъ и черкасъ 25 струговъ атаманъ черкасской Шло съ товарищи человѣкъ съ 700 и больше, а сказывали что они были за моремъ отъ Царьгорода за полтора днища, и повоевали въ Царегородскомъ увѣздѣ села и деревни и многихъ людей посѣляли и на нашихъ де изъ Царьгорода приходили каторги и убили у нихъ казаковъ человѣкъ съ 400 и больши.

Смотри слѣдующее примѣчаніе.

но только до тѣхъ поръ пока посланники дойдутъ до Царьграда⁽²¹⁰⁾.

13 августа посланники изъ Монастырскаго городка пошли въ Азовъ. Версты за двѣ не доѣзжая до Азова, встрѣтили ихъ азовцы въ 30 стругахъ; тутъ Данило Яблочновъ и Донскіе атаманы Исая Мартемьяновъ и Епифанъ Родиловъ передали пословъ азовцамъ со всѣми правожатыми и возвратились назадъ.

Притязанія и притѣсненія посланникамъ за казаковъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ иныхъ мѣстахъ на пути въ Царьградъ. Аги азовскіе требовали отъ посланниковъ, чтобы они поручились въ томъ, что Донскіе казаки послѣ отъѣзда ихъ въ Царьградъ, планать по морю и турецкіе корабли разбивать не будутъ. Но посланники ствѣчали, что они такового обязательства на себѣ дать не могутъ, потому что *на Дону живутъ воры, бывлые холопы боярскіе*, и на море ходятъ самовольно, что подобные биды терпитъ и Россія отъ Азовцевъ, которые хотя живутъ и въ устроенномъ городѣ, но ежегодно приходятъ на украинны и жителямъ оныхъ причиняютъ великіи раззоренія. Въ Кафѣ принуждены были посланники слышать упреки на заморскіе поиски казаковъ, и едва только подобнымъ же сему отзывомъ успѣли успокоить тамошняго Пашу, какъ снова поставлены были въ затруднительное положеніе: къ нимъ привели въ оковахъ болѣе 20 человекъ плѣнныхъ Черкасъ и Русскихъ. Тутъ папа говорилъ посланникамъ російскимъ, что „это люди російскіе, что они ходятъ на море и нападаютъ на карабли и каторги турецкіе ежегодно, что хотя многихъ изъ нихъ убиваютъ, однако-жъ число ихъ не уменьшается, а всякій годъ возрастаетъ. Посланники отвѣчали, что это не Донскіе казаки, а Черкасы-подданные короля Литовскаго, а еслибъ и подлинно были

⁽²¹⁰⁾ Дѣла турецкія, въ столб. 1622 г. № 1, см. распросныя рѣчи Воронежскаго атамана Ларіона Чернышева и Михайловскаго казака Казьмы Ильина.

между ими Донскіе казаки, то уже извѣстно пашѣ, что на Дону живутъ люди такіе, за которыхъ государь нашъ не стоитъ⁽²¹¹⁾. Послѣ сего Кондыревъ и Бормасовъ изъ Кафы были отпущены въ Царьградъ, но на пути семъ претерпѣли сильную бурю 28 сентября, въ разстояніи ста верстъ отъ Царьграда, вышли на берегъ въ лиманѣ при селѣ Кандрѣ, которое въ іюль мѣсяцѣ сего года было все выжжено казаками. Тутъ стояли десять турецкихъ кораблей укрывався отъ бури; Турки, на сихъ корабляхъ находившіеся, увидѣвъ ихъ приближеніе и почти ихъ за Донскихъ казаковъ, въ великомъ страхѣ стали метаться съ кораблей и оставивъ оные, побѣжали по селамъ и деревнямъ, разглашая повсюду о нашествіи казаковъ. Испуганные жители сначала повѣрили симъ вѣстовщикамъ, но усумнившись въ справедливости разглашеній ихъ, собрались изъ окрестныхъ деревень до 300 человекъ съ Кадмемъ, пришли къ посланникамъ въ се-
(²¹¹) Тѣхъ же дѣлъ, см. вышеприведенный статейный списокъ Кондырева и Бормасова.

„Что имъ за казаковъ въ томъ иматься нельзя, что имъ на море неходить, самимъ имъ вѣдомо, что на Дону живутъ воры, бѣглеые холопи боярскіе, которые утекаютъ изъ московскаго государства отъ вниъ своихъ, а на море ходятъ самовольствомъ, а государи вашего азовскіе люди живутъ и въ городѣ и тѣ по вси дни, въ лѣто и въ осень и въ зиму приходятъ на государи нашего украины и великаго государя нашего землю воюютъ и люди въ полонъ емлютъ.

Привели къ пашѣ Кафинскому на дворѣ колошниковъ черкасы и русскихъ людей человекъ съ 20 и больши на цѣпяхъ и перекованы всѣ. И паша Ивану и Тихону говорили: спрашивайте де сами своихъ казаковъ, почьему они прпказу на море ходятъ и корабли и каторги громятъ и людей побиваютъ и землю государя нашего пустошатъ.

И Иванъ и Тихонъ пашѣ говорилл, что имъ до нихъ дѣла нѣтъ и спрашивать ихъ нечего для, а то они видятъ что приведены всѣ черкасы, литовскаго короля люди, а что въ нихъ русскіе люди есть и тѣ государи нашего измѣнники, служатъ литовскому королю съ черкасы вмѣстѣ, а хотябъ въ нихъ были и прямые Донскіе казаки, и на Дону живутъ воры, бѣглеые холопи боярскіе и всякіе схожіе вольные люди и на море ходятъ самовольствомъ безъ повѣленія великаго государя нашего, а великій государь нашъ за воровъ не стоитъ.“

зо Кандру и съ великимъ азартомъ говорили, что они живнию своею должны заплатить за тѣ раззоренія, которыя нанесены жилищамъ ихъ Донскими казаками. Посланники отиѣчали, что они посланы отъ царя къ Султану по дѣламъ важнымъ государственнымъ, и потому не оскорбленія и обидъ, но защиты и безопасности ожидаютъ, ибо они находятся во владѣвнн государя союзнаго и Россіи доброжелательнаго, и утверждали, что на море ходятъ черкасы Запорожскіе, подвластные королю Литовскому, а не Донскіе казаки, которымъ ходить на морскіе поиски государь запретилъ весьма строго. Турки доказывали, что Донскихъ казаковъ отъ черкасъ Запорожскихъ они различаютъ и что опустошеніе сіе произвели дѣйствительно Донскіе казаки; впрочемъ, повѣривши посланникамъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ запретилъ Донскимъ казакамъ ходить на море, обѣщали имъ не дѣлать ни малѣйшаго зла, дали свободу продолжать путь далѣе.

Отсюда посланники отпрагились въ Царьградъ, ночью 8 октября, а 12-го пришли въ предмѣстье столицы Оттомановъ бывъ сопровождаемы великимъ страхомъ, опасаясь чтобы за раззоренія, причиненныя казаками въ тѣхъ мѣстахъ въ минувшемъ лѣтѣ, не сдѣлаться жертвою мщенію раздраженныхъ жителей; но къ счастью ихъ, всѣ селенія, чрезъ которыя проходили они на пути отъ Кандры до Царьграда, были совершенно безлюдны; ибо жители оныхъ укрывались въ лѣсахъ, боясь новаго нашествія Донскихъ казаковъ⁽²¹²⁾.

(²¹²) Продолженіе того же статейнаго списка.

„А до ихъ прїѣзду въ томъ лиманѣ стоятъ отъ погоды кораблей съ десять, а которые турскіе люди были на тѣхъ кораблехъ и тѣ увидя ихъ учали съ кораблей метаться на берегъ и корабли покинули и побѣжали по селомъ и по деревнямъ, для того, почаяли приходу Донскихъ казаковъ что прежде сего въ 130 году въ іюль приходили на тѣ мѣста Донскіе казаки и село Кандру и иные селы и деревны пожгли и людей въ полонъ поимали.

А какъ пришли въ село Кандру, и то село возжено все, а всемъ было дворовъ съ 500 и больши, и къ нимъ въ село въ Кандру приходили Кадый и тутошныя торговые желецкіе и уѣздныя люди, человекъ съ 300 и больши, и говорили, что усей Кандру и иные селы и деревны нынѣшняго лѣта повоевали и по-

Бытность Россійскихъ посланниковъ Кондырева и Бормасова въ Константинополѣ. Въ Константинополѣ въ предметъ переговоровъ входили между прочимъ и Донскіе казаки. Визирь посланникамъ нашимъ дѣлалъ упреки за казаковъ и требовалъ ихъ унять, но посланники и тутъ отрицаясь отъ казаковъ, говорили по обыкновенію, что они *воры, холопы бывлые* и тому подобное, и взаимно настаивали о запрещеніи азовцамъ грабить Россійскіе укранны(²¹³).

Оскорбленія, причененныя посланникамъ за казаковъ на возвратномъ пути ихъ изъ Царьграда. Весною 1623 года посольство Россійское отпущено было изъ Царьграда въ Россію. По

жгли государя вашего Донскіе казаки и людей многихъ побили а иныхъ живыхъ понмали, и мы де за то нмѣ хотимъ учинить надъ вами тоже что Донскіе казаки надъ ними учинили.

Иванъ и Тихонъ имъ говорили, чтобы они надъ ними нвотораго дурна неучинили, ндутъ они отъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи къ великому государю ихъ къ Муфастѣ Салтанову величеству о ихъ государскихъ великихъ делѣхъ. А Донскимъ казакомъ отъ великаго государя нашего заказъ отомъ крѣпкой, что на море ихъ ходитъ невелѣно, а ходять на море и корабли и каторги громять литовскаго короля Заворожскіе черкасы, а не Донскіе казаки.

И села Кандры всякіи люди говорили, что они Донскихъ казаковъ съ черкасы знаютъ. Нывѣшняго де лѣта приходили къ нимъ въ село въ Кандру и выжгли Донскіе казаки, а не черкасы; и будетъ де Донскимъ казакомъ впередъ на море ходитъ невлѣно, и мы де за то надъ вами ни котораго дурпа неучинимъ.

И Иванъ и Тихонъ и турскіе посланники Гореченипъ Ѳожа и Чеуши, дождавси ночи изъ села Кандры пошлп къ Царьгороду сухимъ путемъ, и ишли дорогою до морскія протоки, четыре дни съ великою боязнію, чтобы надъ ними въ дорогѣ уѣздные люди за казачьи погромы котораго дурна неучинили, а которыми мѣсты ѣхали, и въ тѣхъ мѣстахъ по селомъ и по деревнямъ всякіи люди разбѣжались отъ казаковъ и живутъ по лѣсомъ.

А они морскую протоку пришли октября въ 12 д. и стали недохода Царьгорода за 10 верстъ въ селѣ въ Бейкусѣ и корабль ихъ пришелъ къ нимъ на завтрее ихъ приходу октября въ 13 д.²¹³

(²¹³) Это примѣчаніе см. выше. Продолженіе статейнаго списка Кондырева и Бормасова.

прибытіи онаго въ Кафу, пронеслись слухи, что Донскіе казаки вышли въ море: всѣ жители сего города бѣжали изъ онаго въ отдаленныя села и деревни, а иные выѣзжали въ Крымъ; оставались только весьма немногіе. Царь Крымскій извѣстясь въ то время отъ азовскаго Аги, что казаки дѣйствительно уже вышли въ море, писалъ о томъ въ Кафу, повелѣвая тамошнему пашѣ имѣть должную осторожность, и о появленіи казаковъ извѣстить его со всевозможною скоростію; посланниковъ же московскихъ приказалъ держать за крѣпкимъ карауломъ. Получивъ такое предписаніе, кафинцы пришли къ посланникамъ съ великимъ шумомъ, заперли ихъ въ дворъ и хвалилися побить. Послы содержалися въ Кафѣ нѣсколько времени, но какъ казаки нигдѣ не появлялись, то и дозволено имъ было отправиться далѣе.

По прибытіи отсюда въ Керчь, послы принуждены были терпѣть за казаковъ новыя непріятности. Въ то время около 1000 человекъ казаковъ, развѣзжавшихъ по морю на 30 стругахъ, близъ Керчи завладѣли одною комягою(*), людей на оной частію побили, а частію взяли въ плѣнъ, и остановились въ виду города.

Встревоженные появленіемъ казаковъ, жители керченскіе схватили посланниковъ, заперли ихъ въ башню, поставили надъ ними стражу, и въ буйствѣ грозили лишить ихъ жизни, требуя, чтобы они удержали казаковъ отъ нападена на городъ. Посланики рѣшились убѣдить казаковъ чрезъ посильныхъ своихъ, чтобы они ни мало не мѣшкая, отошли отъ города не дѣлая ни малѣйшаго вреда и возвратились бы на Донъ. Казаки послушались и поплыли мимо Керчи въ Черное море за Кафу. О успѣхахъ сихъ удалцовъ на Черномъ море заподлинно ничего не извѣстно. Изъ Керчи привезли посланниковъ въ Темрюкъ, гдѣ они должны были переносить за казаковъ новыя непріятности: черкесы темрюкскіе, въ отмщеніе за взятіе въ плѣнъ казаками сына тамошняго воеводы, сперва хотѣли ихъ умертвить, потомъ требовали возвратить имъ 2/т. золотыхъ, взятыхъ казаками за плѣнника сего

и потомъ заперли въ башню. Воевода азовскій Асанъ-Бей и турецкій посланникъ Ахметъ Ага хотѣли было російскихъ посланниковъ защитить и уговорить черкесь, чтобы ихъ немедленно отпустили въ Азовъ, но за посредничество сіе сами едва не заплатили жизнью и принуждены были дать на себя (память въ подаркахъ) обязательство и тѣмъ успокоили буйныхъ черкесь темрюцкихъ. Отсюда отправили пословъ въ Азовъ чрезъ рѣку Кубу (иѣроятно Кубань); на пути семъ не доходя р. Еи ограбилъ ихъ ногайскій мурза Видей, мстя за казаковъ. Наконецъ, августа 3 пришли въ Азовъ. Въ сіе время возвратившіеся съ моря казаки стояли въ устьяхъ Дона, ждали изъ Кафы турецкихъ кораблей и намѣривались напасть на оныя. Едва только посланники вѣхали въ Азовъ, то буйная толпа азовцевъ съ великимъ шумомъ ворвалась на дворъ: одни хотѣли лишить ихъ жизни, а другіе съ дерзостію выговаривали, что казаки за моремъ причинили имъ убытки многіе, хлѣба жать не дали и тѣсноту имъ чинить великую, что царь московскій покровительствуетъ казаковъ и ежегодно присылаетъ къ нимъ жалованье, деньги, сукна и запасы всякіе, потомъ настоятельно требовали водворить между ими и казаками миръ попрежнему и поставили надъ посланниками стражу.

Возвращеніе Кондырева и Бормасова изъ Царьграда на Донъ и миръ у казаковъ съ азовцами. Кондыревъ и Бормасовъ неоднократно посылали къ казакамъ переводчика своего склонить ихъ къ заключенію мира съ азовцами: переговоры о мирѣ были трижды, но несоглашались въ условіяхъ. Прежде сего условія мира большею частію распространяемы были на всѣ казачьи городки нижніе и верхніе, но въ сіе время азовцы хотѣли включить въ оный только тѣ городки, кои находились отъ нижнихъ юртовъ вверхъ до городка Пятизбянскаго, а прочіе пять городковъ, выше Пятизбъ, оставить попрежнему въ размирьи. Наконецъ казаки согласились на всѣ условія азовцевъ, заключили миръ съ намѣреніемъ разорвать

онный козь скоро послы отпущены будутъ изъ Азова и выйдутъ изъ войска. Такимъ образомъ 20 сентября Кондыревъ и Бормасовъ прибыли въ нижніе казачьи юрты, бывъ встрѣчены на рѣчкѣ Каланчѣ атаманомъ Исаемъ Мартемьяновымъ и 500 казаками конными и судовыми, а при въѣздѣ въ первый казачій городокъ—пушечною и ружейною стрѣльбою⁽²¹⁴⁾.

(²¹⁴.) Тѣхъ же дѣлъ и тотъ же статейный списокъ Кондырева и Бормасова.

„И послыша такія вѣсти про казаковъ, кафинскіе всякіе жилищніе люди изъ города изъ Кафы съ женами и с дѣтьми и со всѣми животы побѣжали по селамъ и по деревнямъ, а иные побѣжали въ Крымъ, а въ Кафѣ остались не многіе люди, и ихъ Ивана и Тихона за казаковъ, что казаки вышли на море, хотѣли побить и съ двора ни кою ни куда и людей ихъ не пускали и дворъ заперли совсемъ и сторожей къ нимъ приставили.“

„А какъ въ Крымъ крымскому царю отъ азовскаго жъ Аги про казаковъ учинилась вѣсть, что казаки вышли на море, и крымской царь писалъ въ Кафу, къ Пашѣ и ко всякимъ кафинскимъ людямъ, чтобъ они московскихъ пословъ берегли накрѣпко и съ двора ихъ самихъ и людей ихъ ни куда не пускали, чтобъ они изъ Кафы не ушли, а сами бъ де ушли бережно и про казаковъ провѣдывали, а будетъ де казаки придутъ подъ Кафу, и они бъ къ нему о томъ прислали вѣсть наскоро и онъ по той вѣсти придетъ къ нимъ въ Кафу изъ Крыму самъ со всѣми людьми тотчасъ.“

„И послѣ того про Донскихъ казаковъ въ Кафѣ вѣсти никакія не объявлялись.“

„Іюля въ 24 день пришли съ Дону подъ Керчь Донскихъ казаковъ 30 струговъ, а въ нихъ съ 1000 человекъ казаковъ, и стали противъ города и взяли камягу и людей побили, а иныхъ живыхъ повяли съ собою. И того жъ часу, какъ казаки объявились подъ Керчь, учалъ бити въ городъ въ Керчи всполохъ великій, и керченскіе всякіе люди и рейзы, которые на кораблехъ пришли съ ними изъ Кафы, пришли къ Ивану и къ Тихону на корабли и Ивана и Тихона съ кораблей взяли и повели въ городъ и посадили въ башню и хотѣли побить, а людей ихъ оставили на кораблехъ, и корабли всѣ отвезли подъ городъ, и съ вѣстью про казаковъ послали къ крымскому царю въ Крымъ и въ Кафу къ кафинскому пашѣ тотчасъ. А послѣ того репы и керченскіе всякіе люди приходили къ Ивану и къ Тихону, и говорили, чтобъ они послали отъ себя къ казакѣмъ говорить, чтобъ казаки подъ городъ Керчь и на корабли не ходили“

И того жъ дни Иванъ и Тихонъ посылали изъ Керчи къ Дон-

Тутъ посланники пробыли двѣ недѣли, настаивая, чтобы имъ и турецкимъ посламъ даны были отъ войска суда, гребцы и провожатые; но казаки по недостатку у себя первыхъ, дали имъ только 8 стружковъ, въ гребцахъ отказали, а въ провожатыхъ послали есаула Ивана Васильева и 80 человекъ казаковъ и сверхъ того снабдили окружною войсковою грамотою, чтобы отъ городка до городка провожали всѣ наличные казаки. Наконецъ посланники занявъ изъ войсковоѣ казны нѣкоторую сумму денегъ и привзупивши еще 10 струговъ, 6 октября отправились изъ Монастырскаго городка, въ сопровожденіи атамановъ Исаѣ Мартемьянова, Епифана Родилова и достаточнаго числа казаковъ до городка Черкаскаго (215).

Между тѣмъ султанъ и царь крымскій, чрезъ пословъ

скимъ казакомъ говорить кречетнина Истому Бакина да толмача Григорья Видлова, къ казакомъ писали и приказывали чтобъ они поѣхъ городъ поѣхъ Керчь и на корабли не приходили и поворотились бы назадъ на Донъ.“

И Донскіе казаки отказали и пошли мимо Керчи на Черное море за Кафу.

„А на завтрѣ того, какъ изъ Темрюка хотѣли было ѣхать впередъ, собрався Черкасы многіе люди пришли къ нимъ къ Ивану и къ Тихону и привели въ горючь и хотѣли побить; а говорили, что Донскіе казаки вышли на море и шли мимо Темрюка и погромили многія камаги и взяли въ полонъ томанскаго города воеводскаго сына и отдали его на окупъ, а взяли за него 2000 золотыхъ, и они бѣ Иванъ и Тихонъ золотыя заплатали тотчасъ.“

„И азовской воевода Асанъ-Бей и турецкой посланникъ Ахметъ Ага говорили Черкасомъ, чтобъ они надъ Московскими послы никотораго дурна не учинили и изъ Темрюка бы ихъ отпустили немѣшка. И Черкасы азовскаго воеводу Асанъ-Бея и турецкаго посланника Ахметъ-Агу хотѣли перерѣзать ножи и поворотили ихъ назадъ и велѣли имъ ѣхать въ Кафу, а ихъ Ивана и Тихона оставили въ городѣ въ Темрюкѣ и посадили въ башню“...

См. далѣе продолженіе сего списка.

Также см. распросныя рѣчи атамана Карпа Горожанкина, прибывшаго въ Москву въ октябрѣ 1623 года.

(215.) Дѣла, турецкія въ столбц. 1622 г. № 2, отписка Кондырева и Бормасова, привезенная въ Москву 30 октября 1623 года.

своихъ безпрестанно настаивали о унятїи казаковъ отъ набѣговъ на ихъ подданныхъ. Еще до возвращенїя посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Царьграда, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда въ Москвѣ извѣстно стало о враждѣ между казаками и азовцами, государь послалъ на Донъ князя Михаила Васильевича Бѣлосельскаго съ жалованьемъ и съ грамотою, отъ 10 марта, слѣдующаго содержанїя: „желая добраго согласїя и дружбы съ султаномъ турецкимъ и царемъ крымскимъ, мы неоднократно писали къ вамъ, повелѣвая жить съ азовцами мирно, на море не ходить, людей и городовъ турецкихъ и улусовъ крымскихъ не разорять и вы всегда удостовѣряли насъ, что велѣнїя наши исполнять будете свято. Полагаясь на обѣщанїя ваши, мы ежегодно посылали къ вамъ наше царское жалованье болѣе прежнихъ лѣтъ; а присылаемыхъ отъ васъ атамановъ и казаковъ жаловали деньгами, камками, тафтами, сукнами добрыми, милостиво внимали всѣмъ прошенїямъ вашимъ. Но извѣстно намъ, что и послѣ того, невзирая на толивїя наши къ вамъ милости, вы посылали войско свое подъ Азовъ и на море, нападали на турецкіе корабли, города и улусы крымскїе; на каковыя поступки ваши и султанъ турецкій и ханъ крымскїй и нынѣ жалуются, угрожая за то государству нашему войною (далѣе писаны поступки ихъ въ бытность на Дону Кондырева и Бормасова). „За своевольства ваши посланники наши отъ султана и хана подвергаются различнымъ оскорбленїямъ и безчестїю; а азовцы и ногайцы раззоряютъ украины наши. Если султанъ и царь крымскїй пошлуть рати на украины наши, то за раззоренїе и пролитїе крови христіанской вы одни будете отвѣтствовать. Внявъ сей и прежнимъ нашимъ грамотамъ, живите съ азовцами мирно, на море для добычи не ходите; князю Бѣлосельскому будьте всемъ послушны; посланниковъ нашихъ, которые будутъ возвращаться изъ Царьграда, и турецкаго чеуша примите честно и проводите до Воронежа; исполненїемъ сей воли нашей покажите намъ вашу службу и вѣрность; а мы васъ за то будемъ

жаловать (²¹⁶)

Сверхъ того особымъ наказомъ Бѣлосельскому предписано было стараться убѣждать казаковъ жить съ азовцами въ согласіи и прекратить набѣги на улусы крымскіе и города

(²¹⁶) Тѣ же дѣла, въ столбц. 1623 г. № 1, грамота на Донъ 10 марта 1623 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Фёдоровича всея Руссін на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Исаю Мартемьянову съ товарищи и всему войску. Писано отъ насъ къ вамъ многожда съ посланники нашими и съ дворяны и съ вапнимъ атаманы и казаки, которые пріѣзжали къ намъ отъ васъ бити челомъ, какъ мы великій государь учинились на нашихъ великихъ государствахъ, и мы съ турскимъ съ прежнимъ Ахметъ салтаномъ, а послѣ того съ сыномъ его съ Асманъ салтаномъ были въ дружбѣ и въ ссылкѣ, и посланники наши, великихъ государей, о дружбѣ и о любви межъ насъ ходили многожда, а крымской Джанбелъ Гирѣй царь потомужъ съ нами въ ссылкѣ и въ любви, и на наши украины крымскіе люди не ходитъ и земель нашихъ невоюютъ и на нашихъ недруговъ стоятъ съ нами вмѣстѣ, а намъ бы атаманомъ и казакомъ намъ великому государю служити и примити и для нашего земскаго дѣла съ Азовомъ быти мирнымъ и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ и на море на турскихъ людей и на крымскіе улусы неходить и задору никотораго турскимъ и крымскимъ людямъ нечинитъ. И вы атаманы и казаки и все войско пишете къ намъ великому государю во многихъ своихъ отпискахъ, что вы намъ великому государю служите и въ нашемъ царскомъ повеленіи во всемъ быти готовы и съ азовцы воеватися и на море ходитъ и турскихъ городовъ и крымскихъ улусовъ громить не будите; а намъ бы великому государю насъ атамановъ и казаковъ, за ваши службы, жаловать. И мы великій государь, какъ учинились на нашихъ великихъ государствахъ, посылали къ вамъ на Донъ, съ посланники нашими и съ дворяне напе царское жалованье, деньги и суена и хлѣбные и пушечные и всякіе запасы, свыше прежлаго мало неужелѣтъ чего при прежнихъ государехъ николи не бывало коли было московское государство невоевано и всѣмъ полно, а которые ваша братья, атаманы и казаки, пріѣзжали къ намъ отъ насъ съ Дону бити челомъ о вашихъ нуждахъ, и мы великій государь потомужъ ихъ жалуетъ на пріѣздѣ и на отпускѣ нашимъ царскимъ жалованьемъ камками и тафтами и сукны добрыми, и поденные кормы пмѣ давали и отпускаемъ ихъ къ вамъ милостиво и во всемъ челобитья вашего не оставляли есмья. И послѣ того вѣдомо намъ было отъ многихъ людей, что вы атаманы и казаки посылали войско подъ Азовъ и подъ турецкаго города и на море для кораблей и на крым-

турецкіе; но говорить о томъ со всевозможнымъ снисхожде-
ніемъ и обѣщать имъ царскую милость и жалованье. Далѣе
велѣно ему тайно развѣдать: сколько въ то время находи-
лось на Дону въ сѣздѣ атамановъ и казаковъ изъ всѣхъ верх-
скіе улусы, и ихъ громили; и турецкіе прежніе Ахметъ салтанъ и
Асманъ салтанъ съ нашими посланники и съ своими чеуши и
крымской Джанбекъ Гирей царь, съ послапники нашими и съ по-
слы своими и съ гонцы писали къ намъ безпрестанно, и нынѣ
крымской царь пишетъ жалуючи на васъ, нашихъ людей, что вы
турскаго города и на море корабли и каторги и крымскіе улусы
громите безъ пристани и въ томъ межъ насъ великаго государя
и турскаго салтана и крымскаго пари чините многую ссору и
любви нашей нарушеніе. Да крымской же царь пишетъ къ намъ,
а къ нему де пишетъ повои Мустафа салтанъ, чтобъ мы вамъ за-
казали наврѣико, и на море подъ турскаго города и на крымскіе
улусы ходить невелѣли; а учнете ходитъ и турской салтанъ и
крымской царь дружбу и любовь съ нами хотятъ нарушать и сво-
ихъ людей на наши украинны хотятъ послать войною и впередъ на
нашихъ недруговъ помогать намъ нехотять. Да крымской же царь
пишетъ къ намъ, только де турской царь противъ вашихъ задо-
ровъ велить ему птти войною на наши украинны, и ему его ослу-
шатись нельзе. Да и самимъ вамъ вѣдомо, что въ прошлыхъ го-
дѣхъ турской Асманъ салтанъ ходилъ на Польшу и Литву за то,
что Запорожскіе черкасы ходили на море и воевали турецкіе го-
роды и польской и литовской землѣ турецкіе и крымскіе люди мно-
гое зло учинили. А въ прошломъ во 130 году писали есмь къ
вамъ съ посланники нашими съ Иваномъ Кондыревымъ да съ
подъячамъ съ Тихономъ съ Бормасовымъ, чтобъ вы на море одно-
лично не ходили и турскаго городомъ войны не чинили и кораб-
лей и каторгъ не грабили: и вы нашего указу не послушали, на
море ходили да съ собою жъ имали въ неволю торговыхъ людей,
которые пріѣзжаютъ къ вамъ съ торгомъ изъ польскихъ городовъ;
да и при посланникѣхъ нашихъ при Иванѣ Кондыревѣ да при
Тихонѣ Бормасовѣ и при турскомъ посланникѣ въ то время, какъ
они шли отъ насъ во Царьгородъ и стояли у васъ на Дону, на
море ходили есте всѣми людьми и каторги погромили и добычу
межъ себя дѣлили при турскомъ посланникѣ, и то все турскому
посланнику было ясно. Въ прошломъ же во 130 году, смотря на
то, что вы, атаманъ и казаки, на море ходили и турскаго и крым-
скаго городомъ тѣсноту учинили, азовскіе и ногайскіе люди мно-
гіе ходили на наши украинны и многихъ нашихъ людей въ по-
лонь понмали, а вы нашимъ украиннамъ помочи выоторые не учи-
нили. А послѣ того, писали къ намъ съ Дону посланники наши
Иванъ Кондыревъ да подъячій Тихонъ Бормасовъ, что вы атама-

нихъ и нижнихъ городковъ; сколько между ними живетъ запорожскихъ черкасъ и давно ли пришли они изъ Запорожь. Потомъ если откроется, что черкасъ находится на Дону выше двухъ или трехъ сотъ человекъ, говорить *атаманамъ Исаю Мартемьянову и Епифану Родилову*, чтобы они, зная ны и казаки съ азовскими людьми, для ихъ посланниковъ нашихъ ходу помирились, и то есте учинили добро, исполняя нашъ государскій указъ. А то вамъ самимъ вѣдомо, что нашимъ посланникомъ въ Царегородѣ, за то, что вы ходите подъ турецкіе города и ворабли громите, бываетъ многое задержанье и неволя; а азовскіе люди и ногайскіе, противъ того воюють наши украины, и только впередъ турецкой салтанъ и крымской царь, видя отъ васъ своимъ людямъ и землямъ тѣсноту и войну, пошлють на наши украины воинскихъ людей, и та кровь и ссора будетъ отъ васъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбъ по прежнему и по сему нашему указу съ Азовца однолично были въ миру и на море для добычь, подъ турецкаго и подъ крымскаго города и улусы не ходили и каторгъ не громилы и никакихъ задоровъ имъ не чинили и всемъ съ ними были мирны, тѣмъ бы есте намъ службу свою показали и межъ насъ великаго государя и турецкаго салтана и крымскаго царя ссоры единолично не учинили, и въ недружбу насъ не вводили. А только вы впередъ учнете дѣлати мамо нашего указу, подъ турецкаго и подъ крымскаго города и улусы учнете ходити войною и корабли и каторги громити, а тѣмъ своимъ непослушаньемъ межъ насъ и турецкаго салтана и крымскаго царя учните ссору, а которая война нашимъ украинамъ будетъ отъ турецкихъ и отъ крымскихъ людей или посланникомъ нашимъ въ Цареградѣ учинится задержанье и тѣснота и то будетъ отъ васъ. Да въ нынѣшнимъ во 131 году писалъ къ намъ крымскій Джанбекъ Гарей царь, что посылали есте съ Дону воевать Черкасъ взяли на Кубѣ царевыхъ Черкасъ и выбъ атаманы и казаки похоти къ себѣ нашего царскаго жалованья тѣхъ черкасъ велѣли въ войску сыскать, а сыскавъ, прислали ихъ къ намъ съ дворяниномъ нашимъ или съ своими атаманы и казаки, а мы великій государь васъ пожалуемъ, велимъ вамъ за тѣхъ черкасъ заплатить окупъ, а однолично бѣ есте тѣхъ черкасъ сыскавъ, къ намъ прислали, тѣмъ бы есте къ намъ службу свою показали. А нынѣ послали есмя къ вамъ на Донъ для нашего государскаго дѣла, дворянина нашего князя Михаила Васильевича Бѣлосельскаго, а съ нимъ послали есмя къ вамъ нашего жалованья 1000 руб. денегъ да хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ противъ прежнихъ лѣтъ. А велѣли есмя князю Михаилу говорить вамъ о нашихъ дѣлахъ и что онъ отъ насъ будетъ вамъ говорить, и выбъ его въ томъ во всемъ слушали и во всемъ ему вѣрили и его къ намъ отпу-

педоброжелательство польскаго короля Сигизмунда къ Рос-
си, черкасъ Запорожскихъ, какъ явныхъ недоброхотовъ, къ
себѣ не принимали, и старались бы ихъ отъ себя выслать.
Наконецъ князю Бѣлосельскому поручено было то же тайно
развѣдать: нѣтъ ли у казаковъ какого посольства отъ коро-
ля литовскаго, и, если есть, то о чемъ, съ котораго времени
и какъ казаки о томъ мыслятъ (217).

стали не задержавъ, и впредь бы есте на море подь турскаго ца-
ря города и на крымскіе улусы не ходили и кораблей и каторгъ
не грамили и улусовъ не воевали и тѣмъ межъ насъ и турскаго
салтана и крымскаго царя ссылкѣ и любви не мѣшали и ссоры
не чинили; а мы васъ за то будемъ жаловати. А какъ къ вамъ
на Донъ придутъ наши посланники, которые были въ Царьгородѣ,
а съ ними будетъ турской чеушъ и выбъ посланниковъ нашихъ и
турскаго чеуша приняли честно и проводить ихъ послали до Во-
ронежа атамановъ и казавовъ сколько пригоже, чтобъ имъ до ва-
шихъ укранныхъ городовъ дойти здорово. Писанъ на Москвѣ лѣ-
та 7131 марта въ 10 день.

(217.) Тамъ же, указъ данный князю Бѣлосельскому, 10 марта
1623 года

„А покажѣста онъ князь Михайло у атамановъ и у казаковъ въ
нижанхъ юртехъ побудеть и ему приывать къ себѣ въ станъ
лутчихъ атамановъ, Исаю Мартемьянова и Епиху Родилова и
иныхъ атамановъ и есауловъ и казавовъ старихъ и лутчихъ, ко-
торыхъ войско слушаетъ и разговаривать имъ и разсуждати вся-
кими мѣрами, чтобъ они государскаго повелѣнья не ослушались, съ
Азовомъ были смирны и на море подь турскаго царя города и
на крымскіе улусы не ходили и кораблей и каторгъ не громили и
улусовъ крымскихъ не воевали, и тѣмъ бы межъ государя и турскаго
салтана и крымскаго царя, ссылки и любви не мѣшали и ссоры
не чинили; а себя тѣмъ отъ государскія милости не отгоняли. И
о всемъ дѣлати и промыслати всякими мѣрами, чтобъ атамановъ и
казавовъ привести ко всякому добру и къ послушанью и отъ тур-
скія и отъ крымскія войны отвести, и разсужати имъ и государ-
скую милость вычитати съ радостью, чтобъ ихъ не ожесточить; а
только они будутъ въ послушанье и турскаго городовъ и на море
кораблей и каторгъ и крымскихъ улусовъ впредь воевати не-
учнуть, и государь ихъ будетъ жаловати, смотря по ихъ службѣ;
а только имъ государскаго повелѣнья ослушатся, и имъ впредь
какъ будетъ и зрѣтъ противъ государскія милости и къ Москвѣ
будетъ прѣхати не мѣтъ и впередъ о государскія никакой мило-

Князь Бѣлосельскій 25 апрѣля, по предварительному извѣщенію казаковъ о прибытіи своемъ, остановился по течести побити челомъ будетъ нельзѣ.—А выговаривая покрывать гладостью.

А многихъ рѣчей съ казаки неплодить, чтобъ ихъ не ожесточить и отъ государскія милости не отогнать, да разсматривати и развѣдывати князю Михайлу, будучи на Дону, всякими мѣрами, себѣ тайно, сколько нынѣ на Дону будетъ при немъ въ сѣвздѣ изосвѣхъ верхнихъ и нижнихъ городковъ всѣхъ атамановъ и казаковъ и сколько у нихъ добрыхъ и середнихъ и худыхъ и сколько у нихъ на Дону нынѣ живетъ запорожскихъ черкасъ и въ которыхъ юртехъ живутъ, въ нижнихъ ли или въ верхнихъ и съ казаки въ однихъ ли юртехъ живутъ, или, побывъ у нихъ, назадъ отъѣзжаютъ, и нѣтъ ли у нихъ нынѣ на Дону многихъ запорожскихъ черкасъ, и будетъ есть, и про то ему провѣдать подлинно сколь они давно изъ Запорогъ къ нимъ въ юрты пріѣхали и для чего пріѣхали и печаютъ ли въ нихъ на Дону какія ссоры.

Да будетъ у Донскихъ атамановъ и у казаковъ нынѣ живутъ многіе запорожскіе черкасы человекъ до 200 или до 300 и болши, и пріѣхали къ нимъ изъ Запорогъ недавно въ прошломъ лѣтѣ или зимѣ, а прежде того съ ними неживали, и князю Михайлу Васильевичу призавъ къ себѣ лутчихъ атамановъ Исаю Мартемьянова да Епиху Родилова и иныхъ атамановъ и есауловъ и казаковъ, лутчихъ же не многихъ, и говорити имъ: писано къ нимъ отъ государя цари и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руссіи во многихъ его государевыхъ грамотахъ, чтобъ они вѣдая польскаго Жигимонта короля и пановъ рады къ государю и ко всему московскому государству многія неправды и отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей и отъ Запорожскихъ черкасъ Россійскому государству многое разоренье, запорожскихъ черкасъ къ себѣ въ юрты не принимали и ни о чемъ съ ними не ссылались; а нынѣ живутъ у нихъ въ юртехъ многіе черкасы, а впредѣ на то смотря учпуть къ нимъ въ юрты прибывать изъ Запороговъ черкасы многіе люди, а то имъ самимъ вѣдомо каковъ польскій Жигимонтъ король великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Руссіи злой недругъ и разоритель Россійскому государству, и какъ по его жъ королевскому злому умыслу и велѣнью запорожскіе черкасы приходили въ Россійское государство на государевы украинные города войною и многіе города и мѣста повоевали и крестьянскую кровь мновою прошли, и церкви Божіи обругали, да и впредѣ то мочно знати, что литовскіе люди и запорожскіе черкасы къ государю и великому государству недоброхоты и кромѣ всякаго зла и ссоры никакого добра въ нихъ вколи нечяютъ, да и къ нимъ они нынѣ въ юрты пріѣзжаютъ по злому умыслу и по засылкѣ польскаго жъ короля, хо-

нію Дона, ниже городка Манычи, на урочищѣ Три—Острова. 26 Апрѣля выѣхало туда все войско на многихъ стругахъ и конные атаманы и казаки встрѣтили князя Бѣлосельскаго и съ довлеемою честію проводили въ нижніе юрты, гдѣ въ то время казаки были въ съѣздѣ изъ всѣхъ городковъ и указали мѣсто для его стана.

Узнавъ, что въ то время находилось на Дону до 300 челов. Запорожскихъ Черкасъ, князь Бѣлосельскій, въ слѣдствіе наказа государева, требовалъ, чтобы при отдачѣ казакамъ царской грамоты и жалованья Черкасы въ кругу не были. На сіе атаманы и казаки объявили ему, что въ прошломъ (1622) году пришло къ нимъ изъ Запорожь черкасъ до 300 человѣкъ, что въ началѣ весны настоящаго (1623) года около ста человѣкъ изъ нихъ тайно ушли на море, что оставшіеся ихъ товарищи въ кругъ не ходятъ.

27-го ч. былъ войсковою кругъ, въ коемъ атаманы и казаки царскую грамоту и жалованье приняли отъ князя Бѣлосельскаго съ благоговѣніемъ, выслушали съ почительностію рѣчь, говоренную имъ по наказу, увѣрили его, что они согласно съ волею государевою живутъ съ азовцами мирно и для добычъ на море и подъ крымскіе и турскіе города не ходятъ и кораблей и каторгъ ихъ не громятъ, что такъ жить и впередъ дають обѣщаніе; а въ прежнихъ поступкахъ сво-

таци ихъ съ Дону стѣсннгъ, а они ихъ лъсти вѣрятъ и держатъ ихъ у себя въ юртахъ мимо государскаго повелѣнья и они бѣ атаманы и казаки учинили о томъ со всѣмъ войскомъ своимъ совѣтъ и Черкасъ отъ себя изъ юртовъ послали и у себя ихъ не держали и тѣмъ на себя государскаго гнѣва не наводили. Да од-нолично князю Михайлу о томъ говорить атаманомъ лутчимъ на крѣпко, чтобъ атаманы и казаки Запорожскихъ черкасъ отъ себя послали и на Дону имъ съ собою бытъ не велѣли и чтобъ отъ нихъ ссоры не было

И нѣтъ ли къ казакѣ присылки отъ литовскаго короля, и будетъ есть и очемъ и сколько давна, и что о томъ казаки мыслятъ въ каковѣ мѣрѣ впередъ хотять быти съ литовскимъ королемъ и съ казаки и Запорожскими и нѣтъ ли у казакѣ съ Запорожскими черкасѣ ссылки и какого умысленья, а что провѣдаеть, и то себѣ записать.

ихъ приносить государю повинную; и что по возвращеніи посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Константинополя встрѣтять и до украинныхъ городовъ проводить ихъ съ честью.

Наконецъ атаманы и казаки извѣстили князя и о разнесшемся между ними слухѣ, что будто азовцы близъ нижнихъ ихъ юртовъ на крымской сторонѣ при рѣчкѣ Темерникѣ хотятъ поставить городъ и промыслы у нихъ отнять, и что они, если слухи сіи окажутся справедливы, будутъ всячески стараться до того ихъ не допустить ⁽²¹⁸⁾. Больше сего о бытности князя Бѣлосельскаго на Дову и о дѣйствіяхъ его ничего неизвѣстно.

⁽²¹⁸⁾ Тамъ же, донесеніе, поданное княземъ Бѣлосельскимъ въ Носольскій приказъ . . .

. . . И апрѣля въ 26 д. атаманы и казаки въсѣмъ войскомъ пріѣхали къ князю Михайлу къ тремъ островамъ на встрѣчу во многихъ стругѣхъ, а иные атаманы и казаки и татаровъ многія люди пріѣхавъ съ нимъ въ нижніе юрты, гдѣ ему стоять—мѣсто указали, а въ тѣ поры атаманы и казаки пѣзъ верхнихъ изъ всѣхъ городковъ всѣ были въ нижнихъ въ юртехъ въ свѣздѣ . . .

И атаманы и казаки сказали князю Михайлу, что во 130 году пришли къ нимъ атаманомъ и казакомъ въ нижніе юрты изъ Запорогъ черкасъ челов. съ 300 и въ нынѣшнемъ де 131 г. нинѣ по веснѣ тѣхъ Запорожскихъ черкасъ человекъ со 100, взявъ суды таемъ, и пошли на море; и которые черкасы осталсь въ нижнихъ юртехъ, и тѣ у нихъ въ кругъ не ходятъ.

Да они жъ атаманы и казака сказали, что есть у нихъ въ нижнихъ юртехъ черкасы не многіе люди, опричь тѣхъ, которые пришли на Донъ во 130 году, а живутъ де у нихъ давно и имъ во всемъ вѣрны и дурна отъ нихъ никакого нечаютъ; и они и тѣмъ черкасомъ, по государеву указу, вто время, какъ князь Михайло государеву грамоту имъ отдасть, быти не велѣли.

„И апрѣля въ 27 день, атаманы и казаки учинили кругъ всѣмъ войскомъ. . .

. . . И атаманы и казаки государеву грамоту приняли и рѣчь у кн. Михайла слушали, и выслушавъ рѣчь, кн. Михайлу связали, что они по государеву указу съ азовцы въ миру и на морѣ для добычъ подъ крымскаго и къ турскимъ вп къ которымъ городомъ не ходятъ и кораблей и каторгъ не громятъ и никакихъ задоронъ нечиняютъ.“

„А что они напередъ сего на море ходили и корабли и каторги гробили, и въ томъ они передъ государемъ виноваты, а впе-

Азовцы разрываютъ миръ (1624 г.) Еще во время возвращенія посланниковъ Кондырева и Бормасова изъ Константинополя, когда они встрѣчены были (на рѣчкѣ Каланчѣ) казаками, провожавшіе пословъ азовцы завели съ ними послѣдними ссору и на оной умертвили двухъ человекъ; казаки принуждены были, хотя и съ негодованіемъ, оставить сіе безъ отмщенія единственно въ угодность посламъ. Впрочемъ, казаки и по отбѣздѣ пословъ съ Дону, еще желали продолжать миръ съ азовцами; но они въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1623 года, въ числѣ 620 человекъ (вмѣстѣ съ ногайцами), подъ начальствомъ турчанина *Асанбея*, внезапно напали на городокъ ихъ *Маньчъ*. Близость враждебнаго Азова и нѣкоторыхъ улусовъ ногайскихъ заставляла казаковъ быть всегда готовыми къ оборонѣ, потому жители сего городка по первому сигналу немедленно соединились, отразили враговъ, многихъ побили и преслѣдовали ихъ до рѣки Аксай.

Казаки разоряютъ старый Крымъ и улусы близъ Керчи. Пылая мщеніемъ за нарушеніе мира, казаки съ нетерпѣніемъ ожидали весны, и по наступленіи ея, около 1500 отважнѣйшихъ изъ нихъ, соединясь съ Черкасами Запорожскими на 55 стругахъ, подъ начальствомъ *Черкашина Демьяна*, вышли на море, разорили городъ старый Крымъ и многіе улусы близъ Керчи, раздѣлили добычи и возвратились одни на Донъ, а другіе въ Запороги; но у первыхъ на возвратномъ пути 12 струговъ разбило бурю.

Въ сіе же время казаки, пользуясь смутными обстоятельствами крымскаго царя *Джанъ-Бекъ-Гирея*, соединясь съ редь на море и къ турскимъ ни къ которымъ городомъ и на крымскіе улусы воевать ходитъ не хотять и повсемъ государское повелѣніе исполнять хотять

„Да атаманъ жъ и казаки сказывали, что ихъ слухъ есть, азовскіе де люди близко ихъ нижнаго городка на крымской сторожѣ на рѣчкѣ на *Темерникѣ* хотять поставить городъ, и имъ атаманомъ и казакомъ тѣсноту учинить и промислы у нихъ отнять и имъ того азовцомъ не терпѣть и города ставить давать не хотять. (далѣе утрачено)

Запарожцами всего до ста человекъ, пристали къ Шангирею Каляѣ и способствовали низверженію перваго. Не менѣе того Донскіе казаки страшны были и ногайскимъ татарамъ улуса Казыева ⁽²¹⁹⁾

⁽²¹⁹⁾ Дѣла крымскія, въ столбц. 1624 г., № 2-й, см. отписку Валуйскихъ воеводъ окольничьяго Измайлова и дьяка Степанова, привезенною въ Москву 8 мая 1624 г.

„Донскіе де, государь, казаки съ азовцы не въ миру въ нынѣшнемъ де 132 году о Николниѣ дни зимнемъ, приходили изъ Азова на Донъ къ казачью городку къ Манычу, Асанбей турецкинъ съ азовцы, и съ ногайцы и были де, государь, съ Асанбемъ татаръ 620 человекъ и у казаковъ де государь съ тѣми татары бой былъ и многихъ татаръ казаки побили, и изъ Маныча де городка вышедъ казаки гонали за татары да Оксан, а въ нынѣшніе де, государь, великіе гонейна за полтретьи недѣли до велика дни пошли съ Дону на море казаковъ 55 струговъ.“

Тѣхъ же дѣлъ, № 3-й, см. статейный списокъ того же окольничьяго Измайлова и дьяка Степанова.

„Ибрагимъ паша окольничему Артемию Васильевичу да дьяку Федору говорилъ: было до сего лѣта такъ Какъ де калга Шангирей царевичъ былъ сего лѣта подъ кафою бился съ прежнимъ Джанбекомъ Гиремъ царемъ и съ Дону де къ нему подъ Кафу пришло Донскихъ казаковъ человекъ съ 50, да черкасъ съ 60 челов., съ нимъ де и на бою были. Только де на Дону не только воровъ, что къ Калгѣ подъ Кафу пріѣхали.“

Они де посланники Яковъ Дашковъ и Василей Волковъ Калгѣ говорятъ на посольствѣ, чтобъ Калга великому государю шертъ учинилъ, а къ Калгѣ де въ тѣ жъ поры вѣсть пришла, что Донскіе казаки Старой Крымъ разорили и выграбили и онъ де мало посланниковъ за то не побилъ. Да и нынѣ де ему Ибрагиму Магметъ Гирей царь и Калга Шанъ Гирей царевичъ о Донскихъ казакахъ приказали говорить накрѣпко, чтобъ государь велѣлъ съ Дону казаковъ свести.“.....

Тѣхъ же дѣлъ, № 6-й, въ статейномъ спискѣ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Прончищева и Болдырева, между прочимъ, написано.

„Апрѣля во 2-й день прислалъ царь къ Осипу и къ Рахманну Ибрагима князя Сулеяева, а говорилъ отъ царя пришли де Донскіе казаки подъ Керчь и мого де улуса повоевала и вамъ бы де дать толмача и хочеть де царь послать ево съ своими татары къ казачьему, а вы де прикажите ему говорить отъ себя, что государь съ царемъ въ миру и они бы де улусовъ не воевали и шли прочь—и Осипъ и Рахманнъ говорили Ибрагиму князю про казаковъ по государеву наказу: царю и имъ ближнимъ людямъ сами томъ

Приступивъ Донскихъ казаковъ къ г. Транезонту. Весною слѣдующаго (1625) г. 2030 человекъ казаковъ и Черкасъ Запорожскихъ опять пустились въ море, раздѣлились какъ бы на двѣ эскадры: Донскіе казаки особливо, а Запорожскіе особо, но согласились пристать къ берегу Анатолійскимъ и дѣйствовать совокупно. Казаки плыли впереди и въ условленному мѣсту достигли прежде. Взору ихъ представился городъ Транезонтъ и алчяые къ добычамъ, не дождавшись товарищей своихъ Запорожцевъ, пристали къ берегу, вышли на сушу, стали приступать къ городу сему, и, по четверодневной упорной битвѣ овладѣли первыми укрѣпленіями онаго. Потомъ соединились съ ними и Запорожцы, но уже не могли войти въ самый городъ и съ чувствительнымъ урономъ принуждены были отступить.

Междуусобіе казаковъ съ Черкасами. Запорожцы приписывали неудачу сію Донскимъ казакамъ, обвиняя ихъ въ опрометчивости и въ нарушеніи договора. Вспыхнула междуусобная брань и Донскіе казаки лишились въ оной вождя своего *лучшаго атамана*. Наконецъ возвратились не сдѣлавъ ничего важнаго (220).

вѣдомо, что казаки вору живутъ на Дону, холопи бѣглые у бѣжавъ отъ смертныхъ казней и проч.

Тѣхъ же дѣлъ № 7, смотри отписку Россійскихъ посланниковъ Дашкова и Волкова, бывшихъ въ Крыму.

„Апрѣля государь въ 7 день послалъ ми холопи твои къ ближнимъ людямъ переводчика Сюналея да служилаго татарина Янгильдея, а велѣли имъ ближнемъ людямъ о шертной грамотѣ говорить то жъ, что и прежде сего приказывали; и Ангазы де и казначей мусаферъ Ага съ ними приказывали сердитца, какъ де имъ о твоихъ государевыхъ делехъ радѣть и промышлять, а а съ твоей де государевой стороны учинилось царевы правде и шерты нарушенье; приходили де съ моря на Крымской юртъ казака полторы тысячи человекъ и украдомъ пришли межъ горъ и Старой Крымъ взяли и татаръ многихъ побили и въ полонъ поимали; и то де наша холопей твоихъ какал правда.

(220.) Дѣла крымскія въ столбц. 1625 г. № 11-й, вѣстовой списокъ посланниковъ Осипа Прочиящева и подъячяго Рахманина Болдырева.

„Черкасы де Запорожскіе и казаки Донскіе приступали къ тур-

Азовцы сожигаютъ пять казачьихъ городковъ. Между тѣмъ азовцы, узнавъ объ отплатѣ сихъ казаковъ на море, тайно прошли въ ихъ юрты и сожгли пять городковъ почти безлюдныхъ, ибо большая часть казаковъ въ сихъ городковъ были на морскихъ поискахъ. Войсковою атаманъ приказалъ немедленно возобновить городки сіи, и дождавшись товарищей своихъ съ моря, предложилъ въ войсковомъ кругу отмстить азовцамъ. Всѣ единодушно одобрили намѣреніе сіе и около 2500 человекъ, лѣтомъ сего же года, подъ предводительствомъ опытнаго вождя атамана Епифана Родилова, поплы къ Азову; дважды приступали къ оному, взяли одну башню и уже вошли было на вѣщостную стѣну, но встрѣтивъ сильный отпоръ турокъ, защищавшихъ опую и вида рапецаго храбраго атамана Родилова, отступили. На другой день казаки всѣми силами устремились на каланчинскую башню, завладѣли оною и, умертвивъ всѣхъ бывшихъ въ оной турокъ и татаръ, взяли 9 пушекъ и укрѣпскую городу Трапезону четыре дни и большіи и городъ взяли; а въ маломъ городѣ отсидѣлись и у приступовъ де и черкасъ и казаковъ побили многихъ, и отшедши дале отъ города у черкасъ съ Донскими казаками былъ бой межъ себя за то, что казаки де Донскіе поспѣшили придти подъ городъ преже ихъ и атамана де Донскаго лучшево убили, и послѣ де бою разошлись.

Дѣлъ Донскихъ въ столбцахъ 1625 года. Смотри распросныя рѣчи Донскаго атамана Алексѣя Старова съ товарищи прѣхавшихъ въ Москву 9 октября 1625 года.

„А имѣшняго де лѣта ходилъ на море атамановъ и казаковъ 2030 человекъ и были подъ турскаго городомъ подъ Трапезономъ и первый городъ взяли, а въ другомъ отсидѣлись; а въ то время безъ нихъ приходили азовскіе люди и пожгли казачьихъ 5 городковъ безвѣстно, что людей въ нихъ не было и казаки де избы опять ставили и плетень хотить около ихъ плестъ по прежнему. А нынѣ де на море атамановъ и казаковъ 27 струговъ, а людей въ нихъ 1300 челов. и чають ихъ съ моря къ Покрову, а то де атаманы и казаки говорятъ Калга и придетъ и они противъ его хотять стоять и битися, и чають того, что имъ Калга веучинить ничего; а всѣхъ де ихъ на Дону и съ верхними городки есть съ 5000 челов., а только имъ будетъ прямая вѣсть, что Калга идетъ и они и изъ верхнихъ городковъ будутъ всѣ дѣстѣ.

леніе сіе, препятствовавшее свободному выходу ихъ въ море, срыли до основанія, ибо крѣпостца сія построена была Турками на устьѣ одного изъ рукавовъ Дона, по коему казаки плавали въ море. Сверхъ упомянутыхъ 9-ти пушекъ тутъ же взято ими нѣсколько пушекъ поврежденныхъ, вѣсомъ въ 117 пудъ и мѣдь сію раздали потомъ въ монастыри: Воронежской, Шацкой, Лебедянской и Святоюрской (231).

Новые морскіе поиски казаковъ; взятіе ими городовъ Транезонта и Синова. Послѣ сего, спустя нѣсколько времени, казаки вздумали вознаграждать неудачу весенняго похода новымъ нападеніемъ на турецкіе приморскіе города, и въ семь намѣреніи собравшись до 2 /т чelow., въ слѣдующую осень отправились въ море. На пути сошлись съ ними 300 струговъ на коихъ находилось около 10 /т. чelowѣкъ Запорожскихъ Черкасъ; согласились опять дѣйствовать совоюпно и предметомъ поисковъ назначили тѣ самыя мѣста, на кои ходили весною того же (1625) года.

(231.) Дѣлъ Донскіхъ въ столбц. Октября 9 дня 1625 г. распросныя рѣчи Донскаго атамана Старова съ товарищи.

А нынѣшняго же де лѣта, какъ первыя атаманы и казаки пришли съ моря ходили они къ азову съ приступомъ, а было ихъ у приступа съ полъ 5000 чelow. и приступали къ городу дважды, и башню было наугольную взяли и на городъ люди взошли, и въ тѣ де поры башня завалилась и имъ помѣшала, а атаманы ихъ Елиху Родилова равняли и азовцы ихъ вто время отъ города отбили. А на зантгее де того дни приступали къ башнѣ, что на Каланчѣ и тое башню взяли и наряды 9 пушекъ поймали, а людей которые на той башнѣ сидѣли, побили, а башню раскопали всю до основанія и камень въ воду потопили, а нные пушки поимали разбиты, и они тое медь послали по убогимъ монастыремъ, на Воронежъ, въ Шацкой, на Лебедянь и къ Святымъ горамъ на колокола, и все де тое мѣди послали 117 пудъ, а были изъ тѣхъ монастырьковъ имъ о томъ челобитчики, что имъ взять негдѣ. А ходили де они къ азову съ приступомъ и на Каланчѣ башнѣ взяли, для того, какъ атаманы и казаки были на морѣ и въ тѣ поры безъ нихъ азовцы выжгли на Дону пять городковъ и людей которые были на кораблехъ побили, и имъ то стало досадно, да и для того, что на Каланчѣ поставили башню и ходъ у нихъ на морѣ помѣшала, а нынѣ они ходъ на морѣ опростали.

По кратковременномъ плаваніи они достигли Трапезонта, взяли оный и потомъ уже два города. *Симонъ и Самсоновъ*; но скоро опять были вытѣснены изъ оныхъ пришедшими туда на каторгахъ турками подъ предводительствомъ *Илезъ* паши, посланнымъ съ 100 /т. противъ персидскаго шаха, овладѣвшаго Богдадомъ. Въ семъ дѣлѣ Донскіе казаки потѣряли 500, а Запорожцы 800 человекъ (222).

Отсюда они поплыли къ берегамъ Таврии и близъ Козлова погромивъ нѣсколько деревень, возвратились въ жилища свои. Озлобленные неудачами казаки въ послѣднемъ нападеніи были весьма жестоки и кровожадны (223).

Они вторгаются въ улусы Крымскіе и от-

⁽²²²⁾ Дѣлѣ ногайскихъ въ столбцахъ 1626 г. № 1-й, смотри описку астраханскихъ воеводъ Петра Головина и Алексѣя Зубова.

„Въ ннѣшнемъ во 134 году въ осень ходили на море Донскихъ казаковъ тысячи съ двѣ да съ ними же де на море пристали въ трехъ сотъ стругахъ съ десять тысячъ Запорожскихъ черкасъ и тѣ де государь Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы ходили въ моремъ въ судехъ войною подъ турскіе города и взяли турскихъ три города Трапизонтъ, а иные городомъ имать неупоминать, и тѣхъ де Донскихъ казаковъ на море турскіе люди пришедъ на каторгахъ побили съ пять сотъ человекъ лучшихъ людей, да Запорожскихъ черкасъ побили съ восемь сотъ человекъ и съ моря де государь Донскіе достальные казаки пришли на Донъ къ себѣ въ городки, да послѣ де государь ихъ въ скерѣ пришли на Донъ къ казакомъ съ моря жъ Запорожскихъ черкасъ съ пять сотъ человекъ, зазимовали у казаковъ на Дону; да они жъ де государь слышелъ въ разговорѣ отъ казаковъ на Дону, какъ въ прошломъ во РДГ году по лѣту пошли изъ Запорогъ на море Запорожскіе черкасы войною подъ турскіе города и въ тѣ де государь поры собрався польскіе многіе люди приходили войною на Днѣпръ на городки Запорожскихъ черкасъ и многіе черкасскіе городки разорили и Запорожскихъ черкасъ побили.“

⁽²²³⁾ Дѣла крымскія въ столбц. 1625 г. № 8-й, смотри статейный списокъ бывшихъ въ крымъ посланниковъ Скуратова и Посникова.

„И казаки де съ Дону и на море ходять и сложася съ черкасы крымскіе улусы воюють и въ полонъ людей емлютъ; а сего же де лѣта приходили подъ *Козловъ* и многіе деревни воевали и въ полонъ многихъ людей понмали, а у нихъ де жонокъ брѣха вороди.“

гоняютъ Крымскихъ лошадей. Вражду непрестанно съ азовцами и крымцами, казаки иногда бывали въ дружескихъ связяхъ съ татарами погайскими, кочевавшими по степямъ астраханскимъ на правой сторонѣ Волги и соединясь съ ними не рѣдко громили крымцовъ. Такъ осенью 1625 года казаки съ астраханскими татарами ходили къ Перекопи и отогнали тамъ 300 лошадей (224).

Негодование крымскаго двора на пословъ нашихъ за раззоренія, причиплемыя казаками крымцамъ и туркамъ, и рѣшительныя требованія объ изгнаніи ихъ съ Дону. Столь частыя набѣги Донскихъ казаковъ на крымскія и турецкія владѣнія съ моря и съ суши возбудили сильное негодование двора крымскаго на пословъ нашихъ. Имъ выговаривали, что казаки, получая отъ государя московска ежегодно жалованье и разные припасы, безъ сомнѣнія во всемъ отъ него и зависятъ, и ходятъ на море и улусы крымскіе громить по его велѣніямъ. Посланники старались всячески доказать, что на *Дону живутъ люди вольные* въ мѣстахъ отдаленныхъ, переходя съ одного мѣста на другое, какъ воры и разбойники; что жалованья къ нимъ посылаются изрѣдко малое и единственно для того, чтобы послать російскимъ и турецкимъ, къ султану отправляемымъ, никакого задержанья и обидъ отъ нихъ не было; что государь запрещалъ имъ громить улусы крымскіе; что они вопреки велѣніямъ царскимъ отъ своевольства и дерзостей не только не унимались, но не рѣдко и бояръ оскорбляли, и что нахо-

(224.) Тамъ же № 1-й, смотри распросныя рѣчи присланнаго въ Москву отъ посланниковъ нашихъ въ Крыму находящихся, толмача Масовдова.

„Что передъ его приходомъ приходили подъ Перекопъ Донскіе казаки и астраханскіе татаровя и отогнали подъ Перекопью 300 лошадей и за то де велѣлъ царь у нихъ у посланниковъ лошади поймать всѣ и прислати къ себѣ въ походъ, а ихъ де велѣлъ царь и съ казною отвезть въ жидовской городъ въ Калгу, а тамъ де пмъ быть до указу авзговоря де лошади всѣ у нихъ поималъ, а взялъ всѣхъ 91 лошадь.“

нець и рать была посылана для наказанія ихъ; но они свѣдавъ о томъ расходились врознь, а по возвращеніи рати и они возвращались на прежнія мѣста и опять начинали жить и своевольствовать по прежнему. Потомъ говорили, что и азовцы ни чѣмъ не лучше казаковъ: ежегдно вторгаются въ украины російскія, великіе въ оныхъ раззоренія и убытки причиняють и множество людей въ плѣнь уводятъ.—Но посланць не внимали и настоятельно требовали, чтобы казаки съ Дону были изгнаны (225).

Заключеніе пословъ въ Крыму. Послѣ сего царь приказалъ: отобравъ отъ нихъ всѣхъ лошадей, самихъ заключить въ городъ Чуфутъ—Кале и держать тамъ подъ стражею впредь до его повелѣнья (226).

Гнѣвъ за сіе царя. Станица казаковъ, бывшая въ Москвѣ, послана въ заточеніе. Такое безпокойное поведеніе Донскихъ казаковъ, а особливо оскорбленія претерпѣваемыя за нихъ посланниками російскими въ Бакчи—Сараѣ и Константинополѣ, подвигло на гнѣвъ кроткаго царя Михаила Ѳеодоровича. 9-го октября прибыла въ Москву легкая станица казаковъ съ атаманомъ *Алексемъ Старымъ* и съ отпискою, въ коей доносилъ о полученныхъ въ войскѣ извѣстіяхъ, что крымскій калга *Шагимъ-Гирей* съ сильнымъ войскомъ и съ 80 пушками намѣреваетъ

(225.) Дѣла крымскія въ столбцахъ 1624 г. № 9-й, отъ царя крымскаго Карачей Ибренимъ паша князь въ грамотѣ своей къ великому князю съ царевымъ гонцомъ Магмутомъ, общався во всемъ усердно служить великому князю просить:

„И бытъ бы съ царевымъ величествомъ Магметъ Гиреемъ въ дружбѣ и въ любви навѣки неподвижно, и Донскихъ бы казаковъ и которые Ногаи съ ними живутъ на Дону и которые Ногаи живутъ въ нашемъ повелѣннѣ въ Астрахани, велѣтъ бы имъ учинить заказъ крѣпкой, чтобъ они государя нашего на улусы не ходили . . . а я холопъ вамъ государю и велик. кн. всѣмъ сердцемъ служу“ . . .

Такие же упреки за Донскихъ казаковъ отъ двора крымскаго и тѣ же оправданія съ нашей стороны повторяются и въ прочихъ сношеніяхъ сего года (1624).

(226.) Дѣла крымскія въ столбц. 1621 года № 1-й, смотри примѣчаніе 224.

ся лѣвою стороною Дона идти въ Астрахани, а оттуда на Донъ для раззоренія казачьихъ городковъ,—казаки жаловались на воеводу украинскихъ городовъ, что они задерживаютъ ихъ станичниковъ, посылаемыхъ съ вѣстями въ Москву. *Старого* и станичниковъ его спрашивали въ посольскомъ приказѣ какъ о всемъ происходившемъ на Дону, такъ и о дѣйствіяхъ казаковъ противъ азовцевъ, крымцевъ и турокъ; увидѣли, что показанія ихъ совершенно согласны съ извѣстіями, полученными прежде отъ посланниковъ и воеводу украинскихъ городовъ и представили о томъ государю. Выслушавъ отписку казаковъ и показанія станичниковъ ихъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, огорченный ихъ непослушаніемъ и своевольствомъ, приказалъ атамана Алексѣя Старого съ четырьмя человекѣми станичниковъ послать въ заточеніе на Бѣло-Озеро и содержать ихъ тамъ до указу закрѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе сего Старый съ товарищи отправлены на Бѣло-Озеро 21 октября 1625 года; 22 послана на Донъ грамота съ атаманомъ Ѳедоромъ Ханевымъ. Сею грамотою гнѣвный царь, изчисливъ все своевольства казаковъ и произшедшій отъ того вредъ государству, упрекалъ ихъ въ неблагодарности къ милостямъ его и требовалъ немедленнаго донесенія: какія причины побуждаютъ ихъ вопреки повелѣніямъ его ходить на море, громить корабли, города турецкіе и улусы крымскіе? ⁽²²⁷⁾

^(227.) Дѣла Донскія изъ вновь найденнаго столбца 1625 года, смотри отписку Донскихъ казаковъ привезенную въ Москву атаманомъ Алексѣемъ Старовымъ 9 октября 1625 года.

„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Россіи, холопи твои Донскіе атаманишка и казачишка Еника Родиловъ и все Донское войско челомъ бьютъ; въ нынѣшнемъ государь въ 134 году пошли нашего войско на Черное море и какъ они пришли между Керчи и Тамани и къ нимъ выбѣжалъ Ясырь съ таманской стороны и они того ясыря распроша прислали къ намъ въ войско съ стругомъ, а въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ, тотъ ясырь сказывалъ, что де Шангерей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ большими снарядомъ, съ пушками, а пушекъ 80, а хочеть идти подъ твою государеву вотчину подъ асторохань и бивъ подъ астороханью, хочеть идти на

Чѣмъ отозвались казаки и какое дѣйствіе имѣла эта гра-
твою государеву рѣку, на Донъ, и насъ холопей твоихъ хочеть
съ рѣки согнать. И мы тому не имя вѣрц послали подъ азовъ,
для языковъ понимали: а въ распросѣ намъ языки сказывали сло-
во въ слово, что де Шингирей перевезся съ крымской стороны на
ногайскую сторону съ нарядомъ и идеть подъ асторохань, да къ
намъ же холопемъ твоимъ, вышли изъ азова три ясыри, а сказы-
вали намъ въ распросѣ тѣ же рѣчи слово въ слово, что Шинги-
рей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону съ сна-
рядомъ, а идеть подъ асторохань, а бывъ подъ астороханью бытъ
хочеть на насъ холопей твоихъ, и къ намъ холопей твоихъ сего
году твоего царскаго жалованья, пороху и свищу не бывало, а
которыхъ, государь, мы холопи твои, посылаемъ къ тебѣ государю
съ твоимъ дѣломъ, атамановъ и казаковъ и украинныхъ го-
родѣхъ твои государевы воеводы побивають и къ москвѣ не про-
пускають; а которые государь, выѣзжаютъ наша братья на укра-
инныи города, для ради своей нужи, и воеводы имъ не велеть
вупить, ни свищу ни пороху. А съ сего государь, отпискою по-
слали атамана Алексѣя Стараго да казаковъ: Терентья Мещере-
ка, Леонтья Карпова, Степана Васильева, Федора Григорьева, Ти-
мофѣя Яковлева, Ивана Амельянова, Спиридона Иванова, Салта-
нова, Азовскаго переѣздчика, да Ивана Михайлова, да Афонасья
Бороду.

134 года Сентября въ 10 день, писалъ къ государю царю и
великому князю Михаилу Федоровичу всеа Россіи, съ Дону Дон-
скіе атаманы Епиха Родпловъ съ товарищи и все Донское войско
въ нынѣшнемъ де во 134 г. пошло ихъ войска на Черное море,
и какъ де они пришли межъ Керчи и Тамани, и къ нимъ выѣз-
жалъ съ таманской стороны полонянинъ, и они того полонянина
распрашивали, а въ распросѣ де имъ тотъ полонянинъ сказывалъ,
что будто крымской калга Шингирей перевезся съ крымской сто-
роны на ногайскую сторону съ большимъ нарядомъ и наряду съ
нимъ 80 пушекъ, а хочеть де итти подъ асторохань, и бывъ подъ
астороханью хочеть итти къ нимъ на Донъ; и они де послали
подъ азовъ для языковъ, и языковъ понимали, и тѣ языки въ рас-
просѣ имъ сказали то же, что калга Шингирей перевезся съ крым-
ской стороны съ снарядомъ и идеть подъ асторохань. Да казаки
жъ съ Дону писали къ государю, которыхъ де они атамановъ и
казаковъ посылають отъ себя, для государевыхъ дѣлъ, въ укра-
инные города и тѣхъ де ихъ атамановъ и казаковъ въ городѣхъ
воеводы побивають и къ москвѣ не пропускають, и свищу и
зелья въ городѣхъ кунить имъ не велѣтъ. А на москвѣ атаманъ
Алексѣй Старой съ товарищи, которые пріѣхали съ Дону сказы-
вали жъ то.

А изъ криму посланники Осипъ Прончпщевъ да подъячей Рах-

мота—не извѣстно; видно только, что они и въ слѣдующемъ манинѣ Болдыревъ писали ко государю, что имъ въ крымѣ отъ царя и отъ калги были выговоры многіе и неволи и хотѣлъ калга итти сего лѣта на государевы украинны, за то, что казаки Донскіе ходятъ на море подъ турецкаго города и на крымскаго улусы, а города и села громятъ и людей побиваютъ; а сего де лѣта взяли на море городъ Трапезонъ и въ Азову приступали приступомъ, и на каланчѣ, на Донскомъ проливѣ, гдѣ Донъ подеть въ море, башню каменную, что поставили турецкіе, взяли. Только государь казакѡвъ унати не велить и съ Дону несведеть и межъ крымскаго царя и калги чають нелюбья и на государевы украинны войны.

Грамота на Донъ отъ 22 октября 1625 года отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Епифану Родилѡву съ товарищи п всему Донскому войску. Въ прошломъ во 133 году, присылали есте къ намъ съ грамотою и съ вестьми атамана Ѳеодора Хагева съ товарищи семь человекъ; а въ нынѣшнемъ во 134 году присылали есте къ намъ съ грамотою жъ и съ вестьми атамана Алексѣя Старова съ товарищи одинадцать человекъ, а и въ грамотѣ своей вы Атаманы и казаки съ атаманомъ Алексѣемъ Старомъ съ товарищи, къ нашему царскому величеству писали, что будто крымской калга Шингирей перевезся съ крымской стороны на ногайскую сторону, со многими людьми и снарядомъ, а хочеть де будто итти подъ астороханъ или къ вамъ на Донъ и хочеть надъ вами промыслить, а атаманъ Алексѣй Старой съ товарищи на Москвѣ нашимъ приказнымъ людямъ сказывали тѣ же рѣчи: а изъ крымѣ посланники наши Осипъ Прончищевъ да подъячій Рахманинъ Болдыревъ писали къ намъ въ отпискахъ своихъ и пришедъ изъ крымѣ и сами на Москвѣ въ распросѣ болдыремъ нашимъ сказывали, что имъ въ крымѣ отъ царя и отъ калги были многіе выговоры и неволи и во всемъ утѣшенья было великое и хотѣлъ де калга и крымскіе люди сего лѣта итти на наши украинны и впередъ на наши украинны итти хотять за то, что вы ходите на море подъ турецкаго города и на крымскіе улусы и города и села громите и людей побиваете и сего де лѣта взяли турецкаго городъ Трапезонъ и къ Азову приступали, и на каланчѣ башню взяли и зарядъ воимали и людей побили. Да и въ грамотѣ своей крымской магметъ Гирей царь и калга Шингирей царевич и Нурадынъ къ намъ писали и съ послы своими приказывали, только мы не велимъ васъ унати и они собравши съ турками и съ крымскими людьми, хотять воевати наши украинны. Да къ вамъ же на Донъ приходять и съ вами вмѣстѣ турецкаго города и села и крымскіе улусы громятъ Запорожскіе черкасы.—Да вы жъ де въ прошломъ году взяли Старой Крымъ и

(1626) году ходили на море для понсковъ, разорили нѣ-
 людей высѣкли, и за то де на царя приходили всѣмъ крымскъ,
 чтобы онъ послалъ воевати наши украины. А прежде того писа-
 ли къ вамъ во многихъ нашихъ грамотахъ съ посланники наши-
 ми и съ вашими атаманы и казаки, чтобъ вы подѣ турскаго го-
 роды не ходили, и на море судовъ и каторгъ не громили и крым-
 скихъ улусовъ не воевали, и тѣмъ насъ съ турскимъ и съ крым-
 скимъ не ссорили, и войны на наши украины не наводили, и
 вы то наше царское повеленье поставили ничто и нашего по-
 веленья не слушаете; и намъ то въ великое подивленье, что вы
 такъ дѣлаете нашего государскаго повеленья не слушаете, на мо-
 ре ходите в турскаго города и каторги громите и крымскаго улус-
 омъ тѣсноту чините и тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и
 крымскаго царя дѣлаете ссору и нелюбие; и вамъ было пригоже
 памятовать какия вамъ неволи была при прежнихъ государѣхъ
 царехъ московскихъ, а послѣднее при царѣ Бориси, невольно вамъ
 было не только къ москвѣ приѣхать, и въ украинные города къ
 родимомъ своимъ, придти и кушити и продати вездѣ заказано, а
 а сверхъ того во всѣхъ городѣхъ васъ имали и въ тюрьмы са-
 жали, а иныхъ многихъ казнили; вѣшали и въ воду сажали. А
 какъ мы учинилсь на нашихъ государствахъ и мы къ вамъ мно-
 гое наше государское милосердые и жалованье показали и преж-
 нихъ вашихъ грубостей, которые есте учинили московскому госу-
 дарству, ничего не помятовали, и учили васъ жаловать какъ
 есть вѣрныхъ нашихъ слугъ и которые атаманы и казаки приѣз-
 жаютъ отъ васъ съ Дону намъ бити челомъ о вашихъ дѣлахъ и
 о своихъ нуждахъ, и мы ихъ жалуемъ и велимъ имъ видети на-
 ши царскія очи, бывають у насъ у стола и на приѣздѣ и на от-
 ъездѣ жалуемъ ихъ нашимъ жалованьемъ камзаями и тафтами и
 сукны добрыми, и поденной кормъ и питье даютъ имъ довольно,
 и отпускаемъ ихъ во всемъ милостивно, и челобиты ихъ не став-
 ливаемъ. Да къ вамъ же посылаемъ наше жалованье, деньги и
 сукна и запасы всякия мало не желѣтъ, и изъ городовъ наши тор-
 говые люди ѣздеть къ вамъ со всякими торги и запасы и во
 всемъ есмь къ вамъ наше жалованье и милость и вольность вамъ
 учинили, чего изъ начала ни при которыхъ государехъ не быва-
 ло; а то есмь все чинили для того чтобы вы нашего повеленья
 слушали и на турскаго города и земли и на крымскіе улусы не
 ходили, и тѣмъ насъ съ турскимъ и съ крымскимъ не ссорили и
 войны на наши украины не наводили и Запорожскихъ черкасъ
 къ себѣ не пускали и сами къ нимъ и съ ними на море не хо-
 дили. И вы то все наше жалованье и повеленье поставили ни-
 что и вмѣсто того, что было вамъ за наше государское жало-
 ванье намъ служить и на недруговъ нашихъ стоять, показываете
 противъ насъ супротивленье и не послушанье, а про Запорож-

сколько деревень въ окрестности Ковлова, взяли множестео
скихъ казаковъ сампмъ вамъ вѣдомо, какія они грубости починя-
ли нашему государству города многіе поймали и людей побили;
да нетокмо что нашему государству зло починили, и всю землю
разоряють, недавно то было что они у турскаго на море города
повоевали и поймали, а турской асманъ салтанъ противъ того
пришедь въ польшу и въ литву, многіи земли разорилъ и въ тѣ
поры побито казаконъ Запорожскихъ болѣе 30 тысячь. А отъ васъ
къ намъ помочи пи какія не бывало: одинакова есмя къ вамъ
посылали, чтобы вы прислали къ намъ тысячу человекъ въ то
время, какъ есмя вели войну съ польскимъ королемъ, и кормъ
имъ былъ готовъ и вы въ тѣ поры намъ помочи никоторыя не
учинили; и натоля ваша къ намъ служба и радѣнье, въ отпус-
какъ своихъ пишете къ намъ всегда, что вы намъ служите и
впередъ хотите служить, а повелѣнья нашего николи не слушае-
те и съ сторонними государи которые съ нами въ ссылкѣ и въ
дружбѣ, насъ ссорите да отъ васъ же многіе атаманы и казаки
ходятъ на волгу и на яикъ, и на море и на волгѣ суды и бусы
громять и многую шкоту дѣлають; а вы ихъ отъ того не унимае-
те, а въ прежнія лѣта на Дону у васъ бывалъ о томъ крѣпкой
заказъ, кто куды пойдетъ безъ вѣдома войсковаго и тѣмъ казни-
вали смертью. Да атаманы же и казаки преже того намъ служи-
вали, коли пойдуть на наши украинны какіе воинскіе люди, и они
по всѣмъ рѣкамъ и перевозамъ становили и тѣхъ людей громили
и языковъ имывали и полонъ отбивали, а московскому государ-
ству тѣмъ чинили помочъ не малую; а нынѣ казыева улуса но-
гайскіе люди на наши украинны приходятъ и воюють мало неежѣ-
лѣтъ, а отъ васъ къ намъ помочи нѣтъ никоторыя, только лише
насъ съ турскимъ и съ крымскимъ ссорите: и только за такую
вашу ссору турской салтанъ и крымской царь взочнуть съ нами
не дружбу и пошлютъ своихъ воинскихъ людей на наши города
войною, и то все взочнется и кровь крестьянская прольется отъ
васъ. И мы великій государь несмотря на ваши многіи грубости
прежнихъ вашихъ посланниковъ атамана Фодора Ханева съ то-
варищи 7 человекъ, пожаловалъ нашимъ жалованьемъ и камками
и тафтами и сукны, на приѣздѣ и на отпускѣ и поденнымъ кор-
момъ отпустили къ вамъ на Донъ да съ ними жъ вмѣстѣ отпу-
стили Алексѣя Стараго товарищей 6 челов. казаковъ, а атамана
Олексѣя Стараго съ товарищи 5 человекъ велѣли есмя оставити
на москвѣ до нашего указу, до тѣхъ мѣсть, покамѣста вы къ
намъ отпустите для чего вы нашего государскаго повелѣнья не-
слушаете, на море подъ турскаго города войною ходите и горо-
ды турскаго салтана и на море корабли и каторги громите и
крымскіе улусы воюите, и тѣмъ межъ насъ и турскаго солтана и
и крымскаго царя ссору учинили великую, и Запорожскихъ чер-

плѣна и завладѣли тремя турецкими кораблями на азовскомъ морѣ (228) и что весною того же года, соединясь съ Запорожскими черкасами, осаждали Азовъ, выжгли предмѣстiя онаго и разорили отводныя башни (229).

какъ къ себѣ пускаете и сами къ нимъ ходите, а наказанья есмя надъ вашими атаманы и казаки нынѣ учинити не велѣли для того, ожидаючи отъ васъ къ намъ обращенья и службы. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ къ намъ отписали на скоро для чего вы нашего повелѣнья не ослушаете, и съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ насъ ссоряете и Запорожскихъ черкасъ къ себѣ пускаете и сами къ намъ ходите и съ ними на море ходите и турецкаго салтана города и селѣ крымскаго царя улусы громите и задоры чините и почѣму веленью вы такъ дѣлаете, о томъ бы естя о всемъ отписали къ намъ на скоро; а впередъ бы есте однолично нашего повелѣнья не слушались, подѣ турецкаго города и на крымскіе улусы не ходили и ссоры не чинили, и воровъ бы есте атамановъ и казаковъ, которые ходятъ на волгу и на янкъ, отъ воровства уймали и учинили имъ наказанье по своему суду, какъ у васъ на Дону повелось и впередъ бы ихъ на волгу и на янкъ не пускали, и черкасовъ Запорожскихъ къ себѣ на Донъ не пускали и къ нимъ не ходили и съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ насъ не ссорили; а какъ вы въ томъ предѣ нами исправитесь, и мы васъ нашихъ людей учнемъ жаловати и въ нашей милости имѣти по прежнему и свѣще. А будетъ вы впередъ учнете нашего повелѣнья не слушаться и жежъ насъ и турецкаго салтана и крымскаго царя учнете ссору чинить, а по той вашей ссорѣ турецкой и крымской приплюютъ на наши украинны воинскихъ людей и которое дурно отъ того учинится, и то будетъ отъ васъ; а намъ вамъ за такія грубости жалованье довать не за что и въ города въ некоторыя васъ пускати и запасы ни съ какими изъ городовъ къ вамъ ѣздить не велимъ, и то вамъ будетъ отъ себя, а не отъ нашего гнѣву. Писанъ на Москвѣ лѣта 7134 Октября въ 22 день.“

(228.) Дѣла крымскіи въ столбцахъ 1627 года № 1-й, отписка бывшихъ въ крымѣ посланниками Скуратова и Посникова.

„А князь Кантимировъ братья Антимиръ да Селменшахъ мурзы побѣждали изъ крымѣ; а съ нами пошло двѣ тысячи крымскихъ людей, а пошли за казаками Донскими, которые пошли за князь Кантимиромъ, а повороту тѣмъ крымскимъ людямъ и Донскимъ казакомъ не бывало; въ походѣ за крымомъ.“

(229.) Дѣла ногайскіи въ столбц. 1627 г. № 1-й, смотри отписку астраханскихъ воеводъ Головина и Зубова въ посольскій приказъ.

„Въ прошлое де государь во 134 г. по лѣту съ Дону ѣздилъ

Участіе Донскихъ казаковъ въ разбояхъ по Волгѣ и по Каспійскому морю съ волжскими казаками и наказаніе за сіе. Въ слѣдующемъ году нѣкоторые изъ Донскихъ казаковъ, верхнихъ городковъ прельщенныя молвою о богатыхъ добычахъ, пріобрѣтаемыхъ казаками волжскими на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, — самовольно ушли на Волгу и вмѣстѣ съ тамошними разбойниками грабили вунеческія и казенныя суда персидскія и русскія. Но таковое своевольство не было общимъ всѣмъ Донскимъ казакамъ и строго наказывалось: уличенныхъ въ участіи съ волжскими казаками въ разбояхъ, по приговору главнаго войска, били ослопьемъ и грабили; не щадили даже и людей торговыхъ, кои покупали у нихъ ясырь, а имъ продавали свинець и порохъ ⁽²³⁰⁾.

на Черное море Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы, которые на Дону зимовали, многіе люди и на Черномъ де, государь, море казаки и черкасы ничего не добыли, а иныхъ де, государь, казаковъ и черкасъ турскіе люди, пришедъ на каторгахъ, побили; да въ прошломъ же, государь, во 134 году на веснѣ Донскихъ казаковъ и черкасъ съ двѣ тысячи человекъ ходили подъ Азовъ и къ Азову приступали и около Азова города пожгли и отводные башни разломали и былъ у нихъ съ Азовцы подъ городомъ бои, и бився пришедъ назадъ въ свои городки.“

⁽²³⁰⁾ Тѣхъ же дѣлъ въ столбц. 1627 г. № 1-й, отписка астраханскихъ воеводъ Буйносова, Ростовскаго и Волгискаго съ товарищи.

„И атаманъ де Елиха Родиловъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманомъ, съ которыми въ городѣхъ тѣ казаки, что нынѣ воруютъ на Волгѣ, атаманъ Данилко съ товарищи зимовали, а велѣли тѣхъ атаманомъ и казаковъ давать на поруки, чтобъ имъ стати въ войскѣ на яру на урочище Монастырскомъ; а иныхъ атаманомъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаки, что нынѣ воруютъ и ихъ ссужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочище Монастырскомъ въ стѣздѣ, и ихъ де государь атаманъ Елиха Родиловъ съ товарищи били ослопьемъ и грабили при нихъ, а торговыхъ де, государь, людей, которые съ тѣми жъ ворами зимовали и торговали съ ними у казаковъ покупали ясырь, а казакомъ продавали зелье и свинець, а тѣхъ де, государь, торговыхъ людей Донскіе казаки били жъ и грабили и о томъ учинили заказъ крѣвикою, чтобъ отнюдь ни кто съ Дону на Волгу для воровства не ходилъ, а тотъ-ко де, государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ облич-

Со времени заточенія Старово, казаки нося на себѣ опалу цареву два года съ половиною не имѣли никакихъ сношеній съ Москвою; они искали случая заслужить прощенія въ винахъ своихъ, и случай этотъ скоро имъ представился. Султанъ турецкій, несмотря на обиды и разоренія, претерпѣваемые подданными его отъ казаковъ, не хотѣлъ прервать дружественныхъ сношеній съ Россією потому болѣе, что въ государь ея видѣлъ ясныя доводы благорасположенія къ себѣ; въ 1627 г. султанъ вторично отправилъ въ Москву посланника своего Оому Контакузина, поручивъ ему ходатайствовать и объ увятіи казаковъ отъ набѣговъ на его владѣнія. Казаки обрадовались, извѣстясь о прибытіи Контакузина въ Азовъ, встрѣтили его и проводили до украинъ съ честію. Послѣ сего ждали возвращенія Контакузина изъ Москвы и милостивой грамоты и не обманулись въ надеждѣ. Государь отпуская этого посла съ новымъ увѣреніемъ въ доброжелательствѣ своемъ къ повелителю оттомановъ и въ томъ, что Донскіе казаки живутъ вольно, повелѣній его не слушаютъ, въ тоже самое время отправилъ къ султану и своихъ пословъ (Яковлева и Евдокимова), поручивъ имъ доставить казакамъ денежное и хлѣбное жалованье, сукно, селитру и порохъ, свинець и милостивую грамоту. Казаки снова встрѣтили все посольство съ отличною почестію, приняли государеву грамоту и дары съ радостію, слави милость и щедрость монарха, и родителя его, святѣйшаго патріарха Фила-

витса на Дону, и тому быть казнену смертію; да казаки жъ де, государь, 60 челов. ѣздили подъ Казневъ улусъ для конскаго отгону и въ тѣ де, государь, норы изъ Азова ѣхали въ казневъ улусъ Казиевскаго Касая князя внукъ Би-Арасланъ Мурза Камаметевъ, а съ нимъ де, государь, было 33 челов. татаръ, а Донскіе де, государь, казаки на перѣздѣ того мурзу погромили и десять челов. татаръ убили, а 10 челов. ушли; а Би-Арасланъ мурзу, да съ нимъ 13 челов. татаръ взяли въ азыцѣхъ и привезли на Донъ, и нынѣ де, государь тотъ мурза и татаровѣ у казаковъ на Дону; да послалъ де, государь, было изъ Крыму Шанъ Гирей царевичъ, въ Казневъ улусъ къ Касая князю съ грамотою татарина и что де татарина казаки взяли и послали съ Дону къ тебѣ къ государю къ Москвѣ.“

рета,—и наконецъ проводили посланниковъ въ Азовъ безъ малѣйшаго задержанія. Увѣдомленный объ этомъ государь прислалъ въ войско похвальную грамоту, повелѣвалъ жить съ азовцами мирно, не громить ни судовъ, ни городовъ турецкихъ (231).

(231.) Дѣла Донскія съ 1623 по 1652 г., книг. № 1, см. грамоту на Донъ 2 Сентября 1628 года.

„Отъ царя и великаго князя Мпханла Ѳеодоровича всеа Русіи, на Донъ въ верхніе и нижніе урты атаманомъ и казакомъ и всему войску. Въ вышшемъ во 136 году августа въ 20 день писали къ намъ изъ Азова послы наши Семень Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ и турецкій посоль Тома Контакузень, что вы атаманы и казаки, по нашему указу встрѣтили ихъ и приняли честно, а послы наши Семень Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ нашу грамоту и наше жалованье, что съ ними къ вамъ послано, деньги и сукна и зелье и свинець и селитру и хлѣбные запасы вамъ отдали и вы атаманы и казаки грамоту нашу вычли и жалованье наше приняли и рѣчи у пословъ нашихъ выслушали, и нашему жалованью обрадовались и за наше и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи, многолѣтное здоровье молили Бога и пѣли молебны звъономъ и учинили стрѣльбу, и пословъ нашихъ и турецкаго посла съ Дону въ Азовъ отпустили и проводили до Азова честно, и мы великій государь насъ атамановъ и казаковъ за ту нашу службу похваляемъ, что вы намъ службу свою показали пословъ нашихъ приняли и въ Азовъ отпустили и проводили честно, и впредь бы ести намъ великому государю служили и радѣли а нашего царскаго указу и повелѣнья ни въ чемъ неослушались, и на море турецкаго Муратъ салтана судовъ не громили и городовъ и селъ и мѣстъ не воевали и съ Азовцы жили смирно задоровъ никакихъ не чинили, тѣмъ бы есте ссоры не дѣлали для того, что турецкой Муратъ салтанъ съ нами великими государемъ учинился въ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви свыше прежнихъ великихъ государей и чтобъ въ томъ межъ насъ и турецкаго салтана нелюба не было, и вамъ атаманомъ и казакомъ къ нашему царскому величеству служба свои совершить, ссоры межъ насъ съ турецкимъ салтаномъ нечинити, чтобъ нашему царскому и земскому дѣлу поруки, а съ посломъ нашимъ во Царь городѣ вычетовъ и мѣшканья и тѣсноты не было; а какъ послы наши Семень Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ пойдутъ изъ Царь города назадъ, а съ ними будетъ пойдутъ турецкіе послы, и вы бѣ атаманы и казаки пословъ нашихъ и турецкихъ пословъ встрѣтили и приняли потому жъ во всемъ честно и отпустили ихъ къ намъ къ Москвѣ не задержавъ, и суды подъ нихъ и гребцовъ имъ дали

Когда дворъ російскій въ посольскихъ сношеніяхъ своихъ съ крымцами и турками утверждалъ, что Донскіе казаки изстари люди своевольные, что царь указалъ воеводамъ всѣхъ украинскихъ городовъ своихъ захватывать ихъ и казнить смертію, въ то время, на разнѣнномъ мѣстѣ, въ пріѣздъ крымскаго послащника князя Сулешева, нечаянный случай едва было нарушилъ согласія россиянь съ крымцами, хотя съ обѣихъ сторонъ и не искренниго. Осенью того же (1627) года, 10 казаковъ съ атаманомъ Степановымъ отправлены изъ войска въ Москву легкою станицею съ какимъ-то весьма важнымъ донесеніемъ; съ ними 47 человекъ промышленниковъ изъ разныхъ Русскихъ городовъ гнали съ Дону купленныхъ ими 150 лошадей. Близъ Валукъ съѣхались они съ крымскими посольскими людьми, кои почти ихъ всѣхъ за Донскихъ казаковъ, а лошадей за отбитыхъ въ улусахъ крымскихъ, завязали съ ними бой, взявъ двухъ человекъ въ плѣнъ, извѣстили объ этомъ на посольскомъ разнѣнномъ мѣстѣ околичаго Льва Карпова и просили отъ него помощи. Послѣ сего возникли укрѣпки со стороны крымцевъ, что государь явно потворствуетъ казакамъ, дозволяя имъ ѣздить свободно въ Россію съ отбитыми лошадьми.

Противъ сего околичій Карповъ увѣрилъ крымскаго послащника князя Сулешева, что видинные имъ люди не Донскіе казаки, но разныхъ Російскихъ городовъ промышленники, ходившіе вопреки повелѣніямъ царскимъ на Донъ и позапольнымъ рѣчкамъ для звѣринныхъ промысловъ; что онъ донесетъ объ нихъ государю и они за своеволія свои немилосердно какъ мочно поднятиса, а на передъ ихъ отпуску прислали бы есте къ намъ станицу, кто именовъ турскихъ посоль будетъ и многоль съ нимъ будетъ всякихъ людей, чтобъ намъ про нашихъ и про турскихъ посоль было вѣдомо, а мы великій государь учнемъ васъ держать въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованье, въ томъ бы есте на наше жалованье были надежны; да и о вѣстахъ бы есте, которые намъ надобны про крымскаго и про литовскаго и про иные, что у васъ объявятся, къ намъ писали, чтобъ намъ крымскіе и литовскіе вѣстп быля вѣдомы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7136 сентября въ 2 день.“

нуемо будуть казнени смертію. Таковыя увѣренія успокоили посла. Благоуразуміемъ Карпова возстановлено прежнее спокійство и взаимное доброжелательство между довѣренными російскими и крымскими на разбѣнномъ мѣстѣ (232).

(232.) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1627 г., № 3-й, отинска окольничаго Льва Карпова изъ Волуйки въ посольскій приказъ, получ. 14 октября 1627 года.

„Сентября, государь, въ 29 день часу въ 4 дни прислали къ намъ холопемъ твоимъ на рѣчку на Ураеву на станъ крымской встрѣчника Мустафа князь Сулешевъ, прѣбывающаго отъ крымскаго царя посломъ съ товарищи, татарина, а сказалъ намъ, государь, тотъ татаринъ: появились де изъ степи отъ Дона многіе люди, а чаютъ они, что воры Ногаи или Черкасы и намъ бы государь холопемъ твоимъ послать людей къ нимъ въ прибавку, чтобъ отвѣдать какіе люди. И мы государь послали голову съ сотнями Рахманнина Вышеславцова съ мещарины да Михайловскаго сотника казачья Микиту Раздеришина съ казаки, а велѣли ити на то мѣсто гдѣ обьявились воры. И того, государь, часу Мустафа князь Сулешевъ прислалъ къ намъ холопемъ твоимъ другога татарина, что воры Донскіе казаки идутъ на Волуйку, а гонятъ съ собою ихъ крымскіе отгонные лошади, и сѣли де въ кустахъ и съ ними бьются, и намъ бы, государь, холопемъ твоимъ помочь учинити. И мы государь холопи твои посылали волуйскаго голову казачья Юрья Чуфаровскаго, а велѣли ихъ спросить, какіе люди и гдѣ были и куда идутъ; распрося велѣли сказать намъ холопемъ твоимъ, а головамъ, государь, съ сотнями Рахманнну и Микитѣ велѣли стоять наготовѣ, для того, либо учинять, съ твоими государевыми людьми бой; и Юрій, государь, Чюваровскій прѣбхавъ намъ холопемъ твоимъ сказалъ, что люди русскіе изъ разныхъ городовъ были на Дону, а съ ними есть и Донскіе казаки, а сказывался татарамъ, что они не Донскіе, изъ городовъ Камышенки ходили за звѣремъ, а иные для рыбныхъ ловель и съ татары хотѣли битца, а Донскіе казаки, какъ Юрій къ нимъ подѣхалъ отъ татаръ подавъ, сказали ему не въ слухъ, что они ѣдутъ къ тебѣ государю съ твоимъ государевымъ великимъ дѣломъ, и намъ бы холопемъ твоимъ, вмѣ помоць учинить, или велѣть у нихъ грамоты взять, чтобъ съ тѣмъ дѣломъ ихъ татаровѣ не взяли, а про то бѣ дѣло въ Крымъ не вѣдомо было.— А Мустафа, государь, князь Сулешевъ прислалъ къ намъ Устмири мурзу Сулешева, а съ нимъ ясауловъ и говорили, что воры Донскіе казаки идутъ на Волуйку съ крымскими погромными лошадьми, и съ ними бьются, и намъ бы на тѣхъ воровъ съ ними стоять за одинъ, а будетъ на тѣхъ воровъ не дадимъ людей, и имъ де съ ними битца хотя многимъ побитымъ быти, а ихъ не упустишь. И мы, государь,

Крымскій ханъ снова требуетъ унять казаковъ отъ набѣговъ на крымъ. Ханъ крымскій не переставалъ настаивать о унятіи Донскихъ казаковъ отъ набѣговъ на улусы его: «если хочешь быть другомъ мнѣ» — писалъ ханъ къ великому князю въ

холодн твои, къ Мустафѣ кн. Сулшешеву приказали, чтобъ онъ самъ со всѣми татари отшелъ прочь и съ ними не близя, чтобъ тѣ воры на бою татаръ не побили и ссоры бѣ въ томъ межъ тобою, государемъ, и крымскимъ царемъ не учинити; а мы съ тѣми ворами битца учнемъ сами; и какъ ихъ пседемъ и то объявятца съ Дону казаки воры ли или иные люди и съ нимъ втомъ обошлемся и учнемъ надъ тѣми ворами, только будетъ Донскіе казаки, по твоему государеву указу, и въ томъ бы Мустафа князь въ закладъ аманатовъ, втомъ какъ твои государевы люди тѣхъ воровъ понимаютъ и побдуть съ ними въ наши станы и на тѣхъ бы людей не приходили и съ твоими государевыми людьми не ссоритца и драки не учинити, и Мустафа, государь, князь въ томъ прислалъ въ закладъ Сулеймана мурзу Алѣева, да Ага Качика да Баранчу, и самъ Мустафа князь со всѣми крымскими людьми и ногаи отошелъ прочь въ свои станы. И мы государь холоди твои посылали къ казакѣмъ волуйскаго голову казачья Юрья Чуваровскаго и велѣли ему говорити, чтобъ они съ твоими государевыми людьми не близя и шли къ намъ холопомъ твоимъ въ стапъ, а дурна надъ ними ни какого учинитъ не велимъ; и послѣ, государь, того часа съ два, а съ собою привелъ русскихъ людей разныхъ городовъ, которые ходили на Донъ съ запасы 47 человекъ да Донскихъ казаковъ Андрея Степанова съ товарищи 9 чел., а съ ними 34 лошади, а въ распросѣ, государь, намъ холопомъ твоимъ Донскіе казаки сказали, что они ѣдутъ съ Дону ото всѣхъ казаковъ съ твоимъ государевымъ великимъ дѣломъ. И мы холоди твои тѣ отиски съ чѣмъ они къ тебѣ къ государю ѣдутъ чли и про лошади, и чѣмъ они прихали, спрашивали сколько съ ними крымскихъ лошадей и Донскіе, государь, казаки атаманъ Андрей Степановъ съ товарищи сказали: лошади де, которые съ нами, ихъ казачьи, а не крымскіе, а имали де ихъ они на боехъ у ногайскихъ людей, а иные де лошади писали за ногайскихъ татаръ, которыхъ они имали на боехъ за окупъ, и иные, государь, люди оказались разныхъ городовъ Воронежцы, Вѣльцы, Ельчанѣ, Ряшене, Калужане всякіе люди, были на Дону съ провозанымъ запасомъ и съ впономъ и съ иными товары, а съ ними крымскихъ и ногайскихъ 122 лошади, и сказали, государь, про тѣ лошади, что покупали на Дону у казаковъ и на запасы имали, и того жъ, государь, часу ни помѣшкавъ ни мало приѣзжалъ къ намъ отъ Мустафы князь Иліясъ Уланъ-Мурза Алгари Агинъ братъ и

1627 году,—что постарайся унять Донскихъ казаковъ, чтобы они на море не ходили и азовцамъ и моимъ подданнымъ не дѣлали обидъ и раззореній. Смиь только докажишь что искренно желаншь покая и тишины» (233). Подобнымъ образомъ убѣждалъ онъ великаго князя и другою грамотою привезенною посломъ его Солейманъ Агою въ сентябрѣ мѣсяцѣ, присовокупивъ что раззоренія произведенныя во владѣнїяхъ его Донскими казаками столь ужасны, что подобныхъ не было (234).

говорилъ намъ холопомъ твоимъ что воры Донскіе казаки воруютъ и прїѣзжаютъ со всякимъ воровскимъ грабежомъ въ твои государевы въ украинные города, а государь ихъ отъ воровства унять не велить. и мы государь холопи твои говорилъ: Донскіе казаки прямые воры и за тѣхъ воровъ государь не станетъ и стоять не будетъ; а тѣ люди, которые нынѣ объявились ворами, камышинки гулящие люди, ходили на Донъ украдомъ не по государеву указу и утайся государевыхъ воеводъ, и тѣ люди у насъ перевязаны и пишемъ нынѣ объ нихъ государю, что государь объ нихъ укажетъ, а чаемъ того, что государь—велить ихъ казнить смертію, чтобы нынѣ не повадно на Донъ ходить и съ Дону воры съѣзжатца и торговать, а Донскихъ казаковъ съ ними никою нѣтъ, и Улясь Уланъ говорилъ, государь, то де добро, что государь велить отъ воровства унять, а говоря, государь, съ нами о томъ, поѣхалъ въ свои станы. А какъ, государь, первая сѣна была у казаковъ съ татары, и въ ту, государь, пору татаровѣ взяли русскихъ двухъ человекъ Ельчанъ. А Донскихъ, государь, казаковъ атамана Андрея Степанова съ товарищи, девять человекъ, со всѣмъ и съ лошадями отпустили къ тебѣ къ государю къ Москвѣ.“

(233.) Дѣла крымскія въ столбц. 1627 г., № 4-й, смотри грамоту хана, присланную съ гонц. Дюкяъ Алеѣ Аталыкомъ.

„И вамъ бы брату нашему Донскихъ казаковъ велѣтъ унять, чтобы они въ судѣхъ на море не ходили и азовскимъ людямъ тѣсноты и убытковъ не чинили, а только отъ вашихъ людей нашихъ людямъ тѣсноты и убытки учинятца, или отъ нашихъ людей вашихъ людямъ какіе убытки учинятца и то не добро будетъ, и вамъ бы брату нашему о добромъ дѣлѣ о покое и о тишинѣ порадѣтъ прямымъ сердцемъ своимъ.“

То же писали и Калга Шангирей и прочіе цареви ближніе люди и мурзы въ своихъ грамотахъ.

(234.) Тамъ же, № 8-й, см. грамоту крымскаго Хана къ великому князю.

„И нынѣ мы повелѣваемъ, будетъ съ нами похотите быти въ

Раззореніе казаками Карасу—Базара, Балаклавъ и многихъ деревень въ Крыму. Но эти требованія хана и мѣры какія принимало россійское правительство для унятія казаковъ, были не дѣйстви-тельны: не взирая на запретительныя грамоты въ этомъ го-ду, изъ посольскаго приказа писанная на Донъ и на пре-досторожности турокъ и крымцовъ, казаки не отставали отъ любимыхъ своихъ морскихъ поисковъ. Пользуясь бывшимъ въ Крыму въ 1628 г. междоусобіемъ, они соединились съ Запо-рожцами, приплыли къ берегамъ крымскимъ, опустошили многія села и деревни, выжгли городъ Карасу (нынѣшній Ка-расу—Базаръ), и наполнивъ струги свои добычею и плѣ-номъ, стояли тутъ нѣсколько времени отдавая на округъ плѣн-ныхъ; а осенью того же года громили Балаклаву и отсюда возвратились въ войско ⁽²³⁵⁾.

друзбѣ и вамъ бы съ наши слова выслушати и къ намъ свое прямое слово писати, а воровъ, которые приходятъ съ вашіе сто-роны степью и водянымъ путемъ, тѣхъ велѣти уняти, а будемъ молите не такъ, и вамъ бы потому объявити, и мы себѣ также учнемъ промышляти, а уже дастъ Богъ хотимъ быти другу дру-гомъ, а не другу не другомъ, а съ тѣхъ мѣсть какъ мы учинимъ ся съ вами братомъ нашимъ и сколько учинили намъ Донскіе ка-закъ и астраханскіе воры убытковъ, и мы такихъ убытковъ и отъ днѣпровскихъ казаковъ не видали. . . . и казаковъ бы вамъ уняти, чтобъ они крымскому юрту и Азову убытковъ не чинили и на Черное море въ стругахъ не ходили, и только по-хотите быти въ дружбѣ и вамъ бы однолично тѣхъ казаковъ уняти въ скорѣ.

⁽²³⁵⁾ Дѣла крымскія въ столбц. 1628 г., № 10, см. грамоту волуйскимъ воеводамъ окольникову Бутурлину и дьяку Трапнну.

Въ грамотѣ изъ посольскаго приказа отъ 24 іюли окольнике-му Федору Бутурлину и дьяку Трапнну, бывшимъ на Волуйкѣ для посольской размѣны, извѣщаютъ ихъ, что посланники наши Тар-бѣевъ и Басовъ доносятъ государю, что новой царь Джанбекъ Гирей на отпускѣ говорилъ имъ, „что онъ съ нами въ братствѣ и дружбѣ и на своей правдѣ стоитъ крѣпко, а съ нашей сторо-ны дѣлается не потому, какъ де онъ велѣ войну съ прежнимъ Магметъ Гирѣемъ царемъ и съ калгою Шагирѣемъ царевичемъ и ходилъ противъ ихъ, а мы будто въ то же время прислали на крымскіе улусы Донскихъ казаковъ и тѣ де казаки ихъ крымскіе улусы поновали и деревни пожгли и лутшей городъ Карасовъ

Царь крымскій посланниковъ нашихъ, находившихся въ Крыму, намъ брваается выггли и нынѣ де казаки стоятъ въ крымскихъ улусѣхъ и шкоты людемъ ихъ чинятъ, и то будто съ наше стороны дѣлается неправда.“

Дѣлъ Донск. см. въ книгѣ содержащей въ себѣ отпуски, грам. на Донъ 1629 г. октября 6-го.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русіи, на Донѣ въ нижніе и верхніе юрты атаманомъ и казакомъ, Волоките Фролову съ товарищи. По нашему указу писано къ вамъ отъ насъ напередъ сего многожда и дворяни посланы къ вамъ на рочно, многіе, чтобъ вы на море не ходили и турскаго салтана судовъ не громили и людей не побивали, и на крымскіе бѣ улусы не ходили и шкоты имъ никакіе не чинили, тѣмъ межъ нашего царскаго величества и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюби не чинили, и чтобъ за то украинамъ нашимъ отъ турскаго и крымскаго войны и разоренья не было; а въ прошломъ въ РЛС (136) году присылалъ къ намъ и къ отцу нашему къ великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русіи, турской Муратъ салтапъ посла своего Гречанина Оому Кантавузена зъ грамотою о великихъ дѣлѣхъ, а писалъ къ намъ, что онъ съ нами, великимъ государемъ, хочеть быть въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви, свыше прежняго, а намъ бы великому государю потому жъ быти въ крѣпкой братской дружбѣ и въ любви, и васъ бы казаковъ унять, чтобъ вы на море не ходили и людемъ его тѣсноты не чинили; и мы великій государь и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи къ турскому Муратъ салтану посла его Оому Кантакузина отпустили, съ нимъ вмѣстѣ послали есмь къ турскому салтану пословъ нашихъ дворянина Семена Яковлева да дьяка Петра Овдокимова, а съ ними писали есмь къ турскому Муратъ салтану, что вы Донскіе атаманы и казаки по нашему указу на море ходите и судовъ громить и мѣсть и селъ воевать не учнете, а къ вамъ атаманомъ и казакомъ писали есмь съ великою опалою и укрѣпленіемъ, чтобъ на море не ходили и судовъ не громили и городовъ и селъ турского не воевали и съ азовцы помирались и были бѣ въ миру и задоровъ бы никакихъ не чинили, тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюби не чинили, чтобъ нашему и земскому дѣлу помѣшники, а посламы нашимъ въ Азовѣ и въ Кафѣ и въ Царегородѣ за то вычетовъ и задержанья не было, и наше бѣ царское и отца нашего великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи слово нико не было, и наше жалованье къ вамъ съ послы нашими послали есмь для того, во всемъ по прежнему, да и то къ вамъ въ

казнить смертію. Раздраженный симъ нападеніемъ

нашей грамотѣ съ послы нашими писано и атаманомъ вашимъ и казакомъ на Москвѣ сказано, только вы атаманы и казаки мимо нашъ царской указъ учнете на море ходитъ и турскаго людемъ тѣсноту чинити и села и деревни воевать, и вамъ атаманомъ и казакомъ отъ насъ великаго государя бити въ великой опалѣ и въ великомъ наказаніи, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссіи бити въ вѣчномъ запрещеніи и въ отлученіи; а послѣ пословъ нашихъ послали есмя къ вамъ съ нашею грамотою Афонася Блохина, а послѣ Афонася послали есмя къ вамъ дѣтей боярскихъ Данила Везенина да Сидора Маслова, съ нашими грамотами; а послѣ того послали есмя атамана Федора Родіонова, а писали есмя къ вамъ, чтобы вы про пословъ нашихъ про Семена Яковлева, да про дьяка про Петра Овдохимова провѣдывали, да какъ они придуть въ Азовъ, и вамъ велѣно ихъ съ тою вѣстью прислати къ намъ не вдругъ, чтобы намъ про нашихъ и про турскихъ пословъ было вѣдомо, и самимъ бы вамъ съ азовцы жить смирно и задоровъ никакихъ не чинити и на море однолично не ходити и турскаго селъ и деревень и крымскаго улусовъ не воевати, и ни чѣмъ ни задиратися, и вы атаманы и казаки указъ нашъ и отца нашего великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссіи поставили нивочто, и на море ходили и турскаго Муратъ салтана суды громили и на крымскіе улусы ходили и воевали; а въ прошломъ во РЛЗ (137) году писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Ивановомъ Косымъ съ товарищи и прислали дву человекъ татаръ, что оггромили у Шагирея царевича, и тѣ товарищи ваши атаманъ Косой съ товарищи въ распросѣ сказывали, что вы атаманы и казаки нынѣшнее весны съ азовцы учинились въ розмирѣе и сходства у васъ на обѣ стороны нѣтъ, а по нашимъ грамотамъ къ намъ къ Москвѣ ни о какихъ вѣстехъ не пишете и по сіе время РЛИ (137) года октября по 6 день, и что сами вѣдаете, что турской Муратъ салтанъ съ нашимъ царскимъ величествомъ учинился въ братской крѣпкой дружбѣ и въ любви и послы наши у него во Царьгородѣ были и отпущены къ намъ; да и тотъ слухъ есть отъ полоняниковъ, что нынѣ наши послы и турскаго посоль въ Кафѣ съ воровствомъ вашимъ учинился, что вы задоровъ учинили и съ азовцы задрались и на море ходили и села и деревни воевали, и то мѣшканье и задержанье учинилось посломъ отъ вашего воровства; а крымской Джанъ-Бекъ Гирей царь къ намъ великому государю писалъ, что онъ съ нашимъ царскимъ величествомъ учинился въ крѣпкой дружбѣ и любви и на своей правдѣ стоитъ крѣпко и неподвижно, и отъ людей его украйнамъ нашимъ убытковъ нѣтъ никакихъ, и вы де атаманы и казаки на крымскіе улу-

казакъ Джанбекъ-Гирей въ пылу гнѣва приказалъ было сы приходите, села и деревни воюете и грабите, людей побиваете; а въ прошломъ де году ходили они противъ недруговъ своихъ Магметъ Гирей царя и калги Шангирей царевича и безъ нихъ де въ то время приходили въ атаманы и казаки на крымскіе улусы и лутчее мѣсто городъ Карасовъ выжгли и высѣли людей и корысти многіе поймали, и они де того съ нашей стороны неначались и чають того, что вы то сдѣлали съ нашего повелѣнья, и намъ бы отъ того васъ велѣть унять и громленые животы и полонъ поворотить имъ назадъ, а только мы то не същемъ и отъ того васъ унять не велимъ, и они съ нами въ дружбѣ и въ любви быти не хотять и противъ того также нашимъ людямъ терпѣти не хотять и хотѣли было за то на наши украинны послати войною; а посланники наши Степанъ Тарбѣевъ да подъячей Иванъ Басовъ, прѣхавъ къ Москвѣ, сказывали тожъ, что вы атаманы и казаки въ прошломъ году на крымскіе улусы приходили въ то время, какъ царь и калга ходили противъ прежняго Магметъ Гирѣя царя и Шангирей царевича и Карасовъ разорили и людей побили и животы поймали, да иные де многіе мѣста повоевали и за то имъ въ Крымѣ отъ царя и отъ калги и отъ Нурадына и отъ ближнихъ людей былъ шумъ великой и вычеты были большіе, и отпустить ихъ изъ Крыму не хотѣли; а какъ ихъ царь велѣлъ отпустить, и на отпускъ имъ говорили, что они больше того терпѣти не хотять, будетъ мы того не същемъ и отъ того унять васъ не велимъ, и они правду свою нарушатъ и учнутъ ходить на наши украинны города войною, и то вы атаманы и казаки дѣлаете воровствомъ и измѣною и отъ Бога отступленіемъ, забывъ наше государское жалованье и отца нашего великаго государя святѣйшаго патриарха благословенье и запрещенье, и хотите своимъ воровствомъ и лакомствомъ на крестьянскіе души московскаго государства кровь несовинную и разоренье наводите, отъ чего Богъ пощадилъ и удержалъ десницею своею праведною, и такого мусульманскаго народа на крестьянство не попустилъ, а вы злодѣи враги креста Христова то все нарушаете и кровь не повинную наводите и наше государское слово, что мы пишемъ къ турскому Муратъ салтану и крымскому царю про васъ, что по нашему царскому указу впередъ воровать не будите и задоровъ никакихъ чинить не учнете, и то слово наше государское отъ вашего не послушанья стало инако и не вѣрно; а вѣдаете сами, что турской Муратъ салтанъ и крымской Джанъ-Бекъ Гирей царь съ нами великимъ государемъ въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и украиннамъ нашимъ дурна отъ нихъ никакова нѣтъ, и войны на наши украинны не бывало, а вы дѣлаете все самовольствомъ, нашъ царскаго величества указъ и отца нашего великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссіи

предать смерти Россійскихъ посланниковъ Кологривова и ставите нивочто, и будетъ въ тѣхъ воровъ не сыщете, которые ходили на море и изъ крымскіе улусы, и къ намъ имяна тѣхъ воровъ не пришлете, и мы вамъ за такое ваше не послушанье большіи для того терпѣти не будимъ; и нынѣ по нашему указу послать на Довъ къ вамъ,.... а велѣно ему про пословъ нашихъ развѣдать, естли на Дону про нихъ какой вѣдомъ и гдѣ нынѣ и какъ ихъ чаятъ въ Азовъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ атаманы и казаки однолично съ азовцы помирились, и на море не ходили, и турскаго салтана городовъ и сель и деревень и крымскихъ улусовъ не воевали и не задирались ничѣмъ, а что на семь лѣтъ взяли есте турскаго Муратъ салтана на море и въ селахъ и въ крымскихъ улусехъ животовъ и яспрю, то бъ есте все сыскали однолично безо всякаго отговору, чтобъ наше государское слово пноко не было, и о томъ бы есте вскоре отписали, а мы о томъ хану крымскому Джанъ-Бекъ Гирею царю и хану калгъ писали, что мы то все сыскавъ велимъ отдати, что вы понимали въ Карасовѣ и въ улусехъ и впередъ оттого велимъ унять, и намъ бы атаманомъ и казакомъ нашего государскаго слова пнако не учинить, а впредъ бы отъ такого воровства унятца и тѣмъ своимъ воровствомъ межъ насъ великихъ государей ссоры и нелюби не чинили, а кроворазлитыя и разоренія на ерстыянство не наводили.—А какъ. имя рекъ. на Дону развѣдавъ про пословъ нашихъ, поѣдитъ назадъ, и вы бъ съ нимъ отпустили изъ прежнихъ дѣтей боярскихъ одного, котораго нибудь и отписали съ нимъ къ намъ подлинно о всемъ, что у васъ дѣлается и какъ впредъ у васъ укрѣпитца, и сами бъ есте жили съ азовцы однолично смирно и задоровъ никакихъ не чинили и на море не ходили, тѣмъ межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя ссоры и нелюби не чинили и вину бъ есте свою покрыли тѣмъ по прежнему нашему указу, и по сей нашей грамотѣ съ азовцы помирились тотчасъ, и жили съ ними смирно, задоровъ бы никакихъ не чинили и на море бъ есте однолично не ходили и судовъ не громили и сель и мѣста турскаго не воевали, и тѣсноты не чинили, и ссоры межъ насъ и турскаго и крымскаго тѣмъ не чинили, чтобъ нашему и земскому дѣлу нарушенья и посломъ нашимъ задержанья и украинамъ бы нашимъ отъ крымскаго за то утѣсенья не было. А какъ послы наши Семень Яковлевъ да дьякъ Петръ Овдокимовъ или съ нимъ турскаго Муратъ салтана посла придуть, и вы бъ ихъ приняли честно и отпустили по прежнему съ Дону, не задержавъ тотчасъ, и суды имъ и провожатыхъ дали какъ бы имъ пройти безстрашно; а будетъ вы атаманы и казаки и черезъ сей нашъ указъ учнете дѣлати, воровствомъ на море ходить, и турскіе мѣста и крымскіе улусы воевать, и мы великій государь больше того вамъ терпѣти не уч-

Дурова; но смягченный мольбою матери и совѣтниковъ своимъ, однолично бѣ есте атаманъ и казаки отъ такова дурна отстали, ссоры и нелюби межъ насъ и турскаго салтана и крымскаго царя не чинили, чтобъ намъ великому государю было васъ за что жаловать, а будетъ вы не узнаете и отъ таково дурна не отстанете и что надъ вами велимъ за то учинить и то вамъ будетъ отъ себя и отъ своего воровства.“

Такову грамоту чернилъ самъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Руссїи.

Дѣль крымскихъ книга № 23, листъ 29.

„Октября въ 1-й день, какъ посланники шли изъ Перекопа крымскими улусы и къ посланникамъ прїѣзжалъ царевъ ближній человекъ Алеѣ князь Сулешевъ и говорилъ посланникамъ, что они посланники отъ царскаго величества къ Джанбекъ Гирею царю не правдами, обманомъ, какъ посланники пришли въ Перекопъ, а отое жъ де пору сентября въ 24 день пришли Донскіе казаки на крымскіе улусы на Балнелейскія мѣста войною и многохъ людей въ полонъ поймали и повоевавъ тѣ казаки отошли отъ тѣхъ мѣстъ не сомною, учали крымской полонъ продавать и прощать окуповъ, и Джанбекъ Гирѣй царь ему Алею князю приказалъ, чтобъ посланники выбравъ отъ себя добраго толмача, послали къ тѣмъ казакомъ къ морю для того, чтобъ тѣ Донскіе казаки тотъ балнелейской полонъ дали безъ окупы.

„И посланники Лаврентей и Александръ Алею князю говорили: самимъ вамъ вѣдомо, что на Дону живутъ воры, холопи бѣглецы, бѣжавъ отъ смертнои казни и не одни Русскіе и Запорожскіе черкасы и татарова, столько русскихъ людей, сколько литвы и черкасы и татары, и государева повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, а царское величество за тѣхъ воровъ нестоитъ хотя бѣ всѣхъ ихъ вдругъ побилъ и царскому величеству то будетъ не досадно, да и то вамъ объявляемъ, что царское величество къ тѣмъ ворамъ посылаетъ отъ себя на Донъ дворянъ и съ тѣми дворяне царское величество къ тѣмъ воровъ приказываетъ съ великою грозою, подъ смертною казнью, чтобы они не воровали, крымскихъ улусовъ не воевали, тѣмъ межъ царскаго величества и Джанбекъ Гирѣя царя вору и любя не чинили, и тѣ вору дворянамъ сказываютъ, что онц того дѣлать не учнутъ, а отпустить дворянъ тѣ вору опять тожъ дѣлаютъ; и съ тѣми вору, что дѣлать коли они царскаго величества не слушаютъ, а дурна царское величество Джанбекъ Гирѣю царю и крымскому юрту никоторово не хочетъ и въ толмачѣ, что послать къ казакомъ, посланники, Алею князю отказалъ, потому что посланниковъ безъ царскаго величества указу къ тѣмъ казакомъ послать немочно.“

Листъ 32, 39. Въ томъ же спискѣ написано:

„А какъ Алеѣ князь съ перекопи прїѣхалъ къ царю и отъ по-

ихъ, друзей Россіи, дарами пріобрѣтенныхъ, оставилъ это намѣреніе безъ исполненія и освободилъ пословъ (236).

ры на Балыклейскія мѣста войною пришли Донскіе казаки, и Джанбекъ Гирѣи царь ему Алею своихъ царскихъ очей видѣти ни даль, и своимъ царскимъ жалованьемъ ни чѣмъ его царь не пожаловалъ за казачью войну, что Донскіе казаки повоевали балыклейскія мѣста.

„А говорилъ царь Алею князю, что онъ Алей съ посланники къ нему Джанбекъ Гирѣю царю припли будто о добромъ дѣлѣ и съ любительными поминки, а государевы де люди Донскіе казаки того жъ часу пришли на крымскіе юрты войною и то де межъ царскаго величества Джанбекъ Гирѣи царя, какая братская дружба и любовь, не дружба де то, а развратъ. Да отое жъ пору, какъ Донскіе казаки подъ Балыклей войною, били челомъ Джанбекъ Гирѣю царю карасовскіе и балыклейскіе жильцы и иные улусные татаровѣ, что онъ царь имъ крымскимъ людямъ сказываетъ, что онъ Джанбекъ Гирѣи царь съ царскимъ величествомъ живетъ въ братской дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, и послами и посланники межъ себя государей ссылаются и любительныя поминки царское величество къ нему царю присылаетъ, а государевы де люди Донскіе казаки крымскіе юрты воюютъ безпрестанно, и людей въ полонъ емлютъ, и отъ казаковъ де они крымскіе люди разорены безъ остатку.“

Листъ 99—103 тѣхъ же дѣлъ.

Далѣ крымскаго царя ближніе люди говорили посламъ:

„Отое де пору, какъ всѣ ратные люди вышли изъ Крыму противъ Магметъ Гирѣи царя (бывшаго крымскаго царя,—по власти султана турецкаго низвержень) и калги Шянгирея, пришли Донскіе казаки многіе люди на крымскіе юрты войною и крымской городъ Карасовъ повоевали и многихъ людей въ полонъ поймали безъ остатку, и Джанбекъ Гирѣи царь о томъ царскому величеству писалъ, чтобъ тотъ карасовской полонъ и ихъ карасовскихъ людей и животы, сыскавъ, велѣлъ прислать въ Крымъ, а за тое бѣ войну царское величество надъ тѣми казаки велѣлъ учинить наказанье. А нынѣ де царскаго величества посланники Лаврентей и Александръ нынѣ пришли въ Крымъ, и отое де пору опять приходили на крымскіе юрты Донскіе казаки войною и воевали балыклейскія мѣста и въ полонъ многихъ людей поймали, и только де царское величество тѣхъ Донскихъ казаковъ отъ тово, чтобъ они на крымскіе улусы войною не приходили, впредъ унати не велить, и съ великимъ государемъ у Джанбекъ Гирѣи царя за тое казачью войну часть братской дружбѣ и любви нарушенью.“

(236.) Дѣла крымскія . книга № 23, статейный списокъ Россійск. посланникъ. Кологривова и Дурова листъ 32—39, См. примѣч. 235.

Поиски казаковъ въ 1629 г., взятіе ими и черкасами жидовскихъ деревень близъ Бакчи-Сарая, греческаго монастыря Сизобола и битва ихъ въ семь послѣднемъ съ янычарами. Огорченный столь буйнымъ поведеніемъ казаковъ, противнымъ дружественнымъ сношеніямъ нашимъ съ каномъ крымскимъ и султаномъ турецкимъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ угрожали имъ первый опалю, а послѣдній отлученіемъ отъ церкви (²³⁷). Это произвело между казаками распрю: одни страшились гнѣва государева и отлученія отъ церкви, совѣтывали прекратить на время поиски; другіе, не столь разсудительные, не слушали первыхъ, и собравшись около 2/т. человекъ (въ числѣ коихъ была знатная часть черкасъ, татаръ), выбрали изъ среды себя атамана и отправились въ море; тамъ соединились съ Запорожскими казаками, и въ 1 день мая 1629 года приплывъ къ Карасову, разграбили оный, многія окрестныя селы выжгли, взяли плѣнныхъ и значительную добычу и оттуда поплыли въ Бакчи-Сарая. Жители этого города, узнавъ о наѣздѣ казаковъ на Крымъ, были поражены такимъ страхомъ, что многіе спасались изъ Бакчи-Сарая бѣгствомъ и вывели изъ оного лучшее имущество въ городъ Мамкуль. Казаки заняли сперва Бакчи-Сарая, а потомъ и Мамкуль безпрепятственно, (ибо въ сіе время была въ Крыму междуусобная

(²³⁷.) Дѣла Донскія, вѣнг. содержащ. отпуски грамотъ. Грамота на Донъ 1629 г. іюля 2 дня.

„А будетъ вы атаманы и казаки нашего указу не послушаете, съ азовцы тотчасъ не помиритеся, а на море впередъ учнете ходить и тѣсному турецкимъ людемъ чинить, и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ и въ великомъ наказанѣ, а отъ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руссиіи быти въ вѣчномъ запрещенѣ и жаловати намъ будетъ васъ не за что, и выбъ атаманы и казаки одлично съ азовцы помирились, чтобъ посламъ нашимъ во Царегородѣ задержанья и дѣлу нашему поруки не было, и мы великій государь, увидя вашу службу, васъ атамановъ и казаковъ учнемъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7637 Іюля во 2-й день.“

война). Между тѣмъ, однако жъ, собралось татаръ до 5/т. челов., стали они нападать на казаковъ и произошла жестокая драка. Два дня казаки упорно стояли противу татаръ, но принуждены были уступить превосходству силъ непріятельскихъ, отошли къ берегу и отплыли въ море, потерявъ до 100 челов. убитыми и въ плѣнъ взятыми; съ непріятельской же стороны въ семь дѣлъ пало до 200 челов. (238).

Отсюда одна часть казаковъ возвратилась на Донъ, а другая на 6 стругахъ совокупно съ черкасами вышла въ Черное море и направила путь свой къ Румелійскимъ берегамъ; около Петрова дня сіи послѣдніе достигли Сизополя. Приставъ къ берегу немедленно разсѣялись для грабежа, оставивъ струги у берега почти безъ всякаго храненія. Въ тотъ

(238.) Дѣла крымскія, въ столбц. № 9, стат. списокъ бывшихъ въ Крыму російск. посланник. Тарбѣева и Басова.

„Маія въ 10 день, прибѣжалъ въ Бакчи-Сарай вожь Сафонка Игнатовъ и сказывалъ намъ холопомъ твоимъ, что ему отъ Бакчи-Сарай за полверсты въ встрѣчу пріѣхалъ татаринъ Яшловскій, а велѣлъ ему Сафонки воротница, а сказалъ ему пришли въ Бакчи-Сарай съ моря многіе люди Запорожскіе черкасы; и мы, холопи твои, послали въ Бакчи-Сарай толмоча да вожей провѣдывать тѣхъ вѣстей и что въ Бакчи-Сараехъ дѣлаетца; и толмачъ и вожа пріѣхавъ къ намъ холопомъ твоимъ, сказывали, что изъ Бакчи-Сарай царицы и всякіе люди бѣгутъ въ жидовской городокъ, а сказывали имъ татаровя, что съ моря пришли черкасы многіе люди въ ночи и взяли жидовской городокъ Мамкутъ и высѣкли и половъ многой и животы многіе поимали, что въ тотъ городокъ для крѣпости царевы животы и ближнихъ людей были перевезены; и пріѣзжаячи къ намъ, холопомъ твоимъ, татаровя и половяники сказывали, что татаръ собралось съ тысячъ съ пять и съ Запорожскими черкасами бились два дни и убили черкасъ и живыхъ поимали человекъ со ста, а черкасы убили татаръ съ двѣсти человек., а приходило де черкасъ съ пять сотъ человекъ, а нынѣ сказываютъ въ семь сотъ и пошли опять на море и изъ всѣхъ селъ въ тѣ поры татаровя съ женами и съ дѣтьми разбѣгались по лѣсамъ въ горы; а послѣ того на третій день тѣ черкасы приходили въ крымскіе селы и деревни, для своего корму по четыре дни и изъ Бакчи-Сарай и изъ жидовскаго городка царицы и всякіе люди бѣгали въ полевныя села и деревни къ перекопи, а татаровя въ тѣ поры не пошли, ужастъ въ тѣ поры на татаръ былъ великій.“

же день чрезъ нѣсколько часовъ по удаленіи казаковъ и черкасъ отъ берега пришла къ тому мѣсту турецкая эскадра, состоящая изъ 15 каторгъ, изъ коихъ каждая вмѣщала въ себѣ 300 челов. янычаръ. Турки видя у берега казачьи струги стали на якорѣ, немедленно завладѣли оными и сдѣлавъ высадку захватили въ плѣнъ 150 челов. казаковъ и черкасъ, возвращавшихся съ добычею; другая же часть казаковъ и черкасъ 150 челов., видя предъ собою сильнѣйшаго непріятеля, составили плотно соединенный строй и защищаясь отошли въ находившійся тамъ греческій монастырь и заперлись въ ономъ. Восемь дней продолжалась осада, но безъ успѣха; наконецъ сверхъ всякаго чаянія приплыли къ Сизополю на 80-ти стругахъ Запорожскихъ черкасъ болѣе 2/3 челов. Коль скоро узнали о семъ турки нисколько не медля оставили осажденныхъ и въ великомъ страхѣ бросились на каторги; но вновь прибывшіе казаки и черкасы ударили на нихъ стремительно, взяли двѣ каторги и съ янычарами, отбили плѣнныхъ своихъ товарищей и заставили турокъ искать спасенія въ бѣгствѣ. По возвращеніи этой эскадры въ Константинополь, султанъ послалъ въ погоню за казаками 14 каторгъ, которыя между Варною и Коварною встрѣтили другую партію черкасъ, на 8 стругахъ, изъ 260 челов.; вступили съ казаками въ бой; многихъ изъ нихъ побили, а нѣсколькихъ привезли живыхъ въ Царьградъ ⁽²³⁹⁾.

⁽²³⁹⁾ Дѣла крымскія, книга № 23, листъ 260.

„Турской же салтанъ во 137 о Петровѣ дни, послалъ на Черное море янычаръ 15 каторгъ, а на всякой де каторгѣ янычаръ по 300 челов., для черкасъ и Донскихъ казаковъ, которые ходятъ на море и корабли и каторги громить, и тѣ де турскіе янычане у моря на пристали у греческаго монастыря у Сезеболя у самого берега нашли три струга черкасъ да три жъ струга Донскихъ казаковъ, а черкасъ де и казаковъ на тѣхъ стругѣхъ было 300 человѣкъ и тѣ де турскіе янычане у тѣхъ черкасъ и казаковъ отбили всѣ струги, да черкасъ и казаковъ на берегу поимали 150 челов., а другая половина тѣхъ черкасъ и казаковъ же 150 человѣкъ отъ нихъ отошли боемъ неши въ тотъ греческій монастырь и сели въ томъ монастырѣ въ осадѣ, и тѣ де турскіе янычаня, къ тому монастырю приступали, былъ у нихъ бой и приступъ 8

Прибытіе на Донъ 500 чѣловѣкъ Запорожскихъ черкасъ и походъ ихъ совокупно съ Донскими казаками на море. Достоинно замѣчанія, что Запорожскіе черкасы съ начала XVI столѣтія были въ непріятельскомъ сношеніи съ Донскими казаками и ежегодно приходили на Донъ небольшими партіями человѣкъ по 10, по 15 и 20, а иногда и по 50. Весьма не многіе изъ нихъ водворялись тутъ на жительство, болѣе же приходили для участвованія въ морскихъ поискахъ; но въ 16 день марта мѣсяца 1630 года пришло ихъ въ одинъ разъ 500 челов., объявили войску о намѣреніи своемъ идти на море для добычи и приглашали къ тому Донскихъ казаковъ. Войсковою атаманъ Елифанъ Родиловъ предложилъ казакамъ о желаніи Запорожцевъ идти на море. Безъ дальняго разсужденія тысяча человѣкъ казаковъ присоединились къ Запорожцамъ и 5 апрѣля на 28 стругахъ въ числѣ 1500 челов. пустились въ море, а 29 числа сего мѣсяца приступили къ Керчи; но бывъ отсюда отражены и потерявъ около 100 челов., поплыли далѣе; спусти послѣ того недѣлю били на крымскія и греческія деревни и потомъ съ значительною

день, и послѣ де того пришли подъ тотъ монастырь 80 струговъ черкасъ, а на стругу де было по сороку челов., и какъ де черкасы подъ тотъ монастырь пришли, и тѣ де турскіе янычаны отъ тѣхъ черкасъ отъ того монастыря побѣжали, и тѣ де черкасы съ тѣми турскими людьми блися и взяли де черкасы у тѣхъ турскихъ людей двѣ батареи съ янычана; а тѣхъ де черкасъ и казаковъ 150 челов., которыхъ было тѣ янычаны взяли съ стругами, отбили, а 13-ть де каторгъ турскихъ янычанъ отошли отъ нихъ боемъ и пришли во Царь-городъ, и послѣ де того турецкой салтанъ послалъ за тѣми черкасами другую посылку турскихъ янычанъ 14 каторгъ и тѣхъ де, турскіе иштанъ у того монастыря, тѣхъ черкасъ не нашли, а встрѣтились де они на море межъ города *Варны* и *Коварны* съ иными черкасами, а черкасъ де было восемь струговъ, а людей де въ тѣхъ стругѣхъ было 260 челов. и тѣ де турскіе янычаны тѣхъ черкасъ всѣхъ поймали и побили, а иныхъ живыхъ привезли въ турецкую землю и тѣхъ де черкасъ турецкой взялъ всѣхъ на себя.“

Тѣхъ же крымскихъ дѣлъ, въ столбц. 1630 г., № 1-й, отписки посланниковъ Кологривова и Дурова.

добычею возвратились въ жилища свои. Автомъ того же года одна партія Донскихъ казаковъ разорила иѣскольکو другихъ греческихъ деревень подвластныхъ султану турецкому, какъ то: *Айсересъ, Арматы и Небола* за три дня ѣзды отъ Царьграда отстоящее и иныхъ (240), а другая изъ 40 челов.

(240.) Тѣхъ же Крыскихъ дѣлъ, № 1-й, въ другой отпискѣ писано:

„Послѣ де, государь, тѣхъ говцовъ 138 года въ апрѣлѣ приходили твои государевы люди Донскіе казаки приступали къ городу къ Керчи и иные крымскіе юрты тѣ казаки повоевали . . . И тѣхъ де, государь, Донскіе казаки, которые приходили подъ Керчь и поевали крымскіе юрты, взяла на бою въ азицѣхъ, въ крымскихъ улусѣхъ, дву человекъ и тѣ дву человекъ казаковъ прислалъ царь съ ними къ намъ холопомъ твоимъ на станъ, а царь де велитъ пастъ холопей твоихъ съ тѣми казаки поставити передъ собою съ очей на очи, и хочеть царь тѣхъ казаковъ послати къ тебѣ великому государю къ Москвѣ для увѣренія. . .

„И тѣхъ, государь, Донскихъ казаковъ дву челов. въ Бакчи-Сараехъ продали и изъ Бакчи-Сарая приходили къ намъ холопомъ твоимъ тѣ Донскіе казаки на станъ тайпо, а въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказали, что они русскіе люди, Васька Ивановъ, Ѳедька Семеновъ, Бѣлогородца, сына Бонрскаго, Ивановы люди Маслова; а прѣехали де, государь, они на Донъ во 137 г. въ осень, съ Иваномъ Масловымъ имѣсть; а какъ де Иванъ Масловъ побѣжалъ съ Дону и пхъ съ Дону Иванъ съ собою не взялъ, а оставилъ ихъ Иванъ на Дону у пона Григорья, и въ прошломъ де, государь, во 138 году марта въ 16 д. пришло на Донъ Запорожскихъ черкасъ 500 челов. и учали на Дону атаманомъ и ясауломъ и казакомъ тѣ черкасы говорить, чтобъ идти на море для добычи, и на Дону де, государь, атаманъ Епиха Родиловъ велѣлъ атаманомъ и ясауломъ и казакомъ сбиратца и собралось де, государь, на Дону атамановъ и ясауловъ и казаковъ 1,000 челов. и апрѣля де, государь, въ 5 д. Донскіе казаки и черкасы пошли и поитъ Григорей Ваську и Ѳедьку послалъ съ тѣми жъ черкасы и съ казаки съ Дону на море для добычи, а пошло де, государь, черкасовъ и казаковъ съ Дону 28 струговъ, а черкасъ и казаковъ въ тѣхъ стругѣхъ было 1,500 челов., а атаманомъ де, государь, и ясауломъ, которые у нихъ были въ старшинахъ, имянъ они не упомянуть, и апрѣля де, государь, въ 29 д. тѣ черкасы и казаки и они Васька и Ѳедька приходили подъ городъ подъ Керчь и къ Керчи де они, государь, приступали, и у Керчи де, государь, черкасъ и казаковъ побѣли и переранили человекъ со ста и больши и они де отъ Керчи побѣжали и шли де, государь, они отъ Керчи моремъ нехѣлю и приходили де, государь, они на крымскіе и

совокупно съ Запорожскими казаками, бывъ подъ Трапезонтомъ, взяли множество плѣнныхъ, въ числѣ коихъ Донскимъ казакамъ досталась дочь трапезонтскаго кадья и восемьдесятъ человекъ⁽²⁴¹⁾.

греческіе деревни, п въ тѣхъ де, государь, деревняхъ ихъ Ваську и Федьку взяли и привели въ Крымъ, п въ Крыму де царь и ево даревы ближніе люди ихъ распрашивали п пытками всякими тращали и они де, государь, царю и ево царевымъ ближнимъ людемъ сказывалп, что они приходили собою безъ твоего царскаго величества повелѣнья, а присылки де отъ тебя великаго государя о томъ къ нимъ на Дону не бывало.“.....

Тѣхъ же Крымскихъ дѣлъ, кнѣг. № 23, л. 225—229, статейный списокъ послаи. Кологривова п Дурова.

„Да и послѣ того Донскіе казаки приходили моремъ на крымскіе на многіе мѣста и въ полонъ многихъ людей поймали п животы пограбили и воевали крымскіе юрты Донскіе казаки съ черкасы во все лѣто.

„Да Донскіе казаки воевали въ 138 году весною турскаго салтана греческія села и деревни, которые сѣдять близко Крыму, села Айсересь, села Арматы и иныя села и деревни, п имали у нихъ войною животы п животину, а гречанъ въ полонъ казаки не имали; да въ турецкой же землѣ Донскіе казаки повоевали п Небола, п многихъ людей въ полонъ п животы поймали п издобылись де они въ той войнѣ гораздо, а то де село подлѣ моря близко города Синяны, отъ Царягорода въ трехъ днищахъ.

„Да во 138 году поймали турецкіе люди въ турецкой землѣ близко города Синяны, Донскихъ казаковъ 8 струговъ, а казаковъ было въ тѣхъ стругѣхъ 300 человекъ, п привели тѣхъ казаковъ во Царягородъ п турецкой салтанъ тѣхъ казаковъ поималъ на себя на катроги.“

(²⁴¹.) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1631 г., № 1, отписка Россійск. посланникъ. Воейкова и Звѣрева, присланная въ Москву генваря 4 дня, съ толмачемъ Алмашкомъ Алышевымъ.

„Въ нынѣшнемъ, государь, во 140 году, октября въ 14 день, пріѣзжалъ къ намъ холопомъ твоимъ на станъ размѣнной подъячей Апсеметь Калфа и намъ холопомъ твоимъ сказывалъ, былъ де онъ Апсеметь за Переколюю, у царева сына у Муборекъ Гирей царевича и при немъ де пріѣхалъ къ Муборекъ Гирею царевичу тому пятой день изъ Бѣлогорода крымской татаринъ Имаметка Тевкелевъ, и царевичъ де ево про турецкіе вѣсти спрашивалъ п онъ де ему сказывалъ: приходили де нынѣшняго лѣта турскаго царя подъ Трапезонъ городъ Запорожскіе черкасы 150 струговъ, а Донскихъ было съ ними 40 челов., и поймали де подъ Трапезономъ полонъ многой, а Донскимъ де казакомъ тому полону дос-

ГЛАВА IX

Опала царская на казаковъ.—Заточеніе зимою станицы.—Царское повелѣніе идти съ турецкимъ войскомъ на Польшу.—Умерщвленіе Карамышева.—Легкая станца съ воинною отискою къ государю.—Поискъ казаковъ по Каспійскому морю.—Другая партія Донскихъ казаковъ присоединяется къ Запорожцамъ и участвуетъ съ ними въ разореніи Козлова и опустошеніи улусовъ крымскихъ между Инкерманомъ и Балаклавою.—Разбитіе Запорожцами татаръ подъ предводительствомъ самаго крымскаго хана.—Запорожцы опустошаютъ жидовскія и греческія поселенія въ 12 верстахъ отъ Бакчи-Сарая.—Казаки извѣщаютъ воеводу царскихъ о намѣреніи крымцевъ и азовцевъ.—Разореніе Донскими казаками и Запорожскими черкасами Синона (въ 1632 г.).—Царь Михаилъ Федоровичъ освобождаетъ станицу изъ заточенія, посылаетъ войску Донскому милостивую грамоту съ радостію.—Они посылаютъ отрядъ казаковъ въ армию къ Смоленску и разбиваютъ крымцевъ и калмыковъ татаръ на р. Быстрой.—Ногайцы возмущаются противъ Россіи.—Казаки разрываютъ миръ съ азовцами.—Разореніе казаками ногайскихъ улусовъ кочевавшихъ близъ Азова.—Другое нападеніе ихъ на этихъ татаръ.—Партія Донскихъ казаковъ изъ 500 челов. идетъ на Куму въ соединеніе съ царскими воеводами противъ Калмыковъ татаръ.—Новое жалованье войску.—Поиски казаковъ по Каспійскому морю.—Морскіе поиски Донскихъ казаковъ.—Сношенія по сему случаю о казакахъ между портою и Россійскимъ дворомъ.—Султанъ укрѣпляетъ Азовъ и посылаетъ къ оному на казаковъ сильное войско.—Большой Ногай отлагается отъ Россіи.—Поиски казаковъ надъ ногайцами и кримицами.—Султанъ посылаетъ помощь азовцамъ.—Казаки отправляютъ на море сильную партію.—Они намѣриваются осадить Азовъ.—Казаки возобновляютъ переговоры съ ногайцами о перекочеваніи на прежнія мѣста къ Астрахани.—Междоусобіе въ ногайскихъ улусахъ.—Походъ казаковъ вмѣстѣ съ мурзами Малаго Ногая на улусы Большаго Ногая.—Мурзы Большаго Ногая даютъ присягу въ вѣрности Россійскому государю.—Нарушаютъ присягу и съ улусами своими уходятъ въ Крымъ.

Опала царская на казаковъ. Заключение
талось трапезонскаго кадыя дочь, а съ нею 80 челов. полону, и она де тотъ полонъ промѣнила Запорожскому татарину Нураю, взяли де за него 80 коней лудчихъ, и пошла де она на Довь и царевичъ де послалъ за ними погону 300 челов. татаръ. И трапезоптской де кадый со многими людьми били челомъ турецкому царю, что де онъ съ московскимъ царемъ и съ литовскимъ въ дружбѣ, а Донскіе казаки и Запорожскіе черкасы приходятъ войною, животы и полоня многой емлютъ, и турецкой де царь въ Бѣлгородъ къ Муртазѣ напе, да къ Кантемирю князю Дивееву (прислалъ) грамоту недѣль съ шесть, а велѣлъ де имъ со всѣми ратными людьми къ зимнему пути готовица на литовскаго короля зсылу.“

Зимовой станицы. Снова возникли жалобы на казаков: султанъ и ханъ болѣе прежняго угрожали царю московскому за разоренія нанесенныя казаками подданнымъ ихъ, притѣняли посланниковъ нашихъ въ Константинополь, Кафѣ, Бакчи-Сараѣ, Керчи и Азовѣ и подвергали ихъ немилосерднымъ ругательствамъ и жестокостямъ. Разгнѣванный царь наложилъ на казаковъ грозную опалу: присланныхъ въ Москву съ Дону въ зимовой станицѣ съ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ 70 казаковъ велѣлъ разослать въ темницы по разнымъ городамъ; а на Донъ въ войско послалъ знатнаго сановника своего Ивана Карамышева, поручивъ ему проводить до Азова турецкаго посла Оому Контакузина и своихъ пословъ Андрея Савина и дьяка Михайлу Олфимова, отправленныхъ къ султану, и стараться вразумить атамановъ и казаковъ, вручивъ имъ опальную грамоту, заключающую и клятву патриаршую и отлученіе всего войска отъ православной церкви. Атаманы и казаки 28 августа 1630 года встрѣтили посла, приняли отъ Карамышева грамоту и велѣли пѣть благодарственный молебенъ за здравіе государя и патриарха, въ знакъ всеподданнической покорности, не смотря на то, что сею грамотою налагалась на нихъ *государева грозная опала*.

Царское повелѣніе идти съ турецкимъ войскомъ на Польшу Государь требовалъ, чтобы все войско соединясь съ турецкими пашами Муртозою и Абазою, шли всевать земли польскаго короля; но казаки рѣшительно отъ того отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что не было доселѣ примѣра, чтобы они съ врагами христіанства служили за одно, и что слава и честь за ихъ службу отнесется не къ нимъ, но къ врагамъ ихъ мусульманамъ. Карамышевъ, вѣроятно, убѣждалъ казаковъ непротивиться велѣніямъ монарха; но когда увидѣлъ, что мѣрами кротости нельзя притупить имъ къ покорности, сталъ угрожать казнию смертною, говоря, что онъ будетъ ихъ вѣшать, сажать въ воду и бить кнутиями, а имущество и жилища ихъ жечь. — Казаки про-

вили Карамышева показать имъ наказъ или грамоту, или иное что, которое бы доказывало, что столь не ограниченная власть дана ему отъ государя, обѣщаясь быть безмолвными и покорными волѣ царевой, въ чемъ бы оная ни состояла, но Карамышевъ въ томъ отказалъ имъ. Между тѣмъ казаки развѣдали, что онъ имѣлъ сношенія съ крымцами и ногайцами будго бы для того, дабы съ помощію сяхъ непримиримыхъ ихъ враговъ показать на опытѣ то, чѣмъ прежде угрожаль имъ.

Умерщвление Карамышева. Это до того раздражило казаковъ, что отважные изъ нихъ рѣшились умертвить Карамышева: схватили его, били, обезглавили и тѣло бросили въ воду; имущество же Карамышева и государеву казну, порохъ и свинець и прочее отдали посланникамъ Савину и Игнатьеву по описи.

Легкая станица съ повинною отпискою къ государю. Свершивъ это злодѣяніе пожилые казаки живо почувствовали всю важность преступленія и приговорили послать въ Москву легкую станицу съ повинною и просить у государя прощенія въ винахъ своихъ. Благоразумный совѣтъ этотъ былъ принятъ единодушно: написали отписку, изложили въ ней несчастное происшествіе во всей подробности и причины къ такому преступленію ихъ побудившія, а усердную службу свою изъяснили такъ: *мы, государь, не отступники, неизмѣнники и нелакомцы: служимъ тебѣ государю вѣрно. Государь! Если мы тебѣ и всей землѣ Русской ненадобны,—не воспроти вимся—Донъ рѣку отъ низу и до верху и рѣки запольныя, отъ самыхъ украинныхъ городовъ, крымцамъ и ногайцамъ очистимъ и съ Дону—если укажешь—сойдемъ.*

Ни кто не хотѣлъ ѣхать въ Москву съ этою отпискою. Наконецъ едва нашлись двое отважнѣйшихъ казаковъ, именно Денисъ Парфеновъ и Кирей Степановъ (242).

(242.) Дѣла турецкія, 1630 г., № 5, повинная отписка Донскихъ

Поиски казаковъ по Каспійскому морю.
По отправленіи этой легкой станицы съ повинною, ужасъ казаковъ 6 октября 1630 года.

„въ грамотѣ твоей государевой написана къ намъ холономъ твоимъ, твоя государева грозная опала смертною казнью, а достальнымъ намъ холономъ твоимъ, по твоей государевѣ грамотѣ, велѣно ити на твоего государева недруга на польскаго короля землю, съ турскими пашами съ Муртузою да съ Абазою вмѣстѣ, а нынѣ де тѣ паши съ турскими людьми стоять на Узѣ. И мы, государь, отъ Божией милости не отступники, а тобѣ, государь, твоему царскому величеству неизмѣнники и нелакомцы, служимъ тебѣ государю съ травы да съ воды, и къ твоему государеву величеству язныи и всякими вѣстями обсылаемъ, и твоихъ государевыхъ словъ встрѣчаемъ и провожаемъ въ турскую землю и тебѣ государю назадъ къ Москвѣ, и турскаго посла для твоего государева дѣла встрѣчаемъ и провожаемъ, и во всемъ себя въ твою царскую милость отдаваемъ, и истинную православную крестьянскую вѣру по преданію Святыхъ апостолъ, въ которой предкове наши православные крестьяне и мы холопи твои родились и возрасли, помнимъ и крѣпко держимъ и впродъ хотимъ за нее противъ твоего государева всякаго недруга стоять крѣпко и неподвижно до конца живота своего, за тебя государя умираемъ, вся лубимая свѣта сего отстави и тѣлеса свои презрѣвъ, и на всѣ твои государевы недруги и непріятели побѣды и одоленія желаемъ, а николи, государь, во крестьянствѣ кроворазлитія, какъ прежде сего, и такъ и нынѣ, не хотимъ и не желаси, и сами холопи твои мы, прирожденные православные крестьяне, мимо своей крестьянской вѣры и мимо твоего Россійскаго московскаго государства въ бусурманскую землю турскимъ пашамъ на помощь, на литовскую землю ити не хотимъ, потому что наша истинная православная крестьянская вѣра турчанамъ непріятна, давно они хотятъ нашу крестьянскую вѣру пограти и раззорять, а свою бусурманскую вѣру утвердить, и насъ холопей твоихъ православныхъ крестьянъ въ свою проклятую въ богоненавистную въ бусурманскую вѣру ласкосердствомъ и мучительствомъ привести; а другая статья, мы тебѣ государю послужимъ съ турскими людьми подъ Литвою, хотя и поiskanье учинимъ, а слава будетъ турскаго Муратъ салтана и турскихъ людей, а не твоя, государева, и не насъ холопей твоихъ служба прославится, за то намъ холопомъ твоимъ къ турскимъ людямъ мимо твоего царскаго величества на службу не хаживать. Въ прежнія, государь, лѣта блаженныя памяти ни при которыхъ бывшихъ царехъ, мы Донскіе атаманы и казаки Муратъ салтанамъ не служивали и чрезъ турскую землю не хаживали, а бывали на многихъ службахъ, при

овладѣлъ духомъ казаковъ, они съ безпокойнымъ истерикъ-нїемъ ожидали возвращенїа изъ Москвы своихъ посланцовъ бывшихъ государехъ, посланы съ Москвы съ русскими людьми и съ бояры и воеводы; а вышѣ, государь, по тому жъ мы того сердечю радѣемъ и промышляемъ, чтобъ твое великое московское государство твоимъ государскимъ осмотрѣнїемъ и промышленїемъ и защищенїемъ было въ покоѣ и тишинѣ, а намъ бы холопомъ твоимъ тебѣ государю служить посланнымъ съ Москвы противу твоего государева всякаго недруга, за тебя государя стоять и умирать безо всякїа шатости по прежнему; а въ вышнемъ, государь, во 139 году сентября въ 18 день, по твоему государеву указу, мы для твоего государева посольскаго дѣла, во всемъ на себя поступал, съ азовскими людьми помирился и твоихъ государевыхъ пословъ Андрея Савина да дьяка Михаила Алфимова и турскаго Муратъ салтанова посла Тому до Азова проводили, а въ Азовъ отдали по прежнему честно сентябри въ 22 день; да въ прошломъ же, государь, во 138 году августа въ 27 депь, съ твоими государевыми послами по твоему государеву указу въ провожатыхъ присланъ Иванъ Карамышевъ къ намъ на Донъ въ Войско, и прїѣхавъ тотъ Иванъ Карамышевъ насъ холопей твоихъ, хотѣлъ казнить казню смертною, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями достальныхъ бить, и мы холопи твоего государева указу и грамоты у Ивана Карамышева не поединожды спрашивали и почему ему насъ вѣшать и кнутомъ бить и въ воду сажать, и тотъ Иванъ Карамышевъ ту рѣчь намъ сказалъ, что нету де у меня государевой грамоты, ни наказу, ни какого твоего государева указу намъ не сказалъ, а насъ холопей твоихъ своимъ злохитрствомъ и умышленїемъ безъ винной вины хотѣлъ казнить, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями бить и ножами рѣзать, а сверхъ того Иванъ Карамышевъ учалъ съ крымскими и съ ногайскими людьми ссылатся, чтобъ насъ холопей твоихъ всѣхъ побить и до конца погубить и раззорить и искоренить, и городки наши безъ остатку пожечь, чтобъ наша Донскихъ атамановъ и казаковъ, холопей твоихъ, на Дону и по заполью вездѣ имя казачье наименовалось, и мало, за грѣхи наши, поущенїемъ Божиимъ, а дѣйствомъ діаволимъ, того своего злоумысла—не совѣришь было, но благїй, всещедрый, челоувѣколюбивый и въ тройцѣ славимый Богъ нашъ неостави достоянїа своего до конца, и молитву и смиренїе рабъ своихъ услыша, и къ тебѣ государю правую нашу службу видѣвъ, прорѣченную пророкомъ „посещу жезломъ беззаконїа и ранами неправды ихъ, милость же свою не отъиму отъ нихъ.“ И помилова Богъ насъ грѣшныхъ, объявилъ намъ Христось то злоумышленїе Ивана Карамышева, что онъ безъ твоего государева указу, насъ холопей твоихъ умыслилъ всѣхъ на Дону низовыхъ и верховыхъ побить и городки наши пожечь, и мы холопи твои, ви-

и на время прекратили набѣги на азовцевъ и крымцевъ. Наступила весна 1631 года, а на Донъ не возвращались. Наступила весна 1631 года, а на Донъ не возвращались. дя его Иваново надъ собою злоухищренье, отъ горести душъ своихъ, за его великую неправду, того Ивана Корамышева обезгавили; а если бы тотъ Иванъ Корамышевъ объявилъ намъ твою государеву грамоту или наказъ, или сказалъ намъ твой государевъ имянной о нашемъ безглавіи ему приказъ, и мы твоему государеву указу несильнаки, и чтобъ намъ по твоему государеву нечинилъ будучи на Дону: какъ противу солнца зрѣть нельзя, такъ противу тебя великаго государя намъ холопомъ твоимъ безстрашнымъ быть нельзя. Ты, государь, воленъ въ головахъ нашихъ, кого ты невелишь послать съ своимъ государевымъ указомъ, что государь укажешь ты, мы холопи тому повинны, а безъ всякаго, государь, указу Ивану Корамышеву насъ холопей твоихъ всякою казнью казнить было незачто, потому, что мы спрашивали про твой государевъ указъ, и тотъ Иванъ неединны строки намъ твоего государева указу, неединого слова твоего государева прикazu намъ холопомъ твоимъ неказалъ; а хотѣлъ насъ всѣхъ на голову безъ твоего государева указу побивать. И будетъ, государь, мы тебѣ на Дону рѣшъ негодны и великому твоему государеву Россійскому Московскому государству неприятны, за то что мы на море ходимъ, и на крымскіе и ногайскіе улусы ходили, и намъ холопомъ твоимъ такъ неходить и питаться нечѣмъ, твоимъ государевымъ жалованьемъ денежнымъ и порохомамъ и сукны и хлѣбными запаси не пожалованы ничѣмъ, наги и боси и голодны, — потому, государь, на море ходимъ и крымскіе и ногайскіе улусы громимъ, отчаявъ своего живота на семь свѣтъ, забывъ свои головы, что и службами своими у тебя государя невыслужили Божіей милости, твоего государскаго жалованья, которые наши Донскіе атаманы и казаки Наумъ Васильевъ, съ нимъ 70 человекъ, посланы отъ насъ отъ Войска къ тебѣ государю пословъ провожать къ Москвѣ, и тѣ всѣ погородомъ разожжаны и показаны, а иные перекованы, пометаны въ заключенье, помираютъ голодною смертию, то мы у тебя государя дослужились, что и съ твоею государевою службою къ тебѣ государю впередъ выходить невозможно, а будетъ мы тебѣ государю и всей землѣ ненадобны, и мы тебѣ государю не сопротивники: Донъ рѣку отъ низу и до верху, и рѣки наполнил въ тебѣ государю до самыхъ украинныхъ городовъ крымскимъ и ногайскимъ людямъ распространить, все очистимъ, съ Дону съ рѣки и со всѣхъ запольныхъ рѣкъ всѣ, холопи твои, сойдемъ, по твоему государеву указу, и о томъ, государь, намъ холопомъ твоимъ какъ укажешь; а что, государь, съ Ивановъ Корамышевымъ твоей государевой казны было пороховой и свинцовой и всякой, къ той мы ни къ чему и близко неприближались и къ Ивану животу ни къ какому не прикасались,

Парфеновъ и Степановъ, и казаки не знали какъ принята ихъ повинная отписка. Царь наложилъ на казаковъ опалу, прекратилъ съ ними всякое сношеніе. Въ этомъ положеніи благоразумные изъ казаковъ ожидали, что государь и святѣйшій патріархъ, какъ челоуѣколюбивые отцы, простятъ вину и по прежнему стануть къ нимъ милостивы, совѣтовали прекратить набѣги на азовцевъ и крымцевъ. Но дерзновенные роптали, не хотѣли оставаться въ бездѣйствіи, возмущали молодыхъ казаковъ обратиться къ обычнымъ морскимъ поискамъ; и такъ вмѣстѣ съ наступленіемъ весны болѣе тысячи казаковъ и запорожскихъ черкасъ, пристали къ этимъ возмутителямъ, однакожъ боясь раздражить еще болѣе гнѣвнаго царя не хотѣли уже идти на Азовское море, а обратились на Волгу: перешедъ Донъ пошли къ устьямъ Волги, соединились тамъ съ 250 яицкими казаками, разграбили учуги и рыбныя ловли; потомъ вышли въ Каспійское море и громили персидскія купеческія суда. Воеводы астраханскіе послали на нихъ стрѣльцовъ неоднократно, но тѣ возвращались безъ всякаго успѣха⁽²⁴³⁾.

при послахъ Ивану безглавіе учинилось самому отъ своего умышленья, а не отъ насъ холопей твоихъ, и твои государевы послы Андрей Савинъ да дьякъ Михайла Игнатъевъ твою государеву казну, что была съ Иваномъ Корамишевымъ, и его Ивановъ всякой животоу взяли себѣ на руки, все переписали; а съ сею отпискою къ тебѣ, государь, къ Москвѣ на великую силу послали неволею отъ себя съ Дону отъ Войска двухъ молодцовъ Донскихъ казаковъ Дениса Парфенова, Кирея Степанова, октябрь въ 6 день.
(²⁴³) Дѣла ногайскія, отписка въ Посольскій привазъ астраханскихъ воеводъ Куракина, Коробина, Поддѣсова и Бормасова, 1631 года.

„Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русси, холопи твои Ѳедька Куракинъ, Ивашко Коробинъ, Андрюшка Поддѣсовъ, Тишка Бормасовъ, челоуѣкъ бѣютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 139 году въ великой постѣ и на святой недѣлѣ, перешли съ Дону на Волгу воровъ *Донскихъ казаковъ и черкасъ* челоуѣкъ съ тысячу и больше, а шлп, государь, межъ Чернаго яру и Царицына, а ныне шлп межъ Асторохани и Чернаго яру, да съ Яика, государь, перешли на Волгу-жъ воровскихъ казаковъ 250 челоуѣкъ и приходятъ по учугамъ и по рыбнымъ лов-

Другая партія Донскихъ казаковъ присоединяется къ запорожцамъ и участвуетъ съ ними въ раззореніи Козлова и опустошеніи улусовъ крымскихъ между Инкерманомъ и Балаклагою. Между тѣмъ другая партія Донцовъ изъ 200 челов. пошла въ запороги, и узнавъ тамъ, что черкасы готовили струги къ отплытію въ море, изъявила желаніе раздѣлять съ ними опасности и добычу; это желаніе было принято съ радостію и чрезъ нѣсколько дней Донцы вмѣстѣ съ запорожцами въ числѣ 1500 челов. отправились къ берегамъ Таврическимъ въ намѣреніи раззорить Козловъ.

лымъ и на учугехъ учужныхъ промышленниковъ и плавщиковъ и дровяниковъ грабятъ и татарь, которые работаютъ на учугехъ, побиваютъ, и учуги хотятъ жечь, и мы холопъ твой по учугомъ и по рыбнымъ ловлямъ и по протокамъ и въ морскіе косы, для поиску воровскихъ казаковъ, посылали головъ стрѣльцкихъ съ приказы и сотникъ и неодиново, и голоны, государь, стрѣльцкіе и сотники, пріѣхавъ изъ посылкъ, намъ холопомъ твоимъ сказываютъ, что онѣ воровскихъ казаковъ не найдутъ нигдѣ, потому что воры казаки ходятъ отъ нихъ по протокамъ и въ морскихъ косахъ укрываясь, а утевцы, государь, которые отъ казаковъ приходятъ въ Асторохань, въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказываютъ: а слышали они отъ казаковъ, что казаки хотятъ ити на море на Шаховы города войною, которые сидятъ близко моря и на море хотятъ громить Казыльбажскіе бусы, которые пойдутъ въ Асторохань съ товары; а маія, государь, въ 21 день пріѣхали изъ Асторохань отъ рыбныхъ ловель съ белухы ильмена рыбные ловцы Олешка Степановъ съ товарищи 3 человекъ, а въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказали, что межъ Асторохани и Янка, отъ Асторохани въ трехъ днищахъ, принесло моремъ двѣ бусы Галинскіе съ товары и на тѣ, государь, бусы приходили воры казаки и бусы взяли и пошли моремъ къ япцкому устью, да маія же, государь въ 22 день пріѣхалъ въ Асторохань съ моря Тезикъ громленный Мпръ магометъ Миркетесейтовъ, а въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказалъ, что онъ ѣхалъ изъ заморя въ Асторохань на бусѣ съ товаромъ и какъ де, государь, будетъ межъ Тврка изъ Асторохани на половинѣ противъ урочища Иванова Бараула и на его де, государь, бусу пришли моремъ воровскіе казаки многіе, и его ранили и бусу взяли и выграба товары отпустили въ Асторохань на той же бусѣ.“

(Окончанія нѣтъ).

Въ исходѣ іюля мѣсяца эта партія появляется въ Таврическомъ проливѣ и неподалеку отъ Керчи громить улусы татарскіе. Ханъ крымскій извѣстася отъ взятыхъ тамъ въ плѣнъ двухъ человекъ запорожцевъ и Донскихъ казаковъ о ихъ намѣреніи, немедленно посылаетъ изъ Бакчи-Сарая на защиту Козлова 400 челов. своего охраннаго войска, повелѣвъ сверхъ того собрать всѣхъ ближайшихъ улусныхъ татаръ, оставшихся отъ похода на російскія украинны. Въ полдень 8 августа запорожцы приплыли къ Козлову, вышли на берегъ, сдѣлали рѣшительный къ оному приступъ; овладѣли большею частію города. Татары присланные ханомъ для защиты этого города, бывъ несравненно въ меньшихъ силахъ и немогши противиться запорожцамъ, засѣли въ маломъ городѣ. Запорожцы разграбивъ дома, лавки и погреба, а остальное истребивши огнемъ и мечемъ, сѣли опять на струги; пристали къ г. Сары-Керменю (Инкерману) и вышедши опять на сушу опустошили татарскіе улусы въ 10 и въ 15 верстахъ находившіеся.

Разбитіе запорожцами татаръ, подъ предводительствомъ самого крымскаго хана. Джанбекъ Гирей, извѣстася о разореніи Козлова, велѣлъ 12 августа приближеннымъ къ себѣ Маметшѣ и Канту агамъ, какъ можно поспѣшнее собрать людей изъ ближайшихъ улусовъ ногайскихъ и крымскихъ и идти на запорожцевъ наступательно. Царедворцы эти едва могли собрать около 500 челов. улусныхъ татаръ, сошлись съ царемъ, у коего было 300 челов. лучшихъ татаръ и двѣ пушки. Казаки опустошивъ нѣсколько улусовъ близъ города Мангута, шли тогда къ Инкерману. Джанбекъ Гирей, встрѣтивъ ихъ на этомъ пути 16 августа, велѣлъ агамъ Маматше и Канту ударить на нихъ, а самъ только съ 30 тѣлохранителями своими остался въ 3 верстахъ. Сперва татары напали на запорожцевъ съ ожесточеніемъ, но казаки выдержавъ первое нападеніе, стремительно ударили на татаръ, обратили ихъ въ бѣгство и взяли обѣ пушки. Въ этомъ бою убиты ближній царевъ Ка-

зы-ага и множество татаръ, а ранены Кантъ-ага и многіе царедворцы. Царь бывши очевидцемъ пораженія татаръ, бѣжалъ въ Бакчи-Сарай.

Запорожцы опустошаютъ жидовскія и греческія поселенія въ 12 верстахъ отъ Бакчи-Сарая. Ободренные этимъ запорожцы и Донскіе казаки, 18 августа поплы къ Бакчи-Сараю: въ 12 верстахъ отъ онаго раззорили жидовскія и греческія селенія и такою произвели страхъ, что не только жители изъ жидовскаго города, но и царь съ женами, дѣтьми и вельможами своими изъ Бакчи-Сарая ушелъ въ степь. Наконецъ августа 20 запорожцы, раззоривъ Инкерманъ, поплыли въ запороги съ добычею и плѣномъ ⁽²⁴⁴⁾.

⁽²⁴⁴⁾ Дѣла крымскія въ столбц. 1631 г., № 9, изъ стат. списка Россійск. послан. Соковнина и Голосова.

„Августа въ 8 день, Запорожскіе черкасы пришли къ Козлову, въ полдни и почали къ Козлову приступать жестокииъ обычаемъ и въ Козловѣ де большой городъ взяли, а козловскіе люди, которые отъ царя присланы Семени и Тофякчен, заперши въ маломъ городѣ и черкасы де, пограбя лавки и подвораиъ выграбя лавки и дворы пожгли, безъ остатка и пошли на море и стали, пристали къ берегу подъ Сарни Керменемъ межъ Козлева и Балыкны и почали воевать крымскіе улусы, отходя отъ моря версты по 10 и по 15“

„Августа въ 12 день, прислалъ Джанбекъ Гирей царь ближнихъ своихъ людей Маметку-агу да Кантавъ-агу и иныхъ ближнихъ людей, и велѣлъ имъ въ улусехъ собрать крымскихъ и ногайскихъ людей, которые не пошли въ войну, и велѣлъ имъ придти на запорожскихъ черкасъ и отпусти ближнихъ людей, и самъ царь пошелъ изъ Бакчи-Сарай на запорожскихъ черкасъ со всѣми своими дворовыми людьми, а дворовыхъ де его людей собралось съ нимъ всего съ 300 человекъ, и ближніе де его люди Маметша-ага и Кантъ-ага, собрався съ крымскими съ улусными людьми пришли къ нему-жъ царю подъ городокъ подъ Манчунъ, а всего де съ ними съ Маметшою-агою и съ Кантъ-агою собралось татаръ съ 500 человекъ.

„Августа въ 16 день воевали запорожскіе черкасы крымскіе улусы, и пришли отъ городка отъ Манчуна версты за три, гдѣ царь стоитъ и Джанбекъ Гирей царь послалъ на нихъ всѣхъ своихъ ближнихъ людей Маметшу-агу и Кантъ-агу и дворецково своево и конюшева, и стрелецково голову Шахеваръ-агу и всѣхъ

Казаки извѣщаютъ воеводѣ царскихъ о намѣреніяхъ крымцевъ и азовцевъ. Впрочемъ опальные казаки не преставали быть полезными Россіи. Они развѣдывали о тайныхъ замыслахъ азовцевъ и крымцевъ и своихъ ближнихъ и дворовыхъ людей, и улусныхъ татаръ, которые съ ними собрались, а съ царемъ де осталось всего человекъ съ 30 и былъ де у татаръ съ запорожскими черкасы бой жестокой, застали де татарова черкасъ отъ моря и пришли на нихъ жестокимъ обычаемъ, и на томъ де бою запорожскіе черкасы многихъ крымскихъ людей побили и переранили, и ранили царева ближнево человека Кантъ-агу, да убили царева дворецкова Казы-агу и многихъ де царевыхъ ближнихъ людей побили и переранили; да съ царемъ же привезено было изъ Бакчи-Сарая двѣ пушки и тѣ де пушки черкасы у нихъ отбили и Маметши-аги черкасы у нихъ немного не взяли сбили де ево Маметши-агу съ лошади, и Джанбекъ Гирей царь отъ нихъ неустоялъ, отшелъ со всѣми людьми въ Бакчи-Сарай.

„Августа въ 18 день, пришли Запорожскіе Черкасы отъ Бакчи-Сарая версты за 12 на жидовскіе де и на Греческіе Белбеки и въ Бакчи-Сараяхъ учинился великій вспологъ, царь и съ царицами и совсѣми ближними людьми побѣжалъ изъ Бакчи-Сарая въ степь изъ жидовскаго городка жиды и съ женами и съ дѣтьми побѣжали было вонъ, а остались навѣстяхъ жиды немногіе люди.

Истояли тѣ Запорожскіе Черкасы въ Сарый Кермени Августа съ 8 числа Августа жъ по 20 число и Крымскіе улусы воевали, да тутъ же взяли городошь Инкермень.“

„Августа въ 22 день, пріѣхалъ изъ царягорода отъ турскаго Муратъ султана въ Крымъ къ Джанбекъ Гирѣю царю Чеушь-Мустафа, а прислано съ нимъ отъ турскаго Муратъ салтана къ Джанбекъ Гирею царю кафтанъ да сабля, да повелѣнье де ево Муратъ салтаново, что велѣно Джанбекъ Гирѣю царю со всѣми крымскими и съ ногайскими людьми итти на польскаго короля; а тотъ де Чеушь мустафа Джанбекъ Гирѣй царь почестъ ему учинилъ великую и по вся дни ко царю пріѣзжалъ и Джанбекъ Гирей ему Чеушу говорилъ, что у него Джанбекъ Гирѣй царя съ великимъ Московскимъ государемъ было братство и дружба и ссылка и государь де съ нимъ царемъ ссылки урвалъ и неприсылаеть де къ нему пословъ и казны третій годъ; а онъ де Джанбекъ Гирей царь къ царскому величеству пословъ отъ себя и гонцовъ отпускъ, и царское де величество его Джанбекъ Гиреевыхъ царевыхъ пословъ на Москвѣ засадила и ему Джанбекъ Гирею ни очемъ вѣдома неучпнилъ и прислалъ де царское величество на ево крымскіе улусы Донскихъ казаковъ и Донскіе де ка-

извѣщали о томъ воеводѣ царскихъ, а эти доносили царю. Такъ, въ началѣ 1632 года казаки Войсковою отпискою предвѣрили царицынскаго воеводу боярина князя Мещерскаго о перемѣнѣ крымскаго царя, о походѣ крымцевъ на Россію, о состояніи російскаго посланника Соковнина при дворѣ крымскомъ, о желаніи запорожскихъ казаковъ отдаться подъ покровительство Россіи и наконецъ о намѣреніи Шангирея съ азовцами согнать ихъ (Донскихъ казаковъ) съ Дону⁽²⁴⁵⁾.

Раззореніе Донскими казаками и запорожскими черкасами Синопа (въ 1632 г.). Успѣхъ и добычи, пріобретенныя Донскими казаками и запорожцами въ этомъ походѣ произвели и удружихъ желаніе послѣдовать имъ. Лѣтомъ слѣдующаго года отправились съ Дону въ запороги около 100 человекъ казаковъ подъ начальствомъ заки взяли у него городъ *Козловъ* да городъ *Инкермень* и улусы крымскіе развоевали, а астраханскіе де татарова безпрестанно у крымскаго урта лошадей отгоняють и татаръ побивають и крымской юрты раззоряють, и онъ Джанбекъ Гирей царь послалъ за то на государевы украины сына своего Нурадына Мубырекъ Гирея царевича съ крымскими и съ ногайскими людьми войною:“

⁽²⁴⁵⁾ Дѣла крымскія въ столбц. 1632 г., № 13, см. отписку въ посол. прик. царицынс. воеводы боярина князя Никифорова Мещерскаго.

И сотникъ стрѣлцкой Данило Арсеньевъ пріѣхалъ съ Дону на царицынъ, мнѣ холопу твоему подавъ отъ казаковъ отписку, а въ отпискѣ ихъ написано: то де имъ атаманомъ и казакомъ вѣдомо, что крымскіе и азовскіе и малаго ногаю люди поднимаются на русскіе твои государевы города, а иные и пошли, а про запорожскихъ людей вѣсти нечего мнѣ холопу твоему не писали потому, что де имъ отъ запорожскихъ людей вѣстей и слуху никакова не бывало; а что, государь, сотникъ Данила Арсеньевъ и стрѣльцы мнѣ холопу твоему на царицынѣ про казачьи вѣсти въ раепросѣ.

„А нынѣ де изъ Крыму вышли на степи многіе люди, а ожидаютъ весны и тово какъ будетъ, у государевыхъ людей бой съ литовскими людьми, и имъ де приходили въ ту пору на государевы украинные города войною.

..... А турской де царь присылалъ къ нему Шингирею, чтобъ онъ къ нему ѣхалъ въ царь городъ и прислалъ къ нему въ дарѣхъ 40 дѣвокъ и сказалъ онъ ему, тогда онъ къ нему будетъ и вину свою принесетъ, какъ Донъ очиститъ:“

Донскаго атамана Павлина; и вмѣстѣ съ Запорожцами ходили на море, разорили городъ Синонь и съ плѣнными возвратились въ Запороги; одна часть съ атаманомъ Павлинымъ осталась тутъ зимовать, а другая уже глубокою осенью пришла на Донъ⁽²⁴⁶⁾.

Впрочемъ своеволие нѣкоторыхъ казаковъ участвовавшихъ въ это время въ поискахъ морскихъ съ Запорожцами, не должно относить ко всему войску, ибо въ послѣдніе два года Донскіе казаки, находясь подъ гнѣвомъ государя уже не осмѣливались явно ходить для поисковъ по морямъ Азовскому и Черному. Такое бездѣйствіе Донскихъ казаковъ противъ враговъ ихъ продолжалось до 1635 года.

Царь Михаилъ Федоровичъ освобождаетъ станицу изъ заточенія, посылаетъ войску Донскому милостивую грамоту и жалованье. Два года Донскіе казаки носили на себѣ гнѣвъ царскій и проклятіе патріарха. Наконецъ въ исходѣ 1632 года или въ началѣ 1633 г. (ибо достовѣрнаго о семъ свидѣтельства нѣтъ) царь Михаилъ Федоровичъ простилъ ихъ вины и содержав-

(246) Тѣхъ же Крымскихъ дѣлъ въ столбц. 1632 г. № 11, отписка бывшихъ въ Волуйк. околышчаго князя Семена Прозоровскаго и дьяка Федора Степанова.

„Да ноября, государь, въ 19 день, приѣхалъ на Волуйку съ Донца изъ Святыхъ горъ чернецъ Александръ, а цѣ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказалъ: сее де осени ноября въ 13 день были у нихъ въ Святогорскомъ монастырѣ Донскихъ казаковъ человекѣ съ 60, а ѣхали отъ черкасы изъ Запорогъ телѣгами, а отъ Святыхъ де горъ поѣхали казаковъ на Донъ 20 человекѣ на лошадей верхи, а 40 человекѣ съѣли подъ Святими горами въ дру бударахъ, а будары отняли у нихъ монастырскіе; а везуть де съ собою тѣ казаки полонъ дѣвокъ и робятъ татарченковъ; а говорили де межъ себя казаки, что онѣ сего лѣта ходили съ запорожскими черкасы въ войну и воевали городъ Синонь, а атаманъ де съ ними былъ Донской казакъ Павлинъ и динѣ де тогъ ихъ атаманъ съ достальными казаками остался зимовать у черкасы въ Запорогѣхъ, а сколько съ нимъ остался казаковъ про то, де, государь, онѣ подлинно отъ казаковъ не слышали имянно, а турскаго или крымскаго городъ Синонь, про то, государь, онѣ отъ казаковъ не слышали.“

шихся въ заточеніи казаковъ въ Москвѣ и другихъ городахъ повелѣлъ освободить, указавъ дать имъ жалованье и послать на службу съ боярами и воеводами подъ Смоленскъ, а на Донъ послалъ милостивую грамоту и жалованье⁽²⁴⁷⁾.

(247) Дѣла Донск., въ столбц. грамота на Донъ 15 апрѣля 1633 г.
 „Отъ цари и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руссїи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрты атаманомъ и казакомъ Ивану Каторжному и всему Донскому войску. Писали есте къ намъ и къ отцу нашему къ великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичу московскому и всеа Руссїи, съ атаманомъ съ Федоромъ Васильевымъ съ товарищи, что въ нынѣшнемъ 141 году писано къ вамъ въ нашей грамотѣ; а велѣно вамъ приходити на крымскихъ и на казевскихъ татаръ, которые приходятъ войскою на наши украинны и надъ ними велѣно вамъ промышляти на походѣ и на перелазѣхъ и на перевозѣхъ, чтобъ надъ ними поискъ учинити, и языковъ добыть, и русскою бы полонъ у нихъ отгромити гдѣ мочно, а которые атаманы и казаки съ Дону пришли къ Москвѣ съ княземъ Иваномъ Дашковымъ, а которые казаки были въ нашей опалѣ, и тѣ всеъ взяты къ Москвѣ, и наши государскіе очи видѣли и у отца нашего у великаго государя святѣйшаго патриарха у благословенія были, и нашимъ государскимъ жалованьемъ пожалованы, и посланы на нашу службу подъ Смоленскъ съ бояры паншми и воеводы; а съ тою нашею грамотою приславъ къ вамъ на Донъ атаманъ Наумъ Васильевъ съ товарищи, и вы тоѣ пану грамоту вычли и слыша то, что мы атамановъ и казаковъ, которые были въ нашей опалѣ, пожаловали, тому всему войскомъ обрадовались, и нашему царскому и отца нашего великаго государя святѣйшаго патриарха жалованью ради; и въ нынѣшнемъ во 141 году февралѣ въ 22 день вѣдомо вамъ стало, что крымскіе и ногайскіе казыена улуса многіе воинскіе люди идуть въ Русь на наши украинны войною, и вы слыша тѣ вѣсти, нехота видѣти православнымъ христіаномъ отъ татаръ ибнѣненіе, спедчися вмѣстѣ межъ собою говорили и помни православную христіанскую вѣру и наше къ себѣ жалованье, за тѣми воинскими людьми ходили и сошли татаръ на крымской сторонѣ на рѣкѣ на *Быстрой* и съ ними бились, и Божіею милостию, а нашимъ царскимъ счастьемъ, и отца нашего великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича московскаго и всеа Руссїи молитвою, татаръ побили, и языки понжали, а пшыхъ многихъ переранили, и тѣхъ языковъ распрашивали, а въ распросѣ вамъ сказывали, что идуть на наши украинны многіе крымскіе и ногайскіе люди, а бити имъ въ украинныя наши города на Святой недѣли или напередъ свитыя недѣли; да выжъ ходили подъ ногайскіе

Казаки приемяють милостивую грамоту съ радостію. Съ неизъяснимою радостію казаки приняли гра-

улуси для языковъ и взяли дву татариновъ и изъ тѣхъ языковъ, которыхъ взяли на крымской сторонѣ и которыхъ взяли подъ могогайскіе улусы, дву человекъ прислали къ намъ въ Москвѣ, а многихъ языковъ послати есте ка намъ не смѣли, что путь дальшой и пробѣздъ тяжолъ. И мы великій государь и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Руссїи, васъ атамановъ и казаковъ за вашу службу, что вы намъ служите надъ татари, которые ходитъ на наши украинны войною, промышленяете и поискъ чините, похваляемъ и за то васъ учнемъ жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ, и выбъ атаманъ и казаки и впредъ намъ служили и надъ татари, которые пойдуть въ Русь на наши украинны войною, промышленили и поискъ надъ ними чинили, сколько вамъ Богъ помочи подасть. А прежь сего въ прошломъ 135 году писали къ намъ изъ Асторохани Боринъ нашъ и воеводы Петръ Головинъ съ товарищи, что прислалъ къ нимъ въ Астороханъ казиевской Касаи князь Исламовъ людей своихъ съ грамотою, а писалъ къ нимъ и приказивалъ, что онъ съ братьею своею и съ дѣтьми и съ племянницами и съ улусными людьми отставъ отъ крымскаго царя и учинясь Казиева улуса Уракова и Мамаева родства съ мурзами въ недружбѣ, учинилъсь подъ нашею царскою высокою рукою въ холопствѣ; а послѣ того прислалъ въ Астороханъ сына своего Наврусъ мурзу и улусныхъ лутчихъ людей, и снѣ его Наврусъ мурза за отца своего и за братью и за себя и за улусныхъ людей въ Асторохани намъ правду далъ, шертъ учинилъ, что имъ быти подъ нашею царскою рукою въ прямомъ холопствѣ на вѣки неотступнымъ, и на наши украинны самимъ войною не ходити и воинскихъ людей не посылати и аманаты на томъ въ Асторохани дали, и отиущенъ Наврусъ мурза изъ Асторохани къ отцу его и наше жалованье къ отцу его Касаю князю послано. Да подъ нашею жъ рукою учинилъсь Казиева улусы мурзы Алей мурза Ураковъ, да Вей мурза Мамаевъ, да Алла Гувать мурза Азаматовъ и правду намъ дали на томъ же, что имъ быти подъ нашею царскою рукою въ холопствѣ и ляхъ украиннамъ нашимъ никакова нечинити и аманаты было имъ давать въ Асторохани добрыя, изъ братѣи своей и изъ дѣтей и изъ племянниковъ, и они Касаи князь и мурзы забывъ свою правду и шертъ прислали въ Астороханъ аманаты худыя, которыми вѣрять немочю и ихъ отступились и не постоявъ въ своей правдѣ нисколько, приходили на наши украинны войною много жда, и убытки украиннамъ нашимъ починили многіе. А въ прошломъ въ 140 году въ августѣ приходили въ наше государство крымскіе и многіе люди, а казиева улуса мурзы и улусные многіе

моту царскую и во свидѣтельство покорности своей, сперва назначивъ знатное число лучшихъ атамановъ и казаковъ отъ

люди приходили въ наше государство съ ними жъ вмѣстѣ и украинны наши воевали и въ полонъ многихъ поимали людей и убитки многіе украиннажъ нашимъ починили. А въ нынѣшнемъ во 141 году писали къ намъ изъ Асторохани воеводи наши Иванъ Салтыковъ съ товарищи, что сказывали имъ въ вѣстехъ дѣти боярскіе и толмачи, которыхъ посылали они въ Ногаю, что въ прошломъ во 140 году ходили въ наше государство казевскіе мурзы со многими людьми войною вмѣстѣ съ крымскими людьми, и украинны наши воевали и полонъ многой поимали и продавали дешевою цѣною, выбирая молодыхъ, имали за нихъ за человекъ почомъ прося, а старыхъ свѣкли, что купити ихъ было некому, да и въ зиму де многіе казевскіе люди татарови зазимовали на степи, а нынѣ де пошли къ нимъ въ прибавку и многіе люди, и хотять приходитъ на наши украинны на веснѣ рано и хотять украинны наши воевать и пустошить, да къ нимъ же де приходили Большаго Канаю Канаю князь съ братьею и съ племянники и со всѣми ногайскими и съ едисанскими и куртовскими мурзами и говорили имъ, что Касай князь и мурзы казевскіе въ правдѣ своей нестоятъ, приходять на наши украинны войною всегда и въ прошломъ во 140 году сложасъ съ крымскими людьми, на наши украинны ходили и полонъ имали многой, и впередъ хотять тожъ чинять, и только ихъ неспиритъ и тѣсноты имъ неучинитъ, и имъ впередъ тожъ дѣлать, а имъ, только де мы укажемъ на нихъ послати нашихъ ратныхъ людей и ему Канаю князю съ улусными его людьми велимъ нашихъ идти, и съ ними де будетъ въ сборѣ на казевскихъ татаръ нашихъ ратныхъ людей Большаго Ногаю и едисановъ, и куртовскихъ татаръ съ 20 т. человекъ и больше, и тѣми де они людьми улусы ихъ повоюютъ и раззорять, и впередъ они на наши украинны войною ходить нестануть. Да въ нынѣшнемъ де во 141 году отпущенъ отъ насъ съ Москвы турецкой посоль Гречанинъ Тома Контакузинъ, да съ намъ же вмѣстѣ послали есми къ турецкому салтану пословъ нашихъ Якова Дашкова да дьяка нашего Матвѣя Сомова, а послы наши съ нашими ратными людьми отпущены на Волуйку, а съ Волуйки до Азова степью, и какъ они пошли съ Волуйки и отошли динца съ два и приходили на нашихъ и на турецкихъ пословъ казевскіе воинскіе многіе люди и съ ними биласъ и по одинъ день и отошли отъ нихъ послы наши насилу съ великими убыткы. И мы великій государь, видя отъ Касая князи и отъ казевскихъ мурзъ такіе многіе неправды и грубости, государства нашего украиннымъ городомъ многіе убытки и войну, говорили съ бояры нашими и указали есми и бояры наши прятворили послати на казевъ улусъ вой-

правила къ Смоленску въ составъ войскъ приготовленныѣхъ къ походу въ Литву, а потомъ февраля въ 22 день 1633 г.,

ноу воеводѣ нашпхъ князя Василя Туренина, да князя Петра Волконскаго, а ратнымъ людямъ указали есмя съ ними быти и съ Казани и съ понизовыхъ городѣхъ дѣтемъ боярскимъ и иноземцомъ, которые живутъ на корму, да изъ Асторохани дѣтемъ боярскимъ и головамъ стрѣльцкимъ и стрѣльцомъ, да Канаю князю и, ногайскимъ и едисанскимъ мурзамъ и тибуннымъ головамъ и ютовскимъ татаромъ и едисаномъ, да вамъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, да терскимъ служилымъ людямъ и новобрещеномъ и черкасскимъ и кумицкимъ княземъ и мурзамъ и узденемъ ихъ и черкасомъ, и терскимъ и гребенскимъ казакомъ, съ головами, и сходитца всѣмъ тѣмъ людямъ и вамъ атаманомъ и казакомъ съ воеводы нашими указали есмя, ссылаяся съ воеводы нашими гдѣ мочно, о томъ воеводамъ нашимъ велѣно на Терекъ и къ вамъ на Донъ писать яманно о которую пору и въ которое время, и въ которыхъ мѣстахъ вамъ съ нимъ сходитца. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а воеводы наши князь Василей Туренинъ да князь Петръ Волконской къ вамъ отпишутъ, чтобъ вы шли на нашу службу на Казневъ улусъ къ нимъ входить, и выбъ атаманы и казаки службу свою къ намъ и радѣніе совершили, отобрався многими людьми, шлѣбъ естя на нашу службу на Казневъ улусъ въ сходъ къ воеводамъ нашимъ, не мѣшая, въ то мѣсто, гдѣ вамъ воеводы наши отпишутъ, и надъ казневскими мурзани промышляли и улусы ихъ раззорали и улусныхъ людей побивали, и женъ и дѣтей въ полонъ имали, чтобъ вамъ Казневъ улусъ, за ихъ предъ нами многіе неправды и раззоренья государства нашего, до конца раззорить и искоренить, чтобъ имъ неповадно было впередъ воревать, на наши украинны войною приходитъ, и государство наше опостошить; а будетъ казневскіе люди будутъ въ войнѣ въ нашемъ государствѣ и тогобъ войною изъ Московскаго государства и ихъ поворотить, и вамъ бы атаманомъ и казакомъ однолично къ намъ служба своя показать и итти на Казневъ улусъ входить къ воеводамъ нашимъ немѣшая, а сойтѣца вамъ съ воеводами нашими въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они къ вамъ отпишутъ, чтобы однолично Казневъ улусъ повоевать и раззорить, чтобъ отъ нихъ впередъ государству нашему убытковъ небыло. А какъ вы съ воеводами нашими надъ казневцы поискъ учините, и улусы ихъ раззорите, и мы великій государь за тоу службу пожалуемъ васъ нашихъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью, а которые изъ васъ атаманы и казаки останутца на Дону во всѣхъ городкѣхъ за казневскимъ походомъ, и выбъ будучи на Дону намъ служили и нашимъ дѣломъ промышляли, провѣдывали бѣ есте на крѣпко про крымскаго царя и про

вѣстѣяхъ, что крымскіе и Казыева улуса татары во множествѣ идутъ на російскія украинны, послали на татаръ сильную партію, которая догнала ихъ на рѣч. Быстрой, разбила, многихъ положила на мѣстѣ, многихъ ранила и нѣсколько человекъ взяла въ плѣнъ; изъ плѣнныхъ этихъ двухъ и кромѣ того двухъ взятыхъ вскорѣ послѣ сего подъ ногайскими улусами, отправили въ Москву съ легкою станицею^(248 и 249).

Ногайцы возмущаются противъ Россіи. Плѣнными эти объявили что ногайцы и крымцы въ большихъ силахъ готовятся къ походу на російскіе украинные города. Это обстоятельство, а болѣе измѣна владѣтеля казиевскихъ улусовъ [князя Касаи Исламова, нарушившаго присягу на вѣчное подданство російскимъ государямъ, данную за него въ 1627 году въ Астрахани сыномъ его Навризь мурзою, а потомъ и прочими мурзами, и разорившаго, въ августѣ мѣсяцѣ 1632 г. наши украинны, побудили государя послать подъ предводительствомъ воеводы князя Василия Туревина и князя Петра Волконскаго сильную рать, составивъ оную изъ дѣтей боярскихъ и иноземцовъ въ Казани и другихъ низо-

царевичей и про всѣхъ крымскихъ воинскихъ людей, что ихъ ушнеленъ, гдѣ нынѣ царь и царевичи въ Крымѣ ли или гдѣ въ походѣ нынѣ, и немуръ ли ихъ походу въ пале милостивое государство войско, и будетъ чаять и самъ ли царь и царевичи пойдутъ или кого муръ съ войскими людьми пошлетъ, и выбь однолично прямую службу свою и радѣнье къ намъ показали, за такіе многіе крымскаго царя неправды къ намъ нашему государству или на тѣ мѣста къ рѣкамъ, и къ ихъ татарскимъ саямамъ, на которыя мѣста чаять походу, и на тѣхъ бы есте мѣстахъ на ихъ саямахъ и на рѣкахъ и на перелазахъ, надъ царемъ и надъ войскими людьми, проси у Бога милости, промышляли съ великимъ радѣньемъ сколько Богъ помоча подасть, чтобъ намъ службою своею и радѣньемъ крымскаго царя и его воинскихъ людей походу и войнѣ помѣшка учинитъ; а что у васъ учнетъ дѣлать и что какихъ вѣстей про царя и про иныхъ какихъ воинскихъ людей вѣдомо будетъ и сколькихъ людей на нашу службу на казиевъ улусъ пошлете, и выбь отомъ отписали къ намъ къ Москвѣ на скоро. Писанъ на Москвѣ лѣта 1633 года апрѣля въ 15 день.

^(248 и 249) Дѣла Донскія въ столбц. 1633 года. Грамота на Дону 15. Апрѣля 1633 года, см. примѣчаніе 247.

вышъ городахъ, изъ 20/г. едисанскихъ и ногайскихъ татаръ, черкасы и бумпыковъ преданныхъ росси, и наконецъ изъ Терскихъ, Гребенскихъ и Донскихъ казаковъ.

Базаки разрываютъ миръ съ азовцами. Между тѣмъ какъ по втому случаю дѣлались надлежащіе распоряженія; Дюды проводивъ съ честью изъ юртовъ своихъ бѣжавшихъ въ Царяградъ російскихъ пословъ Якова Дашкова и Матвѣя Сомова, а съ ними и турецкаго посланника Оому, Кантагузина, май 22 разорвали съ азовцами миръ и все вниманіе обратили на татаръ казиевскихъ. Предварительно осведомившись, что татары эти вочуютъ по рѣчкѣ Би, казаки пошли на нихъ, погромили улусы Кедманеть мурзы, брата Саатанъ Муратова, и мать сына дочерей и сестръ Муратовыхъ, съ ихъ ближайшими до 30 человекъ и татаръ обротого пола до 700 взяли въ плѣнь.

Другое нападеніе ихъ на этихъ татаръ. Весною послѣ того казаки ходили подъ Азовъ, въ отищеніе за дозволеніе казиевскимъ татарамъ кочевать близъ Азова. Между Донцомъ и Каланчею напали они на этихъ татаръ и многихъ изъ нихъ побили, отняли лошадей и рогатаго скота болѣе 2000 штукъ и до 200 человекъ взяли въ плѣнь⁽²⁵⁰⁾.

Нартія Донскихъ казаковъ изъ 500 человекъ идетъ на Юму въ соединеніе съ царскими воеводами противъ казиевскихъ татаръ. Столь быстрыми нападеными на татаръ обеспечивъ на нѣкоторое время городки свои отъ азовцевъ и казиевцевъ, казаки по-

⁽²⁵⁰⁾ Дѣла Турецкія въ столбц. 1633 г., № 5, распросный рѣчи тодмача Михаила Дедакова, вѣдывшаго въ Азовъ по государеву дѣлу.

„Казаки при немъ Михаилѣ изъ нпжныхъ городковъ ходили подъ Азовъ, на казиевцовъ, которые хотѣли кочевать промежъ Донца и Каланчи, и тѣхъ казиевцовъ пограмили, многихъ побили, а живыхъ взяли всякаго человека, человекъ съ 200, да лошадей съ 150, да коровъ съ 2000, и съ Азовомъ де они размирились, для того, что они казиевцомъ позволяли кочевать подлѣ Азова.“

грамотѣ царской и по предварительномъ сношеніи съ воеводами, введодительству коихъ вѣрено было войско для наказанія казыевскихъ татаръ, послали на р. Куму къ Мажарскому городищу отрядъ изъ 300 человекъ казаковъ и 200 татаръ, подъ начальствомъ атамана Ивана Каторжнаго. Недошедши двумя днями соединеннаго войска, Каторжный-встрѣтился на вершинахъ р. Чеусбишъ съ татарами ногайскими (возвращавшимися въ Астрахани) и вѣроятно почтя ихъ за татаръ казыева улуса, непріятелей нашихъ, разбилъ, отнял много русскихъ плѣнныхъ, взял у нихъ до 1500 человекъ и болѣе 2/3 штукъ лошадей и рогатаго скота и, по совѣтовавшись въ кругу съ лучшими казаками, возвратился на Донъ. Съ донесеніемъ объ этомъ происшествіи тогда же послана была въ Москву легкая станица: ожидали благоволенія царскаго, но вмѣсто того получили грамоту, которою повѣлено все отнятое у поворныхъ Россіи татаръ немедленно возвратитъ, русскихъ же плѣнныхъ отослать въ украинные города или въ Москву, а роспись о томъ, куда кто посланъ также доставитъ въ Москву⁽²⁵¹⁾.

(251) Дѣла турецк. двор. въ столбц. 1634 г., № 1. Грамота на Донъ 28 Февраля 1634 года.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи, на Донъ въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ низовымъ и верховымъ, всему Донскому войску. Писали есте къ намъ съ атаманомъ съ Макаромъ Степановымъ съ товарищи, что по нашему указу, велѣно вамъ атаманомъ и казакомъ итти всходъ къ стольникомъ нашимъ и воеводамъ ко князю Василью Туренину да князю Петру Волконскому, въ то мѣсто, гдѣ они къ вамъ отпишуть, и итти съ ними войною на нашихъ ослушниковъ на Казыевъ улусъ и надъ крымскими мурзами промыслати и ихъ и улусныхъ ихъ людей побивати и женъ и дѣтей въ полонъ имати, и улусы ихъ, за ихъ предъ нами великимъ государемъ многіе неправды, до конца раззорити и искоренитъ, чтобъ имъ неповадно было впередъ воровать и на наши украинны войною приходитъ и государство наше пустошить; и вы атаманы и казаки писали отъ себя къ стольникамъ нашимъ и воеводамъ съ станицею, чтобъ они къ вамъ отписали, гдѣ вамъ снпми и въ которыхъ мѣстехъ и окою пору сходитъ ся и станичники наши стольниковъ нашихъ

Новое жалованье войску. В тоже самое время прислано войску царское жалованье: 2000 руб. денег, и воеводъ въ Асторохани не застали, а встрѣтились съ ними на степи, а про князя Василья Туренина свазали пмъ; что его не стало, и стольникъ нашъ кн. Петръ Волконскій писалъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ съ своею станицею, съ астороханцы, дѣтьми боярскими да съ стрѣльцы; а велѣлъ вамъ сходиться съ собою на Можарскомъ городищѣ; а пришли тѣ станичники къ вамъ на Донъ августа въ 9 день. И вы, атаманъ и казаки, собрався многіе люди, пошли на нашу службу, на Казмевъ улусъ съ большимъ нарядомъ августа въ 15 д., а которые атаманъ и казаки остались на Дону, и вы тѣхъ привазали послѣ себѣ по Дону по перевозомъ и по скмамъ оберегати того, чтобы крымскіе воинскіе люди за Донъ на ногайскую сторону, на помочъ къ казневскимъ мурзамъ, неперешли; а казневскихъ бы мурзъ, потому жъ, на крымскую сторону не перепустити. А вы, атаманъ и казаки, шли степью недѣлю, и, недошедъ стольника нашего и воеводы, и ратныхъ нашихъ людей, августа въ 21 д. сошлись съ казневскими мурзами и съ ихъ улусы, съ Отмонаемъ—мурзою, да съ Казнемъ—мурзою, да съ Мамасемъ—мурзою, да съ Исламомъ—мурзою, да съ Исмаилъ—мурзою, да съ Оллатомъ—мурзою, да съ Шанмомъ—мурзою, и съ ихъ улусными людьми, и тѣхъ казневскихъ людей—татаръ побили, а мурзы сами ушли, а женъ ихъ и дѣтей въ полонъ поймали, а всего полону взяли тысячи съ двѣ и больши. А въ распросѣ вамъ тѣ полонявники, улусные люди, сказывали, что тѣ де казневскіе мурзы съ улусными своими людьми шли подъ Азовъ, а подъ Азовомъ де перевозиться было имъ на крымскую сторону. А стольникъ нашъ и воевода кн. Петръ Волконскій къ намъ писалъ: въ прошломъ де во 141 году іюля въ 30 д., пріѣхали къ нему отъ васъ съ Дону станичники, а астороханцы дѣти боярскіе Василій, Усовъ, да Дмитрій Онбаровъ; а съ ними прислали къ нему вы, Донскіе атаманъ и казаки, казаковъ Ивашка Тимофѣева съ товарищи 5 человекъ на рѣку Куму, на урочищѣ на каракуголь, недоходя Можарскаго городища, съ отпискою; а въ отпискѣ своей писали, что вы нашу службу къ нему всходъ ѣдете, а будете на Можарскомъ городищѣ вскорѣ; и онъ де тѣхъ вашихъ казаковъ отпустилъ къ вамъ отъ себя станицу сына боярскаго Ивана Колодичи и писалъ къ вамъ, чтобы вы атаманъ и казаки на нашу службу къ нему всходъ шли на Можарское городище, не мешкая; и вы де атаманъ и казаки къ нему въ сходъ августа по 16 число небывали, и онъ де стольникъ нашъ и воевода съ нашими ратными людьми, и недождався васъ въ Козмевъ улусъ, приходилъ, и Божію милостію, а нашимъ царскимъ счастиемъ, Казмевъ улусъ повоевали и разорили, и полонъ многой поймали, и пошли къ Асторохани разными дорогами; и онъ де князь Петръ пришесть

10 поставовъ сукна на сграфилю лучшихъ , 13 поставовъ суконъ среднихъ, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ,

на рѣку Чабашъ августа въ 27 д. и прїѣхалъ де къ нему отъ васъ Донскихъ казакомъ станичникъ его Иванисъ Колодничъ, а сказалъ, что идетъ къ нему съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ 600 человекъ—казаковъ, а пришли де вы на чербашскія вершины отъ него въ дву дницахъ и августа жъ де въ 29 д. прїѣхалъ къ нему отъ васъ атаманомъ и казакомъ, казакъ Якушко Назаровъ и сказывалъ ему, что пошло было на нашу службу къ нему всходъ съ атаманомъ, съ Иваномъ Каторжнымъ, 300 челов. казаковъ, да 200 человекъ татаръ, и на ченбашскихъ де вершинахъ сошлся съ ногайскимъ съ Кейкувать—Янмаметъ—мурзою—Янмаметевымъ, съ братьею и дѣтьми и съ племенниек и съ ногайскими людьми, которые пошли отъ него назадъ въ Асторохань, и съ ними де у васъ былъ бой; и вы де, атаманы и казаки, тѣхъ мурзъ и татаръ, которые намъ служили, побили и взяли у нихъ татарскаго ясырю съ 1500 челов. и русскою многою отгромили, да лошадей у нихъ взяли тысячи съ двѣ и больши, и иную многою животину поймали; и послѣ де того погрому былъ у васъ кругъ; и, договорясь, пошли назадъ на Донъ. А Кейкувать—Янмаметъ—мурза съ братьею, съ дѣтьми и съ племенники, намъ великому государю били челомъ и прислали челобитную за своими руками; и въ той ихъ челобитной написано какъ они съ стольникомъ нашимъ и воеводою, со кн. Петромъ Волконскимъ, казневъ улусъ погромили и татарскою многою ясырь поймали, и русскою полонъ отгромили; и они де, уболсъ недруговъ своихъ, Гинбаевыхъ и Урмаметевыхъ и Урусовыхъ дѣтей, Банал—князя съ братьею и съ племенники, пошли къ Асторохану напередъ, стольника нашего и воеводы, князя Петра Волконскаго стороннею дорогою къ рѣкѣ Манчѣ и какъ де пришли на нихъ вы, Донскою атаманъ Иванъ Каторжной, съ товарищи, и ихъ де пограмили и побили и татарскою ясырь, и турскою полонъ у нихъ отгромили, и животовъ многою, и лошади, и иную всякую животину поймали. И вы, атаманы и казаки, то учинили негораздо, сами на нашу службу, на нашихъ не послушниковъ притти не пораждѣли и приходомъ своимъ замѣшкали; а которые люди намъ служили на казневъ улусъ съ стольникомъ нашимъ и воеводою, со княземъ Петромъ Волконскимъ, на пришли и казневъ улусъ погромили, и вы тѣхъ ногайскаго Кейкувать—Янмаметъ—мурзу, съ братьею и съ племенники, и улусныхъ его людей ногайскихъ татаръ, которые были съ ними, много ихъ побили и животныхъ поймали; а что у нихъ было взято на томъ погромѣ, казневскаго ясырю, и русскою полону и животовъ, и всякія животины, то все у нихъ поймали, и тѣмъ вы дѣлу нашему учинили многою поруху; а къ намъ писали есте ложно, будто вы, намъ служба, погромили казневъ улусъ, и

30 четвертей толкна, 100 ведръ вина, 60 пудъ пороху и 30 пудъ свицу. При этомъ особою грамотою строго подтверждалось, чтобы казаки съ азовцами жили мирно, на море не ходили и жилищъ подданныхъ турецкаго салтана

вы побили и въ полонъ поймали нашихъ же людей Большаго нагаю, и тѣмъ своимъ приходомъ и помѣнкою неточно къ намъ великому государю службъ своей не показали, но еще, нашимъ непослушникомъ, козьева улуса мурзамъ и татарамъ тѣмъ большую помочъ учинили; и вамъ было, атаманомъ и казакомъ, видя къ себѣ нашу государскую милость и жалованье, надобно намъ великому государю служить и о своей службѣ писати къ намъ правдою. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бѣ, атаманы и казакъ, нынѣ однолично вину свою покрыли, въ томъ предъ нами, великимъ государемъ, исправились; и что вы въ томъ погромѣ взяли въ полонъ нашихъ людей большаго нагаю татаръ Кейкуватъ—Янмаметъ—мурзина и его братья, и племянниковъ улуса, и ихъ погрому казыевского ясырю, и всякаго живота, и лошадей, и всякія животины, чтобъ есте все отдали или отослали къ нимъ подъ Астороханъ, немѣшка; а русской полонъ, которой у нихъ отгромили, прислали-бъ есте въ наши украинные города или къ Москвѣ, и тѣмъ людямъ прислали къ намъ роспись; а того бѣ есте однолично не учинили, что тѣхъ нашихъ ногайскихъ татаръ продати или на помѣну отдать нашимъ непослушникомъ, а ихъ недругомъ козьева улуса татаромъ или въ Азовъ; тѣмъ бы вы отъ насъ великаго государя и до конца на себя большія опалы не навели, и впередъ бы намъ великому государю служили, гдѣ вамъ наше государское повелѣнье будетъ, и о своей службѣ писали къ намъ правдою; а то мы, великій государь чаемъ, что вы, атаманы и казаки, вину свою нынѣ покроете и передъ нами великимъ государемъ, исправитесь, наше государское повелѣнье исполните, нагайскаго—Кейкуватъ—Янмаметъ—мурзина и его братья и племянниковъ, улуса татаръ, которыхъ вы пограбили и пограбили и ихъ погрому казыевской ясырь и всякіе животы и лошади, и всякую животину отладите, или къ нимъ подъ Астороханъ отошлите; а русской полонъ, который у нихъ отгромили, и тотъ полонъ, и тому полону роспись пришлете въ украинные наши города или къ намъ къ Москвѣ. А какъ вы, атаманы и казаки, по нашему государскому повелѣнью то все учините и впередъ учнете намъ великому государю, служить, гдѣ вамъ наше государское повелѣнье будетъ, и мы великій государь васъ атаманомъ и казакомъ пожалуемъ и передъ учнемъ васъ держати въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьи и въ призрѣньи; и служба ваша у насъ великаго государя забвенна николи не будетъ. Писанъ на москвѣ лѣта 7142, февраля въ 28 день”.

и хана крымскаго не грамили; возвращавшихся же изъ Москвы въ Царьградъ посланниковъ турецкаго Адея—Агу и венгерскаго повелѣно проводить въ Азовъ съ честію (²⁵²).

Понски казаковъ по Каспійскому морю. Получивъ эту грамоту и жалованье, Донскіе казаки не смѣли возобновить по Азовскому и Черному морямъ понсковъ, оставленныхъ ими съ 1632 года, со времени снятія съ нихъ опалы; но вмѣсто того нѣкоторая часть ихъ весною 1634 г. отправилась на Волгу и за тѣмъ въ Каспійское море; тамъ пограмила персидскія суда съ товарами; потомъ, соединясь съ яцкими казаками, разграбила нѣсколько приморскихъ селеній въ нынѣшнихъ Дербентской и Бакинской провинціяхъ и возвратилась на Донъ съ богатою добычею (²⁵³).

(²⁵²) Дѣла донскія № 1-й, грамота на Донъ отъ 28 февраля 1634 года, въ коей сказано:

К., А ми, великій государь учнемъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, за вашу службу, держать наше царское жалованье незабвенно; а нынѣ послали есмь къ вамъ атаманомъ и казакомъ нашего жалованья, съ послы нашими, съ Иваномъ Коробынымъ да съ Дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ, 2000 руб. сереб. денегъ, десять поставовъ суконъ на страфилю добрую, 13 поставовъ суконъ среднихъ; да запасовъ: 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, 30 четвертей толокны, 100 ведръ вина, 60 п. зелья, 30 пудъ свинцу; и какъ послы наши и турецкой посоль Алей-ага къ вамъ на Донъ придуть, и вы-бъ встрѣтили и приняли и въ Азовъ ихъ, и митрополитовъ, и архимандрита, и старцовъ, и гречанъ, которые съ ними, отпустили, незадержавъ, и проводили до Азова во всемъ честно, по прежнему нашему указу и наше жалованье у пословъ нашихъ, что къ вамъ съ ними послано деньги, и сукна, и зелья, и свинецъ, и хлѣбные запасы, и вино приняли:

(²⁵³) Дѣль Крымскихъ въ столбц. 1634 г. № 16 статейный списокъ, бывшихъ въ Крыму посланниковъ, Прончищева и Бормасова.

„ Слышели де они отъ посла Ахметъ-аги, что Донскіе казаки прошлаго и нынѣшняго лѣта ходили въ Казыбашскую землю войною и издобились гораздо, и товары козыбашскіе на Дону продавали дешевою цѣною, только цевѣдаетъ, кои мѣста воевали.

И послы говорили, что Донскіе атаманы и казаки, исполняя царское повелѣнье на Черное море не ходили и салтановыхъ городовъ, селъ и деревень, и крымскихъ и ногайскихъ улусовъ не воевали; а ходили на Яикъ и съ яцкими казаки собрався, ходи-

Таковыя разѣзды казаковъ по Каспійскому морю продолжались иѣще два года. Между тѣмъ подъ Азовъ приходили Запорожскіе черкасы моремъ въ 30 стругахъ; къ нимъ присоединились сто человекъ Донскихъ казаковъ, безъ вѣдома Войска, ибо въ то время между казаками Донскими и азовцами существовалъ миръ. Имѣя съ собою нѣскольکو пушекъ малаго калибера, запорожцы держали въ осадѣ Азовъ четверо сутокъ, разрушили часть городской стѣны, и, нанеся значительный вредъ азовцамъ, пошли обратно на море. Азовцы думали, что Запорожцы приходили къ городу ихъ, съ согласіемъ съ Донскимъ войскомъ, и потому какъ бы въ отпущеніе за это, не объявля казакамъ о разрывѣ мира, въ числѣ 1500 чел. приступили къ казачьимъ городкамъ къ Нижнему, Черкасскому и къ Манычу, угнали множество разнаго скота и лошадей, и до 30 человекъ казаковъ порубили (254).

ли на Хвалынское море; в шаховы города и уѣзды, которые близко моря, повоевали, и на Хвалынскомъ море бусы погромили многіе, и пришли назадъ на Донъ, и продавали всякіе казылбацкіе товары дешевою цѣною; то видѣлъ посоль Ахметъ-ага, какъ ѣхалъ къ Москвѣ и съ Москвы въ Царь-городъ.

И визирь говорилъ посломъ: сколь давно Донскіе казаки учали ходить въ казылбацкую землю войною и въ казылбацехъ которы мѣста воевали.

И послы гонорилл, какъ они и турской посоль Ахметъ-ага отъ царскаго величества съ Москвы отпущены, и пришли на Донъ и видѣли у казаковъ многіе казылбацкіе товары, продаютъ всякимъ людемъ дешовую цѣною; а сказываютъ, что они, исполняя царскаго величества повелѣнне, на Черное море не ходили и сактаровыхъ городовъ и селъ, и деревень, и крымскихъ улусовъ не воевали; и съ Дону ходила по два года на Хвалынское море и воевали црѣ Дербенью и морѣ Низовою, и подъ Бакою, и гплинскую землю; и на Хвалынскомъ морѣ погромили многіе бусы со многими товарамъ.

(254) Дѣла Турецкія 1635 г., № 5. Распросныя рѣчи атамана Богдана Конянского, пріѣхавшаго въ Москву 30 генваря 1635 г.

Въ прошломъ де въ 142 году, послѣ Успенья Пресвятны Богородицы, приходили подъ Азовъ запорожскіе черкасы въ 30 стругахъ, а сколько людей, того онъ водлинно не вѣдаетъ, а съ ними де были и пушечки, и къ Азову приступали, и азовцы черкаст

Морскіе поиски Донскихъ казаковъ. Оскорбленные нарушеніемъ мира и этимъ набѣгомъ азовцевъ, Донскіе казаки, дождавшись весны 1635 года, пустились въ море. Какое число ихъ было въ этомъ походѣ, неизвѣстно. На морѣ сѣхались они съ запорожскими черкасами, овладѣли четырьмя купеческими крѣпостями со всѣми находившимися на нихъ людьми, товарами и запасами; два дня приступали къ Берчи и потомъ разорили нѣсколько деревень, лежащихъ между этимъ городомъ и Кафою⁽²⁵⁵⁾. Послѣ этого близъ Карасова захватили въ плѣнъ до 30 человекъ татаръ, отсюда поплыли къ берегамъ Румелійскимъ и Анатольскимъ, тамъ разорили многія селенія, сожгли городъ Каюнь или Коюю, убили тамошняго воеводу и многихъ жителей. Султанъ турецкій, получивъ объ этомъ извѣстіе, выслалъ противъ нихъ нѣсколько военныхъ судовъ, но казаки,

на приступѣхъ побѣди. А стояли черкасы подѣ Азовомъ 4 дни, да къ черкасамъ же де пришли воры Донскіе казаки, утаясъ Войска, человекъ со ста, и отъ Азова пошли съ черкасы вмѣстѣ въ стругѣхъ, а на Донъ назадъ ийти не смѣли потому, что въ войскѣ была заповѣдь—съ азовцы задираться не велѣно. А только бѣ они пришли на Донъ, и ихъ бы де Донскіе атаманы всѣхъ побѣди. А изъ атамановъ де и изъ казаковъ иныхъ нѣкто подѣ Азовъ не ходили, потому что у нихъ съ азовцы миръ былъ.

„И послѣ де того азовцы, человекъ съ 1500, за миромъ приходили подѣ ихъ казачьи городки: подѣ Нижней, да подѣ Черкаской, да подѣ Манычѣ, безвѣстно, и стада конскія отгоняли, да казакъ съ 30 порубили, а атаманы де и казаки въ тѣ поры были подѣ улусы на ногайской степи. А говорили азовцы, будто черкасы приходили къ нимъ подѣ Азовъ и съ ихъ вѣдома, а только бѣ де не съ ихъ вѣдома, и онибѣ де къ нимъ въ Азовъ по черкасъ вѣдомо учинили и размиренье на Донъ прислали; и атаманы де и казаки, собрався всѣмъ войскомъ, приходили къ Азову и улусныхъ людей казнева улуса погромили, и пришли назадъ на Донъ, а ожидали къ себѣ изъ Азова мировщиковъ, а по его де повѣздѣ, мировщики изъ Азова не бывали, а что послѣ его учинилось, того онъ не вѣдаетъ“.

(²⁵⁵) Дѣла крымскія 1634 и 1635 г., въ столбц. № 5, статейный списокъ, бывшихъ въ Крыму посланниковъ, Дворяннова и Непейцова, и дѣла турецкія 1634 г., № 5, въ столбц., распросныя рѣчи атамана Богдана Каннискаго.

свѣдавъ о томъ, отошли назадъ, не потерпѣвъ ни малѣйшаго вреда.

Сношенія по сему случаю о казакахъ между Портою и Россійскимъ Дворомъ. Не взирая на драки между азовцами и Донскими казаками и на разоренія этими послѣдними жилищъ крымскихъ и турецкихъ, дружественныя сношенія Двора Россійскаго съ Портою и ханомъ крымскимъ не прекращались: наши послы ежегодно посылаемы были въ Крымъ и Константинополь и почти каждый годъ Дворъ нашъ принималъ посланниковъ и гонцовъ отъ хана крымскаго и султана. Въ этихъ отношеніяхъ переговоры о Донскихъ казакахъ занимали, кажется, первое мѣсто. Ханскіе и султанскіе послы упрекали Дворъ нашъ въ неискренности и совершенномъ нехотѣніи укротить своевольство казаковъ, и настоятельно требовали согнать ихъ съ Дона, а городки разорить до основанія, обѣщая сильное въ томъ содѣйствіе со стороны ихъ государей, и наконецъ грозили истребить ихъ собственными силами, если царь московскій откажется отъ исполненія такихъ требованій; но Михаилъ Федоровичъ и въ грамотахъ и чрезъ посланниковъ старался увѣрить хана крымскаго и султана турецкаго, что Донскіе казаки повелѣніямъ его противятся, что они много разореній нанесли московскому государству, живутъ въ мѣстахъ отдаленныхъ и, не имѣя постоянныхъ жилищъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря по обстоятельствамъ и опасностямъ имъ угрожающимъ; по минованіи же оныхъ опять возвращаются на прежнія мѣста; что по этой причинѣ, нѣтъ возможности удержать ихъ отъ своевольства; затѣмъ предоставлялъ обоимъ право управляться съ ними по собственному произволенію, обѣщаясь смотрѣть на то безъ неудовольствія. Но въ то же самое время посылалъ на Донъ грамоты, убѣждалъ казаковъ жить съ азовцами мирно, прекратитъ набѣги на Крымъ и турецкія владѣнія; повелѣвалъ развѣдывать о замыслахъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ,

отражать, если они пойдутъ въ предѣлы россійскіе; почти ежегодно посылалъ войску жалованье: деньги, каѣки, сукна, вино, хлѣбные запасы и военные снаряды; а въ 1635 году пожаловалъ оному знамя ⁽²⁵⁶⁾. Михаилъ Федоровичъ, безъ сомнѣнія, убѣжденъ былъ въ пользѣ для Россіи отъ казаковъ, бывшихъ ей надежнымъ оплотомъ на югѣ отъ хищныхъ ея сосѣдей; но дабы отвратить отъ себя подозрѣніе въ послабленіи казакамъ и чрезъ то продолжать дружественную связь съ Россією крымскаго хана, угрожавшаго

⁽²⁵⁶⁾ Дѣла Крымскія 1635 г, № 9, см. наказъ, данный окольнику кн. Григорію Волкопскому, а потомъ Льву Далматову-Барнову и дьяку Мохову, отправленнымъ въ Волуйку на развѣдное мѣсто.

„И будетъ Алей-князь учнетъ говорити: сказываете, что на Дону живутъ воры—холоди бѣгле, убѣжавъ отъ смертныи казни безъ государева повелѣнья, а имъ то самимъ вѣдомо, что государь присылалъ и недавно къ казакамъ знамя свое, и запасы и деньги, и сукно, и зелье, и селитру, и свинець; то они вѣдаютъ подлинно; и въ украинные города казаки съ добычею пріѣзжали безпрестанно и по тѣмъ мѣстамъ живутъ казаки съ государева повелѣнья; и государь бы съ Дону казаковъ однолично велѣлъ свести, и тѣмъ бы турецкому салтану и крымскому царю нелюбя не оказывалъ.

„И окольнику князю Григорію Константиновичу да дьяку Венедикту Мохову говорити: вѣдомо имъ самимъ, что тѣ воры казаки Донскіе отъ московскаго государства поудалили и живутъ кочевнымъ обычаемъ, а не городовымъ житьемъ, перѣзжая по рѣчкамъ; да и то имъ вѣдомо, какъ въ прошлыхъ годѣхъ тѣ воры, и, къ нимъ прибався, такіе жъ воры казаки и запорожскіе черкасы, по злому заводу польскаго короля и пановъ Рады, пристали къ воровъ, которые сказывались государскимъ дѣтьми ложно, и съ ними многую кровь въ московскомъ государствѣ проливали и воевали что иновѣрные; а какъ царское величество въ прошлыхъ годѣхъ воевалъ къ турецкому салтану посланниковъ своихъ государство свое обещать и польскаго Жигимонта короля неправды объявить, и царское величество для своего государева дѣла къ Донскимъ казакамъ послалъ своего государева жалованья, сукна, да запаса, да денегъ отъ невелика для того, чтобъ ихъ тѣмъ отъ воровства поунять и съ азовскими людьми помирить, и чтобъ они государева посланника и турецкаго чеуша допустили, неограбя; а знамени къ нимъ государь не посылывалъ ни коли, то никто сказывалъ на ссору“.

тогда опустошеніемъ казачьихъ на Дону жилищъ и разореніемъ російскихъ украинныхъ городовъ, въ 1634 году писалъ къ хану, что по случаю войны, которую Россія имѣла тогда съ Литвою, онъ не можетъ дать ему никакой помощи въ предпріятіи его на казаковъ, утверждалъ во мнѣніи, что поискъ его едва ли будетъ успѣшенъ, ибо казаки, провѣдавъ о томъ, навремя сойдуть съ Дону; и увѣрялъ, наконецъ, что онъ за нихъ немало не постоятъ и тогда, когда бы всѣ они истреблены были (257).

Султанъ укрѣпляетъ Азовъ и посылаетъ къ оному на казаковъ сильное войско. Султанъ турецкій и ханъ крымскій отчасти вѣрили этому и полагали, что, по окончаніи войны, царь къ смиренію казаковъ приметъ рѣшительныя мѣры; но видя, что и въ слѣдующемъ году Донцы по прежнему плаваютъ по морю, производятъ грабежи и разоренія подданнымъ ихъ, снова домогались, чтобы они были сведены съ Дону; а для приведенія Азова въ лучшее оборонительное состояніе султанъ послалъ въ Азовъ нашу и потребное число людей, повелѣвъ укрѣпить оный; и въ тоже время далъ крымскому хану повелѣніе: немедленно собрать изъ подвластныхъ ему крымцевъ и ногайцевъ сильное войско, идти къ Азову, и совокупно съ азовцами дѣйствовать на казаковъ; но о дѣйствіяхъ и успѣхахъ войска сего ничего неизвѣстно.

(257) Дѣла Крымскія, въ столбц. 1634 г., № 4, см. грам. царя Михаила Феодоровича къ Жанбекъ-Гирею, крым. царю, отиравлѣнную съ посломъ Борисомъ Дворяниновымъ и подъячимъ Андреемъ Непейцинымъ.

„А что вы, братъ, писали къ намъ о Донскихъ казакахъ, только будутъ намъ Донскіе казаки непослушны, а управитъся намъ съ ними будетъ неволн потому, что мы нынѣ съ литовскимъ войну ведемъ и намъ бы къ вамъ, брату нашему, отписать, п вы для нашего слова на Донскихъ казаковъ пойдете съ своей стороны, а намъ бы послать на нихъ съ своей стороны; и чается, что ихъ на томъ мѣстѣ не будетъ,—и мы къ вамъ, брату нашему, о томъ, какія они люди и какое отъ нихъ дѣлается воровство, напередъ сего писали в неодинона; а хотя бы вы ихъ и всѣхъ побили, и намъ стоять за нихъ не за что.”

Большой Ногай отлагается отъ Россіи. Около сего времени владѣтели и мурзы Большаго Ногай, кочевавшаго около Астрахани, подстрекаемые крымскимъ ханомъ и князьями Казьева улуса, всегда враждебными Россіи, возмущались. Можетъ быть, единство вѣры ихъ съ крымцами, а можетъ быть, и неумышленное разбитіе (какъ видѣли мы выше сего) Донскими казаками одного изъ улусовъ были побудительными къ сему причинамъ. Къ возмущившимся улусамъ Большаго Ногай прислали въ послѣдствіи улусы Малаго Ногай. Увѣдомленный объ этомъ, турецкій султанъ послалъ въ Большой Ногай крымскаго хана. Ханъ до того успѣлъ въ намѣреніи своемъ, что отложившіеся ногайскіе владѣльцы дали ему присягу на вѣрность подданства; обѣщали стараться перейти со всѣми улусами своими на правую сторону Дона, а оттуда въ Крымъ; въ доказательство же непоколебимой преданности своей хану, отдали ему присланнаго къ нимъ въ 1634 году отъ государя съ грамотою, для убѣжденія ихъ возвратиться на прежнія кочевья въ Астрахани и быть въ повровительствѣ Россіи, російскаго дворянина Тимофея Желябужскаго и до 100 человекъ стрѣльцовъ, съ нимъ бывшихъ; и наконецъ, одарили хана подарками богатыми.

Объ успѣхахъ посольства Желябужскаго не было въ Москвѣ никакого извѣстія, и потому поручено было Донскому войску развѣдать объ этомъ и войти въ сношеніе съ возмущившимися улусами и стараться склонить ихъ къ возвращенію подъ російскую державу, на прежнія кочевья; а въ случаѣ непослушанія, дѣйствовать противъ нихъ, какъ противъ непріятелей отечества.

Казаки начали эти сношенія въ 1634 году, но не имѣли желаемаго успѣха; ибо ногайскіе мурзы не хотѣли слушать убѣжденій ихъ; посылали сильныя партіи на російскія украины и неоднократно намѣревались переправиться чрезъ Доу и уйти въ Крымъ.

Конски казаковъ надъ ногайцами и крым-

цами. Но казаки дѣтельно наблюдали всѣ ихъ движенія, препятствовали переправѣ чрезъ Донъ и преслѣдовали партіи ихъ, также азовцевъ и татаръ крымскихъ, ходившія для грабежей на украинны. Такимъ образомъ, въ 30 день іюля, 1634 года на правой сторонѣ Донца, въ вершинахъ рѣчки Кундрючьи, встрѣтили они возвращающихся изъ Россіи ногайцевъ, разбили ихъ, отбили русскихъ плѣнныхъ 94 челов. и 60 челов. татаръ. 6 сентября на рѣчкѣ Быстрой разбили партію, изъ азовцевъ и ногайскихъ татаръ состоящую; 22 человѣка взяли въ плѣнъ и много положили на мѣстѣ. 26 числа того же мѣсяца, освѣдомившись, что Большаго Ногай-татары разныхъ улусовъ собрались во множествѣ, хотятъ переправиться чрезъ Донъ близъ Азова и идти въ Крымъ, — казаки отправились къ мѣсту переправы на судахъ, напали на татаръ ночью, болѣе 1500 челов. побили, 1305 челов. взяли въ плѣнъ. Декабря 25 того же 1634 года ходили на улусы Большаго и Малаго Ногай, и на ногайской степи, при урочищѣ Чубурѣ, погромили улусъ, болѣе нежели изъ 2000 семействъ состоявшій; 153 человѣка взяли въ плѣнъ и отбили 800 челов. плѣнныхъ Россіянъ. Въ 1635 году февраля въ 25 день на Очаковской косѣ разбили множество Большаго и Малаго Ногай татаръ разныхъ улусовъ, намѣревавшихся оттуда перейти въ Крымъ; многихъ побили на мѣстѣ и 935 чел. взяли въ плѣнъ. На возвратномъ пути казаковъ, на рѣчкѣ Кагальникѣ, встрѣтили ихъ азовцы, вышедшіе противъ нихъ всѣмъ городомъ съ пушками; но казаки отошли отъ нихъ въ войско безъ всякаго урона.

Султанъ посылаетъ помощь азовцамъ. Эти дѣйствія казаковъ сильно обезпокоили султана. Будучи занятъ тогда войною съ шахомъ персидскимъ, онъ не могъ послать къ Азову столь сильнаго войска, которымъ бы (какъ хвалился въ грамотахъ своихъ), разоривъ жилища казаковъ и согнавъ ихъ съ Дону, навсегда обезопасилъ бы Азовъ отъ поисковъ ихъ. Но дабы, хотя нѣсколько, подкрѣпить этотъ городъ и вспомоцествовать ногайцамъ переправиться чрезъ

Казаки отиравляють на море сильную пар-
тію. Въ самое это время пронесся слухъ, что будто сул-
танъ отпавилъ на корабляхъ въ Азовъ многочисленное
войско для разоренія казачьихъ городковъ. Чтобы предупред-
дить этотъ замыселъ и недопустить турецкіе корабли въ

бой; и, милостію Божію и твоимъ государскимъ счастіемъ, твою
государская рука возвысплась: тѣхъ татаръ побили, и русскою
половою отгромили, а живыхъ татаръ взяли 70 человекъ и два;
и, приведши къ себѣ въ юрты, всѣхъ порубили, и лсыру, государь,
русскаго отгромили 94 чело. Да въ нынѣшнемъ, государь, во
143 году сентября въ 6 день вѣстно намъ, холопамъ твоимъ, учи-
нилось, что пошли азовскіе и ногайскіе люди въ Русь, человекъ
съ 200 и больши, подъ твои государскіе городы; и мы, холопи твои,
переговори межъ собою, чтобъ тебѣ, государю, послужить, пошли
за ними и сошли тѣхъ, государь, татаръ на Быстрой рѣкѣ и, ми-
лостію Божіею и твоимъ государскимъ счастіемъ, побили ихъ, и
живыхъ поимали; а живыхъ взяли 22 человекъ и, приведши къ
войску, и тѣхъ всѣхъ порубили. Да въ нынѣшнемъ же, государь,
во 143 году сентября въ 26 день, намъ же холопамъ твоимъ
вѣстно учинилось, что пришли Большаго Ногаю многие люди чер-
ные мужики разныхъ улусовъ, а хотѣли лѣзть Донъ подъ Азовомъ
на большомъ перевозѣ на крымскую сторону, и мы, холопи твои,
тожъ переговори межъ собою, чтобы тѣхъ татаръ на крымскую
сторону не перепустить, пошли за ними судами и, пришедъ въ
ночи, на большомъ перевозѣ, тѣхъ татаръ порубили тысячи съ
полторы и больши, а женъ и дѣтей въ полонъ поимали, а поло-
ву, государь, взяли татарскаго 1305 чело. Да въ нынѣшнемъ же,
государь, во 143 году декабря въ 25 день ходили, государь, мы,
холопи твои, на ногайскую степь войскомъ, и сожгли улусы Боль-
шаго Ногаю и Малаго черныхъ мужиковъ, разныхъ улусовъ на
Чубурѣ дворовъ тысячи съ двѣ и больши, и на тѣ, государь, гу-
сы били, и милостію Божію и твоимъ государскимъ счастіемъ, и
тѣ улусы взяли, а татаръ порубили, а женъ и дѣтей въ по-
лонъ поимали, а живыхъ, государь, татаръ взяли 153 человекъ,
а полу 800, и приведши къ себѣ въ юрты, и тѣхъ порубили жъ;
а къ тебѣ, государю, къ Москвѣ послать не почто, что была, го-
сударь, зима студеная, а снѣги глубокіе. Да въ нынѣшнемъ же
государь, во 143 году февраля въ 25 день вѣстно жъ намъ, холо-
памъ твоимъ, учинилось, пришли Большаго Ногаю черные мужики,
разныхъ улусовъ на взморья, на Очаковскую косу, а хотѣли лѣзть
съ Очаковской косы за море, въ Крымъ; и мы, государь, холопи
твои, переговори межъ собою, пошли войскомъ и, пришедъ на Оча-
ковскую косу, и тѣ улусы взяли, а татаръ порубили, а женъ и дѣтей
въ полонъ поимали, а полу привезли 925 чело. А какъ, госу-

Азову, казаки послали охотниковъ на стругахъ на море, приказавъ имъ стоять въ проливѣ Азовскаго моря, ждать тамъ непріятеля, а потомъ воротиться назадъ къ войску: по крайней мѣрѣ, такъ донесли объ этомъ государю. Въ самомъ же дѣлѣ, около 2/т. человекъ казаковъ, подъ предводительствомъ, были мы, холопи твои, съ тѣмъ татарскимъ полкомъ на Кагальнику, и тутъ, государь, вышли азовскіе люди всѣмъ городомъ напередъ съ пушками и ногайскіе люди съ ними жъ, и съ нами, холопи твоими, дрались весь день, и твоимъ государскимъ счастьемъ ничего не учинили намъ, холопамъ твоимъ. И марта, государь, въ 30 день прибѣжали изъ Ногаю твою государскіе и астороханскіе стрѣльцы, три человека--десятникъ Яковъ Ивановъ съ товарищи, и мы, государь, холопи твои, тѣхъ стрѣльцовъ спрашивали, кони мѣрани ли съ Ногаю зашли; и въ распросѣ, государь, намъ, холопомъ твоимъ, тѣ астороханскіе стрѣльцы сказали: приславъ де былъ отъ тебя государя съ Москвы посланникъ дворянинъ Тимофей Желябуской въ Ногаю, Большаго Ногаю къ мурзамъ; а ихъ де стрѣльцовъ послано было по твоему государеву указу съ Тимофеемъ Желябускимъ 100 человекъ стрѣльцовъ, а указано де, государь, было ему Тимофею Желябускому по твоему государскому указу говорить мурзамъ, чтобы они мурзы пошли подъ твою государскую высокую руку подъ Астороханъ въ старья свои вочевья, и они, государь, ему Тимофею Желябускому отъказали, иттить де не хотимъ подъ Астороханъ, пойдемъ де мы въ государевы города войною съ царемъ крымскимъ. И мы, государь, холопи твои стали у нихъ стрѣльцовъ спрашивать, что за царь откудъ взялся? И тѣ, государь, стрѣльцы сказали, что тотъ царь пришелъ изъ Крыму Большаго Ногаю мурзъ къ себѣ призывать и къ шерти приводить; а указавъ де ему крымскому царю, Турской царь иттить къ войску Казымбажскаго съ крымскими и съ ногайскими людьми; и мы холопи твои стали имъ стрѣльцамъ говорить: дѣя чего вы побѣжали, посланника государева покинули, и тѣ, государь, стрѣльцы сказали, что посланника твоего государства хотятъ мурзы отдать Крымскому царю, а насъ стрѣльцовъ всѣхъ дуванитъ по себѣ, да за море продавати; и мы де, государь, отъ того и побѣжали; а мы государь холопи твои слышедя такія отъ стрѣльцовъ вѣсти посылали изъ войска своихъ Донскихъ казаковъ на ногайскую степь подъ улусы, для азыковъ; и тѣ наши Донскіе казаки пришедъ подъ улусы, взяли двухъ человекъ ногайскихъ татаръ, и мы холопи твои спрашивали гдѣ царь крымской, нечаеетъ ли ему куда въ войску итти, и гдѣ нашего государя посланникъ Тимофей Желябуской, и въ распросѣ, государь, тѣ татарове намъ холопомъ твоимъ сказали, что крымской царь въ Кубаномъ, а указавъ де ему турской царь быти къ себѣ

телегвомъ атамана Алексѣя Лома, на 34 стругахъ, въ соединеніи съ находившимися въ то время на Дону запорожскими черкасами, подъ начальствомъ полковника Сулимы, 20 апрѣля, вышедъ въ Азовское море, встрѣтились еще съ черкасами на 20 стругахъ,—и въ общемъ совѣтѣ положено было: сперва ударить на Керчь, а потомъ на возвратномъ пути осадить Азовъ и взять оный приступомъ. Время приступа назначили Петровъ день и стали готовить дѣстницы; но предпріятіе это въ томъ же году не было приведено въ дѣйствіе, изъ опасенія навлечь на все войско Донское гнѣвъ государя (259).

Казакѣ возобновляютъ переговоры съ ногайцами о перекочеваніи на прежнія мѣста къ Астрахани. Донскіе казакѣ, не смотря на непріятельскія дѣйствія свои противъ ногайцевъ, снова стали убѣждать Царьгородъ; а на царствѣ ему въ Крыму небыть; а слухъ, государь, до насъ холопей твоихъ доходить, что турецкой царь посадилъ на царство въ Крыму царевича и посланника твоего Тимофея Желябужскаго и стрѣльцовъ отдалъ мурзы царю крымскому; а сами де мурзы учинились у крымскаго царя въ подданствѣ; а Малаго, государь, Ногаю, Касаю мурза и иные мурзы все бочуютъ за Кубаномъ по ту сторону.

и апрѣля, государь, въ 20-й день приходили къ крымскіе и азовскіе люди, въ намъ холопей твоимъ на островъ въ ноци, и намъ холопей твоихъ учинили шкату великую лошадей съ 500 съ острова согнали. Да апрѣля жъ, государь, въ 24 день отпущали тотъ же папа кафинской своихъ ратныхъ людей, которые съ нимъ пришли и азовскихъ людей многихъ, а приказалъ имъ у насъ холопей твоихъ подъ войскою побрать языковъ и табуны лошадинне согнать съ острова. И какъ они на островъ наѣздили, а вашъ, государь, караулъ взялъ и милостію Божіею, а твоимъ государскимъ счастіемъ, тѣхъ крымскихъ и азовскихъ людей человекъ со сто порубили, а живыхъ взяли 31 человекъ и привели къ войску и тѣхъ всехъ порубили безъ остатку.»

(259) См. ту же отписку.

«Да слухъ, государь, тотъ у насъ есть холопей твоихъ, что турецкой царь пошелъ войною на Казыбашскаго; а на насъ, государь, холопей твоихъ турецкой царь указалъ своимъ панамъ съ ратными людьми турецкими и съ крымскими и съ азовцами и ногайскими мурзами идти войною каторгамъ и коннымъ на Донъ и наипи

дать ихъ возвратиться къ Астрахани на прежнія кочевья. Для лучшаго въ этомъ содѣйствіи и уснѣха государь прислалъ на Донъ дворянина Федора Алябьева съ полномочіемъ и милостивою грамотою къ ногайскимъ мурзамъ.

казачьи городки разорять. И мы, государь, холопи твои переговоры межъ собою, чтобъ намъ отъ тѣхъ турецкихъ и крымскихъ и азовскихъ и ногайскихъ какого дурна не учинилось, не дожидаясь твоихъ государевыхъ грамотъ, пошли, государь, наши Донскіе охотники стругами на море. А приказали, государь, мы холопи твои своимъ Донскимъ казакомъ стоять въ гирлѣ, остерегать чтобъ каторги съ турецкими ратными людьми съ Чернаго моря въ Азовъ не пришли, и намъ холопомъ твоимъ шкоты никакой не учинили, а приказали, государь, мы холопи твои своимъ Донскимъ казакомъ стоять въ гирлѣ не выходя на Черное море шесть недѣль, и шесть недѣль отстоявъ, приказали воротиться опять назадъ къ войску на Донъ. Да и о томъ, государь, къ намъ холопямъ твоимъ отъ тебя государя въ твоей государственной грамотѣ написано: давно ль у насъ съ азовцы размиръ стало? И у насъ, государь, размиръ съ ними учинилось отъ ихъ задору. — Запорожскіе, государь, казаки стругами пришли изъ Запорожь, и къ Азову, государь, городу приступали въ августѣ въ 10 день, и Азова, государь, не взяли и отшедъ отъ Азова, въ Донцѣ стали, и къ намъ, государь, холопямъ твоимъ запорожскіе казаки вѣсти не подавали. А мы, государь, холопи твои того и не вѣдали какъ они къ Азову приступали и Азова не взяли, отошли прочь. И они, государь, азовскіе люди умысливъ надъ нами холопи твоими, размирной къ намъ холопимъ твоимъ не праславъ, августа въ 11 день согнали у насъ холопей твоихъ съ острова лошадей тысячи съ двѣ и болыши. И съ того, государь, числа и размирья съ нами азовцы учинилось у насъ холопей твоихъ. А у которыхъ, государь, у нашихъ казаковъ азовцы лошадей отогнали, и тѣ, государь, къ запорожскимъ казакамъ на помощь ходили и къ Азову опять съ нами запорожскими казаками приступали, и съ того, государь, числа и по нынѣшнее число, азовцы намъ холопямъ твоимъ для миру не прислали.»

Дѣла ногайскія, въ столбц. 1635 года, № 2, статейной списокъ посланника Василія Струкова, — посланнаго изъ Москвы съ грамотою отъ царя.

«Апрѣля въ 20-й день съ Дону атаманъ и казаки пошли на Черное море тридцать четыре струга. Атаманъ съ ними Алексѣй Домъ, да съ нами запорожской полковникъ Сулимъ съ запорожскими черкасы, да къ нимъ же де на море погребло тридцать струговъ черкасъ; а еще де ихъ изъ Запорожь двадцать струговъ на морѣ

Алябевъ прибылъ въ войско 10 генваря 1636 года; съ нимъ прислана была казакамъ царская похвальная грамота. Генваря 16 отправленъ изъ войска въ ногайскіе улусы Василій Струковъ и толмачъ Иванъ Лазаревъ увѣдомить о прибытіи Алябева отъ государя съ грамотою къ мурзамъ и требовать отъ нихъ аманатовъ, вмѣсто отправляющагося къ нимъ царскаго посланника Алябева и находившихся съ нимъ людей. Мурза Большаго Ногай, Кейкуватъ Ермаметь, видя раздоры между ногайскими владѣльцами, частые набѣги казаковъ на ихъ улусы, съ согласія мурзъ и улусныхъ людей, генваря въ 28 день прислалъ татарина Ешпулата съ грамотою, которою, изъявляя готовность свою къ заключенію съ войскомъ Донскимъ мира, просилъ позволенія кочевать улусамъ его близъ Дона; къ Астрахани же идти отказывались подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ кочевали тогда калмыки. Затѣмъ Ешпулатъ и войсковою атаманъ взаимно условились о безопасности съѣзда для договора и во свидѣтельство дали другъ другу вѣяту всякъ по своей вѣрѣ⁽²⁶⁰⁾.

идеть и съ Донскимъ войскомъ сошлись вмѣстѣ и быть имъ подъ Керчью приступить; а съ моря идучи назадъ, промышлять имъ надъ Азовомъ и лѣстницы на морѣ дѣлають, а срокъ положень Петровъ день».

(²⁶⁰) Дѣла Ногайскія, 1636 года, № 2, отписка Донскихъ казаковъ ногайскимъ мурзамъ.

„Да отпустили вы государева толмача да нашего Байтерека татарина; а съ ними вы прислали своего татарина Ешпулата, самъ друга, съ грамотою; а въ грамотѣ вы своей писали, чтобы намъ, атаманомъ молодцомъ, всему великому войску Донскому, съ вами, мурзами со всѣми, и съ улусными вашими людьми о государевѣ дѣлѣ и объ мирномъ договорѣ укрѣпиться и на словѣ положить: и у атамановъ молодцовъ, у всего великаго войска Донскаго, былъ кругъ съѣзжей; и въ кругу договорились атаманъ-молодцы, велѣли атаману Ивану Каторжному ото всего войска Донскаго руку дать до мирнаго договору во всемъ, что какъ вы прикажете близко Дону рѣки, чтобъ надъ вами никакой шкоты отъ войска не учинилось, татарскихъ животовъ, коней и животныхъ не отгонять, никакими умыслами не умышлять, и въ томъ атаманъ Иванъ Каторжный отъ войска вашему татарину Ешпу-

Февраля 7 число назначено было для съѣзда на Окупной яръ, съ обѣихъ сторонъ; по мурзы ногайскіе ни на этотъ ни на другіе, послѣ того назначенные, два срока не пріѣзжали, извиняясь тѣмъ, что улусы ихъ разсѣяны на великомъ пространствѣ; а на самомъ дѣлѣ, будучи подстрекаемы азовцами, старались уклониться отъ переговоровъ, и потому посланнымъ отъ войска отвѣтствовали, что они предварительно посовѣтуются о томъ съ азовцами. Не смотря на это, казаки посылали еще съ требованіемъ рѣшительнаго отвѣта: желаютъ ли мурзы вступить съ ними въ переговоры о мирѣ.

Послѣ сего Кейкуватъ Енмаметъ возвратилъ Струкова въ войско, поручивъ ему увѣдомить Аллбева и войсковаго атамана, что онъ самъ и другіе, повѣренные для договора, мурзы будутъ на Окупной яръ, вслѣдъ за нимъ. По пріѣздѣ Струкова на третій день, т. е. февраля 12, дѣйствительно пріѣхали на назначенное мѣсто Енмаметъ-мурза и Беймурза съ многочисленною свитою и при немъ до 1000 человекъ вооруженныхъ ногайцевъ. Вскорѣ прибыли Аллбевъ

лату и руку далъ
И валиъ татаринъ Ешпулатъ, самъ другъ, на томъ и шертъ дали, по своей вѣрѣ бусурманской, а объ мирномъ договорѣ пріѣдете мурзы сами на окупной яръ, и передъ собою пошлите съ вѣстью къ войску за два дни, потому, чтобы вамъ, пріѣхавъ на Окупной яръ, недолго стоять, а атаманы-молодцы не въ одномъ мѣстѣ живутъ; а какъ вамъ пріѣхать о мировомъ дѣлѣ договориться, сроку на недѣлю отъ воскресеня въ воскресенье, — по тотъ срокъ и рука дана. А отпустили мы къ вамъ съ Ешпулатомъ своихъ татаръ добрыхъ, Батерека да Тукуза, а будетъ у васъ съ нами мѣръ не станется, дайте вѣсть, а нашихъ людей отпустите.

А чтобы вамъ, мурзамъ, одолично быть въ войско, не опасаясь ничего, на Окупной яръ, договориться о государевѣ дѣлѣ и о мирномъ договорѣ, и, договорясь, укрьнитесь, и вы Василія Струкова и нашихъ татаръ, Батерека да Тукуза, къ войску отпустите и своего Ешпулата съ вѣстью пришлите, что миръ не надобенъ вамъ.“

и войсковой атаманъ Иванъ Каторжной— съ опытѣйшими казаками: ихъ охраняли всѣ бывшіе тогда въ главномъ войскѣ казаки, ибо атаманъ предувѣдомленъ былъ, что ногайцы хотятъ схватить Алябьева.

Выслушавъ государеву грамоту и рѣчь, говоренную Алябьевымъ по наказу, ногайскіе мурзы ничего рѣшительнаго не сказали, не согласились взять посланника къ себѣ въ улусы и аманатовъ не дали; а просили дать имъ грамоту для прочтенія въ улусахъ и увѣрили, что о расположеніи ногайскаго народа увѣдомятъ его чрезъ 10 дней непременно. Посланникъ согласился на это; но прошло два срока, а увѣдомленія отъ ногайскихъ владѣльцевъ никакого не было. По совѣту Алябьева, войсковой атаманъ послалъ партію казачковъ въ улусы ихъ, для взятія языковъ; привели двухъ человѣкъ, кои въ распросѣ свазали: что грамота государева въ улусахъ хотя и читана, но не произвела никакого вліянія, что мурзы и черни не только не обнаружили желанія исполнить волю російскаго государя идти на прежнія вочерья къ Астрахани, но многіе пошли для грабежа въ украинные города къ Рязани и Шацку; а Казьева улуса Алеймурза и другіе съ половиною улусовъ Малаго Ногай между тѣмъ близъ Азова переправились чрезъ Донъ на крымскую сторону. Казаки, узнавъ о томъ, догнали ихъ на взморьѣ, разбили, многихъ взяли въ плѣнъ и отбили значительное количество лошадей и рогатаго скота⁽²⁶¹⁾; а другихъ, воз-

(261) Дѣла Нигаискія, въ столбцу. 1636 г., № 2-й, отписка Донскихъ казачковъ къ государю, привезен. въ Москву 1636 г. марта 11 атаманомъ Палуектомъ Савельевымъ съ товарищи.

„Генваря, государь, въ 24 день Большаго Ногай Кейкуватъ—Енмаметъ—мурза, договорясь со всеми мурзами и съ улусными людьми, прислали своего татарина Ешпулата къ намъ, холопимъ твоимъ, да нашего татарина; а съ нимъ, Ешпулатомъ, прислали отъ себя грамоту; а въ грамотѣ онъ въ своей писали объ мирномъ договорѣ, чтобъ намъ, холопимъ твоимъ, съ ними, мурзами, помириться; а велѣти бь имъ кочевать близко Дону рѣки; а къ Асторохани де мы вскорѣ не поидемъ потому,

вращавшихся уже изъ Россіи съ плѣномъ, постигли за молочными водами, многихъ побили на мѣстѣ, взяли въ плѣтъ

что въ Асторохани де нынѣ калмыки; а кочуютъ де на нашихъ кочевьяхъ въ мочехахъ, и мы Холопи твои, учали ихъ тагарину Ешпулату говорить, чтобъ они, мурзы, съ своими улусными людьми съ нами, холопи твоими, помирились и шли бы къ Асторохани. И ихъ татаринъ Ешпулатъ учаль у насъ руки просить у атамана, чтобъ имъ мурзамъ, пріѣхать для мирнаго договора на Окупной Ярѣ безстрашно. И мы государь, холопи твои, переговоры межъ собою, велѣли атаману Ивану Каторжному отъ всего войска Донскаго дать крестное цѣлованіе и руку, чтобъ ѣхали мурзы на со отвоємъ государевѣ дѣлѣ и ози договорѣ и срокъ, какъ мурзамъ быть на Окупной ярѣ, учинили на недѣлю февраля 7 днѣ; и догонорясь, государь, мы, холопи твои, съ ихъ татариномъ съ Ешпулатомъ обо всемъ, да отпустили въ ноги къ мурзамъ, а съ нимъ, Ешпулатомъ, вмѣстѣ отпустили своихъ татаръ и грамоту отъ войска писали о твоємъ государевѣ дѣлѣ и объ мирномъ договорѣ; и рѣчью своимъ татарамъ говорить отъ войска приказали, что побѣдте, не опасаяся ничего, на Окупной ярѣ. Ныгѣ, государь, мурзы на тотъ первый срокъ не бывали а присылали отъ себя съ отвѣстью татарина, что намъ де на тотъ срокъ на ярѣ не поспѣтъ, потому что де не въ одномъ мѣстѣ мы кочуемъ; и мы, государь, холопи твои, другой срокъ имъ учинили; и они, государь, и на тотъ срокъ не поспѣли: на Окупной ярѣ не бывали, и мы, государь, третій имъ срокъ учинили и съ ихъ татариномъ наказали: что вы, мурзы, сами къ государю къ Москвѣ отъ себя посланцовъ своихъ посылали и хотѣли подъ государскою высокою рукою въ холопствѣ бытъ по прежнему; и ваши посланцы отъ вашихъ отъ всѣхъ мурзъ и отъ улусныхъ людей, на томъ и шертъ учинили, а съ нами, холопи государевы, хотѣли помириться; а вы намъ своимъ дѣломъ не радѣете, на Окупной ярѣ не ѣдете, а вдаль дѣло откладываете, и они государь, нашимъ татаромъ противъ того сказали: поѣдемъ де мы напередъ въ Азовъ и передумаемъ съ азовскими людьми обо всемъ. И все, государь, ихъ собили азовскіе люди да крымскіе, безпрестанно къ нимъ ѣздили въ улусы и къ себѣ въ городѣ зазывали, и какъ, государь, передумавъ мурзами, что имъ не мириться съ нами, холопи твоими; и они, государь, мурзы, отпустили Василья Стрюкова къ намъ, холопомъ твоимъ, за три дни передъ собою, а мы де, договорисъ со всѣмъ договоромъ и съ казаками мириться на Окупной ярѣ пріѣдемъ, Енмаметъ-мурза, да Бей-мурза со многими людьми пріѣхали; а мы, государь, холопи твои, то жъ изъ юртовъ своихъ съѣхались на Окупной ярѣ, а дворя-

начальника ихъ, Агу-Багильду, съ значительнымъ числомъ татарь, отняли русскихъ плѣнныхъ, конхъ переведа на Донъ,

нина твоего государева Ѳедора Олябьева съ собою взяли на Окупной яръ, и стали, государь, мы у мурзъ аманатовъ просить, а своихъ аманатовъ имъ мурзамъ давати, чтобъ намъ за аманаты помириться съ ними; и они, государь, мурзы, аманатовъ не дали намъ, холопемъ твоимъ, и о твоёмъ государевѣ дѣлѣ и объ миру неговорили ничего; только стали просить отъ войска руки; и мы, государь, холопи твои, велѣли имъ отъ войска руку дать своимъ двумъ казакомъ, чтобъ межъ нами съ ними шкоды никакой не учинилось; и они мурзы Енмаметъ-мурза да Бей-мурза, съ нашими казаками по рукамъ блии, чтобъ промежъ нами никакова задора и шкоды неучинилось, и бывъ по рукамъ, прочь отѣхали мурзы. И мы, государь, опять къ нимъ засылали о твоёмъ государевѣ дѣлѣ и объ миру, что будетъ ли у насъ, у мурзъ, съ нами миръ или нѣтъ, и будетъ мириться съ нами не хотите, и вы пришлите добрыхъ аманатовъ къ намъ въ кругъ, въ Ѳедорово мѣсто, Олябьева, государева дворянина Ѳедора Олябьева съ государевою грамотою къ себѣ. те государеву грамоту передъ С. и они въ Ѳедорово мѣсто Олябьева аманатовъ намъ не дали и Ѳедора къ себѣ не взяли и о твоёмъ государевѣ дѣлѣ ни отъ не договорились, да и поѣхали отъ насъ, холопей твоихъ, прочь мурзы въ степь.

. а кочуютъ, государь, нынѣ они не въ дальнихъ отъ Дону, по степнымъ рѣчкамъ, по Чубуру да по Ен, а казмерскіе мурзы: Алей-мурза, и иные мурзы, половина Малаго Ногаю, перелезли Донъ на крымскую сторону бѣгомъ; а перелезли, государь, подъ Азовомъ; а намъ вѣдома учинилось, и мы, государь, холопи твои, за ними ходили и сошли, государь, ихъ на крымской сторонѣ, на взморьѣ, и учинился, государь, у насъ, холопей твоихъ, съ ними, ногайскими людьми, бой, и милостію Божіею, а твоимъ государскимъ счастиемъ, многихъ у нихъ людей побили, и ясырь у нихъ побрали, и стада у нихъ кони и коровы отогнали.“

Тѣхъ же дѣлѣ, № 3, распросили рѣчи атамана Анисима Никиторова съ товарищи, 14 мая 1636 года.

„А съѣхался Ѳедоръ Олябьевъ съ мурзами, велѣлъ имъ съ лошадей сойти и шапки снять, и рѣчь слушать велѣлъ, и говорилъ имъ рѣчь по государеву указу.

И мурзы де, выслушавъ рѣчи, просили у него государевы грамоты, и говорили, что прислали ихъ всѣ ногайскіе мурзы, а приказали просить у него государевы грамоты, что прислана съ нимъ отъ государя ко всѣмъ ногайскимъ мурзамъ, а они де ту госуда-

отправили въ Россію на судахъ⁽²⁶²⁾.

Междоусобіе въ ногайскихъ улусахъ. Между

реву грамоту отвезутъ въ улусы ко всѣмъ ногайскимъ мурзамъ и къ улуснымъ людямъ; и мурзы де противъ той государевой грамоты, переговоры межъ собою, о всемъ вѣдомо ему учинять.

„И Федоръ де Олябьевъ, говоря съ мурзамъ, государеву грамоту имъ отдалъ и отпустилъ ихъ улусы.

А съ мурзамъ договорился, что противъ той государевой грамоты ждать ему изъ ногайскихъ улусовъ отъ мурзъ вѣсти срокъ 10 день, и изъ ногайскихъ улусовъ на тотъ срокъ и послѣ того на два орока никакія вѣсти не бывало.“

„И для того посланы были съ Дону подъ ногайскіе улусы для языковъ охочіе люди, и языковъ взяли дву человекъ татаръ.“

„И тѣ де языки-татаровы и полоняники, которые на Донъ изъ ногай вышли, сказывали въ распросѣ, что ногайскіе мурзы въ улусѣхъ государеву грамоту чли и приговорили де мурзы и всѣ ногайскіе люди, что имъ къ Асторохани на стария свои кочевья нехаживать, а кочевать вмѣстѣ съ меньшимъ ногаемъ, по рѣкѣ по Кубану и около Азова, и изъ улусовъ де пршши ногайскіе многіе люди на государевы украинны войною на шацкія и на резанскія, и на ныя мѣста.“

(²⁶²) Дѣла Ногайскія, въ столб. 1636 г., № 2, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву съ атаманомъ Онисимомъ Никифоровымъ съ товарищи.

„Послѣ де, государь, того съѣзда Большаго Ногай улусные люди и азовцы пошли въ Русь по крымской сторонѣ въ твои государевы украинныя города; а мы, государь, холопи твои, свѣдавъ ихъ походы на крымскую сторону, на перелазѣхъ внизъ и вверхъ по Дону берегли многое время во многихъ мѣстехъ; и они, свѣдавъ отъ насъ, холопей твоихъ, береженье, перелѣзли Донъ ниже Азова, и наши, государь, Донскіе атаманы—казаки пошли за ними въ походы по крымской сторонѣ въ разныя мѣста по ихъ сакмамъ, и сошли, государь, ихъ, не доходя украинныхъ городовъ, въ трехъ мѣстахъ, погромили, татаръ побили и лошадей у нихъ отогнали, и погроми, государь, ихъ, отворотъ учинили на Донъ къ войску и сами пошли за ними, ногайцами за большими людьми, по ихъ шлехамъ. Да шли, государь, изъ Руси татарова съ русскимъ полонемъ по послѣднему зимнемъ путемъ, по крымской сторонѣ; а наши, государь, Донскіе казаки были въ ту пору на степи въ походѣ, въ дальнихъ мѣстѣхъ, и обрѣзали шляхъ къ Крыму, и шли за ними шляхомъ 10 день, и сошли государь, ихъ къ Крыму за молочными водами, и сталъ на нихъ бить, и мпlostію Божіею, а твоимъ государскимъ счастіемъ, тѣхъ татаръ

тѣмъ несогласіи и вражды между мурзами ногайскими со дня на день возрастали. Мурзы Малаго Ногай: Бей-мурза Урмаметевъ, Адиль-мурза Араслановъ и Кучукъ-мурза Урмаметевъ, намѣревавшіеся идти кочевать къ Астрахани, бывъ за то разбиты и ограблены мурзами Большаго Ногай, въ сентябрѣ мѣсцѣ ушли къ Азову, просили казаковъ заключить съ ними миръ и во увѣреніе того дали присягу и аманатовъ, потомъ, соединясь съ Донскими казаками, пошли для раззоренія улусовъ Большаго Ногай.

Походъ ка'заковъ вмѣстѣ съ мурзами Малаго Ногай на улусы Большаго Ногай. Октября 5 числа напали на улусы Янмаметь-мурзы и другихъ согласныхъ съ нимъ мурзъ, близъ Темрюка кочевавшіе, разорили оныя, нѣсколько семействъ улусовъ урмаметовыхъ возвратили и пошли обратно; но прочіе мурзы Большаго Ногай, узнавъ объ этомъ, соединились послѣшно; догнали побѣдителей, дрались четверо сутокъ съ равнымъ ожесточеніемъ и съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ.

Мурзы Большаго Ногай даютъ присягу въ вѣрности Россійскому государю. Янмаметь и прочіе мурзы Большаго Ногай, видя, что плѣнныхъ, захваченныхъ у нихъ мурзами Малаго Ногай, отнять не въ силахъ, прислали къ казакамъ, бывшимъ въ этомъ походѣ, просить о заключеніи мира. Предложеніе это принято охотно, и Янмаметь-мурза за всѣхъ мурзъ и за весь народъ многихъ побили и начальнаго агу ихъ Багильдю и многихъ татаръ живыхъ взяли, и русской полонъ весь отгромили; и того государь, агу и русской полонъ привели на Донъ къ войску; а приведши, государь, русской полонъ, отпустили мы, холопи твои, въ бударь къ Руси; а въ распросѣ, государь, тотъ ага Багильди намъ, холопьямъ твоимъ, сказалъ, что пошли они въ Русь изъ Малаго Ногай въ осень и зимовали въ Руси въ разныхъ мѣstechъ; а имали полонъ по дорогамъ, какъ ѣздить по сѣна и въ лѣса; а пошли до было мы изъ Руси къ своему алею мурзѣ Уракову, который, государь, перешелъ въ осень въ Крымъ изъ Малаго Ногай:"

Тѣхъ же дѣль, грамота на Донъ 19 іюля 1636 года.

Тѣхъ же дѣль, № 3, грамота Донскихъ казаковъ сентября 11 дня 1636 года.

Большаго Ногай далъ присягу на вѣрность подданства Російскому государю, и чтобы идти къ Астрахани на старыя кочевья; а казаки, отдавши имъ весь плѣнъ, возвратились на Донъ.

Нарушаютъ присягу и съ улусами своими уходятъ въ Крымъ. Но эта присяга скоро была нарушена, когда царевичъ крымскій съ многочисленнымъ войскомъ пришелъ къ Азову, для прикрытія Большаго Ногай при переправѣ чрезъ Донъ на крымскую сторону; въ то время и мурзы Малаго Ногай, давшіе отъ себя аманатовъ, соединились съ азовцами и крымцами подъ предводительствомъ царевича и пошли для разоренія казачьихъ городковъ. Казаки, узнавши о томъ, вышли къ нимъ на встрѣчу, вступили въ бой, разбили ихъ и многихъ побили и переранили такъ, что царевичъ съ крымскимъ войскомъ 14 ноября принужденъ былъ возвратиться въ Крымъ и всѣхъ мурзъ Большаго и Малаго Ногай со всѣми ихъ улусами, кочевавшими близъ Азова (изъ коихъ послѣдніе оставили въ войскѣ аманатовъ), увелъ съ собою⁽²⁶³⁾.

⁽²⁶³⁾ Дѣла Донскія, въ столбц. 1635, 1636 и 1637 г., грамота на Донъ отъ 26 февраля 1637 года.

Въ нынѣшнемъ де во 145 году, сентября въ 10 день, прислали къ вамъ ногайскіе мурзы: Бей-мурза Урмаметевъ, да Адиль-мурза Араслановъ, да Кучукъ-мурза Урмаметевъ съ братьями и съ дѣтьми и съ племянниками, что ихъ Большаго Ногай Янмаеть-мурза Тинмаетевъ, да Овинъ-Векъ-мурза съ братьею и съ дѣтьми и съ племянники и съ своими улусными людьми, всѣхъ переграбили и Адиль-мурза у нихъ до смерти зарѣзали ножемъ, и черныхъ мужиковъ многихъ у нихъ переграбили, а жонъ мурзинныхъ и дѣтей и улусы ихъ со всѣми животы къ себѣ заворотили къ своимъ улусомъ за то, что они хотѣли быть подъ нашею рукою въ холопствѣ, по прежнему идти кочевать подъ Асторханъ на старыя свои кочевья; и они де, мурзы Урмаметевы, съ своими людьми отъ нихъ пообѣжали: стало имъ не въ силу; а прибѣжали де къ Азову и вамъ бы Донскимъ атаманомъ и казакомъ съ ниму мурзами помириться; а они де, мурзы, хотятъ быть подъ нашею царскою високою рукою въ холопствѣ по прежнему; и вы, атаманъ и казаки, приказали къ нимъ, чтобъ они, мурзы, для мирнаго договору и утвержденья, пріѣхали сами къ вамъ на

Г Л А В А X.

Причины побудившія казакѣ ко взятію Азова. — Приготовленія казакѣ ко взятію Азова. — Осада Азова. — Неблагоприятныя для казакѣ дѣйствія турецкаго посла. — Разбитіе казакѣмъ вспомогательныхъ войскъ, шедшихъ на помощь къ Азову. — Убіеніе турецкаго посла. — Подколъ подъ стѣны Азова. — Взятіе Азова и истребленіе всѣхъ жителей онаго и гарнизона. — Донесеніе государю объ этомъ происшествіи. — Дѣйствія покоренія Азова. — Вооруженіе Порты на казакѣ. — Положеніе казакѣ въ Азовѣ. — Политика Россіи. — Осада Азова. — Неудачныя приступы турокъ. — Усминеніе турецкаго войска. — Продолженіе осады — Подкопы казакѣ; послѣднія успія осаждающихъ. — Ропотъ у осаждающихъ и бѣгство ихъ. — Потери съ обѣихъ сторонъ. — Казакѣ предлагаютъ Азовъ государю — Милостивая грамота государя къ казакѣмъ. — Земскій соборъ, держанный въ Москвѣ объ Азовѣ. — Казакѣ оставляютъ Азовъ по повелѣнію государя.

Причины, побудившія казакѣ ко взятію Азова. Страшно было оружіе казакѣ для азовцевъ. Съ

Донъ, къ войску, и аманаты бѣ привезли. Сентября въ 18 день Кучукъ-мурза да Орла-мурза и нныя многіе мурзы Урмаметевы съ своими со многими людьми пріѣзжали на Донъ, къ нижнему городку, и съ вами сѣзжались и говорили, чтобъ вамъ съ ними помириться и аманаты бѣ у нихъ къ себѣ взять, а помирясь, идти съ ними на Большой Ногай войною. И вы съ ними договорились, чтобъ имъ быть подъ нашею царскою рукою въ холоствѣ, по прежнему идти кочевать подъ Астороханъ къ осени, и шертъ тѣ мурзы на томъ учинили и аманатовъ вамъ дали Бій-мурза, сына Урмаметевыхъ; а вы, атаманы и казакѣ, взявъ у нихъ аманатовъ, давали имъ всякой запасъ, медь и вино и себя въ томъ изубытчили, для того, что хотѣли ихъ видѣть подъ нашею рукою въ холоствѣ попрежнему, и пошли съ ними, мурзамъ, на Большой Ногай войною вмѣстѣ заодно, и сошли Большаго Ногая мурзъ съ улусы по Кубану въ Култуку на рѣчкѣ на Кумурѣ, къ морю къ Желуюку, октября въ 5 день, и ударили на первые улусы, на Янмаметъ мурзинъ Тинмаметева улусъ, да на Окнянъ-бекъ мурзинъ улусъ и на нныя улусы; и въ тѣхъ улусѣхъ многіхъ татаръ порубили, и Урмаметевыхъ мурзъ, жень и дѣтей и черныхъ мужиковъ жень и дѣтей, съ избамъ, заворотили многіхъ и полонъ татарской Большаго Ногая многою поймали, и взявъ тѣ улусы, пошли къ себѣ назадъ; и какъ собралися Большаго Ногаю всѣ мурзы съ своими улусными людьми, учинился съ ними и съ урмаметевыми мурзамъ бой; и на первомъ бою урмаметевыхъ мурзъ ихъ улусныя люди передалисъ всѣ къ Большому Ногаю къ мурзамъ; а только остались съ мурзамъ съ пятьсотъ человекъ и соединились вмѣстѣ съ Большимъ Ногаемъ; а блись де съ ними

негодованіемъ смотрѣли на грозное сосѣдство ихъ властители османскіе, и не могли переговорами склонить московскій дворъ удалить казаковъ съ Дону, старались укрѣпленіемъ самаго Азова положить преграду ихъ предприимчивости: обновлены стѣны города, проведены валы, рвы, воздвигнуты башни, укрѣпленъ замокъ, сдѣланы передовыя крѣпостцы на берегахъ Дона и четырехтысячный турецкій гарнизонъ посаженъ въ городъ. Можетъ быть обнадеженные таковою

и съ урмаметевыми мурзами четыре дни и четыре ночи безпрестанно, а на томъ бою убили у нихъ Куданъ мурзу Уракова; и, видя они, Янмаметь мурза Тинмаметевъ да Окнякъ бекъ мурза съ братьями и съ дѣтьми, и съ пляменники, что имъ у нихъ ясырю своего не отбить, и они прислали къ вамъ, чтобъ вамъ помириться и полонъ ихъ отдать имъ; а они, мурзы Большаго Ногаю, всё хотятъ быть подъ нашею рукою въ холопствѣ, и вины свои къ намъ, договорясь съ вами, принесутъ; и Янмаметь мурза, за всѣхъ мурзъ и за черныхъ людей, по своей вѣрѣ шерть на томъ учинилъ, что имъ быть подъ нашею рукою въ холопствѣ и подъ Астороханъ идти; и мы, атаманы и казаки, помня къ себѣ нашу милость, приведя къ шерти, полонъ ихъ весь отдали и, отдавъ полонъ, пошли къ себѣ на Донъ; а ногайскіе мурзы съ улусы своими учали кочевать по Бел-аръ да по Челбашу; а Урмамаметь бей мурза, да Адиль мурза Араслановъ, да Кучукъ мурза съ улусы учали кочевать по рѣчкѣ—по Кагальнику; а какъ приходилъ подъ Азовъ крымской царевичъ со многими ратными людьми, для Большаго Ногаю, чтобъ ихъ перебить черезъ Донъ на Крымскую сторону, и ногайскіе мурзы всё и урмаметевы, которые шертовали и аманатовъ дали, на той правдѣ своей не устояли, сложась съ азовцы и съ крымскимъ царевичемъ за одно, перелѣзли со всѣми улусы и васъ, Донскихъ и казаковъ, хотѣли побить и городки ваши разорить; и вы крымскаго царевича съ ратными людьми и съ ногайскими людьми бились и Божією милостію, а нашимъ царскимъ счастіемъ, на бояхъ крымскихъ, и азовскихъ, и ногайскихъ многихъ людей побили до смерти и переранили; и отъ Азова крымской царевичъ съ своими ратными людьми пошелъ ноября въ 14 день, а Большаго Ногаю мурзъ всѣхъ съ улусы заворотилъ съ собою; а пошелъ съ ними возлѣ моря; а урмаметевы мурзы, Бій мурза, да Адиль мурза, да Кучукъ мурза и всѣ урмаметевы мурзы, пошли съ нимъ же, царевичемъ, вмѣстѣ, а аманатовъ отступились, и нынѣ тѣ ихъ аманаты у васъ на Дону; и о тѣхъ бы аманатѣхъ велѣли вамъ указъ учинить».

твердостію укрѣпленій своихъ, азовцы усилили набѣги на Россію и сдѣлались дерзновеннѣе противу казаковъ.

Бѣдственнo было страданіе Россіянъ въ плѣну у невѣрныхъ: въ постыдномъ рабствѣ, низкихъ и тяжелыхъ работахъ томились они въ Азовѣ; оттуда продавали ихъ въ разныя орды. Святой храмъ Іоанна Предтечи, воздвигнутый въ этомъ городѣ еще во времена владычества христіанъ, пощаженъ мусульманами, и въ немъ немногіе русскіе иногда молились о своемъ жребіи. Донцы скорбѣли о заустѣннѣи святыни; негодовали на дерзость азовцевъ; но главное страшилось возрастающей ихъ силы, и твердо рѣшились исторгнуть Азовъ изъ рукъ магометанъ.

Приготовленія казаковъ ко взятію Азова. Старѣйшины звали казаковъ со всѣхъ городковъ и становъ рѣшить общее *войсковое дѣло*. Въ самомъ началѣ весны 1637 года собралось Донское войско на Монастырскомъ яру. Тѣже старѣйшины, предложивъ Войсковому кругу подвиговъ доблести и славы, требовали общаго мнѣнія и слышали единодушный приговоръ: «идти посѣчь бусурманъ, взять городъ и утвердить въ немъ Православную вѣру». Не было у казаковъ стѣнобитныхъ орудій; четыре небольшіе фальконета составляли всю артиллерію, весьма мало было у нихъ и пороху, и свинцу, и провіанта; но они ожидали изъ Москвы посланцовъ своихъ съ царскимъ жалованьемъ.

Казакъ малороссійскіе и запорожскіе боролись тогда съ насиліемъ поляковъ; защищая права свои, многіе легли на поляхъ родныхъ; другіе замыслили отдаться въ покровительство Россіи, или Тавриды, а часть запорожцевъ, оставя отечество, пошли искать счастья въ странахъ отдаленныхъ, намѣреваясь предложить службу свою персіянамъ. Эти запорожцы пришли на берега Дона въ то самое время, когда казаки Донскіе учреждали походъ свой къ Азову и приняты ими дружественно. «Путь вашъ далекъ и опасенъ,—говорили Донскіе старѣйшины запорожцамъ,—выигрышъ ненадеженъ; мы имѣемъ запасу довольно и у насъ найдете вы все то,

что думаете искать въ странахъ чужеземныхъ; вотъ Азовъ,—возьмемъ его, откроемъ свободный путь въ море Азовское и Черное, тогда богатая добыча будетъ нашею наградою; хотите ли быть вѣрны друзьямъ и братьямъ своимъ?» Запорожцы повлялись стать за одно съ Донскими казаками противу невѣрныхъ.

Въ часовнѣ монастырскаго городка пѣли молебны, еще влялись во взаимной вѣрности, всѣ рѣшительно утвердились въ своемъ намѣреніи, выбрали начальниковъ и, дождавшись посланный предъ тѣмъ легкой отрядъ для языковъ, призывалъ въ помощь Бога, двинулись сухопутно и рѣкою къ стѣнамъ Азова. Въ этомъ ополченіи были всѣ Донскіе казаки; можетъ быть оставались въ городкахъ однитолько старцы. Войсковою атаманъ Михайло Татариновъ, столько же славный личнымъ мужествомъ, сколько и умомъ вождь, предводительствовалъ ополченіемъ. Два раза прежде этого казаки брали оружіемъ своимъ Азовъ, нѣсколько разъ разоряли его, но тогда воевали они ветхій, почти беззащитный городъ, теперь должны покорить крѣпость порядочно устроеную, достаточно снабженную провіантомъ, огнѣстрѣльнымъ снарядамъ и гарнизономъ.

Осада Азова. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ началась осада; дружины казаковъ раздѣлены были на 4 части и со всѣхъ сторонъ облегли городъ; на устьѣ Дона стояла судовая стража; пресѣчены всѣ сообщенія и ни откуда не могла пробраться помощь.

Не имѣя средствъ разрушить укрѣпленія, казаки должны были рѣшиться на средство отчаянное—одержать побѣду мечемъ на стѣнахъ города.—Немедленно приступили къ приготовительнымъ работамъ: повели вокругъ всего города большіе рвы, подѣлали плетеные туры, насыпали ихъ землею и, защищаясь рвами, подвятили такъ близко, что могли уже метать камни на неприятелей; все сіе казалось смѣшнымъ для гордыхъ магометанъ, которые считали себя слишкомъ безопасными въ стѣнахъ города; они стрѣлили изъ пухекъ и мелкаго оружія,

но не могли вредить казакамъ во рвахъ и за турами; болѣе трехъ недѣль продолжались эти работы и взаимная перестрѣлка, бесполезная для одной и безвредная для другой стороны.

Неблагопріятныя для казаковъ дѣйствія турецкаго посла. У Донскихъ казаковъ былъ въ это время турецкой посоль Озма Котакузинъ, который пріѣхалъ сюда въ концѣ зимы, дожидаясь царскаго чиновника для провозанія его въ Москвѣ, вмѣстѣ со всѣми своими людьми. Уже для этого отъ государя отправленъ былъ на Донъ дворянинъ Чириковъ, а съ нимъ по пути атаманъ Каторжницъ съ казаками, которые посланы въ Москву съ донесеніемъ о прибытіи Катакузина. Не зная намѣренія Донскихъ казаковъ, государь послалъ къ нимъ жалованье, писалъ грамоты и повторялъ приказанія свои жить смирно съ азовцами. Еще Чириковъ не достигъ Донскихъ городковъ, какъ Катакузинъ подвергся гибельному положенію: видя что казаки съ твердою рѣшительностію предпріяли осаду, онъ тайно послалъ гонцовъ къ крымскому хану и къ султану, прося послѣшить присылкою ратныхъ людей на помощь къ Азову, хотя изъ ближайшихъ городковъ Темрюка и Тамани. Сверхъ того послалъ къ азовцамъ, чтобы они и отъ себя отправили еще сворыхъ гонцовъ въ Крымъ и въ Константинополь; шедшій въ Азовъ съ этою отпискою грекъ пойманъ казаками, кои узнавъ отъ него съ пытки всѣ вредныя для нихъ дѣйствія, готовили турецкому послу жестокое наказаніе; а между тѣмъ со стороны крымской и кубанской, отъ Темрюка и Тамани учредили ближніе и дальніе наблюдательныя развѣзды, дабы не пропустить непріятельскихъ войскъ.

Уже у осаждающихъ истощились послѣднія деньги, провіантъ, порохъ и свинець; съ страхомъ и нетерпѣливою надеждою ждали они атамана своего изъ Москвы, и наконецъ въ исходѣ апрѣля увидѣли Чирикова, Каторжнаго и съ ними болѣе ста казаковъ. Чириковъ отдалъ казакамъ жалованье, царскія грамоты и требовалъ посла; но онъ содержался у ка-

заковъ какъ измѣнникъ и они рѣшительно отказались выдать его. Обеспеченные необходимыми запасами, они пировали предъ шатрами своими и производили сильную пальбу по городу; азовцы дивились этой перемѣнѣ, но не переставали смѣяться надъ усиліями казаковъ. Осада продолжалась безъ особыхъ важныхъ послѣдствій.

Разбитіе казаками вспомогательныхъ войскъ, шедшихъ на помощь въ Азову. Вдругъ получены вѣсти отъ разлѣзденныхъ партій, что отъ стороны Кагальника идутъ въ Азову вспомогательныя войска: это была рать, собранная по извѣстіямъ турецкаго посла въ Керчи, Темрюкъ и Тамани изъ турковъ и темрюкскихъ черкесовъ. Съ величайшею скрытною вышли изъ лагеря отборные казаки, встрѣтили непріятеля на рѣчкѣ Кагальникѣ, вступили въ бой жестокий, упорный, и одолѣвъ враговъ, многихъ побили, другихъ разогнали такъ, что ни одинъ не достигъ Азова.

Убіеніе турецкаго посла. Пали въ этой дракѣ и многіе казаки, за которыхъ посланникъ заплатилъ своею жизнью: побѣдители возвратясь въ лагерь, въ общемъ кругу приговорили убить Катагузина и всѣхъ людей съ нимъ бывшихъ..... и исполнили ужасный приговоръ свой, протавный правамъ народнымъ. Послѣ сего рѣшительнѣе приступили и къ осадѣ.

Подкопъ подъ стѣны Азова. Между Донскими казаками былъ одинъ вѣмецъ (вѣроятно приставшій къ нимъ во время мятежей въ Россіи) Иванъ Арадовъ, который, по словамъ лѣтописи, зналъ *подкопное дѣло*. Казаки рѣшились вестъ подъ городъ подкопъ; немедленно приступили къ работѣ и трудились неутомимо. Азовцы стрѣляя со стѣнъ, съ презрѣніемъ и насмѣшками ругались надъ казаками: «стойте сколько хотите, кричали они, а города не возьмете; сколько въ стѣнѣ каменье, столько головъ вашихъ ляжетъ подъ онымъ». Черезъ четыре недѣли подкопъ оконченъ и казаки готовились къ приступу. 18 іюня былъ роковой день для гордыхъ магометанъ: наканунѣ онаго казаки очисти-

лись постомъ и молитвою; въ день приступа исповѣдались у отцовъ духовныхъ. Глубокая тишина царствовала въ станѣ казаковъ; взаимно прощаясь, со слезами говорили они другъ другу: «поддержимъ братія честь нашего оружія, стоимъ за православную вѣру и за святой храмъ; умремъ если такъ суждено, но не посраимъ себя.» — Азовцы видя тишину, потомъ движеніи въ станѣ осаждающихъ, предсказывали другъ другу бѣгство казаковъ и радовались.

Взятіе Азова и истребленіе всѣхъ жителей онаго и гарнизона. Но въ 4 часа ночи грянулъ громъ подкоповъ, загреялись твердыни азовскія, взорвало часть стѣны; люди вмѣстѣ съ камнями, глыбами земли и обломками строеній полетѣли вверхъ, и пали на поля окружныя. Осаждающіе воспользовались минутою смятенія: атаманъ Михайло Татариновъ первый съ отборными казаками устремился въ проломъ; прочіе со всѣхъ сторонъ взбирались на стѣны по лѣстницамъ, несли другъ друга на плечахъ подъ тучею пуль и каменьева въ непріятельскихъ; городскія стѣны и улицы сдѣлались полемъ сраженія. И гарнизонъ и жители защищались съ мужествомъ и яростію. Казаки были въ такомъ же пылу; уже замолки пушки, только изрѣдка слышны были выстрѣлы пищалей и ружей, бой сталъ рукопашный: рубились саблями, рѣзались кинжалами и ножами. Долго побѣда была сомнительна для обѣихъ сторонъ, и остальную часть ночи и во весь день съ утра до вечера кипѣла битва съ перемежнымъ счастіемъ; наконецъ ярость мусульманъ уступила мужеству казаковъ, — азовцы побѣждены: часть заперлась въ замкѣ, остальные устремились чрезъ стѣны въ степь и въ бѣгствѣ искали спасенія. Окруживъ замокъ, казаки немедленно послали дружины свои преслѣдовать бѣгущихъ; ихъ скоро настигли, но встрѣтили храброе сопротивленіе: болѣе 10 верстъ азовцы отступали съ упорствомъ, наконецъ казаки ихъ разсѣяли. Еще несчастіе были осажденные въ замкѣ: они нехотѣли сдаться до послѣдней минуты; болѣе трехъ дней защищались, побили множество ка-

заковъ каменьями, и сами всѣ пали подъ мечемъ побѣдителей. — Такъ сдѣлались казаки обладателями султанской области на краю Азовскаго моря, и немедленно очистивъ городъ, утвердились въ немъ *всѣмъ Войскомъ.* ⁽²⁶⁴⁾

⁽²⁶⁴⁾ Сказаніе о взятіи Донскими казаками города Азова, рукописное (безъ означенія автора и времен, и когда оно написано.)

Дѣла Донскія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву Іюля 30, 1637 года.

«Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи, холопи твои государевы, Донскіе атаманы и казаки Михалко Ивановъ и все войско Донское челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 145 году маія въ 1-й день, по твоему государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи указу, прислана къ намъ, холопомъ твоимъ, твои государева грамота съ нашею Донскою станицею съ атаманомъ Тимофеемъ Яковлевымъ съ товарищи; а въ твоей государевѣ грамотѣ писано къ намъ, холопьямъ твоимъ: указалъ ты, великій государь, послать на Донъ къ намъ, холопьямъ твоимъ, для приему турскаго посла Томи Кантакузина, дворянина своего Стефана Чирикова, рѣкою Дономъ, въ стругѣхъ, какъ лель вскрыется за первыми (и)крами и велѣти турскаго посла принять, и въ приставѣхъ у него до Москвы быть твоему государеву дворянину Стефану Чирикову, а насъ холопей твоихъ, ты, великій государь, пожаловалъ, указалъ съ нимъ, дворяниномъ, послать къ намъ, холопомъ своимъ, атаманомъ и казакомъ, всему Войску Донскому, свое государское жалованье, деньги и сукна и хлѣбныя запасы, и вино, и свинець, и порохъ, сѣра и селитра и пушечныя ядры, а атамана нашего Тимофея Яковлева съ товарищи пожаловалъ своимъ царскимъ жалованьемъ и отпустилъ къ намъ, холопомъ твоимъ, съ своею государевою грамотою, а велѣно ему ѣхать къ Войску на спѣхъ, напередъ дворянина Чирикова, а чтобъ намъ, холопомъ твоимъ, посла турскаго Томи Кантакузина съ Дону до тѣхъ мѣстъ, пока мѣстъ не пріѣдетъ къ намъ съ твоимъ государевымъ жалованьемъ Стефанъ Чириковъ, къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ, не отпустить, подождать того, какъ онъ, дворянинъ, на Донъ къ намъ, холопомъ твоимъ, пріѣдетъ, а какъ государь, нашъ станичной атаманъ Тимофей Яковлевъ съ товарищи къ намъ, холопомъ твоимъ, пріѣхалъ отъ тебя, государя, съ грамотою, на Ярѣ Маія въ 1-й день и насъ, государь, холопей твоихъ, на яру не засталъ, пошли мы, холопи твои, переговора межъ собою, подъ Азовъ, потому государь, что они, азовскіе люди, на насъ, холопей твоихъ, умышляли, крымскому царю писали для рати, чтобъ насъ, холопей твоихъ съ Дону перенести, а Донъ рѣку очистить; и мы, государь, не дожидая на себя ихъ бусурманскаго приходу, а видя къ себѣ

Донесеніе государю объ этомъ произшествіи. Государь ничего не звалъ о дѣйствіяхъ казаковъ; овладѣвъ Азовомъ, они тотчасъ послали въ Москву атамана Степана Петрова и четырехъ казаковъ съ извѣстіемъ и съ повиновеніемъ твою государскую милость, пошли подъ Азовъ, апрѣля въ 21-й день, конные и судами всѣ безъ выбору. Да въ нынѣшнемъ же, государь, во 145 году, мая въ 28 день прислаша къ намъ, холопомъ твоимъ, твоя государева грамота, за приписью дьяка Максима Матюшкина, съ нашею Донскою станицею съ атаманомъ Иваномъ Каторжникомъ съ товарищи, а въ твоей государевѣ грамотѣ писано къ намъ холопомъ твоимъ, что ты великій государь, для дружбы и любви брата своего великаго государя салтанъ муратова величества указалъ послать къ намъ на Донъ дворянина своего Стефана Чirikова, съ ратными людьми, рѣкою Дономъ въ стругѣхъ, какъ ледъ вскроется, и велѣлъ ты государь турецкаго посла Тому Кантакузина у насъ холопей твоихъ принять и проводить къ тебѣ государю къ Москвѣ; а къ намъ холопомъ твоимъ послано съ тѣмъ дворяниномъ твое государево жалованье деньги, и сукна, и хлѣбные запасы, сухари, и крупы, и толокно, и вино, и зелье, и свинецъ, селитра и сѣра и пушечныя ядра во всемъ предъ прежнимъ съ прибавкою; а атамана Ивана Каторжнаго съ товарищи, пожаловавъ своимъ царскимъ жалованьемъ, отпустилъ къ намъ къ Войску; а какъ къ намъ холопомъ твоимъ твоя государева грамота придетъ, и чтобъ намъ съ азовцы помириться и турецкаго посла Тому Кантакузина изъ Азова принять. А мы, государь, холопи твои, до твоей государевой грамоты, межъ собою учинили приговоръ, что однолично надъ азовскими людьми промышлять сколько милосердый Богъ поможетъ подастъ, и пришедши подъ Азовъ, стояли недѣли три и больши, и видаи оны турецкой посоль Тома Кантакузинъ, что мы холопи твои стоимъ, осади Азовъ прочь не идемъ, и тотъ турецкой посоль Тома Кантакузинъ написалъ грамоты къ турецкому и крымскому царю для ратныхъ людей, на выручку къ Азову, и къ азовскимъ людямъ въ Азовъ отъ себя отписку писалъ, а послалъ, государь, свое было отписку, отъ себя въ Азовъ, съ грекомъ, и мы, государь, того грека поймали и на пытки пытали, а тотъ, государь, съ пытки говорилъ намъ холопомъ твоимъ, что послалъ де меня съ тою отпискою турецкой посоль къ азовскимъ людямъ, а велѣлъ де прокрасться ночью въ городъ, а то де со мною и наказалъ, чтобы азовскіе люди въ Крымъ, для ратныхъ людей, послали своихъ людей, украдкою вскорѣ, и грамоты бы азовскіе люди отъ себя къ царю писали, чтобы изъ Крыму и съ Темрюка и Тамани ратныхъ людей на выручку къ Азову прислали; и мы, государь, холопи твои, види его умысленье, къ тебѣ государю неправду, что оны дѣ-

ною. «Отпусти намъ, государь, вины наши—писали они—мы безъ твоего повелѣнія взяли Азовъ и убили измѣнника турецкаго посла. Еще до полученія грамотъ твоихъ (съ Чириковымъ посланныхъ) мы *всѣмъ Войскамъ* сдѣлали приговоръ промышлять надъ бусурманами сколько поустигъ Богъ. Го-

ласть не гораздо, мы холопи твои стоимъ подъ Азовомъ, голодною смертію умираемъ, а ихъ азовскихъ людей доставаемъ, а онъ, государь, посоль, грековъ къ азовскимъ людямъ съ вѣстими посылаетъ, и мы, государь, холопи твои, его посла за то съ его людьми порубили, и въ тѣхъ винахъ нашихъ ты воленъ надъ нами государь! Да июня, государь, въ 18 день милостию Божіею и Пречистой Богородицы помощію, а твоимъ государскимъ счастьемъ, твоя государская высокая рука возвысилась, Азовъ городъ мы холопи твои взяли, ни одного человѣка азовскаго на стѣну и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили. А дворянина твоего государева Стефана Чирикова затѣмъ задержали и жалованья твоего государева непринимали, что мы холопи твои были подъ Азовомъ, и какъ Азовъ взяли, и мы, государь, приказали твоему государеву дворянину быти въ Азовъ съ твоимъ государевымъ жалованьемъ, что къ намъ холопомъ твоимъ прислано. А приняли твое государское жалованье 2000 р. денегъ, 300 четвертей сухарей, 50 четвертей толокна, 50 четвертей крупъ, 16 бочекъ вина, 40 поставовъ сукна, 4000 пушечныхъ ядръ, зелья и селитра и сѣра, во всемъ передъ прѣжнимъ съ прибавкою, іюля въ 11 день; а съ Дону отпустили твоего государева дворянина Стефана Чирикова къ тебѣ государю къ Москвѣ іюля 15 дни; да съ нимъ же, государь, отпущено русскаго полону 150 челов. овромѣ малаго полону. А что, государь, городовою казны и пушекъ и мѣлкихъ пищалей и русскаго полону, и того, государь, еще не смѣчено; а какъ, государь, мы смѣтимъ городовую казну, и о томъ къ тебѣ, государь, пришлемъ станицу, а съ сею отпискою отпустили къ тебѣ, государь, станицу атамана Потапа Петрова, а съ нимъ казаковъ Федота Федорова, Григорья Долгова, Лукьяна Стефанова, Ивана Никифорова, а отпущена государь станица того-жъ числа іюля въ 15 день, а велѣно имъ наскоро ѣхать къ тебѣ государю.»

Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станпчанаго атамана Потапа Петрова съ товарищи, прибывшихъ въ Москву 30 іюля 1637 г.

Распросныя рѣчи боярскаго сына Ивана Рязанцева и Валуйскаго вожа Самойлы Деревячина, прѣхавшихъ въ Москву 3 сентября 1637 года.

Донесеніе дворянина Степана Чирикова, поданное имъ, по возвращеніи съ Дону, въ Посольскій приказъ, 15 сентября 1637 г.

сударь! мы сыны Россіи: могли ли безъ сокрушенія смотрѣть какъ въ глазахъ нашихъ лилась кровь христіанская, какъ влеклись на позоръ и рабство старцы, жены съ младенцами и дѣвы? Не имѣли силъ далѣе терпѣть азовцамъ, мы начали войну правую, съ Божіею помощію овладѣли городомъ, побили невѣрныхъ за ихъ неправды и православныхъ освободили изъ плѣна.» Убіеніе посла казаки оправдывали имѣвшею его: *«мы приговорили то всемъ Войскомъ, пбо многіи братья наши побиты призванными имъ на помощь къ Азову ратными людьми»* Казаки обѣщали вслѣдъ за этимъ прислать большую станицу съ подробнымъ донесеніемъ о всемъ происшествіи. Государь съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе о убійствѣ посла, и приказалъ удержать въ Москвѣ атамана Петрова, до присылки обѣщанной *большой станицы*

Дѣйствія казаковъ противъ крымцевъ. Едва казаки успѣли немного отдохнуть отъ воинскихъ трудовъ своихъ, какъ вдругъ получили вѣсть, что крымцы и мурзы Большаго Ногай многочисленными толпами собрались воевать нашу украину; казаки держали совѣтъ и призвавъ на помощь Бога, устремились конные и пѣшіе пресѣчь дорогу хищнымъ татарамъ. Въ сентябрѣ государь имѣлъ уже объ этомъ донесеніе отъ казаковъ и утѣшенный ихъ усердіемъ, пожаловавъ атамана Петрова съ товарищами царскимъ жалованьемъ, отпустилъ ихъ на Донъ, съ грамотою къ Донскому Войску, въ концѣ сентября. *«Предосудителепъ буйный поступокъ вашъ съ посломъ турецкимъ»* — писалъ государь къ казакамъ (въ грамотѣ 20 сентября) — *«вѣтъ случая, который бы давалъ право умерщвлять пословъ. — Худо сдѣлали вы, что взяли Азовъ безъ нашего повелѣнія, не прислали старѣйшинъ своихъ атамановъ и казаковъ добрыхъ, съ которыми бы можно было посовѣтывать какъ тому быть впередъ, исполните сіе немедленно, и мы дождавшись ихъ, велимъ выслушать ваше мнѣніе, и тотчасъ съ ними же пришлемъ указъ — какъ поступить съ Азовомъ.»* Въ сей же грамотѣ государь хвалилъ вѣрность казаковъ въ охраненіи росій-

скихъ предѣловъ отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ, приказывалъ не ослабѣвать въ сихъ достойныхъ подвигахъ, присылать вѣсти ко двору и повторилъ обѣщанія свои содержать донцовъ въ царской милости; сверхъ того требовалъ, чтобы присланы были всѣ бумаги, какія находились при послѣ турецкомъ⁽²⁶⁵⁾.

(²⁶⁵) Дѣла Донскія, грамота на Донъ сентября 20 дня 1637 г.

„Какъ были у насъ великаго государя на Москвѣ донскіе атаманы Иванъ Баторжной, да Тимофей Яковлевъ съ товарищи, и того вашего умышленія, что вамъ подѣ Азовомъ промышляти, безъ нашего царскаго повелѣнія и турскаго посла со всѣми людьми побиты до смерти, ничего не сказывали; а отпущены на Донъ, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, чтобъ турскаго посла съ Дону отпустили къ намъ безъ задержанія, и съ азовцы бѣ были въ миру, и вы то атаманы и казаки учинили не дѣломъ, что турскаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ, а того нигдѣ неведетца, чтобъ пословъ побивать, хотя гдѣ и война межъ государя бываетъ, а послы и въ тѣ поры свое дѣло дѣлаютъ, для чего присланы, и ихъ непобиваютъ, а отдати было вамъ его посла для береженья дворинину, который по него посланъ; Азовъ взяли еще безъ нашего царскаго повелѣнія, а атамановъ и казаковъ добрыхъ къ намъ не прислали, кого подлинно спроситъ какъ тому вредѣ быти; а прислали есте одного атамана Потапа Петрова, а съ нимъ чстирехъ человекъ казаконъ молодыхъ людей, и для того они къ вамъ вскорѣ и неотпущены, ожидаючи по вашему писъму станицы, которую есте хотѣли къ намъ съ подлиннымъ дѣломъ прислать. А сентября въ 3 день, писали есте къ намъ съ бѣлогородцемъ съ Иваномъ Резанцовымъ, что крымскіе воннскіе люди и Большаго Ногаю мурзы съ своими людьми пошли въ Русь многіе люди, подѣ наши украинныя города войною, а вы атаманы и казаки всѣмъ Войскомъ живете въ Азовѣ, и слыша вы про походы воннскихъ людей въ Русь на наши украинныя войною, поговора межъ собою, пошли вы атаманы и казаки на крымскую сторону конные и пѣшіе, подѣ шляхи и по перелазомъ, прося у Бога милости, лежать, и вы то учинили добро, что на сакмы татарскія и на перелазы послали людей для береженья отъ приходу на наши украинны, и мы великій государь пожаловавъ атамана Потапа Петрова съ товарищи, нашимъ царскимъ жалованьемъ, отпустили къ вамъ на Донъ съ сею нашею грамотою; а какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ атаманы и казаки, для подлиннаго вѣдома, прислали къ намъ, великому государю, станицу атамановъ и казаконъ лутчихъ людей чело-

Напротивъ извѣстіе о покореніи Азова поразило султана и диванъ его; дворъ константинопольскій видѣлъ ясно, что казаки не для грабежей (какъ бывало прежде) только овладѣли городомъ этимъ, но рѣшительно хотѣли отторгнуть отъ Порты приморскую область ея, чтобы господствовать надъ моремъ. Война съ Россією, разстройство съ Крымомъ, сомнѣніе, что Россія станеть помогать казакамъ—все останавливало Порту отъ предпріятія возвратить Азовъ,—и казаки 6 лѣтъ имѣли его во власти своей.

Разъѣзды казачковъ по морю. Въ самомъ началѣ они укрѣпили городъ и замокъ еще болѣе прежняго;

вѣкъ пятнадцать или двадцать, или сколько пригоже, и о всемъ съ нами отписали къ намъ именно; а мы великій государь велимъ у нихъ рѣчей ихъ выслушать, какъ о томъ впередъ быти, и къ вамъ ихъ отпустимъ незадержавъ и указъ напѣ съ ними пришлемъ; а что у васъ про воинскихъ людей, про крымскихъ и про ногайскихъ мурзъ какое вѣдомо есть, или што впередъ объявится, гдѣ нынѣ царь или царевичи, и что ихъ умышленья, и нечаятъ ли ихъ войною на наши украины, и гдѣ нынѣ ногайскіе мурзы съ улусы своими кочуютъ, и чего отъ нихъ впередъ чаятъ, про тобъ есте про все провѣдывали подлинно; да будетъ у васъ прямая вѣсти будутъ, что крымской царь въ наше въ московское государство войною пойдетъ, или царевичей и мурзъ съ воинскими людьми пошлетъ, и выбѣ службу свою и радене къ намъ великому государю показали, и на сакмахъ и на рѣкахъ по перелазомъ, надъ ними промышляли вселкими мѣрами, съ великимъ радѣньемъ, сколько милосердый Богъ помочи подасть, чтобъ вамъ своею службою и радѣньемъ надъ ними поискъ учинить и на наши украины не пропустить; а къ ногайскимъ бы есте мурзамъ отъ себя писали и посылали кого пригожь, чтобъ они помня свою прежнюю шерть, были подъ нашею царскою высокою рукою по прежнему и шибѣ назадъ за Допъ на ногайскую сторону; и на наше бѣ царское жалованье были надежны безо всякаго опасенья; а мы великій государь за вашу службу пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью,—и о томъ бы есте о всемъ писали къ намъ къ Москвѣ наскоро, чтобъ намъ было вѣдомо; а каторые грамоты къ намъ великому государю посланы были отъ турскаго мураты салтана съ турскимъ посломъ съ Томою Кантакузинимъ и наказъ Томиичъ и всякое письмо, и выбѣ тѣ грамоты, что будетъ у васъ, опечатавъ, и наказъ его и всякое письмо прислать къ намъ къ Москвѣ.“

стали плавать безпрепятственно по морямъ Азовскому и Черному. Хотя султанъ воюя самъ съ Персією, приказалъ татарамъ стараться о возвращеніи Азова, но ихъ усилія были ничтожны для казаковъ, которые всегда разбивали ихъ и на сухомъ пути и на море. Достояна вниманіи одна подобная побѣда казаковъ, въ 1638 году одержанная: Шалаиша съ большою ратью шель на освобожденіе Азова; казаки въ числѣ 1700 челов. встрѣтивъ его на Черномъ морѣ, имѣли бой упорный, и купили побѣду семьюстами убитыхъ своихъ товарищей; непріятелей побили множество, прочіе всѣ разбѣяны⁽²⁶⁶⁾

Слѣдствія покоренія Азова. Покореніе Азова казаками имѣло спасительное послѣдствіе для Россіи: въ продолженіи пяти лѣтъ ни крымцы, ни ногайцы, не смѣли даже и показаться къ нашимъ украинямъ, исчезла прежняя дерзость ихъ и грабежи перестали, ногайцы, за Дономъ и

⁽²⁶⁶⁾ Дѣла Крымскія, въ столбцахъ 1638 г. № 1, статейный списокъ посланниковъ Астафьева и подьячаго Кузовлена.

„Да 147 году сентября въ 3 день, посланникомъ Дорофею Остафьеву, Олферью Кузовлеву сказывали переводчикъ Вилякъ Безергиневъ, да толмачъ Лазарь Алышовъ про тѣхъ казаковъ, которые были на море, пришла де было тѣ казаки изъ Азова, хотѣли взять городъ Табанъ, а было казаковъ 30 струговъ, а людей было 1600 челов., и подмѣтилъ де ихъ на море каторжной Піяла князь, и подмѣтя послалъ вѣсть къ царю. и царь по той вѣсти пришло въ морю на берегъ, къ тому мѣсту, гдѣ чають казаковъ, на море бѣлся и загналъ ихъ въ морскую заливу на островъ, и къ нимъ приступалъ, и куды изъ залива проходъ въ море, и то мѣсто каторжной князь загородилъ каторгами, и казаки де дождався ночи, струги свои на себѣ переволокли въ море, и неугодили подъ Азовъ уйти, прошпблсь промежъ Керчи и Тамани и зашли въ другомъ мѣстѣ въ морскую заливу въ Духоню, и на берегу де у той заливы стоить городъ Казылбашъ, турецкаго царя; а около того города, были запорожскіе черкасы, и види что имъ дѣтся негдѣ, убояся учали переметываться къ царю и къ туркамъ, а казаки де дождався ночи, оружье все помѣтали въ воду, и сами пошли въ рознь на берегъ, и иные де ушли къ Азову, а иныхъ поймали по лѣсомъ и по камышу черкасы и татаровы, и говорятъ де татаровы и черкасы добре много, давно де такого побоя на татаръ не бывало.“

около Астрахани кочевавшіе, пребывали вѣрны Россіи

Во оруженіе Порты на казакѡвъ. Амуратъ IV, надѣшный тиранъ Константинопольскій, готовился страшно наказати казакѡвъ за ихъ отважность. Россія по старому обычаю увѣряла Порту, что она не вмѣшивается въ дѣла своевольныхъ людей, которые отъ ней независимы; впрочемъ будетъ стараться склонити казакѡвъ къ возвращенію Азова; но казаки предвидя близкую грозу, болѣе и болѣе укрѣпляли этотъ городъ, запасались провіантомъ, порохомъ, артиллерією. Султанъ оканчивалъ войну съ Персією и среди приготовленій отмстити Донскимъ казакамъ, постигнуть безвременную смертью. Слабый преемникъ его Ибрагимъ вѣбрилъ себя и правленіе сильному верховному визирю Магмеду-пашѣ, который въ числѣ главнѣйшихъ дѣлъ полагалъ возвратити Азовъ Портѣ. Болѣе года приготовлялся онъ къ этому предпріятію: старался утвердити миръ со всѣми иностранными державами: съ Цесаремъ, съ Россією, Польшею, Венецією, Персією, строилъ и снаряжалъ флотъ сильный, но легкій, который бы свободно могъ прійти по мелководному Азовскому морю; собиралъ большую военную силу и въ 1641 году былъ уже въ возможности приступить къ дѣлу.—Турки, крымскіе и ногайскіе татары, горскіе черкесы, волохи, сербы, арабы, арнауты, собрались подъ знамена константинопольскаго повелителя, съ надеждою торжествовать побѣду на востяхъ Донскихъ воиновъ. Самъ верховный визиръ хотѣлъ предводительствовать огромнымъ этимъ ополченіемъ, наконецъ поручилъ главное начальство сидістрійскому пашѣ Гуссейнъ-Делію,—воину славолюбовому, опытному, но гордому и презиравшему силу казакѡвъ. Подъ нимъ былъ въ сухопутномъ войскѣ крымскій ханъ, начальствовавшій крымскими и ногайскими татарами и горскими черкесами. Флотомъ командовалъ Піали-ага-капитанъ-паша (адмиралъ), человекъ одаренный, какъ пишутъ, лучшими качествами военачальника: прозорливостію и храбростію. Флотъ его состоялъ изъ 80 большихъ бѣломорскихъ

каторгъ и 90 мелкихъ морскихъ судовъ; 20 кораблей нагружены были огнестрѣльнымъ снарядомъ, пушками, порохомъ, ядрами; однихъ огромныхъ стѣнобитныхъ орудій было сто, ядра вѣсили въ полгора и въ два пуда, многіе суда везли провіантъ; отборныя янычары составляли морскихъ воиновъ. Все же это ополченіе простиралась до 150/т. чел. хорошо вооруженныхъ; въ числѣ оныхъ находилось нѣскольکو европѣйцевъ, безъ сомнѣнія, наемныхъ,—французовъ, нѣмцовъ, италянцовъ, свѣдущихъ въ инженерной наукѣ.—Казалось Порга собиралась воевать цѣлмя государства; по крайней мѣрѣ она твердо увѣрена была, что возвратитъ свои азовскія владѣнія и казаковъ Донскихъ искоренить вовсе съ лица земли. Но казаки не унывали; запасшись весьма достаточно военными и жизненными припасами, они старались умножить и число свое всякаго состоянія вольницею, звали и нанимали удалыхъ отвагъ; видѣли уже себя довольно сильными и появлялись умереть, или увѣнчаться новою славою⁽²⁶⁷⁾.

⁽²⁶⁷⁾ Изъ архивнаго сборника грамотъ, см. грамоту отъ царя на Донъ 1641 г. декабря 2 дни.

„Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, на Донъ въ нижніе и въ верхніе юрти атаманомъ и казакомъ, Осипу Петрову и всему Донскому Войску. Въ вынѣшнемъ. . . . октября въ . . . писали естя къ намъ съ атаманомъ съ Наумомъ Васильевымъ, да съ ясауломъ Ѳеодоромъ Порошинимъ съ товарища, что въ прошломъ году іюня въ день пришли подъ Азовъ войною отъ турскаго царя наши: Усеинъ-паша, Капитанъ-паша, Пела-паша, съ воинскими людьми и съ крымскимъ царемъ и съ царевичемъ и со многими землями въ судѣхъ моремъ, а конные полемъ, около города Азова обступили со всѣ стороны накрѣпко, и вы атаманъ и казаки прося у Всемилостиваго Спасамилости, противъ ихъ вылазекъ чинили многія и на тѣхъ вылазкахъ у нихъ многихъ языковъ понимали, и тѣ языки въ распросѣхъ вамъ сказывали, что было турскаго салтана, и съ крымскимъ царемъ и царевичемъ, и съ буданскіе земли съ небольшимъ князькомъ, воинскихъ людей, турская и крымская земля, съ бѣлопольскими князьями, и малою ногай со всѣми мурзами и со всѣми черными людьми, и воложскіе, и мутянскіе, и арабскіе, и французскіе и ласкіе земель многіе воинскіе люди и большого ногай мурзы съ черными людьми, которые отъ Асторохана откочевали,

Положеніе казаковъ въ Азовѣ. Въ самомъ началѣ іюня мѣсяца и сухопутная и морская силы мусульманъ соединились подъ Азовомъ и окружили городъ, взоръ не могъ обнять становища ихъ, гремевшаго радостными кликами. У Донскихъ казаковъ въ это время былъ войсковымъ атаманомъ достойный Осипъ Петровъ, герой столь блистательно показавшій въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ военныя способности свои и необыкновенное безстрашіе. Смотри на многочисленныя силы непріятельскія, онъ

а всѣхъ ихъ было въ письмѣ и въ раздачѣ у жалованья двѣсти сорокъ тысячъ человекъ, а каторгъ большихъ бѣломорскихъ сто, да кораблей большихъ восемьдесятъ, да мелкаго морскаго девяносто судовъ, да съ порокомъ и съ ядры 20 кораблей большихъ, да стѣнопробитныхъ сто пушекъ привезено было въ городу, а ядры были у тѣхъ пушекъ вѣсомъ съ полтора пуда и въ цудъ и въ тридцать гривенокъ, и бои у васъ съ ними были всякіе: а съ пушекъ по городовымъ стѣнамъ и по васъ били, и възъ мелкаго огненнаго ружья и възъ дуковъ, и городовые стѣны обили по подолву, и земляныя валы вели великіе, и подкопы подкопали многіе, и вы атаманъ и казаки, прося у Милостиваго Спаса милости и у Пресвятыя Богоматери и у Святаго Пророка Предтечи Крестителя Господня Іоанна и у Великаго Чудотворца Николы и у всѣхъ святыхъ помощи и заступленія, хотя пострадати за истинную православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя, надъ ними бусурманы промышляли всякими мѣрами, и съ ними бились, и кровь свою проливали, и подкопы подъ ихъ валы и подъ пушки вели многіе; а у подкоповъ и у промысловъ былъ атаманъ ты Осипъ Петровъ, и въ тѣхъ подкопѣхъ много встрѣчу сходилися и бои въ подкопѣхъ были, и на всѣхъ подкопахъ побито бусурманъ изъ мелкаго ружья 20 т. челов., и Турскаго царя большое знамя и съ нимъ семь знаменъ взяли, а ровъ подкопано было около города на пять верстъ и большіи, oprичъ земляныхъ большихъ валовъ, чѣмъ васъ бусурманы хотѣли засыпавъ подавить. И въ то осадное сдѣльнѣе, къ вамъ атаманомъ и казакомъ злочестивые съ великимъ своимъ лукавымъ прельщеньемъ и съ грозами черекидывали на стрѣлахъ многіе свои грамоты, а суляли на казака по тысячи талерей, чтобъ вамъ атаманомъ и казакомъ ту многую казну у нихъ взять, а городъ покинуть, и вы атаманъ и казакъ на ихъ бусурманскую прелесть непокусилися, и имъ во всемъ отказалъ, а служили намъ великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руссіи и сыну нашему благовѣрному государю царевичу Алексію Михайловичу всеа

могъ думать, что каменные стѣны не спасутъ дружину его: побѣдить армію болѣе нежели 20 вратъ превышающую числомъ малую горсть его сподвижниковъ, была мысль отчаянная! Не много хитростей находилъ Петровъ противопоставить могуществу непріятельскому, но старался воспламенить своихъ воиновъ безстрашною отвагою, дабы смѣлыми нападеніями по временамъ уничтожить замыслы враговъ.

Вѣра, которую казаки чтили превыше всего земнаго, вселяла въ нихъ храбрость неодолимую: «вотъ храмъ Божій,

Руссін, и милостію Божіею и Пречистыя Ея Богоматери и Святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна и Великаго Чудотворца Николы и всѣхъ святыхъ молитвами и нашимъ государскимъ счастьемъ, вы атаманы и казаки отъ невѣрнаго бусурманскаго нашествія отсидѣлись въ четвертомъ земляномъ городѣ и въ земляныхъ избахъ, и съ тою своею службою, вы атаманы и казаки прислали къ намъ къ Москвѣ станичниковъ атамана Наума Васильева, да ясаула Федора Порошина, да 24х-хъ казаковъ. И мы великій Государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Руссін, васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско, Осипа Петрова съ товарищи, за тою вашу службу, и за радѣнье, и за промыслъ и за крѣпостоятельство, что вы противъ турецкихъ и крымскихъ и иныхъ многихъ земель стояли крѣпко и мужественно, и бились нещадя головъ своихъ, и многихъ бусурмановъ побили, и будучи въ осадѣ, всякую осадную нужу и голодъ терпѣли, и на ихъ бусурманскіе ни на какіе прелести не прельстилися, и отъ такихъ многихъ людей отсидѣлись, милостивно похваляемъ, и станичниковъ вашихъ атамана Наума Васильева, да ясаула Федора Порошина съ товарищи, пожаловали нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ; а къ вамъ атаманомъ и кавакомъ и ко всему Донскому войску, послали есьмя съ нашимъ государскимъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ дворянина нашего Афонася Желибужскаго, да подьячего Орефу Башмакова, да съ ними жъ отпущены къ вамъ изъ вашихъ станичниковъ казаки Прокофей Ивановъ съ товарищи, которые вышли изъ полону; а что вы къ намъ великому государю писали, что вы нымѣ наги и босы и голодны, и запасовъ и порохи и свинцу нѣтъ, и отъ тое нужные осады, многіе казаки хотятъ идти въ рознь, а нныя многіе переранены, и мы великій государь къ вамъ атаманомъ и кавакомъ, осаднымъ сидѣльцомъ, за вашу службу и радѣнье и за осадное сидѣнье послали есьмя нашего государскаго жалованья съ тѣмъ же дворянникомъ нашимъ и съ подьячечъ пять тысячъ руб. денегъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота при-

защитимъ его или умремъ близъ олтара Господня—смертію за вѣру некушають небо»,—этого довольно было чтобы возбуждѣть въ каждомъ воинѣ совершенное презрѣніе смерти; разумный атаманъ укрѣплялъ ихъ надежду на помощь свыше. Казаки очищали себя постомъ и молитвою и забывая о жизни, думали только о Богѣ и побѣдѣ: «сражаться до послѣдняго дыханія, попавшись въ плѣнъ нислова несказать о состояніи города»—были главныя заповѣди, въ соблюденіи которыхъ казаки поклялись другъ другу. Въ такомъ видѣ противустали они врагамъ своимъ.

П о л и т и в а Р о с с і и . Опасаясь послѣдствій со сто-

детъ, и выбѣ атаманъ и казаки то наше государское жалованье у нихъ взяли, и впередъ на нашу государскую милость и жалованье были надежны и впередъ намъ великому государю служили, и радѣли, и промысли, и противъ бусурмановъ за истинную православную христіанскую вѣру стояли крѣпко и мужественно; а хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ, и пороху, и свинцу, и суконъ, до вѣшніе полне воды, нынѣ зимнимъ путемъ послати къ вамъ немочно, то вамъ мочно и самымъ знати, и выбѣ о томъ неоскорблялись; а какъ ажъ дастъ Богъ на веснѣ ледъ вскроется, и къ вамъ атаманомъ и казакомъ наше государское жалованье, хлѣбные и всякіе занасы, и порохъ, и свинецъ, и сукна пришлемъ, и были бѣ есте однолично на нашу государскую милость и жалованье во всемъ надежны. А что писали есте къ намъ о городѣ Азовѣ и бпті челомъ приказывали атаману Науму Васильеву съ товарищи, и мы великій государь велѣли тому же дворянину нашему и подьячему города Азова досмотрѣти и переписать, и на чертежъ начертить, и о томъ нашъ царскаго величества указъ и повелѣнье будетъ вскорѣ, и выбѣ атаманъ и казаки службу свою и дородство, и храбрость, и крѣпостоятельство къ намъ великому государю къ нашему царскому велѣству совершали и своей чести и славы не теряли, за истинную православную христіанскую вѣру и за насъ великаго государя стояли по прежнему крѣпко и неподвижно, и на нашу государскую милость и жалованье во всемъ были надежны; а дворянина нашего Афонася и подьячего Орефу къ намъ отпустили бы есте безъ мотчанья, чтобъ имъ къ намъ пріѣхать вскорѣ и проводить ихъ велѣли до концъ мѣстъ пригоже, чтобъ имъ пріѣхать здорово; а что у васъ какъихъ вѣстей про турецкихъ и про крымскихъ воинскихъ людей, и выбѣ о томъ къ намъ отписали, чтобъ намъ было вѣдомо. Писанъ въ Москвѣ лѣта 7150 декабря въ 2 день."

роны Порты, Московскій дворъ, по прїѣздѣ Чирикова въ Москву, тотчасъ отправилъ въ Царьградъ грека Мафумла Петрова, прибывшаго въ Россію съ Омою Катакузинимъ, и присланнаго отъ него изъ Азова въ Москву еще прежде осады казаками Азова.

Съ нимъ государь послалъ въ султану грамоту, въ которой съ крайнимъ соболѣзнованіемъ и негодованіемъ на казаковъ, извѣщалъ его о убіеніи посла и о взятіи Азова; увѣрялъ, что городъ этотъ взять безъ его вѣдома, и что это наводитъ ему величайшее огорченіе, повторилъ прежнія увѣренія, что Донскіе казаки издавна воры, царскаго повелѣнія не слушаютъ, и ратей на нихъ послать нельзя: ибо живутъ кочевнымъ обычаемъ; описывалъ какъ они грубо обходятся съ посылаемыми къ нимъ царскими дворянами и какъ одного изъ нихъ Ивана Карамышева убили до смерти. «О взятіи Азова у насъ и мысли не было—писалъ дагѣе государь—и прискорбно будетъ если за одно своевольство казаковъ ставешь имѣть на насъ досаду; хотя всѣхъ ихъ вели побить въ одинъ часъ, я не постою за то. Мы съ вами, братомъ нашимъ, хотимъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви на вѣки неподвижно свыше вѣсѣхъ великихъ государей и желаемъ вамъ на царствахъ вашихъ счастливаго пребыванія, надъ врагами побѣды, государствъ вашихъ приращенія и всякаго добра вамъ хотимъ безъ хитрости, нося всегда въ сердцѣ нашемъ вашу любовь».

Столько ласкательныхъ выраженій, хотя не допустили явнаго разрыва между Россією и Портою, однако жъ султанъ не отвѣчалъ самъ царю Московскому, а прислалъ грамоту отъ ваймакана Мусы паши, съ тѣмъ же гревомъ Мануиломъ Петровымъ, весьма незначущую и даже безъ упрековъ. Такой отвѣтъ прервалъ сношенія съ Портою до 1640 года.

О с а д а А з о в а. 7-го іюня началась дѣйствительная осада. Опытные казаки, прежде всего хотѣли узнать о состояніи и расположеніи непріятельскихъ силъ, и отрядили для этого легкія партіи, кои, подбѣгая съ разныхъ сторонъ

въ стану непріятельскому, взяли языковъ, отъ которыхъ казаки о всемъ подробно и развѣдали

Неудачныя приступы турокъ. Скоро непріятель сдѣлалъ попытку къ штурму: сомкнулись ряды, приближены стѣннотныя орудія и началась жестокая пальба. Казаки стояли открыто на стѣнахъ, отстрѣливались храбро, но важется для того только, чтобы не допустить мусульманъ слишкомъ приблизиться къ стѣнамъ; главные же успія ихъ обращены были къ тому, чтобы нанести существеннѣйшій вредъ туркамъ вылазками. Съ этою цѣлію, по распоряженію расторопнаго атамана Петрова, казаки раздѣлены были на двѣ части: одни назначены собственно для вылазокъ, кои непрерывно со всѣхъ сторонъ нападали вездѣ, гдѣ только замѣчали оплошность, или слабость. Турки, непривыкшіе къ постоянной осторожности, каждый разъ были разбиваемы, теряли людей и, что всего важнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ армія ихъ часть отъ часу приходила въ большую робость: они не умѣли объяснить себѣ отъ чего казаки имѣютъ поверхность. Другая часть Донцовъ день и ночь занималась подземными работами. Съ разныхъ сторонъ подвели казаки подкопы подъ самые ряды осаждающихъ и подъ ихъ артиллерію; зажгли оныя и погубили многочисленныя толпы враговъ.

Гуссейнъ-Дели предпринималъ еще четыре приступа всѣми силами своими; но оныя были столько же безуспѣшны, какъ и первый, и еще гибельней для людей. На этихъ приступахъ убитъ кафинскій паша, много меньшихъ начальниковъ, и еще болѣе воиновъ.

Послѣ этого исчезла хвастливая надежда непріятельской арміи: уже не по собственной охотѣ, а по принужденію шли войска на приступъ. Скоро оказался еще и недостатокъ въ провіантѣ, ибо къ продовольствію столь многочисленной арміи въ пустыхъ степяхъ, нужны были способы чрезвычайныя, а турки едва ли сколько нибудь обеспечили эту важную часть военнаго хозяйства.

Усиленіе турецкаго войска. 9-го августа пе-

лучено въ Царьградѣ отъ главнокомандующаго настоятельное требованіе о прибавкѣ войскъ и артиллерійскихъ припасовъ: «воевать Азовъ не чѣмъ—писалъ паша—а прочь идти безчестно; подобнаго срама османское оружіе невидѣло: мы воевали цѣлыя царства и торжествовали побѣды, а теперь несемъ стыдъ отъ горсти незначущихъ воиновъ». Верховный визирь въ смятеніи и страхѣ скрывалъ отъ всѣхъ азовскія донесенія, даже отъ самаго султана, всѣхъ пріѣзжавшихъ изъ арміи гонцовъ и даже бѣглыхъ запирали въ особые дома, дабы они ничего не разглашали въ народѣ.

Между тѣмъ 15 августа визирь послалъ въ Азову требуемую помощь, какую наскоро могъ найти въ Царьградѣ, и приказалъ бѣломорскому Бекирь-пашѣ готовить туда еще 16 каторгъ съ ратными людьми. Но не смотря на всѣ осторожности верховнаго визира, въ Константинополѣ провѣдали о состояніи дѣлъ азовскихъ и ужасъ объялъ всѣхъ жителей; твердили, что имъ не усидѣть въ Царьградѣ и страхъ распространился на всѣ окрестности.

Продолженіе осады, подкопы казаковъ, послѣднія усилія осаждающихъ. Гуссенъ-Дели, получивъ помощь, желалъ испытать послѣднее средство засыпать всѣхъ казаковъ землею въ городѣ; начались работы сворыя, дѣятельныя, и въ нѣсколько дней явился у самыхъ стѣнъ азовскихъ валъ вышиною въ 7 саженой. Устроивъ на ономъ артиллерію, турки начали бить изъ всего снаряда, продолжая стрѣльбу неумолено день и ночь въ теченіи 16 сутокъ. Казаки сопротивлялись мужественно, подвели подъ валъ два большіе подкопа и, взорвавъ ихъ, истребили множество невѣрныхъ; проникли еще 28 подкопами подъ самыя непріятельскіе таборы и произвели въ нихъ опустошеніе. Турки и татары съ своей стороны вели 17 подкоповъ подъ Азовъ, но казаки благовременно провѣдавъ о нихъ, подкопались къ нимъ и разрушили.

Однако-жъ поверхность сія не могла спасти казаковъ: турки производя безпрерывную пальбу изъ осадныхъ орудій,

сбили до основанія всѣ три городскія стѣны, разрушили башни и церковь Іоанна Предтечи; казаки врлись въ землю и дѣлая оттуда непрестанныя вылазки и засыпая подкопы, каждый день истребляли множество враговъ.

Ропотъ у осаждающихъ и бѣгство ихъ. Невидя конца этому дѣлу, непріятельское войско начало роптать и оказывать явные признаки бунта. Гуссенвъ-Дели думалъ еще предпринять новыя мѣры: мѣталъ на стѣны грамотки, въ которыхъ просилъ казаковъ уступить ему произвольно Азовъ, обѣщая знатную за то сумму. Казаки отвѣчали ему новымъ поражениемъ. Между тѣмъ очистя себя постомъ и молитвою, вновь повлялись умереть всѣ до послѣдняго человѣка, а врагамъ неуступить одной пядени земли, и на утро 26 сентября готовились на рѣшительную вылазку. Но разсвѣтъ показалъ имъ одни слѣды бѣгущихъ враговъ: часу въ третьемъ по полуночи, они всѣ свалились съ мѣстъ своихъ и поспѣшно бѣжали. Казаки отпѣвъ молебень, преслѣдовали бѣгущихъ и довѣршили ихъ поражение.

Потери съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, соединенныя войска султана, посрамивъ его знамена, присвоили казакамъ громкую славу, которая займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ войнъ. Убито всѣхъ непріятелей болѣе 50/т. человѣкъ, ханъ крымскій тяжело раненъ и умеръ на дорогѣ, силистрійскій паша также не узрѣлъ своихъ областей, скончавъ жизнь на возвратномъ пути. Казаковъ побито около 6/т. человѣкъ, осталось въ живыхъ всего не болѣе 3/т. воиновъ.

Казаки предлагаютъ Азовъ государю. Принеся благодареніе Всевышнему Богу за одоленіе многочисленныхъ враговъ, казаки 9 октября отправили въ Москву станицу атамана Наума Васильева, съ подробнымъ извѣстіемъ о успѣхѣхъ своего оружія; они писали, что теперь всѣ казаки крайне изнурены, переранены, наги, босы, голодны и долѣе держать Азова не въ силахъ: «государь, мы его взяли своею кровію на счастье благовѣрнаго сына тво-

его Алексѣя Михайловича, возьми отъ насъ этотъ городъ себѣ въ вотчину». Атаманъ Васильевъ объяснялъ лично государю и боярамъ, что имъ никакой нѣтъ возможности долѣе защищать Азова: ибо всѣ стѣны до основанія разрушены; но если государю не угодно будетъ принять отъ нихъ этотъ городъ, то они всѣ до единого помрутъ въ немъ, а неуступятъ добровольно врагамъ земли облитой кровію ихъ товарищей.

Милостивая грамота государя въ казакамъ. Государь послалъ казакамъ самую милостивую грамоту и 5/т. руб. денегъ, и въ то же время, 2 декабря, отправилъ на Донъ дворянина Афонасія Желябужскаго рассмотреть все азовское строеніе, сдѣлать чертежи и смѣты вѣрнопостнымъ поправкамъ и проч.

Между тѣмъ какъ съ Дону, такъ и изъ другихъ мѣстъ непрерывно получались извѣстія, что султанъ готовитъ новое ополченіе на Азовъ, несравненно превышающее количествомъ прежнее и что онъ располагаетъ держать въ осадѣ городъ малыми силами, а всѣ прочія войска обратить на Россію.

Земскій соборъ держанный въ Москвѣ объ Азовѣ. Въ генварѣ мѣсяцѣ 1642 года царь Михайлъ Федоровичъ созвалъ въ Москву на Земскій Соборъ всѣ сословія государства для сужденія: принять ли отъ казаковъ Азовъ, или поступить съ нимъ иначе какъ. Соборъ продолжался до апрѣля, въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился Желябужскій и донесъ, что въ Азовѣ ничего нѣтъ цѣлаго и всѣ построенія должны дѣлаться вновь. По совершенномъ обозрѣніи всего дѣла признано въ общемъ совѣтѣ что Россіи нельзя удержать за собою Азова.

Казакъи оставляютъ Азовъ по повелѣнію государя. Въ слѣдствіе того, 30 апрѣля отправлена къ казакамъ грамота съ дворяниномъ Михайлою Засѣцкимъ, коею государь убѣждалъ казаковъ, чтобы они добровольно бросили Азовъ и пошли бы жить на прежніе свои юрты:

«сего требуетъ польза отечества—писалъ государь—и послушаніе ваше будетъ новымъ доводомъ вашей вѣрной службы ко мнѣ».

Засѣдкій прибылъ въ Азовъ въ первыхъ числахъ мая предъявилъ казакамъ царскую грамоту; спросилъ войско отъ имени государя о здоровьѣ, и говорилъ рѣчь по наказу. Выслушавъ царскую волю, казаки безпрекословно исполнили оную, и въ присутствіи государева дворянина вывели, изъ Азова церковную утварь, всю артиллерію, имущество свое и сами всѣ вышли на Махинъ островъ⁽²⁶⁸⁾.

⁽²⁶⁸⁾ Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи,—выписано изъ рукописи, хранящейся въ Библіотекѣ Графа Ф. А. Толстаго подъ № 358.

Архивный сборникъ грамотъ, см. грамоту на Донъ 1642 г. апрѣля 30 дни.

..... Въ нынѣшнемъ въ 150 году октября въ 9 день писали естя къ намъ съ атаманомъ съ Наумомъ Васильевымъ съ товарищи, что вы атаманъ и казаки отъ бусурманскаго нашествія отсидѣлись въ четвертомъ земляномъ городѣ и въ земляныхъ избахъ, и съ тѣмъ прислали Васильева съ товарищи двадцати шести человекъ, чтобъ намъ великому государю городъ Азовъ у васъ велѣти принять и послать воеводу и ратныхъ людей для приходу воинскихъ турецкихъ и крымскихъ людей, и вамъ атаманомъ и казакомъ Азова города держать не кѣмъ; а только приняти не велимъ и вамъ его покинуть и идти по старымъ своимъ куренямъ. И мы великій государь посылали къ вамъ атаманомъ и казакомъ и ко всему Донскому войску съ нашимъ государскимъ жалованьемъ и съ милостивымъ словомъ дворянина нашего Афонасія Желубяжскаго да подьячего Орефу Башмакова и велѣли есмь имъ города Азова досмотрѣти, и по ихъ досмотру городъ Азовъ отъ турецкихъ и отъ крымскихъ людей разбить и разоренъ весь до основанія, а вскорѣ того города подѣлати некоторыми мѣрами нельзя, отъ приходу воинскихъ людей сидѣти не въ чемъ. Да вы жъ атаманъ и казаки прислали къ намъ атамана Абакума Сафонова да ясаула Романа Родіонова съ товарищи 17 человекъ, а съ ними къ намъ великому государю писали о томъ же, что вамъ города Азова держати не кѣмъ и чтобъ намъ велѣти городъ Азовъ принять и воеводу и ратныхъ людей послати, а вы учнете жити по прежнимъ своимъ мѣстамъ. И нынѣ намъ великому государю вѣдомо учинилось подлинно, что у Ибрагимъ салтана изготовлены подъ Азовъ турецкіе и крымскіе и иныхъ государствъ многіе ратные люди, большіе прежняго, и идутъ подъ Азовъ моремъ и сухимъ путемъ вскорѣ; а осада Азовъ, хотять идти во-

Такъ кончилось пятилѣтнее обладаніе казаками Азова:

евать наши украинные города. И нынѣ намъ города Азова принять и воеводъ и ратныхъ людей послать не къ дѣлу и бити имъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ немочно, а велѣли есмя бити у бояръ нашихъ атаманомъ Науму Васильеву да Абакуму Сафонову съ товарищи, и.....тѣ турскіе и крымскіе вѣсти: и желѣи мы великій государь о васъ атоманѣхъ и козацѣхъ и о всѣхъ православныхъ христіанехъ, чтобъ кровь христіанскую унять, городъ Азовъ велѣли покинути, и изъ него вамъ вытти на старыя мѣста свои, въ которыхъ мѣстахъ прежь сего жили, чтобъ васъ невѣрные бусурманы, пришедши не побили. А мы великій государь и впередъ учнемъ васъ атамановъ и казаковъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ по прежнему, какъ учнете жити на прежнихъ своихъ мѣстахъ. И атаманы Наумъ Васильевъ, да Абакумъ Сафоновъ съ товарищи, бодромъ нашимъ сказали, что вы, Донское войско, нашего государскаго повелѣнья во всемъ слушати ради и изъ Азова выйдете сейчасъ какъ наше царское повелѣніе къ вамъ о томъ придетъ и учнете жити на старыхъ своихъ куреняхъ по прежнему, и для скорыя вѣсти отпустить они къ вамъ товарищевъ своихъ степью чрезъ Волюйку, чтобъ къ вамъ турскіе и крымскіе люди безвѣстно не пришли и дурна надъ вами не учинили. И по нашему указу Донскіе казаки Ясаулъ Романъ Родіоновъ съ товарищи пятнадцать человекъ къ вамъ на Донъ отпущены, а велѣно имъ для поспѣшенья ѣхати чрезъ Волюйску степью наскоро; а дано имъ нашего жалованья на лошади по тридцати лошадей человекъ, чтобъ у нихъ было по двѣ лошади добрыхъ. А съ сею нашею царскою грамотою посланъ къ вамъ съ книжкою вмѣстѣ дворянинъ нашъ Михайло Засѣдкой. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выѣ атаманы и казаки и все Донское войско по сему нашему указу городъ Азовъ покинули, а вышли-бѣ есте жити по старымъ своимъ мѣстамъ, чтобъ васъ бусурманы привидши не побили и нашихъ украинскихъ мѣстъ не повоевали. А мы великій государь васъ атамановъ и казаковъ учнемъ жаловати нашимъ царскимъ жалованьемъ по прежнему какъ учнете жити на прежнихъ своихъ мѣстахъ и наше денежное жалованье и запасы хлѣбныя и пунечныя учнемъ къ вамъ посылати и нужи вамъ ни въ чемъ не будетъ. А только вы атаманы и казаки и все Донское войско нашего государскаго повелѣнья не послушаете, изъ Азова до приходу турскихъ и крымскихъ воискихъ людей нынѣ скорѣ не выйдете и которое надъ вами учинится кровопролитіе, и то вамъ будетъ самимъ отъ себя, и нашего государскаго жалованья и запасовъ никакихъ къ вамъ въ Азовъ не пошлютъ потому, что вамъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ пробыти отъ такихъ многихъ турскихъ и крымскихъ воискихъ людей немочно. да какъ вы изъ города Азо-

Оно истребило двѣ трети ихъ населенія, но покрыло вѣч-
ва на старне свои мѣста выйдете, и выбѣ о томъ тотчасъ отпи-
сали къ намъ къ Москвѣ съ Михайломъ Засѣцкимъ и проводи-
ти его велѣли“.

Грамота на Донъ 24 Июля 1642 года.

„И какъ Михайло Засѣцкой повѣхалъ съ Волуйки на Донъ, и на Сѣверномъ Донцѣ ихъ черкасы погромили и побили, и нашу грамоту, которая послана къ вамъ и нашъ наказъ, каковъ ему данъ, взяли, и онъ Михайло съ досталькими казаками къ вамъ на Донъ ушолъ, и пріѣхавъ къ намъ къ Москвѣ съ Дону, сказа-
лъ, что онъ Михайло пріѣхавъ къ вамъ, нашъ государской указъ, что къ вамъ писано было въ нашей грамотѣ, вамъ атаманомъ и казакомъ и всему войску въ Азовѣ сказалъ, и вы по нашему государскому указу повелѣнныя наше совершили, городъ Азовъ покинули и вышли изъ него при немъ Михайлѣ; да выжъ съ Михайломъ Засѣцкимъ прислали къ намъ станичниковъ своихъ: атамана Степана Иванова, да ясаула Герасима Иванова съ отпискою; а въ отпискѣ своей писали вы къ намъ тожъ, что и Михайло сказывалъ, что вы атаманы и казаки по нашему указу городъ Азовъ покинули и наше царское повелѣнныя совершили и учали жить на *Махинъ острову*. И мы великій государь янасъ атамановъ и казаконъ и все Донское войско жалуюемъ похололемъ, и хотимъ васъ держати въ нашемъ царскомъ жалованьѣ по прежнему и смотри по вашей службѣ, и станичниковъ вашихъ Донскихъ атамановъ Наума Васильева да Абукума Софопова да Степана Иванова да ясаула Герасима Иванова съ товарищи пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить на Воронежъ, а съ Воронежа къ вамъ на Донъ, и съ нашимъ царскимъ жалованьемъ послали есмя къ вамъ дворянина нашего Дениса Тургенева, а послано, къ вамъ нашего царскаго жалованья: двѣсти поставовъ суконъ настрафлю двѣ тысячи рублевъ денегъ, да сверхъ того тебѣ атамана Осипа Петрова пожаловали есмя, велѣли къ тебѣ послати нашего царскаго жалованья сукно лундышъ да камку добрую. Да къ вамъ же велѣли послати съ Воронежа нашего царскаго жалованья хлѣбныхъ всякихъ запасовъ двѣ тысячи пятьсотъ четв., да двести ведръ вина, да къ вамъ же велѣли послати съ Тулы двѣсти пятьдесятъ пудъ зелья ручного, да 50 пудъ зелья пушечнаго, триста пудъ сви-
цу; а послано то все наше царское жалованье съ дворяниномъ нашимъ съ Девпсомъ Тургенивымъ, да съ атаманы Донскими съ Наумомъ Васильевымъ да съ Степаномъ Ивановымъ и съ ясауломъ и съ казаки. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбѣ атаманы и казаки намъ великому государю служили и ярили и во всемъ добра хотѣли въ правду безо всякіе хитрости, и пословъ нашихъ и посланниковъ и турскихъ посланниковъ, кото-

НОЮ СЛОВОЮ.

17
рне нынѣ будутъ изъ Царя города пропущали безо всякаго задержанья, п ссоры нивакіе нечинили, п съ турскими людьми, которые нынѣ въ Азовѣ будутъ, помирился п жили съ ними смирно, задоровъ нивакіихъ нечинили п на море не ходили, п судовъ не громяли, п селъ п мѣстъ турскаго не воевали. А какъ наши послы или съ ними турецкіе послы или посланники учнутъ приходить, п выбѣ ихъ принимали честно, п съ Дону ихъ отпускали по прежнему не задержавъ тотчасъ, п суды имъ п провожатыхъ давали какъ бы имъ пройти безстрашно. А мы великій государь учнемъ васъ п впредь жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ смотря по вашей службѣ; а дворянина нашего Делпса Тургенева отпустили есте къ намъ къ Москвѣ безъ мотчанья п проводить его велѣли до конхъ мѣстъ пригоже, чтобъ ему прїѣхать здорово. А что у васъ будетъ впередъ какихъ вѣстей, п выбѣ о тѣхъ вѣстехъ къ намъ писали, провѣдавъ подлинно, съ легкими станицами, чтобъ намъ о всемъ, что у васъ учнетъ дѣлаться, про всякіе вѣсти подлинно было вѣдомо. Писанъ на Москвѣ лѣта 7150 Іюля 21 день.

Дѣла Донскія. Докладъ государю царю Михаилу Ѳедоровичу объ Азовѣ, въ Мартѣ 1642 года.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА

ИСТОРИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Предисловіе.
Вступленіе.

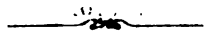
Стран.

Періодъ I. Отъ появленія казаковъ на берегахъ Дона до воцаренія въ Россіи Михаила Ѳеодоровича, въ теченіи 70 лѣтъ.

Глава I. Общій взглядъ на состояніе Россіи въ первой половинѣ XVI столѣтія.—Описаніе страны, именуемой въ лѣтописяхъ <i>Полемъ</i> .—Жалобы двора московскаго царю крымскому и турецкому султану на разбои, производимые въ Полѣ.—Знаменованіе слова <i>казакъ</i> . Разныя наименованія казаковъ.—Первыя упоминанія о Донскихъ казакахъ, явившихся на Дону	1.
Глава II. Подробности о происхожденіи Донскихъ казаковъ и о первоначальной ихъ жизни, и дѣйствіи ихъ 1549—1579 г.	12.
Глава III. Разбои казаковъ по Волгѣ и покореніе ими Сибири 1553—1584 г.	28.
Глава IV. О происхожденіи Уральскихъ и Терскихъ казаковъ, и дѣйствіи Донскихъ казаковъ 1584—1594 г.	52.
Глава V. 1598—1612 г.	90.
Глава VI. Раздѣленіе казаковъ на верховыхъ и низовыхъ.—Жилища ихъ.—Юрты.—Цравленіе.—Военное устройство.—Нравственность казаковъ	100.

Періодъ II. Отъ вступленія на Россійскій престолъ Михаила Феодоровича до совершеннаго подданства казаковъ Россіи, или до возвращенія туркамъ Азова.

Глава VII. 1612—1620 г.	107.
Глава VIII. 1621—1630 г.	155.
Глава IX. 1630—1636 г.	219.
Глава X. 1637—1642 г.	263.

ОПЕЧАТКИ.

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
3 41	нелзя.	нелзѣ.
4 16	керманѣ и	керманѣ или
6 9	призываемы	признаваемы
— 14	Украинскихъ	украинныхъ
8 24, 25	становъ	этаповъ
10 10	Боршовичу	Борисовичу
— 12	вамъ....	вамъ, пбо
— 21	Елифанъ, Сапожковъ,	Епифанъ, Ефремовъ, Сапожковъ,
— 22	Чернявскъ,	Черновскъ,
11 7	похочемъ	похочешъ
12 26	скихъ, а наиболѣ украин-	скихъ и наиболѣе украин-
	скихъ	ныхъ
13 18	украинскихъ	украинныхъ
— 24	кочевую	кочевную
14 1	князь Ногайскій	князья ногайскіе
— 15	восока,	выска,
21 20	1556 г.	1565 г.
23 1	разъѣзды,	разъѣзды
— 28	язь де	язь дей
— —	и пришла де	, и пришла дей
— 29	зажгли де	зажгли дей
— 30	а двory де	и двory дей
— 31	и говорятъ де,	а говорятъ дей
— 37	всѣя	всѣя
— —	Русіи	Руси
— —	къ Донскимъ	Донскимъ
— 38	манамъ и казагамъ послали	маномъ и казакомъ. Послали
— 39	товарищи	товарыщи
24 6.	и Россіи;	Россіи;
— 8	Крымомъ Россією;	Крымомъ и Россією;
— 26	послужите и съ Микитомъ	послужите, съ Микитомъ
— 27	Писано въ Москвѣ	Писанъ на Москвѣ лѣта
— 36	молилъ;	молилъ (молилъ);
25 29	того	того:
26 28	лаховцы,	лахонцы,
— 29	Каряновцы....	каряковцы....
— 29, 30	Метюжане,	мстюжане,
— —	Толмичи,	тотмичи,
17 1	отъ Баторія,	во власти Баторія,
— 10	Ливанской.	Ливонской.

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
27 17	воеводу	воеводѣ
28 8	остававшись	оставшись
29 —	мирзѣ	мурзѣ
30 16	Лачикову,	Лачинову,
— 44	Арзамаскія,	Арзамаскія,
— —	и Курмыринскія,	и Курмышскія,
32 16	Тайбучина	Тайбугина
— 27	Ибана и Ма-абуна,	Ибака и Ма-абука,
— 28	и онѣ	онѣ
— 34	части государственныхъ	части Собр. государственныхъ
33 7	и Угріи.	и Югоріи.
34 34	лнс. 8	лист. 79.
35 35	описаніе	Исторія
37 2	проводить	приводить
— 17	къ нимъ 5 апрѣля 1579 г.;	къ нимъ. 5 апрѣля 1579 г.
— 23	описаніе	писаніе
38 8	<i>брашномъ</i>	<i>брашномъ</i>
— 30	вождей	дали вожей
39 8	городоужъ	городъ
— 10	Журавлю,	Жеравлю,
— 21	Конкора,	Канкора,
40 4	ванья, безъ нашего указа,	ванья; безъ нашего указа
— 30	Таузана,	Таузакъ,
41 1	Таузанъ	Таузакъ
43 13	кращали	кричали
46 34	меспстая	мшистая
47 32	городахъ	острожкахъ
58 31	молвятъ:	молыль:
— 32	воровами	воровали
59 21	а у меня	а у меня де
62 34	что живутъ	что казаки живутъ
— 37	ставится	ставаптся
63 36	надо де	надо бе
64 33	лушихъ	лучихъ
68 1	за нѣсколько	за нѣсколько предъ симъ
69 13	кращцевъ	кримцевъ
70 32	казаками,	казаки,
72 27	а ссору	и ссору
— 33	турсковъ	турскова
— 38	турскову чеуши	турскова чеушу
— 41	Григорій Волконскій	Григорей Волконской
— 49	Конинскому	Конинскому
— 52	ляти	ляли

Стр.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
74	35	въ Астрахани въ крѣпости	въ Асторохани въ крѣпости;
75	29	дасть	даешь
77	20	укрыины	украины
—	26	по крымской	по крымской
—	—	къ Раздорымъ	къ Раздорамъ
78	1	Али и Али	Али и Аги
—	40	и будто	и будто ся
81	21	и отдадамъ.	и отдадимъ.
82	43	а что де вамъ	а что де въ намъ
83	1	17/т.	14/т.
85	24	есмя	естья
87	32	Турецъ.	Турецк., кн. № 3,
89	25	и крымскіе	и крымскіе
92	2	чистолюбія,	честолюбія,
—	11	на Дону.	на Дону. Отправленіе въ Польшу казачьихъ пословъ. Послы сіи, а потомъ и все Войско Донское принима- ють сторону самозванца.
94	18	Новгорода	Новгорода
95	7	500	5000
101	11	число	часто
105	3	по окры-	по откры-
107	27	или	и
109	1	саницею,	станцею,
—	14	за царя	за царя, отечество и пра- вославную вѣру,
110	16,18, 24,29, 32.	} Россіи	Русіи
112	16	жигимонта	Жигимонта
114	2	Отъ второй строки	114 стр. слѣдуетъ читать .2-ю
115	2	строк. 115 стр. и потомъ—	1-ю.
114	12	Россіи	Русіи
—	24	Астрахани	Асторохани
—	40	царскою	царскую
—	43	государемъ, а изъ Астра- хани,	государемъ. А изъ Асторо- хани,
115	6	не оставили,	не отставали,
116	8	Россіи	Русіи
—	11	насъ,	нось,
117	5	есьями	есьями нынѣ
—	26	юртамъ,	юртомъ,
—	29	то	ты

Строк.	Стран.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
117	38	быти.	были.
118	14	Россiя	Русiя
—	28	лежитъ	лежитъ
—	29	два	два
—	31	удѣ	подѣ
—	32	ебити,	бити,
—	33	му	ему
122	29	прибудуть	придутъ
125	39	Россiя,	Русiя,
128	10	султану	салтану
—	13	Россiя	Русiя
—	40	молчанья	молчанья
129	26	къ намъ	къ вамъ
131	16	Россiя	Русiя
134	29	Россiя	Русiя
135	13	проводили,	провожали,
—	40	и инымъ	и инымъ вашимъ
136	28	вашимъ	и вашимъ
137	18	1625 г.	1616 г.
140	5	православную	православную христіанскую
145	23, 25	Россiя	Русiя
151	19	Россiя,	Русiя,
152	34	Россiя,	Русiя,
153	8	по десяти	по девяти
—	13	Россiя,	Русiя,
156	37	Малыгинъ,	Шалыгинъ,
158	22	Послѣ слова: на Донъ, слѣдуетъ читать на стран. 160 строк. 1-ю.	
159	8	Послѣ 8-й строки, слѣдуетъ читать на стран. 160 строк. 2-ю.	
—	13	указу и	указу и ни
—	16	и не одинъ да	и не одинъ. Да
—	17	товарищами	товарищи
—	18	изъ запрогъ	изъ Запорогъ, }
—	33	отъ насъ,	отъ васъ,
160	9, 10	повѣривши	повѣрили
161	10	Агусъ	Агу
—	31	и да его	и до его
—	35	съ пяти	въ пяти
162	15	разоренiя	разоренiя ими
—	17	въ городахъ	въ городахъ
—	32	Булукамъ	Булыкмы
163	35	казаковъ,	каравановъ,
164	32	положили	положили

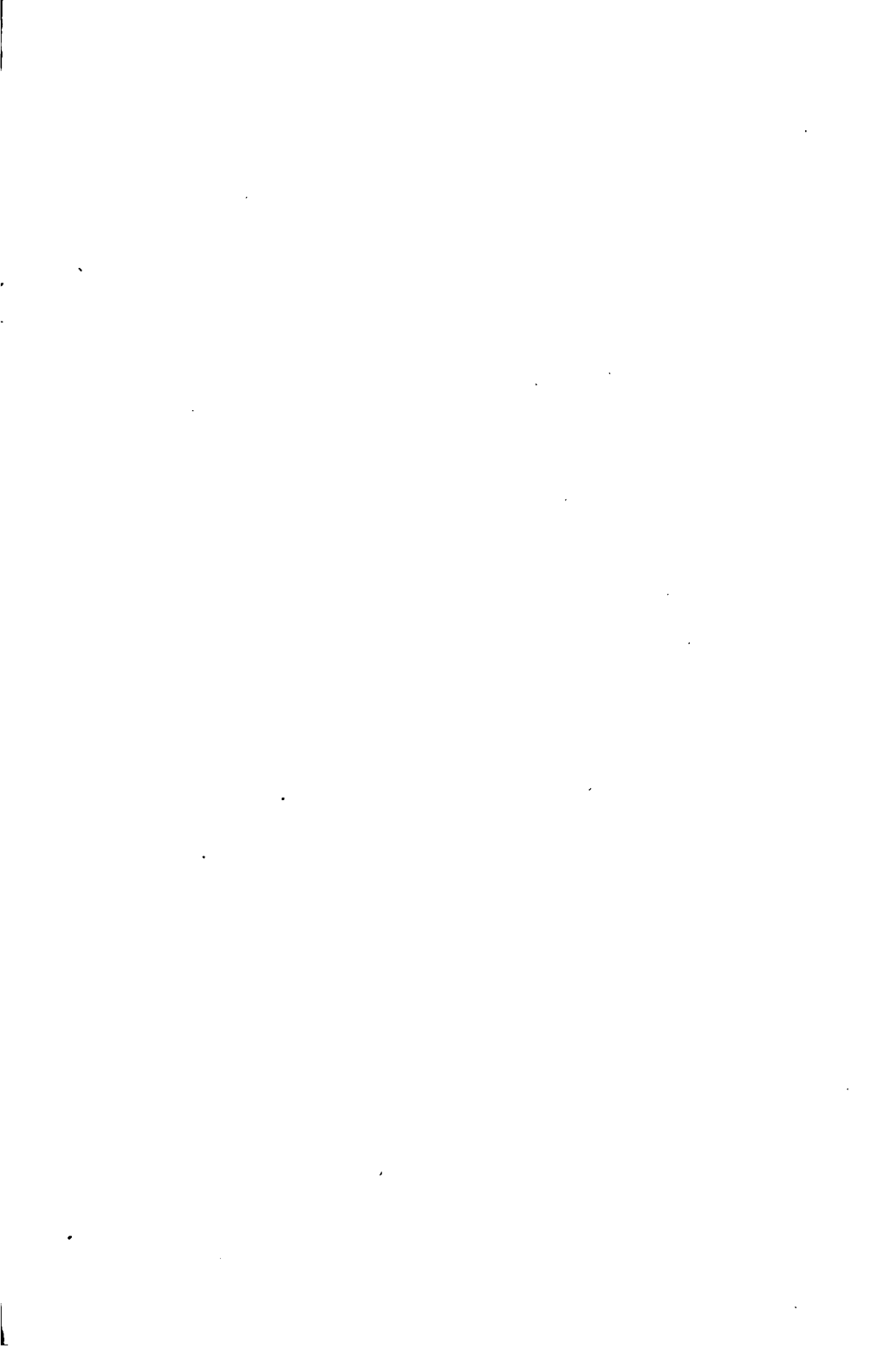
Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
165 15	переговори	переговори
166 25	съ 800	съ 800 пришли съ моря въ Монастырскій городокъ и того жъ,
167 18	рухляди. Сафьяновъ,	рухляди, сафьяновъ,
— 26	по 15 число.	по 5 число
— 31	говорили:	говорили
168 6	произошло	произошла
— 14	Какъ	Когда
— 21	на окупѣ	на окупѣ
— 25	стругахъ	стругѣхъ
— 37	и на нашихъ	и на нихъ
— 40	слѣдующее	предъидущее
169 16	на себѣ	на себя
— 17	биды	обиды
171 21	мщенію	мщенія
— 35	всемъ	въ селѣ
— 36	желецкіе	жилецкіе
172 19	Россіи	Русіи
— 22	ихъ	имъ
— 26	къ нимъ	къ намъ
— 29	дурна	дурна
173 12	въ дворѣ	въ дворѣ
— 18	(*)	(* выноска) Комага—вущеческое мореходное судно.
— 33	тамошняго	Таманскаго
174 9	Видей,	Бидей,
— 14, 15	ворвалась	ворвалась къ нимъ
175 21	ушли	жили
182 32	въ уртехъ	въ уртехъ
— 40	прошли,	пролили,
184 16, 17	и татаровъ	и татарова
186 2	Каляѣ	калгѣ
— 7	привезенною	привезенную
187 28	и Ангазы де	и Ангазы де ага
— --	мусаферъ Ага	Мусаферъ-ага
— —	сердѣца,	сердѣту,
— 36	Прочинцева	Прончицева
188 18	скову	свово
— 35	говорять	говорять хотя
190 2	уже	еще
— —	города.	города
191 35	въ Калгу,	въ Калу,

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
192 12	Чуфуть-кале	Калу (Чуфуть-кале)
— 22	Шагимъ—	Шагинъ—
— 33	холопъ	холопъ вашъ
193 29	Россiи,	Русiи,
— 38	астороханъ	Астороханъ
194 3	подъ азовъ,	подъ Азовъ,
— 15	и къ москвѣ	и къ Москвѣ
— 25	Россiи,	Русiи,
— 26	войско	войско:
195 2	въ крыму	въ Крыму
— 13	года отъ	года. Отъ
— 14	Россiи,	Русiи,
— 28	рѣчи:	рѣчи;
196 16	Бориси,	Борисѣ,
— 33	не желѣтъ,	не ежелѣтъ,
197 21	и тѣмъ	и тѣхъ
— 35	пожалованъ	пожаловавъ
— 41	отпустите	отпнишите
198 4	и разорили	и разрушили
— 9	не ослушаете,	не слушаете,
— 11	къ намъ	къ нимъ
— 15, 16	не слушались,	слушались,
— 44	Въ прошлое	Въ прошломъ
199 38	а тѣхъ де,	и тѣхъ де,
200 2	цареву,	цареву,
— 22	ру и	ру,
— 29	Би-Арасланъ	Би-Арысланъ
201 35	и вамъ	и вамъ бы
203 8	прислали	прислали, государь,
204 36	писали	имали
205 4	жишъ	жешъ,
— —	желавшъ	желаешъ
— 25	сцѣна	сцѣпка
207 6	отпуски,	отписки,
— 17	и крымскаго	и отъ крымскаго
208 33	(137)	(138)
210 8	въ Азовъ, и какъ	въ Азовъ. И какъ
211 26	Русскіе	Русскіе люди
— 36	и любя	и не любя
— 42	отказалъ,	отказали,
212 4	Гирѣй	Гирей
— 5	ни даль,	не даль,
— 14	казаки	казаки принли

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
213 22, 23	Мамкулъ, тоже: на стран. 214 стр. 26—Мамгутъ, стран. 227 стр. 28—Мангутъ, стран. 228 стр. 34 и 38—Манчупъ, вѣроятно по опискѣ въ рукописи такъ называется « <i>Манчупъ</i> ».	
214 25	отпуски	отписки
— 38	7637	7137
215 29	на море	по морю
— 30	монастыня	монастыря
222 24	любимая	любимая
224 18	кззу	казу
— 34	то	того
225 7	прекратить	на время прекратить
226 33	и бузы	и бусы
— 38	Тврка	Терка
228 9	города,	городка,
— 16	къ Козлову,	къ Козлеву,
— 19	запершись	заперлись
— 22	пристали	приставъ
— 26	Маметку	Маметшу
229 10	ърымскихъ	крымскихъ
— 28	царягорода	Царягорода
230 18	урта	юрта
— 36	приходили	приходите
234 13	прося,	проса,
236 28	или	шли
— 38	1633	7141
237 2	россиа,	Россиа,
— 13	и мать сына	и мать, сына
239 7	съ стрѣльцы:	съ стрѣльцы,
— 13	скмамъ	сакмамъ
— 29	привлали	привхали
— 30	Василій	Василей
— 35	нашу	на нашу
— 38	Колоднич	Колоднича
— 39	всходъ	въ сходъ
240 1	на страфилю	настрафилю
— 8	атаманомъ и казакомъ,	атамановъ и казаковъ,
— 11	и на ченбашскихъ	и на челбашскихъ
— 20	Якмаметь	Янмаметь
— 41	и животныхъ	и живыхъ
— 42	и русскою	и русского
241 4	салтана	султана
— 35	отошлите;	отошлете;
— 41	и передъ	и впередъ

Стран. Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
242 9	на Волгу и	на Волгу, а
— 20	руб. сереб.	руб.
— 21	на страфилю	настрафилю
— 23	толохны,	толокна,
— 36	и издобились	и издобились
248 7	изъ усусовъ	изъ улусовъ
249 8	60 челов. татаръ	70 челов. татаръ.
251 23	тараръ	татаръ
252 35	дуванить	дуванить хотять
254 7	не дождаяся	не дождавси
— 10	стоять	стоять на Азовскомъ море
255 8	Ермаметъ	Енмаметъ
— 36	прикажите	прикочуете
257 16	въ улясахъ	въ улусахъ
— 26	Нигаискія, въ столбцу.	Ногайскія, въ столбц.
261 34	пошли до	пошли де
262 26	Бекъ	Бекъ
264 20	нашу	нашу государскую
— 30	Донскихъ	Донскихъ атамановъ
266 26	прокрасться	прокрасться въ Азовъ
267 8	коцѣ	концѣ
271 3, 4	Степана	Потана
275 9	6 лѣтъ	5 лѣтъ
288 17	сейчасъ	тотчасъ

ЦѢНА ОДИНЪ РУБ.

ПРОДАЕТСЯ:

Въ Канцеляріи Войсковаго Статистическаго Комитета и въ Типографіи газеты «Донской Вѣстникъ».

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

З Е М Л И

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Печат. въ Обл. В. Д. Типографіи.

НОВОЧЕРКАСКЪ.

1872.

Дозволено цензурою.

ГЛАВА XI.

Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ.—Царь подкрѣпляетъ казаковъ наборомъ вольницы въ украинныхъ городахъ.—Казакамъ велѣно воевать Крымъ въ соединеніи съ княземъ Пожарскимъ.—Война съ азовцами.—Разореніе улусовъ, кочовавшихъ по Къ.—Бой съ Нурадыномъ подъ Черкасскимъ городкомъ.—Разбитіе Нурадына на Кагальникѣ.—Похвальная грамота казакамъ и жалованное знамя.—Побѣгъ съ Дону повобранныхъ вольныхъ людей.—Набѣги казаковъ на приморскія области Тавриды.—Приступъ Азовцевъ подъ Черкасскій городокъ.—Казаки получаютъ всемогуществованіе.—Политика Московскаго Двора въ переговорахъ съ Турками и Крымомъ.—Набѣги казаковъ на приморскіе берега Тавриды.—Намѣреніе Крымскаго хана идти войною на казаковъ въ соединеніи съ Запорожцами.—Сынъ Хмѣльницкаго Тимофѣй съ 5,000 человекъ пришелъ къ Міусу.—Походъ Донскихъ казаковъ на Черное море.—Разореніе турецкихъ областей и предмѣстія Цареграда.—Намѣреніе турокъ и крымцевъ соединенными силами идти на казаковъ.—Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ о казакахъ.—Новый набѣгъ казаковъ на Тавриду и на турецкія области.—Казаки разоряютъ городъ Тамань и опустошаютъ многія селенія.—Неудачный приступъ казаковъ къ Азову.—Переговоры Россійскаго Двора съ Крымомъ о казакахъ.—Опустошеніе крымскихъ и анатолійскихъ береговъ.

Посольскія сношенія Московскаго Двора съ Крымомъ. Послѣ возвращенія Туркамъ Азова были отправлены въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1643 г. изъ Москвы къ крымскому хану посланники: Григорій Нероновъ и подъячій Никита Головинъ, для мирныхъ переговоровъ и увѣреній въ добромъ согласіи. Отъ двора ханскаго объявлены были имъ жалобы на казаковъ. И между прочимъ представлено, что султанъ турецкій, желая уничтожить всѣ покушенія казаковъ на турецкія владѣнія и на Крымъ, приказалъ разорить казачій *Монастырскій городокъ*; но что Государь Россійскій велѣлъ казакамъ возобновить этотъ городокъ и укрѣпить его попрежнему; приказалъ послать къ нимъ на помощь русскія войска и калмыковъ, для нападенія на Азовъ, и большое количество провіанта, пороха и оружія; что все это противурѣчитъ обыкновеннымъ увѣреніемъ Государя Россійскаго будто

онъ Донскимъ казакамъ никакого вспомошествованія не дѣлаетъ.—Посланники увѣряли татаръ, что Россійскій Государь въ судьбѣ Донскихъ казаковъ никакого участія не принимаетъ, вспомошествованія не дѣлать, калмыковъ на Донъ не призываетъ, да и быть этого не можетъ, потому что калмыки Россійскому Государю не принадлежатъ; и если казаки возобновляютъ свой Монастырскій городокъ, то, безъ сомнѣнія, не по повелѣнiю царскому, а сами собою и вѣроятно потому, что тотъ городокъ издревлѣ принадлежалъ имъ. Впрочемъ, если бы и дѣйствительно казаки послали просить Россійскаго Государя о вспомошествованіи деньгами, войскомъ и съѣстными припасами, то навѣрное просьба ихъ уважена не будетъ.

Невѣря этому, татары не переставали упрекать посланниковъ, что казаки по повелѣнiю Россійскаго Государя задержали у себя турецкихъ пословъ, отправленныхъ изъ Константинополя съ Россійскимъ посломъ княземъ Ильею Милославскимъ; говорили, что за всѣ непріятныя дѣйствія Россійскаго Государя противу татаръ, турецкій султанъ приказалъ крымскому хану послать сильное войско на російскія укранны. Посланники, напротивъ, дѣлали сильныя увѣренія, что если турецкіе послы и задержаны у казаковъ, то, вѣроятно, по неудобству зимняго времени, въ которое нѣтъ возможности пройти съ Дону до Москвы попричинѣ пустыхъ мѣстъ. Но Магметъ-Гирей не удовлетворился словами: онъ приказалъ посланниковъ запереть въ жидовскій городъ, гдѣ они принуждены были сносить терпѣливо различныя огорченія отъ татаръ; а самъ пошелъ въ походъ на русскую украину.

Въ Москву прислалъ онъ гонцовъ своихъ съ требованіемъ отпуска турецкому послу, задержанному казаками въ ихъ городѣ Раздорахъ. Но въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ 1644 г. Магметъ-Гирей отрѣшенъ былъ отъ ханства и принужденъ изъ похода возвратиться обратно въ Крымъ, а на мѣсто его возведенъ Исламъ-Гирей (269). Россійскій Государь отпра-

(269) Дѣла Крымскія № 15, статейный списокъ посланниковъ Григорія Неронова и подъячаго Никиты Головинна, бывшихъ въ Крыму, 1643 и 1644 годовъ.

вилъ къ новому хану пословъ Тимофѣя Караулова и подъячаго Грязнова Акишева съ поздравленіемъ о вступленіи его на Крымскій престолъ и съ выговоромъ за сдѣланное татарами вторженіе въ Россійскую границу. Посламъ велѣно было снова увѣрять крымскаго хана, что турецкіе послы были задержаны на Дону за невозможностію продолжать имъ путь къ Москвѣ, попричинѣ наступившей зимы, а не самовольно казаками, и что казакамъ за зимнее содержаніе пословъ отправлено жалованье, состоящее въ деньгахъ и хлѣбѣ.

Набѣгъ Крымцевъ на Россійскіе предѣлы и осада Черкаскаго городка. Между тѣмъ татары, подъ предводительствомъ новаго хана Исламъ-Гирея, ворвались большими силами въ Россійскіе предѣлы, разграбили окрестности Путивля, Рылска и другіе уѣзды, плѣнили множество народа и возвратились въ Крымъ безъ всякаго препятствія. Донскіе казаки въ это время были заперты въ Черкасскомъ городкѣ азовцами и ногайскими татарами. Враждебные сосѣди эти расположились аулами около Черкаска и всю зиму 1645 г., до вскрытія весны, держали казаковъ въ осадѣ, приступая къ городку повременамъ большими силами: „мы цѣлую зиму, писали казаки къ Государю, будучи оставлены всѣми, сидѣли въ Черкасскомъ городкѣ окруженные ногайцами, темрюцкими черкесами и крымскими татарами; намъ нельзя было выйти изъ городка ни за рыбою, ни за дровами; въ сей крайности многіе изъ насъ померли отъ голоду и стужи“ (270). Весною 1646 г. толпы татаръ откочевали отъ Черкаскаго.

(270) Дѣла Донскія, отписка Войска Донскаго, полученная въ Москвѣ 10 мая 1646 г. съ атаманомъ Иваномъ Каторжникомъ.

„А нынешню де весною, марта въ 4 день, отпущены онѣ (Россійскіе посланники Теленевъ и Кузовлевъ) изъ Кафы во Царь-городъ кораблемъ, а азовскій де, государь, Мустафа-бей со всѣми азовскими городовыми и съ черкасы темрюцкими и съ ногайскими воинскими людьми хотятъ идти къ намъ на приступъ, вскорѣ, подъ Черкасской городокъ большимъ собраньемъ—конные берегомъ, а судовые рѣкою Дономъ, и мы, государь, тово ихъ большаго приходу ожидаемъ къ себѣ вскорѣ, а помощи, государь, и заступленія, мы, oprичъ Спаса и Пречистыя Богородицы и тебя праведнаго Великаго Государя, ни отъ кого себѣ

Царь подтверждаетъ казаковъ наборомъ вольницы въ украинскихъ городахъ. Между тѣмъ еще въ 1645 г. Донскіе казаки получили свѣдѣніе о приготовленіи крымскихъ татаръ къ походу на ихъ городки, подъ предводительствомъ самаго крымскаго хана, имѣвшаго намѣреніе совершенно истребить казаковъ. Донцы послали въ Москву станицу съ просьбою о вспоможеніи, какъ деньгами, провіантомъ и порохомъ, такъ и людьми. Россійскій Государь, желая отмстить крымцамъ за разореніе украины, а между тѣмъ подтвердить казаковъ, приказалъ дворянину Ждану Кондыреву набрать на Воронежѣ и по другимъ украиннымъ городамъ вольныхъ людей *три тысячи* человекъ и подъ своимъ начальствомъ привести ихъ въ Черкаской городокъ; изъ Астрахани же велѣлъ послать астраханскихъ и другихъ татаръ, Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ и другихъ народовъ, подвластныхъ Россіи, подъ начальствомъ князя Семена Пожарскаго; сверхъ сего, по веснѣ 1646 г. рѣкою Дономъ съ Воронежа послано казакамъ жалованье: деньги, хлѣбъ, вино, порохъ, свинець и проч. въ такомъ количествѣ, какого напредъ этого никогда не было посылаемо (271).

Всѣ эти войска прибыли къ Черкасскому весной 1646 г., именно: Жданъ Кондыревъ съ 3,037 человекъ и Пестръ Красниковъ съ 1,050 чел., а князь Пожарскій съ астрахан-

не имѣемъ, а вынѣшнюю, Государь, всю зиму, мы, бѣдные и безпомощные холопи твои, сидѣли въ низовомъ Черкасскомъ городкѣ отъ ногайскихъ улусныхъ людей и отъ черкасъ темрюцкихъ и отъ крымскихъ воинскихъ людей въ осадѣ, выѣзду, государь, и выходу намъ вонъ изъ городка за рыбою и за дровами ни куды отъ нихъ не было, голоду и холоду мы холопи твои отъ нихъ потерѣлись, и многіе, Государь, у насъ люди со стыда да и голодною смертію помиралі; а кочевали, Государь, тѣ ногайскіе улусы во всю зиму въ нижнихъ нашихъ старыхъ юртахъ по Махину и кругомъ нашево Черкассково городка отъ насъ только въ верстѣ, а выныхъ мѣстахъ и меньше версты, и приходи, Государь, и пристуны къ намъ были подъ Черкаской городокъ азовскихъ, и крымскихъ, и черкасъ темрюцкихъ и ногайскихъ улусныхъ людей частне, большимъ собраньемъ и бой и кровопролитіе было у насъ съ ними великое.

(271) Тамъ же, грамота на Донъ 15-го мая 1646 года.

скимъ войскомъ. Они расположились лагеремъ вокругъ Черкасса.

Казакамъ велѣно воевать Крымъ въ соединеніи съ княземъ Пожарскимъ. Итакъ, подвѣрженные казаки готовились нанести новый ударъ врагамъ своимъ. (По указу царскому надлежало сдѣлать нападеніе на Крымъ съ двухъ сторонъ: князь Пожарскій съ астраханскимъ войскомъ и съ казаками долженъ былъ идти сухимъ путемъ къ Перевони, а Кондыревъ съ другою частію казаковъ на судахъ моремъ.

Но въ исполненіи этого повелѣнія казаки встрѣтили затрудненіе: во первыхъ потому, что судовъ способныхъ къ плаванію по Азовскому и Черному морямъ оказалось только 30, а нужно было не менѣе 200, во вторыхъ, знатный корпусъ крымскихъ и другихъ татаръ находился уже въ это время въ походѣ къ Азову, и слѣдственно азовцы съ этимъ подвѣрженіемъ легко могли, по выходѣ казаковъ, нанести ихъ жилищамъ совершенное разореніе. Впрочемъ они приготовили къ походу 30 своихъ судовъ, но никакъ не соглашались взять съ собою Ждана Кондырева по той причинѣ, что онъ, небудучи вовсе знакомъ ни съ образомъ ихъ службы, ни съ мѣстностью края, могъ противиться ихъ предпріятіямъ; притомъ же, какъ писали они въ донесеніи своемъ Государю: „онъ человѣкъ нѣжный, тягости морской и пѣшей службы перенести не можетъ, а намъ и самимъ случаются иногда такія напасти, что другъ друга не взвѣдаемъ“.—Отписавши обо всемъ этомъ Государю, казаки продолжали совѣщанія свои въ войсковыхъ кругахъ: какимъ образомъ открыть военныя дѣйствія (272).

(272) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 31 іюля 1616 года.

„А твоему, Государеву, дворянину Ждану Кондыреву на такую твою государеву великую службу водянымъ путемъ съ нами холопи твои видти ему невозможно, потому, государь, что онъ жить при твоей государственной свѣтлости и человѣкъ нѣжной онъ, а наше, государь, нужи и морскихъ походовъ и пѣшей службы ему будетъ нестерпѣть. Мы, государь, морскіе походы и пристани къ

Война съ азовцами. Большая часть согласна была совокупными силами напасть на Азовъ; но войсковой атаманъ Осипъ Петровъ и старшины этому противились, представляя, что подобное предпріятіе не согласно съ волею царскою, и что посланники російскіе, находившіеся тогда въ Константинополь, могли быть задержаны. Буйная толпа невнимала справедливымъ представленіямъ: съ грубостію и съ угрозами приступили казаки къ войсковому атаману и заставили его вести себя къ Азову; послали къ князю Пожарскому, чтобы онъ со всѣмъ своимъ войскомъ соединился съ ними, но онъ имъ въ томъ отказалъ, ссылаясь на предписаніе, коимъ строго запрещалось ему открывать непріятельскія дѣйствія противъ турковъ.—Находящіеся же подъ его начальствомъ астраханскіе стрѣльцы, узнавъ намѣреніе казаковъ, явно воспротивились князю Пожарскому и въ числѣ 700 человекъ присоединились къ казакамъ: сильныя убѣжденія дворянина Кондырева, коему въ особенности предписано отвращать казаковъ отъ предпріятій ихъ на Азовъ, не имѣли никакого дѣйствія. Въ это же время къ нимъ присоединились Терскіе стрѣльцы, Гребенскіе казаки, черкесы и татары, которые находились подъ начальствомъ князя Черкаскаго. Все это войско было раздѣлено на двѣ части: войсковой атаманъ съ казаками и

кримскімъ городамъ и къ ихъ селамъ всё вѣдаетъ, а я намъ, Государь, бьвають нужи да и хуртины великіи, и струги наши разносятъ по морю, друга друга незавѣдаемъ, да и то намъ, Государь, бывають: хуртиною у насъ многіе струги.... а нине на берегъ вымѣтываетъ и разбиваетъ, и безъ заласу и безъ воды многіе дни бываемъ, а ему, Государь, Ждану такіе великіе нужи и пѣшіе службѣ съ нами будетъ не стерпѣти; а намъ холопамъ твоимъ случитца о тамошнемъ какомъ дѣлѣ и о промыслу ему Ждану говорить, и ему, Государь, будетъ на насъ въ томъ досадовать, и у него, Государь, въ томъ дѣлѣ будетъ ссора и смута и всякимъ нашимъ промысломъ въ твоей Государевѣ службѣ отъ того будетъ поруха, а ему, Государь, морскихъ походовъ и пристаней и тамошнихъ мѣстъ ничто незабычай и не вѣдаетъ, а къ которымъ, Государь, пристанемъ мы холопи твои на море прежь сего приставывали и на кримскія селы на удары хаживали, и мы, Государь, бѣжимъ на-сѣихъ отъ пристани до села день и ночь, а ево, Государь, Ждана въ такую твою Государеву службу нукунъ и пѣшую не будетъ.

съ вольными людьми пошелъ въ Азову стругами, прочіе же казаки съ татарами и стрѣльцами лѣвѣмъ берегомъ Дона; на утреннѣй зарѣ приступили они внезапно къ Азову и взошли было въ земляной городъ, но артиллерією, стоявшею на стенахъ каменнаго города, были совершенно отражены. Не тѣряя отважности, они вздумали вознаградить неудачное предприятие свое противъ Азова другими средствами: съ береговъ Дона усмотрѣли нѣсколько судовъ, стоявшихъ въ заливѣ Азовскаго моря, бросились въ оный, настigli турецкіе корабли и по маломъ сопротивленіи овладѣли ими. Находившіеся на этихъ корабляхъ турки, услышавъ стрѣльбу въ Азовѣ, снова успѣли уйти на малыхъ судахъ въ Крымъ, оставивъ на произволь казаковъ нѣсколь ко татаръ и грековъ.— На этихъ корабляхъ взяли ни 30 пушекъ, пять знаменъ турецкихъ, большое количество и пшеницы, вина нѣсколько другихъ товаровъ; три корабля тамъ же на мѣстѣзатопили, а остальные два привели въ Черкасскъ. Между тѣмъ другая часть войска напала на обопавшихся близъ Азова татаръ, порубила почтивсѣхъ ихъ, взяла въ плѣнъ 32 человекъ и отбила 30 лошадей, 50 Орогатаго скота и 300 овецъ (273).

(273) Дѣла Донскія, отписка Кондырева и Шинкина, привезенная въ Москву іюня 31-го дня 1646 г.

„И іюня жъ, Государь, въ 18 день, Донской атаманъ Осипъ Петровъ съ Донскими казаками и съ вольными ратными людьми въ низъ плавною и конницею Донскіе казаки и князь Семеново полку Пожарскаго астраханскіе и терскіе служилые люди и черкасы горскіе въ походъ пошли, а куда они пошли, того намъ холопамъ твоимъ не сказали, и іюня жъ, Государь, въ 25 день Донской атаманъ Осипъ Петровъ съ Донскими казаками и съ вольными людьми плавною изъ походу пришли и съ собою привезли два карабля, а на нихъ пушекъ мѣднннхъ и желѣзныхъ большихъ и мелкихъ корабленныхъ 36 пушекъ, да пять знаменъ, да всякаго запаса пшеницы и проса, да нитя и корабленные всякіе запасы, нарусъ, и якоря, и канаты и всякіе карабельные заводы; а сказали намъ холопамъ твоимъ Донскіе казаки и вольные люди, что де они ходили на татарскіе улусы, которые кочуютъ подъ Азовомъ, и какъ они пришли подъ Азовъ, и тѣ деурусные люди отъ Азова кочевали, и они де изъ подъ Азова отогнавъ лошадей и всякую животищу и взявъ полону человекъ съ 20 и болши, пошли отъ Азова моремъ, и увидя на море карабли, пошли къ нимъ, а тѣ де карабли стоятъ на якоряхъ, а турецкихъ людей на кораблехъ нѣтъ, только де на нихъ гречанъ человекъ съ 15 и они де тѣхъ гречанъ и карабли съ

Разореніе улусовъ, кочевавшихъ на Эѣ. Здѣсь казаки получили свѣдѣніе отъ плѣнныхъ, что на рѣч. Эѣ кочуетъ ушедшій изъ—подъ Астрахани Шатемиръ мурза Исуповъ съ улусомъ своимъ. Дабы азовцы не могли извѣститъ мурзу о близкомъ нахожденіи російскихъ войскъ, казаки разставили нѣсколько десятковъ человекъ между Азовомъ и этимъ улусомъ. Дали знать о предпріятіи своемъ князю Пожарскому; а сами тотъ же часъ съ княземъ Черкасскимъ погнались за Шатемиромъ. Пожарскій немедленно нимаю переправился Донъ, потянулся въ слѣдъ за передовымъ войскъ мъ и соединился съ нимъ ночью. Въ половинѣ слѣдующаго дня казаки нагнали татаръ, которые, въ числѣ 2/т. телѣтъ, медленно шли къ Ку-

доставными запасы и съ пушки взяли; а про турецкихъ людей тѣ гречане имъ сказали, которые де турецкіе люди были на караблехъ, и они де послыша изъ Азова стрѣльбу и увидя ихъ на море многихъ людей, съѣвъ въ сандалы, побѣжали моремъ назадъ къ городу Керчи, а ихъ де покинули на караблехъ; и были де тѣ карабли съ запасы присланы въ Азовъ, и тѣ де запасы везены въ Азовъ, и остались де въ караблехъ запасы небольшіе и они де атаманы и казаки и вольные люди карабль съ пушки и запасы и гречанъ для вѣстей взяли и привезли съ собою вѣстѣ, а три карабля сошли на море; и мы холопи твои атаману Осипу говорили, что они ходятъ напротивъ твоего Государева указу и были подъ Азовомъ и карабли цинжали съ турецкими людьми, а задору съ турецкими людьми чинить не велѣно, и онъ намъ холопомъ твоимъ сказалъ: люди де у насъ вольные, и учалъ де онъ говорить имъ, что бѣ они дѣлали противъ Государева указу, и они де ему отказали, турецкой де царь съ крымскимъ за-однянъ и большая де оборона Азову крымской царь, и зимнаго де взятъя полону русскихъ людей держать въ Азовѣ тысячи съ четыре, и вیرهлъ имъ надъ Азовомъ промышлять, что де отъ нихъ тебѣ, Государю, чинится грубости много..... да сказывали намъ холопомъ твоимъ, что у Донскихъ казакъ и у вольныхъ людей былъ кругъ и приговорили, что идти имъ подъ Азовъ и промышлять подъ Азовомъ, и атаманы де и старшины лучшіе люди имъ говорили: Государевъ де указъ вы вѣдасте, что надъ Азовомъ промышлять намъ не велѣно и турецкихъ городовъ не восвать; и они де всѣмъ войскомъ и вольные люди зашумѣли: то де вы отводите, что подъ Азовъ не итти, Азовъ де турецкаго и крымскаго царя волче, живутъ въ немъ турецкіе и крымскіе люди и ходять въ Русь воевати безпрестанно, и имъ де отъ азовцевъ впередъ жить будетъ не мочно, и они де всѣмъ войскомъ приговорили на томъ, что имъ подъ Азовъ итти тотчасъ и надъ ними промысль чинить“.

Крымскія дѣла 1646 г. Распросныя рѣчи воронежца боярскаго сына (по имени и прозванію неизвѣстнаго), посланнаго имъ Разряда на Донъ съ государевою казною, съ желѣзомъ и смолою. И распросныя рѣчи Ногайскаго мурзы Аксака Келмаметева, того жъ года іюля 25 дня.

бани, и сдѣлали на нихъ всѣми силами быстрое нападеніе и по маломъ сопротивленіи овладѣли всѣмъ ауломъ: множество татаръ положили на мѣстѣ и взяли въ плѣнъ около 7,000 душъ мужескаго и женскаго пола; въ добычу досталось умъ 6/т. рогатаго скота и 2/т. овецъ. При дѣлежѣ добычи вышла ссора со стороны казаковъ и князя Муцала Черкаскаго противъ Пожарскаго: первые всю добычу, доставшуюся на часть войска князя Пожарскаго, отобрали отъ онаго насильно, и въ буйствѣ своемъ даже выстрѣлили по князю Пожарскому изъ двухъ ружей (274).

Бой съ Нурадыномъ подъ Черкасскимъ городкомъ. По прибытіи всего войска къ Черкасскому городку, Донскіе казаки и князь Пожарскій, переправившись на правую сторону Дона, расположились на прежнихъ мѣстахъ. Князь же Муцалъ Черкасскій со всѣмъ своимъ войскомъ остановился на противоположной сторонѣ Дона; въ станѣ его было спокойно и беззаботно. Какъ между тѣмъ Нурадынъ съ 7,000 татаръ, переправясь чрезъ Таврическій проливъ, спустился тайно къ Азову. Здѣсь узналъ онъ, что часть російскаго войска остановилась противъ Черкаскаго городка на лѣвомъ берегу Дона. Тихо шель онъ отъ Азова къ этому стану и на разсвѣтѣ внезапно всѣми силами напалъ на князя Муцала Черкаскаго. Будучи въ трое слабѣе Нурадына, князь Черкасскій не могъ выдержать перваго натиска татаръ, смѣшался; у него отняли знамя; находившійся же подъ его начальствомъ Бей—мурза со всѣми своими татарами, видя превосходство силъ непріятельскихъ, бѣжалъ съ поля сраженія степью на Терекъ; къ счастью Гребенскіе казаки и терскіе стрѣльцы не лишлись присутствія духа: они остановились и мужественно сопротивлялись всей силѣ татарской. Въ этомъ смятеніи князь Черкасскій забылъ даже увѣдомить Донскихъ казаковъ и князя Пожарскаго о своемъ положеніи;

(274) Дѣла Ногайскія, № 4. Распросныя рѣчи ногайскаго мураи Аксакъ Камметова въ посольскомъ приказѣ 1646 года іюля 25 дня, и отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 1646 г. іюля 31 дня.

но они сами, услышавъ крикъ и звукъ ружей, въ тужь минуту переправились чрезъ Донъ и остановили стремленіе татаръ. Началась вновь жестокая сѣча, продолжавшаяся весь день; наконецъ Нурадынь, видя что всѣ его усилія тщетны, началъ отступать и потомъ срѣзнительно побѣжалъ къ Азову: въ этомъ сраженіи ранили князя Пожарскаго и письменнаго голову Хрущова; много казаковъ и татарскихъ узденей было побито (275).

Разбитіе Нурадына на Кагальникѣ. Нурадынь, претерпѣвъ значительный уронъ въ людяхъ, и нерѣшаясь вновь предпринять что-либо противу соединенныхъ казачьихъ и російскихъ войскъ, остановился лагеремъ на рѣчкѣ Кагальникѣ. Ему стоило большаго труда удерживать съ собою мурзь ногайскихъ, изъ коихъ многіе, невзирая на всѣ его усилія, разбѣжались съ подвластными людьми по своимъ улусамъ. Вѣсть о положеніи войскъ нурадыновыхъ

(275) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная къ Москву 1646 года іюня 31-го.

„Да іюня жъ, Государь, въ 6 день, съ утра на утренней зарѣ, по присылкѣ и по письму къ крымскому царю азовскаго Мустафы—бея и всѣхъ азовскихъ городовыхъ людей, приходилъ крымскій царевичъ Некарей Нурадынь съ крымскими и съ ногайскими мурзы и со многими ихъ воинскими людьми, и азовской Мустафа—бей со всѣми городскими людьми и съ черкасами темирюцкими и всѣхъ де, Государь, было ихъ десять тысячъ, и близи подѣ нашего Черкаскаго городка на князь Мусата Сенченевича Черкаскаго и отъ тово ихъ удару Богъ помиловалъ, со всѣми ратными людьми, и учалъ онъ князь Мусалъ съ ними бой, и, посылаша, Государь, мы холона твои тотъ бой и крикъ, вышли мы къ нему, ко князь Мусалу, на выручку тотъ—часъ наспѣхъ всѣмъ войскомъ, конные и пѣшіе, и учали мы съ ними бой, а твоего Царскаго Величества стольнику и воеводѣ князю Семену Романовичу Пожарскому подали мы о томъ вѣсть, чтобъ онъ шелъ наспѣхъ къ намъ на помощь со всѣми твоими Государевыми ратными людьми не мѣшая жъ ни часу, и князь Семень Романовичъ Пожарскій пришелъ къ намъ со всею ратью не замѣшкая же ни часу, и блился, Государь, мы съ ними съ утра и до вечера, кровопролитіе, Государь, у насъ съ ними было великое, и Божію, Государь, милостію, а твоими государевыми даревымъ и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руссіи счастиемъ съ кошу мы ихъ сблиз и многихъ людей поблиз и языковъ у нихъ побрала, а царевичъ, со всѣми своими воинскими людьми, пошелъ отъ насъ отводомъ съ великою нуждою, и на томъ, Государь, бою князя Семена Романовича Пожарскаго ранили изъ лука да письменнова голову Якова Хрущова ранили—жъ, да нашихъ, Государь, казаковъ многихъ переранили и коней у насъ наповалъ много жъ побили“.

казаки получили отъ преданныхъ имъ татаръ. По совѣщаніи съ княземъ Пожарскимъ и Муцаломъ Черваскимъ, и съ дворяниномъ Жданомъ Кондыревымъ и всѣми вольными ратными людьми единогласно собрались въ походъ, и въ ту же ночь, съ 2 подъ 3 число августа мѣсяца, 6/т. соединеннаго войска переправилось чрезъ рѣку Донъ со всею артиллеріею. Дабы сокрыть свое движеніе отъ азовцевъ, они пошли тихо ночью, днемъ же стояли въ байракахъ, и наконецъ 7 числа, на утренній зарѣ, подошедъ близко къ татарскому стану, внезапно напали на оный всѣми силами. Смятеніе татаръ было неописанное: въ страхѣ опроверидывая другъ друга, они всѣ разбѣжались врознь, оставивъ побѣдителямъ въ добычу весь станъ. Казаки взяли множество припасовъ, нурадынову палатку со всѣмъ его имуществомъ и 70 другихъ палатокъ; все прочее, чего немогли забрать, пожгли на мѣстѣ (276).

Между тѣмъ татары ободрились, собрались вмѣстѣ и начали преслѣдовать російское войско, которое, по разграбленіи ихъ стана, медленно подвигалось назадъ. Азовскій паша, узнавъ о разбитіи Нурадына, послѣшилъ къ нему на помощь со всѣмъ своимъ гарнизономъ и съ артиллеріею, и тѣмъ увеличилъ войско нурадыново до 10/т. челов. Князь Пожарскій и казаки, не желая вступать въ неравный бой, для сохраненія людей, отступали въ порядкѣ, защищаясь артиллеріею; при этомъ случаѣ они побили 200 плѣнныхъ татаръ, кои могли вредить ихъ отступленію, и 6 числа пришли къ Черваскому городку безъ малѣйшаго урона.

Похвальная грамота казакамъ и жалованное знамя. Съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ, посланъ былъ въ Москву атаманъ Наумъ Васильевъ. Государю

(276) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1646 г. сентября 25.

„ И Божією милостію, а нашимъ государскимъ счастіемъ татаръ многихъ въ на станахъ побили и языкъ многихъ поймали, и съ становъ царевичей сбили, и шатры и палатки царевича и постелю и карету царевичеву взяли, и у мурзъ у ближнихъ людей шатры и палатки и котлы и всякую рухлядь поймали; а чего взять было не на чемъ, и то пожгли и шатровъ вѣды 71-въ“.

пріятны были подвиги казаковъ: атаманъ принять былъ благо-склонно и вся станица одарена щедро.—Отпуская станицу, Государь послалъ на Донъ похвальную грамоту, которою хвалилъ мужество казаковъ и обѣщалъ содержать ихъ въ царской своей милости на будущее время. Сверхъ того пожаловалъ въ награду казакамъ дорогое знамя съ изображеніемъ орла, которое и отправилъ на Донъ съ тою-же станицею (277).

Побѣгъ съ Дону новонабранныхъ вольныхъ людей. Выше упомянуто, что намѣреніе Государя было не только защитить казаковъ отъ утѣсненій татаръ, но еще общими силами сдѣлать нападеніе на Крымъ. Изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ видны причины, почему казаки, въ соединеніи съ войскомъ князя Пожарскаго, доселѣ непривели этого въ исполненіе. Между тѣмъ новонабранныя войска, наскучивъ на Дону переносить труды казачей службы, начали тайнымъ образомъ бѣгать изъ Червасаго стана большими партіями; другіе, захвативъ казачьи суда, плыли вверхъ по Донцу или по Дону, а по минованіи въ нихъ надобности, рубили оныя и удалялись въ свои мѣста; побѣги таковыя время отъ времени становились чаще, наконецъ собралось болѣе 1,000 человекъ и среди дня поднявъ знамена пошли степью въ украинные города: „мы хотя и моглибъ остановить ихъ силою оружія своего, писали казаки царю, но дабы молва о таковой измѣнѣ российскихъ людей не достигла въ инныя государства и орды, не хотѣли ихъ трогать“. Такимъ образомъ

(277) Въ той же грамотѣ:

„И мы, Великій Государь, Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи Самодержецъ, васъ аталановъ и казаковъ и все Донское Войско и вольныхъ людей, что вы намъ, Великому Государю, служите и о нашемъ государскомъ дѣлѣ радѣете и надъ крымскими и надъ ногайскими людьми и которые намъ Великому Государю непослушны промышляете, нещади головъ своихъ, жалуемъ, милостивно похваляемъ, и станничиковъ вашихъ атамана Наума Васильева съ товарищи, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли спускитъ къ вамъ на Донъ не задержавъ, а съ нимъ велѣли послати къ намъ наше Царскаго Величества знамя“.

большая половина этих новонабранных людей разбѣжалась (278).

Но съ другой стороны дѣла казаковъ нѣсколько поправились: Нурадынь, пораженный на Кагальниѣ, не могъ скоро оправиться и страхась конечнаго истребленія, предпочелъ не вдаваться въ опасности: онъ возвратился въ Крымъ и распустилъ войска по домамъ. Пожарскій и Муцаль Черкасскій отозваны были съ войсками ихъ къ Астрахани, гдѣ въ нихъ имѣлось болѣе нужды.

Набѣги казаковъ на приморскіе области Тавриды. Въ зиму этого года казаки отдыхали, не принимая никакихъ поисковъ; и враги устали ихъ тревожить. Но весною снова открылась дѣятельность съ обѣихъ сторонъ: непріатели отважно разбѣжали по морю и пристунали къ казачьимъ городкамъ. Мужество казаковъ неизмѣнилось, но число ихъ было такъ малозначуще, что нельзя было и думать о большихъ предпріятіяхъ; несмотря на это нужда требовала защищаться отъ враговъ и скрывать свое положеніе.

Въ іюнь мѣсяцѣ казаки снарядили 33 струга и пустили оныя для разоренія крымскихъ береговъ; между Темрюкомъ и Таманью застала ихъ сильная буря и выбросила на берегъ. Въ бѣдственномъ смятеніи казаки растеряли большую часть оружія и снарядовъ, какъ вдругъ на берегу Тамани напали на нихъ татары въ превосходныхъ силахъ. Казаки думали уже не о побѣдѣ, а о спасеніи своемъ, и оставивъ въ добычу непріателю 16 струговъ, въ остальныхъ удалились въ море. Очень много казаковъ побито въ семь дѣлѣ. Непрѣя сля, ни возможности предпріять новаго поиска противу татаръ, они поспѣшно возвращались назадъ и прежде нежели доплыли до устья Дона, лишились въ пути отъ бурь еще четыре струга.

(278) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1646 г. августа 17-го.

„И хотѣли было съ погонщики вашими поставить бой, и вы, не хотя такіе между-усобные смуты учинить, чтобъ въ такой бездѣльной смутѣ вышныя земли и орды слава не прошла, за такую ихъ измѣну ничего надъ ними не учинили“.

Дона придало азовцамъ еще большую смѣлость къ наде-
ніямъ на нихъ даже въ жилищахъ; они дознались, что послѣ
потери казаками знатнаго числа людей, осталось ихъ въ Чер-
касскомъ городѣ не много и сочли случай этотъ самымъ удоб-
нымъ на совершенное истребленіе казаковъ.

Для этого, по ихъ повыву, стеклись къ нимъ крымцы,
ногайцы и черкесы; изготовили 280 судовъ. По принятому
плану одна часть должна была сдѣлать нападеніе рѣкою
Донемъ, а другая сухимъ путемъ и такимъ образомъ рѣши-
тельнымъ ударомъ взять Черкасскій городокъ; но Провидѣніе
спасло казаковъ: они мужественно отразили всѣ приступы
непріятелей, истребили ихъ великое множество и непрестан-
ными пораженіями заставили обратиться въ бѣгство. Видя
это, казаки бросились въ свои суда, которыя во время осады
находились внутри городка, настигли враговъ и множество
ихъ захватили на судахъ.

Казаки посылаютъ въ Москву просить
о помощи. Между тѣмъ положеніе казаковъ время отъ
времени становилось хуже: набѣги азовцевъ сухимъ путемъ и
водою почти съ каждымъ днемъ возобновлялись.—Въ семь
крайнемъ положеніи казаки не надѣясь на собственныя силы,
отправили отъ себя въ Москву станицу съ просьбою о
вспомоществованіи имъ войскомъ: „мы нынѣ отъ безпрерыв-
ныхъ сраженій съ азовцами, писали они къ Государю, при-
шли въ совершенное изнеможеніе. Пока мы были многолюдны
защищали себя отъ непріятелей собственными силами; нынѣ же
до того притѣснены, что нѣтъ намъ воли нетолько ловить
рыбу, но и воды почерпнуть изъ Дона. Возьми, Государь,
отъ насъ свою казну пороховую и пушки, кои намъ не кѣмъ
защищать; а если тебѣ, Государь, рѣка Донъ нужна, при-
шли намъ помощь людьми; въ противномъ случаѣ, укажи
гдѣ намъ жить, ибо мы безъ помощи принуждены будемъ,
оставивъ Донъ, разойтись въ разныя мѣста“. Съ таковою от-
пискою отправленъ былъ въ Москву въ октябрѣ мѣсяцѣ
1647 г. знатный старшина Андрей Васильевъ и есаул Ва-

скій Нивитинъ. Имъ, по приказанію Государя, въ Посольскомъ приказѣ представляли думные дьяки, что воинскихъ людей нельзя послать на Донъ, потому что казаки ихъ притѣсняютъ, не даютъ имъ провіанта, отъ чего бѣгаютъ они въ украинные города; дьяки представляли въ примѣръ князя Пожарскаго, котораго казаки не слушались и не приглашали къ себѣ на совѣтъ; еще упрекали ихъ, что они сами виновны въ потерѣ людей своихъ, непрерывно воюя турецкія владѣнія противу запрещеній Государя.

Атаманъ и есаулъ въ оправданіе приводили доводы сильные и доказывали, что бывшіе у нихъ ратные люди всегда получали сполна провіантъ, но пропивали его и сами уходили съ Дону въ разныя мѣста; что съ княземъ Пожарскимъ у нихъ никогда никакой ссоры не было, а царскія повелѣнія они всегда исполняли и исполняютъ. Потерю людей они наиболѣе относили къ произшествію на островѣ Тамани и приписывали то волю Божіей. Но успѣхъ просьбы ихъ все еще оставался сомнительнымъ, почему въ генварѣ мѣсяцѣ 1648 г. отъ Донскаго войска прибыла въ Москву новая станица, при атаманѣ Иванѣ Молодовѣ, которая доносила, что казаки отъ непрерывныхъ азовскихъ приступовъ пришли въ совершенное безсиліе, и что если въ скорости не будетъ сдѣлана имъ помощь людьми, то всѣ они должны будутъ разойтись въ разныя мѣста (280).

(280) Тамъ же, докладъ Государю Царю Алексѣю Михайловичу, въ мартѣ мѣсяцѣ 1648 года.

„Да въ прошломъ же де во 155 году іюля въ 19 день да іюля въ 28 день приходили къ нихъ Черкасскому городку азовской Мустафа—бей съ азовскими и съ крымскими и ногайскими со многими людьми и съ черкасами; да азовской же Алей-Ага янычской приходилъ съ азовскими людьми и съ янычами Дюномъ судами съ пушками и съ мѣлкими ружьемъ, а судовъ де всякихъ было 280 и ихъ казачій городокъ осадили и къ городку накрѣпко приступали, и битвы у нихъ съ ними были великіе, и на томъ приступѣ многихъ азовскихъ и крымскихъ и ногайскихъ людей и черкасъ побили, а иныхъ переранили и отъ того ихъ городокъ побѣжали и они де за ними гонали, и догнавъ, многіе суды у нихъ отбили, и многихъ побил и переранили, а съ пытки де азмы сказывали: приходили де они для того, чтобъ имъ ихъ разорить, да и новса де дни ихъ бусурманскіе приходы и приступы къ ихъ казачью городку и бе-

Казаки получают вспомошествованіе. Россійскій дворъ ясно видѣлъ, что по малолюдству казаковъ непріатели легко могутъ совершенно одолѣть ихъ и открыть себѣ безпрепятственный путь къ Россійскимъ украинамъ, почему рѣшилъ наконецъ дать имъ помощь: назначенъ былъ изъ

престанно у нихъ съ ними бусурманы кровопролитые, хотить ихъ съ рѣки всѣхъ перевезть и рѣку до Воронежа очистить; а которые де были вольные люди, и тѣ де, нехота съ ними служить, многіе разошлись, а которые де остались съ ними, и тѣ де многіе съ ними на государевыхъ службахъ на боехъ и на присутіихъ побиты и переранены и многіе де ихъ братья и вольные люди отъ ранъ померли, и поважѣсть де ихъ мочь была, и они де служили блаженныя памяти отцу его Государеву Великому Государю Царю и Великому князю Михаилу Федоровичу всея Руссіи, а нынѣ де имъ отъ бусурманскаго безирестаинаго приходу и кровопролитыя въ часовнѣ Государева богомолья, Божіи милосердія иконъ и пороховыя казны и снаряду держать мочи ихъ нѣтъ, и жить стало не въ силу, и будетъ Государю рѣка годна и впредь прочна, и Великій бы Государь велѣлъ имъ свой государской указъ учинить гдѣ имъ жить, а зимою де ожидать они ихъ бусурманскаго большаго собранія и къ себѣ приходу“.

„И 156 году декабря въ 22 день дѣлки думной Назарей Чистого да Алмазъ Ивановъ допрашивали донскихъ станичниковъ и ясаула Василія Микитина съ товарищи: бьютъ челомъ они Государю отъ всего войска Донскаго, что имъ отъ бусурманскаго приходу стоять стало не въ мочь, и они бѣ свазали, чѣмъ имъ помочь учинить, сами они сказывали что у нихъ хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ нескудно“.

„И ясаулъ Василій Микитинъ съ товарищи сказалъ: государскимъ де жалованьемъ, хлѣбными и пушечными запасы они не скудны; а скудны де они людьми и нынѣ де по зимѣ чадѣтъ они къ себѣ бусурманскаго приходу большаго собранія, и чѣмъ Царское величество велитъ помочь учинить втомъ де какъ Царское величество изволитъ“.

„И дѣлки говорили, людей къ нимъ посылать немочно, потому что они государскаго повелѣнья не слушаютъ, посланы къ нимъ вольные многіе люди и они тѣхъ вольныхъ людей голодомъ поморили, запасовъ имъ не давали, а иныхъ побивали, и тѣ де вольные многіе люди съ Дону разошлись отъ ихъ тѣсноты и дорогою многіе померли, да къ нимъ же посланъ съ ратными людьми стольникъ и воевода князь Семень Романовичъ Пожарскій, и они атаманы и казаки его ни въ чемъ не слушали, все дѣлали самовольствомъ и бѣглыхъ людей къ себѣ принимали и такъ вынимать ихъ у себя не дали, а иныхъ людей подговаривали“.

„Да имъ же атаманомъ и казакомъ по Царскаго величества указу на море подѣ турскіе города ходитъ и воевать и разорять не велѣно, и вѣдомо Цар-

Москвы дворянинъ Андрей Лазаревъ съ 1,000 чел. солдатъ, одинъ майоръ, 4 капитана, 5 поручиковъ. Все это войско изъ Воронежа было отправлено рѣвою Дономъ и къ великой радости казаковъ прибыло въ Черкасской городокъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Оно остановилось по близости городка въ крѣпкомъ

скому величеству учинилось, что они на море подъ турскіе города ходили воевали и разоряли, и для того нынѣ во Царѣ—городѣ Царскаго Величества послы задержали отъ ихъ непослушанья, и тѣмъ своимъ непослушаньемъ людей всѣхъ растеряли. И асаулъ Василій Микитинъ съ товарищи говорили: въ томъ де государская воля, вольнымъ де людямъ отъ нихъ никакой тѣсноты небывало, и ихъ не побивали, и запасы имъ давали, а тѣ де вольные люди не хотятъ Государю служить, запасы пропивали и пропивъ тѣ запасы, съ Дону отъ нихъ пошли бѣгомъ, а унять было ихъ нельзя, потому что они люди вольные.“

„А какъ де стольникъ и воевода князь Семень Романовичъ Пожарскій былъ у нихъ на Дону съ ратными людьми и они де во всемъ его слушали и бѣглыхъ людей къ себѣ не принимали и не подговаривали, и вынимать бѣглыхъ людей не заказывали, и во всемъ де государское повелѣнье исполняли, въ томъ де шлется они на князь Муцала Сунчалѣвича Черкаскаго, что ихъ ни въ чемъ ослушанья не было что бѣ про то Царское Величество велѣлъ сыскать“.

„А на море де пошли было они подъ крымскіе улусы и волею де Божию погодою принесло ихъ къ турецкимъ городамъ, и они де изъ судовъ на берегъ выходили для хлѣба, чтобъ имъ съ голоду не помереть, а не для войны, и въ томъ де Богъ воленъ да Государь.“

„А февраля въ 5 день писали къ Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русси, Донскіе атаманы и казаки Иванъ Баторжиной и все Донское войско и прислали отписку, а подъ отпискою челобитное; а въ отпискѣ и въ челобитной написано: Генваря въ 4 день, приходили къ ихъ казачью Черкасскому городку, собрався, крымскіе и азовскіе и ногайскіе многіе воинскіе люди и къ городку приступали накрѣпко, и въ томъ де приступѣ многіхъ у нихъ побили, и перераннѣхъ понмали, да на томъ же де приступѣ и на вылазкѣ взяли астроханскихъ стрѣльцовъ 8 человекъ, а девятаго убили, которые присланы изъ Астрахани, и имъ де отъ бусурманскаго безпрестаннаго къ нимъ приходу и приступу и кроволитя жить не въ силу, мочи ихъ пѣту и государевы казны держать не съ кѣмъ, и что бѣ Государь велѣлъ у нихъ свою государеву пороховую казну и снарядъ принять, и имъ велѣлъ бы Государь указъ учинить гдѣ имъ жить, а рѣпки де имъ удержать не съ кѣмъ, не только рыбы изловить, и по воду имъ вытти отъ нихъ бусурмановъ нельзя, сидятъ отъ нихъ въ осадѣ; а что де къ нимъ прислано государева денежнаго жалованья 3,000 рублевъ, да хлѣбныхъ запасовъ 1,970 чети, и они де то государево жалованье хлѣбное и денежное межъ себя дували и кому де и недовелось государева

мѣстѣ и околалось со всѣхъ сторонъ.—Въ грамотѣ же Царской предписано казакамъ быть въ дружбѣ, какъ съ дворяниномъ Лазаревымъ, такъ и со всѣми чиновниками; безъ общаго согласія ничего не предпринимать и дѣйствовать противу непріятелей, въ случаѣ ихъ нападенія, совокупными силами; еще строго подтверждалось казакамъ никакихъ не дѣлать нападеній на турецкіе селы и города (281).

П о л и т и к а М о с к о в с к а г о д в о р а въ п е р е г о в о р а х ъ с ѣ Т у р к а м и и К р ы м о м ѣ. Выше упомянуто, какъ крымскій ханъ, разгнѣванный на казаковъ, посадилъ въ жидовскій городъ ограбленныхъ російскихъ посланниковъ Караулова и Грязнова Акишева; но чрезъ разныя предстательства они были выпущены и возвратились въ Россію 1647 г. На мѣсто ихъ отправлены снова въ Крымъ дьякъ Хотунскій и подъячій Степановъ; они встрѣчены были множествомъ новыхъ жалобъ на казаковъ: упрекали ихъ, что Государь Россійскій прислалъ въ казакамъ ратныхъ людей, хлѣбные запасы, деньги и суена; что Донскіе казаки заперли своими судами устье Дона и не дозволяютъ пройти въ Азову кораблямъ, отправленнымъ изъ Константинополя и Кафы съ провіантомъ и разными товарами, отъ чего произошелъ въ Азовѣ голодъ и недостатокъ въ необходимыхъ вещахъ; объявляли, что если Государь Россійскій желаетъ быть въ дружбѣ съ Исламъ—Гиреемъ, то приказалъ бы послать на Донъ свое войско, а ханъ пошлетъ изъ Кры-

жалованья давать, которые въ гребцахъ къ нимъ съ Руси пришли съ государевымъ съ денежнымъ и съ хлѣбнымъ жалованьемъ, и у нихъ де въ Черкасскомъ городкѣ зазимовали, а они де тѣмъ людямъ для своей нужи и скудости и для безпрестанныхъ къ нимъ приходоу и пристуоу, государево денежное и хлѣбное жалованье дали, чтобъ имъ до государева указу розно неразбрестися, и ефо Государева указу они къ себѣ ожидаютъ, а не будетъ де имъ его Государева указу, и они де съ рѣки всѣ разбрдутся въ рознь“. См. распроси. рѣчи станичнаго атамана Степана Молодова, пріѣхавшаго въ Москву 1648 г. мая 2 дня.

(281) Грамота на Донъ отъ 15 мая 1648 г. См. наказъ дворянину Андрею Лазареву, отправленному на Донъ съ полкомъ мая 24 дня 1648 года.

му свою роль, и такимъ образомъ общими силами разорить бы казачьи жилища и ихъ самихъ истребить.

Россійскіе посланники объявляли старыя увѣренія, что Россійскій Государь ратныхъ людей и жалованья въ Донскимъ казакамъ никогда не посылалъ и считаетъ неприличнымъ содержать въ милости бѣглецовъ, укрывающихся на Дону отъ смертной казни; что если Исламъ-Гирей велитъ своимъ войскамъ истребить всѣхъ казаковъ, то Государь будетъ тѣмъ доволенъ; послать же на нихъ свои войска ему невозможно, за чрезвычайною отдаленностію, а къ тому жъ живутъ они по займищамъ, малымъ рѣчкамъ и проточинамъ (282). Далѣе, старались они увѣрить Крымскій дворъ, что поиски казаковъ по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей производятся самовольно, не по царскому, повелѣнію.

Къ турецкому султану писалъ Государь, что если стороны Россійской открыты военныя дѣйствія противъ татаръ, то это произошло отъ озлобленія украинскихъ жителей, которые желая мстить татарамъ за ихъ непрерывныя нападенія на русскія жилища и за плѣненіе ихъ отцовъ, матерей и братьевъ, собрались сами собою и соединясь съ Донскими казаками, намъ непослушными, нападаютъ на татаръ въ томъ намѣреніи, что бы освободить плѣненныхъ или родственниковъ своихъ.

На требованіе турецкаго султана, что бы свести казаковъ съ Дону, Россійскій Государь отвѣчалъ: „сдѣлать сего невозможно, ибо казаки живутъ на Дону по своей волѣ ко-

(282) Крымскія дѣла 1647 года.

„ И посланники Сеферъ—Гизм—Агъ говорили, то дѣло недостаточное, что бы Великому Государю нашему Его Царскому Величеству послать на тѣхъ воровъ на Донскихъ казаковъ своихъ государевыхъ ратныхъ людей, потому что они людишки худые и отъ государевыхъ украинныхъ городовъ удалены и живутъ въ разныхъ мѣстахъ по займищамъ и по малымъ рѣчкамъ и по проточинамъ; только Исламъ-Гирей царь изволитъ, и ему тѣхъ воровъ можно съ Дону свести и безъ Царскаго Величества ратныхъ людей, Великій Государь Его Царское Величество о томъ на Исламъ—Гирей царя досадовать неучитъ“.

чевнымъ обычаемъ, съ ними же вмѣстѣ живутъ различныхъ странъ люди: литовцы, нѣмцы, горскіе и запорожскіе черкасы, крымцы, ногайцы и азовцы; а всѣ сіи люди моего повелѣнія не слушаютъ“ (283).

На бѣги казаковъ на приморскіе берега Тавриды. Еще до прибытія на Донъ обѣщаннаго Царемъ войска, Донскіе казаки, обрадованные вѣстію объ этомъ, принялись за оружіе. Имъ извѣстно было, что крымцы, въ соединеніи съ ногайцами, громили тогда польскую Украину, они рѣшились отмстить имъ за свои обиды; съ этою цѣлію снарядили 8 струговъ, помѣщавшихъ 300 казаковъ, и отправили подъ крымскіе улусы. Татары только что воротились изъ польскаго похода съ мпожествомъ плѣнныхъ. Казаки нерѣшаясь малыми силами нападать на селенія, лежащія по крымскимъ берегамъ, пристали къ урочищу Тонкія-воды; тамъ скоро примѣтили они татаръ, шедшихъ съ польскимъ плѣномъ, вдругъ папали на нихъ и отбили 30 человекъ поляковъ, потомъ обратились на кочевавшій вблизи татарскій улусъ, разграбили оный, убили 50 татаръ и 5 человекъ взяли въ плѣнъ.

Между тѣмъ азовскій бей, пользуясь отсутствіемъ казаковъ собралъ изъ ближнихъ улусовъ татаръ и двинулся съ ними къ Черкасскому городку рѣкою Дономъ и степью; но лишь только приблизился къ нему, встрѣченъ былъ, къ изумленію своему, солдатами и казаками; боясь неравнаго боя, онъ поспѣшно удалился назадъ. Эти нападенія азовцевъ непомѣшали казакамъ предпринять другой набѣгъ на татарскіе улусы,

(283) Турскія дѣла № 2.

„ А что въ той же вашей, брата нашего, великаго государя, грамотѣ написано, что бы намъ великаго государя. . . . того учинить нельзя, потому что Донскіе казаки бѣжали изъ Московскаго государства, заворовавъ, отъ смертныхъ казни, и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ изстари кочевнымъ обычаемъ и съ ними живутъ разныхъ вѣръ люди, литва и нѣмцы, и горскіе и запорожскіе черкасы, и крымцы, и ногайцы и азовцы, а не одны они Донскіе казаки, а нашего Царскаго повелѣнія не слушаютъ“ и проч.

кочевавшіе около Тонкихъ—водъ. Морское войско ихъ въ это время состояло изъ 600 казаковъ, помѣщавшихся въ 20 стругахъ; быстрый походъ этотъ вознагражденъ былъ добычею 50 польскихъ плѣнниковъ. Въ набѣгѣ казаки убили 20 человекъ татаръ.

Ободраемые этими успѣхами, казаки съ новою бодростію предпринимали осенью того же 1648 года третій походъ моремъ въ 16 стругахъ подъ Темрюкъ; онъ былъ также удаченъ: кромѣ добычи состоявшей изъ обыкновенныхъ татарскихъ пожитковъ, они захватили 50 человекъ темрюцкихъ жителей и тамъ же отдали ихъ на окупъ.

Наступившая зима проведена была безъ всякаго дѣйствія, кромѣ того, что 100 казаковъ ходили подъ Азовъ, для нападенія на небольшую партію кафинскихъ турокъ, шедшихъ степью къ Азову; но неимѣли успѣха, ибо азовцы, узнавъ намѣреніе ихъ, послѣжили на помощь кафинцамъ въ числѣ 400 человекъ; казаки вступили было съ ними въ бой, но принуждены уступить превосходной силѣ, однакожъ захватили въ плѣнъ 10 человекъ кафинцовъ съ конями и возвратились къ Черкасскому городку (284).

Весною 1649 года, казаки вновь снарядили 10 струговъ и отправили моремъ къ крымскимъ берегамъ, но узнавши тамъ, что изъ Кафы поѣхали Россійскіе послы, находившіеся тогда въ Константинополѣ, они принуждены были воротиться назадъ; и на возвратномъ пути заѣзжали для языковъ на крымскую сторону, напали тамъ на одно селеніе, близъ самой Кафы лежащее, разграбили оное, захватили 350 плѣнныхъ взятыхъ татарами въ Польшѣ и съ этою добычею возвратились къ Дону.

Между тѣмъ азовскій бей вознамѣрился еще разъ испытать счастье подъ Черкасскимъ городкомъ, и для того рѣшилъ

(284) Распросныя рѣчи Донскихъ казаковъ Тимофѣя Иванова съ товарищи сентября 12 дня 1648 г. и станичнаго атамана Павла Федорова того же года 17-го декабря.

ся подвести суда свои къ оному сухимъ путемъ; сколько-тайно непроизводилъ онъ эти движенія, но былъ замѣченъ казаками; они выступили противъ него съ российскимъ войскомъ, обратили въ бѣгство и завладѣли всѣми его судами.

Столь частыя нападеныя казаковъ на крымскія области заставили турокъ снабжать Азовъ провіантомъ и другими вещами не моремъ, а сухимъ путемъ изъ Темрюка, лѣвнымъ берегомъ азовскаго моря; по этому случаю крымскій ханъ писалъ между прочимъ въ грамотѣ своей къ Россійскому Государю: „казаки заставили все устье Дона своими стругами и не дозволяютъ къ Азову подвозить моремъ провіанта и другихъ, нужныхъ вещей, чрезъ что мы принуждены доставлять все сіе сухимъ путемъ съ большими издержками“ (285).

Намѣреніе Крымскаго хана идти войною на казаковъ въ соединеніи съ Запорожцами. Ханъ, видя столь быстро возрастающую силу казаковъ, придумывалъ средства нанести имъ рѣшительный ударъ. Къ царю Алексѣю Михайловичу писалъ онъ съ гордостію: „если неуймешь казаковъ, то зимою многочисленная рать моя въ соединеніи съ турками и ногайскими князьями и съ запорожскими черкасами истребитъ всѣ казачьи городки“ (286).

(285) Отписка дворянина Лазарева, полученная въ Москвѣ 1649 г. сентября 18-го, распросныя рѣчи станичнаго атамана Прокофія Иванова того же года октября 8 дня и Крымскія дѣла № 15, 1648 года.

„Крымскій ханъ писалъ въ своей грамотѣ къ Россійскому Государю..... и вы, Великій Государь, ваше царское величество посылаете къ намъ гонцовъ и казакамъ велите ходить подъ Азовъ водою, и съ хлѣбомъ и со всякимъ запасомъ по морю въ Азовъ не пропускать и морскія устья всѣми своими стругами заставили и ходятъ на море воевать и деревень и украдкою крадутъ и многая отъ нихъ всякая тѣснота чинится, и въ Азовъ воднымъ путемъ хлѣбу и всякому запасу проходу нѣтъ, и сухимъ путемъ ходить добре нужно и ставятся большіе убытки“.

(286) Крымскія дѣла 1648 г., № 15. Грамота Крымскаго хана къ Россійскому Государю, привез. въ Москву гонцомъ его Крымъ-Газы-Мурзы, въ которой между прочимъ сказано:

„ Да Донскихъ казаковъ вамъ брату нашему унимать и подъ Азовъ имъ

Но главную надежду полагалъ онъ на Запорожцевъ. Пользуясь тогдашнимъ несогласіемъ малороссійскихъ казаковъ съ поляками, онъ заключилъ съ первыми дружественный союзъ, взявшись помогать имъ въ войнѣ, извлечь отъ нихъ твердое обѣщаніе о взаимной помощи противу враговъ Крыма. Едва окончилась война съ польшею, ханъ потребовалъ отъ гетмана Хмѣльницкаго, чтобъ онъ приготовился воевать казаковъ Донскихъ: „пошли отъ себя сказать казакамъ, писалъ онъ къ гетману, чтобъ они унялись отъ поисковъ въ областяхъ моихъ. Пускай просятъ у меня пощады: я прощу ихъ собственно для тебя, гетманъ, и стану содержать ихъ въ пріятствѣ. Если же не послушаютъ, тогда я и ты понесемъ къ нимъ войну и смерть“ (287).

Гетманъ, сохраняя условія союза, въ мартѣ мѣсяцѣ 1650 г., прислалъ на Донъ посланцовъ своихъ съ отпискою, въ коей, между прочимъ, просилъ казаковъ, чтобъ они по случаю заключеннаго имъ вѣчнаго мира съ Крымскимъ ханомъ, для братской любви, никакихъ нападеній на его улусы не дѣлали: „если не для себя, продолжалъ онъ, то для церкви Божіихъ намъ нужна пріязнь и дружба ханская. Примите нашъ братскій совѣтъ и наше убѣжденіе: прекратите поиски ваши въ Тавридѣ и Турціи; тогда союзъ нашъ

ходить не велѣтъ и дурна никакова Азову не чинитъ; а будетъ ви, братъ нашъ, Донскихъ казаковъ впродъ унимать не станете, какъ зима станетъ и мы съ турскимъ княземъ и съ крымскими и съ ногайскими ратными людьми и съ Днѣпровскими казаки на то положились, что зимою на Донъ на всѣ городки пойдемъ войною.“

(287) Донскія дѣла 1647 и 1648, отписка Крымскаго хана къ гетману Богдану Хмѣльницкому.

„А къ Донскимъ казакамъ, прошу изволь послать, чтобъ они на море не ходили, а если хотять, чтобъ мнѣ поклонились, и я то для вашего прощенья учиню, что съ ними въ пріятствѣ жить буду; а будетъ къ нимъ не пошлешь, тогда пріятство отпадетъ, а какъ они не послушаютъ, тогда зимою или лѣтомъ, о чемъ вы сами вѣдаете, съ ними надобно бой чинити, а коли нѣтъ того неучинити, и я также для васъ послѣ не учиню.“

и дружба пребудутъ крѣпки, иначе за нелюбовь вашу отдадимъ вамъ нелюбовью“ (288).

Посланцы именованъ гетмана говорили Донскимъ казакамъ, что если они не прекратятъ свои набѣги на крымскіе берега, то гетманъ съ крымскимъ ханомъ разоритъ до основанія ихъ городы, и что къ этому сдѣланы уже всѣ приготовленія. Донцы отвѣчали гетману чрезъ посланцевъ своихъ: „неприлично христіанину возставать на единовѣрцевъ своихъ въ защиту бусурманъ; не мѣшай намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда были съ вами въ братствѣ, но знай, что такъ же умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ съ друзьями.“ Отправивъ гонцовъ казаки тотчасъ прибѣгли къ осторожности: немедленно послали во всѣ казачьи город-

(288) Отписка Богдана Хмѣльницкаго, гетмана Запорожскихъ казаковъ къ Донскимъ казакамъ 1650 г. марта 30.

„Отъ Богдана Хмѣльницкаго, гетмана Запорожскаго и отъ всего войска великаго Запорожскаго атаману и всѣмъ товарищамъ войска Донскаго добраго здоровья, яко братья нашей, отъ Господа Бога вѣрно желаемъ. Какъ есмь отъ васъ прежь сего желали и нынѣ прилежно и нарочно пославъ желаемъ, чтобъ есте вѣдаючи о томъ, что братство вѣчное съ государствомъ крымскимъ сталося, государству бы крымскаго царя отнюдь ни единымъ обиды не чинили для братской любви, то себѣ разсудите, что есмь неволю отъ наступниковъ нашихъ терпѣли; а впредь Богъ вѣдаетъ что еще будетъ, а намъ для всего милость царя крымскаго и всѣхъ ордъ есть надобна для церквей Божіихъ, за которыя всѣмъ намъ надобно стоять, нимало обманулися и надѣмся, что Богъ милостью своею больши уможить, только о томъ надобно промышлять, чтобъ есмь умѣли почитать пріятство царей, ихъ милостей, которой вѣчно хочеть съ нами въ братствѣ быти, и тогда мы желаемъ вашей братской любви, чтобъ есте не ходили помѣшки чинити, что есте надобно церкви Божіей, а нашимъ вольностямъ, а нечинили бь есте ни единыя обиды государству крымскому и турецкому, на море не ходили; а будетъ пойдете, и мы будемъ промышлять, за нелюбовь вашу, взявъ Бога на помощь, нелюбовью отдавать; такъ ли сего желаемъ, дай Богъ любовь братскую межъ нами, православными христіанами, и надѣмся, что наше желаніе исполните, яко братья наша, все учините о чемъ прилежно просимъ, пребудете въ томъ чтобъ изволеную войска Запорожскаго помѣшки не было и ордамъ ни въ чемъ заѣти не чинили и десятикратно любви вашей желаемъ, и о томъ и до Царскаго Величества Московскаго писалъ есмь, и мы надѣмся что для нашего прошенія учините и на море не пойдете, а посемъ любви вашей отдаемъ, Господу Богу васъ вручаемъ. Писанъ въ стольномъ городѣ Чигиринѣ, марта въ 30 день 1650 года“.

А въ низу написано: „Всему войску Донскому желательные пріятели и братья Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ войскъ Запорожскихъ рукою властною.“

би войсковыя грамоты, чтобы казаки крѣпили городки свои и чтобы двѣ части оставались для защищенія оныхъ, а по слѣдніе шли немедленно въ Черкасской городокъ, для сопротивленія грозящимъ врагамъ; обнесли Черкасскій городокъ землянымъ валомъ и поставили деревянныя башни, обвели около вала ровъ шириною въ три сажени, а глубиною въ двѣ съ половиною и провели въ него изъ Дону воду: заключили съ калмыцкими тайшами, привочевавшими тогда съ улусами своими къ Дону. оборонительный союзъ; и оградивъ себя такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, спокойно дожидались враговъ своихъ (289).

Сынъ Хмѣльницкаго Тимофѣй съ 5 / т. чел. пришель къ Міусу. Между тѣмъ Донскіе казаки получили вѣсть, что сынъ гетмана Хмѣльницкаго Тимофѣй съ пятью тысячами запорожскихъ казаковъ остановился на рѣкѣ Міусѣ и дожидаетъ къ себѣ по условію крымскихъ татаръ. Для отвращенія ихъ отъ непріятельскихъ дѣйствій, Донскіе казаки послали къ нимъ знатныхъ старшинъ, которые являсь къ сыну гетмана и къ наказному атаману Дементію говорили: „Донское войско достовѣрно знаетъ, что вы пришли сюда по соглашенію съ крымцами для нападенія на насъ. Мы присланы напомнить вамъ прежнюю нашу дружбу, наши обоюдныя сношенія и общую службу противу враговъ нашихъ; мы хранили съ вами согласіе даже и тогда, когда выпѣла война у Россійскаго Государя съ поляками, такъ негодится вамъ дружитья съ бусурманами противу вашихъ братій и единовѣрцевъ (290). Тимофей и Дементій увѣряли

(289) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Валуйскаго вожа Никиты Зарубина, донскихъ атамановъ Федота Федорова и Якова Жукова, 1650 года апрѣля и мая мѣсяцевъ.

(290) Дѣла Донскія, № 1, распросныя рѣчи донскаго атамана Андрея Евстаева, 1650 года сентября 6-го.

„Вѣдомо имъ Донскимъ казакамъ учинилось, что они Запорожскіе черкасы пришедъ стоятъ на Міусѣ, а ждутся крымскихъ татаръ, а сождався хотятъ приходить войною на нихъ Донскихъ казаковъ, а они Донскіе казаки съ

старшинъ, что они идутъ, по соглашенію съ крымцами, на непослушныхъ имъ горскихъ черкесъ, а не на нихъ Донскихъ казаковъ; говорили, однакожь, что если крымскій ханъ пошлетъ ихъ и на украинные города, то и въ такомъ случаѣ они обязаны исполнить требованіе хана, на основаніи заключеннаго съ нимъ оборонительнаго союза (291). Донскіе казаки не вѣрили словамъ Запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что переходившіе отъ нихъ въ Черкасскій городокъ и самыя азовцы, бывшіе тогда въ миру съ Донскими казаками, удостовѣряли ихъ, что Запорожцы не на горскихъ черкесъ идутъ войною, а на нихъ Донскихъ казаковъ. Впрочемъ во все время расположенія войскъ запорожскихъ на Міусѣ, непріятельскихъ дѣйствій не происходило; а на противъ того они находились съ Донскими казаками въ дружескихъ сношеніяхъ. Черезъ нѣсколько времени Тимофѣй получилъ отъ крымскаго хана увѣдомленіе, что онъ по причинѣ выгорѣвшихъ степей съ войскомъ своимъ выступить не можетъ. Такимъ образомъ Запорожцы, простоявъ на Міусѣ двѣ недѣли безъ всякаго дѣйствія, возвратились назадъ. — Донскіе же казаки, недовѣряя движенію ихъ, послали отъ себя вслѣдъ за ними для наблю-

ними Запорожскими черкасы люди одноя православныя христіанскія вѣры, и имъ, Запорожскимъ черкасомъ, сложася съ бусурманы, на нихъ православныхъ христіанъ войною приходитъ негодиться; а напередъ сего они, Запорожскіе черкасы, съ ними Донскими казаками, всегда бывали въ дружбѣ и въ смыслѣ и зипунъ добывали сопча, и какъ у государя съ польскимъ королемъ была ссора и война, я они въ то время съ ними Донскими казаками были въ миру; и нимѣ бъ они Запорожскіе черкасы потому жъ на нихъ, одновѣрныхъ православныхъ христіанъ, съ бусурманы не складывались и дурна имъ никакого нечинили.“

(291) Тамъ же.

„И Запорожскіе де черкасы говорили, что они пришли къ нимъ на Донъ по письму крымскаго хана, а итти де имъ съобча на горскихъ черкесъ, а не на нихъ Донскихъ казаковъ, а будетъ де крымской царь велить имъ итти войною и на государевы ближніе города, и они де пойдутъ, а непослушатъ де имъ крымскаго царя неultzъ, потому что у нихъ межъ себя увѣренность, что имъ другъ другу помогать, да и потому де имъ крымскаго царя непослушатъ неultzъ, какъ у нихъ Запорожскихъ черкесъ была съ поляки война, и крымской де царь со всею ордою имъ черкасомъ помочь чинилъ.“

денія станицу, которая и проводила ихъ до границъ земли Запорожской.

Походъ Донскихъ казаковъ на Черное море. Въ сіе время находился въ Москвѣ отъ крымскаго хана посланникъ съ настоятельнымъ требованіемъ отъ Россійскаго двора запрещенія Донскимъ казакамъ производить набѣги на турецкія и крымскія области, въ противномъ случаѣ грозилъ истребленіемъ всѣхъ жилищъ казачьихъ (292) и разореніемъ украинъ. Россійскій дворъ, въ удовлетвореніе требованій крымскаго хана, въ тожь время послалъ къ казакамъ строгое предписаніе о прекращеніи набѣговъ на крымскіе берега (293). Но казаки не унимались отъ любимыхъ своихъ занятій: они достовѣрное имѣли свѣдѣніе, что гарнизонъ азовскій состоялъ тогда только изъ 1,200 человекъ, знали также о тягостной для турокъ войнѣ, производимой ими съ Венеціанами, на которую обращены были всѣ турецкія силы, и желая воспользоваться этимъ случаемъ, съ наступленіемъ весны 1651 года, открыли они непріятельскія свои дѣйствія разореніемъ предмѣстія города Азова и улусовъ кочевавшихъ

(292) Крымскія дѣла 1650 г., № 2, грамота крымскаго хана къ Россійскому Государю, въ которой, между прочимъ, написано:

„Да посломъ вашимъ Михаилу Ларионову да подьячему Ивану Никитину ближній нашъ человекъ Саферъ-Газы о Донскихъ казакахъ говорилъ, для чего ихъ и отъ воровства не унимають, и они послы сказали ему, что Донскіе казаки воры и вашего повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, а нашъ человекъ говорилъ посломъ вашимъ, коли они вашего повелѣнья не слушаютъ и только ваше царєво величество великъ на нихъ послать войною, не будетъ въ томъ досады отъ васъ, брата нашего; и послы ваши говорили, что не будетъ досады, а тѣ воры Донскіе казаки приходятъ на Донъ изъ вашего государства и на морѣ выходятъ благодѣянаго турскаго государя и наши земли воюють . . . и аже дастъ Богъ по времени учинимъ надъ ними отмщенье, и вамъ бы на насъ въ томъ недосадовать.“

(293). Высочайшая грамота 1650 г. октября мѣсяца.

„И вы бы атаманы и казаки подъ крымскіе улусы не ходили и никакого задора съ ними нечинили, что бы вамъ самимъ за то отъ крымскихъ людей и отъ черкасъ тѣсноты и разоренья не было, и на наши бы украинны за то отъ нихъ войны не вестъ.“

около онаго (294). Въ слѣдъ затѣмъ снарядили 12 струговъ, посадили въ оныя 900 человекъ казаковъ и отправили ихъ въ море. Проплывъ таврической проливъ, казаки вступили въ Черное море и встрѣтили тамъ три купеческія корабли, нагруженные пшеницею; безъ большихъ усилій и потерь забрали на оныхъ весь багажъ, убили 70 человекъ турокъ и отпустили корабли эти безъ всякаго поврежденія съ бывшими на оныхъ греками, которыхъ казаки при всякомъ случаѣ щадили какъ своихъ единовѣрцевъ. Потомъ всѣ эти казаки обратились къ Анатолійскимъ берегамъ, напали тамъ тайно на городъ, называемый Каменный базаръ, отстоявшій отъ Синопа за день ѣзды, разграбили оный. взяли въ плѣнъ 600 человекъ турокъ обоюга пола, и съ этою добычею возвращались на Донъ, но бурей были занесены къ берегамъ, обитаемымъ горскими черкесами, гдѣ продали часть плѣнныхъ своихъ, а съ остальными достигли до Черыаскаго городка. безъ малѣйшей потери (295).

Разореніе турецкихъ областей и предмѣстія Царь-града. Въ этомъ году Донскіе казаки, ограничась однимъ описаннымъ предпріятіемъ, провели все остальное время въ покоѣ; но весною 1652 г. они вознамѣрились распространить поиски свои на турецкія владѣнія со стороны Румелин. Для этого отправили они 15 струговъ и 1,000 казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Ивана Богатаго. Быстрый флотъ этотъ миновавъ крымскіе берега, направилъ путь свой прямо къ Цареграду; приставъ въ окрестностяхъ онаго, казаки опустошали всѣ сосѣднія селы и де-

(294). Дѣла крымскія, № 18, изъ статейнаго списка бывшихъ въ Крыму посланниковъ Ивана Елякова и подъячего Тимофѣя Кузмина.

„Тому де недѣли съ три была вѣсть изъ азова въ Кафу, что Донскіе казаки подъ Азовомъ слободы и улусы погромили и ясырь поимали многою и стада азовскіе отогнали на Донъ, а азовцы де казакамъ за то ничего неучинили, а съ того де погрому Донскіе казаки со всѣмъ пришли на Донъ.“

(295). Турецкія дѣла, № 2, распросныя рѣчи Воронежскаго жителя Тимофѣя Мухомова, посланнаго на Донъ для вѣстей.

ревни, взяли въ плѣнъ 150 человекъ и богатую добычу, навели трепеть на Константинополь и, торжествуя побѣду, плыли спокойно въ обратный путь, какъ вдругъ напали на нихъ 10 турецкихъ судовъ; Донцы неостанавливаясь вступили съ ними въ бой, и по кратковременномъ сраженіи побивъ большое число турокъ, разогнали суда ихъ; и затѣмъ, уже не встрѣчая болѣе на пути никакихъ препятствій, возвратились въ жилища безъ малѣйшей потери въ людяхъ (296).

Поощренные многими удачами, казаки и въ 1653 году предприняли сдѣлать моремъ вторженіе въ турецкія области. Флотъ, снаряженный для сего предиріятія, состоялъ изъ 19 струговъ, помѣщавшихъ 1,300 казаковъ и находился подъ начальствомъ двухъ атамановъ Федора Волошенина и Ивана Богатого. Первоначально войско это пристало къ крымскимъ берегамъ около Судака и Балаклы, тамъ разграбило оно нѣсколько деревень и одинъ улусъ, кочевавшій по близости, и взяло въ плѣнъ 50 человекъ татаръ. Несчастные жители, объятые страхомъ, искали спасенія въ горахъ. Другіе собравшіеся татары были только зрителями опустошеній, принимаемыхъ казаками и никакъ не смѣли вступить съ ними въ сраженіе; отсюда казаки направили путь свой къ Трапезону; но за противными вѣтрами не могли пристать къ берегу, замѣнивъ того они прибились къ Анатолійскимъ берегамъ по ниже Трапезона и бросились на деревни, въ коихъ все пожгли и истребили. захвативъ въ плѣнъ 600 человекъ мужскаго и

(296) Донскія дѣла 1652 г.. распросныя рѣчи Воронежца Миня Прибыткова, посланнаго на Донъ съ государевымъ жалованьемъ и возвратившагося въ Москву октября 30 1652 года.

„А до ихъ де приходу за двѣ недѣли (Миня пріѣхалъ въ Черкасскъ 12 іюня), ходили на море для добычи казаки 15 струговъ, а было съ 1,000 человекъ. а атаманъ у нихъ былъ Иванъ Богатой, и моремъ подошли близко къ Царьгороду, подъ румельскую сторону. и на румельской сторонѣ турецкіе многіе селы и деревни повоевали и добычу взяли большую. А какъ пошли съ добычю назадъ и на нихъ де нашли 10-ть каторгъ турецкихъ, и съ тѣми каторги былъ у нихъ бой, и на бою де казаки на каторгахъ побили турецкихъ многихъ людей, а сами отошли и на Донъ пришли всѣ 15 струговъ здорово при нехъ же Минѣ, а асырю де турецкаго привезли на Донъ со 150 человекъ.“

женскаго пола, и нагрузивъ суда свои различнымъ имуществомъ, поплыли около береговъ къ городу Триполи (Тавроли), который хотѣли взять приступомъ, но по крѣпкому и возвышенному положенію онаго не могли того исполнить.

Между тѣмъ турки узнавъ о движеніи казаковъ на Триполи, выслали изъ Трапезона и Керессу (Крессина) на помощь оному войска и одинъ военный корабль; обруженные со всѣхъ сторонъ, казаки засѣли въ предмѣстіи Триполи, гдѣ, къ счастью ихъ находились три пушки, коими они непрерывную производили пальбу по кораблю и симъ только средствомъ заставили его удалиться. Тѣже войска, которые дѣйствовали на нихъ съ сухаго пути, были отражены казаками на всѣхъ пунктахъ. Послѣ малой потери въ людяхъ, поплыли они обратно къ крымскимъ берегамъ, взявъ съ собою одну пушку; тутъ пристали къ Керчи для отдохновенія и для запаса прѣсною водою и простоявъ четыре дни поплыли на Донъ; во все время нахождения ихъ подъ Керчью, какъ со стороны татаръ, такъ и со стороны казаковъ, военныхъ дѣйствій не происходило; но при самомъ отплытіи казаковъ, когда они начали уже садиться въ суда свои, татары, въ числѣ 600 челов., вздумали сдѣлать на нихъ нападеніе. Казаки, предусмотрѣвъ это бросились на татаръ всею силою и прогнали обратно въ крѣпость, положивъ на мѣстѣ знатное число (297).

На мѣреніе турокъ и крымцевъ соединенными силами идти на казаковъ 1653 г. Раздраженные таковыми набѣгами турки непремѣнно хотѣли

(297). Донскія дѣла 1653 г., распросныя рѣчи станичнаго атамана, бывшаго въ семь походѣ. Семена Заварзина, прибывшаго въ Москву въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года.

„А ходили де они на крымскую сторону, на деревни межъ Суга и Балакны, и взяли де улусъ кочевой и ясирю всякаго мужскаго и женскаго полу взяли человекъ съ 50, а бою де съ ними у крымскихъ людей не было, и приходили де на нихъ крымскіе люди, а на бой съ ними не пошли; и оттуду де ходили на Анатолийскую сторону, на турецкіе города, хотѣли де итти на городъ Трапезонъ, только де ихъ къ берегу моремъ непустило и они де ни-

отмстить казакамъ. Для сего султанъ приказалъ крымскому хану вооружить всѣ подвластные ему улусы и пригласить съ войскомъ гетмана Запорожскихъ казаковъ Богдана Хмѣльницкаго. Велѣно соединеннымъ силамъ этимъ идти сухимъ путемъ и напасть на казачьи городки. Со стороны моря турки обѣщали прислать войска свои къ Азову и заградить судамъ Таврической проливъ, дабы не допустить казаковъ въ Черное море. Сверхъ этого крымскому хану предписано было, что, если ему не удастся разбить казаковъ и истребить ихъ городки, въ такомъ случаѣ обратиться на разграбленіе російскихъ пограничныхъ городовъ.

Уже крымскій ханъ вступилъ въ походъ, какъ, вдругъ разнесся слухъ, что калмыки страшными силами переправились чрезъ Донъ и идутъ къ предѣламъ Крыма по повелѣнію Россійскаго Государя; вѣсть эта поразила крымскаго хана, онъ въ то же время перемѣнилъ свое намѣреніе, воротилъ войска къ Перекопи и ожидалъ калмыковъ. Молва эта оказалась ложною, калмыки не являлись.—Между тѣмъ наступило зимнее время и ханъ принужденъ былъ распустить войска свои. Предпріятіе на казаковъ было отложено до другаго года; а наконецъ вовсе перемѣнено, ибо крымскій ханъ считалъ для себя гораздо выгоднѣе разорять російскую украйну. Для этого подвига уже начали собираться войска его, какъ вдругъ получилъ онъ отъ турецкаго султана повелѣніе производить нападенія на сосѣдственныя державы, пока не истребитъ Донскихъ казаковъ (298). Отъ гетмана же Богдана Хмѣль-

же Трапезона ходили на деревни и ясырь взиали сотъ съ пять или съ шесть всякихъ людей мужскаго полу и женскаго.“

„Да ходили де подъ турецкой городъ подъ Триполь и къ тому де городу приступали и промыслу надъ нимъ учинить немогли, потому, что городъ стоить на высококомъ мѣстѣ; да къ тому же де городу присланы изъ Трапезона и изъ Кресана на помощь ратные люди, а моремъ корабль съ ратными жъ людьми. и бой де у нихъ съ ними былъ, и турскихъ де людей на томъ бою побили многихъ людей, а ихъ Богъ помиловалъ, уронъ де у нихъ былъ только небольшой“ . . .

· 298) Крымскія дѣла, № 2, изъ статейнаго списка посланниковъ російскихъ

ническаго прибыль посолъ полковникъ Семень Санченковъ, который грозилъ хану, что если онъ выступить съ войскомъ своимъ на Россійскую украйну, то этимъ не только нарушится навсегда дружба его съ гетманомъ и со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, но что онъ съ своими казаками встрѣтитъ татаръ у Перекопи, а другую часть войскъ своихъ пошлетъ рѣвою Днѣпромъ на крымскіе берега судами, и что по его же совѣту Донскіе казаки нападутъ на Крымъ всѣми своими силами (299).

Жонтева и Ушакова, бывшихъ въ Крыму 1652 года.

„Пріѣхалъ чаушъ къ царю отъ турецкаго царя съ грамотою, а въ грамотѣ написано, велѣлъ де турецкой царь крымскому царю и калгъ и нурадну и всѣмъ крымскимъ мурзамъ и татарамъ нынѣшнія осени итти войной на Донскихъ казаковъ для того, нынѣшняго де гѣта Донскіе казаки моремъ приходили на турецкіе города и многія селы и деревни повоевали, животовъ поимали, а людей мужеской полъ събили, а женской полъ въ полонъ имали, а въ помощь де турецкой царь на казаковъ ратныхъ своихъ людей пришетъ въ Азовъ; да въ помощь же де турецкой царь велѣлъ крымскому царю на казаковъ взять когайскихъ мурзъ и татаръ да горскихъ черкасъ, да у гетмана Богдана Хмѣльницкаго отпросить Запорожскихъ черкасъ, а одноконѣчно бѣ де на Донскихъ казаковъ войною итти, что бѣ казаковъ съ Дону сбить, а будетъ казаковъ съ Дону сбитъ будетъ немочно, и турецкой де царь велѣлъ крымскому царю и калгъ и нурадну итти войною на государевы украинные города.“

Тамъ же, изъ распросныхъ рѣчей пріѣхавшаго изъ Крыму отъ вынесказанныхъ посланниковъ съ донесеніями Ивана Остафьева.

„И царь (крымскій) на Донскихъ казаковъ въ войну не пошелъ затѣмъ, что поговаривали на самыхъ на нихъ крымскаго де походу, и вышедши де изъ Крыму калга и нураднъ со всѣми ратными людьми стояли за Перекопью, покажѣста отпустили на развѣну, ратныхъ людей распустили всѣхъ для того, что калмыцкаго приходу чаяли они по государеву велѣвню и отъ калмыковъ живуть въ великомъ страхѣ.“

(299) Крымскія дѣла, № 17, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму російскихъ посланниковъ Ладженскаго и Огаркова, 1654 года.

„Видѣлся де онъ съ черкасскимъ посланцомъ съ Семеномъ Санченкомъ, и сказывалъ онъ Семень . . . что онъ присланъ въ Крымъ къ царю отъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго и говорилъ царю онъ, Семень, слухъ де до гетмана дошелъ, а во всѣму Запорожскому войску, что онъ, царь Крымской, со всѣми своими ратными людьми и съ улусными людьми, которые у него въ послушаньи, подымается на Московское государство, говорилъ де Семень царю, будетъ де ты царь самъ пойдешъ или кого пошлешъ съ воинскими людьми на

Эти обстоятельства были причиною, что крымскій ханъ вознамѣрился сдѣлать вторженіе въ польскія области, и отправляясь въ походъ прислалъ въ Москву посланника Айвасъ-бека съ увѣдомленіемъ о своемъ предпріятіи и съ домогательствомъ за-прещенія Донскимъ казакамъ производить набѣги на турецкія области и крымскія владѣнія (300). Но когда, по старому, отвѣчали ему, что казаки народъ своевольный и царскаго повелѣнія не слушаютъ; то Айвасъ-бекъ угрожалъ разореніемъ всѣхъ, жилищъ казачьихъ и настоятельно требовалъ строгаго имъ предписанія, хотя для опыта будутъ ли они послушны царской волѣ (301). Въ слѣдствіе чего и было послано на Донъ строжайшее повелѣніе, чтобы казаки на турецкія и крымскія владѣнія никакихъ набѣговъ не дѣлали, развѣ въ

Московское государство, и твоя царева дружба съ гетманомъ и со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ нарушится, и обѣщанія де гетманъ Богданъ Хмѣльницкой съ своимъ войскомъ тебѣ царя встрѣтитъ за Перекопью, а нинѣ своихъ ратныхъ людей хочеть онъ Богданъ отпустить судами Нѣпромъ и моремъ подъ Крымъ, а въ другую сторону по его жъ Богданову совѣту Донскіе казаки Азовскимъ моремъ пойдутъ подъ Крымъ же и тебѣ де царю вѣдь и себя оберегать.“

(300) Крымскія дѣла, № 19, грамота крымскаго хана, привезенная къ Російскому государю 1653 года, въ которой между прочимъ сказано:

„Да посломъ вашими, которые бывають въ Крыму, нѣсколькожды о воровствѣ Донскихъ казаковъ мы говаривали, и мы того не вѣдаемъ, что они тѣ наши слова до васъ доносятъ ли, или вы невнимаете ихъ, а казачьимъ воровствомъ некоторыя большія пользы вамъ необретается, только съ благошастнымъ великимъ съ турецкимъ государемъ ссору, а недружбу чинять, а кромѣ того некоторыя прибыли нѣтъ; да и нашей дружбѣ съ вами ихъ воровствомъ, кромѣ ссоры, прибыли нѣтъ же . . . то чтобъ намъ въ своемъ государствѣ, а вамъ въ своихъ странахъ воровъ унимать; таковыми дѣлы братская дружба и любовь подрѣшается.“

(301.) Слова крымскаго посланника Айвасъ-бека, говоренныя имъ въ Польскомъ приказѣ.

„Да будетъ де царское величество казаковъ унять не велитъ и они де ихъ знаютъ, гдѣ онѣ живутъ, и промыслъ надъ ними учинять зимою или лѣтомъ, какъ время усмотрять, толькобъ де царскому величеству было не въ гнѣвъ.“

Тамъ же.

„А что бъ де царское величество хотя на одинъ годъ заказъ имъ велитъ учинить, а тогда объявятся послушными будутъ.“

такомъ только случаѣ, когда дѣйствительно узнаютъ они о походѣ крымскихъ войскъ на російскую Украину или на Запорожскихъ черкасъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ семь 1654 году гетманъ Малороссійскихъ казаковъ Богданъ Хмѣльницкій, побуждаемый единовѣріемъ, добровольно покорился со всѣмъ войскомъ Россійской державѣ.

Посольскія сношенія Московскаго двора съ Крымомъ о казакахъ. Для удержанія крымскаго хана отъ непріятельскихъ дѣйствій, были отправлены къ нему въ томъ же году посланники: Тимофей Хутынскій и подъячій Оминъ съ просьбою о присылкѣ войскъ, по случаю открывшейся съ поляками войны. Но дворъ російскій напередъ былъ увѣренъ, что крымскій ханъ неприметь этого предложенія, и потому въ мартѣ мѣсяцѣ было предписано Донскимъ казакамъ: воль скоро получатъ они вѣсти о выступленіи крымскихъ войскъ на Запорожскихъ казаковъ, или на російскіе придѣлы, то немедленно всѣми силами напасть съ моря на крымскія владѣнія. — Казаки начали дѣлать развѣзды малыми партіями около крымскихъ улусовъ для языковъ; на одной спибкѣ татары схватили двухъ казаковъ, привели ихъ въ Бакчи - Сарай и въ допросахъ вынудили признаніе, что они посланы были по царскому повелѣнію для развѣдыванія о намѣреніяхъ крымскаго хана, и что имъ велѣно воевать Крымъ. Показаніе этихъ казаковъ тотчасъ объявлено было російскимъ посланникамъ съ безчисленными упреками: крымцы говорили, что Россійскій Государь никакъ не располагаетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ, и въ то самое время, какъ проситъ помощи на польскаго короля, посылаетъ казаковъ подъ крымскіе улусы; сверхъ того объявили, что они имѣютъ уже достовѣрныя свѣдѣнія о выходѣ казаковъ въ море на 38 стругахъ.

Посланники, приведенные этимъ въ замѣшательство, все еще представляли, сколько могли, крымскимъ мурзамъ, что Донскіе казаки всегда своевольно, а не по повелѣнію цар

своему воюютъ крымскіе улусы и царскихъ приказаній вовсе не слушаютъ. Для изобличенія въ несправедливыхъ отговорахъ російскихъ посланниковъ, крымцы представили въ нимъ одного изъ пойманныхъ казаковъ; но этотъ, расказавшись въ прежней неосторожности, объявлялъ торжественно, что на Дону не было никакого повелѣнія отъ Россійскаго Государя насчетъ поисковъ надъ крымцами; а посланы они войсковымъ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ.—Таковой переворотъ далъ силу показаніямъ російскихъ посланниковъ; они съ негодованіемъ говорили крымцамъ: „теперь сами видѣте, что великій Государь нашъ вовсе о дѣйствіяхъ казаковъ не знаетъ. Да и этотъ, котораго вы при мнѣ допрашивали, есть ногайскій татаринъ, а не казакъ; унимайте ихъ чтобъ не бѣгали на Донъ и не причиняли бы вамъ съ Донскими казаками смуты. Озлобленные татары приказали несчастнаго казака разстрѣлять (302).

Но крымцы непремѣнно хотѣли изобличить въ несправедливости російскихъ посланниковъ; съ этою цѣлю, чрезъ нѣсколько дней, привели къ нимъ новаго Донскаго казака,

(302). Дѣла крымскія, № 3, статейный списокъ посланниковъ, бывшихъ въ Крыму 1654 года, Тимофея Хотунскаго и подъячаго Ивана Фомина.

„И Саферъ-Газы-ага посланникамъ говорилъ: какъ де хану съ государемъ вашимъ быть въ братской дружбѣ, что государь васъ посланниковъ въ Крымъ къ хану прислалъ, чтобъ ханъ съ татари на польскаго короля войною шелъ, а послѣ того повелѣнье свое прислалъ къ Донскимъ казакамъ, чтобъ они съ Дону въ Крымъ послали казаковъ для языковъ и вѣдомости крымскихъ вѣстей.“

Тамъ же.

. . . „И казакъ сказалъ, что отъ Государя на Донъ къ донскимъ казакамъ никто не присылывалъ и государева указа о томъ не бывало, а прислалъ де ихъ казаковъ съ Дону для языковъ казачей атаманъ Наумъ.“

„И Тимофей и Иванъ Саферъ-Газы-агъ и ближнимъ людямъ говорили: всегда вы говорите, что Донскіе казаки воруютъ, а государь нашъ его царское величество про то вѣдаетъ и отъ того воровства не унимаетъ, и вы то сами видите, что казакъ говоритъ прислалъ ихъ съ Дону атаманъ соборъ, а не по указу царскаго величества, да и всегда тѣ казаки ходятъ своимъ самовольствомъ для своей добычи, а тотъ казакъ вашъ же ногайской татаринъ, и вы своихъ татаръ унимайте, чтобъ они на Донъ не ходили и съ Донскими казаками за одно не воровали.“

пойманнаго подъ Кафою, и объявили, что ханъ, желая утвердить справедливость своего неудовольствія на Россію приказалъ въ присутствіи ихъ спросить этого плѣнника, который показалъ, что казаки вышли въ море дѣйствительно по повелѣнію царскому. Но посланники, опасаясь новаго затрудненія, отклонили это, что они неимѣютъ на то повелѣнія отъ Россійскаго Государя, и что казакъ легко можетъ дать всякое показаніе по ихъ наученію, опасаясь быть разстрѣленнымъ.

Вскорѣ послѣ этого, именно 30 іюня 1654 года, постигла Исламъ-Гирейя смерть. Приѣмникъ его Магметъ-Гирей прибылъ въ Крымъ изъ Константинополя 9 октября и желалъ показать больше твердости; тотчасъ приказалъ отправить російскихъ посланниковъ въ Москву съ такимъ объясненіемъ: „Повелитель его султанъ изъявляетъ величайшее негодованіе свое на Донскихъ казаковъ; они ежегодно производятъ набѣги на турецкія владѣнія, берутъ людей въ плѣнъ и разоряютъ селенія и города.—Если Россійскій Государь приметъ противъ казаковъ строгихъ мѣръ, въ такомъ случаѣ султанъ пошлетъ 100 /т. своего войска, которое, въ соединеніи съ крымцами и подвластными народами, нападетъ на казаковъ и разоритъ всѣ ихъ жилища; а потомъ обратитъ свое оружіе на російскую украину (303).

(303) Тамъ же. Магметъ - Гирей приказалъ Саферъ-Газы агѣ сказать російскимъ посланникамъ слѣдующее:

„ Какъ его хана изъ Царя города турецкой салтанъ на крымской юртъ отпускалъ и онъ ему приказалъ, Московскаго Государя вамъ посланникамъ велѣлъ говорить: воровъ де Донскіе казаки ежегодно приходятъ моремъ землю его воюютъ и людей побиваютъ, и въ полонъ емлютъ и разоряютъ и досады большія чинятъ, и такіе де ему обиды ни отъ котораи земли не бываетъ, что отъ тѣхъ Донскихъ казаковъ, что бѣ вамъ посланникамъ Государю извѣстити, а боярамъ и ближнимъ людямъ говорить, что тѣхъ воровъ Донскихъ казаковъ отъ той войны неуйметъ, и турецкой де салтанъ приказалъ ему Магметъ-Гирей хану велѣлъ въ Царь-городъ отписать, и къ нему хану пришлетъ своихъ ратныхъ людей 100 /т. и съ тѣми его ратными людьми и съ крымцы и съ ногайцы велитъ ему хану ити войною на тѣхъ Донскихъ казаковъ и ихъ всѣхъ разо-

Новый набѣгъ казаковъ на Тавриду и на турецкія области. Новый ханъ, желая ознаменовать вступленіе на престолъ доблестями войны и удовлетворить корыстолюбію своихъ подданныхъ, началъ собирать войска. Вѣсть объ этомъ получена въ Москвѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1655 г., гдѣ, по случаю тогдашней войны съ поляками, не безъ основанія опасались вторженія крымцевъ. Для отвращенія этого надлежало занять враговъ въ собственной ихъ землѣ. Въ этомъ намѣреніи приказано было главнымъ калмыцкимъ владѣльцамъ Дайчинъ и Лаузанъ тайшамъ соединить войска свои съ войскомъ князя Одоевскаго, собраннымъ въ Астрахани, на Терекѣ и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ, идти на Донъ, откуда уже совокупно съ Донскими казаками напасть на предѣлы Крыма (304). Но за отдаленнымъ кочевьемъ и за великимъ разливомъ рѣки Волги калмыки и войска Одоевскаго не могли поспѣшить на Донъ къ назначенному времени.

Между тѣмъ Донскіе казаки получили новое повелѣніе выступить судами противу крымцевъ (305), и три тысячи человѣкъ тотчасъ сѣли въ струги, подъ предводительствомъ атамановъ Чесночихина и Семена Варгуна, и пустились въ море, скоро достигли они до крымскихъ владѣній и тамъ распространили ужасъ, взяли приступомъ городъ Судакъ, выжгли окрестныя деревни; все что только попадалось имъ на встрѣчу, истребляли они до основанія. Потомъ обратились къ Ка-

рить, а разоря ихъ, ятти войною на Московское государство, и та вся ссора чинится отъ тѣхъ воровъ малыхъ людей Донскихъ казаковъ.“

(304). Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1655 года марта 15-го и того жъ года мая 5-го.

(305) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1655 года апрѣля 23-го.

„ Послана къ вамъ наша грамота, а велѣно надъ крымскими улусы, буде они пойдутъ на наши украинны или на наши черкаскіе города войною, промышлять, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выѣ атаманы и казаки на крымскіе улусы войною шли и надъ ними промышляли, сколько милосердый Богъ помочи подасть, а на турецкаго городы и мѣста одволичнобы ест не ходили.“

фѣ: гарнизонъ этого города не въ силахъ былъ сопротивляться казакамъ; они взяли приступомъ земляной городъ и разорили въ немъ всѣ жилища. Но освѣдомившись, что приближаются къ Кафѣ шесть купеческихъ кораблей съ товарами, бросились въ суда свои, настигли ихъ и по кратковременномъ сопротивленіи овладѣли двумя кораблями, нагруженными пшеницею и другими вещами. Послѣ этого казаки съ добычею, безъ всякаго урона въ людяхъ, возвратились къ берегамъ Дона (306).

Казаки разоряютъ городъ Тамань и опустошаютъ многія селенія. Въ это время ханъ крымскій со всѣми войсками стоялъ у Перекопа безъ всякаго дѣйствія: съ одной стороны тревожили его казаки своими нападеніями на крымскіе берега, съ другой — опасался онъ калмыкъ, о вооруженіи коихъ имѣлъ уже свѣдѣніе (307). Ка-

(306) Тамъ же, распросниа рѣчи станичнаго атамана Казьмы Дмитріева, прибывшаго въ Москву 1655 г. августа 23-го.

„ Да изъ войска де подъ Перекопъ посланы съ Дону для вѣстей конныя люди, и взяли де было языка татарина, и тотъ де языкъ въ распросѣ сказалъ, что крымскій царь въ сборѣ и стоитъ на готовѣ, а хочетъ итти на государевы украины войною; да тотъ же де языкъ татаринъ сказалъ, что де онъ слышалъ, которое Донское войско пошло на море, и тѣ де люди взяли городъ Судачекъ, а стоитъ тотъ городъ межъ Кафы и Булганы, и людей де многихъ побивають, а тому де крымскіе люди дивятся, какъ де напередъ сего Донскіе казаки хаживали на море, и она де только полонъ имали, а нынѣ де вездѣ людей побивають и села и деревни жгутъ.“

Дѣла Крымскія № 8, статейный списокъ бывшихъ въ 1655 г. въ Крыму посланниковъ Тимофея Хутынскаго и Ивана Оюмина.

„ Июля въ 22 день къ Тимофею и Ивану пріѣзжалъ на дворъ Богатырша мурза Сулемовъ . . . и говорилъ: тому де нынѣ 4 день шли изъ Царя - города къ Кафѣ 6-ть кораблей съ хлѣбомъ и съ товары и тѣ де Донскіе казаки къ тѣмъ кораблямъ приступали и взяли два корабля, одинъ съ хлѣбомъ, а другой съ товары и послѣ де того, тому нынѣ 3-й день, тѣмъ вору Донскіе казаки приступали къ Кафѣ и вошли въ земляной городъ.“

(307) Дѣла Донскія, распросниа рѣчи станичнаго атамана Павла Оедорова, пріѣзжавшаго въ Москву 1655 года декабря 10.

„ И тѣ де взятые языки говорили, что крымскій царь въ Крымѣ въ собраньи и ратные люди наготовѣ, а хотѣлъ итти по лѣту къ полякамъ и не-

казаки знали о бездѣйствіи крымскаго хана, знали и то, что калмыки, за отдаленнымъ кочевьемъ, не могутъ въ надлежащее время прибыть къ берегамъ Дона, рѣшились въ томъ же 1655 году вторично напасть на крымскія владѣнія; для этого 2,030 казаковъ на 34 стругахъ отправились въ море, подъ главнымъ начальствомъ атамана Павла Федорова. Флотъ этотъ первоначально присталъ къ городу Тамани; казаки единогласно положили взять оный приступомъ, бросились на стѣны и по маломъ сопротивленіи овладѣли онымъ; несчастные жители, не могшіе спастись бѣгствомъ, были порублены, весь городъ преданъ былъ пламени; въ этомъ общемъ смятеніи казаки захватили 400 человекъ въ плѣнъ и отбили нѣсколько сотъ російскихъ плѣнныхъ. Такимъ образомъ разрушивъ до основанія городъ и нагрузивъ суда свои добычами, обратились они къ берегамъ Крыма между Керчи и Кафы; жители по однимъ слухамъ бросали жилища свои и уходили во внутренность Крыма. Казаки безъ всякаго препятствія жгли и разоряли татарскія деревни. Бѣжавшіе жители, въ ужасѣ своемъ, распространили преувеличенную молву о безчисленномъ множествѣ казаковъ и о ихъ варварскихъ поступкахъ съ жителями. Вѣсть объ этомъ скоро достигла до столицы крымской Баячисарая: все пришло тамъ въ смятеніе, намѣстникъ ханскій Муртаза-ага, объятый страхомъ, не находилъ средствъ къ отраженію казаковъ; онъ едва могъ собрать 300 человекъ худооруженныхъ татаръ, какъ вдругъ казаки перенесли уже свои опустошенія къ устью рѣки Алмы, гдѣ имѣли они намѣреніе запасть пресною водою; но увидѣвъ татаръ съ намѣстникомъ въ боевомъ порядкѣ, они пригребли къ берегу и однимъ пушечнымъ залпомъ подвинули противниковъ своихъ назадъ, высадили около тысячи казаковъ на берегъ, вступили съ татарами въ сраженіе и, бу-

пошли де за тѣмъ, что вѣсти были въ Крыму, что калмыки хотѣтъ приходить на крымскіе улусы войною, да и для того, что ихъ они Донскіе казаки воюемъ около ихъ мѣстъ.“

дучи превосходнѣе въ силахъ, тотчасъ разсѣяли ихъ. Въ этомъ сраженіи намѣстникъ ханскій Муртуза-ага получили двѣ раны и убитъ подь нимъ лошадь. На другой день казаки отплыли отъ этого мѣста къ городу Карассу и разоривъ около онаго нѣсколько деревень, поплыли къ Дону (308).

Неудачный приступъ казаковъ къ Азову. Съ донесеніемъ объ этомъ посланъ былъ отъ войска въ Москву походный атаманъ Павелъ Ѳедоровъ. Государь, похваляя службу казаковъ, велѣлъ послать къ нимъ жалованье, съ прибавкою противъ прежняго. Имъ предписано было, чтобъ до того времени, пока запорожскіе казаки не уврѣпятъ по граничныхъ городовъ своихъ со стороны Крыма, они прекратили бы набѣги на крымскія владѣнія. Казаки безпрекословно готовы были оставить Крымъ въ покоѣ; но самимъ все лѣто пробить безъ дѣйствія было противно ихъ неугомонному духу. Ища новыхъ подвиговъ, они рѣшились покорить Азовъ и срыть его до основанія. Для этого предпріятія собралось въ Черкасскомъ городѣ болѣе трехъ тысячъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, въ числѣ коихъ находились и промышленники, пріѣхавшіе туда изъ російскихъ украинныхъ городовъ; все это войско приступило къ Азову, подь главнымъ начальствомъ войсковаго атамана Наума Васильева и знатнаго старшины Павла Ѳедорова. Достоинно сожалѣнія, что о семъ событіи нѣтъ подробныхъ свѣдѣній; извѣстно только весьма кратко, что турки на вылазкѣ побили казаковъ полто-

(308) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Павла Ѳедорова, пріѣхавшаго въ Москву 1655 г. декабря 10-го.

„ Ходилъ де онъ, Павелъ, пышннимъ лѣтомъ моремъ на крымскіе улусы въ 34 сругахъ 2030 человекъ, и на Крымъ де они шли Черноморскимъ гирломъ, и взяли городъ Тамань и посады, и въ городѣ хоромы пожгли, и татаръ многихъ побили и живыхъ взяли татаръ мужскаго пола и женскаго и привезли въ войско человекъ съ 400.“

То же Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниковъ Жукова и Пашина 1656 года.

ры тысячи и захватили много въ плѣнъ (309). Но этотъ несчастный приступъ казаковъ останется замѣчательнъ еще тѣмъ, что знаменитый вождь казаковъ старшина Павелъ Ѳедоровъ попался въ плѣнъ врагамъ своимъ: злобные азовцы тотчасъ умертвили его (310).

Донскіе казаки, начавшіе войну съ Азовомъ вопреки повелѣнію Государя, послали отъ войска старшину Понкрата Степанова просить прощенія и годичнаго жалованья; Государь отдавая вину ихъ, писалъ въ грамотѣ своей: „хотя за ваше непослушаніе жалованья послать бы къ вамъ и не слѣдовало, но мы руководствуясь милосердіемъ, во уваженіе вашей прежней службы и въ той увѣренности, что вы проступокъ сей заглядите, пожаловали васъ своимъ жалованьемъ (311).

Переговоры Россійскаго двора съ Крымскими казаками. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1654 года былъ

(309) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи бывшего на Дону дворянина Савостьяна Протасьева, возвратившагося въ Москву октября 9-го 1656 года.

„А при немъ де Донскіе казаки ходили подъ Азовъ, войсковою атаманъ Наумъ Васильевъ да Павелъ Ѳедоровъ съ товарищи, а съ ними запорожскихъ черкасъ и украинныхъ городовъ торговыхъ людей съ 3000 и больше и подъ Азовомъ де на вылазкѣ азовскіе люди казаковъ побили тысячи съ полторы и взяли въ полонъ Павла Ѳедорова и иныхъ Донскихъ казаковъ, а сколько де человекъ, того онъ не вѣдаетъ“.

(310) Дѣла Крымскія, № 1 распросныя рѣчи толмоча Тихона Алтобаева, присланнаго изъ Крыма въ Москву росс. посланниками, находившимися тамъ, 1656 года.

„Да имъ же сказывали въ Крымѣ татаровя, что Донскіе казаки приступали къ Азову, и на приступѣ де Донскихъ казаковъ побили многихъ азовскіе люди и взяли въ полонъ атамана Павла Ѳедорова и его казнили, а голову его въ Крымъ привезли и изъ Крыму тою голову послали въ Царь-городъ къ турецкому салтану“.

(311) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1657 г. марта мѣсяца.

„И за то, что вы безъ нашего В. Государя повелѣнья ходили подъ Азовъ и людей многихъ потеряли, нашего Вел. Государя жалованья послать было и не довелось, только мы, Вел. Государь, по нашему государскому милосердому праву, за прежнія ваши службы и чая намъ Великому Государю впредь отъ васъ службою своею заплати, нашей Вел. Государя оцали на васъ не положили, а пожаловали васъ и указали послать къ вамъ нашего государскаго жалованья денегъ и проч.“

присланъ въ Москву отъ крымскаго хана Магметъ-Гирея го-нецъ Шебанъ, съ извѣстіемъ о вступленіи его на крымскій престоль: ему поручено было главнѣйше настаивать объ унятіи казаковъ отъ набѣговъ. Относительно этого предмета крымскій ханъ писалъ въ своей грамотѣ: „уймите своихъ Донскихъ казаковъ отъ набѣговъ на Турцію и Крымъ; кака я можетъ быть между нами дружба, когда и я съ своей стороны позволяю татарамъ равнымъ образомъ разорять ваши украинны? Мнѣ извѣстно, что казаки вамъ повинуются; и потому если теперь хотя одно судно ихъ появится у крымскихъ береговъ, тогда нарушеніе мира и добраго согласія произойдетъ съ вашей стороны (312).

Отъ Россійскаго двора отправлены были въ Крымъ посланники Жеребцовъ и Титовъ, для увѣренія хана въ дружественныхъ расположеніяхъ Государя. Тамъ, среди сужденія о дѣлахъ государственныхъ были подобно прежнимъ переговоры и о Донскихъ казакахъ; но остались безъ всякихъ послѣдствій.

Въ слѣдующемъ году переговоры объ унятіи казаковъ отъ набѣговъ, со стороны крымцевъ возобновлены были предъ нашими послами Жуковымъ и Пашинымъ по прежнему, съ жаркимъ настоятельствомъ; но эти переговоры, подобно

(312). Дѣла Крымскія, № 11. Въ грамотѣ, прислаемой отъ Крымскаго хана Магметъ-Гирея къ Россійскому Государю съ гонцомъ Шебаномъ, между прочимъ сказано:

“ Да ваши люди украинцы изъ вашего государства приходятъ на Донъ и воруютъ, ежелтъ на Черное море стругами ходить, вселеннаго благосчастнаго величества подлѣ морскихъ мѣстъ воють и шкоты чинятъ безпрестани, а мы съ вами въ братской дружбѣ и любви, а казаковъ неупинаете, межъ нами великими государями чинятъ большія ссоры, вамъ только своихъ воровъ неупинятъ, а намъ потомужъ своихъ неупинать, кака жъ межъ нами братская дружба и любовь? . . . А будетъ отъ нынѣшняго дни на морѣ хотя одинъ стругъ объявится, а шерти нарушенье будетъ отъ нашей стороны, а только будетъ учнете казну ежегодно присылать, а съ Дону тѣхъ воровъ свестъ велите, и съ сей стороны государству вашему украиннамъ отнюдъ никакова убитку и шкоты не будетъ.”

прежняиъ, тоже неимѣли рѣшительнаго послѣдствія (313).

Опустушеніе крымскихъ и аналійскихъ береговъ. Хотя крымцы на словахъ грозили настойчиво совершеннымъ уничтоженіемъ жилищъ казачьихъ, однакожь на дѣлѣ поступали въ этомъ предпріятіи съ крайнею безрасчетливостію: они думали, что испугаютъ Донцовъ, если пошлютъ на нихъ тысячъ пять войска. Число это собралось изъ Крыма, Тамани и другихъ мѣстъ, и въ февралѣ мѣсяцѣ 1657 г. приступило къ Черкасскому городку; но простоявъ подъ онымъ долгое время, воротились къ Азову безъ всякаго успѣха (314). Казаки же въ явное пренебреженіе своихъ непріятелей, лишь сълѣбо открылась весна, въ виду ихъ прошли рѣкою Дономъ мимо Азова въ 33 стругахъ, подъ начальствомъ молодаго атамана Корнилія Яковлева, оставивъ въ Черкасскомъ городкѣ

(313). Дѣла Крымскія, № 14, изъ статеинаго списка, бывшихъ въ Крыму, 1655 года, російскихъ посланниковъ Жеребцова и Тиханова.

„И посланники Саферъ-Газы-агѣ говорили, что Донскіе казаки отъ Царскаго Величества отдалены, и во многихъ статьяхъ ему Велик. Государю не послушны, и они крымскіе люди съ ними управилсь бы сами, а Царское Величество за нихъ стоять не будетъ, а Запорожскихъ черкасъ Великій Государь на Донъ не посылывалъ и впрядъ не пошлетъ, развѣ изъ нихъ Запорожскихъ черкасъ прошли на Донъ небольшіе люди для рыбныхъ промысловъ.“

Тамъ же, № 11, статеинный списокъ російскихъ посланниковъ Жукова и Пашина, бывшихъ въ Крыму 1656 г. Посланники говорили:

„Великій Государь нашъ владѣетъ многими государствы и городами, а тѣ Донскіе казаки вѣдомые воры . . . а Великому Государю гдѣ за такими ворами ратныхъ людей посылать; живутъ что звѣри, ни градовъ, ни дожовъ не имѣютъ, а живутъ по камышамъ и по озерамъ и пашни не пашутъ, живутъ такъ, что добудутъ, то и ядятъ, а Великому Государю за такими ворами посылать ратныхъ людей сухимъ путемъ и ихъ взять не гдѣ, сядутъ въ струги, да и уйдутъ въ морѣ.“

(314). Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1657 г. мая 17 дня.

„Въ нынѣшнѣмъ 165 году, мая въ 9 день, писали есте къ намъ Великому Государю съ станицники своими съ атаманомъ Прохоромъ Ивановымъ съ товарищи, что въ февралѣ мѣсяцѣ приходили къ вамъ на Донъ къ Черкасскому городку крымскіе мурзы со многими людьми, а съ ними томанцы, и черкаси горскіе, и кабардинцы, и малаго ногаю, и темрюцкіе и азовцы и ви отъ нихъ въ осадѣ сидѣли не малое время.“

значительный гарнизонъ. Флотилія эта, вмѣщавшая въ себѣ 2,000 казаковъ, вскорѣ достигла до крымскихъ береговъ; тамъ, около города Козлова, казаки вышли на берегъ, разграбили и выжгли 10 деревень, плѣнили 600 человекъ турокъ и татаръ, освободили 200 человекъ российскихъ плѣнниковъ и съ богатою добычею возвратились на Донъ (315).

Въ это время, на мѣсто умершаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, возведенъ, по общему желанію Малороссийскихъ казаковъ, Иванъ Выговскій. Честолюбецъ этотъ, нарушивъ данную имъ клятву въ вѣрности Россійскому Государю, вступилъ въ подданство со всеѣмъ Малороссийскимъ и Запорожскимъ войскомъ польскому королю. Онъ просилъ помощи у крымскаго хана для отраженія российскихъ войскъ и для наказанія противящихся ему казаковъ. Россійскій государь, получивъ объ этомъ подробныя свѣдѣнія, писалъ къ Донскимъ казакамъ, чтобы они, коль скоро узнаютъ о выступленіи крымскихъ войскъ противу вѣрныхъ малороссийскихъ казаковъ или на российскія украины, въ тожъ время моремъ внесли бы въ Тавриду ужасъ и смерть. Грамота объ этомъ послана была на Донъ іюня 3 дня 1659 г., но Донскіе казаки еще до полученія оной, узнавъ о выступленіи крымскихъ войскъ въ Малороссію для соединенія съ гетманомъ Выговскимъ, отправили въ море болѣе 2,000 казаковъ на 30 стругахъ, подъ начальствомъ прежняго атамана Корнилія Яковлева. Между

(315) Изъ тѣхъ же дѣлъ, распросниъ рѣчи станичнаго атамана Михайла Лукьянова, прибывшаго въ Москву 1657 г. декабря 1 дня.

„ Да онъ же станичникъ Михайло сказывалъ: какъ де прошлаго лѣта ходили они съ Дону на Черное море 33 струга, а людей было 2,000 человекъ, а атаманомъ былъ Карпій Черкасъ и на крымской сторонѣ около Козлева погромили и выжгли деревень съ 10-ть, а полону турецкаго и татарскаго взяли съ 600 человекъ, да русскаго полону отбили человекъ съ 200; и въ томъ де числѣ было государевыхъ людей челов. съ 20, а достальныя всея запорожскіе черкасы. И тѣ де запорожскіе черкасы пошли въ запорожскіе города, а русскіе люди въ государевы украинныя города; а асыр де турецкой и крымской они распродали.

тѣмъ крымцы, соединясь съ Выговскимъ, производили уже опустошенія въ російскихъ границахъ: „Я привазывалъ вамъ, писалъ Россійскій Государь на Донъ, что бы вы, при первой вѣсти о походѣ татаръ, стремились на разореніе крымскихъ владѣній; нынѣ крымскій ханъ съ измѣнникомъ Выговскимъ недумаютъ о прекращеніи войны; немедленно опустошить области хана (316).

Казави, ворвавшись въ крымскіе предѣлы, распространили ужасъ; все то, что только попадалось имъ между Керчью, Кафою и Балаклавою, жгли и истребляли, не находя нигдѣ препятствія; несчастныхъ жителей предавали смерти безъ различія пола и возраста, взяли въ плѣнъ 2,000 человекъ турковъ и татаръ и освободили 150 чел. російскихъ плѣнниковъ. Потомъ обратились къ Тамани, разорили кочевавшіе тамъ улусы до самаго Темрюка, разграбили и выжгли населенныя деревни; наконецъ пустились къ берегамъ Анадоли; тамъ для грабежей выходили на берегъ около Синопа и города Кандры, и приближались къ Царь-граду за одинъ день ѣзды. Такимъ образомъ нагрузивъ суда свои различными добычами, возвратились въ Черкасскій городокъ (317). Съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ въ Москву атаманъ Осипъ Петровъ; Го-

(316) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 1659 г. отъ 24 іюля.

„И крымскій ханъ съ измѣнникомъ нашимъ съ Иваномъ Выговскимъ соединясь стоитъ въ войскѣ безотступно и потому знатно ужъ то отъ васъ надъ Крымомъ промыслу никакого нечинится.“

(317). Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Кирила Петрова, прибывшаго въ Москву 1659 г. сентября 17.

„А ходили де они на крымскіе улусы и были подъ Кафою и подъ Болыкляею и подъ иными многими мѣстами и въ томъ де походѣ змали ясирю турскаго и крымскаго и женскаго полу съ 2,000 чело., а выходили де изъ струговъ на берегъ подъ Кафою и подъ Болыкляею и подъ Керчью, а ходили де отъ струговъ на берегъ въ Крымъ верстъ съ 50 и идучи де отъ Темрюка и до Тамани улусы темрюцкихъ черкасъ и таманскихъ пожгли и многихъ людей побия и въ тѣхъ де мѣстахъ ясирю русскаго полуны помнили чело. полтораста . . . А на турской сторонѣ были подъ городами близко Синопа, а Ка-

сударь похваляя службу казаковъ, одарилъ щедро храбраго этого атамана и велѣлъ послать на Донъ большое жалованье — 3,000 руб. денегъ, 3,000 четвертей муки, 100 поставовъ суконъ гамбургскихъ, 200 пуд. пороху и 100 пуд. свинцу.

Г Л А В А XII.

Азовцы усиливаются помощію турокъ и крымцевъ.—Казаки испрашиваютъ отъ Государя себѣ въ помощь ратныхъ людей подъ предводительствомъ воеводъ.— Крымскій ханъ ставитъ крѣпость на верхнемъ устьѣ Каланчи и на Донцѣ.— Положеніе казаковъ и російскихъ войскъ послѣ построения татарами крѣпости.—Неудачный приступъ казаковъ къ Донецкой крѣпости и Калапчинскимъ башнямъ.—Совѣзъ съ калмыками.—Казаки вновь прокапываютъ ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море.— Переговоры съ Крымомъ о мирѣ.— Набожность казаковъ.— Положеніе дѣлъ на Дону до возмущенія Разина.

Азовцы усиливаются помощію турокъ и крымцевъ. Наконецъ турки и крымцы, наскучивъ 10 лѣтъ сряду продолжавшимися нападеніями Донскихъ казаковъ, приняли рѣшительныя мѣры преградить имъ всѣ пути въ море. Казаки лишь только услышали о сильномъ вооруженіи на нихъ турокъ, немедленно послали 200 товарищей своихъ моремъ подъ городъ Тамань, для подробнѣйшихъ развѣдываній: тамъ узнали казаки, что крымскій ханъ вооружаетъ на нихъ всѣ подвластные ему народы, что изъ города Кафы уже отправлены сухимъ путемъ чрезъ Тамань въ Азовъ 3,000 яны-

стантиннова острова и города Кондры и до Царя-города за сутки.“

Тамъ же, грамота на Донъ отъ 11 февраля 1660 года.

„Что вы служя намъ, Великому Государю, ходили моремъ на крымскіе мѣста и милостію Божіею на Азовскомъ морѣ по черкесской сторонѣ, межъ Темрюка и Томани, многіа селы и деревни пожгли и разорили, а въ Крыму отъ Кафы и до Буахлен города, посады и села и деревни выггли и залустишили и многихъ крымскихъ людей побили и въ полонъ жонъ ихъ и дѣтей ихъ поимали и нашихъ Царскаго Величества людей многихъ полоняниковъ изъ Крыму вывезли и отъ себя съ Дону отпустили въ наши Великаго Государя города, и мы Великій Государь васъ атамановъ и казаковъ за вашу службу жалуемъ милостиво похваляемъ.“

чарь, и что скоро къ этому же городу пойдутъ изъ Константинополя 35 кораблей съ лѣсомъ и камнями для постройки на Дону трехъ крѣпостей (318).

Въ столь очевидной опасности казаки не теряли духа и надежды: въ тотъ же день, въ который узнали объ этомъ, они отправили въ море 30 струговъ съ отборными воинами для нападенія на Крымъ; но этимъ воинамъ было неизвѣстно, что ханскія войска уже на берегахъ Дона и подъ стѣнами Азова. Едва казаки ночью прошли устья Дона, какъ на зорѣ увидѣли въ заливѣ Азовскаго моря 35 турецкихъ кораблей, а на берегахъ многочисленную армію: ее привелъ ханъ за день предъ этимъ; не было возможности идти далѣе, надобно было думать только о спасеніи своемъ. Казаки поспѣшно пригребли къ устьямъ Дона и поплыли вверхъ Калачинскимъ протокомъ, но ихъ замѣтили азовцы съ высоты стѣнъ своихъ и тотчасъ дали вѣсть всѣмъ полчищамъ татарскимъ. Большія и малыя партіи мусульманъ засѣли во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ вверхъ по Дону съ артиллерію и ружьями, и такимъ образомъ заградили казакамъ всѣ пути. Рѣшась пробиться сквозь многочисленныхъ непріятелей, казаки смѣло пошли судами вверхъ и сражаясь на каждомъ шагу, едва успѣли пройти въ цѣлый день шесть верстъ съ неимовѣрною трудностію; но слухъ объ ихъ опасности достигъ наконецъ Черкаскаго городка, отъ котораго была выслана значительная помощь атакованнымъ и они избавились отъ гибели. Достоинно замѣчанія, что при семъ случаѣ казаки такъ искусно

(318) Дѣла Донскія, распроснія рѣчи стапичнаго атамана Фрола Минаева. 1660 года мая 23-го.

„А ходило де ихъ изъ войска судами на крымскіе и темрюкскіе мѣста съ 200 человекъ, и въ тѣхъ мѣстахъ взяли языкъвъ семь человекъ татаръ“ . . .

Тамъ же.

„А изъ Азова безпрестанно посылають азовцы къ крымскому хану о помощи . . . И турецкой салтанъ хотѣлъ къ нимъ прислать 50 каторгъ и велѣлъ де салтанъ къ Азову вѣсти лѣсъ, а ставить де имъ на Дону на устьѣ городъ.“

умѣли отступить, что нелишились ни одного судна и даже не потеряли ни одного человѣка (319).

Казаки испрашиваютъ отъ государя себѣ въ помощь ратныхъ людей подъ предводительствомъ воеводъ. Еще до прибытія къ Азову крымскаго хана и турецкихъ войскъ, казаки, по первому извѣстію о вооруженіи мусульманъ, послали въ Москву знатныхъ старшинъ: Ѳедора Будана и Фрола Минаева, просить вспомоствованія войскомъ и скорѣйшей присылки обѣщаннаго Государемъ жалованья. Между тѣмъ отъ плѣнныхъ безпрерывно получали новыя свѣдѣнія, что гарнизонъ азовскій со дня на день увеличивается разными войсками и изъ Константинополя идутъ суда съ ратными людьми. Государь, одобряя казаковъ, писалъ къ нимъ, что какъ войска подъ начальствомъ воеводъ Семена и Ивана Хитрово, такъ и жалованье будетъ къ нимъ изъ Воронежа въ скорости. Проходятъ май и июнь мѣсяцы, а войска російскаго не было на Дону; казаки ясно предвидѣли грозу и поймавъ подъ Азовомъ еще языка, подробно рассказавшаго имъ замыслы враговъ ихъ, отправили этого татарина въ Москву съ станичнымъ атаманомъ

(319) Тамъ же, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву августа 11-го 1660 года.

„ А ханъ крымской и салтанъ съ крымскою ратью и съ ордою и съ темрюцкими и съ томанскими черкесы подъ Азовъ пришли до 35 каторгъ и съ Царя-города пришли жъ и стоять подъ Азовомъ же на взморьѣ; и мы холопи твои, не вѣдая ихъ подъ Азовъ приходу, пошли было на море Азовское 30 стругами на крымскія мѣста и увидя мы тѣ каторги и хана крымскаго съ ратью и съ ордою и шатры ихъ, вернулись мы назадъ и пошли Коланчею, и турскіе люди и ханъ съ ратью и съ азовцы, усмотря насъ, учинилъ въ Коланчѣ по обѣ стороны и по Дону пересѣдъ съ пушками и съ мѣлкими ружьемъ и съ лучнымъ боемъ, нехотя пропустить насъ назадъ; и дралися мы, холопи твои, съ ними день весь съ утра и до вечера и прошли Коланчею напроломъ съ великою нуждою и за боемъ великимъ пришли домой.“

Тамъ же, изъ распросныхъ рѣчей привезшаго ту отписку въ Москву станичнаго атамана Михайла Петрова . . . „И шли де они отъ тѣхъ турскихъ и крымскихъ людей съ большимъ боемъ версты шесть, а войско де высылаю къ нимъ на выручку рѣкою и проходъ ихъ былъ въ войско съ моря съ великою нуждою и съ жестокиимъ боемъ.“

Григоріємъ Афонасьевымъ, повтораю просьбу свою о войскѣ и жалованьѣ. Царь вторично въ грамотѣ своей писалъ Донцамъ, что просимая ими помощь послана уже и вскорѣй придетъ на Донъ; но отправленные воеводы медлили и о походе ихъ не было никакого слуха. Въ сей крайности казаки принуждены были послать въ Москву третью станицу, съ атаманомъ Михайломъ Петровымъ, ходатайствовать о понужденіи нерадивыхъ воеводъ. Они донесли Государю, что крымскій ханъ пришелъ къ Азову въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца и расположился станомъ между рѣкою Дономъ и Донцомъ, а калга противъ него на лѣвой сторонѣ Дона; что татары имѣютъ намѣреніе строить по Дону крѣпости и разорить Черкасскій городокъ: „Если не получимъ скорой помощи твоей, писали они Государю, то не въ силахъ будемъ удержать татаръ; многіе товарищи наши и теперь уже, дожидаясь твоей рати и твоего жалованья, принуждены были отъ голоду и наготы разойтись (320).

Но между тѣмъ непріятельская сторона все усиливаясь, приступала уже къ работамъ и производила набѣги на казачьи городки. 25 сентября казаки отправили четвертую станицу въ Москву, съ атаманомъ Игнатіемъ Серебряниковымъ, съ извѣстіемъ, что татары непрерывно приходятъ въ Черкасскому городку по тысячѣ и больше, отгоняютъ у нихъ лошадей и рогатый скотъ; что для построенія крѣпостей уже бьютъ они сваи и приготавливаютъ камень (321).

(320) Тѣхъ же дѣлъ, отписка Войска Донскаго, привезенная въ Москву 1660 года августа 11 дня

„А намъ, холопѣмъ твоимъ, нинѣ противъ такового хана крымскаго и котораго турскаго люду собранья, твоей государевой вотчины Черкаскаго городка и рѣки всей оберегать и держать безъ твоей государевой милости и помощи не кѣмъ и не въ силу . . . а которые, государь, у насъ въ войскѣ были нужны люди казаки, и они ожидаючи твоей государевой службы и рати и твоего государева жалованья денежнаго и хлѣбнаго, отъ великихъ нужъ и голоду и наготы многіе разбрелися отъ насъ на Русь по твоимъ, Государь, украиннымъ городамъ.“

(321) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Игнатія Сереб-

Государь, похваляя казаковъ за скорое доставленіе къ нему вѣстей, писалъ, что воеводы Семень и Иванъ Хитрово съ войскомъ отправлены изъ Воронежа 15 іюля; и что о скорѣйшемъ походѣ ихъ на Донъ послалъ къ нимъ указъ съ нарочнымъ; для отвлеченія же крымскаго хана отъ предпріятій на Дону, велѣно гетману Юрію Хмѣльницкому послать кошеваго атамана Запорожскихъ казаковъ съ большими силами для нападенія на крымскія области. Наконецъ, воеводы Хитрово съ 7-ю тысячами войска прибыли къ Черкасскому городку въ октябрѣ мѣсяцѣ и заняли лагерь близъ онаго.

Крымскій ханъ ставитъ крѣпости на верхнемъ устьѣ Каланчи и на Донцѣ. Но татары были дѣятельны: они окончили всѣ крѣпостныя работы еще прежде прибытія русскихъ войскъ. Ханъ самъ распоряжался работами, имѣя 40/т. татаръ и 10/т. венгровъ, волоховъ и другихъ народовъ, присланныхъ къ нему отъ султана. Всѣ трудились неуспѣшно, такъ что въ полтора мѣсяца крѣпости уже были вооружены и готовы къ выдержанію натиска, Двѣ изъ нихъ поставлены при устьѣ протоки Каланчи по обѣимъ сторонамъ Дона, каждая имѣла въ окружности по 200 сажень, а высота стѣнъ въ 15, вмѣщала гарнизону 300 человекъ, третья гораздо обширнѣе первыхъ на Донцѣ, на 500 человекъ гарнизону (322).

ренникова, пріѣхавшаго въ Москву 3 августа 1660 года.

... „Да крымскіе де люди ставятъ городки на Дону выше устья Каланчи рѣки по обѣ стороны, да на устьѣ Дона, только де городовъ еще ценоста. вилн, а бють подь городовыя стѣны сваи, а камень съкутъ за Донцомъ на крымской сторонѣ. А крымскіе де люди подь ихъ казачьи городки приходятъ по тысячи и больше безпрестани и конскіе стада и животину отгоняютъ и дровъ имъ стѣчь и рыбу ловить не даютъ.“

(322) Тамъ же, распросилъ рѣчи станичнаго атамана Логина Семенова съ товарищами, пріѣхавшихъ въ Москву 7 декабря 1660 года.

... „Да въ тожь де время изъ Крыму пришли крымскій ханъ и царевичъ, а съ нимъ де крымскихъ татаръ и черкасъ темярцкихъ, и кабардинскихъ, и горскихъ и ногайскіе мурзы съ татарами тысячь съ 40, да работныхъ людей венгровъ и волоховъ и мутьянь съ 10 | т. и пришедь де подь Азовъ, на

Мусульмане твердо были увѣрены, что построениемъ сихъ крѣпостей заградятъ они казакамъ путь въ Азовское море; и въ самомъ дѣлѣ, мѣста для нихъ избранныя были чрезвычайно важны, такъ что ни одно судно немогло проплыть мимо ихъ не бывъ раздроблено крѣпостною артиллерію; но да бы и въ ночное время казаки немогли прокрадываться въ сихъ мѣстахъ, то проведены были чрезъ Донъ цѣпи. Казалось Азовъ сдѣлался недоступнымъ; но въ послѣдствіи времени увидимъ, что всѣ эти преграды не въ состояніи были удержать казаковъ отъ любимаго ими плаванія по Азовскому и Черному морямъ.—Сами казаки не въ состояніи были остановить работы татаръ: ихъ было въ Черкасскомъ городѣ только 3/т., а ханъ, что бы имѣть полную свободу въ дѣлахъ своихъ, посылалъ ежедневно по нѣскольку большихъ партій въ Черкасскому и другимъ городкамъ, дабы занимать казаковъ единственно ихъ защитою. Устроивъ все какъ думалъ и снабдивъ новыя крѣпости гарнизономъ и всѣми припасами, ханъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прежде прихода на Донъ русскихъ воеводъ, возвратился въ Крымъ. Зиму російскія войска оставались въ бездѣйствіи; только 1,000 человекъ ходили для смотрѣнія новыхъ татарскихъ крѣпостей; проникнувъ до Азова, они выжгли предмѣстіе онаго и захватили нѣсколько человекъ въ плѣнъ. Важнѣйшихъ дѣйствій непредпринимали они потому, что зимою ожидали прихода большой татарской рати и рассчитывали, что если до того времени открытъ военныя дѣйствія противу крѣпостей, то легко можетъ произойти недостатковъ въ порохѣ, отъ чего лишатся они средствъ защищать себя отъ непріятелей (323).

Дону на перевозѣ, по выше Казанчи, гдѣ прижимаютъ и отдаютъ государевыхъ пословъ, по обѣ стороны поставили двѣ башни каменныя и межъ башень чрезъ Донъ подѣлали цѣпи . . . Дона, Доницъ и на устьѣ проѣзднаго противъ Азова поставили городъ каменной же, а въ городѣ 4 башни и въ тѣхъ башняхъ и въ городѣ поставили нарядъ большой и малой, и въ башняхъ оставили человекъ по 300, а въ городѣ съ 500 человекъ“.

(323). Тамъ же.

„А въ войскъ де при нихъ говорили, что де имѣтъ тѣхъ крѣпостей разо-

Положеніе казаковъ и россійскихъ войскъ послѣ построенія татарами крѣпостей. Но положеніе ихъ время отъ времени становилось затруднительнѣе: подвозъ провіанта и другихъ потребностей изъ Россіи промышленниками, по причинѣ открытія военныхъ дѣйствій, прекратился; присланнаго же отъ Государя въ жалованьѣ осталось весьма мало, и тотъ казакъ подѣлился между собою. Въ этой крайности послали въ Мосьву станичнаго атамана Ивана Степанова съ просьбою о присылкѣ къ нимъ военныхъ и жизненныхъ припасовъ; атаману наказано доложить Царю, что съ самаго существованія Донскаго войска они никогда не находились въ такомъ стѣсненномъ положеніи: заграждены устья Дона и отнята у нихъ возможность выходить въ море для добычи (324).

Государь приказалъ весною послать къ казакамъ 7,000 руб. денегъ, 5,000 четвертей провіанта, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху и 100 пуд. свинцу; и тогда же отправилъ объ этомъ къ нимъ извѣстіе. Они скучали и томились, сидя въ своемъ Черкасскомъ городкѣ, изрѣдка посылали охотниковъ для развѣдыванія о намѣреніяхъ крымцевъ и турокъ; приводимые плѣнные лишь только устрашали ихъ, рассказывая, что съ открытіемъ весны турецкій султанъ пришлетъ вновь суда свои съ войскомъ и различными припасами для построенія еще одной крѣпости на устьѣ Дона, что

рять пѣколн, и опасался прихода крымскаго, чтобъ въ приходѣ ишечными занасъ въ войскѣ было не скудно, а тѣхъ де крѣпостей oprичъ наряда разорить нечѣмъ; а чтобъ де съ весны рано до травы собрать все войско Донецкое, и съ государевыми людьми итти на тѣ крѣпости и разорять ихъ снарядомъ, стругами. и сухимъ путемъ, покажѣста крымскому за коннымъ кормомъ нельзѣ будетъ на выручку прити.“

(324). Тамъ же, распросилъ рѣчи станичнаго атамана Ивана Степанова, пріѣхавшаго въ Москву 20 декабря 1660 года.

„А какъ де и стало на Дону войско бытъ и таково де утѣсенія имъ николи не бывало, что имъ нинѣ для промысловъ своихъ ходить никуда нельзѣ. и многіе де безъ промысловъ съ Дону отъ нихъ разбредутся.“

крымскій ханъ съ татарами самъ будетъ къ этому времени (325), что, сверхъ того, въ ту же зиму на истребленіе жилищъ казачьихъ готовится уже на Кубани войско. Такіе слухи съ каждымъ днемъ подтверждались, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ многочисленная толпа крышмевъ дѣйствительно явилась внезапно подъ Черкасскимъ городкомъ и силилась напасть на станъ воеводъ Хитрово (который расположенъ былъ въ полверсты отъ Черваскаго городка и обнесенъ землянымъ валомъ); но казаки, примѣтивъ намѣренія татаръ, въ то же время сдѣлали вылазку, соединились съ войскомъ воеводъ Хитрово, напали на непріятелей и, по кратковременномъ сраженіи, обратили ихъ въ бѣгство (326).

Побѣдители радовались недолго: оказался недостатокъ въ провіантѣ и другихъ потребностяхъ, въ станѣ воеводъ Хитрово, войско начало роптать и выходить изъ повиновенія, явились возмутители, которые, съ единомышленниками своими, поднявъ знамена вышли изъ лагера, въ намѣреніи достигнуть предѣловъ Россіи; но силою были возвращены въ лагерь. Неустройства эти превращены были вмѣстѣ съ привозомъ весною изъ Воронежа провіанта и другихъ вещей.

Неудачный приступъ казаковъ къ Донецкой крѣпости и Каланчинскимъ башнямъ. Казаки готовились къ веснѣ воевать крѣпости, послали благовре-

(325). Тамъ же.

„А слухъ де имъ на Дону въ войскѣ отъ выходцовъ есть, что въ Азовѣ турской салтанъ на весну хочетъ прислать понскихъ людей по прежнему въ каторгахъ, да и крымской де ханъ тутъ же къ нимъ будетъ и хотить де, пришесть, ставить третій городъ на устьѣ верхнемъ у Донца.“

(326). Тамъ же.

„И послѣ де ихъ отпуску (то есть послѣ отпуска станичнаго атамана Логина Семенова съ товарищами) приходили подъ новой городокъ, гдѣ стоятъ государевы ратные люди, крымскіе, и ногайскіе, и черкесы и азовскіе многіе люди, и они де изъ войска казацкаго на тѣхъ татаръ ходили и бой съ ними у нихъ былъ, и воеводы же къ нимъ на помощь государевыхъ ратныхъ людей на нихъ посылали жъ и тѣхъ де они татаръ отъ себя отбили.“

менно во всѣ казачьи городки грамоты о собраніи всего войска Донскаго къ Черкасскому; послали въ Москву станицу съ вѣстьми и съ просьбою о присылкѣ къ нимъ пушечныхъ ядеръ. Между тѣмъ слухъ о прибытіи къ Азову крымскаго хана время отъ времени подтверждался; наступило весеннее время, а его еще небыло; казаки, пользуясь этимъ, съ общаго совѣта съ воеводами Хитрово рѣшились испытать сначала счастья надъ Донецкимъ замкомъ; въ этомъ намѣреніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1661 года, выступили они въ походъ, расположились станомъ около замка и начали осаду. Съ одной стороны низменное мѣстоположеніе и недостатокъ артиллеріи, а съ другой опасеніе прихода крымцевъ, заставили ихъ ускорить приступъ безъ нужныхъ приготовленій. Сначала дѣло шло у нихъ удачно; преодолевъ всѣ препятствія, они подошли къ замку, спустились въ ровъ, взшли по лѣстницамъ на стѣну и начали уже ломать крыши у башенъ, какъ вдругъ воевода Иванъ Хитрово, отъ робости ли или зависти, прислалъ изъ стана своего повелѣніе отступить отъ замка войскамъ своимъ (327).

Огорченные казаки съ прискорбіемъ должны были оставить осаду и возвратились въ Черкасскій городокъ, потерявъ убитыми 50 человекъ. Казаки приносили къ Царю жалобу на

(327) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 27 іюня 1661 года.

„ Ходили мы, холопи твои, съ твоимъ государевымъ стольникомъ и воеводою съ Иваномъ Хитрымъ и съ ратными людьми подъ новой Донецкой городъ, и къ тому городу приступали накрѣпко и съ лѣстницами и на стѣнѣ были и у башенъ кровли взломали и твоего Государскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитрой на приступъ не былъ, и стоялъ отъ того Донецкаго города за Донцомъ верстахъ въ трехъ и больше, и какъ мы, холопи твои, съ твоими государевыми ратными людьми на томъ городѣ на стѣнахъ и у башенъ кровли взломали, и твоего Царскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитрой прислалъ отъ себя изъ табора начальныхъ людей и велѣлъ отъ того города прочь отступить твоимъ государевымъ ратнымъ людямъ, и тѣ твои государевы ратные люди отъ того города по его Ивановъ Хитрова присылкѣ прочь пошли.“

воеводу Хитрово за этотъ его поступокъ. Между тѣмъ удобное для приступовъ время миновало, наступили большіе разливы воды, которые препятствовали подойти близко къ каланчинскимъ башнямъ сухимъ путемъ.

Только что возвратились казаки къ Черкаску, какъ получили новыя вѣсти о походѣ къ Азову турецкихъ и крымскихъ войскъ и о намѣреніи ихъ поставить еще двѣ крѣпости; немедленно послали они просить вновь о присылкѣ стѣно-битныхъ орудій и прибавѣ россійскаго войска, коего на Дону оставалось способнаго носить оружіе не болѣе 3/4. человекъ; прочія разбѣжались отъ худаго управленія (328).

Крымскій ханъ имѣлъ въ готовности многочисленное войско противу казаковъ, но отправилъ оное, въ слѣдствіе договора, на помощь къ польскому королю, у коего въ то время продолжалась война съ Россією. Казаки, желая воспользоваться отсутствіемъ крымцевъ, предприняли намѣреніе осадить Каланчинскія башни. Для этого были вооружены всѣ войска, находившіеся въ Черкасскомъ городкѣ, и 2 августа приступили къ башнямъ, устроили близъ оныхъ шанцы и начали изъ орудій производить пальбу; но отъ непрерывной стрѣльбы у нихъ разорвало три пушки и истраченъ весь порохъ; они рѣшились идти на приступъ, поставили къ стѣнамъ лѣстницы и уже взошли было на стѣну, но были отбиты. Низменное мѣстоположеніе, на коемъ основаны были крѣпости, препятствовало имъ вести подъ башни подкопы, сверхъ того азов-

(328) Тамъ же, отписка Донскаго войска, привезенная въ Москву 16 апрѣля 1661 года.

„А тотъ де городокъ (построенный на Донцѣ) и каланчинскіе башни стоять на самѣхъ низкихъ мѣстахъ и опречь стѣнопробитныхъ пушекъ взять ихъ нельзя. Да имъ же де на Дону учинилось отъ выходовъ подлинно вѣдомо, что нынѣшнею весною крымской ханъ будетъ ставить городки выше тѣхъ прежнихъ крѣпостей по Дону на верхнемъ устьѣ Донца и на устьѣ Темерника, и имъ де атаманамъ и казакамъ безъ государевыхъ прибавочныхъ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей противъ ханова большаго собранья стоять будетъ не съ кѣмъ.“

скій гарнизонъ безпрепятственно рѣкою Дономъ снабжалъ эти крѣпости людьми и воинскимъ снарядомъ (329).

Въ замѣнъ неудачи своей походное войско, прокопавъ Казачій ерикъ, отправило на море на 20 стругахъ казаковъ для поисковъ; близъ урочища, называемаго Бѣлосарай, повстрѣчались они съ пятью турецкими кораблями, на коихъ находилось 500 человекъ турокъ, подъ начальствомъ Сеинъ-паши, посланныхъ изъ Константинополя на Донъ для усиленія гарнизона въ новыхъ крѣпостяхъ; казаки немедленно окружили корабли эти и вступили съ ними въ бой, но были отбиты безъ малѣйшей, впрочемъ, потери въ людяхъ. Не предпринимая дальнѣйшихъ покушеній противу сихъ кораблей, морское войско отправило сухимъ путемъ двухъ человекъ казаковъ въ Черкасскъ съ уведомленіемъ о бывшемъ сраженіи съ турками и о принятіи осторожности отъ нихъ, а между тѣмъ сами пустились въ Черное море, для опустошенія крымскихъ береговъ (330).

(329) Отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18 сентября 1661 года.

„По твоему, В. Государя, указу пошли мы, холопи твои, подъ Каланчинскіе крѣпости, что поставилъ вновь крымской ханъ, и подъ тѣ крѣпости пошли и гдѣ намъ, холопѣмъ твоимъ, быть, отъ тѣхъ крѣпостей за полверсты, учинили земляной валъ и подъ тѣмъ Каланчинскими земляными башнями поставили шанцы, отъ башень сажень за сто, а иные и меньше и подъ тѣми крѣпостями промышля съ твоими ратными людьми чинили вмѣстѣ, сколько намъ, холопѣмъ твоимъ, милосердый Богъ помощи подалъ и на одной башнѣ верхней большой бой изъ пушекъ сбили, а средняго, Государь, бою тѣ твои государевы пушки не взяли . . . и мы . . . съ твоими ратными людьми . . . пошли къ тѣмъ башнямъ съ лѣстницами на приступъ и на одной башнѣ на стѣнѣ съ лѣстницами были и Божіею, Государь, волею тѣхъ башень не взяли.“

(330) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова, прибывшаго съ Дону въ Москву октября 17 дня 1661 года.

„Приходилъ подъ Азовъ крымской царевичъ съ татары, а съ нимъ было татаръ 3,000 челов., да моремъ пришла подъ Азовъ же на пяти корабляхъ съ турскимъ Сеинъ-пашою съ 500 человекъ, и пришедъ со всіми людьми, на Бѣлосарай, встрѣтись съ Донскимъ войскомъ, которые были на море въ судѣхъ, съ ними бились и къ кораблямъ Донское войско приступало и многихъ у нихъ турецкихъ людей побил, и паша съ ратными людьми пошелъ въ Азовъ,

Около Судаба пристали они къ берегу, высадили войско и пошли во внутрь Крыма, гдѣ разорили и выжгли десять татарскихъ деревень; нагрузивъ свои суда добычею всякаго рода, они поплыли обратно къ Дону. Вошедъ въ Азовское море, казаки, отъ сильной бури, лишились 7 струговъ, на воихъ бывшіе люди спаслись и пришли въ Черкасскъ степью, сражаясь на каждомъ шагу съ неприятелями. Прочія же суда, прибывъ къ казачьему ерику, нашли его засыпаннымъ камнями и землею, что однакожъ не помѣшало имъ перетаскать суда свои въ Донъ; при семъ случаѣ они избѣгли еще гораздо большей опасности: ихъ ожидалъ около Азова крымскій царевичъ съ 3,000 татаръ (331).

Союзъ съ Калмыками. Среди опасныхъ военныхъ приготовленій казаковъ, присланъ былъ къ нимъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, отъ главнаго калмыцкаго владѣльца тайши и отъ

а присланъ де онъ съ ратными людьми, въ прибавку, сидѣть въ новыя крѣпости. А Донское де войско, которое съ тѣми турскими людьми билось, на 20 стругахъ пошли за море, на крымскія мѣста, и съ того де бою прислали въ войско на Донъ съ моря двухъ человекъ, и тѣ де казаки въ войскѣ имъ сказали, что у нихъ на море съ турскими людьми бой былъ и турскихъ людей многихъ побили, а ихъ де Донскихъ казаковъ, государскимъ счастиемъ, Богъ помиловалъ, отошли всѣ въ цѣлѣ и пошли за море на крымскія мѣста. А которымъ де мѣстоиъ казаки пошли на море и то де мѣсто, казачій ерикъ, крымской царевичъ съ азовскими и съ новоприбывшими людьми засыпалъ и закрѣпилъ; а закрѣпа, отступилъ царевичъ для корму въ черкасскія мѣста и хотѣлъ де на то мѣсто опять притти въ то время, какъ войско придетъ стругами съ моря.“

(331) Тѣхъ же дѣлъ, распроснилъ рѣчи войсковаго атамана Корнелія Яковлева, прибывшаго въ Москву ноября 27 дня 1661 года.

„Поѣхали де они къ Великому Государю съ Дону изъ войска тому 4-я недѣля, и предъ ихъ де прїѣздомъ недѣли за двѣ ихъ посыльщики, которые были посланы на море 14 струговъ, пришли къ нимъ въ войско съ моря всѣ здорово, а сказали имъ: были де тѣ ихъ товарищи стругами на тѣхъ стругахъ подъ Крымомъ ниже Кафы, межъ Судочка на берегу, и въ томъ де мѣстѣ сожгли и разгромилъ деревень съ 10-ть, а семъ де струговъ моремъ размѣтало подъ Аргаткомъ, и которые де казаки были на тѣхъ стругахъ, и тѣ казаки пришли въ войско берегомъ по крымской сторонѣ, и по той де сторонѣ, идучи, билися съ татарами съ недѣлю и пришли въ войско всѣ здорово.“

прочихъ владѣльцовъ посолье мурза Баатырша Янгульдѣевъ, для мирныхъ переговоровъ. Главнѣйшія статьи заключеннаго между ними мира, состояли въ томъ, чтобы всему калмыцкому народу находиться по прежнему въ вѣчномъ подданствѣ Россійскаго Государя, чтобы другъ на друга никакихъ нападѣній не дѣлать и чтобы обоюдно помогать войсками противу общихъ непріятелей. Эти мирныя статьи были утверждены со стороны калмыцкаго посла присягою, въ залогъ же вѣрнаго соблюденія оныхъ были оставлены въ Черкасскомъ городѣ два аманата. Казаки одаривъ мурзу и свиту его, отпустили въ ихъ улусы; а для удостовѣренія въ дружескомъ своемъ расположеніи съ калмыцкимъ владѣльцемъ и испрошенія отъ нихъ помощи противу азовцевъ и крымцевъ отправили отъ себя къ нимъ знатныхъ старшинъ Федора Будана и Степана Разина, которые, получивъ отъ нихъ подтвержденіе заключенныхъ съ ихъ посломъ мирныхъ условій, оставили и съ своей стороны аманатовъ и привели съ собою 500 человекъ калмыковъ подъ начальствомъ мурзы Чакула (332).

Казаки приняли ихъ ласково, одарили начальнига ихъ и

(332) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 1661 года іюля мѣсяца.

„Въ нынѣшнемъ 169 году, апрѣля въ 16 день, писали къ намъ В. Государю въ атаманы и казаки съ станичники своими съ атаманомъ Дмитріемъ Афонасьевымъ съ товарищи, что въ нынѣшнемъ же 169 году февраля въ 20 день, прислали на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, калмыцкіе тайши Дайчикъ-тайша и сынъ его Мончикъ-тайша и всѣ калмыцкіе и едисанскіе мурзы объ миру посланцовъ своихъ калмыцкаго мурзу Баатырку Янгѣева съ товарищи, и аманатовъ дву человекъ они вамъ на миръ дали и шертовали они калмыцкіе посланцы на своей правдѣ на своей калмыцкой вѣрѣ за Дайчина тайшу и сына его Манчика - тайшу и за всѣхъ калмыцкихъ и едисанскихъ мурзъ и за всѣхъ воняскихъ людей на томъ, что имъ калмыцкимъ тайшамъ служить намъ, Великому Государю, съ вами за одно и промисль надъ крымскими и ногайскими людьми чинить, и никакой хитрости имъ надъ нашими В. Государя людьми нечинить, а для мирнаго подерѣвленія и для подлинныхъ вѣдомостей послали въ атаманы и казаки къ калмыцкимъ тайшамъ съ ихъ калмыцкими посланцы своихъ Донскихъ казаковъ Федора Будана да Степана Разина.“

прочихъ мурзъ и въ тожь время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, кочевавшіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ плѣнъ 300 и отбили 100 челов. російскихъ людей, находившихся въ плѣну у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ плѣнныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условіемъ, чтобы сихъ послѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненныя ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черваскаго и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Російскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, расписныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова 1661 г. октября 17 дня.

„А какъ де къ нимъ въ войско пріѣхали посольщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помощь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились радѣтельно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больше 500 человекъ и взяли въ полонъ съ 500 же человекъ, да отбили русскаго полону больше 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впредь повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везуть они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошлютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ іюль мѣсяцѣ.

Казаки вновь прокапывают ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводъ уменьшилось, не считывали уже и 300 человекъ, а опасность напротивъ того оставалась таже. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присылкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійскій, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скоромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія неприязненныхъ дѣйствій татаръ, врваться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кромѣ сего было отправлено въ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, каковаго доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшою, коей дѣятельно помогалъ крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ влияніе на худой успѣхъ русскаго оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственныя владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя большого голандскаго наряду и твоей приближной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевой плесловучія Дону рѣки разбрестися будетъ всемъ ровно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не въ мочь и кормиться не чѣмъ.“

крымскій ханъ съ татарами самъ будетъ къ этому времени (325), что, сверхъ того, въ ту же зиму на истребленіе жилищъ казачьихъ готовится уже на Кубани войско. Такіе слухи съ каждымъ днемъ подтверждались, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ многочисленная толпа крыцмевъ дѣйствительно явилась внезапно подъ Черкасскимъ городкомъ и силилась напасть на станъ воеводъ Хитрово (который расположенъ былъ въ полверсты отъ Черкасаго городка и обнесенъ землянымъ валомъ); но казаки, примѣтивъ намѣренія татаръ, въ то же время сдѣлали вылазку, соединились съ войскомъ воеводъ Хитрово, напали на непріятелей и, по кратковременномъ сраженіи, обратили ихъ въ бѣгство (326).

Побѣдители радовались недолго: оказался недостатокъ въ провіантѣ и другихъ потребностяхъ, въ станѣ воеводъ Хитрово, войско начало роптать и выходить изъ повиновенія, явились возмутители, которые, съ единомышленниками своими, поднявъ знамена вышли изъ лагеря, въ намѣреніи достигнуть предѣловъ Россіи; но силою были возвращены въ лагерь. Неустройства эти прекращены были вмѣстѣ съ привозомъ весною изъ Воронежа провіанта и другихъ вещей.

Неудачный приступъ казаковъ къ Донецкой крѣпости и Каланчинскимъ башнямъ. Казаки готовились къ веснѣ воевать крѣпости, послали благовре-

(325). Тамъ же.

„А слухъ де имъ на Дону въ войскѣ отъ выходцовъ есть, что въ Азовъ турской салтанъ на весну хочетъ прислать воинскихъ людей по прежнему въ каторгахъ, да и крымской де ханъ тутъ же къ нимъ будетъ и хотять де, приидь, ставить третій городъ на устьѣ верхнемъ у Донца.“

(326). Тамъ же.

„И послѣ де ихъ отпуску (то есть послѣ отпуска станичнаго атамана Логина Семенова съ товарищами) приходили подъ новой городокъ, гдѣ стоятъ государевы ратные люди, крымскіе, и ногайскіе, и черкесы и азовскіе многіе люди, и они де изъ войска казацкаго на тѣхъ татаръ ходили и бой съ ними у нихъ былъ, и воеводы же къ нимъ на помощь государевыхъ ратныхъ людей на нихъ посмзали жъ и тѣхъ де они татаръ отъ себя отбили.“

менно во всё казачьи городки грамоты о собраніи всего войска Донскаго къ Черкасскому; послали въ Москву станицу съ вѣстьми и съ просьбою о присылѣ къ нимъ пушечныхъ ядеръ. Между тѣмъ слухъ о прибытіи къ Азову крымскаго хана время отъ времени подтверждался; наступило весеннее время, а его еще небыло; казаки, пользуясь этимъ, съ общаго совѣта съ воеводами Хитрово рѣшились испытать сначала счастья надъ Донецкимъ замкомъ; въ этомъ намѣреніи, въ мартѣ мѣсяцѣ 1661 года, выступили они въ походъ, распозжались станомъ около замка и начали осаду. Съ одной стороны низменное мѣстоположеніе и недостатокъ артиллеріи, а съ другой опасеніе прихода крымцевъ, заставили ихъ ускорить приступъ безъ нужныхъ приготовленій. Сначала дѣло шло у нихъ удачно; преодолевъ всё препятствіе, они подошли къ замку, спустились въ ровъ, взошли по лѣстницамъ на стѣну и начали уже ломать крыши у башенъ, какъ вдругъ воевода Иванъ Хитрово, отъ робости ли или зависти, прислалъ изъ стана своего повелѣніе отступить отъ замка войскамъ своимъ (327).

Огорченные казаки съ прискорбіемъ должны были оставить осаду и возвратились въ Черкасскій городокъ, потерявъ убитыми 50 человекъ. Казаки приносили къ Царю жалобу на

(327) Тамъ же, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 27 іюля 1661 года.

„ Ходили мы, холопи твои, съ твоимъ государевымъ стольникомъ и воеводою съ Иваномъ Хитрымъ и съ ратными людьми подъ новой Донецкой городъ, и къ тому городу приступали накрѣшко и съ лѣстницами и на стѣнѣ были и у башенъ кровли взломали и твоего Государскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитрой на приступѣ не былъ, и стоялъ отъ того Донецкаго города за Донцомъ верстахъ въ трехъ и больше, и какъ мы, холопи твои, съ твоими государевыми ратными людьми на томъ городѣ на стѣнахъ и у башенъ кровли взломали, и твоего Царскаго Величества стольникъ и воевода Иванъ Хитрой прислалъ отъ себя изъ табора начальныхъ людей и велѣлъ отъ того города прочь отступить твоимъ государевымъ ратнымъ людямъ, и тѣ твои государевы ратные люди отъ того города по его Ивановъ Хитрова присылѣ прочь пошли.“

воеводу Хитрово за этотъ его поступокъ. Между тѣмъ удобное для приступовъ время миновало, наступили большіе разливы воды, которые препятствовали подойти близко къ каланчинскимъ башнямъ сухимъ путемъ.

Только что возвратились казаки къ Черваску, какъ получили новыя вѣсти о походѣ къ Азову турецкихъ и крымскихъ войскъ и о намѣреніи ихъ поставить еще двѣ крѣпости; немедленно послали они просить вновь о присылкѣ стѣнно-битныхъ орудій и прибавкѣ російскаго войска, коего на Дону оставалось способнаго носить оружіе не болѣе 3/4 человекъ; прочія разбѣжались отъ худаго управленія (328).

Крымскій ханъ имѣлъ въ готовности многочисленное войско противу казаковъ, но отправилъ опое, въ слѣдствіе договора, на помощь къ польскому королю, у коего въ то время продолжалась война съ Россією. Казаки, желая воспользоваться отсутствіемъ крымцевъ, предприняли намѣреніе осадить Каланчинскія башни. Для этого были вооружены всѣ войска, находившіеся въ Черваскомъ городкѣ, и 2 августа приступили къ башнямъ, устроили близъ оныхъ шанцы и начали изъ орудій производить пальбу; но отъ непрерывной стрѣльбы у нихъ разорвало три пушки и истраченъ весь порохъ; они рѣшились идти на приступъ, поставили къ стѣнамъ лѣстницы и уже взошли было на стѣну, но были отбиты. Низменное мѣстоположеніе, на коемъ основаны были крѣпости, препятствовало имъ вести подъ башни подкопы, сверхъ того азов-

(328) Тамъ же, отписка Донскаго войска, привезенная въ Москву 16 апрѣля 1661 года.

„А тотъ де городокъ (построенный на Донцѣ) и каланчинскіе башни стоять на самыхъ низкихъ мѣстахъ и опречь стѣнопробитныхъ пушекъ взять ихъ нельзя. Да имъ же де на Дону учинилось отъ выходцовъ подлинно вѣдомо, что нѣтъшней весной крымской ханъ . . . будетъ ставить городки выше тѣхъ прежнихъ крѣпостей по Дону на верхнемъ устьѣ Донца и на устьѣ Темерника, и имъ де атаманамъ и казакамъ безъ государевыхъ прибавочныхъ ратныхъ конныхъ и пѣшихъ людей противъ ханова большаго собранья стоять будетъ не съ кѣмъ.“

скій гарнизонъ безпрепятственно рѣкою Дономъ снабжалъ эти крѣпости людьми и воинскимъ снарядомъ (329).

Въ замѣнъ неудачи своей походное войско, прокопавъ Казачій ерикъ, отправило на море на 20 стругахъ казаковъ для поисковъ; близъ урочища, называемаго Бѣлосарай, повстрѣчались они съ пятью турецкими кораблями, на коихъ находилось 500 человекъ турокъ, подъ начальствомъ Сеинъ-паши, посланныхъ изъ Константинополя на Донъ для усиленія гарнизона въ новыхъ крѣпостяхъ; казаки немедленно окружили корабли эти и вступили съ ними въ бой, но были отбиты безъ малѣйшей, впрочемъ, потери въ людяхъ. Не предпринимая дальнѣйшихъ покушеній противу сихъ кораблей, морское войско отправило сухимъ путемъ двухъ человекъ казаковъ въ Черкасскъ съ увѣдомленіемъ о бывшемъ сраженіи съ турками и о принятіи осторожности отъ нихъ, а между тѣмъ сами пустились въ Черное море, для опустошенія крымскихъ береговъ (330).

(329) Отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18 сентября 1661 года.

„По твоему, В. Государя, указу пошли мы, холопи твои, подѣ Каланчинскіе крѣпости, что поставилъ вновь крымской ханъ, и подѣ тѣ крѣпости пошли и гдѣ намъ, холопѣмъ твоимъ, быть, отъ тѣхъ крѣпостей за полверсты, учинили земляной валъ и подѣ тѣмъ Каланчинскими земляными башнями поставили шанцы, отъ башенъ сажень за сто, а иные и меньше и подѣ тѣми крѣпостями промыслъ съ твоими ратными людьми чинили вмѣстѣ, сколько намъ, холопѣмъ твоимъ, милосердый Богъ помощи подаде и на одной башнѣ верхней большой бой изъ пушекъ сбили, а средняго, Государь, бою тѣ твои государевы пушки не взяли . . . и мы . . . съ твоими ратными людьми . . . пошелъ къ тѣмъ башнямъ съ лѣстницами на приступить и на одной башнѣ на стѣнѣ съ лѣстницами были и Божию, Государь, волею тѣхъ башенъ не взяли.“

(330) Тѣхъ же дѣлъ, распросна рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова, прибывшаго съ Дону въ Москву октября 17 дня 1661 года.

„Приходилъ подѣ Азовъ крымской царевнѣ съ татары, а съ нимъ было татаръ 3,000 челов., да моремъ пришла подѣ Азовъ же на пяти корабляхъ съ турецкимъ Сеинъ-пашою съ 500 человекъ, и пришедъ со всѣми людьми, на Бѣлосарай, встрѣтился съ Донскимъ войскомъ, которые были на море въ судѣхъ, съ ними бился и къ кораблямъ Донское войско приступало и многихъ у нихъ турецкихъ людей побилъ, и паша съ ратными людьми пошелъ въ Азовъ,

Около Судава пристали они къ берегу, высадили войско и пошли во внутрь Крыма, гдѣ разорили и выжгли десять татарскихъ деревень; нагрузивъ свои суда добычею всякаго рода, они поплыли обратно къ Дону. Вошедъ въ Азовское море, казаки, отъ сильной бури, лишились 7 струговъ, на коихъ бывшіе люди спаслись и пришли въ Черваскъ степью, сражаясь на каждомъ шагу съ неприятелями. Прочія же суда, прибывъ къ казачьему ерику, нашли его засыпаннымъ камнями и землею, что однакожь не помѣшало имъ перетаскать суда свои въ Донъ; при семъ случаѣ они избѣгли еще гораздо большей опасности: ихъ ожидалъ около Азова крымскій царевичъ съ 3,000 татаръ (331).

С о ю з ъ с ъ К а л м ы ц а м и. Среди опасныхъ военныхъ приготовленій казаковъ, присланъ былъ къ нимъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, отъ главнаго калмыцкаго владѣльца тайши и отъ

а присланъ де онъ съ ратными людьми, въ прибавку, сидѣть въ новыя крѣпости. А Донское де войско, которне съ тѣми турецкими людьми бились, на 20 стругахъ пошли за море, на крымскія мѣста, и съ того де бою прислали въ войско на Донъ съ моря двухъ человекъ, и тѣ де казаки въ войскѣ имъ сказали, что у нихъ на море съ турецкими людьми бой былъ и турецкихъ людей многихъ побилъ, а ихъ де Донскихъ казаковъ, государскимъ счастіемъ, Богъ помиловалъ, отошли всѣ въ дѣль и пошли за море на крымскія мѣста. А которымъ де мѣстомъ казаки пошли на море и то де мѣсто, казачій ерикъ, крымской царевнчъ съ азовскими и съ новоприбывшими людьми засыпала и закрѣпила; а закрѣпя, отступилъ царевичъ для корму въ черваскія мѣста и хотѣлъ де на то мѣсто опять притти въ то время, какъ войско придетъ стругами съ моря.“

(331) Тѣхъ же дѣль, распросныя рѣчи войсковаго атамана Корнелія Леолева, прибывшаго въ Москву ноября 27 дня 1661 года.

„Поѣхали де они къ Великому Государю съ Дону изъ войска тому 4-я недѣля, и предъ ихъ де прїѣздомъ недѣля за двѣ ихъ послыщики, которые были посланы на море 14 струговъ, пришли къ нимъ въ войско съ моря всѣ здорово, а сказали имъ: были де тѣ ихъ товарищи стругами на тѣхъ стругахъ подъ Крымомъ ниже Кафы, межъ Судочка на берегу, и въ томъ де мѣстѣ сожгли и разгромили деревень съ 10-ть, а семъ де струговъ моремъ разбито подъ Аргаткомъ, и которне де казаки были на тѣхъ стругахъ, и тѣ казаки пришли въ войско берегомъ по крымской сторонѣ, и по той де сторонѣ, идучи, бились съ татари съ недѣлю и пришли въ войско всѣ здорово.“

прочихъ владѣльцовъ посолье мурза Баатырша Янгульдѣевъ, для мирныхъ переговоровъ. Главнѣйшія статьи заключеннаго между ними мира, состояли въ томъ, чтобы всему калмыцкому народу находиться по прежнему въ вѣчномъ подданствѣ Россійскаго Государя, чтобы другъ на друга никакихъ нападѣній не дѣлать и чтобы обоюднo помогать войсками противу общихъ непріятелей. Эти мирныя статьи были утверждены со стороны калмыцкаго посла присягою, въ залогъ же вѣрнаго соблюденія оныхъ были оставлены въ Черкасскомъ городѣ два аманата. Казаки одаривъ мурзу и свиту его, отпустили въ ихъ улусы; а для удостовѣренія въ дружескомъ своемъ расположеніи съ калмыцкимъ владѣльцемъ и испрошенія отъ нихъ помощи противу азовцевъ и крымцевъ отправили отъ себя въ нихъ знатныхъ старшинъ Федора Будана и Степана Разина, которые, получивъ отъ нихъ подтвержденіе заключенныхъ съ ихъ посломъ мирныхъ условій, оставили и съ своей стороны аманатовъ и привели съ собою 500 человекъ калмыковъ подъ начальствомъ мурзы Чагула (332).

Казаки приняли ихъ ласково, одарили начальниа ихъ и

(332) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 1661 года іюля мѣсяца.

„Въ нынѣшнемъ 169 году, апрѣля въ 16 день, писали къ намъ В. Государю вы атаманъ и казаки съ станичники своими съ атаманомъ Дмитріемъ Афонасьевымъ съ товарищи, что въ нынѣшнемъ же 169 году февраля въ 20 день, прислали на Донъ къ вамъ атаманомъ и казакомъ, калмыцкіе тайши Дайчикъ-тайша и сынъ его Мончикъ-тайша и всѣ калмыцкіе и едисанскіе мурзы объ миру посланцовъ своихъ калмыцкаго мурзу Баатырку Янгѣева съ товарищи, и аманатовъ дву человекъ они вамъ на миръ дали и шертовали они калмыцкіе посланцы на своей правдѣ на своей калмыцкой вѣрѣ за Дайчина тайшу и сына его Манчина - тайшу и за всѣхъ калмыцкихъ и едисанскихъ мурзъ и за всѣхъ воинскихъ людей на томъ, что имъ калмыцкимъ тайшамъ служить намъ, Великому Государю, съ вами за одно и промисль надъ крымскими и ногайскими людьми чинить, и никакой хитрости имъ надъ нашими В. Государя людьми нечинять, а для мирнаго подрѣшенія и для подлинныхъ вѣдомостей послали вы атаманъ и казаки къ калмыцкимъ тайшамъ съ ихъ калмыцкими посланцы своихъ Донскихъ казаковъ Федора Будана да Степана Разина.“

прочихъ мурзъ и въ тожь время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, кочевавшіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ плѣнъ 500 и отбили 100 челов. російскихъ людей, находившихся въ плѣну у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ плѣнныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условіемъ, чтобы сихъ послѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненныя ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкаскаго и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Россійскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова 1661 г. октября 17 дня.

„А какъ де къ нимъ въ войско прѣхали посыльщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помочь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились радѣтельно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больше 500 человекъ и взяли въ полонъ съ 500 же человекъ, да отбили русскаго полону больше 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впредь повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везуть они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошлютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ іюль мѣсцѣ.

Казаки вновь проказываютъ ерикъ и врываються въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводѣ уменьшилось, не считывали уже и 300 человекъ, а опасность напротивъ того оставалась таже. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присылкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійскій, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скоромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія непріязненныхъ дѣйствій татаръ, врываться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кромѣ сего было отправлено къ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, каковаго доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогалъ крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ влияніе на худой успѣхъ Россійскаго оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу Украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственныя владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя большаго голандскаго наряду и твоей прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевой плесловучія Дону рѣки разбредиться будетъ всѣмъ розно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не въ мочь и кормиться не чѣмъ.“

ниспровергните твердыни вражескія, побѣдите самую природу и возжгите пламень опустошенія въ областяхъ крымскихъ; слава поведетъ васъ на брань и мои щедроты покроютъ побѣдителей.“ Казаки закипѣли мщеніемъ и въ короткое время снарядили 26 струговъ и вмѣстѣ съ воеводою Яковомъ Хитрово двинулись, 17 апрѣля, къ устью Дона, воимъ для безопаснаго прохода въ море сопутствовало все войско находившееся въ Черкасскомъ. На казачьемъ ерикѣ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ окоповъ, сдѣланныхъ турками незадолго предъ симъ на верхнемъ устьѣ ручья; здѣсь завязалось сраженіе, вончившееся тѣмъ, что казаки вытѣснили турокъ изъ окоповъ и засѣли въ оныя сами. Послренные первымъ успѣхомъ, они раскопали засыпанный турками ерикъ и провели по немъ назначенные къ походу суда. Гарнизонъ, сидѣвшій въ каланчинскихъ башняхъ, не смѣлъ воспрепятствовать ихъ дѣйствию (336).

Азовцы, не въ состояніи будучи удержать казаковъ отъ предпринятаго ими намѣренія, насоро послали гонцовъ къ крымскому хану съ просьбою о присылкѣ войскъ къ Азову

(336). Дѣла турецкія, отисла Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1662 года.

„Апрѣля въ 17 день, по твоему, Великаго Государя, указу отпустили мы, холопи твои, войска на твою Великаго Государя службу, стругами на море—на Крымъ и на крымскіе улусы, а твой государевъ стольникъ и воевода Яковъ Тимофѣевичъ Хитрово и съ твоими государевыми ратными людьми пошелъ съ войскомъ на Крымъ же—на крымскіе улусы, вмѣстѣ, и мы холопи твои войско и твоего государева стольника и воеводу Якова Тимофѣевича и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей ходили провожать, и увѣдавъ, Государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твою В. Государя службу на море, шаячи они сдѣлали противъ казачаго ерика, на Каланчинскомъ острову, на устьѣ, и въ тѣхъ, Государь, шанцахъ, тѣ крымскіе и азовскіе люди съ огненнымъ боемъ и съ пушками сидѣли и у насъ холопей твоихъ съ ними бой великій былъ, и затѣмъ, Государь, великимъ боемъ, милостію Божіею и твоимъ Государевымъ Царевымъ и В. Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца счастіемъ, тѣхъ крымскихъ и азовскихъ людей изъ шанцевъ выбили и шанцы ихъ мы холопи твои взяли, а въ то, Государь, время, мы холопи твои казачій ерикъ раскопали и струги морскіе, 26 струговъ, съ войскомъ на море пропустили, дакъ Богъ, аZERO.“

для воспрепятствованія казакамъ при обратномъ возвращеніи ихъ на Донъ; вѣдѣствіе чего былъ отправленъ къ Азову калга съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединились потомъ ногайцы, кочевавшіе по Кубани. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на помощь казакамъ пришелъ въ Черкасскому городку съ войсками Каспулатъ князь Черкасскій и нѣсколько калмыковъ. Калга, непочитая себя довольно сильнымъ противу стать казакамъ и вновь пришедшимъ войскамъ, убѣждалъ крымскаго царя прислать къ нему новыхъ войскъ. Въ ожиданіи этого вспомошествованія, онъ немедленно приступилъ къ построенію новой крѣпости при устьѣ казачьяго ерика и въ заснѣвѣ онаго каменьями и землею.

Между тѣмъ казаки спокойно производили свои морскіе поиски, сначала пристали они къ Керчи, разорили этотъ городокъ и всѣ улусы, кочевавшіе около онаго, и захватили большое число плѣнныхъ російскихъ людей (337).

Потомъ поплыли чрезъ Черное море къ Трапезону, около коего сожгли нѣсколько деревень и, нагрузивъ суда свои добычею, возвратились къ крымскимъ берегамъ; близъ деревни Игельѣ вышли на берегъ, гдѣ получили нѣкоторую добычу и поплыли къ устьямъ Дона (338).

(337) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 16 октября 1662 г.

„Сентября въ 26 день писали къ намъ, В. Государю, вы атаманъ и казаки съ станичники своими съ атаманомъ съ Феодотомъ Прокофьевымъ съ товарищи, что посылали съ воеводою съ Яковомъ Хитрово и съ нашими Великаго Государя ратными людьми Донскихъ атамановъ и казаковъ на крымскіе улусы войною, и милостію Божіею и нашимъ В. Государя и нашихъ государскихъ чадъ благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Феодора Алексѣевича счастіемъ, крымскіе улусы Керчь съ уѣздомъ разорили и асирь многой поимали и нашихъ В. Государя взятыхъ плѣнныхъ людей многихъ изъ плѣну свободили; да съ тѣми же своими станичники прислали къ намъ Великому Государю въ азыкъхъ дву человекъ татаръ и мы, Великій Государь, наше Царское Величество, за вашу службу жалуемъ васъ—милостивно похваляемъ.“

(338) Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму 1662 года посланникомъ Якова Якушина.

„Іюля въ 5 день посылали посланника къ Маметше князю переводчика

Походное войско имѣло свѣдѣніе о всѣхъ пренятствіяхъ, какія оно должно преодолѣть на казачьемъ ерикѣ, и потому заблаговременно дало знать о днѣ прибытія своего къ устьямъ Дона. По сему извѣщенію всѣ войска, находившіяся въ Черкасѣ, двинулись рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ къ каланчинскимъ башнямъ. Между тѣмъ походное войско, выступивъ въ устьѣ Дона, увидѣло, что калга противу поставилъ ему многочисленныя силы; оно оставило суда свои на морѣ, подъ охраненіемъ 300 человекъ казаковъ, а само рѣшилось проложить себѣ путь сквозь непріятелей мечемъ. При рукавѣ Дона, называемомъ Свиннымъ, завязалось сраженіе, татары, бывъ тѣсными съ тылу російскими войсками, не въ состояніи были остановить стремительнаго нападенія казаковъ съ переди; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя, казаки соединились съ російскими войсками и тѣмъ избѣгли грозившей имъ опасности (339).

Кутломаета и Маметпа князь ему сказывалъ: Донскіе казаки объявились, імаи въ 3 день, подъ Игелью, выходили на берегъ для добычи, и въ то время взяли у нихъ дву человекъ Донскихъ казаковъ и тѣ казаки въ распросѣ сказали, были они за моремъ на Анадольской сторонѣ подъ Транизономъ, въ Унгѣ многіе мѣста пожгли.“

(339) Тамъ же.

„Августа 4-го пріѣзжалъ къ посланникамъ на станъ ближняго человека Сеферъ Газы аги измчей Кутлумка . . . и сказывалъ: присланъ изъ подъ Азова отъ калги царевича въ Крымъ къ царю копичей съ вѣстью, приходилъ съ Дону донскіе казаки большимъ собраніемъ, подъ новыя городки (каланчинскіе башни) для пропуску съ моря Донскихъ казаковъ, которые были на морѣ и у калги царевича и у азовскаго паша съ Донскими казаки былъ бой, и на томъ бою уронъ ратныхъ людей учинился большой на обѣ стороны.“

Тамъ же.

„Августа 18-го пріѣзжалъ къ посланникомъ на станъ, ѣдучи изъ подъ Азова, Батырша мурза Сулемановъ и въ разговорахъ посланникамъ сказывалъ: калга царевичъ и карага, всѣ которые были съ калгою царевичемъ подъ Азовомъ, пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ нимъ Батыршею мурзою, а Донскіе казаки, которые на морѣ, пошли на Донъ сухимъ путемъ, и у калги царевича и у азовскаго паша съ тѣми Донскими казаки былъ бой и у Свинаго протоку Донскіе казаки большимъ боемъ прошли Донъ, а которые Донскіе казаки на томъ бою взяты, и тѣ казаки въ распросѣ сказывали: оставили они въ стру-

Оставшіяся же суда на морѣ, вошли въ рѣчку Калміусъ, тамъ казаки, дождавшись товарищей изъ Черкаска, затопили суда въ оной и съ полученною добычею пошли въ Черкаску степью.—Калга, извѣщенный объ этомъ движеніи казаковъ, выступилъ со всѣми войсками и нагналъ ихъ на рѣчкѣ Тузловѣ, гдѣ казаки заблаговременно успѣли окопаться. Эта предосторожность, предпринятая ими заблаговременно, избавила ихъ отъ совершенной гибели: они нѣсколько дней мужественно выдерживали всѣ приступы татаръ, которые, насучивъ неудачами, ушли въ Крымъ, а казаки благополучно достигли до Черкаска (340). Едва миновало два мѣсяца послѣ этого столь славно окончившагося похода, какъ 120 человекъ отважныхъ казаковъ предприняли еще разъ испытать своего счастья въ землѣ непріятельской; снарядили три струга нагруженные въ рѣчкѣ Калміусѣ и поплыли моремъ къ крымскимъ берегамъ. Недалеко отъ Кафы повстрѣчались они съ двумя турецкими кораблями, нагруженными хлѣбомъ для продовольствія азовскаго гарнизона и на воихъ, сверхъ того, находилось 100 человекъ турокъ, посланныхъ въ каланчинскія башни на-перемѣну тамъ находившимся янычарамъ. Казаки устрѣмились на эти суда и овладѣли ими послѣ упорнаго сраженія, 40 человекъ турокъ положили на мѣстѣ, а прочіе взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, непредвидимая дальнѣйшихъ по-

гахъ на Азовскомъ морѣ 300 чел. и велѣли итти въ Калміусъ и дожидаться съ Дону къ себѣ вырчки.“

(340) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

„Да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы, холопи твои, или съ моря и сидѣли, Государь, въ окошѣ въ осади на степи, на Тузловѣ рѣчкѣ отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и милостію Божию и помощію Пресвятыя нашея Богородицы Одигитріе и всѣхъ святыхъ молитвами и помощію и твоимъ Государевымъ счастиемъ, твоего государскаго недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турскихъ и вслѣхъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы, холопи твои, изъ осади отошли до своего Черкаскаго городка даль Богъ здорово.“

исковъ, казаки возвратились на Донъ съ богатою добычею (341).

Переговоры съ Крымомъ о мирѣ. Среди таковыхъ произшествій на Дону, Россійскій Государь ревностно продолжалъ войну съ польскимъ королемъ, коему помогалъ крымскій ханъ, имѣвшій большое вліяніе на худой успѣхъ русскіихъ войскъ въ продолженіи 1659 и 1660 годовъ. Дабы привлечь его на свою сторону, русскій дворъ отправилъ въ Крымъ 1660 года дѣяка Ивана Татаринова, съ порученіемъ, склонить перваго царедворца ханскаго Сеферъ-Газы-агу уговорить хана, валгу и нурадына отстать отъ союза съ польскимъ королемъ, обѣщая при томъ прислать къ нимъ сверхъ обыкновенныхъ посылокъ 30/т. ефимковъ; а если и на это несогласится, то обѣщать 40, 50 и 60/т. ефимковъ. Татариновъ, являсь къ Сеферъ-Газы-агѣ нашель его непривлеченнымъ взять на себя посредство къ заключенію съ Россіею мира. Газы - ага, вмѣсто благосклоннаго отвѣта, отозвался Татаринову: „Россійскій Государь въ грамотѣ своей, присланной къ хану, именуется себя восточныхъ и западныхъ странъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ, напротивъ того, на востокѣ и на западѣ, находится много независимыхъ государствъ.“ Потомъ сей же царедворецъ объявилъ Татаринову: „Государь вашъ ищетъ дружбы у хана нашего, а самъ послалъ на Донъ 8,000 войскъ и велѣлъ приготовить 500 струговъ, вмѣстѣ съ Донскими казаками сдѣлать напа-

(341) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Корнѣя Яковлева, прїѣхавшаго въ Москву 20 января 1663 года.

„А какъ де они пошли изъ войска и при нихъ нынѣшніе осени, послѣ отпуску станичниковъ ихъ, которые присланы передъ ними къ В. Государю, послали изъ Міуса рѣчки войскомъ на море на крымскую сторону три струга, а въ стругу по 40 человекъ казаковъ, и на море де близко Кафы сошлись съ ними два корабля съ хлѣбомъ, а шли они съ крымской стороны въ Азовъ, да на тѣхъ же корабляхъ было со 100 человекъ воинскихъ людей янычанъ, а шли они на обмѣну къ башнямъ, и милостію Божию тѣ два корабля взяли, и на тѣхъ корабляхъ турецкихъ людей янычанъ живыхъ взяли 60 человекъ, а достальныхъ побили.“

деніе на Крымъ и на турецкія области. Объяви своему Государю, что мы дали повелѣніе азовскому коменданту разорить жилища Донскихъ казаковъ, а сами идемъ съ многочисленнымъ войскомъ къ російскимъ границамъ и Москвѣ (342).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ханъ призывалъ къ себѣ Татаринова, говорилъ съ нимъ ласково и надѣвъ на него и переводчика его дорогіе кафтаны, отпустилъ въ Россію съ гонцомъ своимъ и съ грамотою къ Російскому Государю, въ коей требовалъ возвращенія польскому королю всѣхъ завоеванныхъ городовъ и вывезть изъ Малороссіи войска, угрожая, въ случаѣ несоглашенія на сіи предложенія, напасть совокупно съ польскимъ королемъ на Россію; далѣе, въ этой же грамотѣ пишетъ: „Вы всегда отговариваетесь, что казаки Донскіе воры, повелѣнія вашего не слушаютъ и что силъ вашихъ недостаетъ содержать ихъ въ границахъ повиновенія; какъ между тѣмъ по вашему же повелѣнію приготовлено на Дону 500 струговъ для завоеванія нашего государства; но мы силы твоей небоимся и велѣли противустать имъ 15/т. войскъ; ты называешь себя обладателемъ обширныхъ земель и повелителемъ многочисленнаго войска, надѣешься на множество, но мы уповаемъ на Бога и станемъ по возможности противиться“ (343).

Грамота сія была наполнена многими грубыми выраженіями, кои были слѣдствіемъ одержанныхъ ханомъ побѣдъ надъ російскимъ войскомъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ.

Російскій Государь на сію грамоту отвѣчалъ хану въ благосклонныхъ выраженіяхъ; онъ писалъ: „что войска посланы на Донъ и струги не для нападенія на крымскія об-

(342) Дѣла крымскія, № 21, статейный списокъ дѣла Ивана Татаринова, отправленнаго въ Крымъ посланникомъ.

(343) Тамъ же, № 5, грамота крымскаго хана къ російскому государю, привезенная въ Москву крымскимъ гонцомъ Магметъ-Ингельдемъ 17-го апрѣля 1661 года.

прочихъ мурзъ и въ тожь время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, кочевавшіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ плѣнъ 500 и отбили 100 челов. російскихъ людей, находившихся въ плѣну у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ плѣнныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условіемъ, чтобы сихъ послѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненныя ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкаскаго и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Російскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова 1661 г. октября 17 дня.

„А какъ де къ нимъ въ войско прѣхали послыщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помощь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились радѣтельно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больше 500 человекъ и взяли въ полонъ съ 500 же человекъ, да отбили русскаго полону больше 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впредь повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везуть они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошлютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ июль мѣсцѣ.

Казаки вновь провапываютъ ерикъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводѣ уменьшилось, не считывали уже и 300 человекъ, а опасность напротивъ того оставалась таже. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присылкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійскій, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скоромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія непріязненныхъ дѣйствій татаръ, врваться въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кромѣ сего было отправлено къ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, какового доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогалъ крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ вліяніе на худой успѣхъ російскаго оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственныя владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ къ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя большого голандскаго наряду и твоей прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевой плесловучія Дону рѣки разбрестися будетъ всѣмъ розно, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не въ мочь и кормиться не чѣмъ.“

ниспровергните твердыни вражескія, побѣдите самую природу и возжгите пламень опустошенія въ областяхъ крымскихъ; слава поведетъ васъ на брань и мои щедроты повернутъ побѣдителей.“ Казаки закигѣли мщениемъ и въ короткое время снарядили 26 струговъ и вмѣстѣ съ воеводою Яковомъ Хитрово двинулись, 17 апрѣля, къ устью Дона, воимъ для безопаснаго прохода въ море сопутствовало все войско находившееся въ Черкасскомъ. На казачьемъ ерикѣ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ окоповъ, сдѣланныхъ турками незадолго предъ симъ на верхнемъ устьѣ ручья; здѣсь завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что казаки выгнѣли турокъ изъ окоповъ и засѣли въ оныхъ сами. Поощренные первымъ успѣхомъ, они раскопали засыпанный турками ерикъ и провели по немъ назначенные къ походу суда. Гарнизонъ, сидѣвшій въ каланчинскихъ башняхъ, не смѣлъ воспрепятствовать ихъ дѣйствию (336).

Азовцы, не въ состояніи будучи удержать казаковъ отъ предпринятаго ими намѣренія, наскоро послали гонцовъ къ крымскому хану съ просьбою о присылкѣ войскъ къ Азову

(336). Дѣла турецкія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1662 года.

„Апрѣля въ 17 день, по твоему, Великаго Государя, указу отпустили мы, холопи твои, войска на твою Великаго Государя службу, стругами на море—на Крымъ и на крымскіе улусы, а твой государевъ стольникъ и воевода Яковъ Тимофѣевичъ Хитрово и съ твоими государевыми ратными людьми пошелъ съ войскомъ на Крымъ же—на крымскіе улусы, вмѣстѣ, и мы холопи твои войско и твоего государева стольника и воеводу Якова Тимофѣевича и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей ходили провожать, и увѣдавъ, Государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твою В. Государя службу на море, шанды они сдѣлали противъ казачьяго ерика, на Каланчинскомъ острову, на устьѣ, и въ тѣхъ, Государь, шандахъ, тѣ крымскіе и азовскіе люди съ огненнымъ боемъ и съ пушвами сидѣли и у насъ холопей твоихъ съ ними бой великій былъ, и затѣмъ, Государь, великимъ боемъ, милостію Божією и твоимъ Государевымъ Царевымъ и В. Князя Алексея Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца счастиемъ, тѣхъ крымскихъ и азовскихъ людей изъ шандевъ выбили и шанды ихъ мы холопи твои взяли, а въ то, Государь, время, мы холопи твои казачій ерикъ раскопали и струги морскіе, 26 струговъ, съ войскомъ на море пропустили, дакъ Богъ, азерово.“

для воспрепятствования казакамъ при обратномъ возвращеніи ихъ на Донъ; вслѣдствіе чего былъ отправленъ къ Азову калга съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединились потомъ ногайцы, кочевавшіе по Кубани. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на помощь казакамъ пришелъ къ Черкасскому городку съ войсками Каспулатъ князь Черкасскій и нѣсколько калмыковъ. Калга, непочитая себя довольно сильнымъ противу стать казакамъ и вновь пришедшимъ войскамъ, убѣждалъ крымскаго царя прислать къ нему новыхъ войскъ. Въ ожиданіи этого вспоможенія, онъ немедленно приступилъ къ построенію новой крѣпости при устьѣ казачьяго ерика и въ заснѣвѣ онаго каменьями и землею.

Между тѣмъ казаки спокойно производили свои морскіе поиски, сначала пристали они къ Керчи, разорили этотъ городокъ и всѣ улусы, кочевавшіе около онаго, и захватили большое число плѣнныхъ російскихъ людей (337).

Потомъ поплыли чрезъ Черное море къ Трапезону, около коего сожгли нѣсколько деревень и, нагрузивъ суда свои добычею, возвратились къ крымскимъ берегамъ; близъ деревни Игельѣ вышли на берегъ, гдѣ получили нѣкоторую добычу и поплыли къ устьямъ Дона (338).

(337) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 16 октября 1662 г.

„Сентября въ 26 день писали къ намъ, В. Государю, вы атаманъ и казаки съ станичники своими съ атаманомъ съ Феодотомъ Прокофьевымъ съ товарищи, что послали съ воеводою съ Яковомъ Хитрово и съ нашими Великаго Государя ратными людьми Донскихъ атамановъ и казаковъ на крымскіе улусы войною, и милостію Божіею и нашимъ В. Государя и нашихъ государскихъ чадъ благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Феодора Алексѣевича счастіемъ, крымскіе улусы Керчь съ уѣздомъ разорили и асыръ многой помчали и нашихъ В. Государя вятыхъ плѣнныхъ людей многихъ изъ плѣну свободили; да съ тѣми же своими станичники прислали къ намъ Великому Государю въ языкѣхъ дву человекѣхъ татаръ и мы, Великій Государь, наше Царское Величество, за вашу службу жалуемъ васъ—милостивно похваляемъ.“

(338) Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму 1662 года посланникомъ Якова Якушина.

„Іюля въ 5 день послали посланника къ Маметте князю переводчика

Походное войско имѣло свѣдѣніе о всѣхъ препятствіяхъ, какія оно должно преодолѣть на казачьемъ еригѣ, и потому заблаговременно дало знать о днѣ прибытія своего къ устьямъ Дона. По сему извѣщенію всѣ войска, находившіяся въ Черкасскѣ, двинулись рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ къ каланчинскимъ башнямъ. Между тѣмъ походное войско, выступивъ въ устьѣ Дона, увидѣло, что калга противу поставилъ ему многочисленныя силы; оно оставило суда свои на морѣ, подъ охраненіемъ 300 человекъ казаковъ, а само рѣшилось проложить себѣ путь сквозь непріятелей мечемъ. При рукавѣ Дона, называемомъ Свинымъ, завязалось сраженіе, татары, бывъ тѣсными съ тылу російскими войсками, не въ состояніи были остановить стремительнаго нападенія казаковъ съ переди; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя, казаки соединились съ російскими войсками и тѣмъ избѣгли грозившей имъ опасности (339).

Кутлоамети и Маметша князь ему сказывалъ: Донскіе казаки объявились, іюля въ 3 день, подъ Игельдъ, выходили на берегъ для добычи, и въ то время взяли у нихъ дву человекъ Донскихъ казаковъ и тѣ казаки въ распросѣ сказали, были они за моремъ на Анадольской сторонѣ подъ Трапизономъ, въ Унгѣ многіе мѣста пожгли.“

(339) Тамъ же.

„Августа 4-го пріѣзжалъ къ посланникамъ на станъ ближняго человека Сеферъ Газмъ аги язычей Кутлумка . . . и сказывалъ: присланъ изъ подъ Азова отъ калги царевича въ Крымъ къ царю конницей съ вѣстью, приходилъ съ Дону донскіе казаки большимъ собраніемъ, подъ новыя городки (каланчинскіе башни) для пропуску съ моря Донскихъ казаковъ, которые были на морѣ и у калги царевича и у азовскаго паши съ Донскими казаки былъ бой, и на томъ бою уронъ ратныхъ людей учинился большой на обѣ стороны.“

Тамъ же.

„Августа 18-го пріѣзжалъ къ посланникомъ на станъ, ѣдучи изъ подъ Азова, Батырша мурза Сулемановъ и въ разговорахъ посланникамъ сказывалъ: калга царевичъ и карагалъ, всѣ которые были съ калгою царевичемъ подъ Азовомъ, пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ нимъ Батыршею мурзою, а Донскіе казаки, которые на морѣ, пошли на Донъ сухимъ путемъ, и у калги царевича и у азовскаго паши съ тѣми Донскими казаки былъ бой и у Свиного протоку Донскіе казаки большимъ боемъ прошли Донъ, а которые Донскіе казаки на томъ бою взяты, и тѣ казаки въ распросѣ сказывали: оставили они въ стру-

Оставшіяся же суда на морѣ, вошли въ рѣчку Калміусь, тамъ казаки, дождавшись товарищей изъ Черкаска, затопили суда въ оной и съ полученною добычею пошли въ Черкаску степью.—Калга, извѣщенный объ этомъ движеніи казаковъ, выступилъ со всѣми войсками и нагналъ ихъ на рѣчкѣ Тузловѣ, гдѣ казаки заблаговременно успѣли окопаться. Эта предосторожность, предпринятая ими заблаговременно, избавила ихъ отъ совершенной гибели: они нѣсколько дней мужественно выдерживали всѣ приступы татаръ, которые, насучивъ неудачами, ушли въ Крымъ, а казаки благополучно достигли до Черкаска (340). Едва миновало два мѣсяца послѣ этого столь славно окончившагося похода, какъ 120 человекъ отважныхъ казаковъ предприняли еще разъ испытать своего счастья въ землѣ непріятельской; снарядили три струга нагруженные въ рѣчкѣ Калміусь и поплыли моремъ къ крымскимъ берегамъ. Недалеко отъ Кафы повстрѣчались они съ двумя турецкими кораблями, нагруженными хлѣбомъ для продовольствія азовскаго гарнизона и на воихъ, сверхъ того, находилось 100 человекъ турокъ, посланныхъ въ каланчинскія башни на-перемѣну тамъ находившимся янычарамъ. Казаки устрѣмившись на эти суда и овладѣли ими послѣ упорнаго сраженія, 40 человекъ турокъ положили на мѣстѣ, а прочіе взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, непредвзвѣсивъ дальнѣйшихъ по-

гахъ на Азовскомъ морѣ 300 челов. и велики итти въ Калміусь и дожидаться съ Дону къ себѣ выручки.“

(340) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

„Да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы, холопи твои, шли съ моря и сидѣли, Государь, въ окопѣ въ осадѣ на степи, на Тузловѣ рѣчкѣ отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и милостію Божіею и помощію Пресвятыя нашея Богородицы Одигитріе и всѣхъ святыхъ молитвами и помощію и твоимъ Государевымъ счастіемъ, твоего государскаго недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турецкихъ и всѣхъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы, холопи твои, изъ осады отошли до своего Черкаскаго городка даль Богъ здорово.“

исковъ, казаки возвратились на Донъ съ богатою добычею (341).

Переговоры съ Крымомъ о мирѣ. Среди таковыхъ происшествій на Дону, Россійскій Государь ревностно продолжалъ войну съ польскимъ королемъ, коему помогалъ крымскій ханъ, имѣвшій большое вліяніе на худой успѣхъ россійскихъ войскъ въ продолженіи 1659 и 1660 годовъ. Дабы привлечь его на свою сторону, россійскій дворъ отправилъ въ Крымъ 1660 года дьяка Ивана Татарина, съ порученіемъ, склонить перваго царедворца ханскаго Сеферъ-Газы-агу уговорить хана, калгу и нурадына отстать отъ союза съ польскимъ королемъ, обѣщая при томъ прислать къ нимъ сверхъ обыкновенныхъ посылокъ 30/т. ефимковъ; а если и на это несогласится, то обѣщать 40, 50 и 60/т. ефимковъ. Татаринъ, явсь въ Сеферъ-Газы-агѣ нашелъ его непріклоннымъ взять на себя посредство къ заключенію съ Россіею мира. Газы - ага, вмѣсто благосклоннаго отвѣта, отозвался Татарину: „Россійскій Государь въ грамотѣ своей, присланной къ хану, именуется себя восточныхъ и западныхъ странъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ, напротивъ того, на востокѣ и на западѣ, находится много независимыхъ государствъ.“ Потомъ сей же царедворецъ объявилъ Татарину: „Государь вашъ ищетъ дружбы у хана нашего, а самъ послалъ на Донъ 8,000 войскъ и велѣлъ приготовить 500 струговъ, вмѣстѣ съ Донскими казаками сдѣлать напа-

(341) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Корня Яковлева, пріѣхавшаго въ Москву 20 генваря 1663 года.

„А какъ де они пошли изъ войска и при нихъ нынѣшніе осени, послѣ отпуску станичниковъ ихъ, которые присланы передъ ними къ В. Государю, послали изъ Міуса рѣчки войскомъ на море на крымскую сторону три струга, а въ стругу по 40 человекъ казаковъ, и на море де близко Кафы сошлись съ ними два корабля съ хлѣбомъ, а шли они съ крымской стороны въ Азовъ, да на тѣхъ же корабляхъ было со 100 человекъ воинскихъ людей янычанъ, а шли они на обитну къ башнямъ, и милостію Божіею тѣ два корабля взяли, и на тѣхъ корабляхъ турецкихъ людей янычанъ живыхъ взяли 60 человекъ, а достальныхъ побили.“

деніе на Крымъ и на турецкія области. Объяви своему Государю, что мы дали повелѣніе азовскому коменданту разорить жилища Донскихъ казаковъ, а сами идемъ съ многочисленнымъ войскомъ къ російскимъ границамъ и Москвѣ (342).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ханъ призывалъ къ себѣ Татарина, говорилъ съ нимъ ласково и надѣвъ на него и переводчика его дорогіе кафтаны, отпустилъ въ Россію съ гонцомъ своимъ и съ грамотою къ Російскому Государю, въ коей требовалъ возвращенія польскому королю всѣхъ завоеванныхъ городовъ и вывезть изъ Малороссіи войска, угрожая, въ случаѣ несоглашенія на сіи предложенія, напасть совокупно съ польскимъ королемъ на Россію; далѣе, въ этой же грамотѣ писать: „Вы всегда отговариваетесь, что казаки Донскіе воры, повелѣнія вашего не слушаютъ и что силъ вашихъ недостаточно содержать ихъ въ границахъ повиновенія; какъ между тѣмъ по вашему же повелѣнію приготовлено на Дону 500 струговъ для завоеванія нашего государства; но мы силы твоей не боимся и велѣли противустать имъ 15/т. войскъ; ты называешь себя обладателемъ обширныхъ земель и повелителемъ многочисленнаго войска, надѣешься на множество, но мы уповаемъ на Бога и станемъ по возможности противиться“ (343).

Грамота сія была наполнена многими грубыми выраженіями, кои были слѣдствіемъ одержанныхъ ханомъ побѣдъ надъ російскимъ войскомъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ.

Російскій Государь на сію грамоту отвѣчалъ хану въ благосклонныхъ выраженіяхъ; онъ писалъ: „что войска посланы на Донъ и струги не для нападенія на крымскія об-

(342) Дѣла крымскія, № 21, статейный списокъ дѣла Ивана Татарина, отправленнаго въ Крымъ посланникомъ.

(343) Тамъ же, № 5, грамота крымскаго хана къ російскому государю, привезенная въ Москву крымскимъ гонцомъ Магметъ-Ингельдеемъ 17-го апрѣля 1661 года.

ласти, но единственно для защиты границъ своего государства; не ты ли въ прошломъ 1659 г., нарушивъ мирныя постановленія, вторгнулся въ россійскіе предѣлы и разорилъ множество городовъ и селъ, и когда послѣ сихъ опустошеній возвращался съ плѣномъ въ свои предѣлы, не ты ли писалъ ко мнѣ, что не только не прекратишь своихъ набѣговъ на границы наши, но даже похвалялся достигнуть Москвы и ея овладѣть; послѣ сихъ непріязненныхъ со стороны твоей дѣйствій, неужели не защищать мнѣ своихъ границъ вооруженною рукою. Впрочемъ для соблюденія тишины на границахъ, мы повелѣли воеводамъ нашимъ и Донскимъ казакамъ не дѣлать нападений на крымцевъ и азовцевъ, если только со стороны ихъ прекратятся набѣги. До сего времени на Дону было тихо и спокойно, но когда, по повелѣнію твоему, были поставлены на Дону крѣпости, тогда азовцы непрерывными набѣгами начали утѣснять донскихъ казаковъ и россійскія войска, которые для защиты своей принуждены были давать имъ отпоръ и преслѣдовать ихъ въ построенныхъ крѣпостяхъ, тебѣ извѣстно, что Донскіе казаки живутъ на Дону издревлѣ и на устьяхъ онаго ниеогда со стороны вашей крѣпостей не было, то почему же не защищать имъ свои предѣлы“ (344).

Переговоры о мирѣ продолжались въ 1662 и 1663 годахъ, но чрезъ неумѣренныя требованія крымскаго хана миръ не былъ заключенъ. Ханъ требовалъ, что бы россійскія границы со стороны Польши остались тѣ же, какия были при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, что бы отказаться отъ завоеванныхъ у Польши провинцій и не вступаться за Запорожскихъ черкасъ; что бы свести съ Дону россійскія войска и унять казаковъ отъ нападений на турецкія и крымскія владѣнія (345).

(344) Тамъ же, отвѣтная грамота крымскому хану, посланная въ Крымъ мая мѣсяца 1661 года.

(345) Тамъ же № 3, статейный списокъ бывшихъ въ Крыму посланниками Ивана Олухтина и подъячаго Фирса Байдакова.

Эти переговоры съ крымскимъ ханомъ замѣчательны тѣмъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ въ первый разъ рѣшился оправдывать казаковъ; до сего же времени, какъ мы уже видѣли выше сего, въ подобныхъ переговорахъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ называлъ ихъ дерзкими ослушниками и всегда предоставлялъ имъ за разоренія, причиняемыя казаками ихъ областямъ, поступать съ ними по ихъ собственному произволу.

Набожность казаковъ. Побуждаемые набожностію, казаки въ 1656 году, находясь въ царскихъ полкахъ въ Польшѣ, взяли на рѣкѣ Виліе близъ города Вильны чудотворный образъ Богородицы Одигитріи, крестъ, евангеліе и книги; все это съ великою честію привезли въ Черкасскъ, гдѣ, по прошенію ихъ и по благословенію святѣйшаго патріарха Никона, построена церковь во имя Богородицы Одигитріи. Въ 1661 и 1662 годахъ, во дни притѣсненія казаковъ крымцами и ногайцами, многимъ набожнымъ изъ казаковъ нѣсколько разъ являлся въ сновидѣніяхъ образъ Божіей Матери Одигитріи и требовалъ, что бы оный перенесенъ былъ въ Вильну и поставленъ на прежнемъ мѣстѣ; что казаки обѣщали сдѣлать, но медлили исполненіемъ. Наконецъ, въ послѣдній разъ явился онъ казаку Ивану Стародубцу, вскорѣ послѣ выдержанной Донцами атаки отъ крымскаго царевича на рѣч. Тузовѣ, и приказалъ объявить всѣмъ казакамъ, что если они неисполняютъ своего обѣщанія, то во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ не будетъ успѣха. Устрашенные такимъ видѣніемъ, казаки спѣшили привести обѣщаніе свое въ исполненіе: украсили образъ Богоматери золотомъ, жемчугомъ и дорогими камнями, нарядили станицу, подъ начальствомъ атамана Осипа Галактионова, и при оной отправили его въ Москву съ великою честію, а вмѣстѣ съ станицею послали священника и діакона съ причтомъ для отправленія въ дорогѣ предъ образомъ ежедневно сдужбы Божіей. Казаки просили Государя послать образъ этотъ изъ Москвы въ Вильну. Въ то время продолжалась война съ Польшею и по-

прочихъ мурзь и въ тожь время, въ соединеніи съ ратными людьми, пошли на ногайскіе улусы, вочевашіе около Азова. Нападеніе сихъ соединенныхъ войскъ было столь удачно, что невзирая на сильную помощь, высланную турками изъ Азова, они разграбили и разорили весь ногайскій улусъ, положили на мѣстѣ болѣе 500 татаръ и турокъ, захватили въ плѣнъ 500 и отбили 100 челов. російскихъ людей, находившихся въ плѣну у ногайцевъ. Казаки, желая еще болѣе привязать къ себѣ калмыковъ, отдали имъ всѣхъ плѣнныхъ и отбитыхъ русскихъ людей, съ условіемъ, чтобы сихъ послѣднихъ тайши ихъ отправили отъ себя къ государю (333).

Съ этого времени калмыки начали приближаться кочевьями своими къ Дону и производить съ казаками торговлю. Но эта дружеская связь скоро была прервана чрезъ многія обиды и разоренія, причиненныя ими казачьимъ городкамъ.

Въ этомъ же 1661 году всѣ калмыцкіе владѣльцы и народъ, въ присутствіи Казбулата-мурзы Черкаскаго и дьяка Горохова, учинили торжественную присягу на подданство Російскому Государю (334).

(333) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Терентія Павлова 1661 г. октября 17 дня.

„А какъ де къ нимъ въ войско пріѣхали посыльщики ихъ, атаманъ Федоръ Буданъ да Степанъ Разинъ, изъ калмыковъ, и въ то де время пришли къ нимъ калмыковъ съ 500 челов., и съ тѣми де калмыки ходили изъ войска, атаманъ Карнило Яковлевъ и государевы воеводы съ ратными людьми къ Азову на ногайскіе улусы, и изъ Азова де азовцы пришли къ ногайцамъ на помочь, и съ ними бой у нихъ былъ, и калмыки де на томъ бою бились радѣтельно, а бой де у нихъ лучной да копейной, и на томъ де бою ногайскихъ и азовскихъ людей побили больше 500 человекъ и взяли въ полонъ съ 500 же человекъ, да отбили русскаго полону больше 100 челов., и тотъ де азовской и ногайской полонъ весь войскомъ отдали калмыкамъ для того, что бы де имъ впредь повадно было на крымскіе улусы ходить. А русскаго де полону имъ въ войско калмыки не дали, а сказали, что тотъ русской полонъ везуть они къ тайшамъ, а тайши де тотъ полонъ отошлютъ къ Великому Государю отъ себя.“

(334) Тѣхъ же дѣлъ, грамота войску Донскому 1661 года въ июль мѣсцѣ.

Казаки вновь провапываютъ ерижъ и врываются въ Азовское и Черное море. Между тѣмъ число людей въ станѣ воеводъ уменьшилось, не насчитывали уже и 300 человекъ, а опасность напротивъ того оставалась таже. Снова отправлена станица въ Москву бить челомъ Царю о присылкѣ провіанта, пушекъ и войскъ (335).

Дворъ Россійскій, увѣренный въ стѣсненномъ положеніи казаковъ, обнадеживалъ ихъ въ скоромъ пособіи и въ слѣдствіе того было предписано князю Черкасскому съ терскимъ и астраханскимъ войскомъ находиться въ готовности въ Царицынѣ. Гетману Малороссійскихъ и Запорожскихъ войскъ Брюховецкому и калмыцкимъ тайшамъ велѣно, для удержанія неприязненныхъ дѣйствій татаръ, врывать въ Крымъ и разорять подвластныя хану улусы; кромѣ сего было отправлено въ казакамъ 8,000 руб. денегъ, 200 половинокъ гамбургскихъ суконъ, 200 пуд. пороху, 100 пуд. свинцу и 5,000 четвертей хлѣба. Жалованье это, каковаго доселѣ казаки еще не получали, послано было имъ единственно изъ уваженія къ бѣдственному положенію ихъ. Московскій дворъ немогъ въ то время дать казакамъ непосредственной помощи войскомъ, ибо всѣ войска были заняты въ войнѣ съ Польшею, коей дѣятельно помогалъ крымскій ханъ и имѣлъ болѣе всѣхъ вліяніе на худой успѣхъ російскаго оружія. Къ рѣшительной невыгодѣ нашей, онъ намѣревался вторгнуться въ Малороссію и въ нашу украину; надлежало отвлечь его отъ сихъ замысловъ, перенеся войну въ его собственныя владѣнія. „Соберите всѣ свои силы, писалъ въ казакамъ Государь,

(335) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 18-го сентября 1661 года.

„А если, Государь, твоего В. Государя большого голандскаго наряду и твоей прибыльной конной и пѣшой рати къ намъ холопѣмъ твоимъ не будетъ, и намъ холопѣмъ твоимъ съ твоей государевой плесловучія Дону рѣки разбредтся будетъ всѣмъ равню, потому что держати намъ холопѣмъ твоимъ не въ мочь и кормиться не тѣмъ.“

ниспровергните твердыни вражескія, побѣдите самую природу и возжгите пламень опустошенія въ областяхъ крымскихъ; слава поведетъ васъ на брань и мои щедроты покроютъ побѣдителей.“ Казаки закипѣли мщеніемъ и въ короткое время снарядили 26 струговъ и вмѣстѣ съ воеводою Яковомъ Хитрово двинулись, 17 апрѣля, къ устью Дона, коимъ для безопаснаго прохода въ море сопутствовало все войско находившееся въ Черкасскомъ. На казачьемъ ерикѣ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ изъ окоповъ, сдѣланныхъ турками незадолго предъ симъ на верхнемъ устьѣ ручья; здѣсь завязалось сражаніе, кончившееся тѣмъ, что казаки вытѣснили турокъ изъ окоповъ и застѣли въ оныхъ сами. Поощренные первымъ успѣхомъ, они раскопали засыпанный турками ерикъ и провели по немъ назначенные къ походу суда. Гарнизонъ, сидѣвшій въ каланчинскихъ башняхъ, не смѣлъ воспрепятствовать ихъ дѣйствию (336).

Азовцы, не въ состояніи будучи удержать казаковъ отъ предпринятаго ими намѣренія, наскоро послали гонцовъ къ крымскому хану съ просьбою о присылкѣ войскъ къ Азову

(336). Дѣла турецкія, отписка Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1682 года.

„Апрѣля въ 17 день, по твоему, Великаго Государя, указу отпустили мы, холопи твои, войска на твою Великаго Государя службу, стругами на море—на Крымъ и на крымскіе улусы, а твой государевъ стольникъ и воевода Яковъ Тимофѣевичъ Хитрово и съ твоими государевыми ратными людьми пошелъ съ войскомъ на Крымъ же—на крымскіе улусы, вмѣстѣ, и мы холопи твои войско и твоего государева стольника и воеводу Якова Тимофѣевича и твоихъ государевыхъ ратныхъ людей ходили провожать, и увѣдавъ, Государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твою В. Государя службу на море, шанди они сдѣлали противъ казачьяго ерика, на Каланчинскомъ острову, на устьѣ, и въ тѣхъ, Государь, шапцахъ, тѣ крымскіе и азовскіе люди съ огненнымъ боемъ и съ пушками сидѣли и у насъ холопей твоихъ съ ними бой великій былъ, и затѣмъ, Государь, великимъ боемъ, милостію Божию и твоимъ Государевымъ Царевымъ и В. Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца счастіемъ, тѣхъ крымскихъ и азовскихъ людей изъ шапцевъ выбили и шанди ихъ мы холопи твои взяли, а въ то, Государь, время, мы холопи твои казачій ерикъ раскопали и струги морскіе, 26 струговъ, съ войскомъ на море пропустили, далъ Богъ, здорово.“

для восприматствованія казакамъ при обратномъ возвращеніи ихъ на Донъ; вслѣдствіе чего былъ отправленъ къ Азову калга съ многочисленнымъ войскомъ, къ коему присоединились потомъ ногайцы, кочевавшіе по Кубани. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на помощь казакамъ пришелъ къ Черкасскому городку съ войсками Каспулатъ князь Черкасскій и нѣсколько калмыговъ. Калга, не считая себя довольно сильнымъ противу стая казакамъ и вновь пришедшимъ войскамъ, убѣждалъ крымскаго царя прислать къ нему новыхъ войскъ. Въ ожиданіи этого вспомошествованія, онъ немедленно приступилъ къ постройкѣ новой крѣпости при устьѣ казацкаго ерика и въ засыпкѣ онаго камнями и землею.

Между тѣмъ казаки спокойно производили свои морскіе походы, сначала пристали они къ Керчи, разорили этотъ городокъ и всѣ улусы, кочевавшіе около онаго, и захватили большое число плѣнныхъ російскихъ людей (337).

Потомъ поплыли чрезъ Черное море къ Трапезону, около коего сожгли нѣсколько деревень и, нагрузивъ суда свои добычею, возвратились къ крымскимъ берегамъ; близъ деревни Игельѣ вышли на берегъ, гдѣ получили нѣкоторую добычу и поплыли къ устьямъ Дона (338).

(337) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 16 октября 1662 г.

„Сентября въ 26 день писали къ намъ, В. Государю, вы атаманъ и казаки съ станичники своими съ атаманомъ съ Феодотомъ Прокофьевымъ съ товарищи, что посылали съ воеводою съ Яковомъ Хитрово и съ нашими Великаго Государя ратными людьми Донскихъ атамановъ и казаковъ на крымскіе улусы войною, и милостію Божіею и нашимъ В. Государю и нашихъ государскихъ чадъ благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и благовѣрнаго Царевича и Великаго Князя Феодора Алексѣевича счастіемъ, крымскіе улусы Керчь съ уѣздомъ разорили и асмръ многой поимали и нашихъ В. Государя взятыхъ плѣнныхъ людей многихъ изъ плѣну свободили; да съ тѣми же своими станичками прислали къ намъ Великому Государю въ языкъхъ дву человекъ татаръ и мы, Великій Государь, наше Царское Величество, за вашу службу жалуетъ васъ—милостивно похваляемъ.“

(338) Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму 1662 года посланникомъ Якова Якушина.

„Іюля въ 5 день послали посланника къ Маметше князю переводчика

Походное войско имѣло свѣдѣніе о всѣхъ препятствіяхъ, какия оно должно преодолѣть на казачьемъ ерикѣ, и потому заблаговременно дало знать о днѣ прибытія своего къ устьямъ Дона. По сему извѣщенію всѣ войска, находившіяся въ Черкасскѣ, двинулись рѣкою Дономъ и сухимъ путемъ къ каланчинскимъ башнямъ. Между тѣмъ походное войско, выступивъ въ устьѣ Дона, увидѣло, что калга противу поставилъ ему многочисленныя силы; оно оставило суда свои на морѣ, подъ охраненіемъ 300 человекъ казаковъ, а само рѣшилось проложить себѣ путь сквозь непріятелей мечемъ. При рукавѣ Дона, называемомъ Свинымъ, завязалось сраженіе, татары, бывъ тѣсними съ тылу російскими войсками, не въ состояніи были остановить стремительнаго нападенія казаковъ съ переди; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя, казаки соединились съ російскими войсками и тѣмъ избѣгли грозившей имъ опасности (339).

Кутлюамета и Маметша князь ему сказывалъ: Донскіе казаки объявились, іюля въ 3 день, подъ Игелю, выходили на берегъ для добычи, и въ то время взяли у нихъ дву человекъ Донскихъ казаковъ и тѣ казаки въ распросѣ сказали, были они за моремъ на Анадольской сторонѣ подъ Трапизономъ, въ Унгѣ многіе мѣста пожгли.“

(339) Тамъ же.

„Августа 4-го пріѣзжалъ къ посланникамъ на станѣ ближняго человека Сеферъ Газы аги язычей Кутлумка . . . и сказывалъ: присланъ изъ подъ Азова отъ калги царевича въ Крымъ къ царю копчей съ вѣстью, приходили съ Дону донскіе казаки большимъ собраніемъ, подъ новые городки (каланчинскіе башни) для пропуску съ моря Донскихъ казаковъ, которые были на морѣ и у калги царевича и у азовскаго наши съ Донскими казаки былъ бой, и на томъ бою уронъ ратныхъ людей учинился большой на обѣ стороны.“

Тамъ же.

„Августа 18-го пріѣзжалъ къ посланникомъ на станѣ, ѣдучи изъ подъ Азова, Батырша мурза Сулемановъ и въ разговорахъ посланникамъ сказывалъ: калга царевичъ и карагея, всѣ которые были съ калгою царевичемъ подъ Азовомъ, пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ нимъ Батыршею мурзою, а Донскіе казаки, которые на морѣ, пошла на Донъ сухимъ путемъ, и у калги царевича и у азовскаго наши съ тѣми Донскими казаки былъ бой и у Свиного протоку Донскіе казаки большимъ боемъ прошли Донъ, а которые Донскіе казаки на томъ бою взяты, и тѣ казаки въ распросѣ сказывали: оставили они въ стру-

Оставшіяся же суда на морѣ, вошли въ рѣчку Калміусъ, тамъ казаки, дождавшись товарищей изъ Черкасса, затопили суда въ оной и съ полученною добычею пошли къ Черкаску степью.—Калга, извѣщенный объ этомъ движеніи казаковъ, выступилъ со всѣми войсками и нагналъ ихъ на рѣчѣ Тузловѣ, гдѣ казаки заблаговременно успѣли окопаться. Эта предосторожность, предпринятая ими заблаговременно, избавила ихъ отъ совершенной гибели: они нѣсколько дней мужественно выдерживали всѣ приступы татаръ, которые, насучивъ неудачами, ушли въ Крымъ, а казаки благополучно достигли до Черкасса (340). Едва миновало два мѣсяца послѣ этого столь славно окончившагося похода, какъ 120 человекъ отважныхъ казаковъ предприняли еще разъ испытать своего счастья въ землѣ непріятельской; снарядили три струга нагруженные въ рѣчѣ Калміусѣ и поплыли моремъ къ крымскимъ берегамъ. Недалеко отъ Кафы повстрѣчались они съ двумя турецкими кораблями, нагруженными хлѣбомъ для продовольствія азовскаго гарнизона и на коихъ, сверхъ того, находилось 100 человекъ турокъ, посланныхъ въ каланчинскія башни на-перемѣну тамъ находившимся янычарамъ. Казаки устрѣмились на эти суда и овладѣли ими послѣ упорнаго сраженія, 40 человекъ турокъ положили на мѣстѣ, а прочіе взяты въ плѣнъ. Затѣмъ, непредиринимая дальнѣйшихъ по-

гахъ на Азовскомъ морѣ 300 челов. и велѣли итти въ Калміусъ и дожидаться съ Дону къ себѣ выручки.“

(340) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 16 декабря 1662 года.

„Да въ прошломъ, Государь, въ 170 году, какъ мы, холопи твои, шли съ моря и сидѣли, Государь, въ окопѣ въ осадѣ на стени, на Тузловѣ рѣчѣ отъ крымскаго царевича калги и отъ многихъ воинскихъ людей и милостію Божию и помощію Пресвятѣя наша Богородицы Одигитріе и всѣхъ святыхъ молитвами и помощію и твоимъ Государевымъ счастіемъ, твоего государскаго недруга крымскаго царевича калгу и многихъ турскихъ и вслкихъ воинскихъ людей у него побили, а сами, Государь, мы, холопи твои, изъ осадѣ отошли до своего Черкаскаго городка дакъ Богъ здорово.“

исковъ, казаки возвратились на Донъ съ богатою добычею (341).

Переговоры съ Крымомъ о мирѣ. Среди таковыхъ произшествій на Дону, Россійскій Государь ревностно продолжалъ войну съ польскимъ королемъ, коему помогалъ крымскій ханъ, имѣвшій большое вліяніе на худой успѣхъ російскихъ войскъ въ продолженіи 1659 и 1660 годовъ. Дабы привлечь его на свою сторону, російскій дворъ отправилъ въ Крымъ 1660 года дьяка Ивана Татарина, съ порученіемъ, склонить перваго царедворца ханскаго Сеферъ-Газы-агу уговорить хана, калгу и нурадына отстать отъ союза съ польскимъ королемъ, обѣщая при томъ прислать къ нимъ сверхъ обыкновенныхъ посылокъ 30/т. ефимковъ; а если и на это несогласится, то обѣщать 40, 50 и 60/т. ефимковъ. Татаринъ, являсь къ Сеферъ-Газы-агѣ напелъ его неприклоннымъ взять на себя посредство къ заключенію съ Россією мира. Газы - ага, вмѣсто благосклоннаго отвѣта, отозвался Татарину: „Россійскій Государь въ грамотѣ своей, присланной къ хану, именуеть себя восточныхъ и западныхъ странъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ, напротивъ того, на востокѣ и на западѣ, находится много независимыхъ государствъ.“ Потомъ сей же царедворецъ объявилъ Татарину: „Государь вашъ ищетъ дружбы у хана нашего, а самъ послалъ на Донъ 8,000 войскъ и велѣлъ приготовить 500 струговъ, вмѣстѣ съ Донскими казаками сдѣлать напа-

(341) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Корнѣя Яковлева, пріѣхавшаго въ Москву 20 генваря 1663 года.

„А какъ де они пошли изъ войска и при нихъ нынѣшніе осени, послѣ отпуску станичниковъ ихъ, которые присланы передъ ними къ В. Государю, послали изъ Міуса рѣчки войскомъ на море на крымскую сторону три струга, а въ стругу по 40 человекъ казаковъ, и на море де близко Кафы сошлись съ ними два корабля съ хлѣбомъ, а шли они съ крымской стороны въ Азовъ, да на тѣхъ же корабляхъ было со 100 человекъ воинскихъ людей янычанъ, а шли они на обѣгну къ башнямъ, и милостію Божією тѣ два корабля взяли, и на тѣхъ корабляхъ турецкихъ людей янычанъ живыхъ взяли 60 человекъ, а достальныхъ побили.“

деніе на Крымъ и на турецкія области. Объяви своему Государю, что мы дали повелѣніе азовскому коменданту разорить жилища Донскихъ казаковъ, а сами идемъ съ многочисленнымъ войскомъ въ російскіимъ границамъ и Москвѣ (342).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ханъ призывалъ къ себѣ Татаринова, говорилъ съ нимъ ласково и надѣвъ на него и переводчика его дорогіе кафтаны, отпустилъ въ Россію съ гонцомъ своимъ и съ грамотою къ Россійскому Государю, въ коей требовалъ возвращенія польскому королю всѣхъ завоеванныхъ городовъ и вывести изъ Малороссіи войска, угрожая, въ случаѣ несоглашенія на сіи предложенія, напасть совокупно съ польскимъ королемъ на Россію; далѣе, въ этой же грамотѣ пишутъ: „Вы всегда отговариваетесь, что казаки Донскіе воры, повелѣнія вашего не слушаютъ и что силъ вашихъ недостаеъ содержать ихъ въ границахъ повиновенія; какъ между тѣмъ по вашему же повелѣнію приготовлено на Дону 500 струговъ для завоеванія нашего государства; но мы силы твоей небоимся и велѣли противустать имъ 15/т. войскъ; ты называешь себя обладателемъ обширныхъ земель и повелителемъ многочисленнаго войска, надѣнешься на множество, но мы уповаемъ на Бога и станемъ по возможности противиться“ (343).

Грамота сія была наполнена многими грубыми выраженіями, кои были слѣдствіемъ одержанныхъ ханомъ побѣдъ надъ російскимъ войскомъ подъ Конотопомъ и Чудновымъ.

Россійскій Государь на сію грамоту отвѣчалъ хану въ благосклонныхъ выраженіяхъ; онъ писалъ: „что войска посланы на Донъ и струги не для нападенія на крымскія об-

(342) Дѣла крымскія, № 21, статейный списокъ дѣла Ивана Татаринова, отправленнаго въ Крымъ посланникомъ.

(343) Тамъ же, № 5, грамота крымскаго хана къ російскому государю, привезенная въ Москву крымскимъ гонцомъ Магметъ-Ингельдеемъ 17-го апрѣля 1661 года.

случаю несоглашенія россійскихъ посланниковъ на предложенныя условія, переговоры о мирѣ были прекращены и посланники разъѣхались безъ всякаго успѣха. Подобные переговоры о мирѣ продолжались и въ 1669 году; наконецъ въ 1670 году заключенъ былъ въ Крыму на твердомъ основаніи миръ между тремя державами: Россією, Польшею и Крымскимъ ханомъ. Въ этомъ мирномъ договорѣ между прочимъ постановлено было, чтобы со стороны Россійскаго Государя запрещено было Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ производить морскіе поиски по Азовскому и Черному морю, и не дѣлать никакихъ нападеній на улусы, подвластные Крымскому хану (355).

ГЛАВА XIII.

Разбой казаковъ по Волгѣ.—Нѣкоторыя изъ этихъ казачьихъ партій истреблены самыми Донцами.—Разиня является на Волгѣ.—Причины его побѣга съ Дону.—Разбой Разина по Волгѣ.—Разбой его по Каспійскому морю.—Разиня приноситъ Царю повинную.—Возвращеніе Разина на Донъ.—Разиня вновь свирѣпствуетъ на Волгѣ.—Разиня въ Астрахани.—Жестокіе поступки Разина съ гражданами.—Походъ Разина въ Россію.—Войсковою атаманъ Корнило Яковлевъ беретъ въ плѣнъ Разина.—Казакъ приноситъ Царю повинную.—Присига казаковъ на вѣрность службы.—Произшествія въ Астрахани.—Атаманъ Шелудакъ разбитъ подъ Симбирскомъ.—Васька Усь умерщвляетъ въ Астрахани митрополита Іосифа и князя Львова.—Князь Милославскій беретъ Астрахань.—Сообщникъ Разина донской казакъ Муской представляетъ Запорожскимъ казакамъ самозванца.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Безпрерывныя сношенія россійскихъ царей съ погайскими князьями, вочевавшими съ улусами своими между Волгою и Ураломъ, и производимая въ то время торговля съ ними и съ персіянами, привлекали къ берегамъ этой рѣки многія партіи Донскихъ казаковъ, для нападеній и грабежей на проѣзжающихъ россійскихъ и погайскихъ посланниковъ и на купеческіе караваны, шедшіе для безопасности съ ними въ Россію.

(355) Дѣла крымскія, 1667 года, изъ книгъ № 9, 45 и 1670 г. изъ № 12 и дѣла турецкія, 1667 года, изъ книгъ № 8.

Завоеваніе царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1552 году царства Казанскаго, а чрезъ два года потомъ и царства Астраханскаго, весьма много способствовало къ распространенію торговли россиянь съ татарами, персіянами и бухарцами. Городъ Астрахань сдѣлался главнымъ мѣстомъ складки товаровъ европейскихъ и азійскихъ. Около этого времени, и именно въ 1553 г., англичане, открывая путь чрезъ Ледовитое море въ Китай и Индію, пришли нечаянно къ городу Архангельску. на мѣстѣ коего былъ тогда монастырь Св. Николая, здѣсь учредили они въ послѣдствіи времени свои конторы и производили по всей Россіи обширную торговлю, бывъ покровительствуемы Іоанномъ. Прибыточная торговля веденная россиянами съ Персією, обратила ихъ вниманіе на эту страну: посланныя ими туда въ 1565 году разнаго рода товары, были проданы весьма выгодно. Въ 1579 году они вновь отправили изъ Астрахани свои товары съ англичанами Ефреемъ Дукатомъ и Ліопелемъ Плумтреемъ; 1578 года судно ихъ, нагруженное большимъ количествомъ шелку и другими персидскими товарами, возвращаясь изъ Персіи, было остановлено на морѣ казаками, которые подъ притворнымъ дружествомъ взошли на оное и, послѣ упорнаго со стороны англичанъ сопротивленія, овладѣли имъ и товарами на сумму отъ 30 т. до 40 т. фунтовъ стерлинговъ. Казаки оставили англичанамъ жизнь и дали стругъ, а на пропитаніе нѣсколько свиного и лошадиного мяса, дабы можно было доплыть имъ до Астрахани. Въ этомъ городѣ англичане прибѣгли подъ защиту астраханскаго воеводы, который въ то же время, отправилъ на 70 стругахъ стрѣльцовъ для преслѣдованія казаковъ; стрѣльцы нашли казаковъ на морскомъ берегу и столь удачно сдѣлали на нихъ нападеніе, что всѣхъ порубили на мѣстѣ, заграбленные ими товары, изъ коихъ нѣкоторая часть была зарыта въ землю, привезли въ Астрахань и возвратили англичанамъ (356).

(356) Описаніе Каспійскаго моря, П. Саймонова, помѣщенное въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1768 года.

Около этого времени разбой казаковъ умножились до того, что торговля россиянь съ бухарцами и персіянами на время прекратилась; извѣстные тогда по своему буйству и предпримчивости атаманы: Иванъ Кольцовъ, Богданъ Барбошъ, Нивита Папъ и Савва Болдырь, производя великія опустошенія въ улусахъ ногайскихъ, грабили безъ всякаго различія по Волгѣ русскихъ и персидскихъ купцовъ. Россійскій Государь посылалъ на нихъ войска свои, но казаки скрывались на время и потомъ появлялись для новыхъ грабежей. Это обстоятельство было поводомъ къ учрежденію на Волгѣ, отъ того мѣста, гдѣ нынѣ Царицынъ, до Астрахани шести заставъ, на коихъ было поставлено по нѣскольку человекъ стрѣльцовъ; въ послѣдствіи времени эти заставы положили основаніе къ построенію крѣпостей Царицына и Чернаго Яра.

По разграбленіи казаками на Волгѣ въ 1587 году посланна персидскаго, ѣхавшаго изъ Россіи, разбой казаковъ прекратилсь до возникшаго въ Россіи междуцарствія; съ этого же времени своевольства ихъ достигли до того, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не всегда имѣлъ успѣхъ въ удержаніи отъ нападеній на суда, шедшія изъ Астрахани съ товарами.

Въ то время со стороны войска Донскаго не было никакой преграды казакамъ въ подобныхъ разбояхъ.

Но когда въ 1627 году былъ ограбленъ казаками большой караванъ, плывшій рѣкою Волгою въ Астрахань, на которомъ побито весьма много русскіихъ купцовъ, то войсковой атаманъ Елифанъ Родилонъ по приговору войска предписалъ явиться въ монастырской городоу, для отвѣта, всѣмъ тѣмъ атаманамъ и казакамъ верховыхъ городоу, которые суужали и продавали этимъ разбойникамъ порохъ и свинець и дозволяли зимовать въ своихъ городоуахъ, тѣхъ же передержателей, которые находились въ то время на монастырскомъ яру, и русскихъ промышленниковъ, которые покупали у нихъ пограбленныя вещи, послѣ тѣлеснаго наказанія, по войсковому праву ограбили. Притомъ подтверждено было

по всѣмъ городкамъ, чтобы никто съ Дону на Волгу не ходилъ для разбоевъ; если же кто нарушитъ это постановленіе и послѣ того окажется на Дону, тотъ неминуемо казненъ будетъ смертію (357).

Таковыя мѣры были причиною, что разбойничавшіе верховые казаки построили на Дону неподалеку отъ устья рѣки Чира особой городокъ, куда они обыкновенно сходились на зимовку и оттуда ежегодно производили разѣзды по Волгѣ и по Каспійскому морю для нападений на російскихъ и персидскихъ купцовъ. Эта шайка разбойниковъ, состоявшая изъ 600 человекъ, подъ начальствомъ атамана Романа Хахра, не имѣла никакого сношенія съ прочими казаками и противилась власти войска Донскаго (358).

(357) Дѣла ногайскія, № 1, выписка изъ донесенія Астраханскаго воеводы Князя Юрія Буйносова Ростовскаго въ Посольскій приказъ 1627 года.

„ А какъ де, Государь, на Дону вѣдомо учинилось, что воры казаки на Волгу приходили на караванъ и атаманъ де, Епиха Родиловъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманамъ, съ которыми въ городѣхъ тѣ казаки, что нынѣ воруютъ на Волгѣ, атаманъ Данилко съ товарищи зимовали, и велѣли тѣхъ атамановъ и казаковъ давать на поруки, чтобы имъ стать въ войскѣ на яру на урочищѣ монастырскомъ а иныхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаки, что нынѣ воруютъ, и ихъ ссужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочищѣ монастырскомъ въ сѣздѣ и ихъ де, Государь, атаманъ Епиха Родиловъ съ товарищи били ослопьемъ и грабили при нихъ, а торговыхъ де, Государь, людей, которые съ тѣми жъ ворами зимовали и торговали съ ними у казаковъ покупали исырь, а казакамъ продавали зелье и свинець, и тѣхъ де, Государь, торговыхъ людей Донскіе казаки били жъ и грабили и о томъ учинили заказъ крѣпкой, чтобы отнюдь никто съ Дону на Волгу для воровства не ходилъ, а только де, Государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ объявится на Дону, и тому быть казнену смертію.“

(358) Ногайскія дѣла, № 1, выписка изъ отписки астраханскихъ воеводъ князя Юрья Буйносова-Ростовскаго съ товарищи въ Посольскій приказъ 1628 года.

„ А Донскіе де казаки, которые воровали на Волгѣ нынѣшняго лѣта, на Дону у Чира сдѣлали себѣ особой городокъ, а по смѣтѣ де тѣхъ воровъ казаковъ въ томъ городѣхъ съ 600 человекъ, а съ Донскими де казаками съ нижними городки они не сѣзжаются и ни въ чемъ Донскихъ казаковъ не слушаютъ.“

Съ 1637 года разбой казаковъ по Каспійскому морю до того умножились, что не только грабили купеческія суда, но дѣлали нападенія на мезандерганскія, гиланскія и другія прибрежныя персидскія провинціи, взяли городъ Фоработъ и разорили много деревень. Посланныя войска изъ Астрахани, Терска и отъ Персидскаго шаха, разсѣвали эти шайки, но не могли истребить ихъ совершенно. Персидскій шахъ въ присланной съ посломъ своимъ въ 1640 году грамотѣ въ Россійскому Государю, упрашивая послать на Каспійское море войска для общаго дѣйствія съ персидскими противу таковыхъ казачьихъ шаекъ, между прочимъ писалъ: „казаки люди такіе, въ какомъ бы они государствѣ ни находились, отъ нихъ нѣтъ никакого добра, кромѣ зла; у нихъ одно желаніе—убить человѣка и ограбить; о такихъ людяхъ сожалѣть нечево, кто такого человѣка шадить, тому отъ Бога ни въ чемъ добра не будетъ, а кто ихъ не жалѣтъ, тотъ получитъ отъ него милость (359).

Послѣ сильныхъ преслѣдованій произведенныхъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, россійскими и персидскими войсками, разбой казаковъ прекратились до 1659 года, въ продолженія этого времени въ современныхъ актахъ упоминается объ одной только партіи (1650 г.) казаковъ, причинившей большія опустошенія персидскимъ приморскимъ селеніямъ и грабительства проѣзжающимъ въ Астрахань моремъ купеческимъ судамъ.

(359) Персидскія дѣла, № 1, 2 и 3, 1640 года, грамота персидскаго шаха Софа къ россійскому царю Михаилу Ѳеодоровичу 1640 г. съ гонцомъ своимъ Алибекомъ.

„А казаки люди такіе, въ которомъ они государствѣ небудуть, и они добра никакого не дѣлають, кромѣ дурна. казачье хотѣнье человѣка убить, да ограбить и такихъ людей жалѣть нечего, кто такого человѣка жалѣтъ и тому человѣку отъ Бога добра не будетъ, а кто такихъ людей не пожалѣтъ и тому за то отъ Бога милость будетъ, и нѣчто велитъ Богъ, гдѣ будетъ намъ сручно, и мы рати свои на нихъ посылать и ихъ побивать учнемъ, а вамъ бы, брату нашему, похота съ нами въ дружбѣ и въ любви быти, также съ своею стороною гдѣ кому будетъ ближе, на нихъ рати свои велѣтъ же посылати и ихъ побивати и дружбѣ то дѣло пригодится“

Нѣкоторыя изъ этихъ казачьихъ партій истреблены самими Донцами. Съ 1650 года разбой казаковъ по Волгѣ и Каспійскому морю увеличились съ большимъ ожесточеніемъ. Для содержанія себя въ безопасности отъ преслѣдованія, они основали въ скрытномъ мѣстѣ, между Паншинскою и Иловлинскою станицами, укрѣпленный городокъ и назвали его Рыгою. Отсюда они, въ маѣ мѣсяцѣ тогожъ года, перетащили суда въ рѣчку Камышену и ограбили близъ теперешняго Дубовскаго посада нѣсколько російскихъ купцовъ и возвратились съ добычею въ свой городокъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ эта самая партія, состоящая изъ 80 человекъ, подъ начальствомъ атамана своего Василья Прокофьева, сдѣлала другое нападеніе неподалеку отъ Царицына на суда, плывшія Волгою, умертвила нѣсколько узденей, везшихъ разныя вещи, принадлежащія Каспулату князю Черкасскому, и потомъ ограбивъ всѣ суда ушла на рѣч. Иловлу. Тутъ, нагрузивъ суда свои добычею, поплыла было эта шайка внизъ по рѣчкѣ въ свой городокъ, но на пути настигла ее партія стрѣльцовъ, посланная по извѣщенію отъ Саратовскаго воеводы, которая, впрочемъ, немогла причинить казакамъ никакого вреда, и послѣ многихъ нападеній, успѣла схватить только двухъ казаковъ, съ коими и возвратилась въ Саратовъ (360).

Государь предписалъ казакамъ разорить этотъ городокъ до основанія, разбойниковъ же съ ихъ аманомъ и есауломъ по войсковому праву казнить смертію. По этому случаю наряжена была сильная партія, состоящая изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ, даны были ей изъ войска пушки и другіе припасы потребныя къ осажденію городка; казаки осадили оный въ зимнее время, били по землянымъ стѣнамъ изъ пушекъ, вели подкопы и наконецъ послѣ нѣсколькихъ приступовъ овладѣли городкомъ, захватили атамана Василья Прокофьева и всѣхъ его сообщниковъ, оставшихся въ живыхъ;

(360) Дѣла Донскія, грамота войску Донскому 1659 года ноября 11 дня.

привезли ихъ въ главное войско гдѣ съ общаго приговора, повѣсили атамана, есаула и десять человѣкъ главнѣйшихъ изъ бунтовщиковъ; городокъ же сожгли и истребили до основанія (361).

Столь строгія мѣры, принятыя со стороны войска на истребленіе разбойничества по Волгѣ, не произвели никакихъ полезныхъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ 1660 году сильныя партіи казаковъ, подъ начальствомъ атамана Парфена Иванова, раздѣляясь на многіе отряды, грабили купеческія суда по Волгѣ, около Царицына, Чернаго Яра и Астрахани, разоряли учуги и забирали силою рабочихъ людей для увеличиванія своихъ партій; производили разѣзды по Каспійскому морю до персидскихъ границъ и до устья рѣки Урала, и такимъ образомъ остановили торговыя сношенія съ Астраханью и Персією.

Вѣсть о таковыхъ грабительствахъ скоро достигла до Государя; войску Донскому предписано было унять этихъ разбойниковъ или силою, или послать къ нимъ лучшихъ старшинъ уговорить къ возвращенію на Донъ. Изъ современныхъ актовъ невидно какой имѣли успѣхъ посланные изъ войска въ Астрахань и на Каспійское море атаманы Василій Гладкой и Фроль Минаевъ, извѣстно только то, что съ 1661 года до 1667 года грабительства по Волгѣ и Каспійскому морю совершенно прекратились (362).

(361) Тамъ же, грамота Войску Донскому 1660 года мая 29 дня.

„Да въ нынѣшнемъ же въ 1660 году Апрѣля въ 14 день писали вы къ намъ, Великому Государю, съ станчички своими съ атаманомъ съ Леонтіемъ Фроловымъ сътоварищи, что посылали вы атаманы и казаки, для поиска за волжскими ворами, которые, воровавъ на Волгѣ, и перешли съ Волги на Донъ и городокъ было они себѣ воровской, межъ верховыхъ городковъ, поставили въ пустомъ юртѣ, своихъ низовыхъ казаковъ многихъ людей конныхъ и пѣшихъ съ пушками. и тѣ ваши посмѣльщики тотъ городокъ взяли за большимъ боемъ и подкопами и многихъ людей у нихъ воровъ въ приступѣ победи, а иныхъ живыхъ поймали и городокъ ихъ воровской сожгли и разорили со всѣмъ, и старшинъ ихъ воровскихъ заводчиковъ сожгли, атамана и есаула съ товарищи 10 человѣкъ привезли для вершенія къ вамъ живыхъ и, распрося тѣхъ воровъ, повѣсили.“

(362) Тамъ же, грамота на Донъ 1660 года декабря 5 дня.

„И нынѣ били челомъ намъ, Великому Государю, гости изъ разныхъ горо-

Разинъ является на Волгѣ. Доселѣ являлись на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ одни немногочисленныя разбойничавшія партіи казаковъ, которыхъ существованіе тамъ было недолговременно: успѣшное нападеніе на караванъ или на судно заставляло ихъ немедленно возвращаться съ добычею въ свои жилища, опасаясь преслѣдованія російскихъ войскъ. Поселенные въ Саратовѣ, Царицинѣ, Черномъ Ярѣ и Астрахани стрѣльцы преграждали этимъ разбойническимъ шайкамъ всѣ пути къ дальнѣйшимъ грабежамъ и нерѣдко истребляли ихъ совершенно. Теперь слѣдуетъ описаніе разбоевъ казака Степана Разина, которые отъ предыдущихъ имѣютъ ту разность, что они болѣе сопровождались убійствами, грабежами и наконецъ возмущеніемъ противъ отечества. Партія его при первоначальномъ появленіи на Волгѣ состояла изъ 1,500 человекъ и по мѣрѣ успѣховъ его въ разбояхъ увеличивалась приходившими съ Дона отважными казаками. Будучи извѣстенъ въ войскѣ по своей храбрости и опытности въ гражданскихъ того времени дѣ-

довъ торговые люди, у которыхъ промыслы въ Астрахани и Казылбаша и за которыми на откупъ наши В. Государя учуги и рыбные ловли, что де тѣ воровскіе казаки на море персидскаго шаха купчили и всякихъ торговыхъ людей разбиваютъ и грабятъ и съ персидскимъ шахомъ ссорятъ и путь на море въ Казылбаша отняли и ихъ гостей нашихъ и торговыхъ людей около Астрахани и учуги на Волгѣ громятъ и разоряютъ, и впредъ великимъ зломъ хвалятся и многихъ къ себѣ воровъ вновь прозываютъ и иныхъ работныхъ людей у промыслевъ съ собою въ воровствѣ насилу смлютъ и отъ того своего воровства непереставать. чинить всякія злости нище прежняго и какъ къ вамъ ся наша В. Государя грамота придетъ и вы бѣ атаманы и казаки по прежнему и по сему Великаго Государя указу на Волгѣ и на море къ тѣмъ воровскимъ казакамъ посылали отъ себя изъ войска кого пригожъ, и велѣли ихъ отъ того ихъ воровства уговорить, что бы они отъ того своего воровства оставили и нашимъ Великаго Государя людямъ, также и персидскаго шаха торговымъ людямъ, злости чинить перестали и межъ насъ Великаго Государя и Казылбашскаго шаха тѣмъ своимъ воровствомъ ссоры не чинили: а буде они отъ того своего воровства не отстанутъ и въ томъ васъ непослушаютъ, и вы бѣ атаманы и казаки послали на нихъ отъ себя ратныхъ людей, и велѣли надъ ними чинить промыслъ, что бѣ ихъ тѣмъ отъ воровства усмирить.“

лахъ и имѣя хитрый умъ, ему не стоило большихъ трудовъ набрать приверженцевъ изъ верховыхъ городковъ и изъ Черкаска, тѣмъ болѣе, что Россія въ то время находилась въ миру со всѣми сосѣдними державами и казаки скуцали бездѣйствіемъ: все это въ совокупности способствовало преступному Разину привести въ исполненіе замышляемое имъ предпріятіе.

Голландецъ Янъ-Янсень Стрейсъ, видѣвшій Разина нѣсколько разъ въ Астрахани, пишетъ о немъ, что онъ былъ 40 лѣтъ, высокій и дородный мужчина, крѣпкаго сложенія, имѣлъ гордую поступь и лице нѣсколько попорченное отъ оспы. Всегда молчаливъ, строгъ къ подчиненнымъ; онъ умѣлъ привязать ихъ къ себѣ и заставить безропотно ему повиноваться. Одевался точно также, какъ и прочіе казаки и узнать его можно было только по уваженію, какое показывали ему мятежники. Встрѣчаясь съ нимъ, они кланялись ему до земли и называли его не иначе, какъ батюшкою (363).

До появленія Разина на Дону было спокойно; но вдругъ это общее спокойствіе было прервано возстаніемъ казаковъ, подъ управленіемъ Степана Разина, для разбоевъ по Волгѣ. Весною 1667 года, изъ верхнихъ и нижнихъ казачьихъ городковъ, сходились партіи казаковъ къ Паншинскому и Качалинскому городкамъ, какъ къ мѣстамъ назначеннымъ для ихъ собранія. Страхъ отъ этого вооруженія распространился въ окрестныхъ мѣстахъ, молва увеличивала число казаковъ; полагали, что вся разбойническая шайка пойдетъ на Царицынъ, возметъ силою суда и на нихъ двинется къ Астрахани; но казаки пошли вверхъ рѣкою Иловкою, и потомъ, перетавивъ суда свои въ рѣчку Камышенку, выплыли въ первыхъ числахъ мая на Волгу.

Объ этомъ замыслѣ казаковъ, россійскому двору предварительно было извѣстно во всей подробности. Когда въ февра-

(363) Путешествіе по Россіи голландца Янъ-Янсена Стрейса, служившаго на караблѣ Орлѣ, построенномъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

лѣ мѣсяцѣ сего года одна небольшая партія казаковъ, разграбивъ царское судно съ рыбою и икрою, а другое купеческое съ разными товарами, похвалялась придти весною для грабежей въ большомъ собраніи, то по этому случаю предписано было войску Донскому, въ мартѣ мѣсяцѣ, выбрать атамана, есаула и послать ихъ съ лучшими казаками въ Паншинскій и Качалинскій городки, разогнать это скопище, съ тѣми же кои не послушаютъ увѣщаній поступить по войсковому праву (364). Но со стороны войска Донскаго, повидимому, не было принято никакихъ мѣръ въ удержанію Разина отъ замышляемаго имъ предпріятія; это время онъ былъ столь силенъ и страшенъ для всего войска, что атаманъ Корнилій Яковлевъ съ старшинами не могли остановить его.

Причины его побѣга съ Дону. Какія дѣйствительно причины заставили бѣжать Степана Разина съ Дону на Волгу, неизвѣстно. Все, что можно только объ этомъ сказать, заключается въ томъ, что онъ въ войскѣ имѣлъ уваженіе и былъ изъ числа лучшихъ того времени старшинъ. Въ 1661 году, когда присланный въ Черкасскъ отъ главнѣйшихъ калмыцкихъ тайшей Дайчина и сына его Мончака посоль мурза Баатыръ Янгѣевъ, заключилъ съ казаками оборонительный и наступательный союзъ противу крымскихъ татаръ и азов-

(364) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1667 года, марта 22 дня.

„Вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что на Дону въ Паншинѣ и въ Качалинскомъ городкахъ собираются на Волгу многіе воровскіе казаки, а чають что будетъ ихъ съ 2000 челов., а хотять взять подъ Царицномъ струги и лодки за боемъ и итти для воровства и какъ къ вамъ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и выбѣ послали отъ себя въ Паншинской и Качалинской городокъ, выбравъ изъ войска атамана и есаула и съ ними казаковъ добрыхъ сколько человекъ пригоже и велѣли имъ заказъ учинить крѣпкой, чтобъ они подъ Царицнѣ и въ иныхъ мѣста не ходили и задоровъ никакихъ съ царицнскими стрѣльцы не чинили и струговъ не уймали и отъ всякаго дурна и воровства велѣли ихъ унять, а буде изъ тѣхъ казаковъ которые учинятся не послушны и выбѣ тѣмъ за ихъ не послушанье велѣли учинить наказанье по нашему Великому Государю указу по войсковому праву кто чего доведется.“

цевъ, тогда, для подлиннаго удостовѣренія и личныхъ переговоровъ съ тѣми тайшами, были посланы изъ войска казаки Ѳедоръ Буданъ и Степанъ Разинъ; съ того времени до 1667 года о немъ въ современныхъ актахъ не упоминается. Голландецъ Стрейсъ полагаетъ слѣдующую причину его побѣга: „Во время войны Россіи съ Польшею предводительствоваль царскими войсками полковою воевода князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, братъ Степана Разина привелъ ему на службу казаковъ. По наступленіи осени, когда войско готовилось разойтись, казаки требовали, чрезъ своего начальника, чтобъ ихъ отпустили на Донъ, и получивъ отказъ, ушли самовольно.—Князь Долгорукій, негодуя на такое неповиновеніе, велѣлъ схватить предводительствовавшего ими Разина и приказалъ его повѣсить.—Поступокъ этотъ послужилъ будто бы предлогомъ къ бунту (365).

Разбой Разина по Волгѣ. Появленіе Разина на Волгѣ сопровождалось грабежами и убійствами. Всѣ суда, какія только плыли внизъ Волгою съ разными товарами, онъ остановилъ, въ числѣ конхъ и судно, принадлежавшее Святѣйшему патріарху Іосифу; дворянъ находящихся на этомъ послѣднемъ суднѣ Алексѣя Золотарева и прочихъ велѣлъ повѣсить на мачтѣ, а съ ними прикащика гостя Василія Шорина Федора Черемиченова; потомъ всему этому каравану съ находящимися на ономъ людьми приказалъ слѣдовать за собою внизъ по Волгѣ. Остановясь на Сарпинскомъ острову, Разинъ раздѣлилъ добычу между вѣрными своими сподвижниками. Комендантъ царицынскій Унковскій, въ виду коего производимы были разбой Разинимъ, не смѣлъ остановить буйную толпу его отъ грабительства и былъ весьма доволенъ, когда неистовое это скопище на другой день отправилось Волгою къ Астрахани; при этомъ слѣдованіи своемъ Разинъ устроилъ такъ, что ни одно судно, плывшее

(365) Путешествіе Голландца Янъ Янсена Стрейса.

вверхъ или внизъ Волгою, немогло скрыться отъ него, и тѣмъ подать вѣсть о его поступкахъ на Волгѣ. Между Чернымъ Яромъ и Астраханью встрѣтился онъ съ воеводою Беклемишевымъ, разбилъ его, забралъ все его имущество и самого повѣсилъ на мачтѣ.—Послѣ этого поплылъ онъ внизъ Волгою и рукавомъ Бузаномъ, мимо Краснаго Яра, вступилъ въ Каспійское море и потомъ направилъ путь свой къ устью Урала. Астраханскій воевода князь Хилковъ послалъ вслѣдъ за Разинымъ на судахъ изъ Астрахани нѣсколько стрѣлцкихъ полковъ, подъ предводительствомъ воеводы Безобразова, который нагналъ его близъ Яицкаго городка и желая склонить къ обратному возвращенію на Донъ, послалъ къ нему для увѣщанія стрѣлцкихъ головъ Янова и Нелюбова. Разинъ, не вступая съ ними въ переговоры, приказалъ ихъ повѣсить. Послѣ таковаго злодѣянія, Разинъ напалъ на стрѣльцовъ и въ кровопролитномъ сраженіи истребилъ ихъ совершенно, завладѣлъ лагеремъ, пушками, воинскими и продовольственными припасами; взятые же въ плѣнъ присоединены къ его скопищу. За тѣмъ ему нестоило большихъ усилий овладѣть Яицкимъ городкомъ, защищаемымъ достаточнымъ гарнизономъ, всѣхъ противившихся ему умерщвлялъ и оставлялъ живыхъ только тѣхъ, кои присоединились къ его скопищу. Успѣвшіе спастись бѣгствомъ отъ пораженія, одни перехватываемы были на пути калмыками и татарами и отводимы въ неволю, другіе должны были умирать въ бесплодныхъ степяхъ голодною смертію. Такимъ образомъ весь посланный противу Разина отрядъ истребленъ совершенно, яицкій городокъ взятъ и разграбленъ, изъ коего одинъ только стрѣлцкій голова по имени Богданъ Сѣверовъ успѣлъ уйти въ Астрахань на стругѣ съ нѣсколькими стрѣльцами и принесть эту печальную вѣсть тамошнему воеводѣ (366).

(366) Сказаніе лѣтописное о градѣ Астрахани и списокъ съ приговора читаннаго предъ казнью Степана Разина въ Москвѣ.

Столь быстрые успѣхи Разина привели въ опасеніе весь южный край Россіи; въ огражденіе отъ злодѣяній и на совершенное уничтоженіе бродящей шайки Разина Россійскій дворъ послалъ знатное число войскъ въ Астрахань, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго, съ назначеніемъ его военнымъ губернаторомъ Астрахани и всего южнаго края; въ то же время придписано терскому воеводѣ и калмыцкимъ тайшамъ стараться всѣми средствами истреблять бунтовщиковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дано знать персидскому шаху о принятіи осторожности отъ Разина, на случай если бы онъ покусился сдѣлать нападеніе на персидскія провинціи. Войску же Донскому, которое непоказывало успѣховъ въ удержаніи Разина отъ разбоевъ и неупотребляло рѣшительныхъ мѣръ къ прегражденію казакамъ пути къ побѣгу съ Дону, вновь подтверждено, поступать съ таковыми великою войсковою грозою по ихъ праву „доселѣ,—писалъ Государь къ казакамъ въ грамотѣ своей,—вы служили мнѣ и всему Россійскому Государству вѣрно и радѣтельно, многочисленные непріатели, окружавшіе васъ, страшились силы вашей; нынѣ, къ великому удивленію всей Россіи, небреженіе ваше къ спокойствію государства охватывается во всемъ своемъ видѣ; неужели вы немыслите, что таковое послабленіе къ пролітію невинной крови, не можетъ со временемъ обратиться на самыхъ васъ, я непрерывно получаю донесенія отъ воеводъ о умноженіи разбойническихъ партій на Волгѣ, и вы взираете на все сіе равнодушно, и не только не стараетесь истреблять сіи скопища, но не пишете даже ни о чемъ въ Мосеву и не увѣдомляете воеводъ о происшествіяхъ на Дону; вы забыли и нестрашитесь уже ни суда Божія, вы вручены мнѣ Богомъ и учинясь толико преслушны воли моея, гдѣ найдете себѣ прибѣжище, на кого полагаете надежду свою и кто вамъ будетъ обороною. Разсудите здраво о вашихъ поступкахъ въ настоящее время; пошлите рать свою на истребленіе возмутителей, или богобоязливыхъ людей для увѣщанія заблудшихъ своихъ собратій къ возвращенію на Донъ, покажите свою службу предъ всѣми

Государствомъ и тѣмъ содѣлайте себя причастными прежней милости моея къ вамъ.“ (367).

Разбой его по Каспійскому морю. Переанжовавъ въ Яицкомъ городкѣ и укрѣпивъ оный Степанъ Разинъ повесилъ 1668 года со всѣмъ своимъ войскомъ отправился на судахъ къ устью Волги, взявъ съ собою пушки, военные и продовольственные припасы; тутъ разорилъ онъ всѣ учуги рыбныхъ промышленниковъ, ограбивъ и истребивъ огнемъ татарскіе юрты, расположенныя около Астрахани, и потомъ направилъ путь свой къ Теркамъ; разоривъ окрестности этого городка, поплылъ далѣе моремъ къ персидскимъ провинціямъ, захватывая на пути суда съ товарами російскихъ и персидскихъ купцовъ.

Между тѣмъ Донской казакъ Сергій Кривой, прельстясь успѣхами Разина, собравъ на Дону значительную партію казаковъ, поплылъ въ низъ Волгою къ Астрахани, производя на пути грабительство и убійства; Астраханскій воевода князь Хилковъ послалъ противу ихъ четыре роты стрѣльцовъ въ намѣреніи не пропустить ихъ въ море. Казаки видя, что имъ преградили путь, заняли выгодное мѣстоположеніе въ протокѣ Карабузани и равнодушно ожидали приближеніе стрѣльцовъ; но лишь только они показались, казаки напали на нихъ, недавъ имъ построиться, многихъ побили, остальные же сдались плѣнными и присоединились къ ихъ шайкѣ, всѣ суда, пушки, военные и прочіе припасы достались въ руки казаковъ, и съ этою добычею Сергій Кривой явился въ Персію къ своему предводителю Степану Разину. Шайка его еще болѣе увеличилась, когда стрѣльцы, посланные для занятія Яицкаго городка, по наущенію Разина, убивъ начальника своего Богдана Сакмышева, присоединились къ нему (368).

О походѣ Разина въ Персію Царь Алексѣй Михайловичъ извѣстилъ персидскаго шаха Аббаса чрезъ особое посольство,

(367). Дѣла Донскіе. грамота войску донскому 1667 года безъ означенія мѣсяца и числа.

(368). Сказаніе летописное о градѣ Астрахани.

отправленное съ Томасомъ Брейномъ. Шахъ дѣйствительно велѣлъ во всѣхъ приморскихъ городахъ имѣть сильную предосторожность противу казачьихъ набѣговъ. Разинъ первоначально приступилъ къ городу Низабату, потомъ ограбилъ Баку, Шабранъ, Рящу, Ферабать Астрабать и многіе другіе города, истребляя на пути села, деревни и дѣлая пощаду тѣмъ только, кои соглашались присоединиться къ его шайкѣ. Въ Рящѣ, какъ богатѣйшемъ городѣ гиланской провинціи, Степанъ Разинъ жилъ очень долго и вывезъ оттуда несмѣтное богатство. При появленіи его несчастные жители оставляли дома и срывались въ горахъ; но Разинъ увѣрялъ ихъ, что онъ идетъ безъ всякаго злаго намѣренія и что остановится у нихъ только для закупки нѣкоторыхъ вещей. Когда, положась на его обѣщаніе, они возвратились, вдругъ Разинъ подавъ знакъ къ грабительству, тогда необузданная толпа его, бросилась на беззащитныхъ гражданъ, предала ихъ смерти, обогачаясь имуществомъ. Въ Баку Разинъ претерпѣлъ пораженіе отъ Персіянъ, которые нечаянно напали на него въ то время, когда казаки, напившись вина, предались сну; за эту безпечность Разинъ заплатилъ жизнью многихъ изъ своей шайки, и самъ едва могъ съ остальными казаками спастись бѣгствомъ (369).

Грабительства и варварское обращеніе казаковъ съ жителями распространили страхъ въ приморскихъ провинціяхъ Персіи, всѣ спѣшили вооружиться противу нихъ и прогнать изъ Персіи. Движимый такими чувствами опальный сановникъ персидскій Магмедъ Халбекъ, желая заслужить прежнюю къ себѣ милость шаха, собралъ Персіянъ, посадилъ ихъ на суда и поплылъ къ острову Сары, на коемъ находился Степанъ Разинъ съ своими казаками; эти столь храбро приняли Персіянъ что по кратковременномъ сраженіи смѣшали суда ихъ и обратили въ бѣгство, причемъ многіе изъ Персіянъ лишились жизни, другіе взяты въ плѣнъ, въ

числѣ воиэхъ и сынѣ ихъ предводителя, который послѣ въ Астрахани былѣ умерщвленъ Разинымъ (370).

Отъ частыхъ сраженій, которыя долженъ былъ выдерживать Разинъ, число казаковъ значительно уменьшилось. Это обстоятельство заставило его притворно смириться предъ шахомъ и послать въ нему казаковъ съ испрошеніемъ дозволенія поселиться имъ на рѣкѣ Курѣ, обѣщаясь служить ему вѣрно со всѣми при немъ находящимися казаками. Шахъ, почитая это посольство недостойнымъ себя, приказалъ оковать оное и содержать подъ крѣпкою стражею; одинъ же изъ этихъ казаковъ, по повелѣнію его, затравленъ собаками въ присутствіи подъячаго Наума Колесникова, который въ то время находился въ Испаніи и исправлялъ посольскія дѣла, по смерти посланника Томаса Брейна (371).

(370) Дѣла Персидскія, изъ книги № 15, листъ 94, письмо, персидскаго посланника Юсуна Ханбека, поданное имъ въ посольскій приказъ.

„ Еще быю челомъ и объявлю, что шахова величества былъ сотникъ въ опалѣ и изъ чину своего отставленъ именовъ Магмедита Ханбекъ собравъ къ себѣ полкъ, хотѣли шахову величеству послужить и вину свою покрыть, ходилъ на того вора Стеньку, и онъ, Стенька, послышавъ съ казлбашскія стороны, побѣжалъ на русскую сторону и новоротясь съ той стороны, пришелъ на шахаву жъ сторону на островъ Сари, тутъ вѣстился, и тотъ опальный сотникъ собрався, ходилъ на него стругами, съ боемъ и хотѣли ихъ побить и переимать, и Богъ ему не помогъ, грѣхомъ на стругу заналился порохъ и Стенька ихъ любилъ и разогнавъ и сына его сотникова взявъ, привезъ въ Астрахань и до астраханскаго взятья, тотъ сотниковъ сынъ былъ въ Астрахани, а какъ Стенька воръ Астрахань взялъ и его убилъ.“

(371) Тамъ же № 3-й, распросные рѣчи подъячаго Наума Колесникова, бывшаго въ Персіи при посланникѣ Томасѣ Бренѣ, умершемъ въ Испаніи.

„ Послалъ по него ближній человекъ Ихтомо Дивлетъ, чтобъ онъ къ нему былъ для государственнаго дѣла, и онъ де Наумъ къ нему ѣздилъ, и какъ у него былъ, и въ то де время при немъ, Наумъ, привези къ нему Ихтому Дивлетю на дворъ 18 человекъ казаковъ перекованныхъ. И Ихтомо Дивлетъ спрашивалъ тѣхъ казаковъ приемъ Наумъ порознь, для чего они въ государствѣ шахова величества? и казаки де ему сказали, что царскому величеству измѣнили и городъ Янкъ взяли и ратныхъ людей многихъ побили и шахова величества въ государства войною ходили собою и распроса де тѣхъ казаковъ послалъ ихъ Ихтома Дивлетъ въ тюрьму. Да въ тѣхъ же де казакѣхъ

Степанъ, не видѣвъ возвращенія пословъ своихъ, побѣжалъ къ городу Теркамъ, откуда поплылъ къ Астрахани и остановился на островахъ „Четыре Бугра.“

Разинъ приноситъ Царю повинную. Воевода астраханскій князь Прозоровскій, узнавъ о приходѣ Разина, немедленно послалъ противъ него на 37 стругахъ 400 стрѣльцовъ, подъ предводительствомъ князя Львова. Разинъ, въ то время, претерпѣвалъ большой недостатокъ въ продовольственныхъ припасахъ; казаки, которыхъ было въ то время не болѣе 600 человекъ, перехвативъ караванъ съ лошадьми, посланными персидскимъ шахомъ въ даръ Русскому царю, питались ихъ мясомъ. Разинъ смирился, видя неравенство силъ и совершенный недостатокъ въ продовольствіи: послалъ къ князю Львову двухъ казаковъ просить отъ имени его и всѣхъ казаковъ прощенія въ убійственныхъ поступкахъ, обѣщаясь служить Государю вѣрно и возвратиться на Донъ; посланные дали присягу за всѣхъ своихъ товарищей въ вѣрномъ выполненіи своихъ обѣщаній, Разинъ требовалъ, чтобы при вступленіи его въ Астрахань, князь Прозоровскій встрѣтилъ его какъ знатнаго сановника, но въ томъ ему было отказано; послѣ этого онъ со всею шайкою своею прибылъ къ Астрахани и остановился на острову, на полчаса ѣзды отъ города. Отсюда послалъ онъ въ Москву семь человекъ казаковъ съ повинною къ Государю (372).

6 человекъ присланы были отъ вора Стенька къ шахову величеству въ послѣхъ, съ тѣмъ, чтобъ шахова величество велѣлъ ему жить въ своемъ государствѣ на рѣкѣ Курѣ и онъ учнетъ его шахову величеству служить. И тѣмъ же казакамъ отказано и перекованы они съ тѣми жъ казаками, и на завтра же того дни одного казака изъ нихъ избравъ при немъ, Наумъ, затравили собаками.“

(372) Списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Степана Разина.

„ А въ 177 году по посылкѣ изъ Астрахани боярина и воеводы князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, стольникъ и воевода князь Семенъ Львовъ и съ нимъ Великаго Государя ратные люди навморье васъ сошли и обступили и хотѣли побить и ты воръ, Стенька, съ товарищи, видя надъ собою промыслъ Великаго Государя ратныхъ людей, прислалъ къ нему князь Семену двухъ человекъ выборныхъ казаковъ и тѣ казаки били челомъ Великому Госу-

Голландецъ Стрейсъ, какъ очевидный свидѣтель, описываетъ пребываніе Степана Разина въ Астрахани такимъ образомъ: „казаки, остановясь на острову близъ Астрахани, ежедневно приходили въ городъ одѣтые въ кафтаны бархатные, шелковые или изъ золотой парчи и продавали на рынкахъ за треть цѣны шелкъ, золотыя вещи и разные драгоценности, награбленныя ими во время поисковъ. Нѣкоторые носили на шапкахъ жемчугъ и драгоценныя каменья. Однажды капитанъ Бутлеръ приказалъ намъ приготовить шлюбку, чтобъ ѣхать навѣстить Степана Разина. Онъ взялъ съ собою два штофа водки, для поднесенія одного предводителю казаковъ, а другаго главному его совѣтнику, котораго Русскіе называли Чертовымъ Усомъ. Когда мы подошли къ его шатру, онъ велѣлъ спросить насъ, что мы за люди? мы отвѣчали: „нѣмцы изъ Голландской земли, находимся въ службѣ Его Царскаго Величества на кораблѣ Орлѣ, и пришли поклониться ему двумя штофами водки.“ Степанъ сидѣлъ въ шатрѣ своемъ съ Чертовымъ Усомъ и еще нѣсколькими казаками. Онъ принялъ милостиво нашъ подарокъ и посадивъ насъ, пилъ за здоровье Его Величества. Мы ему отблагодарили тѣмъ же, и какъ онъ не вступалъ въ дальнѣйшіе разговоры, то и мы откланялись. Онъ велѣлъ однакожь сказать намъ, что будетъ намъ радъ во всякое время. Въ другой разъ мы выдѣли его на шлюбкѣ раскрашеной и отчасти покрытой позолотою, пирующаго съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ. Подлѣ него была дочь одного персидскаго хана, которую онъ съ братомъ похитилъ изъ родительскаго дома во время своихъ набѣговъ на Кавказъ. Распаленный

дарю ото всего войска, чѣобъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ тѣ ваши вины отдать, а вы за тѣ свои вины обѣщались ему Великому Государю служить безъ всякія намѣны, и межъ Великимъ Государемъ и шаховымъ величествомъ ссоры и заводовъ воровскихъ никакихъ ни гдѣ нечинить и впредь для воровства на Волгу и на море не ходить и тѣ казаки на томъ на всемъ за все войско крестъ цѣловали. А къ Великому Государю къ Москвѣ прислали о томъ бить челомъ Великому Государю казаковъ Лазарку и Милку съ товарищи семь человекъ, знатно обманомъ.“

виномъ, онъ сѣлъ на край шлюпки, и задумчиво поглядывая на рѣку, вдругъ вскрикнулъ: „о Волга славная! ты доставила мнѣ золото, серебро и разныя драгоценности, ты меня взлѣляла и вскормила, ты начало моего счастья и славы, а я неблагодарный ни чѣмъ еще не воздалъ тебѣ; прими же теперь достойную тебѣ жертву!“ Съ этимъ словомъ схватилъ онъ несчастную персіанку и бросилъ ее въ волны. Впрочемъ Степанъ приходилъ въ подобное изступленіе только послѣ пировъ, когда вино затемняло въ немъ разсудокъ и воспламеняло страсти (373).

Добровольное смиреніе Разина предъ Государемъ было неискреннее, — находясь въ Астрахани онъ замышлялъ уже о новыхъ предпріятіяхъ, преклоняя стрѣльцовъ на свою сторону обѣщаніями и золотомъ, что производилъ онъ явно, ходя по улицамъ, и бросая народу золотыя деньги. Это обстоятельство имѣло столь сильное вліяніе на умы астраханскихъ стрѣльцовъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ то же время предалися Разину и перешли въ его станъ. Астраханскій воевода князь Прозоровскій, желая освободиться отъ Разина и отъ дальнѣйшихъ послѣдствій, употреблялъ всѣ средства склонить его къ скорѣйшему отправленію на Донъ, и для того послалъ къ нему въ станъ капитана Видироса требовать перебѣжавшихъ стрѣльцовъ, угрожая его, къ противномъ случаѣ, царскимъ гнѣвомъ. Разинъ, приведенный въ запальчивость таковымъ предложеніемъ, отвѣчалъ капитану: „какъ смѣешь ты входить ко мнѣ съ такимъ недостойнымъ прошеніемъ, чтобъ я товарищей моихъ, пришедшихъ подъ мое покровительство, добровольно могъ выдать и меня грозить царскимъ гнѣвомъ; скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро приду къ нему, и тогда онъ увидитъ, можетъ ли онъ повелѣвать мною.“ При этомъ случаѣ капитанъ Види-

(373) Путешествіе Голландца Янъ Янсена Стрейса, напечатанное въ журналь „Сѣверный Архивъ“ 1824 года № 5.

рось едва не былъ изрубленъ отъ казаковъ саблями (374).

Возвращеніе Разина на Донъ. Въ исходѣ сентября мѣсяца 1669 года, Разинъ со всею шайкою потянулся рѣкою Волгою до Царицына, производя на пути грабительства, какъ и прежде. Царицынскій воевода, хотѣвшій обуздать ихъ, былъ Разинымъ обезчестенъ и публично прибить до полусмерти; подчиненные же его грабили несчастныхъ жителей и производили различныя неистовства (375).

Отсюда Разинъ пришелъ на Донъ и остановился въ Кагальницкомъ городкѣ, укрѣпленномъ природою. Тутъ онъ остановилъ всё суда русскихъ промышленниковъ, плывшія въ Черкасскъ съ продовольственными припасами и другими товарами, для произведенія торговли и не позволялъ проходить въ Черкасскъ изъ верховыхъ городковъ казакамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что если бы, какъ онъ говорилъ произведено было на Черкасскъ со стороны азовцевъ или татаръ нападеніе, тогда онъ самъ со всёмъ своимъ войскомъ пойдетъ для отраженія.

Всю зиму въ Кагальницкомъ городкѣ провелъ онъ спокойно, не имѣя впрочемъ никакого сношенія съ Черкасскомъ; только одинъ разъ посылалъ онъ тайно казаковъ своихъ,

(374) Путешествіе Стрейса, рукопись хранящаяся въ библіотекѣ Графа Толстого.

„Въ Астрахани чрезъ улицу ходя, (Стенько) золотыхъ бросалъ, тѣмъ же онъ многихъ государевыхъ служилыхъ людей къ себѣ привлекъ; воевода бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій о томъ вѣдя, капитана Видеровса къ Стенькѣ послалъ и ему сказать велѣлъ, что бы онъ государевыхъ людей тотъ часъ отдалъ, и то отрицаючи снова быть въ государственой опалѣ и гнѣбѣ. Капитанъ повелѣніе сіе управляя, немного что саблями начисто не срубили. Стенько ему такой отвѣтъ далъ, какъ ты мнѣ смѣешь такое недостойное прошеніе предложить, чтобы изъ пріятелей моихъ, которые добровольно со мною ходять, измѣнилъ и сверхъ того грозить мнѣ государевою немилостію, скажи господину своему Прозоровскому, что я скоро къ нему приду, и тогда увидимъ, кто мнѣ укажетъ, онъ мнѣ яко холопу своему повелѣвается.“

(375). Дѣла Донскія; списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Разина.

чтобы увести изъ онаго жену свою. На войсковыхъ атамановъ: Корнило Яковлева, Михайлу Самаринина и на нѣкоторыхъ старшинъ имѣлъ онъ сильную злобу за то, что они удерживали его отъ разбоевъ и преграждали пути своевольнымъ казакамъ къ уходу къ нему на Волгу и на Каспійское море (376).

Проведя такимъ образомъ въ бездѣйствіи всю зиму, Разинъ отправился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1670 года съ сильною партией своихъ приверженцевъ въ Черкасскъ и прибылъ въ оный въ то самое время, когда войсковою атаманъ Корнило Яковлевъ отправлялъ въ Москву съ отпискою жильца Герасима Евдокимова, присланнаго не задолго предъ этимъ съ государевою грамотою къ войску Донскому. — Разинъ, войдя съ своими приверженцами въ кругъ, спрашивалъ казаковъ, куда они выбираютъ станицу и по какому случаю. Ему отвѣчали, что станица выбирается для препровожденія въ Москву съ войсковою отпискою, жильца Евдокимова. Разинъ потребовалъ предъ себя Евдокимова и спросилъ его, отъ кого ты присланъ на Донъ—отъ великаго государя, или отъ бояръ? Евдокимовъ отвѣчалъ ему, что онъ присланъ отъ Государя съ милостивою грамотою къ войску Донскому. Разинъ, не говоря съ нимъ болѣе ничего, началъ его бранить и бить, называя лазутчикомъ, и полуживаго посадилъ въ воду. Корнило Яковлевъ, который хотѣлъ было отвратить это смертоубійство, едва не лишился жизни; Разинъ въ пылу гнѣва сказалъ ему при семъ случаѣ: „ты управляй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ“ (377).

Одинадцатидневное нахожденіе Разина въ Черкасскѣ сопровождалось убійствами и разнаго рода неистовствами: онъ выгналъ изъ Черкасска всѣхъ священниковъ, богохульство-

(376) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Аверкіева съ товарищами, декабря 14 дня 1669 года.

(377) Тамъ же, распросныя рѣчи Валуйскаго станичнаго головы, Барна Бугуслова, провожавшаго жильца Герасима Евдокимова, посланнаго на Донъ съ государевымъ жалованьемъ Іюня 9 дня 1670 года.

валъ, приказалъ на Дону не строить церквей и велѣлъ вѣнчаться около вербы, запретилъ строить вновь сгорѣвшую церковь, умертвилъ многихъ старшинъ и тѣла ихъ побросалъ въ Донъ, ограбилъ дома убитыхъ и другихъ старшинъ, которые хотѣли было остановить его неистовства, прибилъ и ограбилъ воеводу Ивана Хвостова, находившагося въ Черкасѣ съ войскомъ, отчего онъ вскорѣ умеръ, и наконецъ, преклонивъ на свою сторону многихъ казаковъ подарками и угрозами, вышелъ изъ Черкаскѣ въ Кагальницкій городокъ (378).

Разинъ вновь свирѣпствуетъ на Волгѣ. Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1670 года, Разинъ выступилъ съ своими единомышленниками изъ Кагальницкаго городка и пошелъ прямо къ Царицыну. Взятіе этой крѣпости Разинъ считалъ для себя весьма важнымъ: во первыхъ потому, что могъ онъ имѣть свободное сообщеніе съ Дономъ, откуда во всякое время могли безпрепятственно подходить къ нему прельщенные его успѣхами казаки; во вторыхъ—овладѣть судами, порохомъ, продовольственными припасами и деньгами; и въ третьихъ—принудить силою или ласками стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ этихъ крѣпостей, присоединиться къ его шайкѣ. Въ этомъ намѣреніи послалъ онъ напередъ

(378) Тамъ же, списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Разина.

А въ 178 году ты жъ воръ Стенька Разинъ съ товарищи, забывъ страхъ Божій, отступилъ отъ святыхъ соборныхъ и Апостольскихъ церкви, будучи на Дону говорилъ про Спасителя нашего Иисуса Христа всякія хульные слова и на Дону церковей Божіихъ ставить и никакого пѣнія пѣть не велѣлъ, и священниковъ съ Дону сбилъ и велѣлъ вѣнчаться около вербы. Да ты жъ воръ абылъ Великаго Государя милостивую пощаду, какъ тебѣ и товарищамъ твоимъ вмѣсто смерти животь данъ, измѣнилъ ему Великому Государю и всему московскому государству, пошелъ на Волгу для своего воровства и старыхъ Донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, переграбилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажалъ, да и жыльца Герасима Овдокимова, который посланъ былъ на Донъ съ Его Великаго Государя милостивою грамотою къ атаману къ Корнею Яковлеву и къ казакамъ, убилъ же и въ воду посадилъ, да и воеводу, который былъ на Дону, Ивана Хвостова билъ и изувѣчалъ и ограбилъ и отъ тѣхъ побой онъ умеръ.“

подъ Царицынъ находящихся при немъ стрѣльцовъ, которые, подъ предлогомъ вспомогательнаго войска, были впущены воеводою въ городъ, но съ наступленіемъ ночи эти самыя стрѣльцы отворили городскія ворота и впустили Разина съ его единомышленниками въ крѣпость. Воевода, обманутый такимъ образомъ, храбро защищался съ вѣрными стрѣльцами, но чрезъ измѣну большей части гарнизона, былъ опрокинутъ многояудствомъ бунтовщиковъ, которые до такой степени были озлоблены, что не только порубили всѣхъ вѣрныхъ Государю стрѣльцовъ, но безжалостно умерщвляли гражданъ, кои не захотѣли пристать къ возмутителямъ. Воеводу Тургенева убили и тѣло его бросили въ Волгу; стоявшія на Волгѣ суда съ казеннымъ провіантомъ и съ разными купеческими товарами разграбили. Въ это время Разинъ получилъ свѣдѣніе, что для вспомошествованія Царицыну идутъ стрѣльцы съ головою Лопатинымъ, выступилъ противу нихъ и разбилъ совершенно; Лопатинъ съ прочими чинами, послѣ многоразличныхъ истязаній, былъ брошенъ въ Волгу; тѣ же, кои остались въ живыхъ, присоединены къ его скопищу (379).

Астраханскій воевода князь Прозоровскій, извѣщенный о походѣ Разина къ Царицыну, выслалъ для защиты онаго изъ Астрахани 400 человекъ стрѣльцовъ и 400—татарской конницы, подъ начальствомъ Леонтія Плахова, но онъ прибылъ

(379) Тамъ же.

„Ты жъ воръ Стенька пришедь подъ Царицынъ, говорилъ царицынскимъ жителямъ и вмѣстилъ воровскую лесть и будто ихъ царицынскихъ жителей ратные люди по Государеву указу посланы были на Царицынъ имъ же на оборону и царицынскіе жители по твоей прелести своровали и городъ тебѣ сдали и ты воръ воеводу Тимофія Тургенева и царицынскихъ жителей, которые къ твоему воровству не пристали побивъ и посажавъ въ воду и ходилъ противу ратныхъ людей, которые шли на службу Великаго Государя на Царицынъ съ головою стрѣлецкимъ съ Иваномъ Лопатинимъ и съ полуголовою съ Федоромъ Якишинымъ и съ ними бился и обманомъ ихъ побилъ и голову стрѣлецкаго Ивана Лопатина и сотниковъ и десятниковъ муча разными муками, посажалъ въ воду; и съ посадовъ Великаго Государя хлѣбные запасы и промышленныхъ людей всякіе товары поималъ.“

подъ Царицынъ въ то время, когда Разинъ овладѣлъ уже городомъ и производилъ тамъ неистовства, и потому Плаховъ принужденъ былъ съ поспѣшностію возвратиться къ Черному Яру, увѣдомивъ въ то же время князя Прозоровскаго, какъ о взятіи Царицына, такъ и о намѣреніи Разина идти къ Черному Яру; по этому случаю былъ составленъ въ домѣ астраханскаго митрополита Іосифа совѣтъ, на коемъ опредѣлено послать съ возможною поспѣшностію къ Черному Яру войска подъ начальствомъ князя Львова. 2000 стрѣльцовъ, дѣйствительно, 25 мая выступили изъ Астрахани, управляемые російскими и нѣмецкими полковниками и ротмистрами, на 40 судахъ, имѣя на каждомъ суднѣ по одной пушкѣ и потребное число продовольственныхъ запасовъ. Войско это прибыло къ Черному Яру въ то время, когда Разинъ свирѣпствовалъ въ ономъ: умертвилъ воеводу Ивана Сергѣевскаго, головъ, стрѣльцовъ, и грабилъ имущества несчастныхъ жителей. Стрѣльцы, пришедшіе къ Астрахани съ княземъ Львовымъ, прельщенные успѣхами и лестными обѣщаніями Разина, перешли всѣ на его сторону, умертвивъ своихъ начальниковъ, кромѣ князя Львова, котораго предали въ руки Разина живаго. (380).

(380). См. сказаніе лѣтописное о градѣ Астрахани. Путешествіе Стрейса.

„Марта мѣсяца вѣсти пришли, что казаки опять возволновались. Апрѣля мѣсяца въ 10 день по приказу воеводскому посланъ Леонтій Плаховъ къ Царицыну городу и съ нимъ 400 русскихъ рейтаръ и 400 ногайскихъ татаръ. Апрѣля мѣсяца въ 28 день вѣсти пришли отъ Леонтія Плахова, чрезъ языки казаки, что бунтовщики казаки городъ Царицынъ взяли и въ томъ мѣстѣ 1,200 московскихъ стрѣльцовъ убили и въ Волгу бросили, и иные вѣсти пришли, что степные татары между собою войну имѣютъ; по тѣмъ вѣстямъ именованный Леонтій къ городу Черному Яру повернулся, и того же времени въ Астрахани всѣ суда уготовляются чтобъ скоро Леонтію помощь учинить; изъ Астрахани посланъ былъ полкъ стрѣльцовъ, полковникомъ былъ Иванъ Русинскій полуполковникомъ Яковъ Виндрангъ и иные начальники иноземцы капитанъ Павелъ Рудольфъ съ пасынкомъ своимъ Людовикомъ Фабриціусомъ, капитанъ Робертъ Бейнъ, капитанъ Николай Шакъ, тѣ капитаны мѣсяца мая въ 25 день изъ Астрахани со князь Семеномъ Ивановичемъ Львовымъ въ 40 стругахъ пошли и на всякомъ суднѣ мѣдныя пушки и воинскіе запасы и 2,600 человекомъ.

Эта печальная вѣсть, привезенная въ Астрахань сотникомъ Тарлыкинымъ, имѣла сильное вліяніе на умы стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ вѣрности; приближенные Разина, разглашая о его подвигахъ, хвалили его дружеское обращеніе съ подчиненными, щедрость, и ставили его въ противоположность съ строгостію воеводы астраханскаго и надмѣлностію подвластныхъ ему бояръ. Неудовольствіе противъ князя Прозоровскаго, раздуваемое наушниками, часть—отъ часу болѣе возрастало: мятежническія восклицанія ежеминутно ждали новаго бунта внутри города; наконецъ стрѣльцы, приступивъ въ дому, требовали отъ него заслуженнаго ими жалованья. Князь Прозоровскій, неимѣя въ то время суммы потребной на удовлетвореніе ихъ, позаимствовалъ у митрополита Іосифа изъ монастырскихъ доходовъ 2,600 руб., и всѣ оныя раздалъ возмутителямъ; но этимъ средствомъ не могъ привлечь ихъ къ вѣрному выполненію обязанностей.

Положеніе Астрахани день ото дня становилось опаснѣе. Движеніе Разина со всѣмъ его скопищемъ въ этому городу, еще болѣе волновало умы гарнизона астраханскаго, тайно преданнаго ему. Но невзирая на всѣ эти опасности, князь Прозоровскій не терялъ присутствія духа и дѣятельно занимался приуготовленіемъ къ отраженію непріятелей, и въ то же время о положеніи своемъ донесъ Государю съ посланнымъ въ Москву сотникомъ Тарлыкинымъ, который, къ несчастію, во время проѣзда чрезъ Терекъ на Донъ, утонулъ въ первой изъ этихъ рѣкъ (381).

„Юня мѣсяца въ 4 день дворянинъ съ Чернаго Яру пришелъ и возвѣстилъ, что въ той же день какъ князь Семень съ своимъ войскомъ къ Черному Яру пришелъ, казаковъ много объявилось и его войско зачало бунтовать и къ казацкой сторонѣ здатися и всѣхъ начальниковъ своихъ побили.“

(381). См. лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„Того же году юни въ 5-й день призжалъ въ Астрахань конными съ Чернаго Яру астраханскій сотникъ Данила Тарлыковъ съ черноярскимъ стрѣльцомъ и возвѣстили боярину, что астраханскіе стрѣльцы и всякіе конные служивые на Черномъ Яру измѣнили предалися къ вору Стенькѣ и головъ стрѣльцкихъ и сотниковъ и всякихъ чиновъ людей, кои

Разинъ въ Астрахани. Воевода астраханскій, не надѣясь болѣе на стрѣльцовъ, поручилъ всю артиллерію въ распоряженіе голландцевъ, которые служили на кораблѣ Орлѣ, персіанъ и черкасъ, на капитана корабля Орла Бутлера возложено было, сверхъ того, приведеніе въ надлежащую исправность всей артиллеріи, разставленной по стѣнамъ, а англичанину полковнику Билли исправленіе крѣпостныхъ валовъ. Персидскій посланникъ, который за нѣсколько дней до сего прибылъ изъ Персіи въ Астрахань, имѣлъ въ своемъ распоряженіи особую часть городской стѣны, а братъ астраханскаго воеводы князь Михайлъ Прозоровскій поставленъ былъ съ вѣрными стрѣльцами у Вознесенскихъ воротъ. Прочіе стрѣльцы и граждане равнымъ образомъ разставлены были

не предались, побили, токмо жива оставили князя Семена Ивановича Львова и того покинули на Черномъ Яру, а сами хотѣтъ итти на Астрахань. Боаринъ же и воевода князь Іоаннъ Семеновичъ Прозоровскій приходятъ къ преосвященному Іосифу митрополиту, что бы послать въ Москву къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всяя Росія съ отписками на скоро чрезъ Терекъ, того ради что въ то время на степи у черныхъ калмыковъ съ волжскими калмыками и у Едаясанскихъ мурзь Большаго и Малаго Ногаю съ Ембулаками междуусобие-великое и сѣча была, и степью никонми дѣлы проѣхать немочно, и посылаютъ съ отписками въ Москву сотника стрѣльцаго Данила Тарлыкова, да съ нимъ двухъ человекъ стрѣльцовъ Іоанна Караулова съ товарищемъ, да татаръ юрт-вскихъ пять человекъ на Терекъ, а съ Терека на Донъ въ Москву, и оной Данило Тарлыковъ въ Теркѣ потонулъ, а Іоанна Караулова казаки убиша отъ Стеньки Разина. Астраханскіе же стрѣльцы приходятъ къ боарину и воеводамъ просить денежнаго жалованія за прошлой годъ. Боаринъ же имъ рѣче: казны де велик. государя къ нему съ Москвы въ Астрахань небывало, токмо де нѣчто дастъ отъ себя взаймы преосвященный митрополитъ, или изъ Троицкаго монастыря, и азъ вамъ дамъ почему доведется, чтобы вамъ такого богоотступника и измѣнника Стеньку Разина не слушать и радѣть бы Великому государю и градъ Астрахань остерегать, а на его измѣнничью прелесть неполагаться И пакы приходитъ боаринъ къ преосвященному митрополиту и совѣтуютъ о томъ имъ жалованье, преосвященный же видя ихъ такую злобу, что они прельстилися къ нему богоотступнику и хота утвердити ихъ на охраненіе града даде отъ себя келейныхъ своихъ денегъ 600 рублей да изъ Троицкаго астраханскаго монастыря взято 2. т. рублей и всѣ тѣ деньги розданы астраханскимъ стрѣльцамъ въ жалованье за четыре дни до взятія Астрахани отъ Стеньки Разина съ товарищи.“

въ надлежащихъ мѣстахъ, и такимъ образомъ день и ночь имѣли крѣпкую предосторожность отъ внезапнаго нападенія. Наконецъ 22 числа іюня мѣсяца астраханцы увидѣли со стѣнъ городскихъ толпы Разина, остановившіяся у Жаренаго бугра. Разинъ въ то же время послалъ въ Астрахань слугу князя Львова и попа по имени Василія, съ грамотами, одну къ астраханскимъ жителямъ и стрѣльцамъ, дабы они безъ сопротивленія впустили его въ городъ, а другую къ капитану Бутлеру, увѣщевая его и всѣхъ ему подчиненныхъ голландцевъ не воевать противу него, если они хотятъ остаться въ живыхъ. Князь Прозоровскій, распрося ихъ, приказалъ слугѣ князя Львова распороть ротъ и потомъ отсѣчь голову, въ виду казачьихъ струговъ, а попу заклепать ротъ и бросить въ тюрьму (382).

23 числа Степанъ Разинъ, по указанію астраханскихъ стрѣльцовъ Лебедева и Курятникова, со всѣмъ своимъ скопичемъ поплылъ въ проливъ волжскій Богду, оттуда въ Черепяху, Кутумъ и Кривушу и остановился лагеремъ съ противоположной стороны города у виноградныхъ садовъ. Въ

(382) Тамъ же.

„Онъ же богоотступникъ Стенька Разинъ, воръ и измѣнникъ, съ товарищи пришелъ подъ Астрахань и сталъ у Жаренаго бугра и прислалъ два струга съ воинскими людьми къ Астрахани и велѣлъ стать за рѣкою у Зеленаго городка, а къ Астрахани въ лодкѣ прислали воздвигенскаго попа Василія да князь Семенова челоуѣка Львова, а какъ его звали и что съ нимъ. Стенька съ казаками говорилъ, про то увѣдать немогли, и бояринъ Прозоровскій съ товарищами спрашивали ихъ на крѣпко и повелъ пытать Львова челоуѣка, но онъ ничего не сказалъ, и велѣлъ ему голову отсѣчь за городомъ противъ ихъ воровскихъ струговъ, и попу Василію велѣлъ клепъ въ ротъ вложить и посадить въ тюрьму до указа Государева.“

Путешестіе Стрейса.

„Въ 22 день іюня казаки близко къ городу пришли что мы ихъ увидѣли, и казакъ одинъ посланъ былъ въ городъ съ русскимъ попомъ, дабы поддался, тотъ же посольщикъ ко мнѣ (капитану Бутлеру) имѣлъ нѣмецкую грамотку, со вѣтуя мнѣ и людямъ моимъ какъ намъ живымъ быть и невоевати противъ ихъ. Грамота та отъ воеводи раздрава и посольщику ротъ распоротъ. а голову отсѣкли.“

такомъ опасномъ положеніи, митрополитъ Іосифъ приказалъ раскопать плотину у прудовъ своихъ и пустить воду, которая затопила всю окрестность города на большое пространство. Въ этотъ же день ушли изъ города въ станъ къ бунтовщикамъ двое нищихъ; посылая ихъ обратно въ городъ, Разинъ приказалъ имъ зажечь Бѣлый городъ въ то время, когда войско его пойдетъ на приступъ; но эти нищіе были за городомъ пойманы и приведены къ князю Прозоровскому, коихъ, по распросѣ, приказалъ онъ казнить смертію (383).

Между тѣмъ какъ Разинъ въ виду города строилъ лѣстницы, ставилъ пушки и другія производилъ приуготовленія для приступа, митрополитъ Іосифъ созвалъ къ себѣ на дворъ сотниковъ и пятидесятниковъ и лучшихъ стрѣльцовъ, увѣщевалъ ихъ мужественно защищать городъ, обѣщалъ имъ милость царскую и вѣчное блаженство падшимъ за вѣру, царя и отечество; стрѣльцы, выслушавъ это, дали честное слово не щадить жизни своей за Государя и разошлись въ назначенныя имъ мѣста. По исходѣ этого дня князь Прозоровскій съ братомъ своимъ Михаиломъ Семеновичемъ и сыномъ Борисомъ съ дьяками и головами стрѣльцами, принявъ отъ митрополита Іосифа благословеніе, пошли со всѣмъ войскомъ и гражданами въ Бѣлый городъ къ Вознесенскимъ воротамъ,

(383). Тамъ же.

„Іюня въ 19 день богоотступникъ Стенька Разинъ съ товарищи, забывъ страхъ Божій, по наученію астраханскихъ измѣнниковъ Андрюшки Лебедева, да Сеньки Курятникова съ товарищи, проѣхалъ въ Болду, а изъ Болды въ протокъ Черепаху, а Черепахою въ протокъ Кривуши, созади града Астрахани отъ поля и отъ протоку готовляху лѣстницы. Преосвященный же митрополитъ съ бояриномъ переговаряся, изъ своего огорода прокопати повелѣлъ и съ прудовъ воду испустить на солончакъ кругомъ Бѣлаго города и бѣ вода около града велика. Того же дни изъ Астрахани убѣжали къ вору Стеньки Разину двое нищихъ Тимошка Бизногой съ товарищемъ, Стенька же увѣщавъ чтобъ они въ приступное время Бѣлой городъ зажгли, и они нищіе наки отъ Стеньки ко граду Астрахани полемъ идяху; ихъ же поймали казымбашскіе люди и привели въ Астрахань въ приказную палату, бояринъ же повелѣ ихъ пытать и они повинились, сказалъ что похвалялися вору Бѣлой городъ ночью зажечь. Бояринъ же вида ихъ воровство повелѣ обоихъ казнить смертію.“

оттуда ожидали приступа непріятельскаго. Князь Іоаннъ Семеновичъ, обозрѣвая въ это время всѣ мѣста крѣпостнаго вала и бойницъ, увѣщевалъ всѣхъ и каждого стоять мужественно противъ бунтовщиковъ, представляя имъ всю низость мятежниковъ, поднявшихъ оружіе на свое отечество (384).

Подъ 24 число іюня мѣсяца во второмъ часу ночи Разинъ повелъ войска свои на приступъ въ городу, въ Вознесенскимъ воротамъ, и началъ по низкимъ мѣстамъ городскихъ стѣнъ ставить лѣстницы и всходить на оныя; производимая въ это время сильная стрѣльба изъ орудій иностранцами и вѣрными своему отечеству стрѣльцами немогла остановить бунтовщиковъ, вспомоствуемыхъ стрѣльцами измѣнниками, которые, въ довершенію своихъ преступныхъ дѣйствій, бросились на своихъ начальниковъ и иностранцевъ управлявшихъ артиллеріею и всѣхъ ихъ умертвили. Потомъ толпа эта, пользуясь темнотою ночи, устремилась вмѣстѣ съ казаками на поразеніе своихъ собратій и гражданъ, стоявшихъ на стѣнахъ. Въ этомъ общемъ замѣшательствѣ англійскій полковникъ Билли, командовавшій отрядомъ стрѣльцовъ, непременно палъ бы подъ ударами своихъ подчиненныхъ, если бы не былъ защищенъ латами, и, пораженный копьями въ лицо и ноги, едва могъ дойти до батареи, изъ которой капитанъ Бутлеръ производилъ сильную стрѣльбу; тутъ онъ извѣстилъ его о измѣнѣ стрѣльцовъ и о умерщвленіи ими всѣхъ начальниковъ своихъ. Бутлеръ былъ изумленъ этимъ произшествіемъ и пораженный еще болѣе убійствомъ капитана Видироса, произведеннымъ слугою его, въ глазахъ ихъ, бросилъ батарею и ушелъ за городъ съ лекаремъ голландцемъ, служившимъ на кораблѣ Орлѣ (385).

(384) Тамъ же.

(385) Путешествіе Голландца Стрейса.

„Во вторникъ ночью (говоритъ Бутлеръ) я и иные начальники на караулѣ стояли у вознесенскихъ и брать воеводскій тутъ же. Три часа послѣ полуночи казаки пришли первой приступъ учинить и мы зачали изъ пушекъ крѣпко

Князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, пораженный измѣнниками копьемъ въ животъ, былъ отнесенъ на коврѣ въ кремль и положенъ въ соборной церкви; братъ же его Михайла Семеновичъ, убитый изъ самопала, остался на мѣстѣ. Услышавъ что князь Иванъ Семеновичъ тяжело раненъ, митрополитъ Іосифъ, бывши искреннимъ другомъ его, немедленно пришелъ въ церковь и тамъ долго со слезами и рыданіями утѣшалъ страдальца надеждою вѣчныхъ благъ, говоря словами священнаго писанія, а наконецъ, послѣ исповѣди, приобщилъ его святыхъ Христовыхъ таинъ. Послѣ этого дьяки: Табунщиковъ и Фроловъ, головы стрѣлецкіе и прочіе чины, а равно и граждане, которые остались въ живыхъ, спасая жизнь свою, пришли въ эту же соборную церковь и затворились въ ней отъ измѣнниковъ. Между тѣмъ Разинъ, раскопавъ городскія ворота вошелъ въ городъ со всѣми своими возмутителями и началъ вламываться въ церковныя двери, а другіе сквозь оныя стрѣлять изъ ружей; при этомъ случаѣ убитъ пулею младенецъ полутора года, котораго мать держала на рукахъ своихъ, и кровію его обогрился помостъ церковный. Наконецъ измѣнники вошли въ церковь, извлекли изъ оной князя Прозоровскаго и бросили съ городской стѣны; дьяковъ же, головъ стрѣлецкихъ и прона нихъ стрѣлять; мало послѣ сего пришелъ къ намъ полковникъ англичанинъ Фома Балле и сказалъ, что весь городъ измѣненъ и стрѣльцы его полку лице и ноги ему копьемъ прокололи, потому что онъ весь былъ въ латахъ и для того невозможно было его до смерти убитъ, и то того ради, что онъ сказалъ имъ, чтобъ вѣрно служили и не яко казаки бунтовали на крѣпко городъ обороняли, а стрѣльцы ему молчать велѣли. И скоро послѣ того всѣ начальники отъ своихъ людей прирублены, какъ я своими очами видѣлъ и при мнѣ капитанъ Иванъ Видеросъ отъ своего слуги связанъ и убитъ. Лекаръ поддѣменя столицій то вида, съ стѣны броситься хотѣлъ, дабы онъ изъ рукъ такихъ воровъ ушелъ, а я отказалъ ему и мнѣ припамятуая, что подъ башнею бойница бывала, что намъ можно чрезъ ту уйти, дабы наши стрѣльцы насъ всѣхъ не порубили, я велѣлъ лекарю и слугѣ его да двумъ матросамъ за собою итти, и какъ бойница ми пришла, велѣлъ я караульщикамъ насъ пропустить и лекаръ чрезъ бойницу напередъ и я за нимъ опустился, слуги и двухъ матросовъ не видѣли и принались такъ во рву градскомъ, гдѣ намъ въ водѣ бросить случалось съ городу изъ мушкетовъ крѣпко на насъ сгрѣбали, и насъ не понали, и то уже въ третій часъ дня.“

чихъ гражданъ, тутъ находившихся, приведа къ раскату и связавъ имъ руки и ноги, порубили саблями и бердыщами на мелкія части. Послѣ этого Разинъ приказалъ Троицкаго монастыря братіи выкопать яму и всѣ тѣла свозить въ оную. Въ этотъ день погребено было убиенныхъ отъ рукъ варваровъ 441 человекъ (386).

(386) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„Въ ту же ночь той воръ и богоотступникъ Степья Разинъ съ товарищи казаками и съ астраханскими измѣнникъ привдоша отъ Вознесенскаго монастыря ко вратамъ и по низкимъ мѣстамъ по стѣнѣмъ начаша приставляти лѣстницы. Астраханскіе же жители пролятїи измѣнникъ начаша тѣхъ воровъ на стѣну примати, только изъ башенъ и подошевыхъ боевъ пушкарї Томило съ товарищи бѣаху по нимъ изъ пушекъ. Астраханскіе же измѣнникъ, которые къ нему вору приложившася, кричаху во градѣ казачьимъ языкомъ и градскихъ людей начаша сѣщи во градѣ прежде ихъ воровъ и боярина и воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровскаго у Вознесенскихъ вратъ въ ночи той равнша, прокололи ему чрево, люди его едва унесоша его въ кремль и принесоша на ковртъ въ соборную церковь, за нимъ же приде пятидесятникъ стрѣлецкїй Фролъ прозваніемъ Дура, той Фролъ прооборалъ понстинѣ, а не съ ними ворами сообщался. Про брата же его князя глаголютъ, яко тамо у Вознесенскихъ вратъ они воры и измѣнникъ убили изъ самопала поставя къ городской стѣнѣ, что де онъ былъ гораздо раненъ. Пресвященный же Іосифъ митрополитъ видя доблаго Христова воина Прозоровскаго вельми ранена, притече къ нему и припаде со слезами захлипяся плакаша на долгъ часъ и глаголаша ему страдальцу отъ святаго писанїа словеса утѣшительнїа о надеждѣ вѣчныхъ благъ, бѣ бо между ими была любовь во Христе величїебна, и причастивъ его святыхъ пречистыхъ страшныхъ Христовыхъ таинъ со исповѣданіемъ якоже обычай. Послѣ даже того въ соборную церковь прибѣгаша дяки и подьячіе и головы стрѣлецкіе и соборныя церкви двери затвораша чтобъ ихъ воровъ и измѣнниковъ не пустить.

„Въ же свѣтающу дню они же воры у Пречистанскихъ воротъ вырубали балтїку въ городъ вошли, а иные воры чрезъ житной дворъ вошли и начаша въ соборную церковь ломитися. Прежде рѣченнїй же пятидесятникъ Фролъ прозваніемъ Дура многихъ тѣхъ воровъ рѣзаше ножемъ. Они же воры съвозъ желѣзныя двери въ соборную церковь стрѣляша изъ пищали и за стольскимъ мѣстомъ у нѣкоей жены на рукахъ убили младенца полутора года и помость церковной младенческой кровїю обатрїлся, также пищаль прѣбѣаа кїотъ Пресвѣтѣи мѣдичицы казанскїа съ чудеса, и нынѣ та икона стоитъ за стольскимъ мѣстомъ; того же пятидесятника, Фрола изъ соборныя церкви похвативше и близъ церкви всего изсѣкоша на части. Доблаго же страдальца Христова воина оъ злой воръ и богоотступникъ Степья Разинъ съ товарищи своими измѣнникъ боярина и воеводу князя Іоанна Семеновича Прозоровскаго велѣлъ вести на раскатъ и съ раскату ринутъ его на землю. И тако ринуша его на землю Іуїа

Между тѣмъ засѣвшіе въ двухъ башняхъ иностранцы и русскіе храбро отражали приступы бунтовщиковъ; въ одной изъ нихъ заперся персидскій посланникъ Юсуфъ Ханбевъ со всею свитою, но принужденъ былъ добровольно сдаться казакамъ, кои сняли съ него саблю, пограбили всѣ бывшія при немъ вещи; тѣхъ же изъ персіанъ, кои оборонялись, побили; въ другой изъ этихъ башенъ находилось 7 человекъ татаръ улуса князя Каспулата Черкаскаго и два русскихъ пушкяря; эти люди сопротивлялись дотолѣ, пока неразстрѣляли порохъ, тогда бросились они съ башни въ намѣреніи уйти, но были за городомъ казаками порублены (387).

Жестокіе поступки Разина съ гражданами. Овладевъ Астраханью, Разинъ поступилъ весьма жестоко съ гражданами онаго, первоначально разграбилъ онъ приказную палату, въ которой хранились казенныя деньги; потомъ приказалъ ограбить дома князя Прозоровскаго, дяковъ, головъ стрѣлцовъ, прочихъ чиновъ и зажиточныхъ гражданъ, наконецъ буйные обратились въ гостинный дворъ, гдѣ лежали товары купцовъ: россійскихъ, персидскихъ, индійскихъ и бухарскихъ, забрали все то, что только тамъ находилось, и потомъ раздѣлили оныя между собою. Разинъ самъ распоряжался грабежомъ, развѣзжалъ по городу верхомъ на лошади изъ одной улицы въ другую, и всѣхъ тѣхъ

мѣсяца въ 22 день въ третій часъ дне въ среду. Дяковъ же Романа Табунцова и Елистратія Фролова и голову стрѣлцаго Алексѣя Соловцева и другихъ сотниковъ и пятидесятниковъ и подъячихъ и всякихъ астраханскихъ жителей всѣхъ посаждахъ подъ раскатъ, связавше яко злодѣевъ руки крѣпко всѣхъ постыкома саблями и бердыши и земля обагрилася кровію и течеша кровь челоуѣка аки рѣка. Тѣлю же поваго страдальца и мученика боярина князя Іоанна Семеновича и брата его роднаго князя Михаила Семеновича Прозоровскихъ и многихъ убиенныхъ, онъ злымъ песь и измѣнникъ отдалъ въ Троицкой монастырь и велѣлъ ископать великую яму и безъ разбору бросать въ ню, бѣ же числомъ и съ бояриномъ положенныхъ 441 человекъ, намъ же повѣдахъ сіе монахъ, который приставленъ былъ къ той могилѣ.“

(387) Тамъ же, смотри персидскія дѣла, въ столбцахъ № 5, распросныя рѣчи Помѣстнаго приказу подъячачо Наума Колесникова, бывшаго въ Персіи съ посланникомъ Томасомъ Врейномъ.“

изъ гражданъ, кои только попадались на встрѣчу, какого бы пола и возраста ныбли, приказывалъ янаго колоть, другаго бросать въ воду, или отрубивъ руки и ноги, оставлять въ такомъ положеніи среди улицы (388). Ненасытись такимъ звѣрствомъ, Разинъ, распаленный виномъ, приказалъ привести предъ себя старшаго сына воеводы астраханскаго, Бориса Прозоровскаго, и спрашивалъ его, гдѣ находятся деньги собираемыя таможеню; юный князь отвѣчалъ ему, что отецъ его деньги эти всегда отдавалъ казначею Алексѣю Алексѣвичу, отъ коего выданы были предъ этимъ на жалованье стрѣльцамъ. Разинъ, желая удостовѣриться въ истинѣ, приказалъ привести казначея, который подтвердилъ слова князя. Послѣ этого Разинъ спросилъ князя, гдѣ находится имущество отца его, который отвѣчалъ ему, что имѣніе отца забрато все безъ остатка есауломъ Хохлачемъ. Разинъ, приведенный эти-

(388) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„ По убіеніи же боярина и другихъ поиде онъ воръ Стенька Разинъ съ единомышленниками своими въ приказную палату и которыя ныбла казна государева, и что взята у астраханскаго воротника Михайла Лаузина, золотые червонные ефимки, соболы и котлы и всякой товаръ послѣ его смерти и которыя деньги по приводнымъ дѣламъ и ихъ боярскіе двory и животы и годовы стрѣлецкихъ, и дворянъ, и подъячыхъ, и посадскихъ людей двory ихъ и животы и въ рядѣхъ въ лавкахъ и гостинные двory: руской, гиланской и индейской, бухарской, все безъ остатку пограбили и возили въ Янь-Гурчневъ городъ ради раздѣла своего.

„ Въ тоже время, какъ они воры взошли въ городъ Астрахань въ постъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, Іунія въ 22 день, и въ тотъ постъ начаша мясо ясти и сыръ и яйца горши бусурмановъ, а кто по истинѣ обратится и что какое доброе слово промолвить, и они воры того тотъ часъ смерти предающе. Той де воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ ѣзди на конѣ по граду за малое нѣчто людей всякого званія кто бы ныблгъ закалал, постѣкад, а и ныхъ въ водѣ потопляя и нинимъ же ноги и руки отрубивъ оставляя на свидѣніе. На то же смотря астраханскіе измѣнники и дѣти: тому же ревнующіе збирая круги и кто у нихъ непослушаетъ, бьютъ палками и вѣшаютъ за ноги и одинаго повѣсили за шею и той умре. Жены же ихъ казачьи дворянскихъ женъ и годовы стрѣлецкихъ и подъяческихъ, которые побиты въ Астрахани отъ воровъ казаковъ, браняще называюще ихъ измѣнничьими женами и мѣста нигдѣ никому недающе. Въ церковь же Божію мужья ихъ измѣнники и ихъ измѣнничьи жены и дѣти не ходили, отлучившася въ коведъ отъ Бога и Великаго Государя.“

ми словами въ изступленіе, приказалъ этого юнаго князя, имѣвшаго отъ роду 16 только лѣтъ, повѣсить чрезъ городскую стѣну за ноги; послѣ въ то же время повѣшенъ былъ близъ него и меньшій 6-ти лѣтній братъ его. Казначей Алексѣевъ долженъ былъ понести лютейшую смерть: его повѣсили на вислицѣ за ребра; въ такомъ положеніи они находились цѣлыя сутки. На другой день Разинъ приказалъ старшаго Прозоровскаго бросить съ раската, а меньшаго отдать матери, предполагая что онъ мертвъ (389).

Разинъ въ особенности излилъ всю злость свою на приказныхъ служителей, которыхъ онъ, извлекая изъ домовъ ихъ, вѣшалъ за ребра. Женъ ихъ, а равно и прочихъ гражданъ, предавалъ на поругательство своимъ сподвижникамъ; иныхъ же приказывалъ вѣнчать насильно съ этими извергами; священниковъ, кои осмѣливались противурѣчить ему, бросалъ живыхъ въ воду.

(389) Тамъ же. Послѣ де же того Іулія въ 13 день, онъ же злый воръ и богоотступникъ и измѣнникъ Стенька Разинъ съ товарищи, напився пьянъ у кабака стоя, прислалъ ясаула своего къ митрополиту Іосифу и велѣлъ взять и передъ себя привести князя Бориса Ивановича большаго; приведену же ему бывшу предъ него, нача вопрошати его о таможенныхъ пошлинныхъ деньгахъ, что де отецъ твой такими деньгами завладѣлъ и князь же ему отвѣща, тѣ пошлинныя деньги отнесены въ приказную палату служивымъ людямъ на жалованье а отданы въ денежномъ столѣ подъячому Алексѣю Алексѣеву, а отецъ мой тѣми деньгами некорыстовался, и повелѣлъ привести подъячаго и вопросы его о деньгахъ и онъ отвѣща, тѣми деньгами бояринъ некорыстовался, понеже розданы на жалованье служилымъ людямъ, а сколько ихъ роздано и кому именно, о томъ явствуютъ расходныя книги. Злый же богоотступникъ Стенька рече князю Борису гдѣ ваши животы? И князь дерзновенно рече животы де отца моего вы пограбили и отдавалъ тѣ животы казначей нашъ, а возмъ ихъ твой ясаулъ Ивашко Андреевъ Хохлячъ. Стенька же тому невнимая, повелѣлъ его на градовой стѣлѣ за ногу повѣсить. А подъячаго Алексѣя Прокофьева и захвати за ребро повѣсить на вислицѣ. Другаго же меньшаго князя Бориса такожде повелѣлъ за ногу жъ повѣсить на градовой же стѣнѣ подлѣ брата его; висѣли же они новыя страдалцы отъ седьмаго часа дни и до ночи и всю ночь до свѣта, на утрѣ же проклятый еретикъ и богоотступникъ Стенька Разинъ пріѣхалъ о седьмомъ часу дни и повелѣлъ князя Бориса большаго снять и бросить съ раската, противъ Троицкаго монастыря, меньшаго же князя Бориса повелѣлъ отдать княгинѣ его (матери) Параскевѣ Федоровнѣ. А подъячаго Алексѣя повелѣлъ отдать матери его погребсти въ Троицкомъ монастырѣ.“

Монастыри и церкви, какъ и дома священнослужителей, равнымъ образомъ были ограблены. Среди расхищеній, онъ дѣлалъ священникамъ, инокамъ и инокинямъ разныя истязанія (390).

Капитанъ Бутлеръ, который во время приступа Разина къ городу бѣжалъ изъ онаго съ лекаремъ, былъ пойманъ стрѣльцами на Каспійскомъ морѣ, недалеко отъ устья Волги и приведенъ въ Астрахань къ Разину, который въ это время, сидя на улицѣ у воротъ дома митрополита Юсифа, пилъ съ приближенными своими водку. Разинъ распросивъ ихъ, велѣлъ лекарю лечить раненныхъ казаковъ, а капитана Бутлера приказалъ держать за карауломъ близъ своего шатра. Бутлеръ, находясь въ такомъ положеніи, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ смерти многихъ изъ гражданъ, которыхъ Разинъ приказывалъ бросать живыхъ въ воду, другихъ вѣшать за ноги или отсѣкать руки и ноги. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Бутлеру связали руки и ноги и въ такомъ положеніи оставили его подъ башнею. Послѣ онъ былъ освобожденъ по ходатайству лекаря и голландца Людовика Фабера, которые успѣли снискать отъ Разина нѣкоторое уваженіе, а по выходѣ Разина съ войсками на Саратовъ, отпущенъ съ персидскими и индейскими купцами въ Персію (391).

Походъ Разина въ Россію. Проведя такимъ образомъ среди варварства, опустошеній и разграбленій Астрахани, около пяти недѣль, Разинъ съ большею частію своихъ сообщниковъ отправился 20 іюля сухимъ путемъ и рѣкою Волгою къ Царицыну, оставивъ въ Астрахани главными начальниками Ваську Уса, котораго обыкновенно называли Чертовымъ Усомъ и Федьку Шелудяка, давъ имъ полную власть надъ городомъ, войскомъ и жизнію беззащитныхъ гражданъ. Предъ выступленіемъ своимъ изъ Астрахани, Разинъ вызывалъ всѣхъ гражданъ за городъ, гдѣ и привелъ ихъ къ присягѣ служить единодушно Государю, ему Разину и войску

(390) Списокъ съ приговора читаннаго предъ казнью Разина.

(391) Письмо приложенное къ путешествію Стрейса, хранящееся въ бібліотекѣ Графа Толстаго.

имъ предводительствоемому; измѣнниковъ же истреблять и тутъ же умертвилъ двухъ священниковъ, которые осмѣлились изобличать его въ государственной измѣнѣ (392).

Увеличивъ въ Царицынѣ число своихъ единомышленниковъ стрѣльцами и казаками пришедшими съ Дона, Разинъ отправился въ верхъ Волгою болѣе нежели на 200 судахъ къ Саратову. Городъ этотъ чрезъ измѣну стрѣльцовъ, составлявшихъ гарнизонъ онаго и нѣкоторыхъ гражданъ, сдался безъ сопротивленія; тутъ забралъ онъ всѣ казенныя деньги, провіантъ и прочія вещи, умертвивъ воеводу Казьму Лутохина и многихъ изъ дѣтей боярскихъ (393).

Отсюда войско Разина усиленно стрѣльцами и другого званія людьми, двинулось: одна часть судами къ городу Самарѣ, а другая половина къ Тамбову и Ломову, производя на пути многоразличныя неистовства. Разинъ разослалъ по всѣмъ окрестнымъ городамъ и селеніямъ воззванія, коими увѣрялъ

(392) Дѣла персидскія, распросни рѣчи Помѣстнаго приказа подьячаго Наума Колесникова 1670 года сентября 26 дня.

„ А какъ де онъ воръ Стенька взялъ Астрахань и жилъ въ Астрахани полчетверти недѣли, и астраханскіе жители, которые великому Государю измѣнили, приходя говорили ему Стенькѣ, многіе де дворяне и приказные люди перехоронились и чтобъ онъ повелѣлъ имъ смыскавъ ихъ побить для того, что де отъ великаго государя будетъ въ Астрахань какая присылка, и они де имъ будутъ первые непріатели, и Стенька де имъ сказалъ, какъ де онъ изъ Астрахани пойдетъ и они бѣ чинили такъ, какъ хотять: а для де расправы оставялетъ онъ имъ казака въ атаманъ Ваську Уса Да онъ же де Стенька астраханскихъ жителей всѣхъ приводилъ за городомъ въ войску ко кресту въ томъ, что имъ за великаго государя стоять и ему вору Стенькѣ и всему войску служить, а измѣнниковъ выводить. А какъ де онъ ко кресту астраханцевъ приводилъ, и въ то де время были у него въ войску попи со крестмъ; а которые де священники его вора Стеньку облачали и тѣхъ онъ одного посадилъ въ воду, а другому руку да ногу велѣлъ отсѣчь.“

(393) Списокъ съ приговора читаннаго предъ вазнью Стеньки Разина.

„ А учина таково кровопролитіе, изъ Астрахани пришелъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову и саратовскіе жители тебѣ городъ сдали по твоей воровской присылкѣ. А какъ ты воръ пришелъ на Саратовъ и ты государеву денежную казну и хлѣбъ и золотыя, которые была на Саратовѣ, и дворцоваго промыслу все пограбилъ и воеводу Козьму Лутохина и дѣтей боярскихъ побилъ.“

всѣхъ гражданъ, что онъ по повелѣнію Великаго Государя идетъ изъ Астрахани въ Москву, для истребленія бояръ, думныхъ и приказныхъ людей, стрѣльцовъ, солдатъ и купцовъ за ихъ измѣну; что съ нимъ находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (который 17 генваря 1770 года въ Москвѣ умеръ) и бывшій патриархъ Никонъ, и потому приглашалъ всѣхъ и каждаго вооружиться на защиту государя и отечества. Этому призванію послѣдовала вся чернь. Народъ и вообще всѣ воинскіе чины возстали противъ своихъ помѣщиковъ и начальниковъ и спѣшили присоединиться къ возмутителямъ, которые безъ малѣйшаго сопротивленія грабили и жгли села и города, умерщвляли въ оныхъ начальниковъ и вѣрныхъ гражданъ. Слуги наперерывъ другъ предъ другомъ убивали своихъ господъ и въ ихъ платяхъ являлись къ Разину; другіе приносили въ удостовѣреніе своей преданности ихъ головы, за что получали отъ него награжденія; нѣкоторые, умертвивъ въ семействѣ всѣхъ мужчинъ, вѣнчались насильно на госпожахъ своихъ и безчестили дочерей (394). Смятеніе и неустройство возрастало до величайшей степени

(394) Журналъ 1768 года, ноябрь, подъ названіемъ ежемѣсячныхъ сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ, въ статьѣ извѣстіе о бунтѣ и злодѣйствіяхъ Донскаго казака Степана Разина, взятое изъ Россійскаго хронографа того же времени.

„ И писалъ въ воровскихъ письмахъ будто съ нимъ воровъ снѣгъ великаго государя, благовѣрный государь царевичъ и великій князь Алексѣй Алексѣевичъ вся великія и малыя и бѣлыя Россіи и будто по указу великаго государя онъ идетъ съ нимъ Волгою отъ Астрахани и подъ Москву, для того, чтобъ побить на Москвѣ и во градѣхъ бояръ и думныхъ ближнихъ и приказныхъ людей и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и солдатъ и всякого чину служилыхъ людей и торговыхъ, и людей боярскихъ будто за измѣну Да онъ же воръ вмѣнялъ всякимъ людямъ на прелесть, будто съ нимъ Никонъ монахъ, бывшій патриархъ, и тѣмъ прельщалъ всякихъ людей и собравшійся воровъ, называющихся воровскими посланниками, отъ него крестопреступника Степана многихъ простыхъ людей чернь возмутили, и многіе жи и прелести ихъ послушали, и во многихъ городѣхъ воеводъ и всякихъ приказныхъ людей и дворянъ и дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей побивали, и города пожидали и дома грабили и разоряли, и честныя жены и дѣвы обезчещены, и рабы госпожей своихъ имали за себя не подостомнству неволю и проч.“

къ главному предводителю всеобщаго возмущенія. „Братья! говорилъ онъ имъ, я пришелъ избавить васъ, какъ дѣтей своихъ, отъ ига господъ вашихъ, которые мучили васъ и содержали въ неволѣ подобно иновѣрнымъ, мужайтесь на истребленіе ихъ.“ Прельщенные такимъ пріемомъ, толпы въ восторгѣ восклицали: „Отецъ нашъ! живи долго и будь побѣдителемъ всѣхъ бояръ и князей“ (395).

Вооружась такими средствами на преувеличеніе своего войска, Разинъ безбоязненно подвигался впередъ, оставляя по себѣ одно опустошеніе и истребленіе сель и городовъ. Городъ Самара, къ коему онъ подступилъ съ большею частію войскъ своихъ, сдался безъ сопротивленія. Воевода этого города Иванъ Алфимовъ и многіе изъ гражданъ были жертвою свирѣпаго его варварства. Умноживъ войска свои стрѣльцами и гражданами, и не встрѣчая на пути никакого препятствія, Разинъ поплылъ въ верхъ по Волгѣ къ г. Симбирску, который въ это время былъ защищаемъ храбрымъ воеводою Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ.— Между тѣмъ, какъ Разинъ занимался осадою этого города, сообщники его, братъ его Фролка и астраханецъ Максимъ Осиповъ съ многочисленными шайками заняли Тамбовъ, Шацкъ, Темниковъ, Ломовъ, Алаторъ и многіе другіе города, даже до Нижняго Новгорода и ограбили монастырь Макарія Желтоводскаго. Молва о необыкновенныхъ успѣхахъ Разина распространилась по всѣмъ окрѣстнымъ странамъ, даже татары, мордва и чувашы толпами стекались съ оружіемъ къ измѣннику. Стрѣльцы, составлявшіе гарнизонъ нѣкоторыхъ городовъ, бывъ подстрекаемы возмутителями, предавали смерти своихъ начальни-

(395) Путешествіе Стрейса.

„Люdiamъ всѣмъ на два мѣсяца жалованья подавал, и имъ же вольно вездѣ грабить и убить, и ихъ же тако жъ возбудивъ, говоря: братья отмысли на дѣ вашихъ мучители и непріатели, которые васъ горше бусурмановъ и поганыхъ въ холопствѣ держали, азъ пришелъ васъ всѣхъ свободить, вы мои братья и дѣти держайте мужественно и вѣрно; по такимъ словамъ всякъ за нимъ въ смерть идти хотѣлъ и единогласно восклицали: Бачка нашъ! да живетъ долго и да будетъ побѣдитель всѣмъ боярамъ и княземъ.“

ковъ и съ радостію принимали ихъ, какъ своихъ избавителей. Среди такового опустошенія южныхъ ировинцій, войска подъ начальствомъ князей: Юрія Алексѣевича Долгорукова, Борятинскаго и Щербатова, сближались на отраженіе многочисленной толпы Разина. Князь Щербатовъ, выступивъ изъ Арзамаса съ знатною частію россійскихъ войскъ, разбилъ атамана Осипова при селѣ Мурашкинѣ и выгналъ его изъ села Лысова и Макарьевского монастыря; Борятинскій выгналъ и истребилъ многочисленныя скопища возмутителей, разсѣянныхъ по лѣвой сторонѣ Волги, князь же Долгорукій, преслѣдуя ихъ вездѣ въ нижнихъ губерніяхъ: Симбирской, Пензенской и Тамбовской, водворялъ спокойствіе. Между тѣмъ Разинъ съ многочисленнымъ войскомъ осаждалъ Симбирскъ, валилъ земляной валъ къ городу и дѣлалъ нѣсколько приступовъ. Мужественный воевода Милославскій, стѣсненный со всѣхъ сторонъ измѣнниками, защищался съ вѣрными стрѣльцами и дѣтьми боярскими: положеніе осажденныхъ было самое отчаянное, если бы не подоспѣлъ къ нему на помощь князь Борятинскій; тутъ они успѣли соединиться, напали всѣми силами на бунтовщиковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Разинъ израненный бросился на суда съ частію преданныхъ ему казаковъ и стрѣльцовъ, бѣжалъ внизъ Волгою, прочее же его скопище разошлось по своимъ мѣстамъ. Такимъ образомъ, рушились всѣ замыслы Разина, брата его Фрола и ихъ сообщниковъ (396).

Войсковою атаманъ Корнило Яковлевъ беретъ въ плѣнъ Разина. Преслѣдуемые страхомъ, Разинъ и братъ его прибѣжали на Донъ и заперлись въ Кагальницкомъ городкѣ, укрѣпивъ оный для своей безопасности. Тутъ Разинъ всю зиму проводилъ съ вѣрными ему сподвижниками сповойно, не посягая ни на какія преступныя дѣйствія. Былъ на короткое время въ Черкасскѣ, бесѣдовалъ съ войско-

(396) Смотри списокъ съ приговора читаннаго предъ смертію Разина и журналъ подъ названіемъ ежемѣсячныхъ сочиненія 1763 года.

вымъ атаманомъ Корнилиемъ Яковлевымъ, знатнѣйшимъ старшиною Родіономъ Осиповымъ и прочими старшинами, дарилъ ихъ вещами и наконецъ отпущенъ ими въ Кагальникъ съ честію. Хитрый Яковлевъ умѣлъ оболести его своимъ ласковымъ обращеніемъ, притворствовалъ предъ нимъ, какъ будто бы не зналъ всѣхъ его дѣяній, и наконецъ до того вкрался къ нему въ довѣріе, что Разинъ нималѣйше не подозрѣвалъ его въ предпріятомъ имъ намѣреніи (397).

Между тѣмъ войсковою атаманъ съ Родіономъ Осиповымъ и лучшими старшинами неусыпно дѣйствовали на истребленіе вора, собственнаго ихъ и всего отечества; готовили тайно пушки и суда, и собрали войско подъ другимъ предлогомъ. Устроивъ все нужное къ осадѣ Кагальника, онъ объявилъ наконецъ о своемъ намѣреніи; войско приняло его предложеніе съ радостію и выступило изъ Черкаска подъ предводительствомъ его. Кагальницкій городокъ, который они должны были брать приступомъ, основанъ на островѣ рѣки Дона (не въ дальнемъ разстояніи отъ нынѣшней Кагальницкой станицы), обнесенъ землянымъ валомъ, на коемъ разставлены были пушки. Разинъ, находясь съ своими единомыш-

(397) Дѣла турецкія, распросныя рѣчи жильца Петра Быкова, посланнаго къ азовскому пашѣ съ грамотою.

„ Да онъ же, ага, сказывалъ ему, Петру: въ нынѣшнемъ де въ недавнемъ времени послали къ Великому Государю всего войска Донскаго казаки станичнаго атамана Родіона Осипова, и онъ де Петръ того атамана въ которыхъ мѣстахъ встрѣтилъ; а онъ де ага вѣдаетъ про то, что онъ вѣдетъ къ Великому Государю битъ челомъ съ неправдою, чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ сукнами и хлѣбными запаси по прежнему и они де—онъ Родіонъ и атаманъ Корнило Яковлевъ первые великому Государю измѣнники, и его вора измѣнника Стеньку Разина отпускали на воровство они. А какъ де его вора Великаго Государя ратные люди подъ Симбирскимъ побили, и онъ де вида свое безсиліе побѣжалъ на Донъ, въ Кагальникъ, и изъ Кагальника де въ Черкасской, къ атаману къ Корнилу Яковлеву и напився пьянъ валался къ шубѣ собольѣ, а ихъ де Корнило и Родіона въ то время дарилъ: Корнилу далъ шубу рысью, а Родіону котель серебрянный, и они де, подчивавъ его вора, отпустили изъ Черкаскаго въ Кагальникъ на своей лошади, а еслибъ де они Государю были вѣрные слуги, и они бъ вора его въ то время у себя задержали и къ Великому Государю о томъ писали и его вора къ Москвѣ послали.“

ленниками въ городѣ, безопасно пировалъ, какъ вдругъ приближился къ Кагальницкому городку войсковою атаманъ съ войскомъ рѣвою Дономъ и сухимъ путемъ; тутъ Разинъ принялся за оружіе, билъ изъ пушекъ по осаждающимъ; но наконецъ, превосмогаемый превосходною силою, принужденъ былъ 14 апрѣля 1670 года сдаться съ братомъ своимъ Фроломъ. Вся шайка его была истреблена, городокъ разоренъ, а стѣны онаго срыты до основанія. Разина и брата его привезли въ Черкасскъ, откуда подъ охраненіемъ сильнаго конвоя, подъ начальствомъ войсковаго атамана Корнилія Яковлева, отправленъ былъ тогда же въ Москву, гдѣ за всѣ свои злодѣянія получилъ онъ достойную казнь: былъ распятъ на колья и четвертованъ, а брату его Фролу отрублена голова (398).

Казаки приносятъ Царю повинную. Выше упомянуто о бездѣйствіи войска Донскаго на усмиреніе возмутителей; но была ли это измѣна войсковою управы или безсиліе ея противъ скопищъ Разина, изъ современныхъ актовъ опредѣлить съ точностію трудно. Впрочемъ возмущеніе Разина возникло тогда, когда своеволие казаковъ взяло верхъ надъ благоразумными совѣтами старшинъ; и это легко могло быть тамъ, гдѣ всякій, какового бы онъ состоянія ни былъ, имѣлъ право говорить и дѣйствовать безотчетно. Находясь въ такомъ положеніи, войсковою атаманъ и старшины не могли принять рѣшительной мѣры и вооружить умы казаковъ

(398) Выписка изъ старыхъ приказныхъ дѣлъ 1671 года, изъ отписки тогемскаго воеводы Андрея Непейцина въ приказъ Устюжскія четверти.

„Донскіе казаки атаманъ Корней Яковлевъ и все донское войско подъ Кагальницкомъ воровъ многихъ побили, и вора измѣнника Стеньку Разина и его единомышленниковъ, которые съ ними прошли въ Кагальницъ съ Царицына и на Дону къ его воровству пристаи, взяли и его Стеньку привезли въ Черкасской, заковали въ кандалы, а товарищевъ его единомышленниковъ воровъ же въ Кагальнику и въ Черваскомъ всѣхъ побили и перевѣшали, а его вора Стеньку послалъ къ тебѣ великому Государю съ нимъ атаманомъ Корниліемъ Яковлевымъ съ товарищи апрѣля въ 24 день нынѣшняго 179 года.“

Смотри списокъ съ приговора, читаннаго предъ казнью Разина и грамота войску Донскому 1671 г. Іюля мѣсяца.

противу возмутителей, въ особенности тогда, когда и въ самомъ Черваскомъ, среди ихъ, приверженцы Разина превозносили его мужество и щедрость, хвалились богатствомъ, добытымъ ими на поискахъ, и неограниченною свободою въ своихъ дѣйствіяхъ. И такъ войсковою атаманъ и старшины молчали, ничего не предпринимая, и ожидали развязки преступнымъ дѣйствіямъ Разина. Посылае легкихъ станицъ въ Москву прекратилась и при дворѣ ничего не знали, что дѣлается на Дону; наконецъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1670 года войско Донское отправляло въ Москву зимовую станицу, состоящую изъ 26 человекъ, съ атаманомъ Иваномъ Аверкіевымъ, просить Государя о денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ на будущій 1671 годъ. Атаманъ этотъ и вся станица была взята въ Москвѣ по повелѣнію Государя и отослана по подозрѣнію во всеобщей измѣнѣ войска Донскаго въ Архангельскѣ.

Это событіе служило яснымъ доказательствомъ немилости царской къ войску Донскому. Казаки рѣшили наконецъ отправить къ Государю умнаго старшину Осипова и ссаула Львова, съ нѣсколькими лучшими казаками, бить челомъ отъ всего войска Донскаго о всепрощеніи въ винахъ ихъ. Въ это время Разинъ былъ разбитъ уже російскимъ войскомъ подъ Симбирскомъ. Старшину Осипова позвали въ Казанскій дворецъ, спросили въ присутствіи боярѣ о всѣхъ дѣйствіяхъ войска Донскаго, и потомъ отъ имени Государя объявили: „Изъ показаній вашихъ усматривается, что многіе изъ Донскаго войска казаки, забывъ присягу къ Государю и милость его, присоединились къ бунтовщику Стенькѣ Разину; иные же хотя и не пристали къ нему, но не употребляли никакихъ средствъ къ прекращенію бунта и не доносили Государю о походѣ Разина съ Дону на Волгу и о другихъ проишествіяхъ; изъ всѣхъ сихъ дѣйствій вашихъ хотя и не открывается измѣны войска Донскаго, но по вѣрноподданческой присягѣ къ Государю должны вы были употребить всѣ зависящія отъ васъ средства на истребленіе сихъ скопищъ, чрезъ каковое небреженіе ваше произошло кровопролитіе; и

изъ гражданъ, кои только попадались на встрѣчу, какого бы пола и возраста нибыли, приказывалъ инаго колоть, другаго бросать въ воду, или отрубивъ руки и ноги, оставлять въ такомъ положеніи среди улицы (388). Ненасытъ такимъ звѣрствомъ, Разинъ, распаленный виномъ, приказалъ привести предъ себя старшаго сына воеводы астраханскаго, Бориса Прозоровскаго, и спрашивалъ его, гдѣ находятся деньги собираемыя таможеню; юный князь отвѣчалъ ему, что отецъ его деньги эти всегда отдавалъ казначею Алексѣю Алексѣвичу, отъ коего выданы были предъ этимъ на жалованье стрѣльцамъ. Разинъ, желая удостовѣриться въ истинѣ, приказалъ привести казначея, который подтвердилъ слова князя. Послѣ этого Разинъ спросилъ князя, гдѣ находится имущество отца его, который отвѣчалъ ему, что имѣніе отца забрато все безъ остатка есауломъ Хохлачемъ. Разинъ, приведенный эти-

(388) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„ По убіеніи же боярина и другихъ поиде онъ воръ Стенька Разинъ съ единомышленниками своими въ привазную палату и которая нибыла казна государева, и что взята у астраханскаго ворушника Михайла Лаузина, золотые червонные ефимки, соболы и котлы и всякой товаръ послѣ его смерти и которая деньги по приводнымъ дѣламъ и ихъ боярскіе дворы и животы и годовъ стрѣleckихъ, и дворянъ, и подъячихъ, и посадскихъ людей дворы ихъ и животы и въ радѣхъ въ лавкахъ и гостинные дворы: руской, гиланской и индейской, бухарской, все безъ остатку пограбили и возали въ Янъ-Гурченевъ городъ ради раздѣла своего.

„ Въ тоже время, какъ они воры взошли въ городъ Астрахань въ постъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, Іунія въ 22 день, и въ тотъ постъ начаша мясо ясти и сыръ и ябца горши бусурмановъ, а кто по истинѣ обратится и что какое доброе слово промолвить, и они воры того тотъ часъ смерти предаще. Той де воръ и богоотступникъ Стенька Разинъ ѣзда на конѣ по граду за малое нѣчто людей всякого званія кто бы нибылъ закачал, посѣкая, а и нихъ въ водѣ потопляя и инимъ же ноги и руки отрубивъ оставляя на снѣденіе. На то же смотря астраханскіе измѣнники и дѣт: тому же ревнующіе збирая круги и кто у нихъ непослушаетъ, бьютъ палками и вѣшаютъ за ноги и одинаго повѣсили за шею и той умре. Жены же ихъ казачи дворянскихъ женъ и годовъ стрѣleckихъ и подъяческихъ, которые побиты въ Астрахани отъ воровъ казачовъ, бранище называюще ихъ измѣнничьими женами и мѣста нигдѣ никому недающе. Въ церковь же Божию мужья ихъ измѣнники и ихъ измѣнничьи жены и дѣт: не ходили, отлучишася въ конецъ отъ Бога и Великаго Государя.“

Слѣдствіемъ этого всепрощенія было возвращеніе сосланнаго въ Архангельскъ станичнаго атамана Ивана Аверкіева и всѣхъ станицы его казаковъ (400).

Присяга казаковъ на вѣрность службы. Въ отвращеніе же подобныхъ на Дону возмущеній посланъ былъ изъ Москвы стольникъ и полковникъ Григорій Касаговъ и

напередъ сего того у васъ въ войскѣ небывало, а служили вѣрно и воровъ унимали и всегда на Дону и въ полкахъ у бодръ и воеводъ служба ваша и радѣнье бывало, и такихъ воровъ по войсковому праву указъ имъ чинить; а нынѣшнее кровопролитіе учинилось все вашимъ нерадѣніемъ. И великій Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ вся великія и малыя и бѣды Россіи самодержецъ указалъ вамъ сказать, что въ томъ во всемъ многія ваши вины объяснились и за такія свои вины достойны быть во всемъ чужи его государской милости и жалованья, однакожъ онъ великій государь, по своему государскому милосердію, возложитъ всѣ дѣла на волю Всемогущаго Бога, видя ваше нынѣшнее челобитіе и отпущеніе вашихъ винъ и нынѣшнее ваше начатое дѣло къ доброму на разореніе Стенькина воровства и его совѣтниковъ, буде вы всѣмъ войскомъ истинно ему великому Государю бѣте челомъ и безо всякаго лукавства вины свои приносите, пожаловавъ васъ, вины ваши велѣлъ отдать; и вамъ бы видя къ себѣ такую его государскую милость служить вѣрно, такъ какъ до нынѣшняго лукаваго Стенькина воровства служили, и пріѣхать въ войско, тое его государскую милость всему войску сказать, и учиня войскомъ совѣтъ, чинить промыслъ надъ воровъ Стенькою и братомъ его Фролкою и надъ иными зачинателями воровству, и поймавъ тѣхъ воровъ Стеньку и Фролку привести къ Москвѣ, а инымъ бы пущимъ заводчикамъ учинить указъ по войсковому праву, а съ Дону о всемъ писать вамъ къ великому Государю почисту и станицы присылать противъ прежняго, а великаго Государя милость къ вамъ и ко всему войску будетъ смотря по вашей службѣ.“

(400) Тамъ же, грамота на Донъ 1671 г. Юля дна.

„ Въ прошломъ во 178 году къ намъ Великому Государю, къ нашему Царскому Величеству присланы вы, атаманы и казаки и все донское войско, станичнаго атамана Ивана Аверкіева съ товарищи 28 человекъ битъ челомъ намъ великому Государю что бы мы, великій государь, васъ атамановъ и казаковъ пожаловали, велѣли къ вамъ послать нашего великаго Государя денежное жалованье и хлѣбныхъ и пшечныхъ запасовъ, и въ то время за измѣною вора и богоотступника Стеньки Разина, недобѣривалъ той вашей станицѣ, по нашему великаго Государя указу были въ ссылкѣ у Архангельскаго города. И въ нынѣшнемъ во 179 году Юля въ 10 числѣ, по нашему жъ великаго Государя милостивому указу, тѣ станичныи атаманъ Иванъ Аверкіевъ и казаки взятые отъ Архангельскаго города изъ ссылки къ Москвѣ, и пожаловавъ нашимъ великаго Государя жалованьемъ, отпущены къ вамъ атаманамъ и казакамъ въ войско.“

дьякъ Андрей Богдановъ, вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ Корнилемъ Яковлевымъ и старшиною Родиономъ Осиповымъ, находившимися въ то время въ Москвѣ, для приведенія всѣхъ атамановъ, есауловъ и казаковъ на вѣрность службы къ присягѣ; имъ поручено было сверхъ того объявить царскую милость всему войску Донскому за доставленіе въ Москву Стеньки Разина и за истребленіе его сообщниковъ, увѣрить ихъ во всеобщемъ прощеніи и настаивать о скорѣйшей высылкѣ изъ войска казаковъ противу астраханскихъ возмутителей. Стольникъ Касаговъ и дьякъ Богдановъ прибыли въ Черкасскъ 24 августа 1671 года, вмѣстѣ съ зимою станицею и съ государевымъ жалованьемъ. Когда Касаговъ объявилъ по наказу причину своего посольства, казаки были обрадованы столь милостивому ко всему войску вниманію, но лишь только началъ онъ настаивать о присягѣ, то встрѣтилъ нѣкоторое затрудненіе. „Мы ради служить Государю безъ крестнаго цѣлованія, говорили многіе изъ нихъ, и намъ присягать не для чего.“ Споръ продолжался четыре дня, наконецъ положено было присягнуть Государю на вѣрность службы; если же кто неучинитъ присяги, того казнить смертію, а имущество грабить (401).

Присяга произведена была на площадѣ, близъ соборной церкви, въ присутствіи стольника Касагова и дьяка Богданова, и всѣ присягнувшіе казаки вписывались въ книгу, присланную изъ Посольскаго приказа; другая книга оставлена была ими въ войскѣ, для вписыванія въ оную именъ тѣхъ казаковъ, кои впредь придутъ служить въ войско, и всѣмъ тѣмъ, кои родятся на Дону и достигнутъ совершеннаго возраста.

Главныя статьи присяги заключались въ томъ, чтобы старшинамъ и казакамъ, всѣ отерывшіяся на Дону возмущенія и тайныя заговоры противу Государя и отечества, въ тожь

(401) Тамъ же, распросныя рѣчи стольника Григорія Касагова и дьяка Андрея Богданова, ноября 8 дня 1671 года.“

время укрощать, главныхъ заговорщиковъ присылать въ Москву, а ихъ послѣдователей по войсковому праву казнить смертію, если же кто изъ нихъ въ нарушеніи этой присяги, измѣни Государю и отечеству, начнетъ ссылаться съ неприятелями своего отечества, или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, нещады жизни своей, сражаться, самимъ въ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не домышлять о томъ, съ калмыками дальнѣйшихъ сношеній не имѣть, кромѣ увѣщаній служить Государю съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходиться, никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе Государя и всей его царской фамилии не посягать, и кромѣ Его Величества Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и всея Россіи Самодержца, другаго государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей и королей или принцовъ иноземныхъ и россійскихъ, на царство всероссійское никого не призывать и не желать, а ежели услышать или узнаютъ на Государя и всю его царскую фамилию скопъ или заговоръ или другой какой умыслъ, возникшій у россіянъ или у иноземцевъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своея, биться (402).

Пр о и з ш е с т в і е в ъ А с т р а х а н и. По выступленіи Разина изъ Астрахани съ большею частію возмутителей, 3-го августа произошло въ этомъ городѣ неизвѣстно отъ какихъ причинъ волненіе; разъяренные измѣнники съ оружіемъ въ рукахъ бѣгали по улицамъ, вламывались въ дома чиновниковъ, оставшихся еще въ живыхъ, извлекали ихъ изъ оныхъ на площадь и предавали смерти; другіе бросились въ домъ митрополита Іосифа искать скрывшагося тамъ главнаго смот-

(402) Дѣла Донскія, наказъ отправленному на Донъ стольнику и полковнику Григорію Косагову и дѣяку Андрею Богданову, въ Іюні мѣсяцѣ 1671 года. Запись, по которой атаманы и казаки приведены къ присягѣ въ Москвѣ и на Дону.“

рителя государевыхъ рыбныхъ промысловъ Ивана Турчанинова, съ намѣреніемъ убить его и всѣхъ служителей митрополита, которому грозили смертію и котораго поносили дерзкими словами, за то, какъ они говорили, что онъ угождаетъ боярѣмъ, а не имъ; и потомъ разошлись безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, сказавъ напослѣдокъ митрополиту: „только тебѣ у насъ не удѣлать“ (403).

Послѣ этого происшествія до 6 ноября въ Астрахани все было спокойно, хотя и имѣли вѣрное свѣдѣніе о разбитіи подъ Симбирскомъ главнаго своего предводителя Разина. Въ этотъ день принесъ къ митрополиту мурза Енметъ, государеву грамоту, полученную имъ на доставленіе отъ Каспулата князя Черкаскаго; грамота эта писана 27 сентября къ возмутителямъ: донскимъ казакамъ и астраханскимъ, о томъ, чтобъ они принесли государю повинную во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ. Митрополитъ приказалъ съ этой грамоты списать три списка и положить одинъ въ олтарѣ соборной церкви, другой въ домової церкви, а третій оставилъ въ своей кельѣ. Послѣ этого приказалъ онъ ключарю своему, призвавъ къ себѣ Донскихъ есауловъ: Андрея Лебедева, Сергѣя Чупкина и другихъ казаковъ, объявить имъ милостивую государеву грамоту и уговорить принести ему повинную во всѣхъ своихъ измѣнническихъ дѣлахъ. Казаки, выслушавъ грамоту, не только не пришли въ раскаяніе, но еще болѣе озлобились на митрополита, объявляя всѣмъ товарищамъ своимъ, что онъ составляетъ подложныя грамоты, имѣя намѣреніе предать ихъ въ руки боярѣ. На другой день возмутители пришли въ движеніе и собрались на дворѣ къ атаману Василью Усу. Митрополитъ приказалъ звонить въ большой колоколъ соборной церкви для собранія народа: ключарь, вышедъ изъ церкви, прочелъ собравшемуся народу и нѣкоторымъ бунтовщикамъ, находившимся тутъ же въ присутствіи митрополита, подлинную Государеву грамоту, и по-

(403) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

ми словами въ изступленіе, приказалъ этого юнаго князя, имѣвшаго отъ роду 16 только лѣтъ, повѣсить чрезъ городскую стѣну за ноги; послѣ въ то же время повѣшенъ былъ близъ него и меньшій 6-ти лѣтній братъ его. Казначей Алексѣевъ долженъ былъ понести лютейшую смерть: его повѣсили на вислицѣ за ребра; въ такомъ положеніи они находились цѣлые сутки. На другой день Разинъ приказалъ старшаго Прозоровскаго бросить съ раската, а меньшаго отдать матери, предполагая что онъ мертвъ (389).

Разинъ въ особенности излилъ всю злость свою на приказныхъ служителей, которыхъ онъ, извлекая изъ домовъ ихъ, вѣшалъ за ребра. Женъ ихъ, а равно и прочихъ гражданъ, предавалъ на поругательство своимъ сподвижникамъ; иныхъ же приказывалъ вѣнчать насильно съ этими извергами; священниковъ, кои осмѣливались противурѣчить ему, бросалъ живыхъ въ воду.

(389) Тамъ же. Послѣ де же того Іулія въ 13 день, онъ же злій воръ и богоотступникъ и измѣнникъ Стенька Разинъ съ товарищи, напися пьянъ у кабака стоя, прислалъ асаула своего къ митрополиту Іосифу и велѣлъ взятъ и передъ себя привести князя Бориса Ивановича большаго; приведену же ему бывшу предъ него, нача вопрошати его о таможенныхъ пошлянныхъ деньгахъ, что де отецъ твой такими деньгами завладѣлъ и князь же ему отвѣща, тѣ пошлянныя деньги отнесены въ приказную палату служивымъ людямъ на жалованье а отданы въ денежномъ столѣ подъячому Алексѣю Алексѣеву, а отецъ мой тѣми деньгами некорыстовался, и повелѣлъ привести подъячаго и вопроси его о деньгахъ и онъ отвѣща, тѣми деньгами бояринъ некорыстовался, понеже розданы на жалованье служилымъ людямъ, а сколько ихъ роздано и кому именно, о томъ явствуютъ расходныя книги. Злій же богоотступникъ Стенька рече князю Борису гдѣ ваши животы? И князь дерзновенно рече животы де отца моего вы пограбили и отдавалъ тѣ животы казначей нашъ, а возилъ ихъ твой асаулъ Ивашко Андреевъ Хохлячъ. Стенька же тому невинная, повелѣ его на градовой стѣпѣ за ногу повѣсить. А подъячаго Алексѣя Прокофьева и захвата за ребро повѣсить на вислицѣ. Другаго же меньшаго князя Бориса такоже повелѣ за ногу жъ повѣсить на градовой же стѣпѣ подля брата его; висѣли же они новые страдалцы отъ седьмаго часа дни и до ночи и всю ночь до свѣта, на утріе же проклитый еретикъ и богоотступникъ Стенька Разинъ пріѣхалъ о седьмомъ часу дни и повелѣ князя Бориса большаго снятъ и бросить съ раскату, противъ Троицкаго монастыря, меньшаго же князя Бориса повелѣ отдать книгинѣ его (матери) Параскеѣ Федоровнѣ. А подъячаго Алексѣя повелѣ отдать матери его погребсти въ Троицкомъ монастырѣ:“

увѣщанія, удалились съ угрозами и бранью. На другой день, т. е. въ великую субботу, стрѣльцы принесли сами государевы грамоты къ митрополиту въ церковь; онъ, распечатавъ, началъ было ихъ читать собравшимся ерѣльцамъ и казакамъ, между коими находился атаманъ Васька Усть; но стрѣльцы, не выслушавъ, удалились на площадь, гдѣ находились въ собраніи всѣ возмутители. Ревностный архипастырь, нещадя жизни своей для спокойствія отечества, рѣшился самъ пойти со всѣмъ духовенствомъ въ разбойническій кругъ, и велѣлъ въ присутствіи всѣхъ ихъ протоіерею Іоанну читать государевы грамоты громогласно. Содержаніе этихъ грамотъ заключалось въ томъ, что бы астраханскіе стрѣльцы схватили всѣхъ Донскихъ казаковъ и содержали бы ихъ подъ стражею впередъ до повелѣнія, за что имъ обѣщано прощеніе въ казнѣннѣ противу Государя и отечества. Возмутители выслушавъ грамоты пришли въ сильное волненіе: кричали, что грамоты эти присланы отъ бояръ, а не отъ Государя, инаво они были бы за красною печатью; что можетъ быть эти грамоты составилъ самъ митрополитъ съ своимъ духовенствомъ. Последъ этого кричали и угрожали митрополиту: „если бы не такіе дни наступили, ты бы узналъ, какъ возмущать наше сповоистіе;—тужить по тебѣ раскатъ! ты причину нашего несогласія съ Донскими и Терскими казаками, и ищешь нашего несчастія, переписываясь съ Москвою и боярами“.

Неустрашимый архипастырь съ твердымъ духомъ говорилъ имъ: для чего вы, не выполняете воли своего Государя, для чего не берете подъ стражу возмутителей Донскихъ казаковъ, какъ виновниковъ вашихъ несчастій, для чего отвергаете отъ себя милость царя вашего, который, по врожденному своему сердоболію, простить всѣ ваши злодѣянія, если только выполните его волю и принесете ему повинную; я за васъ ходатай у престола, положитесь на меня и тѣмъ спасете себя, семейсва свои и имущества. Но бунтовщики не внимали призванію архипастыря и кричали; „кого мы возьмемъ подъ стра-

жу, мы всё измѣнники.“ За тѣмъ разошлись, оставивъ у себя царскую грамоту.

Въ продолженіи святой недѣли, въ Астрахани все было тихо и спокойно. Въ Омино воскресенье, буйное скопище собралось на площадь, послало въ соборную церковь за ключаромъ Ѳедоромъ, который въ это время совершалъ литургію. Оттуда привели его въ толпу и спрашивали кто составлялъ грамоты, читанныя имъ митрополитомъ. Ѳедоръ увѣрялъ ихъ, что эти грамоты неподложны, а дѣйствительно присланныя къ нимъ отъ Государя и увѣщевалъ ихъ исполнить волю его и принести повинную. Разъяренные этими словами бунтовщики отвели Ѳедора за городъ и тамъ отрубили ему голову.

Высочайшая грамота къ астраханцамъ привела атамановъ Василья Уса и Ѳедора Шелудяка въ осторожность, заставившую ихъ для безопасности вызвать изъ Царицына въ Астрахань 500 человекъ казаковъ (404).

Атаманъ Шелудякъ разбитъ подъ Симбирскомъ. Между тѣмъ главѣйшіе мятежники Василій Усъ и Ѳедоръ Шелудякъ, извѣщенные о изятіи Донскими казаками главнаго ихъ предводителя Степана Разина и объ отправленіи его за карауломъ въ Москву, приняли мѣры на освобожденіе его вооруженною рукою, писали во всё города, преданные Разину, о его несчастномъ положеніи и требовали всеобщаго вооруженія на истребленіе бояръ, думныхъ людей, солдатъ и купцовъ за ихъ измѣну противу Государя и недоброжелательство къ нимъ. Мятежники нашли всёхъ гражданъ и стрѣльцовъ поволгскихъ городовъ готовыми на защиту, по ихъ мнѣнію, праваго дѣла. Въ этой увѣренности астраханскіе возмутители, подъ предводительствомъ атамана Ѳедора Шелудяка, двинулись изъ Астрахани на 170 стругахъ рѣкою Волгою къ Царицыну, отсюда къ Саратову, а потомъ отплыли къ Самарѣ. Возмутители, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Симбирску, непрерывно увеличивались при-

(404) Тамъ же.

ходившими изъ разныхъ мѣстъ Донскими и Уральскими казаками, стрѣльцами и крестьянами. Въ городѣ Самарѣ вся пайка эта раздѣлилась на три части: конница и часть пѣхоты, состоявшія изъ 1,000 человѣкъ, отправлена была къ Симбирску сухимъ путемъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Константинова, и передовые 3,000 человѣкъ, подъ начальствомъ особаго атамана, на 70 стругахъ рѣкою Волгою; предводитель же ихъ Ѳеодоръ Шелудякъ слѣдовалъ за ними на 370 судахъ со всѣмъ своимъ скопищемъ. Мая 29 дня возмутители обложили со всѣхъ сторонъ Симбирскъ, въ коемъ заперся съ малымъ числомъ войскъ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметьевъ. 9-го числа іюня въ 1-мъ часу ночи, возмутители всѣми силами приступили къ городу и пошли на приступъ; осажденные мужественно приняли своихъ непріятелей на всѣхъ пунктахъ, сраженіе было жаркое и упорное; осаждающіе гибли подъ ударами осажденныхъ и неотступали. Наконецъ, на разсвѣтъ дня возмутители, утомленные неудачнымъ приступомъ и кровопролитнымъ боемъ, отступили отъ города. Осажденные сдѣлали вылазку, бросились на бѣгущихъ враговъ своихъ и отняли у нихъ пушки, порохъ и ружья. Главный предводитель ихъ Ѳеодоръ Шелудякъ съ большими силами бѣжалъ съ великою послѣдностію въ Астрахань; прочіе же мятежники, преслѣдуемые страхомъ, разбѣжались въ свои мѣста (405).

(405) Грамота войску Донскому 1671 года іюня 21 дня.

„ Въ вышнемъ во 179 году, іюня въ 23 день, писали къ намъ Великому Государю изъ Симбирска бояринъ нашъ и воеводы Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи, а въ отпискахъ его написано: мая въ 29 день воровскіе казаки собрался съ Бѣлаго яру приходили подъ Симбирскъ въ 70 стругахъ полтретьи тысячи человѣкъ, да того же числа приходили съ Самары конные и пѣшіе съ 1,000 человѣкъ съ атаманомъ съ Ивашкомъ Константиновымъ, да снизу приходили воровскіе казаки астраханскіе, красноярскіе, черноярскіе, царичинскіе, саратовскіе жители въ 370 стругахъ, и боярина нашего и воеводъ и ратныхъ людей и города Симбирска жителей въ старомъ въ Симбирскѣ городкѣ осадили самую крѣпкою осадомъ и іюня въ 9 числѣ въ ночи приступили жестокимъ приступомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ 1 часа ночи, до отдачи

Атаманъ Усъ умерщвляетъ въ Астрахани митрополита Іосифа и князя Львова. Атаманъ Ѳедоръ Шелудякъ, по выступленіи съ мятежниками изъ Астрахани подъ Симбирскъ, извѣстился на пути о всѣхъ подробностяхъ несчастія случившагося на Дону съ Разиннымъ и его сообщниками; что все и относилъ онъ къ дѣйствіямъ тайнаго внушенія со стороны астраханскаго митрополита Іосифа, князя Львова и чиновниковъ, кои остались еще въ живыхъ; почему, дабы освободиться навсегда отъ нихъ, послалъ отъ себя въ Астрахань къ Василью Усу и ко всѣмъ астраханскимъ мятежникамъ стрѣльца Алексѣя Качановскаго сказать, что Разинъ схваченъ на Дону и отправленъ въ Москву по наущенію митрополита Іосифа, князя Львова и приказныхъ людей; что безопасность на будущее время требуетъ того, чтобы умертвить всѣхъ ихъ; и что дотолѣ не пойдетъ въ походъ, пока не получитъ отъ нихъ свѣдѣніе о ихъ умерщвленіи (406).

часовъ ночныхъ, и милостію Божіею и заступленіемъ Пречистыя Богородицы надежды христіанскія и нашимъ великаго государя и нашихъ государскихъ дѣтей счастьемъ тѣхъ воровскихъ казаковъ, которые послѣ вора и измѣнника Стеньки Разина остались и его злому воровству послѣдовали, и которые забивъ страхъ Божій къ нимъ въ таковое жъ воровство уклонились, и имъ вора и богоотступника, за ихъ къ намъ Великому Государю въ винахъ своихъ обращеніе, милостивый Господь Богъ не потерпѣлъ, тѣхъ казаковъ, которые собрався съ Блага яра и съ Самары съ атаманомъ съ Ивашкомъ съ Константиновымъ приходили подъ Симбирскъ, также и тѣхъ, которые приходили въ 370 стругахъ, на приступахъ бояринъ нашъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи, съ нашими Великому Государю ратными людьми, многихъ побили.“

(406) Грамота Вологодскому и Бѣлозерскому Архіепископу Симону.

„ По нашему Великому Государя указу къ тебѣ Богомъ нашему Симону архіепископу писано о ворѣ и измѣнникѣ и клятвопреступникѣ о Стенькѣ Разинѣ и о его воровствѣ, и что онъ за то воровство четвертованъ, и послѣ того оставшіе воры въ Астрахани увѣдая, что заводчикъ ихъ, всякому злу тотъ воръ и измѣнникъ и клятвопреступникъ, Стенька Разинъ привезенъ къ Москвѣ, собрались тѣ воры вновь Донской казакъ Ѳедка Шелудякъ и пошли изъ Астрахани къ Симбирску и отсюда отъ Астрахани учиня себѣ кругъ и приговорили астраханскаго Іосифа митрополита и воеводу князя Семена Львова убить, что бѣ въ Астрахани впредъ имѣть надежное пристанище“

потому Великій Государь приказалъ сказать вамъ, что въ семь возмущеніи Стеньки Разина открываются многія вины ваши, за что хотя и должны вы быть чужды царской милости и жалованья, но Государь, по врожденному своему милосердію, всё сіи дѣла предастъ на волю Всемогущаго Бога, снисходя на ваше прошеніе, если только оно искреннее и непритворное, и для того повелѣлъ вины ваши простить въ полномъ увѣреніи, что войско Донское заслужитъ такую царскую милость своимъ раченіемъ и пошлетъ казаковъ на истребленіе Стеньки Разина и его сообщниковъ, стараясь всѣми средствами его и брата его Фролку поймать и представить въ Москву, съ прочими же злѣйшими его сообщниками поступить по войсковому праву (399).

(399) Дѣла донскія, списокъ съ сказки, какова сказана въ Казанскомъ дворцѣ станичному атаману* Родіону Колуженину.

„ Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣдныя Россіи самодержецъ велѣлъ вамъ, станичному атаману Родіону Колуженину, да есаулу Марку Львову съ товарищи сказать: въ нынѣшнемъ въ 179 году пріѣхали вы къ Великому Государю бить челомъ ему великому Государю Донскаго войска отъ всѣхъ старшинъ въ винахъ своихъ, что Донскаго войска многіе люди пристали къ воровству вора и измѣнника Стеньки Разина и многое кровопролитіе учинили. И великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣдныя Россіи самодержецъ, указалъ васъ распросить про то про все въ Казанскомъ дворцѣ, и по распроснымъ вашимъ рѣчамъ и по войсковому челобитью великому Государю донесено и въ распросныхъ вашихъ рѣчахъ объявилось ваше многое неисправленіе, что забывъ Бога и его государское крестное цѣлованіе и его государскую къ себѣ милость многіе люди къ вору пристали, а которые и не пристали и тѣ надъ воровъ поиску не чинили и отъ воровства его не унимали и викалихъ вѣстей къ великому Государю не писывали и станицъ не присылали. А и Михайла Самарина прислали въ то время, какъ еще воръ съ Дону не пошелъ, а какъ воръ съ воровскими людьми собрався и пошелъ на воровство, и о томъ ни о чемъ вы не писали и станицъ не присылали, и сами бѣ вы, памятуя его государево крестное цѣлованіе и его государскую милость, про то Стенькино воровство, и по его бѣ великаго государя указу посланы бѣ были на Царядинъ его государевы ратные люди, и тому вору пройти въ нѣтъ не дали, и воровство бѣ невозможно, и то все учинилось вашимъ нерадѣніемъ, хотя вашей измѣны и небыло въ томъ дѣлѣ, однако жъ было вамъ всѣмъ о томъ мыслить и вора Стеньку къ воровству недопускать и воровству бѣ множиться не давать, а въ то было время можно вамъ всячески тѣ его воровскіе замыслы разорить, а

Слѣдствіемъ этого всепрощенія было возвращеніе сосланнаго въ Архангельскъ станичнаго атамана Ивана Аверкіева и всѣхъ станицы его казаковъ (400).

Присяга казаковъ на вѣрность службы. Въ отвращеніе же подобныхъ на Дону возмущеній посланъ былъ изъ Москвы стольникъ и полковникъ Григорій Касаговъ и

напередъ сего того у васъ въ войскѣ небывало, а служили вѣрно и воровъ унимали и всегда, на Дону и въ полкахъ у бояръ и воеводъ служба ваша и радѣнье бывало, и такихъ воровъ по войсковому праву указъ имъ чинить; а нынѣшнее кровопролитіе учинилось все вашими нерадѣніемъ. И великій Государь даръ и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ вамъ сказать, что въ томъ во всемъ многія ваши вини объяснились и за такія свои вини достойны быть во всемъ чужи его государской милости и жалованья, однакожъ онъ великій государь, по своему государскому милосердію, возложъ тѣ всѣ дѣла на волю Всемогущаго Бога, видя ваше нынѣшнее челобитье и отпущеніе вашихъ винъ и нынѣшнее ваше начатое дѣло къ доброму на разореніе Стенькина воровства и его совѣтниковъ, буде вы всѣмъ войскомъ истинно ему великому Государю бьете челомъ и безо всякаго лукавства вини свои приносите, пожаловавъ васъ, вини ваши велѣтъ отдать; и вамъ бы видя къ себѣ такую его государскую милость служить вѣрно, такъ какъ до нынѣшняго лукаваго Стенькина воровства служили, и пріѣхавъ въ войско, тое его государскую милость всему войску сказать, и учиня войскомъ совѣтъ, чинить промыслъ надъ воровъ Стенькою и братомъ его Фролкою и надъ иными зачинатели воровству, и поймавъ тѣхъ воровъ Стеньку и Фролку привести къ Москвѣ, а иными бы пущими заводчикамъ учинить указъ по войсковому праву, а съ Дону о всемъ писать вамъ къ великому Государю почисту и станицы прислать противъ прежняго, а великаго Государя милость къ вамъ и ко всему войску будетъ смотря по вашей службѣ.“

(400) Тамъ же, грамота на Донъ 1671 г. Іюля дня.

„ Въ прошломъ во 178 году къ намъ Великому Государю, къ нашему Царскому Величеству прислали вы, атаманы и казаки и все донское войско, станичнаго атамана Ивана Аверкіева съ товарищи 26 челомъ бить челомъ намъ великому Государю что бы мы, великій государь, васъ атамановъ и казаковъ пожаловали, велѣли къ вамъ послать нашего великаго Государя денежное жалованье и хлѣбныхъ и пшечныхъ запасовъ, и въ то время за измѣною вора и богоотступника Стеньки Разина, недовѣривая той вашей станицѣ, по нашему великаго Государя указу были въ ссылкѣ у Архангельскаго города. И въ нынѣшнемъ во 179 году Іюля въ 10 числѣ, по нашему къ великаго Государя милостивому указу, тѣ станичный атаманъ Иванъ Аверкіевъ и казаки взятые отъ Архангельскаго города изъ ссылки къ Москвѣ, и пожаловавъ нашимъ великаго Государя жалованьемъ, отпущены къ вамъ атаманамъ и казакомъ въ войско.“

рополита погребенію, которое и положено въ соборной церкви. Послѣ этого убійства злодѣи привели въ свою толпу князя Семена Ивановича Львова, дѣлали ему многоразличныя истязанія и отрѣзали ему голову; а вмѣстѣ съ нимъ лишили жизни стрѣleckаго голову Ивана Протопопова, подъязычаго Ивана Перьякова, многихъ дворянъ и нѣкоторыхъ лучшихъ посадскихъ людей (407).

(407) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

„Лѣта 7170, мая въ 21 день, придоша въ соборную церковь посланніи атамана Васьки Уса, ясауль Васька Кабановъ съ товарищи, Иванка Севрина и Иванка Горшокъ и ннхъ воровъ и измѣнниковъ немало по великаго господина преосвященнаго митрополита астраханскаго и терскаго во время божественныя литургіи, я призывали съ великимъ невѣжествомъ въ свое богомерзское соннище или кругъ. Преосвященный же отвѣща имъ добре: приидосте чада ко мнѣ, пождите мало, да облачуся въ святительскую одежду и медъ начатъ облачатися И облачися онъ великій господинъ поветѣ благоустити въ большой колоколъ и въ другія переборомъ, что бы сходилися священники идти съ нимъ къ казакамъ въ кругъ. И какъ онъ великій господинъ преосвященный Іосифъ митрополитъ астраханскій и терскій пришелъ въ кругъ и сталъ говорить атаману Васькѣ Усу, почто, рѣче, вы воры и крестопреступники меня презываете, и атаманъ Васька рѣче Коченовскому что ты сталъ, выступай, съ чѣмъ ты пріѣхалъ отъ войска, говори теперь. А Коченовскій началъ глаголати великому святителю, присланъ рѣче, отъ что ты воровски переписываешься съ Теркомъ и съ Доновъ и по твоему письму Терекъ и Довъ отъ насъ отложились. Преосвященный же рѣче. азъ съ ними не переписывался И они воры многіе съ круга закричали, таиъ же онъ воровство свое, яко бы не переписывался, какой де онъ правой человѣкъ, что пришелъ въ кругъ со крестомъ, да мы и сами христіане. а то яко бы пришелъ во иновѣрныиъ, и начаша тѣ воры изъ круга выступатьъ, что бы съ него святительскую одежду снять. Тогда изъ ихъ же воровскаго соннища выступилъ казакъ донской именемъ Миронъ и началъ имъ глаголати, почто вы братія на такой великой санъ хотите руки возложить, намъ бы къ тому великому сану и привоснуться невозможно. А казакъ Алешка Грузинецъ кинуся на Мирона и хватилъ его за власы и съ нимъ многіе казаки и начаша его колотъ и рубитъ предъ нимъ, святителемъ, и изылекоша его Мирона за кругъ до смерти убиша. И потомъ приступиша они воры къ протопопу и къ священникамъ и начаша ихъ толкать и бранить скаредною бранью и глаголюще снмайте съ митрополита санъ Палачъ же Ларька связъ съ него святителя двѣ рясы и связавъ ему руки и ноги и поваливъ его на огонь въ единой черной свиткѣ суконной, и та свитка на немъ загорѣлась, и онъ спекуляторъ на немъ святителя ту свитку въ лоскутье изорвалъ и началъ

Князь Милославскій беретъ Астрахань. Наконецъ наступилъ часъ возмездія за всѣ злодѣянія, произведенныя мятежниками въ продолженіи пяти лѣтъ сряду.

Толпы ихъ, разбитыя подъ Симбирскомъ, устращась правосудія, спѣшили принести повинную Государю чрезъ своихъ депутатовъ; другіе, въ страхѣ и отчаяніи, не зная чѣмъ все это кончится, бродили по деревнямъ и пустынямъ; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали на Донъ, въ надеждѣ найти тутъ безопасное пристанище, но были изловлены и казнены въ Черкасѣхъ; злѣйшіе же изъ нихъ отосланы въ Москву, гдѣ получили достойное своимъ преступленіямъ наказаніе. Для искорененія разбойническаго гнѣзда въ Астраханѣ, Государь отправилъ сильное войско, подъ начальствомъ князя Ивана Богдановича Милославскаго, который, плывя Волгою, водворялъ по всѣмъ городамъ спокойствіе. Между тѣмъ предписано было и войску Донскому вооружиться на астраханскихъ бунтовщиковъ; но движеніе произведенное крымскимъ ханомъ съ измѣнникомъ Дорошенкомъ на калмыцкихъ владѣльцевъ Бока и Дуvara, кочевавшихъ съ улусами своими между Дономъ и Волгою, остановило отправленіе съ Дона войскъ на помощь Милославскому (408).

его жеши, нагаго на огнѣ, наступи на чрево его ногою, глаголюще, скажи ты митрополитъ свое воровство, како ты переписывался къ Москвѣ и съ Дономъ и съ Теркомъ. Онъ же великій святитель ничего ему отвѣту не даде, тою молитву творяше леже на огнѣ и его Дарьку проклинаше; съ нимъ же палачемъ на огнѣ жегъ святителя содаты прозваніемъ Ветчина, а имя его невѣдомо. Таже поведоша его святителя на раскатъ и идучи онъ хромалъ, понеже, пытаючи, ногу ему помяли. Едва же великій святитель преосвященный Иосифъ митрополитъ астраханскій и терскій идяше мимо убіеннаго казака Мирона и оборвѣся на тѣло его, обнявъ рукою и поклоняся. А велъ его, святителя на раскатъ воровской ихъ казакъ Алешка Грузинякъ, и мимо идучи на соборную церковь, о великій господине, взиралъ, помолился, и возведши на раскатъ его, святителя, на край раската положиша, связавше, ринуша его; и ужалъ онъ великій святитель къ востоку къ собору правою щекою и тою щеку сбиль до крови, да изъ носа вышло крови немало. А какъ онъ великій господинъ на землю ринуше, и въ то время великъ стукъ и страхъ бысть; они же воры въ кругу вси устращишася и замолчаша на долгое время, стояще повѣся головы и ничего другъ другу непромолвиша и изумишася.“

(408) Грамота на Донъ 1671 года Іюля 28 дня.

По приближеніи російскихъ войскъ къ Астрахани, возмутители вышли противъ оныхъ въ судахъ въ намѣреніи не допустить къ городу, но были опрокинуты обратно въ городъ. Князь Милославскій 1 сентября остановился со всѣмъ своимъ

„ Въ нынѣшнемъ 181 году іюля въ 12 день писалъ къ намъ Великому Государю изъ Симбирска бояринъ нашъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметьевъ съ товарищи: Іюня де въ 27 день, писали они память на Самару къ самарскимъ и Самарскаго уѣзду всякихъ чиновъ къ жителямъ, и къ воровскимъ казакамъ, которые подъ Симбирскомъ и остановились на Самарѣ, чтобъ они, помня страхъ Божій и наше Великаго Государя крестное дѣлованіе и милость, намъ Великому Государю въ винахъ своихъ да били челомъ вскорѣ, и іюля де въ 1 день объявился предъ ними въ приказной палатѣ воровской казакъ Луконья Сергѣевъ, а въ распросѣ тотъ казакъ сказалъ, пришегъ де онъ въ Симбирскъ нарочно, намъ Великому Государю въ винѣ своей добить челомъ и отъ своей братьи 2,000 человекъ, которые хотѣли остаться въ Наденинскомъ усолѣ, и изъ Наденинскаго усолья хотѣли придти въ Симбирскъ, добить челомъ намъ Великому Государю, только де итти въ Симбирскъ опасались и остановились на Самарѣ и ожидать къ себѣ нашу Великаго Государя милость, и усолскія жители всѣ идутъ въ Симбирскъ въ винахъ своихъ намъ Великому Государю добить челомъ, а какъ де собрався всѣхъ низовыхъ городовъ жители и онъ Луконья ходили подъ Симбирскъ и къ городу приступали, хотя его взать вскорѣ, а итти въ иные верховые города, и какъ де ихъ на приступѣ у города и въ послѣдѣ, которые ходили противъ нашихъ Великаго Государя ратныхъ людей, и они воры побиты многіе, а ихъ осталось только тысячи съ три, и какъ изъ города выходили на вылазки на ихъ воровскіе шанцы и ихъ многихъ же побили, и они спужався изъ подъ Симбирска побѣжали и приплыли на Самару А астраханцы де и красноярцы, и черныярцы, и царицынцы, и саратовцы, съ Самары пошли всѣ по домамъ своимъ; а оставилъ де отъ себя астраханцовъ дву человекъ лучшихъ людей намъ Великому Государю въ винахъ своихъ добить челомъ, а самаряне де остались всѣ въ домахъ своихъ, а лицкихъ казаковъ пошло на Яикъ съ полтораста человекъ. Изъ подъ Симбирска де тѣ воровскіе люди бѣжали съ великимъ страхомъ ни гдѣ не пристава, потому что подъ Симбирскомъ всѣ разбиты, и пушки и ружье, и порохъ всѣ отбиты.“

„ Распросныя рѣчи Донскаго станичнаго атамана Анфиногена Иванова, прибывшаго въ Москву 26 августа 1671 года.

„ Приходятъ къ намъ на Донъ царицынскіе жители на житье, а сказываютъ, что у нихъ еще на Царицынѣ немирно, и они де атаманы и казаки тѣхъ людей къ себѣ не принимаютъ, да и въ верховые де городки писано, чтобъ ихъ безъ указу Великаго Государя не принимали жъ; а подлинно де они атаманы и казаки тѣхъ царицынскихъ жителей, которые къ нимъ приходятъ, спрашивали, что у нихъ на Царицынѣ дѣлается, и всѣмъ она въ винахъ сво-

войскомъ въ трехъ верстахъ отъ Астрахани, при устьѣ протоки Болды и въ тожь время окопался. 10 числа казакъ Алексѣй Карташной, сдѣлавъ вылазку, схватилъ гонца везшаго къ князю Милославскому государевы грамоты. 12 числа по повелѣнію главнокомандующаго построили въ одну ночь земляную крѣпость на другой сторонѣ Волги на усть-соляной протоки и посадили въ оную сильный гарнизонъ. Съ разсвѣтомъ дня возмутители, увидѣвъ вновь выстроенную крѣпость, сдѣлали сильную вылазку, подъ начальствомъ того же казака. Алексѣя Карташнаго, въ намѣреніи уничтожить оную, но были съ урономъ отбиты; при этомъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ плѣнъ. Послѣ таковыхъ попытокъ измѣнники не дѣлали уже болѣе вылазокъ.

Въ это время главный ихъ предводитель Василій Чертовъ Усъ умеръ, а на мѣсто его избранъ былъ атаманъ Ѳедоръ Шелудягъ. Князь Милославскій употреблялъ всѣ мѣры уговорить возмутителей смириться предъ Государемъ, обѣщая имъ прощеніе въ ихъ злодѣйскихъ поступкахъ, но всѣ старанія его были тщетны. Возмутители терпѣли величайшій недостатокъ въ хлѣбѣ, гибли отъ голоду и не сдавались; нѣкоторые изъ нихъ, побуждаемые болѣе голодомъ, нежели чистосердечнымъ раскаяніемъ, приходили въ станъ князя Милославскаго просить помилованія; Милославскій принималъ ихъ ласково и снабжалъ пищею. Разъяренные мятежники въ лютомъ злѣствіи своемъ хотѣли было умертвить женъ, дѣтей и родственниковъ перебѣжавшихъ; но не исполнили своего намѣренія. Среди этого отчаяннаго положенія князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій, приведшій татаръ своихъ на помощь Милославскому, успѣлъ заманить въ свой станъ подѣ

ихъ Великому Государю добила челомъ? и они де въ допросѣ сказали, что многіе царичинскіе жители Великому Государю въ винахъ своихъ добити челомъ ради, а иные де еще многіе жъ и донинѣ въ прежней шатости живутъ и межъ де собою у нихъ великое несогласіе и другъ друга побивають, и они де отъ того съ Царичына уходять, чтобъ имъ гдѣ свои головы въ то время спастъ.“

видомъ переговоровъ Ѳедора Шелудява, схватилъ его, оковалъ въ желѣза и доставилъ князю Милославскому. Мятужники, узнавъ объ участи своего предводителя, пришли въ отчаяніе и раздѣлились на партіи. Милославскій, щадя жизнь своихъ воиновъ, не дѣлалъ приступа къ городу, но употреблялъ при семъ случаѣ всѣ средства склонить возмутителей смириться предъ Государемъ и принести повинную, въ чемъ онъ послѣ того и успѣлъ. Возмутители доведенные до отчаянія недостаткомъ жизненныхъ припасовъ и лишеніемъ предприимчиваго и отважнаго своего атамана Ѳедора Шелудява, послѣ многихъ споровъ, рѣшились наконецъ сдать городъ и присягнуть на вѣрность службы Государю, предоставляя жребій свой его милосердію. Милославскій принялъ депутатовъ городскихъ съ радостію и обнадеживалъ ихъ въ царской милости. 27 ноября, по отпѣніи благодарственнаго Господу Богу молебствія, все войско въ стройномъ порядкѣ, вступило въ Астрахань, неся предъ собою образъ Божія Матери. Возмутители со всѣми гражданами и со всѣмъ духовенствомъ встрѣтили войско за стѣнами города, и, увидѣвъ образъ Пресвятыя Богородицы, пали на колѣни предъ онымъ, со слезами славя Бога; даровавшаго имъ миръ и снохоиствіе послѣ толикихъ бѣдствій. По вступленіи князя Милославскаго съ войсками въ Астрахань, разставлены были по стѣнамъ, башнямъ и у воротъ городскихъ сильныя караулы, а самъ Милославскій, принеся Господу Богу въ соборной переви благодарность, приступилъ къ водворенію порядка; главнѣйшихъ возмутителей, какъ изъ Донскихъ казаковъ, такъ и астраханскихъ жителей иныхъ приказалъ повѣсить, а другимъ отрубить головы; прочихъ же менѣе виновныхъ велѣно было, по указу Государеву, разослать на поселеніе въ отдаленные російскіе города (409).

Такъ окончилось возмущеніе Разина и его сообщниковъ,

(409) Лѣтописное сказаніе о градѣ Астрахани.

См. журналъ подъ названіемъ „ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ, 1763 года, мѣсяцъ ноябрь.“

стоявшее жизни нѣвольныхъ тысячъ гражданъ, вовлеченныхъ безразсудными его поступками.

Сообщникъ Разина Донской казакъ Миускій представляетъ Запорожскимъ казакамъ самозванца. Послѣ пораженія Степана Разина и Федора Шелудяка подъ Симбирскомъ всѣ толпы ихъ были или побиты или разбѣяны. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ сообщникъ Разина Донской казакъ по прозванію Миускій; онъ, собравъ болѣе 200 человекъ единомышленниковъ, пришелъ на рѣку Донецъ, тутъ грабилъ проезжающихъ вурцовъ съ товарами, разбивалъ партіи ратныхъ людей и тѣмъ прекратилъ всякое сообщеніе съ войскомъ Донскимъ (410).

Грабительства эти вскорѣ сдѣлались извѣстны Государю.

(410) Дѣла Донскія, грамота на Дону 1678 года октября 8 дня.

„Въ нынѣшнемъ во 182 году октября въ 4 день вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что въ стени, на рѣкѣ Донцѣ, объявилось великое воровство, а воруетъ прежнихъ воровъ Стенькина собранія Разина казакъ Миуской, да съ нимъ тогожъ воровскаго собранія многие люди, человекъ съ 200 и больше, и проѣздъ отъ нихъ нашимъ Великому Государю, ратнымъ и всякимъ чиновъ людямъ становится труденъ, да и впредь отъ нихъ по рѣкамъ по Дону и по Волгѣ и въ стени чаетъ многого воровства, потому что многие вори Стенькина собранія Разина, которые ушли изъ Астрахани и изъ Чернова Яру, живутъ нынѣ по Дону въ верхнихъ казачьихъ городкахъ. И какъ къ вамъ съ наша Великому Государю грамота придетъ, и вы-бѣ, атаманы и казаки и все войско Донское, служе намъ Великому Государю и посоветуйте съ думными нашими дворянами и воеводами съ Иваномъ большимъ Савостьяновичемъ Хитрово съ товарищи, учинили о тѣхъ ворѣхъ всякой промыслъ сонча, чтобъ въ тѣхъ мѣстахъ вашей службой и промысломъ и радѣніемъ на Донцѣ и въ иныхъ мѣстахъ по Дону и въ стени воровства не было и чтобъ тѣхъ воровъ перениять и пристраица ихъ разорить.“

Распросныя рѣчи Володимірской чѣти подъячего Кирилла Федотова и Посольскаго приказа Толмача Леонтія Тороманова, прибывшихъ съ Дону въ Москву октября 14 дня 1678 года.

„На Сѣверскомъ Донцѣ объявилось воровство и всякихъ прѣезжихъ людей грабятъ и побиваютъ, а слышали они отъ Донскихъ казаковъ, что воруютъ на Донцѣ хохлячи, и казаки де стенью и Дономъ въ судахъ брать ихъ не велѣли. А грабятъ де тѣ вори на Донцѣ торговыхъ людей, которые ходятъ на Дону съ товарами, съ Вѣлгорода, съ Озюла, съ Маяла и изъ иныхъ уральскихъ городковъ.“

Войску Донскому велѣно истребить бродящую шайку: это было дѣйствительно исполнено, но Мiusкій скрылся и, не надѣясь найти на Донцѣ болѣе приверженцевъ, рѣшился сдѣлать новую смуту въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ намѣреніи подговорилъ онъ одного изъ своихъ сообщниковъ, человека молодого, по имени Матвѣя наименовать себя царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, сыномъ Царя Алексѣя Михайловича. Съ этимъ то самозванцемъ и съ восемью человекѣми приверженныхъ къ нему казаковъ явился онъ 1673 года въ Запорожскую Сѣчь къ наказному кошевому атаману, управлявшему Сѣчью за отсутствіемъ кошеваго атамана Сѣрка, и представилъ ему самозванца, убѣждая принять несчастнаго царевича подъ свое покровительство, гонимаго будто бы матерью своею Царицею Марьею Ильиничною и боярами. Мiusкій рассказалъ со всею подробностію вымышленную имъ исторію, между прочимъ объявилъ за тайну кошевому атаману, что у царевича на правомъ плечѣ и рукѣ есть знакъ, изображающій царскій вѣнецъ, двуглаваго орла и мѣсяцъ со звѣздою.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Кошевой атаманъ Запорожскихъ казаковъ Иванъ Сѣрко, находившійся въ походѣ, возвратился съ войскомъ въ Сѣчь; самозванецъ съ распущенными знаменами почтилъ его встрѣчею. Сѣрко, желая услышать лично отъ самозванца несчастное его приключеніе и удостовѣриться болѣе въ истинѣ, призвалъ его къ себѣ и въ присутствіи знатнѣйшихъ казаковъ спросилъ, дѣйствительно ли онъ есть сынъ Царя Алексѣя Михайловича; самозванецъ вставъ съ мѣста и снявъ шапку отвѣчалъ со слезами: „Богъ мнѣ свидѣтель, что я есмь истинный сынъ Царя вашего Алексѣя Михайловича.“ Сѣрко и прочіе казаки, услышавъ изъ устъ самозванца столь искреннее признаніе, сняли предъ нимъ шапки и поклонились ему до земли (411).

(411) Дѣла Малороссійскія, въ столбцахъ изъ № 40. Донесеніе Гетмана Малороссійскихъ казаковъ Ивана Самоѣловича Царю Алексѣю Михайловичу, декабря 10 дня 1673 года.

Тутъ самозванецъ расказалъ имъ вымышленную исторію своего изнанія: „находясь однажды, говорилъ онъ, въ домѣ дѣда своего Ильи Даниловича Милославскаго, я по неосторожности помѣшалъ ему вести переговоры съ нѣмецкимъ посланникомъ о дѣлахъ государственныхъ, за что онъ невѣжливо отвелъ меня въ сторону. Возвратясь во дворецъ къ матери своей Царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ, я въ пылу гнѣва сказалъ ей: „если бы я хотя три дня былъ на царствѣ, то перевелъ бы всѣхъ недоброжелательныхъ бояръ.“ Царица мать моя спросила кого бы я перевелъ? во первыхъ Илью Даниловича, сказалъ я, а потомъ и другихъ. Царица мать моя разсердясь, бросила по мнѣ ножомъ и поранила мнѣ ногу, отъ чего я занемогъ; а потомъ приказала страпчему Михаилу Савостьянову отравить меня ядомъ; но Савостьяновъ изъ состраданія ко мнѣ отравилъ вмѣсто меня пѣвчаго весьма похожаго на меня. По истеченіи трехъ дней пребыванія въ его домѣ онъ, нанявъ двухъ нищихъ за 100 червонцевъ, велѣлъ вывести меня изъ Москвы. Потомъ нищіе эти передали меня неизвѣстному челобѣку, который отвезъ меня въ Ар-

„ А когда вѣдомо учинилось, что Сѣрко на Запорожьѣ, и онъ царевичъ, распустивъ знамена, почтилъ Сѣрка встрѣчею, котораго Сѣрко тако жъ принялъ, какъ и иныхъ товарищевъ а когда пришелъ, посадилъ мечь себя и Пелеха, и спрашивалъ его: слышалъ де я отъ наказнаго своего, что ты называешься какова будетъ царя сыномъ, скажи Бога боясь, потому что zelo холодъ, истинную правду, нашего ль Великаго Государя и великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца ты слышь, или инаго, которые подъ его Царскаго Величества высокодержавною рукою пребываютъ, что бѣ мы и тобою обманны не были, какъ иными будучими въ войскѣ шутами? И онъ вставъ, что видѣли Дзубъ Гнилица, Кваша, Черкесь и шанку снявъ и яко бы черезъ плачь говорилъ: вѣнадѣялся я того, что бѣ ты меня страшити сталъ, а вижу, что надо мною чинится, Богъ мнѣ свидѣтель, правдинъ сынъ вашего Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, а не инаго. И то услышавъ Сѣрко, снявъ шанку съ иными товарищи до земли поклонились, и учали подчивать его питьемъ, тогда и онъ, царевичъ, питья радоваго не упустилъ, а потомъ опустилъ руки къ землѣ и смотрѣлъ; а послѣ того колюко кратно къ Сѣрку прѣбжалъ.“

вангельскъ. Переходя изъ одного мѣста на другое, я наконецъ пришелъ на Донъ и находился съ Разинымъ во всѣхъ его походахъ подъ именемъ Матвѣя, отправляя при немъ должность кашевара. Послѣ отправленія Разина въ Москву, находился на Дону съ царскимъ жалованьемъ чиновникъ, по имени и прованію мнѣ неизвѣстный, коему я открылъ настоящее свое происхожденіе, чиновникъ этотъ дарилъ меня деньгами, и я послалъ съ нимъ къ отцу своему Великому Государю письмо, но бояре письма этого до него недопустили. Будетъ время, когда я найду вѣрнаго человѣка, который отдастъ письмо мое отцу моему Великому Государю въ собственные руки; до того же времени содержите меня тайно и не объявляйте обо мнѣ ни кому (412).

Самозванецъ увѣривъ такимъ образомъ кошеваго атамана и старшинъ въ бѣдственномъ своемъ положеніи, общалъ имъ, по возвращеніи въ родительскій домъ, исходатайство-

(412) Статейный списокъ посланныхъ въ томъ же году въ Запороги сотника московскихъ стрѣльцовъ Василя Чадуева и приказа малмя Россіи подъячего Семена Щоголева.

„ А сказывалъ де онъ, самозванецъ, что онъ съ Москвы изогналъ такимъ подобіемъ: нѣкоторое время будто онъ, самозванецъ, былъ по плоти дѣда своего Ильи Даниловича Милославскаго въ палатахъ, при немъ Ильѣ Даниловичѣ, а въ тожъ де время былъ у него, боярина, нѣмецкій посолъ и говорилъ о дѣлахъ, а онъ де, самозванецъ, будто ту ихъ рѣчь помѣшалъ и Ильѣ де Даниловичу невѣжливо отвѣлъ его рукою, и онъ де, самозванецъ, будто въ царскія палаты пришелъ блаженныя памяти къ государинѣ царцѣ и Великой Княгинѣ Марьѣ Ильиничнѣ и говорилъ; еслибъ ему на царствѣ хотя три дни побить, и онъ бы бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевелъ, и будто государыня царца и великая княгиня Марья Ильинишна спрашивала его, ковобъ онъ бояръ перевелъ, и онъ де сказалъ, первѣе всѣхъ боярина Илью Даниловича, потомъ и нимихъ, и государыня де царница и Великая Княгиня Марья Ильинишна, будто кинула, но немъ ножемъ и тотъ ножъ воткнулся въ ногу и онъ де будто отъ того занемогъ, а государыня де царца бодро велѣла срятяпчому Михаилу Савостьянову сыну его окормить, и тотъ де странчій окормилъ вмѣсто его пѣчехо такимъ же подобіемъ въ людѣ и возрастѣ, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а иное на того жертваго, и его самозванца будто хранилъ въ тайнѣ три дни, и навиль дву человѣкъ нищихъ старцовъ: одинъ безъ руки, другой кривъ, а далъ имъ сто золотыхъ червонныхъ, и тѣ де старцы изъ города вы-

вать у Государя ежегоднаго жалованья: на три тысячи чело-
вѣкъ кармазинныхъ суконъ, по 10 аршинъ на чело-
вѣка, значительное прибавленіе пороха, свинцу и ежегодно при-
сылать большія пушки, ядра и струги, и свѣрхъ того масте-
ра умѣющаго стрѣлять изъ тѣхъ пушекъ; „Государь мило-
стивъ къ вамъ и къ войску Донскому,—присовокупилъ самозва-
нецъ, ежегодно прибавываетъ посылать къ вамъ свое боль-
шое жалованье, но бояре оное удерживаютъ (413).

Гетманъ малороссійскихъ казаковъ Иванъ Самойловичъ,
узнавъ о нахожденіи самозванца въ Запорогахъ и о по-
кровительствѣ оказываемомъ ему казаками, донесъ о семъ
произшествіи Государю, по этому извѣщенію посланы были
къ Запорожскимъ казакамъ два чиновника, сотниѣ москов-
скихъ стрѣльцовъ Василій Чадуевъ и подъячій Семень Ше-
голевъ съ тѣмъ, чтобы самозванца привезли въ Москву.
Чиновники эти, прибывъ въ Запороги, нашли сильное сопро-
тивленіе отъ кошеваго атамана Сѣрка и отъ куренныхъ ата-
мановъ, собравшихся по этому случаю въ Сѣчь. Сѣрко, увѣ-
ренный въ дѣйствительномъ происхожденіи самозванца отъ
царской врови, въ пылу гнѣва сказалъ однажды посланнымъ:
„вы достойны казни за намѣреніе ваше поднять руки на сы-
на Царя нашего, намъ Богъ послалъ съ неба многоцѣнное
сокровище и самоцвѣтный камень, какого не бывало у насъ

вези ево на малой тележкѣ подъ рогожею и отдавъ посадскому мужику, а тотъ
мужикъ съезъ его къ Архангельской пристани, и онъ скитался тамъ многое
время, пришелъ на Довъ и былъ съ Стенькою Разиннымъ на морѣ не сказывалъ
про себя и былъ у него Стеньки кашеваромъ, а имѣ себѣ сказывалъ Матюшка,
а передъ взятіемъ его Стенькинымъ къ Москвѣ, онъ, самозванецъ, ему Стенькѣ
прѣ себя сказывалъ за присягою. А послѣ де Стеньки былъ на Дону отъ
Царскаго Величества съ казною, а кто именемъ не сказалъ, и онъ де самоз-
ванецъ тому посланному такоужъ за присягою сказался, и тотъ де посланный
его самозванца дарилъ и онъ де съ тѣмъ посланнымъ послалъ отъ себя, на-
писавъ своєю рукою письмо, а тогда де ево самозванца письмо бояре до Цар-
скаго Величества не допустили. И какъ де время дойдетъ, пошлетъ онъ къ
Царскому Величеству о себѣ письмо съ такимъ чело-
вѣкомъ, который самъ до
его Царскаго Величества донесетъ.“

(413) Тамъ же.

со времени существованія Запорожскихъ казаковъ (414).

Между тѣмъ самозванецъ постылся въ великій постъ, Сѣрко приказалъ священнику подъ клятвою спросить у самозванца о его происхожденіи, самозванецъ притворяся влялся на исповѣди священнику, что онъ есть истинный сынъ Царя Алексѣя Михайловича, и былъ допущенъ къ причастию. Сѣрко услышавъ отъ священника слова эти перекрестился и сказалъ: „дѣйствительно онъ есть сынъ царскій и я не зарекаюсь защищать его.“ Послѣ этого Сѣрко приказалъ одинадцати куреннымъ атаманамъ и священнику осмотрѣть на тѣлѣ самозванца знаки; по осмотрѣ оказалось, что у него на груди и на обѣихъ плечахъ вмѣсто царскаго вѣнца, двуглаваго орла и мѣсяца со звѣздою, какъ удостовѣрялъ Мюскій, находилось восемь бѣлыхъ пятенъ и одно большое бѣлое пятно, произшедшее отъ бывшей раны (415).

Такое несправедливое показаніе Мюскаго нимало ни от-

(414) Тамъ же.

„И марта въ 13 день 1673 г. такожъ и до самаго отпуски кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко созвалъ къ себѣ въ курень куренныхъ атамановъ и знатныхъ казаковъ радцовъ и призывалъ Василю и Семена Чадуева и Щеголева, при генеральномъ ясаулѣ Алексѣй Чернычнѣй, говорилъ: много вы пріѣхавъ на Запорожье наворовали на великаго человѣка, хотѣли руки поднять государича убить, достойны де они Василій и Семень смерти. А имъ де Богъ далъ съ неба многоцѣнное сокровище жемчужное зерно и самоцѣтный камень, никогда искони вѣковъ у нихъ на Запорожь не бывало.“

(415) Тамъ же.

„А въ нынѣшней де великій постъ онъ, самозванецъ, постылся и онъ Сѣрко велѣлъ священнику ево, самозванца, на исповѣди чрезъ клятву свидѣтельствовать, подлинно ль такъ сказывается, и онъ чрезъ клятву сказалъ, что правда истинная и причащался. И нынѣ де кто что ни говори ни ниши, всѣ они въ томъ ему вѣрятъ, и перекрестася онъ Сѣрко говорилъ, что истинный Царевичъ, не зарекаемся де мы за его промысломъ.“

„И марта въ 17-й день, 1674 г., предъ обѣднею кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко послышалъ священника да 11 человѣкъ куренныхъ атамановъ того самозванца осматривать что на немъ за признаки; и на немъ де на плечахъ . . . на подобіе царскаго вѣнца и двоеглаваго орла и мѣсяца съ звѣздою нѣтъ, только на груди отъ плеча до другаго плеча восемь пятенъ бѣлыхъ какъ перстомъ тнугты, а на правомъ плечѣ подобіемъ какъ линій бываетъ широко и бѣло.“

клонило кошевого атамана и прочихъ старшинъ отъ приверженности къ самозванцу, покрайней мѣрѣ дало поводъ царскимъ посланникамъ Чадуеву и Щеголеву съ большею смѣлостію утверждать, что выдающій себя за царевича дѣйствительно есть обманщикъ, и послѣ многихъ споровъ, наконецъ успѣли склонить Сѣрка и старшинъ запорожскихъ послать самозванца въ Москву. По этому случаю была собрана рада, на коей съ общаго согласія опредѣлено было отправить самозванца въ Москву въ сопровожденіи знатныхъ старшинъ: Процына, Золоторя, Трофима Троицкаго и войскового писаря Пеленелицы.

По прибытіи этихъ посланцовъ въ Москву, самозванецъ представленъ былъ въ Посольскій привазъ, гдѣ въ присутствіи бояръ, думныхъ людей и запорожскихъ старшинъ, самозванецъ съ пытки начально показалъ, что онъ родомъ полякъ, звать его Сенькою, 20 лѣтъ, родился въ городѣ Лохвицѣ, отколь пришедъ въ Варшаву, былъ силою взятъ нѣмцами и проданъ глуховскому купцу, у коего проживши недѣль пять, бѣжалъ въ Чугуевъ, тамъ познакомился онъ съ донскимъ казакомъ Міускимъ, и былъ съ нимъ на Дону подъ именемъ Матвѣя; потомъ показалъ, что онъ сынъ подданнаго князя Вишневецкаго, а имя ему Иванъ Андреевъ Воробьевъ; наконецъ сознался, что онъ находясь на Дону, куда онъ бѣжалъ изъ подъ Лохвиць, познакомился тамъ съ казакомъ Міускимъ, который подговоря еще семь человекъ казаковъ, пошли въ Запорожьѣ; на рѣкѣ Самарѣ принялъ онъ имя царевича Симеона по наущенію Міускаго, который руководилъ имъ и во время нахождения его въ Запорогахъ; въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ; имя же его Матвѣй (416).

(416) Дѣла Малороссійскія, грамота запорожскаго войска кошевому атаману Ивану Сѣрку и всему запорожскому войску 18 сентября 1674 года.

„А воръ и обманщикъ и самозванецъ по нашему Царскаго Величества указу распространявъ при нашихъ Царскаго Величества боярахъ и думныхъ людехъ и мучень и онъ воръ и лъный обманщикъ и самозванецъ, какъ плуталъ и то посланцы ваши подинно видѣли и слышали, въ началѣ сказавъ народу польскою

Послѣ допросовъ самозванецъ этотъ былъ въ Москвѣ четвертованъ; Миусей же и семь человекъ его товарищей бѣжали, и за всѣми розысканіями производимыми послѣ того нѣсколько лѣтъ сряду, на Дону и въ Запорогахъ, отыскать его нигдѣ не могли.

ГЛАВА XIV.

Взглядъ на политическія отношенія Россіи къ Портѣ, Тавридѣ и Польшѣ.—Отправленіе на Донъ ратныхъ людей, для совокупнаго дѣйствія съ казаками противъ Азова.—Воззваніе о собраніи всѣхъ казаковъ въ Черкасскіи ссылка съ калмыками.—Военныя дѣйствія казаковъ совокупно съ ратными людьми противъ азовцевъ и на морѣ.—Приготовленіе къ построенію на устьѣ Миуса крѣпости для воспрепятствованія прохода туркамъ и крымцамъ въ Азовъ.—Побѣги ратныхъ людей изъ подъ Черкасскаго городка.—Перемѣна въ прежнемъ планѣ и исполненіе новыхъ мѣръ.—Военные поиски казаковъ.—Повелѣніе стрѣльчатую крѣпость на казачьемъ ерѣ и углубить оный протокъ.—Препятствія встрѣченныя при исполненіи сего дѣла.—Поиски казаковъ противъ Азова и Крыма.—Присяга казаковъ Царю Федору Алексѣевичу.—Разбой казаковъ по Волгѣ.—Приступъ казаковъ къ Темрюку и къ Азову.—Походъ казаковъ въ соединеніи съ російскою арміею и дѣйствія въ оной.—Новое вооруженіе казаковъ въ составъ дѣйствующей російской арміи.—Набѣги азовцевъ.—Грамота крымскаго хана къ довскимъ казакамъ и отвѣтъ на оную.—Разбой казаковъ.—Походъ казаковъ противъ калмыковъ.—Второй походъ казаковъ на калмыковъ.—Поиски атамана Максима Скалозуба противъ калмыковъ.

Взглядъ на политическія отношенія Россіи къ Портѣ, Тавридѣ и Польшѣ. Долговременная война Россіи съ поляками окончена была 1670 года перемиріемъ на 13 лѣтъ съ половиною, по которому Малороссія и другіе отнятыя у Польши города остались за Россіею, до заключенія на прочномъ основаніи мира; учрежденъ такъ

и вѣры лядкой, зовуть Сенькою князей Вышневецкихъ, жилъ въ Лохвицѣ внизъ по Днѣпру, а отъа его звали Еремѣемъ, и шель въ Варшаву, а гѣта себѣ сказалъ двадцать, и въ Варшавѣ взяли его гѣмцы и подъ Вислою продали кунцу глуховскому жителю, и въ Глуховѣ жилъ недѣль съ пять и бѣжалъ на Чугуевъ, и на Дониѣ спознался съ Мюскимъ, а Мюско де съ Дону покретчи человекъ бѣжалъ дарно и былъ оу самозванецъ на Дону, а звался Максимомъ.

же союзъ противъ крымскаго хана и турокъ. Но приобретаемая выгода съ сей стороны, Россія теряла съ другой: гетманъ малороссійскихъ казаковъ (по ту сторону Днѣпра) Дорошенко, со всѣмъ войскомъ своимъ добровольно призналъ надъ собою власть турецкаго султана и неотступно склонялъ Константинопольскій дворъ къ объявленію войны Польшѣ. Турецкій султанъ, употребивъ безуспѣшно всѣ поиски, чтобы разрушить союзъ поляковъ съ Россією, радъ былъ открывшемуся случаю, онъ охотно поднялъ оружіе противъ поляковъ и въ томъ же году самъ съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ въ походъ. Взятіе важной крѣпости Каменецъ-Подольска и нѣкоторыхъ городовъ, съ другой стороны разоренія, причиненныя крымскимъ ханомъ польскимъ провинціямъ, заставило поляковъ заключить съ турками униженный миръ, по которому Польша обязалась платить ежегодно большую дань Портѣ, отреклась отъ городовъ: Каменецъ - Подольска, Меджабожа и другихъ и отъ всѣхъ требованій на Украину, Подолию и Россію. Этимъ послѣднимъ условіемъ Порты надѣялась успокоить Россію и тѣмъ разрушить поставленный съ Польшею миръ (417).

Но Россійскій Государь мыслилъ иначе: какъ вѣрный союз-

А послѣ того сказалъ мужичій сынъ подданнаго Вышневецкаго князя Ермакова кѣщанина Варшавскаго, а звали его Иванка Андреевъ по прозвищу Воробьевъ; въ третій сказалъ, что отецъ его жилъ подъ Лохвицею въ селѣ, а съ Дону де случась онъ съ Мѣискою и съ иными товарищи семь человекъ пошли на Запорожье, а на Москвѣ де онъ никогда не бывалъ и ничего московскаго не знаетъ, а има де царевичево наложилъ онъ на себя по наговору и наученію Мѣискову на рѣкѣ Самарѣ и всякія непристойныя слова про бояръ и о своихъ воровскихъ замыслахъ говорилъ онъ все по наученію Мѣискову, да и всѣ де товарищи ево про то вѣдали, что ему имя Матюшка, и тому вору и лядному обманщику и самозванцу за ево вину и плутовство учинена смертная казнь такова жъ, какова богоотступнику и вѣтвопреступнику Стенькѣ Разину. И вамъ бы кошевому атаману и всему войску Запорожскому, Мѣиску и инымъ товарищамъ ево конечно сыскивать вѣсчеськи, а сыскавъ потому жъ притянуть къ намъ Великому Государю къ нашему Царскому Величеству:“

(417) Дополн. къ дѣян. Петра Великаго, часть 3, листъ 142, и древн. Азовскія и Крымскія вѣвѣстія листъ 104 и слѣд.“

ниеъ Польши, онъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправилъ чрезъ Азовъ чиновника Доудова съ грамотою къ турецкому султану, убѣждая его оставить свои предпріятія на Польшу и угрожая въ противномъ случаѣ отправленіемъ на помощь полякамъ войскъ своихъ и позволеніемъ донскимъ казакамъ громить Крымъ и турецкія владѣнія; съ такимъ же предложеніемъ былъ посланъ чиновникъ въ августѣ мѣсяцѣ къ крымскому хану (418).

Независимо отъ этого предписано было казакамъ, проводивъ Даудова въ Азовъ, тотчасъ открытъ военныя дѣйствія противъ этого города и готовиться судами въ море, гдѣ соединясь съ запорожскими казаками, употреблять всѣ средства на разореніе турецкихъ и крымскихъ владѣній (419).

Но всѣ эти предпріятія, родившія только временный страхъ, не произвели особенныхъ дѣйствій на дѣла Порты. Донскіе казаки, удерживаемые Россійскимъ Государемъ съ 1668 г. отъ плаванія по Азовскому и Черному морямъ, были столь обрадованы царскимъ повелѣніемъ, что чрезъ пять дней по

(418) Крымскія дѣла № 2, Турецк. дѣла листъ 284, грамота на Довъ 1672.

„И мы Великій Государь о сдержаніи того турецкаго салтана отъ войны послали къ нему салтану съ нашею Великаго Государя грамотою, Василія Даудова, а въ грамотѣ съ нимъ писано, что бы онъ салтанъ съ братомъ нашимъ съ Михайломъ королемъ польскимъ съ его королевскимъ величествомъ отъ войны престагъ и войны не вчинагъ; а если онъ салтанъ отъ того своего намѣренія не престагъ и учнетъ войну вестъ, и мы, Вел. Государь, наше царское Величество съ братомъ нашимъ его королевскимъ величествомъ учиненную братскую дружбу и любовь, освидѣльствовався Господомъ Богомъ и сослався со всѣми окрестными великими государя, учнемъ противъ его промисль чинить, и наше Царское Величество повелѣніе къ вамъ атаманамъ и казакамъ пошлетъ и уважемъ всякой воинской промисль чинить на Черномъ морѣ.“

(419) Тамъ же.

„А о слученіи съ вами атаманы и казаки Запорожскому атаману и всему при немъ посольству нашъ Великаго Государя указъ посланъ, велѣно ему атаману и всему при немъ посольству для отвращенія той турецкой войны, случась съ вами атаманы и казаки, чайлами на Черное море входить и всякой воинской промисль воупѣ съ вами турскаго салтана и крымскаго хана надъ жители чинить велѣно.“

отправленіи изъ Черкаскаго городка въ Азовъ російскаго чиновника, явились подъ стѣнами Каланчинскихъ башенъ и столь удачное сдѣлали на оный нападеніе, что одну изъ нихъ сбили до подошвы и непремѣнно овладѣлибы этимъ мѣстомъ, если бѣ случившійся въ то время разливъ воды отъ морскаго вѣтра не принудилъ казаковъ отступить, впрочемъ они вознаградили потерю разореніемъ всѣхъ окрестностей Азова, гдѣ однихъ турокъ взяли они въ плѣнъ 400 человекъ, въ числѣ коихъ брата азовскаго паши, и отогнали девять стадъ разнаго рода скота (420).

Послѣ этого казаки отправили въ море 34 струга; слухъ о походѣ ихъ вскорѣ достигъ до Константинополя, молва увеличила число казачьихъ судовъ до 700, вездѣ распространился ужасъ и никто не хотѣлъ записываться во флотъ, снаряжаемый для вспомошествованія Азова и отраженія казачьихъ судовъ, разтѣзавшихъ по Черному морю (421).

Съ другой стороны Запорожцы пришедъ ночью въ Перекопи, засыпали ровъ и размѣтавъ каменную стѣну у Перекопа, ворвались во внутрь Крыма, но были татарами прогнаны (422).

(420) Статейный списокъ Даудова; отправленнаго въ Константинополь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1672 года.

„Послѣ того (послѣ пріѣзда его на Донъ 27 іюня), спустя дней съ пять, донскіе казаки съ азовцами размирились и подходили подъ Каланчинскія башни, и одну каланчу, по правой сторонѣ Дону, сбили до подошвы и только было турки хотѣли покниа каланчи бѣжать въ Азовъ, и въ то время отъ тѣхъ каланчей отогнала донскихъ казаковъ морская вода, а послѣ того казаки жъ подходили подъ Азовъ и съ калмыками побрали въ полонъ турокъ съ 400 человекъ, да девять стадъ отогнали всякаго скота.“

(421) Тамъ же.

„И при немъ турки были въ великомъ страху . . . а туркамъ учинилось вѣдомо, что казаковъ на морѣ съ 700 струговъ и для того охочіе люди никто не навмались, и многіе хлѣбомъ и всякимъ запасомъ готовились впредъ.“

(422) Дѣла Крымскія № 2, дневныя записки задержаннаго въ Крыму подъячаго Гавриила Михайлова 1672 года.

„Сентября де въ 5 день приходили къ Перекопи нижнихъ кошею казаки 10^т. человекъ Демко съ товарищи и пришедъ подъ Перекопъ ночью ровъ за-

Эти дѣйствія, хотя съ великою ревностію производимыя казачами, были слабы чтобы остановить турокъ и крымцевъ отъ похода на Польшу и 'Украину.

Отправленіе на Донъ ратныхъ людей для совокупнаго дѣйствія, съ казаками противъ Азова. Россійскій дворъ, желая усилить военныя дѣйствія подъ Азовомъ для отвлеченія крымскихъ войскъ отъ похода противъ Польши, вызвалъ съ Дона для совѣщанія знатнаго старшину Фрола Минаева съ нѣсколькими лучшими и умными казаками, а какъ въ то же время предполагалось сдѣлать нападеніе и на самый Крымъ, то равнымъ образомъ призваны были въ Москву нѣсколько человекъ запорожскихъ казаковъ для выслушанія ихъ мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе сдѣлать нападеніе на крымцевъ и на турецкія владѣнія (423).

Фролъ Минаевъ объявилъ боярамъ, что на Дону можетъ собраться самыхъ отважныхъ казаковъ 5,000 человекъ, и что если къ нимъ присоединить 8/т. російскаго войска, то не только можно будетъ привести въ страхъ Азовъ но и самый Константинполь, и что турецкій султанъ, оставивъ Польшу, обратится на защищеніе своихъ владѣній. Запорожцы объявили, что если имъ приказано будетъ дѣлать нападеніе судами, то могутъ они выйти на Черное море, гдѣ соединясь съ донскими казаками на островъ Кенорѣ, съ общаго согласія могутъ рѣшить о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ; если же походъ назначится и сухимъ путемъ, то всего удоб-

нѣтали и загороду каменную разбитали, и съ ними въ то время былъ бой и на томъ бою на обѣ стороны побито много!"

(423) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1672 г. ноября 5 дня.

„А о походѣ на Крымскіе улусы, также и на Черное море какимъ обычаемъ и о присылкѣ знающихъ людей въ тѣ походы къ намъ атаманамъ и казакамъ въ нашей Великаго Государя грамотѣ написано съ толмачемъ же съ Иваномъ Кучиновымъ, а велѣно прислать двухъ или трехъ человекъ, а именно: Михайла Самарина, Фрола Минаева, Родіона Осипова или изъ нихъ котораго одного человека, а съ нимъ двухъ человекъ казаковъ такихъ же старшихъ людей.“

нѣе прислать въ нимъ донскихъ казаковъ, калмыковъ и полкъ малороссійскихъ казаковъ: тогда они раздѣлясь на три части, одною съ моря, а двумя съ сухаго пути, могутъ ворваться въ Крымъ и причинить въ ономъ великое разореніе. Главное же начальство надъ всѣми этими дѣйствіями поручить ихъ кошевому атаману Сѣрку, который изъ всѣхъ атамановъ счастливѣе противъ татаръ и столько для нихъ страшень, что во всѣхъ мечетяхъ молятъ Бога о изловленіи его (424).

Мнѣнія этихъ воиновъ были приняты и въ то же время предписано думному дворянину Ивану Хитрово и стольнику Касагову съ 8,000 російскаго войска двинуться на Донъ къ Черваскому городку. Все было сдѣлано съ хорошею предусмотрительностію; войско снабжено провіантомъ на два года, достаточнымъ количествомъ воинскихъ снарядовъ и всѣми нужными вещами для взятія и построенія крѣпостей. Все это отправлено съ Воронежа на 338 судахъ, собственно для казаковъ послано было 30 морскихъ струговъ оснащенныхъ и готовыхъ для похода и 50 судовъ трубокъ (*) съ принадлежащими къ нимъ вещами.

Планъ дѣйствій воеводѣ и стольнику предписанъ былъ слѣдующій: по приходѣ съ войскомъ на Донъ, съ общаго согласія съ донскими казаками взять Каланчинскія башни и на мѣстѣ томъ поставить новую крѣпость, снабдивъ ее артиллеріею и достаточнымъ гарнизономъ. Когда построена будетъ крѣпость, велѣно воеводѣ по данной формѣ писать къ азовскому пашѣ письмо, въ которомъ по объясненіи всѣхъ несправедливыхъ поступковъ турецкаго султана и крымскаго хана противъ Россіи и Польши, между прочимъ, требовать, чтобы паша азовскій донесъ турецкому султану о пре-

(424) Тамъ же.

Отвѣты Фрола Минаева и старшинъ Запорожскихъ казаковъ 30 декабря 1672 года.

(*) Маленькіе челноки, которые дѣлаются изъ одного куска дерева.

кращеніи военныхъ дѣйствій противу Польши и возвращеніи ей Каменецъ-Подольска и всѣхъ городовъ, забранныхъ турками въ прошломъ году, угрожая въ противномъ случаѣ тотчасъ вступить всѣми войсками своими сухимъ путемъ и моремъ въ предѣлы Порты и Тавриды. Сверхъ того предписано было Хитрово употребить всѣ средства на склоненіе калмыцкихъ тайшей и въ особенности сильнѣйшаго изъ нихъ Аюву въ совокупному дѣйствію противъ азовцевъ и крымцевъ (425).

Воеводѣ особенно подтверждалось, что бы онъ ни въ какомъ случаѣ ничего не предпринималъ безъ свѣдѣнія и согласія войсковаго атамана Корнилія Явовлева и старшинъ (426).

Войска російскія прибыли на Донъ 13 іюля и укрѣпились близъ Черкаскаго городка на мѣстѣ водою не затопляемомъ.

Воззваніе о собраніи всѣхъ казаковъ въ Черкасѣ и ссылка съ калмыками. Между тѣмъ донскіе казаки, извѣщенные грамотою о походѣ къ Черкаску ратныхъ людей съ воеводою, въ то же время писали изъ войска во всѣ казачьи городки войсковыя грамоты, чтобы казаки шли въ Черкасѣ изъ cadaго городка по три части, оставляя четвертую для храненія жилищъ (427).

Обрадованные этою вѣстію Донцы по первому воззванію стеклись въ Черкасѣ и 12 іюня находилось уже ихъ въ

(425) Турецкія дѣла, наказъ данный думному дворянину Ивану Хитрову въ генварѣ мѣсяцѣ 1673 г.

„И буде за помощію Божіею и В. Государя счастіемъ тѣ Каланчнскія башни будутъ взяты и имъ думному дворянину и воеводамъ на тѣхъ Каланчнскихъ башняхъ сдѣлать городъ, какъ пристойно и укрѣпить наврѣшко, и войсковыми людьми осадить, чтобы во время непріятельскаго приходу сидѣть въ нихъ было безстрашно, а какими обычаемъ укрѣпить и сколькоими людьми осадить и о томъ имъ думному дворянину и воеводамъ посовѣтовать съ войсковымъ атаманомъ и старшинами.“

(426) Тамъ же.

(427) Войсковая грамота, изъ Донскихъ дѣлъ 1673 года.

главномъ войскѣ около 10/т. человекъ, за исключеніемъ обитавшихъ по Хопру и Медвѣдицѣ (428).

Итакъ со стороны казаковъ все было готово къ открытію военныхъ дѣйствій, но въ планъ этого предпріятія входили также и калмыки, которые нужны были и на Дону подъ Азовъ и запорожцамъ для вторженія въ Крымъ. Надежда на ихъ помощь была тщетная.

Для отклоненія калмыковъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года былъ посланъ на Донъ чиновникъ съ грамотою къ калмыцкимъ тайшамъ, которую велѣно было отправить къ нимъ съ казаками; чиновнику предписано было, если тайши пожелаютъ съ нимъ лично говорить, то не иначе рѣшиться на сіе, какъ по совѣту съ казаками и взявъ аманатовъ, да и самые переговоры вести для безопасности въ близкомъ мѣстѣ къ Черваску.

Въ это время знатнѣйшій и сильнѣйшій изъ калмыцкихъ тайшъ Аюка кочевалъ съ своимъ улусомъ между рѣкъ Сала и Магдыча, съ нимъ-то царскій чиновникъ началъ переписку и употреблялъ всѣ средства къ соглашенію его противъ крымцовъ. Сначала переговоры шли удачно: Аюка тайша чрезъ посланцевъ своихъ завѣрялъ царскаго чиновника, что онъ по повелѣнію Государя неумедитъ выслать войска свои къ воеводѣ Хитрову, а къ Донскимъ казакамъ писалъ чтобъ они готовились къ походу и кормили своихъ лошадей. Во время этихъ переговоровъ казаки, недовѣрявшіе никогда калмыкамъ, нарочно сблизили себя съ ними: ѣздили другъ къ другу повеселиться, мѣняли и продавали имъ ясырь, возили на продажу различные товары; въ городѣ Черваскѣ калмыки слыша про посылку царскихъ войскъ на Донъ радова-

(428) Дѣла Донскія, распросни рѣчи станичнаго атамана Алексѣя Ермѣева, прибывшаго въ Москву 12 іюня 1671 г.

„ И по тѣмъ де ихъ посылаемъ изо многихъ городковъ и изъ куреней казаки по вся дни въ войско собираются многіе и съ запольной съ Донца рѣки собрались всѣ и нынѣ де въ войскѣ казаковъ близко 10/т., а какъ де будутъ съ Хопра и съ Медвѣдицы и въ то де время будетъ больши и десяти тысячъ.“

лись, поднимали руки на небо и говорили: „мы теперь всегда будем воевать близъ вашихъ жилищъ безопасно, вы наши друзья и намъ нечего васъ бояться, пойдемъ противъ враговъ нашихъ, куда велитъ намъ Царь Русскій (429).

Такъ думалъ народъ калмыцкій, но хитрый Аюка тайша, обнадеживая своими обѣщаніями царскаго чиновника и казаковъ, не заботился о приготовленіи къ походу, и наконецъ, когда думный дворянинъ Иванъ Хитрово прибылъ съ войсками на Донъ, Аюка тайша со всѣми своими улусами нокчевалъ въ Тереву, подъ предлогомъ вспомошествованія князю Каспулату Черкасскому противъ его враговъ; Государю же Россійскому, жалуясь на Донскихъ казаковъ, писалъ, что онъ не выслалъ войскъ своихъ подъ Азовъ изъ опасенія Донскихъ казаковъ, которые въ прошломъ году возвращавшихся изъ Крыму подданныхъ его убили на Дону 67 чел. и трехъ взяли въ плѣнъ (430).

Но не взирая на эти обоюдныя неудовольствія, казаки, выполняя волю Государя своего, посылали въ Аюкѣ тайшѣ на Терекъ двухъ человекъ казаковъ, которыхъ онъ, продержавъ у себя два мѣсяца, отпустилъ на Донъ и съ ними 400 человекъ калмыковъ подъ начальствомъ Мазана-Батыря, который, когда потребовали отъ него аманатовъ, для вѣрнаго служенія подъ знаменами русскіими, огорчившись тѣмъ,

(429) Тамъ же.

„И Аюкай де тайша къ нимъ въ войско и къ Леонтію Коннику присылаетъ улусныхъ своихъ людей почасту, человекъ по 8 и по 10, а съ ними приказываетъ, что онъ Царскому Величеству служить съ ними за одно радъ, и чтобы они казаки къ службѣ съ ними готовились и кормили коней А которые де улусные Аюкаевы люди къ нимъ въ войско пріѣзжаютъ и они де, слыша про посылку Царскаго Величества войскъ на Донъ, радуются, подымавъ руки на небо; а говорятъ, что они ихъ казаковъ ни въ чемъ не опасны, и надѣясь на государскую милость, кочуютъ безстрашно и ни отъ кого не опасаются. А какъ де Царск. Велич. будутъ войска, и они съ ними, гдѣ повелѣнье государское будетъ, служить готовы.“

Достоинно замѣчанія, что въ сіе время, по повелѣнію Государя, начали отправлять въ войско, для приѣма калмыкъ, по 200 и по 300 вед. вина горячаго.

(430) Донскія дѣла, грамота на Донъ 1673 года сентября 19 дна.

черезъ пять дней возвратился въ свои улусы, ограбивъ казаковъ стоявшихъ на караулѣ. И такъ, не дожидая помощи калмыковъ, надлежало приступить къ дѣлу.

Военныя дѣйствія казаковъ совокупно съ ратными людьми противъ азовцевъ и на морѣ. Прежде нежели русскія войска, находившіяся на Дону, вообще съ Донскими казаками открыли подѣ Азовомъ военныя дѣйствія, Государь послалъ къ крымскому хану грамоту, въ которой упрекая его за нарушение мирныхъ постановленій и за причиняемыя разоренія украиннымъ городамъ, грозилъ соединиться съ королемъ польскимъ на уничтоженіе его замысловъ. „Вспомни, писалъ онъ въ этой грамотѣ къ хану, что одна горсть Донскихъ казаковъ покорила русской державѣ городъ Азовъ, и что только по неотступной просьбѣ и дружескому расположенію отца моего къ турецкому султану былъ оный возвращенъ ему обратно, съ условіемъ, впрочемъ, воспретить навсегда крымскимъ ханамъ вступать для грабежей въ Россійскіе предѣлы; ни одинъ изъ хановъ не выполнилъ приказынія турецкаго султана и кровь лилась безпрестанно; неужели ты не знаешь силы и могущества Донскихъ казаковъ, которые не только брали города: Трапизонъ, Мисервію, Ахеило, Сизополи и другіе, но и подѣ самый Константинополь неоднократно подступали (431).

(431) Крымскія дѣла, грамота Россійскаго Государя къ крымскому хану, лст. 174.

„ При отцѣ нашемъ блаженныя памяти Великому Государѣ Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи Самодержцѣ, государя вашего муратъ салтанова величества, преславной городъ Азовъ отъ малыхъ людей отъ донскихъ казаковъ взять, и какъ Азовъ былъ за наши Государя и въ то время намъ, Великимъ Государемъ, государя вашего муратъ салтанова величества многое прошеніе объ отдачѣ Азова было и по многому его прошенію Азовъ ему отданъ, а за то обѣщавъ заказъ крѣпкой учинить вамъ крымскимъ ханомъ, чтобъ на наши Царскаго величества украинныя города войною не ходили и разоренія не чинили, и тотъ его заказъ и повелѣніе предки ваши крымскіе ханы ни во что ставили, ни единъ правды и шерти недодержавъ, всё на наши Цар. Вел. украинныя города войною ходили и разореніе чинили, за которую неправду и разореніе и возмездіе воспринимали: тѣмъ донскіе казаки преславной городъ

Но эти угрозы и уворизны нимало не переменяли расположение хана. Между тѣмъ Порта получила извѣстіе о предпріятіяхъ російскаго двора, приготовлялась противустать сильно и предпринимала къ тому возможныя мѣры: уже въ маѣ мѣсяцѣ азовцы получили значительное подкрѣпленіе войскомъ и для предосторожности выжгли на десять верстъ въ окрестностяхъ камыши, изъ бонхъ казаки обыкновенно хватали людей. Очевидно было, что Порта нимало нерасполагалась склониться къ исполненію требованій російскаго двора и потому надлежало взять оружіе.

5 августа російское войско въ числѣ 4,912 человекъ, подъ начальствомъ думнаго дворянина Хитрово и 5,000 казаковъ, подъ предводительствомъ войсковаго атамана Корнилія Яковлева и старшинъ Михаила Самарянина и Роліона Осипова выступило изъ Черкаска къ Каланчинскимъ башнямъ, оставивъ значительные гарнизоны въ Черкасскѣ и во вновь состроенной воеводою Хитрово крѣпости. Въ 300 саженьяхъ отъ башень устроили они редутъ, поставили вблизи шанцы, размѣстили на оныхъ 22 пушки и начали бомбардировку, которая непрерывно продолжалась три недѣли; этою стрѣльбою сбили съ башень верхнія и среднія батареи по самый валъ, но не имѣли возможности идти на приступъ потому что башни обружены были глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою. Во все время осады была сдѣлана одна только вылазка изъ Азова, въ числѣ 100 человекъ; но когда стрѣльцы и казаки выступили противъ нихъ изъ шанцевъ, то турки въ тоже время побѣжали обратно въ городъ. Воевода Хитрово по дѣйствительной невозможности или по неопытности своей не находя никакихъ средствъ овладѣть башнями, отступилъ къ Черкасскому городку, а казаки бывшіе въ этомъ походѣ раскопавъ засыпанный азовцами казачій ерикъ, отпустили на море 11 струговъ подъ начальствомъ атамана

Трапизонъ, Мисервію, Ахенло, Сазополі и иные поймали, и подъ самый царствующій градъ Константинополь многожды прихаживали.“

Михайла Самарянина, которому приказано было, по возвращении изъ поисковъ, остановиться при устьѣ рѣчки Міуса, поставить тамъ крѣпость и остаться въ ней на всю зиму. Намѣреніе казаковъ состояло въ томъ, чтобы изъ той крѣпости производить набѣги на Крымъ и не пропускать въ Азовъ транспортовъ, посылаемыхъ изъ Константинополя моремъ съ войскомъ, провіантомъ и деньгами. Прочіе казаки возвратились также въ Черкасскъ.

Такимъ образомъ намѣреніе Царя уничтожить Каланчинскія башни не имѣло успѣха. Бывшій при этомъ приступѣ инженеръ Альбрехтъ Шневенцъ, присланный съ воеводою для устройства крѣпостей, въ случаѣ если бы взяты были Каланчинскія башни, доносилъ Государю, что между Азовомъ и башнями нѣтъ возможности строить крѣпость чрезъ низменное и песчаное мѣстоположеніе и непрерывныя наводненія, бываемыя въ сутки до два раза, такъ что вода выступаетъ изъ береговъ и покрываетъ землю человѣку въ поясъ и больше (*) (432).

Приготовленія въ построенію на устьѣ Міуса крѣпости для воспрепятствованія прохода Туркамъ и Крымцамъ въ Азовъ. Одна неудача сопровождалась другою: отправленный отъ Каланчинскихъ башенъ на море атаманъ Самарянинъ также не имѣлъ значительнаго успѣха. Только что вышелъ онъ въ море, какъ увидѣлъ 18 турецкихъ судовъ проходившихъ изъ Константинополя въ Азовъ съ войскомъ и рѣшилъ въ удобномъ мѣстѣ на берегу мор-

(*) Здѣсь надобно замѣтить, что донесеніе инженера Шневенца несовсѣмъ справедливо, мѣсто, гдѣ прежде находились Каланчинскія башни до самаго Азова, хотя и низменное, но не песчаное; разливы воды дѣйствительно бываетъ и теперь, но только тогда, когда сильный вѣтеръ дуетъ со стороны моря, что случается не болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ; доказательствомъ тому служитъ то, что находящаяся нынѣ между казачьимъ ерикомъ и каланчинскими башнями Елисаветовскія станица не претерпѣваетъ значительнаго разоренія отъ наводненій, хотя и часто бываетъ окружена разливами воды.

(432) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи ставичнаго атамана Ивана Харитова и инженера Альбрехта Шневенца.

скомъ выжидать пока они уйдутъ назадъ, дабы свободнѣе дѣйствовать по преднамѣренному плану. Когда корабли турецкіе проплыли въ Черное море, казаки направили путь свой къ крымскимъ берегамъ и пристали къ урочищу Казань-Рогъ; но жители уже были извѣщены объ нихъ азовцами и прошедшими обратно въ Константинополь судами, и всѣ удалились отъ береговъ со всѣмъ имуществомъ, такъ что казаки находили однѣ только пустыя села, они захватили нѣсколько татаръ, сожгли нѣсколько селъ и обратились на лѣвую сторону Азовскаго моря, но и тамъ не получили ни какой добычи, кромѣ что убили нѣсколькихъ человекъ и захватили 6-ть азовскихъ татаръ въ плѣнъ. Испытавъ на обѣихъ сторонахъ моря неудачи, казаки поплыли къ устью рѣчки Міуса, стояли тамъ шесть недѣль, дожидаясь турецкихъ судовъ, кои обыкновенно каждый годъ приходили къ Азову съ амунициею и воинскими припасами, но увидѣвъ что ожиданія ихъ тщетны, приступили къ исполненію главнаго дѣла, т. е. къ учрежденію крѣпости. Для этого поплыли вверхъ по рѣкѣ Міусу до рѣчки Некленовки, тамъ избравъ удобное мѣсто для построенія крѣпости, дали знать о томъ думному дворянину Хитрово и войску Донскому, отъ коихъ немедленно отправлено было къ нимъ на помощь 300 сирѣльцовъ и 300 же казаковъ съ полуголовою Засѣцкимъ и атаманомъ Родіономъ Осиповымъ, они совокупными силами поставили тамъ кѣрпосу, оставили въ ней 150 человекъ казаковъ, двѣ пушки и возвратились въ Черкасскъ (433).

О всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ думный дворянинъ писалъ къ Государю, а стольникъ Касаговъ къ Артемону Сергѣевичу и оба увѣряли ихъ, что построенная на Міусѣ крѣпость совершенно заградить путь въ Азовъ какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ (434). Россійскій дворъ предполагалъ найти

(433) Донскія дѣла, распросныя рѣчи атамана Михайлы Самарянина бывшаго въ Москвѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1678 года.

(434) Тамъ же, донесеніе Матѣеву полковника Касагова.

..А въ Міусѣ и городу быть пристойно а на море ходить оттуда свободно, и

въ этомъ дѣлѣ существенную пользу для государства, вызвавъ въ Москву атамана Самарянина и нѣсколько человекъ казаковъ знающихъ основательно устья рѣки Міуса и окрестности оной. Эти совѣтники представляли боярамъ, что для стѣсненія азовцевъ гораздо выгоднѣе будетъ построить крѣпость на устьѣ рѣки Міуса, откуда и свободнѣе выходить въ море и удобнѣе преграждать путь судамъ идущимъ въ Азовъ; впрочемъ, говорили они, вся невыгода этого мѣста заключается въ томъ, что въ ономъ нѣтъ лѣсовъ и гарнизонъ будетъ нуждаться въ дровахъ; сверхъ того весьма затруднительно будетъ доставлять туда изъ Черкаска провіантъ и другія вещи и не иначе какъ только съ большими партіями; что же относится до выстроенной на устьѣ рѣчки Некленовой крѣпости, то въ случаѣ непріятельскаго на оную нападенія, а особливо въ осеннѣе время, весьма затруднительно будетъ дѣлать оной вспоможеніе и доставлять пушки, по той причинѣ, что рѣка Міусъ за десять верстъ до построенной крѣпости не судоходна (435).

Набѣги ратныхъ людей изъ подъ Черкаскаго городка. И такъ первый планъ нашего двора и первыя предпріятія російскихъ войскъ съ казаками не имѣли желаемыхъ послѣдствій. Государь не доволенъ былъ воеводою Хитрово, хотя ему и не давалъ замѣтить своего огорченія; а воевода, въ самомъ дѣлѣ слабо дѣйствовавшій, старался оправдывать не удачу свои, то дурными мѣстоположеніями, то своевольствомъ ратныхъ людей, то потворствомъ казаковъ. Онъ даже не удержалъ въ полкахъ своихъ должное повиненіе: едва открылись первыя трудности походовъ, начались побѣги ратныхъ людей. Весною сдѣлалось въ Черкасскѣ большое наводненіе, такъ что російское войско принуждено было болѣе 2-хъ мѣсяцевъ жить на стѣнахъ крѣпости своей и

Крымъ отъ того города будетъ великаѣ напасть, и къ Азову крымскимъ малами людьми приходите будетъ не мочно, мѣста крѣпкія и лѣсовъ много.

(435) Тамъ же, распросныя рѣчи вышесказаннаго атамана Самарянина.

на кровляхъ домовъ, эти неприятности еще болѣе умножили побѣги изъ стана Хитрово, такъ что съ апрѣля мѣсяца по 4 октября 1673 г. разновременно бѣжало 1,402 человекъ; смертность также была довольно значительная: умерло 221 человекъ (436).

Воевода при самыхъ первыхъ побѣгахъ писалъ въ двору, что оныя происходятъ съ повода казаковъ, кои принимаютъ бѣглецовъ въ свое сословіе или укрываютъ въ верховыхъ казачьихъ городкахъ. Поэтому предписано было казакамъ, чтобы они уходившихъ къ нимъ ратныхъ людей немедленно возвращали воеводамъ и всѣхъ бѣглецовъ, кои найдутся теперь по всѣмъ казачьимъ городкамъ, тотчасъ высылали въ станъ Хитрово. Казаки исполнили это безпрекословно. Но побѣги еще болѣе усилились, и казаки нѣкоторыхъ верховыхъ городковъ непереставали снабжать бѣглецовъ провіантомъ, оружіемъ и судами для отплытія въ Украйну; поэтому воевода снова приносилъ въ двору жалобу, слагая всю вину на казаковъ, и снова казакамъ прислана была царская грамота о употребленіи всѣхъ средствъ къ изловленію бѣглецовъ. Вслѣдствіе этого казаки написали во всѣ свои верховые городки строгую грамоту слѣдующаго содержанія: „вамъ предписано было отъ всего Великаго войска Донскаго, чтобы бѣжавшихъ со службы царской ратныхъ людей ловили и присылали въ войско, но вы не только не стараетесь преграждать имъ пути, но даже дѣлаете всякое вспомоствованіе, снабжаете ихъ провіантомъ, судами и такимъ образомъ отпускаете ихъ въ украинные города, а иныхъ держите по городкамъ вашимъ для своихъ работъ; неужели вы забыли Бога, царскую милость и данную ему присягу? Подтверждаемъ въ послѣдній разъ: если явятся въ станицахъ вашихъ бѣжавшіе отъ воеводъ люди, то непременно ловите ихъ и представляйте въ войско съ стапцами безъ малѣйшаго замедленія; кто не послушаетъ нашей войсковой грамоты и на той

(436) Донскія дѣла, выписки, сочиненныя въ посольскомъ привазѣ, для доклада Царю Алексѣю Михайловичу.

станциѣ наша войсковая пеня: вѣкъ битъ и грабить и суда имъ не будетъ и впредъ въ такой нашей войсковой пени милости не просить“ (437).

Но русскій дворъ для одолѣнія турокъ и крымцевъ располагалъ привести въ исполненіе новыя мѣры, начертанныя по тѣмъ свѣдѣніямъ, кои доставили воевода Хитрово, стольникъ Касаговъ и донской атаманъ Самарянинъ съ товарищами.

Перемѣна въ прежнемъ планѣ и исполненіе новыхъ мѣръ. Полагаясь на увѣренія воеводъ и донскаго атамана, дворъ рѣшился построить на устьѣ Міуса крѣпость. Исполненіе этого предпріятія возложено было на стольника князя Хованскаго, коему поручено и главное начальство надъ всѣми войсками, бывшими тогда на Дону; сверхъ того, для усиленія его корпуса, отправлено было съ нимъ 3,180 человекъ, онъ снабженъ былъ всѣми нужными матеріалами для крѣпостной работы; съ нимъ же посланъ инженеръ Лимъ.

Новому военачальнику предписано было убѣдить казаковъ къ построению крѣпости, представляя имъ, что отъ того произойдетъ двоякая польза: во первыхъ, имъ удобно будетъ выходить въ море для опустошенія крымскихъ береговъ, и во вторыхъ, этимъ преградится путь судамъ, приходящимъ изъ Константинополя въ Азовъ съ провіантомъ, амунициею и деньгами; въ особенности же подтверждалось князю Хованскому, ятобы онъ съ казаками ни какихъ ссоръ не заводилъ и все то, что только нужно предпринимать на пользу службы, приводилъ въ исполненіе не иначе, какъ съ согласія казаковъ; какъ объ этомъ обстоятельстве, такъ и о вспоможеніи при построеніи крѣпости, предписано было казакамъ особою грамотою (438).

(437) Тамъ же, войсковая грамота въ верхніе казачьи городки.

(438) Донскія дѣла, наказъ князю Петру Хованскому.

„ А для лучшаго и скораго промыслу указалъ Его Царское Величество на Міусъ рѣкъ сдѣлать городъ для того, извѣстно В. Госуд. Его Царскому

Но только что князь Хованскій хотѣлъ приступить къ дѣлу, встрѣтилъ на первомъ шагу затрудненіе: казаки знавъ основательно устье рѣки Міуса представляли ему, что почти нѣтъ возможности строить въ томъ мѣстѣ крѣпость по причинѣ песчанаго грунта; да если бы при чрезмѣрныхъ усиліяхъ и удалось поставить укрѣпленіе, то отдаленность отъ Черкаскаго городка, трудность въ снабженіи гарнизона провіантомъ и воинскими снарядами, неимѣніе по близости лѣсовъ и прѣсной воды, сдѣлали бѣ оное совершенно бесполезными. Въ подкрѣпленіе доводовъ своихъ казаки говорили, что если бы тамошнія мѣста удобны были для устройства крѣпости, то они при тогдашнемъ стѣсненіи устьевъ Дона, давно бы утруждали Государя своею просьбою о дозволеніи имъ тамъ укрѣпиться (439).

Князь Хованскій, не довѣряя казакамъ, требовалъ настоятельно помощи ихъ для работъ, и въ то же время, желая

Величеству учинилось, что прежь сего которыми мѣстами они атаманы и казаки для промыслу надѣе непріатели хаживали ва море, и тѣ всѣ мѣста укрѣпленны и на морѣ ходитъ имъ нынѣ не возможно, и чтобъ имъ атаманомъ и казакомъ построа на Міусѣ рѣкѣ города, для промыслу надѣе непріатели ходитъ было на море свободнѣе и пристойнѣе и безопасно . . . а около де тое Міуса рѣки пришли мѣста крѣпкіе съ лѣсами и озапаситъ тотъ городъ всякими запасами изъ иныхъ украинныхъ городовъ податно и въ проѣздѣ безопасно.

„ А розни бѣ и несогласія между ими (между княземъ Хованскимъ и думнымъ дворяниномъ Яковомъ Хитрово) ни въ чемъ не было, такъ же и съ донскими атаманы и казаки, обо всякихъ дѣлахъ совѣтывать и ихъ къ себѣ призывать, и мысль свою, что пристойно надѣе непріатели къ промыслу, имъ объявлять, и у нихъ что покажется годно принимать.“

(439) Тамъ же, грамота на Донъ отъ 20 октября 1674 г.

„ И атаманъ де Корнило Яковлевъ съ войскомъ своимъ противъ того говорили, что на Міусѣ города дѣлать и въ немъ ратнымъ людямъ быть не для чего, потому что де Азову и Лютину и каланчинскимъ башнямъ и кораблямъ и каторгамъ, которые ходятъ изъ Азова и въ Азовъ моремъ тѣсности туркамъ никакой отъ того не будетъ, да и быть де тому городу на Міусѣ не пристойно, лѣсу и воды близко нѣтъ, да хотя де на Міусѣ и городъ будетъ сдѣланъ, и они въ немъ сидѣть не стануть и на Міусѣ они Донскіе казаки съ вами стольникомъ нашимъ (княземъ Хованскимъ) и воеводы не пошли, а послали только для указанія пути и на Міусѣ мѣста атамана Михайла Самаренина да съ нимъ казаковъ только 150 человекъ.“

самъ осмотрѣть устья Міуса, выступилъ въ походъ со всѣми войсками, находившимися тогда въ Черкасскѣ съ артиллерією, назначенною для новой крѣпости и провіантомъ; казаки же отправили отъ себя только для указанія мѣста знатныхъ старшинъ: Махайлу Самарянина и Өрола Манаева съ 150 человекъ казаковъ.

Казаки негодовали на Самарянина за совѣтъ о построеніи крѣпости, но онъ увѣрялъ, что хотя бояре и спрашивали его, объ этомъ предметѣ, однако жъ онъ рѣшительно говорилъ имъ, что на Міусѣ крѣпости нельзя строить (440).

Князь Хованскій осмотрѣвъ мѣста, нашелъ представленія казаковъ справедливыми и возвратясь въ Черкасскъ, отправилъ въ Москву инженера Лима, съ подробнымъ описаніемъ найденныхъ имъ неудобствъ и съ планомъ устья рѣки Міуса (441).

Такимъ образомъ и второй планъ двора къ утѣсненію турокъ и татаръ не приведенъ въ исполненіе. Къ довершенію же неудачъ и та крѣпость, которую казаки построили въ прошедшую осень при устьѣ Некленовой рѣчки и въ которой оставили они достаточный гарнизонъ, весною была вся затоплена водою, такъ что въ ней никакимъ образомъ нельзя было держаться людямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ открылся здѣсь и недостатокъ въ провіантѣ.

Военные поиски казаковъ. Казаки, оставивъ укрѣпленіе это, пустились въ море для добычи, взяли турецкій купеческій корабль, раздѣлили богатства онаго и возвратились

(440) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Родіона Калуженина 24 декабря 1674 года.

„ И они въ войско къ себѣ атамана Михайла Самарянина призывали и спрашивали, онъ ли такіе слова о строеніи на Міусѣ города, будучи на Москвѣ, говорилъ, и въ томъ В. Госуд. чинилъ убытки, и онъ де Михайло въ томъ во всемъ заирался, что о строеніи Міускаго городка, будучи на Москвѣ, не говорилъ, а говорилъ, что де въ тѣхъ мѣстахъ городу быть не мочно, для того, что въ тѣхъ мѣстахъ мѣста песчаные и лѣсовъ нѣтъ.“

(441) Тамъ же, донесеніе князя Хованскаго въ посольской приказъ отъ 4 ноября 1674 года.

въ Черкасскъ, а турки какъ бы въ заплату за это сожгли срыли до основанія Некленовское укрѣпленіе (442).

Тогда какъ князь Хаванскій находился съ войскомъ своимъ на Миусѣ, казаки пошли подъ Азовъ двумя партиями: Минаевъ съ 250 казаками пошелъ сухимъ путемъ, Родіонъ Осиповъ почти съ такимъ же числомъ людей—въ стругахъ рѣкою Дономъ. Но они скоро возвратились назадъ безъ всякаго успѣха, встрѣтивъ готовыхъ къ оборонѣ и смѣлыхъ непріятелей; въ командѣ Орла Минаева убито 15 человекъ казаковъ.

Казаки не имѣя почти возможности проходить въ море по той причинѣ, что главные рукава Дона были заняты турецкими крѣпостями, получили вѣсти о новыхъ для нихъ затрудненіяхъ по замысламъ Константинопольскаго двора. Когда князь Хованскій отправленъ былъ съ войскомъ изъ Москвы на Донъ, о походѣ его скоро распространился слухъ по всему Крыму; заключали, что Россійскій Государь имѣеть намѣреніе взять Азовъ и для того послалъ на Донъ 40/т. войска. Встревоженный ханъ, успѣвши увѣдомить о томъ турецкаго султана, который немедленно отправилъ 33 судна съ войскомъ для поправленія Азовской крѣпости, крымскій же ханъ придалъ въ помощь къ тому значительный корпусъ татаръ (443).

(442) Тамъ же, распросныя рѣчи посольскаго толмача Кучумова, приближнаго въ Москву съ Дону іюня 18 дня 1674 года.

„ Міуской де новой городокъ потопила вода и которые Донскіе казаки въ томъ городкѣ были, и тѣ для воднаго потопленія и хлѣбныя скудости, оставя тотъ городокъ, для промыслу надъ непріятели ходили на море и будучи на морѣ разгромили бусу и многихъ турчанъ побили да живьемъ 25 человекъ взяли, и тѣхъ языковъ въ Черкасской привезли они при немъ Полухтѣ (Кучумовѣ).“

(443) Крымскія дѣла, дневная записка бывшаго въ Крыму подъячяго Гаврилы Михайлова.

„ Мая во 5 день пріѣзжалъ на станъ приставъ Арсланъ-газы и въ разговорехъ сказывалъ Гаврилу, пригнѣлъ въ Крымъ къ Бакчи—сарай къ хану изъ Азова татарова сухимъ путемъ семьюз днемъ и писалъ съ нимъ къ Селимъ-Гирею хану азовской паша-мулла Гиней ага пришии на Донъ В. Государя.

Приводимые плѣнные говорили въ Черкасѣ, что турки имѣютъ твердое намѣреніе укрѣпить Азовъ, поставить новую крѣпость на устьѣ казачьяго ерика, дабы этимъ совершенно отнять у казаковъ и послѣдній путь въ море по малому числу казаковъ; вѣсти эти крайне ихъ беспокоили, одинъ разъ они даже попытались было соединенными силами разогнать пришедшія суда непріятельскія, но бывъ встрѣчены превосходнымъ числомъ враговъ, принуждены были отступить. Князь же Хованскій съ своимъ войскомъ въ то время тотько что тронулся въ походъ отъ Міуса къ Черкаску, турки не имѣя ни малѣйшаго препятствія, начали укрѣплять Азовскую крѣпость, а казаки въ крайности своей послали гонцовъ къ князю Хованскому съ просьбою о скорѣйшемъ приходѣ къ Черкаску; но онъ не успѣлъ въ свое время подать помощи, и турки укрѣпивъ Азовъ, спокойно возвратились на пришедшихъ судахъ обратно, въ великому удовольствію казаковъ (444).

Кромѣ многочисленныхъ войскъ, бывшихъ при укрѣпленіи Азова, крымскій ханъ велѣлъ еще прикочевать, какъ къ сему городу, такъ и къ устью Міуса, нѣсколькимъ татар-

ратныхъ людей и казаковъ 40 т. и хотѣть итти войною на Азовъ и чтобъ ханъ прислалъ къ нему паше на помощь крымскихъ ратныхъ людей; и тогожь де дни ханъ послалъ изъ Крыму сухимъ путемъ въ Царь-городъ къ турецкому салтану гонцовъ своихъ и писалъ о томъ къ турецкому салтану и по тѣмъ де вѣстемъ посылаетъ ханъ изъ Крыму къ азовскому паше на помощь калгу Селеметъ-Гирея салтана и съ нимъ крымскихъ ратныхъ людей мурзъ и татаръ.“

(444) Донскія дѣла, отписка войска Донскаго къ восводамъ князю Хованскому и Якову Хитрово.

„ Пришли къ Азову изъ моря многіе каторги и кояги съ воинскими людьми для обереженья Азова и стоять въ гирлахъ, а хотѣть де худне мѣста починивать и по проточнымъ мѣстамъ вновь многія крѣпости ставить, и казаки наши пошли было на море стругами, и Азовскіе люди собрався вѣтъ городомъ и съ каторгами на море струговъ не пропустили, а нашихъ малолюдно стоять противъ нихъ не въ мочь, и мы ожидаемъ вашего здоровья безпрестанно, а кои казаки были въ сѣздѣ и они поразѣхались, а нынѣ де азовцы съ прибыльными людьми припасаютъ къ городовою похѣлкѣ и къ инымъ крѣпостямъ всякіе припасы и каменья возятъ.

скимъ улусамъ. Это было поводомъ, въ непрерывнымъ обходнымъ набѣгамъ, продолжавшимся до самой зимы, въ теченіи котораго времени казаки успѣли разновременно взять у татаръ 300 человекъ плѣнныхъ.

Къ числу происшествій, случившихся въ семь году на Дону, должно отнести еще разбитіе знатной партіи татаръ на рѣкѣ Крынеѣ, впадающей съ правой стороны въ Міусъ: татары сии въ числѣ 250 человекъ были отправлены азовскимъ комендантомъ для добычи подѣ Торь и Валуйку: князь Хованскій узнавъ о нихъ отъ плѣнныхъ, послалъ отборныхъ стрѣльцовъ и казаковъ подѣ начальствомъ полковника Касагова, который встрѣтясь въ сказанномъ мѣстѣ, разбилъ ихъ совершенно, многихъ убилъ, 10 человекъ взялъ въ плѣнъ и отбилъ 20 человекъ російскихъ плѣнныхъ и нѣсколько взятаго татарами скота (445).

Князь Хованскій съ корпусомъ своимъ зимовалъ на Дону, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Повелѣніе строить крѣпость на казачьемъ ерикѣ и углубить оный протокъ. Неудачное предпріятіе на Міусѣ, російскій дворъ вознамѣрился исправить построеніемъ крѣпостей близъ самого Азова и Каланчинскихъ башней. Къ этому подалъ мысль пріѣхавшій осенью изъ войска въ Москву знатный въ то время старшина Родіонъ Калуженинъ: онъ представлялъ боярамъ, что для совершеннаго утѣсненія азовцевъ необходимо нужно построить двѣ крѣпости на двухъ устьяхъ Казачьяго ерика (*) и третью на Каланчинскомъ протокѣ. Старшина ручался, что крѣпости эти, снабженныя артиллерією и достаточнымъ гарнизономъ, уничтожатъ такъ сказать существованіе Азова и Каланчинскихъ башней, отероютъ казакамъ свободное плаваніе по морю до самого Константинополя, заградятъ входъ въ Азов-

(445) Тамъ же, распросныя рѣчи рейтарскаго строя ротмистра Шваца, прибывшаго съ Дона 18 декабря 1674 года.

(*) Верхнемъ и нижнемъ устьѣ.

ское море турецкимъ судамъ, не будутъ позволять выходить азовцамъ и ногайцамъ партіями для добычи подъ украинскіе города, ибо они обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ переходятъ Донъ. Относительно гарнизона Калуженинъ полагалъ, чтобы въ ту крѣпость, которая поставлена будетъ на верхнемъ устьѣ Казачьяго Ерика, помѣстить 5,000 человекъ, а которая будетъ на нижнемъ устьѣ 6,000, для третьей крѣпости онъ находилъ достаточнымъ гораздо меньшее число людей. Сверхъ того для поощренія войскъ къ ревностной службѣ, онъ за необходимое почиталъ обложить весь гарнизонъ достаточнымъ жалованьемъ: каждому воину въ годъ по 10 руб. и по 5 или по 6 четвертей хлѣба. Калуженинъ совѣтывалъ боярамъ предпріятіе это приводить въ исполненіе скрытно, дабы турки не могли проникнуть ихъ намѣренія и не предупредили бы сами построеніемъ на тѣхъ мѣстахъ своихъ крѣпостей: для этого предлагалъ онъ дать секретное повелѣніе князю Хованскому, который напередъ долженъ призвать къ себѣ войсковаго атамана Корнилія Ивлева и лучшихъ старшинъ для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ, и когда уже условится съ ними о всѣхъ мѣрахъ исполненія, тогда объявить всѣмъ казакамъ царскую о томъ грамоту. Пользуясь этимъ случаемъ, Калуженинъ, для пользы государства, настаивалъ у бояръ: дать позволеніе свободнымъ людямъ безвозвратно приходиться на Донъ для поступленія въ казачью службу, дабы казаки могли тѣмъ пополнять происходившую у нихъ ежегодно убыль на войнѣ, а калмыкамъ позволить кочевать около Азова, они, говорилъ старшина, могутъ преградить татарамъ всѣ пути къ Азову (446).

Россійскій дворъ находилъ предположеніе Родіона Калуженина во всѣхъ частяхъ основательнымъ и приказалъ дѣлать распоряженія о приведеніи плана этого въ дѣйствіе. Какъ скоро открылась весна, послали на Донъ вдобавокъ

(446) Тамъ же, извѣтъ донскаго станичнаго атамана Родіона Калуженина въ посольскомъ приказѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1675 года.

въ находившимся тамъ войскамъ еще нѣсколько полковъ подъ начальствомъ князя Кольцова - Масальскаго, дали секретно знать о всемъ князю Хованскому, который призвалъ къ себѣ войсковаго атамана Корнилія Яковлева и лучшихъ старшинъ, нашелъ ихъ готовыми содѣйствовать этому предпріятію. Казаки немедленно послали во всѣ свои городки грамоты о собраніи всего войска въ Черкаскаій городокъ. Между тѣмъ 12 іюня получена войскомъ царская грамота, въ которой объяснялся весь планъ; когда войсковою атаманъ объявилъ казакамъ немедленно исполнить царскую волю, они, нимало не противясь тому, просили атамана дождаться всѣхъ казаковъ изъ станицъ, за конми въ то же время послали нарочныхъ; и атаманъ извѣстилъ князя Хованскаго, что казаки по указу Царскому пойдутъ на Казачій Ерикъ строить крѣпости коль скоро дождутся верховыхъ казаковъ, а теперь идти имъ невозможно, потому что въ Черкаскаѣ весьма мало людей (447). Но атаманъ ошибся, какъ ниже увидимъ.

Препятствія встрѣченныя при исполненіи сего дѣла. Наконецъ собрались въ Черкаскаѣ всѣ казаки. Войсковою атаманъ нѣсколько разъ объявлялъ имъ волю царскую, требовалъ согласія и исполненія, но казаки отвѣчали:

(447) Тамъ же, грамота на Донъ 23 сентября 1671 года.

„ И послали вы атаманы и старшины въ верхъ по всему Дону для высылки казаковъ въ войско къ тому промыслу, избравъ добрыхъ молодцовъ на скоро. И іюня въ 12 день посланы наши В. Государя грамоты къ стольнику нашему и воеводамъ и къ вамъ атаманамъ и казакамъ, а велѣно вамъ атаманамъ и казакамъ, цосовѣтовать съ нашими В. Государя воеводы, идти для промыслу на Казачій ерикъ и для строенія городковъ, съ тѣми казаки, которые въ Черкасскомъ и въ Скородумѣ и въ Прибыломъ городкахъ, безо всякай мѣшкоты со всякимъ радѣніемъ неоплошно; а въ верхіе городки велѣно послать другихъ высильщниковъ, чтобъ по томужъ къ вамъ шли не мѣшкая; и стольникъ нашъ и воеводы о томъ скоромъ на Казачій ерикъ походѣ и строеніи городковъ вамъ говорили жъ, были въ то время они стольникъ нашъ и воеводы къ тому походу со всѣмъ въ готовности; и вы атаманы и казаки имъ стольнику и воеводамъ говорили, что въ тотъ промыслъ итти вы готовы и служить намъ В. Государю ради, только у васъ казаки не въ сборѣ, и какъ сберутся и вы въ тотъ промыслъ пойдете вскорѣ,“

„при теперешнемъ малолѣдствѣ нашемъ строить и защищать крѣпости мы не въ силахъ.“ И за тѣмъ съ неудовольствіемъ расходились изъ собранія, не рѣшивъ ни чѣмъ дѣла. На конецъ Корнилій Яковлевъ, созвавъ ихъ въ послѣдній разъ, настоятельно требовалъ, чтобы всѣ они, не расходясь изъ собранія, рѣшительно сказали: строить или нѣтъ крѣпости, дабы объ этомъ рѣшеніи донести Государю. Казаки, окончивши дѣла, стали снова расходиться, Корнилій разсердясь укорялъ, бранилъ непослушныхъ и трехъ человекъ зашибъ палкою. Тутъ все собраніе пришло въ волненіе, буйные изъ казаковъ начали бить атамана, смѣнили съ должности и на мѣсто его избрали Михайлу Самарянина. Въ ярости толпа обратила мнѣніе свое на Родіона Калуженина, какъ на главнаго виновника въ этомъ дѣлѣ, хотѣла убить его; но онъ, обороняясь паходящимся при немъ ножемъ, успѣлъ уйти въ свой домъ; откуда, по повелѣнію князя Хованскаго, перевезенъ былъ головою Скрабинимъ въ Ратный городокъ. По прошествіи трехъ дней князь Хованскій, желая помирить казаковъ съ старшиною, ѣздилъ въ Черваскъ, взявъ съ собою Родіона Калуженина; онъ успѣлъ уговорить казаковъ дать позволеніе жить ему по прежнему въ своемъ домѣ (448).

Неповиновеніе казаковъ не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій; скоро все утихло, и новый атаманъ Самарянинъ чрезъ нѣсколько дней созвалъ вновь собраніе, на которомъ положено было: идти всѣмъ войскомъ на Казачій Ерикъ для осмотра тамошнихъ мѣстъ; въ этомъ походѣ находился и князь Хованскій. Осмотрѣвъ мѣста, нашли, что двѣ крѣпости на Казачьемъ Ерикѣ построить удобно, но третью на Каланчинскомъ протокѣ нельзя, по причинѣ низменнаго мѣстоположенія. Затѣмъ князь Хованскій убѣждалъ казаковъ пристушить къ построенію крѣпостей, но ни какимъ образомъ не могъ склонить ихъ къ тому; они между прочимъ въ

Гос.
Док. Дел.
сл. X. 167
N. 12.

(448) Вышеписанная грамота и распросы рѣчи сотника Стрѣлецкаго Василья Ярцова, пріѣхавшаго съ Дону въ Москву 13 сентября 1675 года.

оправданіе свое представляли, что для охраненія этихъ крѣпостей необходимо нужно будетъ 13,000 воиновъ, а ихъ казакѡвъ всѣхъ на Дону находится не болѣе 3,000. „Ради мы, говорили они князю Хованскому, за Царя своего умереть и безъ городковъ“ (449). Послѣ этого всѣ войска возвратились въ свои городки.

Государь такимъ поведеніемъ казакѡвъ былъ весьма не доволенъ, укоряя ихъ въ ослушности; онъ грозилъ имъ, что если будутъ упорствовать далѣе, то на всегда откажетъ имъ въ денежномъ и хлѣбномъ жалованьи и подѣ смертною казнію запретить привозить къ нимъ изъ Россіи провіантъ и другія необходимыя вещи. Но казаки остались неприклонны и такимъ образомъ предпріятіе это было оставлено (450).

Поиски казакѡвъ противъ Азова и Крыма. Казаки какъ бы желая загладить свое ослушаніе предѣ Царемъ, отправили нѣсколько судовъ на море, ихъ провожало все войско, находившееся съ княземъ Хованскимъ и казаки бывшіе тогда въ Черкасѣ; но лишь только войска эти приблизились къ Казачьему Ерику, какъ были встрѣчены сильнымъ огнемъ съ батарей, поставленныхъ на лѣвой сторонѣ Каланчинскаго протока.

(449) Тамъ же, отписка князя Хованскаго, привезенная въ Москву 13 сентября.

„И какъ мы холопи твои пришли на Казачій ерикъ и мѣсто осмотра, въ которыхъ мѣстахъ пристойно быть городкамъ, и мы стали имъ казакамъ говорить, что мы станемъ тѣ городки строить, а имъ бы въ тѣхъ городкахъ сидѣть и твое Велика. Государя денежное и хлѣбное жалованье имати. И они намъ холопамъ твоимъ, въ томъ во всемъ отказали, строить городки и сидѣть въ нихъ не похотѣли, хотя бы де В. Государя жалованья намъ было и по 100 и мы де въ городкахъ сидѣть не хотимъ; ради де мы за В. Государя такъ помереть и безъ городковъ, а въ тѣ городки надобно людей 13,000, а ихъ де казакѡвъ тысячи съ три.“

(450) Дѣла Донскія, грамота на Донъ отъ 23 сентября 1675 года.

„И къ вамъ нашей государскои милости и присылки нашего В. Государя денежнаго жалованья, какъ посылавано къ вамъ на предѣ сего, никогда не будетъ и изъ нашихъ В. Государя верховныхъ городѡвъ о непронускѣ къ вамъ на Донъ всякихъ запасѡвъ нашъ В. Государя . . . учинень будетъ крѣпко полъ смертною казнію.“

Князь Хованскій силился сбить ихъ поставленными на противуположномъ берегу своими батареями; но бесполезно производя стрѣльбу по онимъ пять дней сряду, не могъ заставить молчать непріятельскую артиллерію. Въ то же время получивъ свѣдѣніе, что къ Азову пришли турецкія суда съ войскомъ, наши войска принуждены были оставить свои усилія и возвратиться въ Черкаскъ (451).

Дѣйствуя со стороны Азова, Россійскій дворъ въ то же время вооружалъ на Крымъ всѣхъ подвластныхъ ему татаръ и калмыковъ; князь Каспулатъ Черкасскій первый выступилъ съ улусниками своими въ походъ и, остановясь близъ Дона, ожидалъ главнаго калмыцкаго владѣльца Аюку тайшу; но этотъ вмѣсто того, чтобы идти самому въ походъ, послалъ брата своего Замсу, который выступилъ съ значительнымъ корпусомъ калмыковъ, съ дороги возвратился въ свои улусы, оставя только 1,000 человекъ калмыковъ съ мурзою Мазанъ-Батыремъ. Донскіе казаки, узнавши о поступкахъ калмыковъ и о томъ, что съ княземъ Черкасскимъ находится небольшое число татаръ, послали къ нему на помощь изъ войска старшину Орола Минаева съ 300 человекъ лучшихъ

(451) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи сотника стрѣлцаго Васяля Ярцова, пріѣхавшаго съ Дону въ Москву 13 сентября 1675 года.

„ И собрався казаки 3,000 человекъ прислали къ стольнику и воеводамъ, чтобы имъ дали въ помощь В. Государя ратныхъ людей, и стольникъ де и воеводы, по той ихъ посылкѣ, выходили изъ Черкаскаго къ ерику сами, а съ ними Великаго Государя ратныхъ людей было съ 4,000. И какъ де пришли на ерикъ въ тѣ мѣста, гдѣ прежь того осматривали, и тутъ нашли по другую сторону Каланчи отъ Азова построены шанцы, и въ нихъ сидятъ азовцы съ пушки и со многими иными воинскими нарядами и учили азовцы изъ тѣхъ своихъ шанцовъ В. Государя по ратнымъ людямъ стрѣлять изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья, чтобы ихъ не пропустить въ Каланчу, и стольникъ и воеводы В. Государя съ ратными людьми и съ Донск. казаки на своей сторонѣ построили жъ шанцы жъ, и изъ тѣхъ шанцовъ стрѣляли съ ними чрезъ рѣку платеры сутки, и милостию Божіею, а В. Государя и его государскихъ наследниковъ счастиемъ многихъ азовцевъ побили, да живыхъ взяли двухъ человекъ, и стоявъ въ шанцахъ провѣдали, что на море есть близъ Азова каторги и казаки на море тѣхъ итти поопасались и возвратились по прежнему въ Черкаскаго.“

казаковъ, соединясь съ княземъ, они пошли прямо къ Запорожскимъ казакамъ, гдѣ ожидалъ уже ихъ славный атаманъ Иванъ Сѣрко съ отважною дружиною, отсюда общими силами двинулись на Крымъ: перешедъ Перекопъ, который засыпали землею и камнями, они вторгнулись во внутрь Тавриды, разграбили 37 селъ и деревень, плѣнили множество татаръ и захватили большія стада. Ханъ выслалъ противъ россійскихъ войскъ значительный корпусъ подъ начальствомъ трехъ султановъ, но ихъ разбилъ на голову; побѣдителямъ досталось: бунчугъ, нѣсколько шатровъ, знатный мурза Батырша-Минсуровъ, взятый въ плѣнъ казаками. Отсюда всѣ наши войска возвратились въ свои жилища съ добычами.

Россійскій Государь, похваляя ревность казаковъ, писалъ къ нимъ: „хотя за нестроение на Миссъ и на Казачьемъ Ерикѣ крѣпостей, вы заслужили всю нашу немилость и опалу, но за вышесказанную службу опалы на васъ не налагаемъ и впредь вамъ тѣ вины ваши воспоминаваны не будутъ“ (452).

Въ то самое время, когда Ороль Минаевъ съ 300 казаковъ былъ въ Крыму, на Дону одинъ отважный старшина Беркулатъ съ малою дружиною не давалъ покою азовцамъ. Однажды съ 500 казаковъ напалъ онъ на 20 судовъ турецкихъ, производившихъ на Дону рыбную ловлю, всѣхъ людей побилъ, кромѣ четырехъ человекъ взятыхъ въ плѣнъ, забралъ сѣти, а самыя лодки привелъ въ Черкасскъ. Въ другой разъ ночью, приплывъ къ Каланчинскимъ башнямъ, засѣлъ въ

(452) Дѣла Донск. Грамота на Донъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1675 года.

„И что вы атаманы и казаки, по нашему Ф. Государя указу и по указнымъ грамотамъ и по твоему Михайлову (Михайлы Самаренина В. атамана,) и атамана жъ Родіона Калуженина объявленію, на Миссъ рѣкѣ и на Казачь ерикѣ на страхъ неприятелемъ турецкимъ и крымскимъ людямъ городковъ не построили и промыслу ни какового не учинили и учинились въ томъ намъ В. Государю непослушны, за что вы были достойны всякой нашей государскои немилости и опалы И тѣ ваши вины, за тоещъ вашу вышесказанную службу, (что ходили съ княземъ Черкасскимъ на Крымъ) жалуетъ отпущаемъ, а впредь тѣ ваши вины воспоминаваны не будутъ.“

шпанцахъ, которые построены были напередъ сего русскими войсками; привелъ въ трепеть гарнизонъ, схватилъ двухъ языковъ и, не надѣясь на дальнѣйшій успѣхъ, отошелъ назадъ. Этотъ неустоимый старшина, перетасивъ ночью суда свои чрезъ Казачій Ерикъ, залегъ по Каланчинскому протоку и по Дону въ камышахъ и, выбравъ удобный случай, разбилъ партію турокъ, нѣсколько человекъ положилъ на мѣстѣ, другихъ взялъ въ плѣнъ и съ торжествомъ пришелъ въ Черкасскъ. Наконецъ, пришедъ къ самимъ стѣнамъ Азова, произвелъ въ ономъ страшную тревогу и захватилъ стада лошадей и рогатаго скота, съ этою добычею возвратился въ Черкасскъ (453).

Присяга казаковъ Царю Ѳедору Алексѣевичу. Въ описанныхъ произшествіяхъ минули лѣто и осень 1675 года. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ явилась въ Москву зимовая станица, при войсковомъ атаманѣ Корниліѣ Яковлевѣ, дать отчетъ въ дѣлахъ и бить челомъ о жалованьѣ. Но первый мѣсяцъ новаго года былъ послѣднимъ въ жизни мудраго и кроткаго Государя Алексѣя Михайловича. Россія, оплакавъ смерть его, присягнула новому Царю Ѳедору Алексѣевичу.

До этого времени, при возшествіи царей російскихъ на престолъ, донскіе казаки не давали присяги: имъ обыкновенно присылалась грамота отъ новаго вѣнценосца, коею требовали отъ нихъ усердія и радѣнья, какое оказывали они прежнимъ Государямъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ первый изъ російскихъ монарховъ повелѣлъ всѣхъ казаковъ привести на вѣрность службы къ присягѣ и видѣлъ безмолвное исполненіе; войсковою атаманъ Корнилій Яковлевъ, съ станичнымъ атаманомъ Иваномъ Семеновымъ и находившимися при нихъ есаулами и казаками, первые въ Москвѣ дали присягу. На Донъ былъ посланъ стольникъ Семень Колтовскій, который, въ присутствіи князя Хованскаго, привелъ къ при-

(453) Распросилъ рѣчи станичнаго атамана Ивана Семенова генваря 17 дня 1676 года.

сѣгѣ всѣхъ казаковъ въ городѣ Черкасѣ, отправился во всѣ казачьи городки съ головою московскихъ стрѣльцовъ и съ тремя выборными казаками, гдѣ равнымъ образомъ всѣ казаки послѣдовали примѣру Черкасскихъ казаковъ и старшинъ своихъ (454).

Государь похваляя вѣрность казаковъ, приказалъ отправить въ ознаменованіе своей милости къ нимъ большое жалованье: 4,500 руб. денегъ, 6/т. четвертей хлѣба, 400 половинокъ суконъ, 400 ведръ вина, пороху и свинцу противу прежнихъ дачъ.

Разбой казаковъ по Волгѣ. Послѣ неудачныхъ покушеній для удержанія Порты и Тавриды отъ вторженія въ Польскіе предѣлы и послѣ тщетныхъ приступовъ къ Калансинскимъ башнямъ, Россійскій дворъ не предпринималъ болѣе никакихъ дѣйствій на Дону; вызвалъ князя Хованскаго съ большею частію войскъ россійскихъ, оставивъ въ Черкасѣ стольника Воыпскаго съ нѣсколькими полками для подкрѣпленія казаковъ и повелѣвъ симъ послѣднимъ тревожить непрерывными набѣгами Крымъ и Азовъ. Верховые казаки, скучая бездѣйствіемъ, изрѣдка стали нападать на калмыковъ, тревожившихъ набѣгами на ихъ городки. Но буйные удалцы, стекаясь со всего Дона въ городки Панышинъ и Качалинъ, составляли партіи малыя и большія и оттуда подъ начальствомъ отважнѣйшихъ атамановъ переходили на Волгу для грабежей. Скоро буйство ихъ содѣлалось извѣстнымъ Государю и войсковой атаманъ Самарянинъ получилъ строгое повелѣніе унять этихъ нарушителей общей тишины: казаки точно не потворствовали разбойникамъ, преслѣдовали ихъ, и отвѣтствовали Государю: что злодѣи разсѣяны и водворенъ прежній порядокъ, что по всѣмъ казачьимъ жилищамъ разосланы строгія войсковыя грамоты, дабы присылать въ Черкасскій городокъ всѣхъ тѣхъ, кто только похвалится воровствомъ или станеть подговаривать кого на подобныя

(454) Донскія дѣла, грамота на Довъ 1676 г. февраля 3-го.

преступленія и что на страхъ другимъ одинъ изъ буйныхъ, имѣвшихъ намѣреніе идти на Волгу грабить персидскій караванъ, казненъ въ войсковомъ кругу (455).

Но эти строгости не могли удержать казаковъ отъ разбоевъ: шайка, состоящая изъ 30 человекъ, вновь явилась на Волгѣ, подѣ начальствомъ отважнаго казака Василя Гладкова, напала на судно, плившее Волгою съ государевымъ жалованьемъ Терскому войску, связала стрѣльцовъ, провожавшихъ оное, и захватила 1,000 руб. денегъ, 827 золотыхъ 41 золотой двойныхъ и 70 половинокъ суконъ (456).

Царицынскій воевода послалъ на казаковъ войско, но ихъ не настигли: одни побѣжали на Украину, другіе разошлись по казачьимъ городкамъ, но были пойманы вѣрными казаками и привезены въ Черкасскъ вмѣстѣ съ начальникомъ ихъ Гладковымъ, гдѣ по войсковому приговору казнены смертію. Государь похваляя усердіе войска, писалъ чтобъ оно и впредь съ таковыми злодѣями поступало по своему войсковому праву, и чтобъ чрезъ послабленіе „имъ не наводило стыда и безчестія на все войско“

Отъ таковыхъ преслѣдованій, казаки мало помалу совершенно прекратили грабежи по Волгѣ; но своевольство ихъ скоро избрѣло другой родъ разбоевъ, прикрываемый благовидными причинами: сосѣди казаковъ калмыки беспокоили ихъ городки своими набѣгами, рѣзали казаковъ и отгоняли стада ихъ, хотя и взаимно были разорены; ссоры эти, время

(455) Тамъ же, память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ 1677 г. майя 25-го.

„А нивѣшней де весни въ Качалинѣ городкѣ казакъ, Сенько его зовуть, молылъ, что онъ пойдетъ съ Дону на Волгу разбивать казыбашскихъ купчинъ, а другой де казакъ въ томъ словѣ на него доводилъ, и по письму де изъ Черкаскаго городка атамана и всего войска взяты тѣ казаки оба скованы въ Черкасской, а въ войску де, въ Черкасскомъ городкѣ, никакое воровство не потакають и во всѣ городки ишутъ, будетъ кто какимъ воровствомъ похвалится и промолится, и такихъ де велѣно имать и прислать въ Черкасской городокъ.“

(456) Тамъ же, память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ 1677 года іюня 28-го.

отъ времени увеличиваясь, достигли наконецъ до того, что они другъ въ другѣ видѣли однихъ враговъ своихъ. 300 казаковъ безъ вѣдома войсковаго атамана и старшинъ, подъ начальствомъ Голубинскаго городка атамана Зота Иванова, двинулись къ Царицыну, везя съ собою на колесахъ 14 легкихъ судовъ, остановились въ семи верстахъ отъ города и требовали чрезъ посланныхъ своихъ отъ царицынскаго воеводы Пущина свободнаго пропуска себѣ на Волгу, представляя что они посланы отъ войска разорять калмыцкіе улусы по указу Государеву. Пущинъ не вѣря расказамъ, уговаривалъ казаковъ воротиться въ свои городки, угрожалъ имъ гнѣвомъ царскимъ, но ограничась словами, не употребилъ силы и допустилъ, что казаки ниже Царицына спустили суда свои на Волгу и поплыли къ Астрахани (457). Тамъ кочевалъ мирный аулъ Едисанскаго мурзы Ислама; казаки ночью подкрались къ аулу, бросились на ставки самаго мурзы, схвати-

(457) Тамъ же, память изъ Казанскаго дворца въ Посольскій приказъ 1677 года іюня 28.

„ Писалъ къ В. Государю съ Царицына воевода Кирило Пущинъ, майя де въ 1 день прѣѣхали на Царицынъ два человека донскихъ казаковъ, одинъ Черкаскаго городка Петрушка Осиновъ, а другой Голубинскаго—Онисейка Шубинъ и говорили ему гѣ казаки: прислали де ихъ на Царицынъ съ урочища съ Ключа, отъ Царицына за 7 верстъ, бить челомъ Великому Государю Донскіе казаки атаманъ Голубинскаго городка казакъ Зотко Ивановъ съ товарища, чтобъ В. Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ чрезъ рѣку Волгу перевестись на луговую сторону и идти на калмыковъ войною, а всѣхъ де ихъ казаковъ изъ разныхъ городковъ въ сборѣ съ 300 человекъ, и сборъ де у нихъ былъ въ Голубинскомъ городкѣ. И по указу де В. Государя гѣмъ Донскимъ казакамъ присылщиномъ онъ Кирило говорилъ съ великимъ подкрѣплениемъ, чтобъ они на калмыковъ не ходили и ссоръ и задоровъ ни въ чемъ съ ними не чинили и В. Государя указу ослушны не были, и гѣ казаки присылщикъ ему сказали: по указу де В. Государя на калмыковъ войною имъ ходить велѣно. Да майя въ 3 день сказывалъ ему Кирилу ниже де Царицына на маломъ острову въ полночь съ нагорной стороны отъ Яшанки рѣки погребли внизъ рѣкою Волгою мимо ихъ стану въ 14 лодкахъ человекъ по 15 и по 20 въ лодкѣ да въ тужь де пору на нагорной сторонѣ тележныя колеса скрипѣли, а часть де гѣ люди Донскіе казаки, потомужъ, что на нагорной сторонѣ выше верхней Яшанки рѣки о урочище у Красной горы въ стени къ рѣкѣ Волгѣ ташены лодки.“

ли жену его и дочь, взяли въ плѣнъ 45 душъ, забрали Исламова имущества на 600 руб. и съ сею добычею пошли на Донъ. Съ дороги отпустили плѣннаго татарина сказать Исламу, что отдадутъ ему жену и дочь, если онъ пришлетъ къ нимъ къ Черному Яру или къ Царицыну 250 лошадей, обѣщаясь также договориться и о прочемъ захваченномъ имуществѣ. Князь Щербатовъ, воевода Астраханскій, узнавъ о семъ насильственномъ поступкѣ казаковъ, выслалъ противъ нихъ 200 человекъ стрѣльцовъ, которые однакожъ не могли остановить казаковъ, спокойно шедшихъ съ добычею на Донъ. Огорченный Государь, запрещая казакамъ въ грамотѣ своей нападать на подвластныхъ калмыковъ, велѣлъ: „своевольникамъ учинить по своему войсковому праву, кто до чего доведется,“ возвративъ при томъ все пограбленное въ аулѣ Ислама (458).

Приступъ казаковъ къ Темрюку и къ Азову. Казаки, бывшіе въ городѣ Черкасскѣ, по обычаю пускались въ наѣзды: храбрый старшина Родіонъ Калуженинъ съ 700 казаковъ поплылъ моремъ въ Таврической проливъ, подступилъ подъ г. Темрюкъ, выжегъ предмѣстіе онаго и взялъ въ плѣнъ 150 человекъ, заплатя за то собственною жизнію: онъ былъ убитъ подъ стѣнами города вмѣстѣ съ есауломъ Федоромъ Мурзиннымъ и 20 храбрыми казаками (459). Прочіе оставшіеся въ Черкасскѣ казаки также не были въ бездѣйствіи:

(458) Тамъ же, грамота на Донъ 1677 г. іюля 31 дня

(459) Тамъ же, грамота на Донъ 1677 г. сентября 6 дня.

„Явился въ Посольскомъ приказѣ станичный вашъ атаманъ Потапъ Пократевъ да есаулъ Назаръ Захаревъ съ товарищи 14 человекъ, а съ собою привезли въ языкъхъ дву человекъ татаръ, а въ расиросѣ они атаманъ и казаки сказали: въ прошломъ де 186 году до Свѣтлова Христова Воскресенія ходили изъ войска въ промыслъ на морѣ, съ атаманомъ съ Родіономъ Калуженинымъ, казаковъ съ 700 человекъ на Ногайскую сторону на турецкой городъ Темрюкъ моремъ на судахъ, и приступали того города къ осаду и взяли тутошнихъ жителей мужеска и женска полу челов. со 150 и иныхъ многихъ побил, а бою было у нихъ два дни и на томъ бою убитъ атаманъ Родіонъ Калуженинъ да есаулъ Федоръ Мурзинъ да казаковъ 20 человекъ.“

они всѣмъ войскомъ приступили къ Каланчинскимъ башнямъ, и, оставивъ тамъ бывшіе съ ними російскіе полки для осады, сами бросились на Азовъ. Гарнизонъ этой крѣпости думалъ противустать имъ подъ стѣнами, но былъ прогнанъ въ крѣпость; кромѣ убитыхъ казаки успѣли схватить 7 чловѣкъ азовцевъ въ плѣнъ (460). Предпріятіе это невякло за собою никакихъ дальнихъ слѣдствій; по большой осторожности азовцевъ, казаки даже безъ добычи возвратились въ Черкасскъ.

Походъ казаковъ въ соединеніи съ Россійскою арміею и дѣйствія въ оной. Тревожа сосѣдей своихъ, казаки уже нѣсколько десятковъ лѣтъ не участвовали совокупно съ Россійскою арміею въ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи; но въ 1678 году, когда турецкій султанъ и крымскій ханъ вооружили народы свои на отечество наше, собралась грозная рать московская въ украинскихъ городахъ подъ главнымъ предводительствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго; туда стеклись воины изъ области Россіи. Царь требовалъ на защиту отечества донскихъ казаковъ, калмыковъ и князя Каспулата Черкаскаго съ подвластными ему татарами. Россійскій дворъ, имѣя основательныя свѣдѣнія о ненависти казаковъ къ калмыкамъ, и находя нужнымъ, чтобы въ это время прекращены были между ними ссоры, невыгодныя для обѣихъ сторонъ, послалъ на Донъ къ казакамъ въ генварѣ мѣсяцѣ бѣлогородскаго жителя Ивана Маслова съ увѣщательною грамотою о примиреніи ихъ съ калмыками;

(460) Тамъ же.

„А послѣ того спустя недѣли съ двѣ ходили въ атаманъ и казаки Михайла Самаренинъ всѣмъ войскомъ подъ Азовъ; да съ вамижъ посылалъ стольникъ нашъ и воевода Иванъ Волинскій съ товарищи для береженья нашихъ В. Государя ратныхъ людей на шести стругахъ съ пушками и стояли на Казачьемъ Ерью для обереганія въ Каланчинскихъ башняхъ, и выходили подъ Азовъ за каланчинскія башни и учина бой подъ Азовомъ, были у самихъ городовыхъ воротъ азовскихъ и взяли 7 члов. татаръ азовскихъ жителей, а взяли тѣхъ азовцевъ съ нашими В. Государя ратными людьми, возвратились на Донъ въ цѣлости.“

а на этих послѣднихъ дѣйствовалъ князь Каспутъ Черкасскій и стольникъ Бозловъ, находившійся тогда при немъ. Послѣ многихъ затрудненій наконецъ согласили казачество и казаковъ выслать на назначенное мѣсто депутатовъ, гдѣ они утвердили примиреніе свое клятвою (461).

Начались приготовленія къ походу; со стороны войска Донскаго послано было 1,000 человекъ пѣхоты, подѣ начальствомъ атамана Койона Кирилова и столько же конницы подѣ предводительствомъ атамана Михаила Самарянина и полковника Фрола Минаева; войско сіе достигло дѣйствующей армии и участвовало въ Чигиринскомъ дѣлѣ (462).

Въ слѣдующемъ 1679 г. Государь, собирая вновь ополченіе на отраженіе турокъ и татаръ, хотѣвшихъ ворваться въ Малороссію, требовалъ отъ войска Донскаго большаго числа конницы для защиты отечества. Съ открытіемъ весны казаки начали собираться: низовые въ Черкасскѣ, верховые же въ одномъ изъ верховыхъ городковъ, по удобности оттуда похода. Но въ то самое время три тысячи ногайцевъ, черкесовъ и азовцевъ, подѣ начальствомъ азовскаго паша, перешли Донъ, остановились въ виду Черкасска при нижнемъ устьѣ рѣчки Аксая и послали оттуда двухъ мурзъ Урака и Дивлета съ 1,000 человеками татаръ подѣ Черкасскъ. Казаки, выждавъ удобный случай, сдѣлали на непріятеля столь стремительное нападеніе, что на мѣстѣ положили 100 человекъ, убили мурзу Урака и взяли въ плѣнъ Дивлета мурзу

(461) Наказъ бѣлгородцу Ивану Маслову, отправленному на Донъ генваря 9 го 1678 г. и грамота на Донъ 1679 года декабря 14 го.

(462) Распросима рѣчи станичнаго атамана Петра Евдокимова и есаула Ивана Федорова 1678 г. іюля 17 дня.

„А съ Дону пошли они, В. Государь, на службу, къ боюромъ и воеводамъ ко князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи, затѣмъ Петрова восту на первой недѣли пѣшимъ строемъ; атаманъ у нихъ Койонъ Кириловъ, а казаковъ съ ними 1,000 человекъ А конною ратью пошлѣ съ Дону атаманъ Михаилъ Самаринъ да полковникъ Фролъ Минаевъ, а съ ними казаковъ съ 1,000 къ человекъ, прежде ихъ походу за недѣлю.“

съ 16 человекъми татаръ. Встрѣтивъ здѣсь неудачу, азовскій паша, спустя болѣе недѣли, обратился на украинскіе города и билъ на Чугуевъ и Печенѣгу, гдѣ истребилъ и въ плѣнъ взялъ многихъ жителей, но близъ Валукъ былъ достигнуть и разбитъ харьковскимъ полковникомъ Донцомъ, который многихъ татаръ положилъ на мѣстѣ и отнялъ 150 человекъ русскихъ плѣнныхъ, а прочихъ татары въ бѣгствѣ своемъ порубили (463).

Отразивъ непріятелей войско Донское, состоявшее изъ 3,000 человекъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Корнилія Яковлева и старшины Григорія Петрова, двинулось въ украинскіе городамъ и остановилось подъ Царевымъ Борисовымъ городомъ, гдѣ поступя подъ главное начальство князя Каспулата Черкаскаго обязано было по распоряженію начальства оберегать Украину эту отъ непріятельскихъ набѣговъ. Здѣсь казаки получили свѣдѣніе, что многочисленная толпа татаръ опустошаетъ окрестности Чугуева и Печенѣгъ, дали знать объ этомъ князю Каспулату Черкаскому, стоявшему съ войсками въ окрестностяхъ Валуйки, и общими силами слѣзши на отраженіе враговъ. Но узнавъ,

(463) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ларіона Федорова 1679 г. августа мѣсяца.

„Послѣ де Петрова дни приходили къ намъ подъ Черкаскъ ногайци черкесы и азовцы съ 8/т. челов., а начальный надъ ними азовскій паша да съ нимъ 16 человекъ мурзъ, и стояли за Оксаемъ у верхняго перевоза и переходили къ нимъ на островъ человекъ съ тысячу, а съ ними два мурзы Уракъ да Дивлетъ, и милостию де Божіею и В. Государя щастіемъ изъ тѣхъ людей побили они человекъ со ста, да Урака мурзу убили же, да живьемъ вали Дивлета мурзу Асланбекова сына, да татаръ 16 человекъ и стоялъ де тѣ татаровя послѣ бою съ полдня или больше пошли назадъ къ Азову, и стоявъ подъ Азовомъ съ недѣлю, пошли подъ государевы украинные города и били подъ Чугуевъ, подъ Печенѣгу, и слышали де они, что тѣ татаровя подъ тѣми городами многихъ людей побили и въ полонъ понмали, и какъ де они пріѣхали на Вайдуку, и на Вайдукъ слышали, что ходилъ за тѣми татары собрався харьковскій полковникъ Григорій Донецъ и какъ ихъ догналъ и учина съ ними бой, многихъ побралъ и русскаго полону человекъ съ полтораста отбилъ и языковъ побралъ, и какъ де тѣ татаровя видя свою немочь побѣжали и русской полонъ, который у нихъ остался, многихъ порубили.“

что непріятель свирѣпствуетъ уже около Зміева и Соколова, поспѣшно устремились туда и настигли враговъ въ степи, возвращавшихся съ добычею и плѣнонь; нападеніе казаковъ и войскъ князя Черкаского столь было удачно, что кромѣ убитыхъ взято было нѣсколько человекъ въ плѣнь, отбито множество лошадей и взятъ весь обозъ (464). Въ этомъ году со стороны турокъ и татаръ не было предпринимаемо противъ Россіи никакихъ важныхъ дѣйствій, и потому войска собранныя подь Кіевомъ находились чрезъ все лѣто безъ всякаго дѣйствія; съ наступленіемъ осени корпусъ князя Каспулата Черкаского былъ весь распущенъ, и донскіе казаки возвратились въ свои жилища.

Въ концѣ 1679 г. явились въ Москвѣ отъ крымскаго хана Муратъ Гирея послы съ мирными предложеніями; Государь Россійскій, желая съ своей стороны превратить тягостую для обѣихъ сторонъ войну, отправилъ въ Крымъ для дальнѣйшихъ переговоровъ, какъ съ Муратъ Гиреемъ, такъ и съ турецкимъ султаномъ, чиновника Ивана Сухотина и дьяка Василія Михайлова вмѣстѣ съ крымскими послами (465).

(464) Тамъ же, похвальная грамота на Донъ 1679 года въ августѣ мѣсяцѣ.

„ По нашему В. Государя указу вышли вы на нашу В. Государя службу на Царевъ Борисовъ и вѣдомо вамъ учинилось, что многіе азовскіе воинскіе люди съ ногайцы пошли подь наши В. Государя украинскіе города, подь Харьковъ, подь Чугуевъ, подь Печенѣгу войною и вы по тѣмъ вѣстямъ писали съ Царева Борисова на Валуѣку къ подданному нашему ко князю Каспулату Мудаловичу Черкаскому и къ стольнику нашему и воеводѣ къ Кузьмѣ Козлову, чтобъ за помощію Божією соединясь онъ съ вами учинилъ надь тѣми непріятельскими людьми промыселъ, и пошли вы подь Чугуевъ наскоро, чтобъ тѣхъ непріятельскихъ людей въ тѣхъ мѣстѣхъ застать, и сошлись вы съ княземъ К. М. Черкаскимъ августа въ 11 день, а непріятельскихъ людей въ нашихъ В. Государя украинскихъ городѣхъ до приходу своего подь Чугуевъ за многіе дни не застали, и въ нынѣшнемъ же году въ августѣ мѣсяцѣ тѣхъ азовцы и ногайцы приходили войною подь украинскіе города подь Зміевъ, подь Соколовъ большимъ собраніемъ, и соединясь вы съ княземъ Каспулатомъ Муц. Черкаскимъ и съ стольникомъ нашимъ и воеводою съ Казымоу Козловымъ и съ яицкими казаками, за тѣми непріятельскими людьми ходили и догнали ихъ въ степѣ на рѣчкѣ Берекѣ августа въ день и многихъ ихъ побили и переранили и языкъ . . . и людей побрали.“

(465) Тамъ же, грамота на Донъ 1679 года сентября 16 го.

Между тѣмъ, какъ переговоры о мирѣ продолжались въ Крыму, подъ Кіевомъ вновь собиралась армія російская, подъ главнымъ начальствомъ князя Голицына, и потому вновь требовались въ составъ оной: князь Каспулатъ Черкасскій и донскіе казаки. Уже было прислано къ этимъ послѣднимъ 10,000 руб. на жалованье, полагая атаманамъ по 7 руб., есауламъ по 6 и рядовымъ казакамъ по 5 руб., уже казаки начали стекаться въ Черкасскій и другія сборныя мѣста, какъ вдругъ чрезъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Азовомъ, казаки узнали, что главный калмыцкій владѣлецъ Аюка тайша имѣетъ тайныя сношенія съ азовцами и послалъ въ крымскому хану пословъ просить о принятіи его въ свое подданство и о позволеніи кочевать между Азовомъ и Кубанью, или между Крымомъ, Азовомъ и Донцомъ; что къ Азову пришло уже 500 человекъ ногайцовъ и черкесовъ и столько же калмыковъ, что войска около Азова время отъ времени увеличиваются и собралось уже болѣе двухъ тысячъ, и что вскорѣ ожидаютъ Капланъ пашу съ войскомъ на 70 судахъ неизвѣстно для какихъ намѣреній. Въ сіе же самое время и Россійскій дворъ получилъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія о замышляемой измѣнѣ тайшою Аюкою, а потому предписано было казакамъ остаться на Дону и наблюдать за движеніемъ непріятелей (466). Но прежде нежели повелѣніе это было получено Дон-

„ Въ нинѣшнемъ 188 году къ намъ В. Государю прислалъ Крымскій Муратъ Гирей ханъ и калга и нурадинъ султаны гонцовъ своихъ Алима агу съ товарищи и съ ними писали, чтобъ намъ В. Г. бити съ салтаномъ турскимъ и съ нимъ ханомъ въ дружбѣ и любви, и для того указали мы В. Государь послать въ Крымъ посланниковъ, и мы В. Государь по той хана крымскаго прислалъ указали, для обновленія съ салтаномъ турскимъ и съ нимъ ханомъ дружбы и для разныи плѣнныхъ людей послать въ Крымъ нашихъ Ц. Величества посланниковъ Ивана Иванова сына Сухотина да дьяка Василья Михайлова и съ ними отпустить и крымскихъ гонцовъ и велѣно имъ съ Москвы ѣхать къ вамъ въ Черкасской, а съ Черкаска въ Азовъ.“

(466) Тамъ же, грамота на Донъ 1680 г. іюня 16 дня.

„ И въ нинѣшнемъ же 189 году къ намъ В. Государю писали вы съ старичиницъ своихъ атаманомъ съ Алексеемъ Изумовымъ съ товарищи, что вы на

цами, передовой полкъ подъ начальствомъ атамана Самойлы Лаврентьева находился уже подъ городомъ Волуйкою, прочіе полки были войсковымъ атаманомъ возвращены на Довь. Но сіи собранныя подъ Азовомъ войска непріятельскія не показывали никакихъ движеній; заключенный же тогда міръ съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ на время удалили эти толпы хищныхъ непріятелей; вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилось дружеское согласіе между казаками и азовцами.

Н а б ѣ г и а з о в ц е в ѣ. Въ это время находился въ Азовѣ комендантъ Сеинъ-Бей, человекъ корыстолюбивый и жалный къ добычамъ; вскорѣ послѣ замиренія азовцевъ съ казаками, при размѣнѣ плѣнныхъ, отнялъ у Донцовъ 36 человекъ татаръ, переранилъ казаковъ, бывшихъ при семъ случаѣ, и отнялъ у нихъ ружья, посылалъ азовцевъ подъ городки хватать казаковъ, другихъ грабилъ на звѣриныхъ ловляхъ и наругался надъ ними, инымъ обстригалъ бороды и

нашу В. Государя службу въ полки подъ Кіевъ итти готовы. Да въ той же вашей отпискѣ написано, что пришедъ въ Азовъ Магмедъ-паша, а съ нимъ ногайцовъ и черкесъ 500 челов., да и Капланъ паша со многими воинскими людьми будетъ же; а мая въ 22 день къ намъ В. Г. выжъ атаманы и казаки писали и нарочныхъ своихъ посмльщиковъ на Волуйку съ тою отпискою прислали, что пришло подъ Азовъ изъ калмыцкихъ улусовъ, отъ Аюка тайши, съ азовскимъ Сеинкаемъ агоею 500 челов. калмыковъ, да съ ними ыртвовскіе астраханскіе татарова, а котораго улуса муромъ и сколько челов., того вамъ невѣдомо, и собираются подъ Азовомъ ногайцовъ, черкесовъ и азовцевъ тысячи съ двѣ и больше и вдутъ подъ наши В. Государя украинные города войною вскорѣ, и нынѣшнимъ же лѣтомъ ждуть въ Азовъ Каплана пашу съ большимъ собраніемъ на 70 каторгахъ.“

„ Крымскія дѣла, статейный списокъ бывшаго въ Крыму посланника подъячаго Гаврилы Михайлова и распросныя рѣчи узденей Илимъ-Аги и Ишехай Сейдалова, присланныхъ княземъ Каспулагомъ Черкасскимъ въ Казанскій приказъ.

„ Да въ нихъ уздени сказали: какъ де они были въ Крыму и при нихъ де зимою прѣзжали въ Крымъ изъ Азова съ азовскими татарами калмыцкаго Аюка тайши присмльщики чтобъ крымскій ханъ былъ съ нимъ Аюкаемъ въ соединеніи, а у крымскаго хана прошали, чтобъ Аюка тайшѣ дали кочевать мѣсто межъ Азова и Кубани рѣки.“ По показанію же посла Михайлова Аюка тайша просилъ подъ кочевья земли, лежащія между Крымомъ, Азовомъ и Донцомъ.

усы (467). Казаки выгѣли мщеніемъ, но скрѣпясь сносили обиды, исполняя строгое повелѣніе Царя Россійскаго не дѣлать никакихъ нападеній на азовцевъ и крымцевъ. Сениъ-Бей простеръ свою дерзость еще даѣе: онъ собралъ ногайцевъ, черкесъ и азовцевъ, послалъ ихъ для грабежей подъ Торь, Изюмъ и другіе города и самъ выступилъ съ артилеріею для поддержанія ихъ. Несчастные жители, приведенные въ безпечность миромъ, не могли предвидѣть вѣроломства хищныхъ татаръ, которые напавъ на нихъ нечаянно захватили большой плѣнъ и отогнали стада ихъ въ Азовъ.

Войсковою атаманъ, свѣдавъ гнусный поступокъ азовскаго бея, послалъ къ нему знатныхъ старшинъ съ выговоромъ и требованіемъ, чтобы онъ прекратилъ набѣги на Россійскіе пограничные города и освободилъ плѣнныхъ; бей отвѣтствовалъ: „хотя турецкій султанъ съ Россійскимъ Государемъ заключили миръ; но онъ и впредь будетъ посылать азовцевъ на украинные города, для того, что имъ прокормиться будетъ не чѣмъ.“ Старшины говорили, что если азовцы не уймутся, то войско Донское станетъ отражать силу силою. Бей отвѣчалъ, вмѣсто удовлетворенія: „дѣлайте надъ нами все, что вамъ угодно, мы васъ винить не станемъ; но не имѣйте и вы на насъ гнѣва, если намъ удастся взять у васъ что силою“ (468). Послѣ этого старшины требовали отъ него оку-

(467) Дѣла Донскія, распросни рѣчи станичнаго атамана Федора Егорова.

„А азовцы де имъ донскимъ казакамъ за миромъ многіе неправды починали и имѣ чинять непрестанно, а у нихъ Донскихъ казаковъ, какъ привозили къ Азову для разнѣны и на окупу, старыхъ взятыхъ татаръ отбили безъ окупу 36 челов. и многихъ казаковъ переранили и ружья отобрали, а которые де казаки ходять на звѣриной промыслъ и тѣхъ де казаковъ грабять и, наругаясь, бороды и усы остригають.“

(468) Тамъ же.

„Бей старшинамъ говорилъ: хотя де у В. Государя съ салтаномъ ихъ и миръ, а ему де азовцевъ подъ государевы украинные города для полону и впредь посылать для того, что де азовцамъ, кромѣ того кормиться нечѣмъ, и отъ войска де посыльщики тому бешу говорили, что и они казаки войскомъ стануть надъ ними промыслъ чинить, и бей войсковымъ посыльщикомъ сказалъ, что де они надъ нами учинять, того де они спрашивать надъ ними не стануть, а на нихъ бы де такъ же не спрашивали.“

на деньгами или плѣнными россиянами за отнятыхъ у казаковъ на размѣнномъ мѣстѣ татаръ; бей отговаривался немѣнѣемъ денегъ, потомъ свазалъ имъ, что заплатитъ въ то время, когда возможность будетъ, въ противномъ случаѣ предоставляя казакамъ взять станицу татаръ, гдѣ имъ она попадется въ руки (469).

Старшины по возвращеніи въ Черкасскъ, рассказавъ о поступкахъ бей, присовокупили, что Азовъ наполненъ плѣнными російскими людьми, что эти несчастные терпятъ поруганіе, бывъ водимы по улицамъ Азова связанные человѣкъ по десяти, что они непрерывно вывозятся покупателями въ Крымъ, Тамань и къ черкесамъ. Тронутые положеніемъ ихъ казаки единодушно положили отмстить азовцамъ и требовали отъ войсковаго атамана вести ихъ на враговъ, предлагая, чтобы часть казаковъ, перетавивъ суда изъ Донца на Міусъ, бросилась на посадки азовскіе моремъ, а другая сухимъ путемъ; но предпріятіе сіе остановлено было твердстію атамана Фрола Минаева, который убѣждалъ ихъ не нарушать царскаго повелѣнія и тѣмъ не наводитъ гнѣва его на все войско Донское, впрочемъ положили казаки о враждебныхъ поступкахъ азовскаго бей, донестъ Государю и ожидать царскаго повелѣнія (470).

Непріятельскіе набѣги азовцевъ, ногайцевъ и черкесовъ не только не прекратились, но еще увеличились; одна изъ партій ихъ схватила въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1682 г. чиновника Мезен-

(469) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Пахома Сергѣева 1682 г. апрѣля 10 дня.

„И бей де Семъ тѣмъ ихъ мировщикомъ сказалъ, что онъ за тѣхъ татаръ окупу нынѣ платитъ не станеть, а заплатитъ онъ послѣ какъ время будетъ, а будетъ де онъ имъ окупу не заплатитъ, и они бъ сами противъ того взди станицу гдѣ имъ попадется; да и для де того окупу и размѣны за нихъ не дастъ, что они казаки не продаютъ имъ, по прежнему, дровъ и уголья.—А войскомъ де приговорили и постановили накрѣпко, что имъ отнюдь никому явно и тайно дворовъ и уголья не продавать и не возить.“

(470) Тамъ же, распросныя рѣчи атамана Федора Егорова.

цова, ѣхавшаго въ Торскую крѣпость воеводою съ 170 человекѣми, отправленными съ нимъ же для увеличенія тамошняго гарнизона. Другая партія татаръ, состоящая изъ 500 человекѣвъ, ворвалась было въ Торской уѣздъ, но узнавъ, что изъ Черкаска выступили противъ нихъ казаки, возвратилась въ Азовъ. Не одна украина была опустошена азовцами; въ іюлѣ мѣсяцѣ 1683 года многочисленная партія ихъ, разграбивъ окрестности Чернаго Яра и Царицына, подходила подъ казачьи городки Паншинъ и Качалинъ, гдѣ убила нѣсколько человекѣвъ казаковъ и отогнала весь скоть, но посланными изъ Черкаска казаками была совершенно разбита (471).

Грамота крымскаго хана въ донскимъ казакамъ и отвѣтъ на оную. Обиды азовцевъ казаки сносили съ удивительнымъ терпѣніемъ. Желая вполнѣ сохранить покой, она послали изъ войска во всѣ свои городки войсковыя грамоты съ предписаніемъ, чтобы никто изъ казаковъ на подданныхъ крымскаго хана и на самой Крымъ не дѣлалъ нападенія, въ которомъ же городѣвъ окажутся ослушники, тотъ городовъ будетъ сожженъ, жители его сгонятся съ Дону, а защитники будутъ казнены смертію (472).

(471) Грамота царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича крымскому хану Муратъ-Гирею, 1683 года августа 11-го.

„Писали къ намъ В. Государемъ къ нашему Ц. В. съ Дону донскіе казаки, что іюня мѣсяца въ разныхъ числѣхъ приходили войною азовскіе татары, совокупясь съ горскими черкесами, подъ ихъ казачьи верховне городки подъ Паншинъ и подъ Качалинъ и многихъ казаковъ побили и скоть весь отогнали, и они казаки увидя такое отъ тѣхъ татаръ разореніе и многіе досады, послали казаковъ за тѣми татарами въ погоню, и тѣ казаки дошли ихъ въ стени у рѣки Дона на рѣчкѣ Лискѣ, и былъ у тѣхъ казаковъ съ тѣми ворами съ азовскими татарами и горскими черкесами, которые подъ ихъ казачьи городки приходили и погромили, бой, и на томъ бою казаки взятой русской полонъ и скоть у нихъ отбыли и въ полонъ ихъ самыхъ взяли нѣсколько человекѣвъ.“

(472) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станничнаго атамана Пахомъ Сергѣева.

„По его государеву указу разосланы изъ войска во всѣ въ нижніе и въ верхніе казачьи городки подъ смертною казнію приговоры, чтобы никто съ азовцами и съ калмыками не ссорился и на морѣ и на Волгу для воровства и добычи не ходилъ, а

Но маловажный случай подалъ поводъ къ нѣкоторымъ неудовольствіямъ между ханомъ и Донцами, кои однакожь окончились одною письменною размолвкою: одна партія, посланная войсковымъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ для обыкновенныхъ наблюдательныхъ разъѣздовъ, по правую сторону Дона, состоящая изъ 60 человѣкъ казаковъ и 50 калмыковъ, рѣшилась испытать своего счастья подъ Перекопомъ и пустилась во внутрь Крыма.—Около Торскихъ озеръ встрѣтивъ малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ, возвращавшихся съ солью, удалцы взяли отъ нихъ проводниковъ, достигли окрестностей Перекопа, захватили тамъ 800 лошадей и спокойно пригнали ихъ на Донъ (473). Успѣхъ сей возжегъ другихъ хабрецовъ; ходило еще нѣсколько малыхъ партій въ Крымъ и возвратились съ добычами и плѣномъ; но одинъ отрядъ, изъ 70 человѣкъ состоявшій, былъ подъ Перекопомъ разбитъ татарами. Раздраженный Муратъ Гирей прислалъ къ войсковому атаману Фролу Минаеву грозную грамоту: „тебѣ извѣстно, писалъ онъ, что у меня съ Россійскимъ Государемъ миръ и условіе другъ другу обидъ и разореній не дѣлать. Ты не желаешь покоя, непрестанно посылая казаковъ и калмыковъ подъ Перекопъ для грабежей. Я же ни одному изъ подданныхъ моихъ не вѣлю нападать на границы Русскаго царства. Если сважешь, что татары приходятъ подъ ваши городки и хватаютъ казаковъ, то вѣдай, что тѣ люди посылаются азовскимъ беємъ, а не мною; изъ моихъ подданныхъ ни одинъ человѣкъ не осмѣлится на то, ибо смертію казненъ будетъ. Достойное письмо сіе посылаю къ тебѣ съ однимъ изъ великихъ аговъ моихъ; съ нимъ возврати мнѣ весь пограбленный казаками скотъ и взятый плѣнъ; если же не исполнишь сего, то повелю моимъ подданнымъ

буде изъ котораго городка такое злое дѣло учинится, и за то того городка казаковъ выбить вошь и съ рѣки Дону сослать, чтобы имъ нигдѣ приставища не было, а городокъ сжечь, а заводчиковъ вѣшать и рубить.“

(473) Крымскія дѣла № 71; распросныя рѣчи малороссійскаго старшиинъ Ивана Мазены.

дѣлать непрерывныя нападенія на казачьи жилища, а зимой по льду самъ приду на Донъ съ несмѣтными силами татаръ и ногайцевъ, нападу на ваши тридцать два городка, и если всѣхъ ихъ истреблю, то и тогда дружба моя съ Россійскимъ Государемъ прервана не будетъ. Ежели хочешь исполнить мое требованіе, то все взятое пришли ко мнѣ съ знатнымъ челобѣкомъ.“ На такія угрозы казаки отвѣчали хану: „скотъ угнали отъ Перекопа не мы, а калмыки; ты упрекаешь насъ нарушеніемъ мира, но вспомни сколько разъ жаловались ми тебѣ на азовскаго Сеинъ-бея, который, вопреки мирнымъ договорамъ, разоряетъ и насъ и Украйну. Теперь повторяемъ тебѣ если и за симъ не запретишь Сеинъ-бею злодѣйствовать, то и мы войско Донское будемъ вооружаться. Чтожъ касается до угрозъ твоихъ разорить жилища наши, то они неворыстны, а надобно ихъ доставать твердо головами, стадъ же у насъ конскихъ и животныхъ мало, даромъ тебѣ забиваться въ столь дальній путь.“ (474). Послѣ сей письменной брани набѣги съ обѣихъ сторонъ прекратились

Разбой казачковъ. Спокойное поведеніе казаковъ не долго продолжалось: въ верховыхъ городкахъ, какъ и въ самомъ Черкасѣ, начали проявляться охотники въ поискамъ, изъ коихъ одни хотѣли рѣкою Волгою пробраться до Персидскихъ предѣловъ и тамъ искать добычи, а другіе идти подъ Азовъ и Крымъ; но всѣ эти замыслы отвращены были твердостію атамана Фрола Минаева и старшинъ (475).

(474) Дѣла крымскія, грамота Муратъ Гирей хана Крымскаго войску Донскому и отписка войска Донскаго на сію грамоту.

(475) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1682 г. апрѣля 7-го.

„А изъ Паншина городка казаки Васья Пятинзскій съ товарищи, пошли вверхъ по Дону, по Крымской сторонѣ и хотѣли собраться въ Кременскомъ и Клецкомъ и въ иныхъ верховыхъ городкахъ, и собрався хотѣли идти подъ Азовъ войною, а изъ Черкаскаго городка пошли казаки и калмыки и татары подъ Крымъ войною, а иные хотятъ идти Волгою на моръ въ Шахову область, да и впредь въ тѣ мѣста ходить хотятъ же, и о томъ въ Черкасскомъ были переговоры въ кругахъ, что нынѣшней весны идти съ Дону въ тѣ вышеупомянутыя мѣста на Волгу.“

Однакожь два буйные казака Илья Ивановъ и Астахъ Грековъ, убѣжавъ изъ Черкаска въ верховые городки, набрали тамъ шайку до 150 человекъ и отъ устья рѣки Хопра пошли вверхъ по Дону: на пути приставали къ нимъ разныхъ станицъ казаки и пока дошли они до рѣчки Калитвы, то партія ихъ увеличилась до 300 человекъ; разграбивъ на пути всѣ селенія и шесть барокъ, плывшихъ по Дону, умноживъ число свое еще 40 человеками русскихъ бродягъ, они обратились назадъ къ казачьимъ городкамъ; брали изъ проходившихъ по Дону барокъ гребцовъ для увеличиванія своей партіи, подступали къ казачьимъ городкамъ: Старому и Новому Мигулину, Тишанскому и Рѣшетовому, взяли ихъ приступомъ, забрали силою многихъ казаковъ въ свою шайку и обратились къ Вешенскому городку; но сосѣдніе казаки собрались уже къ нему на помощь и вышедъ подъ начальствомъ вешенскаго атамана, разбили сію разбойничью партію наголову, такъ что изъ 400 человекъ осталось въ живыхъ только 115 человекъ, тутъ же убитъ и буйный атаманъ Илья Ивановъ. Остатки сей партіи побѣжали внизъ по Дону, остановились на рѣчкѣ Еланѣ, изрубили здѣсь по общему приговору всѣхъ раненыхъ своихъ товарищей и выбравъ въ атаманы Ивана Терскаго, бросились на ногайскую (лѣвую) сторону рѣки Дона; но ихъ настигъ сильный отрядъ казаковъ, посланный изъ главнаго войска, и истребилъ почти всѣхъ бунтовщиковъ, къ совершенному же ихъ искорененію посланы во всѣ городки войсковыя грамоты, что если кто изъ сихъ разбойниковъ окажется въ какомъ либо городѣ, въ то же время поймавъ его казнить смертію; оставшагося въ живыхъ одного изъ зачинщиковъ сего бунта Ивана Длиннаго въ Черкаскѣ повѣсили на якорь, прочихъ предали смерти по войсковымъ правамъ. И такимъ образомъ водворено по прежнему общее спокойствіе (476).

Походъ казаковъ противъ калмыковъ. Но къ совершенному прекращенію новыхъ своевольствъ всего болѣе

(476) Тамъ же, грамота на Донъ 1682 г. іюня 18 дня.

способствовала открывшаяся война противъ калмыковъ. Еще въ 1679 г. главный калмыцкій владѣлецъ Аюка тайно замышлялъ поддаться со всѣми подвластными ему калмыками крымскому хану, посылалъ отъ себя пословъ въ Крымъ, согласился дать въ вѣрности аманатомъ роднаго сына своего и брата; но не успѣлъ склонить хана на свою сторону; ибо послѣдній справедливо опасался ихъ непостоянства, когда видѣлъ ясно, что Аюка, получая большое жалованье отъ Россійскаго Государя, не перестаетъ разорять его городовъ; и слѣдовательно былъ увѣренъ, что онъ, кочуя близъ Тавриды, не проминетъ нападать на подвластные ему народы (477).

Не исполнивъ здѣсь своихъ замысловъ, Аюка съ братомъ своимъ Замсою и съ прочими тайшами, собравъ до 40/т. калмыцкаго войска, ворвался въ 1682 г. въ російскія границы, по призыву взбунтовавшихся тогда башкирцевъ и чувашей. Они причинили большія опустошенія какъ россиянамъ, такъ и непроставшимъ къ возмущенію башкирцамъ и чувашамъ, подступали подъ г. Уфу и Мензелинскъ и отогнавъ стада обратились на югъ, захвативъ на пути множество плѣнныхъ.

Государь получивъ о томъ донесеніе, хотѣлъ наказать мятежниковъ; 10 августа войско Донское имѣло уже грамоту о походѣ противъ калмыковъ; въ первыхъ числахъ сентября походный атаманъ Любимъ Архиповъ съ 2,600 казаковъ двинулся къ Царицыну; ему предписано было соединиться съ

(477) Дѣла Крымскія, № 61. Распросныя рѣчи въ Казанскомъ приказѣ, присланныхъ княземъ Каспулатомъ Черкасскимъ узденей Илимъ Ага да Ишехай Сейдадова.

„ Крымскій де ханъ просалъ у него Аюка тайши въ Крымъ въ аманаты сына своего да брата и въ помощь калмыцкихъ ратныхъ людей на войну, и калмыцкіе де посланники то все дать хотѣли, и крымской де ханъ говори о томъ съ своими ближними людьми, калмыцкимъ посланникомъ вовсе отказали а говорилъ, что де они калмыки люди непостоянные и правды никогда недержатся, и у В. Государя многое жалованье деньгами и сукнами емлютъ, а всего государства города разоряютъ; такъ же де они калмыки и ему крымскому хану чинить учинуть тожь, и тѣ де калмыцкіе присылщики изъ Крыму отпущены при нихъ.“

тамошнимъ воеводою, съ черноярцами и астраханскими войсками и дѣйствовать по повелѣнію астраханскаго воеводы Головина. Ниже Чернаго Яра казаки получили отъ воеводы двухъ плѣнныхъ калмыковъ, которые сказали имъ, что Аюка съ улусами своими кочуетъ околѣ Урала, а едиганскіе и другіе татары, которые были съ нимъ подъ Уфою близъ Астрахани, что злѣйшій измѣнникъ мурза Ишей Ишниригъ еще до прибытія въ Астрахани войскъ донскихъ, собравъ разныхъ улусовъ татаръ, побилъ подъ стѣнами города сего 300 человекъ воинскихъ людей, а съ плѣнными поступалъ варварски: инымъ разрѣзывалъ груди, другихъ, прибывая къ доскамъ, пускалъ по Волгѣ, а многихъ умерщвлялъ разными мученіями. На сихъ то вѣрныхъ союзниковъ Аюки казаки сдѣлали печально нападеніе, разбили ихъ, разграбили ихъ улусъ, и узнавъ, что самъ мурза Ишей стоитъ съ улусомъ своимъ на правой сторонѣ Волги, пониже Астрахани, бросились на него, обратили въ бѣгство всѣхъ его людей, преслѣдуя ихъ семь верстъ; въ обѣихъ этихъ сраженіяхъ казаковъ убито 60 человекъ, татаръ же погибло и захвачено въ плѣнъ обоего пола большое число.

Поощренный столь блистательнымъ успѣхомъ и свѣдавъ отъ плѣнныхъ, что 600 человекъ едиганскихъ татаръ и калмыковъ идутъ на Красный Яръ, съ намѣреніемъ взять оный приступомъ, походный атаманъ Архиповъ поспѣшилъ послать на освобожденіе города донскаго старшину Пахома Сергѣева съ 1,300 казаковъ, которые приплыли подъ Красный Яръ въ одно время съ непріятелями; казаки давъ калмыкамъ свободу переплыть рѣку Бузунъ и подойти къ городу, вдругъ напали на нихъ внезапно и прогнали обратно за рѣку, побивъ 40 человекъ и еще болѣе потопивъ въ рѣкѣ (478).

Атаманъ изъ подъ Астрахани перешелъ зимовать въ Кра-

(478) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи пріѣхавшаго въ Москву отъ походнаго атамана Любима Архипова, станичнаго атамана Семена Степанова и есаула Федора Фролова.

сний Яръ и спасъ городъ этотъ отъ разоренія, ибо многіе улусы Люкины и братьевъ его, находясь не въ дальнемъ разстояніи отъ города, производили на оный непрерывные набѣги, не давая казакамъ во всю зиму ни малѣйшаго отдыха. Съ открытіемъ весны, большая часть калмыковъ покочевала къ устьямъ рѣки Урала, ауль же брата Аюки Замсы перешелъ на правую сторону Волги, и хотя казаки преслѣдовали его всѣми своими силами, но не успѣли воспрепятствовать ему переправиться по льду.

Между тѣмъ какъ все это происходило близъ Астрахани, войско Донское зимою выслало на защиту Царицына другую партію казаковъ, съ станичнымъ атаманомъ Фомою Савостьяновымъ, которая много способствовала къ отраженію калмыковъ, кочевавшихъ въ 120 верстахъ отъ Царицына (479). Въ мартѣ мѣсяцѣ 1683 г. походное войско, бывшее противъ калмыковъ, получило повелѣніе, прекративъ военныя дѣйствія, возвратиться на Донъ (480). При дворѣ думали, что калмыцкій владѣлецъ или успокоится или удалится, но вышло на-противъ.

Второй походъ казаковъ на калмыковъ. Аюка явился опять съ оружіемъ въ пограничныхъ нашихъ областяхъ, казаки по повелѣнію царскому, снова пошли противъ калмыковъ большимъ отрядомъ, подъ начальствомъ походнаго атамана Максима Лащенова; въ августѣ мѣсяцѣ заняли они по Волгѣ всѣ мѣста, на кои ожидали набѣгъ непріятелей. Атаману предписано было войскомъ соблюдать самую строгую дисциплину, никакихъ не дѣлать обидъ промышленникамъ по Волгѣ и не разорять тамошнихъ жителей; если же

(479) Тамъ же, похвальная грамота походному атану Фомѣ Савостьянову

(480) Тамъ же, расиросная рѣчи станичнаго атамана Калины Родіонова, прибывшаго въ Москву мая 16-го 1683 года отъ походнаго атамана Любима Архипова.

„ Великаго Государя грамота дошла къ атану, по которой велѣно имъ идти въ дома свои, апрѣля въ 6 числа и по тому В. Государя указу пошелъ къ атану съ Краснаго Яру, тогожъ числа, водою къ Царицну:“

казаки будутъ въ этихъ поступкахъ замѣшаны, то не найдутъ уже себѣ пристанища на Дону, дома ихъ будутъ разрушены, а кого поймаютъ того казнятъ смертію (481).

Вслѣдъ за тѣмъ, для поддержанія ихъ, отправленъ былъ изъ Черкаска другой отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ Максима Скалозуба. Атаманъ этотъ, по прибытіи въ Пятизбятскій городокъ, имѣлъ отрядъ свой до 3,000 человекъ. Здѣсь онъ съ состоящими подъ начальствомъ его казаками рѣшили было буйствовать, идти въ верхъ по Дону, громить російскіе города и селенія, но удержались отъ этого потому, что Донъ въ тѣхъ мѣстахъ не слишкомъ широкъ и казакамъ будетъ опасно отъ російскихъ войскъ. Но наконецъ казаки въ общемъ совѣтѣ положили: перейти Волгу, взять городъ Терекъ и перезимовать въ немъ, идти весною на Персидскія владѣнія и ожидать тамъ призыву отъ Россійскаго двора, также какъ призывали Степана Разина (482).

Въ этомъ намѣреніи войско раздѣлилось на двѣ части: одна подъ начальствомъ Калины Родіонова, другая Максима Скалозуба, двинулись къ городу Царицыну, таща за собою 60 лодокъ; за десять верстъ отъ сего города встрѣтили ихъ чиновники, посланные отъ царицынскаго коменданта съ требованіемъ, чтобъ они если не имѣютъ государева указа или

(481) Дѣла Донскія, расприсныя рѣчи Посольскаго приказа толмача Тараса Иванова 1683 г. сентября 21 дня.

„ И въ тоже де время, каково письмо послали къ Максиму Лашенову, въ кругу чли; а въ немъ писано, чтобъ онъ Максимъ и всѣ при немъ будучіе казаки по указу великихъ государей надъ калмыцкими улусы и надъ ихъ улусными людьми, гдѣ ихъ провѣдаютъ, промась чинили вслѣдствіи радѣтельно и неоплошно; а на Волгѣ русскими людьми, которые пойдутъ съ верху на низъ, и съ низу въ верхъ, водянымъ и сухимъ путемъ, ни какога разорѣнія и дурна и грабежу не чинили, и не воровали, такъ же и на Хвалынское море для грабежу и на иртовскихъ астраханскихъ татаръ, которые кочуютъ близко Астрахани, не ходили жъ, не побивали и не грабили жъ; а буде въ томъ воровствѣ онъ атаманъ или кто изъ казаковъ объявится, а буде и всѣ имъ за то, отъ великихъ государей будетъ смертная казнь, а у нихъ въ войску и во всѣхъ городкахъ пристанища не будетъ.“

(482) Тамъ же, грамота на Донъ 1683 г. октября 24-го.

войсвой отписки къ нему о походѣ своемъ, не приближались къ городу, въ противномъ случаѣ онъ остановитъ ихъ вооруженною рукою. Скалозубъ послалъ сказать коменданту, что у него есть и Государевъ указъ и отписка отъ войска; но не успѣлъ обмануть коменданта, который, свѣдавъ о коварствѣ его, приказалъ всему гарнизону царицынскому вооружиться и стать за городомъ съ артиллеріею. Казаки также готовились къ отпору; сначала показалась партія Максима Скалозуба, но будучи встрѣчена артиллеріею, поворотила на лѣвую сторону города и тамъ спустила суда свои въ Волгу; партія же Калины Родіонова должна была выдержать сраженіе и, не взирая на пушечную стрѣльбу, успѣла пройти мимо Царицына на правую сторону онаго, гдѣ равнымъ образомъ спустила суда свои на Волгу. Раздѣленные городомъ, они должны были соединиться. Родіоновъ, посадивъ казаковъ на суда, пошелъ вверхъ Волгою мимо города; здѣсь завязалось у нихъ сраженіе, продолжавшееся пять часовъ, которое кончилось тѣмъ, что казаки отбили гарнизонъ царицынскій отъ берега и соединились съ войскомъ атамана Скалозуба; на семь сраженіи убито много царицынцевъ.

Соединеніе казаковъ привело коменданта въ страхъ, онъ полагалъ, что они навѣрно поплывутъ вверхъ по Волгѣ и причинятъ тамъ великія разоренія, какъ судамъ находившимся на Волгѣ, такъ и прибрежнымъ селеніямъ. Желая отвратить гибель сію, онъ началъ съ казаками переговоры: представилъ имъ всю гнустность ихъ предпріятія, то угрожая царскимъ гнѣвомъ, то смягчая милость его, успѣлъ онъ многихъ обратить на службу честную, и весь отрядъ Родіонова возвратился въ дома; но Скалозубъ былъ непреклоненъ: онъ съ 1,000 человекъ казаковъ на 62 лодкахъ прокрался мимо Царицына и поплылъ внизъ по Волгѣ (483).

Разгнѣванный Государь далъ повелѣніе войску Донскому: если Скалозубъ на Дону, поймавъ его, прислать въ Москву,

(483) Дѣла Донскія, грамота на Донъ того жъ года октября 24-го.

другихъ злѣйшихъ его соумышленниковъ казнить по войсковому праву; если же онъ находится на Волгѣ, то послать въ нему лучшихъ старшинъ уговорить о возвращеніи на Донъ, съ общаніемъ прощенія винъ ему и товарищамъ его, если они принесутъ повинную Государю; въ противномъ же случаѣ сказать, что послана будетъ за ними многочисленная рать и истребить ихъ (484).

Поиски атамана Максима Скалозуба противъ калмыковъ. Атаманъ Скалозубъ, можетъ быть опасаясь послѣдствій, смирился и заслужилъ не опалу, но милость царскую. Миновавъ Царицынь, онъ тихо плылъ рѣкою Волгою къ Астрахани, не тронулъ на пути ни одного судна купеческаго, вышелъ въ Каспійское море и направилъ плаваніе свое въ Уралу. Отъ устья Урала казаки пошли вверхъ мимо Гурьева городка, и отойдя отъ него на пространство двухъ дней ѣзды, увидѣли кочующихъ калмыковъ: то былъ улусъ Аюкина брата Замсы, казаки напали на оный, разгромили ауль, забрали въ немъ весь скоть, 30 человекъ плѣнныхъ, и нагрузивъ суда свои мясомъ, поплыли далѣе вверхъ по Яику; на пути встрѣтился съ ними сильнѣйшій калмыцкій ауль Аюки тайши; самъ владѣлецъ онаго жилъ въ земляномъ укрѣпленіи. Казаки бросились на ауль, разбили собранныя калмыцкія войска и потомъ осадили Аюку тайшу въ его укрѣпленіи; по долгомъ и кровопролитномъ сраженіи, казаки наконецъ взяли это укрѣпленіе приступомъ, и вытѣснивъ оттуда Аюку тайшу, сѣли въ ономъ сами. Но дорого заплатили за эту крѣпость, ибо лишились на сраженіи храбраго и отважнаго своего атамана Скалозуба; на мѣсто его избранъ былъ Иванъ Беркулатъ.

Взятіемъ Аюкина укрѣпленія, казаки дѣйствительно спасли себя отъ совершенной гибели, ибо этотъ тайша, какъ главнѣйшій изъ всѣхъ калмыцкихъ владѣльцевъ, вскорѣ

собралъ многочисленное войско, простиравшееся до 40/т. человекъ и осадилъ казаковъ; положеніе ихъ было самое опасное, но они одолжены спасеніемъ своимъ мужеству своему и неустрашимости. Аюка 15 дней сряду приступалъ къ нимъ, наконецъ, потерявъ брата своего и значительное число войскъ, принужденъ былъ отступить и уйти въ Волгъ. На всѣхъ сраженіяхъ они лишились 110 человекъ убитыми, камишки же потеряли, по словамъ плѣнныхъ, до 5,000 человекъ.

Избавившись такимъ образомъ отъ сильнаго непріятеля, казаки снова поплыли вверхъ по Уралу, но не доходя за 6 дней до Яицкаго городка застигли ихъ морозы. Рѣка замерзла и они принуждены были, вытащивъ суда на берегъ, бросить ихъ и идти пѣшкомъ. Отдохнувъ въ Яицкомъ городкѣ двѣ недѣли отъ долгаго и утомительнаго похода, послалъ Беркулатъ отъ себя въ Москву станицу съ увѣдомленіемъ о дѣйствіяхъ своихъ противъ калмыковъ, испрашивая дальнѣйшихъ повелѣній (485), которыхъ ожидалъ онъ въ городкѣ съ 900 казаками.

(485) Тамъ же, распросни рѣчи станичнаго атамана Ивана Разматѣва 1684 г. марта 3 дня, посланнаго съ Урала въ Москву походнымъ атаманомъ Иваномъ Беркулатомъ.

„ А Волгою де рѣкою ѣдучи въ низъ, пришли они въ Бузанъ рѣку, которая впала въ морь, и ѣхавъ изъ Бузана рѣки, шли моремъ до Яика доехъ съ 10-тѣ. А какъ пришли они на Яикъ къ Гурьеву городку и мимо сего городка шли они Яицкомъ рѣкою вверхъ полдва дни и отшедъ отъ Гурьева городка сутки идучи по Яицу рѣкѣ нашли Аюка тайши брата Самсы улусъ, и тотъ улусъ всѣ они разгромил и взяли асырю женска полу и малыхъ робать челов. съ 30 и тутъ у нихъ съ камишки былъ бой и съ того бою Самса съ камишки ушли, а достальныи калмыковъ порубили. А послѣ того въ тожъ время Самса съ камишки собрались и пришли къ нимъ казакамъ къ тому же мѣсту, и тотъ асырь робать и женовъ отдавали имъ же калмыкамъ на окупъ, а бою не было. Да оемъ же Донские казаки у тѣхъ калмыковъ боемъ отбили лошадей и верблюдовъ и всякого рогатаго скота съ 20,000 и тѣ лошади и верблюды и скоть порѣзали и помѣтали на степи, а достальную рогатую скотину для пропитанія себѣ поклади въ струги и отъ тѣхъ калмыковъ по обѣ стороны рѣки Яика шли берегомъ отводомъ въ верхъ къ яицкому войску отводомъ, а струги не большіе люди проваживали на гребкѣ. И идучи Яицкомъ рѣкою ниже Индейскихъ горъ (Индерскихъ) нашли они на самаго Аюка тайшу и на весь его Аюкаевъ улусъ и съ нимъ Аюкаемъ и съ

Государь прощая самовольные поступки ихъ подъ Царичынымъ, велѣлъ имъ идти на Донъ; а для облегченія пути приказано было приготовить для нихъ на рѣкѣ Самарѣ 4 струга. Походъ этотъ съ Урала до Самары былъ для казаковъ столь отяготителенъ, что они принуждены были бросать на дорогѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ походное войско прибыло на Донъ къ Паншинскому городку.

Г Л А В А XV.

Сношенія Донскихъ казаковъ съ запорожцами.—Военныя дѣйствія ихъ противъ азовцевъ и крымцевъ.—Пожаръ истребляетъ Черкасскъ.—Казаки вновь открываютъ военныя дѣйствія противъ азовцевъ и крымцевъ.—Ссора казаковъ съ калмыками.

Сношенія Донскихъ казаковъ съ Запорожцами и. По заключеніи въ 1680 г. мира между Россією, Турцією и Крымомъ до 1685 г., казаки принуждены были сносить всѣ обиды азовцевъ и крымцевъ; въ теченіе этого времени слышны были одни только жалобы ихъ, а Россійскій дворъ, для

калмыки былъ у нихъ бой, и изъ землянаго городка его Аюкай тайшу и калмыковъ выбили и сѣли въ томъ городѣ въ осаду, сами и на томъ бою атаманъ Максима Скалозубова и 100 челов. казаковъ изъ огненнаго ружья убито, а на его Максимово мѣсто выбрали они атаманомъ походнымъ изъ рядовыхъ казаковъ Ивана Романова сына Беркулата, и сидѣли они въ томъ городѣ 15 дней до тѣхъ мѣстъ, пока мѣсть отъ того городка калмыки не отступили, а будучи въ осаду, пытались они тою скотиною рогатою, что побрана была на первомъ бою, да онижъ казаки на томъ же бою и самого Самсу убили, а было съ тѣмъ Аюкаемъ улусныхъ его калмыковъ съ 40,000 человекъ.

„ А какъ Аюкай тайша отъ того городка отступилъ прочь и пошелъ кочевать на зимовье къ Волгѣ и они изъ того городка вышедъ, пришли Яикомъ рѣкою вверхъ же къ Яицкому войску, и идучи къ Яику дорогою взяли дву человекъ Башкирцовъ и одного чедвѣка убили, а другаго съ собою на Яикъ привели, котораго съ Яика походной атаманъ съ нимъ изъ языка къ Москвѣ послать, и не доходя Яицкаго войска за 6 дней подъ Мергеневымъ струги у нихъ на Яикѣ рѣкѣ замерзали, и тѣ струги вытаскавъ они на берегъ и покинули на берегу, пошли сами пѣши къ Яицкому городку и пришли на Яикъ . . . Николаина дни, и пришедъ жили онѣ до отпуска своего на Яикъ двѣ недѣли и походной атаманъ Иванъ Беркулата съ казаки съ Яику отпустили ихъ съ отпискою и со взятымъ языкомъ къ Великимъ Государемъ къ Москвѣ, а самъ онъ атаманъ Иванъ и съ нимъ 900 челов. казаковъ остались на Яикѣ и ожидаютъ о походѣ за тѣми жъ калмыки ихъ Великихъ Государей указу.“

охраненія мира, строго запрещалъ казакамъ мстить за свои обиды. Казаки недовольны были такимъ положеніемъ, считали бездѣйствіемъ, и нѣкоторые изъ нихъ порывались искать новыхъ приключеній и добычи по Волгѣ и въ Крыму.

Въ такомъ положеніи дѣлъ на Донѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1684 г. неожиданно явились въ Черкасскъ посланцы отъ Запорожскаго кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго, просить вѣзавовъ на службу Польскаго короля, который имѣлъ въ то время войну съ крымцами и турками и съ просьбою пропустить ихъ же къ Аюкѣ тайшѣ для врученія ему королевской грамоты, кою онъ возбуждалъ калмыковъ сдѣлать нападеніе на Крымъ, общая какъ Аюкѣ, такъ и казакамъ за таковое вспомошествованіе большое жалованье. Но казаки отинули приглашеніе Запорожцевъ и отобрали даже отъ посланныхъ грамоту, везенную ими къ Аюкѣ тайшѣ, подъ предлогомъ, что они безъ царской воли не смѣютъ послать къ польскому королю войскъ своихъ и дозволить пропустить грамоту отъ иностраннаго государя къ російскому подданному; грамоту эту отправили въ Москву съ атаманомъ Дмитріевымъ. Впрочемъ не запрещали симъ посланцамъ отправиться безъ грамоты въ калмыцкіе улусы (486).

(486) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Донскаго станичнаго атамана Володимера Дмитріева іюля 26 дня 1684 года.

„ Какъ были на Донѣ, и при нихъ послалъ изъ Запороговъ съ коша атаманъ Григорій Сагайдачной къ нимъ въ войско посланцовъ своихъ 6 человекъ съ листомъ своимъ да съ ними же де прислалъ онъ же кошевой атаманъ листъ Польскаго короля, каковъ онъ писалъ къ калмыцкимъ тайшамъ, чтобы они шли противъ турокъ и татаръ и говорили чтобы ихъ съ тѣмъ листомъ Польскаго короля пропустить чрезъ Донскіе городки къ калмыцкимъ тайшамъ атаманъ и казаки кошевого атамана листъ слушалъ, а выслушавъ тѣмъ посланникамъ сказали, что они войскомъ въ калмыцкіе улусы отпускать ихъ однихъ и листа Польскаго короля имъ не отдадутъ, для того, что у нихъ въ войску такого Великаго Государей указу, чтобы изъ иныхъ государствъ пропускать грамоты и листы и иные письма къ калмыцкимъ тайшамъ и къ инымъ ихъ государскимъ поданнымъ нѣтъ и остерегають они войскомъ того набѣшко. А листъ де Польскаго короля къ тайшамъ о чемъ писанъ, того не вѣдомо и ни когда такихъ листовъ отъ короля къ калмыкамъ

Вѣсть о прибывшихъ въ Черкасѣ отъ Запорожцевъ посланцахъ и о приглашеніи польскаго короля на службу противу крымцевъ и турецкаго султана за деньги вскорѣ распространялась по всему Дону. Охотники идти въ эту службу стекались изъ верховыхъ городковъ въ Черкасѣ для полученія дозволенія; но войско рѣшительно имъ въ этомъ отказало и запретило отлучаться съ Дону, представляя, что оно можетъ чрезъ это навлечь на себя гнѣвъ Государя (487). Не ограничиваясь симъ запрещеніемъ, войско послало во всѣ городки грамоты, угрожая казакамъ подъ смертною казнію не только не вступать въ службу польскаго короля, но не пропускать и не принимать даже по городкамъ посылаемыхъ чрезъ войсковыя земли отъ польскаго короля къ калмыкамъ, а отъ нихъ въ Польшу посланцевъ.

Въ началѣ 1685 г. войско Донское вторично получило письмо отъ запорожскаго полковника Семена Палея о томъ, чтобы дозволено было охотникамъ вступить въ службу польскаго короля, обѣщая имъ жалованье, которое уже хранится у него, присовокупляя къ тому: „если намъ на Днѣпрѣ будетъ худо, то и вамъ на Дону не видать добра“ (488).

чрезъ Донское войско не бывало и калмыки издавна въ подданствѣ служить Велик. Государемъ а не Польскому королю и того листа запорожскимъ присильщикамъ войскомъ не отдали и нераспечатывая прислали съ нимъ Володимеромъ съ товарищи къ Велик. Государемъ къ Москвѣ, а запорожскихъ присильщиковъ отпустили изъ войска въ калмыцкіе улусы однихъ.“

(487) Тамъ же.

(488) Дѣла Донскія, письмо запорожскаго полковника Семена Палея къ войсковому атаману Фролу Минаеву и ко всему войску Донскому, 1685 г. мая 24 дня.

„Будучи азъ у короля его милости и рѣчи посполитой съ товариствомъ моимъ воспріялъ есмь милость, не только себѣ, но и всему полку моему, который при мнѣ пребываетъ, при томъ же что и къ калмыкамъ письмо мнѣ дано, которое посылаю на Донъ съ товариствомъ и донскихъ 4-хъ человекъ, которое письмо явно писано, чтобы всякъ вѣдалъ гдѣ то письмо дойдетъ, чего ради прошу вашей милости и всего войска Донскаго изволите и свое письмо послать къ калмыкамъ противъ того жъ королевскаго листа; а коль скоро придутъ въ Немпровъ, то въ рукахъ моихъ имъ готово есть жалованье отъ коро-

Войско Донское хотя не рѣшилось по сему приглашенію послать казаковъ въ Польшу, но приступало въ тожь время къ разорванію тяжкаго для нихъ перемирія съ азовцами, поводомъ къ сему нарушенію долговременнаго мира служило разорѣніе причиненное азовцами въ прошломъ 1684 г. двумъ казачьимъ на Донцѣ городкамъ Каменскому и Луганскому и разграбленіе купеческихъ судовъ, плывшихъ по рѣкѣ въ Черкасскъ съ разными товарами.

Казаки немедленно снарядили флотилію, посадили на оную 1,000 человекъ и отправили въ море подъ начальствомъ атамана Корнѣя Матвѣева. Въ устьяхъ Дона войско это напало на два судна турецкія, нагруженныя съѣстными припасами и разными товарами и разграбило оныя; узнавъ объ этомъ азовцы высылали на казаковъ 500 человекъ конныхъ, съ которыми они имѣли бой и многихъ азовцевъ побиле; отсюда проникли казаки до Темрюка, но жители окрестныхъ мѣстъ, заблаговременно извѣщенные о походѣ казаковъ, удалились въ безопасныя мѣста съ имуществомъ своимъ, и потому казаки, не предпринимая дальнѣйшихъ поисковъ, возвратились на Донъ. На Казачьемъ ерикѣ азовскій комендантъ встрѣтилъ ихъ всѣмъ своимъ гарнизономъ, но послѣ кратковременнаго сраженія принужденъ былъ отступить, потерявъ довольное число убитыми турокъ и татаръ, казаки же, безпрепятственно переташивъ суда свои чрезъ Казачій ерикъ, благополучно достигли до Черкасска (489).

ля, его милости, и отъ рѣчи послоятой; а еще ли такъ какъ прошлаго года далъ Богъ счастье, какъ и нынѣ надѣмся на Бога и милость его получить, ибо какъ около Днѣпра будетъ не добро, такъ и вамъ худо, чего ради прому вашей милости, не изволите возбранять охотникамъ къ намъ и тѣмъ казачьимъ и татарамъ, такъ же и казакамъ, что отъ короля его милости милостиво воспріято будетъ.“

(489) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Якова Данилова, 1685 г. ноября 12-го.

„ Въ прошломъ де 193 году майѣ мѣсяцѣ выходили съ Дону на Черное море подъ Азовъ и подъ иные турецкіе города и крымскія села въ судахъ для добычи Донскихъ ихъ казаковъ съ 1,000 человекъ идучи на море

Въ сіе время находились уже въ Черкаскѣ посланцы отъ польскаго короля и отъ запорожскаго кошеваго атамана Григорія Еремѣева. Польскій король не преставаѣлъ льстить себя надеждою получить отъ нихъ помощь, въ чемъ отчасти и не обманулся: хотя и не были отправлены къ нему сухимъ путемъ войска, но казаки общались съ большею дѣятельностію производить набѣги на Крымъ: „мы ради жить съ вами въ дружбѣ, писали они къ кошевому атаману Еремѣеву, но къ польскому королю на службу не поидемъ, весна и лѣто уже миновали, а при томъ боимся и царскаго гнѣва; впрочемъ мы нынѣ размирились съ азовцами, непрерывно посылаемъ на нихъ сухимъ путемъ партіи: 4/т. казаковъ выходили разновременно въ море и разорали много деревни татарскія, и взяли нѣсколько судовъ съ припасами; симъ движеніемъ мы отвлечемъ силы крымскаго хана отъ предѣловъ Польши. Нынѣ мы для этой же причины посылаемъ вновь на море войска свои“ (490).

взяли два судна турецкихъ съ харчемъ и съ товары, а какъ де тѣ суды взяли, и въ то время выходила на нихъ изъ Азова конница челоѣкъ съ 500 и былъ съ ними бой, и на томъ бою побили они многихъ азовцевъ и пошли къ Темрюку и подъ Темрюкомъ били на темрюцкіе села и взяли 2 челоѣ. русскихъ полонениковъ а татаръ въ тѣхъ селахъ ни кого не было, потому что, послыша про ихъ походы, убѣжали всѣ въ горы и они де войскомъ гнались за тѣми татари берегомъ пѣши верстъ съ 10 и ни гдѣ не догнали и воротились назадъ на море, а взяли де подъ тѣми темрюцкими селами лошадей и быковъ съ 200 и то все на дорогѣ съѣли и пошли назадъ моремъ на Донъ и какъ де былъ противъ Казацья Ерья, и въ то де мѣсто выходили на нихъ изъ Азова паша азовской, а какъ его зовутъ, того не вѣдаютъ, со всѣми азовскими жителя, и били на нихъ изъ мелваго ружья и изъ пушекъ, а они де казаки такъ же по нихъ стрѣляли, а сколько де непріятельскихъ людей на томъ бою убито то не вѣдаютъ, а у нихъ де, казаковъ, убитъ одинъ кормщикъ, и перевозокши суды чрезъ Казачій Ерикъ пришли на Донъ на канунъ Петрова дни.“

(490) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго запорожскому кошевому атаману Григорію Еремѣеву 1685 года.

„А что присланъ къ намъ къ войску королевской листъ о походномъ дѣлѣ и то перевешняя пора и лѣтняя прошла, итить найѣ къ нему неколи, и мы о томъ супротивъ свое письмо къ королю послали и о всемъ отписались, что о прежнемъ походѣ Великихъ Государей былъ на насъ гнѣвъ и нынѣ мы тогожъ

Казаки обѣщаніе свое выполнили въ точности. Атаманъ Оля Голодный, предводительствуя 1,500 казаковъ, двинулся в судахъ къ устьямъ Дона, но былъ остановленъ на Казачьей еригѣ превосходными силами азовцевъ, принужденъ былъ возвратиться въ Черкасскъ, потерявъ на мѣстѣ сраженія 50 чел. казаковъ (491); взаменъ этой неудачи партія казаковъ, состоящая изъ 150 чел., успѣла пробраться къ Перекопу и захватить тамъ 700 лошадей.

Въ Москвѣ о сихъ сношеніяхъ войска Донскаго съ королевыми польскими и запорожскими казаками, какъ равно о нарушеніи мира съ азовцами узнали въ то же время; перехваченное письмо, писанное казаками къ кошевому атаману Еремѣеву, служило яснымъ доказательствомъ; Россійскій дворъ въ то же время отправилъ гонцовъ къ крымскому хану съ извѣстіемъ о самовольномъ поступкѣ казаковъ и съ увѣреніемъ въ дальнейшей дружбѣ, на Донъ же грамоту, въ коей укоряли казаковъ въ непостоянствѣ и нарушеніи данной ими царю клятвы (492).

опасны; а чужаки его королевскую войну съ неприятелями, мы войскомъ съ азовцами размирились и ходили многіе казаки конною въ походы и мужиковъ брали; также и судовою на море ходили тысячи съ 4 и войскомъ промыслъ надъ ними чинили, суды брали и на улусы били и деревни разорали и всякую помѣшку изъ войнъ мы чинили, для того мы съ азовцами и размирились, чтобъ королевской войнѣ его неприятельскимъ людямъ отъ похода помѣшку учинить, а нѣмѣи мы судовою на Азовское море идемъ многими людьми для поиска надъ неприятелями и для помѣшки его жъ королевскимъ неприятельскимъ людямъ и воинскому ихъ промыслу для остановки, а товарища вашего мы войскомъ съ Дону отпустили къ вамъ іюля въ 20 день.“

(491) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Якова Данилова, 1685 г. ноября 12 дня.

„ Да въ прошломъ де во 193 году за недѣлю до Семена дни выходило съ Дону изъ войска для добычи подъ неприятельскіе города и села Донскихъ ихъ казаковъ на 35 стругахъ съ 1,500 человекъ, а какъ де пришли къ Казачьей еригѣ, и стали переволакивать суда въ море и азовцы де увидя ихъ выходили на нихъ всѣми городомъ и бились, и на томъ де бою побито Донскихъ ихъ казаковъ съ 50 человекъ, а азовцовъ де побито съ 150 человекъ и тѣ де азовцы чрезъ Казачей еригѣ на море ихъ не пропустили и достальные Донскіе казаки пришли назадъ на Донъ безъ добычи.“

(492) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1685 г. октября 14 дня.

„ И вамъ было атаманамъ и казакамъ безъ нашего великихъ государей уа

Грамота сія была прочтена въ войсковомъ кругу въ присутствіи чиновника привезшаго оную; старшины какъ будто въ изъявленіе своей покорности къ волѣ царской говорили ему, что они желаютъ прекратить ссоры съ азовцами, но для договора о мирѣ къ нимъ ни кого не пошлютъ. Отважные же изъ казаковъ явно говорили, что не пожелаютъ мира съ азовцами, будутъ нападать на нихъ и на крымскіе улусы за ихъ нестерпимыя обиды, а безъ того имъ не чѣмъ будетъ прокормиться. Войсковой атаманъ Фроль Минаевъ, который повидимому недоволенъ былъ разрывомъ мира съ азовцами, для удаленія отъ себя подозрѣнія отъ соучастія въ семъ дѣлѣ съ казаками, изъяснялся тайно съ царскимъ чиновникомъ, что онъ со слезами упрашивалъ казаковъ не нарушать перемирія съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ, но его не послушали, что здѣсь множество есть разнаго званія людей, которымъ совершенно не достается царскаго жалованья, въ такомъ случаѣ они ищутъ добычи и ихъ отъ того удержать невозможно (493).

ва, съ Польскимъ королемъ ссѣлится и совѣтовать и помочь ему королю для отвращенія непріятельской войны походомъ своимъ на Азовское море въ судахъ и конницею на непріятельскіе улусы и деревни, не токмо чинить, но и мыслить о томъ не годилось, потому, что у насъ великихъ государей съ турецкимъ Салтаномъ и съ крымскимъ ханомъ учиненъ миръ.“

(493) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Посольскаго приказа толмача Ивана Никитина 1686 г. ноября 27 дня.

„ И атаманъ де Фроль Минаевъ и старшины и вся чернь, принявъ в. государей грамоту, говорили, что они на помощь польскому королю не ходили и ни кого не послали, и указъ о томъ посланъ войсковой по всѣмъ донскимъ городкамъ, чтобъ ни кто къ польскому королю не ходилъ, а кто пойдетъ и нимъ за то будетъ войсковая казнь, а листъ де польскаго короля, каковъ къ нимъ былъ, послали они къ вел. государемъ къ Москвѣ съ станичнымъ своимъ атаманомъ съ Яковомъ Даниловымъ съ товарищи, а съ азовцы де они въ миру быть желаютъ, а къ нимъ послать для договора о мирѣ не будутъ.

„ И атаманъ де Фроль Минаевъ взялъ его изъ круга къ себѣ въ домъ и обѣдал; а по обѣдѣ отдалъ ему къ вел. государемъ отписку и говорилъ, что онъ со слезами Донскихъ казаковъ унималъ, чтобъ перемирія съ турецкимъ салтаномъ и съ крымскимъ ханомъ не разрушали, только де они его не послушали, потому что много голыды и наброду, и присланное къ нимъ жалованья многимъ не достается и для того унять ихъ невозможно.“

Въ отпискѣ же своей, посланной въ посольскій приездъ, казаки извинялись различными обидами, причиненными имъ азовцами и крымцами, свидѣтельствовались опустошенными въ Донцѣ городками, множествомъ убитыхъ и тяжкую неволю терпящими казаками, которые въ глазахъ ихъ, отягченные оковами, отправляемы были для продажи за море.

Военныя дѣйствія ихъ противъ азовцевъ и крымцевъ. Казаки за самовольные поступки ожидали грозной опалы царской; но вмѣсто оной имъ отписали только, чтобъ они помирились съ азовцами и перестали нападать на крымскіе улусы. Въ сіе время находились въ Москвѣ послы отъ польскаго короля Криштофъ Гримультовскій воевода познанскій и канцлеръ великаго княжества Литовскаго князь Огинскій, которые по долговременномъ совѣщаніи съ полномочными съ російской стороны наконецъ заключили вѣчный миръ, по коему вся Малороссія, Кіевъ и Смоленскъ уступлены Россіи на вѣчныя времена; Россія же взамятъ того обязалась вспомоствовать имъ въ войнѣхъ противу турокъ, которые рѣшительными побѣдами сильно тѣснили поляковъ и причинили великія опустошенія въ Подоліи.

29 іюля 1686 г. войско Донское неожиданно получило царское повелѣніе о заключенномъ мирѣ съ Польшею и о дозволеніи имъ сухимъ путемъ и моремъ нападать на владѣнія турецкаго султана и крымскаго хана (494). Казаки приняли

(494) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1686 г. іюля 29 дня.

„ А въ нынѣшнемъ де во 194 г. къ намъ великимъ государемъ, къ нашему царскому величеству прислалъ братъ нашъ наядшійшій вел. государь его королевское величество Польской съ своею королевскаго величества грамотою, великихъ и полномочныхъ пословъ своихъ криштофа Гримультовскаго воеводу Познанскаго, да Марціана Александра князя, съ Козельска, Огинскаго, канцлера великаго княжества Литовскаго съ товарищи, и будучи на Москвѣ тѣ его королевскаго величества и рѣши послытай великіе и полномочные послы učinили между нами В. Т. и королемъ Польскимъ вѣчной миръ и отдали въ нашу царскаго величества сторону вѣчно: Кіевъ съ Запорожьемъ и со всіми Черкасскими городами, также и Смоленскъ со всіми жъ городами и уѣздами во вѣки неподвижно, и баць къ вамъ ся наша великихъ государей

царское повелѣніе съ радостію и въ то же время дали о семъ знать во всѣ свои городки. Между тѣмъ какъ удалци со всѣхъ городковъ стекались въ Черкасскъ, 800 отборныхъ казаковъ, подъ предводительствомъ атамана Ѳомы Голодного, проникнувъ Азовскимъ моремъ до Темрюка, грабили и опустошали окрестности онаго; оставшіеся же въ Черкасскѣ дѣятельно занимались приуготовленіемъ къ походу противу турецкой крѣпости Лютика, стоявшей на Донцѣ (одномъ изъ рукавовъ Дона). Дождавшись казаковъ изъ верховыхъ городковъ, войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ немедленно повелъ ихъ къ той крѣпости; но предпріятіе это не имѣло ни малѣйшаго успѣха, за мелководіемъ рѣки Донца, по коей не могли пройти суда съ артиллерією; впрочемъ этотъ походъ увѣнчанъ былъ взятіемъ въ плѣнъ нѣсколькихъ турокъ и знатнѣйшаго того времени наѣздника Аги Резепа, о которомъ турки и татары говорили: „легче взять казакамъ Азовъ, нежели плѣнить Резепа.“ Но не столь счастливъ былъ походъ 600 человекъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, которые подъ стѣнами Казы-Кермень были совершенно разбиты турками и татарами; атаманъ же Ѳома Голодный, при возвращеніи своемъ на Донъ, встрѣтилъ въ устьяхъ онаго сильное сопротивленіе отъ татаръ и азовцевъ, которые въ самое то время, какъ казаки опустошали окрестности Темрюка и другія мѣста, стеклись со всѣхъ сторонъ къ Азову, дабы въ устьяхъ Дона остановить ихъ и отнять пограбленныя ими пожитки. Казаки при проходѣ сихъ мѣстъ имѣли всегда крайнюю осторожность, и потому для лучшей безопасности вступили они въ устья Дона на утренней

грамота придетъ, и выбъ атаманы и казаки о постановленіи между нами В. Государей и королямъ польскимъ того вѣчнаго миру вѣдали и воздавъ Господу Богу хвалу, по вѣрной своей службѣ, служили намъ Великимъ Государемъ, собрався всѣмъ войскомъ надъ неприятеля всѣхъ христіанъ, турецкаго салтана и Крымскаго хана и подъ Крымъ и на иные города и села и деревни, за тѣ ихъ неправды, или войною и воинскій промыслъ надъ ними моремъ и сухимъ путемъ чинили и побивали и корысть себѣ и вольной проходъ на море по прежнему получали, сколько намъ Всемогущій Господъ Богъ помощи подастъ.“

зарѣ; азовцы бдительно караулившіе ихъ въ этихъ мѣстахъ стремительно сдѣлали на нихъ нападеніе; цѣлый день продолжалось сраженіе и наконецъ въ вечеру, казаки, тѣснимые непріателемъ, принуждены были уступивъ мѣсто сраженія удалиться для безопасности на рѣку Міусъ; тамъ оставивъ для сбереженія судовъ своихъ 300 человекъ казаковъ, возвратились сухимъ путемъ со всею добычею въ Черкасскъ. Препятствіе со стороны азовцевъ не имѣло ни малѣйшаго вліянія на отважный духъ казаковъ; скопилось вновь 600 человекъ предприимчивыхъ, которые подъ начальствомъ атамана Ивана Бѣляя, прошедъ осторожно до Міуса, сѣли на суда, оставленные тамъ казаками и къ удивленію азовцевъ явились подъ стѣнами самаго Азова, гдѣ въ виду непріятелей, разоривъ нѣсколько жилищъ ихъ, возвратились безпрепятственно въ Черкасскъ (495). Столь неожиданное движеніе казаковъ ни мало не казалось удивительнымъ азовцамъ, которые предполагали, что эти нападенія производятся самовольно, но сколько они были изумлены.

(495) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи войсковаго атамана Фрола Минаева 1686 года декабря 3 дня.

„ А какъ де прислали къ нимъ о размирѣхъ съ Азовцы Великихъ Государей указъ и чтобъ надъ ними моремъ и сухимъ путемъ и въ то де время оиъ Фролъ Минаевъ и все войско Донское послали изъ войска казаковъ съ 800 челов. судами, съ атаманомъ съ Фомою Голоднымъ, и на море де оиъ Фомъ былъ и подъ Темрючкіе мѣста былъ, и сколько Господь Богъ помочи подалъ, подъ Темрюкомъ села и деревни разорилъ и разогналъ и побилъ.

„ А какъ пошли они съ моря, и изъ Азова де выходилъ на нихъ казакомъ самъ бей судами и конницею, съ пушками, всѣмъ городомъ и съ иными многими прибыльными людьми, и не допусая устья всрѣтили и учинили бой, и бился съ утра до самаго вечера и на бою татаръ побили много однако къ де тѣ азовцы изъ морскаго устья въ Днѣ ихъ не пропустили и тѣ де казаки поворотили назадъ въ Міусъ, а азовцы де далѣ за ними не пошли и за Божію помощію пришли сухимъ путемъ пѣши на Донъ въ добромъ здравье, а суды оставили на Міусѣ и съ ними для бережи казаковъ человекъ съ 300, чалли на себя и для струговъ азовскихъ татаръ приходу.

„ И того жъ де времени послалъ оиъ Фролъ Минаевъ на телѣгахъ тѣмъ остальнымъ казакамъ запасы и на перемѣну свѣжихъ людей 500 человекъ, а съ ними атамана Ивана Бѣляя, и изъ тѣхъ де остальныхъ казаковъ нине пришли на Донъ, а достальные остались при атаманѣ и собрался ихъ съ 600 чело-

Когда узнали, что на границах россійскихъ находился съ сильнымъ войскомъ князь Козловскій, это обстоятельство сильно тревожило гарнизонъ азовскій, который въ сіе время состоялъ не болѣе какъ изъ полторы тысячи янычаръ. Крымскій ханъ имѣлъ уже свѣдѣніе о предриятіяхъ россіянъ, и потому велѣлъ готовиться войскамъ своимъ для защиты Крыма, а между тѣмъ послалъ въ Азовъ 1,200 татаръ, которые и находились въ ономъ до наступленія зимы.

Между тѣмъ Россія дѣятельно приготовлялась къ открытію военныхъ дѣйствій противу Крыма. Съ появленіемъ весны 1687 г. многочисленная россійская армія уже собиралась въ Малороссіи, подъ главнымъ начальствомъ князя Голицына; въ составъ оной войско Донское должно было выслать 500 человекъ конницы, прочимъ же казакамъ предписано было сдѣлать нападеніе на Крымъ со стороны моря. Воля верховнаго правительства была выполнена казаками съ величайшею ревностію; немедленно снарядили они флотъ и посадивъ въ оный 800 отборныхъ казаковъ отправили въ море. Флотиліею сею командовали атаманъ Петръ Калмыкъ и есаулъ Василій Кутейниковъ. Войсковою атаманъ Фролъ Минаевъ, коему предписано было взять начальство надъ сухопутнымъ донскимъ войскомъ, соединясь съ калмыками изъ улусовъ Аюки-тайни, выступилъ въ походъ изъ Черкаска въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и направилъ путь свой прямо чрезъ степь къ арміи, которая въ то время находилась уже въ походѣ къ Крыму, имѣя направленіе лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра. На пути повстрѣчали они на овечьихъ водахъ сильную партію, состоящую изъ 1,000 человекъ отборныхъ татаръ, посланныхъ изъ подъ Перекопа самимъ ханомъ для развѣдыванія о движеніи и числѣ россійскихъ войскъ. Враждующія стороны не долго пребывали въ бездѣйствіи: татары усмотрѣвъ казаковъ немедленно выстроились; по кратковременной перестрѣлкѣ казаки и калмыки сдѣлали столь стремительное на татаръ нападеніе, что въ тожь время раздѣливъ ихъ ряды на двое, обратили ихъ въ бѣгство; поле сраженія усѣяно было татарскими трупами, конь найдено

на мѣстѣ 500 человекъ, кромѣ убитыхъ при преслѣдованіи, причемъ взяли въ плѣнъ 50 человекъ, забрали весь ихъ конь и отбили до 90 человекъ плѣнныхъ російскихъ людей (496).

Между тѣмъ, какъ казаки на степяхъ крымскихъ разилъ неприятелей, походный атаманъ морскаго войска громилъ окрестности Темрюка и истреблялъ татарскія селенія, разорилъ улусы ихъ по рѣкѣ Кубани и обоготся добычею, возвращался уже къ устьямъ Дона: пользуясь темнотою ночи, казаки прошли устье до Казачьяго ерика и начали уже по оному перетаскивать суда свои, какъ вдругъ нападаютъ на нихъ многочисленныя неприятели, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и производятъ страшную сѣчу; казаки дрались чрезъ всю ночь отчаянно, но принуждены были уступить превосходству силъ; 400 казаковъ пало на мѣстѣ сраженія, остальные же едва могли избѣгнуть подобной участи, 40 судовъ нагруженныхъ добычею достались въ руки побѣдителямъ, походный ихъ атаманъ Петръ Калмыкъ отягченный ранами былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Азовѣ (497).

(496) Дѣла Донскія, отписка князя Голицына въ Посольскій приказъ отъ 9 іюня 1687 года.

„ Сего настоящаго іюня 8 числа писали ко мнѣ въ полкъ войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ да полковники Иванъ Семеновъ, Кирей Матвѣевъ съ тѣми коими вышеупомянутымъ посланнымъ (Алексѣемъ Дуровымъ), что они идучи на вашу В. Г. Г. службу ко мнѣ холоду вашему въ полкъ, наѣхали татарскія сакмы, которыя пошли подъ ваши В. Г. Г. украинне города и къ нашимъ полкомъ, и тѣми сакмами за татары шли, и іюня 3 дня тѣхъ татаръ дошли возвращающихся отъ вашихъ великихъ государей украинныхъ городовъ и отъ нашихъ полковъ, къ Овечьимъ водамъ и на тѣхъ Овечьихъ водахъ былъ у нихъ съ ними бой. . . . на томъ бою тѣхъ татаръ побили съ 500 человекъ да въ изцехъ взяли 50 человекъ, и изъ тѣхъ отъ ранъ померло 16 человекъ, а 34 человека въ отставкѣ да съ 400 лошадей, да вашихъ же В. Г. Г. взятыхъ людей мужеска и женска полу, которые пойманы подъ вашими В. Г. Г. украинными городами, отбили 90 человекъ; и съ тѣми своими вышеупомянутыми станичники прислали ко мнѣ х. в. въ полкъ прежь своего приходу для вѣдома и распросу изъ тѣхъ взятыхъ дву человекъ татаръ, а было де ихъ въ носылкѣ по ханскому указу съ Маметжаномъ мурзою перекопскимъ тысяча человекъ.“

(497) Дѣла Донскія, челобитная Донскихъ казаковъ, привезенная въ Москву 1687 года.

„ Въ нынѣшнемъ В. Г. Г. во 7195 году по вашему В. Г. Г. указу и по гра-

Столь значительная потеря въ людяхъ крайне опечалила казаковъ, они пылали мщеніемъ и только дожидались извѣстїа похода Фрола Минаева, съ коимъ въ то время находились знатнѣйшіе старшины Иванъ Семеновъ и Кирей Матвѣевъ. Въ августѣ мѣсяцѣ казаки обрадованы были приходомъ ихъ на Донъ, и въ то же время на общемъ совѣщаніи положено было идти подъ Азовъ.

Пожаръ истребляетъ Черваскъ. Къ сему предпріятію склонили они союзника своего Чаганъ - тайшу, который къ великой радости казаковъ не замедлилъ явиться къ Черваску съ 3,000 калмыковъ; но неожиданное происшествіе

мотъ, послали мы холопы ваши на вашу великихъ государей службу казаковъ своихъ на море судовою многое число, и они ходили на крымскіе селы и деревни и ногайскіе улусы, были у Чернаго моря и подъ Темрюкъ городъ приходили, на посадъ били и многіе имъ шкнды учинили, селы и деревни разоряли и многихъ побили и въ полонъ побрали, и русскаго ясиря много отбили, и многихъ людей побили, и ясиря поимали, и всякимъ боршнемъ добылись и пошли назадъ домовъ, и они крымскіе люди и ногайскіе, провѣдавъ про ихъ оборотъ и вида у нихъ великую добычу, послали для людей по многимъ своимъ мѣстамъ и собиралися всѣ къ Азову, а которые были приближе люди въ Азовѣ девять каторгъ да два султана съ конными людьми, для обережи города, и тѣ всѣ не послушны, да тутъ же государи послали и отъ Крымскаго хана въ Азовѣ по вѣстамъ многіе люди и ждали нашихъ казаковъ съ моря денно и ночью, а наши не вѣдали такого ихъ великаго собранія и не чаяли нашихъ великихъ государей полкомъ роспуску, шли домовъ и пришли въ тѣсныя мѣста и стали перетаскивать суды и какъ будучи на срединѣ сухаго мѣста, и они оплоша нашихъ людей изгодились, со всѣмъ снородомъ и ночнымъ временемъ ударили на нихъ всѣ конною и судовою и пѣшіе, и обошли кругомъ. И дрались съ ними во всю ночь, и мочи нашихъ съ ними не стало, супротивъ такой великой силы, многихъ нашихъ побили и живыхъ побрали и варугательство великое чинили и суды отбили сорокъ суденъ большихъ, а которые были суды на переди перетаскали и тѣ за великимъ боемъ отъ нихъ отошли, а иныхъ отъ судовъ отбили, пришли яги и босы, а иные приходили разбиты раненные и толперво страждутъ, а достальныхъ побрали живьемъ терпять не волю.“

Распросилъ рѣчи атамана Ивана Семенова, привезшаго въ Москву вышесказанную отписку.

„А было де въ томъ походѣ 800 человекъ добрыхъ молодцовъ, а назадъ пришло изъ нихъ 400 человекъ, атаманомъ былъ Петръ Калмыкъ, асаулъ Василій Кутейниковъ, и атамана де взяли на бою израненнаго въ полонъ и въ Азовъ взяли.“

едва не остановило предпріятіе: въ предмѣстіи Черкаска, гдѣ обитали татары, загорѣлся домъ, пламя, распространившееся во всему предмѣстію, немедленно перенеслось и въ самый городъ и истребило оный до основанія; при семъ несчастномъ случаѣ пороховой магазинъ взорвало на воздухъ, а деревянныя стѣны вокругъ, бастіоны и церковь превращены въ пепель (498).

Это всеобщее несчастіе не истребило у казаковъ духа мщенія за побіеніе ихъ собратій азовцами на Казачьемъ еригѣ; Чаганъ-тайша, вѣрный союзникъ казаковъ, клялся не оставлять ихъ при семъ несчастіи и въ то же время поощрялъ вооружиться противу Азова, предлагая имъ великую добычу, если удастся соединенными силами овладѣть Азовомъ; предложеніе это было принято казаками съ охотою. Но счастье оставило ихъ и при семъ случаѣ; азовцы, предваренные перебѣжчикомъ изъ Черкаска, приняли всѣ мѣры осторожности и храбро отразили приступы казаковъ и калмыковъ безъ малѣйшаго впрочемъ нанесенія вреда осаждавшимъ. Вся добыча полученная ими подъ Азовомъ состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рогатого скота, захваченнаго калмыками (499).

(498) Дѣла Донскія, челобитная войска Донскаго, привезенная въ Москву атаманомъ Кирѣемъ Матвѣевымъ 1687 г. декабря 26 дня.

„ Да въ индѣйцѣмъ во 196 году, ноября въ . . . день, волею Божию, послалъ на насъ Владыко праведный свой гнѣвъ, погорѣли мы всѣмъ войскомъ безъ остатку и всѣмъ до конца разорилися, церковь Божія и колокола и городъ и раскати и ваше государское жалованье, снарядъ, пушки большіе и полковныя и свиначъ—все погорѣло, и пороховая казна подвиглася и у торговыхъ людей валасы и всякой борозень погорѣлъ, всѣмъ разорилися, пить-ѣсть не чего, а неприятельскіе люди насъ близко, а намъ оборониться нечѣмъ, пушекъ, свинку и пороку нѣтъ, и отъ того разоренія многія люди разошлись и острова покинули хотѣли, и надѣялись на Господа Бога и на ваше великихъ государей милостивое разсмотрѣніе и жалованье, едва на острову удержалися и окопалися землемъ, живемъ въ великой тѣснотѣ и терпимъ всякую нужду и голодь и вамъ великимъ государемъ служимъ неизмѣнно.“

(499) Донскія дѣла, распросныя рѣчи станичнаго атамана Кирея Матвѣева и есаула Ивана Рябинина, пріѣхавшихъ въ Москву съ отисками отъ войска Донскаго 1687 г. декабря 26 дня.

„ А какъ де Чаганъ тайша пришесть къ намъ на Дону, а съ нимъ калмыковъ съ 3,000 челомъ и больше и онъ говорилъ чтобъ они о томъ кошаранитъ разорѣ-

Черкасскъ, въ который они возвратились, представлялъ изъ себя огромное пожарище; не было ни одного дома, въ которомъ можно бы было укрыться отъ осенней погоды; казаки еще никогда не находились въ столь бѣдственномъ положеніи, ибо не только лишены были всѣхъ средствъ защищаться, но принуждены терпѣть величайшій недостатокъ въ хлѣбѣ, который при этомъ несчастіи погорѣлъ безъ остатка; но они не предавались отчаянію, немедленно выстроили себѣ земляныя избы, а для безопасности отъ внѣшнихъ непріятелей оградилъ городъ свой временнымъ укрѣпленіемъ. Слухъ о постигшемъ несчастіи казаковъ распространился во всѣ сосѣднія орды татарскія; выходившіе изъ плѣну казаки и русскіе люди непрерывно подтверждали о намѣреніи крымскаго хана и кубанскихъ татаръ сдѣлать нападеніе на Черкасскъ; это обстоятельство всего болѣе тревожило казаковъ, ибо большая часть городскихъ пушекъ, стоявшихъ на бастіонахъ, растопилась отъ пожара, остальные же не были способны въ дѣйствию за сгорѣніемъ лафетовъ.

ни не сетовали и опасенія никакого не имѣли, хотя де они и погорѣли и люди расстались, однако жъ бы уповали въ томъ на Бога и на милость великихъ государей, ихъ царскаго величества; а онъ де того походу за тѣмъ ихъ разореніемъ не отставляеть.

„ И на другой де день послѣ того пожару, войсковою атаманъ Орolzъ Минаевъ де полковникомъ инявшеи ихъ станицы атаманъ Кирей Матвѣевъ, да асаулы Илья Григорьевъ да Лукьянъ Максимовъ, а съ ними казаковъ съ 2,000 челова, собрався и молебствовалъ и совокуплся съ Чаганомъ тайшею и съ его улусными людьми, пошли подъ Азовъ того жъ дни конною въ вечеру, а пѣхоту, которой вѣти было съ нимижъ, оставили для осторожности оволо околу на пожарище, и по утру де пришедъ подъ Азовъ къ земляному валу, и на тотъ валъ били всѣмъ войскомъ и за тѣмъ де валомъ азовцы были въ готовности и били по нихъ изъ пушекъ и изъ всякаго ружья, и было у нихъ того бою съ напусками часа съ три, и бився разлѣхались въ цѣлости, и ни кто изъ нихъ казакъ и казакъ не убитъ и не раненъ, а азовцевъ де на томъ бою по вѣдомости отъ переметчиковъ и отъ выходцовъ къ нимъ на Донъ убито челов. съ 10, да въ тожъ время казники отогнали у нихъ азовцевъ многую скотину, которая была съ ихъ Донскихъ казаковъ стороны, а вѣдомость въ Азовъ о походѣ ихъ учинилась въ сморныхъ дняхъ отъ перебѣдцва ихъ Донскаго казала отъ Ивашки Мудрецка, а на томъ де бою онъ Ивашка съ ними азовцы былъ же.“

Въ такомъ положеніи казаки всю надежду имѣли на милость царскую; послали въ Москву зимовую станицу и въ оной атаманомъ знатнаго старшину Кирѣя Матвѣева съ убедительною просьбою о присылкѣ къ нимъ годоваго жалованья пушекъ и другихъ вещей нужныхъ къ оборонѣ отъ неприятелей. Государь приказалъ отпустить войску Донскому годовое жалованье, три полковыя пушки и сто рублей для постройки собора, а въ слѣдующихъ за тѣмъ годахъ прислано было сверхъ еще три пушки, 50 пуд. пороха, нѣсколько лодокъ для морскихъ поисковъ и 200 руб. денегъ на сооруженіе собора и нѣкоторыя другія вещи, не входящія въ составъ обыкновеннаго жалованья. Такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ Черкасскъ былъ выстроенъ вновь, поставили вокругъ онаго стѣны и выстроили новый деревянный соборъ. Въ продолженіи всего 1688 г. войско Донское было занято усмиреніемъ возмущившихся раскольниковъ, не предпринимая ни какихъ походовъ противу азовцевъ и Крыма.

Казаки вновь открываютъ военныя дѣйствія противъ Азовцевъ и Крымцевъ. Въ началѣ 1689 г. Россія вновь вооружилась противу Крыма еще съ большею дѣятельностію; войску Донскому предписано было командировать въ главную армію 500 человекъ казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Фрола Минаева, съ тѣмъ чтобы онъ къ 1-му числу марта мѣсяца непременно прибылъ съ казаками въ новопостроенную на рѣкѣ Самарѣ крѣпость Богородицею; прочимъ же казакамъ велѣно открыть военныя дѣйствія противу Азова и отправить знатную часть казаковъ моремъ подъ Крымъ для отвлеченія силъ татарскихъ; для побужденія же казаковъ къ скорѣйшему выполненію воли царской отправленъ былъ въ Черкасскъ изъ посольскаго приказа чиновникъ Часовниковъ, которому поручено было также склонить и Чагана-тайшу къ отправленію въ армію 2,000 человекъ калмыковъ; но тайша этотъ, подъ предлогомъ опасности отъ казаковъ по случаю происшедшихъ тогда между ними ссоръ, отъ похода уклонился и самопроизвольно бѣжалъ со

всѣми своими улусами за Волгу.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца сего года 700 человекѣвъ казаковъ, выступили въ походъ подъ начальствомъ старшины Ивана Семенова. Въ это время необыкновенное разлитіе водъ рѣки Дона причинило великое опустошеніе, какъ въ казачьихъ городкахъ, такъ и въ самомъ Черкасѣ, затопило множество скота, разнесло дома и деревянныя стѣны вновь поставленныя вокругъ этого города; возвышеніе воды было столь велико, что казаки принуждены были ставить пушки для защиты города и учреждать караулы на домахъ (500). Сіе обстоятельство было причиною, что казаки, вопреки царскаго повелѣнія, не позволили войсковому атаману Фролу Минаеву принять начальство надъ походнымъ войскомъ; любовь народная и довѣренность къ нему были столь велики, что казаки въ отсутствіе его не почитали себя безопасными отъ окружавшихъ ихъ неприятелей: „если будетъ царскій гнѣвъ, говорили они Фролу Минаеву, то не на тебя одного, а на все войско Донское, а намъ тебя при теперешнемъ несчастіи какъ отпустить“ (501).

Вслѣдъ за отправленіемъ казаковъ въ дѣйствующую армію войско Донское отпустило на море въ 45 лодкахъ 1,000 человекѣвъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Зота Камышниковъ. Флотилія эта имѣла направленіе правымъ берегомъ азовскаго моря; достигнувъ до Топкихъ водъ, казаки узнали, что Россійская армія отступила отъ Перекопа и потянулась къ Россійскимъ границамъ; въ такомъ случаѣ они немедленно обратились къ Темрюку, напали на окружавшія этотъ городъ турецкія и татарскія селенія, ограбили оныя, схватили 15 человекѣвъ въ плѣнъ и съ добычею возвратились безпрепятственно въ Черкасскъ.

(500) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Ивана Жиловатаго, прїѣхавшаго въ Москву 1689 г. мая 30 дня.

(501) Тѣхъ же дѣлъ, изъ распросныхъ рѣчей вышесказаннаго станичнаго атамана.

Счастливо оконченный походъ этотъ и добыча, полученная подъ Темрюкомъ, поощрили и прочихъ казаковъ на подобное предпріятіе. Въ августѣ мѣсяцѣ 69 (*) человекъ отважныхъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Тимофея Долгова, пробравшись тайно Казачьимъ ерикомъ, вступили въ море и сверхъ всякаго ожиданія явились въ устьяхъ Кубани, отсюда они къ удивленію тамошнихъ жителей производили грабежи и опустошенія, жгли села и деревни, предавали смерти всѣхъ сопротивлявшихся имъ и такимъ образомъ нагруживъ суда свои всякаго рода пожитками возвращались въ свои жилища; вошедъ въ Азовское море, повстрѣчались съ ними два судна плывшія изъ Азова въ Константинополь съ 150 янычарами, казаки немедленно вступили съ ними въ сраженіе, и по кратковременномъ сопротивленіи, овладѣли обѣими судами; при семь случаѣ 80 человекъ янычаръ лишились жизни, прочія же сдались плѣнными, оба суда сіи казаки привели съ собою въ Черкасскъ.

Между тѣмъ какъ казаки съ большимъ успѣхомъ производили нападенія на крымскихъ татаръ, 120 человекъ казаковъ отправленные изъ войска подъ ногайскіе улусы къ Кубани, наѣхали нечаянно на ногайскаго мурзу Навруза, выѣхавшаго изъ улуса своего съ 30 татарами въ поле на звѣриную охоту, казаки примѣтивъ ихъ, столь удачное сдѣлали на нихъ нападеніе, что ни одинъ изъ сихъ татаръ не могъ спастись бѣгствомъ, самъ мурза и девять съ нимъ человекъ израненныхъ были взяты въ плѣнъ, прочіе же были побиты (502).

(*) Вѣроятно 690.

(502) Дѣла Дожскія, распросныя рѣчи войсковаго атамана Фрола Минаева, прѣхавшаго въ Москву 1689 г. декабря 13 дня.

„Онъ же Фролъ Минаевъ и казаки сказали: какъ де по указу вел. государей и по наряду въ прошломъ въ 197 г. ходили изъ войска на море судовою для поиску надъ турецкими городки и надъ ногайски и юрты казаковъ 1,000 челов. въ тожь время, въ которое пошли въ полки въ крымскій походъ коинвою, и тогда де тѣ казаки дошли было до Тонкихъ водъ, до Перекопа версть за 20 и послыша, что государскіе полки отъ Перекопа отступили и они перешли

Ссоры казаковъ съ Калмыками. Аюга - тайша по смерти отца своего Пунчака наслѣдовалъ многочисленнымъ Торгоутскимъ поколѣніемъ, имѣя вліяніе и на прочія плѣмена сего же народа. Власть его надъ калмыками по смерти брата его Замсы умножилась до таковой степени, что онъ управлять почти всѣмъ калмыцкимъ народомъ самовластно, имѣя сверхъ того въ подданствѣ до 20/т. едисанскихъ татаръ. Близкое со-сѣдство народа сего, столь же воинственнаго какъ и Донскіе казаки, было поводомъ къ непрерывнымъ обоюднымъ набѣгамъ; нерѣдко многочисленныя партіи калмыковъ, подбѣгая подъ казачьи городки, хватали и убивали людей, забирали ихъ съотъ и прочее имущество и отгоняли въ свои улусы; въ отмщеніе за эти обиды казаки платили имъ тѣмъ же. Таковыя обоюдныя ссоры доходили иногда до явной войны, но всѣ сіи неприятели были преобразуемы миромъ, который обыкновенно оканчивался тѣмъ, чтобы все то, что только калмыками пограблено у казаковъ или казаками у калмыковъ, другъ на другѣ не спрашивать. Но миръ таковой никогда не былъ продолжителенъ чрезъ самовольство калмыковъ, которые при всякомъ удобномъ случаѣ поступали съ казаками какъ съ неприятелями; дерзость свою наконецъ простерли они до того, что подбѣгали подъ російскія границы; разоряли села и деревни, хватали людей и отводили въ свои улусы, въ коихъ можно было видѣть столько же російскихъ плѣнныхъ людей, сколько и на Кубани. Нерѣдко партіи этихъ охотниковъ были совершенно разбиваемы казаками и тогда поносная смерть дѣлалась обыкновенною участію плѣнныхъ. При подобныхъ случаяхъ казаки гораздо снисходительнѣе поступали съ турками и татарами.

Усиливавшаяся время отъ времени власть Аюки-тайши надъ калмыцкимъ народомъ, пріобрѣтала ему большое уваженіе не только крымскаго хана, но и турецкаго султана; съ того времени сношенія его въ особенности съ Крымомъ сдѣлались чаще. Ханъ ласкалъ его, посылалъ къ нему ежегодно подарки въ намѣреніи склонить подъ власть турецкаго султана, но мѣ-

ственное положеніе не дозволяло сему тайшѣ принять это предло-
женіе, однакожъ съ сего времени видимъ Аюку-тайшу не всег-
да вѣрнымъ подданнымъ Россіи.

Во время перваго похода російскихъ войскъ подъ Крымъ,
ханъ крымскій явно обнаружилъ свое дружеское сношеніе съ
Аюкою. Вельможа его Богатырь-ага, именемъ хана упрани-
вая князя Голицына заключить миръ, между прочимъ писалъ
въ нему: „мы заключили съ калмыками договоръ на томъ, что
если крымскій ханъ будетъ находиться въ дружбѣ съ Россій-
скимъ Государемъ, то и калмыки обонимъ симъ державамъ бу-
дутъ мирны; въ противномъ случаѣ если между обоими сими
Государями нарушится миръ, тогда и калмыки вамъ непріате-
ли;“ но при заключеніи вновь мира съ крымскимъ ханомъ, Рос-
сія обязана заплатитъ Аюкѣ-тайшѣ 10/т. ефимковъ, 1,000
ефимковъ золотомъ и на пять тысячъ товаровъ, какихъ они
пожелаютъ взять отъ русскихъ (503).

на ногайскую сторону межъ Темрюка и Кубани, на Турскіе и Ногайскіе села
и деревни и милостію Божіею и велик. государей счастіемъ въ тѣхъ мѣстахъ
села и деревни разорили и взяли въ полонъ 15 человекъ и привали на Донъ
безъ урону только ранили изъ нихъ двухъ человекъ.

„А послѣ того съ моря пріѣхавъ и спустя день съ 10, въ августѣ мѣсяцѣ,
ходили на то же Азовское море, съ атаманомъ съ Тимкомъ Долгимъ, казаковъ
69 человекъ, да конницею на Ногайскую сторону и подъ червѣсы и ногайцы 120
человекъ, атаманомъ у нихъ былъ Кирей Игнатъевъ, и тѣ де казаки, которые
пошли судовою, били въ Кубанѣ на села и деревни, и многіи разорили и
пожгли и татаръ многихъ же побили, да въ полонъ взяли 20 человекъ, а какъ
пошли назадъ, и съ ними де встрѣтились на водѣ двѣ фуркаты съ лыччаны, которые
шли съ перемѣны изъ Азова въ Царь - городъ, и учинили съ ними бой и тѣ
фуркаты взяли и лыччанъ многихъ побили, да въ полонъ взяли 80 человекъ, а
сказали де они, что было ихъ на тѣхъ фуркатахъ 150 человекъ, а коннымъ
казакамъ на ногайской сторонѣ, не доѣзжая ногайскаго Навруза мурзы улуса
за полдин, встрѣтился съ ними тотъ мурза, а съ нимъ татаръ 30 человекъ, а
гулялъ онъ въ поле за охотою со птицы и съ собаки, и учинили съ ними бой
и тѣхъ де при немъ будучихъ татаръ, побили а достальныхъ 9-ть человекъ, и
того самаго мурзу раненаго взяли въ полонъ же.“

(503) Письмо къ боярину князю Голицыну ближняго крымскаго хана чело-
вѣка Богатырь-Аги юля 6-го 1689 года.

„Мы съ калмыками навѣрно договоръ учинили на томъ, что какъ съ
вами въ дружбѣ будемъ, такъ и калмыки за одно съ нами и вами, а буде
межъ нами не дружба, и съ калмыки у васъ не будетъ дружба, а съ нами

Но еще болѣе калмыки оказывали дружество въ азовцамъ, къ коимъ непрерывно пригоняли они на продажу скотъ свой, и взамѣнъ того получали отъ нихъ разныя необходимыя для себя вещи. Казаки неоднократно приносили жалобу Россійскому Государю на сію дружественную связь ихъ, вредную для нихъ и для пограничныхъ россійскихъ провинцій; пока наконецъ дано было имъ дозволеніе нападать и отбивать у калмыковъ скотъ и другія вещи, везенныя ими на продажу въ Азовъ.

Аюка-тайша нерѣдко употреблялъ насильственные мѣры къ присвоenanію себѣ улусовъ слабѣйшихъ владѣльцевъ. Это самое обстоятельство заставило въ 1690 г., начальнo Сетеря мурзу, а потомъ Саломъ - Сереня тайшу сына Богатырь - Черкеса съ подвластными имъ калмыками бѣжать въ Черкасскъ. Казаки, бывъ обрадованы этимъ приходомъ калмыковъ, приняли ихъ ласково; одарили владѣльцевъ и старшинъ панцырями, пищалями и луками и другими вещьми, взяли отъ нихъ присягу на вѣрность службы Россійскому Государю и позволили имъ кочевать вмѣстѣ съ Донскими калмыками близъ Черкасса (504).

Для безопасности отъ набѣговъ непріятельскихъ, Государь приказалъ казакамъ построить для нихъ въ удобномъ мѣстѣ крѣпость и не отдалять ихъ кочевье отъ казачьихъ городковъ. Но владѣльцы сіи не избѣгли мщенія Аюки-тайши; онъ чрезъ нѣсколько времени по переходѣ ихъ на Донъ послалъ сильное войско подъ начальствомъ брата Черкесова Мункотемира тайши, который, перешедъ тайно чрезъ рѣку Донъ, напалъ внезапно на улусъ брата своего и безъ всякаго сопротивленія забралъ оный со всѣмъ ихъ имуществомъ; Богатырь-Черкес едва могъ спастись бѣгствомъ съ нѣсколькими приверженными къ нему калмыками въ Гундоровскій казачій городокъ, а от-

пожелаете миру я вы къ Аюкаю калмыку дайте 10 т. ефимковъ да 1,000 ефимковъ золотыхъ, на 5 т. ефимковъ товару, какова они похотятъ взять.“

(504) Распросилъ рѣчи станичнаго атамана Дмитрія Фехорова, пріѣхавшаго въ Москву 1690 г. марта 22 дня.

туда въ Черкасскъ. Мункотемиръ при переходѣ своемъ чрезъ Донъ причинилъ великое опустошеніе казачьимъ городкамъ и захватилъ множество людей съ ихъ имуществомъ. Нападеніе это на калмыковъ и на казачьи городки произведено было въ то самое время, когда знатная часть казаковъ преслѣдовалъ азовцевъ и другихъ татаръ учинившихъ нападеніе на Торъ. Аюка тайша не ограничиваясь симъ мщеніемъ, подъ благовиднымъ предлогомъ подослалъ въ Черкасскъ раскольника Федора Болдыря съ тѣмъ, чтобы онъ зажегъ городъ и другіе казачьи городки въ то время, когда казаки будутъ преслѣдовать Мункотемира; но злодѣй сей былъ схваченъ и получилъ достойное наказаніе. Казаки не столько огорчились претерпѣнными разореніями отъ калмыковъ, сколько отнятіемъ отъ нихъ насильно улуса Богатырь - Черкеса, въ коемъ находилось болѣе 2,000 мужескаго и женскаго пола душъ.

Россійскій дворъ въ подобныхъ случаяхъ по жалобамъ казаковъ на калмыковъ обыкновенно предписывалъ ихъ владѣльцамъ возвратитъ пограбленное; но со стороны ихъ никогда сего выполняемо не было, и потому войско Донское дабы не лишитъ многихъ казаковъ собственности, дозволило старшинѣ Филипу Сулѣ собрать охотниковъ со всѣхъ казачьихъ городковъ для нападенія на улусы Аюки-тайши, снабдивъ его для сего предпріятія судами и пушками. Казаки, перетащивъ суда свои изъ Дона въ Волгу, приплыли къ Черному Яру; здѣсь узнали они, что не въ дальнемъ разстояніи вочують Аюки тайши и Мункотемировы улусы съ подвластными имъ едиганскими татарами. Казаки приблизились къ улусамъ тайно и безъ всякаго сопротивленія бросились грабить имущества и убивать беззащитныхъ; набравъ сколько могли добычи и захвата 15 человекъ лучшихъ татаръ и калмыковъ въ плѣнъ, казаки отступили къ Черному Яру. Астраханскій воевода князь Пріимковъ-Ростовскій, извѣщенный о семъ нападеніи казаковъ на калмыцкіе улусы, выслалъ для защиты ихъ три приказа стрѣльцовъ и 300 человекъ татаръ съ полковникомъ Кохановскимъ, который и настигъ казаковъ близъ Чернаго Яра. Казаки за-

медлили въ этомъ мѣстѣ по случаю тому, что вели переговоры съ калмыками о выкупѣ захваченныхъ у нихъ людей, за каждаго по 500 руб. Кохановскій окружилъ казаковъ и причинилъ жестокіе побои походному атаману Филипу Сулѣ и другимъ и отнялъ у нихъ всѣхъ забранныхъ ими въ плѣнъ калмыковъ и татаръ. Походный атаманъ предполагалъ найти себѣ защиту въ астраханскомъ воеводѣ, послалъ къ нему казаковъ съ просьбою о возвращеніи отнятыхъ у него полковникомъ Кохановскимъ плѣнныхъ; но воевода этотъ не только не дѣлалъ имъ никакого удовлетворенія, но послѣ жестокостей нанесенныхъ присланнымъ казакамъ велѣлъ ихъ посадить въ тюрьму, гдѣ они томились болѣе четырехъ мѣсяцевъ, пока наконецъ по царскому повелѣнію были освобождены. Походный атаманъ принесъ на воеводу жалобу Государю и въ то же время увѣдомилъ о всемъ происходившемъ войско Донское, которое съ своей стороны не проминуло утруждать просьбою Государя объ удовлетвореніи походнаго атамана Филипа Сулу и казаковъ въ нанесенныхъ имъ обидахъ. Посланная по сему изъ Посольскаго приказа грамота къ воеводѣ объ удовлетвореніи казаковъ въ ихъ претензіи не была исполнена, ибо князь Примиговъ-Ростовскій вскорѣ по доставленіи къ нему отнятыхъ у казаковъ плѣнныхъ калмыковъ и татаръ, отпустилъ въ ихъ улусы. Въ Посольскій же приказъ отписалъ, что взятые казаками въ плѣнъ калмыки и татары не принадлежатъ Аюгѣ-тайшѣ, а есть юртовые, кочующіе близъ Астрахани, которые никогда не нападали на казачьи городки. Это возбудило казаковъ къ возраженію противъ дѣйствій воеводы: они въ сильныхъ выраженіяхъ жаловались Государю на его поступки, доказывая, что ни одни калмыки причиняютъ казачьимъ городкамъ разоренія, но что вмѣстѣ съ ними и юртовскія татары находящіеся подъ непосредственнымъ его начальствомъ; что татары эти хватая казаковъ, продаютъ въ Азовъ и въ другихъ мѣстахъ со свѣдѣнія его и что таковыхъ татаръ находится у нихъ въ Черкасскѣ довольно число и сидятъ на оупу; „и потому если (продолжаютъ они въ той же отпискѣ) не велѣно

будеть отдать намъ отнятыхъ у калмыковъ астраханскихъ воеводою плѣнныхъ татаръ и калмыковъ, то въ такомъ случаѣ мы будемъ отданы въ поруганіе; тогда некому будетъ вооружаться на Шамхала (горскаго владѣльца) и на раскольниковъ находящихся подъ его покровительствомъ; всѣ разбредутся въ разныя мѣста, ибо мы живемъ на Дону угождаючи межъ себя другъ другу, а не досаждаючи, да и то многіе измѣняютъ Государю и бѣгутъ къ раскольникамъ“ (505). Но не взирая на

(505) Память изъ Посольскаго приказа къ приказъ казанскаго дворца; отъ 8 августа 1691 года.

„И потому де ихъ (Донск. казаковъ) челобитью великіе государи пожаловали указали ему боярину и воеводѣ (князю Примокову Ростовскому) тотъ ихъ ясиръ отдать и казаковъ ихъ Василья Зацаго съ товарищи изъ тюрьмы освободить, и о томъ къ нему боярину и воеводѣ ихъ в. государей грамоты, и они де съ тѣми грамотами послали изъ войска въ Астрахань казаковъ своихъ и онъ де бояринъ и воевода по тѣмъ грамотамъ казаковъ свободилъ, а ясиръ не отдалъ ни одного человѣка, дружка и народа бусурманамъ, взявъ съ нихъ великія взятки, а ихъ имъ велик. государемъ обогалъ, писалъ ни дѣломъ, что будто тотъ ясиръ астраханской юртовой, а тотъ де ясиръ не астраханской Аювннхъ улусовъ; да онъ же де бояринъ и воевода ихъ атамановъ и казаковъ бесчестить, называя ихъ измѣнниками и бранить всячески, а они де войскомъ ни какія за собою измѣны не знаютъ и впредь ни на какое худо не помышлятъ, ради они имъ вел. государемъ служить со всякимъ радѣніемъ, а если бы де тотъ ясиръ былъ и астраханскихъ юртовъ, и они бы того тамъ не стали, для того что съ Аювннхъ калмыки приходили войною многія и изъ Астрахани юртовныя татарова и городки порубили и живыхъ побили, и нынѣ у нихъ въ войску сидятъ на окупу, и какаа де его боярина и воеводы къ нимъ великіимъ государемъ вѣрная служба, а къ намъ правда, для чего онъ отъ нихъ вел. государей въ Астрахань присланъ, того бы было ему смотрѣть и беречь накрѣпо, и юртовныя де татарова на православныхъ христіанъ ходять, соединясь съ ордами, войною непрестанно и многихъ всякихъ чиновъ людей приводять въ Аювн и продають за морь, а онъ бояринъ и воевода имъ потакаеть для своей бездѣльной корысти и милости у нихъ в. государей о томъ просить всѣмъ войскомъ Донскимъ, чтобъ они вел. государи пожаловали ихъ, велик. взятой ихъ безвинно ясиръ, боярину и воеводѣ астраханскому отдать имъ въ войско, или на чемъ было . . . заплатить за нихъ окупу, чтобъ тотъ ихъ ясиръ безвинно у нихъ не пропалъ; а ему бы де боярину и воеводѣ впредь не повадно было ихъ мѣнять на бусурмановъ, а что де онъ бояринъ и воевода называлъ ихъ все войско измѣнниками, и о томъ бы указали они в. государи свой государской милостивый указъ учинить; а если де ихъ государской милости и указу объ отдачѣ того ихъ ясирю не будетъ и они де ему боярину въ

столь сильное настояніе, войску Донскому не было отдано взятыхъ казаками подъ Астраханью въ плѣнь татарь и калмыковъ, вѣроятно потому, что казаки взяли ихъ не на берегахъ Дона, когда они приходили подъ казачьи городки, а близъ Астрахани въ ихъ жилищахъ; что войско Донское посылало казаковъ подъ улусы калмыцкіе безъ царскаго дозволенія; и что грамота изъ Посольскаго приказа, по донесенію астраханскаго воеводы, объ отпускѣ тѣхъ плѣнныхъ въ ихъ улусы была получена имъ; впрочемъ нѣкоторымъ образомъ въ удовлетвореніе за это приказано было выдать походному атаману Филипу Сулѣ и бывшимъ съ нимъ въ походѣ казакамъ 500 руб. денегъ изъ государственнаго казначейства.

Въ отмщеніе за разореніе казаками ихъ улусовъ калмыки 1691 года приходили съ многочисленнымъ войскомъ подъ начальствомъ знатнѣйшаго ихъ наѣздника Малая Батыря подъ Черкасскъ и подъ другіе казачьи городки, рѣзали и брали въ плѣнь казаковъ и женъ ихъ; нѣкоторые городки совершенно уничтожили и отогнали изъ подъ казачьихъ городковъ разнаго рода скота болѣе 20/т. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года казакамъ удалось схватить Малая Батыря подъ Азовомъ, котораго въ тожь время посадили въ воду, отвергнувъ предлагаемыя имъ за полученіе свободы 2/т. лошадей; казакамъ же поймав-

поруганіе и въ посмѣшницѣ выданы будутъ, а надъ шекаломъ и надъ раскольниками промыслу никакого нечннится и отъ нихъ изъ войска многіе разбредутся куда кому сручно, а въ Русь иной и не пойдетъ для того, что у нихъ людъ вольной и бѣглые отъ бояръ люди и крестьяне, имъ негдѣ дѣваться, туда жъ въ погибель къ раскольникамъ пойдутъ, а они де живутъ въ крайнемъ мѣстѣ, угождаючи межъ себя другъ другу, а не досаждаючи, и такъ де имъ отъ худыхъ людей стало жить худо, и многіе оставя свѣтъ идуть во тму и пишутъ они къ великимъ государемъ непрестанно, а помощи имъ на какой въ такое Богомъ изволише въ шаткое время подать они в. государи не изволятъ, и въ томъ ихъ государская воля, и въ предѣ имъ ожидать добра кромѣ худа нечего, и пишутъ они къ нимъ в. государемъ со слезами въ послѣднія, а житью своему разуму какъ прибрать незнають, не вѣдомо имъ береженія держать отъ непріятельскихъ людей, а на инаки отъ своихъ по прелести Шавкаловой и враговъ измѣнниковъ (раскольниковъ обжавшикъ на Куму) и дураковъ явится у нихъ много и пишутъ они къ нимъ в. государемъ нескрѣпячи“ . . . ,

шимъ его заплатили изъ войсковой суммы 200 руб., которые въ послѣдствіи времени были пополнены по царскому повелѣнію изъ государственнаго казначейства.

За претерпѣнное разореніе казаками отъ калмыковъ войско Донское рѣшилось открыть Аюкѣ-тайшѣ явную войну; войсковою атаманъ Фроль Минаевъ самъ хотѣлъ предводительствовать казаками и собиралъ уже для сего войско. Аюка-тайша извѣщенный о семъ вооруженіи, три рѣза присылать посланцовъ своихъ просить о заключеніи съ ними мира, обѣщая во всемъ удовлетворить казаковъ; наконецъ послѣ неоднократныхъ совѣщаній, казаки изъявили согласіе заключить миръ съ калмыками на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы Аюка-тайша возвратилъ взятыхъ въ плѣнъ казаковъ и отогнанный изъ подл ихъ городковъ свотъ, чтобы впредь со стороны калмыковъ подобныхъ набѣговъ на казаковъ и на російскіе украинные города производимо не было; съ раскольниками и съ азовцами никакихъ сношеній не имѣть и для продажи къ нимъ свота и другихъ вещей не посылать; въ противномъ случаѣ казаки имѣютъ полную свободу съ таковыми калмыками поступать какъ съ непріятелями. Договоръ этотъ калмыцкіе посланцы утвердили клятвою въ присутствіи всѣхъ казаковъ (506).

Съ сего времени казаки пойманныхъ калмыковъ на воровствѣ никогда не отдавали на окупъ, но всегда предавали ихъ на мѣстѣ преступленія поносной-смерти. Въ 1694 г. казаки разбивъ партію азовцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и едисанцевъ, взяли въ плѣнъ 48 человекъ, въ числѣ коихъ 27 калмыковъ, между коими находились ближніе люди Аюки-тайши; сихъ плѣнныхъ доставили въ Чераскъ въ то время, когда находились въ ономъ отъ него послы, которые видя какой участи они подвергнутся, убѣждали казаковъ отдать калмыковъ этихъ на окупъ, предлагая имъ за каждаго дать по 200 и 300 лошадей; но казаки желая избавиться отъ набѣговъ ихъ навсегда,

(506) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Якова Афанасьева 1691 года апрѣля 15 дня.

растаскали своихъ плѣнниковъ лошадьми, привязавъ къ хвостамъ въ присутствіи посланцевъ; тѣмъ же базабамъ, кои взяли калмыковъ въ плѣнъ, выдали изъ войсковыхъ суммъ 250 рублей (507).

Г Л А В А XVI.

Присшествія на Дону до завоеванія Азова.—Дѣйствія казаковъ въ 1-ю компанію Петра 1-го подъ Азовомъ.—Дѣйствія ихъ во вторую компанію подъ Азовомъ.—Послѣдующія присшествия до заключенія мира съ турками.—Славный подвигъ казаковъ при усмиреніи Астраханскаго бунта.—

Присшествія на Дону до завоеванія Азова. Донскіе казаки будучи обезпоеваемы калмыками и азовцами, принуждены были въ декабрѣ мѣсяцѣ 1689 г. заключить съ послѣдними мирный договоръ, съ условіемъ не нападать на казачьи городки и южные предѣлы Россіи. Миръ этотъ продолжался до 1691 года. Главнѣйшія причины, побудившія казаковъ къ сохраненію столь продолжительнаго и совершенно бесполезнаго для Россіи мира, были: заведшіяся у казаковъ съ калмыками ссоры; угрозы раскольниковъ въ соединеніи съ калмыками, ногайцами и азовцами разорить Черкасскъ и казачьи городки и наконецъ выкупъ плѣнныхъ турокъ и татаръ, взятыхъ казаками въ прошломъ 1689 году въ разныхъ мѣстахъ. Перемиріе это азовцы дѣйствительно соблюдали свято

(507) Распросныя рѣчи станичнаго атамана Тимофея Ѳедорова 1694 года октября 2 дня.

„ И какъ де тѣ вышеписанныя походные казаки съ тѣми языки пришли на Донъ, и въ войску де тѣхъ Аюкаевыхъ калмыковъ распрашивали, и по распросамъ явились Аюкаевы ближнія люди, и она де казаки нетерпя Аюкаевыхъ досады, тѣхъ языковъ при Аюкаевыхъ присылщикахъ, которые въ то время присланы были къ нимъ въ войско, растаскали конями, привязавъ къ хвостамъ, по острову всѣхъ. А Аюкаевы де посланцы давали за тѣхъ языковъ окупу войску по 200 и по 300 лошадей за человѣка и они де того окупу за нихъ не взяли, и оскудя себя изъ войска, изъ ихъ в. государей обыкновеннаго жалованья дали за тѣхъ языковъ походнымъ казакамъ, вмѣсто окупу, на добычъ 250 рублей.“

въ отношеніи только къ казакамъ, но границы російскія безпрерывно были обезпечиваемы отъ нихъ.

Войско Донское бывъ въ это время занято защитою собственныхъ своихъ жилищъ отъ непрерывныхъ набѣговъ камишевыхъ и отвращеніемъ происковъ кабардинскаго владѣльца Шамхала, употреблявшаго въ то время всѣ средства на склоненіе казаковъ къ побѣгу съ Дону въ его владѣнія, не въ состояніи было унять азовцевъ отъ хищническихъ набѣговъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1690 года азовскій бей, по наущенію злѣйшихъ раскольниковъ Петра Мурзенка и Льва Маноцкаго, выступилъ съ тысячею человекъ азовцевъ, раскольниковъ и татаръ къ Тору, куда обыкновенно съ украинскихъ городовъ собирались жители для добыванія соли; въ оверстныхъ мѣстахъ повстрѣчались они съ этими промышленниками, шедшими за дровами. Раскольники увѣрили ихъ, что они Донскіе казаки и идутъ для развѣдыванія о непріятелѣ; обеспеченные сими увѣреніями, несчастные жители не приняли никакихъ мѣръ осторожности къ своей защитѣ и были жертвою своего легковѣрія. Азовцы напали на нихъ, предали сопротивляющихся смерти, а прочихъ увели въ плѣнъ. При этомъ случаѣ бей былъ тяжело раненъ въ руку, которую ему послѣ того въ Азовѣ отрѣзали. Войско Донское хотя и имѣло свѣдѣніе о семъ походѣ азовцевъ, но не въ состояніи было выслать противу нихъ 400 человекъ казаковъ, которые не могли предпринять ничего рѣшительнаго. Таковое внезапное вторженіе азовцевъ, сопряженное съ лишеніемъ тысячи человекъ жителей, было причтено къ недѣйствію со стороны войска Донскаго и продолжительному миру съ непріятелемъ, всегда готовымъ опустошать Россійскія границы (508).

Въ это время раскольники имѣли сношенія со всѣми горскими владѣльцами, которые уважали ихъ за храбрость и отважность, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути; время отъ

(508) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи в. атамана Ивана Семенова, пріѣхавшаго въ Москву 1690 г. декабря 15 дн.

времени они сдѣлались для нихъ необходимыми и главными указателями пути къ Донскимъ казачьимъ городкамъ и Россійскимъ границамъ; пользуясь таковымъ довѣріемъ, раскольники предприняли намѣреніе согнать съ Дона казаковъ, разорить Черкасскъ и прочіе городки, населить ихъ раскольниками и татарами, и потомъ всю эту страну отдать во владѣніе турецкому султану; такое намѣреніе предполагали они привести въ исполненіе зимою. Азовскій бей принялъ это съ охотою и умѣлъ склонить къ сему предпріятію Аюку-тайшу, ногайскихъ и горскихъ владѣльцевъ. Войска всѣхъ этихъ разноплеменныхъ народовъ уже стекались къ Азову, а войско Донское еще не имѣло никакихъ свѣдѣній о непріятельскихъ замыслахъ. Къ счастью казаковъ въ это время былъ схваченъ въ Черкасскѣ лазутчикъ, посланный азовскимъ беємъ для разузнанія о числѣ войскъ, находящихся въ Черкасскѣ и объ укрѣпленіи онаго: отъ него-то узнали они о замыслахъ непріятельскихъ. Таковыя непріязненные дѣйствія азовцевъ и окружавшихъ ихъ народовъ, заставили казаковъ принять всѣ осторожности и на всякій случай послали они въ Москву станицу просить у Государя войскъ для защищенія своихъ жилищъ и объ отклоненіи Аюку-тайшу отъ предпріятого имъ намѣренія; но вооруженіе это, предпріятое непріателемъ съ ревностію, неизвѣстно по какимъ причинамъ мгновенно разсѣялось, а съ нимъ вмѣстѣ и желаніе овладѣть землею населяемою казаками (509).

(509) Тѣхъ же дѣлъ, грамота на Донъ 23 января 1691 г.

„ А при томъ намъ в. государемъ извѣстно чините что соединяются на васъ атамановъ и казаковъ войскою турки, и крымцы, и ногайцы, и черкесы и калмыцкій Албай тайша съ воинскими своими людьми, которыхъ уже его Алексѣевыхъ калмыкъ нинѣ въ Азовъ съ муравомъ съ Будачеренимъ сыномъ Кашкою съ 500 челов. и больше пришло, а къ тому ожидаютъ отъ него жъ Алки и еще въ прибавку людей его въ скорѣ, да съ ними жъ измѣнники Кумскіе казаки и хотятъ приступить къ Черкасскому большиму собраніемъ вскорѣ, а розорятъ Черкасской и Донъ рѣку очистятъ, отдать во владѣніе турецкому салтану, и какъ Донъ очистятъ, тогда и подъ украинные в. государей города имѣтъ намѣреніе свое приходить войскою жъ и бьете челомъ намъ в. государемъ чѣтобъ васъ отъ тѣхъ непріятелей оборонить и Албай тайшу отъ совѣта и отъ соед-

Войско Донское оскорбленное таковымъ поступкомъ азовцевъ, сдѣланнымъ ими во время перемирія, въ тожь время приступило къ разорванію онаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ началю военныхъ дѣйствій, которыя они открыли въ началѣ весны 1691 г. какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ. 800 человекъ отборныхъ казаковъ, посланные два раза на море, причинили опустошенія ногайскимъ и крымскимъ улусамъ, побрали большое число въ плѣнъ и освободили множество русскійскихъ людей. Столь же счастливо окончился походъ 200 человекъ казаковъ, посланныхъ подъ Перекопъ, гдѣ удалось имъ схватить 35 человекъ татаръ въ плѣнъ (510).

Въ слѣдующемъ 1692 году войско Донское производило морскіе поиски, еще съ большею дѣятельностію: въ іюні мѣсяцѣ сего года 1,200 человекъ, посаженные на 76 струговъ, неожиданно явились подъ стѣнами Темрюка и Казылташа; приступали къ этимъ городамъ, разграбили окрестности оныхъ и сожгли нѣсколько татарскихъ деревень; захватили 130 че-

невія съ крымцы и азовцы унять; да станичной вашъ атаманъ Иванъ Аверкіевъ въ нашемъ государственномъ Посольскомъ приказѣ въ распросѣ сказалъ, что до ихъ изъ Черкаскаго поѣзда за недѣлю подсланы были изъ Азова въ Черкаской съ товары для провѣдыванія вѣстей въ лазутчикахъ азовцовъ два человека, которые вамъ сказали, что прислалъ къ вамъ ихъ для всякихъ вѣдомостей и для осмотра въ Черкасскомъ крѣпостей азовскій бей и анычарской ага, а осмотрѣвъ городъ и всякія крѣпости, такъ же смѣта казакомъ и сколько пушекъ, башъ и агѣ сказать, а они де бей и ага намѣрены приходить войною подъ Черкаской и разорить и выжечь.“

(510) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1692 г. февраля мѣсяца.

„ И что вы атаманъ и казаки въ прошломъ во 199 году въ разныя времена послали изъ войска казаковъ на морѣ для воинскаго надъ неприятелю промысла, по 800 человекъ, которые будучи въ тѣхъ походахъ многіе неприятельскія жилища разорили и ихъ побили, и живыхъ съ женами и съ дѣтьми въ полонъ многіхъ побрали и изъ неволы христіанъ многіхъ освободили и вывели съ собою на Донъ. Да выжъ въ третіе посылали за азовцами и за Люкзевыми калмыки, увѣдавъ приходъ ихъ войною подъ наши великихъ государей украинные города, и тѣ посланные ваши казаки тѣхъ неприятелей, не допустя до украинныхъ городовъ, разбили и многіхъ побили и въ азыцахъ поймали, и имъ великіе государи васъ атамановъ и казаковъ за ту вашу службу жалуютъ милостиво похваляемъ.“

ловѣкъ обоего пола и освободили изъ плѣну 200 русевихъ людей. При возвращеніи своемъ въ Черкасскъ хотя и встрѣтили препятствіе азовцевъ въ устьяхъ Дона, но мужественно отразивъ ихъ, пошли безъ малѣйшей потери. Въ слѣдъ за этимъ войско Донское вновь отправило на море казаковъ на 15 стругахъ, которые по выходѣ въ Азовское море, встрѣтились съ турецкимъ флотомъ, шедшимъ изъ Константинополя въ Азовъ, съ войскомъ, провіантомъ и амунициею; вступили съ нимъ въ бой, но по неравенству силъ, принуждены были отступить и обратиться въ предмѣстію Азова, около коего разграбивъ что могли и взявъ 10 человекъ въ плѣнъ, возвратились въ Черкасскъ (511).

Между тѣмъ какъ казаки громили непріятельскіе села и улусы, азовцы изыскивали всѣ средства вредить черкасскимъ жителямъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ (1692 г.) 100 человекъ азовцевъ и калмыковъ улуса Аюби-тайши, пользуясь темнотою ночи, прокрались тайно подъ Черкасскъ, захвативъ 200 лошадей, ходившихъ между онымъ и Манычскимъ городкомъ и отогнали въ Азовъ. Успѣхъ этотъ возбудилъ въ нихъ охоту отогнать всѣ казачьи табуны; для сего предпріятія собралось ихъ подъ начальствомъ знатнѣйшаго наѣздника Кубекъ-аги болѣе 509 человекъ. Достигнувъ безпрепятственно въ ночи до

(511) Тамъ же, описка в. Донскаго, привезенная въ Москву атаманомъ Лукьяномъ Максимовичемъ, 1692 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ.

„ Наши походные казаки за моремъ непріятельскія селы и деревни пожгли и на ихъ же бусурманскіе города Темрюкъ и Казылбашъ боемъ били и всякіе приступы чинили, и ихъ непріятелей, около тѣхъ городовъ будучи жъ, разорили жилища и многихъ побили и живьемъ ихъ и женъ ихъ и дѣтей побрали душъ со сто съ тридцать, такожи и полону русскаго изъ ихъ бусурманскихъ рѣкъ вывели душъ съ двѣсти и больше; а какъ тѣ наши вышеписанные морскіе казаки изъ походу пришли и прешедъ будучи у насъ въ войску, такожи мы холопи ваши служъ вамъ в. государемъ сентября въ тѣхъ же скорыхъ числѣхъ, посылали мы холопи ваши и въ другой разъ судовою на морѣ въ 15 лодкахъ своихъ казаковъ и тѣ наши казаки будучи на морѣ на судн ихъ бусурманскіе, которые въ Азову шли, боемъ били и около Азова всякое утѣсненіе имъ чинили и на отѣзжіе ихъ азовскіе караулы боемъ били жъ и до смерти многихъ побили и живьемъ взяли ихъ бусурмановъ душъ съ десять.“

рѣчки, называемой Василѣвъ, около коей ходили казачьи лошадиные табуны, захватили здѣсь на утренней зарѣ болѣе полторы тысячи лошадей и погнали въ Азовъ; вѣсть объ этомъ похищеніи быстро дошла до Черкасса, а затѣмъ и до Манчскаго городка . . . тысяча казаковъ въ одно мгновеніе выступили изъ Черкасса за похитителями. Войсковой атаманъ Фроль Минаевъ, дабы вѣрней поразить непріятеля, отрядилъ напередъ знатную часть казаковъ къ рѣкѣ Ассаю, гдѣ непременно должны азовцы переправляться чрезъ эту рѣку, а самъ съ остальными казаками началъ преслѣдовать ихъ. По приближеніи азовцевъ къ переправѣ Фроль Минаевъ сдѣлалъ стремительное нападеніе на нихъ; между тѣмъ бывшіе въ засадѣ казаки ударили на враговъ съ тыла. Азовцы не выдержавъ перваго натиска казаковъ смѣшались и начали искать спасенія въ бѣгствѣ. Топкія болота окружавшія эти мѣста были причиною гибели многихъ непріятелей; при этомъ случаѣ казаки не только отбили всѣ свои табуны, но захватили даже непріятельскихъ 300 лошадей съ сѣдлами, взяли въ плѣнъ 60 человекъ татаръ, между коими два Бешлейскихъ аги, которые вскорѣ отъ ранъ померли; Кубекъ-агъ перебилъ руку и онъ едва могъ спастись бѣгствомъ. Потеря непріятелей убитыми и ранеными была значительная; три дня казаки или убивали или брали въ плѣнъ, отыскивая ихъ въ топкихъ болотахъ и по камышамъ, гдѣ они скрывались избѣгая смерти (512).

Пораженіе азовцевъ подъ Черкассимъ привело ихъ въ такую слабость, что они чрезъ весь 1693 г. не предпринимали никакихъ поисковъ у пограничныхъ Россійскихъ городовъ. Среди этихъ происшествій Малороссійскіе казаки (1694) имѣли намѣреніе наказать азовцевъ и балмыговъ за грабительства,

(512) Тамъ же, вышесказанная отписка войска Донскаго, распросиы рѣчи Волудскихъ жителей, посланныхъ воеводою того города въ Черкасскъ, да вѣстей, показаніе толмача Даниила Леншина, посланнаго изъ Москвы на Донъ съ грамотами.

пришли въ знатныхъ силахъ на вершину рѣки Калміуса, въ томъ намѣреніи, чтобы посредствомъ высланныхъ партій на устьѣ этой рѣки Міуса и Берды, подъ предлогомъ рыбной и звѣриной ловли, вызвать изъ Азова татаръ и калмыковъ и потомъ преградя имъ дорогу къ обратному возвращенію, истребить ихъ совершенно: Малороссійскіе казаки желая склонить къ этому предпріятію Донскихъ, прислали къ нимъ посланцевъ своихъ. Но войско Донское въ это время занято было преслѣдованіемъ 400 человекъ азовцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и раскольниковъ, отправлявшихся для добычи подъ Россійскіе украинные города, и отказалось участвовать въ предпріятіи малороссійскихъ казаковъ.

Упомянутая толпа азовцевъ, калмыковъ и ногайцевъ, достигнувъ предѣловъ городовъ: Рыбнаго, Ольшанскаго и Усерда, предпринимала уже намѣреніе отдѣльными партіями напасть на жителей тѣхъ городовъ, занимавшихся снятіемъ хлѣба на поляхъ, какъ вдругъ показываются противу нихъ 900 человекъ казаковъ подъ начальствомъ войсковаго атамана Ивана Семенова. Татары сначала полагали, что партія казаковъ не многочисленна, устремились было на нихъ всею силою, но увидѣвъ, что казаковъ болѣе ихъ, обратились въ бѣгство: казаки гнались за ними болѣе 30 верстъ и весь этотъ путь усѣяли трупами своихъ непріятелей, въ плѣнъ же взяли 32 человека (513).

Въ отмщеніе за это поражение, азовцы въ августѣ мѣсяцѣ

(513) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи ставничаго атамана Василья Горбунова 1694 г. августа 5 дня.

„Войсковою атаманъ Иванъ Семеновъ собрався всемъ войскомъ, человекъ 900 и больше, на другой день пошли за ними тою ихъ саемою и дошли ихъ а было ихъ азовцевъ и калмыковъ и едясанцовъ и ногайцовъ и астраханскихъ татаръ, да съ нимижъ воры и раскольники Левва Манацкой съ товарищи, всего съ 400 человекъ и тѣ де непріятели, чая что ихъ малолюдно, хотѣли на нихъ ударить прямо, и какъ увидели что ихъ казаковъ многолюдно, дали тылъ, а они де били ихъ и гнали верстъ съ 30 и больше, и многихъ ихъ побили и переранили, а въ плонъ взяли азовцовъ 32 челов. и привезли на Довъ.“

(1994 г.) подбѣгали къ Хоперскимъ казачьимъ городкамъ, подъ конми схвативъ 8 человекъ казаковъ, направили путь свой для добычи къ Тамбовскому уѣзду. Встревоженные таковымъ нападеніемъ окрестныхъ городовъ, казаки немедленно погнались за азовцами и настигли ихъ между рѣчевъ Турса и Елани, не въ дальнемъ разстояніи отъ г. Тамбова, напали на нихъ и обратили въ бѣгство, при этомъ преслѣдованіи казаки многихъ побили и 48 человекъ взяли въ плѣнь (514).

Неограничиваясь одними только наблюденіями за движеніемъ непріятелей и защитою Россійскихъ границъ и собственныхъ жилищъ, войско Донское посылало на море въ 60 лодкахъ 1,000 человекъ казаковъ, съ атаманомъ Борисомъ Даниловымъ. Главные предметы казачьихъ поисковъ были: Темрюкъ и Казылташъ; но жители этихъ городовъ и окрестныхъ деревень, предваренные азовцами, приняли всѣ средства къ своему защищенію, казаки застали одни только пустыя сели, которыя они и выжгли, затѣмъ приступали къ упомянутымъ городамъ, но были отбиты съ урономъ. Такимъ образомъ казаки безъ всякой добычи принуждены были предпринять обратный путь къ Черваску. Между тѣмъ какъ Донцы занимались опустошеніемъ турецкихъ владѣній, азовцы готовились съ оружіемъ въ рукахъ принять ихъ въ устьяхъ Дона: тутъ поставлено было 30 кораблей и разныхъ военныхъ судовъ, на коихъ посаженъ былъ едва не весь азовскій гарнизонъ; но казаки не взирая на неравенство силъ, бросились на турецкій флотъ, въ намѣреніи пробиться сквозь оный, отбили у нихъ одинъ корабль и одно судно, но принуждены были потерять болѣе 20 казаковъ, кромѣ раненыхъ, и отступить къ рѣкѣ Міусу, гдѣ затопивъ суда свои, прошли въ Черваскъ степью; азовцы, примѣчавшіе за ихъ движеніемъ, немедленно отыскали тѣ суда и пожгли оныя безъ остатка.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего войско Донское вновь

(514) Тамъ же, распросныя рѣчи станичнаго атамана Тимофія Федорова 1694 г. октября 2 дня.

отправило казаковъ на 17 лодкахъ правую стороною Азовскаго моря; на топкихъ водахъ повстрѣчались они съ Запорожскими казаками, которые искали добычи въ крымскихъ улусахъ. Здѣсь условились они сдѣлать нападеніе на Чингарскій городокъ; но жители примѣтивъ намѣреніе казаковъ заблаговременно удалились, оставивъ въ добычу все свое имущество, какое только не въ состояніи были вынести съ собою. Казаки вступивъ въ этотъ городокъ нашли въ ономъ семь пушекъ и одно знамя; три пушки и знамя достались на часть Донскимъ казакамъ, а прочія получили Запорожцы; городокъ же выжгли и разорили до основанія (515).

Дѣйствія казаковъ въ первую компанію Петра I-го подъ Азовомъ. Во время послѣднихъ неудачныхъ походовъ подъ Крымъ, война съ турками была

(515) Тамъ же, отписка в. Донскаго, привезенная въ Москву 1695 г. въ де. кабрѣ мѣсяцѣ.

„Да мы жъ послали отъ себя изъ войска казаковъ своихъ на морѣ судовою въ 65 лодкахъ подъ турецкіе и ногайскіе мѣста; тѣ наши морскіе подъ Темрюкомъ городомъ и Казылтамомъ приступали и жестокіе бои съ ними непріатели чинили, хотя и себѣ досаду приняли, а которые были ногайскіе и черкасскіе села близъ моря и будущія въ нихъ люди и тѣ отбѣгли вдаль къ степнымъ мѣстамъ, а наши казаки тѣ многія села и ногайскіе улусы пожгли всѣ безъ остатку, и какъ по возвращеніи изъ тѣхъ непріательскихъ мѣстъ пойдутъ наши тѣ морскіе походные казаки къ Азову, чтобъ пройти мимо Азова къ намъ въ войско, и какъ придти къ морскимъ гирламъ, и въ то время по присылкѣ турецкаго салтана его ратные люди больше 30 судовъ въ каторгахъ и въ корабляхъ и въ иныхъ мелкихъ судахъ и заступили проходы, и тѣ наши казаки были на нихъ боемъ на тѣ суды и отбили одинъ корабль бѣлморскихъ кораблей и притомъ корабль будучи тумбасъ отбили и приступъ учинили къ тому кораблю и большой бой съ непріатели, кон на томъ кораблѣ, и по смотрѣнію Божию, они непріательскіе люди нашимъ казакамъ трутизну учинили не малую, въ смерть побили больше 20 человекъ, а иныхъ переранили, и наши отъ нихъ непріателей отступили, да мы жъ тѣмъ же временемъ послали въ 17 лодкахъ казаковъ своихъ другою стороною моря подъ крымскія мѣста въ Топкамъ водамъ и ходомъ соединились съ Запорожскими казаками и совѣтавъ между собою, пошли подъ крымскіе жилища и пришедъ къ Гнелюму морю, были боемъ на отводной Чингарской городокъ, и тотъ городокъ взяли и совсѣмъ разорили безостатку, и взяли семь пушекъ.“

оставлена. Римскій Императоръ тщетно убѣждалъ Петра I-го къ возобновленію союза противъ турокъ: Царь желая возворить порядокъ внутри государства, отклонялъ эти предложенія; наконецъ въ исходѣ 1694 года, заключа съ этимъ Императоромъ и королемъ Польскимъ миръ, рѣшился обратить оружіе свое на Азовъ, обладаніе воимъ могло доставить ему свободное плаваніе по Азовскому морю. Не дожидаясь окончанія новаго флота, начатаго въ Воронежѣ, Петръ повелѣлъ боярину Шереметеву со сто-тысячною арміею двинуться къ нижней части Днѣпра и угрожая туркамъ и Крыму, не допустить ихъ подать помощь Азову, который между тѣмъ будетъ осажденъ бояриномъ Шейномъ съ другою арміею изъ 31/т. человекъ состоящую (516).

Войско назначенное къ осадѣ Азова должно было собраться въ Тамбовѣ, откуда по первому весеннему пути идти на рѣку Хоперь; а потомъ внизъ правою стороною Дона къ Черкаску. Войску же Донскому предписано было сдѣлать распоряженіе дабы всѣ казаки верховыхъ городковъ, по мѣрѣ приближенія войскъ, соединялись съ этимъ корпусомъ и слѣдовали къ Черкаску; и чтобы какъ этимъ, такъ и всѣмъ казакамъ находящимся въ Черкасѣ быть подъ начальствомъ командующаго войсками Генерала Гордона и дѣйствовать противъ азовцевъ по его повелѣніямъ; а дабы таковое движеніе русскихъ войскъ не могло сдѣлаться извѣстнымъ непріятелю, то велѣно войсковому атаману Фролу Минаеву повелѣніе хранить тайно и никому кромѣ лучшихъ старшинъ не объявлять (517).

(516) Дополненіе къ дѣланіямъ Петра I-го томъ IV стр. 128.

(517) Грамота войску Донскому 1695 г. марта 16.

„Указали мы Великіе Государи быть на нашей Великихъ Государей службѣ на Дону Московскаго выборнаго полку генералу нашему Петру Ивановичу Гордону и полковникомъ и начальнымъ людямъ и съ солдацкими и съ стрѣльчскими полки, а избираться ему съ тѣми полки въ тотъ воинскій походъ въ Тамбовѣ и идти изъ Тамбова на Хоперь; а съ Хопра на Донъ въ Черкаской, а въ томъ воинскомъ промыслу съ нимъ генераломъ и съ нашими Велик. Государей ратными людьми быть и промыслъ надъ непріятели чинить тебѣ войско-

Но какъ не скрытно происходили эти приготовления, Аюкы-тайша недоброжелательствуя Россіи, въ тожь время извѣстилъ азовскаго коменданта о вооруженіи Россіи противу Азова; самъ же онъ освѣдомился вѣроятно отъ астраханцевъ, которые, какъ равно Донскіе, Терскіе и Гребенскіе казаки, должны были по царскому повелѣнію участвовать при осадѣ Азова. Комендантъ азовскій не довѣряя совершенно словамъ Аюкы-тайши, послалъ 3,000 человекъ подъ Черкасскъ въ намѣреніи получить чрезъ плѣнныхъ обстоятельное объ этомъ свѣдѣніе; но войсковою атаманъ Фролъ Минаевъ прогналъ ихъ съ большимъ урономъ; и хотя при семъ случаѣ были взяты въ плѣнъ 9-ть человекъ казаковъ, но отъ нихъ азовцы не могли ничего узнать. Это обстоятельство заставило азовскаго коменданта разослать партіи къ російскимъ украинскимъ городамъ, за коими вслѣдъ со стороны войска Донскаго было послано нѣсколько сотъ отборныхъ казаковъ (518).

Между тѣмъ Русскія войска въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца достигли до Черкасса, а 8-го числа того же мѣсяца прибылъ самъ Государь и немедленно повелъ оное подѣ Азовъ. Осада производилась хотя и довольно удачно, но Азовъ, имѣвшій свободное сообщеніе съ моремъ и будучи снабжаемъ припасами всякаго рода, не помышлялъ о сдачѣ; русская же армія,

тому атаману Фролу Минаеву и всему войску Донскому а сей бы нашъ Великихъ Государей указъ былъ у васъ тайно и кромя тебя войсковаго атамана и старшинъ, кому надлежитъ, инымъ былъ не вѣдомъ, и порадѣть бы вамъ атаманамъ и казакамъ о томъ и какъ возможно крѣпость въ войскѣ учинить, чтобъ о приходѣ нашихъ великихъ Государей ратныхъ людей на Донъ непріятели въ Азовѣ прежде времени не увѣдали:“

(518) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи станичнаго атамана Григорія Бѣлицкаго лившагося въ Москву 1695 г. марта 29 дня.

„Подбѣгали къ нимъ на Донъ къ Черкасскому азовской бей и личчанскій ага съ жителями азовскими служилыми людьми съ 3,000 челов. и больше . . . и тѣхъ де непріятельскихъ людей, за помощію Божіею, отогнали войсков. атаманъ Фролъ Минаевъ съ казаками съ 500 челов., а изъ нихъ де казацкаго войска поранено казаковъ съ 50 человекъ, а до смерти убитъ одинъ человекъ да 9 челов. казаковъ въ полонъ взяты!“

расположенная въ степи, начинала чувствовать недостатокъ въ продовольствіи; къ тому жъ неискуство инженеровъ и измѣна гвардіи капитана Якена продлила осаду. Въ таковыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, рѣшились на открытое нападеніе; но какъ и это предпріятіе не имѣло желаемого успѣха, то Царь велѣлъ снять осаду и отступить съ арміею, оставивъ въ Черкасѣ тяжелую артиллерію и пороховъ (519).

Впрочемъ этотъ походъ увѣнчанъ былъ взятіемъ двухъ каланчей (крѣпостей), поставленныхъ турками на рѣкѣ Дону въ близкомъ разстояніи отъ Азова; и какъ въ этихъ, такъ и въ новопостроенной противъ Азова Сергіевской крѣпости оставилъ 3,000 человекъ войскъ подъ начальствомъ воеводы Ржевскаго, приказавъ войску Донскому, вслучаѣ непріятельскаго нападенія, вспомоществовать всѣми силами (520).

Съ этою цѣлію войско Донское выслало изъ Черкасса 1 ч. января мѣсяца 1696 г. въ Сергіевской крѣпости 2/т. человекъ казаковъ. Тутъ казаки посовѣтовавшись съ воеводою Акимомъ Ржевскимъ, послали сильную партію засѣсть въ скрытныхъ мѣстахъ и выжидать непріятелей. Азовцы не замедлили сдѣлать нападеніе на городокъ и переранивъ 7 человекъ ратныхъ людей, хотѣли взять оныхъ въ плѣнъ, но засѣвшая партія казаковъ мгновенно бросилась на азовцевъ, обратила ихъ въ бѣгство и схватила одного знатнаго татарина, который при допросѣ показалъ, что азовцы вскорости ожидаютъ къ себѣ отъ крымскаго хана 900 человекъ емановъ, и великое множество ногайцевъ, черкесовъ и турокъ подъ начальствомъ салтановъ Шабанъ-гирея и Капланъ-гирея и Муртазы-паша, съ которыми на 5,000 арбахъ будутъ привезены провіантъ и разные воинскіе припасы, для осажденія новопостроенной Сергіевской крѣпости. Свѣдѣнія эти чрезъ нѣсколько времени послѣ того подтвердили и бѣжавшіе изъ Азова 6 человекъ русскихъ

(519) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ IV, стран. 132 и слѣдующія.

(520) Дѣла Донскія, грамота в. Донскому 1696 г. генваря 8-го.

людей. По этому случаю со стороны войска Донскаго немедленно отправлено для усиленія Сергіевской крѣпости лучшихъ казаковъ 400 человекъ (521). Войска непріятельскія хотя въ послѣдствіи и дѣйствительно приходили въ Азовъ, но Сергіевская крѣпость, какъ равно и Каланчинскія башни, отъ нихъ осаждаемы не были, по той причинѣ, что въ оныхъ находилось достаточное число гарнизона, состоящаго изъ ратныхъ русскихъ людей и казаковъ, а при томъ и войско Донское всегда готово было въ знатныхъ силахъ сдѣлать вспомошествованіе осажденнымъ. Почему они разсудили за благо искать добычи въ другомъ мѣстѣ и нападали на Русскіе украинные города (522).

(521) Тѣхъ же дѣль, грамота на Донъ отъ 4 февраля 1696 года.

„Писали къ намъ Великому Государю вы атаманы и казаки что генваря въ 1 день ходили вы всѣмъ войскомъ конницею и пѣхотой, для воинскаго промыслу надъ непріятельскими людьми, подъ Азовъ, и по общему совѣту новопостроеннаго Сергіева города съ воеводою съ Ржевскимъ пристойныя мѣста залегли, а непріятельскія люди въ то жъ время приходили къ Сергіеву и Сергіевскихъ ратныхъ людей 7 челов. переранили, и вы на нихъ непріятелей били и въ полонъ тѣхъ ратныхъ людей взять не дали, и гнали за тѣми непріятелями отъ Сергіева до самаго Азова и взяли изъ нихъ знатнаго азовскаго татарина, и прислали того татарина къ Москвѣ, а по допроснымъ того взятаго татарина рѣчамъ явилось, что отъ хана крымскаго пришла въ Азовъ подлинная вѣдомость, отпущенъ де въ Азовъ изъ Крыму Шабанъ-гирей салтанъ, а съ нимъ 900 емановъ, пѣлихъ людей; а въ Тамани и въ Керчи и въ иныхъ ближнихъ городѣхъ Муртуза - паша съ братьями, съ пѣхотою янычанскою въ готовности и ждутъ ихъ азовцы къ себѣ въ скорѣ; а будетъ та пѣхота съ Шабанъ-гиреемъ салтаномъ и съ Муртовою, съ казною и со всякими хлѣбными запасы на 5,000 арбахъ, да на тѣхъ же арбахъ прислано будетъ 20 можжеровъ, а съ тѣми можжеры 50 челов. мастеровъ; да съ ногайскою ордою и съ черкесы и со всею конницею большимъ собраніемъ будетъ другой салтанъ Капланъ-гирей, а привазалъ де ханъ, чтобы тѣмъ ихъ ногайскимъ войскамъ итти тѣт мимо Азова и приступать къ Сергіеву и можжерами городъ зажечь, а изъ Цара-града отъ салтана прислано будетъ со льдомъ вмѣстѣ войско, для строенія Азова и къ тому строенію въ Азовъ прислано мастеровъ 10 человекъ и по тѣмъ вѣдомостямъ вы атаманы и казаки, служа намъ Великому Государю, послали въ Сергіевъ ратнымъ людямъ на помощь 400 челов. казаковъ.“

(522) Тѣхъ же дѣль, отписка войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1696 г. февраля мѣсяца.

Дѣйствія ихъ во вторую компанію подъ Азовомъ. Въ началѣ 1696 г. Царь Русскій съ арміею состоящею изъ 64,735 человекъ (523) подъ начальствомъ того жъ боярина Шеина и съ новопостроеннымъ флотомъ выступилъ въ Азову, имѣя при себѣ 5,120 человекъ Донскихъ казаковъ. Шереметевъ съ 70,000 человекъ вторично противу поставленъ крымскимъ татарамъ.

Государь, оставя за собою боярина Шеина со всею арміею, 9 мая съ флотомъ прибылъ въ Черкасскъ, гдѣ войсковою атаманъ Фроль Минаевъ донесъ ему о поискѣ надъ неприятелемъ походнаго атамана Леонтія Поздѣва, который съ 250 казаками посланъ былъ для развѣдыванія о турецкомъ флотѣ. Выпедъ въ море, онъ усмотрѣлъ два корабля плывшіе къ Азову; презрѣвъ видимое превосходство силъ неприятеля, храбрый Поздѣвъ стремительно атаковалъ ихъ и не смотря на сильную пушечную стрѣльбу и отчаянную оборону турокъ, казаки производя непрерывный ружейный огонь, пристали къ кораблямъ, мгновенно прорубили бока оныхъ при самой поверхности воды и со всѣми людьми и грузомъ ихъ затопили, не потерявъ своихъ ни одного человека (524).

Поздѣвъ сверхъ того извѣстилъ Государя, что въ Азовскомъ морѣ остался турецкій флотъ, состоящій изъ 15 кораблей, 13 большихъ галеръ и 13 полугалеръ, на которыхъ находились разные военные снаряды и вспомогательныя Азову войска. Петръ вознамѣрился не допустить къ крѣпости этотъ флотъ и если возможно разбить оный. Въ этомъ намѣреніи 12 мая повелѣлъ онъ флотъ свой состоящій изъ 2 военныхъ кораблей, 23 галеръ, 2 галіотовъ и 4 брандеровъ провести изъ Черкасса въ Каланчакъ.

(523) Походъ боярина Шеина стр. 56. Г. Голяковъ въ 4 части дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго полагаетъ, что Россійская армія подъ Азовомъ состояла изъ 544,144 человекъ.

(524) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4, стр. 157.—Въ Азовской исторіи сказано, что казаки принуждены были отступить отъ сихъ кораблей, но г. Голяковъ замѣчаетъ на той же стр. что сіе противно всѣмъ на нимъ лѣтописямъ.

Отсюда съ 16-ю галерами поплылъ было въ Кутеремское устье, но не могъ онѣмъ пройти въ море, по причинѣ убыли воды отъ сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра; однакожь это препятствіе не остановило предпріятій: зная отважность казаковъ въ плаваніи по водамъ, Государь оставилъ свои галеры, пересѣлъ въ легкую казачью лодку и пустился въ море въ сопровожденіи 100 таковыхъ же лодокъ, изъ коихъ каждая вмѣщала по 60 казаковъ и нѣсколько солдатъ.

Обозрѣвъ все устье Дона, Петръ присталъ къ Каналярскому острову и увидѣвъ отсюда 9 большихъ турецкихъ кораблей и нѣсколько галеръ подошедшихъ къ Азову, приказалъ своей флотилии укрыться за островъ. На разсвѣтъ другаго дня турки не видя никакой опасности, отправили къ крѣпости съ воинскими снарядами 14 тумбасовъ, но лишь только эти суда поотдались отъ главнаго флота, какъ Россійскій Царь съ своими казаками вышедъ изъ за острова, настигъ турецкія суда и съ толикою быстротою ударилъ на оныя, что казаки въ виду непріятельскаго флота мгновенно овладѣли 9 тумбасами, находившихся на оныхъ людей побили, потопили и взяли въ плѣнъ 27 человекъ, всѣ снаряды перегрузили на два судна и привели оныя къ острову, а прочія сожгли, остальнымъ пяти тумбасамъ удалось уйти къ главному своему флоту, который испугавшись поснѣшилъ поднять паруса и обратился въ бѣгство. Казаки одушевленные присутствіемъ Государя, устрѣмились преслѣдовать бѣгущій турецкій флотъ, настигли два корабля, атаковали и послѣ упорнаго сраженія овладѣли ими: одинъ затопили, а другой сожгли, людей частію изрубили, въ плѣнъ взяли одного агу и 270 человекъ. Сверхъ сего захватили 10 полугалеръ и столько же большихъ судовъ загнали на мель. Этотъ смѣлый подвигъ казаковъ стоилъ туркамъ весьма дорого. Кромѣ потонувшихъ и сгорѣвшихъ, они потеряли убитыми до 2,000 человекъ; а на отнятыхъ судахъ найдено 50/т. червонныхъ, сукна на 4,000 человекъ, множество воинскихъ снарядовъ, 70 мѣдныхъ пушекъ, 300 бомбъ, 4,000 гранатъ, 80 бочекъ пороху, большое количество свин

цу, сабель и другаго мелкаго оружія.

Воздавъ Всевышнему благодареніе за первую дарованную надъ врагами побѣду, признательный Государь пожаловалъ всѣ деньги, сукно и прочую мелкую добычу храбрымъ своимъ сподвижникамъ, а воинскіе снаряды и оружіе повелѣлъ обратить въ казну (525).

Эта морская побѣда останется навсегда у Донскихъ казаковъ знаменитымъ происшествіемъ: въ первый разъ они сражались подъ личнымъ предводительствомъ Величайшаго изъ Монарховъ Россіи и храбростію своею заслужили его милости и доброе о себѣ мнѣніе.

Между тѣмъ бояринъ Шейнъ, съ главною русскою арміею, плывя по Дону, встрѣченъ былъ 19 мая наказнымъ войсковымъ атаманомъ Ильею Зерщиковымъ и знатными войска Донскаго старшинами и казаками. Прибывъ въ Черкасскъ и узнавъ, что войсковому атаману Фролу Минаеву съ Донскими казаками повелѣно выступить въ Азову, бояринъ вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ своимъ войскомъ поспѣшили къ этому городу и остановился между Сергіевскою крѣпостію и Каланчами.

Между тѣмъ 28 мая генераль-маіоръ Регимонъ и войска Донскаго походный атаманъ Савинъ съ своими отрядами отдѣлены для составленія авангарда, и подавшия весьма близко къ Азову, расположились лагеремъ. Азовцы сдѣлавъ вылазку, съ ожесточеніемъ на нихъ напали, но Донскими казаками были разбиты и съ немалымъ урономъ преслѣдуемы до самой крѣпости (526). 3 іюня изъ авангарда этого калмыки схватили подъ стѣнами города одного татарина, а прочихъ побили и отогнали 139 воловъ.—7 числа всѣ войска подступили подъ Азовъ и начали готовиться къ приступу; въ продолженіи этихъ работъ русская армія часто развлекаема была сильными нападеніями кубанскихъ и крымскихъ татаръ.

(525) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4, стр. 157, 158 и 159 и Азовская исторія стр. 168. и слѣд.

(526) Походъ боярина Шейна къ Азову, стр. 88.

которые однако всегда съ великою потерю были отражаемы и въ бѣгствѣ своемъ преслѣдуемы Донскими и Малороссійскими казаками.

Но чтобы стѣснить крѣпость со стороны моря и не допустить въ оной вспомогательный турецкій флотъ, состоящій изъ 40 фрегатовъ и множества галеръ, Государь повелѣлъ адмиралу Лефорту со всѣмъ флотомъ своимъ выступить въ море, а лодки Донскихъ казаковъ расположить въ устьяхъ Дона подъ прикрытіемъ войскъ разставленныхъ по берегамъ этой рѣки, чрезъ которую была протянута желѣзная цѣпь.

Наконецъ Государь рѣшился взять Азовъ приступомъ; 17 числа повелѣлъ онъ регулярнымъ войскамъ для развлеченія вниманія непріятели сдѣлать фальшивыя нападенія вдругъ съ трехъ сторонъ. Устрашенные азовцы со всѣми своими силами устремились къ оборонѣ этихъ мѣстъ, а между тѣмъ Донскіе казаки съ войсковымъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, а Малороссійскіе съ наказнымъ гетманомъ Яковомъ Лизогубомъ произвели рѣшительное нападеніе съ четвертой стороны, мгновенно овладѣли двумя бастіонами и четырьмя пушками; турки тщетно покушались вытѣснить казаковъ и послѣ отчаяннаго и жестокаго въ продолженіи шести часовъ сраженія были прогнаны въ городъ съ великимъ урономъ (527).

На другой день татары, желая провести въ городъ 2,000 вспомогательнаго войска, напали на русскій лагерь, но были разбиты и прогнаны. Послѣ этого Государь 19 числа повелѣлъ войскамъ своимъ готовиться къ генеральному приступу; но азовскій гарнизонъ, отчаявшись получить откуда либо помощь, сдался на условіи, чтобы ему со всѣми жителями былъ свободный выходъ изъ крѣпости; гарнизонъ турецкій состоялъ изъ 3,700 человекъ; кромѣ того въ крѣпости находилось 5,900 человекъ жителей обоего пола. Русскіе нашли въ Азовѣ 96 мѣдныхъ пушекъ и 4 мортиры.

Послѣ этого по повелѣнію Государя главнокомандующій бо-

армию Шекинъ, 20 июля послалъ сухимъ путемъ и водою отрядъ русскихъ войскъ, съ Донскими казаками и калмыками, для покоренія турецкой крѣпости Лютика, но она сдадась безъ всякаго сопротивленія на одинакихъ съ Азовомъ условіяхъ (528).

Побѣдоносный Монархъ изъявилъ армии благоволеніе, щедро наградивъ всѣхъ, и укрѣпивъ Азовъ, отпустилъ Малороссійскихъ и Донскихъ казаковъ въ жилища ихъ; а самъ съ регулярнымъ войскомъ возвратился съ торжествомъ въ Москву. Въ Азовѣ оставилъ Государь комендантомъ князя Львова съ достаточнымъ гарнизономъ. Войску же Донскому предписано было, при нападеніяхъ непріятельскихъ на Азовъ и на новопостроенную Сергіевскую крѣпость и Каланчи, вспомоществовать всѣми силами. (*).

Послѣдующія происшествія до заключенія мира съ турками. Взятіемъ Азовской крѣпости, Россія приобрѣла большія выгоды вліяніемъ своимъ на народы, кочевавшіе на рѣкѣ Кубани: многіе изъ нихъ тогда же признали власть надъ собою Россіи, другіе, бывъ угнѣтены набѣгами Донскихъ казаковъ, скрылись по ту сторону Кубани и тѣмъ содѣлались менѣе опасными Россійскимъ границамъ и казачьимъ городкамъ. Аюка-тайпа, измѣнявшій неоднократно Россіи, торжественно принесть повинную предъ Государемъ и получилъ дозволеніе съ подвластными ему калмыками кочевать по Хопру, Медвѣдицѣ и Маньчи.—Турецкій султанъ предугадывалъ всѣ слѣдствія могущія произойти отъ потери этой важной крѣпости, и потому не отлагать времени

(528) Походъ боярина Шенна къ Азову стр. 127.

(*) Грамота войску Донскому 1697 г. января 10.

„И городъ Азовъ также и новопостроенной городъ Сергіевъ, и Каланчи и Лютика и всѣ свои казачьи городки отъ непріятельскаго нахождения береги со всякимъ усерднымъ радѣніемъ и до взятія и ни до какого разоренія не допустили и послали бы вы отъ себѣ изъ войска въ тѣ города и въ Каланчи помощь нашимъ В. Государя ратнымъ людямъ Донскихъ казаковъ по немалому числу.“

вооружить подвластные ему народы на возвращеніе оной.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1697 г., многочисленная армія, состоящая изъ турокъ, крымцевъ, ногайцевъ и горскихъ народовъ, уже собиралась къ Тамани, въ намѣреніи обложить Азовскую крѣпость до прихода русскихъ войскъ и нестроить выше оной на рѣкѣ Койсугѣ и на Донцѣ крѣпости; вѣсть объ этомъ вооруженіи турокъ принесли въ Черкасскъ бѣжавшіе изъ Керчи казаки, которые были свидѣтелями тѣхъ приготовленій.

Войско Донское немедленно отрядило, для усиленія гарнизоновъ на Сергіевской крѣпости и Казанчей, болѣе 300 отборныхъ казаковъ; въ Москву же послало на сборъ легкую станицу съ донесеніемъ о непріятельскомъ движеніи и о ихъ намѣреніи противъ Азова. Россійскій дворъ, желая предупредить нечаянное нападеніе на завоеванныя отъ турокъ мѣста, въ то же время далъ предписаніе войсковому атаману Фролу Минаеву, находившемуся тогда въ Воронежѣ съ зимовою станицею, немедленно отправиться въ Черкасскъ и быть готовымъ со всѣмъ войскомъ какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ на отраженіе непріятелей (529). А между тѣмъ главнокомандующему боярину Шеню предписано со всею арміею слѣдовать къ Азову. Въ іюлѣ мѣсяцѣ непріятельскія войска, подъ предводительствомъ Балги султана, приблизились къ Азову; бояринъ Шеня устроивъ войска свои въ выгодной позиціи, столь мужественно принялъ ихъ, что послѣ кровопролитнаго 11 часовъ продолжавшагося сраженія, разсѣялъ и обратилъ непріятельскія войска въ бѣгство; а легкая кавалерія и Донскіе казаки преслѣдуя бѣгущихъ татаръ до рѣчки Катальнига многихъ изъ нихъ побили, потопили въ рѣкѣ и взяли въ плѣнъ.

Но до приходу еще русской арміи къ Азову, турецкій флотъ покушался сдѣлать высадку въ этому городу; въ маѣ мѣсяцѣ они отправили значительное число войскъ на брига-

(529) Грамота войсковому атаману Фролу Минаеву 1697 г. апрѣля 5 дня.

тинахъ своихъ, которые спокойно и безпрепятственно вошли уже въ устьѣ Дона; но расположенные въ этомъ мѣстѣ для наблюденія Донскіе казаки, бросаясь въ легкія свои лодки, мужественно встрѣтили непріятельскія суда, многія изъ нихъ съ находившимся высаднымъ войскомъ потопили, а прочія принуждены были спастись бѣгствомъ (530). Такимъ образомъ предпріятіе турокъ овладѣть Азовомъ, распоряженіемъ Государя уничтожено; и съ того времени турки не предпринимали уже болѣе никакихъ мѣръ на возвращеніе оной.

Съ этого времени казаки разъѣздами своими подь Крымъ и Кубань, непрерывно тревожили непріятелей, преграждая имъ всѣ пути къ набѣгамъ на Россійскія границы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего же 1697 года, казаки послали нѣсколько лодокъ подь Темрюкъ и Казылташъ, но по принятымъ со стороны турокъ предосторожностямъ возвратились безъ всякаго успѣха (531). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ казаки, по общему условію съ калмыками, въ числѣ 630 чел. вторглись въ ногайскій улусъ Кубека-мурзы, кочевавшій на Кубани, отбили 1,200 лошадей, взяли въ плѣнъ 7 человекъ татаръ и нѣсколько калмыковъ принадлежавшихъ сему мурзѣ; жителей же этого улуса предали смерти безъ различія пола и возраста (532).

Въ 1698 г. 1,000 человекъ казаковъ съ атаманомъ Акимомъ Филищевымъ были командированы по царскому повелѣнію въ армію князя Долгорукова, охранявшаго завоеванныя крѣпости отъ крымскихъ татаръ и участвовали во всѣхъ по-

(530) Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 4-й, стр. 359 и 360.

(531) Дѣла Донскія, грамота войску Донскому 1697 г. октября 20 дня.

(532) Тѣхъ же дѣлъ, распросныя рѣчи станичнаго атамана Максима Фролова 1698 г. генваря 16.

„Въ нынѣшнемъ во 206 году ноября въ послѣднихъ числахъ, съ присланными Аюкиными калмыками съ 500 чел., съ черкесомъ Батыремъ, изъ войска посылаетъ оны, Максимъ, съ Донскими казаками атамана на Кубань, а съ ними было казаковъ и калмыковъ 130 чел., и пришехъ они съ черкесомъ Батыремъ на Кубань и высмотря Кубековъ улусъ, на него били и отогнали табуну 1,200 лошадей, да 7 чел. кубанцовъ, которые тѣхъ лошадей стереги взяли.“

бѣдахъ, одержанныхъ этимъ полководцемъ надъ татарами и турками; а между тѣмъ войско Донское непрерывными разбѣздами тревожило непріятелей.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего же года значительная партія казаковъ, отправленная Азовскимъ моремъ къ новопостроенному турками городу Ачуеву, встрѣтилась съ непріятельскими судами, разсѣяла оныя, взяла двухъ человѣкъ въ плѣнъ и отбила нѣсколько казаковъ, находившихся у нихъ въ плѣну (533). Черезъ нѣсколько потомъ времени 90 человѣкъ казаковъ, соединясь съ Исупъ-мурзою, бѣжавшимъ въ Черкасскъ изъ за Кубани, отогнали у едисанскихъ татаръ, кочевавшихъ близъ рѣки Лабы, 500 лошадей; вскорѣ за тѣмъ другая партія казаковъ, состоящая изъ 150 человѣкъ, подъ начальствомъ того же мурзы, вторично подбѣгала подъ тѣ же улусы, отогнала 600 лошадей и схватила 2-хъ человѣкъ татаръ (534). Въ отмщеніе за это разореніе кубанцы, соединясь съ ногайцами и съ казаками раскольниками, въ числѣ 300 человѣкъ, вознамѣрились зажечь корабли, строющіеся по царскому повелѣнію въ Паншинскомъ городкѣ; не доходя до этого городка, они встрѣтили между городомъ Пятиозбянскимъ и г. Царицынымъ 23 человѣка Донскихъ казаковъ и астраханскихъ татаръ, везшихъ на Донъ для продажи персидскіе товары, напали на нихъ, отняли всѣ товары и взяли въ плѣнъ 3-хъ

(533) Тѣхъ же дѣлъ, грамота в. Донскому 1698 г. октября 24 дня.

„Въ нынѣшнемъ во 207 г. октября въ 16 день къ намъ В. Государю писали вы . . . что нынѣшняго году въ сентябрѣ мѣсяцѣ послали вы для воинскаго промислу Азовскимъ моремъ подъ новопостроенной городъ Ачюву, казаковъ своихъ и тѣ ваши посланные не дошедъ до того новопостроеннаго турецкаго города наѣхали на непріятельскихъ людей и ихъ разбили и взяли въ азыцѣхъ двухъ человѣкъ, и взятыхъ у нихъ Донскихъ казаковъ отбили.“

(534) Тѣхъ же дѣлъ, распросниа рѣчи станничнаго атамана Кирѣя Болдыря.

„И послѣ де приходу своего (Исуна мурзы) въ Черкаской на шестой день человѣкъ съ 90 съ нимъ мурзою на Кубань ходили и на пятой де день въ ночи переправясь Кубань рѣку объ урочяцѣ близко Лабы рѣки, отогнали у едисанцовъ, которые отъ Аюки кочевали, конскаго табуна съ 500 лошадей!“

человѣкъ. Извѣщенные о семъ набѣгѣ непріятелей сосѣднихъ станицъ казаки въ тожь время собрались и нагнали татаръ близъ Кубани, вступили съ ними въ бой, убили одного татарина и отняли у нихъ на 500 руб. товаровъ; а дабы впредь не могли они причинить какаго либо поврежденія строющимся въ Панинскомъ городѣ кораблямъ, предписано было отъ войска верховыхъ городковъ атаманамъ и казакамъ, подѣ смертною казнію, употреблять всё мѣры осторожности отъ непріятельскихъ набѣговъ, и быть во всякое время готовыми на отраженіе ихъ (535).

Съ этого времени набѣги закубанскихъ народовъ подѣ казачьи городки сдѣлались чаще и продолжались не только до заключеннаго въ 1700 г. мира съ турками, но даже и послѣ оного; и хотя со стороны войска Донскаго всегда платили имъ подобнымъ же разореніемъ ихъ улусовъ, но татары не мало отъ того не унимались.

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года партія татаръ, состоящая изъ 380 человекъ, со свѣдѣнія Шагинъ-гирея, султана кубанскаго, отправились въ Камышину для грабежей.—Войско Донское, извѣщенное отъ казаковъ Кумнацкаго и Цымылнскаго городковъ, подѣ коими они схватили пять человекъ, отрядило для преслѣдованія непріятелей 700 человекъ казаковъ и калмыковъ подѣ начальствомъ атамана Максима Фролова, съ коими и повстрѣчались они при возвращеніи татаръ изъ Камышина на рѣчкѣ Соленой, впадающей въ рѣку Саль; казаки вступивъ съ ними въ бой, опрокинули ихъ и преслѣдовали до рѣки Маныча; съ непріятельской стороны убитъ одинъ знатный мурза и нѣсколько татаръ, взято въ плѣнъ 13 человекъ, въ числѣ коихъ одинъ мурза, отбито 100 лошадей, разное имущество, забратое ими подѣ Камышینیымъ и одинъ русскій человекъ (536).

(535) Тѣхъ же дѣлъ, расписана рѣчи старичнаго атамана Ильи Григорьева 1698 г. декабря 7 дня.

(536) Расписана рѣчи старичнаго атамана Максима Фролова 1700 л. іюня 25 дня.

По заключеніи мира съ турками, казакамъ всего несносно было видѣть себя стѣсненными въ отмщеніи непріателямъ за ихъ обиды; ибо имъ не дозволялось преслѣдовать ихъ до жилищъ, а вѣдно въ подобныхъ случаяхъ приносить жалобу азовскому коменданту, который обязанъ былъ ходатайствовать, о возвращеніи пограбленнаго, у Ачуевского паша, но казаки никогда не получали удовлетворенія. Усилившіеся потомъ, время отъ времени, набѣги татаръ на казацкія жилища, были причиною дозволенія казакамъ, по просьбѣ ихъ, преслѣдовать хищниковъ до ихъ улусовъ, и отмщать за причиненныя ими обиды (537).

По заключеніи 3 іюля 1700 года съ Турціею 30-лѣтняго мира, Россія приступила къ сѣверному союзу, составившемуся противу Швеціи; съ сего времени Донскіе казаки постоянно участвовали во всѣхъ веденныхъ войнахъ съ сосѣдними и отдаленными народами, и, сверхъ сего, защищали свои жилища и охраняли южные предѣлы Россіи отъ вторженія закубанскихъ народовъ и воровскихъ набѣговъ калмыкъ.

Славный подвигъ казаковъ при усмиреніи Астраханскаго бунта. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1705 г. загорѣлся въ Астрахани страшный мятежъ. Царицынскій воевода Афонасій Турчаниновъ, извѣщенный объ этомъ отъ калмыцкаго Чеметь-мурзы, немедленно отправилъ гонцовъ къ войску Донскому съ увѣдомленіемъ, что буйные стрѣльцы, убивъ астраханскаго воеводу Тимофея Ржевскаго и 300 человекъ знатнѣйшихъ гражданъ, отправили 1,500 человекъ Волгою къ Царицыну въ намѣреніи распространить пламя бунта на Дону, въ Азовъ и Тамбовъ, и потому просилъ войско Донское прислать казаковъ для защиты Царицына и окрестныхъ мѣстъ. Войсковою атаманъ Акимъ Филиповъ немедленно собралъ кругъ и, въ присутствіи всѣхъ старшинъ и казаковъ, объявилъ преступное дѣйствіе астраханскихъ стрѣльцовъ, потомъ увѣщавалъ товарищей своихъ не приставать къ астра-

(537) Грамота войску Донскому 1700 г. іюля мѣсяца.

ханскимъ бунтовщикамъ и не внимать пагубнымъ ихъ совѣтамъ; но по долгу вѣрноподанныхъ служить Государю, не нѣдя послѣдней капли крови и самой жизни, для блага и спокойствія отечества. За тѣмъ въ присутствіи всѣхъ цѣловалъ Крестъ и Евангеліе; этому примѣру послѣдовали старшины и бывшіе въ собраніи казаки. Тогда же приговорено было разослать во всѣ верховые по Дону и другимъ рѣкамъ городки къ атаманамъ и казакамъ войсковыя грамоты съ увѣщаніемъ, чтобы ни кто, подѣ опасеніемъ смертной казни, ни отъ кого возмутительныхъ писемъ не принималъ и нивакихъ бунтовщиковъ не укрывалъ; но служилъ бы своему Государю и отечеству вѣрно и въ томъ бы вездѣ учинили присягу.

Потомъ приговорили послать изъ Черкаска тотчасъ подѣ Царицынъ 2,000 конныхъ казаковъ, подѣ начальствомъ атамана Максима Фролова и 2-хъ старшинъ: Василія Пoadѣва и Ефрема Петрова, предписавъ въ то же время во всѣ верховые городки, чтобы отъ Черкаскаго до Паншинскаго, выслали казаковъ изъ десятка по два человекъ, выше же сего лежащія городки по Дону и другимъ рѣкамъ по половинѣ, давъ имъ въ начальники старшинъ: Ѳедора Фролова, Семена Терентьева и Семена Васильева, коимъ также предписано было, что если возмутители прошли Царицынъ вверхъ по Волгѣ, то въ такомъ случаѣ немедленно, перетавивъ суда отъ Дона къ Волгѣ, слѣдовать за ними этою рѣкою, въ противномъ же случаѣ оставаться при Царицынѣ и Паншинскомъ городѣ (538).

(538) Распросныя рѣчи атамана Саввы Кочетова, прибывшаго въ Москву 1705 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

„И тѣ де встраханскіе лаутчики 5 челов. и съ ними черноорцовъ 2 челов., а всего 7 челов. . . . пріѣхали въ Черкасскъ прежде бывшему ихъ войсковому атаману Якиму Филищеву и онъ де войск. атаманъ того жъ числа учинилъ кругъ, и въ томъ кругу при казникахъ собранныхъ, тѣхъ подѣ смѣшниковъ спрашивалъ съ какими они дѣлами присланы и тѣ де ихъ подсмѣшники объявили противъ того, какъ и въ войсковой отпискѣ написано, и которые съ ними присланы прилестные письма, и тѣ всѣ письма они подсмѣшники имъ атаману и казакамъ объявили и подали и войсковой де атаманъ и

Между тѣмъ прибыли отъ астраханскихъ возмутителей въ Черкасскъ, 25 августа, 7 человекъ стрѣльцовъ, Михайла Скорняковъ съ товарищами, и явились къ войсковому атаману Акиму Филиппеву, который въ тотъ же день собралъ войсковой кругъ. Мятежники въ присутствіи всѣхъ старшинъ и казаковъ вручили войсковому атаману возмутительную отписку астраханскихъ бунтовщиковъ, которые жаловались на различ-

прочіе съ нимъ собранные всѣ казаки велили тѣ письма войсковому своему писарю прочесть въ слухъ, и какъ тѣ письма прочли, тогда они атаманъ и всѣ казаки единогласно закричали, что они никогда къ такому злему дѣлу не приставнутъ и приставать не будутъ потому, что де они казаки ему, Великому Государю, служить всегда вѣрно и неказѣнно, и заговоры и измѣнниковъ не стоять, и приговорили де они казаки тѣхъ посыльщиковъ и съ прелестными ихъ письмами отослать безъ мотчанія къ Москвѣ и о тѣхъ де подсылщикахъ для вѣдома писали они въ Азовъ къ губернатору А до того де ихъ подсылщиковъ въ Черкасское пріѣзду, по вѣдомостямъ съ Царицына, о томъ ихъ астраханскихъ бунтовщиковъ злохитромъ вымыслѣ, было у нихъ, казаковъ, въ Черкасскомъ крестное цѣлованіе, чтобъ ни кто изъ нихъ казаковъ къ тому злему дѣлу не приставалъ, о чемъ и во всѣ Донскіе и верхніе городки ихъ атаманамъ и казакамъ посланы съ нарочными посыльщиками войсковые ихъ письма съ жестокимъ смертнымъ страхомъ, дабы и съ тѣхъ верхнихъ казачьихъ городковъ къ тѣмъ астраханскимъ и къ инымъ ни къ какому ворагъ не приставали жъ.

„Да по тѣмъ же де Царицынскимъ вѣдомостямъ, служа имъ Великому Государю вѣрно, послали они казаки изъ Черкасскаго конныхъ казаковъ болѣе 2,000 человекъ съ атаманомъ съ Максимомъ Фроловымъ и съ полковниками съ Василиемъ большимъ Познѣвымъ и съ Ефремомъ Петровымъ съ товарищи, которымъ приказано взять съ собою въ прибавку изъ верховыхъ городковъ, которые до Паншина, отъ 10 по 2 человекъ, а за Паншинымъ по Дону и по Хопру и по Медвѣдицѣ велѣно итти изо всякаго городка по половинѣ, у которыхъ казаковъ есть добрые лошади и тѣбъ были въ конницѣ, а безконные шли бѣ судами, и для того де водянымъ путемъ казацкаго собору, опричь Максима Фролова съ товарищи, послано изъ Черкасска и изъ старшинъ Федоръ Фроловъ, Семень Терентьевъ, Семень же Васильевъ съ товарищи, которымъ какъ сухимъ, такъ и водянымъ путемъ приказано изъ войска итти къ Царицynu мимо Паншина и тотъ городокъ отъ приходу воровъ и бунтовщиковъ остерегать всякими мѣрами какъ возможно, и тѣмъ де Донскимъ казакамъ, которые будутъ въ водяномъ пути, суды свои отъ Паншина до Царицына велѣно вѣсти на подводяхъ степью и тотъ де вышесказанной атаманъ Максимъ Фроловъ съ товарищи и съ конными казаками, въ тотъ путь изъ Черкасскаго поѣхали августа въ послѣднихъ числахъ воинскимъ собраніемъ и съ

дня притѣсненія, наносимыя имъ астраханскимъ воеводою и другими начальниками; „насъ отлучаютъ отъ церкви, писали они въ своемъ воззваніи, приказываютъ брить бороды, носить нѣмецкое платье и курить табакъ; обрѣзываютъ полы платья, если кто изъ насъ или женъ нашихъ пойдетъ въ церковь въ старомъ платьѣ, наругаются надъ ними и дѣтьми нашими, приказываютъ поклоняться кумирамъ, наложили на насъ тяжкія подати, берутъ банныхъ денегъ по рублю и по гривнѣ за погреба отъ каждой сажени; воевода Тимофѣй Ржевскій, безъ царскаго дозволенія отобралъ у насъ всѣ ружья и хотѣлъ всѣхъ насъ предать смерти; отняли у насъ хлѣбное жадованье, употребляли насъ въ тяжкія работы и причиняли различныя угнетенія. Сверхъ сего мы получили свѣдѣніе, что въ Казани и по другимъ городамъ поставлены на квартирахъ по два и по три человѣка нѣмцевъ, которые производятъ всякаго рода насильства жителямъ тѣхъ городовъ и наругаются надъ женами ихъ и дѣтьми. Бывъ обременены такими угнѣтеніями, и дабы не умереть въ смертномъ грѣхѣ мы рѣшились сбросить съ себя тягостное для насъ иго, болѣе виновныхъ въ нашемъ злополучіи предали смерти, а другихъ содержимъ за карауломъ; васъ все войско Донское просимъ стать вмѣстѣ съ нами за вѣру христіанскую и прислать къ намъ на вспоможеніе казаковъ своихъ“ (539). Казаки выслушавъ эту отписку, съ негодованіемъ отвергли ее и въ то же время приговорили заковать возмутителей въ желѣза и отправить съ ихъ возмутительною отпискою въ Москву, подъ охраненіемъ станичнаго атамана Саввы Кочетова и тогда же дали знать объ этомъ происшествіи Азовскому коменданту, а въ Воронежѣ адмиралу Апраксину.

добримъ ружьемъ и отпустивъ ихъ въ тотъ походъ съ колесными мѣшками, и тѣхъ де ихъ казаковъ конною и водными отрядами въ томъ походѣ не считѣть будетъ больше 10,000 человекъ.“

(539) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1705 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ и слѣдовъ съ письма астраханскихъ бунтовщиковъ 1705 г. іюля 31 дня къ войсковому атаману Ахиму Фидимьеву и всему войску Донскому.

Въ Москвѣ этотъ атаманъ и казаки были приняты съ честью; для содержанія ихъ было выдаваемо во все время пребывания ихъ тамъ противу обыкновенныхъ дачъ въ двое; на отпускъ же одарены разными вещами. Атаману Кочетову поручено было именемъ войска Донскаго принести благодареніе Государю за ненарушеніе ихъ прежнихъ обычаевъ: „мы взмысканы, говоритъ онъ боярамъ, паче всѣхъ подданныхъ, до насъ не коснулся государевъ указъ о платьѣ и о бородахъ; мы живемъ по древнему обычаю, всякій одѣвается какъ ему угодно: одинъ черкесомъ, другой по калмычки, иной въ русское платьѣ стараго покрою; и мы не насмѣхаемся другъ надъ другомъ. Нѣмецкаго же платья никто у насъ не носитъ и охоты къ нему вовсе не имѣеть; если же угодно будетъ Государю заставить насъ носить нѣмецкое платье, то мы противиться тому не будемъ“ (540).

Между тѣмъ походный атаманъ Максимъ Фроловъ съ войскомъ пришелъ къ Царыцыну въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и тогда же отправилъ 300 человекъ казаковъ съ старшиною Василюемъ Паздѣвымъ въ Черному Яру для развѣдыванія о движеніи астраханскихъ возмутителей и для взятія языковъ; съ этимъ же намѣреніемъ отправлены были два казака въ Аюгъ-тайпѣ, который въ то время кочевалъ съ своими улусами по лѣвой

(540) Тѣхъ же дѣлъ, распросни рѣчи станичнаго атамана Саввы Кочетова, бывшаго въ Москвѣ 1706 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

„И тѣмъ де они Донскіе казаки предъ иными народами отъ него, Великаго Государя, пожалованы и взмысканы, что къ нимъ и по се число о бородахъ и о платьѣ Его, Великаго Государя, указу не прислано, и платьѣ де они ниѣ носить по древнему своему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое поправится, ины де любятъ носить платье и обувь по черкески и по калмычки, а иные обмыли ходить въ русскихъ стародревняго обычая въ платьѣ и что де кому лучше похочитца, тотъ тако и творить, и въ томъ же между ими казаками распри и никакого посмѣханія другъ надъ другомъ нѣтъ; а нѣмецкаго де платья ни кто изъ нихъ казаковъ у нихъ на Дону не носитъ и мастеровъ, то есть портныхъ, которые бъ нѣмецкое платье могли дѣлать, въ городкахъ ихъ казацкихъ не живутъ, и охоты де у нихъ казаковъ, кромѣ извогнѣнія государскаго, въ тому нѣмецкому платью нѣтъ; а когда къ тому будетъ извогнѣніе на нихъ его государское, и они де воли его государской противны не будутъ.“

сторонѣ Волги. Астраханцы узнавъ, что казаки находятся в калмыцких улусахъ, послали сказать имъ, что они имѣютъ намѣреніе вступить съ ними въ переговоры ниже Чернаго Яру. Казаки не замедлили явиться на назначенное мѣсто, и астраханцы, не вступая съ ними ни въ какія сношенія, пробѣжали Волгою въ лодкахъ въ Черному Яру; отсюда направили они путь свой къ Царицыну и остановились близъ онаго на Сапинскомъ острову. Здѣсь удалось имъ схватить нѣсколько членовъ царицынскихъ жителей, которыхъ принудили они провести безопасными мѣстами на казачью заставу, поставленную и въ дальнемъ разстояніи отъ города. Пользуясь темнотою ночи астраханцы 24 октября напали на казаковъ и взяли весь отрядъ, состоящій изъ 70 человекъ съ войсковымъ бунчугомъ. На другой день возмутители приблизились къ Царицыну; комендантъ города со всѣми войсками, находившимися въ то время при немъ, а походный атаманъ Фроловъ съ казаками вступили въ сраженіе; астраханцы долго сопротивлялись, но принуждены были съ большимъ урономъ отступить въ низъ по рѣкѣ Волгѣ. Послѣ этого сраженія возмутители прислали къ Донскимъ казакамъ двухъ человекъ съ предложеніемъ о вступленіи съ ними въ переговоры; походный атаманъ, оставилъ ихъ у себя въ аманатахъ, послалъ къ нимъ есаула Ермола Михайлова съ нѣсколькими казаками; намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы уговорить бунтовщиковъ къ возвращенію взятыхъ ими въ плѣнъ казаковъ и войсковаго бунчуга (541). Но бунтовщики сихъ посланныхъ удержали у себя, а сами отправились рѣкою Волгою въ Астрахань; въ походному Донскому войску между прочимъ отписали: „что они взятыхъ ими въ плѣнъ казаковъ не отдадутъ, потому что астраханскій воевода не пропускаетъ въ Астрахань купеческихъ судовъ съ провіантомъ и товарами, что этотъ воевода болѣе уважаетъ

(541) Тѣхъ же дѣлъ. Двѣ отписки войска Донскаго, доставленныя въ Посольскій приказъ 1705 года въ декабрѣ мѣсяцѣ съ станичнымъ атаманомъ Ефремомъ Петровымъ.

калмыковъ, нежели ихъ; если же вы уговорите воеводу пропускать въ намъ суда съ хлѣбомъ и другими товарами, то мы отдадимъ вамъ всѣхъ взятыхъ нами въ плѣнъ казаковъ и бунчугъ.“ Далѣе, какъ бы желая старшину Савельева привести у казаковъ въ сомнѣніе, присовокупили: „что старшина вашъ Степанъ Савельевъ съ царицынскимъ воеводою думаетъ за одно, и что стрѣльца нашего, находившагося у васъ, звали они въ ночное время къ себѣ для распросовъ безъ вашего походнаго войска вѣдома“ (542).

Коль скоро городъ Царицынъ былъ освобожденъ отъ астраханскихъ бунтовщиковъ, какъ въ то же время возникло возмущеніе въ Царицынѣ отъ солдатъ Петровскаго полка въ пользу астраханскихъ стрѣльцовъ.—Казаки схватили изъ нихъ 100 человѣкъ, которые съ пытки сознались, что въ заговорѣ было ихъ до 200 человѣкъ. Войско Донское, извѣстясь объ этомъ происшествіи предписало походнымъ атаманамъ, что если откроется кто въ этомъ заговорѣ изъ Донскихъ казаковъ, таковыхъ, по существующему обычаю, вѣшать, не спрашивая на то войсковаго разрѣшенія (543).

Такимъ образомъ Донскіе казаки освободивъ Царицынъ отъ угрожавшей опасности, возвратились на Донъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ, оставивъ въ Царицынѣ 900 человѣкъ своихъ собратьевъ подъ начальствомъ храбрахъ старшинъ Тимофѣя Пирожникова и Леонтія Поздѣева. Между тѣмъ Рос-

(542) Тѣхъ же дѣлъ. Письмо астраханскихъ бунтовщиковъ походному Донскому войску, находящемуся въ Царицынѣ, 1705 г., привезенное въ Москву означеннымъ станичнымъ атаманомъ Ефремомъ Петровымъ.

(543) Тѣхъ же дѣлъ. Отписка войска Донскаго въ Посольской приказъ 1706 г. въ январѣ мѣсяцѣ.

„Служа тебѣ, В. Государю, и радѣя, писали на Царицынъ къ походному войску, буде прилчятся къ тѣмъ Петровскимъ бунтовщикамъ изъ нашихъ холопей твоихъ казаковъ, чтобъ они Тимофѣй Федоровъ и Леонтей Поздѣевъ и все наше холопей твоихъ походное войско, не обсмалаясь бѣ къ намъ холопей твоимъ въ Черкасской, чинили бѣ ворами и бунтовщикамъ на Царицынѣ смертную казнь, по нашей холопей своихъ обшлости, вѣшали бѣ за ноги, чтобъ смотря на тѣхъ воровъ впрядъ такихъ бунтовщиковъ не было.“

сійскій дворъ предпринялъ намѣреніе склонить возмутителей къ покорности всепрощеніемъ, послали въ Астрахань съ царицынскими стрѣльцами, чрезъ улусы Аюки-тайши, милостивую грамоту; но возмутители принявъ оную, сочли ее подложною, потому болѣе, что грамота эта прислана изъ Царицына чрезъ калмыцкихъ владѣльцевъ: „если бы милостивая Царская грамота, говорили возмутители, была прислана изъ Москвы съ знатными людьми, или съ старшиною войска Донскаго, въ такомъ случаѣ они не имѣли бы подозрѣнія и Государю покорились“ (544).

Черноярскіе стрѣльцы оказали меньшее сопротивленіе; для увѣщанія ихъ посланы были изъ походнаго войска старшины: Тимофѣй Пирожниковъ и Леонтій Поздѣвъ, которые убѣдили ихъ безусловно покориться воли государевой, обѣщая имъ именемъ его прощеніе. Стрѣльцы убѣжденные представленіями старшинъ, въ знакъ своей покорности, собрались въ церковь и въ присутствіи ихъ молебствовали о здравіи государя (545). А когда фельдмаршалъ Шереметевъ приблизился къ этому городу съ войсками, то возмутители вышли изъ города на встрѣ-

(544) 'Тѣхъ же дѣлъ, отписка въ Посольскій приказъ старшинъ Тимофѣя Пирожникова и Леонтія Поздѣва 1706 г. января 5 дня.

„ Да онижъ де (казакъ Аяксей Сисоевъ, съ товарищи, находившіеся въ Астрахани въ плѣну,) слышали отъ астраханцовъ, какъ пріѣхали въ Астрахань съ грамотами В. Государя Царицынскіе стрѣльцы, и они де ихъ посадили за караулъ и говорятъ, что тѣ грамоты не подлинныя и присылаются съ Царицына чрезъ калмыцкихъ владѣльцевъ, и у нихъ де въ Астрахани ящиковъ много есть де гдѣ имъ лежать, а естли де пришлютъ съ твоими В. Государя указами съ Москвы знатныхъ людей или изъ нихъ Донскихъ войсковыхъ казаковъ старшинъ и они де съ повинною своею тебѣ В. Государю иттить ради.“

(545) Грамота фельдмаршалу Шереметеву 1706 г. января 26 дня.

„ Въ нынѣшнемъ 1706 г. января въ 21 день, писали къ намъ великому Государю съ Царицына, изъ Донскаго походнаго войска, Донскіе казаки старшина Тимофѣй Федоровъ и Леонтій Поздѣвъ, что они подъ Черный Яръ ради переговоровъ съ тамошними бунтовщиками ѣздили, и съ нами пріѣхавъ къ надолобамъ переговаривали, и переговоры на другой день были у нихъ въ городѣ и въ церкви за нашего в. государя многогѣтное здравіе молебствовали, и намъ в. государ. они черноярцы въ грубости своей выву свою приносятъ.“

чу съ женами и дѣтьми, неся предъ собою въ знакъ покорности топоръ и плаху.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1706 г. астраханскій мятежъ прекращенъ былъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ. Признательный Государь возвелъ его въ графское достоинство, а Донскимъ казакамъ за усердную и вѣрную ихъ службу, сверхъ обыкновеннаго годоваго жалованья, повелѣлъ выдать единовременно 2/т. руб., оставшимся же въ Царицынѣ старшинамъ и казакамъ деньгами и соболями на 1865 руб.; но въ незабвенную память позднѣйшаго потомства войска Донскаго Монархъ пожаловалъ оному войсковыя клейноды, каковы: войсковымъ атаманамъ, въ знакъ начальствованія ихъ и управленія войскомъ, серебряный перначъ, вызолоченный и украшенный дорогими камнями, бунчугъ съ яблокомъ, доскою и съ трубкою вызолоченною и большое войсковое знамя, писанное на камѣѣ золотомъ; сверхъ сего шесть станичныхъ знаменъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ; изображенная на сихъ Всемиловѣннѣе дарованныхъ клейнодахъ надпись свидѣтельствуеть, что Великій Государь жалуетъ храброе войско Донское за его отличную и усердную службу въ вѣчную не смертельную память потомкамъ ихъ.

Въ данной по этому случаю Государемъ Петромъ I-мъ 1706 г. февраля 21 дня войску Донскому милостивою грамотѣ, Государь свидѣтельствуеть свое благоволеніе слѣдующими словами: „и того ради Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, и проч. Наше Царское Величество, сію нашу Великаго Гусударя милостивую жалованную грамоту имъ Донскимъ атаманамъ и казакамъ и всему войску Донскому дать повелѣли, усмотря тѣ ихъ вышечисанныя многія вѣрныя и усердно-радѣтельныя службы, въ неугасаемую ихъ славу и дѣтямъ и сродникамъ и потомкамъ ихъ. Видя такую неизрѣченную къ себѣ нашего Царскаго Величества милость и жалованье, намъ Великому Государю, нашему Царскому Величеству, и сыну на-

шему, Царскаго Величества, Благовѣрному Государю Царенчу и Великому Князю Алексѣю Петровичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и наслѣдникамъ нашимъ, служить таковожде, всегда вѣрно и радѣтельно, за что къ нимъ атаманамъ и казакамъ, и къ дѣтямъ, и къ сродникамъ, и къ потомкамъ ихъ за вѣрныя ихъ предъ будущія службы, наша Царскаго Величества милость будетъ всегда съ приращеніемъ“ (546).

(546) Грамота Донскому войску, 21 февраля 1706 г.

„Пожаловали Донскихъ атамановъ и казаковъ, войсковаго атамана Лукьянъ Максимова и все войско Донское, велѣли за многіе ихъ и вѣрныя службы, а особливо которую учинили въ прошломъ 1705 г. въ возмущеніе Астраханское, на вѣчную имъ и дѣтямъ ихъ и сродникамъ ихъ славу, дать сію нашу великаго государя нашего царскаго величества милостивую жалованную грамоту за нашею царскаго величества собственною рукою и за государственною нашею царскаго величества печатью, для того, въ прошлыхъ годѣхъ служили они отцу нашему великаго государя блаженныя и вѣчно достойныя памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу и братьямъ нашимъ великаго государя блаженныя жъ и вѣчно достойныя памяти, великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Федору Алексѣевичу и Іоанну Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцамъ, намъ великому государю нашему царскому величеству во всѣхъ крымскихъ и азовскихъ и иныхъ многіихъ воинскихъ походѣхъ были до отлучка; и будучи въ тѣхъ походѣхъ, чинили многіе надъ непріятелемъ поиски, а которые изъ Донскихъ и иныхъ запольныхъ рѣкъ казаки, забывъ страхъ Божій и къ намъ великому государю свое обѣщаніе, и заповѣди святыхъ Апостольскіихъ соборныхъ церкви, и явились въ расколѣ и въ иныхъ противностяхъ, и тѣмъ они по вѣрпой своей къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, службѣ казнили смертью и ни до какова злова намѣренія тѣхъ возмутителей не допустили, а иныхъ, ради подлиннаго розыску, перелова, прислали къ намъ велик. государю къ Москвѣ.—А прошедшаго лѣта Господня 1705 г. астраханскіе служилые и иныхъ чиновъ жилацкіе люди, забывъ страхъ Божій и должность свою и крестное цѣлованіе, учинили въ Астрахани бунтъ, и тамо будущаго воеводу стольника нашего Тимофея Ржевскаго, и полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей до смерти побили, и для равнаго съ собою возмущенія, желая присвокоупить къ тому своему воровству и ихъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское, прислали они астраханцы къ нимъ, атаманомъ и казакомъ и ко всему войску, въ Черкаское съ прелестными воровскими ложными письмами, астраханцовъ московскихъ бывшихъ стрѣльцовъ Гринку Артемьева съ товарищи семь человекъ, у которыхъ они войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ знатною и съ разумною старшиною и съ прочими добрыхъ сердець казаками, принявъ тѣ прелестныя письма, тѣхъ подсыльщиковъ и съ прелестными письмами прислали, оковавъ, къ намъ великому государю, къ

Г Л А В А XVII.

Пронсшествія споспѣшествовавшія Булавинскому возмущенію.—Убіеніе князя Долгорукова.—Воззваніе Булавина къ казакамъ.—Слѣдствіе онаго.—Войсковой атаманъ Максимъ Лукьяновъ разбиваетъ Булавина.—Удаленіе Булавина въ Запороги и помощь оттуда.—Разбитіе войсковаго атамана Максимова.—Овладѣніе Черкасскомъ.—Булавинъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ.—Государь посылаетъ до 20|т. войска для усмиренія бунта сего, подъ предводительствомъ князя Долгорукова.—Наказъ данный князю Долгорукову.—Сраженіе войскъ Булавина съ русскими.—Убіеніе Булавина.—Истребленіе сообщниковъ Булавина.—Побѣгъ Некрасова съ казаками на Кубань.—Государь прощаетъ вину казаковъ.—Слѣдствія сего возмущенія.

Пронсшествія споспѣшествовавшія Булавинскому возмущенію. Приступая къ описанію возмущенія Булавина и вникая въ сокровенныя причины онаго, нельзя не видѣть, что оно было только послѣдствіемъ многихъ событій, внѣ войска Донскаго совершившихся; но прежде нежели будетъ подробно изложено это происшествіе, необходимо нужно изъяснить здѣсь нѣкоторыя причины, которыя споспѣшествовали оному.

нашему царскому величеству къ Москвѣ, съ станичнымъ атаманомъ Саввою Кочетомъ съ товарищи; и писали они войсковой атаманъ и все войско Донское къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, объявляя и утверждая службы свои паче прежняго: что они того ихъ астраханскаго злаго совѣту не приняли, и ни кому изъ Донскихъ казаковъ къ тому непристойному и злому дѣлу приставать отнюдь неведѣли, и заказъ отомъ учинили крѣпкой подъ смертнымъ страхомъ; и сама они войсковой атаманъ, и старшина, и прочіе всѣ Донскіе казаки служить обещаются и впредь вѣрно. И того жъ дня, какъ оныя бунтовщики изъ Астрахани къ нимъ прислапы, собрався во кругъ ради лучшаго о службѣ своей къ намъ великому государю утвержденія цѣловали святое Евангеліе и Крестъ, что имъ никому изъ нихъ къ тѣмъ астраханскимъ бунтовщикамъ не приставать, и злаго ихъ совѣту не принимать и намъ великому государю, нашему царскому величеству, служить вѣрно, безо всякой измѣны, о чемъ они войсковой атаманъ и знатная старшина съ добраго и усердно радѣтельнаго своего совѣту, во всѣ Донскіе верховые городки свои послали того жъ времени къ станичнымъ атаманамъ и казакамъ крѣпкіе войсковые указы съ нарочными посыльщиками, чтобъ въ тѣхъ Донскихъ городкахъ отнюдь никто изъ нихъ станичныхъ атамановъ и изъ казаковъ къ тому злому дѣлу не приставали, и ни какихъ воровскихъ прелестныхъ писемъ, ежели отъ нихъ

Извѣстно, что войско Донское существованіе свое поддерживало непрерывнымъ приходомъ свободныхъ и помѣщичьихъ людей изъ разныхъ Россійскихъ городовъ; здѣсь бѣглецы сіи находили надежное убѣжище и покровительство. Но когда общество казаковъ увеличилось до значительнаго числа, тогда верховное правительство начало полагать въ побѣгу на Донъ нѣкоторыя преграды; въ 1675 г., на требованіе въ Москву нѣкоторыхъ казаковъ, изобличенныхъ въ разбояхъ и грабежахъ, войско Донское отвѣтствовало: „напередъ сего мы никогда не выдвали людей съ Дону; мы поддерживаемъ свое существованіе приходящими къ намъ людьми, и если ты, Государь, велишь ихъ отбирать у насъ, то и остальные разбредутся врознь.“—1682 г. въ первый разъ послѣдовало запрещеніе о неприниманіи казаками верховныхъ городковъ свободныхъ и

астраханцовъ съ кѣмъ тайно и явно въ присягѣ впродъ будутъ къ нимъ, не слушая, и въ томъ бы во всемъ также они Донскихъ верховныхъ городковъ казаки крестъ цѣловали жъ; а кто къ крестному цѣлованію на правдѣ приходитъ не будетъ, в тѣхъ велѣли они войсковой атаманъ и все войско Донское по обыкновенію войсковому сажать въ воду; и ради обереженія города Царицына и иныхъ мѣстъ отъ тѣхъ же астраханскихъ бунтовщиковъ они жъ войсковой атаманъ и вся старшина отобрать нѣсколько тысячъ добраго воинства со всѣмъ воинскимъ оружіемъ и съ знатною и доброю и вѣрною старшиною съ Максимомъ Фроловымъ да съ Василемъ Поздѣвымъ съ товарищи къ Царицну послали безъ мотчанія, которые бывъ тамо астраханскихъ бунтовщиковъ, которые шли въ верховые города для возмущенія, не пропустили, и съ царицынскими служилыми людьми многіе воинскіе промыслы имѣли; но что видѣть бунтовщики астраханцы и московскіе стрѣльцы, что они Донскіе атаманы и казаки къ нимъ не пристали и служить намъ великому государю вѣрно, въ томъ своемъ зломъ намѣреніи устращася побѣжали въ Астрахань, и они Донскіе атаманы и казаки къ нимъ не пристали и служить намъ великому государю вѣрно, въ томъ своемъ зломъ намѣреніи устращася побѣжали въ Астрахань, и они Донскіе атаманы и казаки походное войско знатная помянутая старшина Максимъ Фроловъ и Василій Поздѣвъ и всѣмъ войскомъ оставили на Царицнѣ впродъ для остерегательства отъ нихъ бунтовщиковъ войска тысячу человекъ съ добромъ жъ старшиною Тимофѣемъ Пирожниковымъ да съ Леонтиемъ Поздѣвымъ, а сами для нужды хлѣбныхъ запасовъ отступили на Донъ и были всегда противъ такихъ воровъ и бунтовщиковъ во всякой готовности, и о томъ къ намъ великому государю къ нашему царскому величеству писали по часту, за которую ихъ войсковую вѣрную службу того аъ прошедшаго году по имен-

помѣщичьихъ людей.—Въ слѣдующемъ 1683 г. начали имѣть наблюденіе за зимовыми станицами, возвращавшимися изъ Москвы чрезъ Воронежъ на Донъ, дабы они не вывозили съ собою бѣглыхъ людей; на пограничной же съ войсковою землею заставѣ, учрежденной въ Коротоякѣ, велѣно дѣлать обыскъ онымъ. Около 1685 г. послѣдовало большое приращеніе въ людяхъ въ городкахъ, поселенныхъ по рѣкамъ: Хопру и Медвѣдицѣ, отъ бѣжавшихъ туда изъ Тамбовскаго уѣзда разнаго званія людей. Побѣги эти были столь чувствительны для того края, что Государь, по жалобѣ помѣщиковъ, велѣлъ учредить заставы для удержанія людей отъ побѣговъ, запретивъ въ то же время и войску Донскому принимать бѣглецовъ; но средства эти не были столь рѣшительны, чтобы могли удержать отъ того казаковъ; ибо въ 1690 г. видимъ мы, что побѣги на

ному нашему великаго государя, нашего царскаго величества, указу сверхъ обыкновеннаго годоваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, что къ нимъ по вся годы наша великаго государя милость посылается, послано къ нимъ атаманамъ и казакамъ и ко всему войску Донскому нашего царскаго величества жалованья денегъ двадцать тысячъ руб. Да въ нынѣшнемъ въ 1706 г. къ нимъ же атаманомъ и казакомъ, которые нынѣ на Царицынѣ, къ вышеписаннымъ старшинамъ и къ рядовымъ казакамъ, съ присланными отъ нихъ съ Царицына казаками, съ станничнымъ атаманомъ Антономъ Ильинимъ съ товарищи, послано деньгами и собольми тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пять рублей, а настоящее наше великаго государя нашего царскаго величества годовое денежное и хлѣбное жалованье, и порохъ и свинець и желѣзо и вино, на нынѣшній 1706 годъ къ нимъ атаманомъ и казакомъ и ко всему войску Донскому противъ прошлыхъ лѣтъ послано сполна жъ. Да для предбудущихъ лѣтъ на память той ихъ Донскихъ атамановъ и казаковъ и всего войска Донскаго вышеписанной къ намъ Великому государю, къ нашему царскому величеству, вѣрныя службы, пожаловали мы, великій государь, наше царское величество, ихъ же Донскихъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское честными и знатными войсковыми клеймоты: войсковымъ атаманомъ въ знакъ ихъ управленія перначъ серебрянной съ камнемъ золоченъ, бунчукъ съ яблокомъ и доскою и съ трубкою серебряною золоченою, знамя большое писанное на камкѣ золотомъ, и на тѣхъ воинскихъ клеймотахъ подписано ямянно, что пожалованы они, Донскіе атаманы и казаки, симъ нашимъ великаго государя жалованьемъ за вышеписанные ихъ службы въ вѣчную не смертельную память потомкамъ ихъ да къ вышеписаннымъ же воинскимъ клеймотамъ указали мы, великій государь, послать въ прибавку къ нимъ же атаманомъ и казакомъ шесть знаменъ камчатыхъ писанныхъ золотомъ и

Донъ всякаго званія людей не только не прекратились, но даже увеличились и притомъ до такой степени, что многіе изъ пограничныхъ уѣздовъ къ землѣ войска Донскаго совершенно запустили. Казаки таковымъ сильнымъ приходомъ людей сами не были довольны: это видно изъ того, что они воспретили переселенцамъ упражняться въ хлѣбопашествѣ, „а если кто, какъ сказано въ войсковомъ опредѣленіи, станетъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, и того бить до смерти; отъ чего многіе изъ бѣглецовъ возвратились въ свои мѣста“. Съ этого времени хотя хлѣбопашцы и воздержались переходить на войсковыя земли, но приемъ другаго званія людей продолжался безпрепятственно. Съ постепеннымъ умноженіемъ разнаго званія людей на Дону, казаки безпрепятственно занимали впустѣ лежащія мѣста, по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и по впадающимъ въ эту послѣднюю рѣчкамъ: Бахмуту, Дерзулу, Бугучару и обѣимъ Калитвамъ.

Въ 1700 г. по царскому повелѣнію велѣно было всѣхъ людей, зашедшихъ послѣ 1695 г. на Хоперь, Медвѣдицу и другія

серебромъ станичныхъ, и того ради мы, всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣвичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многіхъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь и обладатель, наше царское величество, сію нашу великаго государя милостивую жалованную грамоту имъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, и всему войску Донскому, дать повелѣли, усмотря тѣ ихъ вышесписанныя многіе вѣрныя и усердно радѣтельныя службы, въ неугасимую ихъ славу, и дабы имъ и дѣтямъ и сродникамъ и потомкамъ ихъ, видя такую неизрѣченную къ себѣ нашу царскаго величества милость и жалованье, намъ великому государю, нашему царскому величеству, и сыну нашему царскаго величества благовѣрному государю царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и наслѣдникомъ нашимъ служить также всегда вѣрно и радѣтельно, за что къ нимъ атаманомъ и казакомъ, и къ дѣтямъ, и къ сродникамъ и къ потомкамъ ихъ, за вѣрныя ихъ предбудущіе службы, наша царскаго величества милость будетъ всегда съ приращеніемъ. Дана сія наша царскаго величества милостивая жалованная грамота за нашею царскаго величества государственныхъ печатей въ царствующемъ нашемъ величьемъ градѣ Москвѣ хѣта отъ созданія міра 7214, а отъ Рождества избавителя нашего Іисуса Христа 1706 мѣсяца февраля 21 дня, государствованія нашего 24 году.“

запольныя рѣчки) поселить по дорогамъ, идущимъ отъ Волуйки и Рыбнаго въ Азову, на рѣчкахъ: Кундрючьѣ, Лихой, Донцу, Каменгѣ, Бѣлой и Черной Калитвамъ, Березовой, Тихой и Грязной, коихъ и было поселено на означенныхъ мѣстахъ до 1,000 семей.

Наконецъ въ 1703 г. посланы были на Донъ стольники Кологривовъ и Пушенинъ, для приведенія въ гласность казачьихъ городковъ, поселенныхъ по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу и Дону до Паншинской станицы и для высылки изъ оныхъ на прежнія мѣста всѣхъ тѣхъ людей, кои зашли туда послѣ 1695 г., съ наказаніемъ каждаго изъ нихъ и отосланіемъ десятаго человѣка въ Азовъ на работы, включая сюда и тѣхъ, кои хотя зашли на Донъ и до сего года, но неучаствовали въ походахъ подъ Азовомъ; тѣ же городки, кои населены 1701 г. по дорогамъ отъ Рыбнаго и Волуйки до Азова, оставить на прежнемъ мѣстѣ, выславъ только изъ оныхъ людей, зашедшихъ туда послѣ того 1701 г.—Этимъ же чиновникамъ велѣно было обязать подписками атамановъ и казаковъ означенныхъ городковъ, дабы они не принимали впредь бѣглыхъ людей подъ смертною казнію (547).

Такое царское повелѣніе привело казаковъ въ недоумѣніе; но непревослова его священной волѣ, они просили Царя, чрезъ посланную станицу, оставить на Дону по крайней мѣрѣ тѣхъ людей, кои зашли на Донъ до 1695 года, но не участвовали въ азовскихъ походахъ, по случаю тому, что они, по распоряженію войска Донскаго, во время этихъ походовъ оставались въ городкахъ для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, и что много изъ нихъ есть и такихъ, кои родились въ тѣхъ городкахъ; словесно же приказали атаману той станицы объявить боярамъ, что атаманы и казаки тѣхъ городковъ, коимъ велѣно произвести перепись и выслать изъ оныхъ въ Россію людей, находятся въ сомнѣніи, что Государь имѣетъ на нихъ гнѣвъ, потому, что вышеозначенное изслѣдова-

Гр. 11.
Д. 1140
с. 219

(547) Грамота на Донъ 1703 г. іюля 11 дня.

ніе велѣно произвести только по Паншинской городокъ, а не по всему Дону.

Государь склонился на прошеніе казаковъ, обнадежилъ ихъ своею къ нимъ милостію, увѣрилъ ихъ при томъ, что верховые городки останутся на прежнихъ мѣстахъ и что перепись людей и городковъ велѣно произвести для свѣдѣнія сколько находится ихъ по Дону, давно ли они тамъ поселены, и нѣтъ ли въ тѣхъ городкахъ вновь пришедшихъ людей для того: что бѣглецы эти, обобравъ своихъ помѣщиковъ, ссылаются съ покраденными вещами не наказаны (548).

Не бывъ совершенно довольны запрещеніемъ принимать бѣглыхъ людей въ свои городки и высылкою оныхъ на прежнія мѣста, казаки еще болѣе огорчились, какъ изъясняютъ они въ отпискѣ, насильственными поступками чиновниковъ, присланныхъ изъ Адмиральтейскаго Приказа на Донъ, почти въ то же время, для описи корабельнаго лѣса, которые самопроизвольно высылали казаковъ изъ городковъ въ Россію безъ всякаго различія, причиняя имъ обиды; не менѣе того огор-

(548) Грамота на Донъ 1704 г. марта 15 дня.

А что они жъ Донскіе казаки чрезъ помянутыхъ своихъ присылщиковъ ему великому государю доносили о томъ, что ниже Паншина въ ихъ же казацкихъ городкахъ ни кого тѣ посланные изъ разраду стольника не переписываютъ и не разбирають, отъ чего де верховыхъ казацкихъ городковъ казаки въ великомъ сумнѣніи пребываютъ, чая на себя его государственнаго гнѣва, и великій государь его царское величество указалъ въ томъ ихъ казаковъ обнадежить, понеже его государскаго гнѣва на тѣхъ верховыхъ городковъ казаковъ нѣтъ и нѣтъ ихъ всегда въ своей государской милости, какъ и прочихъ нижнихъ городковъ казаковъ, и въ томъ разборѣ и въ перепискѣ они казаки ни како сумнѣнія не имѣли, для того, что все то учинено, по его государскому изволѣнію, не ради иного чего, токмо ко увѣдомленію и къ лучшей лѣвственной смѣткѣ, сколько по Дону тѣхъ верховыхъ казацкихъ городковъ старыхъ и новопостроенныхъ числомъ и какъ какому городку имя или званіе и что въ нихъ людей, и нѣтъ ли откуду какихъ бѣглецовъ и пришлыхъ людей, о чемъ ему великому государю многое есть челобіе разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ что люди ихъ и крестьяне, бѣгая со многими ихъ краденными пожитками, укрываются въ тѣхъ верховыхъ городкахъ; однакожъ великій государь вслѣдъ по Дону столыцимъ городкамъ указалъ по той перепискѣ бытъ въ прежнемъ остояніи, гдѣ которой городъ стоитъ, не переноса тѣхъ городковъ на иные мѣста:

чителенъ былъ для войска Донскаго поступокъ маіора Шая-еѣва, присланнаго изъ означеннаго приказа на рѣчку Бугучаръ, для розысканія и высылки людей подвѣдомственныхъ Адмиральтейскому приказу, который не увѣдомивъ войско Донское, приступилъ къ уничтоженію Бугучарскаго казачьяго городка и къ высылкѣ всѣхъ жителей онаго въ Россію.

По приведеніи такимъ образомъ въ гласность казачьихъ городковъ и по высылкѣ изъ оныхъ разнаго званія зашедшихъ туда изъ Россіи людей, Государь приступилъ къ ограниченію свободы казаковъ самопроизвольно занимать земли по рѣкѣ Донцу и по впадающимъ въ оный съ правой стороны рѣчкамъ, и вслѣдствіе того 1705 г. въ маѣ мѣсяцѣ повелѣлъ уничтожить всѣ тѣ городки, которые поселены не по указу и послѣ 1695 г., жителей перевести для поселенія на лѣвую сторону Донца, находившихся же въ оныхъ бѣглыхъ людей высылать въ Россію и впредь безъ указа не занимать подъ поселенія мѣста. Казаки медлили выполненіемъ этого предписанія, просили Государя о оставленіи по крайней мѣрѣ поселенныхъ по рѣкѣ Айдару городковъ: Новаго Айдару, Беленскаго, Завотнаго и Кубаньего, но въ просьбѣ казаковъ было отказано; для понужденія же ихъ къ скорѣйшему выполненію царской воли, былъ отправленъ на Донъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1706 г. стольникъ Леонтій Шеншинъ, которому, между прочимъ, въ данномъ ему по сему предмету наказѣ повелѣно было обходиться съ войсковымъ атаманомъ, старшинами и казаками вежливо, не вымогать отъ нихъ взятковъ и не требовать излишняго корму и подводъ (549).

(549) Грамота на Донъ Іюля 7 дня (1706 г.)

„Какъ къ вамъ ся наша В. Государя грамота придетъ, и выѣзъ атаманы и казаки и все войско Донское тѣ помянутые городки, которые поселены не по указу и на шляхахъ, а имено: Новой—Айдаръ Шильгинъ, Осиновой, Ревенекъ на Красной Кабинѣ и которне построены, кромѣ стараго Айдара, по нимъ запольнымъ рѣчкамъ, послѣ Азовской службы, велѣли свѣсть и старожитнымъ казаковъ, которые въ тѣхъ городкахъ живутъ, перевести за Сѣверской Донецъ а новопришлыхъ, которые пришли изъ нашихъ В. Государя украинныхъ горо-

Около сего времени возникли ссоры у Донскихъ казаковъ, поселенныхъ по Донцу, съ казаками Изюмскаго полка за границы, главнѣйшею причиною сихъ ссоръ, которая имѣла немалое вліяніе на возмущеніе казаковъ, было присвоеніе полковникомъ Изюмскаго полка Шидловскимъ соляныхъ источниковъ, находившихся во владѣніи Донскихъ казаковъ, куда торскіе и другихъ окрестныхъ мѣстъ жителей, побуждаемые прибыточнымъ добываніемъ соли, начали переселяться (около 1701 года) безъ вѣдома верховнаго правительства и заняли подъ солеварни многія мѣста принадлежащія къ юрту Бахмутскаго казачьяго городка. Полковникъ Изюмскаго полка, подкрѣпленъ новыхъ переселенцовъ слободскими казаками, тѣснилъ бахмутскихъ жителей, причинялъ имъ побои и разорялъ жилища ихъ, основанныя на рѣчкахъ: Бахмутѣ, Красной, и Жеребцѣ; въ 1703 г. по его же приказанію разоренъ одинъ казачій городокъ, построенный близъ границъ Изюмскаго полка, истреблены всѣ соляныя варницы; разломана часовня и забрана вся церковная утварь и книги. Послѣ сего въ 1704 г. самопроизвольно наложилъ онъ на бахмутскихъ казаковъ пошлины съ соляныхъ варницъ, бралъ насильно соль подъ предлогомъ будто бы въ казну; истреблялъ сѣнокосные дуга; эти поступки наводили казакамъ огорченіе. Въ это время былъ станичникъ

дловъ, бѣгая отъ службы и отъ азовскихъ и корабельныхъ работъ, распросилъ выслать за проволочными въ украинные города, кто отъ колы пришелъ, не дожидаясь впередъ къ себѣ о томъ нашего В. Государя указу, для того что тѣ городки по справкѣ построены вьювъ и послѣ азовскихъ походовъ, а городкамъ же, которые поселены по Сѣверскому Донцу, Старой Айдаръ и выше Айдару ныне на предъ сего до азовскихъ походовъ и тѣмъ городкамъ быть по прежнему, а въ городкахъ же, что на шляхахъ въ Заплатномъ и во Боленскомъ земляцовъ всѣхъ велѣтъ переписать по именамъ, и старожильцовъ казаковъ оставить и велѣтъ имъ жить въ тѣхъ городкахъ для почтовой гоньбы а которые люди по перепискѣ явятся въ тѣхъ городкахъ новопришедше, изъ какихъ они нибудь чиновъ, и тѣхъ перешедшихъ за указомъ выслать, по прежнему въ тѣхъ мѣста, отъ куда кто пришелъ, и для того нынѣ посланъ къ вамъ съ Москвы стольникъ нашъ Леонтій Шиншинъ, которому велѣно у васъ быть до тѣхъ мѣстъ, какъ по прежнему и по сему нашему в. государя указу то же исполните.“

атаманъ въ Бахмутскомъ городѣ отважный Кондратій Булавинъ, онъ не упускалъ удобныхъ случаевъ къ отмщенію за претерпѣваемыя отъ Изюмскихъ полчанъ обиды, имѣя между тѣмъ повелѣніе и отъ войска Донскаго употреблять всѣ средства къ защищенію войсковыхъ границъ. Изъ этихъ обоюдныхъ ссоръ возникли жалобы, которыя на первый разъ рѣшены были тѣмъ, чтобы какъ войску Донскому, такъ и Изюмскаго полка казакамъ впредь до разграниченія между ними границъ, владѣть тѣми землями, кому они напередъ сего принадлежали и отнюдь бы другія не входили довольствіями въ непринадлежащія имъ мѣста.

Между тѣмъ послѣдовало изъ Посольскаго приказа предписаніе объ отобраніи какъ у Донскихъ, такъ и у Изюмскихъ казаковъ соли въ казну и о продажѣ оной на мѣстѣ высшими цѣнами. Булавинъ огорченный, или наложеніемъ пошлины на вывариваемую казаками соль, или обидами, которыя претерпѣвали они отъ Изюмцевъ, собралъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1705 г. значительную партію казаковъ, напалъ на жителей, занимавшихся вывариваніемъ близъ рѣчки Бахмута соли, разорилъ всѣ строенія и заводы, побралъ всю готовую соль казенную и частнымъ лицамъ принадлежащую, а также деньги и прочее имущество. Наказный полковникъ Изюмскаго полка Шустъ, въ отмщеніе за таковыя разоренія, вооружилъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года подчиненныхъ ему казаковъ и обложилъ Бахмутскій городокъ, но узнавъ, что Булавинъ извѣстилъ о своемъ положеніи обрестныя казачьи городки, немедленно снялъ осаду и распустилъ свои войска. Булавинъ съ своей стороны этотъ поступокъ наказнаго полковника Шуста не оставилъ безъ отмщенія: онъ въ то же время перешелъ съ казаками рѣчку Бахмутъ и разорилъ до основанія всѣ солеваренныя заводы; нѣсколько человекъ убилъ до смерти; побралъ всю казенную соль и продалъ тамъ же на мѣстѣ; мщеніе его простиралось даже и на домашнихъ животныхъ, воиныхъ онъ приказалъ безъ всякой надобности убивать. Уничтоживъ такимъ образомъ всѣ бывшія на томъ мѣстѣ заведенія

и разогнав тамошних жителей, Булавинъ завладѣлъ всѣми соляными источниками и началъ съ казаками вываривать соль, не допуская ни кого изъ иногороднихъ участвовать въ этомъ промыслѣ.

Изюмскій наказный полковникъ, на сей самовольный поступокъ, принесъ жалобу въ Адмиральтейскій приказъ, отъ коего былъ посланъ на рѣчку Бахмутъ дьякъ Горчаковъ съ командою солдатъ, подъ начальствомъ капитана Трунева, какъ для описанія пограбленнаго и разореннаго имуществва Изюмскаго полка жителей, такъ и для недопущенія ссорящихся до дальнѣйшихъ разореній, пока воспослѣдуетъ повелѣнiе о разграниченiи между Донскими и Изюмскими казаками спорныхъ земель. Дьякъ Горчаковъ съ солдатами прибылъ къ Бахмутскому городку 4 июня 1706 г., имѣя съ собою 30, а по показанiю Донскихъ казаковъ 400 человекъ Изюмскихъ, Торскихъ и Маяцкихъ жителей, для указыванiя спорныхъ соляныхъ заводовъ. Булавинъ извѣщенный о прибытiи дьяка къ городу, вышелъ противъ него съ многочисленною партiею казаковъ въ полномъ вооруженiи и спрашивалъ его: „для чего онъ въ такомъ многолюдномъ собранiи вооруженныхъ Изюмскихъ жителей прибылъ къ ихъ городку?“ Получивъ удовлетворительный отвѣтъ отъ дьяка Горчакова, Булавинъ позволилъ ему вступить съ солдатами въ городокъ, а вмѣстѣ съ ними пяти человекамъ старожиламъ, прочимъ велѣлъ немедленно удалиться отъ городка. Горчаковъ объявилъ здѣсь Булавину и казакамъ грамоту, данную ему изъ Адмиральтейскаго приказа и настаивалъ по оной объ удовлетворенiи. Булавинъ не только не допустилъ его къ изслѣдованiю порученнаго ему дѣла, но даже поставилъ у квартиръ дьяка Горчакова и солдатъ караулъ, не выпуская ихъ изъ оныхъ 8 дней, пока не получилъ на донесенiе свое отъ войсковаго круга разрѣшенiе, коимъ предписывалось ему не допускать дьяка Горчакова къ описыванiю разграбленныхъ соляныхъ варницъ, потому что оныя учреждены изюмскими казаками на земляхъ принадлежащихъ войску Донскому; старшины привезшіе эту грамоту изъясни-

лись съ дьякомъ лично о правахъ на сіи земли. Такимъ образомъ Горчаковъ принужденъ былъ возвратиться въ Воронежъ безъ исполненія возложенной на него порученности. Впрочемъ войско Донское въ объясненіи своемъ, данномъ по этому предмету, обвиняетъ дьяка Горчакова въ томъ, что онъ безъ всякой причины не приступилъ къ изслѣдованію порученнаго ему дѣла, и что со стороны онаго препятствія ему дѣлано не было (550).

Эти обоюдныя неудовольствія еще болѣе поддерживаемы были, когда Изюмскій полковникъ Шидловскій принялъ въ свое вѣдѣніе, по указу царскому, въ февралѣ мѣсяцѣ 1706 г., селитренныя заводы, принадлежавшіе прежде полковнику Ахтырскаго полка Перекрестову, изъ коихъ нѣкоторые находились на войсковыхъ земляхъ, гдѣ истребляли войсковыя заповѣдныя лѣса и причиняли различныя утѣсненія казакамъ въ поземельныхъ до-
вольствіяхъ (551).

Убіеніе Князя Долгорукова. Стольникъ Шеншинъ, коему предписано было уничтожить нѣкоторые Донскіе казачьи городки и выслать бѣглыхъ въ Россію, повидимому не былъ посланъ на Донъ, ибо о дѣйствіяхъ его по этому предмету въ современныхъ актахъ нигдѣ не упоминается; это обстоятельство доказывается еще и тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1707 г. былъ посланъ на Донъ съ такимъ же порученіемъ полковникъ князь Долгоруковъ.

Все это въ совокупности, а при томъ и мѣры принятыя верховнымъ правительствомъ къ обузданію своевольства на Дону, привели въ раздраженіе тѣхъ Донскихъ казаковъ, до которыхъ особливо оныя касались.

Въ это время, такъ сказать, коренныхъ казаковъ лучшаго и отборнаго воинства, не было на Дону, съ самаго открытія войны съ Швеціею; одна часть ихъ подвизалась на сѣверѣ,

(550) Грамоты на Донъ 1706 г. февраля 28, августа 11, и отписка в. Донскаго въ Посольскій приказъ того жъ года въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

(551) Отписка войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1706 года.

а другая, подъ предводительствомъ старшины Максима Кумшадкаго, находилась въ Россійской арміи, дѣйствовавшей въ Польшѣ и южныхъ предѣлахъ Россіи. Отсутствие этихъ вѣрныхъ государю воиновъ всего болѣе благоприятствовало Булавину, исполни ть давно скрывавшееся въ душѣ его ужасное намѣреніе. Склонивъ на свою сторону всѣ Донецкіе и по запольнымъ рѣчкамъ поселенные городки, Булавинъ немедленно отправился на рѣку Хоперь; тамъ съ сообщниками своими имѣлъ онъ совѣщаніе, на коемъ положено было умертвить князя Долгорукова и всѣхъ при немъ бывшихъ, и потомъ возжечь пламя бунта по всему Дону. Это намѣреніе привелъ онъ въ исполненіе на рѣчкѣ Айдарѣ, гдѣ князь Долгорукій, съ Ефремомъ Петровымъ и другими старшинами со стороны войска, занимался розысваніемъ бѣглыхъ и гдѣ въ восьми казачьихъ юртахъ найдено оныхъ болѣе 3,000 человекъ (552).

Воззваніе Булавина къ казакамъ. Принеся такимъ образомъ въ жертву мести своей до 1,000 человекъ солдатъ и офицеровъ, Булавинъ немедленно разослалъ по всѣмъ казачьимъ городкамъ возмутительное письмо, которое содержало слѣдующія выраженія: „Всѣмъ старшинамъ и казакамъ, за домъ Пресвятыя Богородицы, за истинную христіанскую вѣру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на насъ умышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, вводятъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной отвращаютъ. А вы вѣдаете нынѣ наши дѣды и отцы на семь полѣ жили и какъ оно тогда крѣпко держалось; нынѣ же наши супостаты старое наше поле все перевели и нивочто вмѣнили, и такъ чтобы намъ его вовсе не потерять, должно защищать единодушно и въ томъ бы всѣ мнѣ (Булавину) дали твердое слово и клятву.“ Далѣе увѣряетъ, что всѣ Запорожскіе казаки и Бѣлогород-

(552) Дополненіе къ дѣліямъ Петра великаго, томъ 7 стр. 427, и отписка Булавина и войска Донскаго къ войску Запорожскому 1708 г. маіа 17 дня.

ская татарская орда готовы соединиться съ Донцами въ предстоящемъ дѣлѣ; а заключаетъ повелѣніемъ, что колы скоро гдѣ это войсковое письмо прочтено будетъ, тамъ одной половинѣ людей остаться въ куреняхъ, а другой быть готовою выступить конно-вооруженною въ походъ по назначенію, кромѣ вольницы, которая вся безъ изъятія должна двинуться; но что если кто изъ тѣхъ и другихъ явится ослушникомъ и противникомъ, тотъ преданъ будетъ смертной казни (553).

Слѣдствіе онаго. Письмо Булавина разлило пламя возмущенія во всей верхней части Дона и по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу; войсковою атаманъ тщетно рассылалъ увѣщательныя войсковыя грамоты не слушать клеветамъ и не приставать къ возмутителямъ, но легковѣрные не вѣдали этимъ убѣжденіямъ.

Войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ разбиваетъ Булавина. Булавинъ, начальствуя 20/т. войскомъ, состоящимъ наиболѣе изъ бѣглецовъ, или вольницы, намѣренъ уже былъ идти къ Москвѣ и убивать боярѣи нѣмцевъ, какъ войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ старшинами и казаками нижнихъ Донскихъ городковъ, не приставшихъ къ возмутителямъ, выступилъ противъ бунтовщиковъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1707 г., разбилъ ихъ, захватилъ нѣсколько человекъ въ плѣнъ и отправилъ въ Москву съ старшиною Ефремомъ Петровымъ. Государь считая этотъ мятежъ оконченнымъ, двумя письмами извѣщалъ объ этомъ полководца своего князя Меньщикова (554). Въ Москвѣ же, присланной съ Дону зимовой станицѣ, съ станичнымъ атаманомъ Акимомъ Филиппевымъ, велѣно отпустить войску Донскому обыкновенное годовое жалованье.

Удаленіе Булавина въ Запороги и помощь оттуда. Между тѣмъ пораженный оружіемъ вѣрныхъ казаковъ Булавинъ потянулся съ остатками скопища къ Бах-

(553) Дѣянія Петра Великаго, томъ 2, стр. 436 и 437.

(554) Дополненіе въ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ 7, стр. 431 и 437.

мугу, откуда отправился въ Запорожскую Сѣчь; тамъ представлялъ онъ Запорожцамъ, что войско Донское отъ Государя отложилось, и что онъ присланъ къ нимъ просить кошеваго атамана и все товарищество о сдѣланіи войску Донскому вспомошествованія противу Россійскихъ войскъ. Петръ Великій, узнавъ о томъ, поручилъ гетману Мазепѣ его поймать, но Мазепа, будучи и самъ въ сердце своемъ измѣнникъ, не исполнилъ того подъ нѣкоторыми благовидными причинами, и подъ рукою допустилъ, что для Булавина сдѣлано было въ Сѣчи собраніе, на которомъ дано позволеніе Запорожскимъ казакамъ идти къ Булаvinу кто хочетъ. Государь требовалъ отвѣта отъ Запорожцевъ въ поступкахъ ихъ и повелѣлъ до полученія онаго задержать въ Москвѣ зимовую станицу ихъ, состоящую изъ 88 человекъ. Запорожцы отвѣтствовали, что въ то время, когда сдѣлались въ Запорогахъ извѣстны преступныя дѣйствія Булавина, войско Запорожское просило гетмана Мазепу дозволить имъ идти на бунтовщиковъ, но отъ него никакого повелѣнія по сему предмету не получало, и потому нѣкоторые своевольные казаки, присоединились къ Булаvinу, смотря на Малороссійскихъ казаковъ и Великороссійскихъ людей, приставшихъ къ возмутителю въ большомъ числѣ (555).

(555) Отписка войска Запорожскаго къ Государю Петру 1-му 1708 г. августа 6 дни.

„ Когда еще, благочестивый нашъ Монархъ, самый почалъ былъ бунтамъ и воровству отъ погибшаго злаго сына Булавина, за вначій и всему народови въ великороссійскихъ и малороссійскихъ городахъ, подъ благочестивою державою вашего цар. прес. величества обрѣтающихся, явленный, тогда хотячи мы атаманъ-кошевой съ старшиною войсковою, по вѣрной своей къ вашему прес. цар. величеству службѣ, не допустити итить своему товариству на тос бунтовщице дѣло писали съ коша до вѣрнаго подданнаго вашего цар. прес. величества гетмана и кавалера Ивана Степановича Мазепи, чтобъ онъ по своему радѣнію и вѣрной службѣ учинилъ извѣстно вашему цар. прес. величеству о томъ, чтобъ наше войско Запорожское низовое на томошныя вѣрныя службы затыгнены были, и имъ гдѣ войсковое дѣло указать повелѣли, и въ томъ нашемъ желаніи жаднаго получения у себе мы не имѣли, и по такой пуждѣ нѣкоторое товариство наше сечовое, яко есть вольное, въ малой гѣчбѣ туда до Булавина удалосъ, зирати

Булавинъ, условясь съ запорожцами объ обоюдномъ защищеніи, оставилъ Сѣчь въ началѣ весны 1708 года и вывелъ оттуда до 3,000 Запорожцевъ (556), къ коимъ присоединя многихъ изъ малороссійскихъ казаковъ, двинулся къ рѣкѣ Хопру, гдѣ единомышленники его: Некрасовъ, Дроновъ, Головъ и Хохоль, въ отсутствіи его, приготовили многочисленное войско, состоящее по большей части изъ великороссійскихъ бѣглецовъ.

Разбитіе войсковаго атамана Максимова. Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, извѣщенный о новыхъ преступныхъ намѣреніяхъ измѣнниковъ, вторично разослалъ по всѣмъ казачьимъ городкамъ войсковыя грамоты, увѣщевая казаковъ не приставать къ возмутителямъ и не слушать ложныхъ ихъ навѣтовъ, но по долгу вѣрноподанныхъ, вооружились бы противу злодѣевъ и шли въ Черкаскъ для соединенія съ войсковымъ атаманомъ, на уничтоженіе буйнаго скопища и ихъ замысловъ. По собраніи вѣрныхъ казаковъ

и засмотрючи на городовыхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, которые подъ крѣпкимъ суть застѣгнениемъ, а въ десятеротысячную гѣчюю на тое бунтовщачье булавинское поуходили, замыслы и всему злу они городовые люди суть причасы и насъ своимъ злымъ и многолюднымъ походомъ вашему цар. пресв. величеству въ немилость и гнѣвъ приравнили, понеже и самы отъ страхованья въ пивочто же обратилися, утративши своего во всѣхъ злыхъ намѣреніяхъ и бунтахъ приводду. А мы атаманъ кошевой, во всѣмъ посполствомъ, яко прежде вѣрною, радѣтельною, постоянною и усердною нашею службою были вашему цар. пресв. величеству угодны, такъ и нынѣ непременно службы наши вѣрны ропити готовы, не щадя своего здоровья, желаячи службы всеусердно отъ вашего цар. пресв. величества благопризрительнаго помилованія и пренедрой монаршей получить ласки, которой нынѣ при дозвномъ нашемъ рабскомъ поклоненіи себя всеблагонадежно споручаемъ.“

(556) Собраніе россійскихъ законовъ, томъ 4, № 2,233, грамота Гетману Скоропадскому и всему малороссійскому народу, 1709 мая 26 дня.

„Такожъ и въ краткомъ времени вора и бунтовщика Донскаго казака Булавина, державъ они запорожцы у себя на кошу долгое время, отпустили на Допъ, придавъ ему отъ себя съ 3,000 казаковъ, который тамо съ ними запорожцы учинилъ многія смятенія и бунты, но съ помощію Божіею отъ войскъ нашихъ пораженъ и воспріялъ по дѣламъ своимъ возмездіе купно съ единомышленники своими.“

въ Черкасскѣ, войско приговорило идти немедленно всему войску противу бунтовщиковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Лукьяна Максимова; азовскій губернаторъ Толстой снабдилъ ихъ артиллерією и послалъ къ нимъ на помощь азовскій конный полкъ и калмыковъ всего 5,000 человекъ. 28 марта войсковоу атаманъ выступилъ съ вѣрными казаками изъ Черкаска, приведя ихъ напередъ на вѣрность службы къ присягѣ, оставивъ въ ономъ наказнымъ атаманомъ Илью Григорьева.

Въ это столь смутное время остались вѣрными своему Государю городки: Донецкій, Казанскій, Усть-Медвѣдицкій, Правоторовскій и Бурацкій, которые запершпсь, сопротивлялись всѣмъ усиліямъ измѣнниковъ; также поступили городки и въ низъ по Дону, начиная отъ Нижне-Курмоярскаго до Черкаска; прочія же станицы или сами пристали къ бунтовщикамъ, или принуждены были невольно принять ихъ сторону.

Между тѣмъ войсковоу атаманъ 9 апрѣля настигъ скопища возмутителей на рѣчкѣ Голубой, близъ Голубинской станицы, вступилъ съ ними въ бой, но по неравенству силъ былъ опрокинутъ и обращенъ въ бѣгство, Булавинъ овладѣлъ станомъ его и всѣми пушками (557).

О в л а д ѣ н і е Ч е р к а с к о м ъ . Послѣ сего устрѣмился

(557) Грамота на Донъ 1708 г. мая 3.

„Апрѣля 26 дня нынѣшняго 1708 г. къ намъ В. государю писалъ стольникъ нашъ Степанъ Бахметевъ, что съ москвичи противъ воровъ и бунтовщиковъ въ походѣ къ Пристанскому городку пошелъ онъ тогожъ апрѣля 20 дня, а въ отпискѣ вашей войсковаго атамана Лукьяна Максимова съ войскомъ апрѣля 16 дня къ нему Степану писано, апрѣля жъ въ 9 день съ войскомъ бывшимъ походѣ со оными ворами и бунтовщиками на рѣчкѣ Голубой былъ у васъ бой, а Сѣверской Донецъ весь отложился и собираются съ воромъ же Старо-Айдарской станицы съ Семеномъ Дранымъ. А съ Кондрашкоу Булавинимъ Хоперъ, Бузулукъ и Медвѣдица отложился же, и чтобъ ему Степану идти къ вамъ войску въ Черкасской съ великимъ посѣпшеніемъ денно и ночью, а Донецкой, Усть Медвѣдицкой, Казанка, Правоторовской, Бурацкой, пять городковъ, къ вору не пристали и сидѣли въ осадѣ, а отъ нижней Курманіарской станицы на низъ всѣ съ вами войскомъ заедино.“

Онъ въ Черкаску и проходя напередъ приготовленные къ возмущенію станицы по Дону, увеличивалъ число своихъ войскъ, и хотя встрѣчалъ отъ нѣкоторыхъ городковъ храброю обороною, но лестию и жестокостію преодолювая всякое сопротивленіе, достигнулъ главнаго городка Донскихъ казаковъ. Увидѣвъ сдѣланныя въ ономъ для отраженія его укрѣпленія и не надѣясь взять силою, Булавинъ прибѣгнулъ къ хитрости, угрожая мучительною смертію жителямъ расположенныхъ въ предмѣстіи города трехъ Рызовскихъ станицъ, заставилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ночное время съ семействами своими бѣжать въ городъ и просить убѣжища и защиты, будто бы отъ его жестокости; имъ отворили ворота, Булавинъ въ то жъ время ворвался въ городъ и занялъ всѣ караулы. Несчастные жители увидѣли обманъ, но уже поздно. Мятежники схватили войсковаго атамана и казнили, нѣкоторые изъ старшинъ подверглись той же участи, а Ефремъ Петровъ, который не ужасаясь смерти, съ благородною твердостію патріота укорялъ губителя своей отчизны, былъ мучительно удушенъ. Яростное изступленіе злодѣевъ излилось на всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ своему государю; многіе почтеннѣйшіе граждане потоплены, семейства ихъ истреблены, а дома и имущества разграблены; другіе бѣжали въ Азовъ и укрывались въ мѣста отдаленныя и неизвѣстныя; въ числѣ сихъ были и дѣти любимаго Петромъ I-мъ войсковаго атамана Фрола Минаева (558).

Булавинъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ. Убійцы, обагрившись кровію согражданъ своихъ, провозгласили въ Черкаскѣ предводителя своего Булавина войсковымъ атаманомъ, который тогда же отъ имени войска Донскаго послалъ къ запорожскому кошевому атаману Гордіенку и ко всему войску Запорожскому посланцевъ, съ увѣдомленіемъ, что войско Донское въ бывшемъ прошломъ 1707 года собраніи на рѣкѣ Хопрѣ единодушно положило стать

(558) Дѣянія Петра Великаго, томъ 2-й, стр. 437 и дополненіе къ дѣяніямъ томъ 8, стр. 55.

за домъ Пресвятыя Богородицы, за православную христіанскую вѣру и за святыя Апостольскія церкви, дабы утвердитъ въ ономъ прежнія обыкновенія, какъ у дѣдовъ, у отцовъ нашихъ и у насъ бывали. Къ этому столь единодушному собранію подалъ намъ поводъ князь Долгоруковъ, который, вопреки царскому повелѣнію, разорилъ и пожегъ многіе наши городки, пыталъ казаковъ, билъ кнудомъ, рѣзалъ имъ носы и губы безъ всякой причины, наругался надъ женами нашими и вѣшалъ дѣтей нашихъ младенцевъ по деревьямъ. Видя такое разореніе и насиліе, приговорили съ нынѣшнимъ нашимъ войсковымъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ, убить его и всѣхъ при немъ бывшихъ. А дабы учредить въ войскѣ Донскомъ порядокъ и виновныхъ въ нарушеніи онаго наказать, мы рѣшились всѣмъ войскомъ идти къ Черкаску, по бывшій войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ старшинами и казаками въ ономъ — заперся и стрѣляли по насъ изъ пушекъ; презрѣвъ всѣ преграды, положенныя намъ врагами нашими, мы помощію казаковъ, усердныхъ намъ, вошли въ городъ и войсковаго атамана и прочихъ старшинъ за ихъ вины, приговорили всѣмъ войскомъ Донскимъ казнить смертію, а на мѣсто его выбрали войсковымъ атаманомъ Кондратія Булавина и старшинъ другихъ. Нынѣ же намъ войску Донскому извѣстно, что государевы полки стоятъ на Донцѣ близъ Святогорскаго монастыря и въ другихъ мѣстахъ и имѣютъ намѣреніе идти къ Черкаску, и потому просимъ васъ, какъ вы обѣщались нашему войсковому атаману Кондратію Булавину, прислать къ намъ на Донъ на защиту жилищъ нашихъ войскъ своихъ, а мы вамъ войскомъ Донскимъ противъ вашихъ непріятелей, какъ о томъ у насъ договоръ былъ, помогать рады, дабы намъ жить навсегда въ добромъ согласіи и другъ за друга постоять въ правдѣ и себя защищать общими силами (559).

(559) Отписка Булавина и войска Донскаго къ войску Запорожскому, 1708 г. мая 17 дня.

„ И въ нынѣшнемъ 1708 г. нашъ войсковой атаманъ Кондратій Булавинъ

Такимъ образомъ, содѣлавшись повелителемъ всего войска Донскаго, Булавинъ утихъ на нѣкоторое время, послалъ въ Москву станицу съ оправданіемъ своихъ поступковъ, а въ Азовъ увѣреніе, что ничего противнаго предпринимать уже не будетъ; но когда онъ искалъ сими путями привести въ оплошность азовское начальство, въ то самое время тайно старался посѣять въ Азовѣ возмущеніе; открытъ въ заговорѣ съ нимъ таганрогскій протопопъ съ своимъ сыномъ и перехвачены письма Булавина къ татарамъ, подданнымъ турецкимъ.

со всемъ войскомъ Донскимъ собрався пришли подъ Черкасской, чтобъ прежнихъ нашихъ бывшихъ старшинъ, атамана Лукьяна Максимова и при немъ будущихъ которые съ нимъ чинили неправду, отъ дѣлъ ихъ отставить и выбрать иныхъ старшинъ, и о такомъ совѣтѣ мы войскомъ Донскимъ къ вамъ атаманомъ молодцамъ отъ себя напередъ сего писали, чтобъ вамъ дали отъ себя руку помощи и быть бы вамъ съ нами вкупѣ единодушно. А какъ атаманъ нашъ войсковой Кондратій Булавинъ былъ у васъ атамановъ молодцовъ въ Запорогахъ объ снрой недѣли, у тебя Константина Гордѣевича и у писаря и у многихъ атамановъ, и межъ себя совѣтовали и души позадовали, чтобъ всемъ вамъ съ нами в. Донскимъ быть въ средненіи и другъ за друга радѣть единодушно, и отъ васъ къ намъ помощи къ Черкасскому для совѣту никто не пришелъ. А какъ мы войскомъ Донскимъ стояли подъ Черкасскимъ на Василевѣ, и они Лукьянъ съ товарищи отъ насъ сѣди въ осадѣ и были по насъ изъ пушекъ, а которые съ ними ворами сѣдѣли въ осадѣ казаки по неволѣ, и они Лукьянъ и старшинъ, которые были къ воровству приличны, ихъ намъ выдали, и мы приговорили ихъ воровъ, смотря по винѣ, казнити смертью и выбрали для управления В. Государя и нашихъ войсковыхъ дѣлъ войсковаго атамана Кондратія Афонасьевича Булавина и старшинъ иныхъ. А винѣ намъ войску Донскому слышно чинитца, что де собраніемъ государевы полки пришли разорять наши казачьи городки и стоять на Донцѣ близъ Святогорскаго монастыря и въ иныхъ мѣстѣхъ, и хотятъ де итти подъ Черкасской, и мы всемъ в. Донскимъ, в. нашъ атаманъ Кондратій Булавинъ, просимъ у васъ атамановъ молодцовъ, у тебя войсковаго атамана Константина Гордѣевича и у всего войска Запорожскаго милости, если вамъ слышно про приходъ царевыхъ полковъ на наше разореніе и вы намъ дайте помощи, чтобъ намъ стать вкупе обще, а въ разореніе намъ себя напрасно не отдать, а у насъ в. Донское въ походъ посланы тысячъ съ пятнадцать и больши для того, если государевы полки стануть насъ разорить, и мы имъ будемъ противиться, чтобъ они насъ въ конецъ не разорили напрасно, такжебы и вашему в. Запорожскому зла не учинили; а если будетъ вамъ слышно про приходъ государевыхъ полковъ, гдѣ они стоять будутъ, и вамъ бы о томъ писать къ намъ войску вѣдомость въ скорѣ; а о чемъ у насъ съ вами атаманы молодые

Государь посылаетъ до 20/т. войска на усмирение бунта. Государь, получивъ свѣдѣніе о возвращеніи Булавина изъ Запорогъ и о собраніи многочисленной партіи измѣнниковъ на Хопрѣ, предписалъ воеводамъ пограничныхъ провинцій принять всѣ мѣры осторожности противу возмутителей; а между тѣмъ тогда же отправилъ изъ дѣйствующей арміи часть войскъ для истребленія Булавинскаго скопища. Въ составъ сего ополченія поступили: корпусъ Степана Бахметева, бригада генераль-маіора Шидловскаго, Слободской Острогжскій казачій полкъ съ стольникомъ и полковникомъ Тевяшовымъ, изъ Ахтырскаго и Сумскаго полковъ по баталіону, Малороссійскіе полки: Полтавскій съ полковникомъ Ливенцомъ и Компанейскій съ полковникомъ Кожуховымъ, изъ Москвы полки: Драгунскій и новый пѣхотный, при которыхъ находился полковникъ Рухманъ, также всѣ дворяне, царедворцы (а) и прочіе конные, какіе только въ Москвѣ оставались, изъ Воронежа 4,000 драгунъ и нѣкоторые полки изъ С.-Петербурга, а также, рязанцамъ и другихъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Кромѣ того назначено князю Хованскому взять нѣсколько калмыковъ изъ ихъ улусовъ; изъ Кіева отправлены со всею скоростію въ Азовъ Смоленскій полкъ, а въ Таганрогъ два полка драгунъ съ полковникомъ Кропотовымъ. Для прикрытія Воронежа отъ бунтовщиковъ, повелѣно привести къ окончанію крѣпость на рѣкѣ Осередѣ, что нынѣ Павловскъ.

межъ себя былъ совѣтъ обще на вашихъ корандарей и на пановъ и которыхъ путемъ обѣщались вы съ нами, такъ и творите, чтобъ вамъ совѣтъ благой былъ къ намъ не прѣмѣненъ и того бы не оставлять, а во всемъ вы атаманы молодци Запорожское войско противъ супостатъ надѣйтесь на милость Божию, а мы войскомъ Донскимъ вамъ всѣ помощники и о томъ бы къ намъ въ Черкасской прислать бы вамъ отъ себя человекъ 20 или 30 своихъ казаковъ лучшихъ людей; а мы у васъ атаманы молодци о всемъ вышесказанномъ просимъ милости всѣмъ в. Донскимъ любезно, чтобъ намъ жить въ купѣ и во всякомъ добромъ совѣтѣ и другъ за друга настоять въ правдѣ и свое здоровье намъ межъ собою обещать купно.“

(а) Царедворцы, какъ то: стольникъ, стряпчѣ и другаго званія царские чиновники.

Начальство надъ всѣми этими войсками, коихъ числомъ считалось до 20/т. человекъ, и вообще надъ Украйною поручено 12 апрѣля 1708 г. брату убиеннаго Булавинымъ гвардіи майору князю Василию Владиміровичу Долгорукову.

Наказъ данный Долгорукову. Тогда война съ Шведами была въ полномъ пламени, и Карль XII приближался къ Россійскимъ границамъ; столь затруднительное положеніе Россіи заставило Государя Петра I-го принять въ отношеніи бунтовщиковъ рѣшительныя и сильныя мѣры. Наставленія, данныя Государемъ князю Долгорукову, состояли въ томъ, что воль скоро придутъ къ нему назначенные полки изъ Петербурга, шель бы немедленно къ Черваску и производилъ поиски надъ бунтовщиками; вѣрныхъ казаковъ утверждалъ въ Государевой милости и велѣлъ бы имъ выбрать атаманомъ добраго человѣка; что Азовскому губернатору Толстому повелѣно имѣть съ нимъ непрерывное сношеніе; отвращать солдатъ азовскаго гарнизона отъ соблазновъ Булавина, ссылаться съ Черваскими казаками, какія найдутся благомыслящими, чтобы они совокупно съ нимъ (княземъ Долгоруковымъ) промышляли надъ Булавинымъ сухопутно и водою; на каковой конецъ отправить подъ Черваскъ нѣсколько кораблей, брандеровъ и галеръ; что по исполненіи предписаннаго въ отношеніи Черваска, слѣдовать ему князю Долгорукову назадъ, и лежащіе по Дону казачьи городки до Донецкаго (а) оставить какъ существующіе, а лежащіе по Дону, Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорить до основанія, людей рубить, а заводчиковъ сажать на воль и колесовать; однако это принесетъ повинную, съ тѣмъ поступать ласково (560).

Князь Долгорукій, получивъ Монаршія наставленія, разослалъ въ бунтовщикамъ увѣщательныя грамоты, обѣщая по-

(а) Теперь Донецкій не существуетъ, ибо на томъ мѣстѣ, поставленъ монастырь, переведенный изъ Азова въ 1711 году.

(560) Дополненіе въ дѣяніяхъ Петра Великаго томъ 8, стр. 45, 46, 47 и 59 и грамоты на Донъ 1708 г. апрѣля 20, 27, 28, и мая 8.

щаду тѣмъ, которые раскаются, и разгласилъ, что онъ идетъ съ большими силами и что самъ Госудаѣ туда же будетъ. Но эти увѣщанія и угрозы не произвели желаемого дѣйствія.

Сраженіе войскъ Булавина съ Русскими. Еще до прибытія къ войскамъ князя Долгорукова на Донъ, стольникъ Бахметевъ, полковники Тевяшовъ и Рыхманъ встрѣтили за Битюкомъ на рѣчкѣ Куртлакѣ, 28 апрѣля, 1,000 человекъ бунтовщиковъ, предводимымъ Лучкою Хохлачемъ, разбили ихъ, взяли три знамя и въ плѣнъ 143 человекъ, коней и повѣсили на дорогахъ ближайшихъ къ казачьимъ городкамъ. Въ этой схваткѣ въ войскахъ ранены полковникъ Рыхманъ и прочихъ чиновъ 10 человекъ (561).

Булавинъ оставаясь въ Черкасѣ въ ожиданіи новаго подкрѣпленія отъ Запорожцевъ, которые однако стараніями князя Долгорукова и Толстаго къ донскимъ бунтовщикамъ не допущены, послалъ къ сторонѣ Волги одну партію съ Игнатомъ Некрасовымъ, для подкрѣпленія тамъ мятежниковъ, которая и пресѣкла судоплаваніе къ Астрахани; а другую съ Дранымъ въ верхъ по Дону въ числѣ 2,000 человекъ.

Между тѣмъ какъ князь Долгоруковъ соединя войска, приступилъ къ уничтоженію казачьихъ городковъ, Булавинъ отправилъ изъ Черваска къ Азову 5,000 человекъ, подъ начальствомъ Хохлача, Казанкина и Ганькина. Эта толпа переправилась чрезъ рѣку Каланчу 5 іюля 1708 года и на разстѣтѣ

(561) Грамота на Донъ 1708 г. маія 7 дня.

„ Сего маія 3 дня къ намъ великому государю писалъ стольникъ нашъ Степанъ Бахметевъ, что съ ратными людьми, которые принелъ есть и съ Острогскимъ полковникомъ полку его съ купанейцы и съ полковникомъ Рыхманомъ случились, апрѣля 27 числа получа о ворахъ булавинцахъ вѣдомость, которые были въ собраніи съ тысячу челов. и больше, и на рѣчкѣ Куртлакѣ со оными ворами была потреба, на которой ихъ побито многое число, для того было той потреба на двадцати верстахъ и больше, развѣ которые спаслись лѣсами и болотами, а живьемъ взято сто сорокъ три человекъ, да три знамя и ружье и лошади и верблюды разобрали на той потребѣ ратные люди, а при водцовъ и атамановъ у оныхъ воровъ былъ Булавина товарищъ Лукьянъ Хохлачъ.

другаго дня приближась въ Азову, стала тамъ, гдѣ былъ тогда дѣловой дворъ и лѣсные запасы. Изъ Азова высланы были казачій полкъ и Черкаскіе казаки удалившіеся сюда заблаговременно, предводимые войсковымъ старшиною Василюмъ Фроловымъ (сыномъ атамана Фрола Минаева). Полковникъ Николай Васильевъ, начальствовавшій ими, слабъ былъ, чтобы выгнать злодѣевъ изъ занятыхъ мѣстъ, и они съ великою наглостію приступили къ Матроской слободѣ. Тогда Васильева подкрѣпили изъ Азова четыре роты солдатъ; и онъ, съ пособіемъ непрерывной пушечной пальбы изъ трехъ батарей Азовскихъ и съ кораблей, обратилъ бунтовщиковъ въ бѣгство, преслѣдовалъ ихъ до рѣчки Каланчи, откуда они и рассыпались въ разныя стороны. На семь сраженіи убито бунтовщиковъ 423, потонуло до 400, взято одно знамя и въ плѣнъ 60 человекъ, которые и отосланы въ Москву; изъ азовскаго гарнизона убитъ только одинъ и ранено 10 человекъ (562).

Убіеніе сего измѣнника. Когда Булавинъ чрезъ это пораженіе пришелъ въ слабость, тайныя внушенія Толстаго, которыя онъ предъ этимъ всегда дѣлалъ, возымѣли тогда свою силу надъ оставшимися въ Черкаскѣ. Казаки трехъ Рыбовскихъ станицъ, состоящихъ въ составѣ города Черкасса, согласясь съ Черкасскими, провозгласили 7 іюля войсковымъ атаманомъ Илью Зерщикова и предводимые имъ, окружили курень занятый Булавинымъ и его ближними, съ тѣмъ чтобы взять его живаго. Булавинъ защищался и убилъ своими руками 2-хъ человекъ; казаки подвезли пушки и начали громить ими и ружьями занимаемый ими домъ; потерявъ надежду на свою защиту, Булавинъ застрѣлилъ самъ себя изъ пистолета. Трупъ его присланъ въ Азовъ и съ отсѣченною головою повѣшенъ за ноги у рѣки Каланчи; совѣтники его обложены оковами и отправлены въ Москву (563).

(562) Историческое свидѣніе о Некрасовцахъ, помещенное 1828 г. въ „Сѣверной пчелѣ“ въ № № 105 и 106.

(563) Тамъ же и 2 томъ дѣяній Петра Великаго стр. 447.

Погибель Булавина Петръ Великій принялъ съ несказанною радостію и торжествовалъ молебствіемъ 23 іюля. Тогдаго повысилъ чиномъ, а солдатамъ, бывшимъ въ бою, пожаловалъ трехмѣсячное, а не бывшимъ—мѣсячное жалованье. Князю Долгорукову, который пожалованъ въ подполковника, подтвердилъ прежній указъ о разореніи назначенныхъ казачьихъ городковъ, который и былъ имъ исполненъ, смягчилъ нѣсколько строгость въ отношеніи людей и повелѣлъ казнить смертію только знатнѣйшихъ заводчиковъ бунта, иныхъ же ссылатъ на каторгу, другихъ высылать въ мѣста, откуда сбѣжали на Донъ, а прочихъ обладежить милостію и прощеніемъ.

Извѣстіе о смерти Булавина не укратило въ сообщникахъ его мятежническаго духа, хотя скопнице ихъ подъ начальствомъ Семена Дранаго, бывшее на Донцѣ при Сухаревской станицѣ, разбѣжалось, но прочіе главные товарищи Булавина не переставали противиться. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ они разбили весь полкъ Бальсовъ, что отнесено было къ худому Бальсову распоряженію, а въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ Голый овладѣлъ караваномъ, изъ 100 барокъ состоящимъ, который отправленъ былъ изъ Боротова съ артиллерією, денежною казною и провіантомъ по Дону въ Азовъ. Небрасовъ съ 5,000 казаковъ свирѣпствовалъ около Качалинской станицы и по Волгѣ около Царицына; прочія же бродяція шайки бунтовщиковъ угрожали Воронежу.

Для истребленія всѣхъ этихъ возмутителей посланы были изъ Азова вверхъ по Дону два корабля, брандеръ и двѣ галеры, а сухопутно знатная партія казаковъ. Князь же Долгоруковъ съ регулярнымъ корпусомъ, проходя въ низъ по Дону, истреблялъ вездѣ мятежническія партіи и водворялъ по станицамъ прежній порядокъ сообразно Высочайше данному повелѣнію. Между тѣмъ Распопинской станицы атаманъ Семень Изваловъ и Федосѣевъ, собравъ изъ разныхъ верховыхъ станицъ казаковъ и вольницы до 500 человекъ, сразился съ Никитою Голымъ подъ Мигулинскимъ городкомъ, и хотя былъ разбитъ отъ сего послѣдняго, но вскорѣ опять пришелъ въ

Силу и ревностно преслѣдовалъ сообщниковъ Голога. Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1708 г., пойманы были въ Песковатской Станицѣ казаками, бывшими подъ начальствомъ Тимофѣя Соколова, главный сообщникъ Голога есаулъ его Иванъ Стерледевъ и Николай Колычевъ; а въ декабрѣ 21 числа привезли въ Черкасскъ съ рѣки Медвѣдицы злѣйшаго возмутителя **Маексима Маноцкаго**, коихъ и отправили въ Москву съ атаманомъ зимовой станицы **Василіемъ Поздѣвымъ** (564). Вскорѣ за этимъ пойманъ былъ и самъ **Никита Голый**, а въ слѣдъ за нимъ отправленъ былъ въ Москву и войсковой атаманъ **Зерщиковъ**, подвергшійся подозрѣніямъ по оговору Голога.

Побѣгъ **Некрасова** съ казаками на Кубань. Некрасовъ будучи тѣснымъ со всѣхъ сторонъ Россійскими войсками, вѣрными казаками и калмыками и видя что главный ихъ возмутитель **Булавинъ** и всѣ ихъ сообщники со всѣмъ ихъ свопищемъ истреблены и разсѣяны, собравъ изъ разныхъ станицъ до 600 семей раскольниковъ, бѣжалъ на рѣку Кубань, отдался въ покровительство крымскаго хана и водворился на Таманскомъ островѣ, между Таманью и Капыломъ, въ 30 верстахъ отъ моря, тремя селеніями, которыя назывались **Себелей**, **Каръ-Игнатъ** (а) и **Контиде**. Тутъ нашли они своихъ годовѣрцевъ, бѣжавшихъ съ Дону въ 1688 и 1692 годахъ съ воими и поселились вмѣстѣ (565).

Государь прощаетъ вины казаковъ. Между тѣмъ на Дону волненія утишились и казаки въ исходѣ 1708 г. прислали въ Москву знатнаго старшину **Василія Поздѣва**

(564) Дѣянія Петра Великаго, часть 2, стр. 449, отписка войска Донскаго, привезенная въ Москву 1709 г. въ генварѣ мѣсяцѣ.

„ И тѣхъ измѣнниковъ, **Николку Калмычева** и еспула Голога **Ивашку**, да вора жъ **Екимку Солодовника** и **Макоимку Маноцкаго** мы холопы твои войскомъ съ вышепомянутымъ зимовой станицы атаманомъ (**Василіемъ Поздѣвымъ**) къ тебѣ **В. Государь** къ Москвѣ послали.“

(а) Черный Игнатъ.

(565) Историческое свидѣніе о Некрасовцахъ.

съ повинною; Государь, прощая казаковъ, обѣщала содержать ихъ въ прежней милости, если они истребятъ всѣ бродящїи по Дону шайки возмутителей и водворятъ по всѣмъ станицамъ совершенное спокойствіе. Казаки сію Высочайшую милость приняли съ радостію, встрѣтили Поздѣева съ грамотою внѣ города, съ знаменами и ружейною пальбою, вычли онуръ въ кругу, отслужили благодарственный Господу Богу молебствъ и два дни производили ружейную и пушечную со всѣхъ батарей стрѣльбу, и тогда же отправили войсковыя грамоты по всѣмъ станицамъ во всеобщее извѣстіе о сей монаршей милости, съ строгимъ подтвержденіемъ не приставать къ возмутителямъ и не слушать ихъ ложныхъ внушеній, но употреблять всѣ мѣры къ изловленію и къ доставленію ихъ въ Черкасскъ; а дабы каждая станица могла быть совершенно удостовѣрена въ прибытіи изъ Москвы Василя Поздѣева съ царскою милостивою грамотою, повелѣно было отъ войсковаго круга прислать въ Черкасскъ изъ каждой станицы по два человека лучшихъ людей (566).

Государь былъ столь милостивъ къ войску Донскому, что повелѣлъ отправить съ Воронежа, по просьбѣ казаковъ, окладное на 1708 г. жалованье, задержанное тамъ по случаю возмущенія Булавина, и выдать старшинѣ Василю Фролову и его командѣ 1400 руб., атаманамъ Извалову и Федосѣеву по 100 руб., съ ихъ товарищами, за ихъ усердныя службы.

Слѣдствія сего возмущенія. Въ Булавинскій бунтъ болѣе 7,000 казаковъ казнено и побито, уничто-

(566) Войсковая грамота по всѣмъ станицамъ 1708 г. декабря мѣсяца.

„И вамъ бы атаманомъ молодцамъ, по всѣмъ станицамъ, видя къ себѣ такое въ винахъ своихъ отъ великаго государя прощенье и пренною милость, такожь во всякой станицѣ всѣмъ народомъ молебное пѣніе справя и за него великаго государя благодареніе воздавъ и чинить изъ мелкаго ружья стрѣльбу и жить бы вамъ атаманамъ молодцамъ за помощію Божіею и за милостію государевою по прежнему въ добромъ состояніи благодарно и худова дѣла отиудъ не поминать да вамъ бы же атаманамъ молодцамъ изъ всякой станицы, для вѣрности, что Василій Лаврентьевичъ прїѣхалъ съ государевою милостію прислать, немедленно изъ станицъ по два человека людей добрыхъ.“

~~Жены~~ городки поселенные на Донцу, по Луганскому, по Айдару, Дергулу, Калитвамъ и по другимъ рѣчкамъ впадающимъ въ Донецъ—всѣ, по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку—всѣ, по р. Иловлѣ по Иловлинской городокъ. Отторженныя отъ Донскихъ казаковъ земли по Донцу причислены къ Бахмутской провинціи съ нѣкоторою частію оставшихся здѣсь Донскихъ казаковъ; земли по Айдару пожалованы Острогоскому казачьему полку; а земли въ верховьяхъ рѣки Хопра, опустѣвшія по разореніи казачьихъ станицъ Пристанской, Бѣляевской, Григорьевской и прочихъ причислены къ Воронежской губерніи.

За этимъ послѣдовало новое подтвержденіе прежнихъ указовъ о высылкѣ съ Дону людей, зашедшихъ туда послѣ азовскихъ походовъ, и чтобы Донскіе казаки російскихъ бѣглецовъ и всякихъ беспаспортныхъ людей не держали и не принимали; войско Донское съ своей стороны сдѣлало распоряженіе, что если какая станица станетъ таковыхъ людей принимать, то той станицѣ лучшимъ людямъ десяти человѣкамъ учинена будетъ смертная казнь, а станица будетъ разорена и отъ юрта отказана. Но не взирая на всѣ таковыя строгости, казаки продолжали передерживать бѣглыхъ по Дону, Хопру и прочимъ рѣкамъ, почему о высылкѣ ихъ на прежнія жилища вновь подтверждено указами 1721, 1724 и 1726 годовъ, а 1728 г. былъ присланъ для сего на Донъ генераль - майоръ Таракановъ; но по прошенію войсковаго атамана и всего войска Донскаго повелѣно было Высочайшимъ указомъ 9 сентября 1728 г., во уваженіе вѣрной службы войска Донскаго, высылку бѣглыхъ сдѣлать изъ тѣхъ только, которые зашли на Донъ съ 1710 г., т. е. со времени утишенія Булавинскаго бунта. Съ этого времени принятіе казаками бѣглыхъ людей нѣсколько умалилось. Опустошенныя жилища казаковъ по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку, мало по малу опять населены.

Г Л А Б А XVIII

Перемѣны въ жилищахъ казаковъ.—Раздѣленіе земель между городками.— Военные обычаи и образъ войны казаковъ.—Образъ частной жизни казаковъ.— Начало званія старшинъ и явленіе ихъ на дѣла общественныя.—О зимовыхъ и легкыхъ станицахъ, посылаемыхъ въ Москву.—О встрѣчѣ на Дону зимовыхъ станицъ съ царскимъ жалованьемъ.—О власти войсковыхъ атамановъ и войсковыхъ есауловъ.—

Перемѣны въ жилищахъ казаковъ. Въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія казачьи городки стали умножаться и имѣть лучшее устройство, нежели въ началѣ. Самое многочислнѣйшее населеніе казаковъ находилось въ нижней части Дона, гдѣ основаны были главные ихъ городки: первоначально Раздоры, потомъ Монастырскій и наконецъ Черкасскъ. Этотъ городокъ обнесенъ былъ земляною стѣною или валомъ и рвомъ, который наполнялся водою.

Въ XVII столѣтіи поселенія по р. Дону значительно умножились, такъ что въ 1672 году считалось 48 казачьихъ городковъ (567). Черкасскъ въ это время состоялъ изъ трехъ

(567) Дѣла Донскія, показаніе станичнаго атамана Фрола Минаева, въ Посольскомъ приказѣ, Декабря 7 дня 1672 года.

А Донскіе де города состоятъ отъ Коротояка.

1 Мигулинъ.	17 Пятизбм.	33 Нижней-Баргали.
2 Тишанской.	18 Чирь-Верхней.	34 Михалевъ.
3 Вешки.	19 Чирь-Нижней.	35 Гранлинъ.
4 Усть-Хопра.	20 Кабылкинъ.	36 Кагальникъ.
5 Усть-Медвѣдцы.	21 Ясауловъ.	37 Ведерниковъ.
6 Распопинъ.	22 Зимовойко.	38 Бабей.
7 Клецкой.	23 Нагайкинъ.	39 Кочетовъ.
8 Перекопской.	24 Курманъ-Яръ.	40 Семикаракоръ. +
9 Кремеской.	25 Курманъ-Яръ Нижній.	41 Раздоры.
10 Григорьевской.	26 Терновне.	42 Мелеховъ.
11 Сиротанъ-Новой.	27 Цымла.	43 Бесергеневъ.
12 Сиротанъ-Старой.	28 Бумшаевъ.	44 Бугай.
13 Илова.	29 Романовской.	45 Манничъ.
14 Качалинъ.	30 Каргали-Верхней.	46 Черкасской.
15 Паншинъ.	31 Камышкинъ-Ивановъ.	
16 Голубые.	32 Выстрианской.	

Мининъ

Минаевъ

Коротояк

*А на р. Пироговскій и на р. Донскіи городки не имѣли у се
мислѣ: бурной
скрѣпы*

Станицъ: Черкасской, Дурновской и Скородумовской.

Большое умноженіе городковъ послѣдовало около 1685 г., отъ бѣжавшихъ въ то время въ большомъ числѣ великоросійскихъ и малороссійскихъ разнаго званія людей, такъ что въ 1692 году казачьи селенія завелись, кромѣ р. Дона, по рѣкамъ: Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку. Черкасскъ въ это время раздѣлялся уже на 11 станицъ, подъ слѣдующими названіями: Черкасская, Средняя, Павловская, Прибыльнская, Дурновская, Скородумовская, Тютюревская, Верхне-Рыковская, Старо-Рыковская, Нижне-Рыковская и Татарская; эта послѣдняя населена была татарами.

По присоединеніи Азова къ Россіи, Петръ I-й повелѣлъ войску Донскому, въ 1700 г., засѣлить двѣ дороги, идущія отъ Волуѣи и Рыбнаго до Азова, употребля для сего заселенія тѣхъ казаковъ, которые обитали по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ. Дороги эти были дѣйствительно заселены въ 1701 г., но во время Булавинскаго бунта сіи новыя поселенія казачьи уничтожены и переведены въ Донецкіе ихъ городки. Кромѣ того уничтожены тогда же и другіе казачьи городки по рѣкамъ: Дону—до Донецкаго городка (*), Хопру—до Усть-Медвѣдицкаго, по Бузулуку—всѣ, Донцу—до Луганскаго, Иловлѣ—до Иловлинскаго.

Въ образѣ устроенія жилищъ казачьихъ, въ первой половинѣ XVII столѣтія, не представляется ничего отличнаго отъ первобытнаго ихъ состоянія. Главный городъ Черкасскъ состоялъ изъ землянокъ, среди коихъ находилась часовня, для отправленія Богослуженія. Въ концѣ второй половины сего столѣтія Черкасскъ принялъ иной видъ: войсковые атаманы, старшины и зажиточные казаки завели въ ономъ хорошіе деревянные дома; а въ 1653 г. построена тутъ первая деревянная церковь: во имя Воскресенія Христова, и для отправленія въ ней службы Божіей присланы изъ Москвы три свя-

(*) Нынѣ Донецкій городокъ не существуетъ, на томъ мѣстѣ поставленъ былъ въ 1711 году монастырь, переведенный изъ Азова.

щенника и одинъ діаконъ. Во время славной азовской зашити (въ 1641 г.) казаки, тѣснимые непріателемъ, дали обѣтъ соорудить церковь сію, если Богъ избавитъ ихъ отъ враговъ. Донцы одержали побѣду надъ турками, но церковь до 1649 г. не была начата. Въ этомъ году сдѣлалось въ Черкасѣ ужасное моровое повѣтріе: казаки обратились къ Богу съ прежнимъ обѣтомъ—повѣтріе исчезло; въ слѣдующемъ году они приступили къ сооруженію храма (568). 1670 г. церковь сія сгорѣла; вмѣсто оной, чрезъ два года послѣ того выстроена другая деревянная же, которая также, какъ и первая, въ бывшій 1687 г. пожаръ сгорѣла со всею утварью. Послѣ сего казаки соорудили въ Черкасѣ двѣ каменные церкви: одну во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла 1692 г. (569), а другую соборную во имя Воскресенія Христова 1719 года (570).

Городокъ Черкасскій—мѣстопробываніе войсковыхъ атамановъ управлялъ всѣми казачьими городками и назывался въ тогдашнее время „Главное войско.“ Тутъ была непрерывная дѣятельность: наряжали сухопутныя и морскія партіи для поисковъ, принимали посланцевъ отъ сосѣдственныхъ народовъ и отсюда отправляли своихъ къ нимъ, заключали миръ и объявляли войну.

Раздѣленіе земель между городками. Въ началѣ, новые пришельцы на Донъ, безъ всякаго свѣдѣнія со стороны Главнаго войска, занимали городками въ пустѣ лежавшія мѣста по рѣкѣ Дону и по другимъ впадающимъ въ оную большимъ рѣкамъ, но когда время отъ времени поселенія умножились, тогда началось раздѣленіе поземельныхъ довольствій (или юртовъ) между городками и ограниченіе права захватывать самовольно новыя земли. Желаящіе основать городокъ въ пустомъ мѣстѣ; являлись въ Главное войско съ словесною въ томъ просьбою; войсковою кругъ по разсмотрѣ-

(568) Тамъ же, докладъ государю царю Алексію Михайловичу, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1650 года.

(569) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1692 года.

(570) Дѣла Донскія, докладная записка государю.

ни таковой просьбы, позволялъ охотникамъ занять просимыя мѣста и собрать столько людей, сколько могутъ отъ того юрта прокормиться (571). Заимщики сихъ новыхъ юртовъ, для составленія городка, или приглашали старожиловъ изъ другихъ городковъ, или принимали въ свое общество бѣглецовъ разнаго званія.

Разграниченіе юртовыхъ дольствій производили новопоселяющіеся казаки сами съ общаго согласія сосѣднихъ станицъ; они составляли по сему предмету запись и представляли ее въ Главное войско. Вслѣдствіе сего войско выдавало станицамъ такъ называемыя разводныя грамоты. Надобно замѣтить, что въ разграниченіе входили только самыя удобныя мѣста, какъ то: лѣса, дуга и озера, находящіяся при берегахъ рѣкъ, и нѣкоторая часть прилежащей къ тѣмъ рѣкамъ степи; отдаленныя же отъ станицъ земли находились въ общемъ дольствіи, границы юртовъ означаемы были не столбами или другими знаками, а просто живыми уручищами или замѣчательными признаками природы. Весьма легко случалось, что таковыя границы чрезъ нѣкоторое время уничтожались; отъ этого происходили между станицами споры за поземельныя дольствія. Въ такихъ случаяхъ недовольные, обыкновенно, искали правосудія въ войскѣ. Для прекращенія споровъ войсковою кругъ поручалъ кому либо разобрать дѣло на мѣстѣ, или сълонялъ спорящихся къ согласію на общую

(571) Войсковая грамота 1681 г.

Отъ Донскихъ атамановъ молодцовъ отъ Орола Минаевича и отъ всего великаго войска Донскаго, въ верхъ по запольной нашей рѣкѣ по Сѣверскому Донцу, городокъ отъ городка позамѣсть нашъ казачій присудъ. Вѣдомо вамъ атаманы молодцы будутъ: въ нынѣшнемъ въ 7189 г., января въ 3 день, были челомъ великому государю и великому князю Федору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, въ кругу словесно изъ Кагальницкаго городка Михайло Ивановъ да Ведерникова городка Иванъ Медвѣдь, Анка, а въ словесномъ своемъ челобитьѣ сказали, чтобъ имъ великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ занять юртъ Гундоровской, и по указу великаго государя и по нашему войсковому приговору, мы все великое войско Донское велѣли ему Михайлѣ Иванову съ товарищи въ Гундоровскомъ юрту поселиться и станицу собрать, сколько имъ угодно, чтобъ прокормиться . . .

правду, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, который появившись предъ Евангелиемъ поступить въ этомъ дѣлѣ по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю границу: чрезъ какія урочища проходилъ сей посредникъ тяжбы, такъ и считалась граница юрта.

Въ началѣ XVIII столѣтія, когда поселенія казачьи умножились, то и обрядъ дозволенія со стороны Главнаго войска на занятіе новыхъ юртовъ нѣкоторымъ образомъ измѣнился. Объявившимъ желаніе завести новую станицу давалась отъ войска такъ называемая заимная грамота; въ ней излагалось дозволеніе занять безпрепятственно отъ сосѣднихъ станицъ въ пустѣ лежація мѣста, и собрать станицу. Когда по такому дозволенію учреждалось поселеніе, тогда основатели станицы обязаны были вновь входить съ прошеніемъ въ войско и представить отъ себя и отъ сосѣднихъ станицъ разводчиковъ, на совѣсть коихъ полагалось безобидное разграниченіе поземельныхъ довольствій съ смежными станицами. За тѣмъ разграниченіе это записывали и представляли въ войско на утвержденіе; послѣ сего войско выдавало уже разводныя грамоты. Иногда выдавались заимныя грамоты съ такимъ предписаніемъ, чтобъ какъ основатели новой станицы, такъ и станицы смежныя, съ общаго согласія между собою, назначили сами границы новаго юрта и составили о томъ записъ, въ отвращеніе на будущее время споровъ.

Военные обычаи и образъ войны казаковъ. Главные непріатели казаковъ были Азовцы, съ ними вели они почти непрерывную брань. Азовъ, какъ важная турецкая пограничная крѣпость, содержалъ въ себѣ всегда, смотря по силамъ и предпріятіямъ казаковъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ войска.—Казаки мирились съ азовцами только для выкупа или размыны плѣнныхъ, и потомъ, вскорѣ, подъ разными предлогами, разрывали миръ. Побудительная причина къ частому разрыву мирныхъ договоровъ заключалась въ томъ, что казаки въ войнѣ находили источникъ своего довольства и бо-

гательства. Нерѣдко случалось, что, казаки должны были по повелѣнію царскому содержать перемиріе годъ или два, въ такомъ случаѣ присылалось къ нимъ изъ Москвы прибавочное жалованье.

Въ старину казаки почитали безчестіемъ просить мира у азовцевъ и никогда не начинали переговоровъ о перемиріи. При заключеніи мира соблюдаемы были нѣкоторые обряды сопровождаемые обоюдною клятвою. Дѣло, обыкновенно, начиналось тѣмъ, что въ Главное войско пріѣзжали мировщики склонять казаковъ къ прекращенію войны, и когда успѣвали въ томъ, то поставляли условія договора, утверждаемыя со стороны казаковъ присягою лучшихъ атамановъ, а со стороны азовцевъ шертваніемъ старѣйшинъ города. Статьи мирныхъ договоровъ, обыкновенно, заключались въ томъ, чтобы казакамъ чрезъ замирныя мѣста не ходить на море, а азовцамъ на Русскую Украину и на казачьи городки. Иногда въ договорахъ объяснялось по какой именно городоеъ азовцы не должны ходить войною на казаковъ (572). Бывали случаи, что азовцы выговаривали у казаковъ извѣщать ихъ о томъ, что будетъ писано въ грамотахъ Русскаго царя на Донъ, обязываясь взаимно увѣдомлять казаковъ о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Турціи и Крыма; но сіи условія со стороны казаковъ не были исполняемы, хотя сами они изъ Азова получали подробныя извѣстія (573). При разрывѣ мира казаки

(572) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи войсковаго атамана Ивана Семенова, 1690 г. декабря 15 дня.

„ А перемирье де у нихъ изстари съ Азовцы обнклое, и бываеъ по мѣсацу и по два и по году и больше, только для освобожденія взятыхъ своихъ казаковъ, на обмѣнъ за взятыхъ же Азовцевъ и за деньги, а не для чего иного, и договор. . . . чтобъ имъ на государевы украинные города, такъ же и подъ ихъ казачьи городки до Пятиназбъ войною не ходить, и когда де подъ украинные города войною пойдутъ и тогда они собрався войскомъ за ними же ходить и догнавъ бьютъ.“

(573) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Волуйскаго станичника Савина, іюня 8 дня 1655 г.

„ А у Донскихъ казаковъ съ Азовцы миръ, а замиренность у Азовцевъ съ

посылали въ Азовъ размирную грамоту. Послѣ такового объявленія полагалось три дня не начинать войны; по прошествіи же срока отерывались съ обѣихъ сторонъ непріятельскія дѣйствія (574).

По замиреніи обѣ стороны никогда не имѣли довѣренности одна къ другой, по этому при размѣнѣ или выкупѣ плѣнныхъ на окупномъ мѣстѣ, находилось всегда съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку сотъ вооруженнаго войска. Случалось что вѣроломные азовцы не только отнимали плѣнныхъ силою, но даже захватывали и самыхъ казаковъ; чрезъ это обыкновенно возгаралась вновь война. Не взирая на сильную ненависть къ туркамъ и татарамъ, казаки иногда имѣли въ Азовѣ пріятелей, которые, бывъ подкуплены деньгами и ласками, доставляли имъ свѣдѣнія о движеніяхъ непріятельскихъ и о ихъ замыслахъ. Людей этихъ въ войскѣ никогда не безчестили укорительнымъ наименованіемъ шпионовъ или перемѣтчиковъ; но принимали какъ добрыхъ своихъ пріятелей и обыкновенно называли ихъ: наши привормленные люди.

Казаки знали не только что дѣлалось въ Азовѣ, но даже въ Крыму и на Кубани, куда ежегодно посылали изъ войска

Донскими казаками на томъ, что имъ другъ другу про всякія вѣсти сказывать. Азовцамъ сказывать куды турскаго царя повелѣнье будетъ крымскому царю и татаромъ въ войну итти, или крымскій царь куды пошлетъ татаръ въ войну, хотя и безъ турскаго вѣдома; а Донскимъ казакамъ сказывать имъ каковы государевы грамоты присланы будутъ къ нимъ на Донъ и какой государевъ указъ въ тѣхъ грамотахъ писанъ будетъ къ нимъ. И у Азовцевъ де съ Донскими казаки нѣтъ не любви за то, Азовцы говорятъ, что они на правдѣ своей стоятъ, про турскіе и про крымскіе вѣсти имъ Донскимъ казакамъ сказывать, а къ нимъ на Донъ государевы грамоты присылаютъ и о томъ она Донскіе казаки имъ Азовцамъ не сказываютъ.“

(574) Дѣла Донскія, распросна рѣчи станичнаго атамана Ларіона Орлова и асаула Емельяна Иванова, 1679 года марта мѣсяца.

„ А какъ они съ Дону поѣхали, и милостию де Божіею и великаго государя счастиемъ на Дону все было здорово и смирно; а съ азовцы де они не въ шкуру а какъ де размирились и межъ ими де былъ договоръ, чтобъ послѣ трехъ дней ходити изъ войска ихъ подъ Азовъ многожды для поиску зыбновъ и для добычи.“

по нѣскольку партій для язвѣвъ. Въ Черваскѣ присылали за вѣстами изъ Астрахани, Царицына, Тамбова и Воронежа. Казаки сами посылали по нѣскольку разъ въ годъ вѣстовныя станицы въ Москву.

Для стадъ своихъ казаки готовили близъ городковъ на зиму сѣно, которое оставалось среди луговъ.—Былъ тогда постоянный договоръ у казаковъ съ азовцами ни въ какомъ случаѣ не жечь сѣна; во время войны все позволялось: брать людей въ плѣнъ, умерщвлять ихъ, сжигать городки, грабить имущество, но сѣна не трогать (575).

Въ мщеніи казаки доходили до величайшей жестокости. Прикочевавшіе въ сосѣдство къ казакамъ (около 1650 г.) калмыки часто то мирились, то враждовали съ ними. Даже во время мира украдкой переходили они чрезъ Донъ, хватали казаковъ, жгли ихъ сѣно, угоняли стада и нерѣдко разоряли самыя городки. Въ такихъ набѣгахъ, казаки однажды, поймавъ нѣсколько знатныхъ калмыковъ, привязали ихъ къ хвостамъ лошадей и растаскали близъ Черваска, въ присутствіи калмыцкихъ пословъ, которые предлагали казакамъ выкупъ за cadaго плѣннаго по 200 и 300 лошадей (576).

(575) Тамъ же, докладъ царю Алексѣю Михайловичу 1648 г.

„А въ зимѣ де они (говорилъ войсковой есаулъ Василій Микитинъ) готовятъ сѣна, и Крымцы де и Ногайцы и Азовцы сѣнъ у нихъ не жгутъ, потому только де у нихъ сѣна жечь, и они де пришедъ подъ Азовъ, около Азова все разорять и въ томъ де у нихъ съ Азовцы живеть миръ.“

(576) Дѣла Донскія, описка войска Донскаго въ Посольскій приказъ.

„А съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ суланомъ сердечное дружество имѣтъ (Аюка ханъ), и поругаемся такими поруганьми, привязавъ къ лошадинымъ хвостамъ, таскаемъ предъ присланными посланцы его жъ авкаевыми и мункотемировыми, а присланы были для торговыхъ межъ нами дѣлъ; а тѣхъ авкаевыхъ и мункотемировыхъ посланцовъ прислано къ намъ было больши ста человекъ, и они де поруганія нашего и до указу у тѣхъ нашихъ походныхъ казаковъ окуномъ окупать хотѣли, и по торговѣ дѣноу давали окупу по дѣсти и по триста лошадей за человека, потому что знатные люди были, а мы холопы ваши, межъ собою всѣмъ войскомъ придумавъ, имъ походнымъ казакамъ не окуно отдавать заказали, и оскуди себя войско, изъ вашего великихъ государей присланнаго обыкновеннаго годоваго жалованья деньгами выдали за нихъ 250 рублей.“

Запорожцы, всегдашніе сподвижники Донскихъ казаковъ, почти ежегодно приходили на Донъ; казаки честили ихъ, радѣляли съ ними въ опасности, но не позволяли имъ входить въ Черкасскій городокъ кромѣ небольшого числа (577), называя всегда людьми непостоянными и склонными къ изменѣ. Дѣйствительно, въ Азовѣ находилось нѣсколько десятковъ запорожцевъ, принявшихъ магометанскую вѣру: таковыхъ отступниковъ казаки называли охрянami. Если кто изъ отступниковъ попадался въ плѣнъ, то ихъ вѣшали на якорѣ. — У казаковъ было принято за непремѣнное правило казнить смертью всѣхъ тѣхъ плѣнныхъ, кои были пойманы на острову, на которомъ стоялъ Черкасскъ. Въ поискахъ своихъ казаки брали все что лучше, цѣннѣе и нужнѣе для нихъ, въ особенности они привозили весьма много плѣнныхъ и освобожденныхъ ими изъ неволи разныхъ націй и званія людей. Плѣнныхъ неприятелей умерщвляли только тогда, когда не было возможности помѣстить на своихъ ладьяхъ. Грековъ щадили во всякомъ случаѣ. Въ Черкасскѣ находилось иногда тысячи по двѣ плѣнныхъ: сюда привѣзжали изъ Астрахани, Царицына и изъ другихъ украинскихъ городовъ для покупки ясырю и разныхъ вещей, добытыхъ на поискахъ (578). Рядовыхъ воиновъ и простолюдиновъ вымѣнивали на русскихъ невольниковъ, ко-

(577) Донскія дѣла, распросныя рѣчи волуйскаго вожа Никиты Зарубина, 25 апрѣля 1650 года.

„Да при немъ же де пришло на Донъ запорожскихъ черкасъ холостыхъ 700 человекъ конныхъ, а сказали что де они пришли на Донъ въ войско для добычи соборъ, и Донскіе де казаки тѣхъ черкасъ къ себѣ въ войско не приняли, остерегаясь отъ нихъ всякаго дурна, и чаятъ того, что они пришли къ нимъ по подсылкѣ Хмельницкаго, а велѣли тѣмъ черкасамъ стать особо на яру, на другомъ острову ниже Черкаскаго.“

(578) Дѣла турецкія, распросныя рѣчи воронежца Тимофѣя Махнея 1651 года.

... „А которые де казаки съ моря пришли на Донъ и полоня де и всяку добычу учали продавать, и для де покупки полоняниковъ и всякія рудыи привѣзжали на Донъ изъ государевыхъ городовъ торговые люди изъ Астрахан и изъ Царицына и изъ иныхъ изъ многихъ городовъ, и ясырь у казаковъ покупали рублей по 20 и по 30 и по 40 чеховъ.“

ихъ отпускали въ свои мѣста; иностранцамъ же предоставлялась свобода оставаться на Дону или идти въ свое отечество (579). Россійскіе купцы, находившіеся въ Черкасскѣ, при отправленіи казаковъ на морскіе поиски, нерѣдко участвовали въ сихъ походахъ; другіе же ссужали казаковъ порохомъ, свинцомъ и ружьями съ условіемъ воспользоваться изъ полученной добычи половиною или третію частію (580).

Казаки отправляясь на морскіе поиски, не брали ничего съ собою, кромѣ небольшого числа сухарей, муки, пшена, толокна, сушеного мяса и рыбы. Хмѣльныхъ напитковъ не велѣно брать подъ смертною казнію. Одѣвались въ старую вѣтошь; даже самое оружіе имѣло бѣдную наружность. Вышедъ въ море, рѣшали куда предпринять походъ въ Крымъ ли, къ Румелійскимъ ли или Анадолійскимъ берегамъ. Въ войсковомъ же кругу назначалось просто: идти на море; симъ средствомъ пресѣкали казаки перебѣжчикамъ возможность открывать истинное намѣреніе свое (581).

Военное устройство казаковъ было почти такое же, какъ и въ предъидущемъ періодѣ. Въ началѣ XVII столѣтія, каждое

(579) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Донскаго казака Тимофея Иванова съ товарищи, 12 сентяб. 1648 г.

..... „А приходили де (казаки) на Урмаистевы улусы, и въ то де время шлѣ татарова изъ Литвы съ полономъ, и казаки де отбили у татаръ литовскаго полоу Ляховъ, шляхтъ, человекъ съ 30 и привели на Донъ, и нынѣ де тѣ шляхта у нихъ на Дону въ войскѣ, а дали имъ волю, будетъ которые похотятъ служить въ войскѣ и тѣ бѣ остались, а будетъ которые похотятъ итти въ Литву, и они бѣ шли въ Литву.“

(580) Тамъ же, память изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій 15 сентября 1685 г.

..... „А которые де купецкіе люди пріѣзжаютъ къ нимъ съ Воронежа и съ Ельда и изъ иныхъ украинныхъ городовъ съ запасы и со всякими товарами, и они де привозятъ порохъ и свинецъ тайнымъ обычаемъ многое число и съ ними въ походы ходитъ и ружье имъ на ссуду даютъ изъ полу и изъ трети.“

(581) Дѣла турецкія, № 1-й, распросныя рѣчи Воронежца Трофима Мохнева, 1651 г.

..... „А на которые мѣста итти имъ (казакамъ), того не вѣдомо, потому, что казаки про походъ свой, куда имъ итти, скрываютъ вышедъ на море, а пока мѣста на море не выдутъ, и до тѣхъ мѣстъ мысли своей да куда имъ итти ни кому не объявляютъ.“

большое походное войско подчинялось, какъ и прежде, походному атаману; раздѣлялось на полки, управляемые полковниками (или старшинами), есаулами, сотниками и хорунжими.

Казаки, смотря по надобности, составляли пѣхоту и конницу, пѣхота употреблялась болѣе въ морскихъ поискахъ, иногда и на сухомъ пути противъ азовцевъ и въ другихъ не отдаленныхъ походахъ. Впрочемъ въ 1678 г. 1,000 пѣхотныхъ казаковъ находилось въ походѣ къ Чигирину противъ турокъ и крымцевъ; конница же употреблялась неоднократно въ войнахъ съ Польшею и Швеціею.

Городъ Черкасскій всегда содержалъ въ себѣ отъ 2/т. до 5/т. вооруженнаго войска, и, кромѣ землянаго вала, двойная и иногда и тройная цѣпь пикетовъ охраняла оный, учреждались ближніе конные разѣзды. Военныя суда стоявшія у берега Дона были прикованы цѣпями или затоплены. Въ зимнѣе время берега близъ города ежедневно очищались отъ льда, и вообще наблюдалась тутъ величайшая осторожность отъ непріятеля.

Суда, на которыхъ казаки совершали плаваніе по Азовскому и Черному морямъ, были одномачтовья, имѣли въ длину отъ 6 до 8 саж., въ 16 или 40 весель; бока обкладывались камышемъ для защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и въ отвращеніе опасности быть опрокинутымъ волнами во время бури. Суда вооружали иногда пушками и фалконетами, на каждомъ суднѣ помѣщалось отъ 30 до 80 человекъ.

Когда сильный непріятель грозилъ казакамъ истребленіемъ ихъ, тогда они прибѣгали съ просьбою къ Государю о помощи; и въ такихъ случаяхъ иногда присылались на Донъ по нѣсколько тысячъ ратныхъ людей. Вообще въ большой опасности отъ непріятелей, или при предпріятіи значительнаго похода, казаки старались дѣйствовать соединенными силами,—тогда, обыкновенно, отправляло войско посыльныхъ по всѣмъ городкамъ съ войсковыми грамотами о собраніи атамановъ и казаковъ въ Главное войско, назначая именно сколько съ каждаго городка должно выступить въ по-

ходъ (582); оставшіеся же съ женами и дѣтьми сходились изъ 5 или 6 городковъ въ одно мѣсто.

Образъ войны казаковъ, на сухомъ пути и на морѣ, состоялъ, по большей части, во внезапномъ и быстромъ нападеніи на непріятели, пользуясь или темнотою ночью или оплошностію его. Малыя партіи казаковъ, отправляемыя безпрерывно подъ Азовъ, въ Крымъ и на Кубань, рыскали по полямъ, ища на травѣ слѣда (сакмы) непріятельскаго; по немъ узнавали они направленіе, число и время прохода непріятелей по тѣмъ мѣстамъ. Смотря по обстоятельствамъ, казаки или обращались назадъ, или преслѣдовали враговъ, или ожидали ихъ въ скрытныхъ мѣстахъ и нападали на нихъ нечаянно, отбивали плѣнныхъ и все пограбленное ими въ російскихъ украинныхъ селеніяхъ или городахъ. Если не находили сакмы, то быстро стрѣмились къ своей цѣли—врывались въ улусы, хватали тамъ людей и скоть и поспѣшно возвращались на Донъ. Нерѣдко случалось, что казаки отбивали цѣлые табуны, тысячи по двѣ и болѣе головъ. Азовцы, ближайшіе непріятели казаковъ, находились во всегдашнемъ безпокойствѣ; казаки непрерывно подбѣгали подъ стѣны онаго, прятались днемъ въ густыхъ камышахъ и пользуясь или оплошностію непріятели, или ненастной погодою, хватали людей и отгоняли скоть. По сему азовцы, для безопасности своей, нерѣдко вы-

(582) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи стольника Косогова и дьяка Богданова, 1671 ноября 8 дня.

. . . . „ А какъ они (Донскіе казаки) предъ святымъ Евангеліемъ вѣру учили, и въ то время они стольникъ и дьякъ имъ атаманамъ и казакамъ говорили, чтобъ они атаманъ и казаки и все войско, показучи свою вѣрную службу, шли подъ Астрахань. И они атаманъ и казаки говорили радостными сердцами, что они великому государю служить ради и подъ Астрахань пойдутъ. И въ нынѣшнемъ во 180 г. говорили они атаманъ и казаки послать подъ Астрахань изъ Черваскаго городка съ десятка по человѣку; а которые казаки во время взятія Стеньки Разина подъ Кагальникомъ не были, и тѣмъ ити всѣмъ, а изъ городковъ отъ Черваскаго городка по Паннинъ городокъ третьей части казакамъ, а отъ Паннина городка до Мигуляна городка полонинъ казакамъ.“

жидали камышъ около города версть на десять (583).

Случалось ли переплывать широкую рѣку, — казаки въ тожь время устраивали пантонъ особаго рода: связавъ плотно нѣсколько пучковъ камышу, казавъ влалъ на оный свое сѣдло и вьюкъ, а самъ узваться за гриву коню; пускался вилавъ. Это называлось переправляться на салахъ.

Пѣхота сражалась въ стройномъ порядкѣ, имѣя во флангахъ конницу: нападенія ея были стремительны и смѣлы; и если не удавалось разстроить непріятели, то отступала въ порядкѣ. Въ такихъ случаяхъ казаки выходили всегда съ пушками.

Любимѣйшее упражненіе казаковъ состояло въ морскихъ поискахъ, которые производили они съ особеннымъ искусствомъ и величайшею смѣлостію. Весьма часто случалось, что во время сихъ поисковъ казаки лишались судовъ своихъ, или отнимали у нихъ азовцы, при обратномъ возвращеніи на Донъ; но ни въ какомъ случаѣ не имѣли они въ судахъ недостатка. При обратномъ возвращеніи съ моря, въ устьяхъ Дона, казаки встрѣчали иногда непреодолимые препятствія: крымцы и ногайцы извѣщенные о выходѣ казаковъ въ море засыпали камнями единственный проходъ — Казачій еригъ, а при устьѣ Дона ставили суда свои и пушки. Казаки подходя къ Дону, имѣли величайшую предосторожность и всегда увѣдомляли Главное войско о своемъ положеніи, которое всѣми силами спѣшило на избавленіе своихъ собратій. Если не могли преодолѣть многочисленнаго непріятели, то въ такомъ

(588) Тамъ же, распросниа рѣчи станицнаго атамана Алексѣя Ерефѣва съ товарищи, 1678 г. іюля 12 дня.

... Да они жъ сказали, какъ де въ Азовѣ про посылку на Донъ ратныхъ людей вѣдомость учинилась, и азовскіе де люди около Азова версть на десяти камышъ весь выжгли, для того, чтобъ имъ какакамъ подъ городъ дн язиковъ подходить и въ камышѣ лежать было, нельзя; а на прехъ сего, какъ у нихъ тотъ камышъ не выжженъ былъ, и у нихъ де нѣз войска охочіе колючи для добычи камышинекомъ подъ городъ близко подхаживали и азовскихъ жителей имывали; а нмѣт де имъ ни конни мѣрами подойти близко города не мочно, потому что съ города все видѣтъ“.

случаѣ походные казаки обращались въ рѣку Миусъ, и затопивъ въ оной суда свои, проходили съ добычею сухимъ путемъ въ Черкасскъ. Казаки нерѣдко отправляли въ море двѣ или три лодки для изысковъ; трудность прохода между Каланчинскими башнями заставляла ихъ прибѣгать къ хитрости: они пускали въ ночное время по рѣкѣ бревна, кои ударяя въ цѣпи, протянутыя чрезъ Донъ, содержали въ непрерывной тревогѣ гарнизонъ турецкій и нерѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнями; тогда казаки пользуясь безпечною стражи прошивали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море.

Отважность, съ какою производили казаки морскіе поиски, почти невѣроятна. На малыхъ судахъ своихъ, безъ компаса, безъ географическихъ - свѣдѣній, пускались они въ Азовское и Черное моря; падали на военныя и купеческія суда и весьма часто брали ихъ, разоряли приморскіе города и селы: Трапезонтъ, Синопъ, Риза, Каменный-Базаръ, Керчь, Кафа, Балаклава, Темрюкъ и другіе города, были предметами ихъ поисковъ, и даже окрестности Константинополя нерѣдко подвергались ихъ разгроменію.— Нападенія на корабли и каторги непріятельскіе казаки, обыкновенно, производили ночью или въ туманную ненастную погоду: окруживъ корабль своими судами, они старались взойти на него, и если встрѣчали сильное сопротивленіе, то прорубивъ бока его затопляли.

Образъ частной жизни казаковъ. Частная жизнь казаковъ сообразно съ военнымъ ихъ положеніемъ была единообразна; все ихъ занятіе, послѣ военныхъ трудовъ, заключалось въ звѣриной и рыбной ловлѣ. Гулебщики (такъ назывались охотники) ѣздили отрядами человекъ по ступи и болѣе по Задонскимъ степямъ, Хопру, Медвѣдицѣ и даже по Кумѣ, для ловли звѣрей; тамъ проводили они часть лѣта и почти всю зиму. Другіе камышники живали по камышамъ съ кашанами и тенетами. Рыбная ловля весьма много способствовала къ поддержанію пропитанія казаковъ; хлѣбо-

пашество, какъ несообразное съ родомъ ихъ жизни, было отъ войска строго запрещено. Въ 1690 году войсковою кругъ, узнавъ, что по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ начали сѣять хлѣбъ, послалъ по всѣмъ городкамъ свои грамоты, чтобы никто земли не пахалъ и хлѣба не сѣялъ: „а если стануть пахать и того бить до смерти и грабить“ (584). Это обыкновеніе старалось поддерживать и верховное правительство, какъ видно изъ грамоты на Донъ (585).

Казаки жилали по братски: набеть ли это дичины, наловить ли рыбы, все дѣлили по равной части, не заботясь о будущемъ. Общества ихъ раздѣлялись по сумамъ, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по казанамъ; человекъ по десяти и по двадцати имѣли все общее; поэтому еще и нынѣ казаки называютъ товарища или друга односумъ.

Живя въ городкахъ, казаки проводили большую часть времени на майданѣ или въ станичной избѣ. Здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти и тенета, рассказывали про подвиги свои и товарищей своихъ, и воспламенясь главными дѣлами, пѣли объ нихъ богатырскія пѣсни. Молодые казаки въ присутствіи старыхъ стрѣляли изъ луковъ и ружей въ цѣль и скакали на коняхъ.

Въ нижнихъ юртахъ представлялось со всѣмъ иное жилище. здѣсь была вѣчная дѣятельность. Кромѣ казаковъ, составлявшихъ гарнизонъ города Черкаска, тутъ всегда находилось большое число торговыхъ людей изъ украинныхъ городовъ: Воронежа, Бѣлгорода, Волуекъ, Ливенъ, Ельца, Оскола, Саратова и другихъ, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ и многими другими припасами. Сюда присылали ежегодно посыльщиковъ изъ Астрахани, Царицына, Саратова, Тамбова и изъ другихъ городовъ, для узнаванія на Дону вѣстей. Стеченіе народа увеличивалось съ прибытіемъ воеводы съ царскимъ жалованьемъ, или Запорожцевъ для морскихъ поисковъ обще съ Донскими

(584) Дѣла Донскія, грамота на Донъ 1690 г. марта 9 дня.

(585) Там же.

казаками. Это стеченіе народа разнообразили почти ежегодно прїѣзжающіе турецкіе и крымскіе послы съ ихъ многолюдными свитами и російскіе сановники, высылаемые въ Черкасскъ для встрѣчи ихъ и провожанья въ Москву и обратно до Азова. Въ мирное время тутъ всегда можно было видѣть азовцевъ, ногайцевъ и въ особенности калмыковъ, которые приходили въ Черкасскъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погулять съ своими знакомцами.

Казаки, страстные къ веселію, любили среди стеченія народнаго показывать свою пышность въ одеждѣ. Тутъ можно было видѣть много въ бархатномъ и камчатномъ кафтанѣ, опоясаннаго дорогимъ турецкимъ кушакомъ, другаго въ атласномъ и настрафильномъ зипунѣ, съ шелковою рубашкою, въ красныхъ или желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ и въ куней шапкѣ съ бархатнымъ верхомъ. Иные одѣвались въ богатые турецкія, черкескія или калмыцкія одежды. Немѣцкаго же платья казаки чуждались. Сему обычаю не измѣнили они даже до конца XVIII столѣтія. Петръ Великій предписавъ въ Россіи повсѣмѣстно употребленіе нѣмецкаго платья и запретивъ носить бороды, не распространилъ сего на казаковъ: они, въ 1705 г., чрезъ атамана своего, принесли Монарху благодарность за столь милостивое вниманіе къ ихъ обычаямъ (586).

При угощеніи русскихъ дворянъ и калмыцкихъ пословъ, казаки старались казаться пышными, разливая медъ и вино въ серебряныя чаши и ковши. Гостепрїимство у казаковъ почиталось первѣйшимъ народнымъ обычаемъ.

На поискахъ казаки брали въ плѣнъ весьма много женщинъ, женъ знатныхъ мурзъ отдавали въ окупъ, прочихъ же, прївѣтливимъ обхожденіемъ, прїохочивали ко всегдашней жизни у себя, и обыкновенно женились на нихъ. Нѣкоторые вѣнчались по уставу, другіе ограничивались однимъ простымъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранныхъ ими женахъ.

(586) Дѣла Донск., показаніе станичнаго атамана Саввы Кочета 1705 года.

Сей послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщій и совершался такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ собраніе народа на площадь. Помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны, и женихъ назвавъ невѣсту по имени, говорилъ ей: „ты будь мнѣ жена.“ Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала также называя его по имени: „а ты будь мнѣ мужъ.“ Послѣ сихъ словъ, вступившіе въ бракъ цѣловали другъ друга и принимали отъ всего собранія поздравленіе. Этимъ оканчивался весь обрядъ и совершенное такимъ образомъ супружество почиталось законнымъ.

Сколь легко было по обычаямъ казаковъ заключать супружество, столь же легко и разорвать оное: мужъ могъ сдѣлать это во всякое время даже подъ тѣмъ предлогомъ, что жена ему не нравилась. При разводахъ существовалъ особенный обрядъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ „атаманы-молодцы, она была мнѣ услужливая и вѣрная; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.“ Отказанную жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего платья, и точно съ тѣмъ же объявленіемъ предъ всѣмъ народомъ: „ты будь мнѣ жена и прочъ.“ Прикрытіе полою почиталось весьма важнымъ: оно значило снять съ отказанной жены безчестіе развода. Впрочемъ въ старину большая часть казаковъ оставались холостыми, такъ что въ иномъ городѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Изъ преданій извѣстно, что таковая безбрачная жизнь казаковъ продолжалась до исхода XVII столѣтія.

Кромѣ плѣнныхъ татарокъ, турчанокъ и черкешенокъ, казаки нерѣдко уводили насильно замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ изъ пограничныхъ Россійскихъ городовъ и селеній. Въ старину у казаковъ женщины вообще не пользовались уваженіемъ. Они обязаны были всегда и вездѣ оказывать мужчинамъ почтеніе: если случалось женщинѣ встрѣтиться съ вооруженнымъ казакомъ на узкихъ помостахъ тѣсныхъ улицъ Черкасса, то она, не смотря на грязь, должна была уступить мѣсто воину.

Продолжительное пребываніе въ Черкассѣ російскихъ бул-

цовъ, прїѣзжавшихъ съ различными товарами, частые поѣздки казаковъ въ Москву и обладаніе ихъ болѣе пяти лѣтъ городомъ Азовомъ имѣли сильное вліяніе на умягченіе нравовъ казачьихъ и на введеніе лучшаго устройства въ жилищахъ ихъ. Болѣе уважаемые атаманы Донскіе: Наумъ Васильевъ, Осипъ Петровъ, Михайло Самарянинъ, Павелъ Ѳедоровъ, Родіонъ Осиповъ и Корнило Яковлевъ, прїохочиваемые въ Москвѣ ласковыми прїемами, часто живали тамъ; и присмотрѣвшись къ жизни бояръ русскихъ, охотно перенимали ихъ пышность, и тѣмъ непримѣтно вводили на Дону прїятныя для нихъ новости въ общежитіи, удаляясь отъ старинныхъ привычекъ. Таковыя нововведенія въ послѣдствіи поддерживаемы были атаманами: Иваномъ Семеновымъ, Лукьяномъ Максимовымъ и въ особенности Фроломъ Минаевымъ, знатнѣйшимъ изъ всѣхъ бывшихъ до него на Дону атамановъ. Онъ не менѣе 20 разъ былъ избираемъ казаками въ войсковые атаманы; пятьдесятъ лѣтъ дѣятельной военной жизни доставили ему значительное богатство, умѣнье управлять мнѣніями и сердцами народа, милостивую благосклонность Государя Петра Великаго и уваженіе тогдашнихъ русскихъ вельможъ. Вообще во время управленія Минаева войскомъ Донскимъ общежитіе казаковъ весьма много сблизилось съ образомъ жизни русскихъ. Въ его управленіе сооружена была въ Черкасскѣ каменная церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла и начата постройка каменнаго собора и по нынѣ существующихъ.

Съ этого времени общественные обычаи на Дону примѣтно начали усовершенствоваться, къ чему очень много способствовало отнятіе у турокъ Азова и запрещеніе верховнаго правительства производить казакамъ самовольно морскіе и сухопутные набѣги.—Съ этого жъ времени полки казачьи стали употребляться въ составѣ россійской арміи. Врѣжденная дѣятельность казаковъ, не находя для себя пищи въ военныхъ занятіяхъ въ сосѣдствѣ жилищъ своихъ, обратилась на житейскій кругъ: у нихъ явились большія стада рогатаго скота

и табуны лошадей, явилось хозяйство, о котором они прежде мало заботились.

Начало званія старшинъ и явленія ихъ на дѣла общественныя. Отличная храбрость и благоразуміе всегда были уважаемы казаками: они охотно подчиняли себя мужамъ искуснымъ въ военномъ дѣлѣ и называли ихъ атаманами. Въ царствованіе Іоанна Васильевича и Θεодора Іоанновича грамоты на Донъ (послѣ титула) писывали: „на Донъ Донскимъ атаманамъ и казакамъ!“, или „на Донъ Донскимъ атаманамъ (слѣдуютъ имена ихъ) и всѣмъ атаманамъ и казакамъ!“

Сии самые атаманы были никто иной въ послѣдствіи времени какъ старшины, которые руководили казаковъ и на войнѣ и во время мира. Названіе старшины въ первый разъ упоминается 1649 г. въ донесеніи дворянина Андрея Лазарева въ Посольскій приказъ, гдѣ слово старшины употреблено вмѣсто атамана (587).

Потомъ въ показаніи станичнаго атамана Казымы Дмитріева, пріѣхавшаго съ Дону въ Москву 1655 г., въ Посольскомъ приказѣ онъ между прочимъ сказалъ, что начальникомъ у нихъ въ морскомъ походѣ былъ старшина Павелъ Нескочихинъ. Послѣ сего весьма часто встрѣчается въ актахъ названіе старшина, которое означало одно и то же, что и атаманъ. Съ 1680 года названіе атамановъ весьма рѣдко встрѣчается въ актахъ, кромѣ однихъ только грамотъ, въ коихъ обыкновенно писывали; „на Донъ въ нижніе и верхніе юрты атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману (такому-то) и всему войску Донскому;“ въ донесеніяхъ же въ Посольскій приказъ разныхъ чиновниковъ, бывшихъ на Дону, атамановъ всегда называли старшинами

(587) Дѣла Донскія, отписка въ Посольскій приказъ дворянина Андрея Лазарева, полученная въ Москвѣ 1649 г., сентября 13 дня.

„ А какъ они казаки почали нарязать же на море, и я холоу твой, о томъ имъ говорилъ старшинамъ и всѣму войску, что они дѣлають не противу твоего Государева указу“.

(588). Въ 1695 году Государь Петръ I-й посылая изъ Тамбова на Донъ корпусъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Гордона, предписывалъ войску Донскому, чтобы для встрѣчи и провожанія тѣхъ войскъ посланы были изъ Черкаскаго въ верхніе городки изъ старшины войсковой знатные люди, чтобы сей указъ кромѣ войсковаго атамана Фрола Миваева и старшины кому надлежитъ, ни кому не былъ извѣстенъ. Послѣ сего, названіе старшина сдѣлалось столь общимъ, что и войско Донское въ донесеніяхъ своихъ къ Государю именовало знатныхъ людей своихъ старшинами: „и мы выбравъ въ кругу—доносили казаки Государю въ 1705 года—старшинъ Максима Фролова, Василья большаго Познѣва, Ефрема Петрова и прочихъ послали ихъ войскомъ подъ Царицнъ“ (589).

Изъ современныхъ актовъ не видно, въ какое именно время названіе старшинъ обратилось въ чинъ. Сіе вѣроятно послѣдовало въ половинѣ XVII столѣтія, когда число казаковъ значительно умножилось на Дону, основались постоянныя жилища ихъ, и когда нравы и образъ жизни совершенно перемѣнились: вмѣстѣ древней простоты мало по малу начала водворятся роскошь, а съ тѣмъ вмѣстѣ развиваться честолюбіе. Отсюда родились въ войскѣ разнаго рода дѣла какъ-то: раздача земель подъ поселеніе новыхъ городковъ, разбирательство споровъ между станицами за юртовья довольствія, тяжбы за имѣнія, наказанія за поступки уголовныя, которые рѣшались тогда обыкновенно въ войсковомъ кругу—старшинами и казаками. Атаманы и старшины, какъ первенствующій классъ народа, естественно имѣли перевѣсъ надъ прочими казаками, отличаясь отъ онаго умомъ и богатствомъ, и потому

(588) Дѣла Донскія, распросныя рѣчи Посольскаго приказа толмача Тараса Иванова, приѣхавшаго съ Дона въ Москву 1683 г. сентября 21 дня.

(589) Дѣла Донскія, отписка войска Донскаго въ Посольскій приказъ 1705 года.

„ И послали мы холопи твои, на противность имъ, Астраханскимъ избѣнникомъ, выбравъ конную въ кругу изъ старшинъ Максима Фролова, Василья большаго Познѣва, Ефрема Петрова съ товарищи“

не было никакого препятствія имъ присвоить себѣ навсегда преимущества, сопряженныя съ ихъ званіемъ.

Власть старшинъ начала увеличиваться съ ограниченіями своеволя казаковъ, что послѣдовало вскорѣ по возшествіи на престоль Государя Петра I-го; старшины мало помалу приходили въ силу и наконецъ присвоили себѣ право распорядиться всѣми войсковыми дѣлами, коими прежде управлялъ кругъ. Сему способствовали разныя обстоятельства, а главнѣйшія изъ нихъ—безпрерывное командированіе казаковъ въ составъ российской арміи подъ начальствомъ старшинъ, назначеніе войсковаго атамана отъ верховной власти безъ перемены. Возведеніе въ званіе старшинъ зависѣло отъ войска, оно же и лишало сего достоинства за преступленія (590); но въ 1754 г. запрещено войску Донскому производить въ старшины безъ представленія въ Военную Коллегію.

О зимовыхъ и легкихъ станицахъ, посылаемыхъ въ Москву. Зимовыя станицы получили свое наименованіе и происхожденіе отъ ежегоднаго отправленія изъ войска въ Москву опредѣленнаго числа казаковъ, подъ начальствомъ знатнаго атамана, для полученія царскаго жалованья и доставленія онаго въ войско. Легкія станицы такъ названы потому, что изъ войска отправляли по нѣскольку разъ въ годъ наскоро въ Москву не большое число казаковъ въ Посольскій приказъ съ войсковыми отписками о разныхъ пограничныхъ вѣстяхъ, а иногда съ представленіями плѣнныхъ татаръ или турокъ. До 1672 г. легкія станицы состояли изъ станичнаго атамана, есаула и десяти или болѣе рядовыхъ казаковъ; но въ семь году велѣно Донскому войску присылать впродъ въ легкихъ станицахъ по два человѣка, зимою въ Волуйку, а лѣтомъ въ Воронежъ, гдѣ и отдавать войсковыя отписки тамошнимъ воеводамъ, отъ коихъ выдавалось каждому казаку по 5 руб.—Если съ станицею будутъ посланы плѣнные, то представлять ихъ прямо въ Москву; и въ

(590) Войсковая грамота во всѣ казачьи городки 1751 г. ноября 29 дн.

Станицахъ таковыхъ должно находиться казаковъ вдвое противъ плѣнныхъ (591). Въ 1693 г. поставлено за непремѣнное правило, чтобы впредь зимовыя станицы состояли изъ 98 рядовыхъ казаковъ, одного атамана и есаула, а легкія станицы не болѣе 10 человекъ.

Назначеніе въ зимовыя и легкія станицы почиталось важною наградою и потому въ составъ оныхъ поступали люди отличной храбрости. Зимовыя станицы, обыкновенно, отправляемы были подъ начальствомъ войсковыхъ атамановъ или знатнѣйшихъ старшинъ. Въ Москвѣ донскія зимовыя станицы удостоиваемы бывали особею прѣдъ почестей: на прїѣздѣ и на отпускѣ ихъ представляли Царю; угощали въ дворцѣ царскимъ столомъ съ довольствомъ и подчивали романею; жаловали атамана, есаула и каждаго казака порознь подарками.

Выдача подарковъ зимовой станицѣ производилась въ разное время не одинаково. Въ 1692 г. на прїѣздъ пожаловано было: атаману серебряный ковшъ въ полтора фунта, камки 10 аршинъ, тафты 5 аршинъ, сукна лундышъ 5 аршинъ, 40 собoley въ 30 руб. и деньгами 20 руб., есаулу: сукна лундышъ 5 арш., тафты 10 аршинъ, пара собoley въ 5 руб., деньгами 13 руб.; рядовымъ казакамъ, каждому сукно англійское 5 аршинъ, деньгами 11 руб., пара собoley въ 3 руб. Зимовая станица обыкновенно находилась въ Москвѣ три мѣсяца и получала ежедневно на содержаніе изъ казны деньги, вино, медъ и пиво: атаману поденнаго корму 6 алтынъ и 4 деньги, 6 чарокъ вина, 3 кружки меду и 3 кружки пива; есаулу 4 алтына и 2 деньги, 4 чарки вина, 3 кружки меду и 3 кружки пива; рядовымъ казакамъ 3 алтына и 2 деньги, 3 чарки вина, 1 кружка меду и 2 кружки пива. Въ день Рождества Христова на всю зимовую станицу выдаваемо было 20 ведръ вина, 20 ведръ меду и 4 ведра пива, да на покупку 20 рублей деньгами. На отпускѣ вся станица получала новые по-

(591) Дѣла Донскія, справка учененная въ Посольскомъ приказѣ 1682 года.

дарки: атаманъ денегъ 12 руб., да деньгами жъ: за сукно лундышъ 6 руб., за камку 5 руб., за пицаль 5 руб., за парусоболей на шапку 10 руб.; есаулъ денегъ 10 руб., за сукно английское 3 руб., за тафту 2 руб., за пицаль 3 руб.; рядовые казаки: денегъ по 9 руб., за сукно английское по 3 руб., итого по 12 руб.. да сверхъ того по два фунта пороху и по два фунта свинцу. Станица подчивана была въ дворцѣ три раза: на прїѣздѣ, въ день Богоявленія Господня и на отпускѣ; но съ 1716 года вмѣсто тѣхъ трехъ столовъ была выдаваема имъ за то денежная дача по 215 руб. 70 коп., атаману для ѣзды въ Москвѣ давали съ государевой конюшни лошадь съ санями; а въ послѣдствіи вмѣсто того на наемъ лошади для ѣзды по рублю на недѣлю.

Сверхъ трехъ мѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ зимовой станицы продолжаема была поденная денежная дача по два мѣсяца на дорогу въ оба пути.

Легкой станицы атаманъ и казаки пользовались въ Москвѣ меньшими преимуществами противъ зимовыхъ станицъ. Во время прїѣзда войсковаго атамана Корнилы Яковлева съ легкой станицею, который привезъ въ Москву въ 1671 г. извѣстнаго бунтовщика Разина, также и во время прїѣзда въ 1706 г. станичнаго атамана Саввы Кочетова, который привезъ въ Москву астраханскихъ возмутителей, атаманамъ и казакамъ было дано поденнаго корму вдвое противъ прежнихъ дачъ, а именно: атаману въ день по 5, есаулу по 4, рядовымъ казакамъ по 3 алтына и по двѣ деньги; медъ и пиво и прочіе подарки, противъ зимовыхъ станицъ. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Петра Великаго станичнымъ атаманамъ жалованье и поденныя дачи кормовыхъ денегъ были удвоены. Зимовыя станицы обыкновенно отправлялись изъ войска на г. Волуйку отсюда на подводкахъ были доставляемы въ Москву, число подводъ давано было какъ при слѣдованіи въ Москву, такъ и обратно до Воронежа: атаману 3, есаулу 2, а рядовымъ казакамъ по одной подводѣ. Изъ Воронежа въ Черкасѣ зимовыя станицы слѣдовали рѣкою Дону.

Во время нахождения въ Москвѣ зимовыхъ станицъ нерѣдко посылали на Донъ изъ тѣхъ станицъ казаковъ съ нужнѣйшими грамотами, въ такомъ случаѣ посланнымъ выдавали изъ казны, кромѣ кормовыхъ денегъ, еще на лошадей по 10 и по 15 рублей.

Обстрѣчѣ на Донѣ зимовыхъ станицъ съ царскимъ жалованьемъ. Царское жалованье войско Донское начало получать со временъ Царя Ѳодора Иоанновича; оно состояло въ деньгахъ, продовольственныхъ и воинскихъ припасахъ, а иногда посылались пушки, желѣзо, лодочныя трубы, писчая бумага, для церквей: волокола, ладонь, церковное вино, книги и проч. Для полученія жалованья войско отправляло, какъ выше сказано, въ Москву зимовую станицу съ войсковою челобитною объ отпускѣ жалованья на такой то годъ; челобитная обыкновенно заключалась такими словами: „чтобъ намъ холопомъ твоимъ, живучи на твоей государственной службѣ на Донѣ, голодною смертію не умереть и вѣчно твоей государевы вотчины рѣки Донъ вѣчнымъ непріателемъ туркамъ и крымцамъ не подать и отъ вѣчныхъ непріятелей въ посмѣхъ не быть“ (592). Зимовая станица возвращалась изъ Москвы сухопутно до Воронежа; въ Воронежѣ изготовившись къ отплытію рѣкою Дономъ, отправлялась оттуда въ Черкасскъ на нѣсколькихъ баркахъ, съ царскимъ жалованьемъ, по первой полоѣ водѣ, въ сопровожденіи особаго, назначеннаго для того, царскаго дворянина, который, по прибытіи на мѣсто, обязанъ былъ сдать войску Донскому всѣ деньги и вещи съ нимъ посланныя.

Встрѣча царскаго дворянина и принятіе жалованья сопровождаемы были особенными обрядами, которые были постоянно соблюдаемы казаками въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, съ нѣкоторыми только измѣненіями. Во время слѣдованія барокъ съ жалованьемъ рѣкою Дономъ, каждая станица

(592) Дѣла Донскія, челобитная Донскаго войска объ исправленіи денежнаго и хлѣбнаго жалованья 1672 г. ноября 10 дня.

обязана была встрѣтить оныя на границахъ своего юрта и проводить ихъ до сосѣдняго, съ ружейною и пушечною пальбою.

Дворянинъ, доставлявшій жалованье, получалъ по предмету сему особый наказъ отъ Посольскаго приваза, въ которомъ излагался весь церемоніаль сдачи жалованья. Церемоніаль этотъ былъ также однообразенъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями, особенно въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія. Дворянину предписывалось: по прибытіи въ нижніе юрты послать отъ себя въ войско нарочнаго сказать, что онъ посланъ отъ Государя къ Донскимъ атаманамъ и казакамъ съ государевымъ жалованьемъ, и они бѣ встрѣтили его и въ себѣ въ юрты приняли честно, по прежнему обычаю, и мѣсто, гдѣ въ юртахъ стоять, указали.

По сему извѣщенію войсковоу атаманъ, въ сопровожденіи войсковыхъ есауловъ, старшинъ и всѣхъ станичныхъ атамановъ и наличныхъ казаковъ выѣзжалъ изъ города, и по приближеніи къ зимовой станицѣ встрѣчавшіе производили ружейную пальбу. Затѣмъ войсковоу атаманъ съ старшинами и станичными атаманами входилъ на барку, на которой находился атаманъ зимовой станицы; тутъ поздравляли они другъ друга съ царскою милостію и благополучнымъ прибытіемъ; пили за здоровье царское и за все войско изъ того серебряннаго ковшу, которымъ жалованъ въ Москвѣ атаманъ зимовой станицы. Послѣ сего весь поѣздъ приближался къ Черкаску, и встрѣчаемъ былъ пушечными выстрѣлами со всѣхъ городскихъ батарей.

По пріѣздѣ въ Черкаскъ, дворянинъ и всѣ встрѣчавшіе атаманы и казаки шли въ церковь, слушали молебень. Потомъ дворянинъ, вышедъ изъ церкви, кланялся по обычаю отъ себя атаманамъ и казакамъ и спрашивалъ о здоровьѣ; а за тѣмъ говорилъ по наказу: „Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Его Царское Величество, васъ атамановъ и казаковъ и все Донское войско, за вашу къ нему . . .

вѣрную службу, жалуетъ, милостиво похваляетъ; и велѣлъ васъ атамановъ и казаковъ спросить о здоровьѣ“ (593). По окончаніи сихъ словъ объявлялъ о жалованьѣ. Полученное жалованье атаманы и казаки дѣлили межъ собой по равной части.

Въ царствованіе Михаила Теодоровича обыкновенно войско получало ежегодно въ жалованьѣ: денегъ 2,000 р., хлѣба 40 четв., вина 50 ведръ, пороху 40 пуд., селитры 40 пуд., сѣры 40 пуд., свинцу 40 пуд., сукна 40 поставовъ. Таковая выдача жалованья производилась не всегда одинаково, а болѣе соображаемо было съ заслугами казаковъ, отчего они получали болѣе или менѣе. При Петрѣ первомъ, жалованье войску Донскому увеличено, и получало оно денегъ 5,000 руб., хлѣба 6,500 четвертей, вина 500 ведръ, пороху 230 пуд., свинцу 115 пуд., 10 пуд. желѣза и 430 поставовъ сукна.

О власти войсковыхъ атамановъ и войсковыхъ есауловъ. Правленіе Донскихъ казаковъ, какъ въ семь періодъ, такъ и въ предыдущемъ заключалось въ войсковомъ кругу; но власть войскового атамана, въ концѣ сего періода примѣтно пріобрѣтала большую силу. Войсковой атаманъ былъ прямой начальникъ казаковъ во дни мира и брани; къ его обязанности относились дѣла разнаго рода, по внутреннему управленію: онъ мирилъ ссорящихся, защищалъ обиженныхъ, раздѣлялъ царское жалованье между казаками, принималъ посланцевъ турецкихъ, татарскихъ и калмыцкихъ, велъ съ ними переговоры предварительно и потомъ передавалъ на сужденіе круга. Ближайшими и единственными помощниками войскового атамана въ дѣлахъ исполнительной власти, по прежнему, были два войсковые есаула, которые избирались въ сіе званіе войсковымъ кругомъ ежегодно.

Войсковые атаманы, въ знакъ управленія своего, носили всегда въ рукахъ своихъ насѣку (трость), которую, при пере-

(593) Дѣла Донскія, Наказъ дворянину Андрею Лазареву, отправленному изъ Москвы на Донъ 1648 года мая 24 дня.

мѣнѣ своей, передавали вновь избранному въ сіе званіе съ особенною церемонією. Петръ Великій, желая предать войсковымъ атаманамъ болѣе важности и власти, пожаловалъ въ 1704 г. войску Донскому серебряную печать, а для ношенія войсковымъ атаманамъ наѣву, украшенную на концахъ серебряною оправою, и съ надписью на верхней оправѣ: „наѣвка войска Донскаго 1704 года“ (594); а въ 1706 г. въ знакъ ихъ управленія перначъ, вызолоченный по серебру и украшенный цвѣтными камнями.

Казаки въ войсковомъ кругу избирали войсковыхъ атамановъ до 1718 г. Первый войсковой атаманъ, опредѣленный въ семь году до указа безъ перемѣны, былъ Василій Фроловъ; а по смерти его 1723 г. опредѣленъ былъ на его мѣсто старшина Андрей Лапатинъ; 1735 г. заступилъ его мѣсто Ивалъ Фроловъ; а въ 1738 г. опредѣленъ былъ войсковымъ атаманомъ Данило Ефремовъ. Съ сего времени назначеніе войсковыхъ атамановъ зависѣло отъ Высочайшей власти (595).

(594) Грамота войску Донскому 1704 г. сентября 21 дня.

„Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, на Донъ въ нижгіе и верхніе юрты, атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману Якиму Филиппову и всему войску Донскому, нашего Царскаго Величества милостивое слово. Пожаловали мы, Великій Государь, по имянному нашего Великаго Государя указу васъ атамановъ и казаковъ и все войско Донское, за вѣрную вамъ къ намъ Великому Государю показанную службу, указали новоздѣланную войсковую серебрянную печать, которая по нашему царскаго величества указу сдѣлана нынѣ вновь на Москвѣ, и подписано на ней сиевыми словами: печать войска Донскаго; также и наѣву, вновь учиненную на Москвѣ, деревянную, у которой наѣвки по обоимъ концамъ какъ сверху, такъ и съ низу оправлено серебромъ и подписано на ней по сему: наѣвка войска Донскаго 1704 г., и тое наѣву и печать послать къ вамъ, атаманамъ и казакамъ“

(595) Имянный Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 1738 года марта 7 дня.

„Понеже мы за благо и потребно разсуждаемъ при Донскомъ войскѣ особливаго, для нынѣшняго военнаго случая, вмѣсто наказнаго атамана, которымъ до нынѣ войсковыя дѣла управляемы были, опредѣлить настоящаго войскаго атамана, того ради мы онаго войска старшину Давыду Ефремова, за долговременныя и ревностныя его намъ и предкамъ нашимъ службы, въ оныя

Назначеніе отъ верховной власти войсковыхъ атамановъ способствовало къ быстрому установленію порядка и благоустройства въ гражданственной жизни казаковъ.

Записки эти, объемля дѣянія казаковъ отъ появленія ихъ на берегахъ Дона или съ начала XVI вѣка до конца перваго десятилѣтія XVIII вѣка, заключаютъ, такъ сказать, собственную исторію Донскаго войска. Съ этого же времени Донцы начинаютъ постоянно ратовать въ составѣ російскихъ войскъ — и собственная исторія ихъ кончилась. Петръ первый повореніемъ Азова, переизмѣнилъ положеніе дѣлъ на Донѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ явилъ значительное вліяніе на жизнь казаковъ. Съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія она получаетъ иной видъ: нравы и обычаи Донцовъ постепенно начинаютъ дѣлаться болѣе гражданственными; во внутреннемъ управленіи незамѣтно вводится благоустройство; отважные морскіе набѣды казаковъ на владѣнія султана и крымцевъ прекращены, всѣ распоряженія по войску о значительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ сухопутныхъ малыхъ набѣговъ на Кубань, на Куму и на крымскіе улусы, дѣланныхъ казаками произвольно въ первой половинѣ XVIII вѣка, производятся отъ верховной власти; войско Донское посылаетъ казаковъ въ составъ Російскихъ армій, подъ начальствомъ своихъ походныхъ атамановъ, уже опредѣленными полками. И такимъ образомъ Донцы участвуютъ во всѣхъ войнахъ, веден-

чинъ войсковаго атамана Всемиловѣйше жалуетъ и поевѣваемъ нашему Сенату о такомъ нашемъ Всемиловѣйшемъ опредѣленіи отправленіемъ на Донъ и куда надлежитъ грамоты и указы и прочими потому потребными исправленіями учинить по сему нашему указу.“

ныхъ Россією въ теченіи XVIII столѣтія, и участіе ихъ было честное и славное: за шведскую войну, продолжавшуюся 20 лѣтъ и оконченную 1721 года, Петръ Великій пожаловалъ войску Донскому въ 1722 г. знамя; за дѣла во время персидской войны (1722 — 1732) Императрицею Анною Іоанновною, въ 1733 г., пожаловано войску Донскому два знамя; за подвиги въ шведской войнѣ (1741 — 1743) пожаловано Императрицею Елисаветою Петровною, въ 1744 г., войску Донскому знамя; за прусскую войну, извѣстную подъ именемъ семилѣтней, окончившуюся 1763 года, пожаловано Донцамъ Императрицею Екатериною II-ю, въ 1764 г., знамя. Вообще въ блистательный вѣкъ Екатерины II-й Донскіе казаки покрыли себя отличною славю: за турецкую войну, достопамятную побѣдами Россіянъ подъ Чесмою и Кагуломъ, пожалованы войску Донскому, въ 1775 году, похвальная грамота, знамя, бунчужъ, а войсковымъ атаманамъ, въ знакъ ихъ управленія, булава и насѣка; за другую турецкую войну, славную побѣдами подъ Ачаковомъ и Измаиломъ, пожаловано войску Донскому, въ 1795 г., два знамя. Наконецъ XVIII вѣкъ заключили казаки подвигами въ Италіи (1799 г.), за которые Императоромъ Павломъ I-мъ пожаловано войску Донскому, въ 1800 г., знамя (*). Военныя же дѣянія Донцовъ, совершенныя въ настоящемъ столѣтіи, замѣчательны въ исторіи войнъ Россіи, и также увѣнчаны милостивымъ вниманіемъ Великихъ ея Монарховъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(*) Рисунки со всѣхъ войсковыхъ регалій еще въ 1834 г. я имѣлъ счастье представить Верховному правительству.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБ.

ПРОДАЕТСЯ:

**Въ канцеляріи Областнаго войска Донскаго Статистическаго
Комитета и въ Областной Типографіи.**

3 2044 014 498 406

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOKS
~~FEB 19 1993~~

WIDENER
MAY 14 2000
JAN 31 2000
CANCELLED

WIDENER
MAY 04 2000
SEP 10 2000
CANCELLED

